

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

ВЫПУСК № 1 (62)

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ЧАСТЬ II

ISSN 2071-9639

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 1 (62)

**КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
5–7 июня 2025 г.**

Часть II

**Тамбов – Тюмень
2025**

УДК 40
ББК 80
К 57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89450 от 06 мая 2025 г.

Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2025 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Бронникова О.В., кандидат филологических наук (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., д-р филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, проф.;
Златев Й., доктор филологии, проф. (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, проф. (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К57 Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 – .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 1 (62): материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. 5–7 июня 2025 г. / отв. ред. вып. О.В. Бронникова. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. – 924 с.

ISBN 978-5-400-01847-33 (Общ.)

ISBN 978-5-400-01849-7 (Ч. II)

В этом выпуске периодического издания «Когнитивные исследования языка» представлены материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике, в которых освещаются такие актуальные направления исследований в области когнитивной лингвистики, как проблемы концептуализации и категоризации мира в языке, когнитивно-дискурсивные исследования языка, когнитивные методы конструирования пространства текста, корпусные исследования в цифровую эпоху, когнитивный подход в переводоведении. Среди рассматриваемых тем – коммуникация, компьютерная лингвистика и искусственный интеллект в когнитивном аспекте, междисциплинарность в лингвокогнитивных исследованиях, а также языковые явления и когнитивные процессы в полимодальной перспективе.

Адресовано широкому кругу специалистов в области когнитивной, полимодальной, дискурсивной лингвистики, переводоведения, а также исследователям, чьи научные интересы оказываются на стыке языка, когниции и искусственного интеллекта.

**УДК 40
ББК 80**

ISBN 978-5-400-01847-33 (Общ.)
ISBN 978-5-400-01849-7 (Ч. II)
ISBN 978-5-89016-442-1

© Коллектив авторов, 2025
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2025
© ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», 2025
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2025

ISSN 2071-9639

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION
TYUMEN STATE UNIVERSITY**

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

**VOLUME 1(62)
COGNITIVE RESEARCH
IN THE DIGITAL AGE**

**PAPERS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE**

5–7 June, 2025

Part II

**Tambov – Tyumen
2025**

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscommnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-77-89450.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2025. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Bronnikova O.V., Candidate of Philology (volume editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

J.Zlatev, Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008 – .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 1 (62) : Cognitive research in the digital age: Papers of the International Scientific Conference 5–7 June, 2025. Part II / volume editor-in-chief O.V. Bronnikova. – Tyumen : TyumGU-Press. – 924 c.

ISBN 978-5-400-01847-33 (General)

ISBN 978-5-400-01849-7 (Part I)

This issue of the “Cognitive Studies of Language” presents the materials of the International Scientific Conference on Cognitive Linguistics, which cover conceptualization and categorization of the world, cognitive-discursive language studies, cognitive methods of constructing text space, corpus studies in the digital age, cognitive approach in translation studies. Among the topics under consideration is communication, computational linguistics and artificial intelligence in a cognitive perspective, interdisciplinarity in linguo-cognitive studies, language phenomena and cognitive processes in a multimodal perspective.

This collection of papers will be welcomed by a wide range of specialists in the field of cognitive, polymodal, discourse linguistics, translation theory and practice as well as researchers interested in the interaction of language, cognition and artificial intelligence.

ISBN 978-5-400-01847-33 (Vol. 1(62). General)

ISBN 978-5-400-01849-7 (Vol. 1(62). Part II)

ISBN 978-5-89016-442-1

© Authors of the articles, 2025

© FSBEIHE “Derzhavin Tambov State University”, 2025

© FSAEIH “Tyumen State University”, 2025

© The Russian Cognitive Linguists’ Association, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	40

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

Авдеева Н.П.

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА).....	43

Аксенова М.В.

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРАВЕЛОГОВ Н.И. ГРЕЧА	47

Аглас А.З.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА И МЕТАТЕКСТОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ	51

Белова П.Е.

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (ПО ДАННЫМ НКРЯ).....	56

Белоусов К.И., Герцен А.С.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОСЕМАНТИКИ.....	60

Бобрикова Т.А.

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЗДАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ	64

Богданова С.Ю.

ОПИСАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СХЕМЫ КОНТЕЙНЕР	68

Воронцова Ю.А.

ПОДТЕКСТ КАК КОМПОНЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КОММЕНТИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	72

Грищева В.В.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПЬЕСЕ: В ПОИСКАХ СМЫСЛА	76

Гудкова К.В.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ	80

Дмитриева Л.Н. ПОЗИЦИЯ БЕЗМОЛВНОГО ХРИСТА В ПОЭМЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»)	84
Золтнер О.В. ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>РОДИНА</i> В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	88
Ильина Е.В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ ЭМИГРАНТСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ)	91
Иноземцева Н.В. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИРЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ	95
Кашеева А.В. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ В РАЗНОУРОВНЕВОМ УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ	99
Керова А.В. КОНЦЕПТ <i>ЛЮБОВЬ</i> В СОНЕТАХ ШЕКСПИРА	103
Ковалёва О.Н. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»	107
Козлова Л.А. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ЗНАКИ ВРЕМЕНИ	111
Комкова Н.И. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА <i>ДУША</i> В ПРОЗЕ Б.В. ШЕРГИНА	115
Коннова М.Н., Вестербейк А.Г.М. ДИНАМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА! ПОКОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТ...»: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	119
Красильникова С.В., Эрнисова А.Э. СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА <i>НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ</i> В РОМАНЕ Ч.Т. АЙТМАТОВА «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ» («ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА»)	123
Кремнева А.В., Бобровская Н.А., Кремлева Ю.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА КОГНИТИВНОЙ ЭКОНОМИИ ПОСРЕДСТВОМ УСЕЧЕННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ РОМАНОВ ЭЛИЗАБЕТ ДЖОРДЖ)	127
Кучер В.В. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРИЗОВАННОСТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ РЕГИСТРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	131

Макарова Ю.А. ОБРАЗ МАТЕРИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР	134
Макашова В.В. РАСТИТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА Е.А. ЯМБУРГА «ТРАГИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ»)	138
Мубаракшина А.М. РОЛЬ ОБРАЗОВ В СТРУКТУРЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОРОСКОПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	141
Муршель А.Ю., Сироткина Т.А. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Б. ТИТОВА	144
Нахрачев И.Д. ВОЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	148
Орлова Д.А. КОНТРАКТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ СКАЗОК	152
Павлова К.А. КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИЗНАК ЖАНРА СПОРТИВНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ	156
Пашков С.М. ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ САКРАЛЬНО-ИМПЕРАТИВНОГО ЗНАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ	160
Петрова И.М. ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ И ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ)	164
Протасов Т.А. СОВМЕСТНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАРРАТИВА В НРИ	167
Робустова В.В. ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМА HOLLYWOOD В РОМАНЕ КВ. ТАРАНТИНО “ONCE UPON A TIME IN HOLLYWOOD”	171
Румянцева М.В. ДУАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА-КОЛОРАТИВА ГОЛУБОЙ / ЖЁЛТЫЙ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. ЛИЧУТИНА	175
Сафонова С.С., Чупрякова О.А. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОМОДЕЛИ В ЗАГОЛОВКАХ СМИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	179

Сегал Н.А., Крыжановская В.А. КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА <i>ГАСТРОЛЕР</i> В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	182
Седова Н.К. РЕАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРИЛОГИИ)	186
Семенихина М.В. ОБРАЗ МУЗЫКИ В СТИХОТВОРЕНИИ Ф.Г. ТОМПСОНА “ODE TO THE SETTING SUN”	190
Семенова А.А. ВОЛИТИВНАЯ ДОМИНАНТА СОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ АВТОКОММУНИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	194
Сигаев А.С. РОЛЬ КОГЕЗИИ В СТРУКТУРИРОВАНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА Р. БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»	198
Соколова В.Л. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОРТРЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ	200
Тананыхина А.О., Тананыхина А.Ю. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА УЖАС В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНОМ ТЕКСТЕ.....	204
Ушакова А.П. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА МАКСИМОВИЧА «ФЕАТРОН».....	208
Федотова О.С. ФРЕЙМОВЫЕ МОДЕЛИ МЕТАДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА В ЭКСПЛИЦИТНОМ ДИАЛОГЕ АВТОРА С ЧИТАТЕЛЕМ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	211
Хорохорина С.Е. ПЕРСОНИФИЦИРУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Э. ДИКНСОН	215
Чемодурова З.М. НЕЛИНЕЙНОСТЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ УСИЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧИТАТЕЛЕЙ	219
Шевелева Е.О. ИГРЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ КАК СТРАТЕГИЯ НЕГАТИВИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ.....	223
Шевченко Л.Л. РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ИНТЕГРАЦИИ ДОМИНАНТНЫХ СМЫСЛОВ В ГИПЕРТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНОВ АЙРИС МЕРДОК	227

Юздова Л.П.

СМЫСЛОВАЯ ЕМКОСТЬ ПОВЕСТИ Г.Н. ЩЕРБАКОВОЙ «МИТИНА ЛЮБОВЬ» (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ).....	231

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Горбунов А.А., Белозёрова Н.Н.

ЛОКАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИИ «СТРАХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	236

Зиновьева А.Ю.

ВОСПРИЯТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ ГОСТИНИЦ В ОТЗЫВАХ НА РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	240

Иванова Е.В.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЦВЕТА НА ФОНЕ ДАННЫХ КОРПУСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ BLUE).....	244

Ильясова Д.А.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛА ДВИЖЕНИЯ <i>ПЛЫТЬ</i> : НКРЯ VS. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	248

Ковязина М.А., Шишкина С.А.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ <i>ПРИРОДА</i> В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	256

Коптев Д.А.

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПРЕДИКАТОВ ФРЕЙМА ПЕРЕДАЧИ ОБЪЕКТА ОБЛАДАНИЯ В РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ И АНГЛО-РУССКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	256

Никитина В.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТУР ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).....	260

Овсейчик Ю.В.

ИНТЕГРАЦИЯ ПОЛЕВОГО, СИНХРОННО-ДИАХРОННОГО И КОРПУСНОГО ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ.....	264

Парулина И.Ю.

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА АРГЕНТИНЫ	268

Петрожицкая В.В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТОВ <i>ЛЮБОВЬ</i> И <i>СМЕРТЬ</i> В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «СУЛАМИФЬ»	271

Пташкин А.С.

СЕНСОРНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЗДОРОВЬЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОРПУСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ О КОЛДОВСТВЕ).....	275

Рябченко Н.А., Малышева О.П.

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТОРА:
МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ КОНСТРУКТИВНОСТИ ДИСКУРСИВНОЙ
СТРАТЕГИИ КАНДИДАТОВ В ГУБЕРНАТОРЫ НА ПЛАТФОРМЕ «ВКОНТАКТЕ».....279

Соколова А.В.

ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАТЕГОРИИ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 283

Соколова О.В.

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ГЛАГОЛА *DIRE*:
КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ 288

Тимофеев Н.С.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ
АНГЛИЙСКИХ ЛЕКСЕМ.....293

Фещенко В.В.

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ
(ПО ДАННЫМ КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА) 297

Филатов А.С.

СЛОЖНОЕ СЛОВО И СЛОВСОЧЕТАНИЕ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД
(СЛУЧАЙ “BAD BLOOD”).....302

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Бредис М.А.

КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОСЛОВИЦАМ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ.....306

Вишнякова О.Д., Липгарт А.А.

О РОЛИ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.....310

Власенко Н.И., Тимофеева Л.Л.

ОПТИМИЗАЦИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА).....313

Водяницкая А.А.

ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОСТПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТА 315

Гавронова Ю.Д., Иванова Ю.В.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОМУ
АППАРАТУ (НА ОСНОВЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ) 319

Губочкина Л.Ю.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ
АНТРОПОМОРФИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ 323

Гусева А.П.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА
К ПИСЬМЕННУМУ ПЕРЕВОДУ 327

Иноземцева Н.В. КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА).....	330
Калинин А.Ю. СРАВНЕНИЕ КАЧЕСТВА МАШИННОГО И ТРАДИЦИОННОГО ПЕРЕВОДОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ GPT	334
Колбин П.А. СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДВУЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ	338
Крамная Е.С. ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРАТИВНОГО ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА	342
Кушнина Л.В., Криворучко А.И. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	346
Лебедев Л.В. ПЕРЕВОД КАК ПРОЦЕСС ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗА-СМЫСЛА В КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ В. НАБОКОВА).....	350
Минченков А.Г. ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ КАК КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.....	353
Муртазина Д.А., Зиганшина Н.Ф. ПЕРЕВОД МЕТАФОРЫ В РАМКАХ КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ.....	357
Наумова А.И. ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДА КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ <i>ОДИНОЧЕСТВО</i> (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984») НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	361
Разумных Е.В. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА <i>ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ/ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТЬ</i> В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	365
Родионов В.А., Родионова Л.Ю. ВОЗВРАЩЕНИЕ СМЫСЛОВ: ПЕРЕВОД В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	369
Рожковская Э.Д. ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ГЛАГОЛЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ЭМОЦИИ И ВНЕШНОСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	373
Степанова А.П., Беляева О.Н., Момотова С.С. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В ПЕРЕВОДЕ ВЕТЕРИНАРНЫХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	377

Сулейманова О.А. КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРИЕМОВ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРЕГРУППИРОВКА СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ	381
Убоженко И.В. КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ТВОРЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ: КОГНИТИВНАЯ СХЕМА	385
Фомин Е.М. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ СУБТИТРОВ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ	389
Хомутова Т.Н. КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА	393
Шебаршина Д.Ю. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА	397
Шумилова Д.А., Ремхе И.Н. ПЕРЕВОД КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	402
КОММУНИКАЦИЯ, КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ	
Акимова О.А. ГЕНДЕРНАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НЕЙРОСЕТИ GIGACHAT)	406
Анненкова А.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К СОВРЕМЕННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПЛЮС И МИНУСЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ	410
Бабина О.И. ЛИНГВОВОКНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕХАНИЗМА ВНИМАНИЯ В ЭНКОДЕРЕ	414
Баладина И.Д., Москвитина Т.Н., Юздова Л.П. КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ И МОДЕЛИРОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	418
Белозёрова Н.Н. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ	421
Болсуновская Л.М., Диброва Ю.А. ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ: АНАЛИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТФОРМЫ SCIVAL И ИИ	425

Евсеев О.В. КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ ZERO-SHOT ПРОМПТА И КАЧЕСТВО ОТВЕТА ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ	429
Егорова В.И. ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	433
Калинин О.И. ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕТАФОР	437
Китанина Э.А., Дань Се ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЙДЖИЗМ КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	441
Криворучко И.С. ОБРАБОТКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И МАШИНОЙ	445
Куров А.С. ПОЯВЛЕНИЕ НЕЙРОПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ НЕЙРОННОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА	449
Левин И.И. АНТРОПОМОРФНЫЕ ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ИИ	452
Любашев Н.А. ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРИМЕНЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ВИДЕОИГР	454
Новиков А.В. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ: РАСПОЗНАВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ СИСТЕМАМИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА	458
Обухова И.А. ВЛИЯНИЕ ПОЛА НА ТОЛКОВАНИЯ ЭМОДЗИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ВЕКТОРИЗАЦИИ ТЕКСТА	462
Олизько Н.С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОСРЕДНИК В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА	467
Опарина О.И., Измаилян Д.Б. ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОСПРИЯТИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	471
Рашевский В.Е. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ДИСКУРСИВНОЙ ПОДСКАЗКИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА БОЛЬШОЙ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ	475

Садуов Р.Т. БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ В ОБУЧЕНИИ: ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ-БАКАЛАВРАМИ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ЯЗЫКОВЫХ РЕАКЦИЙ	479
Суворова М.В. АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ ОТЗЫВОВ НА СЕРИЮ КНИГ “GEORGE’S SECRET KEY” ЛЮСИ ХОКИНГ И СТИВЕНА ХОКИНГА	481
Табанакова В.Д. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ И КАТЕГОРИАЛЬНОЕ НАСТОЯЩЕЕ ТЕРМИНА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ».....	485
Третьякова Т.П. КОММУНИКАТИВНАЯ ИДИОМАТИКА РЕЧЕВЫХ СТЕРЕОТИПОВ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	488
Федоров Е.В., Солнышкина М.И. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ПАРАМЕТРОВ УЧЕБНОГО ТЕКСТА	491
Филатова Е.А. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АСПЕКТЕ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА	495
Чернышова А.И. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТА DEEPSEEK ПРИ ПЕРЕВОДЕ АБСОЛЮТНОЙ ПРИЧАСТНОЙ КОНСТРУКЦИИ.....	498
Шемчук Ю.М., Захаров О.И. ХЕШТЕГ КАК ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В ЯЗЫКЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ.....	502
Шилова Н.В. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В NLP: ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	505
Яркова Е.Л. КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К КОММУНИКАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	513

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Алешникова В.В. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ	514
Анков А.А. КОНЦЕПТ <i>ИНВЕКТИВА</i> КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	518
Бабаева М.И. ИРОНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ НЕСТАНДАРТНОГО МЫШЛЕНИЯ.....	521

Байдашева Э.М., Маджаева С.И. ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСЕМА В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ	524
Балабас Н.Н. ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА	528
Баландина Е.С. ДИНАМИКА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА <i>АНТАРКТИКА</i>	531
Беляева Н.Л., Топорова В.М. ТОРГОВО-ФИНАНСОВАЯ СФЕРА: ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС	535
Богатикова Е.П. ЭЛЕКТРОННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	539
Бурдина О.Б. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ: ОТ СПЕЦИФИКАЦИИ ЗНАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ДОСТУПА	543
Бутеев Д.В. НАИМЕНОВАНИЯ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ	547
Влавацкая М.В. ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РУССКОЙ АНТИПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД	551
Мэялинь Гао ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ).....	555
Герасимова А.П. ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	559
Глазырина Е.С. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ <i>САМОЛЕТ – ЭТО АРТЕФАКТ</i> В АНГЛИЙСКОЙ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С ПОЗИЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ С КУЛЬТУРОЛОГИЕЙ И АРХЕОЛОГИЕЙ	567
Глинская Н.П. ХРОМАТИЧЕСКИЙ КОГНИОТИП В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	567
Глухова О.В. ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ	571
Глушенко М.А. КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ЛЕКСИКИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ»	575

Голованова Е.И. БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РАЗМЕРА В ЯЗЫКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	578
Гончарова В.В., Киселева С.В. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ	583
Григорьева В.С. К ВОПРОСУ О ТРАНСФЕРНЫХ НАУКАХ И КОММУНИКАЦИИ ЗНАНИЙ	585
Гурбанова А.М. КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ.....	589
Гусейнова Ф.М. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ: ОЦЕНИВАНИЕ ЗНАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	596
Девяткова О.И., Кантышева Н.Г. ТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО». ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ.....	596
Дубровская Е.М. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЧУДИ БЕЛОГЛАЗОЙ» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	599
Загуменнов А.В. СТАТУС И ФУНКЦИИ «ЯЗЫКА» В КОНЦЕПЦИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ Г.И. БОГИНА	603
Захарова О.С. СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА	607
Землякова К.В., Рябуха О.В. ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ).....	611
Калинин С.С., Шарнин М.М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАРТ В КОМПЬЮТЕРНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ПРАВА»)	615
Канель И.В. СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	619
Карамышев Е.А., Песина С.А., Баклыкова Т.Ю. ЛЕКСЕМА “BANK”: ОМОНИМИЯ ИЛИ МНОГОЗНАЧНОСТЬ	622
Карамышева С.Г. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ <i>ДЕРЕВО</i> В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	626

Катышева В.А. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	630
Киреевкова Е.Е. К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ЛЕКСИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ.....	634
Коваленко А.С. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВЕ ЭПОНИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КЛИНИЧЕСКИХ НЕЙРОНАУК	638
Коваленко Е.С. СИНТАКСИС НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ОСЛОЖНЯЮЩИХ КОНСТРУКЦИЙ	642
Козлова Е.А. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ЛИДЕРА КАК ЧАСТЬ ПРЕСУППОЗИЦИОНАЛЬНОГО ФОНДА	646
Корокина П.Ж. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ТРАВЕЛОГЕ У. ГИЛПИНА.....	651
Кочнева М.М., Алексеева-Нилова Т.Е. РЕГИСТРАЦИЯ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ БИНОМИАЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА	655
Круть О.Б., Лосинская А.Ю. ОБРАЗ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ, ВЫРАЖАЕМЫЙ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	659
Куцубина Е.В. ХРИСТИАНСКАЯ АСКЕТИЧНОСТЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008–2013 гг.	662
Ладыгина С.Ю. ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ КАТЕГОРИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ	665
Лату М.Н., Тагильцева Ю.Р. СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В АУДИОДЕСКРИПЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ЖИВОПИСИ	669
Ломакина О.В. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ КАК ТИП ИНТЕГРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА <i>РОДИНА</i>).....	673
Лэн Цзяжуй РОССИЙСКАЯ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КИТАЙСКУЮ ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ.....	677

Маслова И.Б. ТИПЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ	681
Молчанова В.А., Вашункина И.В. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	685
Ненашева Ю.А. ПРОСОДИЯ КАК ПРОЦЕДУРНОЕ ЗНАНИЕ – ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ	689
Нехорошев А.С. КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В ЦИФРОВОМ МИРЕ	693
Осадчая О.Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	696
Панкратова С.А. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	701
Парфененко Е.Н. МОТИВИРОВОЧНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ НЕФОРМАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	704
Пигалева М.В. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИСКУССТВО» В АССОЦИАТИВНЫХ РЕАКЦИЯХ РУССКИХ ИНФОРМАНТОВ.....	708
Пыхтина А.Ю. МЕТОД СУБЪЕКТИВНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА	712
Росянова Т.С. БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ НА КОНЕ: ОБРАЗНОЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ФИНАНСОВОМ ДИСКУРСЕ	716
Салтанова П.А. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА <i>ИНТЕНСИВНОСТЬ</i> В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	719
Сергиенко П.И. ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ PR ДИСКУРСА	723
Соловьева Ю.О. АМПЛИФИКАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТАХ ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ТИПЫ, ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ	727
Сувандии Н.Д. РОЛЬ ОБРАЗОВ ОТЦА И МАТЕРИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА <i>СЕМЬЯ</i> В ТУВИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ).....	731

Теплыгина И.М. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ	735
Терехова А.А. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА	739
Айхуэй У ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЛОРАТИВОВ- СИМВОЛОВ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ С КОМПОНЕНТОМ ЧЕРНЫЙ	743
Файбушевский М.В. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА	747
Фурс Л.А. ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ В ВЕРИФИКАЦИИ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ	751
Хабибуллина С.Б. ОБУЧАЮЩЕЕ ЧТЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ВЭБСТЕР “DADDY-LONG-LEGS”).....	756
Ченских Е.П. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ <i>HEART-MIND-SOUL</i> В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»	760
Шупин Чжао МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЙСКОГО ТОВАРА В РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ.....	764
Шевченко Т.И., Романова Е.Ю. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАТИВИЗАЦИИ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ.....	767
Шелепова Н.В. ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	771

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Абрамкина А.С. ИМЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ГЕРОЯ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ LEAGUE OF LEGENDS	776
Адащик Д.Н., Ширяева Т.А. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЛИДЕРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	780

Алексеева-Нилова Т.Е., Пучкова Е.В. РЕГИСТРАЦИЯ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	784
Алюнина Ю.М. ФРАНЦУЗСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ	787
Анисимов В.Е. СИСТЕМА ВОСПРИЯТИЯ ЗРИТЕЛЕМ ПРАГМАТИЧЕСКИ- ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КИНОДИСКУРСА	791
Анисимов В.Е., Анисимова Е.Д. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА <i>BONHEUR / СЧАСТЬЕ</i> ВО ФРАНЦУЗСКОМ КИНОДИСКУРСЕ XX-XXI ВВ.	795
Анищенко А.В. КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПЕРСОНАЖЕЙ В АУДИОКОММЕНТАРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ).....	799
Басинская М.В. ЖУРНАЛЬНАЯ ОБЛОЖКА КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	803
Беликова Г.В. «ДЕРЗКАЯ» НОМИНАЦИЯ ИЛИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СМЕШАННОЙ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	807
Блинова О.А. МАРКЕРЫ ИДЕНТИТАРНОГО ДИСКУРСА В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНДИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ).....	811
Вишнякова Е.А. ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	814
Воробьева Н.В. МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОРТРЕТНОМ ИНТЕРВЬЮ	818
Голубина К.В. ОСОБЕННОСТИ И КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТАКТИЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ	822
Голубкова Е.В. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ	825
Гречкин И.А. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ МЕДИКОВ)	829

Л.И. Гришаева СОЦИОКОГНИТИВНЫЙ ОПЫТ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ «ИНВАРИАНТ ⇔ ВАРИАНТ».....	833
Гурочкина А.Г. ПОРОЖДЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ИХ ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	838
Дрожащих Н.В., Энгель Е.А. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ ТЕКСТА	842
Зарипов Р.И. СУГГЕСТИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ. ФАСЦИНАЦИЯ, ФАСЦИНАТИВНОСТЬ, ЭМОТИВНОСТЬ	846
Игнатенко А.В. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЗМОВ И АРХАИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МО ЯНЯ «СМЕРТЬ ПАХНЕТ САНДАЛОМ», 2001)	849
Каркашова М.А., Хвесько Т.В. МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБРАЗОВ В ВЕРБАЛЬНОМ ТЕКСТЕ	853
Кумуржи Э.В. МОДИФИКАЦИЯ ЖЕСТОВ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ТАКТИЛЬНЫХ МЕТАФОР С КОМПОНЕНТАМИ «ГЛАДКИЙ/КОЛКИЙ» В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ	857
Магировская О.В. КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩИЙ И ФОРМАТООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ	861
Мальнева Е.Ю. «ВСЕГДА В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ АНАЛИТИЧЕН»: ХОЛИСТИЧЕСКИЙ КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ И ФЕНОМЕН ЭДГАРА ПО	870
Палехова О.В. АЛЛЮЗИИ В НЕМЕЦКИХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПЛАКАТАХ	870
Пахомов Л.В., Павлова Д.С. КАК ПАХНЕТ «ИСКУССТВО»? СЕНСОРНЫЕ ПРИЗНАКИ АБСТРАКТНОГО КОНЦЕПТА.....	874
Передриенко Т.Ю. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОПЫТА ВКУСОВЫХ ОЩУЩЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	877
Рохлина Т.А. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА РОДИТЕЛЯ И РЕБЕНКА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМОВ ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ «НЕТ, ЭТО НОРМАЛЬНО».).....	881

Руджери Ф.	
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МОДУСА ОЦЕНКИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЭМОТИВОВ НА ВЫБОР ЖЕСТИКУЛЯЦИОННОЙ РУКИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	885
Савко П.В.	
ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА.....	889
Нади́а Ибрахи́м Мохамед Абделкадер Саид	
КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОММУНИКАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ.....	893
Саккини М.Г., Карандина П.М.	
ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СЛЭМ-ПОЭЗИИ GRAND CORPS MALADE (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОКЛИПОВ)	896
Тюленёва А.М.	
ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ НОСИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА	900
Фокина М.С.	
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРОНОГРАММ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.....	904
Холманских Ю.С.	
О ВИЗУАЛЬНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ КОНЦЕПТА <i>ЯЗЫК</i>	908
Хрущева О.А.	
ВОСПРИЯТИЕ ЗАИМСТВОВАННОГО СЛОВА В СТРУКТУРЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА	912
Чайкисова А.В.	
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ.....	915
Чжибинян Ян	
РЕФРЕЙМИНГ СОЦИАЛЬНЫХ ПЛАКАТОВ КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ КАК ПРОЦЕДУРА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО.....	919

CONTENTS

PREFACE	40

COGNITIVE METHODS OF CONSTRUCTING TEXT SPACE

Avdeeva N.P.	
THE CHARACTER'S INNER SPEECH AS A REFLECTION OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN ANTON CHEKHOV'S NOVELS.....	47
Aksenova M.V.	
THE COGNITIVE FUNCTION OF NOMINATION IN TRAVELOGUES BY N.I. GRECH.....	51
Atlas A.Z.	
STRUCTURING A TWICE-TOLD TALE WITH METATEXTUAL ELEMENTS.....	55
Belova P.E.	
LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF SPACE IN THE LITERARY TEXT (ACCORDING TO THE RNC).....	60
Belousov K.I., Gertsen A.S.	
ACTIVITY ANALYSIS OF THE TEXT IN THE CONTEXT OF TECHNOSEMANTICS	64
Bobrikova T.A.	
COGNITIVE-SEMIOTIC MODEL OF CREATION AND INTERPRETATION OF MENTAL SPATIAL IMAGES	68
Bogdanova S.Yu.	
DESCRIPTION OF THE CHARACTER'S INNER WORLD USING THE CONTAINER SCHEMA.....	72
Vorontsova Yu.A.	
SUBTEXT AS A COMPONENT OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF COMMENTING STATEMENTS.....	76
Grishcheva V.V.	
COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF SPACE REPRESENTATION IN MODERN BRITISH PLAY: IN SEARCH OF MEANING.....	79
Gudkova K.V.	
ON SEMANTIC CONNECTIVITY IN ENGLISH AND RUSSIAN SECONDARY TEXTS	83
Dmitrieva L.N.	
THE VIEW OF SILENT CHRIST IN "THE GRAND INQUISITOR" (BASED ON THE NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV" BY F.M. DOSTOEVSKY).....	87

Zoltner O.V. OBJECTIVATION OF THE CONCEPT OF “MOTHERLAND” IN THE SPACE OF A POETIC TEXT	91
Ilyina E.V. REPRESENTATION OF CONCEPTUAL-THEMATIC AREAS OF EMIGRANT DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF MEMOIRS)	95
Inozemtseva N.V. NATIONAL CONCEPT AS A REFLECTION OF IRISH CULTURE	99
Kashcheyeva A.V. LINGUISTIC MEANS OF KNOWLEDGE REPRESENTATION IN A MULTILEVEL EDUCATIONAL TEXT	103
Kerova A.V. THE CONCEPT OF <i>LOVE</i> IN SHAKESPEARE SONNETS	106
Kovaleva O.N. REPRESENTATION OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION PARAMETERS OF A PERSON IN EVGENY VODOLAZKIN’S NOVEL “CHAGIN”	110
Kozlova L.A. METAPHORICAL IMAGES AS MARKERS OF TIME	114
Komkova N.I. LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT <i>SOUL</i> IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN	118
Konnova M.N., Westerbeek A.G.M. DYNAMIC TIME METAPHORS IN ALEXANDER PUSHKIN’S “IT’S TIME, MY FRIEND, IT’S TIME! FOR PEACE THE HEART IS CALLING”: VALUE DIMENSION	123
Krasilnikova S.V., Ernisova A.E. THE SPECIFICS OF THE HEAVENLY MOUNTAINS CONCEPT IN THE NOVEL BY CH.T. AITMATOV <i>WHEN THE MOUNTAINS FALL (THE ETERNAL BRIDE)</i>	127
Kremneva A.V., Bobrovskaya N.A., Kremleva Yu.V. THE REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF COGNITIVE ECONOMY VIA REDUCED PRECEDENT TEXTS (ILLUSTRATED WITH EXAMPLES FROM THE NOVELS BY ELIZABETH GEORGE)	131
Kucher V.V. GRAMMAR MEANS OF AUTHORIZATION IN THE DESCRIPTIVE REGISTER OF THE ENGLISH LITERARY TEXT	134
Makarova J.A. FIGURE OF MOTHER IN THE GERMAN-LANGUAGE POETRY OF ROSE AUSLÄNDER	138
Makashova V.V. PLANT METAPHORS AS A WAY OF EXPLICATION OF PEDAGOGICAL VIEWS IN MODERN SCHOOL (BASED ON THE WORK OF E.A. YAMBURG “TRAGIC OPTIMISM”)	140

Mubarakshina A.M.	
THE ROLE OF IMAGES IN THE STRUCTURE AND INTERPRETATION OF HOROSCOPIC TEXTS	144
Murshel A.Yu., Sirotkina T.A.	
ANTHROPONIMICAL CONCEPT IN THE WORKS OF A.B. TITOV	148
I.D. Nakhrachev	
MILITARY METAPHORS IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE SPORTS MEDIA	152
Orlova D.A.	
COUNTERFACTUAL THINKING: ALTERNATIVE SCENARIOS OF FAIRY TALES	156
Pavlova K.A.	
CATEGORY OF EVALUATION AS A CONSTITUTIVE FEATURE OF THE GENRE OF THE SPORTS ANALYTICAL ARTICLE	160
Pashkov S.M.	
PROPOSITIONAL UNFOLDING OF SACRED-IMPERATIVE KNOWLEDGE AS A MECHANISM OF BIBLICAL TEXT FORMATION.....	164
Petrova I.M.	
DEPENDENCE AND INDEPENDENCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF COGNITIVE STYLES (BASED ON THE WORKS OF ENGLISH-SPEAKING AUTHORS).....	167
Protasov T.A.	
NARRATIVE COCREATION IN TTRPGS.....	171
Robustova V.V.	
THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF THE TOPONYM HOLLYWOOD IN THE NOVEL BY Q. TARANTINO “ONCE UPON A TIME IN HOLLYWOOD”	175
Rumyantseva M.V.	
DUALITY OF THE ARTISTIC COLOUR CONCEPT <i>BLUE / YELLOW</i> IN SV.V. LICHUTIN’S WORK	179
Safonova S.S., Chupryakova O.A.	
SYNTACTIC PHRASEOMODELS IN MEDIA HEADLINES: A COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT OF THE STUDY	182
Segal N.A., Kryzhanovskaya V.A., Sedova N.K.	
THE REALISATION OF BASIC METAPHORICAL CONCEPTS IN THE EPIC FANTASY NOVEL <i>THE LORD OF THE RINGS</i> BY J. R. R. TOLKIEN (IN THE FIRST PART OF THE TRILOGY).....	189
Semenikhina M.V.	
THE IMAGE OF MUSIC IN THE POEM “ODE TO THE SETTING SUN” BY F.H. THOMPSON.....	193
Semenova A.A.	
THE VOLITIVE DOMINANT OF CONSCIOUSNESS IN THE SYSTEM OF LINGUISTIC PERSONALITY’S AUTOCOMMUNICATION	198

Sigaev A.S.	
THE ROLE OF COHESION IN STRUCTURING AND INTERPRETING FAHRENHEIT 451 BY R. BRADBURY	200
Sokolova V.L.	
GENDER ASPECTS OF THE DISCURSIVE STRUCTURE OF THE ENGLISH PERSONALITY INTERVIEW	204
Tananykhina A.O., Tananykhina A.Yu.	
ACTUALIZATION OF THE CONCEPT <i>HORROR</i> IN THE ENGLISH-LANGUAGE FAIRY-TALE TEXT	208
Ushakova A.P.	
VERBALIZATION OF CULTURAL VALUES IN THE WORK OF ST. JOHN (MAXIMOVICH) "FEATRON"	211
Fedotova O.S.	
FRAME MODELS OF METADISOURSE IN ENGLISH FICTION IN THE EXPLICIT DIALOGUE OF THE AUTHOR WITH THE READER: DIACHRONIC ASPECT.....	215
Khorokhorina S.Ye.	
EMILY DICKINSON'S PERSONIFYING METAPHORS OF TIME	219
Chemodurova Z.M.	
NARRATIVE NON-LINEARITY AS A MECHANISM OF INTENSIFYING READERS' COGNITIVE ACTIVITY.....	223
Sheveleva E.O.	
THE PLAY ON SPACE AND TIME AS A STRATEGY TO CREATE THE NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA IN WESTERN MASS MEDIA.....	227
Shevchenko L.L.	
METAPHOR AS A MEANS OF INTEGRATING THE BASIC CONCEPTS OF I. MURDOCH'S NOVELS INTO A HYPERTEXT	231
Yuzdova L.P.	
THE SEMANTIC CAPACITY OF THE STORY BY G.N. SHCHERBAKOVA "MITYA'S LOVE" (COGNITIVE ASPECT).....	235

CORPUS STUDIES IN THE DIGITAL AGE

Gorbunov A.A., Belozerova N.N.	
LOCATIVE VERBS AS A MEANS OF EMOTION CONCEPTUALISATION OF "FEAR" IN RUSSIAN (CORPUS-BASED RESEARCH).....	240
Zinoveva A.Iu.	
PERCEPTION OF TRADITIONAL JAPANESE ACCOMMODATION IN RUSSIAN AND JAPANESE REVIEWS	244
Ivanova E.V.	
MODELLING CONCEPTUALIZATION OF COLOUR AGAINST CORPUS BACKGROUND (A CASE STUDY OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT <i>BLUE</i>)	247

Ilyasova D.A. COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION OF MOVEMENT VERB <i>PLYT'</i> : CORPORA VS. CHAT GPT	252
Kovyazina M.A., Shishkina S.A. NATURE-INSPIRED CONCEPTUAL METAPHORS IN BRITISH MEDIA DISCOURSE	252
Koptev D.A. CORPUS ANALYSIS OF RUSSIAN VERBS DENOTING THE ACT OF <i>GIVING</i> IN RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION PERSPECTIVE	259
Nikitina V.V. AI IN A LINGUOCOGNITIVE RESEARCH: PROS & CONS (CH<>EN)	263
Auseichyk Yu.V. INTEGRATION OF FIELD, SYNCHRONO-DIACHRONIC AND CORPUS APPROACHES TO THE STUDY OF LANGUAGE PHENOMENA.....	267
Parulina I.Y. CORPUS TECHNOLOGIES IN THE STUDY OF DIPLOMATIC DISCOURSE OF ARGENTINA.....	271
Petrozhitskaya V.V. THE INTERACTION OF <i>LOVE</i> AND <i>DEATH</i> CONCEPTS IN THE NOVEL BY A.I. KUPRIN <i>SULAMITH</i>	275
Ptashkin A.S. SENSORY MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF HEALTH IN THE PARALLEL CORPUS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH FOLKLORE TEXTS ABOUT WITCHCRAFT)	279
Ryabchenko N.A., Malysheva O.P. DIGITAL PROFILE OF A SOCIO-POLITICAL ACTOR: METHODOLOGY FOR ASSESSING THE CONSTRUCTIVENESS OF DISCURSIVE STRATEGIES OF GOVERNOR CANDIDATES ON VKONTAKTE PLATFORM.....	283
Sokolova A.V. ARTIFICIAL INTELLIGENCE POTENTIAL FOR LINGUISTIC RESEARCH: HEDGE STRUCTURES IN ACADEMIC DISCOURSE	288
Sokolova O.V. ILLOCUTIONARY FUNCTIONS OF THE ITALIAN VERB <i>DIRE</i> : A CORPUS-DISCOURSE ANALYSIS	292
Timofeev N.S. RECONSTRUCTING LINGUISTIC AND CULTURAL DYNAMICS OF ENGLISH LEXEMES.....	296
Feshchenko V.V. DEICTIC UNITS IN EXPERIMENTAL POETRY (BASED ON CORPUS-DISCOURSE ANALYSIS)	301
Filatov A.S. COMPOUND OR PHRASE: CORPUS APPROACH (THE CASE OF “BAD BLOOD”).....	305

COGNITIVE APPROACH IN TRANSLATION STUDIES

Bredis M.A.

COGNITIVE-HEURISTIC MODEL OF TRANSLATION APPLIED
TO PROVERBS OF STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES.....310

Vishnyakova O.D., Lipgart A.A.

ON THE ROLE OF COGNITIVE CONTEXT IN THE TRANSLATION PROCESS 312

Vlasenko N.I., Timofeeva L.L.

OPTIMIZATION OF MACHINE TRANSLATION: CHALLENGES AND SOLUTIONS
(BASED ON ECONOMIC DISCOURSE TEXTS).....315

Vodyanitskaya A.A.

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC ASPECTS OF POST-TRANSLATIONAL
EDITING 319

Gavronova Yu.D., Ivanova Yu.V.

COGNITIVE APPROACH TO THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL
APPARATUS (BASED ON MEDICAL TERMINOLOGY) 323

Gubochkina L.Yu.

INTERPRETATION AND TRANSFORMATION OF ANTHROPOMORPHIC
CHARACTERS IN LITERARY TRANSLATION.....327

Guseva A.P.

PARALLEL TEXTS IN THE COGNITIVE APPROACH TO TRANSLATION 330

Inozemtseva N.V.

COGNITIVE FEATURES OF TRANSLATION OF MEDICAL TEXTS
(ON THE MATERIAL OF THE CHINESE LANGUAGE).....334

Kalinin A.Y.

COMPARING THE QUALITY OF MACHINE AND HUMAN TRANSLATION
USING THE GPT LANGUAGE MODEL 337

Kolbin P.A.

SPECIFICS OF AVIATION TERMINOLOGY PRESENTATION
IN BILINGUAL TRAINING DICTIONARY 342

Kramnaya E.S.

FEATURES OF ABSTRACT TRANSLATION IN TERMS OF COGNITIVE APPROACH 346

Kushnina L.V., Krivoruchko A.I.

TRANSLATION PERSONOLOGY IN COGNITIVE SPACE 350

Lebedev L.V.

TRANSLATION AS A PROCESS OF IMAGE-MEANING
TRANSFER IN THE COGNITIVE-LINGUISTIC PARADIGM
(BASED ON V. NABOKOV'S TEXTS).....353

Minchenkov A.G.

TRANSLATION OF ENGLISH LEXEMES DENOTING PERSONALITY
TRAITS AS A COGNITIVE-HEURISTIC PROCESS 357

Murtazina D.A., Ziganshina N.F. METAPHOR TRANSLATION WITHIN THE FRAMEWORK OF COGNITIVE-HEURISTIC MODEL.....	361
Naumova A.I. TENDENCIES IN THE TRANSLATION OF THE COGNITIVE DOMINANT <i>LONELINESS</i> (BASED ON J. ORWELL'S NOVEL "1984" IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)	364
Razumnykh E.V. TRANSLATION TRANSFORMATIONS AS A WAY TO EXPRESS THE IDEA OF 'PERSONALITY/IMPERSONALITY' IN A LITERARY TEXT	368
Rodionov V.A., Rodionova L.Yu. BRINGING CONCEPTS BACK: TRANSLATION IN THE OPTICS OF COGNITIVE LINGUISTICS	373
Rozhkovskaia E.D. IDEOGRAPHIC ANALYSIS OF TRANSLATION OF A.P. CHEKHOV INTO ENGLISH: VERBS IN DESCRIPTION OF EMOTIONS AND APPEARANCE OF CHARACTERS.....	377
Stepanova A.P., Belyaeva O.N., Momotova S.S. THE COGNITIVE ISSUES OF VETERINARY TERMINOLOGY TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	381
Suleimanova O.A. COGNITIVE INTERPRETATION OF TRANSLATION MECHANISMS: TRANSFORMATIONS AND REARRANGEMENTS OF SEMANTIC FEATURES.....	385
Ubozhenko I.V. CATEGORIAL MARKERS OF THE CREATIVE TRANSLATION SOLUTION: A COGNITIVE SCHEME	389
Fomin E.M. DISCOURSE MARKER TRANSLATION IN ENGLISH-TO-RUSSIAN FILM SUBTITLING.....	393
Khomutova T.N. COGNITIVE TRANSLATION STRATEGIES.....	397
Shebarshina D.Y. COGNITIVE MECHANISMS OF SIMULTANEOUS INTERPRETING.....	401
Shumilova D.A., Remkhe I.N. TRANSLATION OF CONCEPTUAL METAPHORS IN LITERARY TEXTS AS A REFLECTION OF THE CHINESE LANGUAGE SPEAKERS' REALITIES	405
COMMUNICATION, COMPUTATIONAL LINGUISTICS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: COGNITIVE ASPECT	
Akimova O.A. GENDER BIAS IN TEXT-TO-IMAGE LARGE LANGUAGE MODELS (CASE STUDY OF THE GIGACHAT NEURAL NETWORK)	409

Annenkova A.V. TRANSFORMATION OF ATTITUDES TOWARDS MODERN TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC SCIENCE: PROS AND CONS OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEURAL NETWORKS IN COGNITIVE LINGUISTICS	414
Babina O.I. COGNITIVE LINGUISTIC INTERPRETATION OF ATTENTION MECHANISM IN ENCODERS.....	418
Balandina I.D., Moskvitina T.N., Yuzdova L.P. COGNITIVE APPROACHES TO UNDERSTANDING AND MODELLING HUMAN THINKING PROCESS.....	421
Belozerova N.N. CONCEPTUAL PARADOXES	424
Bolsunovskaya L.M., Dibrova Yu.A. GENESIS AND CURRENT STATE OF COGNITIVE DISTORTION CONCEPT: ANALYSIS USING SCIVAL PLATFORM AND AI	429
Evseev O.V. ZERO-SHOT PROMPTING COMPLEXITY AND LANGUAGE MODEL RESPONSE QUALITY	433
Egorova V.I. THE IMPORTANCE OF LANGUAGE IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE	437
Kalinin O.I. OPPORTUNITIES OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN METAPHOR RESEARCH	441
Kitanina E.A., Xie Dan GERONTOLOGICAL AGEISM AS DESTRUCTIVE SPEECH BEHAVIOR IN INTERNET COMMUNICATION	444
Krivoruchko I.S. NATURAL LANGUAGE PROCESSING TOWARDS OVERCOMING THE LANGUAGE BARRIER BETWEEN HUMANS AND MACHINES.....	448
Kurov A.S. THE EMERGENCE OF NEURO-TRANSLATIONAL HERMENEUTICS AS A RESULT OF NEURAL MACHINE TRANSLATION DEVELOPMENT	451
Levin I.I. ANTHROPOMORPHOUS METAPHORICAL TERMS IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE TERMINOLOGY: COGNITIVE MECHANISMS AND THEIR IMPACT ON THE PERCEPTION OF AI.....	454
Lyubashev N.A. TRANSLATION CAPABILITIES OF CHATGPT IN TERMS OF SYNTACTIC COMPRESSION (BASED ON MACHINE TRANSLATION OF VIDEOGAME ADVERTISING TEXTS USING CHATGPT).....	458

Novikov A.V. COGNITIVE ASPECT IN MACHINE TRANSLATION: RECOGNIZING OCCASIONAL UNITS BY MACHINE TRANSLATION SYSTEMS.....	462
Obukhova I.A. THE INFLUENCE OF GENDER ON INTERNET USERS' INTERPRETATION OF EMOJI: AN EXPERIMENTAL STUDY USING TEXT VECTORIZATION	466
Olizko N.S. ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A COMMUNICATIVE MEDIATOR IN UNIVERSITY DISCOURSE: PROBLEM STATEMENT	470
Oparina O.I., Izmailyan D.B. CURRENT TRENDS IN WORLD VIEW PERCEPTION IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	474
Rashevsky V.Y. COGNITIVE ASPECT OF A DISCURSIVE HINT IN A LARGE LANGUAGE MODEL'S INTERPRETATIVE POTENTIAL FORMATION	478
Saduov R.T. LARGE LANGUAGE MODELS IN EDUCATION AS PERCEIVED BY UNDERGRADUATE ENGINEERING STUDENTS VIA LINGUISTIC REACTIONS	481
Suvorova M.V. SENTIMENT ANALYSIS OF READER REVIEWS OF THE "GEORGE'S SECRET KEY" SERIES BY LUCY HAWKING AND STEPHEN HAWKING	485
Tabanakova V.D. THE CONCEPTUAL PAST AND CATEGORICAL PRESENT OF THE TERM "ARTIFICIAL INTELLIGENCE"	488
Tretyakova T.P. THE COMMUNICATIVE IDIOMATICS OF SPEECH STEREOTYPES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE	491
Fedorov E.V., Solnyshkina M.I. INTERDEPENDENCE OF THE PARAMETERS IN THE EDUCATIONAL TEXT.....	494
Filatova E.A. MODERN AI TECHNOLOGIES IN AUDIOVISUAL TRANSLATION	498
Chenyshova A.I. TRANSLATING ABSOLUTE PARTICIPLE CONSTRUCTION WITH DEEPSEEK CHAT-BOT	501
Shemchuk Yu.M., Zakharov O.I. HASHTAG AS A POLYSYNTHETIC NOMINATION IN THE LANGUAGE OF THE DIGITAL AGE	505
Shilova N.V. COGNITIVE MECHANISMS IN NLP: UNDERSTANDING LANGUAGE THROUGH THE LENS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	509

Iarkova E.L.

COGNITIVE APPROACHES TO COMMUNICATION: USING AI TO DEVELOP SPEAKING SKILLS.....	509

INTERDISCIPLINARITY IN LINGUO-COGNITIVE STUDIES

Aleshnikova V.V.

PEDAGOGICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF LANGUAGE INTERFERENCE.....	517

Ankov A.A.

THE CONCEPT OF <i>INVECTIVE</i> AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH.....	521

Babaeva M.I.

IRONY AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF UNCONVENTIONAL THINKING.....	524

Baydasheva E.M., Madzhaeva S.I.

THE COLOR LEXEME IN MEDICAL DISCOURSE	528

Balabas N.N.

REFLECTION OF THE EPOCH IN THE VOCABULARY OF A LANGUAGE.....	531

Balandina E.S.

DYNAMICS OF THE METAPHORICAL IMAGE 'ANTARCTICA'	535

Belyaeva N.L., Toporova V.M.

TRADE AND FINANCE SECTOR: DIGITAL DISCOURSE	539

Bogatikova E.P.

MEDICAL E-CONSULTATIONS: A LEXICAL-SEMANTIC ASPECT.....	542

Burdina O.B.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE NAMING OF MEDICINES: FROM THE KNOWLEDGE SPECIFICATION TOWARDS THE EPISTEMIC ACCESS.....	547

Buteev D.V.

NAMES OF THE SMOLENSK FORTRESS WALL.....	551

Vlavatskaya M.V.

FEMALE IDENTITY IN THE RUSSIAN ANTIPROVERBIAL WORLD PICTURE: TRANSDISCIPLINARY APPROACH	555

Menglin Gao

REFLECTION OF THE VALUE SYSTEM IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL FESTIVALS: A COMPARATIVE ANALYSIS (BASED ON RUSSIAN AND CHINESE PAREMIES).....	559

Gerasimova A.P.

DIDACTIC POTENTIAL OF COGNITIVE METAPHOR IN LITERARY TEXTS IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE	563

Glazyrina E.S. LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF THE METAPHORICAL MODEL <i>AN AIRCRAFT IS AN ARTIFACT</i> IN THE ENGLISH LANGUAGE AVIATION TERMINOLOGY FROM THE POSITION OF INTERDISCIPLINARY LINKS WITH CULTUROLOGY, PHILOSOPHY AND ARCHAEOLOGY	563
Glinskaya N.P. CHROMATIC COGNITYPE IN ENGLISH PSYCHOLOGICAL TERMINOLOGY	570
Glukhova O.V. LANGUAGE-SPECIFICITY IN EMBODIED COGNITION PERSPECTIVE	575
Glushchenko M.A. CATEGORIAL MODELLING OF THE INTERDISCIPLINARY LEXIS OF THE “MEDIA COMMUNICATION” SUBJECT FIELD	578
Golovanova E.I. LARGE AND SMALL: SIZE CONCEPTUALIZATION IN THE LANGUAGES OF PROFESSIONAL COMMUNICATION	583
Goncharova V.V., Kiseleva S.V. LEXICOGRAPHIC LINGUISTIC PERSONALITY	585
Grigorieva V.S. TO THE QUESTION OF TRANSFER SCIENCES AND COMMUNICATION OF KNOWLEDGE	589
Gurbanova A.M. CULTURAL CONTEXTS IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF A MODERN UNIVERSITY: THE COGNITIVE ASPECT	593
Huseynova F.M. COGNITIVE DISCOURSE ASPECTS OF ENGLISH LANGUAGE ASSESSMENT	593
Devyatkova O.I., Kantysheva N.G. THEMATIC MODELING OF THE TERMINOLOGY “CUSTOMS SPHERE”. EDUCATIONAL COMPONENT	599
Dubrovskaya E.M. REPRESENTATIONS OF “WHITE-EYED CHUD” IN RUSSIAN PAREMIOLOGY AND NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE	603
Zagumennov A.V. THE STATUS AND THE FUNCTIONS OF “LANGUAGE” IN THE CONCEPT OF PHILOLOGICAL HERMENEUTICS BY G.I. BOGIN	607
Zakharova O.S. MEANS OF REPRESENTING POSITIVE EVALUATION IN THE ANGLOPHONE TECHNICAL ANALYTICAL REVIEW OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET	610
Zemlyakova K.V., Ryabukha O.V. DISCURSIVE REPRESENTATION OF MENTAL HEALTH (ON THE MATERIAL OF ENGLISH MAGAZINES)	614

Kalinin S.S., Charnine M.M. ON APPLICATION OF SEMANTIC MAPS IN COMPUTER MODELING OF SUBJECT DOMAIN (ON THE EXAMPLE OF THE SUBJECT DOMAIN “ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF LAW”)	618
Kanel I.V. REFRAMING AND INTERPRETING ECONOMIC VOCABULARY VIA SOCIAL MEDIA	622
Karamyshev E.A., Pesina S.A., Baklykova T.Yu. LEXEME “BANK”: HOMONYMY OR POLYSEMY	625
Karamysheva S.G. REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL <i>TREE</i> METAPHOR IN THE ENGLISH-LANGUAGE LEGAL DISCOURSE	629
Katysheva V.A. METAPHORICAL KINSHIP TERMS IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL DISCOURSE	634
Kireenkova E.E. TO THE QUESTION OF INTERDISCIPLINARY VOCABULARY OF THE ENGLISH-LANGUAGE LINGUODIDACTIC TERMINOLOGY SYSTEM	638
Kovalenko A.S. FUNCTIONAL VARIABILITY OF PROPER NAMES IN EPONYMOUS TERMS OF CLINICAL NEUROSCIENCES	642
Kovalenko E.S. THE SYNTAX OF LEGAL AND REGULATORY ACTS: THE ISSUE OF PERCEIVING COMPLEX CONSTRUCTIONS	646
Kozlova E.A. THE VALUE SYSTEM OF THE DISCURSIVE PERSONALITY OF THE LEADER	651
Korokina P.Zh. LINGUISTIC REPRESENTATION OF EVALUATION OF THE WORKS OF ART IN W. GILPIN’S TRAVELOGUE	654
Kochneva M.M., Alekseeva-Nilova T.E. EYE MOVEMENT REGISTRATION OF HIGH-FREQUENCY RUSSIAN BINOMIALS	659
Krut O.B., Losinskaya A.Ju. IMAGE AS THE RESULT OF INDIVIDUAL COGNITIVE PROCESSES EXPRESSED IN THE LANGUAGE SYSTEM	661
Kutsubina E.V. CHRISTIAN ASCETICISM IN THE LINGUISTIC CONTEXT OF THE 2008–2013 ECONOMIC CRISIS	665
Ladygina S.Y. PECULIARITIES OF CONCEPTUAL ORGANIZATION OF MULTI-COMPONENT TERMS OF TECHNOLOGICAL PROCESSES CATEGORY OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY TERM SYSTEM	669

Latu M.N., Tagiltseva Y.R.	
REFERENCE DATA IN AUDIO DESCRIPTIONS OF PAINTINGS.....	673
Lomakina O.V.	
LINGUOAXIOLOGICAL ANALYSIS OF PAROMIAS AS A TYPE INTEGRATIVE RESEARCH (ON THE EXAMPLE OF THE VALUE CONCEPT MOTHERLAND)	677
Leng Jiarui	
RUSSIAN ONLINE ADVERTISING AND ITS IMPACT ON THE CHINESE LANGUAGE PERSONALITY	681
Maslova I.B.	
COGNITIVE ANALYSIS IN THE STUDY OF THE BILINGUAL COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF MIGRANTS	685
Molchanova V.A., Vashunina I.V.	
ADMINISTRATIVE PEDAGOGICAL DISCOURSE AS AN OBJECT OF COGNITIVE STUDIES.....	688
Nenasheva Iu.A.	
PROSODY AS PROCEDURAL KNOWLEDGE – EXPRESSING EMOTION	692
Nekhoroshev A.S.	
METAPHORS IN THE DIGITAL WORLD.....	696
Osadchaya O.N.	
ACTUAL PROBLEMS OF COGNITIVE INTERPRETIVE PRACTICE.....	700
Pankratova S.A.	
LINGVO-COGNITIVE ASPECT OF THE INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE FILMMAKING TERMINOLOGY	704
Parfenenko E.N.	
MOTIVATIONAL CONDITIONING OF INFORMAL NOMINATION OF RUSSIAN CORRECTIONAL INSTITUTIONS.....	708
Pigaleva M.V.	
SEMANTIC GROUPS OF THE SEMANTIC FIELD “ART” IN ASSOCIATIVE REACTIONS OF RUSSIAN INFORMANTS	712
Pykhtina A.Yu.	
METHOD OF SUBJECTIVE DEFINITIONS IN THE CONCEPT FORMATION STUDY.....	715
Rosyanova T.S.	
WHITE KNIGHT ON A HORSE: METAPHORICAL TERMINOLOGICAL THINKING IN FINANCIAL DISCOURSE	719
Saltanova P.A.	
PECULIARITIES OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT <i>INTENSITY</i> IN THE ENGLISH-LANGUAGE ECOLOGICAL DISCOURSE.....	723
Sergienko P.I.	
THE INTERPRETIVE FUNCTION OF LANGUAGE AS REFERRED TO THE TERMINOLOGY OF PR DISCOURSE	727

Solovyeva Yu.O.

AMPLIFICATION AS A MODEL OF ADAPTATION OF SPECIAL INFORMATION
IN THE TEXTS OF POPULAR LEGAL DISCOURSE: TYPES, APPLICATION 731

Suvandii N.D.

THE ROLE OF FATHER AND MOTHER IMAGES IN REPRESENTING
THE FAMILY CONCEPT IN TUVAN LINGUOCULTURE
(BASED ON THE MATERIAL OF PAROMIES) 735

Teplygina I.M.

ADMISSION INTERVIEW IN THE DIGITAL AGE: LINGUISTIC
OBJECTIFICATION AND COGNITIVE ASPECTS 739

Terekhova A.A.

THE AXIOLOGICAL CONCEPTUAL SPHERE OF THE ENGLISH MEDICAL
ADVERTISING DISCOURSE 743

Wu Aihui

LINGUOCULTUROLOGICAL POTENTIAL OF COLOR SYMBOLS
IN RUSSIAN AND CHINESE PAROEMIA WITH THE BLACK COMPONENT 747

Faiboushevskiy M.V.

LEXICOGRAPHICAL IMPLEMENTATION OF THE COGNITIVE CONTENT
OF THE TERM 751

Furs L.A.

FEATURES OF COGNITIVE STYLE IN FAKE NEWS VERIFICATION 755

Khabibullina S.B.

ANALYTICAL READING AS A COGNITIVE PROCESS.....759

Chenskikh E.P.

CONCEPTS OF *HEART-MIND-SOUL* IN THE NOVEL BY J. FOWLES'
THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN 764

Zhao Shuping

METAPHOR AS A LINGUISTIC MEANS OF CREATING THE IMAGE OF A CHINESE
PRODUCT IN RUSSIAN ADVERTISING 767

Shevchenko T.I., Romanova E.Yu.

COGNITIVE BASES OF WORD STRESS NATIVISATION IN A SECOND LANGUAGE....771

Shelepova N.V.

TRADITIONAL AND MODERN NEUROCOGNITIVE APPROCHES
IN THE STUDY OF ASSOCIATIVE CONNECTIONS
(BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE STUDY) 775

LANGUAGE PHENOMENA AND COGNITIVE PROCESSES IN A POLYMODAL PERSPECTIVE

Abramkina A.S.

NAME AS A REPRESENTATIVE OF THE HERO IN THE COMPUTER
GAME LEAGUE OF LEGENDS.....779

Adashchik D.N., Shiryayeva T.A. LINGUISTIC AND COGNITIVE MECHANISMS OF FORMING THE IMAGE OF THE LEADER OF GREAT BRITAIN IN CONDITIONS OF CRISIS MANAGEMENT	783
Alekseeva-Nilova T.E., Puchkova E.V. REGISTRATION OF EYE MOVEMENTS WHEN READING MULTIMODAL POETIC TEXT	787
Alyunina Y.M. FRENCH PORTRAIT OF RUSSIAN CHARACTERS IN AMERICAN CINEMA.....	791
Anisimov V.E. VIEWER'S PERCEPTION OF PRAGMATICALLY ORIENTED ELEMENTS IN FILM DISCOURSE	795
Anisimov V.E., Anisimova E.D. THE PECULIARITIES OF THE NATIONALLY SPECIFIC CONCEPT OF <i>BONHEUR / HAPPINESS</i> REPRESENTATION IN FRENCH FILM DISCOURSE OF THE 20TH-21ST CENTURIES	799
Anishchenko A.V. CONSTRUCTION OF THE EMOTIONAL-PSYCHOLOGICAL IMAGE OF CHARACTERS IN THE AUDIO COMMENTARY TO A FILM ADAPTATION IN GERMAN	803
Basinskaya M.V. MAGAZINE COVER AS A POLYCODE TEXT OF ENGLISH ECOLOGICAL DISCOURSE	806
Belikova G.V. 'DARING' NOMINATION OR THE EPISTEMOLOGICAL PHENOMENON OF MIXED METAPHOR (ON THE EXAMPLE OF FRENCH).....	810
Blinova O.A. MARKERS OF IDENTITY DISCOURSE IN MULTIMODAL MEDIA TEXTS (THE CASE OF INDIAN POLITICAL CARTOONS)	814
Vishnyakova E.A. LINGUISTIC ECONOMY IN MULTIMODAL PERSPECTIVE	818
Vorobeveva N.V. MULTIMODAL STYLISTIC MEANS OF IMPLEMENTING ADVERTISING IMPACT IN ENGLISH CELEBRITY INTERVIEW	821
Golubina K.V. TACTILE METAPHOR IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE: ITS SPECIFIC FEATURES AND IDENTIFICATION CRITERIA.....	825
Golubkova E.V. COGNITIVE MODELLING AS A TEACHING METHOD	829
Grechkin I.A. COGNITIVE-DISCURSIVE SPECIFICITY OF POLYCODE TEXTS (BASED ON INTERNET MEMES OF PROFESSIONAL MEDICAL COMMUNITIES).....	833

Grishaeva L.I. SOCIOCOGNITIVE EXPERIENCE OF NATIVE LANGUAGE SPEAKERS WITHIN A SHARED CULTURE IN THE CONTEXT OF THE “INVARIANT / VARIANT”	837
Gurochkina A.G. GENERATION OF UTTERANCES, THEIR PERCEPTION AND UNDERSTANDING IN VIRTUAL SPACE	841
Drozhashchikh N.V., Engel E.A. COGNITIVE FOUNDATIONS OF TEXT CREATIVITY	845
Zaripov R.I. SUGGESTION AS A DOMINANT COMPONENT OF MASS COMMUNICATION. FASCINATION, FASCINATIVITY, EMOTIONALITY	849
Ignatenko A.V. FUNCTIONAL FEATURES OF HISTORICISMS AND ARCHAISMS IN ARTISTIC DISCOURSE (USING THE EXAMPLE OF MO YAN’S NOVEL “DEATH SMELLS LIKE SANDALWOOD”, 2001)	852
Karkashova M.A., Khvesko T.V. MULTIMODALITY OF ARCHITECTURAL IMAGES IN VERBAL TEXT	856
Kumurzhi E.V. SIGN MODIFICATIONS IN TACTILE METAPHORS OF RUSSIAN SIGN LANGUAGE WITH THE SEMANTIC COMPONENT OF SMOOTHNESS/PRICKLINESS	861
Magirovskaya O.V. CONCEPTUAL AND FORMATTING POTENTIAL OF INTERNET-MEME PRECEDENT NATURE	865
Malneva E.Y. “NEVER OTHERWISE THAN ANALYTIC”: HOLISTIC COGNITIVE STYLE AND THE PHENOMENON OF EDGAR POE	866
Palekhova O.V. ALLUSIONS IN GERMAN ELECTION POSTERS	873
Pakhomov L.V., Pavlova D.S. WHAT DOES “ART” SMELL LIKE? SENSORY CLAIM OF AN ABSTRACT CONCEPT	877
Peredrienko T.Yu. REPRESENTATION OF NEGATIVE TASTE EXPERIENCE IN THE RUSSIAN LANGUAGE	881
Rokhlina T.A. THE METAPHORICAL MECHANISM OF EMBODYING THE IMAGE OF A PARENT AND A CHILD IN INTERNET DISCOURSE (THE CASE OF MEMES IN THE E-PUBLICATION “NET, ETO NORMAL’NO”)	885

Ruggeri F.	
TO THE QUESTION OF EMOTIONAL VALENCE'S INFLUENCE OF EMOTIVE VERBS ON THE CHOICE OF GESTURAL HAND: INTERCULTURAL DIFFERENCES	889
Savko P.V.	
THE IMPACT POTENTIAL OF A MULTIMODAL TEXT	893
Nadia Ibrahim Mohamed Abdelkader Said	
CULTURALLY CONDITIONED DIFFERENCES IN COMMUNICATION BETWEEN RUSSIAN AND ARABIC NATIVE	896
Sakkini M.G., Karandina P.M.	
THEATRE METAPHOR IN GRAND CORPS MALADE'S SLAM POETRY VIDEOS	900
Tiuleneva A.M.	
LANGUAGE ATTITUDES OF SPEAKERS OF THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE	904
Fokina M.S.	
CONSTRUCTION AND INTERPRETATION OF CHRONOGRAMS IN MULTIMODAL PERSPECTIVE	907
Kholmanskikh Yu.S.	
ON VISUAL MODELING OF THE CONCEPT <i>LANGUAGE</i>	911
Hrushcheva O.A.	
PERCEPTION OF THE FOREIGN WORD WITHIN MULTIMODAL TEXTS	915
Chaykisova A.V.	
COGNITIVE ASPECTS OF THE PERCEPTION AND INTERPRETATION OF INTERNET MEMES	919
Zhibing Yang	
REFRAMING SOCIAL POSTERS OF THE CORONAVIRUS ERA AS A PROCEDURE FOR CREATING A COMIC	923

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!

Перед вами сборник материалов Международной научной конференции «Когнитивные исследования в цифровую эпоху», которая состоялась 5-7 июня 2025 г. Данное издание представляет собой результат плодотворного интеллектуального диалога ученых из разных стран, объединенных интересом к исследованию когнитивных аспектов языка в контексте стремительно развивающихся цифровых технологий.

Конференция охватывает широкий спектр актуальных направлений и вопросов современной когнитивной лингвистики и отражает научные интересы авторов статей, объединенных общей проблематикой, но существенно различающихся по материалу и методам исследования.

Особую ценность конференции придали пленарные доклады ведущих ученых, представляющих различные научные школы и направления когнитивной лингвистики. Мы выражаем глубокую признательность пленарным докладчикам за их фундаментальный вклад в освещение общих проблем когнитивной лингвистики.

Работа Николая Николаевича Болдырева посвящена роли и функциям естественного языка и языковой интерпретации в контексте возможностей их моделирования цифровыми методами, используя для этого теоретические установки и методологию когнитивной лингвистики в эпоху активного продвижения искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека и связанные с этим проблемы лингвистических исследований.

Андрей Александрович Кибрик убедительно раскрывает точки соприкосновения когнитивной лингвистики и языковой политики. Ольга Викторовна Александрова в своем выступлении «Дискурсивные особенности языковой личности» подчеркивает то, что язык является не просто инструментом коммуникации, но и – неотъемлемой частью деятельности человека, отражением его личности и мировосприятия. Людмила Григорьевна Бабенко обращается к теме модального пространства художественного текста и когнитивным стратегиям его формирования и репрезентации в аспекте пространственного измерения. Наталья Борисовна Гвишиани в рамках пленарного доклада «Когнитивные механизмы лингвокреативности в переводе художественного текста» освещает вопрос о свойствах художественного текста на основе сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, где в качестве *tertium comparationis* используется автоматизированный перевод, а когнитивный механизм этого процесса может быть представлен как отображение фрейма заданной темы в реальности сопоставляемых языков.

Валерий Закиевич Демьянков обращается к идеям конструкционной грамматики, в частности, к тому, как установление сочетаемости элементарных единиц в рамках текста используется в моделях продуцирования и понимания текстов на

естественном языке и отражает не только «чистое» знание языковых конструкций, но и внеязыковые знания, а также степень актуализации самих таких знаний в социальном и индивидуально-психологическом контексте создаваемых речевых произведений и выбор вариантов, характеризующих региональную и национальную идентичность носителей языка. Ирина Владимировна Зыкова, рассматривая перлокутивный потенциал фразеологизмов по данным мультимедийного корпуса фильмов и с опорой на теорию речевых актов, теорию речевого взаимодействия и теорию фразеологии, выделяет параметры, релевантные для декодирования перлокутивного эффекта фразеологизмов и определения успешности их употребления в полимодальной коммуникации посредством установления семантико-прагматической корреляции между исходной интенцией их использования говорящим и реакцией слушающего. Владимир Ильич Карасик анализирует концепт СВЕТ в паремии-ологии и афористике, подчеркивая его высокую метафоричность и символичность, а также оценочную связь с тьмой и значимость для выражения правды, знаний и опыта, при этом отмечая практическую и назидательную оценку света в пословицах и акцент на мудром созерцании и ироническом комментировании в афористике. Татьяна Альбертовна Клепикова уделяет пристальное внимание языковым высказываниям, выступающим в качестве триггеров когнитивных искажений, провоцирующих дальнейшее укоренение когнитивных искажений в вербальной картине мира, что предопределяет в итоге интерпретационные решения в когнитивно-дискурсивных практиках. Доклад Светланы Леонидовны Кушнерук раскрывает научный потенциал развивающихся направлений исследования миромоделирования в лингвистике первой четверти XXI в.; представляет перспективы изучения феномена в искусственно созданной цифровой инфосфере в связи с вызовами мультимодальности, роботизацией, внедрением искусственного интеллекта и генеративных миромоделей, размывающих границы между реальным и виртуальным. В своем докладе Елена Анатольевна Огнева анализирует интерпретативный потенциал как свойство информативного кода когнитивных конструкторов, представляющих иерархическую взаимосвязь когнитивных доминант, концептов-доминант и концептов, и выявляет три параметра, определяющие когнитивные координаты функционирования этого потенциала. Тамара Владимировна Хвесько обращается к теме восприятия информативного кода в качестве когнитивной доминанты художественного произведения. Людмила Петровна Пашенко затрагивает тему нейропсихологического подхода в обучении иностранным языкам, основанного на понимании работы мозга и когнитивных процессов для создания более эффективных методик преподавания путем интеграции нейронауки, когнитивной лингвистики и психологии. Глубокие и содержательные выступления пленарных докладчиков позволили участникам конференции ознакомиться с передовыми идеями и актуальными тенденциями в области когнитивных исследований, способствовали формированию целостного представления о современном состоянии и перспективах развития когнитивной лингвистики в цифровую эпоху и создали атмосферу для секционных выступлений.

Секция «Проблемы концептуализации и категоризации мира в языке» посвящена фундаментальным вопросам отражения познавательных процессов в языковых структурах, особенностям формирования концептов и категорий в различных языках и культурах. В рамках секции «Когнитивно-дискурсивные исследования языка» рассматриваются когнитивные механизмы порождения и восприятия дискурса, а также роль дискурсивных практик в формировании языковой картины мира. В фокусе секции «Языковые явления и когнитивные процессы в полимодальной перспективе» находятся вопросы взаимодействия различных модальностей в процессе коммуникации, невербальные аспекты передачи информации и их когнитивная обработка. Секция «Когнитивный подход в переводоведении» приглашает к обсуждению когнитивных аспектов перевода, концептуальной эквивалентности и проблем межязыковой и межкультурной передачи смыслов.

В секции «Коммуникация, компьютерная лингвистика и искусственный интеллект: когнитивный аспект» обсуждаются вопросы моделирования когнитивных процессов в системах искусственного интеллекта, когнитивные основы человеко-машинного взаимодействия и перспективы развития интеллектуальных систем обработки естественного языка. В центре внимания корпусных исследований находятся методы и результаты применения корпусных технологий для изучения когнитивных аспектов языка, а также новые возможности, которые открывают большие данные для лингвистических исследований. Секция «Междисциплинарность в лингвокогнитивных исследованиях» становится связующим звеном между когнитивной лингвистикой и другими науками, представляя исследования на стыке с психологией, нейронауками, философией, антропологией и социологией, демонстрируя богатство междисциплинарных подходов.

Мы выражаем искреннюю благодарность всем членам оргкомитета. И хотим особенно отметить тех, кто принимал участие в подготовке сборника и редактировании статей: О.В. Бронникову, А.С. Головки, О.Б. Ульянову, Н.В. Дрожащих, Т.А. Протасова, И.Е. Белякову, М.А. Ковязину, Е.Ю. Пономареву. Особую признательность хотелось бы выразить заведующему кафедрой прикладной и теоретической лингвистики А.С. Остапенко, руководителю ТЮмГУ-Пресс А.А. Восторг, руководству Института социально-гуманитарных наук в лице заместителей директора И.Х. Крускоп и Н.В. Ракитиной, и директора Института социально-гуманитарных наук В.М. Костомарова, а также руководству университета и лично Е.П. Вдовину, Н.К. Федоровой и Е.С. Корчемкиной за неоценимую поддержку проекта.

Мы надеемся, что представленные в сборнике материалы будут способствовать дальнейшему развитию когнитивной лингвистики, стимулировать новые исследования и междисциплинарный диалог в эпоху цифровых технологий.

*С уважением,
Оргкомитет конференции*

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

Н.П. Авдеева (Саратов, Россия)

*Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
avdeevanp@gmail.com*

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА)

Анализируются когнитивные доминанты концепта ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ персонажа в авторском сознании на материале художественного дискурса А.П. Чехова методом фреймовой семантики. Выявляются коллективные и индивидуальные когнитивные доминанты, образующие структуру авторского сознания. В когнитивной концепции авторского сознания писателя акцентируются особенности мировосприятия Чехова-врача.

Ключевые слова: авторское сознание, когнитивная доминанта, фрейм, Чехов

Авторское сознание активно исследуется в когнитивной лингвистике, психолингвистике, психопоэтике, лингвокультурологии, литературоведении, т.к. данный феномен представляет актуальность в изучении языка и мышления.

Интерес к авторскому сознанию А.П. Чехова определяется его тонким и глубоким психологизмом в изображении душевной жизни героев. Непосредственной формой психологизма в художественном тексте является внутренняя речь (ВР) персонажа, которую мы рассматриваем с точки зрения когнитивной лингвистики.

Мы отталкиваемся от следующего тезиса: художественный текст отражает художественную модель мира автора, языковые единицы художественного дискурса акцентируют когнитивную концепцию авторского сознания [Бутакова 2001]. Мы рассматриваем ВР как концепт авторского сознания Чехова. Цель нашего исследования – выявить его особенности с помощью построения когнитивной структуры концепта ВР.

Объект исследования – когнитивные доминанты, образующие когнитивную структуру авторского сознания. Предметом анализа являются глаголы, вводящие ВР персонажа в авторское повествование и образующие фреймы, субфреймы и слоты когнитивных доминант концепта.

Список глаголов был составлен методом сплошной выборки (2282 единицы) из рассказов и повестей Чехова 1990-1903 гг. [Чехов 1985]. В прозе Чехова глагол *думать* является самым частотным – 568 единиц из 2282, поэтому мы рассматриваем его в актуализации когнитивных доминант.

При построении когнитивной структуры авторского сознания используется метод фреймовой семантики [Беляевская 2021; Болдырев 2000; Филлмор 1983], методы семантического и контекстуального анализа, количественный анализ.

В прозе А.П. Чехова глагол *думать* представлен частотным значением 1. ‘размышлять о чем-л., направляя свои мысли на кого-, что-л.’ [Толковый словарь русских глаголов 1999: 322], что делает его единицей фрейма ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1800 единиц) и субфрейма РАЗМЫШЛЕНИЕ (390): «Он с особенным удовольствием *думал* о том, как *завтра он будет описывать* приятелям и самой Наде свое приключение, как *передразнит* голос мужа и всхлипыванье ка-лош...» [Чехов 1985, т. 5: 406].

Многозначность глагола, актуализируемая его контекстуальным окружением, делает его единицей не только субфрейма РАЗМЫШЛЕНИЕ. В «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л.Г. Бабенко выделяется еще три значения глагола *думать*. Значение 2. ‘держаться какого-л. мнения’ [Толковый словарь русских глаголов 1999: 322]: «*Малый, как видно, не из очень умных... – думал* Кунин. – *Не в меру робок и глуповат.*» [Чехов 1985, т. 4: 151-152]. Значение ‘результат интеллектуальной деятельности в виде суждения, выражающего оценку’ относит единицу *думать* к субфрейму МНЕНИЕ (92). В значении 3. ‘решать что-л., намереваться сделать’ [Толковый словарь русских глаголов 1999: 328] мы сепарировали значения ‘решение’ от ‘намерение’, выделив два соответствующих фрейма. Значение 3. ‘результат интеллектуальной деятельности в виде вывода’ актуализируется единицами субфрейма РЕШЕНИЕ (14): «*Ну что ж? – думал он. – В городе, так в городе. Дадут приданое, заведем обстановку...*» [Чехов 1985, т. 8: 221]. Глагол *думать* в контекстуальном значении 4. ‘интеллектуальная деятельность, направленная в будущее’ входит в субфрейм НАМЕРЕНИЕ (31): «*Вернусь, – думал он, – а уеду завтра с утренним поездом... Скажу, что опоздал к поезду.*» [Чехов 1985, т. 6: 93]. Субфреймы РАЗМЫШЛЕНИЕ, МНЕНИЕ, РЕШЕНИЕ и НАМЕРЕНИЕ входят во фрейм ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Контекстуальное значение 5. ‘испытывать (испытать) чувство тревоги, беспокойства о ком-, чем-л., направляя все свои мысли на кого-, что-л.’ [Толковый словарь русских глаголов 1999: 520]: «Петр Михайлыч шел домой и с ужасом *думал* о том, *какое чувство будет у исправника, когда он узнает правду.*» [Чехов 1985, т. 8: 19]. Данное значение определяется негативным эмоциональным состоянием и относит единицу к субфрейму ТРЕВОГА (70) фрейма ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ.

Таким образом, глагол *думать* репрезентирует когнитивные доминанты концепта ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ в авторском сознании субфреймами РАЗМЫШЛЕНИЕ, МНЕНИЕ, РЕШЕНИЕ и НАМЕРЕНИЕ фрейма ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И субфреймом ТРЕВОГА ФРЕЙМА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. Данные фреймы и субфреймы были выделены на основе значений, зафиксированных в словаре, следовательно, когнитивные доминанты авторского сознания являются общими, коллективными.

Глагол *думать*, являясь инфинитивной частью составного предиката, осложняется приращениями дополнительных смыслов вспомогательного глагола. 1) Фазовые значения: ‘начало процесса мышления’ – *стать думать* (13), *начинать думать* (2), *начать думать* (2); ‘продолжения процесса мышления’ – *продолжать*

думать (8); 2) ‘желание’ – *хотеть думать* (1), *хотеться думать* (2); 3) ‘стремление (скорость)’ – *спешить думать* (1), ‘стремление (интенсивность)’ – *стараться думать* (1); 4) ‘разрешение’ – *позволять думать* (1); 5) ‘примирение’ – *привыкнуть думать* (1); 6) ‘неизбежность’ – *приходиться думать* (1).

Основная часть предиката *думать* входит в субфрейм РАЗМЫШЛЕНИЕ, а вспомогательные глаголы становятся единицами слотов субфрейма РАЗМЫШЛЕНИЕ. Слоты **Начало** (17) и **Продолжение** (8) актуализируют коллективные когнитивные доминанты фазовости мышления. Слоты ЖЕЛАНИЕ (3), СТРЕМЛЕНИЕ (2) И РАЗРЕШЕНИЕ (1) ДУМАТЬ, ПРИМИРЕНИЕ (1) С МЫСЛЬЮ, НЕИЗБЕЖНОСТЬ (1) мыслительной деятельности акцентируют разделение, независимое существование субъекта мышления и мыслительного процесса, репрезентируют индивидуальные когнитивные доминанты пассивности мыслящего субъекта и стихийности мыслительного процесса.

Глагол *думать* является единицей различных фреймов вследствие многозначности и приращения смыслов, что определяет полифункциональность глагола в авторском сознании.

Конструкции с глаголом *думать* характеризуются полипредикативностью. Например, «*Ходил он, вздыхал и думал: „У кого бы это револьвер достать? Чем так жить, так лучше уж... право... Пулю в лоб, и конец...“*» [Чехов 1985 т. 2: 266]. Мы выявили 318 предикативных форм, сопровождающих глагол *думать*, которые являются единицами фреймов ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (127), ФИЗИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИЕ (121), ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ (34), ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ (10), ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ (10) и др. менее частотных.

Интерес представляет фрейм ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (127) и его субфреймы. Субфрейм ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ (93): *глядеть, смотреть, взглядываться, любоваться, наблюдать* и др.; СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ (21): *слушать, прислушиваться, слышаться; РАЗМЫШЛЕНИЕ* (8): *размышлять, соображать, теряться в догадках, путаться в голове* и др.; ПАМЯТЬ (7): *вспоминать*; и др. Значительный объем субфреймов ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ (93 единицы из 127) и СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ (21 единица из 127) определяют специфику индивидуальной когнитивной доминанты авторского сознания – зрительное и слуховое восприятие в процессе речемышления.

Фрейм ФИЗИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИЕ (121) представлен субфреймами ДВИЖЕНИЕ СУБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ (55): *идти, ходить, бежать, выходить, гулять* и др.; ПОЛОЖЕНИЕ ТЕЛА СУБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ (19): *лежать, сидеть, стоять; ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕЛА СУБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ* (16): *ложиться, садиться, лечь* и др.; ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ (6): *взбудораживать пыль ногами, водить карандашом по бумаге* и др.

Когнитивные доминанты концепта ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ – сопровождение мыслительного процесса физическими действиями: субъект двигается (обычно хо-

дит), перемещается в пространстве, меняет свое положение и положение окружающих предметов.

В состав субфрейма ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ (34) входят слоты РАДОСТЬ (6), ТРЕВОГА (5), УДИВЛЕНИЕ (4), ПЕЧАЛЬ (4), СТРАХ (3), ЗЛОРАДСТВО (2), ТОСКА (2) и др. Единицы слотов с семей 'эмоция' представлены двумя глаголами: *тосковать* и *сердиться*. Остальные единицы актуализируют значение 'эмоция' через физиологические проявления: *смеяться*, *плакать*, *дрожать*, *закрывать глаза*, *пожимать плечами*, *хватать себя за голову*, *всплескивать руками*; *вздрагивать*, *потирать руки* и др.

Физиологическое проявление психики – особенность авторского сознания Чехова, что подтверждается присутствием в когнитивной структуре субфреймов ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ (10): *морищить лоб*, *растянуться на диване*, *закрывать глаза (спать)*, *пожиматься от холода*, *потягиваться*, *проснуться*; ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ (10): *дремать*, *засыпать*, *впадать в забытие*, *спать*, *зевать*, *проснуться*, *пожиматься* и др. Физиологическое действие и состояние в когнитивной структуре, на наш взгляд, являются индивидуальными когнитивными доминантами и, возможно, связаны с опытом Чехова-практикующего врача.

Таким образом, глагол *думать*, участвуя в актуализации системы коллективных и индивидуальных когнитивных доминант, является полифункциональным в авторском сознании. Коллективные доминанты концепта ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ актуализируются интеллектуальной деятельностью: размышлением, мнением, решением и намерением; эмоциональным состоянием: радостью, тревогой, удивлением, печалью, страхом, злорадством, тоской. Индивидуальные доминанты концепта ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ – стихийность мышления и пассивность мыслящего субъекта, «вещная оболочка» мышления: параллельность мыслительного процесса зрительному, слуховому восприятию, физическим и физиологическим действиям и состояниям. Возможно, физиологические проявления – отражение специфика авторского сознания Чехова-врача.

Литература

- Беляевская Е.Г. Фрейм? Фрейм... Фрейм! // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 17-24.
- Болдырев Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Мичуринск: Мичуринский гос. пед. ин-т, 2000. С. 37-45.
- Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста (Когнитивный аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2001.
- Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999.
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике: прикладная лингвистика. Вып. XII. М.: Радуга, 1983. С. 74-122.
- Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1985. Т. 1-9.

N.P. Avdeeva (Saratov, Russia)

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky

THE CHARACTER'S INNER SPEECH AS A REFLECTION OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN ANTON CHEKHOV'S NOVELS

The article analyses the cognitive dominant of the concept of the character's inner speech in the author's consciousness. The material of the analysis is the literary discourse of Anton Chekhov. The main method of analysis is frame semantics. General and individual cognitive dominants in the structure of the author's consciousness are revealed. The cognitive concept of the author's consciousness highlights the peculiarities of Chekhov the writer and Chekhov the doctor.

Key words: author's consciousness, cognitive dominant, frame, Chekhov

М.В. Аксенова (Нижегородский, Россия)

*Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
marina.v.aksenova@gmail.com*

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРАВЕЛОГОВ Н.И. ГРЕЧА

В статье рассматривается когнитивный аспект языковой номинации, в частности реализация этого явления в пространстве художественных текстов о путешествиях Н.И. Греча. Особенностью жанра травелога является путешествие в другой мир и представление его читателю. Показано, что выбор конкретных языковых средств для именования объектов действительности этого мира, а также их изменение представляют собой результат познания и освоения иномира.

Ключевые слова: номинация, когнитивная лингвистика, дискурс травелога, путешествие, художественное пространство текста

Художественный дискурс травелога предполагает воссоздание мира, увиденного путешественником, с нуля и отображение его в пространстве текста с помощью языковых единиц. Травелог предоставляет автору возможность не только создать новый мир, но даже описать идеальный с точки зрения его субъективизма мир, где главным творцом будет он сам.

Герой травелога – путешественник – оказывается в культурном пространстве, часто новом для него. Этот мир ранее в его сознании не существовал, а потому требует особого утверждения и реализации. Нарекая встреченного аборигена Пятницей, Робинзон Крузо творил свою понятную среду, лингвистически осмысляя и рационализируя то, что его окружает. Он объясняет дикарю, что его зовут Пятницей, а его самого – господином, он утверждает свой собственный порядок вещей в неизвестном для него мире. Выбор языковых единиц отражает концептуализацию этого мира в сознании путешественника, а кодирование явлений внеязыковой действительности происходит через номинацию – именование этих явлений. Исследованием процесса номинации занимается ономазиология [Кубрякова 2002].

Материалом для исследования в данной статье явились травелоги Н.И. Греча, в которых также можно увидеть рационализацию и осмысление инопространства.

Николай Иванович Греч – литератор, публицист, издатель, оставивший богатое наследие в виде литературных путешествий. Произведения Греча интересны с точки зрения не только литературоведения, но и лингвистики. Он сам, являясь членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, занимался вопросами русской грамматики, стал автором нескольких учебников, прекрасно знал европейские языки. В статьях Греч называет язык «стройным, согласным в разнообразнейших частях целым», «несметным роем звуков, служащих орудием к изображению чувствований и мыслей человека». В своих путешествиях Греч много внимания уделяет лингвистическим вопросам, связанным с жизнью в другой стране. Приехав в Англию, он старается не только говорить, как англичанин, но и жить, перенимая их привычки. В Германии старается вести себя как немец, в Дании – пробует датский уклад жизни. Греч рефлексировал над вопросами парадигматики, описывает особенности немецких диалектов, сравнивает произношение иностранцев.

В тексте травелогов часто встречаются слова на языке той страны, которую автор посещает. Как и многие другие путешественники, Греч, сталкиваясь с неизвестными реалиями жизни за границей, использует иностранное название, уже существующее в этом языке. Так, например, особый мещанский уклад жизни, «привычки домашние за пивом и табаком» он называет немецким словом *Spießburgerei* [Греч 1839: 22], а новый для него тип дилижанса – *cabriolet*. Можно наблюдать и постепенное вхождение иностранного слова в словарь путешественника: в других более поздних травелогах слово *кабриолет* появляется в русской транскрипции и уже служит для описания другого вида транспорта: *Я нанял место в кабриолете или соире, но садясь в дилижанс, увидел свою ошибку: это не те кабриолеты, в которых я катался по Франции: в них нет окон, а есть только кожаные завесы, не защищающие от холода* [Греч 1839: 24]. Или: *мы сели в charabane (дурное подражание дрожкам)* [Греч 1838: 204]. Неудивительно, что такого внимания удостоиваются именно средства передвижения, транспорт, объекты в городе (например: *Дом этот, или, как во Франции называются помещичьи жилища, замок (chateau)* [Греч 1838: 203]. Также нередко появляются гастрономические термины и лексемы с абстрактным значением (чувства, добродетели).

Часто Греч предоставляет читателю двойное наименование реалий, и на иностранном, и на русском языке, осваивая иноязычное пространство страны: так Лудовикова улица сопровождается данным в скобках оригинальным названием *Ludwigstrasse*, то же и с названием гостиницы Золотого Оленя (*beim goldnen Hirsch*), именем архитектора Цибланда (*Ziebland*).

Интересный механизм представляет собой реинтерпретация, а также изменение существующих языковых единиц с помощью механизма аналогии. Таким образом, данные в иномире незнакомые понятия осваиваются и приближаются. В одном из путешествий автор отправляется в Данию на судне с любопытным названием «Не тронь меня», которое вся команда называет «Нетроном». *Известное наше обыкновение, коверкать иностранные и трудные имена, во всей силе господствует*

во флоте. Корабль Трех Иерархов называют матросы Трах Тарарах, новый корабль Фер Шампенуаз величается Фершель у нас [Греч 1838: 8].

Во время стоянки на якоре близ Борнгольма к судну стекается местное население на лодочках, предлагая свои товары. Греч отмечает особую сметливость простого русского народа: матросы с легкостью объясняются с датскими торговцами, используя всевозможные звуки и телодвижения. Заметив обыкновенную поговорку английской черни: *I say* (я говорю), наши прозвали их Асеями. За второю чаркою величают они их Асеюшка, стариков Асеич, а женщин Асеевна [Греч 1838: 16]. Матросы создают особую номинацию для иностранцев, которая представляет собой переработанную фразу, часто ими повторяемую.

Погружаясь в реалии жизни других стран, Греч сталкивается с тем, что существующие в языке номинации кажутся ему курьезными и даже возмутительными. Так, в путешествии 1817 г. он описывает неурожай хлеба во Франции, который заставил французов смешивать пшеничную муку с другими более дешевыми видами. Получив такой хлеб в трактире, автор возмущен и негодует о придиричivosti французов к русскому хлебу. *Мне подали какую-то варварскую композицию. Подайте мне белого хлеба! сказал я с негодованием... И французы, которые у себя должны питаться мякиною, приезжая к нам, не хотят есть нашего ржаного хлеба! И мы белый хлеб свой называем – французским!* [Греч 1838: 45-46].

Гастрономическая метафора появляется в именовании одной инокультуры другой: *Voila encore des beafsteaks, qui nous arrivent!* кричал целый хор мальчишек при въезде нашем в Париж, окружив дилижанс, на котором большими буквами написано: *de Londres a Paris!* [Греч 1838: 47]. Французские мальчишки презрительно называют англичан бифштексами, высмеивая их кулинарные пристрастия.

Некоторые существующие номинации встречают непонимание со стороны путешественника. Он рассказывает, как огорчал его до слез в юности грубый обычай баварцев сравнивать все со свиньями и именовать друг друга так же. Однако со временем автор научился наслаждаться этим немецким простодушием. Описывая незамысловатые венские балы, Греч называет аристократов «фонами», используя немецкую приставку знатных фамилий как общеизвестное наименование: *Простолудины пляшут, дамы высших сословий глядят на них и смеются, молодые фоны лорнируют хорошеньких* [Греч 1839: 140]. Английских дам он называет мисками. Путешественник посмеивается над любовью австрийцев к титулам, ведь даже ему одна дама, не зная его имени и звания, адресует письмо следующим образом: *A monsieur, monsieur le Comte, No 30* [Греч 1839: 141]. То есть буквально господину графу в номер тридцатый (Греч не имел графского титула). Оскорблением было бы именовать благородного господина обращением *Herr*, такого удостаивались только простолудины – ремесленники, сапожники, рабочие.

Французское *canaille* Греч использует для обозначения особого рода людей – черни, бездомных, праздношатающихся людей, которые составляют в Париже и в Лондоне население целых частей города; которые, вставь поутру с соломенного ложа, не знают, чем проживут день, и потому готовы на всякое преступление для

утоления голода и жажды [Греч 1838: 266]. «Черни нет» – счастливо сообщает он о Германии. Примечательно, что и само слово «чернь» со временем обрастает для автора все более негативными коннотациями, связанными в первую очередь с Францией и событиями, там происходящими (монархист Греч считал, что свержение монархии погубило Францию). В своем первом травелоге английской «черню» он называет всего лишь торговцев, стекающихся к кораблю со своими товарами, тогда как в более поздних «Путевых письмах» 1839 г. «чернь» – это большей частью французские бездельники и бездомные, не имеющие занятий и цели в жизни. Таким образом, «чернь» приобретает все более негативную коннотацию.

Порой референт и денотат не совпадает для путешественника и представителя инокультуры. Так, увидев зеленые лужайки и тенистые аллеи, Греч спрашивает, что это за парк, однако парк оказывается не парком, а кладбищем, о чем ему и сообщают. В свою очередь, частичное совпадение денотата в иностранном и русском языках делают культуру другого мира более понятной и близкой. Например: *Со мною ехали один молодой лейпцигский купец, одна пожилая дама и одна девушка, неважного звания, но с хорошеньким личиком – обе богемки или чехини. Я забавлялся во всю дорогу, спрашивая у них, как называются по-богемски разные предметы, действия и т.п., и радовался, находя близость с русскими словами* [Греч 1839: 2].

Можно заключить, что особая номинация реалий мира в травелоге является отображением авторской концептосферы. Лексические единицы с метафорическим или метонимическим переносом для выделения типического использует и сам автор («таблица умножения» об Англии), и представители разных культур друг о друге («бифштексы» об англичанах), («господин граф» о самом путешественнике). Иностранные лексические единицы и номинации перерабатываются и осваиваются средствами родного языка («Асеюшка» о торговцах, «фоны» и «миски» об иностранцах). Бесконечный творческий процесс осваивания и развития языковых единиц, как существующих, так и заимствованных извне, происходит параллельно с узнаванием и принятием другой культуры.

Литература

Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 3. СПб.: тип. Н. Греча, 1839.

Греч Н.И. Путевые письма. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году. Письма к А.Е. Измайлову. Сочинения Николая Греча. Часть четвертая. СПб.: тип. Н. Греча, 1838.

Дорофеева А.С. Когнитивно-прагматический подход в профессиональном лингвистическом образовании // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 4. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1559>

Зырянова М.Н. Классификационные типы номинаций художественного концепта (на примере постмодернистских текстов Д. А. Пригова) // Концепт. 2014. № S1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsionnye-tipy-nominatsiy-hudozhestvennogo-kontsepta-na-primere-postmodernistskih-tekstov-d-a-prigova>

Кубрякова Е.С. Ономазиология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 345-346.

M.V. Aksenova (Nizhny Novgorod, Russia)

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical university

THE COGNITIVE FUNCTION OF NOMINATION IN TRAVELOGUES BY N.I. GRECH

The article considers cognitive aspect of linguistic nomination, in particular, realization of this phenomenon in literary travel writing of N.I. Grech. The peculiar feature of the genre of travelogue is a journey to another world and its presentation to the reader. The choice of specific linguistic means for nomination of objects of reality in this world as far as their modification are the result of cognition and appropriation of the new land.

Key words: nomination, cognitive linguistics, discourse of travelogue, travel

A.З. Атлас (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
aatlas@herzen.spb.ru*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА И МЕТАТЕКСТОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ

В работе рассматриваются особенности конструирования вторичных текстов, апеллирующих к сказкам братьев Гримм с помощью двух видов метатекста, иннективного и сепаративного. Исследуется их роль в управлении читательским пониманием исходного текста и его критическом осмыслении в стихотворном сборнике “Transformations” американской поэтессы Энн Секстон.

Ключевые слова: вторичный текст, сказка, метатекст, комментарий, текст в тексте

Сильные тексты обладают интерпретативной открытостью, способностью вызывать у исследователей, переводчиков и читателей наибольшее количество толкований [Cook 1993; Блум 1998; Гронас 2001; Масленникова 2016]. К ним относятся сказки, которые служат целям хранения и передачи ценностных отношений [Атлас 2015]. В ситуации актуальных вызовов времени их вторичная репрезентация часто призвана продемонстрировать ограниченность твердых истин, которые они транслируют и которые читатель привычно воспринимает. Исследователи указывают на связь между авторскими переложениями сказок и литературной критикой сказок: «с 1980-х имеет место неразрывный, диалектический рост взаимного влияния в целом всех писателей, обращавшихся к сказке, и литературной критики, направленной на нее, что привело к новаторским экспериментам со сказкой во всех областях культуры» [Zipes 2009: 122]. Мысль о новаторстве автора, которое он демонстрирует, стремясь осмыслить и интерпретировать сказки как культурно-значимые тексты и взявшись за их переложение, важна для данной работы. Вслед за Н.Н. Болдыревым, «под интерпретацией понимается языковая познавательная активность отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [Болдырев 2010: 51].

Интерпретативно-комментирующий характер авторских версий сказок проявляется, на наш взгляд, в использовании метатекста. А. Вежбицка рассматривает «мета-организаторы» монологического текста, которые делают его двухголосым, и ссылается на мысль М.М. Бахтина о том, что «диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, ...как бы... раздваиваем свое авторство» [Бахтин 1972: 315]. Автор текста подобен вдумчивому слушателю чужой речи: он фиксирует содержание, мысленно комментируя услышанное; «комментатором текста может быть и сам автор» [Вежбицка 1978: 404]. «Куски, относящиеся к «мета-голосу», «метатекстовые нити», «проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [Там же: 421].

О прагматическом содержании метатекста пишет Н.К. Рябцева, которая рассматривает примечания к тексту как культурный метатекст наряду с другими метатекстовыми явлениями; они являют собой «средства культурного „расширения“ текста и его своеобразную прагматическую „настройку“ на предполагаемого адресата» [Рябцева 2009: 754]. В.А. Шаймиев подчеркивает, что «в данном случае речь идет об отражении в тексте конкретной ситуации создания (развертывания), комментирования (интерпретации) и подготовки к восприятию адресатом конкретного, определенного текста. Прагматическим содержанием комментирования в конечном счете является ориентация на адекватное восприятие адресатом комментированного текста» [Шаймиев 1996: 82]. Выделяется иннективный метатекст (метатекстовые структуры вплетены в ткань основного текста) и сепаративный (препозитивные и постпозитивные структуры по отношению к основному тексту отделены от него) [Там же].

Рассмотрим особенности конструирования пространства вторичного текста с помощью метатекстовых элементов представителем исповедальной поэзии США Энн Секстон в ее книге стихов “Transformations” [Sexton 1971] (об образных сравнениях в ней как метакомментарии см.: [Атлас 2022]). Книга состоит из шестнадцати «волшебных превращений», апеллирующих к сказкам братьев Grimm [Grimm 1962] – Red Riding Hood, Hansel and Gretel, Cinderella и др. Их сюжеты служат готовой схемой и отправной точкой для размышлений автора по поводу смысла этих сказок, их морали и т.д.

Обращает на себя внимание способ конструирования пространства «волшебных превращений» автором. Они выстраиваются по схожему образцу: начинаются с пролога, который имеет временную отнесенность к XX в., за ним следует изложение исходного текста. В качестве сигналов перехода из современности в сказочный мир Секстон использует традиционные сказочные зачины – инициальные формулы *once upon a time, there once was* и т.д. Некоторые переложения завершает эпилог, возвращающий нас в реальный мир.

Номинации рассказчика подчеркивают основную черту – это немолодая женщина с жизненным опытом, намеренная пересмотреть сказки братьев Гримм: Dame Sexton; *the speaker in this case / ...a middle-aged witch, me... ready to tell you a story or two... to transform Brothers Grimm* [Sexton 1971: 1]. Ее угол зрения определяет то, как она воспринимает классические сказки, и то, кому она адресует свои «волшебные превращения». Ее истории носят бытовой характер, снабжены моралью и насыщены современными реалиями. О временной отнесенности историй свидетельствуют и обсуждаемые в прологе актуальные социально-психологические проблемы: отчуждение, гендерная идентичность, сексуальное посягательство и т.д. По ходу сказочного повествования поэтесса предоставляет право рассказчице делать ремарки. Эти ремарки не снаружи (из пролога или эпилога), а изнутри истории, т.е. иннективный метатекст, часто сопровождаются обращением; их адресатом является либо сама рассказчица *But I digress* (95; курсив здесь и далее наш), либо читатель *But oh, my friends, in the end you will dance the fire dance in iron shoes* (5). Текущий комментарий выполняет функцию развертывания текста или фокусирует внимание читателя на его готовности разделить всеобщие суждения по поводу сказок: *Their mother, you'll be glad to hear, was dead* (105). Он может принимать форму сентенции: *No, Cinderella, said the stepmother, / you have no clothes and cannot dance. / That's the way with stepmothers* (55), а также критического замечания относительно героев: *The princess, ever Eve, said it wasn't enough / and sent him to find the apple of life* (14).

Иннективный метатекст можно извлечь из рассказываемой истории, при этом ее основное содержание не пострадает. Однако он обладает прагматическим содержанием: представляет собой краткие заметки на полях, привлекающие внимание читателя по мере развертывания истории к ее ключевым моментам, расставляют акценты, нужные с точки зрения автора. Сепаративный метатекст принимает форму пролога, а также эпилога. Рамочная конструкция стремится охарактеризовать инкорпорированный текст, что свойственно построению «текст в тексте» [Лотман 1992]. Удвоение усиливает мысль о повторяемости жизненных ситуаций, некой обреченности в силу ограниченного набора сценариев. Этот вид метатекста выявляет параллели между сказочным миром и реальным; так структура «волшебных превращений» проясняет авторское видение классических сказок: прологи и эпилоги являются основным комментарием к ним и выполняют функцию их интерпретации.

Секстон меняет адресата: в то время как сказки братьев Гримм “Die Kinder- und Hausmärchen” написаны для детей, ее версии – для взрослых. Ориентация на их потребности позволяет проблематизировать аспекты сказок, связанные с взрослой жизнью, и делает потенциально возможным введение комментария. Рассказчик в неблагочестивой форме выражает неучастие в поддержании закреплённых в сказке мифов или, согласно черно-белой логике сказок, меняет общепринятые представления с плюса на минус: женская красота может граничить с жестокостью, традиционные добродетели – материнская любовь, часто неразумная, и милосердие к инвалидам, порой мнимое – возводиться в абсолютный культ. Акцентируются

неприглядные черты положительных героев, остававшиеся в тени в силу того, что они превратились в абстрактных носителей добра; отрицательные герои бывают не лишены сочувствия.

Мишенью авторской иронии становится практика маскировки неудобного фольклорного материала; гротеск обнажает жестокость и насилие. Объектом иронии становятся и отдельные элементы поэтики сказки. Так, приземленный комментарий в истории о Золушке *Next came the ball, as you know. / It was a marriage market* (54) лишает кульминацию, бал во дворце у принца, романтического ореола. Читателя приглашают по-новому увидеть роль, которую выполняют героини – товара на брачном рынке. В своей версии сказки о Золушке автор предлагает *sequel*, подтверждающий мысль о том, «жизнь – не... волшебная сказка с гарантированным счастливым завершением» [Олкер 1987: 410]. Изменение адресата позволяет автору занять рационалистическую позицию к такой нарративной конвенции сказки, как счастливый конец.

В целом автор придерживается нарративных конвенций в отношении поэтики хорошего конца [Лютман 1992: 230]. Половина ее реинтерпретаций заканчивается, как в их прототекстах, замужеством героинь. Однако, оно рассматривается как институт, наполняющий жизнь страхом (box, blue coffin, blue funk), как плен (prison). Будучи зачаточными историями о развитии *Bildung* и отражая сформированные обществом ограничения на жизненные искания женщин, сказки с детства задают модели поведения новым поколениям молодых читательниц, остающихся в плену у этих представлений. Секстон подчеркивает марionеточный характер сказочных героинь: ими можно управлять, и поэтому они никогда по-настоящему не взрослеют.

Подводя итоги исследованию, можно выделить важные особенности авторских переложений известных сказок в книге стихов “Transformations”. В них, в отличие от предпринятых на волне феминизма переложений, где авторы экспериментировали с сюжетом, мотивами и т.д., повествовательная линия исходных текстов не подвергается изменению. Секстон придерживается ее, тем самым подчеркивая ее неизменный ход, не допускающий того, чтобы героини сказок поступали по своей воле: они выполняют предначертанные роли.

Вместе с тем, оставляя фабулу исходных текстов неизменной в “Transformations”, Секстон наделяет рассказчика достаточной свободой для комментария исходных текстов как за пределами переложений самих этих текстов (в прологах и эпилогах), так и по ходу их изложения, а, следовательно, и возможностью их интерпретации. Интонации «мета»-голоса рассказчика, ироничные, язвительно-сатирические, отличаются от неизменно безыскусной эпической тональности сказителя у братьев Гримм.

Таким образом, метатекст, иннективный и сепаративный, в конструировании пространства вторичного текста можно рассматривать как способ рассекретить авторское присутствие, выявить рационалистическое отношение к классическим сказкам и дать в руки читателю код, который помогает эксплицировать латентное

содержание сказочных сюжетов и их потенциальный смысл. Они ориентированы прагматически на адресата, на адекватное, с точки зрения автора, восприятие прототекста читателем-представителем новой эпохи и культуры – на восприятие в духе адогматизма.

Литература

- Атлас А.З.* Культурная память: сказка как механизм хранения и передачи информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-1 (54). С. 24-26.
- Атлас А.З.* Образное сравнение во вторичном тексте как метакомментарий // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 126-129.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. литература, 1972.
- Болдырев Н.Н.* Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 45-59.
- Блум Х.* Страх влияния. Теория поэзии; Карта перечитывания / пер. с англ. С.А. Никитина. Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 1998.
- Вежицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с польск. А.В. Головачевой. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402-421.
- Гронас М.* Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51 (5). С. 68-87.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992.
- Масленникова Е.М.* «Сильный» текст и реинтерпретируемость // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2016. № 2. С. 283-288.
- Олкер Х.Р.* Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия: сборник статей / переводы; сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 408-440.
- Рябцева Н.К.* Фоновые знания и язык: примечания к тексту как культурный метатекст // Горизонты современной лингвистики: традиция и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой / отв. ред. Н.К. Рябцева. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 753-763.
- Шаймиев В.А.* Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте // Русский текст. № 4. 1996. С. 80-91.
- Cook A.* Canons and Wisdoms. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1993.
- Sexton A.* Transformations. Boston: Houghton Mifflin Co., 1971.
- Zipes J.* Relentless Progress: The Reconfiguration of Children's Literature, Fairy Tales, and Storytelling. New York: Routledge, 2009.

A.Z. Atlas (St. Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

STRUCTURING A TWICE-TOLD TALE WITH METATEXTUAL ELEMENTS

The paper focuses on the peculiarities of structuring a twice-told tale based on a conscious appeal to literary prototypes, the Grimm Brothers' fairy tales, by means of two types of metatextual elements, the ones that are woven into the tale and those that are in pre- or postposition to it. Their role in managing the reader's understanding of the prototype and questioning it in the poetry collection "Transformations" by the American poet Anne Sexton is examined.

Key words: twice-told tale, fairy tale, metatext, commentary, text within a text

*П.Е. Белова (Нижний Новгород, Россия)**НИУ «Высшая школа экономики»**belova-polina@mail.ru*

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (ПО ДАННЫМ НКРЯ)

Данная статья представляет результаты изучения содержания концепта ПРОСТРАНСТВО в русском языковом сознании на материале художественных прозаических текстов разных жанров, созданных во второй половине XX и в XXI в. и представленных в НКРЯ. Анализ проведен с учетом таких культурно-языковых фильтров, как пропозициональные установки, предметно-понятийные корреляции и метафорические преобразования.

Ключевые слова: концепт, пространство, концептуализация, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, НКРЯ, языковая картина мира

Значение пространства в жизни человека очевидно, поскольку взаимодействуем мы с ним каждый день: создаем его для себя и вокруг себя, выбираем, осваиваем и преобразуем его, что, несомненно, оказывает большое влияние на формирование нашего сознания. По мнению Л.Г. Пановой, понимать пространство человек начинает только тогда, когда сталкивается с ним лично [Панова 2003]. При этом представления о пространстве в наивной и научных картинах мира существенно отличаются. По замечанию Е.С. Кубряковой, наивное понимание пространства предшествовало научному осмыслению пространственных категорий [Кубрякова 2000: 87]. При первом приближении пространство обычно рассматривается в широком смысле как «нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие» [Селиверстова 2004: 564–568]. Однако недостаточно сказать, что пространство – это обобщенное понимание места, включающего в себя физические тела и имеющего протяженность, размер и т.д. Для изучения содержания концепта ПРОСТРАНСТВО в русской языковой картине мира необходимо обратиться к примерам словоупотребления номинирующей его леммы, изучить ее дистрибутивные возможности, специфические переосмысления, рассмотреть связанные с ней представления и смыслы.

Необходимым и оправданным в данном случае виделось обращение к Национальному корпусу русского языка и реконструкция содержания анализируемого концепта на материале художественных прозаических текстов разных жанров и направлений, созданных во второй половине XX в. (1950–1999 гг.) и в XXI в. (2000–2023 гг.) и представленных в основном корпусе НКРЯ. Проведение сопоставительного исследования, на наш взгляд, позволило отметить, как в русском языковом сознании в течение времени менялось восприятие пространства, какие компоненты смысла привносились или, наоборот, исчезали. Общий объем исследуемого материала в подкорпусе второй половины XX в. составил 831 текст (3899 примеров словоупотребления леммы «пространство»); в подкорпусе текстов XXI в. – 706 текстов (3506 примеров). Основная задача при обработке всего массива текстов состояла в установлении того, как концептуализируется пространство в

русском языковом сознании с учетом таких культурно-языковых фильтров, как пропозициональные установки, предметно-понятийные корреляции, метафорические преобразования.

Проведенный анализ показал, что при описании пространства авторы в большей степени обращают внимание на его расположение, размер, наполненность и наличие у пространства границ. Именно в группу определений, характеризующих пространство **по расположению**, входит наибольшее число разнообразных лексем, описывающих внутренние и внешние пространства. В подкорпусе текстов второй половины XX в. В зависимости от расположения на земном шаре и за его пределами чаще встречается пространство *космическое* (44 словоупотребления), *мировое* (38), *окружающее* (28), *воздушное* (26). В подкорпусе текстов XXI в. – *окружающее* (33), а затем уже со значительно меньшей частотностью идут пространства *внутренние* (12), *воздушные* (10), *водные* (7), *космические* (5) и др.

Характеризуя пространство **по размеру**, авторы преимущественно описывали *огромные* пространства (92 и 25 словоупотреблений соответственно), что неудивительно для русского языкового сознания. Основным свойством русского пространства является именно величина. Мы понимаем пространство в первую очередь как нечто большое, бескрайнее, не имеющее обозримых границ. Здесь стоит также отметить разнообразие используемых для описания размера пространства лексем по мере его увеличения: *крохотное* – *маленькое* – *малое* – *небольшое* – *немаленькое* – *большое* – *огромное* – *громадное* – *гигантское*.

По наполненности пространство чаще всего бывает *пустым* (93 и 55): *Матвей ощутил вокруг себя пустое пространство* (А. Иванов 2000), да и большинство определений в этой группе указывает на отсутствие в пространстве чего-либо: *воздуха (безвоздушное)*, *людей (безлюдное)*, *воды (безводное)*, *жизни (безжизненное)*. Только в подкорпусе текстов XXI в. встретилось определение *тесный* (22), указывающее на заполненность пространства: *Заполнила собой половину тесного пространства киоска...* (В. Мясников 2000).

С точки зрения **наличия пространственных границ** описание открытых и закрытых пространств фиксируется примерно в равной степени. Тем не менее чаще в текстах встречается именно открытое пространство (45 и 57), к которому тяготеет русская душа. А противопоставляется ему в рассмотренных примерах пространство русско закрытое (37 и 51), уютное, являющееся своеобразным маленьким домашним миром человека, в котором он огражден от ненастья.

Далее на материале подкорпусов текстов второй половины XX в. и XXI в. было выделено несколько групп определений, приписываемых пространству. При этом у определений из художественных произведений XXI в. было выделено большее количество групп. Например, в текстах встретились определения, описывающие пространство по предназначению и последствиям воздействия. Авторы второй половины XX в. В большей степени обращали внимание на цвет

пространства. Тем не менее в обоих подкорпусах чаще описывались белые и черные пространства. В текстах второй половины XX в. так же велико количество определений, указывающих на ширину пространства и степень его освоенности. На первое место и в том, и в другом подкорпусе выходит *узкое* пространство, затем уже *обширное* и *широкое*.

Самыми частотными характеристиками пространства в произведениях второй половины XX в. стали *пустое* (93) и *огромное* (92), в произведениях XXI в. – *открытое* (57) и *пустое* (55). Данные определения являют собой наиболее существенные признаки русского пространства – величина, отсутствие видимых границ, незаполненность.

Предметно-понятийные соответствия. Несмотря на некоторые отличия в частотности примеров, общим для сопоставляемых подкорпусов остается признание взаимосвязи пространства и времени: *Книга, созданная руками человека, стала такой же категорией вечности, как пространство и время* (К. Паустовский 1956), *Пространство и время, по теории Эйнштейна, это единое целое* (Е. Гаммер 2014), *...там, где кончаются свет и тьма, где пространство и время сливаются в одно...* (Г. Яхина 2018). Человек находится во времени и пространстве, и вся его деятельность проходит в пространственно-временных координатах. Не случайно в истории русской философии категория пространства всегда была тесно связана с категорией времени. В других контекстах употребления пространство коррелирует с простором, пустотой, неизвестностью, движением, запустением (в случае необъятного русского пространства) и тем, что может пространство наполнять – свет, темнота, воздух.

Пропозициональная модель, построенная на материалах НКРЯ, дает информацию о том, какие действия-предикаты приложимы к пространству. В функции семантического объекта (предмета, на которое направлено действие) к *пространству* приложимы предикаты *пересекать, заполнять, пронизывать, разрезать, загромождать, обозревать, преодолевать, раздвигать* и др.; в функции семантического субъекта (носителя предикативного признака: производителя действия или носителя состояния) – *туманиться, окружать, сжиматься, расширяться, лежать, давить, изгибаться* и др.; в функции локатива (места, где происходит действие) – *толпиться, перемещаться, происходить, передвигаться, растворяться, парить, плыть* и др.

Из приведенных примеров следует, что пространство осмысливается как сосуд, который можно *заполнять, наполнять*; поле, которое можно *засеивать, распахивать, бороздить*; свободное место, предназначенное для заселения, застройки (*загромождать, застраивать*); как рулон или лист, которые можно *свернуть, разрезать, разорвать*; как нечто, способное менять свою форму и деформироваться. Среди встретившихся действий-предикатов также отметим глагол *нарезать*, указывающий на то, что пространство может быть поделено на части: *Вцепились в кусок*

пространства и держимся, будто здесь свет клином сошелся (Е. Шкловский 1990), *Минут двадцать таксист нарезал пространство Берлина на ровные квадратные ломти...* (П. Галицкий 2000), *...очереди сигналов, которые разрывали черное пространство на куски...* (В. Ярмолинец 2008) и др.

Метафорические преобразования. В метафорическом представлении пространство определяется в терминах пропозициональной модели других предметных областей, в том числе как «живое существо»: *Пространство улыбнулось в ответ – то ли рассеянно, то ли как-то еще* (А. Лазарчук 1995), *...дышит некое новое сакральное пространство...* (Н. Черных 2015); «вещество» (жидкость): *Пространство у избушки профкома бурлило...* (А. Моторов 2013), «природное явление» (снег, огонь): *Представил, как пространство вокруг тает, выворачивается наизнанку...* (С. Лукьяненко 2014), *Пространство пылало вокруг от этих нежных, уже отцветающих цветов* (А. Иличевский 2007); «рукотворный предмет» (сосуд, занавес, ковер, фонарь, шар, гончарный круг): *Пространство наполнилось густым туманом* (С. Лукьяненко 1998), *Мое пространство раздвигалось медленно-медленно* (Г. Щербакова 2000), *...вокруг расстиралось некоторое хорошо просматриваемое пространство* (Д. Рубина 2014), о чем свидетельствуют присоединенные предикаты *дышать, дрожать, вить, бурлить, мерцать, таять, лопаться, светиться, развертываться и др.*

Так в многообразии своих вербализаций реконструируется содержание анализируемого концепта ПРОСТРАНСТВО в русском языковом сознании. Подводя итоги корпусного исследования, отметим, что если в текстах с середины XVIII в. пространство описывалось в основном как философское понятие, как площадь большого размера и определенное место [Романова 2013: 111], то со временем произошли некоторые изменения в его понимании. Все меньше встречалось примеров, в которых пространство было представлено в качестве одной из форм существования материи, являлось местом, образованным в результате деления окружающего мира, и выступало в значении промежутка времени. В рассмотренных художественных произведениях второй половины XX и XXI в. пространство преимущественно было представлено в значении «неограниченной протяженности и большой площади», «земной поверхности, пространства воды, воздуха, космоса», «вместилища или места, где что-либо происходит».

Литература

- Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84-92.
- Панова Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Романова Т.В. Динамика концептуализации и категоризации пространства в русском языке // Respectus Philologicus. 2013. № 23 (28). С. 109-117.
- Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

P.E. Belova (Nizhniy Novgorod, Russia)

HSE University

LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF SPACE IN THE LITERARY TEXT (ACCORDING TO THE RNC)

This article contains the results of studying the content of SPACE concept in the Russian language consciousness based on the material of literary prose texts of different genres created in the second half of the XXth century and in the XXIst century and presented in the Russian National Corpus (RNC). The analysis is carried out taking into account such cultural and linguistic filters as propositional attitudes, subject-conceptual correlations and metaphorical transformations.

Key words: concept, space, conceptualization, cognitive linguistics, corpus linguistics, RNC, linguistic picture of the world

К.И. Белоусов, А.С. Герцен (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

belousovki@gmail.com, sascha.gertsen@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОСЕМАНТИКИ

В статье рассматривается возможность обращения к теории деятельности для автоматизированного деятельного анализа текстов в рамках техносемантики. Деятельность в тексте представляет собой процесс текстуализации субъектом ментальных представлений человеческих действий, мотивов, целей и эмоций, характеризующих его предметную деятельность.

Ключевые слова: деятельность, текст, деятельностный анализ текста, техносемантика

Взлет и падение интереса к теориям, на наш взгляд, можно сравнить с аналогичным явлением в области технологий, хорошо иллюстрируемым т.н. «Кривой Гартнера/Циклом ажиотажа» (англ. Gartner Hype Cycle). Кривая Гартнера дает концептуальное представление зрелости технологий с помощью пятифазовой модели их жизненного цикла [CIO's]. Основная идея модели состоит в том, что любая зрелая (и востребованная) обществом технология проходит фазы 1) появления технологии, 2) пика завышенных ожиданий, 3) падения интереса, 4) устранения недостатков и 5) выход на плато продуктивности. Отличие жизненного цикла теорий от технологий состоит в большем временном диапазоне существования, более сложном/нелинейном и полипредметном характере распространения и использования теорий. В рамках такой концептуальной модели можно рассматривать обращение к теории деятельности со стороны гуманитарных наук, которая, вероятно, в настоящее время локализуется на четвертой или в начале пятой фазы гартнеровской модели. Так теория деятельности, избавившись от идеологической окраски, пришла в 1980-х гг. В западную науку, став своеобразным междисциплинарным фреймворком, используемым не только в психологии, но и в образовании, организационном обучении и работах в области человеко-машинного взаимодействия [Barab 2004]. Интерес к теории деятельности на современном этапе обусловлен появившейся технологиче-

ской базой, способной а) моделировать сложные преобразования, возникающие в результате субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий в программно-генерируемых средах и б) нуждающейся в теоретическом аппарате для создания подобных моделей.

В лингвистике теория деятельности в 1950–1990-х гг. трансформировалась в ТРД (теорию речевой деятельности) – отечественный вариант психолингвистики, когда порождение и восприятие речи рассматривались как вид деятельности, к ним применялся разработанный в рамках деятельностного подхода теоретический аппарат [Основы теории речевой деятельности]. В то же время сами психолингвистические исследования как правило ограничивались моделью «S-R» (критикуемой в рамках деятельностного подхода), а применение самой теории деятельности в лингвистике (экспериментальной, психолингвистике) превращалось в формальность. В полной мере справедлива оценка Г.П. Щедровицкого проводимым в то время лингвистическим исследованиям: «Так как исходным эмпирическим материалом языковедческого анализа в конечном счете являются знаковые цепочки текстов, остающиеся после речевой коммуникации и мышления, то принцип „язык есть деятельность“ требовал от его сторонников либо того, чтобы они „нашли“ деятельность в самих текстах, либо же смены эмпирического материала исследования. <...> При этом попытки и видеть, и выделить деятельность в текстах особым образом повлияли на само понятие деятельности: его начали сводить к представлению о „движении“ или „процессе“ <...> представление текста как деятельности стало равнозначно представлению его как структуры и в результате потеряло всю свою новизну и специфику» [Щедровицкий 1995: 234].

В то же время лингвистическая проблематика теории деятельности, на наш взгляд, не исчерпывается обозначенным аспектом. Текст как превращенная форма речемыслительной деятельности по формированию и формулированию мысли и речевого сообщения, общения и деятельности, фрагмента реальной действительности, отображенного в речевом сообщении [Тарасов 1987: 146], является кратчайшим путем к пониманию как овнешвленных компонентов деятельностных репрезентаций (как правило, это условия, инструменты, отдельные этапы реализации предметной практической деятельности говорящего субъекта), так и имплицитных компонентов деятельности, в качестве которых чаще всего выступают потребности, мотивы и цели предметной деятельности.

Каждый из нас, с одной стороны, будучи погружен в стихию языка, постоянно продуцирует большое количество текстов, либо описывающих некий желательный с точки зрения говорящего субъекта ход выполнения деятельности непосредственно в процессе коммуникации или в некотором недалеком будущем, либо представляющих уже осуществленную деятельность. И если в первом случае вербализация сосредоточена на описании реализации (в контексте конкретных действий и операций), коррекции и оценке деятельности, то во втором случае в силу уже *свершившейся* деятельности, репрезентированные в тексте компоненты могут чрезвычайно

сильно варьироваться и создавать широкий спектр комбинаций единиц деятельности. С другой стороны, помимо собственно порождения подобных текстов, мы сталкиваемся с текстами, в которых их создатели описывают/представляют в доступных им лингвистических формах свои деятельности (обычно повседневные, хотя множественные примеры таких описаний можно найти и в художественной литературе, и в публицистике).

Для всех обозначенных выше случаев репрезентации в тексте компонентов описываемой деятельности и их последовательностей было предложено наименование «деятельности в тексте» [Белоусов 2002: 106]. Деятельность в тексте (ДТ), по нашему мнению, представляет собой процесс текстуализации субъектом ментальных репрезентаций действий, мотивов, целей и эмоций. Эти тексты описывают как личные, так и общественные активности, представленные в виде комментариев, отчетов, элементов автобиографий и других типов текстов. Наиболее распространенной формой подобных текстов являются сообщения в социальных интернет-сервисах (соцсетях, мессенджерах и Интернет-порталах).

Приведем два примера подобных текстов.

Пример 1: *Сегодня вечером помылся, побрился, джинсы погладил. Один вопрос волнует, свитер или рубаша которую гладить тоже нужно? Что девушкам от 20 до 30 больше нравится?* (Краснокамск, паблик «Накипело»).

Пример 2: *Я же все таки написала на курсы водительские. Но чё то они какие то затянутые Сначала тренажёр, потом автодром и совсем немного по городу Не очень то мне хочется растягивать удовольствие А вчера Аня сказала, что в принципе, можно найти на Авито тренера. Блин, забыла, как называют людей.. а – инструктора. И сразу за руль Хочу вспомнить ощущения* (переписка в чате).

Целью деятельностного анализа текстов является реконструкция ментальной карты описываемой в тексте предметной деятельности субъекта. Структурные единицы деятельности характеризуются большой вариативностью, поэтому мы в качестве компонентов деятельности взяли те, которые частотно присутствуют в ее описаниях: Субъект, Фазы (Ориентировка, Замысел, Планирование, Реализация, Контроль, Коррекция, Оценка), Объект, Мотивы, Потребности, Цель, Результат, Условия, Инструменты, Хронотоп (Пространство и Время), Эмоции (эмоциональные состояния, связанные с описываемой деятельностью).

Из перечня компонентов деятельности видно, что основной проблемой деятельностного анализа текстов является высокая степень субъективности их описания/интерпретации. Однако в контексте использования методов генеративного искусственного интеллекта, особенно современных больших языковых моделей (LLM), проблема субъективности может быть снята. Поэтому если в 2002 г. для подобного анализа брались литературные тексты с очень четкой структурой описания деятельности (типа, Ориентировка – Замысел – Реализация – Контроль – Оценка), то сегодня в качестве материала для LLM (и промпт-инжиниринга) можно брать тексты с гораздо менее жесткими требованиями (см. выше Пример 2).

Интерпретации LLM подобных текстов в контексте человеко-машинного взаимодействия и интерфейсно-опосредованной коммуникации позволяют исследовать понимание самой деятельности человеком и ее ментальной репрезентации (ментальной карты), в том числе как он объективирует, обобщает или имплицитно компонента деятельности; выявлять паттерны деятельности разных типов и мн.др. Исследование больших текстовых массивов социальных Интернет-сервисов в данном аспекте может выявить, например, какие мотивы (в частности, стремление к безопасности, саморазвитию или развлечению) оказываются наиболее частотными для разных возрастных и социальных групп, – т.е. В конечном счете глубже понять социальные интересы, цели, структуры и социальную динамику.

Поскольку речь везде идет об интерпретации ИИ текстов, написанных человеком, постольку мы входим в область техносемантики – семантики, генерируемой антропоморфными машинами в процессе человеко-машинного взаимодействия и адресованной коммуницирующему с машиной человеку [Белоусов и др. 2024: 144]. Здесь мы видим несколько важных аспектов: автоматизированный деятельностный анализ текстов интеллектуальными системами (чат-ботами, виртуальными ассистентами, роботами) позволит человеку добиться более адекватного понимания машиной своих сообщений, что может проявляться в виде релевантной помощи в той или иной ситуации, эмпатии (с помощью распознавания эмоциональных аспектов деятельности) и контекстуального реагирования в ходе изменения субъектом структуры осуществляемой деятельности.

Человеко-машинная языковая коммуникация, алгоритмические и вычислительные возможности больших языковых моделей позволяют с новых позиций обратиться к теоретико-методологическому аппарату теории деятельности и «найти деятельность в самих текстах». Техносемантика в данном случае является предметной областью разработки деятельностного анализа текстов в целях более глубокого понимания форм, видов и структур человеческой деятельности.

Литература

Белоусов К.И. Форма текста в деятельностном освещении (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.

Белоусов К.И., Талески А., Агаев А.Р. Техносемантика жеста: о возможностях использования пермской жестовой нотации в программно-генерируемых средах // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10. № 4. С. 126-146.

Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1974.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995.

Barab S.A., Evans M.A., Baek E.-O. Activity Theory As a Lens for Characterizing the Participatory Unit // Handbook of research on educational communications and technology. Mahwah, 2004. Pp. 199-214.

CIO's – CIO's Guide to Capturing Value From the Gartner Hype Cycle. URL: <https://www.gartner.com/en/insights/gartner-hype-cycle>

*K.I. Belousov, A.S. Gertsen (Perm, Russia)
Perm State University*

ACTIVITY ANALYSIS OF THE TEXT IN THE CONTEXT OF TECHNOSEMANTICS

The article explores the possibility of applying the activity theory for automated activity analysis of texts within the framework of technosemantics. Activity in the text is the process of textualization by the subject of mental representations of human actions, motives, goals and emotions that characterize his subject activity.

Key words: activity, text, activity analysis of the text, technosemantics

*Т.А. Бобрикова (Пермь, Россия)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
tatiana.bobrikova@yandex.ru*

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЗДАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ

Статья посвящена описанию когнитивно-семиотической модели создания и интерпретации ментальных пространственных образов (ментальных конструкторов, создаваемых сознанием с целью адаптации к миру). Модель многоаспектного пространственного образа будет представлена на материале романа М. Павича «Другое тело». Предложенную модель можно считать универсальной и применимой к анализу любых пространственных образов.

Ключевые слова: пространственный образ, когнитивно-семиотическая модель, когнитивное картирование, Милорад Павич, «Другое тело»

В рамках данной статьи представлена когнитивно-семиотическая модель создания и интерпретации **ментальных пространственных образов**. Мы исходим из того, что:

– для человека пространство возникает и существует исключительно как конструктор языкового сознания, никогда не «окончательный» ментальный образ, создаваемый с целью адаптации к реальности;

– изучение универсальных оснований конструирования пространственных образов, а также параметров, на которые опирается конкретная языковая личность, возможно не только в рамках когнитивной (экспериментальной) лингвистики, но и на материале художественных текстов, где также происходит обязательное моделирование пространства. Этим объясняется необходимость включать когнитивную поэтику в дискурс когнитивно-семиотических исследований.

Модель многоаспектного пространственного образа будет представлена на материале романа Милорада Павича «Другое тело».

Основываясь на концепциях семиотики пространства Ю.М. Лотмана [Лотман 1992: 386-447, Лотман 1998: 442-444] и его продолжателя Л.Ф. Чертова [Чертов 2014], можно выделить следующие **семиотические инструменты конструирования**

ния пространственного образа: границы пространства и степень их определенности; виды ментальных пространств, а также топология каждого пространственного локуса, включая степень его заполненности и разреженности; детализация вещей и персонажей, которыми заполняется пространство; позиция наблюдателя и его место по отношению к локусу.

Перечисленные семиотические инструменты можно соотнести с приемами оформления литературного пространства, которые были предложены Й. Данном и А. Малером, авторами и составителями справочника «Литература и пространство» [Dünne, Mahler 2015: 31]. Лотмановские граница пространства и степень их определенности — это географическая локализация, по Данну и Малеру, топология — хорографический состав, детализация вещей и персонажей — атмосферные характеристики, позиция наблюдателя — модализация. Далее будет кратко описан каждый инструмент.

Границы — первичный признак любого пространственного образа, так как любой пространственный образ выступает как репрезентация определенного локуса. Географическая локализация в пространстве осуществляется путем наименования конкретных мест, которым, возможно, соответствует их нанесение на карту. Это указание может быть названием целого места или упоминанием прототипных элементов.

В когнитивно-семиотической парадигме наличие границы обеспечивает определенность и целостность предмета и выделяет его среди других предметов, поскольку подчеркивается его уникальность. Граница функционирует как разделитель пространственных локусов, а значит, структурирует пространство. С понятием границы связаны параметры ограниченности и неограниченности, которые влияют на открытость и закрытость, замкнутость и незамкнутость пространства. Также границы позволяют выделить несколько пространственных сред, которые, с одной стороны, могут быть обособлены друг от друга, но, с другой стороны, соприкасаться, пересекаться и взаимодействовать.

Обозначу несколько видов границ. Географические границы отделяют одну географическую территорию от другой и указывают на конкретное место на территории. На географические границы опираются государственные (политические) границы, маркирующие пределы государственной территории. Этнические границы служат для формирования национальной идентичности, при этом не исключено смешение этносов. В понятие культурных границ могут входить представления о границах языков и религий.

На основе соположения объектов в пространственном локусе, между которыми возникают и устанавливаются отношения, создается **топология** пространственного образа. Топология отражает структуру пространства, т.е. формирует представление о том, как связаны пространственные объекты друг с другом. Топология создается мышлением и не существует сама по себе в физическом пространстве. Пространство текста художественной литературы заполняется персонажами и вещами, а без них

не существует [Топоров 1982: 340-342]. И чем отчетливее читатель представляет структуру пространства, тем больше определенность пространственного образа. Например, в описании города могут упоминаться улицы и здания, в описании дома – комнаты и мебель, в ландшафтном описании — водоемы и растения.

Для опознавания и выделения персонажа или вещи из ряда подобных их необходимо наделить индивидуализирующими характеристиками. **Детализация** пространственных объектов зависит от способов репрезентации референтов. Именно здесь можно говорить о взаимодействии теории Ю. Лотмана и логико-философской семиотики Ч. Пирса [Пирс 2000]. Наименее отчетливый образ персонажей и вещей создают индексальные знаки, так как их функция сводится к называнию пространственного объекта. Узнавание обеспечивают иконические знаки, поскольку берут на себя роль описать свои референты. В зависимости от степени семиотической достоверности иконические знаки делятся на иконы-образы или иконы-схемы, которые отличаются степенью подобия.

Вышеописанные инструменты конструирования пространственного образа тесно связаны с **позицией наблюдателя**, или модализацией. Способ изображения пространства, который включает в себя и границы, и детализацию объектов, и топологию, зависит от отправной точки. Опираясь на правила о неевклидовой геометрии, можно сказать, что все способы измерения зависят от точки зрения наблюдателя. Наблюдатель может находиться внутри пространственного локуса и являться одним из персонажей, а может находиться вне и не оказывать влияние на пространственные отношения внутри локуса.

Одновременно с вышеизложенными положениями семиотики пространства важно подчеркнуть аксиому когнитивной лингвистики: пространственный образ всегда имеет **мультимодальный характер**, т.е. создается по принципу дополненности вербальных и невербальных языков. Пространственный образ, формально создаваемый посредством вербального языка, кодируется невербальным способом: аудиальными, обонятельными и тактильными ощущениями. Наше сознание устроено таким образом, что мы читаем текст и одновременно возникает визуальная картинка того, о чем мы читаем, мы можем услышать прочитанное, можем почувствовать запах, вкус или ощутить кожей. Поэтому любой вербальный текст можно рассматривать в качестве текста со скрытой семиотической полилингвальностью [Бразговская 2018: 21].

Одной из реализаций совмещения семиотического и когнитивного подходов становится **когнитивное картирование пространства** [Минаева 2014: 105]. Такая методология интерпретации текста художественной литературы позволяет использовать в качестве инструмента анализа когнитивные карты [Толмен 1980]. Когнитивная карта — ментальная пространственная модель [Скребцова 2000: 48-71], создаваемая в сознании человека знаками вербального и невербального языков, позволяющая адаптироваться к физическому и текстовому миру.

Представлю когнитивно-семиотическую модель интерпретации ментальных пространственных образов в романе М. Павича «Другое тело». Возможность выделения пространственных сред и картирования пространства обеспечивается индексами, которые формируют границы пространственного локуса и определяют степень его топологию. Были выделены следующие пространственные среды: геофизическое пространство, пространство искусств, пространство верований и религии, пространство сновидений.

Все пространственные среды даны многомерными: пространственные образы наполнены одновременно визуальными, аудиальными, обонятельными и тактильными ощущениями. Воспринимая, например, геофизическое пространство глазом, ухом, носом и кожей, мы способны создавать мультимодальные пространственные образы. Так, все органы чувств подключаются при описании венецианского дома Захарии Орфелина. Наши глаза видят «зеленое здание с тремя окнами», перед которым площадка из камня. Одновременно слышится звон колокольной, что предполагает наличие церкви вдали от дома, а каждый шаг по ступеням к дому равен удару колокола.

Модель пространственной структуры романа построена как пересечение пространственных сред: одни и те же локусы входят в разные пространственные области. Все пространства — геофизическое, культурной истории, пространство религии и пространство сновидений — объединяются одними и теми же персонажами и вещами. Например, персонажи Лиза и писатель живут в Сербии (это локус геофизического пространства): занимаются интеллектуальной деятельностью: он литератор, она археолог (пространство искусств); оба верят в Бога, читают Евангелие и следуют заповедям Христа (пространство религии). Лизе и писателю снятся сны, которые предсказывают будущее (пространство сновидений). Выбирая за точку отсчета разные пространственные локусы, которые объединяют пространства, мы имеем дело с разными маршрутами интерпретации текста — это путешествия по роману.

Предложенная нами когнитивно-семиотическая модель создания и интерпретации ментальных пространственных образов можно считать универсальной и применимой к анализу любых пространственных образов.

Литература

- Бразговская Е.Е. В лабиринтах семиотики: Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
- Лотман Ю.М. К проблеме пространственной семиотики // Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПб», 1998.
- Лотман Ю.М. Семиотика пространства // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1.
- Минаева И.В. Картирование как метод репрезентации в работах Ойвинда Фальстрема // Научный электронный журнал АРТИКУЛЪТ. 2014. № 16. С. 104-113.
- Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ: Алетейя, 2000.

Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / послесл. Н.Л. Сухачева. СПб.: ООО «Анатолия», 2000.

Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и человека. Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 63-69.

Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Совет. энцикл., 1982. Т. 2. С. 340-342.

Чертов Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Dünne J., Mahler A. Handbuch Literatur & Raum, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015.

Т.А. Bobrikova (*Perm, Russia*)

Perm State Humanitarian Pedagogical University

COGNITIVE-SEMIOTIC MODEL OF CREATION AND INTERPRETATION OF MENTAL SPATIAL IMAGES

The article is devoted to the description of the cognitive-semiotic model of creation and interpretation of mental spatial images (mental constructs created by consciousness for the purpose of adaptation to the world). The model of a multi-aspect spatial image will be presented based on the novel by M. Pavic "Second Body". The proposed model can be considered universal and applicable to the analysis of any spatial images.

Key words: spatial image, cognitive-semiotic model, cognitive mapping, Milorad Pavić, "Second Body"

С.Ю. Богданова (*Иркутск, Россия*)

*Иркутский государственный университет
rusjap@mail.ru*

ОПИСАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СХЕМЫ КОНТЕЙНЕР

Статья посвящена использованию автором художественного произведения когнитивной образной схемы КОНТЕЙНЕР при конструировании образа персонажа. В статье привлекается внимание к языковым средствам, представляющим собой «опоры» для интерпретации текста читателем. Рассмотрены примеры моделирования внутреннего мира персонажа с помощью образной схемы КОНТЕЙНЕР.

Ключевые слова: образная схема, художественное произведение, персонаж, ментальное пространство, опора

Вопросы когнитивного моделирования художественного текста постепенно проникают в сферу основных тем обсуждения когнитивной лингвистики, преодолевая в некотором смысле разрыв между лингвистикой и литературоведением, о необходимости которого писала, в частности, Г. Тукан: «Если понимать литературу как продукт человеческого разума, то литературные творения основаны на наших общих когнитивных способностях. <...> В литературных произведениях мы используем те же концептуальные схемы и связи, которые мы обычно задействуем в повседневной речи» [Tucan 2013: 38-39]. Однако будет неверным утверждать, что

повседневная речь и текст художественного произведения конструируются одинаково, и главным отличием в этом аспекте является степень образности, лежащей в основе организации всех познавательных процессов и представляющей собой «особый способ концептуализации действительности» [Гольдберг 2013: 72]. Г. Тукан обращает внимание на эту особенность: «По сути, литература существует потому, что и писатели, и читатели привносят в текст наши обычные лингвистические навыки и концептуальные структуры, чтобы сконструировать смысл. <...> Единственное различие между обычными говорящими и великими писателями заключается в степени, а не в сути: владение языком писателями позволяет им исследовать новые аспекты языка и совершенствовать концептуальные модели или традиционные ресурсы» [Tucan 2013: 40].

В процессе создания текста художественного произведения автор заинтересован в том, чтобы активировать у читателя такие мыслительные процессы, которые позволят ему интерпретировать содержание максимально близко к замыслу автора. По мнению В. Эванс и М. Грин, слова, как и другие языковые единицы, не кодируют значение, а всего лишь служат «опорами» для конструирования смысла; при этом «конструирование смысла сближается с концептуализацией, динамическим процессом, в котором языковые единицы служат «опорами» для множества мыслительных операций и привлечения фоновых знаний» [Evans 2006: 162].

Традиционно лингвисты в работах по лексикологии, грамматике, лингвистике дискурса используют примеры, взятые из текстов художественных произведений, в том числе извлеченные из корпусов текстов, где представлен лишь минимальный контекст их употребления. Подход, предполагающий изучение когнитивных методов конструирования пространства текста, требует учета больших по объему контекстов, преимущественно охватывающих художественное произведение целиком. В частности, при таком подходе можно изучить когнитивные модели и языковые средства их реализации, применяемые писателем для раскрытия образа персонажей, в первую очередь, их внутреннего мира.

В статье будет показано на примерах из произведений детективного жанра современной канадской писательницы Луизы Пенни, как когнитивные образные схемы используются для описания внутреннего мира персонажей не через их собственные реплики, а через описания внешних проявлений эмоций, последовательного развития образа на протяжении художественного произведения и выводов, сделанных другим персонажем (выступающим в данном фрагменте в роли наблюдателя). Наиболее продуктивной образной схемой, по нашим наблюдениям, является схема КОНТЕЙНЕР, где в роли границы контейнера выступают границы тела человека. Автор подчеркивает разницу между внешним видом человека (используя слова *appeared, impression, seemed, looked* и т.п. и выражения *what looked like an effort, as though*, актуализирующие категорию кажимости) и его реальным внутренним миром, который постепенно на протяжении нескольких глав начинает открываться читателю.

Персонаж романа “The Nature of the Beast” [Penny 2015] Мэри Фрейзер впервые появляется в главе 13 вместе со своим напарником и производит вполне благоприятное впечатление на молодого инспектора Изабеллу Лакост, напоминая ей ее родителей: доброжелательных, немного странных и забывчивых. Далее в романе есть также сравнение Мэри Фрейзер, представителя Канадской службы безопасности и разведки (CSIS), с любимой тетей (*a favorite aunt*). Пятидесятилетняя чиновница, работающая с документами (*file clerk*), поддерживала свой имидж такими деталями, как плохо окрашенные волосы (*obviously dyed at home*), облупившийся лак на ногтях (*chipped nail polish*), простая ночная сорочка (*flannel nightgown*), порванный чулок (*the hole in her pantyhose*), немодная оправа очков (*glasses in unfashionable frames*).

Тем не менее главному герою романа старшему инспектору Гамашу открываются скрытые внутри, в сознании Мэри Фрейзер, процессы, при этом он отмечает и краткосрочное внешнее проявление ее истинной натуры (*But he could also see the wheels turning in Mary Fraser's mind. For a moment she looked less matronly and far shrewder. And then it was gone*). Его супруга, архивариус, тоже предполагала, что за маской улыбающейся чиновницы скрывается стабильный и опасный ум (*More the slow, steady, often frightening mind, that took its time and arrived at a conclusion others might miss or did not want to see*). Луиза Пенни предоставляет своим читателям «опору» в виде фразового глагола *coming out*, однозначно указывающего на схему КОНТЕЙНЕР для конструирования образа Мэри Фрейзер, у которой вырываются наружу с приводящей в замешательство легкостью слова о технике заказного убийства (*the words coming out with disconcerting ease. And familiarity. “Bullets to the head to be sure of the kill.”*).

Использование образной схемы КОНТЕЙНЕР проявляется при описании данного персонажа преимущественно не в пространственных выражениях, свойственных актуализации абстрактных концептов в тексте, а в использовании глаголов *reveal*, *seep out* и *hide*, *conceal*. Казалось, что Мэри Фрейзер ничего не прячет, выставляя напоказ все недостатки – морщинки, слегка растекшуюся тушь, – однако для наблюдательного старшего инспектора это уже выглядело как попытка заставить притворство выглядеть подлинным (*Being able to make artifice look genuine. Giving the impression all was revealed, when in fact very little of substance was revealed*). Попытки проникнуть в ее внутренний мир оставались безуспешными (*But he could not figure her out*).

Итак, истинная сущность персонажа практически не была раскрыта, и только через несколько глав настоящая Мэри Фрейзер начала постепенно «просачиваться наружу», а образ чиновницы, работающей с документами, стал постепенно «отступать» (*It was just the two of them and the real Mary Fraser was beginning to appear, seeping out from the ladder in the stocking, the undyed roots of her hair, the clotted mascara. The file clerk was receding; The bookish woman who lived in a filing cabinet disappeared, and a much sharper person stood before them*). Улыбающееся лицо приобрело жесткость (*Mary Fraser's soft face became rigid*), голос стал суровым

и отрывистым (*her voice hard and clipped*), взгляд – пристальным и напряженным (*the intensity with which she was looking at the page*). Несмотря на удачные попытки вести себя максимально сдержанно (*sat absolutely still, composed. Frozen; perfectly contained*), в конце романа ее эмоции прорываются наружу и становятся очевидными для всех (*Her face was pale and she trembled with rage*).

Образные схемы мыслятся как когнитивный инструмент «возгонки» разрозненного материала чувственного опыта к первичным перцептивным обобщениям – эмпирическим гештальтам [Смирнова 2024]. Автор художественного произведения предоставляет читателю такой «разрозненный материал», который может помочь ему сделать такие обобщения. В главе 24 романа *The Beautiful Mystery* [Penny 2012] можно проследить движение эмоции гнева изнутри наружу, также смоделированное Луизой Пенни с помощью образной схемы КОНТЕЙНЕР. Отметим, что такое представление эмоций прочно закрепилось в английской языковой картине мира, и читателю, как правило, не сложно сконструировать соответствующее ментальное пространство на основе имеющегося фрейма.

Сцена беседы подчиненного, инспектора Бовуара, с главным инспектором полиции начинается с описания поведения подчиненного, который пинает стул (*Beauvoir kicked the chair*), проявляет признаки взвинченного эмоционального состояния (*His knuckles turned white*) и тем не менее старается удержать гнев внутри (*Through the howl of rage in his head*). В процессе разговора Бовуар с удивлением замечает, что глубоко под гневом скрывается и другая, более позитивная эмоция, вызванная похвалой начальника (*But it was deeply buried under the wrath, the rage, the near apocalyptic fury of the insult*). Следовательно, гнев располагался внутри персонажа уже ближе к поверхности, чем другая эмоция. Этот гнев не позволял Бовуару произнести даже слово (*He opened his mouth but only stuttering came out. No words formed. Just empty air*), однако, достигнув «поверхности» (границы тела), гнев вырывается наружу (*Now Beauvoir's anger finally erupted*), персонаж с силой швыряет стул, ломая его (*He lifted the chair and brought it down so hard the two back legs broke off. But he didn't care*). Теперь, когда гнев «покидает» КОНТЕЙНЕР, Бовуар снова обретает способность говорить (*He was actually, literally, spitting his words across the desk*). В конце эмоционального разговора главный инспектор покидает комнату, но Бовуар остается в ней вместе со своим гневом (*The door closed and Beauvoir was alone with his anger*). Используя данную грамматическую конструкцию со значением совместности (*alone with his anger*), автор завершает эпизод, полностью «выводя» эмоцию персонажа наружу и располагая ее «рядом» с персонажем.

В данном исследовании внимание уделено принципам конструирования ментальных пространств с точки зрения писателя, автора, «говорящего» в широком смысле этого слова, а не читателя, реципиента, «слушающего» в широком понимании. Изучая лексику и грамматические конструкции, которые использует автор художественного произведения в качестве «опор», можно увидеть, какими методами создается основа для интерпретации текста читателем.

Литература

Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 64-75.

Смирнова Н.М. Образные схемы как когнитивная основа языковой артикуляции // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2024. № 2. С. 152-159.

Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.

Penny L. The Beautiful Mystery. N.Y.: St. Martin's/Minotaur Books, 2012.

Penny L. The Nature of the Beast. N.Y.: St. Martin's, 2015.

Tucan G. Cognitive Poetics: Blending Narrative Mental Spaces. Self-Construal and Identity in Short Literary Fiction // Enthymema. 2013. VIII. Pp. 38-55.

S. Yu. Bogdanova (Irkutsk, Russia)

Irkutsk State University

DESCRIPTION OF THE CHARACTER'S INNER WORLD USING THE CONTAINER SCHEMA

The article is devoted to the author's use of the cognitive image schema CONTAINER in the construction of the image of a character. The article draws attention to the linguistic means that represent "prompts" for the reader's interpretation of the text. Examples of modeling the character's inner world using the CONTAINER schema are considered.

Key words: image schema, fiction, character, mental space, prompt

Ю.А. Воронцова (Белгород, Россия)

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

vorontsova73@mail.ru

ПОДТЕКСТ КАК КОМПОНЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КОММЕНТИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В статье рассматриваются особенности реализации подтекста в интернет-комментариях. Выявляются средства, инициирующие создание подтекстовой информации. Отмечается, что формирование семантической структуры комментария приобретает характер конструктивного процесса, сущностной категорией которого является подтекст, позволяющий включить потенциальный максимум информации в минимальный объем текста.

Ключевые слова: интернет-комментарий, подтекст, фоновые знания, пресуппозиция, интерпретация

Анализ смысловой структуры текста с точки зрения наличия в нем латентных, скрытых коннотативных систем спровоцировал появление многоаспектных исследований, посвященных подтексту. Прочно вошедший в тезаурус лингвистической науки термин «подтекст» не приобрел единой и общепринятой трактовки, чаще всего он представляется как сложное полидетерминированное явление, понимание которого основано на семантическом, формальном, коммуникативно-прагматическом подходах. Мы ориентируемся на семантическую концепцию, согласно кото-

рой содержание понятия «подтекст» включает следующие смысловые компоненты: элемент семантической структуры текста; скрытая (имплицитная, добавочная) информация в тексте (И.Р. Гальперин, К.А. Долинин, В.А. Звегинцев, В.А. Кухаренко, Л.Ю. Чунева); дополнительно подразумеваемый и контекстуально обусловленный смысл высказывания, который требует обязательного подключения фоновых знаний адресата (И.В. Арнольд) и «возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом» [Гальперин 2007: 45].

Обратимся к подтексту как компоненту смысловой структуры виртуальной коммуникации на примере интернет-комментариев к новостным сообщениям, опубликованным в социальной сети ВКонтакте (орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены).

Отметим, что базовые постулаты интернет-комментария основаны на релевантных дискурсивных характеристиках виртуальной коммуникации, «направленной на поддержание контакта, эмоционального взаимовлияния, обмена информацией и самовыражения» [Карасик 2009: 264].

В интернет-общении подтекст отражает ту или иную ситуацию, включенную в коммуникативное содержание комментария, поэтому он «существует лишь в относительно небольших отрезках высказывания. Он как бы проекция вербальной манифестации мысли, скрытый механизм ассоциативного мышления» [Гальперин 2007: 45].

Рассмотрим средства, используемые при создании подтекста в комментирующих высказываниях.

Филипп Киркоров потратил миллион на торт для гостей презентации своего нового клипа. Десерт весом в 200 килограмм в виде черной пантеры сделали с любимыми вкусами артиста – ваниль и ягоды (НТВ, 11 декабря 2024 // сообщество ВКонтакте). К 1: Пусть он и его гости подавятся. К 2: И что тут плохого? Вот тут просто сейчас многие завидуют именно тортику. Ну есть у человека на это деньги и что... . Типо кто-то из вас отказался бы от такого торта. К 3: Шут гороховый. К 4: Сладкого сейчас обожрут, потом снова в не ту дверь пойдут. К 5: Да уж. Кому-то жемчуг мелкий, кому-то супчик жидкий. К 6: Жируют гниды. К 7: Пир во время чумы. Филька совсем не умный, думает люди будут восторгаться, а нет, люди не будут. К 8: Опять не в ту дверь долбился. К 9: Вот кто устраивает травлю русскому певцу Шаману... . К 10: Он много денег тратит на благие дела, он и до голой вечеринки тратил и не пиарился этим. К 11: Опять не та дверь. К 12: Опять не в ту дверь К 13: Пир во время чумы. К 14: С языка сняли. К 15: С жиру бесится. К 16: Хоть Фильку и терпеть не могу, но он эти деньги не украл. А как никак заработал. К 17: Полип Фарфоров. К 18: Откуда эти деньги, Зин? К 19: Шут гороховый. К 20: Это киркоровское мероприятие не лучше, чем голая вечеринка. Такое же пафосное и безнравственное выставление на показ своих богатств. На голой вечеринке хвастались бриллиантами, здесь безумно дорогими тортами

и нарядами. К 21: *НТВ – за деньги, да*. К 22: *Филиппу Бедросовичу понадобится съесть еще пуд соли, чтобы оценить этот свой жест, вернее его уместность*. К 23: *Опять дверью ошибся Филя*. К 24: *Он как зашел не в ту дверь, так до сих пор там и бродит*.

Контент вызывает отклик читателей, возникает своеобразный полилог-дискуссия, в котором реплики-комментарии порождают реакции, выражающие мнения, детерминированные ценностно-оценочным концептуальным пространством участников виртуальной коммуникации.

Создает подтекст скрытая антитеза, основанная на семантическом контрасте. Выделение смысловых акцентов «мир богатых / мир обычных людей» сопровождается оценкой в виде матрицы парных сравнений «одобрение / неодобрение (порицание)».

В лексической структуре комментариев авторская мысль подтекстово реализуется через открытость семантической структуры разнообразных интертекстуальных отсылок, понимание которых «включается в систему духовно-практической деятельности носителей языка» [Алефиренко 2008: 182].

Подтекстовый смысл «богатые от пресыщения веселятся во время общественных проблем» передается с помощью фразеологизмов *иут гороховый, пир во время чумы, с жиру бесится*, выбор которых обусловлен желанием обозначить денотативно-прагматическую ситуацию, выразить интенцию, связанную с интерпретированной социально маркированной реальностью.

Средством создания подтекста могут выступать аллюзивные единицы, декодирование которых переводит реципиента в рефлексивную позицию и отсылает к текстам-источникам *зашел не в ту дверь* (публичное оправдание Ф. Киркова после участия в «голой вечеринке»), *голая вечеринка* (вечеринка, организованная А. Ивлеевой, с дресс-кодом “almost naked”, вызвавшая широкий общественный резонанс). Для исчисления подтекстовой информации, заложенной в аллюзивных единицах, реципиент должен актуализировать набор прагматических presuppositions. Полноценное декодирование возможно только при условии возникновения соответствующих ассоциаций, направленных на обогащение комментирующего высказывания смыслами иницирующего текста. Аллюзия создает базу для формирования определенных контекстных ожиданий, задает рамки допустимой интерпретации. Когнитивный аспект социального взаимодействия в виртуальной среде проявляется в согласованных действиях участников общения. Использование одних и тех же аллюзий указывает на идентичную интерпретацию, т.е. демонстрируется групповая солидарность в восстановлении исходной информации.

Реминисценции *Откуда эти деньги, Зин?* (Ср.: *где деньги, Зин?* – выражение из песни В.В. Высоцкого), *НТВ – за деньги, да* (Ср.: *за деньги да* – фраза из песни Инстамки) на подтекстовом уровне помогают идентифицировать намек на меркантильного человека, помешанного на деньгах и атрибутах успешной роскошной жизни. Подобные реплики-комментарии всегда ориентированы на фоновые знания других участников виртуального общения.

Прецедентные имена *Полип Фарфоров*, *Шаман* как эксплицитно выраженные единицы текста направляют процедуру поиска через возникающие в сознании участников виртуального общения ассоциации. *Полип Фарфоров* – вымышленный, искусственно сконструированный оним, являющийся шутивым прозвищем Ф. Киркорова. Имена *Полип Фарфоров* – *Филипп Киркоров* находятся в ономастической корреляции. Совпадение графем, созвучность обеспечивают декодирование означающего имени. Отметим, что при определенных изменениях внешней формы онима реципиент может испытывать трудности при его опознании. Иноказательное указание на Ф. Киркорова формирует ироническую оценку. Денотат прецедентного имени *Шаман* наполняется сведениями «патриотический певец». Пересечение информационных блоков денотатов прецедентных имен *Полип Фарфоров* и *Шаман* должны активизировать ассоциативное восприятие образов. При этом участниками виртуальной коммуникации необходимо обладать соответствующими фоновыми знаниями, чтобы интерпретировать подтекстные значения «легкомысленный – серьезный». В данном случае ситуативный подтекст взаимодействует с тезаурусом реципиента, с его ассоциативным потенциалом. «Чем этот тезаурус богаче и разнообразнее, чем больше развита способность читателя аналитически воспринимать текст, тем конкретнее выступают для него очертания несказанного, подразумеваемого» [Гальперин 2007: 45].

Экспликация как средство формирования подтекста направлена на развертывание семантических компонентов комментария. Чаще всего подтекстовый смысл раскрывается с помощью подробного пояснения позиции комментатора. *Это киркоровское мероприятие не лучше, чем голая вечеринка. Такое же пафосное и безнравственное выставление на показ своих богатств. На голой вечеринке хвастались бриллиантами, здесь безумно дорогими тортами и нарядами.* Лексемы *пафосное, безнравственное, выставление на показ своих богатств, хвастались* актуализируют значение «отступление от социально-одобряемых норм и стереотипов поведения».

Таким образом, формирование семантической структуры комментария приобретает характер конструктивного процесса, сущностной категорией которого является подтекст, позволяющий включить потенциальный максимум информации в минимальный объем текста. Подтекст как конвенциональный способ конструирования смысла обеспечивает целостность семантического пространства комментирующих высказываний. Участники виртуальной коммуникации декодируют подтекстовую информацию, передаваемую в комментирующих высказываниях, благодаря текстовым сигналам, пресуппозиции, фоновым знаниям.

Литература

- Алефиров Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Эллис, 2008.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.
- Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

Yu.A. Vorontsova (Belgorod, Russia)

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
in Russia named after I.D. Putilin*

SUBTEXT AS A COMPONENT OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF COMMENTING STATEMENTS

The article considers the specifics of the subtext in online comments. The means that initiate subtext information are identified. It is noted that the formation of the semantic structure of a comment acquires the character of a constructive process, the essential category of which is the subtext, which allows to include the potential maximum of information in the minimum amount of text.

Key words: Internet commentary, subtext, background knowledge, presupposition, interpretation

B.B. Грищева (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
walya86@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПЬЕСЕ: В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Статья посвящена исследованию специфики формирования образа пространства в британской драме с учетом тенденций современной драматургии, направленной на максимальное воздействие на читателя / зрителя. Выявляется роль когнитивных доминант в репрезентации пространства. Проводится анализ средств, участвующих в актуализации референции к звукам и цвету.

Ключевые слова: драматургический текст, британская пьеса, когнитивные доминанты, смысл, референция к звуку

Современный драматургический текст в целом и британская пьеса в частности отличается от других типов целенаправленным управлением восприятием читателя, притом воплощаемым чрезвычайно экономными и незаметными средствами. Это обусловлено, прежде всего, спецификой условий, в которых функционирует и развивается драматургический дискурс XXI в. Таким образом, в настоящее время, в эпоху глобальной цифровизации и развития новейших технологий, пьеса существует в контексте поиска и установления более близкого диалога с читателем / зрителем для поддержания постоянного интереса, что позволяет преодолеть стандарты и шаблоны, типичные для драматургического текста более раннего периода.

Данные рассуждения наталкивают нас на мысль о том, что драматургический текст претерпевает серьезную трансформацию в плане передачи смыслового содержания. В связи с этим отмечается, что «дискурсивно-коммуникативное пространство драматургии выступает как прагматически заряженное поле, поскольку в силу своей полиадресатности нацелено на оказание воздействия на широкую аудиторию зрителей или читателей» [Старостина 2024: 86]. Данная особенность воздействия на аудиторию и смыслоформирования в пьесе непосредственно связана с присущим ей онтологическим свойством, определяемым нами как потенциальная сценичность

(театральность), что предполагает закладываемые условия для сценической интерпретации и театральной постановки [Грищева 2024]. Стоит отметить, что в этом плане намечается актуальная тенденция, согласно которой доказываются предположения относительно особого взаимодействия между читателем и пьесой, зрителем и театральной постановкой [Героева 2023, Логинова 2023].

Продолжая логику рассуждений, заметим, что, поскольку текст, представленный в ремарках и других авторских комментариях в драматургическом тексте, трансформируется в невербальную форму, автор выполняет как бы невидимую роль. С точки зрения воздействия на аудиторию в современной британской драме используется более широкий диапазон средств, который проявляется в функционировании определенных когнитивных доминант, способствующих формированию смысловой направленности текста. В трактовке Е.А. Огневой, уделяющей особое внимание проблеме когнитивного моделирования художественных концептов как сложных текстовых конструкторов, структура когнитивных доминант различных произведений образуется определенными когнитивными узлами, которые являются своеобразными смысловыми аттракторами / маяками [Огнева 2019: 56].

Перейдем к результатам исследования и ответим на вопрос: как рождается смысл, закладываемый драматургом? Было выявлено, что референция к звукам имеет ключевой смыслопорождающий потенциал в контексте современного сценического действия, поскольку обладает мощным лингвопрагматическим эффектом. Таким образом, драматург целенаправленно привлекает внимание читателя к конкретным составляющим пространственной организации действия, которые влияют на понимание закладываемого смысла. Обратимся к фрагментам из пьесы британского драматурга Джеза Баттеруорта «Винтерлинг» (Winterling) для иллюстрации вышеизложенных положений:

ACT ONE

*Darkness. **Distant shelling. Small-arms fire.** Closer. All at once, overhead, the **deafening cacophony** of war. Just when it can't get any louder it fades into.*

Light. <...>

*Far off, **a dog barking.***

A deserted, half-derelict farmhouse. Doors off. Stairs up.

A rat-gnawed armchair. Small table, with no chairs. A large axe waits by a giant inglenook fireplace. The fireback is a red-rusty circular saw. Dark windows look onto an area beyond; a concrete-floor utility room, in which stands a mangle, a piece of red canvas protruding from its jaws like a lapping tongue.

<...> hangs a black woolen suit, waiting.

Suddenly**, warplanes **burst over, looming, shuddering.** The full **blaring** cacophony of war ... It passes, back to **a rumble in the distance.

Blackout.

Lights.

(J. Butterworth "Winterling")

В сеттинге к первому действию драмы действие разворачивается в сельской местности в Дартмуре. В фокусе внимания оказывается сарай, в котором обосновалась банда преступников. В целом стоит обратить внимание на то, что формирование смыслового лейтмотива приближающейся беды обусловлено когнитивными доминантами, представленными аудиальными компонентами и референцией к цвету.

В ходе анализа материала было замечено, что наибольшая сила воздействия осуществляется посредством перехода от менее интенсивных к более сильным звукам. Данный эффект достигается при помощи языковых средств, указывающих на физическое расположение по отношению к потенциальной аудитории *closer, distant, in the distance, far off*. Стоит отметить, что для большего вовлечения читателя используется пространственный маркер *overhead*, который указывает на расположение звука прямо над головой, заставляя читателя четко представить воссоздаваемую стрельбу из оружия, подобную военным действиям.

Анализ свидетельствует о том, что важную роль в репрезентации пространства с точки зрения референции к звуку имеет природа воспроизводимого звука. Так, употребляемые языковые средства *cacophony of war, shelling, small-arms fire* манифестируют образ войны, который служит основой концептуализации действительности в представленном сеттинге. Было выявлено, что ассоциативно-связанные элементы также участвуют в создании негативной атмосферы. Так, использование аудиального компонента *rumble* дополнительно акцентирует эффект грохота и сильного шума. Стоит заметить, что актуализация референции к звуку осуществляется посредством акцента на том, как именно возникает и исчезает звук. Указание на резкий и затихающий звук передается при помощи экспрессивно-выразительного наречия *suddenly* и, соответственно, глагола *fades into*.

Неприятный образ в целом поддерживается также референцией к другим звукам *a dog barking*. Фактически лай собаки ассоциативно связан с чувством опасности на фоне приближающейся стрельбы. Данное наблюдение подтверждает наше предположение о том, что референция к звуку в драматургическом тексте имеет знаковую природу. Однако наибольший эффект достигается посредством употребления аудиального элемента *cacophony*, который указывает на режущее слух, хаотичное нагромождение разных звуков, что соответствует общей смысловой направленности.

Имеет смысл обратить внимание на характеристику воспроизводимого звука, а именно, описательные элементы, которые дополнительно актуализируют эффект страшного шума. Интенсивность звука маркируется экспрессивно-выразительными прилагательными, глаголом и причастиями *deafening, blaring, burst over, looming, shuddering*, обеспечивающими реализацию неприятного образа пространства. Данные аудиальные элементы репрезентируют оглушающий, нарастающий шум. Резюмируя анализ аудиальной составляющей в манифестации образа пространства, стоит подчеркнуть, что основная смысловая доминанта соответствует резкому, мощному, неприятному звуку.

Кратко остановимся на такой выявленной когнитивной доминанте как обращение к цвету. Так, использование черного цвета *dark windows, darkness, blackout, black suit* в описании пространства вызывает негативные эмоции и способствует формированию общего смыслового лейтмотива страха и ужаса.

Красный цвет, манифестируемый в описании предметов *a red-rusty circular saw, red canvas*, ассоциируется с агрессией, опасностью, что также поддерживает общий лингвопрагматический эффект, направленный на негативный отклик у читателя.

В свете данных рассуждений и полученных промежуточных результатов исследования подчеркнем, что выявленные особенности репрезентации образа пространства обусловлены прежде всего перформативной, зрелищной природой драматургического текста, который всегда ориентирован на сценическую интерпретацию.

Подводя итоги анализа, отметим, что референция к звуку, репрезентируемая аудиальными элементами, и обращение к цвету, способствуют формированию конгломерата когнитивных доминант, нацеленных на воздействие на читателя и в проекции зрителя.

Литература

Героева Л.М. Семиотика театрального искусства, как метод рефлексивного воздействия на зрителя // Современное педагогическое образование. 2023. № 12. С. 307-310.

Грицева В.В. Смысловые аспекты визуализации в британском драматургическом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 8 (889). С. 32-37.

Логинова Е.Г. Выразительность в театре как технология смыслопорождения и роль жеста в ее реализации // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 2. С. 67-82.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкторы текстовых миров. М.: Эдитус, 2019.

Старостина Ю.С. Англоязычный драматургический диалог: лингвоаксиологическая параметризация речевых жанров // Англоязычный драматургический дискурс: динамика и вариативность научных подходов: коллективная монография. Самара: Самара, 2024. С. 86-127.

V.V. Grishcheva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF SPACE REPRESENTATION IN MODERN BRITISH PLAY: IN SEARCH OF MEANING

The article is devoted to the investigation of the specifics of space formation in British drama in view of modern dramaturgy tendencies, aimed at producing the maximum impact on reader / audience. The role of cognitive dominants in space representation is identified. The analysis of means which actualize sound and colour references is carried out.

Key words: drama text, British play, cognitive dominants, meaning, reference to sound

*К.В. Гудкова (Санкт-Петербург, Россия)**Санкт-Петербургский государственный университет
gudkova@bk.ru*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится сравнительный анализ семантической связности английского и русского вторичного текста. На примере вторичного текста жанра synopsis рассматриваются отличия в использовании средств связности при передаче информации о референтной ситуации. Рассматриваются способы идентификации объектов и персонажей. Показывается, что для английского текста характерна более жесткая степень знакомства с лицом нежели для русского, который допускает свободу в идентификации персонажей.

Ключевые слова: вторичный текст, семантическая связность, знакомство с лицом, идентификация персонажей

Когнитивный подход к исследованиям текста и дискурса предполагает, что языковая деятельность по созданию текста представляет собой один из видов когнитивной деятельности человека, и в силу этого положения можно сказать, что интерпретация языковых выражений и смысловых связей может быть адекватно проведена только в контексте других когнитивных процессов, среди которых главное место занимают логическое и семантическое мышление. Как правило, в тексте отражается некая референтная ситуация, т.е. ситуация реальной или вымышленной действительности. Наши представления о действительности имеют нерасчлененный характер, а поскольку язык – сущность дискретная, то вербализация внеязыковой информации и понимание этой «упакованной» информации (т.е. текстов) представляют собой сложные процессы. Главная роль в таких процессах принадлежит вербальной категоризации событий (выбору необходимого категориального значения) в рамках особого уровня концептуальных категорий, который и обеспечивает выбор и комбинаторику языковых знаков для выражения определенных мыслей [Болдырев 2009: 11].

При вербализации референтной ситуации мы выбираем языковые выражения, работаем с сущностью дискретной – иными словами, «упаковываем» информацию о референтной ситуации, выборочно описывая и называя ее различные аспекты. Но эти «упаковки» не просто представляют собой набор некоторых характеристик и номинаций – они определенным образом, следуя логике и намерению создателя текста, соединяются и передают всевозможные отношения между упаковками. Для вербализации этих отношений автор текста использует различные средства, которые обеспечивают семантическую связность. Получатель сообщения, в свою очередь, ориентируется на эти связующие средства и выстраивает логические отношения между элементами текста, выстраивая для себя референтную ситуацию. Эти процессы представляют собой сложные когнитивные процессы, которые происходят в голове у получателя текста. Как процессы создания, так и процессы понимания текста не в последнюю очередь находятся под влиянием родного языка, логику

и семантику которого мы усваиваем с детских лет и привыкаем к этой логике и семантике. Иными словами, получатель текста расшифровывает послание в логике своего семантического мышления, которое напрямую связано с языком.

При вербализации референтной ситуации, воспроизводимой в тексте, автор выбирает языковые выражения для идентификации объектов этой ситуации. Как правило любой объект будет затем упоминаться не один раз. Для целей правильной интерпретации полученного текста существует необходимость недвусмысленно выразить, упоминается тот же самый объект или произошла замена одного объекта другим, т.е. необходимо прояснить, когда упоминается один и тот же объект, а когда – разные. Основным способом идентификации объектов языковыми средствами является номинация [Палек 1978: 245].

В данном исследовании в качестве материала используются так называемые вторичные тексты, которые создаются на основе первичного текста и являются отражением информационной структуры уже не референтной ситуации, как в случае первичного текста, а информационной структуры первичного текста. Но этот вторичный текст не являет собой набор несвязанных между собой предложений – он представляет собой объект, который отличает связность как семантическая, так и смысловая.

В качестве иллюстративного примера рассмотрим отрывки из синопсиса балета Корсар на русском и английском языках. Синопсис представляет собой текст, в котором излагается краткое содержание балета. В рассматриваемом примере синопсис знакомит зрителей с основными персонажами и основными событиями. Происходящие события не являются набором не связанных между собой происшествий, а разворачиваются в последовательность событий, в которой каждое новое событие является результатом или следствием предыдущего и связано с ним различными отношениями (временными, причинно-следственными и пр.). Каждое новое предложение мы интерпретируем на основе информации из предшествующего предложения. Семантическая интерпретация каждого предложения текста – это совокупность следствий, или выводов, которые можно сделать на основе данного предложения [Беллерт 1978:172].

Рассмотрим отрывок синопсиса.

Возле выброшенных волнами на берег обломков корабля трое спасшихся юношей. Их находят девушки гречанки. Медоре особенно нравится один из них – Конрад. Он рассказывает о себе, о своих друзьях Али и Бирбанто. Признается, что они морские пираты, корсары.

Любая история имеет персонажей. По мере разворачивания истории каждый персонаж получает свое наименование. В соответствии с линией развития повествования могут вводиться другие персонажи. В каждом элементе текста язык должен выражать достаточную информацию, идет ли речь о том же самом или о другом объекте. При этом уже введенные персонажи могут либо сохранять данные им имена, либо получать другие наименования. Они могут именоваться либо именами собственными (Медора, Конрад, Али, Бирбанто), либо существительными,

обозначающими их роль, которую они выполняют в повествовании (друзья, пираты), либо категориальными существительными, относящими их к определенному классу (юноши, девушки). Для семантической связности текста необходимо, чтобы соотношение между новым и предшествующим наименованием персонажа было выражено однозначно. Если один и тот же объект получает другие наименования, то для правильной интерпретации используются дополнительные языковые средства. В противном случае открываются возможности для различных интерпретаций.

В первом предложении вводятся персонажи истории – трое спасшихся юношей, во втором вводятся новые персонажи – девушки гречанки. В следующем предложении уже введенные ранее персонажи получают новые наименования – персонажи именуются собственными именами: Медора и Конрад. Русскоязычные получатели дискурса без проблем связывают эти имена собственные с категориальными номинациями: девушки и юноши, о которых мы узнаем из первых двух предложений. Тем не менее следует отметить, что при отсутствии дополнительных языковых средств возможна и другая трактовка: новая номинация Медора может означать новую девушку, не входящую в упомянутую группу, поскольку никаких дополнительных языковых маркеров, указывающих на принадлежность к упомянутой категории (девушки), в тексте нет. Что касается имени Конрад, то тут установлена полная однозначность благодаря использованию дополнительных средств: *один из них*, что позволяет установить однозначную связь между номинациями: юноши и Конрад как член упомянутой группы.

В следующем предложении вводятся новые номинации: категориальная номинация – друзья – и имена собственные – Али и Бирбанто. Дополнительных языковых средств, позволяющих установить однозначное соответствие между этими объектами и ранее введенными, нет, поэтому открывается возможность для семантических интерпретаций. Уже введенные ранее объекты, которые номинировались как юноши, получают новое наименование – друзья. Одна интерпретация связывает имена Али и Бирбанто с номинацией *трое юношей*, мы понимаем, что они принадлежат к упомянутой группе. Другая возможная интерпретация, которая вытекает из предоставленной информации: Али и Бирбанто – друзья Конрада, которые не входят в число трех спасшихся юношей, но являются героями рассказа Конрада.

Аналогичным образом употребление анафорического местоимения *они* открывает возможность следующих трактовок: морские пираты все трое и морские пираты Али и Бирбанто.

Для носителей русского языка такая семантическая свобода интерпретаций проблемы не представляет, и персонажи идентифицируются. Интерпретируя текст, для которого условие связности не выполняется однозначно, получатель, исходя из того, что данный текст задуман как связный, выбирает из этих возможных следствий такие, которые выполняют условие связности и дают требуемые повторения.

Рассмотрим соответствующий отрывок английского текста. В отличие от русского, английский текст характеризует более четкая однозначность, для достижения

которой используются дополнительные средства. Степень знакомства с лицом достаточно жесткая.

The sea casts the three men, Conrad, Ali and Birbanto, onto a beach. Young Greek women come to their aid. Among them is Medora. Conrad, attracted by Medora, tells her that he is a corsair.

В первом предложении вводится новые персонажи: *three men*, которые сразу же получают именование: имена собственные, тем самым устанавливая однозначное соответствие. То же построение используется при введении новых персонажей: *young Greek women*. Поскольку число девушек превышает три, и они в дальнейшем будут исполнять роль массовки, устанавливается однозначное соответствие между этими персонажами и главным персонажем действия: *Among them is Medora*. Интерпретация следующего предложения абсолютно однозначная, главные персонажи именуются именами и анафорические местоимения также не допускают иных соотношений.

Таким образом, можно сделать определенные выводы. Английский текст характеризует семантическая связность, которая допускает только однозначную интерпретацию. Степень знакомства с лицом жесткая, никаких других интерпретаций сделать нельзя. Одним из средств достижения однозначной идентификации персонажей являются дополнительные языковые маркеры. Русский текст характеризует не жесткая степень знакомства с лицом, что может приводить к различным интерпретациям.

Литература

Беллерт И. Об одном условии связности текста // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 172-207.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Палек Б. Кросс-референция: к вопросу о гипертасисе // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 243-258.

Корсар. Краткое содержание // Мариинский театр. URL: <https://www.mariinsky.ru/playbill/repertoire/ballet/korsar1/>

K.V. Gudkova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

ON SEMANTIC CONNECTIVITY IN ENGLISH AND RUSSIAN SECONDARY TEXTS

The article deals with the comparative analysis of semantic connectivity in secondary texts in English and Russian. A case study of synopsis as a secondary text is conducted. The differences in the use of cohesion devices that are employed to convey the information about the referential situation are discussed. The ways of the identification of the characters are analysed. It is shown that the English text has more rigid degree of the familiarity with the characters, while the Russian text admits much more freedom in identifying the characters.

Key words: secondary text, semantic connectivity, familiarity with the person, identifying the characters

*Л.Н. Дмитриева (Тюмень, Россия)**Тюменский государственный университет**l.n.dmitrieva@utmn.ru*

ПОЗИЦИЯ БЕЗМОЛВНОГО ХРИСТА В ПОЭМЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)

В статье устанавливается идейная позиция Иисуса Христа, безмолвного действующего лица поэмы о Великом инквизиторе, через лингвистический анализ речи героев Ф. М. Достоевского. Привлечение к исследованию текстовых категорий Голос и Точка зрения демонстрирует их потенциал как инструментов когнитивной поэтики, служащих непростой цели расшифровки авторского замысла.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, Голос, Точка зрения, позиция героя, авторское знание

С наступлением цифровой эпохи перед языковедческим научным сообществом возник ряд новых вопросов и задач, требующих решения, в том числе с применением возможностей вычислительной техники и искусственного интеллекта. Однако вместе с этим интерес мирового научного сообщества к наследию гениальных писателей не только не угас, но лишь разгорелся. Так, в 2021 г. в ознаменование двухсотлетия со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) по всему миру прошла серия значимых конференций, круглых столов, открытых дискуссий, форумов. Создан и подвергается сквозному междисциплинарному исследованию корпус всех текстов великого писателя, в том числе его личные письма и дневники. В этой связи *актуально* наше обращение к жемчужине творчества Ф. М. Достоевского, его итоговому роману «Братья Карамазовы» (1880).

Накопление знания в области когнитивных исследований пространства художественного произведения закономерно приводит к пересмотру потенциала существующих инструментов лингвостилистического анализа с учетом передовых научных целей, среди которых поиск методик когнитивного реконструирования процесса создания литературного текста.

В традиционной стилистике текстовые категории, в том числе Голос и Точка зрения, учение о которых разрабатывали еще наши формалисты Б. Эйхенбаум и В. Шкловский, выступают признаками текста, отражающими его смысл языковыми, речевыми и композитивными средствами. Смысл же литературного произведения соотносится со знаниями, передающимися от автора читателю [СЭС 2006]. В парадигме когнитивной поэтики, определяемой И. А. Тарасовой в качестве филологической дисциплины, занимающейся «организацией («архитектурой») мыслительных форм автора, читателя, исследователя» [Тарасова 2019: 146], представляется возможным рассмотреть текстовые категории как возможные средства декодирования авторского знания.

Настоящая статья посвящается *проблеме* текстовой актуализации категорий Голос и Точка зрения в условиях отсутствия речевой партии действующего лица.

Данная ситуация характеризует бессловесную партию Иисуса Христа в поэме о Великом инквизиторе, составляющей пятую главу пятой книги “Pro и contra” романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Именно этот вставной рассказ является *материалом исследования* нашей статьи.

Объектом исследования выступает позиция Иисуса Христа в поэме, искомая по данным текста с привлечением категорий Голос и Точка зрения.

Предмет составляют лингвистические средства актуализации личностной позиции Христа в речевых потоках героев Ф.М. Достоевского.

Целью статьи является установление идейной позиции Иисуса Христа в поэме о Великом инквизиторе через лингвистический анализ речи героев Ф.М. Достоевского с привлечением текстовых категорий Голос и Точка зрения.

Обозначенная цель определила следующие *задачи*:

- 1) провести анализ голосовой структуры исследуемого текста с целью определения всех составляющих ее речевых потоков;
- 2) произвести выборку текстовых фрагментов, в которых вербализована позиция Иисуса Христа, в канве речевых партий Ивана Карамазова и Инквизитора;
- 3) установить лексические, грамматические (в частности – синтаксические) и стилистические средства актуализации позиции Христа в речи названных персонажей;
- 4) сформулировать идейную позицию Иисуса Христа, соотносимую с авторским знанием и общетекстовым смыслом.

В русских ситуациях общения русскоязычному человеку свойственно использовать понятия «голос» и «точка зрения» взаимозаменяемо вследствие закреплённого за первым переносного значения мнения, высказанного во всеуслышание [СЕМ 1998: 285]. Однако для целей лингвистического анализа необходимо разграничение данных понятий. *Категория Голос* используется в описании речевых потоков произведения: авторского, персонажного или смешанного, в случае несобственно-прямой речи. *Категория Точка зрения* сопряжена с установлением на основе текстовых данных личностной позиции автора или персонажа [Wales 2014].

Исследуемый в рамках настоящей статьи текст поэмы «Великий инквизитор» в аспекте категории Голос представляет собой структуру «рассказа в рассказе». В основное авторское изложение введен вымышленный рассказ Ивана Карамазова. Изложение Ивана местами прерывает голос спорящего с ним Алексея Карамазова. В речи рассказчика Ивана «оживает» голос вымышленного им лица – Инквизитора. Инквизитор, по задумке Ивана, намерен полемизировать со своим пленником – Христом, вновь пришедшем к людям. Властная эмоционально-окрашенная речь старика-инквизитора примечательна с лингвистической точки зрения и могла бы составить предмет иной статьи. Однако нас интересует точка зрения безмолвного слушателя Инквизитора. Иисус Христос, чей образ красной нитью проходит сквозь «великое пятикнижие» Ф.М. Достоевского [Достоевский: Эстетика и поэтика 1997], присутствует в рассказе Ивана Карамазова в качестве одного из главных

действующих лиц, но не имеет своей речевой партии, отразившей бы, словами Б.А. Успенского, «идеологически-ценностную» позицию [Успенский 1970].

В этой связи необходимо заметить, что расшифровка информации, сопряженной с идейной позицией Иисуса Христа в поэме, невозможна «прямым путем» лингвистического анализа «прямая речь» – «личностная позиция». Обращаясь на этом этапе к категории Точка зрения как исследовательскому инструменту, благодаря работе с категорией Голос мы остаемся с мыслью о значимости *молчания* героя (отсутствия речевых ответных реакций в ситуации обвинения, напора со стороны оппонента) на уровне общетекстового смысла. Позиция Иисуса Христа, явившегося, согласно сюжету поэмы Ивана в разгар инквизиции в Испании, вербализована непосредственно в повествовании рассказчика и опосредованно – в риторических вопросах Инквизитора.

«По Безмерному милосердию своему Он проходит еще раз между людей <...> с тихую улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в Его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей Его...», – читаем мы повествование Ивана, и далее, – «...когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит <...> Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза, и, видимо, не желая ничего возражать. <...> Он [Иисус Христос] вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста» [Достоевский 2003: 287, 303].

Исследуемые текстовые фрагменты содержат абстрактные существительные, обозначающие душевные свойства – милосердие и сострадание, объединенные общим смыслом (добро) и входящие в лексико-семантический ряд «Доброта» [СЕМ 1998: 255]. Семантика названных элементов усилена выразительными прилагательными безмерный, бесконечный. Во втором цитируемом фрагменте смысловую нагрузку несет повествовательный ряд глаголов с вкраплениями определительных наречий (тихо – лексический повтор; проникновенно), выражающий содержательную информацию – Иисус Христос прощает порицающего его Инквизитора, милует его своей безмерной любовью. Идее беспрецедентной любви ко всем людям, окружающим его, вторит инверсионный характер синтаксической конструкции первого предложения. Показательны метафорический оборот – «солнце любви», а также градация абстрактных существительных с яркой семантикой: свет, просвещение, сила, усиленных капитализацией.

Пылкий монолог Инквизитора, отрекшегося от Христа и его учения, содержит несколько фрагментов с риторическими вопросами к его безмолвному слушателю: «Ты смотришь на меня кротно и не удостоиваешь меня даже негодования?» [Достоевский 2003: 290], «И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами Своими?» [Там же: 297]. Значительную смысловую нагрузку в цитируемом фрагменте несет ряд определительных наречий: кротно, молча, проникновенно. В рамках цитируемого контекста они синонимичны, выражая общую идею – «отсутствие сопротивления, внимательность к чужому мнению».

Комплекс названных выше лингвостилистических средств, среди которых – лексика семантического ряда «Доброта/Сострадательность», включая метафору «солнце любви», инверсия, градация, капитализация, участвует в выражении идейной позиции безмолвного Христа. Она заключается в искренней, самоотверженной любви к человечеству; принятии чужого мнения, прощении и сострадании. Принимая во внимание глубокую биографичность творческого наследия Ф.М. Достоевского, выстраданность им жизненных истин, вербализованных в личностных позициях любимых им героев, видится тесная связь мировоззрения Иисуса Христа в исследуемом тексте с убеждениями самого писателя относительно принципов существования и развития человеческого общества. «...я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято...верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа» [Достоевский 1985 т. 28, кн. 1: 176], напишет Ф.М. Достоевский Н.Д. Фонвизиной по выходе из Омского острога.

Резюмируя итоги проведенного исследования, подчеркнем потенциал формировавшегося в течение длительного времени инструментария стилистических исследовательских средств, в частности текстовых категорий Голос и Точка зрения, в решении задач когнитивной поэтики.

Литература

- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: Роман. М.: Дрофа, 2003.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма, 1832–1859.
- Достоевский: Эстетика и поэтика*: Словарь – справочник / сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев. Челябинск: Металл, 1997.
- СЕМ — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 1998.
- СЭС — Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006.
- Тарасова И.А.* Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: ИНФРА-М, 2019.
- Успенский Б.А.* Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.
- Wales K.* A Dictionary of Stylistics. New York: Routledge, 2014.

L.N. Dmitrieva (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

THE VIEW OF SILENT CHRIST IN “THE GRAND INQUISITOR” (BASED ON THE NOVEL “THE BROTHERS KARAMAZOV” BY F.M. DOSTOEVSKY)

The article explores the view of Jesus Christ, the silent character of “The Grand Inquisitor” by F.M. Dostoevsky, through the linguistic analysis of other characters’ speeches. The research is conducted with the use of Voice and Point of View as techniques of textual analysis demonstrating their potential as tools of Cognitive Poetics employed to decode author’s implicit message.

Key words: Cognitive Poetics, Voice, Point of View, the character’s view, the author’s message

*О.В. Золтнер (Омск, Россия)**Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
ovlakov@yandex.ru*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА *РОДИНА* В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье предпринимается попытка описания объективации концепта «Родина» в поэтических текстах советской эпохи. Стихи о Родине реализуются, по крайней мере, в двух дискурсивных пространствах: художественном и патриотическом. Индивидуально-авторская картина мира позволяет концептуализировать представление о Родине как максимально масштабное и как максимально личное пространство.

Ключевые слова: концепт «Родина», художественный дискурс, патриотический дискурс, индивидуально-авторская картина мира, советская поэзия

Стихи о Родине – «гибридный» литературный жанр с точки зрения его реализации в дискурсивных пространствах. С одной стороны, эти произведения реализуются в пространстве художественного дискурса, с другой стороны, являются текстами патриотического дискурсивного пространства. Основная установка патриотических произведений – выражение любви к Родине, Отечеству, родному месту.

Безусловно, в художественном дискурсе мы имеем дело с индивидуально-авторской картиной мира, репрезентирующей в прозаическом или поэтическом тексте определенный фрагмент мира (или фрагменты мира) как часть общей (языковой) картины мира, объективированный знаками языка.

В семантическом составе идеи патриотизма, которая является центральной для стихов о Родине, выделяются три ряда признаков, выявленные С.Г. Воркачевым: «1) соотносимые с ее «предметной», денотатной частью – какая у нас родина и какие мы сами; 2) соотносимые с ее эмоционально-оценочной частью – как и за что мы любим родину; 3) соотносимые с императивно-праксеологической частью – как нужно поступать и что нужно делать, чтобы доказать свою любовь к родине» [Воркачев 2015: 47]. Все указанные признаки обнаруживаются в поэтических произведениях, представляющих материал данного исследования.

Цель настоящей статьи – анализ поэтических произведений с точки зрения наличия в них языковых средств, объективирующих концепт РОДИНА. Материалом исследования послужили стихотворения советских русских поэтов, в которых концепт РОДИНА представлен как максимально объемное и широкое пространство, включающее всё и вся (Р. Рождественский), как противопоставление «большой» и «малой» Родины (К. Симонов) и как малое, практически личное пространство, «родной уголок» (А. Фатьянов).

По мнению Е.А. Захаровой, творчеству Р. Рождественского присущи «эффект предельности и яркости граней», который «во многом происходит из идеи контраста и сопоставления, мировоззренчески пронизывающих художественное и языковое сознание поэта» [Захарова 2011: 249]. В своем знаменитом стихотворении «Родина моя» (1959 г.) [Рождественский] (позже это стихотворение будет положено

на музыку) поэт представляет Родину как нечто целостное, единое, но состоящее из отдельных элементов, названных личными местоимениями: *я, ты, он, она; сто тысяч «я»*. Вместе они образуют мозаику *целой страны*, которая характеризуется как *дружная семья*, однако каждый из «элементов» имеет свое лицо: *большеглазые, озорные, черные, рыжие, льняные*. Каждому элементу присуща целостная характеристика, указывающая на его размер, характер, цвет. Таким образом, Родина соткана из индивидуальностей.

Пространство Родины также описывается через составляющие ее элементы – природные объекты: *поля, горы, озера, моря, реки*, каждый из которых характеризуется квалификатором: *сонные озера, бурлящие моря, синяя тайга*. Природное пространство «скрепляется» сменой времен года – от лета (*настанет время спелых ягод*) до зимы (*лягут белые, огромные, роскошные снега*) и последующей весны (*обняла весна цветную*). Форма множественного числа *снега* поддерживает пространственные ассоциации. Пространство Родины распространяется не только вширь, но и ввысь: поэт включает в пространственный ряд светила (*солнце, звезды*) и небо, в вышине которого *будут птицы радостно петь, будет песня звенеть*. Таким образом, звуки соединяют небо и землю в единое пространство.

Лирический герой признается в любви к Родине как к очень близкому человеку (обращение на *ты*), которая проявляется также через глаголы, обозначающие физические действия, направленные на объекты, составляющие пространство родины: *прильну к березам, взгляну в глаза грозам, упаду в цветы*. Примечательно, что это природные объекты: растения (*березы, цветы*), природные явления (*грозы*). В результате возникает ассоциация с радостью, счастьем (*как будто праздник*), которому нет начала и конца, так же как нет начала и конца Родине (*Нет тебе конца и нет начала*).

В стихотворении Константина Симонова «Родина» (1941 г.) [Симонов] анализируемый концепт объективируется прежде всего через величественный пространственный образ: *Касаясь трех великих океанов, Она лежит, раскинув города*; который характеризуется кваликативными предикатами: *непобедима, широка, горда*. Этому образу «большой» Родины поэт противопоставляет образ «малой» Родины, который каждый воин-защитник носит в себе и вспоминает в минуты сражения за ее свободу: *Ты вспоминаешь не страну большую, ... Ты вспоминаешь родину — такую, Какой ее ты в детстве видел*. Как считает Х.С. Шагбанова, «анализ специфики жанрово-стилевых форм в творчестве К. Симонова свидетельствует о трагизме и героизме и с самого начала формируется как отражение личного восприятия войны и одновременно всеобщих мыслей и чувств» [Шагбанова 2022: 348]. Именно с точки зрения отдельного человека рисуется образ Родины не огромной и величественной, а близкой и именно родной, хоть и небольшой с точки зрения пространственных характеристик. Для этого поэт использует прием литоты: *клочок земли, песчаный берег с низким ивняком, горсть земли*. Однако это малое включает в себя всё то, что воплощает Родину в полном объеме: *Ту горсть земли, которая годится, Чтоб видеть в ней приметы всей земли*. Возникает метонимический перенос – часть яв-

ляется образом целого. И за эту «часть», за эту «горсть» и нужно биться до конца, даже если тебя ждут суровые испытания голодом, холодом или смертью на поле боя: *Но эти три березы При жизни никому нельзя отдать*. Таким образом, через отношение к «малому» пространству, к тому месту, где ты родился, провел свое детство, с которым связаны самые дорогие воспоминания, создается образ бесконечной и жертвенной любви к Родине, которая дорога каждому русскому человеку.

В стихотворении Алексея Фатьянова «Когда весна придет» (1955 г.) [Фатьянов], ставшем основой знаменитой песни из кинофильма «Весна на Заречной улице», концепт РОДИНА объективируется через образ малого, даже, скорее, личного пространства, «родного уголка». Это место, в котором живет лирический герой и не хочет его покидать никогда и ни за что: *Я не хочу судьбу иную*. Пространство Родины аккумулируется в одной точке – пространстве родной Заречной улицы, на которой стоит родной дом, где находится родной завод: лирическому герою здесь *всё близко, всё знакомо*. Малое пространство абсолютизируется и гиперболизируется. Это место дорого герою, даже если на улице непогода, а на сердце – безответная любовь: *Но ты мне, улица родная, И в непогоду дорога*. Именно с этим пространством связана вся жизнь героя, его ценности, которые носят имена базовых концептов: СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, РАБОТА, ЛЮБОВЬ. Здесь прошло его детство, здесь продолжается его взрослая жизнь, полная тревоги и надежды. Герой не признается прямо в любви к родному уголку, но выражает свою любовь через признание в абсолютной преданности: *На свете много улиц славных, Но не сменяю адрес я, В моей судьбе ты стала главной, Родная улица моя!* Лексема *главная* демонстрирует ту роль, которая отводится поэтом родной улице: это то место, что определяет все жизненные вехи лирического героя и ведет его по жизненному пути; лексема *родная* демонстрирует трепетное отношение к родному месту: это то, что ему ближе всего на свете, это часть его самого.

Подведем итоги. На наш взгляд, в дискурсивном пространстве проанализированных поэтических текстов можно выделить 6 основных художественных «деталей», объективирующих средствами языка концепт РОДИНА:

1) пространство Родины: земное (поля, леса, горсть земли), небесное (небо, светила, грозы), растительный мир (деревья, цветы, ягоды), животный мир (птицы), населенные пункты и их внутреннее пространство (города, села, деревни, улицы, родные места);

2) временное измерение Родины: смена времен года, явлений природы (зима, весна, снега, дожди); прошлое, настоящее и будущее Родины, родных мест; события;

3) Родина – это люди: семья и друзья, близкие и чужие, знакомые и незнакомые, любимые;

4) квалификативные характеристики Родины: широкая, необъятная, родная, любимая;

5) Родина – объект любви, что проявляется через прямые признания, а также через уверения в безусловной преданности;

б) любовь к Родине вызывает самые светлые, чистые чувства, ощущение счастья и праздника, пусть даже человеку приходится проходить через страдания (например, безответную любовь) и жестокие испытания (например, войну).

Таким образом, идея патриотизма в стихах советских русских поэтов реализована через характеристики денотата – Родины и людей, ее населяющих, любовь к Родине эмоционально-оценочно охарактеризована и мотивирована, а также любовь к Родине и преданность ей проявляется через поступки и подвиги.

Литература

- Воркачев С.Г.* Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2013.
- Захарова Е.А.* Семантико-стилистические особенности создания художественного образа в поэзии Роберта Рождественского // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 4. С. 249-255.
- Рождественский Р.* Родина моя // Культура.пф. URL: <https://www.culture.ru/poems/42524/rodina-moya>
- Симонов К.* Родина // Культура.пф. URL: <https://www.culture.ru/poems/32930/rodina>
- Фатьянов А.* Когда весна придет // Культура.пф. URL: <https://www.culture.ru/poems/7781/kogda-vesna-pridyot>
- Шагбанова Х.С.* Концепт «патриотизм» в балладе К. Симонова «Секрет победы» // Образование и право. 2022. № 2. С. 348-352.

O.V. Zoltner (Omsk, Russia)
Dostoevsky Omsk State University

OBJECTIVATION OF THE CONCEPT OF MOTHERLAND IN THE SPACE OF A POETIC TEXT

The article attempts to describe the objectification of the concept of «Motherland» in poetic texts of the Soviet era. Poems about the Motherland are realized in at least two discursive spaces: artistic and patriotic. An individual author's picture of the world allows us to conceptualize the idea of the Motherland as the largest possible scale and as the most personal space.

Key words: the concept of «Motherland», artistic discourse, patriotic discourse, individual author's worldview, Soviet poetry

Е.В. Ильина (Тюмень, Россия)
Уральский государственный университет путей сообщения, филиал в г. Тюмени;
Тюменский государственный медицинский университет
eilyina@usurt.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ ЭМИГРАНТСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ)

В статье в аспекте миграционной лингвистики, когнитивной лингвистики, теории языковой личности и лингвокультурологии приводится когнитивно-дискурсивный анализ фрагмента мемуаров Л.Н. Андерсен, представительницы эмиграции первой волны. Репрезентированы концептуально-тематические области как фрагменты языковой картины мира эмигранта и элементы когнитивно-коммуникативного пространства эмигрантского социолекта.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, языковая личность, эмигрантский дискурс, мемуарный текст, концептуально-тематические области

С позиций миграционной лингвистики дискурс определяется как вид социальный интеракции с преобладающим межтекстуальным содержанием, некая социальная данность и коммуникативный процесс, ориентированный на реализацию единой для мигрантов (эмигрантов) системы ценностей [Миграционная лингвистика... 2019: 15–16]. В миграционном дискурсе понятие «ценность» становится одноименным метаконцептом, а понятие «эмиграция» как базовый компонент вступает в корреляции с объектами-отношениями *беженцы, убежище, диаспора, идентичность*, составляющими социокультурный и языковой контекст жизни мигранта [Миграционная лингвистика... 2019: 7]. На категориальном уровне, при включении семы «безвозвратность», актуализируется миграционная модель, которая соответствует эмигрантскому дискурсу. Интерпретация эмигрантского дискурса детерминирована контекстом социокультурных и национально-культурных знаний субъекта дискурса [Болдырев 2015: 14], под которым понимается языковая личность как национально-культурный прототип [Воркачев 2001], носитель эмигрантского социолекта и инвариантного национально-маркированного содержания как продукта межпоколенческой передачи опыта [Караулов 2010: 42].

Данная статья нацелена на реконструкцию языковой личности эмигранта первой волны эмиграции из Советской России (1918–1940 гг.) за счет репрезентации ключевых концептуально-тематических областей как фрагментов языковой картины мира эмигранта и моделирования когнитивно-коммуникативного пространства эмигрантского социолекта. Объект исследования – фрагмент воспоминаний Лариссы Николаевны Андерсен (1911–2012) «Самовар на Садовой», опубликованный в сборнике «Одна на мосту» [Андерсен 2006] и отнесенный к мемуарному наследию автора – представительницы восточной ветви русской эмиграции первой волны и значимого деятеля литературного Харбина. Предмет исследования – конкретно-индивидуальная реализация языковой личности Л.Н. Андерсен в форме объективированных в эмигрантском дискурсе базовых концептов как семантических образований, отмеченных лингвокультурной спецификой [Воркачев 2001], характеризующих носителей эмигрантского социолекта и отражающих различные сферы опыта эмигранта [Болдырев 2015: 17]. Методология исследования – когнитивно-дискурсивный подход к экспликации в мемуарном тексте стоящих за языковыми средствами структур знаний и лингводидактические принципы уровневого описания языковой личности: в части реконструкции языковой модели мира автора и выявления его жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, концентуализированных в тексте [Караулов 2010: 42–43]. При интерпретации текста акцент делается на языковой личности автора, его креативном мировосприятии, в процессе которого активизируется специфика социокультурного сознания носителей эмигрантской субкультуры.

«Самовар на Садовой» – ретроспективный фрагмент о Харбине и поэтах-земляках Л.Н. Андерсен, с которыми она сотрудничала и была духовно близка в 1926–

1934 г. Авторская интенция, пронизывающая воспоминания, представлена в финале текста как постпозитивный эпиграф: *Хотелось, чтобы эта книга напомнила русский Харбин тем, кто его когда-то знал. А для тех, кто ничего не знал о нем – рассказала о нашей «Чураевке», а также о нашем давно затонувшем в житейских бурях шанхайском «Острове»* [Андерсен 2006]. Когнитивные доминанты, заложенные автором уже в заглавии текста, актуализируют его идейное содержание: «самовар» – символ русской национальной культуры, неотъемлемый атрибут семейного быта, ассоциация с важной для повествователя частью биографии, а «Садовая» – номинация харбинской улицы, где поселилось семейство Андерсенов после вынужденного отбытия из Владивостока в октябре 1922 г. Культурные стереотипы, кодифицированные в тексте, связаны в первую очередь с Харбином, ставшим для русских эмигрантов первой волны (1920–1930-х гг.) пристанищем и спасительным островком русской жизни, где о прежней российской действительности напоминали даже названия улиц. Анализируя харбинскую топонимику, ученые отмечают: *При каждом доме вдоль улицы Садовой были небольшие садовые участки, отчего улица и получила такое название. На самой же Садовой был разбит сквер длиной в два квартала, с круглой клумбой в центре. Весь район особняков вокруг сквера представлял собой настоящий сад-город в миниатюре* [Шипановская 2008: 44–45]. Образ сада-города выступает аллюзией к библейской мифологии утраченного рая и актуализирует мотив потерянной Родины, все лучшее от которой воплотилось в жизни русского анклава в Китае. Уникальность Харбина, особенно для интеллектуально и творчески одаренной личности, заключалась, по воспоминаниям автора, в «сочетании провинциального уюта с культурными возможностями» [Андерсен 2006]. Структура знаний, стоящая за эпитетами «провинциальный» и «культурный», – оппозиция-парадокс, концептуализирующая признаки ограниченности и старомодности, с одной стороны, и широкого потенциала для реализации в сфере литературы и искусства – с другой.

Устойчивые смыслообразования передаются посредством лексико-семантических групп, которые кодифицируют ценностные установки русского эмигранта в Китае, транслируют мировосприятие автора и репрезентируют идиостиль со свойственной ему эмоциональной напряженностью, динамичностью и метафоричностью.

1. Концептуально-тематическая область ПРОСТРАНСТВО (физический модус) представлена концептами ХАРБИН и ВЛАДИВОСТОК, составляющими пространства-оппозиции: харбинское (вербализации: *каморки, общежития, маленький домик, большой сад, тенистая Садовая улица, некоторый уют, самовар*) и владивостокское (вербализации: *кукла, мебель, украшения, море, дикая бухта*). Ностальгические мотивы связаны с детскими воспоминаниями автора о море. Мотив неопределенности концептуализируется посредством оценочного высказывания «казалось странным, что больше не надо куда-то ехать» и экспрессивного выражения «жили на ящиках», характеризующего дохарбинский период.

2. Концептуально-тематическая область ВРЕМЯ (физический модус) представлена концептами ПРОШЛОЕ (вербализации: *знаменитый расцвет Харбина,*

детство, ранняя юность, старшее поколение), НАСТОЯЩЕЕ (вербализации: *жили теперь*), БУДУЩЕЕ (вербализации: *верить в будущее, задорное настроение, вернемся домой*), МОДА (вербализации: *фокстрот, чарльстон, короткая стрижка, гимназическое платье с высоким воротничком*). С помощью наречий времени и места (*пока, потом, тогда, теперь, куда-то*) концептуализируется пропозиция «ожидание и неопределенность». Фразеологизм «как Бог даст» в контексте планирования будущего актуализирует идею фатализма эмигрантского существования.

3. Концептуально-тематическая область СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС (функциональный модус) представлена концептами РУССКИЙ ЭМИГРАНТ (вербализации: *русские в Харбине, говорили по-русски, были равны, бесклассовое общество, беспомощное положение, эмигрантская трагедия*), ПОИСК (вербализации: *искать, где жить, где работать; перепробовал все, что не умел делать*), РАБОТА/ПРОФЕССИЯ (вербализации: *военный человек, Китайско-Восточная железная дорога, профессора, писатели, художники, архитекторы, поэтическое поприще*), БЕЖЕНЕЦ (вербализации: *надо куда-то уезжать, бежать необходимо, не было будущего*). Концептуализируется оппозиция надежды (вербализации: *старались верить в будущее, не унывать, на хлеб насущный хватает*) и разочарования (вербализации: *становились чувствительны и легко ранимы, теряли равновесие, петля затягивалась, встrepенуло и взбудоражило, уставшие родители*). Метафора «выброшены событиями на тот же берег, что и мы» и оценочное выражение «никому не нужны» концептуализируют мотив обреченности и невостребованности русской интеллигенции, обусловленные ее отчаянно нестабильным положением, непреодолимой социальной трагедией.

4. Концептуально-тематическая область КУЛЬТУРА (духовный модус) представлена концептами ДОСУГ (вербализации: *университетские балы, маскарады, железнодорожные собрания, спорт*), ПРОСВЕЩЕНИЕ (вербализации: *опера, концерты, лекции, библиотеки*), Литература (ПОЭЗИЯ) (вербализации: *литературная студия, кружок, открытые вечера, чтение стихов, поэт, писатель*). Сравнения «совсем как в книжках о старой русской жизни», «как нам повезло в культурном отношении» концептуализируют пресуппозицию: утраченная Россия была прекрасна и обладала беспрецедентным духовным богатством. Приобщение к поэзии в среде единомышленников – главная ценность Л.Н. Андерсен, которая воспринимала харбинскую действительность как «незабываемый мирок», «счастливое убежище от тревог о будущем», а творчество – «утешение привычным, сказочным миром воображения». Юность в Харбине автор ассоциирует с мечтательными, романтическими временами, рудиментом минувшего, благополучием уничтоженного дворянского мира.

Таким образом, в когнитивной системе эмигранта Л.Н. Андерсен актуализированы концептуально-тематические области, которые формируют хронотоп жизненного пространства харбинских эмигрантов: прошлого в России, минувшего в Китае и ме-муарного настоящего, когда автором воспоминаний переосмысливается пройденный жизненный путь, что определяет пространственно-временную организацию текста и

взаимодействие концептуальных структур, составляющих ряд оппозиций: обыденного и сокровенного, привычного и ожидаемого, реального и фантастического.

Литература

Андерсен Л.Н. Одна на мосту: стихотворения, воспоминания, письма. М.: Русский путь: Русское зарубежье, 2006. URL: <https://litmir.club/br/?b=175115>.

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 14-25.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Е.О. Зубарева, Е.В. Исаева, А.В. Иценко [и др.]. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019.

Шипановская Л.М., Краснощека О.Г. Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Благовещенск: АмГУ, 2008.

E.V. Ilyina (Tyumen, Russia)

*Ural State University of Railway Transport, branch in Tyumen;
Tyumen State Medical University*

REPRESENTATION OF CONCEPTUAL-THEMATIC AREAS OF EMIGRANT DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF MEMOIRS)

The article in the aspect of migration linguistics, cognitive linguistics, the theory of linguistic personality and linguoculturology provides a cognitive discursive analysis of a fragment of memoirs by L.N. Andersen, a member of the emigration of the first wave. Conceptual-thematic areas are represented as fragments of the language picture of the emigrant world and elements of the cognitive-communicative space of the emigrant sociolect.

Key words: migration linguistics, language personality, emigrant discourse, memoir text, conceptual-thematic areas

Н.В. Иноземцева (Оренбург, Россия)

*Оренбургский государственный университет
vvvictoria2008@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИРЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются национальные концепты, представленные национально-маркированными лексическими единицами, которые способны передать колорит страны, ее традиции и обычаи. Материалом исследования послужило англоязычное художественное произведение, в котором были выделены основные концепты, отражающие особенности ирландской культуры.

Ключевые слова: концепт, национально-маркированная лексика, культура, ирландская культура, художественный текст

Язык и культура страны способны передавать ее национальную специфику посредством культурных концептов, которые выступают как ключевые элементы в отражении менталитета народа. Культурные концепты формируются под влиянием истории, традиций и обычаев страны. Они не только являются частью языка, но и в значительной мере определяют поведение, восприятие мира носителями данной культуры.

Нами было рассмотрено произведение Брэма Стокера “The Serpent’s Pass” и его перевод на русский язык О. Чумичевой (2018 г.) с позиции концептуального анализа.

Ирландия – маленькая страна, граничащая с Великобританией, которая славится не только четырехлистным клевером, символизирующим удачу и любовь к спиртным напиткам, но и своими живописными пейзажами, зелеными холмами, кельтскими легендами и любовью к своей родине. «Змеинный перевал» является известным произведением ирландского романиста и автора рассказов Брэма Стокера. В романе было выделено большое количество национально-маркированных лексических единиц, отражающих особенности культуры Ирландии.

Данное произведение богато национально-маркированными лексическими единицами, которые воссоздают образ Ирландии.

С.В. Иванова определяет национально-детерминированную лексику как лексические единицы, которые «отражают национальную маркированность, этнокультурную или национально-культурную и национальную специфику. Национально-культурные компоненты охватывают исторические и культурологические сведения, без которых довольно трудно воспринять слово и употребить его» [Иванова 2003].

Ученые И.Ю. Марковина и Ю.А.Сорокин выделяют такие «компоненты культуры, несущие национально-специфическую окраску:

1) традиции (устойчивые элементы культуры), обычаи и обряды, которые выполняют функцию неосознанного включения в господствующую в данной культуре систему нормативных требований;

2) бытовую культуру, связанную с традициями, которая так же носит название традиционно-бытовой;

3) повседневное поведение, т.е. привычки представителей определенной культуры, установленные в каком-либо социуме нормы общения;

4) национальные картины мира, которые отражают особенности восприятия окружающего мира, национальную специфику мышления представителей определенной культуры;

5) художественную культуру, которая отражает культурные традиции этноса» [Сорокин 1988].

«Любой язык – это система концептов, посредством которой носители языка могут интерпретировать и классифицировать поток информации из окружающего мира» [Завацкая 2021: 40-42]. В данном исследовании важен культурологический подход к понятию «концепт», согласно которому «концепт рассматривается как

ключевая единица культуры, вся культура как совокупность концептов и отношений между ними» [Завацкая 2021: 42]. С.В. Воркачев трактует концепт как «оперативную единицу мысли, ментальную сущность, в которой отражается «дух народа», это единица коллективного знания, которая имеет языковое выражение и отмечена лингвокультурной спецификой» [Воркачев 2004: 51-52].

В.А. Маслова говорит о концепте как «о семантическом образовании, отмеченном лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующем носителей определенной этнокультурой» [Маслова 2011: 47].

Рассмотрев данные понятия, считаем возможным полагать, что национально-маркированные единицы — это совокупность лексических единиц, отражающие специфические черты культуры данной языковой общности, они характеризуют национальные концепты, формирующие уникальную картину мира, присущую конкретной лингвокультурной общности. В художественном произведении они играют большую роль. Национально-культурная семантика таких языковых единиц дает возможность окунуться в культуру носителей языка, а также соприкоснуться с фоновыми знаниями иноязычной культуры.

Нами были выделены следующие национальные концепты в художественном произведении. За основу такого распределения концептов частично была взята классификация культурно-бытовых реалий, предложенная С. Влаховым и С. Флориным [Влахов, Флорин 1980].

1. Концепт БЫТ. Сюда относят понятия, обозначающие пищу, напитки, предметы одежды и мебели, которые могут характеризовать определенный образ жизни и уровень материальной обеспеченности населения.

Концепт представлен следующими национально-маркированными лексическими единицами:

roasted herrings and potatoes (жареная селедка с картошкой), whisky punch (виски-пунш), cottage (коттедж), mackintosh (макинтош), jacket of printed chintz (плотный жакет), thick wide-toed shoes (широкие башмаки), grey homespun (обтянутые серыми шерстяными чулками).

Рассмотрим некоторые единицы подробнее.

“jacket of printed chintz” — ситец в цветочек, плотный жакет. Если мы обратимся к историческим источникам в Ирландии существовал декрет о цветах, который позволял любому ирландцу выбирать любую ткань с любым цветом и узором для того, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность.

“mackintosh” — макинтош. Макинтошем называли плащ из непромокаемой резиновой ткани, который защищал от ветра и дождя.

“roasted herrings and potatoes” — жареная селедка с картошкой. Представляет собой традиционную закуску, которую в то время подавали в питейных заведениях, “whisky punch” — виски-пунш, стандартный для того времени ирландский напиток.

Еще одним интересным примером является лексическая единица “grey homespun” (обтянутые серыми шерстяными чулками). В истории развития нацио-

нальной одежды Ирландии можно заметить, что в Западной Ирландии в связи с суровыми погодными условиями люди пытались обезопасить себя и одеваться теплее. Чулки или гетры были главными элементами одежды, которые спасали от холода. Также мы можем порассуждать о роли шерсти. Ирландия имеет долгую историю производства шерсти и льна, восходящую к VIII в. Когда-то страна славилась своей шерстяной одеждой, в частности свитером «аран», который популярен и сегодня. Эти свитера изготавливались из шерсти местных овец и часто вязались вручную. Шерсть была известна своей мягкостью, теплотой и прочностью, что делало ее идеальным материалом для зимней одежды.

2. Концепт ПРОСТРАНСТВО. Это географические объекты, такие как реки, горы, города или страны, которые существуют в реальном мире. Они могут быть как природными, так и созданными человеком. Географические реалии часто упоминаются в текстах, чтобы придать им правдоподобие и контекст. Концепт представлен следующими национально-маркированными лексическими единицами:

the Channel (*the Channel* – пролив между Великобританией и Францией, эквивалент в языке перевода есть: Ла-Манш);

Shleenanaher- Шлинанэер *Shleenanaher* – название места в Ирландии;

the Shifting Bog- блуждающее болото, *Shifting Bog* – название болота в Ирландии, которое, как говорят, перемещается по местности.

3. Концепт ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА. Данный концепт представлен следующими национально-маркированными лексическими единицами: гомбин (*gombeen*), змеиный король (*King of the Snakes*), черный Мардок (*Black Murdock*), синяя книга (*Blue book*), пикси (*pixies*), феи (*fairies*);

4. Концепт ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ. Данный концепт представлен следующими национально-маркированными лексическими единицами:

дом-мазанка (*thatched house*) переводится как «дом с соломенной крышей», однако в переводе использован функциональный аналог «дом-мазанка». Замена реалии *thatched house* на вариант «дом-мазанка» не является переводческой ошибкой, поскольку дома в Ирландии похожи на дома-мазанки своими конструкциями и формой крыши. В этнографии для обозначения подобных домов используется термин «длинный дом»;

на ферме в Западной Ирландии (*the west of Ireland farmhouse*);

5. Концепт МЕРЫ И ДЕНЬГИ: двести фунтов (*two-hundred weight*), шиллинги (*shillin's*) пенни (*penny*), фунты (*pounds*), акр (*acre*).

Национальные концепты создают особую систему языка определенной культуры, вербализируясь в речи.

Таким образом, в художественном произведении Брэма Стокера “The Serpent's Pass” выделенные концепты: быт, пространство, искусство и культура, этнические объекты, меры и деньги репрезентируются определенными национально-маркированными лексическими единицами, что создает яркий образ Ирландии, специфику этого государства, местный колорит, культуру и традиции.

Литература

Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе / под ред. М.А. Романовой М.: Международные отношения, 1980.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный компонент. М.: ИТДГТ «Гнозис», 2004.

Завацкая В.В. Понятие концепта в современной когнитивной лингвистике // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 18–19 марта 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 40–42.

Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2011.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Текст и его национально-культурная специфика. М.: Наука, 1988.

Stoker B. Змеиный перевал. URL: <https://fb2.top/zmeinyy-pereval-519738>

Stoker B. The Serpent's Pass. URL: <https://www.bramstoker.org/pdf/novels/02passhc.pdf>

N.V. Inozemtseva (Orenburg, Russia)

Orenburg State University

NATIONAL CONCEPT AS A REFLECTION OF IRISH CULTURE

The article deals with national concepts represented by nationally marked lexical units, which are able to convey the color of the country, its traditions and customs. The material of the study was an English-language work of fiction, in which the main concepts reflecting the peculiarities of Irish culture were singled out.

Key words: concept, nationally-marked vocabulary, culture, Irish culture, art text

A.B. Kaicheeva (Tambov, Russia)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

kashcheyeva@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ В РАЗНОУРОВНЕВОМ УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

В статье анализируются разноуровневые учебные тексты онлайн формата на английском языке. Отмечается прототипический принцип организации содержательной структуры текстов разного уровня. Также на каждом из уровней выявлены языковые средства, позволяющие утверждать, что для текстов более низкого уровня характерна репрезентация знания базового уровня. Более сложные тексты обнаруживают элементы репрезентации знания субординатного уровня.

Ключевые слова: учебный текст, прототипический принцип, уровни репрезентации знания, базовый уровень, субординатный уровень, языковые средства репрезентации знания

Задача данной статьи заключается в изучении и обобщении особенностей языковой репрезентации смысла учебного текста на английском языке, организованного по уровням сложности. В рамках данной статьи под смыслом мы будем понимать смысл отдельного предложения и смысл текста в целом как отражение знания в

рамках когнитивного контекста. В качестве источника практического материала выбран свободный электронный ресурс *Breaking News English*. Ресурс предназначен для обучения английскому языку, поскольку имеет очевидную дидактическую структуру. Каждый из разделов объединяет учебные тексты единой тематики, разделенные по уровням в зависимости от уровня сложности их восприятия и владения иностранным языком. В соответствии с представленными уровнями тексты сопровождаются звуковым рядом разной скорости и заданиями, соответствующими уровню сложности текста. Исследовательский интерес представляет сравнение языковых средств формирования смысла в учебных текстах единой тематики на разных уровнях репрезентации знания.

Понимание текста есть понимание его смысла, или «концепта текста», с позиции психолингвистики [Леонтьев 1999]. Однако концепт текста не следует воспринимать буквально как статичную абстрактную структуру, поскольку текст может репрезентировать множество концептов, взаимосвязанных между собой в рамках темы.

Когнитивный подход позволяет трактовать тему текста как способ структурирования знания о мире, поскольку ее формулировка фокусирует знание в определенном когнитивном контексте. Когнитивный контекст, в свою очередь, осмысливается автором и адресатом текста, т.е., создается путем процессов концептуализации и категоризации [Болдырев 2021]. В этой связи правомерно говорить о взаимосвязи темы текста и репрезентируемых текстом категорий как структурных единиц сознания. Данная взаимосвязь проявляется двояко. С одной стороны, опираясь на положения прототипической теории категоризации [Болдырев 2021: 125-127], можно говорить о том, что тема есть своего рода прототип по отношению к подтемам, составляющим их концептам и категориям. С другой стороны, категоризация есть уровневый процесс репрезентации знаний на базовом, суперординатном и субординатном уровнях [Болдырев 2018, 2021]. Идеи прототипической природы темы текста и уровневой репрезентации знания в нем соответствуют изучаемому практическому материалу. Н.Н. Болдырев отмечает следующие особенности языковых средств уровневой репрезентации знания. Для базового, самого распространенного уровня, характерна целостность восприятия смысла слов и высказываний, которая достигается использованием известных, частотных, коротких, стилистически нейтральных слов без уточнения специфических характеристик объектов. Субординатный и суперординатный уровни, соответственно, репрезентируют специфические характеристики объектов (части и функции) и общие характеристики классов объектов с помощью логических операций [Болдырев 2018].

Рассмотрим учебные тексты единой тематики на английском языке, чтобы убедиться в правильности наших теоретических предположений. Мы выбрали два текста разных уровней сложности. Текст *Scientists make world's thinnest spaghetti* представлен на уровнях 4-6 (шестой уровень является высшим в этом ресурсе). Текст *Hopes for global treaty to end plastic pollution* представлен на четырех уровнях, от

нулевого до третьего. Разнообразие выбранных уровней, на наш взгляд, способствует более объективному качественному анализу материала. На каждом следующем уровне наблюдается рост количества слов в тексте в среднем на 40 пунктов, что свидетельствует о расширении содержания.

Структурно тексты похожи, каждый из них состоит из двух абзацев, содержание которых в целом повторяется. Каждый абзац состоит из подтемы с уточнениями. Например, первый абзац текстов о самых тонких в мире спагетти включает подтему характеристик объекта: сведения об изготовителе, размерах, процедуре изготовления и способе приготовления нано-спагетти. Основная подтема второго абзаца – использование нано-спагетти в медицине для заживления ран и борьбе с микробами. В текстах о мировом соглашении по борьбе с загрязнением окружающей среды пластиком основная подтема первого абзаца – это факт и место подписания договора, кем подписан и суть проблемы. Подтема второго абзаца – предупреждение о возможных последствиях несоблюдения договора и его роли в защите окружающей среды. Таким образом, очевидно, что темы обоих текстов построены по прототипическому принципу, так как они включают ряд дополнительных характеристик тематических объектов, представленных в текстах каждого уровня сложности. Вместе с тем содержательная структура текстов не является идентичной, поскольку дополнительные характеристики проявляются в текстах более высокого уровня.

Лексико-грамматические средства репрезентации знания в текстах разных уровней значительно отличаются. Мы провели сравнительный анализ, позволивший выявить различия между текстами на каждом из более сложных уровней. Обратимся к лексическим средствам. Выявлены следующие наиболее типичные виды:

- использование более сложных слов: *it, the past; method, procedure; growth, regeneration; made, created; electricity, electrical charge; cooking, culinary purposes; children and our children's children, future generations, this generation and future ones; risk, jeopardize; to aim for, to follow a path to; help to, used as scaffold to* [BNE];
- использование слов и словосочетаний, уточняющих значение: *a researcher, Professor Gareth, Dr. Adam Clancy; in the UK, from a UK University, from University college London; tissue, tissue and bone; UN, U.N. Secretary General, U.N. Secretary General Antonio Guterres; South Korea, The president of South Korea* [BNE];
- редкое использование фразеологизмов: *viewed vs. seen with a naked eye; be doomed by it* [BNE].

Грамматические изменения в текстах по мере возрастания уровня сложности также очевидны. В основном, мы отметили синтаксические трансформации простых предложений и замену прямой речи косвенной. Вместе с тем предложения с прямой речью отмечаются на всех уровнях. Приведем примеры:

- изменение структуры предложения: *The "nano-spaghetti" is 372 nanometres wide – 200 times thinner than a human hair. – It is about 200 times thinner than a human hair. The nano-spaghetti is just 372 nanometres wide* [BNE]. На более низком уровне

наблюдаем эллиптическую конструкцию. На более высоком уровне представлены полносоставные предложения.

В следующем примере на более высоком уровне также представлены полносоставные предложения с инверсией. *It's so thin it cannot be captured in a photo, nor be seen with the naked eye, nor be viewed through a microscope – The pasta strands are so thin they cannot be captured in a photo. Nor can they be seen with the naked eye or through a microscope* [BNE];

– замена действительной формы глагола на конструкцию с неличной формой: *It was probably “chewier than you'd expect.” – One might expect it to be chewier than you'd expect.* На более высоком уровне действительная конструкция *it was probably* заменена на конструкцию «сложное дополнение» с инфинитивом *one might expect it to be*. Аналогично использование инфинитива с прилагательным в примере *the treaty will protect the future of the plane – the treaty is necessary to protect the future of the planet* [BNE];

– замена предложения в косвенной речи прямой речью на более высоком уровне: *It said by 2050, there could be more plastic than fish in the ocean. – He said: “By 2050, there could be more plastic than fish in the ocean.”* Другой пример: *A researcher said it would overcook in a pan in less than a second. – A researcher said: “I don't think it's useful as pasta, sadly, as it would overcook in less than a second.”* [BNE]. Предполагаем, что такая замена в текстах более низкого уровня продиктована тем, что косвенная речь четко формулирует смысл, в то время как сложность прямой речи заключается в необходимости ее правильного понимания и интерпретации адресатом.

Специфическим синтаксическим средством можно считать сокращение информации с помощью опущения части предложения в менее сложных текстах, иногда сопровождающееся многоточием. Приведем примеры:

The waste...in our oceans and rivers now [risks] the lives of future generations. – The waste accumulated in our oceans and rivers now jeopardizes the lives of future generations.

They could also help bone regrowth. – They could also help bone regeneration and deliver drugs to different parts of the body.

I don't think it's useful as pasta, sadly, as it would overcook in less than a second. – I don't think it's useful as pasta, sadly, as it would overcook in less than a second, before you could take it out of the pan [BNE].

Подводя итог краткого анализа разноуровневых учебных текстов на английском языке, мы пришли к следующим выводам. Содержание текстов единой тематики может быть оценено по прототипическому принципу, если считать единую тему прототипом. В текстах анализируемого ресурса прототипический принцип наблюдается в том, что тексты высокого уровня содержат дополнительные характеристики тематических объектов. Особенности языковой репрезентации знания в текстах разного уровня позволяют говорить о том, что для текстов низкого и

среднего уровня характерна репрезентация знания на базовом уровне. Она проявляется в использовании простой, нейтральной лексики и практическом отсутствии деталей объектов. В текстах более высокого уровня отмечаются элементы субординатного уровня репрезентации знания, а именно уточняющие слова и синтаксически распространенные предложения, репрезентирующие детали объектов. Примеров языковой репрезентации знания суперординатного уровня в анализируемых текстах не отмечается, что объясняется общим, а не научным когнитивным контекстом.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018.

Леонтьев А.Н. Основы психолингвистики: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 1999.

BNE – Breaking News English. URL: <https://breakingnewsenglish.com/>

A.V. Kashcheyeva (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

LINGUISTIC MEANS OF KNOWLEDGE REPRESENTATION IN A MULTILEVEL EDUCATIONAL TEXT

The article analyzes multilevel online educational English texts. It emphasizes prototypical principle of the content text structure at different levels. It also reveals the difference in linguistic means between text levels, which allows to state that basic knowledge representation is characteristic of lower text levels. More complex texts demonstrate elements of knowledge representation at the subordinate level.

Key words: educational text, prototypical principle, levels of knowledge representation, basic level, subordinate level, linguistic means of knowledge representation

A.B. Керова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
aliker@mail.ru*

КОНЦЕПТ ЛЮБОВЬ В СОНЕТАХ ШЕКСПИРА

В данной статье рассматривается реализация концепта ЛЮБОВЬ в сонетах Шекспира. В этой связи были изучены лексико-грамматических средства, служащие для выражения концепта ЛЮБОВЬ, который неизменно остается одним из самых противоречивых и многогранных, и частотность их употребления, интенсивность выражаемых эмоций.

Ключевые слова: поэзия, концепт, любовь, когнитивная лингвистика, лингвокогнитивный

В настоящее время термин «концепт» вошел в понятийный аппарат многих областей лингвистики (прежде всего когнитивной лингвистики, лингвокультурологии), философии, логики, литературоведения, однако для него характерна «размытость границ и смешение с близкими по значению и/или языковой форме термина-

ми» [Карасик и др. 2001: 75]. Мы рассматриваем концепт как явление лингвокультурное, которое является единицей языка мысли [Стернин 1998], а также ментальной структурой [Кубрякова 1996], единицей языкового видения мира и продуктом национально-культурной ментальности [Арутюнова 1993]. «Концепт» понимается нами как ментальное образование в сознании индивида, которое обеспечивает выход на концептосферу социума, т.е., на культуру. Известно, что концепт может быть выражен словом, словосочетаниями, текстами и синтаксическими конструкциями. «Концепт» — это очень многогранное понятие, которое представляет интерес для исследователей многих областей лингвистики, так как позволяет лучше понять, как фиксируется та или иная информация в нашем сознании.

В данном исследовании мы сосредоточили свое внимание на концепте «любовь» в поэтическом дискурсе так как именно любовь является основным понятием/ концептом, для выражения которого и создается поэзия [Вильмс 1994].

Главным автором новоанглийского периода, периода становления современно-го английского языка считается Шекспир. С точки зрения исследования концепта «любовь» особый интерес представляют именно сонеты, так как, прежде всего это поэтический дискурс, который по природе своей эмотивен, а также именно сонеты определяются как стихи о любви. Прежде чем подходить к «классификации» типов любви, нами были изучены работы известных психологов, философов и лингвистов, занимавшихся данной тематикой (напр., [Неборсина 1997; Фромм 2023]). Нами был создан свой перечень типов, расширенный на основании проведенного анализа. Одной из задач исследования было понять какую любовь воспевал в своих произведениях Шекспир, к кому обращался и как лексически и грамматически создавал свои послания.

Во-первых, в общем в поэзии XII в. можно выделить типы концепта «любовь» с точки зрения объекта, на которого направлена любовь: любовь к жизни, материнская любовь, братская, эротическая/ романтическая (любовь к женщине/мужчине), любовь к себе, любовь к богу, мы также добавим, любовь к мужу, к природе, к родине. В сонетах Шекспира фигурируют всего два адресанта: темнокожая дама (dark lady) и юноша (youth), т.е. преобладает романтический тип любви. Шекспир часто обращается к молодому юноше, объясняется в любви и философствует на тему времени и будущего, о том, как избежать старости, чтобы продолжать предаваться удовольствиям. Однако остается неясным факт, кто именно влюблен, сам Шекспир или Шекспир пишет от лица другого человека. Именно поэтому у историков существуют сомнения в том, что Шекспир действительно был реальным человеком, а не группой философов и поэтов, объединенных одним именем.

Что касается синтаксиса, предложения в сонетах в основном сложные по структуре, часто состоящие не менее, чем из пяти простых в одном сложном, что способствует созданию ощущения непрерывного потока сознания. Восклицательный же знак употребляется крайне редко, что свидетельствует о его формальности в ранне-новоанглийский период. Восклицательный знак комбинируется с междометиями и

восклицаниями, например, *Heigh-ho! sing*. Следующими по частотности синтаксическими конструкциями являются повтор и сослагательное наклонение.

Лексические средства реализации концепта ЛЮБОВЬ являются отдельным фокусом интереса. Известно, что словарный запас Шекспира составлял несколько десятков тысяч слов, новых же слов добавил он добавил в английский язык больше 1000.

Еще одним важным аспектом нашего наблюдения является тональность сонетов. Тональность мы понимаем как тип субъективной модальности или как эмоциональный тон. В данной связи, в след за Карасиком, мы условно относим стихи к мажорной и минорной тональности, ввиду исторического сходства стихов и музыки. В психологии эмоции делятся на позитивные и негативные, однако в стихах представляется невозможным делить любовь на положительную и негативную, плохой любви не бывает. В сонетах Шекспира, обращенных к молодому человеку, тональность чаще минорная и связана с философскими размышлениями и терзаниями автора. Например, в IX сонете после *слов fear, wet a widow's eye, issueless, to die, weep* становится очевидной минорная тональность в связи с размышлениями о скоротечности жизни, излюбленной темой в сонетах Шекспира. А, например, в XVIII сонете тональность мажорная при обращении к женщине, вызывающей восхищение. Шекспир начинает со сравнения дамы с «summer's day», называет ее «lovely and temperate», упоминает прекрасный цвет ее лица «gold complexion» и многое другое.

Мы также оценивали реализацию концепта «любовь» с точки зрения интенсивности выражаемого чувства. Данная классификация была создана на основе исследований Н.П. Неборсиной [Неборсина 1997]. Концепт «любовь» может быть представлен в поэзии как самопожертвование, как страсть, может быть близка к ненависти, может причинять страдания, может давать ощущение свободы, может выражаться в виде восхищения, может быть недостижима, быть высокодуховной или физиологической. В сонетах Шекспира превалирующим является проявление концепта ЛЮБОВЬ, как нечто вызывающего страдание и сожаление, в основном, скоротечность времени в сонетах, обращенных к молодому юноше. Например,

*O thou, my lovely boy, who in thy power
Dost hold Time's fickle glass, his sickle, hour.*

Шекспир очень часто сравнивает молодость и старость, подчеркивает, что «*crabbed age and youth cannot live together*», сравнивает молодость с «*summer morn*», описывает юность как *summer brave, full of sport, full of pleasance, hot and bold u wild*. В то же время возраст «*age*» для него *full of care, like winter weather, like winter bare, breath is short, lame, weak and cold, tame*. Предложения про юность и старость чередуются, соответственно происходит модуляция тональности (от мажора в минор и обратно).

В сонетах, написанных о *dark lady*, тональность совершенно другая, и преобладает эротический тип любви и восхищение. Например, в сонете СХХVIII Шекспир использует следующие лексические стилистические приемы обращаясь к даме *with thy sweet fingers, when thou gently sway'st, kiss the tender inward of thy hand, whilst my poor lips*, сравнивает возможное соединение с ней как *harvest that he should reap*.

Однако, пытаясь определить объект любви и интенсивность ее проявления в сонетах, неожиданным оказался тот факт, что несмотря на то, что практически в каждом сонете Шекспира несколько раз упоминается слово «love», в большинстве случаев непонятно к кому обращается автор (помимо темнокожей дамы и юноши) и цель его обращения. Практически все сонеты не укладываются ни в какую классификацию типов любви, ни по объекту, ни по степени интенсивности. Одни сонеты представляют собой философские рассуждения о любви, любви к молодости, к жизни, ко лжи, к вечной любви в общем, размышления о смысле жизни, духовном росте, о том, что любовь слепа. Чаще всего Шекспир воспекает молодость и выражает свое сожаление по поводу неизбежной старости. Все эти произведения про любовь, но «классифицировать» «Шекспира» представляется невозможным, что наверняка и делает его выдающимся, особенным и неповторимым автором, человеком, о существовании которого до сих спорят ученые.

Литература

Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1.

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

Вильмс Л.Е. О психолингвистическом аспекте феномена любви // Тезисы докладов Международной конференции «Языковая личность и семантика». Волгоград: Перемена, 1994. С. 27-28.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: парадигма, 2007.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ, 1996.

Неборсина Н.П. Синтаксис стихотворной речи как предмет лингвопоэтического исследования (на материале английской поэзии XVI–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Российская академия наук, Институт языкознания, 1998. С. 55-67.

Фромм Э. Искусство любить. СПб.: Азбука-классика, 2023.

A.V. Kerova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

THE CONCEPT OF *LOVE* IN SHAKESPEARE SONNETS

This article deals with the way the concept of LOVE is expressed in Shakespeare sonnets. Thus, lexical and grammatical means expressing love, their frequency and intensity of emotions expressed have been analysed. The concept of “love” remains one of the most ambiguous concepts in linguistics.

Key words: poetry, concept, love, cognitive linguistics, linguacultural

*О.Н. Ковалёва (Челябинск, Россия)**Челябинский государственный университет
babushkina_on@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»¹

В статье описываются языковые средства репрезентации аксиологических параметров процесса профессиональной социализации человека в романе Евгения Водолазкина «Чагин», выявляются концептуальные основания параметризации профессиональной социализации на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: профессиональная социализация, параметр, стереотип, образ, художественный текст

Профессиональная социализация человека предполагает его интеграцию в профессиональное сообщество, освоение им ценностей, норм поведения представителей той или иной профессии через профессиональный опыт в общении, деятельности и самосознании.

Сложившиеся профессиональные стереотипы, или «относительно устойчивые и упрощенные образы представителей тех или иных профессий» [Жукова 2013: 397], поддерживают социальные (профессиональные) практики. Профессиональные установки и ценностные ориентации могут меняться в ходе исторического развития общества. Уточняет актуальные аксиологические параметры профессиональной социализации человека современный художественный текст, показывая целостный образ профессионала «изнутри», «с вниманием к деталям рутины, повседневной жизни, «скрытому» знанию, вырабатываемому на практике» [Профессии.doc 2007: 10].

Обратимся к роману русского писателя Евгения Водолазкина «Чагин» (2022). За роман «Чагин» Евгений Водолазкин стал лауреатом национальной литературной премии «Большая книга» в 2023 г. (первая премия). Главным героем романа является архивист, сотрудник Городской библиотеки Санкт-Петербурга Исидор Чагин, обладающий уникальным даром мнемониста. Иметь память и помнить все имеет большое значение в жизни человека, но не менее важное значение имеет умение забывать и прощать.

В романе Евгения Водолазкина «Чагин» мы выявили примеры языковой репрезентации знаний о профессионале на этапе его профессиональной зрелости в таких областях, как архивное дело, актерское дело и наука. Концептуальными основаниями параметризации высшего этапа профессиональной социализации архивиста,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Приказ № 86-1 от 18.02.2025, проект «Лингвокогнитивные и дискурсивно-прагматические особенности национального варианта языков профессиональной коммуникации»).

актера и академика являются внешний вид человека, отношение к другим людям. При достижении человеком в процессе профессиональной социализации высшего уровня овладения профессиональными компетенциями, при достижении статуса мастера, авторитета в профессиональной области его внешний облик, образ жизни в большинстве случаев встраиваются в принятую в данной профессиональной области систему ценностных координат.

Так, профессия архивиста, отвечающего за сбор, хранение, систематизацию, каталогизацию и обеспечение сохранности документов и других материалов, имеющих историческую, культурную, научную или административную ценность, соблюдающего соответствующие стандарты и правила конфиденциальности, официально появилась в России в XVIII в. «Генеральный регламент», или Устав, подписанный Петром I 10 марта (28 февраля) 1720 г., во всех государственных органах России ввел государственную должность архивариуса («актуариуса»), которому надлежало «письма прилежно собирать, оным реестры чинить, листы перемечивать» [Нуриахметова 2010: 293].

Специфические профессионально важные качества профессий типа «человек – знаковая система» (по классификации профессий Е.А. Климова), к которой можно отнести профессию архивиста, – усидчивость, аккуратность, точность, пунктуальность, избирательность и переключаемость внимания и др. – влияют на образ жизни представителя данных профессий. Так, архивист Чагин, обладающий феноменальной памятью, «бесцветным голосом», был аскетом, носил незаметную серую одежду, был пропитан «тылью веков», вместе с тем был «человеком правила» [Водолазкин 2022: 20].

(1) *В течение многих лет Чагин являлся на службу в одно и то же время и, как мне казалось, в одном и том же виде. Надо думать, одежду Чагин менял, но каждая смена повторяла предыдущую. В любое время года он ходил в **темно-сером** костюме и такой же рубашке. **Серым** был и его галстук, который не сразу опознавался, потому что сливался с рубахой. Осенью и весной Чагин носил болоньевый плащ **цвета мокрого асфальта**, а зимой – **темно-серое** пальто с цигейковым воротником. Когда вышел роман «**Пятьдесят оттенков серого**», я подумал, что так могла называться и книга об Исидоре. Замечу, что Чагин радовал не только глаз, но и ухо: он говорил скрипучим **бесцветным** голосом, довершившим его особенный облик* [Там же: 13-14].

(2) *Особый чагинский стиль я никогда не считал стилизацией, но сейчас, спустя годы, понимаю, что оттенков серого могло быть и поменьше. Увеличивая их количество, Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал **вокруг себя оболочку** – если уютно, зонтик, – **которая защищала его от внешних воздействий**. Чагин ценил свое одиночество и делал все, чтобы оно не нарушалось* [Там же: 14].

(3) *Открыл первую попавшуюся коробку: фотографии. Исидор на фоне Клодтовых коней – чуть ссутулившись, в руке **потертый** портфель* [Там же: 19].

(4) [Об Исидоре]: *Он, вообще говоря, казался ходячей скрепкой. ...руки Исидора пахли пылью веков* [Там же: 11].

Желание главного героя романа закрыться от внешнего мира отражалось в его одежде, а также в обстановке его комнаты:

(4) *В комнате Чагина стеллажи занимали три стены из четырех. <...> На стеллажах стояли книги и коробки, преимущественно из-под обуви фабрики «Скорород». Сама комната тоже напоминала коробку – такая же маленькая и невыразительная* [Там же: 17].

(5) *Железная кровать. Я приподнял матрас, под ним – панцирная сетка. Легкое разочарование: хотелось чего-то другого. Гвоздей, допустим – как и положено аскету. Подошел к окну: ограниченный вид на Пушкинскую улицу. Проржавевший водосточный желоб закрывал половину проезжей части, зато полностью был виден Пушкин. Первый в городе памятник Пушкину. Маленький, но первый: всё начинается с малого. Представив себя Исидором, навалился грудью на подоконник, коленями почувствовал горячий чугун батареи. Да, именно так он здесь и стоял – Исидор, светило архивного дела. Приветствовал солнце русской поэзии* [Водолазкин 2022: 18].

Даже смерть архивиста, человека профессии тихой и незаметной, была незамеченной:

(6) *Уход его прошел незамеченным, как то и подобает архивисту. Сам сотрудник архива, говорю это без тени иронии. Всякому роду занятий – своя жизнь и своя смерть. Я бы тоже хотел умереть незаметно – уронив голову на какое-нибудь архивное дело, под включенной лампой с круглым зеленым абажуром...* [Там же: 10-11].

Каждая профессия накладывает отпечаток на внешности человека:

(7) *У меня над столом висит твой «Архивист». Я всегда воспринимал его как шутку – деформированные черты лица, диковатый взгляд, – а сейчас вдруг заметил портретное сходство с собой и Исидором одновременно. Я не ошибаюсь? Если нет, то что хотел сказать художник? Что все архивисты похожи? Что исследователь уподобляется исследуемому – при большой, разумеется, увлеченности работой?* [Там же: 366].

Роман «Чагин» содержит также несколько примеров языковой репрезентации знаний о профессии актера. Актерская деятельность относится к типу профессий «человек – художественный образ». Специфические профессионально важные качества профессий данного типа – творческое мышление, оригинальность, гибкость, точность в условиях творческой задачи. Но в романе подчеркивается неразрывная связь актера со зрителем (человек – художественный образ – человек):

(8) *...актер и вывернут наизнанку, каждая моя клетка обращена к зрителю. Мы со зрителем – единый организм. Так, по крайней мере, это было в молодости, когда я с Чагиным познакомился. Молодые актеры хотят нравиться. Старые, вероятно, тоже, но у них это хуже получается* [Там же: 239].

(9) *Работу актера над ролью профессор рассматривал как превращение ОН в Я. Смену (я все-таки выучил это словосочетание) субъекта действия. Когда только приближаешься к пьесе, это – ОН. А уж как войдешь в нее, то понятно, что – Я* [Там же: 263].

(10) *Я понял, что мне больше не интересен зритель. Что мне совершенно безразлично, нравится ему моя работа или нет. Чувство мое к зрителю умерло. А это означает смерть актера* [Там же: 321].

Кроме того, в романе встречаем несколько примеров оценки представителей академического сообщества. Специфические профессионально важные качества профессий типа «человек – человек» – коммуникативные навыки, эмпатия, тактичность, самообладание, организационные умения. Однако в романе мы видим иной образ академиков, ученых и исследователей. Об академическом сообществе в романе упоминается его «безмерная arrogance» [Водолазкин 2022: 305], «гордыня» [Водолазкин 2022: 334]. Академики – люди «радостные, ухоженные, незнакомые с изнанкой жизни» [Водолазкин 2022: 232].

Таким образом, исследование языковой репрезентации параметров профессиональной социализации человека в художественном тексте позволяет установить актуальные концептуальные основания для систематизации аксиологических параметров профессиональной социализации. Знание стереотипных образов профессионалов и понимание актуальных особенностей профессиональной социализации личности в разных профессиональных областях способствуют переосмыслению профессионалом себя как представителя определенной профессии, а также адекватному восприятию представителей других профессий.

Литература

Водолазкин Е.Г. Чагин: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

Жукова И.Н., Лебедево М.Г., Прошина З.Г., Юзefович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедево и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013.

Нуриахметова Ф., Гибадуллина Р., Садыкова Р. Профессия – архивист // Эхо веков. 2010. № 1. С. 293-295.

Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2007.

*O.N. Kovaleva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

REPRESENTATION OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION PARAMETERS OF A PERSON IN EVGENY VODOLAZKIN'S NOVEL “CHAGIN”

The article views linguistic means that represent axiological parameters of the process of professional socialization of a person in Evgeny Vodolazkin's novel “Chagin”. It reveals conceptual foundations of the parameters of professional socialization at the current stage of development of our society.

Key words: professional socialization, parameter, stereotype, image, fiction

Л.А. Козлова (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru*

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Статья относится к исследованиям в области теории метафоры и посвящена рассмотрению роли метафоры в концептуализации и экспрессивной репрезентации событий, происходящих в мире. Как показано в статье, метафоры могут служить знаками времени, отражая эти события и формируя у читателей их оценку.

Ключевые слова: метафора, знак времени, образы сознания, когнитивная функция, экспрессивная функция

В широком спектре проблем, которые находятся в фокусе внимания лингвистики на всем протяжении ее развития, одно из центральных мест занимает теория метафоры, начало изучения которой связано с именем Аристотеля, который впервые выдвинул тезис о том, что в основе механизма метафоры лежит потребность выражения знаний о мире, т.е., говоря современным языком, указал на ведущую роль метафоры в процессах концептуализации. Анализ эволюции этой теории показывает, что, находясь в центре внимания лингвистов, она каждый раз поворачивалась к ним тем аспектом, который определял характер научной парадигмы. Вполне логично, что в контексте когнитивной парадигмы, в которой язык рассматривается как «окно в сознание», а анализ языковых явлений направлен на реконструкцию работы сознания и выявление тех когнитивных механизмов, которые лежат в основе функционирования языковых единиц, метафора изучается прежде всего как ментальный феномен и рассматривается как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 62]. Изучение метафоры как ментальной сущности закономерно привело исследователей к описанию процессов выражения метафорических смыслов не только с помощью языкового, но и других семиотических кодов. При этом остается неизменной сущность метафоры как динамического феномена, пронизывающего всю нашу деятельность, отражающего как коллективный, так и индивидуальный опыт и имеющего множественные средства репрезентации с помощью различных семиотических ресурсов.

При этом важно подчеркнуть тот факт, что важнейшие события в жизни отдельного человека и общества, неизбежно оставляющие значительный след в памяти, находят свое отражение в образах сознания как особых форматах знания, в которых хранится как в вербальной, так и невербальной форме информация о событиях, которая может служить сферой-источником метафоры. Говоря о памяти как о хранилище знания, Ю.М. Лотман выделял два типа памяти: информативную, в которой хранятся итоги познавательной деятельности, и креативную, или творческую, которая представляет собой память культуры [Лотман 1992]. Эту же мысль выражает Р. Лахманн в своем исследовании по интертекстуальности, говоря о том, что в творческой памяти не происходит полного стирания знания, оно находится

в латентном состоянии и обладает способностью реактивироваться и приобретать иную семиотическую ценность в новых контекстах [Lachmann 1997: 23]. При этом важно подчеркнуть, что в процессе реактивации может происходить перформативное хранение хранящихся в памяти образов сознания, вследствие чего невербальные образы могут получать вербальную репрезентацию и, напротив, вербальные могут трансформироваться в невербальные.

Значимое событие действительности, получившее широкую репрезентацию в прессе, может служить основой для прецедентного высказывания и стать метафорой. Так, выражение «развернуть самолет» отсылает нас к событиям 1998 г., когда Е.М. Примаков, занимавший пост премьер-министра РФ, летел в Вашингтон для ведения переговоров по ситуации в Югославии. Получив сообщение о том, что войска НАТО, не дожидаясь результатов переговоров, начали бомбежку Югославии, он принял решение развернуть самолет и возвратиться в Москву. Это событие, широко обсуждавшееся в средствах массовой информации, приобрело статус прецедентного. Пройдя этап генерализации смысла, оно стало знаком не только этого конкретного события, а приобрело метафорическое значение «кардинально менять что-то, принимать смелые решения» и сегодня часто используется не только в политическом, но и других видах дискурса. Такие прецедентные фразы, как «танец маленьких лебедей», «коробки из-под ксерокса», «жевать галстук», «возвращение в родную гавань», отражающие важные события в России и мире за последние 30 лет, стали знаками времени.

Как отмечают исследователи, метафора структурирует наше восприятие, мышление и деятельность, что обуславливает ее двусторонний характер и ее функции: с одной стороны, она служит знаком времени, что находит свое отражение в резком возрастании числа метафор во время кризисных событий, в чем находит выражение ее когнитивная функция [Баранов 2004: 16-17], а с другой, обладая значительным экспрессивным потенциалом, метафоры помогают объективно оценивать события и влиять на принятие решений [Там же]. Бесспорно, что эти функции находят свою наиболее полную реализацию в политическом дискурсе. Однако и в художественном дискурсе, в котором актуальные проблемы истории и современности находят интерпретацию сквозь призму художественного мышления, данные функции метафоры предстают не менее ярко, а благодаря высокой степени их экспрессивности, могут оказывать не менее сильное воздействие на наше сознание, помогая объективно оценивать описываемые события. Для подтверждения сказанного обратимся к анализу эмпирического материала.

Роман «Благовоительницы» (The Kindly Ones) французского писателя американского происхождения Джонатана Литтелла написан от лица протагониста – бывшего офицера СС, который предстает перед читателем не столько как участник, сколько как беспристрастный наблюдатель, который с ужасающей точностью документирует все преступления нацизма на территории нашей страны и в Европе во время второй мировой войны, а затем, много лет спустя, столь же беспристрастно и точно

воспроизводит их в своем романе. Книга Дж. Литтелла переведена на 20 языков, получила многочисленные награды, но при этом оценивается критиками далеко не однозначно: одни считают ее одной из лучших книг об истории Холокоста, другие – не более чем набором извращенных фантазий на фоне исторических событий. Очевидно, правы и те, и другие, поскольку каждый читатель «вчитывает» в текст романа свои смыслы. Действительно, книга читается очень тяжело, многие эпизоды оставляют в сознании «кровоточащие раны», как пишут читатели в своих комментариях. Отвечая на подобную критику, автор сказал в одном из интервью, что об ужасном нельзя говорить и писать красиво, оно и должно ужасать и отталкивать. В приводимых ниже примерах мы рассматриваем стилистические приемы как метафоры, так и образного сравнения на том основании, что в их глубинной основе лежит единый когнитивный механизм. *My colleagues consider me a dull, collected, thoughtful man. Calm, certainly; but often during the day my head begins to rage, with the dull roar of a crematorium. The course of my life crushed the bones of my childhood dreams. I emerged from the war an empty shell* (J. Littell. The Kindly Ones).

Как видим из примеров, в качестве сферы-источника для используемых метафор служат образы, запечатленные в сознании рассказчика со времен войны: шум работающего крематория, переломанные кости, пустой снаряд. Прожив долгие годы под чужим именем, он представляет себя как добропорядочного гражданина, живущего внешне спокойной жизнью, но при этом память о всём увиденном и содеянном во время войны продолжает жить в его сознании в виде визуальных, аудиальных, ольфакторных и других образов сознания, не дает ему покоя, и он принимает решение написать книгу, надеясь избавиться от этих воспоминаний.

Роман американской писательницы Марты Холл Керри «Девушки сирени» (*Lilac Girls*), при всей неоднозначности представления в нем истории второй мировой войны, поскольку автор отражает западную точку зрения на войну, привлекает внимание тем, что автор использует прием т.н. *narrative shift*, поручая повествование трем рассказчикам, представляющим кардинально различные взгляды на события второй мировой войны, что находит свое отражение в вариациях стиля, в том числе в используемых нарраторах метафорических образах. В первой главе романа первый рассказчик, американка Кэролайн Ферридей, занимающаяся организацией благотворительного вечера для сбора помощи французским детям, следующим образом комментирует схему рассадки гостей в зале: *I hurried to the ballroom to see if Pia had executed my seating chart, more detailed and dangerous than a Luftwaffe flight plan* (М.Н. Kelly. Lilac Girls). Это, на первый взгляд, не вполне уместное сравнение рассадки гостей с точностью немецких планов бомбардировок европейских городов, выполняет важную смыслообразующую функцию, отражая атмосферу того времени и показывая, что находилось в фокусе внимания людей даже во время организации таких церемоний.

Второй рассказчик – польская девочка-подросток Кася Кузмерик – узник женского концлагеря Равенсбрюк, одна из тех подопытных «кроликов», на которых на-

цисты испытывали новую вакцину. Несмотря на весь ужас происходящего с ней, она ставит перед собой задачу выжить, чтобы рассказать людям о том, что творили нацисты. Ее образный тезаурус крайне ограничен, его основу составляют образы сознания, связанные с детством. Она сравнивает себя с африканской рыбой-прыгуном, о которой читала в детстве; эта рыба во время засухи зарывается в ил и ждет там, пока не пойдет дождь и не вернет ее к жизни, и только так она выживает: *I felt like a fish I read about when I was a child, the African mudskipper. Each year when the drought came, it burrowed deep into the mud and lived there for weeks, neither dead nor alive, waiting for the rains to come and bring it back to life* (М.Н. Kelly. Lilac Girls).

И третья рассказчица – врач концлагеря Герта Оберхойзер, которая проводит эти опыты. В ее речи практически отсутствуют метафоры, кроме одной – «кролики», как она называет своих пациенток. Отсутствие метафор выполняет важную смысловую функцию: Герта – это механизм в нацистской машине истребления, а механизмы не способны мыслить образами.

Анализ материала, как нам представляется, подтверждает наш тезис о том, что метафоры могут служить знаками времени, отражая события, происходящие в мире, выполняя важную когнитивную функцию. В то же время они выполняют не менее значимую экспрессивную функцию: образное описание важнейших событий истории воздействует на наше восприятие, оставляя след в памяти и помогая оценивать не только прошлые, но и сегодняшние события, что имеет большое значение в сегодняшнем мире.

Литература

Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 200-203.

Lachmann R. Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1997.

L.A. Kozlova (Barnaul, Russia)

Altai State Pedagogical University

METAPHORICAL IMAGES AS MARKERS OF TIME

The article refers to the field of metaphor studies and is devoted to the role of metaphor in conceptualization and expressive representation of events taking place in the world. As the article shows, metaphors can serve as markers of time, representing the events and forming in the readers' minds the evaluation of the events under description.

Key words: metaphor, the marker of time, mental images, cognitive function, expressive function

*Н.И. Комкова (Тула, Россия)**Тульский государственный университет
lingvo_2012@mail.ru*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА ДУША В ПРОЗЕ Б.В. ШЕРГИНА

В статье исследуется концепт ДУША как ключевой элемент концептосферы в творчестве Б.В. Шергина. На основе анализа прозаических текстов, созданных в разные периоды жизни писателя, определены лексические единицы, которые служат для выражения вышеуказанного концепта в рассказах; показано, как данные лексемы раскрывают нравственные качества персонажей, их представления о добре и зле, а также осмысление собственной роли в окружающей их действительности.

Ключевые слова: концепт ДУША, лексема, концептосфера писателя, поморский язык, язык прозы Б.В. Шергина, художественный текст, концептуальная модель

Основываясь на ключевых принципах когнитивной лингвистики, следует подчеркнуть, что центральным звеном любого текста является концепт, который можно определить как своеобразное объединение схожих по смыслу элементов [Комкова 2021: 105]. Чтобы изучить концептосферу в целом, необходимо проанализировать поэтапно каждый отдельный концепт [Ломакина 2019: 785]. Произведения писателей конкретного региона могут служить ценным источником понимания системы моральных и этических ценностей, а также особенностей мировоззрения отдельного народа [Ломакина 2021: 174]. Рассказы Б.В. Шергина как истинного летописца наследия Поморского края неразрывно сопряжены с моральными качествами его жителей: их размышлениях о жизни и смерти, о бессмертии своей души, увековеченной в выбранном с любовью ремесле [Комкова 2022: 135].

Для поморов всегда было первостепенно «любить то, чем владеешь», потому что главная ценность в рассказах Б.В. Шергина заключена, прежде всего, в душевных переживаниях героев, «их совпадения с обладаемым»: будь то дом, поставленный своими руками, семья, к который человек стремится всем сердцем, блуждая в далеких глубинах бескрайнего моря, выбранный труд, ведь ему посвящена «вся жизнь, без остатка» [Горелов 1984: 7], поэтому концепт ДУША служит одним из превалирующих в концептосфере прозы Б.В. Шергина.

Цель статьи состоит в рассмотрении лексических способов выражения концепта ДУША в прозаических произведениях Б.В. Шергина.

Материалом исследования являются следующие рассказы писателя: «Треух» (цикл рассказов о кормщике Маркеле Ушакове), «Евграф» «Егор увеселялся морем», «Матвеева радость».

Сами по себе различные типы концептуальной информации передаются в языке через слова, словосочетания, предложения и тексты. К тому же, информация, которую язык кодирует, является самой важной, и именно концепт формирует семантику языковых единиц, предназначенных для его репрезентации [Болдырев 2021: 84].

В вышеуказанных рассказах Б.В. Шергина определяющим лексическим средством выражения концепта ДУША является одноименная лексема, которая в «Словаре русского языка» имеет пять лексико-семантических вариантов: «1. Внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п. 2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. 3. Вдохновитель чего-нибудь, главное лицо (перен.). 4. О человеке, (обычно в устойчивых сочетаниях; разг.). 5. В старину: крепостной крестьянин» [МАС: 202].

В прозе Б.В. Шергина концепт ДУША представлен в наибольшей степени во втором значении, при этом «синтезируя в своей структуре» первое и третье понятия [Лихачёв 2014: 155], ведь «личность мужа, рожденного на Поморской земле», невидимыми нитями запечатлена во всех его внутренних стремлениях и надеждах [Горелов 1984: 5].

В прозаической зарисовке «Треух», входящей в цикл рассказов о кормишке Маркеле Ушакове, главный герой Маркел сопереживает императору Петру I, который, внедряя европейские веяния во многих сферах жизни, остается противником пустого подражания всему иноземному. Свое несогласие с заморскими поклонениями он обыгрывает через вывернутый головной убор, треух: «*Тут душа старого помора начала **рваться на куски**. Сочувствуя Петру, Маркел негодовал на преклонение перед Западом **без разбору**... Ушаков вылез вперед, вывернул свой лисий треух наизнанку...*» («Треух»). Субституция фразеологизма *рваться на куски* (ср.: *рвать на части* – «не давать покоя, отдыха кому-либо, обращаясь непрерывно с вопросами, делами, поручениями» [ФСРЛЯ: 601]) придает текстообразующей фабуле некую рефлексивную направленность, репрезентируя различные оттенки чувств героев [Зализняк 2010: 98]. Адъектив *старый* и разговорно-просторечный фразеологизм *без разбору* актуализируют базовую концептуальную модель рассказа [Бахтин 1986: 201]: характер человека и его нравственные принципы во многом определяют не только отдельные поступки, но и жизненные приоритеты в целом. Одноименная лексема *душа* выступает в значении «личность, наделенная определенными свойствами характера».

Черты самого характера во многом предопределены стремлениями занять свое место в корабельной стороне, потому что ремесло и есть душа, «хорош мастер, чисты и его помыслы» [Горелов 1984: 5]. В рассказе «Евграф» Б.В. Шергин приводит в пример известного на всю слободу резчика соловецких судов, мастера Евграфа. Его работы, уникальные по неиссякаемой силе мастерства и удивительному трудолюбию, являются образцом для молодых подмастерьев: «*Нагляжусь, наберусь этого **весельюшка** – и к своей работе. Как на **дрождах душа-то ходит***» («Евграф»). Архаичная форма на *дрождах* позволяет читателю ощутить то чувство неподдельного благоговения, которое испытывает рассказчик, изучая работы Евграфа. Диминутивная коннотация существительного *весельюшка*, трансформирующая его в окказиональную единицу речи, помогает автору передать положительно-оценоч-

ное отношение к отображаемым событиям [Буряковская 2010: 315]. Употребление существительного *душа* с частицей *то* придает повествованию фольклорный характер, плавный и протяжный, схожий с Поморской песней [Горелов 1983: 10]. Лексема *душа* репрезентирована в значении «внутреннего восприятия человеком того или иного предмета ремесла или творчества».

Душевные сомнения героя всегда неразрывно связаны с людьми и событиями, влияющими на его мировоззрения и принятие тех или иных решений. В рассказе «Егор увеселялся морем» Варя, юная жена кормщика Егора, поняла, что испытывает к его старому знакомому Николаю, которого супруг знал еще ребенком, щемлящую нежность и теплую томлящую сердце грусть» [Горелов 1983: 10]. Коля ответил ей взаимностью. Но природное благородство обоих героев не позволило им соединиться до тех пор, пока сам Егор не отпустил девушку и не благословил их союз: «...когда мы будем в *разлуке*, не *грусти безмерно*. *Моя душа* всякий раз слышит твою *печаль* и *скорбит неутешно*» («Егор увеселялся морем»). Номинативы *разлука* и *печаль* помогают писателю создать некую градационную последовательность, передающую переживания от разлуки [Бахтин 1986: 201]. Наречия *безмерно* и *неутешно* актуализируют концептуальную модель, где внешние переживания и внутреннее восприятие человека неразрывно связаны. Лексема *душа* в данном рассказе тождественна пониманию «сращения своих чувств с привязанностями любимого человека».

Своеобразной кульминацией некоего самоанализа в прозе Б.В. Шергина становится поиск героем своего места в мире, любимого дела, которому он с полной отдачей готов посвятить всего себя без остатка. В рассказе «Матвеева радость» поморский сирота Матвей Иванов большую часть жизни проработал за гроши наемным работником на чужом судне. Но даже в самые тяжелые времена героя не оставляла надежда стать владельцем собственного карбаса. Неизбывная вера в осуществление своей самой заветной мечты помогла Матвею преодолеть все трудности и стать во времена советской власти председателем местного рыбопромышленного товарищества и руководителем всей корабельной верфи: «*И загорела у меня, у сиротины, душа в люди выбиться*» («Матвеева радость»). Инверсия фразеологической единицы *загорела душа* с ее последующей трансформацией усиливает авторскую интенцию: Матвей способен к преодолению любых невзгод ради своей мечты. Лексема *душа* представлена в третьем узуальном значении «готовность сражаться до победы».

Таким образом, концепт ДУША в рассказах Б.В. Шергина семантизирован как ‘человек, наделенный определенными чертами характера, влияющими на сознание и поступки, а также вдохновляющими его на достижение самых заветных чаяний и стремлений’ и максимально приближен к лингвокультурной репрезентации: свершения отдельной личности обусловлены не только выбранным ремеслом, кругом семьи и друзей, но и родным краем, уникальность и неповторимость которого во

многим определяют как судьбу одного человека, так и будущее целого поморского народа, талантливого, сильного, отважного, каждый день дающего отпор суровой морской стихии.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Буряковская А.А.* Диминутивность в различных стилистическо-функциональных типах дискурса // Известия Тульского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 310-316.
- Горелов Ал.* Поморское узорчье // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки. М.: Современник, 1983. С. 6-15.
- Горелов Ал.* «Словесный жемчуг» Бориса Шергина // Шергин Б. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. С. 3-9.
- Зализняк А.А.* Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2010.
- Комкова Н.И.* Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б.В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
- Комкова Н.И.* Роль прозы Б.В. Шергина в репрезентации Северного текста // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 1 (37). С. 127-137.
- Лихачёв Д.С.* Заметки о русском. М.: Колибри, 2014.
- Ломакина О.В.* Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172-175.
- Ломакина О.В.* Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л.Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780-785.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1. А–Й.
- Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц (ФСРЛЯ). М.: Астрель: АСТ, 2008.

N.I. Komkova (Tula, Russia)

Tula State University

LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT *SOUL* IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN

The article explores the concept of the SOUL as a key element of the conceptual sphere in the work of Boris Shergin. Based on the analysis of prose texts created in different periods of the writer's life, lexical units are identified that serve to express the above concept in the stories; it is shown how these lexemes reveal the moral qualities of the characters, their ideas about good and evil, as well as understanding their own role in the surrounding reality.

Key words: the concept of SOUL, the lexeme, the conceptual sphere of the writer, the Pomor language, the language of prose by Boris Shergin, literary text, conceptual model

М.Н. Коннова, А.Г.М. Вестербеek (Калининград, Россия)

Балтийский федеральный университет им. И.Канта
 mkonnova@kantiana.ru, anikawesterbeek@gmail.com

ДИНАМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА! ПОКОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТ...»: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

Рассматриваются аксиологические смыслы, актуализируемые метафорами времени в стихотворении А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834 г.). Демонстрируется, что динамические метафоры «летающего» времени и времени-потока представляют собой емкий символ, в котором через сопряжение видимого и невидимого раскрывается неповторимая природа времени как личного темпорального опыта человека.

Ключевые слова: метафора, поэтический дискурс, время, ценность, А.С. Пушкин

Метафора – одно из уникальных свойств естественного языка и фундаментальный мыслительный механизм, основанный на целостном, вне-логическом видении мира. Широко представленная в обыденной речи, где она служит потребности ословливания новых понятий, метафора во всей полноте реализует свой творческий потенциал в речи художественной, стремящейся к остранению привычных впечатлений через создание ярких образов. Поэтическая метафора, максимально сближая далеко отстоящие явления, позволяет отразить осмысляемый предмет одновременно с различных сторон, уловить в едином акте восприятия и описания его многообразные связи и отношения [Левин 1998].

Цель настоящей статьи – исследование метафор времени в стихотворении А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...». Созданное в июне 1834 г. и сохранившееся в черновом автографе, оно отражает глубоко личный опыт поэта, и, связанное с внешними обстоятельствами жизни, указывает направление внутреннего поиска вневременной цели человеческого существования [подробнее см.: Мазур 2005; Муравьева 2020].

Начальная синтагма восьмистишия – односоставное безличное предложение с наречием *пора* в качестве предикативного центра – являет собой обращение-призыв с отчетливой побудительной модальностью: «Пора, мой друг, пора!..». Хрононим *пора* совмещает различные временные планы: момент «здесь и сейчас», воспринимаемый как крайний срок для исполнения задуманного, прошлый опыт, отражаемый в перфективной семантике результата, присущей идее готовности, и идеальный образ будущего, к которому устремлена мысль и воля говорящего. Характеризуя наполнение личного, субъективного времени, наречие *пора* соотносится в пространстве коммуникативного настоящего со сложным душевным состоянием – усталостью как результатом прошлого, и нетерпеливым, томительным ожиданием будущего.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00594)

Причина, побуждающая к действию, – то состояние настоящего, которое требует изменения – раскрывается метафорой второй части начального стиха: «покою сердце просит». Абстрактное имя *покой*, отсылающее к состоянию глубокой, ненарушимой тишины, соотносится с идеей преодоления неустойчивости, изменчивости, временности. Описывающее различные явления физического характера (*покой* – «отдых, отсутствие движения») и душевно-психологического плана (*покой* – «умиротворение»), слово *покой* достигает предельности символического синкретизма в прецедентных текстах Священного Писания и Предания, где оно соотносится с атемпоральным пространством вечного благобытия: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете *покой* душам вашим» (Мф. 11: 28-29).

Во втором стихе глубоко личная, почти исповедальная тональность начального обращения сменяется беспристрастностью объективного знания: «Летят за днями дни, и каждый час/ Уносит частичку бытия...». Языковые реализации концептуальной метафоры ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ вводят здесь традиционный для европейской поэзии мотив необратимости времени.

Метафора быстрого движения времени, впервые словесно оформленная Вергилием в третьей книге «Георгик» (29 г. д.н.э.) в афоризме лат. *Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus* («Но бежит между тем, бежит невозвратное время»), в русской литературе получает широкое распространение начиная с середины XVIII в. В частности, в стихотворении А.П. Сумарокова «На суету человека» (1759 г.) динамическая метафора времени «развертывается» в череде параллельных синонимических синтагм: «*Время проходит, / Время летит, / Время проводит*! Всё, что ни льстит». Языковая метафора *летят дни*, представляющая собой один из узуальных вариантов устойчивого выражения *летит время*, в русском языке впервые отмечена в «Оде XVII» Н.Н. Поповского, одного из учеников М.В. Ломоносова: «*Летят за днями дни крылаты: / При смерти ты, забыв о том, / Возносишь мраморны палаты, / И, гроб забывши, строишь дом*» (1752-1760 гг.). В первой трети XIX в. метафорические сочетания глагола *лететь* с хрононимами *часы, дни, годы* используются, в частности, Г.Р. Державин, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Н.Н. Языков, Е.А. Баратынский, М.Ю. Лермонтов.

В смысловой структуре глагола *лететь* идея однонаправленного движения сочетается с семами быстроты и плавности, которые в иносказательном темпоральном контексте соотносятся с мыслью о незаметности непрерывной смены дней. Единообразие движения времени подчеркивается и категориальной семантикой недифференцированного множества, свойственной дважды повторяемой форме множественного числа хрононима в сочетании *за днями дни*. Пространственные со-значения высоты и отдаленности, присущие прототипическому образу летящих в небе птиц, интерпретируются как неконтролируемость, автономия времени – его кажущаяся независимость, «несвязанность» с человеком. Самостоятельный субъ-

ект действия, *дни* отделены от проживающего их лирического героя и *летят* как бы мимо него, создавая иллюзию неподвластности человека общему объективному закону движения.

В стихотворении А.С. Пушкина традиционная поэтическая формула развивается в авторской метафоре второй синтагмы стиха: «И *каждый час* уносит частичку бытия...». Указывая на результат «полета дней», это иносказание «снимает», нейтрализует дидактические инференции, привычные для лирики эпохи Просвещения (скоротечность жизни как повод для добродетели), и возможность горацанско-эпикурейской трактовки, характерной для поэзии романтиков (мимолетность юности как причина к наслаждению кратковременными благами жизни в кругу друзей, в уединении, на лоне природы). Объединенные сочинительным союзом *и*, метафоры-пропозиции второго стиха изображают взаимосвязанные и взаимозависимые элементы единого целостного события-состояния, в котором первое звено – «Летят за днями дни» – являет собой внешнее, видимое условие для осуществления внутреннего, качественно-содержательного изменения – «и каждый час уносит...». Причина («Летят...») и следствие («уносит») не отделены друг от друга, но осуществляются одновременно, в синкретичном единстве.

Отличие метафор – в широте содержательного фокуса. Во второй метафоре субъектом действия предстает не обобщенно-безличная череда *дней*, но *каждый час* в своей конкретной индивидуальности. Определительное местоимение *каждый*, объединяющее семы отдельности и сходства, типичности, «направляет внимание на индивиды, как они появляются, в той или иной последовательности, один за другим» [Падучева 2017]. Сочетая смысловые компоненты очередности, упорядоченности с идеей равноценности всех элементов, местоимение *каждый* подчеркивает весомость, значительность, единственность сменяющих друг друга *часов*. Квантификатор бесконечного множества, местоимение *каждый* сохраняет оттенок «перечислимости» составляющих это множество единиц, имплицитно мысль о предельности, исчерпаемости «ресурса» времени – его «временности».

Субстантив *час*, составляющий с предшествующим существительным *день* оппозицию, маркированную по признаку «краткости – продолжительности» промежутка времени, реализует в метафоре второго стиха несколько сопряженных смыслов. Точное количественное значение меры времени, равной 24-й части суток, сочетается с исторически более ранним значением поры, момента. В идиолекте А.С. Пушкина это значение соотносится с образом некоего ключевого события, как скорбного (ср.: «Для берегов отчизны дальной / Ты покидала край чужой; / В *час незабвенный*, в *час печальный* / Я долго плакал пред тобой!», 1830 г.), так и радостного (ср.: «Победа! сердцу *сладкий час*!», 1831 г.). В этом качественно-отмеченном, личностно ориентированном хронотопе могут преодолеваются границы естественного, природного и бытового времени, уступая место эсхатологической перспективе. Ср.: «Я говорю: промчатся годы, / И сколько здесь не видно нас, / Мы все сойдем под вечны своды – / И чей-нибудь уж близок *час*» (1829 г.).

Субъективная длительность «часа-момента» свободна от количественных ограничений, характерных для точных хронометрических показателей времени. Фонетическая близость лексем *час* – *частичка* в метафоре «каждый *час* уносит *частичку* бытия» высвечивает в семантической структуре хрононима образно-символические смыслы, связанные с представлением о наименьшей дискретной темпоральной единице – бесконечно малом «атоме» времени. Сочетая объективное и субъективное, обобщенно-типическое и индивидуальное, *час* становится наименьшей выделяемой, обладающей формой (длительностью) и содержанием (событием), единицей экзистенциального времени.

Предикат *уносит* вводит метафорический образ времени-потока, увлекающего своим движением всё существующее в мире. Актуализирующая идеи всеохватности, целенаправленности, метафора потока осложняется персонифицирующими ассоциациями, привносимыми прямым значением глагола *уносить* («взвзв, уходить, удаляться»), предполагающего наличие действующего субъекта. Динамические смыслы сопрягаются с инферентными оценочными семами лишения, утраты, уничтожения.

Объектом воздействия темпорального потока оказывается *бытие* в каждой своей *частичке*. Морфологическая структура лексемы *частичка* актуализирует представление о единичном предмете, принадлежащем к массе однородной субстанции (ср. *крупница* – отдельное зерно крупы, крупинка). Эмфатическое сочетание синонимичных уменьшительных суффиксов *-иц-, -к-* усиливает их выразительную силу, акцентируя значение малости, незаметности и тем самым имплицитно мысль о кажущейся ничтожности, незначимости единичных мгновений бытия, уносимых потоком времени. Слово *частичка*, указывающее на мельчайшую толику вещества, тождественную, но не сливающуюся с другими однородными элементами, оно подчеркивает «отдельность», единственность каждого мгновения жизни.

Проведенный анализ позволяет заключить, что динамические метафоры времени эксплицируют в стихотворении А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» многогранный темпоральный опыт, как всеобщий, так и индивидуальный. Скрывая за внешней простотой словесной формы сложное философское и эмоциональное содержание, они раскрывают ни с чем не сравнимую ценность бытия – неповторимой в каждом своем мгновении, осязаемой «живой жизни».

Литература

- Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Избранные труды. М.: «Языки русской культуры», 1998. С. 457-464.
- Мазур Н.Н. «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»: Источники и контексты // Пушкин и его современники. Вып. 4 (43). М.: Академический проект, 2005. С. 364-419.
- Муравьева О.С. «Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2020. Т. 4: П–Р. С. 259-264.
- Падучева Е.В. Каждый // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.: ИЯ РАН, 2017.

M.N. Konnova, A.G.M. Westerbeek (Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

**DYNAMIC TIME METAPHORS IN ALEXANDER PUSHKIN'S "IT'S TIME, MY FRIEND, IT'S TIME! FOR PEACE THE HEART IS CALLING":
VALUE DIMENSION**

Drawing on Alexander Pushkin's unpublished poem "It's time, my friend, it's time! for peace the heart is calling..." (1834) we analyze axiological meanings that are expressed by the "flying time" and the "flowing time" metaphors. We demonstrate that Alexander Pushkin's pithy metaphors, combing semantic depth and formal precision, serve as potent symbols that by juxtaposing the visible and the invisible reveal the uniqueness of the temporal fabric of being.

Key words: metaphor, poetic discourse, time, value, Alexander Pushkin

С.В. Красильникова (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов
mnetozina04@mail.ru*

А.Э. Эрнисова (Бишкек, Кыргызстан)

*Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина
aigerim_ernisova@mail.ru*

**СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ В РОМАНЕ
Ч.Т. АЙТМАТОВА «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ» («ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА»)**

В статье рассмотрен концепт НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ в художественном дискурсе романа Ч.Т. Айтматова «Когда падают горы» («Вечная невеста»), введившего мифологические образы сакрального пространства и закреплявшего архетипы небесных покровителей человека в культурной памяти XXI в. С позиции семиотики, лингвокультурологии и когнитивных исследований рассмотрены авторские стратегии метафорического осмысления локального пространства Центральной Азии в контексте репрезентации основ национального бытия в языковых знаках, становящихся фактами и архетипами культуры. Описаны лексические единицы метафорической проекции пространственного и внутреннего мира человека, формирующие доминирующий концепт НЕБО, связанный с семантическим полем «небесного заступника» и транслирующий ценностные смыслы концепта НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ в пространство мировой культуры.

Ключевые слова: концепт, лексема, Ч.Т. Айтматов, «небесные горы», культурная память, метафорическая модель, языковая картина мира

Продуктивной моделью для исследования концептов является «метафорическая модель» (далее М-модель) [Баранов 1993: 94; Баранов, Караулов 1991]. Кроме того, с позиции семантико-когнитивного подхода [Кравцова 2014], дополняющего фундаментальные работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004] и А.П. Чудинова [Чудинов, Будаев, Солопова 2020], метафору важно рассматривать и как ментально-вербальный конструкт, служащий для номинации природного объекта «небо», создаваемый на основе ассоциации с другим природным объектом, имеющим устойчивое наименование «горы» – «Тэнгри» в кыргызской культуре.

Мы исходим из того, что метафора «Небесные горы» является вербальным средством формирования концепта – ментального конструкта, в основе которого лежат устойчивые в коллективном и индивидуальном сознании кыргызов ассоциативные связи с реалиями их традиционной культуры. С этих теоретических позиций в исследовании проведен анализ языковых репрезентаций концепта НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ в тексте романа Ч.Т. Айтматова «Когда падают горы» (Вечная невеста) в аспекте выявления конструируемого автором индивидуального смысла, отражающего аксиологические нормы

Лексема, вербализирующая концепт ГОРА, в коннотативном значении отражает специфические образные признаки в рамках национального сознания кыргызов. Исследователи отмечают, что «гора, «Тоо» в кыргызской картине мира имеет значения: *родина, место рождения, красота, чистота, облака, голубое небо, белые ледники, раскидистая зеленая трава, можжевеловые пахучие пастбища, хребты, ледяные холмы, источники, воды, лед, камни, животные, сосны, рощи*. А глубина, которая их обобщает, – это коннотативное значение лексем – это красота, эlegantность. Как отмечает исследователь Г.Ш. Абдразакова, подсознательные образы некоторых опрошенных реципиентов о горе патристичны: «В мышлении большинства кыргызстанцев «гора» – это не что иное, как «ТОО – мекен-Кыргызстан», «ТОО-любимая Родина моя» [Абдразакова 1991: 65]. Понятие «гора» в религиозном сознании используется для обозначения эмоциональных чувств верующего и выражают коннотативные значения концепта вечность, стабильность, спокойствие, гармония, тишина, высота духа.

Подчеркнем, что концепт ГОРА / ТОО занимает доминирующее место в мировоззрении кыргызов с древнейших времен, в их традициях он связан со смыслом, который веками сохраняется в языковом наследии. Безусловно, Ч.Т. Айтматов в романе воспроизводит этот смысл, однако у него появляется и архетипическая смысловая парадигма – гора как ось мира, космическая основа миропорядка: «*На таких горных высотах, как утверждают альпинисты и геологи, как правило, происходит «вахтенная смена души», что-то вроде перезарядки, обновление настроения и восприятия окружающего мира. В горах лучше думается, свидетельством тому – горное местоположение храмов и монастырей, принадлежащих медитативным конфессиям. Говорят, что мыслится в горах раскованней и эмоциональней, чем на низинных равнинах. Высокогорье обладает феноменальной аурой*». Возможно, это в природе вещей, возможно, в высокогорной стихии действительно возникает некое особое, космическое состояние человеческого духа, когда и мысли, и чувства, и воображение становятся под стать снежным вершинам и пронзительным ветрам упругой горной сферы» [Айтматов 2006: 125]. Однако внутренняя форма образа вершин содержит и символику народного плача, потери и опасности. Поэтому перед началом пути люди читают традиционные заговоры, обращения к духам гор: «*О, горы, разве бывает на свете такое?! Но горы молчали. О, небо, разве бывает такое на свете?! И небо высокое молчало*» [Айтматов 2006: 6].

Анализ содержания событий в нарративе Ч.Т. Айтматова позволил нам выстроить следующую последовательность событийных сюжетов: 1. Реальный жизненный путь журналиста Арсена Саманчина в параллели с историей смелого охотника, лишившегося невесты в результате клеветы, как родоначальника эпического времени героя, в котором существовали «кайыпы» – добрые духи в героическом эпосе «Манас» (Семетей, Сейтек, Канькей, Эр-Төштүк, Тайбуруул, Кумайык), помогающими страждущим. 2. История Жаабарса как сакрального животного кыргызов – постаревшего, изгнанного из стаи снежного барса, который бродит по ущелью в одиночестве и попадает в зону внимания загонщиков, готовящих охоту для приезжих арабских бизнесменов. Как и Арсен Саманчин, Жаабарс отвергнут своим сообществом, на него объявлена охота, в итоге зверь и человек умирают в пещере.

Таким образом, лексические единицы концепта «НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ» в романе Ч.Т. Айтматова соотносятся с конкретным локусом гор Тянь-Шаня, где пересекаются трагические пути двух страдающих существ – человека и барса: *«Ради обслуживания их охотничьих пристрастий и направлялся Арсен Саманчин в родные края, в отроги Тянь-Шанских хребтов, в далекие туюк-джарские горы»* [Айтматов 2006: 15].

В свою очередь, Жаабарс *«обитал высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам залеживающимися по полгода тeneвыми снегами. Потому и прозывался он снежным барсом. А в науке — существует такая наука о высокогорьях — именовался тянь-шанским снежным барсом из рода леопардовых, из семейства кошачьих, к коему относятся и тигры»* [Айтматов 2006: 5]. В тексте Ч.Т. Айтматова сакральные «места памяти» кыргызской национальной культуры являются семиотическими знаками конкретного ландшафта, территории: знаками-индексами, знаками-иконами и знаками символами одновременно (по Ч. Пирсу).

В сюжетной линии романа Ч.Т. Айтматова присутствуют два основных образа Арсена Саманчина и Жаабарса, осмысляемых автором в процессе мифопоэтического моделирования в контексте мифологического древнего сюжета о судьбе Адама и Евы. Данный сюжет является первоисточником исторической биографии человечества и используется Ч.Т. Айтматовым в качестве притчи – дешифратора к судьбам героев романа: *«Так было всегда от сотворения мира, еще от Адама и Евы, для всех и для каждого, из века в век, изо дня в день, всякий час и всякую минуту... Вот и в этот раз так же обернулось. Да, и в этот раз то же самое»* [Айтматов 2006: 224]. Таким образом, в рамках метафорического развертывания концепта НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ писатель переносит рассмотренные выше метафорические образы Адама и Евы из сферы «источника» метафоры в область «цели». Здесь мы опираемся на классификацию сфер-источников А.П. Чудинова (театральная, игровая, спортивная, военная) [Чудинов, Будаев, Солопова 2020] и приходим к выводу, что автор романа наделяет метафорические образы Адама и Евы дополнительными значениями из области традиционной культуры кыргызского этноса и мировой культуры в целом.

«Область-цели» метафорической проекции «Небесные горы» в анализируемом романе Ч.Т. Айтматова представлена репрезентацией символических образов, смыслов и значений, которые с ней связывает автор. В этом пространстве формируется доминирующая лексема концепта НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ – «Порядок», связанный с концептом МИР, вербализирующимся через лексемы *вселенная, земля, космическое пространство, мироздание, планета, свет*. Именно они определяют ценностные смыслы, транслируемые Ч.Т. Айтматовым в пространство культуры в контексте архаических мифов о Мировой горе не только из национального эпоса «Манас», но и из общего фонда культурной памяти. Их архетипические смыслы писатель включает в «литературное поле» мировой культуры – нельзя нарушать законы мироздания, убивать духа – хозяина гор, иначе горы начинают падать буквально.

Подчеркнем, что в авторском сознании Ч.Т. Айтматова архаический миф о Мировой горе берет свое начало в мировой мифологии и космическая гора в качестве оси мира встречается столь же часто, как и мировое дерево. Как правило, оба образа мирно сосуществуют, не вытесняя друг друга, а накладываясь один на другой. Мировое дерево, простирающееся в небеса, нередко помещается на вершине гигантской горы в центре вселенной – всё служит выражением одного понятия – священной оси мироздания. Роман Ч.Т. Айтматова «Когда падают горы» («Вечная невеста») в этой связи транслирует архетипические образы, представляющие свернутый миф о священной оси мироздания, который лежит в основе метафорической проекции концепта НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в результате анализа метафорического разветвления концепта НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ и репрезентации символической связи между бинарными объектами пространства – сакрального (святого) из мира вечного порядка /профанного (нечистого, греховного) из мира наживы и предательства в событийном плане романа миф о «Космической горе» трансформируется в образно-метафорическом мышлении Ч.Т. Айтматова до сюжета «Небесные горы как отражение священного порядка, оси мироздания».

Литература

- Абдразакова Г.Ш. «Тоо» концептинде денотативдик жана коннотативдик маанилердин туюндурулушу // Вестник кыргызско-русского славянского университета. 2022. Т. 22. № 2. С. 63-68.
- Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть, новелла; предисл. Г. Гачева. СПб.: Азбука-классика, 2007.
- Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73-94.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка РАН, 1991.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Стернин И.А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. 1999. Вып. 2. С. 69-75.

Телия В.Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. С. 173-204.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которые мы выбираем. М.: ЛКИ, 2017.

Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология. Дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020.

S.V. Krasilnikova (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia

A.E. Ernisova (Bishkek, Kyrgyzstan)

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin

THE SPECIFICS OF THE HEAVENLY MOUNTAINS CONCEPT IN THE NOVEL BY CH.T. AITMATOV *WHEN THE MOUNTAINS FALL (THE ETERNAL BRIDE)*

The article examines the concept HEAVENLY MOUNTAINS in the artistic discourse of Ch.T. Aitmatov's novel *When the Mountains Fall (The Eternal Bride)*, which introduced mythological images of sacred space and fixed the archetypes of the heavenly patrons of man in the cultural memory of the 21st century. From the perspective of semiotics, linguoculturology, and cognitive research, the author's strategies for metaphorical understanding of the local space of Central Asia are considered in the context of representing the foundations of national existence in linguistic signs that become facts and archetypes of culture. The article describes the lexical units of the metaphorical projection of the spatial and inner world of man, forming the dominant concept of "heaven", associated with the semantic field of the "heavenly protector" and translating the value meanings of the concept of HEAVENLY MOUNTAINS into the space of world culture.

Key words: concept, lexeme, Ch.T. Aitmatov, *Heavenly Mountains*, cultural memory, metaphorical model, linguistic picture of the world

A.B. Кремнева, Н.А. Бобровская, Ю.В. Кремлева (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
annakremneva@mail.ru, bobrovskaja_n@mail.ru, kremlevajuliya@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА КОГНИТИВНОЙ ЭКОНОМИИ ПОСРЕДСТВОМ УСЕЧЕННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ РОМАНОВ ЭЛИЗАБЕТ ДЖОРДЖ)

Одним из средств когнитивной экономии может выступать прецедентный текст или его фрагмент, активирующий в памяти реципиента весь текст или ситуацию. Использование усеченных прецедентных текстов является когнитивно «выгодным» для говорящего и позволяет ему передать смысл высказывания в экспрессивной и емкой форме.

Ключевые слова: прецедентный текст, когнитивная экономия, Элизабет Джордж

Эпоха цифровизации, наступившая в результате распространения сети Интернет и компьютеризации всех сфер человеческой деятельности, в том числе интеллектуальной, не могла не отразиться на коммуникативной деятельности человека. Скорость передачи информации, открытый доступ, полифоничность ком-

муникации зачастую требуют от коммуникантов передачи максимального количества информации за минимальную единицу времени. А поскольку единица времени меняться не может, то модификации подвергается... язык [Николаева 2000:15] как «средство познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания ..., обмена знаниями» [Болдырев 2014: 14]. Как полагает автор одного из исследований феномена языковой экономии, выполненного с позиций когнитивного подхода, М.М. Коровкин, пути реализации универсального закона экономии времени в процессе коммуникации определены самой линейной природой языка. Речь идет о способе экономии материальных языковых средств, который заключается «в свертывании сообщения без нарушения адекватного понимания и без потери информации реципиентом» [Коровкин 2006]. По мнению исследователя, категория экономии имеет биосоциальный деятельностный характер и манифестируется, среди прочего, и в коммуникативной деятельности человека. Однако, как подчеркивает автор работы, при анализе экономии не следует ограничиваться лишь только сопоставлением количественных характеристик языковых единиц. Природу такой экономии можно понять лишь при проецировании мыслительных процессов и когнитивных моделей памяти человека на коммуницируемые структуры [Коровкин 2006]. Рассмотрение принципа языковой экономии «глазами новых концепций» (более подробно см.: [Голубкова 2017; Козлова 2019; Кремнева 2018]) и, прежде всего, с позиций когнитивного ракурса является, как отмечает Л.А. Козлова, попыткой проанализировать процессы, лежащие в основе работы человеческого сознания при выборе тех или иных средств передачи смысла [Козлова 2019: 37-38].

Как отмечает Н.Н. Болдырев, человек может по-разному форматировать когнитивное содержание своего высказывания с помощью языковых средств [Болдырев 2016: 10]. Одним из особых способов такого форматирования и в текстовых практиках, и в обыденной коммуникации выступает обращение к прецедентным текстам – корпусу текстов, имен и ситуаций, хранящихся в нашей памяти и служащих средством кодирования нового смысла в процессах межтекстового взаимодействия. Использование такого рода текстов, значимых для языковой личности, имеющих широкую известность и воспроизводимость [Караулов 2003: 216], обусловлено тем, что нередко выражение смысла с их помощью оказывается экономичным. Принцип экономии особенно отчетливо прослеживается в тех случаях, когда автор сообщения использует лишь фрагмент прецедентного текста, подразумевая, что он сможет активировать в памяти реципиента весь прецедентный текст или ситуацию, способствуя более полному пониманию смысла нового текста. Рассмотрим несколько примеров из романов современной популярной американской писательницы Элизабет Джордж.

(1) *Fleming was currently the country's foremost batsman, and he'd been something of a legend for the last two years. He had been chosen to play for England for the first time at the unusual age of thirty. He'd not come up in the typical way: either through secondary school or university cricket grounds or through experience with the colts and the country*

seconds. Rather he had played in an East League for a factory team, of all things, where a retired coach from the Kent country side had seen him one day and had offered to take him on. A long spate of private coaching, it was. Which was one mark against him, something people called a variation of the silver spoon syndrome (E. George. *Playing for the Ashes*).

В отрывке, описывающем становление карьеры известного игрока в крикет Кеннета Флемминга, автор использовала усеченный вариант английской идиомы *to be born with a silver spoon in one's mouth* – родиться в рубашке, родиться под счастливой звездой. Фрагмент идиомы, известной всем представителям английской лингвокультуры, выполняет здесь роль «смыслового триггера», который активирует в памяти читателя весь прецедентный текст. По сочетанию *silver spoon* мы можем восстановить всю идиому и адекватно интерпретировать содержание отрывка о восхождении новой спортивной звезды, немалую роль в котором сыграло везение и вмешательство богатой покровительницы.

(2) *Barbara frowned at the irregularity of what they were setting up. But she phrased her objection carefully, aware of Inspector Ardery's understandable inclination to protect her turf. "Won't that get everyone's wires crossed, sir? The left hand not knowing. The blind leading the deaf. You know what I mean."* (E. George. *Playing for the Ashes*). Помимо идиом *to get your wires crossed* и *the blind leading the deaf*, представленных в приведенном отрывке в полной форме, здесь также использован усеченный вариант идиомы *The left hand doesn't know what the right hand is doing*. В данном примере сержант Барбара Хэйверс пытается осторожно выразить свое мнение по поводу целесообразности совместного расследования обстоятельств смерти Флемминга силами Скотланд-Ярда и местной полиции Кента. Зная взрывной и непримиримый характер своего начальника, она не высказывает свое мнение напрямую (*she phrased her objection carefully*), а прибегает к неконвенциональному способу кодирования смысла, предоставляя собеседникам возможность самим реконструировать выраженные в свернутой форме смыслы ее сообщения. При этом такая форма выражения, при которой говорящий опирается на общий фонд знаний с реципиентом, является более экономичной и когнитивно более «выгодной».

(3) *She had spent those three weeks in search of a refrigerator that she could afford. She's finally located it last Sunday, the perfect appliance that fit the size of her cottage and the size of the purse. It wasn't exactly what she had been looking for: barely a meter tall and decorated with hideous, yellowing floral transfers. ... But she handed over the cash and established the ownership over the appliance, which – in addition to its unappealing decoration of roses, daisies, fuchsias, and flax – also gave a portentous crinkle-clank whenever its door was slammed, Barbara thought philosophically of beggars and choosers* (E. George. *Playing for the Ashes*). В описываемой ситуации одинокая молодая женщина разглядывает только что купленный ею с рук старый холодильник, отмечает все его недостатки и в качестве аргумента приводит усеченный вариант известной английской пословицы *Beggars are no choosers*, напоминая себе о собственном бедственном финансовом положении. Лексемы *beggars* и *choosers* исполь-

зованы в качестве своеобразных триггеров, активирующих в памяти читателя весь прецедентный текст и его смысл, способствуя пониманию смысла в рамках нового контекста.

(4) *I saw that afterwards, but by then the bloody milk was spilt. Could't exactly pour it back into the bottle when it was spread all over the floor* (E. George. Careless in Red).

В данном примере персонажи обсуждают ситуацию, вышедшую из-под контроля – то, что должно было храниться в тайне, стало достоянием общественности. При этом для передачи смысла говорящий использует усеченную идиому *there's no use crying over spilt milk*.

Приведенные примеры подтверждают, что форматирование когнитивного содержания высказывания с помощью экономичных языковых средств в виде отсылки к известному прецедентному тексту может оказаться более экономичным, чем конвенциональные способы. Такой неконвенциональный способ кодирования и репрезентации смысла является, с одной стороны, одним из наиболее сложных, требующим от говорящего/пишущего умения использовать различные способы «упаковки смысла» в своей языковой деятельности, а от слушающего/читающего – способности реконструировать скрытые смыслы в устном сообщении или в тексте. С другой стороны, использование прецедентного текста как сильного экспрессивного средства репрезентации смысла является когнитивно более «выгодным», поскольку говорящий опирается на общий фонд знаний с реципиентом, что позволяет ему использовать более экономную форму выражения смысла. Подводя итог, отметим, что в последние десятилетия вопрос реализации принципа экономии в языке и речи в силу своей актуальности, сложности и многоаспектности остается в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей, в том числе освещающих вопрос с позиций когнитивного подхода.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун., 2014.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2016.
- Голубкова Е.Е. Прецедентные имена как репрезентанты событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиций когнитивных наук. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 252-279.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Козлова Л.А. Когнитивная экономия и ее манифестация в языке и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 37-45.
- Коровкин М.М. Когнитивный и коммуникативный аспекты языковой экономии. Рязань: Ряз. гос. мед. ун-т им. И.П. Павлова, 2006.
- Кремнева А.В. Прецедентное имя как одно из средств когнитивной экономии // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 210-215.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.
- George E. Playing for the Ashes. London: Bantam Books, 1994.
- George E. Careless in Red. London: Hodder & Stoughton, 2009.

A.V. Kremneva, N.A. Bobrovskaya, Yu.V. Kremleva (Barnaul, Russia)

Polzunov Altai State Technical University

THE REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF COGNITIVE ECONOMY VIA REDUCED PRECEDENT TEXTS (ILLUSTRATED WITH EXAMPLES FROM THE NOVELS BY ELIZABETH GEORGE)

One of the means of cognitive economy can be represented by a precedent text, or its element, activating the whole text or the situation in the memory of the recipient. The usage of reduced precedent texts is 'cognitively feasible' and helps the addressant to convey the meaning in an expressive and concise way.

Key words: precedent text, cognitive economy, Elizabeth George

В.В. Кучер (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный педагогический университет
kuchervv@bk.ru*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРИЗОВАННОСТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ РЕГИСТРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Спецификой изобразительного регистра как модели речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего, является совпадение событийного и текстового времени, непосредственное присутствие субъекта речи в моменте действия «здесь» и «сейчас», т.е. семантический параметр авторизованности. В статье анализируются некоторые грамматические средства выражения значения авторизованности, среди которых наречия и предлоги места в сочетании с синтаксическим средством художественной выразительности – инверсией.

Ключевые слова: авторизованность, изобразительный регистр, коммуникативный регистр речи, наречие, предлог, художественный текст

Коммуникативный регистр речи, согласно Г.А. Золотовой, определяется как «модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативного намерения, представляющая собой результат семантического согласования значимых единиц различных уровней» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 25]. Как отмечает Ю.В. Роговнева, анализируя языковые средства реализации коммуникативного регистра речи, исследователь может приблизиться к авторскому способу восприятия действительности, составляющему важный компонент стратегии автора [Роговнева 2016: 7]. Итак, регистр – не просто совокупность языковых средств для обозначения предметов действительности, но и существующие в сознании говорящего способы восприятия этой действительности, для каждого из которых существует определенный набор, репертуар языковых средств [Роговнева 2019: 553].

В изобразительном регистре имеет место соположенность в пространстве и времени, непосредственный контакт субъекта действия/речи с объектом описания. Предметы в изобразительном регистре представлены конкретными и единичными,

прикрепленными к месту и времени перцепцией наблюдателя в дейктических параметрах «здесь» и «сейчас». Сенсорное восприятие актуального, конкретно-единичного действия или референтного предмета в изобразительном регистре противопоставлено сравнению, обобщению опыта или оценочной характеристике в информативном регистре. Подробно об изобразительном регистре как зоне манифестации перцептивного восприятия мы рассматриваем в [Кучер 2024].

На уровне семантической структуры предложения для разграничения регистров значимыми являются противопоставление параметров авторизованности/ неавторизованности, выражаемых в рамках диктума и модуса предложения. Так, авторизующий глагол в личной форме обнаруживает результат восприятия, мыслительной деятельности субъекта (*видеть, заметить, почувствовать*), а также результат перцептивного восприятия (*веять, пахнуть*). Авторизованные модели с глаголами кажимости (*казаться, видеться, чудиться, сниться, слышаться*) принадлежат субъектной сфере говорящего и позволяют передать субъективность, недостоверность или неадекватность восприятия. Авторизующими являются конкретно-референтные местоимения, наречия, обнаруживающие актуальность пространства и времени нахождения субъекта в действии.

Целью данного исследования является выявление грамматических средств организации изобразительного регистра речи, в частности, такого его семантического параметра как авторизованность. В соответствии с целью исследования был проведен сравнительно-сопоставительный анализ художественных произведений англоязычных авторов: В. Вулф (*To the Lighthouse*), Дж. Джойса (*Dubliners*), А. Мердок (*Sacred and Profane Love Machine*), Р. Олдингтона (*Death of a Hero*), А. Торпа (*Ulverton*), Дж. Фаулза (*The Magus*), общим объемом которых составил 2352 страницы, что позволило выявить такие грамматические средства выражения значения авторизованности как пространственные предлоги и наречия места, обнаруживающие позицию фигуры наблюдателя (его «наблюдательный пункт»), с которого ведется повествование.

Предлоги и наречия места указывают расположение наблюдающего субъекта относительно объектов описания, локализуя его в конкретном месте текстового пространства (например, *overhead, before, on the right* и т.д.): *Overhead shone the beautiful ironic stars* [Aldington 1958: 289]; *All around the house lay the silent tree pine trees, dim in the starlight. Absolute peace. High and very far to the north I could just hear aeroplane, only the third or the fourth I had heard at night since coming to the Island...* [Fowles 1985: 113].

Предлоги и наречия места являются элементами, определяющими регистровую отнесенность: *Down in the houses smoke broke through mist, piled higher and higher until it whitened with the sun. Up there the larks were warm* [Thorpe 2012: 4] – обстоятельства места, вынесены в сильную позицию определяют описательный тон повествования, лексический повтор наречия в сравнительной степени *higher and higher* передает динамику изменения наблюдаемого перцептивного пространства.

Вышеуказанные примеры демонстрируют также синтаксический способ выражения авторизованности, которым является инверсия. Опускание этих элементов или изменение порядка слов в предложении повлечет за собой переключение регистра на информативный.

В выстраивании изобразительного регистра значение имеет перспектива: соотношение объектов в кадре, приближение и отдаление фокуса (*zooming in, zooming out*), которые показывают движения взгляда персонажа: *And looking up, she saw above the thin trees the first pulse of the full-throbbing star* [Woolf 1958: 108].

Передавая движение взгляда воспринимающего субъекта, дейктические средства закрепляет его нахождение в моменте повествования и способствуют созданию эффекта кинематографичности прозы [Кучер 2023]: *And once again his eyes flicked past my shoulders, as if he could see something inside the trees. I looked round. The pines were empty. I looked back at him; a joke?* [Fowles 1985: 90].

Предлоги и наречия создают объем описываемого в тексте пространства, отделяя источник перцептивного воздействия от воспринимающего субъекта: *Gabriel went to the stairs and listened over the banisters* [Joyce 1991: 123] – послушал (наклонясь) *через* перила. Это же значение может реализовываться сочетанием морфологических и лексических средств: *The hysterical barking of the dog was shut out by the closing door* [Murdoch 1984: 208] – *лаяние* пса отрезало *закрывающуюся* дверь; или, синтаксически, например, при помощи придаточного обстоятельного предложения причины (*теперь, когда дверь в зал была закрыта...*): *Now that the hall-door was closed the voice and the piano could be heard more clearly* [Joyce 1991: 143].

Нахождение субъекта-перцептора в актуальном пространстве текстового времени может быть показано изменением отношения фигуры и фона, языковой реализации чего способствуют, в т.ч., предлоги места: *It was windy, so that the leaves now and then brushed open a star, and the stars themselves seemed to be shaking and darting light and trying to flash out between the edges of the leaves* [Woolf 1958: 170] – более крупный объект (*звездное небо*), как правило, является фоном, относительно которого располагается фигура (*листья деревьев*). Фокус на листьях деревьев, движение которых приоткрывает вид на мерцающую в вышине ночного неба звезду, фиксирует точку наблюдения, в буквальном смысле заземляет ее (персонаж стоит в сени деревьев и наблюдает ночное небо), что препятствует выходу отрывка в информативно-описательный регистр.

Таким образом, в результате сравнительно-сопоставительного анализа реализации изобразительного регистра в текстах англоязычных авторов нами были выделены грамматические средства, выражающие семантический признак авторизованности. Наречия и предлоги места в сочетании с инверсией маркируют нахождение воспринимающего субъекта в актуальном пространстве текстового времени, создают объемность текстового пространства и кинематографичность прозы как характерных признаков изобразительного регистра речи.

Литература

Золотова Г.А., Ошпенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004.

Кучер В.В. Синестезия в полимодальном перцептивном образе как результат интеграции ментальных пространств (на материале изобразительного регистра англоязычного художественного текста) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 2. С. 104-114.

Кучер В.В. Языковые средства создания кинематографичности в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4 (64). С. 143-156.

Роговнева Ю.В. Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Роговнева Ю.В. Типы репродуктивности и типы текстов // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума (Ярославль, 17–19 мая 2019 г.). Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 552-558.

Aldington R. Death of a Hero. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1958.

Fowles J. The Magus. New York: Dell Publishing, 1985.

Joyce J. Dubliners. New York: Dover Publications, 1991.

Murdoch I. Sacred and Profane Love Machine. London: Penguin Books, 1984.

Thorpe A. Ulverton. London: Vintage Books, 2012.

Woolf V. To the Lighthouse. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1968.

V.V. Kucher (Barnaul, Russia)

Altai State Pedagogical University

GRAMMAR MEANS OF AUTHORIZATION IN THE DESCRIPTIVE REGISTER OF THE ENGLISH LITERARY TEXT

Descriptive register of speech manifests itself as a model of speech, determined by the speaker's point of view, who is present at the moment of action "here" and "now", that is authorised. The article analyzes such grammatical means of expressing authorization as adverbs and prepositions of place in combination with inversion as a syntactic expressiveness means.

Key words: adverb, authorization, communicative register of speech, descriptive register of speech, literary text, preposition

Ю.А. Макарова (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет
julimakarova@rambler.ru

ОБРАЗ МАТЕРИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР

Цель представленного исследования заключается в анализе произведений Розы Ауслендер, в которых образ матери является центральным мотивом. Выявлено, что образ матери имеет множество граней – это символ родины, которой для поэтессы стал родной язык; Буковина, где находились родные Черновцы; косуля, символизирующая доброту и кротость; многослойный противоречивый образ соловья, поющего об ужасах фашизма.

Ключевые слова: послевоенная поэзия Германии, поэзия Розы Ауслендер, образ матери, интерпретация поэтического текста, верлибр, поэтические метафоры

Многие исследователи творчества немецкоязычной поэтессы еврейского происхождения Розы Ауслендер указывают на то, что ее стихи автобиографичны [Braun 1999: 82; Helfrich 1995: 49]. Особое место в ее поэзии занимает образ матери, которой посвящено значительное количество стихов.

В представленном исследовании мы, применяя метод интерпретации художественного текста, понимаемый как освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности [Адылова 2018: 12], анализируем четыре стихотворения Розы Ауслендер, в которых образ матери представлен наиболее выразительно. Все рассматриваемые поэтические тексты созданы Р. Ауслендер на немецком языке в период с 1956 по 1986 гг. (незадолго до ее смерти). Данный период выбран нами не случайно: в период с 1946 г. после эмиграции в США и вплоть до 1956 г. Р. Ауслендер писала исключительно на английском языке. «Отказ» от родного языка стал следствием ужасов Холокоста, пережитых в еврейском гетто в Черновцах. Кроме того, в 1947 г. умирает мать поэтессы, и с этого времени образ матери занимает важное место в ее поэзии.

Все анализируемые стихотворения написаны верлибром, без рифмы, с произвольным числом слогов в строке, без знаков препинания. Как поясняет сама поэтесса, причина заключалась в ужасах геноцида: *то, обрушилось на нас позже, было нерифмованным, настолько кошмарно гнетущим, что (...) рифма сломалась. Цветистые слова завяли...* [Ausländer 1985: 9].

Проведенный анализ показал, что образ матери в поэзии Р. Ауслендер имеет множество граней. Слово «мать» не всегда обозначает мать автора, биографически идентифицируемую как Кати Рифке Шерцер, – нередко это понятие включает и другие образы.

Так, в стихотворениях “Mutter Sprache” (Язык матери), впервые опубликованном в 1977 г. В сборнике “Doppelspiel” (Двойная игра), и “Mutterland” (Родина), опубликованном в 1978 г. В одноименном сборнике, немецкий язык олицетворяет мать (*здесь и далее перевод автора статьи с сохранением стиля и пунктуации оригинала*) [Ausländer 2022: 227]:

Mutter Sprache

Ich habe mich
in mich verwandelt
von Augenblick zu Augenblick
in Stücke zersplittert
auf dem Wortweg
Mutter Sprache
setz mich zusammen
Menschmosaik

Mutterland

Mein Vaterland ist tot

Язык матери

Я превращаюсь
в себя
от момента к моменту
разбитая на кусочки
на пути к слову
Язык матери
собери меня в целое
Человеческая мозаика
Родина
Мое отечество погибло

sie haben es begraben
im Feuer
Ich lebe
in meinem Mutterland
Wort

они похоронили его
в огне
Я живу
в своей родине
Слове

Оба стихотворения поражают своей лаконичностью: каждое слово здесь емко, каждое слово на вес золота. Здесь нет эпитетов, но при всей речевой «скупости», слова крайне выразительны и производят глубокое впечатление на читателя.

Название первого стихотворения – Mutter Sprache – должно писаться слитно, согласно нормам правописания немецкого языка, так как это сложносоставное существительное, состоящее из двух основ: «мать» + «язык», переводящееся на русский как «родной язык». Однако поэтесса намеренно пишет эти два слова раздельно, подчеркивая, что речь идет именно о матери и ее языке.

Р. Ауслендер использует в конце стихотворения авторский неологизм (окказионализм) Menschmosaik как главный акцент, своеобразную яркую точку, что напоминает нам финал стихотворений, построенных по принципу поэтической формы «эльфхен», также заканчивающихся одним емким словом, подводящим своеобразный итог. Уточним, что существительное Menschmosaik отсутствует в немецком языке (оно дословно переводится как «человеческая мозаика» или «человеческий паззл»). Этот окказионализм имеет очень глубокий смысл. Все стихотворение Mutter Sprache является по сути метафорой: личность – «лирическое я» – распадается и вновь собирается в языке воедино. Из сломанного «я», его кусочков, получается в итоге «человеческая мозаика», человек.

Во втором стихотворении Р. Ауслендер разделяет понятия Vaterland и Mutterland – они оба служат для обозначения «родины», однако существует важный нюанс: слово “Vaterland” чаще переводится как «отечество» и имеет негативную коннотацию в связи с тем, что А. Гитлер использовал его в своих воззваниях к немецкому народу, мотивируя на борьбу с «врагами». Слово Mutterland имеет один единственный вариант перевода – «родина» (это сложносоставное существительное, образованное от двух основ: «мать» + «страна / земля», т.е. дословно – «земля матери»). Отечество (родной город, родная земля) «погибло в огне», «они похоронили его» (под безликим «они» поэтесса имеет в виду нацистов, убийц, не заслуживающих упоминания), а родина – жива, и эта родина для Р. Ауслендер – слово (парадоксально то, что это именно немецкое слово).

Таким образом, образ матери сливается с образом родины воедино, причем, родина – это родной язык, а не город, страна или земля.

В отличие от двух предыдущих произведений, в стихотворении «Bukowina III» Р. Ауслендер идентифицирует мать с Буковиной (территория бывшей Австро-Венгрии, отошедшая Румынии, а далее – СССР), где находились ее родные Черновцы [Ausländer 2022: 17]: *Grüne Mutter // Bukowina // Schmetterlinge im Haar* (Зеленая мать // Буковина // Бабочки в волосах). Прежнюю, навсегда утерянную,

беззаботность донацистской Буковины подчеркивает последнее словосочетание. Появились нацисты, исчезли бабочки в волосах, исчезла счастливая Буковина.

В стихотворении “Meine Nachtigall” (Мой соловей), впервые опубликованном в 1965 г. В сборнике “Blinder Sommer” (Слепое лето), Р. Ауслендер сравнивает сначала мать с косулей [Ausländer 1985: 317]: *Meine Mutter war einmal ein Reh // Die goldbraunen Augen // die Anmut // blieben ihr aus der Rehzeit* (Когда-то моя мать была косулей // Золотисто-коричневые глаза // грациозность // достались ей от косули), а затем с соловьем: *Jetzt ist sie eine Nachtigall // Nacht um Nacht höre ich sie // im Garten meines schlaflosen Traumes* (Теперь же она соловей // каждую ночь я слышу ее голос // в саду моих бессонных снов).

Как известно, косуля для многих народов символизирует доброту и кротость. Можно было бы предположить, что Р. Ауслендер идеализирует свою мать, но, судя по автобиографическим заметкам, поэтесса характеризует К.Р. Шерцер как «редкую гармоничную смесь мудрости, нежности, доброты, <...> самоотверженности и высочайшей терпимости ко всем людям» [Цит. по: Helfrich 1995: 49]. Кроме того, учитывая, что мать поэтессы была еврейкой, то мы наблюдаем аллюзию к многовековой покорности еврейского народа.

Образ соловья является весьма противоречивым в поэзии: от средних веков до эпохи романтизма эта птица изображалась как символ любви, красоты и поэтического вдохновения; в начале возникновения европейской литературной традиции образ соловья ассоциируется с темой смерти и скорби, диссонирующей с великолепием весенней природы. В подтверждении ассоциаций со смертью и скорбью приведем следующие строки из этого стихотворения: *sie singt das alte Österreich // sie singt die Berge und Buchenwälder // der Bukowina* (она воспекает старую Австрию // она поет о горах и буковых лесах // Буковины).

Мы видим, что соловей воспекает то, что уже никогда не вернуть, то, что было уничтожено нацистами: ту «старую» Австрию, какой она была до вхождения в 1938 г. В состав нацистской Германии; Буковину с ее горами и буковыми лесами, на территории которой было организовано гетто для евреев.

Таким образом, мы наблюдаем весьма противоречивый символизм в этом стихотворении, выраженный в стилистическом плане через парадоксально сформулированную метафору и сочетание несочетаемого, т.е. оксюморон: соловей, чьи песни невероятно красивы, поет об ужасах, которые принесли с собой фашизм и нацисты.

Обратим далее внимание на то, что косуля – животное, которое ходит по земле, в то время как соловей – птица, парящая в воздухе. Данное обстоятельство применительно к анализируемому стихотворению можно интерпретировать двояко. Согласно первой интерпретации, пройдя жизненный путь, мать поэтессы оказалась в раю. В подтверждении вышесказанному приведем следующие строки: *Hier war sie halb Engel halb Mensch – // die Mitte war Mutter* (Она была полуангел получеловек // нечто средним была мать).

Согласно второй интерпретации, Р. Ауслендер рассматривает фигуру матери в свете доктрины реинкарнации, которая основана на убеждении К. Бруннера

и Б. Спинозы, чьи идеи разделяла поэтесса, что ничто не умирает, все подвержено трансформации.

Проведенный анализ показал, что образ матери в немецкоязычной поэзии Р. Аусландер многослоен и его интерпретация требует серьезных фоновых знаний.

Литература

Адылова Ф.М. Интерпретация художественного текста // Молодой ученый. 2018. № 17 (203). С. 310-312.

Ausländer R. Die Sichel mäht die Zeit zu Heu. Gedichte 1957–1965. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1985.

Ausländer R. Gedichte / herausgegeben von H. Braun. 2. Auflage. Frankfurt am Main: Fischer Tagebuch Verlag, 2022.

Braun H. Ich bin fünftausend Jahre jung. Rose Ausländer. Zu ihrer Biographie. Stuttgart. Radius-Verlag, 1999.

Heffrich C. Es ist ein Aschensommer in der Welt: Rose Ausländer: Biographie. Weinheim: Quadriga, 1995.

J.A. Makarova (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Technical University

FIGURE OF MOTHER IN THE GERMAN-LANGUAGE POETRY OF ROSE AUSLÄNDER

This paper deals with analysis of the German-language poems of Rose Ausländer with mother figure as a central motif. The study found that mother figure has many facets: it is a symbol of motherland, which became poetess native language; Bukovina, where her hometown was located; roe symbolizing kindness and gentleness; multilayered contradictory image of nightingale singing about the horrors of fascism.

Key words: German post-war poetry, Rosa Ausländer's poetry, figure of mother, lyrics interpretation, vers libre, poetic metaphors

В.В. Макашова (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
makashova_vv@pfur.ru

РАСТИТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА Е.А. ЯМБУРГА «ТРАГИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ»)

В статье рассматриваются растительные метафоры, представленные в труде Е.А. Ямбурга «Трагический оптимизм». В качестве репрезентантов концептуальных феноменов выступают соответствующие метафорические выражения. Сделан вывод, что использование растительных метафор позволяет автору выразить индивидуальное видение современного процесса обучения и воспитания.

Ключевые слова: метафора, растительная метафора, метафорическое выражение, Е.А. Ямбург, «Трагический оптимизм»

Вследствие глубокой укорененности природных образов в сознании русского народа, растительные метафоры являются наиболее распространенными в отечественном педагогическом дискурсе. Известно, что «со времен язычества растениям и породившей их земле приписывались особые функции, с ними связывался культ предков, разного рода обряды и ритуалы» [Кондратьева 2005: 75].

Цель исследования состоит в выявлении специфики растительных метафор, репрезентирующих педагогические идеи в современной школе. Вербальными манифестантами метафор служат метафорические выражения. В качестве материала исследования избран труд Е.А. Ямбурга «Трагический оптимизм» – явный и виртуальный диалог об актуальном состоянии образовательной среды. Указанное произведение считается одним из последних, написанных автором – подлинным новатором в области педагогики.

Нами было найдено 2 метафорических выражения, объективирующих в рассматриваемом педагогическом сочинении Е.А. Ямбурга сообразные концептуальные феномены:

1. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ – это РАСТЕНИЕ:

*Непомерно **разросшиеся контролирующие структуры** должны как-то оправдать свое существование, не вызывая кривотолков и насмешек в обществе* [Ямбург 2022: 54].

Подобно тому как активно разрастающиеся садовые агрессоры вытесняют соседние культуры, препятствуя их росту, контрольно-надзорные органы расширяют свои полномочия в сфере образования, затрудняя его адекватное функционирование путем абсурдных директив. В качестве наглядной иллюстрации нелепого вмешательства административных организаций в учебно-воспитательный процесс Е.А. Ямбург приводит прецедент, произошедший в столичной школе в период пандемии коронавируса. Так, в ходе плановой проверки данного образовательного учреждения представители Роспотребнадзора запротоколировали у учащихся слишком широко раскрытые рты на уроках музыки, расценивая подобное поведение как нарушающее установленные санитарно-эпидемиологические правила. По изложенной выше причине коллегу Е.А. Ямбурга, преподавателя музыкальной дисциплины, принудили к написанию объяснительной записки. В свою очередь, с точки зрения Е.А. Ямбурга вердикт, вынесенный блюстителями закона, есть не что иное, как «начальственная блажь». Автор твердо убежден, что деятельность контролирующих организаций, пустивших глубокие корни в образовательную сферу, должна иметь обоснованные и оправдывающие ее мотивы, не предоставляя оснований для ложных и иронических высказываний в пределах школьного социума.

2. ГОСУДАРСТВО – это САДОВНИК, УЧИТЕЛЬ – это РАСТЕНИЕ:

*Педагог, коль скоро ты упал нее [ниву образования], будь любезен **прорастать на ней не дичком, а аккуратно обрезанной и привитой государственным садовником культурой*** [Ямбург 2022: 169].

Посредством указанных метафор получает развитие авторская мысль о том, что в цифровую эпоху педагогические сотрудники подвергаются избыточному давлению со стороны административных органов. Е.А. Ямбург утверждает, что се-

годня учитель лишен возможности выходить за строго очерченные рамки государственных образовательных стандартов: «шаг вправо, шаг влево, а также прыжок вверх или в сторону рассматриваются как побег с отечественной нивы народного образования» [Ямбург 2022: 169]. В связи с этим Е.А. Ямбург устанавливает метафорическую связь между учителем и декоративной культурой, «заботливо» возвращенной рукой государства. В современном образовательном пространстве «быть дичком» не допускается, напротив, учителям во всех школах отечества надлежит беспрекословно следовать разработанному государством электронному тематическому каркасу, в котором уже обозначены темы и разделы дидактических единиц учебного материала, определено количество часов, выделяемых на их изучение. В противном же случае административные структуры мгновенно получают сигнал о возможном нарушении. Автор приходит к выводу о том, что «цифровая революция» влечет заметное ограничение академической свободы педагогических работников: если советский учитель пользовался правом индивидуально и творчески принимать решения в различных ситуациях совместной деятельности, то в современной школе педагогический потенциал оказывается крепко скованным системой.

Таким образом, анализ приведенных растительных метафор дает ключ к пониманию педагогических взглядов Е.А. Ямбурга на современный процесс обучения и воспитания. Приписывая свойства растения административным структурам, автор констатирует факт чрезмерного вторжения контролирующих органов в образовательную среду. Тем временем параллель, проводимая автором между государством и садовником, с одной стороны, и учителем и растением – с другой, позволяет ему привлечь внимание общественности к вопросу о негативном влиянии цифровизации, поддерживаемой государством, на инициативность и творческую активность педагогических кадров.

Литература

Кондратьева О.Н. Фитоморфные признаки в структуре концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси) // Материалы Всероссийской научной конференции «Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке». Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2005. С. 75-83.

Ямбург Е.А. Трагический оптимизм. Непрерывающийся диалог. М.: Бослен, 2022.

V.V. Makashova (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

PLANT METAPHORS AS A WAY OF EXPLICATION OF PEDAGOGICAL VIEWS IN MODERN SCHOOL (BASED ON THE WORK OF E.A. YAMBURG "TRAGIC OPTIMISM")

The article examines plant metaphors presented in the work of E.A. Yamburg "Tragic optimism". The corresponding metaphorical expressions act as representatives of conceptual phenomena. It is concluded that the use of plant metaphors allows the author to express an individual vision of the modern learning and upbringing process.

Key words: metaphor, plant metaphor, metaphorical expression, E.A. Yamburg, "Tragic optimism"

А.М. Мубаракишина (Казань, Россия)

Казанский федеральный университет

blondy010888@mail.ru

РОЛЬ ОБРАЗОВ В СТРУКТУРЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОРОСКОПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ¹

Статья посвящена исследованию роли образов в формировании и распространении культурной информации через тексты гороскопов. Особое внимание уделяется механизму семантизации этих образов и их воздействию на мышление человека. В статье рассматривается, как образы в гороскопах актуализируют индивидуальный чувственный опыт и способствуют унификации мышления, делая гороскопы доступными и понятными для реципиентов.

Ключевые слова: текст, Зодиак, гороскоп, понятие, образ, семантизация, интерпретация

Создание любого текста преследует цель передачи и сохранения информации об окружающей действительности, механизм реализации которой зиждется на «коллективно выработанной и объективированной системе знаний, передаваемых от предыдущих поколений к последующим» [ФЭС 1983: 505]. Процесс этот инфинитный, поскольку каждое новое знание или трансформация уже имеющегося продуцируются и накапливаются в рамках картин мира в виде различных структур, оформляющих данные знания (концепты, фреймы, схемы, скрипты, модели и т.д.), а также обозначаемых ими понятий. Благодаря унификации мышления в понятиях возникает возможность вербализации ключевой «парадигмы научной картины мира» [Клименюк 2010: 149].

Одной из наиболее обсуждаемых проблем в когнитивной науке является проблема соотношения понятия и образа. Если первое, как указано выше, представляет собой абстрактную категорию, то под образом принято понимать «результат отражения объекта, возникающий в сознании человека» [Там же], иначе говоря, образ – это результат реального чувственного опыта индивида о конкретном объекте, явлении или идее. Он создается продуктивным воображением человека и выступает активно-действенным элементом памяти, получающим дальнейшее материальное воплощение посредством графических или знаковых моделей, наполненных вследствие унификации общественным содержанием [Насибуллова 2024]. Из этого следует, что унификация мышления посредством образов имеет более широкий диапазон возможностей, в то же время образы мотивируют полилектичное мышление, которое учитывает все многообразие явлений действительности при восприятии информации и ее интерпретации.

Одной из образных систем, которая позволяет структурировать культурную информацию в памяти человека и на его эмоционально-чувственном уровне, является система Зодиака. Она уникальна для когнитивной лингвистики тем, что на протяжении нескольких тысячелетий использует унифицированный набор категорий, ор-

¹ Исследование выполнено в рамках Гранта для постдокторантов Академии наук Республики Татарстан

гически присущих психике, который кодирует информацию о природе, культуре, материальной и духовной ипостасях мира человека. В астрологических гороскопах данные категории представлены в виде астрологических архетипов, имеющих полифонию воплощений в разного рода образах, базирующихся в первую очередь на мифологии, которая в свою очередь является первичным способом осмысления мира, «поэтому ее образы являются наиболее частым отражением реальности, универсальным для всего человечества» [Семира, Веташ 2013: 307].

Становление образов в гороскопах, или их семантизацию, можно описать в виде последовательных этапов: осмысление явлений природы => их мифологическое преломление в семантике образов богов => проекция характеристик богов на образы планет => проекция характеристик планет на черты характера знаков Зодиака, их поведение.

Экстраполяцию данной модели можно найти в текстах современных гороскопов, активно транслируемых средствами массовой информации. Так, например, красный цвет планеты Марс стал ассоциироваться с цветом крови, он же в свою очередь у древних римлян связывался с войной и ее божеством. Бог войны Марс дал имя планете Солнечной системы, которая является покровителем знака Скорпион. Поэтому в описании образа-знака в разных источниках находим: *Скорпион – это воин, причем нередко он бросается в бой, даже не подумав предупредить об этом окружающих* [Гороскопы365]. *Скорпион – это знак внутренних изменений, преодоления слабости, борьбы до победного конца* [Рамблер.Гороскопы]. *Обладает невероятной стойкостью, с достоинством выдерживает любые испытания и идет к цели несмотря ни на что* [Комсомольская правда].

Те же семантические характеристики присутствуют у образа-знака Овен, поскольку планета-покровитель данных знаков совпадает: *Овен – настоящий лидер. Его управляющая планета – воинственный Марс – придает его характеру решительность и энергичность* [Гороскопы365]. *Овен бесстрашен, горяч и эгоистичен* [Рамблер.Гороскопы]. *Лидерские качества и амбиции представителей этого знака зодиака обычно быстро выводят его в руководители* [Комсомольская правда].

Прагматический и языковой опыт адресата должен учитываться при конструировании семантики прогноза составителем, в этой связи опорными характеристиками образов являются общеизвестные факты. Очевидно, что лексемы, связанные с концептами ВОЙНА, ВОИН, задают «эмоциональную матрицу» данных образов, а также являются точками референции при создании текстов-рекомендаций в форме ежедневных гороскопов: *В субботу Скорпион с самого утра может почувствовать снижение тонуса, в то время как дела потребуют от него быть активным и позитивным. В качестве оружия для борьбы за бодрость подойдут витаминные коктейли, спорт и интересные планы на вечер* [Гороскопы365]. Конечно, полностью полагаться на удачу не стоит, но в каких-то делах разумный риск оправдает себя: *гороскоп благоволит к решительным действиям и смелым шагам. Этот день дает Овну много энергии, важно лишь правильно ее направить* [Гороскопы365].

Немаловажным при определении семантики образа наряду с культурологическими основаниями остается философский базис его функционирования [Берестнев 2018: 43]. Так, Скорпион является знаком водной стихии, поэтому в гороскопических текстах-описаниях часто встречаются атрибуты с семантикой глубины: *Глубокая эмоциональность позволяет быть прекрасным музыкантом, художником, писателем. Всегда возвращает обидчику часть равнозначного ущерба, мстителен и жесток, если задели его глубинные чувства. Спокойная и глубокая натура, которая жаждет испытать всю полноту эмоций и чувств* [Комсомольская правда].

В то же время, Овен – представитель стихии огня. При его описании используются характерные семантические комплексы: *приготовьтесь к его бурным и внезапным всплескам гнева; Загореться идеей и зажечь ее огонь для других для Овна важнее, чем довести дело до конца; Он постоянно загорается новыми идеями; Загоревшись новой идеей; Овен может наломать дров* [Рамблер. Гороскопы].

Эти и другие многочисленные примеры ежедневных предсказаний подтверждают сделанные нами ранее выводы о том, что при создании гороскопа для тиражирования его в медиапространстве авторы опираются не на данные астрологии, а на ключевые атрибуты образа-знака, «лингвокультурные стереотипы, закрепленные за ним в языке, и мифологические предпосылки его возникновения» [Фаттахова, Мубаракшина 2024: 438]. Кроме того, благодаря образам и их спецификациям гороскопы становятся понятными широкому кругу реципиентов, унифицируют процесс их мышления. В то же время образы актуализируют у каждого отдельного человека конкретные области чувственного опыта, принципиально значимые для него лично. Таким образом, перспективой исследования в дальнейшем может стать более подробное рассмотрение семиотической системы современных гороскопов и определение стратегий ее интерпретации.

Литература

Берестнев Г.И., Киреева Я.А. Язык и когнитивная структура профетических текстов: Античность и русское православие: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018.

Гороскопы365. URL: <https://goroskop365.ru/zodiak/scorpio/harakteristika>

Клименюк А.В. Знание, познание, когниция: монография. Тернополь: Підручники і посібники, 2010.

Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/woman/goroskop/>

Насибуллова Г.Р. Текстовое ассоциативное поле как средство выражения идиостиля писателя (на материале рассказа М. Степновой) // Современная лингвистика: ключ к диалогу: труды и материалы IV Казанского международного лингвистического саммита (Казань, 13–15 декабря 2023 г.): в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. Казань: Издательство Казанского университета, 2024. Т. 1. С. 386–390.

Рамблер. Гороскопы. URL: <https://horoscopes.rambler.ru>

Семира и Веташ В. О связи архетипической логики философских идей с психотипом их создателей // Творческая личность: субъект и объект культуросообразной деятельности: коллективная монография. СПб.: Эйдос, 2013. С. 307–312.

Фаттахова Н.Н., Мубаракшина А.М. Принцип опоры на «семейные сходства» при конструировании концепта ЛЕВ в гороскопическом тексте // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 437-440.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

A.M. Mubarakshina (Kazan, Russia)

Kazan Federal University

THE ROLE OF IMAGES IN THE STRUCTURE AND INTERPRETATION OF HOROSCOPIC TEXTS

The article is devoted to the study of the role of images in the formation and dissemination of cultural information through horoscope texts. Special attention is paid to the mechanism of semanticization of these images and their impact on human thinking. The article examines how images in horoscopes actualize individual sensory experience and contribute to the unification of thinking, making horoscopes accessible and understandable to a wide range of recipients.

Key words: text, Zodiac, horoscope, concept, image, semantics, interpretation

A.Ю. Муриель, Т.А. Сироткина (Сургут, Россия)

*Сургутский государственный педагогический университет
amurshel21@gmail.com, sirotkina71@mail.ru*

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Б. ТИТОВА

Статья посвящена описанию антропонимического концепта в текстах романов писателя А.Б. Титова «Одинокое мое счастье», «Тень Бехистунга» и «Екатеринбург восемнадцатый». Актуальность исследования заключается в выявлении состава и функций имен собственных, необходимых автору в историческом повествовании.

Ключевые слова: концепт, антропонимы, А.Б. Титов, художественный текст, лексика, функции языковых единиц

Актуальным в современных лингвистических исследованиях является описание концептосферы онимов художественных текстов. С этой точки зрения интересно рассмотреть художественные произведения Арсена Борисовича Титова – известного российского прозаика, члена Ассоциации писателей Урала, творчество которого ранее не подвергалось литературоведческому и лингвистическим исследованиям. Вместе с тем трилогия «Тень Бехистунга» была признана российской критикой и в 2014 г. удостоена премии «Ясная Поляна». При знакомстве с текстами данной трилогии нетрудно заметить, насколько обоснованно использование автором каждого имени собственно-го – будь то географическое название или именование персонажей.

Цель настоящей статьи – проанализировать способы репрезентации антропонимического концепта, а также функции представляющих его единиц (антропонимов) в исторической трилогии А.Б. Титова «Тень Бехистунга». Материалом для анализа послужил ономастикон романов «Одинокое мое счастье», «Тень Бехистунга» и «Екатеринбург восемнадцатый», входящих в историческую трилогию А.Б. Титова.

Читая эти три книги, мы смотрим на происходящее глазами штаб-офицера Бориса Норина, который с 1914 по 1918 г. служит на Кавказском фронте и в Персии, а зимой 1918 г. возвращается в Екатеринбург. Перед нами предстают судьбы простых солдат, казаков, российских офицеров, защищающих границы Отечества, а потом возвращающихся домой.

Одну из важных концептуальных областей рассматриваемого концепта составляют прецедентные антропонимы. Основную содержательную нагрузку несут, на наш взгляд, имена известных полководцев, которые являются для главного героя примером: «*Александр Васильевич Суворов* за такие ответы: увидишь, услышишь, дорога позади – разговор впереди – в нарушение своих принципов явно приказал бы Сашу высечь» [Титов 2017а: 93]. Уже самое начало первого романа дает нам понимание того, что именно личность Наполеона повлияла на выбор героем своего жизненного пути.

Другими видами прецедентных антропонимов, функционирующих в тексте, являются:

- имена российских правителей: «Ведь его собственноручно, своей державной рукой писал *Петр Великий*» [Титов 2017б: 276];

- фамилии армейских генералов: «Нового командующего армией генерала *Юденича* мы ждали на Святую Пасху» [Титов 2017а: 146];

- фамилии знаменитых художников: «Они стояли передо мной едва не в калесах – истинно запорожцы с картины *Репина*» [Титов 2017б: 64] – герой сопоставляет происходящее с сюжетом картины;

- именованья известных писателей и критиков: «Да вот старика *Стасова* наши! – сказал я об известном художественном критике Стасове, сколько могу знать, в критической своей страсти задушившего много хорошего» [Титов 2017б: 186] – герой сопоставляет поведение персонажа романа с поведением известного критика;

- фамилии великих поэтов: «В рамках курса языка. *Ронсар, Дю Пелле, Вийон*, – сказал я» [Титов 2017б: 184];

- фамилии знаменитых деятелей культуры, например, Франсуа-Жозеф Тальма – французский актер рубежа XIX–XX вв., реформатор театрального искусства;

- именованья известных медиков, например, Николая Ивановича Пирогова – известного русского ученого-анатома, знаменитого хирурга, Ильи Тимофеевича Спасского, доктора медицины, профессора Петербургской медико-хирургической академии;

- фамилии исторических личностей: «И конкретно я вспомнил *Секста Юлия Фронтину*, более известного нам по его труду о военных хитростях» [Титов 2017а: 343] – в данном контексте упоминается римский политический деятель, полководец и писатель Секст Юлий Фронтин;

- фамилии историков (например, Соловьева), к которым апеллирует герой и труды которых, безусловно, подробно изучал автор романов.

Все вышеприведенные антропонимы выполняют функцию реально-исторической достоверности, как и именованья людей, игравших определенную роль в

судьбах России описываемого автором времени. Например, Александр Кавер – вице-консул в Персии, П.И. Губонин – главный подрядчик при строительстве Уральской горнозаводской железной дороги.

Другую значимую концептуальную область рассматриваемого концепта составляют антропонимы, выполняющие функцию речевой характеристики героев, например, искаженные формы прецедентных имен, используемые простыми деревенскими мужиками: «Те же деревенские мужики говорят, это-де все германский *Фильген*, т.е. император Вильгельм посылает нам порчу» [Титов 2017а: 386]; «*Штешка Обатурный* – это же польский король Стефан Баторий!» [Титов 2017а: 125].

Еще одна важная концептуальная область исследуемого концепта – имена жителей Востока, на котором происходит действие двух романов трилогии. В текстах отражены имена и фамилии:

- местных правителей: «Вероятно, недуг их был столь в запущенной форме, что сии туристические господа имели от старого германского дядюшки Вильгельма слезное прошение к афганскому эмиру *Аманулле* взять на себя заботу по излечению этого недуга» [Титов 2017б: 18];

- местных князей: «В моем мундире фейервейкера мне было зябко, а я все равно пошел и, выйдя к центру городишки, т.е. к крепостному холму, пошел влево и назад, на главную улицу, где светился дом местных владетельных князей *Амиллахвари*» [Титов 2017а: 169];

- местных управляющих: «Вторым равнинным кварталом управлял тоже довольно старый старшина *Вехиб-мелик*, бывший некогда в русском плену в Самаре и помнящий о каком-то плохом к нему отношении» [Титов 2017а: 325];

- местных жителей: «Деньги я употребил на шитье нового мундира и новых сапог, рискнув их заказать здесь же в городишке портному по рекомендации Николаю Ивановичу и сапожнику по имени *Вахтанг*» [Титов 2017а: 146].

Еще один вид прецедентных антропонимов, активно используемых автором в тексте, – именованья героев литературных произведений: «Пустота осталась, хотя со временем чуть послабла и утишила мое желание превратиться в *Андрю Бульбу*» [Титов 2017б: 8]. На протяжении всего романа герой то и дело задает себе вопрос: кому из гоголевских братьев он больше симпатизирует – Андрию или Остапу.

Естественно, что упоминаются в романах и сами авторы литературных текстов: «Поучение *Владимира Мономаха* детям! – сказал я» [Титов 2017б: 212].

Функцию характеристики героев, демонстрации отношения к ним главного героя произведений выполняют формы личных именованний: например, симпатию героя отражает использование уменьшительно-ласкательной формы имени в сочетании с отчеством: «Третья, *Анечка Кириковна*, обладала превосходными некрупно вьющимися волосами с рыжевато-охристым оттенком, явно повторяя в этом портреты времен Боттичелли» [Титов 2017а: 148].

Использование имен в текстах романов позволяет автору продемонстрировать состав именника описываемого периода (это также функция реально-исторической

достоверности), в котором традиционными в употреблении являются, например, мужские имена Ульян и Силантий: «Привет, привет, *Ульян Иванович!* – потянул ему руку сотник Томлин» [Титов 2017а: 308]; «Можете отдохнуть, *Силантий Ильич!* – сказал я взводному уряднику» [Титов 2017а, с. 351].

Помимо официальных антропонимов, в тексте функционируют неофициальные. К ним относятся прозвища героев, отражающие, с одной стороны, определенные черты их личности, с другой – традиции образования данного вида антропонимических единиц:

– от антропонимов: «Словно в память об этом, послал мне Господь совершенно такого же подчиненного, сорокалетнего же прапорщика из запаса, бывшего артельного Ивана Анисимовича Беклемищева, человека никуда не годного и прозванного за глаза *Агафоном*» [Титов 2017а: 322];

– от названий животных: «К примеру, я, извиняйте, *Бараном* числюсь, и все мы Бараны от самых дедов, хотя фамиль наш Бутаковы...» [Титов 2017а: 80];

– от наименований предметов одежды: «*Шароваристый* и Иван без клички, по крайней мере покамест не употребленной, оба сбитые с ног молодые казаки вскочили...» [Титов 2017а: 103];

– от прилагательных, характеризующих внешний вид человека: «Пыли столько, что я стал толще *Вани Худявого!* – хлопнул он себя черенком плети» [Титов 2017б: 333];

– от существительных, передающих особенности речи персонажей: «Я уже не помнил никакого *Тёшишу*, хотя он около казармы продолжал скандалить» [Титов 2017а: 109] – в говорах Урала часто встречается произношение твердого долгого [ш] на месте [щ].

Не скрывает герой и свое прозвище, образованное от прецедентного антропонима: «Вернее всего, он меня считал домашним и книжным паинькой и явно мной пренебрегал, выказывая свое внимание лишь тем, что при случае с иронией советовал больше читать исторических и философских авторов, порой называя меня *Спинозой*» [Титов 2017а: 14].

Таким образом, антропонимический концепт исторической трилогии Арсена Титова состоит из концептуальных областей, включающих как номинации персонажей, так и прецедентные имена (фамилии ученых, военных, правителей, писателей и т.д.). Выбор имен автором далеко не случаен. Он отражает, с одной стороны, традиции именования людей в описываемый период, с другой – отношение главного героя к прочим персонажам трилогии, его литературные и философские предпочтения. Антропонимы, как показал их анализ, выполняют не только номинативную функцию, но и функцию реально-исторической достоверности, эмотивную функцию (отражают отношение персонажей друг к другу), функцию характеристики героев произведений.

Литература

- Титов А. Одинокое мое счастье. Роман. М.: Просвещение, 2017а.
Титов А. Тень Бехистунга. Роман. М.: Просвещение, 2017б.
Титов А. Екатеринбург Восемнадцатый: роман, повести. М.: Вече, 2019.

A.Yu. Murshel, T.A. Sirotkina (Surgut, Russia)

Surgut State Pedagogical University

ANTHROPONIMICAL CONCEPT IN THE WORKS OF A.B. TITOV

The article is devoted to the description of the anthroponymic concept in the texts of the novels by the writer A. B. Titov "My Lonely Happiness" and "The Shadow of Behistung." The relevance of the study lies in identifying the composition and functions of proper names necessary for the author in the historical narrative.

Key words: concept, anthroponyms, A.B. Titov, fiction, vocabulary, functions of language units

И.Д. Нахрачев (Калининград, Россия)

Балтийский федеральный университет им. И.Канта

i.nakhrachev@gmail.com

ВОЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

На материале ведущих англоязычных электронных медиа анализируются особенности моделирования спортивной сферы посредством концептуальной метафоры SPORT IS WAR. Демонстрируется, что языковые метафоры военной тематики широко используются для ословливания различных аспектов спортивной деятельности, позволяя совместить емкую логическую характеристику с отчетливой эмотивной и оценочной окраской.

Ключевые слова: спорт, медиадискурс, концептуальная метафора, военная сфера, аналогия, оценка

В современном обществе спорт выступает интегральной частью культуры, будучи не только основным видом досуговой деятельности, но и формой самореализации человека, способствующей укреплению физических сил и совершенствованию нравственных качеств. Характерные для спортивных состязаний зрелищность, неожиданность и риск, способность вызвать сильный эмоциональный отклик, равно как привлекательность целого ряда идеалов, присущих спортивному движению, обуславливают популярность спорта высоких достижений и его широкую представленность в медиaprостранстве.

К числу ведущих когнитивных механизмов, участвующих в процессе восприятия и ословливания явлений спортивной сферы, относится метафора. Отражающая целостное, до-логическое восприятие мира, метафора представляет собой пространство взаимодействия рационального мышления и эмоционального интеллекта. Объединяя стремление к конвенциональности, с одной стороны, и креативности, с другой [Липилина 1998: 70], метафора предоставляет широкие возможности для творческой интерпретации действительности при формальной и содержательной компрессии.

Цель настоящей статьи – исследование языковых реализаций одной из базовых когнитивных моделей, структурирующих восприятие и вербализацию спортивных событий в медиадискурсе, – концептуальной метафоры СПОРТ – ЭТО ВОЙНА.

Анализ проводится на широком массиве современных англоязычных Интернет изданий, в частности, BBC (<https://www.bbc.com/sport>) и Sky News (<https://www.skysports.com/>).

Метафорическое осмысление явлений спортивной сферы представляет собой основанное на аналогии межфреймовое проецирование, в процессе которого элементы области источника накладываются на элементы области цели. Так, взаимодействие участников спортивного мероприятия, вне зависимости от степени физической вовлеченности или наличия прямого контакта, воспринимается как борьба, что на лексическом уровне отражают высокочастотные в спортивном медиадискурсе гиперонимические омонимы *fight* («борьба») – *to fight* («бороться») и слова более конкретно-образной семантики, напр., *battle* («битва»), *action* («сражение») Ср.:

(1) *His last victory was at the 2021 Saudi Arabian Grand Prix, as his **fierce title fight** with Red Bull's Max Verstappen came to a dramatic climax* (BBC Sport, 07.07.2024) – сочетание *fierce title fight* («ожесточенная борьба за титул») подчеркивает серьезную нацеленность спортсменов на достижение цели; основные претенденты, демонстрируя навыки высочайшего уровня и превосходя остальных соперников, идут на равных в таблице личного зачета на протяжении всего сезона, поэтому финальная, итоговая гонка воспринимается как драматичная развязка долгой борьбы (*dramatic climax*);

(2) *Cardiff's **first taste of action** will be their cup visit to Guildford on Sunday, 15 September* (BBC Sport, 11.07.2024) – существительное *action* («сражение») отсылает здесь к обобщенному значению «наиболее активная, продуктивная или захватывающая деятельность в какой-либо области, сфере»; в рамках сочетания *first taste of action* оно указывает на первый матч в сезоне, с нетерпением ожидаемый игроками и болельщиками.

Примечательно, что, уподобляя спортивное взаимодействие военным столкновениям, и отдельные этапы турниров сражениям или битвам, авторы очень редко прибегают к обобщениям широкого, стратегического характера, которые встречаются в собственно военном дискурсе; об этом свидетельствует низкая частотность слова-символа *war* («война»). Насыщенное отрицательными эмотивно-оценочными смыслами, оно указывает на максимальную личную вовлеченность и предельно высокую степень ожесточения сторон, что может объяснить его единичные употребления в материалах, освещающих соревнования по боксу:

(3) *Hagler **went to war** against straight away, and if I'd have done that against Groves, I would have **won the fight*** (Bad Left Hook, 24.08.2011);

(4) *Rios (28-0-1, 21 KO) is coming off of a pair of **scintillating fights** on Showtime, **defeating** Miguel Acosta with a comeback knockout in February to pick up the WBA lightweight belt, and then stopping Urbano Antillon in the third round in a **toe-to-toe war** on July 9* (Bad Left Hook, 25.08.2011).

Действия соревнующихся сторон, как отдельных спортсменов, так и команд, осмысливаются в военных терминах. Внутренне присущий соревнованиям антагонизм позволяет уподобить ход игры обороне или нападению, на что указывает ши-

рокое использование глагола *to defend* («обороняться») и его производных *defence* («защита, оборона»), *defending* («обороняющийся»), *defensive* («оборонительный»), глаголов *to hit back* («отражать атаку»), *to fire* (букв. «стрелять»), существительного *conquest* («завоевание»). Ср.:

(5) *Great Britain's **defending champion** Max Whitlock safely reached theommel horse final at the Tokyo Olympics* (BBC Sport, 24.07.2021);

(6) *He (Donaghey) brings **offensive talent and defensive responsibility** to our blueline and can play in all situations* (BBC Sport, 28.05.2024);

(7) *Phillip Bruggisser then **fired Denmark in front*** (BBC Sport, 17.05.2024) – выражение *fired in front* («вывел вперед») получает контекстуальное осмысление «набрать очки в игре»; подобно выстрелу (*fire*) хоккеист запускает шайбу, которая попадает точно в ворота, выводя команду вперед (*in front*);

(8) *Have we ever seen such an **uncontested conquest** of any sporting league, of all the tournaments, player awards, and points hauls?* (Skysports, 29.01.2023) – субстантив *conquest* («завоевание») реализует здесь значение «победить, преодолев сопротивление», подчеркивая окончательный характер победы; эпитет *uncontested* («не встречающий сопротивления») характеризует ход соревнований, на которых команда выигрывает, получая все личные награды и оказываясь лучшей по всем параметрам.

Аналогии из военной сферы задействуются и при осмыслении роли спортсменов-участников соревнований. Ср.:

(9) *Cardiff Devils have re-signed **long-serving defenceman** Josh Batch for the 2024–25 season* (BBC Sport, 29.07.2024) – глагол *serve* («служить») в прямом своем значении указывает на процесс несения военной службы; метафорическое использование определения *long-serving* («о военнослужащих длительного срока службы») позволяет подчеркнуть не только продолжительность нахождения спортсмена в команде, но и имплицировать оценочные смыслы – вовлеченность в общее дело, преданность интересам коллектива, самоотдачу в роли «защитника» (*defenceman*);

(10) *I was **a rookie** in Rio, I'm **a veteran now**. In a way, your second time is almost scarier because I have a lot of expectations to try and uphold* (BBC Sport, 17.04.2020) – высказывание Симоны Байлз построено на антитезе прошлого (*rookie ... in Rio*) и настоящего (*veteran now*); семантика новизны, присущая метафорически использованному существительному *rookie* («новобранец»), соотносится с представлением о неопытности спортсменки, оценивающей свое первое выступление на Олимпийских играх; новизна предполагает неизвестность, что интерпретируется как отсутствие обязательств и ожиданий; существительное *veteran* («ветеран») актуализирует понятие опытности, испытанности, крепости характера, подчеркивая уверенность спортсменки в своих силах и, одновременно, некоторую грусть из-за ушедшей беззаботности прежних лет.

Метафора участвует в осмыслении не только хода соревнований, но и процедур, связанных с текущей подготовительной работой; в частности, метафорические образы лежат в основе описания процесса набора игроков в команду:

(11) *This is a pretty amazing start to their **recruitment** and will only galvanise the Giants fanbase* (BBC Sport, 06.05.2024) – метафорически использованное существительное **recruitment** («вербовка; набор новобранцев») передает контекстуальный смысл «отбор»; речевое употребление еще более сужает смысл – команда «набирает» спортсменов, подобранных ею же заранее, общаясь с ними с целью убедить их присоединиться к данному клубу;

(12) *Casey Traill **was drafted** in the fifth round by the NWHL's Buffalo Beauts* (Skysports, 30.06.2024) – глагол *to draft* («призывать») метафорически указывает на процедуру выбора профессиональными командами игроков, не имеющих активного контракта ни с одной командой в лиге; когда команда выбирает игрока, она получает эксклюзивные права на подписание контракта с этим игроком, так что никакая другая команда в лиге не может заключить с ним контракт; идея ограничения выбора, определенного принуждения, присутствующая в прототипической ситуации призыва на военную службу позволяет метафорически использовать для описания подобной ситуации глагол *to draft*.

Образы военной сферы привлекаются для моделирования не только успешных выступлений, но и спортивных неудач. Ср.:

(13) *Dan dominated his match against the world number 19 to win 21-14 21-10, while men's doubles pair Chris Adcock and Andy Ellis **put up a brave fight** before **losing** their men's doubles **clash** to world number ones Fu Haifeng and Cai Yun 21-11 22-20* (Skysports, 20.05.2012) – описывая проигрыш сборной Англии в матче на турнире по бадминтону, автор использует сочетание *brave fight* («смелая битва»), подчеркивая решительность спортсменов, рискнувших вступить в «конфликт» (*clash*) с оппонентами – лучшими в мире игроками;

(14) *Egelstaff's campaign ended after a **battling** defeat to Japan's Sayaka Sato* (Skysports, 31.07.2012) – оксюморонное определение *battling* («боевой») высвечивает неожиданно положительные смыслы в существительном *defeat* («поражение»); «достойным поражением» именуются действия спортсмена, упорно боровшегося до конца турнира и показавшего свой максимум.

Проведенное исследование свидетельствует об универсальном характере метафорической модели SPORT IS WAR. Дискурсивный анализ показывает, что военная метафора распространена не только в «маскулинных» видах спорта (напр., бокс, хоккей, баскетбол, футбол), но и в более эстетичных и спокойных (напр., гимнастика). Причина этого заключается в самой природе спорта, состоящего в постоянной конкуренции с соперниками, желании быть лучшим и «побеждать». Эксплицитно или имплицитно, в ярких окказиональных формах или посредством узуальных языковых средств, метафоры военной сферы подчеркивают основную отличительную черту спорта как вида человеческой деятельности – соревновательность, сообщая спортивным медиатекстам отчетливую эмоционально-оценочную тональность.

Литература

Липилина Л.А. Когнитивные аспекты семантики метаморфических инноваций: На материале существительных, появившихся в современном английском языке за последние 30 лет: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

I.D. Nakhrachev (Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

MILITARY METAPHORS IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE SPORTS MEDIA

Drawing on the sample of linguistic metaphors collected from English language sports media outlets BBC and Sky Sports we analyse the SPORT IS WAR conceptual metaphor and its linguistic realizations. We come to a conclusion that analogies from the military sphere, abundant in the sports discourse irrespective of the sport itself (whether masculine, like boxing or football, or esthetically appealing, like gymnastics), help elucidate the leading feature of every sport – its competitiveness.

Key words: sports discourse, conceptual metaphor, analogy, military sphere, evaluation

Д.А. Орлова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

d.a.orlova@utmn.ru

КОНТРАФАКТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ СКАЗОК

В статье рассматривается взаимосвязь контрфактуального мышления и сказочного нарратива. Как показано в статье, сказки являются инструментом для развития контрфактуального мышления, транслирования моделей поведения, регуляции эмоционального отношения к ситуации и адаптации поведения индивидов в обществе.

Ключевые слова: контрфактическое высказывание, контрфактуальное мышление, сказочный нарратив, социальные конструкции, модели поведения

Исходя из того, что когнитивная лингвистика изучает, как языковые практики отражают социальные конструкции и способы восприятия мира людьми, целью нашего исследования является построение контрфактической концептуальной схемы, которая накладывается на восприятие сказочного нарратива. Контрфактическое мышление как противоречащее реальности и моделирующее гипотетические ситуации является неотъемлемой частью когнитивной системы человека. Лингвистические ресурсы таких высказываний позволяют человеку перейти от восприятия фактических событий к альтернативным или воображаемым. Конструирование контрфактуалов активизирует контрфактическое мышление, в процессе которого фокус смещается с реальных фактов и реального мира на нереальный. Это позволяет проанализировать прошлые события, изменить эмоциональное отношение к ним, прогнозировать будущее и адаптировать дальнейшее поведение [Epstude, Roese 2008].

Контрфактуальное мышление – это сложный когнитивный процесс, который использует мысленное моделирование, когнитивный контроль и систему вознаграждения

дения и активирует различные отделы головного мозга [Van Hoek, Watson, Barbey 2015]. Понимание и использование контрфактуалов отличается у взрослых и детей. Представление о существовании некой альтернативной реальности зарождается у детей уже в возрасте 2-х лет, когда они впервые начинают участвовать в играх, в которых на время отвлекаются от реальности, погружаясь в игру, которая представляет собой воображаемую альтернативу. В работе П.Л. Харриса, Т. Германа и П. Миллса с помощью трех экспериментов было доказано, что 3-летние дети в контексте контрфактического рассуждения могут определить, что изменение события в прошлом на противоположное может предотвратить наступление наблюдаемого результата. Кроме того, дети способны отличать ключевые события, изменение которых предотвращает наступление результата, от неключевых событий, изменение которых не влияет на исход. Тем не менее, детям в возрасте 3-х лет сложно представить себе весь спектр альтернативных возможностей, чтобы выстраивать полноценные рассуждения и делать правильные выводы из контрфактических высказываний [Harris, German, Mills 1996]. Контрфактуальное мышление у детей полностью формируется к 12 годам, что считается достаточно поздним результатом, по мнению таких ученых, как Е. Рафетседер, М. Швиталла и Дж. Пернер. В 6 лет дети способны удерживать в голове два представления: представление о действительности и представление об альтернативной реальности, а также способны в нужный момент переключать внимание с одного представления на другое [Rafetseder, Schwitalla, Perner 2013]. Однако Е. Рафетседер и соавторы объясняют проблемы детей в построении подобных рассуждений тем, что у них слабые исполнительные функции, такие как рабочая память, сдерживающий контроль и когнитивная гибкость [Rafetseder, Schwitalla, Perner 2013]. Во взрослом возрасте люди способны спонтанно конструировать контрфактуалы, выстраивать достаточно длинные рассуждения и делать правильные выводы. Важно подчеркнуть, что конструирование контрфактуалов происходит не для всех событий, а только определенного их количества, которые в силу сильных эмоций закрепились в памяти. В свою очередь, события имеют большее значение и остаются в памяти дольше, если человек представляет различные гипотетические версии некоторой ситуации [Byrne 2016].

Для развития контрфактуального мышления детей с раннего возраста могут использоваться сказки, которые вызывают сильный эмоциональный отклик. Они играют существенную роль в процессе формирования личности ребенка, участвуя в его когнитивном, эмоциональном и социальном развитии. В основе сказок, как и контрфактуального мышления, находится процесс воображения [Выготский 2006: 9], который позволяет ребенку представлять альтернативные сценарии. Конструирование контрфактических высказываний и размышление над вопросом «что было бы, если бы?» помогает детям осознавать причинно-следственные связи не только между реальными событиями, но и между нереальным, понимать зависимость нереального результата от нереального условия. При построении контрфактических сценариев они анализируют поведения персонажей, учатся делать выводы о правильности их

решений, а также анализировать их собственные решения, предугадывать последствия своих действий и адаптировать свое поведение в будущем.

Контрфактуальная концептуальная схема сказки может включать некоторые характеристики контрфактуалов и тем самым стимулировать конструирование высказываний: 1) *по типу* – привлекательных (*повышающих*) или худших по сравнению с действительностью (*понижающих*) альтернативных рассуждений; 2) *по структуре* – добавлять элементы или события к действительности (*добавляющие*) или исключать элементы и события из действительности (*исключающие*) [Roese 1994: 807]; 3) *по актору* – рассуждения, *ориентированные на себя*, и рассуждения, *ориентированные на другого* [Morris, Moore 2000: 740]; 4) *по реализуемой функции* – *аффективная* (улучшение эмоционального состояния человека при реконструкции событий) и *подготовительная* (изменение поведения людей в будущем) [Roese, Olson 1995].

Рассмотрим русскую народную сказку «Колобок», в которой Колобок сбежал от испекших его бабушки и дедушки и других зверей, встретившихся на его пути в лесу, но в финале был съеден хитрой лисой: «*Я от дедушки ушел, // Я от бабушки ушел, // Я от зайца ушел, // Я от волка ушел, // И от медведя ушел, // А от тебя, лиса, и подавно уйду!*». Что касается сюжета, то главным альтернативным сценарием данной истории является история, где Колобок остается жив. В рамках этой альтернативы можно построить несколько различных контрфактуалов, относящихся к разным типам и выполняющих разные функции. Данный сценарий представляет собой альтернативу, которая лучше в сравнении с оригинальной, и может быть выражен повышающим контрфактуалом: *Если бы Колобок не сбежал из дома, он остался бы жив*. Эта гипотетическая ситуация показывает, как правильные действия приводят к благоприятному исходу. Она подчеркивает, что главный персонаж следует импульсивной и рискованной модели поведения, демонстрирует, к чему может привести такое поведение. Конструирование повышающего контрфактуала помогает читателям проанализировать, какое поведение приводит к достижению более благоприятного результата или помогает избежать нежелательных последствий. Таким образом, это высказывание реализует подготовительную функцию, а именно учит избегать подобных ситуаций в будущем, формируя у ребенка навыки осознанного поведения.

Также важно сравнить контрфактические высказывания двух типов, имеющие одинаковый результат, но разные условия: *Если бы Колобок знал о возможных опасностях в лесу, то он бы не сбежал* (ориентированный на себя контрфактуал) и *Если бы бабушка и дедушка внимательнее следили за Колобком, он бы не сбежал* (ориентированный на других контрфактуал). Анализ подобных высказываний акцентирует внимание читателей на разных акторах, а осознание их влияния на результат демонстрирует значимость самостоятельного принятия решений, развивает навыки самоконтроля и саморегуляции или, напротив, обращают внимание на роль социального окружения, учат определять влияние других людей на развитие жизненных ситуаций, закладывая основы навыков социализации.

Сказка «Золушка» Ш. Перро рассказывает о бедной девушке, вынужденной жить со злой мачехой и сводными сестрами, которая с помощью феи-крестной попадает на бал, где встречает принца. Оставленная ею туфелька, помогает принцу найти ее после бала. В рамках альтернативного сценария следует рассмотреть такой вычитающий контрфактуал, как: *Если бы Золушка не оставила туфельку, принц не нашел бы ее*. В данном случае из реальности исключается такое ключевое событие, как обнаружение туфельки, которое привело к счастливому финалу. Через построение причинно-следственной связи между нереальным условием и нереальным результатом дети учатся находить конкретное событие, которое привело к определенному исходу, тем самым формируя и укрепляя понимание причинно-следственных связей между реальными условиями или действиями и их последствиями. Так читатели развивают способность к самоанализу, саморефлексии, самоконтролю и адаптации поведения в будущем путем исправления или избегания ошибок, описанных в сказках. Проанализированный контрфактуал выполняет аффективную функцию: он усиливает радость от случайно оставленной туфельки, помогает почувствовать облегчение из-за удачного стечения обстоятельств, подчеркивает судьбоносность этого момента.

Еще одним определяющим событием, повлиявшим на финал истории, является помощь крестной феи. *Если бы крестная фея не помогла Золушке, то она не смогла бы поехать на бал и не познакомилась бы с принцем* – контрфактуал, ориентированный на другого, который показывает важность помощи и поддержки других людей и их влияние на судьбу человека. В данном случае фея демонстрирует проактивное поведение, подтверждая необходимость заблаговременной подготовки к важному событию для достижения благоприятного результата. Гипотетический сценарий помогает извлечь уроки для поведения в будущем, выполняя подготовительную функцию.

Анализ материала подтверждает, что, будучи частью народной и массовой культуры, сказки не только выступают средством развлечения широкой аудитории, но и транслируют культурные ценности и моральные нормы. Предложенная контрфактическая концептуальная схема может быть использована для анализа альтернативных реальностей сказки и формирования поведения и взаимодействия в обществе, определяя общественное сознание и моральные ориентиры социума.

Литература

- Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 2006.
- Byrne R.M.J. Counterfactual Thought // Annual Review of Psychology. 2016. № 67. Pp. 135-157.
- Epstude K., Roese N.J. The functional theory of counterfactual thinking // Personality and social psychology review. 2008. № 12. URL: <https://clck.ru/3FyePQ>
- Harris P.L., German T., Mills P. Children's use of counterfactual thinking in causal reasoning // Cognition. 1996. Vol. 61. № 3. Pp. 233-259.
- Morris M., Moore P. The Lessons We (Don't) Learn: Counterfactual Thinking and Organizational Accountability after a Close Call // Administrative Science Quarterly. 2000. Vol. 45. Pp. 737-765.
- Rafetseder E., Schwitalla M., Perner J. Counterfactual reasoning: from childhood to adulthood // Journal of experimental child psychology. 2013. № 114. Pp. 389-404.

Roese N.J. The Functional Basis of Counterfactual Thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 66. № 5. Pp. 805-818.

Roese N.J., Olson J.M. Counterfactual thinking: A critical overview // N.J. Roese, J.M. Olson (Eds.). *What might have been: The social psychology of counterfactual thinking*, 1995. Pp. 1-55.

Van Hoek N., Watson P.D., Barbey A.K. Cognitive neuroscience of human counterfactual reasoning // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2015. № 9. URL: <https://clck.ru/3FyePt>

D.A. Orlova (*Tyumen, Russia*)

University of Tyumen

COUNTERFACTUAL THINKING: ALTERNATIVE SCENARIOS OF FAIRY TALES

The article explores the relationship between counterfactual thinking and fairy tale narratives. As demonstrated in the article, fairy tales serve as a tool for developing counterfactual thinking, transmitting behavioural models, regulating emotional responses to situations, and adapting individuals' behaviour in society.

Key words: counterfactuals, counterfactual thinking, fairy tale narrative, social constructs, behavioural models

К.А. Павлова (*Санкт-Петербург, Россия*)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
lone9782@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИЗНАК ЖАНРА СПОРТИВНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

Статья посвящена анализу особенностей вербализации оценочных смыслов в жанре спортивной аналитической статьи. Данные особенности обусловлены композиционной организацией жанра, а также его основными функциями, воздействующей и развлекательной. Рассмотрены способы языковой реализации эксплицитной и имплицитной оценок. Сделан вывод об аксиологической направленности жанра.

Ключевые слова: спортивный дискурс, жанр спортивной аналитической статьи, оценка

Средства передачи оценки зависят от того дискурсивного пространства, в рамках которого она реализуется. Следует отметить неоспоримость влияния речевого жанра на способы ее вербализации, так как именно речевой жанр детерминирует жанрово-стилистические характеристики текста. Несмотря на множество работ, посвященных оценке в разных видах дискурса, мы отмечаем незначительное количество исследований оценки, ее функционирования и особенностей языковой экспликации в спортивном дискурсе и, в частности, в жанре спортивной аналитической статьи.

Спортивная аналитическая статья относится к одним из наименее исследованных жанров спортивного дискурсивного пространства. Она представляет собой текст по спортивной тематике, написанный до или после освещаемого события и характеризующийся «аналитической, прагматической и оценочной направленностью» [Шарафутдинова 2010: 11]. Несмотря на то, что к основным жанрам спор-

тивного дискурса, как правило, причисляют спортивный репортаж и спортивный комментарий, жанр спортивной аналитической статьи, по мнению ряда лингвистов, также входит в ядерную часть спортивного дискурса (Е.Г. Малышева, С.В. Шарафутдинова).

Жанр спортивной аналитической статьи относится к *оценочному жанру*, выделенному Т.В. Шмелевой наряду с информативными, императивными и этикетными речевыми жанрами [Шмелева 1997]. Все оценочные жанры объединяет общая доминирующая цель – выражение оценки по отношению к предмету речи. Проанализируем языковые способы выражения оценки в жанре спортивной аналитической статьи, так как их выявление представляет особую значимость для понимания текста и заложенных в нем авторских интенций.

Анализ фактического материала, представленного корпусом из 21 англоязычного текста изданий *The Guardian*, *The Independent* и *Metro*, показал, что в качестве объекта оценки выступают: (1) спортсмены; (2) тренеры; (3) спортивные директора. В фокусе оценки находятся преимущественно спортивные личности, их победы и поражения, а также поступки, которые заслуживают либо похвалу, либо критику. В редких случаях объектом оценки выступают сами спортивные события. Основную аксиологическую нагрузку положительных и отрицательных значений несут: прилагательные (*a smart, ambitious move*), наречия (*defend tightly*), существительные (*the Shame of Carsley*), существительные в сочетании с прилагательными (*staggering collapse*). Оценка в приведенных примерах является эксплицитной, так как «оценочные смыслы выводятся непосредственно из языковых единиц текста» [Пантеева 2020б: 127], и со стороны читателя не требуется особых усилий для ее правильной интерпретации. В общей сложности нами был обнаружен 471 случай использования оценочной лексики для вербализации эксплицитной оценки. Однако в жанре спортивной аналитической статьи нередко задействованы менее очевидные способы выражения оценочных суждений:

It was all going beautifully until the promoted team in the tale flipped from upwardly mobile warriors back to being Ipswich, and Liverpool displayed the soft shoe defence-slicing skills you need to be Champions League regulars (The Guardian 17.08.2024).

Адресант всегда ориентируется на дискурсивную личность адресата – личность, обладающую определенными знаниями, достаточными для понимания контекста и заложенного в нем оценочного компонента. В примере мы наблюдаем применение косвенного способа передачи имплицитной оценки – «оценки, в которой оценочные смыслы выражены неявно» [Пантеева 2020а: 78]. Лексема *being* сама по себе не несет оценочности, однако в контексте освещаемого события (противостояние «Ипсвич Таун» и «Ливерпуль»), она обретает отрицательный оттенок, который способен распознать адресат, обладающий познаниями об истории клуба. Игроки «Ипсвича» отличаются меньшим профессионализмом по сравнению с конкурирующей сборной и, следовательно, фразу *being Ipswich* можно расшифровать как «быть столь же непрофессиональными, как и всегда». Подобная имплицитная оценка яв-

ляется характерной для жанра спортивной аналитической статьи. Это объясняется типичным образом адресата – любителем спорта, хорошо ориентирующимся в обилии имен собственных, наименований сборных, терминов и дат.

Традиционно признано считать, что основной функцией дискурсов СМИ и, как следствие, спортивного дискурса как его разновидности, является функция воздействия. Отсюда мы полагаем, что оценка, обладая значимым воздействующим потенциалом, требует особого рассмотрения в композиционно сильных элементах статьи. К подобным элементам, задающим тон всему тексту, мы относим *заголовок* и *лид*. Оценочный компонент заголовков и лидов позволяет автору, с одной стороны, выразить свое субъективное отношение, с другой – повлиять на восприятие читателем всей статьи.

(1) *Celtic's humiliation exposes the miserable state of Scottish football* (The Guardian 02.10.2024).

(2) *Keep calm and carry on? It may be time for Australia to shift from default setting after thumping by India* (The Guardian 26.11.2024).

В первом заголовке оценочная сема входит в денотативное значение существительного *humiliation* и прилагательного *miserable* и легко считывается адресатом. Во втором оценочность выражена посредством риторического вопроса, что является косвенным способом передачи имплицитного оценочного смысла, так как вне контекста однозначно интерпретировать данное оценочное высказывание как отрицательное не представляется возможным. Оценка, заложенная в заголовки, по большей части является эксплицитной. Отсюда следует, что авторы стремятся в лаконичной форме заголовка представить свое оценочное суждение, вокруг которого и выстраивается весь текст статьи.

Лид (первый абзац) выделен курсивом и дает в сжатой форме представление о содержании статьи.

Лид (1): *Composed midfielder demonstrated the ability to do the right thing again and again that is vital to his position* (The Guardian 13.10.2024).

Лид (2) *Inside Dan Ashworth's farcical Man Utd exit and the power struggle in the Old Trafford soap opera* (The Independent 09.12.2024).

В первом лиде мы видим прямой способ передачи эксплицитной оценки. Автор задействует: (1) оценочную лексику *composed*; (2) фразу *to do a right thing*, где прилагательное *right* выступает в качестве сигнала одобрения, стилистически усиленного повторением лексики *again*.

Особый интерес представляют случаи использования концептуальной метафоры (Лид 2). Согласно теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), процесс метафоризации заключается во взаимодействии двух когнитивных структур знания, *источника* и *цели*. В результате подобного взаимодействия в области цели возникает «подсвечивание» изначально незаметных признаков источника. Используя концептуальную метафору, автор статьи подсвечивает некоторые, на его взгляд существенные характеристики происходящего в Олд Траффорде – запутан-

ность межличностных отношений, мелодраматическую атмосферу, повышенную эмоциональность главных действующих лиц. Данные компоненты значения заложены в метафору SOAP OPERA. Стоит отметить и устойчивую отрицательную коннотацию «мыльной оперы», часто воспринимаемой как нечто плохо продуманное и лишенное смысла. Текст статьи поясняет использование данной метафоры: автор анализирует отставку спортивного директора Дэна Эшуорта из «Манчестер Юнайтед» спустя всего пять месяцев после его назначения, размышляет о проблемах клуба, вызванных многочисленными конфликтами среди его владельцев, и предлагает некоторые пути решения. Подобное удручающее состояние, как полагает журналист, можно объяснить отсутствием единой идеологии и схожих взглядов у ключевых фигур (владельцев клуба, директора и тренера). Усиление резко отрицательной оценки происходит с помощью эпитета *farcical*, посредством которого автор описывает уход директора с поста. Проведенный анализ позволяет нам прийти к выводу об эффективности концептуальной метафоры как способа оценивания, что объясняется ее прагматической природой, краткостью, воздействующим потенциалом.

Наравне с воздействующей функцией жанр спортивной аналитической статьи реализует развлекательную функцию. В качестве одного из наиболее эффективных механизмов развлекательной функции мы выделяем вербальную иронию – инструмент, в основе которого заложены некогерентность, притворство и имплицитная негативная оценка [Шилихина 2013: 106].

England want to win the World Cup in two years' time. They will not with a centre-forward who can no longer move (The Guardian 17.11.2024).

Ирония выражается как очевидное несовпадение формы и содержания. Отрицательная характеристика автором статьи центрального нападающего как игрока, более «не способного передвигаться», является намеренной гиперболизацией с целью дать негативную оценку спортсмену, а также привлечь внимание аудитории к самому тексту. Эффект привлечения внимания достигается благодаря тому, что Гарри Кейн считается одним из лучших футболистов последних лет, и подобная отрицательная оценка идет вразрез с общепринятым мнением. В общей сложности нами было выявлено шесть случаев иронии, эксплицируемых посредством разнообразных стилистических приемов.

Итак, анализ спортивных аналитических статей позволяет нам прийти к выводу об общей оценочной интенции жанра, что обусловлено обилием как эксплицитной оценки, реализованной посредством оценочной лексики, так и имплицитной оценки, формируемой в ситуативно-прагматическом контексте и распознаваемой исключительно осведомленным читателем. Аксиологическая направленность жанра отражается и в его композиционной организации. Оценочный компонент присутствует в заголовках и лидах большинства проанализированных нами статей. Также мы полагаем, что оценочный компонент является обязательным условием для реализации воздействующей и развлекательной функций. Таким образом, категория оценочности является конститутивным признаком жанра.

Литература

Пантеева К.В. Косвенная оценка в жанре спортивной новости (на материале российского и британского письменного спортивного дискурса) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. 2020а. № 3. С. 76-90.

Пантеева К.В. Понятия эксплицитности и имплицитности в контексте категории оценочности (на материале британского спортивного дискурса) // Вестник Самарского университета. Серия: история, педагогика, филология. 2020б. Т. 26. № 1. С. 125-133.

Шарафутдинова С.В. Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ (на материале спортивного дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010.

Шилихина К.М. Дискурсивные слова как маркеры иронии // Язык, коммуникация и социальная среда. 2013. № 11. С. 103-124.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88-98.

K.A. Pavlova (St. Petersburg, Russia)

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

CATEGORY OF EVALUATION AS A CONSTITUTIVE FEATURE OF THE GENRE OF THE SPORTS ANALYTICAL ARTICLE

The article highlights several linguistic peculiarities of evaluation in the genre of the sports analytical article. Formed due to the compositional organization of the genre as well as its basic functions, these peculiarities influence and entertain the audience. Some ways of realization of explicit and implicit evaluation are analyzed. It is concluded that sports analytical articles are characterized by evaluative nature.

Key words: sports discourse, genre of the sports analytical article, category of evaluation

С.М. Пашков (Санкт-Петербург, Россия)

РГПУ им. А. И. Герцена

s.p.n1980@mail.ru

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ САКРАЛЬНО- ИМПЕРАТИВНОГО ЗНАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема библейского текстообразования в контексте анализа сакральности как универсальной категории религиозного сознания. Показано, что сакрально-императивная лексика характеризуется свернутой пропозицией, развертывание которой запускает механизм образования семантико-структурной данности исследуемого текста. Постулируется концептуальная связь сакральной императивности и ониматологии, а репрезентирующие их языковые средства характеризуются системностью.

Ключевые слова: пропозициональное развертывание, текстообразование, сакральная императивность, сакральная ониматология, библейский текст

Сакрально-императивное знание рассматривается как знание об отношении Бога к человеку. В тексте Библии это отношение транслируется через определенные речения, получившие название *заповеди*.

Заповеди представляют собой требования, которые необходимо выполнять, что-бы человек мог быть с Богом. Отмечается, что в основе пропозициональной структуры требования находится ситуация, не удовлетворяющая адресанта [Болдырев 2020: 220]. Если для секулярной коммуникации такое понимание требования приемлемо, то для сакральной – нет. Творец не может страдать или испытывать неудовлетворение от Своего создания. Для религиозного сознания заповеди – суть законы *нормальной, здоровой жизни* человека как триединства тела, души и духа. В этой связи заповеди-требования можно сравнить с аннотацией к какому-либо прибору: если потребитель нарушает требования при использовании прибора и тот выходит из строя, производитель не испытывает дискомфорта. Необходимо, следовательно, вести речь об иной пропозициональной структуре, на которой базируется сакрально-императивная ситуация. Данная ситуация предполагает адресанта и адресата, в которой первый констатирует оптимальные условия жизни второго. Причем выполнение данных условий выгодно только для адресата: адресант остается неизменным.

В тексте Библии сакрально-императивное знание может быть репрезентировано именами пропозициональной семантики. Данная семантика, в частности, реализуется следующими: *fast, prayer, repentance, humility, mercy, service* и др. Многие из этих лексем имеют референцию к психике человека. Постулируется, что номинации психической жизни не формируют «ядра пропозиции» [Арутюнова 2009: 79]. Если можно вести речь о «ядре» пропозициональной семантики, то правомерно допускать наличие и ее периферии. Тогда в первом случае пропозициональная номинация реализуется вне контекста, во втором – требуется контекст. Н.А. Илюхина пишет, что «условием воплощения пропозициональной семантики любым существительным является его включенность в текст» [Илюхина 2019: 24].

Отметим, что в библейском тексте не все сакрально-императивное знание репрезентируется на уровне слова. Проекция в парадигматику содержания, реализуемого синтагматически, становится возможным благодаря двум факторам. Во-первых, текст как семиотическая единица характеризуется не только коммуникативной, но и номинативной функцией. Номинируя заповедь, сакральный текст, соответственно, функционально сближается с лексическими ресурсами той же референциальной отнесенности. Во-вторых, адресат текста является активным участником коммуникации и посредством использования когнитивного механизма инференции декодирует знание, не выраженное непосредственно в поверхностной структуре. Впоследствии это знание лексикализуется и становится элементом парадигматических отношений в языке. Так, заповедь единобожия, репрезентируемая в парадигматике ЛЕ *monotheism*, в синтагматике представлена исключительно предикативными единицами. *Пропозициональное развертывание сакрально-императивного знания рассматривается в качестве когнитивного механизма библейского текстообразования.*

Рассмотрим языковые особенности развертывания пропозиции лексемы *prayer*. Напомним, что пропозиция, как способ концептуальной организации знания обеспечивает его участие в процессах порождения и интерпретации текста (дискурса)

[Болдырев 2020: 201]. Предлагается следующая логика анализа. На первом этапе уточняется понятийное содержание сакрально-императивной лексемы с привлечением данных толковых словарей. На втором этапе рассматривается пропозиция данной лексемы и анализируется ее развертывание в поверхностной структуре сакрального текста. На третьем этапе верифицируется положение о том, что сакральная ономотология (сакральные Имена) и сакральная императивность характеризуются отношениями следствия [Пашков 2024]. В связи с этим рассматриваются семантические корреляции между анализируемым сакрально-императивным знанием и сакральным Именем.

Признается, что молитва является фундаментальным проявлением религиозной жизни; она относится к важнейшим заповедям, регулирующим «духовные действия» человека. В толковом словаре ЛЕ *prayer* определяется как “*an address (such as a petition) to God or a god in word or thought*” [Merriam-Webster] (Курсив мой – С. П.). Дефиниционный компонент *an address to God* свидетельствует, во-первых, о регистрации сакральной семантики рассматриваемой лексемы в системе языка. Во-вторых, приведенная дефиниция дает основание говорить о пропозициональной семантике субстантива *prayer*, предполагающей адресанта, адресата и коммуникацию между ними.

Цель молитвенного диалога может быть различной, в этой связи в тексте Библии репрезентируются молитвы разного содержания: восхваление, благодарение, просьба, покаяние (Е.В. Бобырева, Т.В. Ицкович, О.А. Прохвятилова).

Важно подчеркнуть, что все отмеченные семантические аспекты молитвы коррелируют с денотативной семантикой сакральных Имен, фиксируемой в энциклопедических словарях.

1) *O LORD, rebuke me not in thy wrath: neither chasten me in thy hot displeasure. For thine arrows stick fast in me, and thy hand presseth me sore. There is no soundness in my flesh because of thine anger; neither is there any rest in my bones because of my sin. For mine iniquities are gone over mine head: as an heavy burden they are too heavy for me. My wounds stink and are corrupt because of my foolishness (Psalm 38: 1–5).*

Приведенный микроконтекст 1 репрезентирует покаянную молитву царя Давида, в которой адресант и адресат соотносятся с лексемами *me* и *LORD* соответственно. Предикаты первой пропозиции (*rebuke, chasten*), репрезентируемые императивом, сообщают ей нефактивный характер: адресант молит о милости. Номинация отрицательных «эмоций Бога» (*wrath, displeasure, anger*) не свидетельствует о Его неудовлетворенности поведением царя, а сигнализирует о специфике познавательной деятельности библейского персонажа в условиях дефицита информации. Этот аспект библейской эмотивности описан в контексте понятия атрибуции эмоций [подробнее см.: Пашков 2020].

Покаянность молитвы определяется языковыми единицами *sin, iniquities* и *foolishness*, которые находятся в оппозитивных оценочных отношениях с денотативной семантикой Имени *LORD*. Данное Имя является коррелятом гебраизма *Jehovah* и увязывается со смыслами Суший, Святой, Судия (А. Jukes, Н. Lockyer, N. Stone).

Грех, беззаконие и безумие, а также прошение о милости могут быть адекватно интерпретированы, если существует особый адресат – Святой и Судия.

2) *And Hezekiah prayed before the LORD, and said, O LORD God of Israel, which dwellest between the cherubims, thou art the God, even thou alone, of all the kingdoms of the earth; thou hast made heaven and earth (2 Kings 19: 15).*

Приведенную молитву иудейского царя Езекии (микроконтекст 2) можно рассматривать «образом ветхозаветного теократического исповедания веры» (А. П. Лопухин). Перед тем как выразить свою просьбу, царь восхваляет Бога (см. выше восхваление как особый семантический компонент молитвы): Он прославляется как Святой и Судья (*LORD*), Творец (*thou hast made heaven and earth*), Всевышний (*which dwellest between the cherubims*), Единый (*thou art the God, even thou alone*). Это восхваление – суть перечисление сакральных Имен, характеризующих положительной оценочной направленностью. Их ментальным коррелятом являются свернутая и развернутая пропозиции.

3) *And they prayed, and said, Thou, Lord, which knowest the hearts of all men, shew whether of these two thou hast chosen (Acts 1: 24).*

В микроконтексте 3 описывается молитва, в которой апостолы просят Бога выбрать Себе ученика на место Иуды Искарота. В этой молитве, в отличие от покаяния и восхваления, реализуется прошение, адресатом которого является Всевидящий (*Эль Pou*) – одно из сакральных Имен. Пропозиция этого Имени представлена предикативной единицей *which knowest the hearts of all men*.

Резюмируем вышеизложенное. Сакральность как категория религиозного сознания, проецируемая на материю библейского текста, является его текстообразующей категорией. Одним из аспектов данной категории рассмотрено сакрально-императивное знание. Его ментальным коррелятом может быть как свернутая пропозиция, так и развернутая. Анализ лексемы *prayer* свидетельствует о ее пропозициональной свернутости. Развертывание пропозиции сакрально-императивного знания видится в качестве когнитивного механизма текстообразования. Установлены отношения следствия между сакральной императивностью и оноματοлогией, а репрезентирующие их языковые средства находятся в системных отношениях, конкретизируемых типом молитвы.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2020.

Илюхина Н.А. Существительное как средство репрезентации пропозициональной семантики // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 23-28.

Пашков С.М. Бог и эмоции: опыт эмотивного анализа // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. С. 449-466.

Пашков С.М. Сакральность как категория религиозного сознания в лексико-семантической перспективе (на материале английского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2024. № 213. С. 276-288.

S.M. Pashkov (St. Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

PROPOSITIONAL UNFOLDING OF SACRED-IMPERATIVE KNOWLEDGE AS A MECHANISM OF BIBLICAL TEXT FORMATION

The article deals with the problem of biblical text formation from the perspective of sacredness as a universal category of religious consciousness. The author proves a sacred-imperative lexeme to be of folded propositional semantics; its unfolding is viewed as a cognitive mechanism of the Bible formation. Substantiated the conceptual connection between sacred imperativeness and onomatology; their linguistic means forming systemic relations.

Key words: propositional unfolding, text formation, sacred imperativeness, sacred onomatology, the Bible

И.М. Петрова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
miinna@yandex.ru

ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ И ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ)

В статье представлен сопоставительный анализ когнитивных стилей двух англоязычных авторов — Кэтрин Беннет и Роже Карма. Обсуждаются категории полезависимости и полenezависимости, отражающие особенности мышления и стиль написания каждого из авторов. Рассматриваются теоретические предпосылки изучения когнитивных стилей, а также их влияние на языковое поведение и восприятие информации. Методология анализа включает выделение средств реализации категорий в тексте через оценку частоты использования деталей и обобщений. Результаты показали, как различия в авторских стилях соотносятся с характеристиками целевых аудиторий и темами обсуждаемых вопросов.

Ключевые слова: когнитивные стили, полезависимость, полenezависимость, анализ текста, языковое поведение

Исследования, посвященные проблематике когнитивных стилей, отличает наличие ряда противоречий, в основе которых лежит различный методологический материал, приводящий к отсутствию корреляций между исследованиями [Мамедова 2016]. Кроме того, отмечается отсутствие четкого определения данного конструкта и адекватной теоретико-методологической базы [Волкова, Гусев 2016]. Несмотря на значительное количество проблем, связанных с определением понятия когнитивного стиля, исследователи единодушны во мнении о том, что изучение данной проблематики позволяет получить новые знания о природе индивидуальных различий и взаимодействии личности со средой. В работах, посвященных изучению взаимодействия когнитивных стилей и формирования языковой личности, отмечается, что когнитивные стили оказывают влияние на языковое поведение, в том числе и на процессы восприятия и обработки информации [Терентьева, Васильева 2023; Терентьева 2024].

Данная статья посвящена сопоставительному анализу когнитивного стиля нескольких англоязычных авторов. Цель работы – выявить особенности проявления

категории полизависимости и полинезависимости у разных авторов. В качестве материала исследования в данной статье используются работы двух англоязычных журналистов Кэтрин Беннет (Catherine Bennett) и Роже Карма (Rogé Karma). Выбор данных авторов обусловлен их интересом к общественно значимой проблематике, а также их публицистической активностью в известных изданиях. Так, Кэтрин Беннет является автором британской газеты The Guardian, а Роже Карма работает в американской газете The Atlantic.

С целью разработки методики анализа когнитивного стиля были изучены труды ряда исследователей [Жирнова 2011; Болотнов 2013; Al-Otaibi 2021 и др.], что позволило определить когнитивный стиль как особый способ обработки информации и принятия решений, который отражает восприятие и понимание окружающего мира людьми. Была выделена категория полезависимость/поленезависимость как аспект, отражающий независимость мышления автора. В результате ее исследования были установлены средства реализации данной категории в тексте. Так, полезависимые способы отражения действительности ориентированы на детали, контекстуальную информацию, подчеркивают зависимость между объектами, например, использование конкретных примеров, детальные описания, максимальная точность, тогда как поленезависимые способы ориентированы на обобщения, абстрактные концепции, самостоятельное мышление, например, использование метафор и обобщающих терминов. Таким образом, методика исследования заключается в выявлении того, как участники формулируют свои мысли и представляют информацию, в частности, оценивалась частота использования деталей и обобщений.

В данной работе представлены результаты анализа следующих статей: Текст 1 Catherine Bennett [Bennett] и Текст 2 Rogé Karma [Karma].

В Тексте 1 автор выражает субъективное мнение о неудовлетворительной работе церкви и ее иерархии в отношении жертв сексуального насилия. Использование фраз, таких как *The church is now essentially offering its own incompetence as an excuse for failing victims* указывает на зависимость от контекста и ожидания от церкви, как от морального авторитета, который не выполняет свои функции. Полезависимость проявляется в том, как автор текста представляет мнения и действия фигурантов (в данном случае — епископов и Церкви Англии). Например, автор акцентирует внимание на том, как епископы пытаются избежать ответственности, часто ссылаясь на отговорки и несоответствия, например, *Bishop: I am truly penitent, but it wasn't my fault*.

Текст 2 в целом ориентирован на конкретные данные, представляет факты и мнения экспертов. Автор акцентирует внимание на том, что масса негативной информации о законе о минимальной зарплате в Калифорнии была основана на недостоверных данных и неправильной интерпретации. Это указывает на полезависимый стиль, где аргументы и положения опираются на мнения специалистов вместо общих мнений бытового уровня, например, *Among economists, the minimum wage was long seen as disproved by simple math. In theory, if each individual worker becomes more expensive because of higher wages, then employers won't be able to employ as many*

of them. В данном случае автор ссылается на мнения экономистов, подтверждая свои аргументы их авторитетом.

В результате проведенного анализа была сформирована таблица 1 реализации категории полезависимости / полenezавистимости в рассматриваемых текстах.

Таблица 1. Реализация категории полезависимости / полenezавистимости в анализируемом материале

Параметр	Текст 1	Текст 2
Авторский стиль	Основывается на сарказме и критике; акцент на моральных и этических аспектах; интенсивное использование риторических вопросов.	Объективный и аналитический подход; опора на статистику и исследования; предоставление контр-аргументов.
Полезависимость / полenezавистимость	Полenezависимый стиль; автор стремится отделить личные эмоции от фактов, предложив критический взгляд на неэффективность церковной иерархии.	Полезависимый стиль; автор обращает внимание на последствия политики, подчеркивая ее влияние на работников и возможности их трудоустройства.

Проведенный анализ показывает, что имеются значительные различия в проявлении полезависимости / полenezавистимости у Кэтрин Беннет и Роже Карма. Стиль Беннет отражает более эмоциональную и критическую позицию по относительно внутренним проблемам церкви, в то время как Карма применяет аналитический подход, ориентируясь на объективные данные и исследования в контексте социально-экономических вопросов. Таким образом, когнитивные стили авторов не только формируют их индивидуальные способы выражения, но и влияют на восприятие их текстов целевой аудиторией, что подчеркивает важность изучения когнитивных стилей для понимания языковой личности.

Литература

Болотнов А.В. Отражение индивидуальных особенностей ментально-психологического подтипа публичной языковой личности в дискурсивной практике // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 242-249.

Волкова Н.Н., Гусев А.Н. Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 28-37.

Жирнова И.Л. Модель структуры и видов когнитивных стилей Эрман-Ливер // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 2 (18). С. 217-224.

Мамедова Л.В., Гудков Ю.Э., Сергеевич А.А., Хороших П.П. Когнитивные стили: современные аспекты исследований // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 2. С. 134-142.

Терентьева Д.М. Об одном уровне языковой личности: когнитивно-стилевой аспект // Казанская наука. 2024. № 2. С. 316-318.

Терентьева Д.М., Васильев Л.Г. Особенности языковой личности носителей когнитивного стиля когнитивная сложность/когнитивная простота // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 45-49.

Al-Otaibi B. T. Языковая личность автора в газетном тексте // Theoretical & Applied Science. 2021. № 7 (99). С. 26-29.

Bennett C. Our rarely apologise, never resign bishops don't deserve comfortable lives in the Lords // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/dec/22/our-rarely-apologise-never-resign-bishops-dont-deserve-comfortable-lives-in-the-lords>

Karma R. The California Job-Killer That Wasn't // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/12/california-minimum-wage-myth/681145/>

I.M. Petrova (Moscow, Russia)

Moscow City University

DEPENDENCE AND INDEPENDENCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF COGNITIVE STYLES (BASED ON THE WORKS OF ENGLISH-SPEAKING AUTHORS)

The article presents a comparative analysis of the cognitive styles of two English-speaking authors, Catherine Bennett and Roger Karma. The categories of dependence and independence are discussed, reflecting the characteristics of each author's thinking and writing style. The theoretical foundations for the study of cognitive styles are examined, as well as their influence on linguistic behavior and information perception. The methodology of the analysis involves the identification of strategies for realizing these categories in the text through the assessment of the frequency of details and generalizations. The results demonstrate how differences in the authors' styles relate to the characteristics of their target audiences and the topics under discussion.

Key words: cognitive styles, dependence, independence, text analysis, linguistic behavior

T.A. Протасов (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

t.a.protasov@utmn.ru

СОВМЕСТНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАРРАТИВА В НРИ

В статье рассматриваются транскрипты игровых сессий в настольные ролевые игры (НРИ) как результат коммуникативной ситуации с участием обычно нескольких человек, и как результат совместного творчества: художественный нарратив, который может существовать в отрыве от игровой сессии как самостоятельный текст. Особое внимание уделяется лингвистическим средствам конструирования нарратива и коммуникативным тактикам участников для совместного достижения этого результата.

Ключевые слова: пространство текста, художественное пространство, нарратив, коммуникативная ситуация, НРИ, настольные ролевые игры

Настольные ролевые игры (НРИ) можно рассматривать как с позиции анализа диа- или полилогического (различные типы коммуникации см. В [Коноваленко 2016: 14-15]) взаимодействия участников (игроков и ведущего) в рамках игровой сессии, в которой они совместно (или порознь) пытаются достичь игровой цели (см. также [Тихомирова 2017] про коммуникацию в новых медиа), и как совместное словотворчество. Так, в руководстве НРИ Dungeons & Dragons (Подземелья и драконы, DnD) говорится, что «действие [игры] происходит в воображении игроков,

которые совместно строят повествование игры» (In D&D, the action takes place in the imaginations of the players, and it's narrated by everyone together) [WotC 2024; здесь и далее перевод наш].

У НРИ обычно есть свой свод правил и механик (которыми регулируется достижение *игровой* цели), но игровые сессии часто следуют следующему шаблону [WotC 2024]: 1) ведущий описывает ситуацию (зачастую — конкретное место и время); 2) игроки описывают желаемое действие своих персонажей (договариваясь между собой или нет); 3) ведущий озвучивает результаты действий игроков (основываясь на игровых правилах и механиках). Соответственно, раз игровой процесс уже тесно привязан к речевой деятельности участников, то анализ игровых сессий НРИ будет включать не только способы достижения игроками *игровых* целей (напр., выполнить задание), но также *художественных/нарративных* (создать интересную историю) и *коммуникативных* (договориться, как ее рассказать совместно [Wales 2014: 89; Коноваленко 2016: 23]). На данном этапе мы предполагаем, что все три типа целей не противоречат друг другу (в большинстве своем) и достигаются участниками схожим набором средств, что мы и пронаблюдаем на примерах.

В настоящее время на волне популярности к НРИ существует большое количество игровых сессий, записанных на аудио и видео и даже затранскрибированных, что значительно упрощает их изучение. В качестве материала исследования был выбран транскрипт первого эпизода “The Magpies Podcast” на базе НРИ “Blades in the Dark” на английском языке [Magpies]. Далее будут рассмотрены отдельные отрывки из транскрипта. Так, в начале транскрипта ведущий (Rhi) следует описанному шаблону и начинается с описания:

RHI: It is late afternoon in Nightmarket in Duskwall, and we are starting off in the inside of the Hound's Paw Tavern. You guys tell me, what's the place look like, how crowded do you think it is now? [здесь и далее подчеркивание в цитатах наше].

Первое предложение — вполне типично для художественного текста: указание времени (late afternoon) и места (in Nightmarket in Duskwall; the inside of the Hound's Paw Tavern).

Но уже второе предложение начинается с прямого обращения (you guys) к игрокам с запросом (синтаксически, это вопросительное предложение) описать, что видят они. Это обращение выполняет коммуникативную — так ведущий передает «ход» и вовлекает игроков в процесс — и художественную функции — за этим следует речь (и, соответственно, точка зрения) персонажей. Более того, такие синтаксические формы с местоимением 2-го лица (You guys are starting; you guys had said) формируют особую форму повествования, которую можно описать как повествование от 2-го лица.

MADGE: I think it's more crowded than it usually is, purely because we hang out there and people have sort of caught on to the fact that we might be a bigger deal than people thought.

RHI: Okay. Yeah, that's true.

Помимо того, что игрок продолжает описание за ведущим, внимание на себя обращает модальность речи. Возможно, потому что игрок описывает перспективу персонажа, она (Madge) вербализирует мысленный процесс персонажа (I think), придерживаясь неопределенной модальности (we might be). Это в принципе свойственно вежливой английской коммуникации [Ryabova 2015], что нашло отражение и в рамках данной игровой сессии. Ведущий, в свою очередь, реагирует и на сам факт высказывание (Okay), и на содержание речи игрока (Yeah, that's true), что, возможно, несколько избыточно, но подобные неточности как раз подчеркивают спонтанный характер игровых сессий.

Подобную модальность можно встретить и в речи ведущего:

RHI: So, based on what you're saying, it looks more like the front lobby of a hotel.

Интересно, что ведущий вводит персонажей по их собственным именам, не обращаясь напрямую к игрокам — но те на лету подхватывают запрос (what does Phin look like) и продолжают повествование:

RHI: Phin [имя персонажа игрока Мэдж] is leading the group in. what does Phin look like?

MADGE: She is an Akoros girl of around 25. She has a very stocky build, a round face.

Несмотря на то, что игровая сессия уже ведется в формате диалога, игроки и ведущий зачастую обозначают разницу в повествовании (от 3-го или 2-го лица) и прямую речь персонажей, которых они (игроки) отыгрывают:

RHI: So, the four of you sit down...

MINNA: "So where'd you come across that one?"

KIM: "What?"

Во время собственно отыгрыша игроки и ведущий свободно переходят от одного типа речи к другому в зависимости от конкретной задачи:

KIM: "And he gave me this really weird stuff that I don't know what it is, but I'm gonna look into it." So, she [персонаж игрока Ким] [will] reach into her pocket and show [it to] the rest of the table.

Помимо прямой речи, наблюдаются примеры косвенной речи (в данном случае ведущий показывает, что игрок не разбирает всех слов: you're able to pick up that they're talking about), смешанной со свободной прямой речью (they're trying to figure out, like, I'm not sure what we could do for them; подробнее про свободные типы прямой, не прямой и косвенной речи и мысли см. [Short 2013; Руденко 2016]):

RHI: Minx, you're able to pick up that they're talking about trading favors, not sure what we could do, talk to the Gondoliers, basically they're trying to figure out, like, I'm not sure what we could do for them, but we'll figure out something.

Не всегда коммуникация, тем не менее, направлена на достижение конечной игровой либо художественной цели. Игроки (иногда и ведущий) перебивают друг друга, например, ради одномоментной шутки:

RHI: [описывает бар]

JOSIE: And bartenders are legally required to have their sleeves rolled up.

RHI: *Yes, yes*. [возвращается к описанию бара]

Сам ведущий тоже перебивает игроков, но обычно ради дополнительного контекста либо в качестве подсказки игрокам, что может служить отдельным нарративным приемом:

JOSIE: “It might be best to plant it, dear.”

RHI: There’s a handful of places in this city where you can actually grow trees. You guys do not have access to any of them.

Отдельно стоят упоминания и обсуждения игровых механик, которые регулируют успешность различных действий игроков. В данном случае ведущий инструктирует игрока, модификатор для какого навыка (*Consort*) ему нужно будет добавлять к результату броска кубика (*roll*):

RHI: *I assume* you’re gonna *roll Consort* on this one.

Как видно, в большинстве ситуаций участники успешно совмещают игровые, нарративные и коммуникативные цели, используя для этого смесь описания, повествования и рассуждения с вкраплениями прямой (а также косвенной, свободной косвенной и прямой) типов речи, что следует традиционной формуле нарратива [Galperin 2012]. Зачастую участники добиваются одновременно нарративной и коммуникативной цели, например, за счет прямых обращений друг к другу, модальных глаголов и фраз, а также вопросительных синтаксических конструкций. Лишь в отдельных случаях можно наблюдать выполнение лишь одной функции, когда участники отклоняются от игровых и нарративных функций (напр., пытаются пошутить) либо, когда им нужно сфокусироваться на игровой механике. Высокий уровень вежливости в приведенном транскрипте можно объяснить, как общую особенность английской речи, публичный формат записи и, возможно, индикатор дистанцированности участников (если они не близкие друзья).

В дальнейшем планируется составить корпус из транскриптов НРИ для более обширного анализа нарративных и коммуникативных приемов в этих типах текстов.

Литература

Коноваленко М.Ю., Коноваленко В.А. Теория коммуникации: учебник для бакалавров. М.: ЮРАЙТ, 2016.

Руденко Е.С. Текстоброобразующая роль парцелляции и ее стилистические функции в романе А. Вальзера „Am Anfang war die Nacht Musik“ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. 2016. № 5. С. 59-65.

Тухомирова Е.И. Теория коммуникации и новые медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3 (25).

Galperin I.R. English Stylistics / ed. by L. R. Todd. M.: Librocom, 2012.

Magpies — Season 1, Episode 1: The Nightmarket Station Score Transcript / транскр. Tyler // The Magpies Podcast: A Blades in the Dark Actual Play Podcast. URL: <https://magpiespodcast.net/transcripts/season-1-episode-1-the-nightmarket-station-score-transcript>

Norgaard N., Busse B., Montoro R. Key Terms in Stylistics. London: A&C Black, 2010.

Ryabova M. Politeness Strategy in Everyday Communication // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 206. Pp. 90-95.

Short M. Discourse Presentation and Speech (and Writing, but not Thought) Summary // *Études de stylistique anglaise*. 2013. Vol. 4. Pp. 27-42.

Wales K. A Dictionary of Stylistics. London; New York: Routledge, 2014.

WotC — Playing the Game / Wizards of the Coast // D&D Beyond. 2024. URL: <https://www.dndbeyond.com/sources/dnd/free-rules/playing-the-game>

T.A. Protasov (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

NARRATIVE COCREATION IN TTRPGS

This article studies transcripts of actual play sessions from tabletop role-playing games (TTRPGS) as the result of both a communicative situation, where several players can participate, and as the result of a collaborative creative process since the play sessions result in creating a fictional narrative that can exist on its own as a text. The primary focus lies in the linguistic means of constructing and describing the text space, along with the communicative tactics of the participants to jointly achieve this common objective.

Key words: textual space, fictional space, narrative, communicative situation, TTRPGS, tabletop role-playing games

В.В. Робустова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
nikarbs@yandex.ru*

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМА HOLLYWOOD В РОМАНЕ КВ. ТАРАНТИНО «ONCE UPON A TIME IN HOLLYWOOD»

В статье анализируется функционирование топонима Hollywood в качестве индивидуализирующей и характеризующей номинации. Рассматривается реализация его интерпретирующего потенциала, выявлена структурная зависимость интерпретирующего потенциала от внеязыкового значения онима. Осмысление и интерпретация топонима зависят от глубины фоновых знаний адресата и степени владения энциклопедическим значением топонима Hollywood.

Ключевые слова: топоним Hollywood, интерпретирующий потенциал, энциклопедическое значение

Осмысление действительности неизбежно сопряжено с интерпретацией, которая получает вербальное воплощение в различных единицах языка. «Любая языковая деятельность человека связана с интерпретацией, а языковая интерпретация предстает как вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире» [Болдырев 2015: 5]. Интерпретирующий потенциал онима определяет его функциональный диапазон и «находит отражение в конкретной концептуальной системе, в которой ономастическая система является частью общей языковой системы, существующей в этническом сознании носителей языка в виде так называемого образа мира, частью которого являются и ономастические единицы» [Щербак 2024: 603]. Адекватная интерпретация онимов в процессе коммуникации обеспечивается актуализацией энциклопедического аспекта зна-

чения имени собственного и определяется степенью совпадения фоновых знаний адресата и его аксиологических установок с позицией адресанта.

Топонимы являются одним из ключевых разрядов ономастической системы любого языка, они не только идентифицируют пространство, но и способны выступать интерпретирующей основой благодаря способности накапливать в своей семантике информацию об объекте номинации, отношении к нему человека. Они могут служить как для репрезентации определенного места, так и для характеристики иного субъекта/объекта действительности, выступая в атрибутивной функции. Роман Кв. Тарантино «Once Upon a Time in Hollywood», написанный в 2021 г. по мотивам одноименного фильма, можно отнести к категории романов о духе времени, что подтверждает изобилие ономастического материала на его страницах и их однородную темпоральную принадлежность. Очень богато произведение фильмонимами, к основным функциям которых относятся характеризующая, контекстобразующая и оценочная. В рамках настоящей статьи отдельно рассмотрим топоним *Hollywood* и определим структуру его ономастического потенциала.

“I am in **the Hollywood-royalty business. Van Johnson – Joseph Cotten – Farley Granger – Russ Tamblyn – Mel Ferrer.**” The agent says each name as if he’s reciting the names of the faces carved on **Hollywood’s Mount Rushmore** [Tarantino 2021: 9]. Исследуемый топоним реализует как индивидуализирующую функцию в рамках прямой номинации – Hollywood’s Mount Rushmore, так и характеризующую – the Hollywood-royalty business, задавая определенную тональность восприятия уже другого объекта, что достигается за счет структуры интерпретирующего потенциала топонима, высвечивания определенной концептуально-тематической области его актуализации. В данном примере видим реализацию интерпретирующего потенциала онимов в создании антропонимической цепочки из имен широко известных, по мнению говорящего, американских актеров и режиссеров XX в. – Ван Джонсон, Джозеф Коттен, Фарли Грейнджер, Расс Тэмблин, Мел Феррер. Так называемое «сеяние» или «сыпанье» именами призвано подчеркнуть статус говорящего, очертить круг его знакомых, подтвердить компетенцию. Однако мы видим, что ономастическая база адресата и адресанта не пересекаются (не совпадают в этой области), вследствие чего запланированный эффект не был произведен. Напротив, актуализацию получила ироническая функция путем сравнения с горой Рашмор и высеченными на ней скульптурными портретами четырех президентов США. Гипербализированное сравнение с президентами позволяет иронично передать образ адресанта в глазах адресата.

Marvin’s starting to warm up to Rick’s sense of hard-earned Hollywood experience [Tarantino 2021: 13]. Топоним *Hollywood* используется в атрибутивной функции, задает комплексную характеристику, которая, благодаря информационному наполнению топонима, обладает не только широким интерпретирующим потенциалом, но и с помощью которой можно одновременно актуализировать как положительные, так и отрицательные коннотации. Для адекватной интерпретации топонима адресату не

требуются специальные знания в сфере кинематографа, достаточно базового представления о киноиндустрии.

*Now, if my cousin Sherry wanted to go to **Hollywood** and be the next **Sophia Loren**, that would be pie in the sky* [Tarantino 2021: 103]. В данном примере *Hollywood* является частью ономастической пары, угол интерпретации которого задает следующий за ним антропоним. Поездка в Голливуд может предполагать разные цели, но обращение к антропониму Софи Лорен ограничивает контексты актуализации и задает фокус интерпретации – поехать в Голливуд с целью стать великой актрисой. Фраза “*the next Sophia Loren*” в данном случае символизирует успех, блистательную карьеру в области кинематографа.

*Painted on the red walls are comic caricatures of famous **Hollywood** drunks. **W.C. Fields**, **Humphrey Bogart**, **Buster Keaton**, and a drawing of **Lee Marvin** from **Cat Ballou*** [Tarantino 2021: 357]. В данном случае автор помогает нам понять, какая-и-менно черта репрезентируется в этом контексте в многогранных образах перечисленных звезд киноиндустрии. Информация, фокусирующая внимание на определенной характеристике и сужающая интерпретирующий потенциал антропонимов в данном контексте, представляется необходимой для верной интерпретации сюжетной линии. Благодаря наличию оценочного компонента в интерпретирующем потенциале топонима *Hollywood*, он подчеркивает статус героев, вершину их таланта, круг, к которому принадлежат перечисленные выше имена.

Обратимся к следующему примеру, иллюстрирующему способность топонима выступать не только маркером той или иной характеристики или способом портретизации субъекта/объекта, но и конструировать фрейм, сквозь который идет восприятие определенной ситуации или целой эпохи.

*Well, since **Mohammed** wasn't going to just bump into the mountain at the **Whisky a Go Go**, drinking **Cutty Sark**, **Mohammed** would have to go to the mountain, or in this case the **Hollywood Hills*** [Tarantino 2021: 164]. Использование начала всем известного высказывания определяет траекторию восприятия и дает возможность предсказать дальнейшее развитие событий. Изречение приводится в трансформированном виде, мы узнаем его благодаря антропониму. Другие, встреченные в примере имена, реализуют контекстообразующую функцию, название ночного клуба в Западном Голливуде *Whisky a Go Go*, популярного бренда виски для настоящих мужчин *Cutty Sark*, смысловая игра *mountain – Hollywood Hills* возвращают нас к произведению, они помогают автору точнее показать картину жизни актеров и намерения героя используя ироническую нотку. Выражение «Если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе» связано с притчей из Корана, по которой пророк Магомет, желая показать верующим свое могущество, приказал горе приблизиться к нему. Не дождавшись реакции горы, он сам отправился к ней. Пусть и таким образом, но результат был достигнут, гора и Магомет сблизились. Если Голливуд не открывает свои двери актерам, то актеры «штурмуют» Голливуд сами, изо всех сил стараясь подняться на гору, достигая цели любым возможным способом.

Фрейм является одной из когнитивных форм представления наших знаний. «В центре внимания фреймовой семантики как лингвистической концепции находится изучение зависимости языкового значения от познавательного опыта человека» [Болдырев 2019: 376], познавательный опыт человека служит фундаментом для интерпретации значения онимов. Следующий пример как нельзя лучше иллюстрирует приведенный постулат, в отсутствии «познавательного опыта» значение онима не актуализируется.

At one point he called Rick “an Eisenhower actor in a Dennis Hopper Hollywood” [Tarantino 2021: 186]. На первый взгляд сочетание *an Eisenhower actor* настораживает, так как для обычного читателя, не погруженного в киноискусство с головой, Эйзенхауэр ассоциируется с генералом армии, 34 президентом США, но контекст нам показывает, что данная информация не релевантна для декодирования содержания высказывания. На просторах интернета находим информацию о Lee Eisenhower – «is an American actor and stuntman who played roles in Smosh videos from 2011 to 2017. He appeared in multiple Smosh videos as one of the male back ups» [Lee Eisenhower]. Таким образом, актуальным значением *an Eisenhower actor* является «дублер, актер второго плана». «*A Dennis Hopper Hollywood*» тоже требует внимательного изучения информации о Деннисе Ли Хоппере, его культовой кинокартине «Беспечный ездох» (*One of these players is lean, cool, tanned and unflappably handsome: he is Captain America, played by the eternally youthful Peter Fonda. The other is the leery character, Billy. And this, of course, is Dennis Hopper, in the role that cemented his legendary persona, catapulting him into movie legend as a one-head Mount Rushmore of excess* [Bradshaw 2010]), традиция американского независимого кино и школы Нового Голливуда, символизирующую как творческую свободу режиссеров, так и новые подходы и идеи: герои непременно оказываются в состоянии борьбы с самими собой, с традициями, с обществом, ищут свободу. Таким образом, выражение *a Dennis Hopper Hollywood* символизирует фильмы в стиле Нового Голливуда. Здесь у топонима *Hollywood* профилируется индивидуализирующая функция, но теперь сам топоним интерпретируется антропонимом, т.е. именно антропоним *Dennis Hopper* задает угол осмысления и фокус актуализации релевантного в данном контексте информационного пучка, инкорпорированного в значение топонима.

Таким образом, функциональный диапазон топонима определяется его интерпретирующим потенциалом, который, в свою очередь, формируется семантикой топонима, его энциклопедическим значением. Чем объемнее энциклопедическое значение онимов, тем шире их интерпретирующий потенциал. Среди ключевых функций топонима *Hollywood* можно выделить характеризующую, оценочную и статусную, но все они получают свою актуализацию, если реализуется индивидуализирующая функция, под которой мы понимаем не только выделение объекта из ему подобных, но и знание его энциклопедического значения, стоящей за ним внеязыковой информации.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2019.
- Щербак А.С.* Имя собственное как интерпретирующий фактор познания // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 5 (61). С. 602-606.
- Bradshaw P. Dennis Hopper: Hollywood's Uneasy Rider* // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/film/2010/may/30/dennis-hopper-uneasy-rider>
- Lee Eisenhower* // Smosh Wiki | Fandom. URL: https://smosh.fandom.com/wiki/Lee_Eisenhower
- Tarantino Q.* Once Upon A Time In Hollywood. HarperCollins, 2021.

V.V. Robustova (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF THE TOPONYM HOLLYWOOD IN THE NOVEL BY Q. TARANTINO "ONCE UPON A TIME IN HOLLYWOOD"

The article analyzes the functioning of the toponym Hollywood as an individualizing and characterizing nomination. The realization of its interpretive potential is considered, the structural dependence of the interpretive potential on the extra-linguistic meaning of the onym is revealed. Understanding and interpreting a toponym depends on the depth of the addressee's background knowledge and the degree of mastery of the encyclopedic meaning of the toponym Hollywood.

Key words: toponym Hollywood, interpretive potential, encyclopedic meaning

М.В. Румянцева (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный медицинский университет

m.rumjanzeva@rambler.ru

ДУАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА-КОЛОРАТИВА ГОЛУБОЙ / ЖЁЛТЫЙ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. ЛИЧУТИНА

Исследование посвящено концептам-колоративам в художественной картине мира В.В. Личутина. Обнаружено, что колоративы *голубой* и *желтый* образуют в творчестве писателя двудерный концепт, который классифицирован нами как дуальный. Проведен анализ и описание когнитивных особенностей данного концепта. Выявлены общие и специфические компоненты его ядер.

Ключевые слова: концепт-колоратив, двудерный концепт, дуальный концепт, художественная картина мира, В.В. Личутин

В настоящее время лексико-семантическая группа колоративов (цветообозначений) находится в центре внимания лингвистов, интересующихся проблемами концептуализации и категоризации в языке знаний о мире. Цвет является важной когнитивной категорией, которой присущи антропоцентричность и яркая национально-культурная специфика [Кульпина 2001: 8]. Актуальным является изучение алгоритма смыслопорождения через моделирование ментальных пространств ме-

тафорически переосмысленных колоративов, которые, на наш взгляд, следует относить к интерпретирующим концептам (по классификации Н.Н. Болдырева), которые «представляют собой единицы нового знания, формируемые на основе интерпретации коллективных знаний о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека» [Болдырев 2016: 24].

Исследование концептосферы художественной картины мира В.В. Личутина позволило обнаружить в ней наличие дуального концепта-колоратива ГОЛУБОЙ / ЖЕЛТЫЙ, анализ и описание когнитивных особенностей которого мы нацелены осуществить в данной статье.

Дуальный концепт занял свое место в типологии концептов относительно недавно и требует дальнейшего уточнения. Он представляет собой двудерный (бицентрический) конструкт, имеющий сопряженные номинативные поля в определенном контексте. Вне контекста они входят в состав отдельных номинативных полей двух различных концептов и не формируют целостный концептуальный образ [Огнева, Даниленко 2021: 55]. И.А. Даниленко считает, что таким контекстом может служить только художественный текст [Даниленко 2020: 71]. Однако последние научные изыскания лингвистов позволяют говорить о дуальной организации многих текстов языка культуры. Так, С.Г. Проскурин и А.В. Проскурина исследуют дуальные концепты, одним ядром которых является переживаемая субъектом ценность, а другим – метаконцепт, семантически сопряженный с ценностью культуры, но существующий с позиции наблюдателя в культуре (авторы именуют это «сторонним взглядом»), например, *вера / религия, надежда / перспектива* и др. [Проскурин, Проскурина 2024: 37-48]. Анализ дуального концепта *море-океан*, сделанный нами ранее, тоже свидетельствует о том, что его функционирование не ограничивается художественной литературой, а базируется на множестве фольклорных текстов [Румянцева 2024: 37-48].

В качестве материала для настоящего исследования были отобраны художественные произведения писателя-современника В.В. Личутина (романы «Раскол», «Скитальцы», «Фармазон», «Миледи Ротман», «Беглец из рая», «В ожидании Бога»). В результате проведенного когнитивно-герменевтического анализа было выявлено, что два обособленных концепта-колоратива ГОЛУБОЙ и ЖЕЛТЫЙ, не являясь ни синонимами, ни антонимами, в художественной картине мира писателя объединяются в диаду, ядра которой имеют тенденцию к сближению и одновременно к противопоставлению значений, т.е. образуют, по Э.В. Кузнецовой, «эквивалентную оппозицию» [Кузнецова 1989: 46]. В такой оппозиции концептуальные ядра синергично связываются как общим значением, так и специфическими компонентами, противопоставляющими значение ядер друг другу. Оппозиция находит выражение в формуле АБГ – АВД, где элемент А – общее значение, а элементы Б/В, Г/Д – специфические компоненты.

Общим значением ядер концепта является «красота окружающего мира»: *Вся земля похорошела, стало желто-голубой. Христос любовно озирал Русь, радуясь воскрешению (Раскол). Вдруг свет небесный – желтое с голубым – упал на воле, раскатал от крыльца к саям праздничный веселый половик (Раскол). Желтое и голубое смешались разом с потоками небесного света и ослепили <...> Господи, до чего же красиво, как чувственно и празднично обрядилась напоследях истомившаяся в родинах Земля (В ожидании Бога)*. Примечательно, что если два цвета, голубой и желтый, сосуществуют в структуре текста, то он приобретает мелиоративную эмоциональную окраску, что подтверждается наличием в номинативном поле концепта эмотивов *похорошела, любовно, радуясь, праздничный, веселый, красиво, чувственно*. Иногда такой цветовой тандем отражает противоположные чувства у героя произведения (*грусть и радость*), но не снижает торжественности и возвышенности эмоций контекста: *Глаза слепит от солнца в голубом небе и золота, щедро рассыпанного под ногами. Боже мой, как неожиданно грустно, до слезы, и вместе с тем как радостно, торжественно сердцу, будто омыли живой водой (В ожидании Бога)*. О возвышенности чувств свидетельствует и наличие проклемы *небесный*, а теонимы *Христос, Господи, Боже* говорят о вере в божественное сотворение всей красоты мира. Сочетание голубого (глаза) и желтого (волосы) цвета в облике человека тоже создает красоту образа (например, *голубоглазое дитя с ржаными волосенками (Беглец из рая)*; *скромная, стеснительная девочка, голубоглазая, с русыми косами до пояса (Беглец из рая)*; *желтоволосая голубоглазая красавица Тина (Скитальцы)*), потому что создан человек по образу и подобию божьему: *У каждого христианина Христос свой. У русских он голубоглазый и русский (В ожидании Бога)*. Как видно из примеров, поле номинантов исследуемых колоративов не ограничивается лексемами *голубой / желтый*, а имеет метафорически переосмысленные наименования типа *небесный, васильковый, незабудковый / ржаной, русский, золотой* и др.

Специфические компоненты ядер концепта с примерами их демонстрации мы для большей наглядности представили в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что в индивидуально-авторском мировоззрении В.В. Личутина специфические компоненты дуального художественного концепта (*верх / низ, сонм Богов / нечисть, жизнь / смерть, детство / старость, здоровье / болезнь, свой / чужой, весна / осень*) подвержены центробежному семантическому воздействию и имеют антиномичный принцип организации. Ядро *голубой* демонстрируют мелиоративный оценочный заряд, а ядро *желтый* имеет пейоративный характер. Описание мира путем бинарных смысловых противопоставлений, свойственное мифопоэтической картине, ведет к смысловой неопределенности концепта, к параллелизму внутри него, что создает эффект «стереоскопичности» [Хроленко 1992], повышает информативность художественного концепта: противоположные семы не взаимоисключают, но гармонично дополняют друг друга, являясь разными полюсами бытия.

Таблица 1. Специфические компоненты дуального художественного концепта ГОЛУБОЙ / ЖЕЛТЫЙ

Дуальный художественный концепт ГОЛУБОЙ / ЖЕЛТЫЙ	
Голубой	Желтый
Верх <i>Это и был Верх, куда стремился всякий русский, чтобы глянуть хоть одним глазком. Хитров опустил заслезившийся от голубого сияния взгляд. (Раскол)</i>	Низ <i>Карбас неудержимо несло в проран, в желтый зев кипящей бездны, где схватывались <...> тягостно и страшно хвостатые чудища. (Фармазон)</i>
Сонм Богов <i>Несутся отовсюду ангельские хоры, и по райскому лугу до самого окоёма разлилась голубень васильков. (Раскол)</i>	Нечисть <i>Желтый шлейф протянулся по черному склону и замер над дымником: будто нечисть какая-то помчалась на ведьмин шабаш. (Фармазон)</i>
Жизнь <i>Эх, жизнь <...> Выпорхнуло из жаркой палати голубоватое облачко, – и нет жизни. (Раскол)</i>	Смерть <i>Гладкая, источенная временем, желтая истлевая кость покойника. (Раскол)</i>
Детство <i>Что-то младенчески удивленное проступило в глазах старика, они даже загорелись былою голубизною. (Фармазон)</i>	Старость <i>Лицо покрылось желтым гляncем и сразу состарилось. (Раскол)</i>
Здоровье <i>Поразился странному голубому огню, что пролился из глаз женщины. Так, наверное, ворожили колдовки-знахарки, доставая из болезни печичанина. (В ожидании Бога)</i>	Болезнь <i>Лицо болезненно зажелтилось, волосы поседел, <...> ладони мужицкие, в желтой чешуе мозолей. (Фармазон)</i>
Свой <i>Лицом белы, вежливые, глаза, будто сголуба. Будто наши, будто Русь. (Беглец из рая)</i>	Чужой <i>Приходят с торговлей черные люди от Китайского озера. Глаза желтые, серпом <...> (Скитальцы)</i>
Весна <i>Озеро гляделась во весь распах окна, от него наплывали щемящие волны голубого света. Весна просилась в избу <...> (В ожидании Бога)</i>	Осень <i>Изба стояла подле березовой вымокшей роци и, осыпанная желтой вялой листвою, казалась еще более мрачной и неприютной. (Скитальцы)</i>

Таким образом, дуальный художественный концепт ГОЛУБОЙ / ЖЕЛТЫЙ становится таковым в произведениях В.В. Личутина только благодаря интенции автора. И все же, как часть информативного кода текста, этот концепт представляет собой сгусток глубинных этнических знаний и представлений о мире, переосмысленных автором и вербализованных посредством языковых знаков в его художественной картине мира.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
- Даниленко И.А.* Авторские двудерные художественные концепты // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 64-72.
- Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М.: Высш. шк., 1989.
- Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в русском и польском языках. М.: Московский Лицей, 2001.
- Огнева Е.А. Даниленко И.А.* Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М.: Эдитус, 2021.
- Проскурин С.Г., Проскурина А.В.* Дуальность в языке и культуре: ценности и метаконцепты // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1 (101). С. 37-48.
- Румянцева М.В.* Когнитивные особенности дуального художественного концепта море-океан в творчестве Б. В. Шергина // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1 (101). С. 49-61.
- Хроленко А.Т.* Семантика фольклорного слова. Воронеж: ВГУ, 1992.

M.V. Rumyantseva (Tyumen, Russia)

Tyumen State Medical University

DUALITY OF THE ARTISTIC COLOUR CONCEPT *BLUE / YELLOW* IN SV.V. LICHUTIN'S WORK

This study is devoted to concepts denoting color in V.V. Lichutin's artistic picture of the world. It was found that *blue* and *yellow* colors form a binuclear concept in the writer's work, which we classified as dual. An analysis and description of the cognitive features of this concept was carried out and common and specific components of its nuclei have been identified.

Key words: colour concept, binuclear concept, dual concept, artistic picture of the world, V.V. Lichutin

C.C. Сафонова, О.А. Чупрякова (Казань, Россия)

*Казанский федеральный университет
prepodss@mail.ru, bezdna@mail.ru*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОМОДЕЛИ В ЗАГОЛОВКАХ СМИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию актуальной области современной когнитивной лингвистики – фразеологизации синтаксиса. Особую роль в данном ключе представляет исследование фразеологизированных синтаксических моделей, которые могут выступать как когнитивные шаблоны, демонстрирующие связь языка и мышления. Фразеомодели широко используются в языке СМИ, в первую очередь, для создания типовых заголовков. Авторами выделены наиболее распространенные фразеомодели, выступающие в качестве части бессознательного сложного предложения. Фразеомодели в заголовках выполняют такие прагматические функции, как привлечение внимания, формирование оценочного мнения, создание дилеммы или противопоставления, управление интерпретацией читателя. Отмечено, что фразеомодели обладают значительным суггестивным потенциалом и могут выступать в качестве средства языкового манипулирования.

Ключевые слова: фразеологизация, синтаксис, СМИ, заголовок, фразеомодель, языковая манипуляция

В современной лингвистике устройство любой системы, как правило, задается в виде «понятийных координат, обычно парных» [Степанов 2023: 149]. Об этом свидетельствует, например, выделение конкретного и абстрактного значений слов, простого и сложного предложений, главных и второстепенных членов и т. д. Кроме того, по мнению Ю.С. Степанова, существуют «общие тенденции мысли» [Там же], которые меняются крайне медленно, что позволяет сложиться в языке некоторым устойчивым моделям содержания и выражения.

Если в рамках лексических единиц можно выделить фразеологизмы, то ярким примером идиоматических синтаксических единиц являются фразеомодели, под которыми в лингвистике принято понимать «модели, включающие устойчиво воспроизводимые добавочные средства связи предикативных частей (союзы, особые лексемы, словоформы и т. д.» [СЛТ]. Благодаря фразеологизированности структуры, данные предложения приобретают многозначность, следовательно, могут обладать широким функциональным диапазоном в языке как с позиции кодирования, так и в аспекте интерпретации смыслов.

Фразеологизация синтаксиса попала в фокус внимания лингвистов относительно недавно, поэтому многие аспекты данного явления остаются малоизученными. Среди ученых, разрабатывающих проблему фразеомоделей (фразеосхем) в русском языке, занимались В.И. Кодухов, Д.Н. Шмелев, В.Ю. Меликян и другие. Фразеомодели приобретают особую значимость в процессе речи, поскольку закрепляют в речевой практике способы мышления определенного языкового коллектива. Этот факт обуславливает их активное употребление в языке средств массовой информации.

Одной из продуктивных функций фразеомоделей в СМИ является создание типовых привлекающих внимание заголовков. Это обусловлено тем, что многократное повторение конкретной формы предопределяет ее абстрагирование от единичной ситуации. Как правило, данная модель является частью бессоюзного сложного предложения. Среди проанализированных нами примеров наиболее распространенными являются следующие фразеомодели:

Что-то + глагол: *«Что-то пошло не так»: Сбербанк прокомментировал сбой в работе приложений (РБК); «Что-то странное происходит»: ученые обнаружили аномалии в поведении животных (National Geographic Россия); «Что-то изменилось»: эксперты оценили новую стратегию развития компании (Коммерсантъ).* Во всех приведенных примерах фразеосхемы выполняют функцию дисциплинирующего начала, помогающего реципиенту наметить вектор интерпретации новостей, следовательно, фразеомодели отражают не только механизмы языка, но и алгоритмы мышления.

Кто-то + глагол: *«Кто-то взломал аккаунт»: социальная сеть сообщила о кибератаке (ТJournal); «Кто-то должен нести ответственность»: глава компании*

прокомментировал скандальную ситуацию (VC.ru); «Кто-то должен взять ответственность»: политик высказался о ситуации в регионе (ТВЦ). Отметим, что в случае одушевленности объекта, обозначаемого во фразеомодели неопределенным местоимением, практически все варианты ее лексического наполнения приобретают негативную оценочность, которая уточняется посредством атрибутива (*скандальная*) или субстантивов (*кибератака, ответственность*). Взаимодействие подобных «семантически гетерогенных компонентов» [Мубаракшина 2021: 80], однако, при наличии воспроизводимой фразеосхемы создает структурно-содержательную спаянность всего заголовка, имеющего конкретную авторскую интенцию. В этой связи можно говорить о скрытом языковом манипулировании [Терехова 2024], при котором фразеомодели входят в диапазон языковых средств, обладающих значительным суггестивным потенциалом.

Как будто + кто-то/что-то + глагол: «Как будто вернулись в прошлое»: зрители поделились впечатлениями от ретро-концерта (Культура.РФ); «Как будто никто не заметил»: эксперты обсуждают отсутствие реакции на инцидент (Эксперт Online); «Как будто всё под контролем»: эксперты разбирают действия правительства (РБК). Данная фразеомодель используется в каждом случае авторами для актуализации эксплицитно не выраженных оппозиций: прошлое – настоящее, заметил – не заметил. Кроме того, в данном случае фразеомодель с союзом *как бы* основана на художественном приеме ирреального сравнения, следовательно, в полной мере может претендовать на репрезентацию эстетической функции [Меликян 2011: 56].

Существительное + или + существительное: «Санкции или диалог»: что выберет Запад в отношении России? (1tv.ru); «Победа или поражение»: ставки на выборы в США растут (vc.ru); «Работа или отдых между майскими праздниками»: что выбрали россияне (tenchat.ru); «Наследство или карьера»: что выбирают молодые специалисты? (hh.ru). Прагматическая функция данной модели заключается в создании дилеммы с вариантами, часто противопоставленными семантически или контекстуально. Так, *победа* и *поражение*, *работа* и *отдых* являются словарными антонимами, а *наследство* и *карьера* приобретают противоположные семантические признаки лишь в контексте заголовка. На данном этапе рассуждений важно заметить, что ситуационный контекст детерминирован экстралингвистическими факторами, т.е. противопоставление по смыслу осуществляется с учетом восприятия действительности актуального потенциального читателя. Из этого следует, что текстовый аспект, т.е. изучение содержания статьи, является одним из значимых при анализе фразеосхемы [Сафонова, Чупрякова 2015: 179].

Таким образом, настоящее исследование показало, что фразеомодели – это не просто формальные структуры языка, но и значимые единицы медийного дискурса, обладающие как структурными, так и прагматическими и манипулятивными функциями. Изучение фразеомоделей позволяет глубже понять механизмы языка и мышления, а также критически анализировать медийные тексты. Перспективой исследования мы считаем более детальное изучение типологии фразеомоделей, их функциональной специфики и когнитивных механизмов, лежащих в их основе.

Литература

СЛТ – Словарь лингвистических терминов. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_zherebilo/ фразеомодели

Меликян В.Ю. Основы теории синтаксической фразеологии: монография. London: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011.

Мубаракишина А.М. Суггестивный потенциал гороскопического текста // Филология и культура. Philology and Culture. 2021. № 1. С. 77-83.

Сафонова С.С., Чупрякова О.А. Фразеомодели русского языка как способ описательной номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). Ч. 2. С. 178-181.

Степанов С.Ю. Семиотика. М.: ЛЕНАНД, 2023.

Терехова А.А. Языковое манипулирование в английской рекламе сквозь призму ценностей (на рекламном материале национальной службы здравоохранения Великобритании) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1 (57). С. 343-346.

S.S. Safonova, O.A. Chupryakova (Kazan, Russia)

Kazan Federal University

SYNTACTIC PHRASEOMODELS IN MEDIA HEADLINES: A COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT OF THE STUDY

The article studies phraseologization of syntax – an understudied area in modern cognitive linguistics. Phraseologized syntactic models act as cognitive templates demonstrating the connection between language and thought. Phraseomodels are widely used in the language of mass media, primarily to create standard headlines. The authors have identified the most common phraseomodels that act as part of an asyndetic complex sentence. Phraseomodels in headlines perform such pragmatic functions as attracting attention, forming an evaluative opinion, creating a dilemma or opposition, and managing the reader's interpretation. It is noted that phraseomodels have significant suggestive potential and can act as a means of linguistic manipulation.

Key words: phraseologization, syntax, media, headline, phraseomodel, language manipulation

Н.А. Сегал (Симферополь, Россия)

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
natasha-segal@mail.ru*

В.А. Крыжановская (Краснодар, Россия)

*Кубанский государственный университет
valentina91_91@mail.ru*

КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА ГАСТРОЛЕР В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена комплексному анализу ключевой единицы *гастролер* в русскоязычном медиадискурсе. Выявляются функционально-прагматические особенности исследуемого слова в текстах современных СМИ, определяется его деривационный потенциал. Доказывается, что в актуальном медиапространстве образ *гастролера* становится источником ассоциирования и транслирует ценности и антиценности современного российского общества. Демонстрируется зависимость коннотации языковой единицы от социополитических реалий.

Ключевые слова: медиапространство, медиатекст, языковая единица, коннотация, гастролер

Современные социополитические реалии обуславливают изменение ценностных ориентиров и ожиданий российского общества, доминантами которого становятся стабильность и уверенность как в самом государстве, так и в лидерах общественного мнения. Преданность Родине, россиянам, исторической памяти, идеалам настоящего и будущего приобретают все большее и большее значение, а отказ от национальных интересов в пользу собственных амбиций, служение благу другого государства не только ставят личность по другую сторону «национальной баррикады», но и формируют общественное мнение, вычеркивающее того или иного субъекта из медийной повестки, определяющее резко негативное отношение к нему. Широкий спектр образных средств, лежащий в основе актуального медиапространства, позволяет давать не только эксплицитную, но и имплицитную характеристику медийным фигурам, поэтому наряду с прямыми номинациями (предатель, изменник, перебежчик и т.д.) появляются и переносные. **Целью** предлагаемой статьи является установление особенностей реализации языковой единицы *гастролер* в актуальном медиапространстве.

Рассуждая о специфике функционирования языковых единиц в медиатекстах (работы Н.Ф. Алефиренко, И.В. Арнольд, А.Н. Баранова, Л.Е. Бессоновой, А.Д. Васильева, Р. Водак, М.Н. Володиной, О.И. Воробьевой, М.Б. Ворошиловой, В.З. Демьянкова, Е.В. Дзюбы, Т.Г. Добросклонской, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Н.И. Клушиной, И.М. Кобозевой, Г.Н. Манаенко, Л.В. Рацибурской, О.Б. Сиротининой, Т.Г. Скребцовой, А.П. Чудинова и др.), исследователи подчеркивают, что в медиатекстах языковые единицы, реализованные на уровне вторичной номинации, функционируют для пародирования атрибутов современной реальности, при этом активно используются их прагматический, парольный, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности. Многие из названных функций основываются на оценочности и противоречивости прямого и переносного значений слов, входящих в состав массмедийных текстов. Такие образы отражают переосмысление и переоценку массовой культурой политических реалий, авторитетов, эталонов и лежат в основе языкового воплощения образов прошлого, настоящего и будущего. Весьма показательным данный тезис представляется при анализе языковой единицы *гастролер*. Комплексный анализ лексикографических источников (Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. 2000. Т. 1; Словарь русского языка. 1973; Словарь русского языка. В 4 т. 1984. Т. 1; Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. 1963. Т. 3 [ССРЛЯ]; Толковый словарь русского языка. В 4 т. 1940. Т. 1 [ТСРЯ]) позволяет установить ядро денотативного значения языковой единицы *гастролер*, лежащее в основе развития данной лексемы и фиксирующее ее ключевые характеристики. Так, проведенный анализ позволяет выявить два доминирующих значения: «1. Артист (артистка), прибывший на гастроли» и «2. *перен.* Разг. неодобр. Тот, кто выполняет какое-л. дело временно, случайно и не заинтересован в нем» [Ефремова 2000, Словарь рус. яз. 1973, МАС 1984]. Подчеркнем,

что в актуальном медиапространстве образное значение зачастую формируется с опорой на второй лексико-семантический вариант исследуемой единицы.

В современных СМИ под *гастролерами* могут пониматься лидеры общественного мнения или иные популярные личности, приезжающие за границу с целью дискредитации политической системы Российской Федерации ради популяризации политической повестки недружественных государств и собственного заработка. В частности, иноагент Илья Яшин, вошедший в обмен заключенными между США и Россией в 2024 г., сейчас находится в Германии, организуя скандальные анти-российские митинги: *«Политический гастролер, скандалист и провокатор Илья Яшин и отзывы его избирателей»* (<https://t.me/SolovievLive/63537>, 22.09.2024). Гастролерами являются и деятели культуры, зарабатывающие деньги за границей и выступающие против России. Именно им противопоставлены настоящие артисты, готовые в любой ситуации поддержать Россию и россиян: *«Московский скрипач Пётр Лундстрем выступает перед нашими бойцами в Донбассе, фоном для музыки звучит грохот обстрелов. Вот это настоящий артист, музыкант. Скрипач Лундстрем приехал в Донбасс не за денежки. Он – не израильский гастролер, который ради прибыли поливает свою страну грязью. Он приехал поддержать тех, кому это действительно сейчас нужно. И это настоящий русский патриот»* (<https://t.me/nstarkovru>, 23.07.2022).

Политические гастролеры – не только те, кто уезжает из России с целью ее дискредитации и заработка, но и те, кто устраивает заказные митинги в самой России, предпринимая попытки негативного влияния на политическую стабильность государства: *«Хабаровск. «Сегодня прилетели». Традиционные протестные гастролеры на месте»* (<https://t.me/SolovievLive/29834>, 25.07.2020).

В. Зеленский получил номинацию *гастролер* потому, что совершает регулярные поездки в страны, поддерживающие его политику, с требованиями новых поставок оружия и новых финансовых вложений. При этом подчеркивается, что из желанного на Западе гостя он постепенно превращается в изгоя, политика, поведение которого перестают устраивать тех, кто ранее оказывал ему беспрекословную поддержку: *«Флажки, расставленные вокруг Зеленского, уже давно горят. Из «послушного мальчика» для западных элит он превратился в надоедливого гастролера, не оправдывающего возложенных на него надежд. И Зеленский это прекрасно понимает»* (<https://t.me/sashakots>, 26.09.2024); *«Зеленский отправился в Румынию с визитом – дома не сидится, да и поговорить не с кем. А тут вдруг сообщение: выступление киевского гастролера в румынском парламенте отменяется»* (<https://t.me/tsargradtv>, 10.10.2023).

Проведенный анализ позволяет заключить, что под политическими гастролерами понимают политических лидеров, которые занимают высокие посты в одном государстве, одновременно являясь гражданами другого. Показательным примером является следующий контекст: *«Политические гастролеры и цветные революции. Что сегодня связывает Грузию и Украину. В ходе избирательной кампании*

перед парламентскими выборами в Грузии, намеченных на 26 октября, правящая партия «Грузинская мечта» обещала гражданам страны никогда не допустить, чтобы их страной правил гражданин другого государства» (https://t.me/exclusive_ukraina_ru, 18.10.2024). Значимость данного тезиса обусловлена тем, что экс-президент Грузии, Саломе Зурабишвили, является гражданкой Франции и, по мнению многих грузинских политиков, отстаивает не национальные интересы Грузии, а желания Европы и США.

Анализ современных медиатекстов позволяет говорить о деривационном потенциале языковой единицы гастролер, которая становится стержневым компонентом сложных слов. Так, показательным является субстантив «милитари-гастролер», реализованный в значении «военный, приехавший из-за границы воевать на стороне Украины»: *«У меня за 20+ лет работы в «горячих точках» нет фото с оружием в руках. И уж тем более нет видео, где я бы стрелял из чего-либо, как **милитари-гастролер**, заехавший на сафари»* (<https://t.me/svarschiki/3589>, 28.12.2023). В контексте подчеркивается, что участвующие в военном конфликте иностранцы делают это не из идеологических убеждений, а из желания получить яркие, с их точки зрения, эмоции. Другим производным становится языковая единица «гастролеры-пособники врага», номинирующая деятелей массовой культуры, выступающих на антироссийских площадках: *«Когда какая-нибудь группа выдавших виды граждан, устав от бездействия со стороны госструктур и странной позиции некоторых бизнесменов, захочет самостоятельно в обход всех норм решить вопрос с **гастролерами-пособниками врага**»* (<https://t.me/ZOVcrimea>, 21.06.2024).

Таким образом, можно заключить, что в актуальном медиапространстве образ *гастролера* является ярким и многогранным и включает широкий спектр характеристик и коннотаций, не свойственных для его денотативного значения. Широкое использование данного слова на уровне вторичной номинации обусловлено, главным образом, экстралингвистическими факторами, смещением ценностных ориентиров российского общества. Комплексный анализ языковых единиц образной системы, реализуемых в актуальном медиаполе, позволяет установить особенности языкового манипулирования массовым адресатом и выявить доминирующие методы и приемы создания эффективного медийного текста.

Литература

- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1.
- Словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. М.: Советская энциклопедия, 1973.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. Т. 1.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. Н.Г. Герасимовой, М.В. Медведева. Л., 1963. Т. 3.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Л.: Просвещение, 1940. Т. 1.

N.A. Segal (Simferopol, Russia)

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

V.A. Kryzhanovskaya (Krasnodar, Russia)

Kuban State University

THE GUEST PERFORMER IS A KEY UNIT IN THE MODERN MEDIA SPACE: A FUNCTIONAL AND PRAGMATIC ASPECT

The article is devoted to a comprehensive analysis of the key unit guest performer in the Russian-language media discourse. The functional and pragmatic features of the studied word in the texts of modern media are revealed, and its derivational potential is determined. It is proved that in the current media space, the image of a guest performer becomes a source of association and translates the values and anti-values of modern Russian society. The dependence of the connotation of a linguistic unit on socio-political realities is demonstrated.

Key words: media space, media text, linguistic unit, connotation, guest performer

Н.К. Седова (Москва, Россия)

МГИМО МИД России

n.k.sedova@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРИЛОГИИ)

В статье рассматривается роль базовых метафорических концептов в создании сложных концептуально-метафорических образов в авторской речи в романе «Братство кольца», который является первой частью трилогии «Властелин Колец». Показано активное участие четырех базовых концептов в формировании представлений, которые лежат в основе семантики языковых единиц, используемых в повествовании, а также в описании природы, мыслей и чувств героев художественного произведения.

Ключевые слова: концептуальная метафора, базовый метафорический концепт, сложный метафорический образ, когнитивная семантика, художественный дискурс

Рассуждая о номинативном потенциале концептуальной метафоры, Е.Г. Беляевская отмечает, что репертуар метафорических концептов включает простые концепты, которые актуализируются чаще других и могут участвовать в формировании более сложных концептуально-метафорических представлений [Беляевская 2011: 21]. К простым метафорическим концептам Е.Г. Беляевская относит концепты ОБЪЕКТИВАЦИЯ, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР [Там же]. Описывая систему концептуально-метафорической репрезентации в современном англоязычном спортивном дискурсе, мы называем такие концепты базовыми и приходим к выводу о том, что они активно участвуют в формировании семантики частотных терминологических и нетерминологических языковых единиц, сочетаясь между собой, а также с метафорическими концептами трех тематических блоков («Человек», «Культура» и «Природа») [Седова 2024: 195].

Мы также выдвигаем предположение о том, что предложенная методика выделения и описания метафорических концептов, которые лежат в основе семантики языковых единиц в англоязычном спортивном дискурсе, может быть использована при анализе когнитивных оснований в других типах дискурса [Седова 2024: 5]. В качестве объекта настоящего исследования была выбрана первая часть романа «Властелин колец». Произведение английского писателя и филолога Дж.Р.Р. Толкина признается классикой жанра эпическое фэнтези [Dougill 2002: 25] и может быть отнесено к художественному дискурсу. Целью настоящего исследования является изучение и описание участия базовых концептов в создании концептуально-метафорических образов в авторской речи в вышеупомянутом романе.

Что касается базового концепта ОБЪЕКТИВАЦИЯ, он активно участвует в формировании семантики языковых единиц, которые используются для описания звуков. В частности, в виде конкретных объектов представляются речь и пение героев. В качестве примера можно привести следующие высказывания: *strings of words would now and again shape themselves* (нуми слов то и дело складывались сами собой) [Tolkien 2008: 184] и *the sweet syllables of the Elvish song fell like clear jewels of blended word and energy* (сладкие слоги эльфийской песни падали, как чистые драгоценные камни из слов и энергии) [Tolkien 2008: 310]. Следует отметить, что представление о словах и песнях как о конкретных предметах может формироваться при участии метафорических концептов, которые мы относим к тематическому блоку «Культура» (домен «Материальная культура») [Седова 2024: 83]. В приведенных выше высказываниях эти концепты актуализируются с помощью языковых единиц *string* (нить) и *jewel* (драгоценный камень). Стоит также обратить внимание, что в ряде случаев в формировании представления о звуках как о конкретных предметах принимает участие базовый концепт ДВИЖЕНИЕ. Так, например, он реализуется с помощью глагола *to fall* (падать) (см. выше) и *to rise* (подниматься): *...a single clear voice rose in song* (один чистый голос вознесся в песне) [Tolkien 2008: 309].

Рассматривая случаи реализации базового концепта ОБЪЕКТИВАЦИЯ в романе «Властелин колец», следует также упомянуть описания чувств и эмоций. В частности, в виде осязаемого объекта автор произведения описывает страх. В качестве примера можно привести следующие высказывания: *A great dread fell on him* (Его охватил (букв. на него упал) великий ужас) [Tolkien 2008: 352] и *soon all fear and anxiety was lifted from their minds* (вскоре все страхи и тревоги исчезли (букв. были подняты) из их мыслей) [Tolkien 2008: 356]. Можно заметить, что, как и при описании звуков, при формировании представления об эмоциях как о конкретных предметах базовый концепт ОБЪЕКТИВАЦИЯ актуализируется совместно с базовым концептом ДВИЖЕНИЕ. Так, в приведенных выше высказываниях концепт ДВИЖЕНИЕ лежит в основе семантики языковых единиц *to fall* (падать) и *to lift* (поднимать).

Активную роль в формировании представлений об абстрактных понятиях также играет базовый концепт КОНТЕЙНЕР. Отмечено в частности, что в виде контей-

нера автор описывает мышление героев. Например: *returning out of his thought he looked at Frodo and smiled (вернувшись из своих мыслей, он посмотрел на Фродо и улыбнулся)* [Tolkien 2008: 458]. В качестве примера реализации базового концепта КОНТЕЙНЕР при описании сновидений можно привести следующее высказывание: *But either in his dreams or out of them, he could not tell which, Frodo heard a sweet singing (Но то ли в своих снах, то ли вне их – он не мог сказать, где именно – Фродо слышал, как сладкое пение звучит (букв. бежит) в его голове)* [Tolkien 2008: 176]. Помимо этого, зафиксирован ряд случаев, когда в виде контейнера представлены эмоциональные состояния героев. Например: *Sam sank back into gloom (Сэм снова погрузился в уныние)* [Tolkien 2008: 384]. Также отмечен один случай, когда в виде контейнера представлен родной язык одного из героев: *'Yrch!' said Legolas, falling into his own tongue («Ирч!» – сказал Леголас, переходя на (букв. падая в) свой язык)* [Tolkien 2008: 503]. Следует отметить, что в формировании представления о мыслительных процессах и эмоциональных состояниях героев как о контейнере может участвовать базовый концепт ДВИЖЕНИЕ. Так, в приведенных выше примерах данный концепт лежит в основе семантики глаголов *to return (возвращаться)*, *to sink (тонуть, проваливаться)* и *to fall (падать)*.

Рассуждая об особенностях реализации базового концепта ДВИЖЕНИЕ в авторской речи в романе «Властелин колец», следует также отметить активную роль концепта в описаниях дороги. В качестве примера можно привести следующее высказывание: *it [the road] climbed to the top of a steep bank in a weary zig-zagging sort of way, and then prepared to go down for the last time (она [дорога] устало поднималась зигзагом на вершину крутого берега, а затем готовилась последний раз спуститься)* [Tolkien 2008: 95-96]. Представляется, что в подобных случаях базовый концепт ДВИЖЕНИЕ реализуется совместно с базовым концептом ПЕРСОНИФИКАЦИЯ. Иными словами, дорога представлена в виде идущего человека. Базовый концепт ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, в свою очередь, участвует в формировании семантики таких языковых единиц, как *weary (усталый)* и *to prepare (готовиться)*, вместе с метафорическими концептами кластеров ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ и УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, которые мы относим к тематическому блоку «Человек» [Седова 2024: 118].

Что касается реализации базового концепта ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, в рассматриваемом произведении с его помощью автор представляет объекты неживой природы в виде живых существ. Например: *The river, now small and swift, was leaping merrily down to meet them (Река, теперь мелкая и быстрая, весело бежала им навстречу)* [Tolkien 2008: 159]. Можно заметить, что в подобных случаях концепт ПЕРСОНИФИКАЦИЯ тоже актуализируется совместно с другими концептами. Так, в приведенном выше высказывании в создании сложного концептуально-метафорического образа участвует базовый концепт ДВИЖЕНИЕ, а также метафорические концепты кластеров ЭМОЦИИ и КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, которые мы выделяем внутри тематического блока «Человек» [Седова 2024: 118].

Зафиксирован целый ряд случаев, когда представление об объектах неживой природы как о живых существах формируется при участии метафорических концептов, которые относятся к различным видам человеческой деятельности. Например, в описании неба автор употребляет глагол *to speak* (говорить): *The sky spoke of rain to come* (Небо говорило о приближающемся дожде) [Tolkien 2008: 168], а в описании ветра – *to sigh* (вздыхать): *The West wind was sighing in the branches* (Западный ветер вздыхал в ветвях) [Tolkien 2008: 101]. К ярким примерам подобных концептуально-метафорических представлений можно отнести высказывание, где автор использует глагол *to defeat* (побеждать) в отношении горы, на которую героям не удалось взойти: *Caradhras had defeated them* (Карадрас победил их) [Tolkien 2008: 383].

Таким образом, концептуальный анализ семантики языковых единиц в первой из трех частей романа-эпопеи «Властелин колец», показал, что базовые концепты ОБЪЕКТИВАЦИЯ, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, КОНТЕЙНЕР и ДВИЖЕНИЕ активно проявляются в авторской речи. Вышеперечисленные концепты реализуются в сочетании друг с другом, а также с метафорическими концептами различных тематических блоков, выступая тем самым в качестве составных элементов сложных концептуально-метафорических образов. Представляется, что участие вышеперечисленных концептов в формировании метафорических образов делает описание героев более наглядным, придает повествованию динамику и подчеркивает активную роль природы в придуманном автором мире.

Литература

Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сборник научных трудов к 100-летию проф. И.И. Чернышевой. 2011. С. 13-30.

Седова Н.К. Концептуальная метафора и метонимия как основание активных номинативных процессов в англоязычном спортивном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 2000.

Dougill J. Oxford: A Literary Guide. Oxford: Oxface Publications, 2002.

Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring. London: HarperCollins Publishers, 2008.

N.K. Sedova (Moscow, Russia)

MGIMO University

THE REALISATION OF BASIC METAPHORICAL CONCEPTS IN THE EPIC FANTASY NOVEL *THE LORD OF THE RINGS* BY J. R. R. TOLKIEN (IN THE FIRST PART OF THE TRILOGY)

This article examines the role of basic metaphorical concepts in the creation of complex conceptual metaphorical images in the author's speech in The Fellowship of the Ring novel, being the first part of The Lord of the Rings trilogy. The article demonstrates the active participation of four basic concepts in the formation of representations that underlie the semantics of lexical units used in the narrative, as well as in the description of nature and the characters' thoughts and feelings.

Key words: conceptual metaphor, basic metaphorical concept, complex metaphorical image, cognitive semantics, literary discourse

*М.В. Семенихина (Санкт-Петербург, Россия)**Санкт-Петербургский государственный экономический университет
euphemia@mail.ru*

ОБРАЗ МУЗЫКИ В СТИХОТВОРЕНИИ Ф.Г. ТОМПСОНА “ODE TO THE SETTING SUN”

Статья посвящена основным метафорическим моделям, задействованным в создании образа музыки в стихотворении “Ode to the Setting Sun” английского поэта-католика рубежа XIX–XX вв. Ф.Г. Томпсона, и их связям с другими моделями, образующими систему метафор в анализируемом тексте.

Ключевые слова: Ф.Г. Томпсон, викторианская литература, теория метафоры, музыкальная метафора, индивидуально-авторская метафора

«Антропоцентрический принцип познания и организации языка проявляется в использовании человеком различных форм и моделей осмысления окружающего мира и своей роли в нем, а также в его языковой репрезентации» [Болдырев 2018: 26–27]. Одним из основных механизмов восприятия и объяснения человеком окружающего мира является метафоризация, т.е. установление ассоциативных связей между объектами окружающей действительности. Данные ассоциации могут быть как культурно и социально обусловленными, так и связанными с индивидуальными психологическими особенностями субъекта, и в художественном тексте репрезентируются в виде системы метафор, помогающих точнее понять его идейное содержание.

Основная идея стихотворения поэта-католика Викторианской эпохи Ф.Г. Томпсона (1859–1907) “Ode to the Setting Sun” (Ода заходящему солнцу), как отмечают исследователи, заключена в уподоблении солнечного заката сцене распятия Христа [Dimond 1936: 50–58]. Смена времен суток, которую люди видят ежедневно, по мнению Томпсона, подобно литургии, символически воспроизводит историю смерти и воскресения Христа и служит напоминанием о ней, а солярные культы древних народов предвосхищают идею поклонения единому Богу-Творцу – однако в современном суетном мире смотрят на небо и вспоминают о высших истинах только поэты. Раскрытию этих идей служит система индивидуально-авторских метафор, среди которых важное место занимают метафоры, связанные с музыкой.

1. MUSIC – область цели

Метафорическая модель MUSIC / MUSICAL INSTRUMENT IS HUMAN BEING (музыка (музыкальный инструмент) – это человек) встречается в тексте два раза, в начале и конце, образуя рамочную композицию. Лирический герой слышит звуки «сладких рыданий» скрипки (wailful sweetness of the violin), которым отвечает «тоскующее сердце» трепещущей арфы: *The heart-strings of the throbbing harp begin To long in aching music* [Thompson 1913: 205].

Скрипка и арфа – популярные в викторианскую эпоху инструменты салонной и камерной музыки, и, скорее всего, лирический герой слышит некую популярную песню, исполняемую во время домашнего музицирования. Выражение «heart-strings»

употребляется здесь одновременно и как общеупотребительный фразеологизм, применимый к психической деятельности человека («сердечные струны»), и как указание на реальные струны музыкального инструмента. Актуализация идиомы сама становится метафорой. В конце описание дуэта скрипки и арфы как мнимого диалога, каждый из участников которого занят только собственными страданиями (слово «thoughtless» применительно к их дуэту можно понимать и как «эгоистичный»), повторяется: *The sweet viol plains him to the harp, Whose panged sobbings throng tumultuously* [Thompson 1913: 214]. Характерно, что инструменты, участвующие в дуэте, наделены гендерными ролями: скрипка (переименованная в более архаичную виолу) – мужчина (*viol plains him*), а арфа – женщина; при этом в викторианской поэзии «женственным» инструментом чаще считалась именно скрипка, хотя игра на ней долгое время оставалась прерогативой мужчин [Swafford 2014: 11-12]. Профанная современная музыка оплакивает не смерть Христа и даже не само садящееся солнце, при описании которого используется модель SUN IS HUMAN BEING (солнце – это человек). Солнце как будто может услышать эту музыку и даже ошибочно принять ее за гимн себе: *O deceived, If thou hear in these thoughtless harmonies A pious phantom of adorings reaved, And echo of fair ancient flatteries!* [Thompson 1913: 205]. Этим она противопоставляется молитвенным песнопениям солнцепоклонников древности. Но она создает настроение, необходимое герою для достижения медитативного состояния. Музыка наделена и такими чертами человека (или живого существа), как дыхание (*The springing music, and its wasting breath*) [Thompson 1913: 206] и способность истекать кровью, вместе с раненой душой лирического героя и красным небом, в котором умирает солнце: *while soul, sky, and music bleed together* [Thompson 1913: 214].

С этой моделью связана модель MUSIC IS CRY / MUSIC IS PAIN (музыка – это плач / музыка – это боль). Звуки музыки, которую слышит лирический герой, характеризуются как *рыдание, жалобы, всхлипы, болезненные, щемящие*: *wailful sweetness, poignant sweetness, aching music, sweet viol plains him, panged sobbing*. Музыка не только выражает боль и страдание, она сама причиняет боль и страдание и ранит душу: *that poignant sweetness drifts, until The wounded soul ooze sadness* [Thompson 1913: 205]. Но ощущение душевной боли помогает лирическому герою настроиться на нужный лад, осознать символический смысл разворачивающейся перед ним природной мистерии и через боль ощутить радость от общения с Богом.

Модель MUSIC IS WATER / LIQUID (музыка – это вода / жидкость) встречается редко и в контекстах, которые можно понимать двояко. Садящееся солнце *sinks in music* – одновременно и опускается за горизонт под звуки музыки, и тонет в музыке: *O setting Sun, that as in reverent days Sinkest in music to thy smoothed sleep* [Thompson 1913: 205]. Слово *to bleed* применительно к музыке во фразе *while soul, sky, and music bleed together* [Thompson 1913: 214] можно понимать и как «истекать кровью», и как «течь, сочиться». Однако музыка – не только вода, но и некий плавучий объект. Музыка может плыть (*to float, to drift*) «вниз по тихим водам ветра» (*down*

the hushed waters of the wind) [Thompson 1913: 205] (сочетание с моделью WIND IS WATER, «ветер – это вода»). Ее движение создает параллель движению солнца, клонящегося к закату (*The red sun, A bubble of fire, drops slowly toward the hill*) [Thompson 1913: 205]. На идею воды (стихия, противоположная солнцу – «огненному шару») указывает еще одна строка, в которой неспетая песня героя, погибшая в глубине его лишенной вдохновения души, сравнивается с тонущим в темной воде солнцем: *other sun of Song sets in the bleakening waters of my soul* (модель MUSIC IS POETRY, о которой речь пойдет далее).

С этой моделью сближается модель MUSIC IS WIND (музыка – это ветер), встречающаяся в единичном случае: *In wafts that poignant sweetness drifts* – музыка, которую приносит герою ветер, сама подобна дуновению ветерка (и наделена дыханием). При этом в поэме фигурирует и образ поющего ветра (модель WIND IS HUMAN BEING, «ветер – это человек»): *The wind, that sings to himself as he makes stride Lonely and terrible on the Andean height* [Thompson 1913: 211]; оба эти контекста объединяет то, что и камерная пьеса, звуки которой подобны ветерку, и пение самого ветра – десакрализованная музыка, замкнутая на самой себе.

Модель MUSIC IS POETRY (музыка – это поэзия) не является в строгом смысле слова индивидуально-авторской, так как лирическая поэзия была связана с музыкой исконно, однако в “Ode to the Setting Sun” связь поэзии и музыки подчеркивается. Герой, стремящийся вернуть поэзии ее прежнее религиозное назначение, обращается к солнцу, призывая его услышать «песню, слишком дерзкую для Рима [т.е. христианства] и мрачную для Греции [т.е. язычества]»: *Fling from thine ear the burning curls, and hark A song thou hast not heard in Northern day; For Rome too daring, and for Greece too dark* [Thompson 1913: 206] (снова используется модель SUN IS HUMAN BEING, причем из антропоморфных черт солнца вновь выделяется способность слышать и понимать услышанное). Модель MUSIC IS POETRY соединяется с моделью MUSIC / MUSICAL INSTRUMENT IS HUMAN BEING во фразе: *Lo ever thus, when Song with corded charms Draws from dull death his lost Eurydice* [Thompson 1913: 211], где поэзия (песня) уподобляется мифологическому певцу Орфею, безуспешно пытающемуся вывести из царства мертвых свою жену Эвридику. В этой строке также можно видеть реализацию модели MUSIC IS MAGIC (музыка – это волшебство), так как атрибутом поэзии выступают «струнные чары» (corded charms).

2. MUSIC – область источника

Сюда относится единственная модель LIGHT (FIRE) IS MUSIC (свет (огонь) – это музыка). Она встречается при описании закатного неба: *Thy visible music-blasts make deaf the sky, Thy cymbals clang to fire the Occident...!* [Thompson 1913: 206]. Здесь используется прием синестезии (цветного слуха): яркий свет и красно-оранжевая цветовая гамма сопоставляются с громкой музыкой. Возможно, ассоциации с кимвалами (металлическими, чаще всего медными или бронзовыми, ударными инструментами, которые использовались на Древнем Востоке и в государствах античного мира при богослужении) возникают благодаря не только насыщенным

красным оттенкам заката, но и форме солнечного диска, похожего на оркестровую тарелку (которая тоже называется «cymbal»). Малиновый цвет и приглушенный свет низко стоящего над горизонтом солнца сравнивается со звучанием шалмея – старинного духового инструмента с низким хриплым звуком, напоминающего по конструкции гобой: *I see the crimson blaring of thy shawms!* [Thompson 1913: 206]. С отзвуками хвалебного гимна в честь солнца сравнивается вечерняя заря, не гаснущая после того, как солнце уже зашло за горизонт: *Lo! this loud, lackeying praise Will stay behind to greet the usurping moon...* [Thompson 1913: 206]. Древние ударные и духовые инструменты, с которыми ассоциируется закат, противопоставляются современному струнному, на фоне звучания которых садится солнце и чьи «бездумные созвучия» (thoughtless harmonies) так непохожи на гимны солнцепоклонников прежних времен. Музыка и свет оказываются неразрывно связанными с момента сотворения мира, когда юное солнце, впервые восходящее на небо, приветствовали пение ангелов и сияние их крыльев: *When the angels ...Sang each to other; The vaulted blaze overhead Of their vast pinions spread, Hailing thee brother* [Thompson 1913: 208].

Итак, в поэме Ф.Г. Томпсона “Ode to the Setting Sun” образ музыки строится на трех основных противопоставлениях: звук – свет, сакральное – профанное и христианское – языческое, которые не отрицают друг друга, а взаимно дополняют. Несмотря на то, что метафорических моделей, непосредственно касающихся образа музыки, в тексте сравнительно мало, они играют важную роль в создании индивидуально-авторской картины мира.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 26-36.

Dimond W.B. The Sun in the Poetry of Francis Thompson. Chicago, 1936. URL: https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=luc_theses

Swafford J.E. Transgressive Tunes and the Gendered Music of Victorian Poetry: A Dissertation presented to the Graduate Faculty of the University of Virginia in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Virginia, 2014.

Thompson F.H. The Collected Poetry of Francis Thompson. London: Hidder & Stoughton, 1913.

M.V. Semenikhina (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State Economic University

THE IMAGE OF MUSIC IN THE POEM “ODE TO THE SETTING SUN” BY F.H. THOMPSON

The article addresses the main metaphoric models involved in creating the image of music in the poem *Ode to the Setting Sun* by F.H. Thompson, an English Catholic poet at the turn of the 19th–20th centuries, and their connections with other models forming the system of metaphors in the analyzed text.

Key words: F.H. Thompson, Victorian literature, metaphor theory, musical metaphor, individual author’s metaphor

*А.А. Семенова (Москва, Россия)**Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
alisiciya@mail.ru*

ВОЛИТИВНАЯ ДОМИНАНТА СОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ АВТОКОММУНИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье система автокоммуникации рассматривается как психический процесс взаимодействия ценностно-смысловых позиций языковой личности. Диалогическая доминанта сознания личности исследуется с помощью психосемантической методики. Анализ двух размерностей сознательных переживаний позволяет определить волитивную доминанту сознания языковой личности персонажа. Материалом исследования является фрагмент романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

Ключевые слова: автокоммуникация, диалогическая доминанта сознания, волитивная доминанта, психосемантическая методика, интенциональность, трансцендентность

В процессе внутренней коммуникации происходит перекодировка сообщения, в результате трансформируется контекст и появляются новые смыслы [Лотман 2000]. Такое качественное изменение некоего постоянного объема информации приводит к трансформации самосознания путем перекодировки индивидуальной позиции в социальном контексте [Лотман 2000]. Автокоммуникация (термин Ю.М. Лотмана) – «внутренняя речь», описанная Л.С. Выготским как речь, обособленная от звуковой оболочки и от эгоцентрической (дорефлексивной) речи [Выготский 1934]. В отличие от письменной речи, которая максимально ориентирована на реципиента, внутренняя речь предикативна, согласно исследованию Л.С. Выготского, она состоит практически из одних сказуемых, опирается на «фон сознания» мыслящего, в котором сохранены предметные образы [Выготский 1934: 211], и соотносится со внешней речью так, как соотносятся представления о предмете и реальный предмет [Выготский 1934: 277].

Диалогическая доминанта – феномен автокоммуникации, концептуальная сфера внутреннего диалога, функционирующая в сознании личности при переживании психологического дискомфорта в определенных коммуникативных ситуациях. В зависимости от уровня внутреннего противоречия находится уровень диалогической доминанты – поведенческий, эмоциональный и когнитивный. Выбор позиции, которая разрешит внутреннее противоречие в правильном для личности русле, обусловлен работой воли.

Воля – это психический процесс взаимодействия внутренней рефлексии человека и зависящего от нее конкретного действия [Кравцов 2012]. Такая самостоятельная психическая функция существует только у взрослого человека, и развивается она вместе с человеческой психикой: от апперцепции, речевых навыков и внимания у детей до периодической рефлексии у подростков и постоянной внутренней рефлексии у взрослых. Появление субъекта воли Г.Г. Кравцов считает пиком развития рефлексивной способности личности, но волевые действия не обладают характеристикой постоянности и продолжительности у каждого человека, их активизация – это индивидуальный процесс [Кравцов 2012: 37].

Исследовать волевую доминанту сознания как концептуальный результат частного случая автокоммуникации в данном исследовании предлагается с помощью психосемантической методики В.И. Кабина и Э.В. Галажинского, которая заключается в анализе двух размерностей сознательных переживаний – интенциональной и трансцендентальной [Кабин 2023: 31-34].

В качестве материала исследования выбран фрагмент романа Ф.М. Достоевского «Подросток», раскрывающий процесс автокоммуникации, который завершается появлением в контексте волевой доминанты сознания языковой личности персонажа.

Исходная коммуникабельность любого психического процесса является интенциональностью, которая проявляется в четырех «качественно специфичных модальностях», которые не сводятся друг к другу, а вступают в функционально-циклическую связь, взаимодополняя друг друга как кумулятивные «формы-стадии» [Кабин 2023: 32] психической активности в системе автокоммуникации.

В таблице 1 анализируется фрагмент романа Ф.М. Достоевского «Подросток» (который начинается с реплики главного героя *Тут одно только серьезное возражение* [Достоевский 2021: 380-381]) методом выделения интенциональных модальностей с целью определения диалогической доминанты сознания языковой личности. Анализируемый фрагмент отражает процесс осмысления собственного поведения Аркадием Долгоруким.

Таблица 1. Интенциональность автокоммуникативной ситуации.

<i>Тип модальности</i>	<i>Примеры из текста</i>	<i>Выводы</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Мотивационная (модальность побуждения)	<i>«А с ней церемониться нечего»; Я должен был привести их, потому что я сел писать, чтоб судить себя. А что же судить, как не это? Разве в жизни может быть что-нибудь серьезнее?</i>	Выявлены две противоположные модальности побуждения, противоречащие друг другу.
Перцептивная (модальность восприятия)	<i>всё мечтал я, продолжая идти; «Нет, этого я никому не перескажу, – подумал я, страшно покраснев <...>»; Конечно, это только эссенция тогдашних мыслей, но, мне кажется, я этими самыми словами и говорил.</i>	Аркадий Долгорукий воспринимает собственную внешнюю и внутреннюю речь.
Имагинативная (модальность воображения)	<i>«Версиров разве не мог бы, женясь на маме, просить правительство о позволении усыновить меня...»; «С таким капиталом я брошусь в „идею“, и вся Россия затрепещет через десять лет, и я всем отомщу». «Струсит и просто пойдет. Простейшим и пошлейшим образом согласится и пойдет». «А что я собираюсь употребить „документ“ – так это ничего. Это не мешает ни благородству, ни великодушию. Потом все омоется, все загладится».</i>	Воображение полностью представлено только одной из личностных позиций сознания, которая входит в диалогическую доминанту данной автокоммуникативной ситуации.

Окончание табл. 1

1	2	3
Эмоциональная (модальность удовлетворения / неудовлетворения / модальность а мбивалентная)	«Страшно скверно!», «О, черт возьми, какая гадость!», «раздавленный на месте», «мучительное чувство унижения от сознания, что я мог пожелать такого позору, как перемена фамилии усыновлением», «вся радость моя разлетелась как дым»; «влюблен и глуп»; «<...> главное – сам человек, а потом его деньги. То есть не деньги, а его могущество». «Ламберт прав во всем», «Ламберт – подлец», «Женщина разве бывает без подлости», «Ничего, козь с грязнотой, если цель великолепна!»; «да простят мне, что я привожу весь этот тогдашний хмельной бред до последней строчки»	Выявлены две противоположные эмоциональные модальности, противоречащие друг другу. Противопоставление эмоций – <i>отражение, стыд, униженность, вина ↔ радость, влюбленность</i> – обусловлено столкновением ценностных ориентиров.

Выявленные модальности функционально связаны и отображают взаимосвязь психических процессов в языковой картине мира личности. Диалогическая доминанта сознания Аркадия Долгорукова в данной автокоммуникативной ситуации обусловлена противоречием мотивов его внутренней речи и эмоциональной нестабильностью. Для того чтобы более детально рассмотреть когнитивную сущность диалогической доминанты, необходимо обратиться к фундаментальной размерности сознательного психического – трансцендентности, которая включает в себя четыре холархических уровня переживаний личности [Кабрин 2023: 31-34].

В таблице 2 на основе полученных результатов определяются трансцендентные уровни с целью выявления волитивной доминанты сознания языковой личности в данной автокоммуникативной ситуации.

Таблица 2. Трансцендентность автокоммуникативной ситуации

Уровень трансцендентности	Концептосфера диалогической доминанты
1	2
Транстемпоральность ценностно-смысловых рефлексивных переживаний	В прошлом в воображении языковой личности возникают ценностные установки, выраженные концептами СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ЧЕЛОВЕК, ДЕНЬГИ, МОГУЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, ЖЕНЩИНА, ИДЕЯ, цель их возникновения – материализация в будущем. Реальная действительность отражена чувством вины за прошлые ориентиры, в настоящей ценностной системе возникает концепт САМООСУЖДЕНИЕ. Противоречие ценностно-смысловых рефлексивных переживаний настоящего и прошлого образуют диалогическую доминанту.
Транслокальность концептуальных проблемных переживаний	

Окончание табл. 2

1	2
Переживания с образной формой, которые способны кардинально и бесконечно менять образы впечатления, сохраняя их подобие с помощью фиксации значимых смысловых граней предметной реальности в виде вербальных и невербальных предметных символов	Образы, вызывающие как положительные, так и отрицательные эмоции: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ДЕНЬГИ, МОГУЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, ЖЕНЩИНА. Данные концепты в настоящем времени влияют на эмоциональное колебание личности. Концепты ЧЕЛОВЕК и ИДЕЯ сохраняют нейтральный статус в системе эмоционального восприятия.
Смыслообразующая психическая энергия, сила, которая организует воплощение семантической константы в тексте – в данном исследовании – волитивная доминанта сознания.	Результат переосмысления внутреннего диалога – волитивная доминанта САМООСУЖДЕНИЕ. Эта доминанта является основанием вербализации внутреннего диалога в дневнике Аркадия Долгорукого.

Внутренний диалог Аркадия Долгорукого раскрылся как процесс взаимодействия ценностно-смысловых позиций, выраженных концептосферой диалогической доминанты сознания, зафиксированных в форме относительно устойчивых смысловых образований личностных и эмоциональных отношений субъекта к значимым явлениям окружающей действительности. Диалогическая доминанта включает в себя несколько концептуальных составляющих, отражающих взаимодействие возникшего противоречия-основания внутреннего диалога. Волитивная доминанта САМООСУЖДЕНИЕ проявилась в сознании личности с целью разрешения противоречий между поступками, мыслями и ценностными установками.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что волитивная доминанта в системе автокоммуникации проявляется в частных случаях взаимодействия внутренних «Я» – во внутреннем диалоге языковой личности – с целью достижения целостности самовосприятия в окружающей объективной действительности, постижения истинного смысла всех происходящих вокруг явлений.

Литература

- Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования / под ред. и со вступ. статьей В. Колбановского. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
- Достоевский Ф.М. Подросток: роман. СПб: Азбука: Азбука-Аттикус, 2021.
- Кабрин В.И., Галажинский Э.В. Коммуникативная психосемантика индивидуального образовательного мира личности // Сибирский психологический журнал. 2023. № 89. С. 28-43.
- Кравцов Г.Г. Онтогенез воли // Вестник РГТУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2012. № 15 (95). С. 29-41.
- Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2000. С. 159-165.

*A.A. Semenova (Moscow, Russia)
The Kosygin State University of Russia*

THE VOLITIVE DOMINANT OF CONSCIOUSNESS IN THE SYSTEM OF LINGUISTIC PERSONALITY'S AUTOCOMMUNICATION

The article considers the system of autocommunication as a psychical process of linguistic personality's value-sense positions interaction. The linguistic personality's dialogic dominant of consciousness is investigated using the psychosemantic methodology. The volitive dominant of the character's linguistic personality consciousness is determined by analysing two dimensions of his conscious experiences. The material of the study is a fragment of F. M. Dostoevsky's novel "The Adolescent".

Key words: autocommunication, dialogical dominant of consciousness, volitive dominant, psychosemantic methodology, intentionality, transcendence

*A.C. Sigaev (Владимир, Россия)
Владимирский государственный университет
sigaevartem@gmail.com*

РОЛЬ КОГЕЗИИ В СТРУКТУРИРОВАНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА Р. БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»

Когезия в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» устанавливается с помощью тщательного структурированного повествования, которое сочетает в себе различные литературные приемы, чтобы проиллюстрировать противоречие между утопией и антиутопией, индивидуальностью и конформизмом. Яркие образы и разнообразный синтаксис также поддерживают сплоченность повествования.

Ключевые слова: когезия, интерпритация, повествование, метадискурс, метафора

Когезия – лингвистический элемент, соединяющий предложения и части текста, обеспечивая ему семантическое единство. Когезия часто связана с когерентностью, которая представляет собой общее ощущение единства и ясности текста. В то время как когезия связана с конкретными языковыми особенностями, когерентность больше относится к логике и пониманию текста [Jinam 2023].

В антиутопическом романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» рассматриваются темы цензуры и конформизма. Книги запрещены и уничтожаются «пожарными». Данный текст стал краеугольным камнем американской литературе, резонируя в различных культурных контекстах.

Нельзя не рассматривать роман как метадискурс – язык, который писатели используют для комментариев к своим собственным текстам, – и анализ метадискурсивных элементов, в частности когезии, играет важную роль в понимании произведения; улучшает повествование, направляя читателей вслед за раскрытием характера персонажей и изменений в их представлении об окружающем мире.

Брэдбери эффективно передает свое послание через широкий спектр языковых систем, подчеркивая влияние стандартов общества потребления на традиционные

культурные ценности [Gorlach 2020: 94]: матрица систем слов, включая фонологические, концептуальные и синтаксические стратегии.

Например, аллитерация звуков [s] вызывает ощущение горящей бумаги, а концептуальные поля типа DARK-COLD-EMPTY усиливают антиутопическую атмосферу.

Акт сжигания книг описывается метафорой, где книги сравниваются с «горящими птицами»: *roasted birds whose wings [are] ablaze with red and yellow feathers*, одновременно подчеркивая жизнеспособность и красоту литературы, которая разрушается.

Когезия включает в себя грамматические и лексические связи, такие как отсылки, эллипсис, замены, многоточия, союзы и лексический повтор, которые помогают связывать предложения и идеи внутри текста [Jinam 2023].

Эллиптические предложения и разделительные вопросы используются для подчеркивания внутренних конфликтов персонажей. Главный герой, Гай Монтэг, претерпевает глубокую трансформацию: от самодовольного пожарного, который поддерживает навязанный режим, до революционной фигуры, ищущей знания и автономии. Переходные фразы такие как *however* и *on the other hand* направляют читателя через понимание Монтэга действительности.

Структура повествования романа исследует противоречия между утопическими и антиутопическими элементами, размышляя о социальных проблемах, таких как влияние средств массовой информации на образование и историю (и «продвижение» идеи сжигания книг) [Joodaki 2016: 223], моральный упадок и социальное неравенство: наличие интерактивных телевизионных стен и доминирование «экранов» иллюстрирует мир, где подлинные отношения вытесняются искусственными взаимодействиями [Abootalebi 2017: 10]. Частые ссылки на Библию и христианские ценности создают противоречия между репрессивным обществом и идеалами свободы, истины и просветления. Роман как бы противопоставляет такие ценности с новой «религией» контролируемых государством СМИ, что выявляет опасность средств массовой информации как инструмента идеологического контроля [Frenning 2018]. Брэдбери использует религиозные метафоры для критики манипулирования убеждениями и эрозии культурных ценностей: *sheep who returns to the fold*.

Когезия – фундаментальный аспект построения текста, обеспечивающий необходимые связи между предложениями и идеями. Когезия является одним из определяющих факторов, от которого зависит логическая структура текста и интерпретация читателя. В романе «451 градус по Фаренгейту» когезия помогает создать мощное повествование, критикующее общество потребления и утрату культурных ценностей.

Литература

Abootalebi H. The Omnipresence of Television and the Ascendancy of Surveillance/ Sousveillance in Ray Bradbury's Fahrenheit 451 // K@ta: A Biannual Publication on the Study of Language and Literature. 2017. Vol. 19 No. 1. Pp. 8-14.

Frenning H. Burning the Good Book: Religion and ideology in Ray Bradbury's Fahrenheit 451. Lund University, 2018. URL: <https://www.lunduniversity.lu.se/lup/publication/8933612>

Gorlach M. A Qualitative Analysis of Fahrenheit 451: Mapping the Linguistic Make-Up of Literary Texts // Nordic Journal of English Studies. 2020. Vol. 19. No. S2. Pp. 94-116.

Jinam E. The Role of Cohesion in Text Organization // Text Book of IJHER Congress, 2023. Pp. 47-64.

Joodaki A. The Ubiquitous Effect of Television and Dominant Surveillance in Ray Bradbury's Fahrenheit 451 // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2016. Vol. 7. Issue 3. Pp. 223-230.

A.S. Sigaev (Vladimir, Russia)

Vladimir State University

THE ROLE OF COHESION IN STRUCTURING AND INTERPRETING FAHRENHEIT 451 BY R. BRADBURY

Cohesion in R. Bradbury's novel Fahrenheit 451 is established through a carefully structured narrative that combines various literary devices to illustrate the contradiction between utopia and dystopia, individuality and conformity. Vivid imagery and varied syntax also support the cohesion of the narrative.

Key words: cohesion, interpretation, narrative, metadiscourse, metaphor

В.Л. Соколова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет;

Дипломатическая академия МИД РФ

sokolova_mglu@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОРТРЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ

В данной статье дискурсивная структура англоязычного портретного интервью рассматривается применительно к гендерной принадлежности интервьюируемых знаменитостей. В ходе исследования выявляются некоторые гендерные отличия в дискурсе рассмотренных автором англоязычных портретных интервью и делаются выводы относительно влияния гендера на дискурс данного жанра интервью.

Ключевые слова: англоязычное портретное интервью, интервью-портрет, дискурсивное программирование, реализованное дискурсивное программирование, нереализованное дискурсивное программирование, отсроченное дискурсивное программирование

В последние десятилетия как отечественные, так и зарубежные исследователи обращались к гендерной обусловленности различных аспектов коммуникации: от общих (язык и гендер) [Горошко 1999; Tannen 1990; Swann 1992; Holmes, Meyerhof 2005] до таких узко-специфичных, как конфликтогенность гендерного фактора в институциональной коммуникации [Гусейнова 2021], гендерная маркированность политического дискурса [Куницына 2011], невербальные аспекты гендерной коммуникации [Крейдли 2003].

Не были обделены вниманием лингвистов и гендерные аспекты дискурса англоязычного интервью. В частности, в исследовании М.В. Пронякиной на англоязычном материале рассматривались гендерные особенности журнального интервью [Пронякина 2017], а в работе Т.А. Ширяевой и М.Л. Аваковой – гендерный аспект коммуникативного доминирования в англоязычных интервью [Ширяева, Авакова 2018]. Несмотря на, казалось бы, высокую степень изученности как гендерного дискурса, так и дискурса интервью, с выявлением новых классификаций и жанров интервью, а также с разработкой новых методик дискурсивного анализа появляются новые возможности и перспективы гендерных исследований.

В своем докладе мы обращаемся к особенностям дискурсивной структуры одной из жанровых форм англоязычного интервью, которое было выделено в отдельный жанр относительно недавно и получило название портретного интервью или интервью-портрета [Лукина 2008]. Как отмечается в исследовании М.Н. Ким, портретное интервью сфокусировано на личности интервьюируемого и факторах, повлиявших на ее становление [Ким 2011]. Учитывая его обращение к личностным качествам интервьюируемого, жанр интервью-портрета, полагаем, представляет собой благодатную почву для исследования влияния гендера на построение дискурса интервью.

Для установления особенностей построения дискурса со стороны интервьюируемых женщин и мужчин мы обратились к выявленному ранее в наших работах механизму организации и самоорганизации англоязычного дискурса, названному дискурсивным программированием [Соколова 2023]. Данный механизм основан на взаимной обусловленности элементов дискурса, один из которых (дискурсивно программирующий элемент) устанавливает коммуникативные антиципации аудитории, а второй (дискурсивно программируемый элемент) их либо оправдывает, либо не оправдывает. В основе дискурсивного программирования, как мы полагаем, лежит фреймовый механизм, в соответствии с которым дискурсивно программирующий фрейм либо реализует дискурсивно программируемый фрейм как один из своих терминалов, либо имеет с дискурсивно программируемым фреймом один или несколько общих терминалов. При этом дискурсивно программируемый фрейм реализуется далеко не во всех случаях сразу после дискурсивно программирующего. В ходе предыдущих исследований были обнаружены также случаи отсроченного дискурсивного программирования, частично реализованного дискурсивного программирования, дискурсивного программирования со ступенчатой реализацией и полностью нереализованного дискурсивного программирования, когда установленные дискурсивно программирующим фреймом антиципации полностью не оправдываются [Соколова 2023]. Именно применительно к обозначенным выше параметрам и была осуществлена попытка проведения гендерного исследования дискурсивной структуры англоязычных портретных интервью с британскими и американскими восемнадцатью знаменитостями: девятью мужчинами и девятью женщинами.

1. Реализованное дискурсивное программирование

1) с единовременной реализацией

Случаи единовременной реализации дискурсивного программирования, когда дискурсивно программирующее высказывание следует за дискурсивно программируемым, отмечались как в интервью со знаменитостями-мужчинами, так и со знаменитостями-женщинами. В приведенном ниже примере слот фрейма HAPPINESS заполняется в полной мере и без какого-либо временного интервала:

INTERVIEWER: *Mr. Cumberbatch, what is happiness for you?*

B. CUMBERBATCH: *Happiness for me is just being; just being at any given moment. If you are searching for happiness, you are not happy* (Benedict Cumberbatch: Your mind has the power to shape reality, May 2, 2018).

2) со ступенчатой реализацией

Примеры со ступенчатой реализацией дискурсивного программирования, когда слоты фрейма, заданного интервьюером, заполнялись не единовременно, а постепенно также встречались как в интервью с мужчинами, так и с женщинами-знаменитостями. Например, в приведенных ниже строчках из интервью с британской певицей Адель слоты фрейма ATTITUDE заполняются постепенно, в три этапа:

CLAYTON PERRY: *In December 2007, you were announced to become the first recipient of the Critics' Choice prize <...>. How does it feel to be the cover girl for that?*

ADELE: 1) *When I found out I won it, I was confused because I didn't know about the new BRIT Award <...>* 2) *I felt a little bit cheated winning an award before anything <...> by the time I was picking up the award <...> it felt all right to win it.* 3) *It felt good and I was a little less embarrassed* (Interview: Adele – Singer and Songwriter, June 16, 2008).

3) с отсроченной реализацией

Примеры отсроченной реализации дискурсивного программирования также встречались в дискурсе как мужских, так и женских портретных интервью. Их характерной особенностью явилось то, что слот дискурсивно программирующего фрейма заполнялся не сразу, а по прошествии некоторого времени или (в скриптах интервью) через некоторое количество печатных знаков, как в приведенном ниже примере:

INTERVIEWER: *Is it strange to look back on your films after having had these revelations? It must be like seeing someone else entirely.*

JIM CARREY: [через 573 п.з.]... *"If I can put Jim Carrey aside for four months, who is Jim Carrey? <...>"* (Jim Carrey: «There is no me», January 17, 2018).

2. Частично реализованное дискурсивное программирование

Случаи частично реализованного дискурсивного программирования, когда слот дискурсивно программирующего фрейма заполнялся не дискурсивно программируемым фреймом, а терминалом макро-фрейма, включающего в себя дискурсивно программируемый фрейм, были относительно редки и встречались преимущественно в интервью со знаменитостями-мужчинами. В приведенном ниже

примере слот *attitude* фрейма TELLING JOKES заполняется подфреймом LACK OF INVOLVEMENT макрофрейма ATTITUDE OF COMEDIANS:

INTERVIEWER: *Do you sometimes still get nervous when you tell jokes like that though?*

RICKY GERVAIS: *Some people are scared of taboo subjects, but I think it's always important to point and hold the mirror up. That's what a comedian's job is; they're not politicians. Politicians worry about popularity, whereas comedians shouldn't worry about popularity, they should worry about the truth* (Ricky Gervais: «The truth is more devastating than a lie», April 6, 2016).

3. Нереализованное дискурсивное программирование

В материале исследования примеры нереализованного дискурсивного программирования, когда слот дискурсивно программирующего фрейма так и остается незаполненным, встретились только в интервью со знаменитостями-мужчинами. В частности, в интервью с Илоном Маском заданные интервьюером слоты фрейма CHANGING THE COVID MISINFORMATION RULES остались незаполненными из-за нежелания интервьюируемого отвечать на обращенный к нему вопрос:

INTERVIEWER: *You've changed the Covid misinformation rules.*

ELON MUSK: *Has BBC changed the Covid misinformation?*

INTERVIEWER: *The BBC does not set the rules on Twitter* [через 799 п.з.] *Let's talk about something else* (Elon Musk Interview with the BBC, November 4, 2023).

Таким образом, проведенное исследование показало, что гендерный фактор в некоторой степени влияет на дискурсивную структуру англоязычного портретного интервью. В частности, в интервью со знаменитостями-мужчинами отмечается большая вероятность установления нереализованных или частично нереализованных дискурсивных антиципаций. При этом, в целом, дискурсивная структура большинства рассмотренных портретных интервью определяется не столько гендерными, сколько жанровыми параметрами, в частности, вопросно-ответной формой интервью.

Литература

Горошко Е.И. Пол. Гендер. Язык. // Женщина. Гендер. Культура. М.: РЛШГИ, 1999. С. 98-111.

Гусейнова И.А. Гендер как конфликтотенный фактор институциональной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11 (853). С. 59-74.

Ким М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011.

Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: Культурно-универсальные и культурно-специфические особенности невербального коммуникативного поведения // Гендер: Язык, культура, коммуникация: материалы Третьей международной конференции. М.: Изд-во МГЛУ, 2003. С. 67-68.

Куницына Е.В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты: на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы: автореф. дис... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.

Лукина М.М. Технология интервью: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2008.
Пронякина М.В. Гендерные особенности англоязычного текста журнального интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

Соколова В.Л. Типология и коммуникативный потенциал дискурсивного программирования в зависимости от его направленности и качественных характеристик (на материале англоязычного дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 7 (875). С. 119-125.

Ширяева Т.А., Авакова М.Л. Гендерный аспект коммуникативного доминирования (на материале англоязычного дискурса интервью) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3 (31). 2018. С. 54-60.

Holmes J., Meyerhof M. The Handbook of Language and Gender. Oxford: Blackwell Publishing, 2005.

Swann J. Girls, boys, and language. Oxford: Basil Blackwell, 1992.

Tannen D. You just Don't Understand: Women and Men in Conversation. New York: Morrow, 1990.

V.L. Sokolova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

GENDER ASPECTS OF THE DISCURSIVE STRUCTURE OF THE ENGLISH PERSONALITY INTERVIEW

This article attempts at exploring how the gender of the interviewees influences the discursive structure of English personality interviews. The study reveals certain differences between male and female discourse in the research material and enables the author to make conclusions about the impact that the gender of the interviewees has upon the structure of English portrait interviews.

Key words: English personality interview, celebrity interview, discursive programming, implemented discursive programming, unimplemented discursive programming, delayed discursive programming

А.О. Тананыхина (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
allatan@mail.ru*

А.Ю. Тананыхина (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный педагогический университет
asya-tm@yandex.ru*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА УЖАС В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНОМ ТЕКСТЕ

В статье дается целостное представление о репрезентации эмотивно-художественного концепта «Ужас» в сказочных текстах, данного в русле когнитивной стилистики и выполненного на базе анализа эволюции английских сказочных текстов от фольклорной сказки до фэнтези. Особое внимание уделяется изменению содержания концепта.

Ключевые слова: концепт, ужас, сказка, фэнтези, эмотивность

Английский сказочный текст, зародившийся в XVII в. и активно развивающийся и эволюционирующий в XVIII–XXI вв., отличается от других сказочных текстов не только географической и национально-исторической специализацией, но и особенной композицией концептуального смысла сказочных текстов. В частности, одним из основных концептов, лежащих в основе концептуального смысла сказочных английских текстов, является концепт УЖАС (HORROR) [Tatar 2009], обладающий глубоким внутренним смыслом [Тананыхина 2014]. В отечественной лингвистике существует веер определений понятий и точек зрения на природу концепта. Наиболее важным для настоящего исследования является мнение Ю.С. Степанова, что «концепт – сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997]. Концепт содержит в себе не только смысловую, но и эмотивную, художественную и эстетико-оценивающую составляющие. Эмотивный аспект является естественным компонентом концепта, эмотивность выступает как особая текстовая категория в актуализации концепта УЖАС, поэтому данный конструкт логично рассматривать именно как эмотивно-художественный концепт. Наиболее интересным и актуальным представляется рассмотрение концепта УЖАС с позиций когнитивной стилистики как интенсивного современного междисциплинарного направления изучения актуализации концептов с помощью углубленного исследования репрезентации стилистических средств [Stockwell 2002].

Начиная с фольклорной сказки, одним из завораживающих и привлекающих внимание читателя концептов становится концепт УЖАС, присутствующий во многих текстах фольклорных сказок. Причем актуализация концепта в английской сказке не сводится к простому испугу или физическому страху. Он проникает в самую суть повествования, затрагивая глубинные психологические и мировоззренческие аспекты. В сюжетах английских сказок часто встречаются зловещие и фантастические существа (ведьмы, призраки), и в их речи присутствуют различные волшебные фразы и заклинания, так называемые формулы сказки [Рошияну 1974], актуализирующие концепт. В сборнике сказок Дж. Джекобса с большей частотностью используется следующая формула: *Fee-fi-fo-fum, I smell the blood of an Englishman / Christian/ British/ some earthly man* [Jacobs 2005: 42, 44, 70, 79, 80, 154]. Формула-угроза-считалка, символизирующая людоедство, включает аллитерацию “Fee-fi-fo-fum”, придавая сказочной формуле особую выразительность, создавая яркий звукообраз. Концепт «Ужас» актуализируется еще одной сказочной формулой: *BE BOLD, BE BOLD, BUT NOT TOO BOLD, LEST THAT YOUR HEART'S BLOOD SHOULD RUN COLD* [Jacobs 2005: 94, 96]. Помимо повторов и аллитерации, в этой формуле использована капитализация букв для визуализации современного общения, усиления игрового начала сказочного дискурса. Действия персонажей сказок зачастую связаны с нанесением увечий, в сценах может присутствовать описание ран, порезов, крови и смерти, например, *I'll grind his bones to make me bread!; I will tear thee with my teeth, suck thy blood, and grind thy bones to powder; I'll dash his brains from his brain-pan; And*

the spider suck'd every drop of his blood; I opened the door, and the room was filled with bodies and skeletons of poor dead women, all stained with their blood [Jacobs 2005: 42, 70, 79, 80, 93, 96, 127, 140].

Ступая по лестнице эволюции, в XIX веке развитие английского сказочного текста продолжила англоязычная литературная сказка, в которой также отмечаются кроважадные и кровавые сцены. Например, в сказке братьев Гримм “Cinderella” в актуализацию концепта УЖАС вплетаются кровавые моменты отрезания частей тела, стекания крови и сцены описания боли: *she took the knife and cut off a part of her heel; There's blood all over; her blood was streaming out of the slipper; she bit her lips and cut off a large part of her toes* [Brothers Grimm 2014: 76]. Кровавые сцены рекуррентно встречаются и описываются и в других сказках братьев Гримм, например, в сказке “Fitcher's bird”:: *she saw a large basin in the middle with dead and butchered people lying in it* [Brothers Grimm 2014: 146] или в сказке “Sweetheart Roland”:: *she gripped an axe with both hands and began chopping until she chopped off her own child's head; she was compelled to dance and dance without stopping so that the thorns tore the clothes from her body and scratched her so badly that blood flowed, and she died from the wounds* [Brothers Grimm 2014: 183, 184] или же в сказке “Bluebeard”:: *when the door opened, a stream of blood flowed toward her, and she saw dead women hanging along all the walls, some only skeletons* [Brothers Grimm 2014: 203]. Для актуализации концепта УЖАС используются соответствующий фон – лексика убийства и ужаса, изобилующая как орудиями убийства: *axe, thorns*, так и сценами убийства и смерти: *a large basin in the middle with dead and butchered people lying in it; until she chopped off her own child's head; scratched her so badly that blood flowed, and she died from the wounds*. Текстовый портрет эмотивно-художественного концепта УЖАС сопровождается эмоциями удивления, страха и трепета перед чем-то непонятным и ужасным.

Современные сказочно-фантазийные тексты жанра фэнтези также унаследовали в своей структуре концепт УЖАС, являющийся одним из основополагающих в известнейшей серии сказок Джоан Роулинг. В романе “Harry Potter and the Chamber of Secrets” концепт УЖАС воплощается через описание Василиска: *there is none more curious or more deadly than the Basilisk... This snake, which may reach gigantic size... Its methods of killing are most wondrous, for aside from its deadly and venomous fangs, the Basilisk has a murderous stare, and all who are fixed with the beam of its eye shall suffer instant death* [Rowling 2004: 215]. Эстетико-художественная сторона концепта актуализируется с помощью метафорических эпитетов, лексически описывающих ужас и страх *curious, deadly, gigantic, wondrous, venomous, murderous* и сравнений, выражающих лексику ужаса и страха смерти *none more curious or more deadly than the Basilisk; Its methods of killing are most wondrous*. Эмотивно концепт представлен состояниями удивления, страха и смертельного ужаса *Basilisk has a murderous stare, and all who are fixed with the beam of its eye shall suffer instant death* [Rowling 2004: 215].

В романе-фэнтези Джорджа Мартина “A Game of Thrones” одним из основных концептов является также концепт УЖАС, актуализируемый через описание сверхъестественных существ “The Others”, «Иные»: *They were cold things, dead things, that hated ...every creature with hot blood in its veins. They swept over ... cities and kingdoms, felled heroes and armies by the score, riding their pale dead horses and leading hosts of the slain* [Martin 2016: 225]. Концепт реализуется с помощью характерной лексики, связанной с описанием мертвых и смерти *cold things, dead things, felled heroes and armies by the score*, содержащей эмотивные семы, контекстуальные эмотивные метафорические эпитеты, употребления кинем, содержащих эмотивные семы: *They swept over ... cities and kingdoms, felled heroes and armies by the score, riding their pale dead horses and leading hosts of the slain* и прямой номинации самой эмоции других, сверхъестественных существ, (не людей!): *that hated “...every creature with hot blood in its veins”* [Martin 2016: 225]. Таким образом, репрезентация концепта подкрепляется зрительной, двигательной и эмотивной составляющими.

Таким образом, языковыми средствами актуализации концепта УЖАС являются так называемые «формулы сказки», включающие аллитерацию, повторы и капитализацию; лексические средства, связанные с описанием ран, крови, смерти и мертвых; метафорические эпитеты и сравнения, описывающие испуг, страх, трепет и смертельный ужас. Неизменным компонентом актуализации концепта УЖАС является эмотивная составляющая, включающая эмоции удивления, испуга, страха и смертельного ужаса. Актуализация концепта УЖАС зачастую подкрепляется зрительной и двигательной компонентами.

Становится очевидным, что эмотивно-художественный концепт в современных текстах фэнтези эволюционировал, утратив кровавость, кровожадность и крайнюю жестокость, приобретя более выраженную художественную и эмотивную составляющую, компоненту образности и эмотивности, включающую в себя эмоции удивления, страха и трепета перед смертью, чем-то непонятным и ужасным.

Литература

- Рошину Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Тананыхина А.О. Основные концепты сказочно-фантазийных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 165-168.
- Brothers Grimm. The Complete First Edition. The Original Folk & Fairy Tales of the Brothers Grimm Translated & Edited by Jack Zipes. Princeton University Press, 2014.
- Jacobs J. English Fairy Tales Collected by Joseph Jacobs. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2005.
- Martin G.R.R. A Game of Thrones. New York: Harper Collins, 2016.
- Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. London: Bloomsbury, 2004.
- Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. London and New York: Routledge, 2002.
- Tatar M. Enchanted Hunters: The Power of Stories in Childhood. N.Y., 2009.

*A.O. Tananykhina (St. Petersburg, Russia)
State Russian Herzen Pedagogical University*

*A.Yu. Tananykhina (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT *HORROR* IN THE ENGLISH- LANGUAGE FAIRY-TALE TEXT

The article presents a holistic reality of the representation of emotive artistic concept *HORROR* in fairy-tale texts given in the way of cognitive stylistics made on the basis of evolution of English fairy-tale texts from folklore up to fantasy texts. A special emphasis is put on changes in the content of the concept.

Key words: concept, horror, fairy-tale, fantasy, emotivity

А.П. Ушакова (Тюмень, Россия)

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. В.И. Прошлякова
apushakova@rambler.ru*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА МАКСИМОВИЧА «ФЕАТРОН»

В статье анализируются ценностные аспекты поведения человека, стоящего у власти. Данные аспекты применимы к любому человеку, желающему жить по совести, в соответствии с заповедями Божиими. Хотя текст был написан в конце XVIII в., его идеи значимы и сейчас. Вопросы власти, управления государством всегда актуальны, нравственные вопросы имеют ценность и значимость во все времена.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, ценность, благочестие, польза, истина

Обращение к данной теме считаем актуальным, так как культурные ценности наиболее важны сейчас, когда в мире идет борьба различных идеологий, подходов к управлению государством, пониманию долга, защиты отечества, жизненных идеалов.

Святитель Иоанн (Максимович) – митрополит Сибирский и Тобольский является не только проповедником, служителем православной веры, но и автором многих произведений, где поднимается вопрос о значимости человека, созвучности его жизни с Божией волей. Святитель Иоанн приехал в Сибирь в эпоху правления императора Петра I. Он занимал Тобольскую кафедру с 1711 по 1715 г. Митрополит Иоанн был канонизирован 10 июня 1916 г., это наиболее чтимый в Сибири святой.

Книгу «Феатрон» святитель Иоанн Тобольский перевел с латинского сочинения папского каноника Амвросия Марлиана. Она была издана в 1708 г. и никогда не переводилась на современный русский язык. Автор подходил творчески к переводу, сообразуя содержание текста с православным взглядом на управление государством. Труд святителя Иоанна можно назвать энциклопедией власти во всех ее проявлениях. Полное название книги в переводе на русский язык *Феатрон*,

что означает обозрение всенародное, для царей, князей и владык, и для всех чинов полезное [Максимович 2017: 28]. С церковнославянского языка на современный русский фундаментальный труд святителя Иоанна (Максимовича) был переведен в 2017 г. сотрудниками Тюменского культурного центра «Русская неделя». Книга имеет 856 страниц, содержит более 1500 иллюстраций и 1700 ссылок научного аппарата. В книге приводится также церковнославянский оригинал глав, и каждый желающий может самостоятельно перевести «Феатрон» [Максимович 2017: 567-851].

Книга обладает высокой историко-культурной, научной, художественной, материальной ценностью; относится к числу книжных памятников национально-го значения, представляет собой одно из лучших переводных сочинений начала XVIII в., изданных в России. «„Феатрон“ святителя Иоанна Тобольского послужит добрым советом для всех, ищущих духовной жизни во Христе», – отмечает издатель Мирослав Юрьевич Бакулин.

В книге подчеркиваются и рассматриваются различные аспекты личности человека, стоящего у власти. Рисуеться образ начальника, каким он должен быть в соответствии с его предназначением: служить своему отечеству на благо государству и для славы народа. Автор замечает, что это тяжкий труд и выделяет те нравственные ценности, которыми должен обладать начальствующий. Это кодекс чести и для любого человека, желающего честно и добросовестно служить своей Родине.

Ценности занимают важнейшее место в жизни человека и общества. Именно они определяют наш образ жизни и являются неким ориентиром, который указывает путь. В настоящее время существует множество областей знания, которые изучают ценности в различных ракурсах. Это, в первую очередь, философия, а также психология, социология, культурология и педагогика. Современная лингвистика также обратилась к этому вопросу, что привело к возникновению новой отрасли знания – аксиологической лингвистике, идеи которой особенно активно развивают Николай Николаевич Болдырев, представители волгоградской лингвистической школы и другие ученые [Болдырев 2008, Карасик 1996, 2004].

Из текста «Феатрон» Святителя Иоанна мы выделили три значимых ценностных аспекта в поведении начальствующего: **благочестие, польза, истина.**

Благочестие. Святитель Иоанн в первой главе дает следующее определение: *Начальник должен выбрать для своей жизни достойный образ, чтобы все следовали ему, как тень* [Феатрон 2017: 36]. Автор замечает: *Начальник, подобно солнцу, обращая на себя взоры, должен жить благонравно, потому что граждане своими нравами ему подражают, и он, как божественный магнит, к себе привлекает подчиненных* [Феатрон 2017: 37]. Далее приводится стихотворение поэта в подтверждение мысли о благочестии начальника:

*В желании власти сначала свой долг ты исполни,
Тогда все приказы исполнит и твой подчиненный.
Не так люди следуют внешним словам,*

Как подражают разумным и добрым делам.

Великие и славные начальника деяния

Рождают в подчиненных подражание [Феатрон 2017: 37].

То же подтверждает другое стихотворение:

Хороший начальник по-доброму правит.

У подчиненных он нравы исправит.

Как тень весь день за фигурой летает,

Так за начальником доброе все повторяют [Феатрон 2017: 50].

Полезьа. Данная ценность также занимает важное место в поведении начальника, она созвучна истине: *Праведно управляет лишь тот, кто никому не вредит, но всем творит добро, прилежно заботится об общественной пользе, желает не получать выгоду от народа, но, напротив, всем помогать, по образу Создателя, сотворившего все из ничего и управляющего всем* [Феатрон 2017: 53-54].

Святитель Иоанн приводит сравнение труда начальника с трудом пчелы:

Мед золотой пчелы весь день собирали,

Чтобы другие их труд за них поедали [Феатрон 2017: 46].

Как трудолюбивые пчелы не на себя работают, но людям на пользу сладость собирают, так и начальники для общей пользы совершают свои труды [Феатрон 2017: 46].

Таким образом, начальник должен трудиться для пользы своего государства, тогда и народ будет честен и благочестив.

Истина. Автор выделяет в название второй главы определение значимости данной ценности: *Если будет начальник неразлучным спутником истине, то будет и держава его процветать веками* [Феатрон 2017: 52]. Далее автор приводит различные иллюстрации, где показана необходимость следовать истине: *Не всему, что слышим, стоит верить, но много дает то, что видим своими глазами. ...Хорошо об этом сказал поэт:*

Свидетельство одно представлено словами,

Но истина важней, когда стоит перед глазами [Феатрон 2017: 60].

Также приводятся краткие афоризмы: *Сократ сказал о своем друге: «Платон мне друг, но истина дороже»* [Феатрон 2017: 58]. *Блаженный Августин часто повторял: «Если в царстве забыта истина, то это уже вертеп разбойников»* [Феатрон 2017: 69]. Как правило, глава заканчивается итогом в стихотворной форме:

Имея власть, используй благонравно:

Богач, бедняк пусть будут равноправны.

Тогда судьей народу будешь славным [Феатрон 2017: 69].

Таким образом, в произведении святителя Иоанна Максимовича «Феатрон» наряду с другими вербализованы следующие культурные ценности: благочестие, польза, истина. Они должны быть присущи людям, стоящим у власти, и важны для каждого человека, желающего жить по совести, по заповедям Божиим.

Литература

Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 25-37.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3-16.

Святитель Иоанн (Максимович) Феатрон / пер. с ц.-сл. М.Ю. Бакулин и Т.А. Сайфуллин. Тюмень: Русская неделя, 2017.

A.P. Ushakova (Tyumen, Russia)

*Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after V.I. Proshlyakov*

VERBALIZATION OF CULTURAL VALUES IN THE WORK OF ST. JOHN (MAXIMOVICH) "FEATRON"

The article analyzes the value aspects of the behavior of a person in power. These aspects are applicable to any person who wants to live according to conscience, in accordance with the commandments of God. Although the text was written at the end of the 18th century, its ideas are still significant today. Issues of power, government are always relevant, moral issues have value and significance at all times.

Key words: axiological linguistics, value, piety, benefit, truth

O.C. Федотова (Рязань, Россия)

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ofedotova81@mail.ru*

ФРЕЙМОВЫЕ МОДЕЛИ МЕТАДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА В ЭКСПЛИЦИТНОМ ДИАЛОГЕ АВТОРА С ЧИТАТЕЛЕМ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Настоящая статья посвящена анализу эксплицитного диалога автора с читателем. Установлены фреймовые модели метадискурса автора и основные языковые средства, используемые для их реализации. Выявлено, что на протяжении нескольких веков развития англоязычного художественного нарратива метадискурс автора является неотъемлемой частью любого произведения. Изменения наблюдаются в использовании фреймовых моделей метадискурса и некоторых языковых средств.

Ключевые слова: англоязычный художественный нарратив, метадискурс автора, эксплицитный диалог, фреймовая модель метадискурса, временной сдвиг, генерализация

Художественный текст представляет собой обширное поле для лингвистических исследований, так как в нем содержится огромный пласт самой разнообразной информации. Совершенно очевидно, что «современное лингвистическое исследование художественного текста подразумевает не только изучение языковых средств, функционирующих в тексте и обеспечивающих его построение, но и пристальное внимание к социально-историческому, культурному и литературному контекстам эпохи» [Сорокина 2022: 98]. Иными словами, в настоящее время исследуется не только чисто лингвистическая сторона текста, но и содержательная.

В данной статье используется фреймовый подход к анализу метадискурса автора англоязычных художественных произведений. Вслед за Е.Г. Беляевской мы полагаем, что фреймы являются структурами представления знаний о некотором фрагменте внеязыковой действительности. При этом изначально фреймы должны трактоваться как многомерные двухуровневые структуры, включающие в себя собственно семантический уровень и концептуальный уровень [Беляевская 2013]. В нашем исследовании мы выделяем, с одной стороны, фикциональную реальность художественного произведения, и форму подачи происходящих в фикциональной реальности событий, с другой. Метадискурс – это то, каким образом автор преподносит читателю свое видение происходящих в фикциональной реальности событий, какие ставит акценты, каким образом характеризует персонажей и т.п.

Целью статьи является представить и описать фреймовые модели метадискурса англоязычной художественной прозы, а также проследить их диахронические изменения на протяжении нескольких веков: с XVIII по XXI в. В ходе исследования были проанализированы произведения английских и американских авторов общим объемом более 60 000 страниц. Объектом исследования в данной статье является эксплицитный диалог автора с читателем, в котором автор на время делает паузу в передаче событий фикциональной реальности и обращается к читателю напрямую, «обсуждая» с ним самые разнообразные вопросы. В эксплицитном диалоге выделяются две фреймовые модели. В первой модели диалога автора с читателем косвенно затрагивается фикциональная реальность и обсуждаются вопросы, связанные с происходящими в произведении событиями. Во второй фреймовой модели автор рассуждает об особенностях писательской деятельности.

Нельзя не согласиться с Г.Г. Бондарчук, что информация всегда имеет знаковую природу и передается с помощью знаков [Бондарчук 2007]. Следовательно, любое языковое явление обладает определенным набором маркеров, которые позволяют выделить его в тексте. Метадискурсивные элементы прослеживаются в большинстве произведений англоязычной художественной прозы и имеют ярко выраженные показатели. Отмечается, что обращение автора к читателю в произведениях XVIII–XIX вв. являются довольно обширными, как будто автор ведет дружескую беседу за чашкой чая, нигде не торопится и старается как можно подробнее донести до читателя свою идею, приводя многочисленные примеры и аналогии. Рассмотрим несколько примеров.

В контексте 1 из романа У. Теккерея «Ярмарка Тщеславия» используется фреймовая модель метадискурса, в которой автор косвенно затрагивает происходящие в произведении события:

1. *All the world used her ill, said this young misanthropist, and we may be pretty certain that persons whom all the world treats ill deserve entirely the treatment they get* [Thackeray 2001: 75].

На метадискурсивное отступление автора указывает личное местоимение *we*, которое объединяет в едином пространстве автора и читателя, временной сдвиг из прошлого в настоящее, генерализация и модальный глагол, который делает высказывание не таким категоричным.

Контекст 2 интересен тем, что автор в нем напрямую обращается к читателю и ссылается на общие с ним знания о мире и природе человека (*and we know that*). Как это чаще всего встречается в метадискурсивных отступлениях, разговор с читателем идет в настоящем времени. Указательное местоимение *this* также указывает на явление, известное и автору, и читателю.

2. *If she did not wish to lead a virtuous life, at least she desired to enjoy a character for virtue; and we know that no lady in the genteel world can possess this desideratum, until she has put on a train of feathers, and has been presented to her Sovereign at Court* [Thackeray 2001: 215].

Для произведений XVIII–XIX вв. характерной является фреймовая модель метадискурса, в которой автор обсуждает с читателем темы, не связанные с фикциональной реальностью художественного нарратива. Речь идет об особенностях литературного труда, когда автор на время «оставляет» своих персонажей и сосредотачивается на себе и своей трудоемкой работе. Действительно, написание литературного произведения является огромным трудом, и зачастую требуется немало усилий, чтобы создать работу, которую будут читать и спустя несколько столетий. Проиллюстрируем данную модель при помощи следующего контекста:

3. *Indeed, I shall seldom or never indulge him, unless in such instances as this, where nothing but the inspiration with which we writers are gifted can possibly enable any one to make the discovery* [Fielding 1999: 98].

Здесь автор говорит о том, насколько важно писателю «поймать» вдохновение, которое позволит создать литературный шедевр. Мы видим в данном отступлении очевидные маркеры метадискурса: временной сдвиг из прошлого в настоящее (*are gifted*), личное местоимение *we* (*we writers*), при помощи которого автор объединяет себя с другими писателями. Кроме того, неопределенные местоимения *nothing* и *one* подчеркивают обобщенность высказывания.

Исследование показало, что в англоязычных произведениях XVIII–XIX вв. присутствует в основном одна фреймовая модель, когда метадискурсивные обращения автора к читателю косвенно связаны с фикциональной реальностью художественного произведения. Фреймовая модель, в которой автор рассуждает о литературном труде, практически не встречается.

В современных произведениях наиболее часто метадискурс автора проявляется через временной сдвиг, как, например, в контексте 4:

4. *A few passers-by acknowledged their recognition of her by that tiny sideways flick of an eye with which the true New Yorker, or the Beverly Hills regular, reluctantly validates the same celebrity who would draw a crowd in some other city* [Krantz 1979: 15].

Примечательно, что имеет место отсылка к реально существующим городам, улицам, личностям (*the true New Yorker, or the Beverly Hills regular*), т.е. к современному автору и читателю миру. Указательное местоимение *that* (*by that tiny sideways flick of an eye*) еще больше привлекает внимание читателя к упоминаемым автором фактам.

В примере 5 временной сдвиг и генерализация говорят о присутствии метадискурса автора. Здесь обсуждаются особенности человеческой природы, а именно утонченность французов, с которыми автор сравнивает свою героиню:

5. *In addition to this, Valentine had once again proved to herself that she possessed the essence of conducting a commercial transaction, a talent every true Frenchwoman appreciates* [Krantz 1979: 57].

Чтобы подчеркнуть отсутствие озабоченности по поводу денег у жителей Бостона, автор в контексте 6 проводит аналогию с дыханием: когда человек дышит, он не замечает этого, так как имеет место естественный физиологический процесс. Подобное сравнение понятно любому читателю, и легко можно представить себе легкость и безмятежность, с которой жили упомянутые автором лица. Грамматически метадискурс проявляется через обобщение и сравнение (*just as a person in perfect health*):

6. *As long as the family trusts are quietly but mightily prospering and producing, many Bostonians are simply beyond money, just as a person in perfect health is beyond thinking about breathing in and breathing out* [Krantz 1979: 86].

Итак, представляется возможным сделать общий вывод о том, что метадискурс автора присутствует в англоязычной художественной прозе по крайней мере с середины XVIII до начала XXI в. Как и любое языковое явление, он имеет свою систему маркеров, наиболее очевидными из которых являются временной сдвиг из прошлого в настоящее, личные местоимения (*you, we*), абстрактные существительные и наречия частотности (*always, never, etc.*). Наблюдается различная частотность использования фреймовых моделей метадискурса в зависимости от временного периода, в который было написано произведение. Примерно до начала XX в. В равной степени присутствуют две фреймовые модели. Первая, когда автор затрагивает темы, связанные с происходящими в фикциональной реальности событиями, и вторая, когда отступление автора носит характер рассуждения об особенностях писательского труда. Начиная с середины XX в. вторая модель «исчезает», и автор в основном приводит примеры из общей для него и читателя действительности.

Литература

Беляевская Е.Г. Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 20 (680). С. 18-28.

Бондарчук Г.Г. Некоторые особенности функционирования семиотически маркированных единиц в английском тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 522. С. 46-51.

Сорокина Т.С. Художественный текст и языковая картина мира (репрезентация концепта «состояние» в английском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (858). С. 97-103.

Fielding H. The History of Tom Jones A Foundling. London: Wordsworth Classics, 1999.

Krantz J. Scruples. London: Futura Publications Limited, 1979.

Thackeray W. M. Vanity Fair. London: Wordsworth Classics, 2001.

O.S. Fedotova (Ryazan, Russia)

Ryazan State University named after S.A. Yessenin)

FRAME MODELS OF METADISOURSE IN ENGLISH FICTION IN THE EXPLICIT DIALOGUE OF THE AUTHOR WITH THE READER: DIACHRONIC ASPECT

The present article is devoted to the analysis of the explicit dialogue of the author of fiction narrative with the reader. Having analyzed English fiction of the 18th–21st centuries, the author reveals frame models of the author's metadiscourse and the main language means used for its realization. The diachronic study of English fiction shows that the author's metadiscourse is its indispensable part. Nevertheless, there are differences in the use of frame models and of some language means.

Key words: English fiction narrative, author's metadiscourse, explicit dialogue, frame model of metadiscourse, tense shift, generalization

С.Е. Хорохорина (Калининград, Россия)

*Балтийский федеральный университет им. И.Канта
sofiakhorokhorina@gmail.com*

ПЕРСОНИФИЦИРУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН

Рассматриваются особенности персонификации времени в поэзии Э. Дикинсон. Демонстрируется, что предельная индивидуализация абстрактного предмета мысли, достигаемая автором посредством введения ярких женских образов – лета-девушки, лета-воительницы, служит действенным средством экспликации сложных экзистенциальных смыслов, связанных с субъективным переживанием темпорального опыта.

Ключевые слова: время, поэтический дискурс, метафора, олицетворение, Э. Дикинсон

Время, одно из объективных измерений бытия, недоступное для непосредственного видения, но ощущаемое в непрерывной череде событий, принадлежит к числу основных составляющих эмоционального опыта познания человеком действительности [Крейдлиן 1997: 139]. Интеллективный характер временных концептов, рождающихся в процессе осознанного, абстрактного и, одновременно, интуитивного осмысления разнообразных явлений, предопределяет центральную роль метафоры для освоения темпорального опыта. Обусловленная аналогической природой человеческого мышления, метафора улавливает едва заметные подобия в онтологически несопоставимых объектах, становясь действенным инструментом осмысления сложной, многогранной, физически непознаваемой области времени.

Метафоры времени разнообразны: в процесс межфреймового проецирования, в котором сфера времени выступает областью цели, вовлекаются аналогии из источниковых областей двух- и трехмерного пространства, движения, материальных сущностей [Коннова 2018: 75-82]. К числу наиболее ярких языковых темпоральных метафор относятся олицетворения, уподобляющие время живому существу. Персонифицирующие метафоры, присутствующие в обыденной речи в виде

утверждений-клише (напр., *Время покажет...*), в художественной речи отличаются непредсказуемостью формы и содержания. Максимально индивидуализируя предмет мысли, метафоры-олицетворения наделяют время способностями и чувствами, отражающими эмоциональное переживание автором темпорального опыта бытия.

Цель данной статьи – анализ индивидуально-авторских особенностей персонификации времени в творчестве крупнейшей американской поэтессы XIX в. Э. Дикинсон (1830–1886). Метафоры-олицетворения, составляющие одну из отличительных свойств ее идиостиля, отражают самые разные аспекты времени – календарного, природного, психологического. В фокусе настоящего исследования находятся метафорические образы лета – одного из наиболее любимых времен года Э. Дикинсон, отличающегося наибольшей степенью художественной детализации [McDermott 2001].

В стихотворении “*Summer Laid her Simple Hat*”, написанном в октябре 1876 г., лето находит свое воплощение в образе молодой девушки, вернувшейся домой после прогулки:

*Summer laid her simple Hat
On its boundless Shelf –
Unobserved – a Ribbon slipped,
Snatch it for yourself.
Summer laid her supple Glove
In its sylvan Drawer –
Wheresoe'er, or was she –
The demand of Awe?* [Dickinson 1967: 587-588].

Идея завершения прогулки, а вместе с ней и времени года, иносказательно передается указанием на снятие головного убора и перчаток, интонационно выделенным строфической анафорой. Эпитет *simple* (рус. «простой»), описывающий шляпку героини, метонимически имплицитно мыслит о простоте летней сельской жизни. Лента, «соскользнувшая» со шляпки (*Unobserved – a Ribbon slipped*), ассоциативно связывается с мимолетным воспоминанием о лете, отсылкой к которому служит императив завершающего стиха строфы *Snatch it for yourself* (рус. «Поймай ее для себя»). Служащий аллюзией на устойчивое латинское выражение *Carpe diem* (рус. «Лови момент»), это призыв отражает аксиологическую насыщенность каждого из уходящих дней лета. Когнитивным основанием межфреймового проецирования, сопрягающего абстрактную темпоральную сферу с образами конкретной сферы – женского нарядного платья, выступает идея красоты, украшения: подобно яркой ленте, являющейся декоративным элементом головного убора, воспоминания о солнечном и беззаботном времени года украшают серые будни осени и зимы.

Обыденное и бытовое нередко граничит в поэзии Э. Дикинсон с удивительным и возвышенным. Указывая на предметы мебели, куда девушка-лето складывает свои вещи после прогулки – полку (*shelf*) и выдвижной ящик (*drawer*), – поэтесса использует эпитеты *boundless* («бескрайний») и *sylvan* («лесной»). Актуализируя

сопряженные идеи изумления и тайны, эти эпитеты выступают в качестве неких опорных точек, позволяющих читателю остановить свое внимание на метафорической проекции МИР ПРИРОДЫ – КОМНАТА.

Завершается стихотворение риторическим вопросом *or was she – The demand of Awe?* (рус. «По велению ли благоговейного страха?»). Скрытая фонетическая игра слов *awe* и *autumn* отражает отношение Э. Дикинсон к смене времен года. Как отмечает Г. Джонсон, переход лета в осень у поэтессы зачастую становится аналогией перехода человека из бытия в вечность [Johnson 1985: 104]. Встречая приход осени с благоговейным страхом, лирическая героиня Э. Дикинсон обращается к образам жизни и смерти. Глагол *demand* («повелевать») подчеркивает могущество течения времени, превращающего летнее в осеннее, а жизнь в сон, смерть. Синтаксическое строение финального стиха, завершающегося риторическим вопросом, подчеркивает таинственную непостижимость сущности такого перехода.

Окончание лета уподобляется окончанию человеческой жизни в одном из поздних, редких по форме произведений поэтессы – лаконичном трехстишии “We wear our sober Dresses...”:

*We wear our sober Dresses when we die,
But Summer, frilled as for a Holiday
Adjourns her sigh*

[Dickinson 1967: 652].

Перед читателем вновь предстает образ лета-девушки, в основе которого лежит идея нарядности, объединяющая сферу-источник и сферу-цель метафорической проекции. Эпитет первого стиха *sober* («неяркий»), характеризующий скромные, сдержанные одеяния усопших, противопоставлен сравнению *frilled as for a Holiday*, (рус. «нарядная, будто в честь праздника»), которое Э. Дикинсон использует для описания лета. Кончина лета метонимически выражена лексемой *sigh*, указывающей на последний вздох умирающей. Такая непрямолнейная, почти эвфемистическая экспликация концепта СМЕРТИ обусловлена желанием поэтессы сместить фокус с идеи неизбежности течения времени на красоту кратких мгновений уходящего лета.

Персонифицирующая метафора помогает Э. Дикинсон описать уходящее лето и в стихотворении “I know a place where Summer strives” (1862 г.):

*I know a place where Summer strives
With such a practiced Frost –
She – each year – leads her Daisies back –
Recording briefly – “Lost” –
But when the South Wind stirs the Pools
And struggles in the lanes –
Her Heart misgives Her, for Her Vow –
And she pours soft Refrains*

*Into the lap of Adamant –
And spices – and the Dew –
That stiffens quietly to Quartz –
Upon her Amber Shoe*

[Dickinson 1967: 159].

В данном стихотворении Э. Дикинсон уходит от идеи женственности. Сказуемое первого стиха *strives* (рус. «борется»), указывающее на противостояние лета и первого осеннего мороза, актуализирует образ воинствующей, преодолевающей трудности героини. Количественное местоимение *each* в выделенном пунктуационно словосочетании *each year* (рус. «каждый год») выражает идею цикличности времен года и подчеркивает тщетность борьбы лета с течением времени. Разворачивая метафору лета-воительницы, поэтесса уподобляет ромашки солдатам, подчиняющимся военному руководству героини, которая приказывает им отступить (*She – each year – leads her Daisies back*).

Во втором стихе «южный ветер» (*South Wind*) символизирует обманчивое тепло бабьего лета. Граничащая с наивностью эмоциональная открытость, имплицитруемая словом *heart* (рус. «сердце»), губит женщину-полководца, доверившуюся мнимому чувству безопасности. Графически разорванная межстрофной пустой строкой метафора второго и третьего стиха примечательна тем, что включает в себя еще один образ, не относящийся к звеньям общей метафоры ЛЕТО – ЭТО ВОИН. Активируется он глаголом *pours* (рус. «льет»), посредством которого песнь, исполняемая героиней и символически отсылающая к характеризующему лето пению птиц, сравнивается с влагой, пропитывающей уже твердую от мороза осеннюю землю, указанием на которую служит метафора *adamant* (рус. «алмаз»). Сюжетный поворот последних строк отражает окончательное поражение обманутого лета, которое незаметно превращается в осень. Отсылкой к ней выступает эпитет *amber* (рус. «янтарный») в описании обуви (*shoe*) героини.

Проведенный анализ показал, что художественная актуализация широкого спектра субстанциональных, эмотивно-оценочных, ассоциативных значений, при-сущих метафорам-олицетворениям, становится в поэзии Э. Дикинсон действенным средством выражения сложных экзистенциальных смыслов, сопряженных с переживанием многогранного темпорального опыта.

Литература

- Dickinson E.* The Complete Poems of Emily Dickinson. Toronto: Little, Brown and Co., 1967.
Johnson G. Emily Dickinson: Perception and the Poet's Quest. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1985.
McDermott J.F. Emily Dickinson revisited: A study of periodicity in her work // American Journal of Psychiatry. 2001. Vol. 158. № 5. Pp. 686-690.
Коннова М.Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018.
Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 139-151.

S.Ye. Khorokhorina (Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

EMILY DICKINSON'S PERSONIFYING METAPHORS OF TIME

The article examines the specific ways in which Emily Dickinson personifies time in her poetry. The author demonstrates that by individualizing the abstract object of thought through the introduction of vivid female images – summer as a girl and summer as a warrior – the poet manages to convey complex existential meanings connected with subjective temporal experience.

Key words: time, poetic discourse, metaphor, personification, Emily Dickinson

З.М. Чемодурова (Санкт-Петербург Россия)

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

zinatim@rambler.ru

НЕЛИНЕЙНОСТЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ УСИЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Статья предлагает анализ механизма создания нелинейного повествования в современных художественных текстах, обусловленного повествовательной фрагментацией и усиливающего игровую модальность таких произведений. «Латентные гипертексты» усложняют интерпретационную программу, предлагаемую читателям, вовлекая их тем самым в процесс моделирования фикционального мира.

Ключевые слова: повествовательная фрагментация, нарративная нелинейность, латентный гипертекст, игровая модальность, нарративная эмпатия

Как известно, в широком смысле когнитивная деятельность понимается как «деятельность, в результате которой человек приходит к определенному решению и/или знанию, т.е. мыслительная деятельность, приводящая к пониманию (интерпретации) чего-либо» [Демьянков, Кубрякова 1996: 52]. Интерпретация художественного текста издавна представляет собой сложнейшую задачу для адресата, прежде всего, поскольку «чем более сложным для восприятия оказывается текст, тем более гибкой является заложенная в него интерпретационная программа и тем большую степень когнитивной активности должен продемонстрировать читатель, который осваивает и присваивает этот текст» [Щирова 2019: 150].

Одним из типичных для литературы XX–XXI вв. способов усложнения смысловой структуры художественного текста, обусловленных творческими экспериментами постмодернистских и метамодернистских авторов, является повествовательная фрагментация, которая проявляется в современных текстах в виде многообразия приемов, таких как, например, деление текста на сверхкраткие композиционные фрагменты или моделирование «коллажности» повествования, при которой на передний план текста выдвигаются разнообразные вербальные и невербальные семиотические ресурсы.

Целью данной статьи является анализ такого механизма интенсификации читательской активности как прием создания нелинейного повествования, предусматри-

вающего для читателей несколько способов прочтения художественного текста и, соответственно, предполагающего активное вовлечение читателя в «игру в вымысел» и воссоздание фикционального мира произведения. При этом необходимо сразу оговориться, что речь идет о моделировании некоей игровой нелинейной заданности печатного художественного текста, что может рассматриваться как создание «латентного гипертекста», в отличие от моделирования реального компьютерного гипертекста, определение которого еще в 1992 году дал Теодор Нельсон. Он предложил трактовать «гипертекст» как «непоследовательное письмо, как текст, который разветвляется и предлагает читателям выбор и который лучше всего читается на интерактивном экране» [Nelson 1992, цит. по Mangen, der Weel 2015: 2].

Как показывает анализ большого корпуса печатных художественных текстов, созданных в XX–XXI вв. и причисляемых к постмодернистской и метамодернистской литературе, именно склонность их создателей к игре, а также к рефлексии над проблемами соотношения реальности и вымысла, действительного и фикционального в моделируемом произведении, обуславливает введение в повествовательную структуру многих текстов нелинейных нарративных элементов. Данная повествовательная техника способствует усилению игровой модальности таких текстов [Чемодурова 2017], поскольку отражает авторскую прагматическую установку на иллюзию «нон-селекции» со стороны творца в основе создаваемой ими противоречивой и неупорядоченной картины мира и, следовательно, возникновение нескольких вариантов прочтения текста, изначально заложенных в предлагаемую читателями интерпретационную программу художественных текстов.

Одним из таких первых «латентных гипертекстов» по праву считается роман В.В. Набокова “Pale Fire”, интерпретационная программа которого выдвигает в прагматический фокус произведения не только до предела усложненные субъектно-объектные отношения в тексте, до сих пор вызывающие споры среди набоковедов, но также и уникальную репрезентацию категории адресованности в романе: читателям, пытающимся связать воедино различные части повествования (поэму «Бледный огонь», предисловие и комментарий к ней), предлагается выбрать стратегию чтения, поскольку в практически каждом комментарии Кинбота к поэтическим строчкам содержится отсылка все к новым его псевдонаучным замечаниям. Так, например, комментируя выражение “that crystal land” из 12-й строчки поэмы, созданной Джоном Шейдом, Чарльз Кинбот незамедлительно переключается на рассуждения о Земле и ее короле: *The last king of Zembla – partly under the influence of his uncle Connal, the great translator of Shakespeare (see notes to lines 39–40 and 962), had become despite frequent migraines passionately addicted to the study of literature* [Nabokov 2000: 55, выделено мною – 3.Ч.]. Читатели, таким образом, вовлекаются в бесконечную игру в семантическом поле «реальность-вымысел», либо листая роман как некий гипертекст в поисках новых комментариев, возвращающих их к поэме, либо предпочитая традиционный линейный способ обработки художественной информации, еще более затрудняющий интерпретацию данного романа-загадки.

Экспериментальный по форме роман британского писателя Б. Джонсона “The Unfortunates” стал известен как «книга в коробке», поскольку он представляет собой достаточно радикальную форму повествовательной фрагментации, предлагая читателям вынуть из коробки 27 фрагментов романа-автофикции. Лишь первый и последний фрагменты маркированы как First и Last, остальные же 25 отрывков разной длины могут читаться в любом порядке, символизируя собой ассоциативную игру нашей памяти и воображения, ведь этот удивительно трогательный роман предлагает читателям окунуться в воспоминания перволичностного повествователя о его рано умершем талантливом друге. Коммуникативно-авторская стратегия предполагает разрушение локальной связности текста, усложнение читательской задачи по реконструированию хронологической последовательности событий, которые происходят в романе в двух временных планах рассказчика (его настоящем и прошлом). Прием моделирования нелинейного нарратива (приближающегося к гипертексту) стимулирует когнитивную активность адресата, примеряющего на себя роль сотворца текста, в котором нарративная эмпатия, продуцируемая отдельными фрагментами, причудливым образом сочетается с эксплицитной игровой модальностью, обусловленной нетрадиционной композицией данного художественного произведения.

В произведениях, созданных в нашем столетии, нелинейность повествования чаще всего поддерживается при помощи графического и визуального выдвигания, позволяя современным авторам использовать разнообразные свободные и связанные семиотические ресурсы для усиления эффекта нелинейности, предполагающего замедление сюжетного времени повествования и наведение прагматического фокуса на роль читателя как сообщника в интеллектуальной игре. Джон М. Кутзес, например, строит “Diary of a Bad Year” как полифонический текст, в котором графически выделяются три параллельные («горизонтальные») повествовательные перспективы:

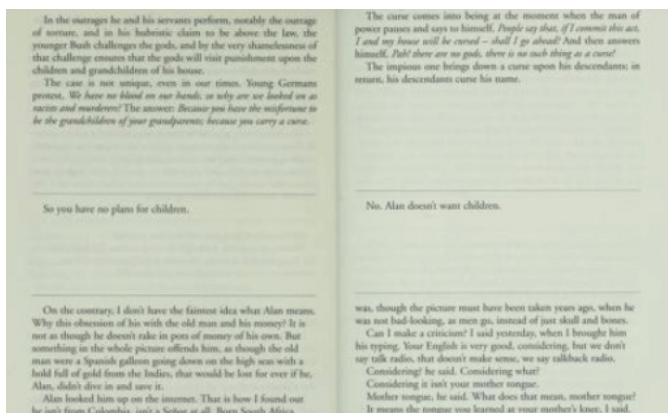

Рис. 1. Coetzee J.M. «Diary of a Bad Year» p. 60.

Такая «игровая заданность» текста репрезентирует склонность выдающегося писателя к авторефлексии, поскольку «эссеистическая» часть страницы посвящена размышлениям некоего известного южноафриканского автора, своеобразной маски реального создателя текста, о самых разнообразных проблемах современного мира, от птичьего гриппа и обучения в университете до насущных политических проблем, что, несомненно, усиливает «эффект реальности» в создаваемом тексте. Средняя же часть, выделяемая графически при помощи горизонтальных линий, передает его разговоры с молодой и привлекательной помощницей-секретарем в ходе их работы над рукописью. В третьей (нижней) части страницы читатель слышит голос этой самой молодой женщины, ее мысли и впечатления от работы с известным писателем, создающие яркий иронический эффект, поскольку ее невозможно причислить к Образцовым читателям его потенциального произведения. Читателю опять предоставляется выбор способа чтения – горизонтального или вертикального восприятия текста – что предполагает активизацию когнитивной деятельности адресата, сводящего воедино разрозненные хронологически события и определяющего те ключевые текстовые единицы, которые позволяют при явных нарушениях локальной связности, вызванных повествовательной фрагментацией, установить некую иерархию субъектно-объектных и пространственно-временных отношений в данном «латентном гипертексте». Еще одним ярким примером моделирования нелинейности нарратива является произведение Дж. Абрамса и Д. Дорста «S.», в котором данный прием обуславливает создание нескольких иерархически организованных диететических повествовательных уровней:

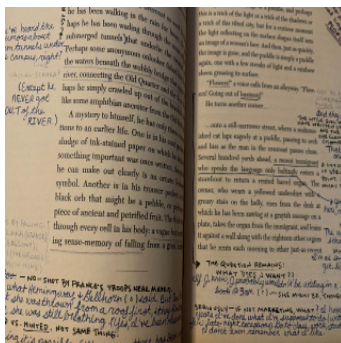

Рис. 2. Abrams J.J., Doug Dorst «S», p. 6-7

Печатный текст представляет собой роман некоего вымышленного писателя по имени Страка, книга которого и история жизни становятся объектом внимания аспиранта и студентки много лет спустя. Визуальное выдвигание написанных от руки фрагментов «на полях», представляющих собой переписку молодой пары, способствует созданию гипертекста, поскольку читателям предлагается прочесть

две связанные, но отдельные истории, определив стратегию чтения. Таким образом, рассмотренные в качестве типичных случаи создания нелинейного нарратива позволяют сделать вывод, что основными функциями моделирования латентного гипертекста в художественном тексте, обуславливающего усиление когнитивной активности читателей, становятся экспликация игровой модальности художественных произведений, интенсификация нарративной эмпатии и эмоционального воздействия таких текстов.

Литература

Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная деятельность // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 52-53.

Чемодурова З.М. Прагматика и семантика игры в англоязычной постмодернистской прозе XX–XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.

Щирова И.А. Когнитивная активность читателя как условие успешной интерпретации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. № 1 (134). С. 148-152.

Mangen A., Weel van der A. Why don't we read hypertext novels? // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 2015. Vol. 23. No. 2. Pp. 166-181.

Nabokov V. *Pale Fire*. London: Penguin Books, 2000.

Z.M. Chemodurova (St. Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

NARRATIVE NON-LINEARITY AS A MECHANISM OF INTENSIFYING READERS' COGNITIVE ACTIVITY

This article offers the analysis of the mechanism of non-linear narrative modelling in contemporary fiction stipulated by narrative fragmentation and intensifying ludic modality of fictional texts. "Latent hypertexts" complicate interpretational programmes, offered to readers, thus involving them in fictional world construction.

Key words: narrative fragmentation, narrative non-linearity, latent hypertext, ludic modality, narrative empathy

Е.О. Шевелева (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
shevelev28@mail.ru*

ИГРЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ КАК СТРАТЕГИЯ НЕГАТИВИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ

Цель статьи – установить специфику пространственно-временной локализации событий с участием России в западных СМИ, охарактеризовать особенности реализации категорий «проспекция» и «ретроспекция» и обосновать их статус как инструмента негативизации образа России в современном англоязычном медиатексте.

Ключевые слова: событие, пространство, время, ретроспекция, проспекция, манипулятивный эффект, медиатекст

Медиатекст представляет собой особое коммуникативное и дискурсивное образование, компоненты которого объединены в единую иерархическую семантико-когнитивную структуру, обусловленную интенцией автора. Во многом именно задумка автора определяет «текстовую архитектонику, ориентированную на адресата» [Огнева, Даниленко 2021: 10].

Особый континуум медиатекста определяется пространственно-временной ориентацией событий. Категории «пространство» и «время» относятся к объективной плоскости события, поскольку фиксируют данное событие в определенной системе пространственно-временных координат (см. [Шевелева 2018]). Между тем изучение медиатекстов, охватывающих последние события с участием России, демонстрирует намеренное использование определенных средств вербализации пространственно-временных отношений с целью создания необходимого автору ракурса освещения того или иного события.

Эмпирическим материалом настоящего исследования послужили статьи онлайн-версии журнала *The Economist* (www.economist.com), а также статьи, размещенные на новостном портале британского издания *The Daily Mail* (www.dailymail.co.uk), при этом тематика отобранных статей не касалась известного военного конфликта, а охватывала события, связанные с освоением космоса, событиями в области культуры, литературы, кинематографа.

Руководствуясь «семами-доминантами пространственной категоризации» (см. [Кунижев 2005: 9]), мы выявили четыре семы, реализующие пространственные значения, связанные с Россией и ее деятельностью: *position* (the descent stage, beyond Earth's orbit, on the front line, at the front), *space* (the orbit around the Moon), *place* (the Bolshoi Theatre, the Metropol Hotel, in Palmyra, Red Square, the Azovstal steel plant, Moscow Mutabor nightclub), *area* (Russia, Ukraine, Siberia, Ufa, Chernobyl exclusion zone, the Black Sea).

Упомянутые авторами статей номинанты выявленных пространственных отношений обладают рядом значимых импликатур, реализующих в сознании западного читателя следующие устойчивые ассоциации: 1. Военный конфликт, занятие российскими военными стратегически важных промышленных объектов в зоне боевых действий на суше и на море. 2. Опасность повторения Чернобыльской катастрофы. 3. Сирийский конфликт и поддержка Россией недавнего президента Б. Асада. 4. Одобрение деятелями культуры и искусства России политики российского президента (упоминание художественного руководителя Большого Театра В. Гергиева). 5. Образ Сибири ассоциируется с мрачными страницами российской истории.

(1) *“What’s Cooking in the Kremlin” also chronicles how food has shaped ordinary people’s lives. Mr Szablowski speaks to women who worked in canteens in Chernobyl’s exclusion zone and gave chocolate to soldiers afflicted by radiation poisoning. More recently, during the siege of the Azovstal steel plant in eastern Ukraine, a woman called Natalya spent weeks feeding the fighters in underground tunnels”* (<https://www.economist.com/culture/2023/11/28/in-russias-arsenal-the-knife-and-fork-have-been-powerful-weapons>).

Отмеченная дискурсивная практика – встраивание конфликтогенных элементов в смысловую канву текста – еще более очевидна при рассмотрении временной сетки описываемых событий.

Категории проспекции и ретроспекции, т.е. нарушения строгого хода времени, побуждающие читателя то заглянуть вперед, то мысленно вернуться назад, традиционно считаются категориями художественного текста. Однако изучение дискурсивных особенностей медиатекста показывает, что подобная игра со временем свойственна и ему. В рассмотренных медиатекстах наибольший манипулятивный эффект достигается за счет использования ретроспекции. Как и в художественном тексте, в медиатексте ретроспекция реализуется двумя путями: 1) при помощи обращения к тому, о чем уже было сказано в статье; 2) посредством обращения к ранее произошедшим событиям. Таким образом ретроспекция может носить узкий и широкий характер. Узкая ретроспекция работает в рамках описываемой ситуации и лишь возвращает читателя к центральному событию статьи.

(2) *'And when SpaceX demonstrated the capacity to fly astronauts in its Dragon 2 spacecraft, Russia's role as the only country with the wherewithal to get people to and from the International Space Station went by the wayside.*

Back around the Moon, all eyes are now on Chandrayaan-3, which its operators at isro hope will succeed where its predecessor failed (<https://www.economist.com/science-and-technology/2023/08/20/russias-bid-to-return-to-the-moon-comes-to-an-ignominious-end>).

Исследование показало, что поскольку данный дискурсивный прием призван фокусироваться именно на ключевом событии статьи, узкая ретроспекция чаще всего носит нейтральный характер.

Широкая ретроспекция реализуется совершенно иначе. Здесь автор не ограничен необходимостью ориентироваться строго на тематику статьи и может позволить себе привлекать информацию исторического масштаба, временной охват которой неограничен. При этом широкая ретроспекция демонстрирует два типа: связанный и отдаленный. Связанная широкая ретроспекция предполагает обращение автора к историческим событиям (личностям), имеющим прямое отношение к сути описываемого события. Например, негативизация российской культуры в примере (3) усиливается за счет упоминания начала боевых действий и последовавших запретах на любую культурную деятельность на западе со стороны российских исполнителей или работников музеев.

(3) *'When the war began, many Western galleries, museums and concert halls struck Russian works from their programmes or cancelled performances by Russian artists'* (<https://www.economist.com/the-economist-explains/2023/06/26/why-an-american-novel-set-in-russia-was-pulled-from-publication>).

Отдаленная широкая ретроспекция призвана полностью прервать временной план описания события и выдать читателю историческую информацию, никак не связанную с тематикой статьи, но имеющую мощный манипулятивный заряд, например, включив в концептуальную сетку статьи (4) конфликтогенные концепты,

такие как ВОЙНА, АГРЕССИЯ, НЕЗАКОННОСТЬ и т.д., а также делать отсылки к известным историческим личностям, считающимся на Западе одиозными. Вершиной негативизации, построенной по классическому принципу 'highly likely', служит упоминание близкого родственника российского президента (5), *вероятно* (<...**was probably**...>), связанного с тогдашней секретной полицейской службой. Импликатурой данного информационного вкрапления может служить небезызвестное 'it runs in the family'.

(4) *'In some cases, the performers in question did indeed have links to the Russian state. Valery Gergiev, for instance, a famous conductor, played a concert organised by the Kremlin in Palmyra, a Syrian city, in 2016 after Russian forces helped the Syrian army to recapture it from Islamic State'* (<https://www.economist.com/the-economist-explains/2023/06/26/why-an-american-novel-set-in-russia-was-pulled-from-publication>).

(5) *'Mr Szablowski argues that cooks are adept observers of human nature; that may be why lichniks, the personal chefs to Soviet leaders, were part of the KGB. (Spiridon Putin, Vladimir Putin's grandfather, catered to Lenin and Stalin and was probably part of the secret police.)'* (<https://www.economist.com/culture/2023/11/28/in-russias-arsenal-the-knife-and-fork-have-been-powerful-weapons>).

Как и в художественном тексте, категория проспекции в медиатексте как правило выражена лексико-грамматическими средствами. В изученных контекстах проспекция реализуется посредством условных придаточных предложений, времен группы Future, лексических единиц с семантикой будущего действия (to expect, to plan, sure to do smth, to be about to do smth, to promise to do smth, to call for smth to be done). Анализ показал, что сами по себе отмеченные конструкции не дают какого-либо манипулятивного эффекта, а служат проводниками определенного смыслового содержания в будущее. Некоторый оценочный компонент добавляют всё те же традиционные элементы – **if the failure of the Russian mission ...adds extra ripaquancy to ...**, **will be sent to support** Putin's fighters in Ukraine, **to focus on Russian imperialism, to call for the damages to be paid** into a fund that supports fighting in Ukraine. Однако случаи использования проспекции в качестве инструмента негативизации в изученных контекстах единичны и реализуют семантику войны (империалистических притязаний России) и неудачи.

Итак, проведенное исследование показало, что категории «пространство» и «время» отнюдь не всегда являются объективными категориями, а в «умелых» руках автора медиатекста могут весьма успешно применяться в качестве инструментов негативизации (или позитивизации) образа государства, в нашем случае России. Локализация в том или ином пространстве – важный элемент негативизации, поскольку местоположение напрямую связано с определенным событием и естественно вызывает в сознании читателя необходимые ассоциации.

Яркой дискурсивной практикой негативизации служит ретроспекция, в особенности отдаленная широкая ретроспекция, поскольку она открывает автору неограниченное пространство нужных событий прошлого, рассып личностей с разными

ролями в истории и возможность увести внимание читателя далеко от сути описываемого события, о котором по прочтении статьи читатель, *highly likely*, и не вспомнит.

На данном этапе анализа менее очевидный программирующий эффект демонстрирует проспекция. По нашему мнению, привлечение большего пула контекстов позволит в дальнейшем в полной мере оценить манипулятивный характер данной дискурсивной практики, что несомненно послужит предметом отдельного лингвистического исследования.

Литература

Кунижев М.А. Категория «пространство»: ее статус и средства вербализации (на материале современного английского языка): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005.

Огнева Е.А., Даниленко И.А. Дуальность художественного концепта как текстовый информационный код. М.: Эдитус, 2021.

Шевелева Е.О. Открытие Крымского моста: негативизация события западными СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 218-230.

E.O. Sheveleva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

THE PLAY ON SPACE AND TIME AS A STRATEGY TO CREATE THE NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA IN WESTERN MASS MEDIA

The article aims to identify the specific features of space-time orientation in Russia-related events in Western media, to characterize the functioning of the categories of prospect and retrospect, as well as to justify the use of these categories as a means to create the negative image of Russia in contemporary English media texts.

Key words: event, space, time, retrospect, prospect, manipulative effect, media text

Л.Л. Шевченко (Барнаул, Россия)

Алтайский государственный педагогический университет

shevchenko_ll@altspu.ru

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ИНТЕГРАЦИИ ДОМИНАНТНЫХ СМЫСЛОВ В ГИПЕРТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНОВ АЙРИС МЕРДОК

Статья относится к области когнитивной стилистики и посвящена изучению смыслового пространства художественного текста. На материале произведений А. Мердок предпринимается попытка моделирования гипертекстового пространства автора, интегрируемого в единую матрицу доминантных смыслов с помощью метафоры.

Ключевые слова: когнитивный стиль, гипертекст, метафора, когнитивная матрица

Данное исследование ведется в рамках когнитивной стилистики и выводит из-учение авторского стиля на уровень выявления индивидуальных стратегий смыслопроизводства. На языковом уровне понятие стиля раскрывается через использование тех или иных языковых средств, на когнитивном уровне – через использование тех или иных повторяющихся когнитивных структур. Когнитивный стиль рассма-

тривается нами как репертуар когнитивных схем, находящихся свое воплощение в предпочтительном использовании языковых средств и обеспечивающих смысловую и эстетико-философскую целостность всего художественного творчества автора.

Изучая творчество А. Мердок, мы приходим к выводу о том, что в каждом ее произведении содержатся одни и те же доминантные смыслы, актуализирующиеся с помощью повторяющихся языковых форм. Единство смыслового пространства и способов его представления позволяет рассматривать всё творчество автора как единый гипертекст.

Л.О. Чернейко использует понятие гипертекста для изучения нелинейных внутритекстовых отношений [Чернейко 2017]. Метод конструирования гипертекстовых образований, разрабатывается в ее работах, основан на выявлении глубинных смысловых «пересечений» в текстах, в нашем исследовании – текстах одного автора. Рассматривая произведения конкретного автора, Н.С. Олизько и И.В. Сергодеев относят их к «текстам внутреннего текстового пространства творчества отдельного автора» и трактуют гипертекстуальность как особый тип интертекстуальных отношений между произведениями отдельного автора, которые объединены общим эстетико-философским содержанием и особенностями лингвистического построения [Олизько, Сергодеев 2018: 34].

Можно сказать, что гипертекст составляет глубинную основу всего творческого мышления писателя. Это система смыслов, которая реконструируется в сознании читателя-исследователя. Такая реконструкция осуществляется с помощью метода метакогниции в ходе установления корреляции между доминантными смыслами и способами их языковой репрезентации.

В качестве инструмента моделирования гипертекстового пространства автора в нашем исследовании выступает метафора, когнитивная сущность которой состоит в концептуальной интеграции ментальных пространств, служащих сферой-источником и сферой-целью в метафоре [Fauconnier, Turner 1998]. М. Тернер называет концепты «активными движущимися устройствами в сознании, соревнующимися между собой в попытке осмыслить вещественный мир» ('active, dynamic devices in the brain that compete with each other in the attempt to make sense of things') [Turner 1991: 45]. Метафора активизирует наиболее устойчивые концептуальные связи, которые служат несущей конструкцией ассоциативных сетей и формируют когнитивную матрицу смыслов, которую, вслед за Н.Н. Болдыревым, мы определяем как «систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта, интегрированных вербально в единый комплекс» [Болдырев 2018: 90]. В смысловом пространстве художественного текста взаимосвязанные когнитивные контексты интегрируются в целостную систему доминантных смыслов.

Объектом нашего исследования является метафора, предметом – ее роль в интеграции доминантных смыслов романов А. Мердок, а целью исследования – построение модели гипертекстового пространства романов. Материалом для данной статьи послужили романы «Дикая роза» (*An Unofficial Rose*), «Честный проигрыш»

(*A Fairly Honorable Defeat*), «Человек случайностей» (*An Accidental Man*), «Генри и Като» (*Henry and Cato*), «Море, море» (*The Sea, the Sea*), «Ученик философа» (*The Philosopher's Pupil*) и «Зеленый рыцарь» (*The Green Knight*). Основным методом исследования выступает метод интроспекции, или метакогниции, заключающийся в попытке описания принципов организации авторского сознания. В работе используются элементы концептуального анализа (выделение базовых концептов и репрезентирующих их языковых единиц) и когнитивного моделирования.

Авторский стиль А. Мердок уникален, как уникальна и многогранна ее личность. Профессор философии, романист, общественный деятель, она воплощает собой мыслителя, в сознании которого жизненный, художественный и философский опыт подвергаются обобщению и синтезируются в единую систему смыслов, служащую уникальным кодом к пониманию всех ее произведений. Один из этих смыслов актуализируется в метафоре LIFE IS THEATRE, которая является свидетельством глубокого влияния Шекспира на творчество писательницы: *Emotions really exist at the bottom of the personality or at the top. In the middle they are acted. This is why all the world is a stage, and why the theatre is always popular and indeed why it exists* (I. Murdoch. *The Sea, the Sea*). Концепт THEATRE является ядерным компонентом в матричной структуре, формируемой такими концептами, как STAGE, SPECTATOR, SCENE, ROLEPLAY/ACTING, MASK, DRAMA, PUPPET, CURTAIN, TAPESTRY. Наиболее часто общее представление о человеческой жизни как о театре детализируется в образах актерской игры и сцены из спектакля: *I must act a part, play a scene, to preserve myself, I've got to* (I. Murdoch. *A Fairly Honorable Defeat*).

Следующий доминантный смысл заключен в метафоре LIFE IS A DREAM, связанной с представлением о жизни как об иллюзии истинного бытия: *It is just a dream of mine, a fear-dream, and that will dissolve and fade away* (I. Murdoch. *The Green Knight*). В общую структуру когнитивной матрицы включаются концепты MAGIC, ILLUSION, FANTASY, MYSTERY, SPELL, ENCHANTER: *She was spell-bound, bound by a self-protective magic, which she had developed over the years to defend herself* (I. Murdoch. *The Sea, the Sea*).

Образы театра находятся в тесной ассоциативно-смысловой связи с образами сна: *I felt myself being relaxed and smiling like a man in a dream who cannot remember his lines* (I. Murdoch. *The Sea, the Sea*). Их объединяет представление о реальности как об иллюзии, подделке истинной реальности: *'All this stuff doesn't matter; this house, this furniture, those lawns and trees, it's all a kind of illusion, it's just a tapestry that can be folded up and sold.'* (I. Murdoch. *Henry and Cato*); *As we know ourselves we are fake objects, fakes, bundles of illusions* (I. Murdoch. *The Sea, the Sea*).

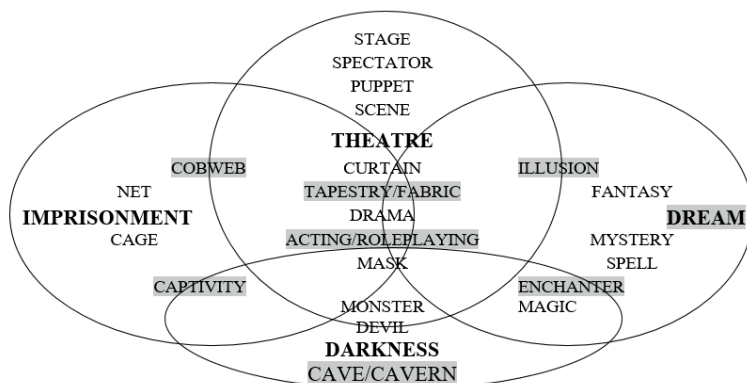
Иллюзорность, бессмысленность, абсурдность мира, существующего в индивидуальном сознании, рождает ощущение несвободы: *< ... > the dreary cage of the staircase suggested some jumbled and senseless drama in a dream* (I. Murdoch. *An Unofficial Rose*). Во всех романах А. Мердок, начиная с самого первого (*Under the Net*), концепт IMPRISONMENT актуализирует, на наш взгляд, один из важнейших

из доминантных смыслов: человек не свободен. С помощью образов тюрьмы, клетки, сети, паутины передается состояние плена, которое испытывает человек во всех типах межличностных отношений: *Tom was imprisoned, tortured and paralysed* (I. Murdoch. *The Philosopher's Pupil*); *I feel I'm making a miasma all round myself, like a grey web* (I. Murdoch. *The Green Knight*).

Данная художественная интерпретация человеческой жизни коренится в философии экзистенциализма, согласно которой свободное существование в мире недостижимо, поскольку человеческая жизнь не подчиняется никакой высшей логике, ею правит случай, судьба, рок. Представление реальности в образах сети и паутины связано с мифом о богинях судьбы – Мойрах. В честь богини судьбы названа Мой, одна из героинь романа «Зеленый рыцарь». Девушка любила пауков: *Moy had a spider she was very fond of in her room, a big chap, I saw him, living in a crack in the boarding which he'd covered over with a furry thick silky web like a curtain* (I. Murdoch. *The Green Knight*).

Образы сети, занавеса, полотна, лежащие на пересечении концептуальных областей, интегрируют концепты THEATRE, DREAM, IMPRISONMENT в единую матрицу, в которую также включается концепт DARKNESS: *'Actors are cave dwellers in a rich darkness which they love and hate'* (I. Murdoch. *The Sea, the Sea*). В образах пещеры и темноты актуализируется еще один из доминантных смыслов, сформированный под влиянием философии Платона: истинное бытие скрыто от человека. Путь к свету, истине, постижению смысла человеческого существования лежит через добро и любовь, которые возможно отыскать лишь за пределами эгоистичного Я: *' – when we love people – and things – and our work and – we somehow get the assurance that good is there – it's absolutely pure and absolutely there – it's in the fabric – it must be.'* (I. Murdoch. *The Philosopher's Pupil*).

Общая структура взаимодействия концептуальных областей в гипертекстовом пространстве романов А. Мердок может быть представлена в виде следующей схемы:

Подведем итог. В произведениях А. Мердок воплощается уникальная модель мира, которая в процессе интерпретации выстраивается в сознании читателя в гипертекст – устойчивую смысловую структуру, находящую репрезентацию в текстах произведений писательницы в форме базовых концептов, интегрированных в единую систему как на когнитивном, так и на вербальном уровне. Метафора выполняет роль смысловой и языковой скрепы гипертекста и служит способом его моделирования. В метафоре содержится информация о том, какие из концептуальных связей в сознании индивида являются наиболее активными и служат матрицей формирования смыслов.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Олизько Н.С., Сергодеев И.В.* Текст, гипертекст и интертекст в произведениях Дж. Морриса // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 33-38.
- Чернейко Л.О.* Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017.
- Fauconnier G., Turner M.* Blending as a Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse and Language. Stanford, California, 1996. Pp. 113-130.
- Turner M.* Reading Minds. The Study of English in the Age of Cognitive Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

L.L. Shevchenko (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

METAPHOR AS A MEANS OF INTEGRATING THE BASIC CONCEPTS OF I. MURDOCH'S NOVELS INTO A HYPERTEXT

The article refers to the sphere of cognitive stylistics and is devoted to the study of the individual mind style as it is reflected in a literary text. The analysis of the works of I. Murdoch presents an attempt to construct the author's hypertext with the help of metaphors which serve as mental and lingual means of integrating dominant concepts into a cognitive matrix.

Key words: mind style, hypertext, metaphor, cognitive matrix

Л.П. Юздова (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
uzdova1p@cspu.ru

СМЫСЛОВАЯ ЕМКОСТЬ ПОВЕСТИ Г.Н. ЩЕРБАКОВОЙ «МИТИНА ЛЮБОВЬ» (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В статье анализируется смысловая емкость повести Галины Николаевны Щербаковой «Митина любовь». В повести представлено «сбитое время», не непрерывная последовательность событий от прошлого к будущему, а всплески в памяти героини определенных временных промежутков. Смысловая емкость текста достигается за счет многочисленных авторских отступлений, позволяющих читателю поразмышлять о своем времени, о себе. Названы и прокомментированы некоторые ментальные характеристики русского человека.

Ключевые слова: «сбитое время», ментальность, подтекст, смысловая емкость, художественный текст

Процесс создания текста и его восприятия имеет универсальные характеристики, но конечный продукт – сам текст, а также особенности его восприятия читателем – имеют специфические черты, связанные с национальным языковым сознанием. Анализировать художественные тексты нужно через призму когнитивной лингвистики: «текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» [Маслова 2007: 87]. Художественный текст – это модель универсальных способностей человека, созданная с помощью языка в качестве моделирующей системы. Как модель язык представляет собой определенный способ познания. При построении художественного текста язык – это явление и первичной системы означивания (кодирования), и вторичной моделирующей системы, т.е. способ кодирования при создании художественных образов; в тексте вербализована лишь часть образа, «верхушка айсберга», значительная же часть образа – «невидимая часть айсберга» – не передается непосредственно языковыми знаками, а существует в виде «подтекста» [Ерохина 2018]; «художественная литература отражает духовный мир человека, она непосредственно связана с культурой, является ее истинным хранителем» [Павлишак 2014: 75].

Проявляется смысловая емкость или как реалистическая типизация образов, событий, или как иносказание, намек на реальное или возможное типичное, сочетание того и другого тоже встречается. Смысловая емкость повести Галины Николаевны Щербаковой «Митина любовь» формируется необычным способом. Первичный, поверхностный смысл повести улавливается относительно легко. Мальчик, родившийся у «старой женщины» (45 лет), был воспитан двумя матерями, «перекормленный любовью, он сам раздавал ее направо и налево, никого не обходил: ни нищего, ни собаку, ни муху меж стекол, ни траву-лебеду». Г.Н. Щербакова вводит в повествование словосочетание «сбитое время», и начинается не путешествие, а перескакивание из одного времени в другое, обрывки воспоминаний возникают один за другим. В художественных произведениях рассматривалось разное время, например, потерянное время («Сказки о потерянном времени» Евгения Шварца), время потерь (Даниэля Шрайбера «Время потерь. Как мы учимся отпускать»), страшное время (словосочетание используется для передачи субъективно-личных переживаний людей по поводу угроз окружающей действительности). В повести «Митина любовь» – «сбитое время», это не непрерывная последовательность событий от прошлого к будущему, это всплески в памяти героини определенных временных промежутков. Повесть вполне можно было назвать повестью «сбитого времени». Именно такое повествование, наверное, и позволяет читателю обратиться к себе, размышлять о собственной жизни и о своем времени. В психологии есть понятие «дисторсия времени» – термин, означающий изменение в восприятии времени, при котором время может ощущаться растянутым или сжатым [Фресс 1978].

Художественный текст не всегда понимается читателями однозначно и одинаково. На восприятие текста могут повлиять экстралингвистические факторы, которые связаны с характеристикой читателя: «возраст, пол, уровень образования, общий уровень развития личности, степень ее эмоциональности, культурный фон и многие другие составляющие» [Воробьева 2014: 42].

Автору повести удастся словно перенаправить воздействие всего происходящего на читателя. Автор в своей непоследовательности изложения размышляет о том, что важно для любого человека: о семье, религии, вере и о многом другом. От строчки к строчке, от страницы к странице повесть наполняется содержанием, которое складывается из мелочей, вернее, из того, что первоначально на фоне общего сюжета может показаться мелочью. А в итоге мелочи и есть самое важное для читателя, через призму «мелочей» он размышляет о своей жизни, о семье, о времени, в котором жил и живет. Читатель словно познает свое время и себя в нем на уровне подсознания, эмоций, собственных аналогий, воспоминаний. Пытаясь понять странных героев, словно под гипнозом, попутно впитывая все происходящее, он принимает героев повествования такими, какие они есть. Бабник Митя в одном времени и его внук в другом времени удивительно похожи: один «перекомлен любовью», другой унаследовал состояние «ни для кого не жалеть своего тепла», причем любят они только в чем-то ущербных женщин. Странно, что и деду, и внуку с их всеохватной любовью с настоящим счастьем не повезло. Не оценила жизнь их всеобъемлющей любви.

На фоне этого сюжета со странными героями зацепляют рассуждения автора о том, что истинное, настоящее не может быть красивым, «истинному полагалось быть плоховатым», «чем хуже, тем лучше», может, поэтому дед и внук любят только некрасивых. Это позиция базовой ментальности носителя русского языка («некрасивый, сутулый, штаны в латках – делалось обобщение: добрый, отзывчивый, скромный»). Вспоминается время, когда «шилось коричневое платье и из жидких сеченых волос плелись мышинные коски – ах какая скромная девочка, любо-дорого посмотреть. Не то что...». И опять – поток воспоминаний и размышлений, но уже не авторских, а читательских. Это и есть объемность содержания, смысловая наполняемость текста. Автор время от времени отрывается от основного сюжета, рассуждает: «Я ловлю эти слова – все равно. Они и есть смерть. Безразличие. Бесчувствие. Безмыслие. Ничего страшнее вообразить нельзя». И это тоже элемент базовой ментальности. Возможно, что «формирование и устойчивость в национальном языковом сознании концепта РАВНОДУШИЕ обусловлены особыми географическими условиями России и являются результатом особого исторического развития общества» [Баско 2018: 321].

Поразмышлять о ментальных составляющих собственного сознания, своей нации дано не каждому. Не всем нравятся повести Г.Н. Щербаковой. Для того чтобы попасть в тональность автора, постичь большую часть объемного содержания текста, очевидно, нужно иметь опыт проживания во времени, о котором пишет

Г.Н.Щербакова. Повесть словно помогает читателю собрать свою жизнь «из отдельных материков, островов, островочков» в единое целое, а «распасться можно на отдельные камни. Кто тебя потом соберет в кучу, кому это будет надо?». Русскому человеку свойственно философствовать, размышлять о смысле жизни. А подведение жизненных итогов нередко наполнено пессимизмом, который в русской ментальности предопределен исторически и территориально.

Еще одной ментальной характеристикой, представленной в повести, являются размышления о близких людях: «самое трудное – любить близких. Они, как никто, исхитряются своими словами и делами подорвать твою любовь к ним. Откуда было знать, что путь через раздражение и возмущение и есть путь испытаний любви. Новозеландец, папуас и мужик из соседнего подъезда сроду не раздражит тебя так, как родной брат или сестра».

Г.Н. Щербакова размышляет и о судьбе русской женщины. Образ женщины-волокуши, т.е. все с собой, воспоминания тоже с собой. Читатель, очевидно, представляет и женщину, которая тащит семью на своих плечах, уработавшуюся, тем более, что в повести в другом авторском отступлении Г.Н. Щербакова пишет: «А не будь наши женщины ломовыми лошадьми и забрось они чепец за мельницу с криком: «А не желаю я класть шпалы!...». Может, и сложилось бы для русской женщины все иначе?».

Строки «Бойся требухи, в тебе лежащей» (т.е. плохих мыслей, помыслов) заставляют читателя «покопаться» в собственной нравственности. Русской ментальности свойственны размышления о себе.

Многозначность языковых знаков в художественном тексте позволяет находить при каждом прочтении все новые и новые смыслы еще и за счет того, что вербализованной оказывается всего лишь часть образа, а все остальные его детали, не будучи номинированными, присутствуют в сознании адресата как его индивидуальное дополнение, взятое из опыта своего предыдущего чувственного восприятия [Ерохина 2018]. «...почему-то думалось плохое: о свойстве человека отмирать частями. Умереть ногой. Ухом. Локтем. Сердцем. Душой», ведь, действительно, с нами так и происходит, а мы не замечаем., что смерть приходит нередко крадучись. Итог – умирает душа. Писатель словно оправдывается: «...я всегда сообщаю много лишних подробностей, но как быть, если жизнь только из них и состоит? Одна только смерть освобождает от лишнего. Приходится выбирать – малу кучу лишнего жизни либо сухое отработанное вещество смерти».

Семантическое расширение объема текста осуществляется и отступлениями-размышлениями автора, и размышлениями, воспоминаниями читателя. При восприятии текст повести обретает семиотическую жизнь, предстает частью культуры, как явление, через смысловое пространство которого оживает память, осуществляется связь между временами [Лелис 2011]. Для читателя это тоже «сбитое время», только в несколько другом значении – время спрессованное, сжатое в памяти читателя.

Емкость художественного текста зависит от взаимодействия двух языковых систем: первичной – основной системы кодирования, и вторичной моделирующей системы, в которой и создается подтекст. Емкость художественного текста создается подтекстом [Ерохина 2018]. Итак, художественный текст, с одной стороны, содержит тот смысл, который закладывает в него автор, с другой стороны, текст способствует отражению субъективного видения, субъективного ощущения читателя. Одно накладывается на другое, и вследствие этого происходит неидентичная интерпретация текста разными читателями, реализуется смысловая емкость произведения.

Литература

- Баско Н.В.* Лингвокультурный концепт «равнодушные» в русской языковой картине мира // Преподаватель XXI век. 2018. № 2-2. С. 321-333.
- Воробьева С.Д., Гоголина Т.В.* Восприятие художественного текста современными носителями языка: экспериментальные данные // *Linguistica Juvenis*. 2014. № 16. С. 42-46.
- Ерохина А.М.* Подтекст как языковое явление художественного текста: уровни подтекста // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 4 (40). С. 129-139.
- Лелис Е.И.* Подтекст и смежные явления // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2011. № 4. С. 143-151.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2007.
- Павлишак Т.А.* Художественное произведение как репрезентант культуры (лингводидактический аспект) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2014. № 2. С. 75-81.
- Фресс П., Пиаже Ж.* Восприятие и оценка времени // Экспериментальная психология. Вып. 6. М.: Прогресс, 1978. С. 88-135.

L.P. Yuzdova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University of Humanities and Pedagogy

THE SEMANTIC CAPACITY OF THE STORY BY G.N. SHCHERBAKOVA “MITYA’S LOVE” (COGNITIVE ASPECT)

The article analyzes the semantic capacity of Galina Nikolaevna Shcherbakova’s story “Mitya’s Love”. The story presents “disrupted time”, not a continuous sequence of events from the past to the future, but bursts of certain time intervals in the heroine’s memory. The semantic capacity of the text is achieved through numerous authorial digressions that allow the reader to reflect on his time, on himself. Some mental characteristics of a Russian person are named and commented on.

Key words: “time out of order”, mentality, subtext, semantic capacity, fiction

А.А. Горбунов, Н.Н. Белозёрова (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
alexandregorbunov@gmail.com, n.n.belozerova@utmn.ru*

ЛОКАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИИ «СТРАХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Корпусное исследование направлено на выявление локативной лексики (глаголов) при эксплицитной номинации эмоции (страх) и определение ее роли в процессе концептуализации данной эмоции в русском языке (НКРЯ). Результатом стали предположения о потенциале локативов в образовании метафорических выражений.

Ключевые слова: НКРЯ, локатив, концептуализация эмоций, метафорическое выражение, когнитивная метафора

О смысловых отношениях и средствах их выражения рассуждает А.И. Варшавская в своей монографии «Смысловые отношения в структуре языка», отмечая, что первые реализуются на уровне семантики и грамматики. В качестве одних из наиболее представленных в языке средств выражения *пространственных* отношений ученый называет глаголы местоположения, направленного движения, направленного действия, универсальные типы глаголов [Варшавская 1984: 37-39].

Развивая идеи данной работы, мы провели исследование на материале текстов Национального корпуса русского языка с целью выявления локативной лексики в качестве средства концептуализации эмоций. Ограничения выборки материала работы представлены далее. В нашем исследовании мы рассматривали локативную лексику, представленную: 1) *глаголами движения и изменения положения тела в пространстве*, 2) *глаголами местонахождения и положения тела в пространстве*. В качестве одной из эмоций был выбран страх (как фундаментальная эмоция, образующая один кластер [Шаховский 2009: 9, 34, 141], и как одна из базовых эмоций человека [Plutchik 1982; Ekman 1999]) и соответствующая лексема. На первом этапе работы была выявлена проблема с формулировкой такого поискового запроса, который бы мог включить в результаты всевозможные метафорические выражения, описывающие состояния страха не только с эксплицитной номинацией (например, *на меня нашел страх*), но и имплицитно (например, *у меня сердце в пятки ушло*). Поскольку вторые обладают наибольшей степенью метафоричности, провести поиск по корпусу (хоть и размеченному) и отобрать их все варианты для рассматриваемой эмоции не представляется возможным на данном этапе. Выборку исследования пришлось сузить далее до таких выражений, которые включали бы только вышеуказанные глаголы и непосредственно лексему *страх*.

Первая группа поисковых запросов была задана следующим образом: 1) [Ключ] – «*», любой глагол (с семантикой *движения* и *изменения положения тела в пространстве*) + [Коллокат] – «страх», существительное И подлежащее; 2) [Ключ] – «*», любой глагол (с семантикой *движения* и *изменения положения тела в пространстве*) + [Коллокат] – «страх», существительное И дополнение / косвенное дополнение / обстоятельство. Первый запрос выдал в общей сложности 55 глаголов, употребляющихся с подлежащим «страх». Сортировка по совместной частоте ≥ 50 выдала 2 глагола, «пройти» и «стать». При совместной частоте ≥ 10 в поисковой выдаче обнаруживаем 21 глагол, например «гнать», «нападать», «пройти», «покидать» и др. Второй запрос выдал в общей сложности 145 глаголов, употребляющихся совместно с дополнением или косвенным дополнением (или обстоятельством) «страх». При сортировке по совместной частоте ≥ 50 был получен список из 12 глаголов, например «дрожать», «наводить», «трясти», «нагонять», «бежать», «идти» и др.

Вторая группа поисковых запросов была сформулирована как: 3) [Ключ] – «*», любой глагол (с семантикой *местонахождения* и *положения тела в пространстве*) + [Коллокат] – «страх», существительное И подлежащее; 4) [Ключ] – «*», любой глагол (с семантикой *местонахождения* и *положения тела в пространстве*) + [Коллокат] – «страх», существительное И дополнение / косвенное дополнение / обстоятельство. В поисковой выдаче были получены списки из 8 глаголов (напр., «удерживать», «остаться», «держать», «лежать», «стоять», «сидеть») и 11 глаголов (напр., «держать», «спрятаться», «находиться», «оставить», «стоять» и др.) соответственно.

При первоначальном анализе конкордансов наибольшую метафоричность проявляли коллокации с лексемой «страх», употребляемой в качестве подлежащего (здесь и далее пример из НКРЯ – *страх, боль знали его отсюда; и скоро страх ее совсем прошел*), несмотря на значительно больший список глаголов совместно с лексемой «страх» в качестве дополнения / косвенного дополнения / обстоятельства (*все, я напуган, я дрожу от страха; наводила страх на немцев; желая нагнать на них страху*). При лексеме «страх» в роли подлежащего наблюдаем также явление персонификации: *и вдруг страх гибели проник в мою душу; теперь барон чувствует себя уверенно: страхи миновали*.

Представим выводы по выявленным метафорическим выражениям. При анализе конкордансов глаголов с семантикой *движения* и *изменения положения тела в пространстве* и лексемы «страх» в роли подлежащего обнаруживаем, что такая эмоция концептуализируется в некоем физическом облики, поскольку может, с одной стороны, *нападать, проникать, находить, приходить, входить, явиться*, а с другой – *покидать, проходить, миновать, уходить*. Кроме того, образное движение данной эмоции может быть не только однонаправленным, но и возвратным, о чем говорит коллокация лексемы «страх» с глаголом *вернуться*. Как было сказано выше, здесь помимо метафоризации четко прослеживается явление персонификации. Вербализация данной эмоции в языке также указывает на то, что она обладает

свойством изменчивости, переходности, поскольку может употребляться с такими глаголами, как *переходить* и *перейти*.

Немного иная картина в случае, когда лексема *страх* является дополнением / косвенным дополнением / обстоятельством. Так, в большинстве рассмотренных случаев данная эмоция может являться причиной либо физиологических процессов (*дрожать, трепетать*), либо ответных действий (реакции) (*бежать от страха; прийти из-за страха*), либо трансформаций (*стать от страха кем-то*). Примечательна также группа глаголов *наводить/нагонять/навести/ нагнать*, которая указывает на то, что данную эмоцию можно вселить другому человеку или навязать, образно указывая этим страхам дорогу к нему. В употреблении лексемы «страх» с глаголом *идти* обнаруживаем наибольшее количество метафоричных выражений, таких как *идти со страхом, идти объатым страхом, идти сквозь страх, идти без страха, идти под страхом*, др. Такое эмоциональное состояние в данных случаях представляется некоторой ношей, с которой человеку нужно справиться (принять либо оставить), чтобы двигаться дальше. В другой коллокации рассматриваемая эмоция прямо отождествляется с некоторой пугающей ситуацией: *идти страху навстречу*, что по сути может быть рассмотрено как некоторая конфронтация с ней самой или же со стимулом.

Анализ конкордансов глаголов с семантикой *местонахождения и положения тела в пространстве* и лексемы «страх» позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, данная эмоция может завладевать человеком и лишать возможности дальнейшего движения – являться причиной тех или иных действий: *его удерживал страх перед окружением; держит страх узнать, чего боишься узнать*. «Страх», как нечто или некто, может быть *оставлен* либо до настоящего момента: *еще от татар остался этот страх*; либо позади, в каком-то моменте прошлого: *страх, сомнения, обиды остались где-то далеко*. Глагол *стать* позволяет отразить свойство изменчивости данной эмоции: *страх стал сильнее; страх стал подкрадываться, нарастать; этот страх стал паническим*. С глаголом *лежать* обнаруживаем такие коллокации, в которых такое эмоциональное состояние будет являться причиной чего-то, основой для чего-то: *под мотивацией... лежит страх быть побежденным; в основе его нежелания иметь друзей лежит страх неизвестности*. К этому же можно отнести и некоторые коллокации с глаголом *стоять*, например *на первом месте здесь стоит скрытый страх*. Из этого ряда с этими же глаголами выбиваются коллокации *страх лежал на дне ее сердца и в глазах его стоял отчетливый страх*, которые будут являться не чем иным, как метафорическими выражениями, которые опять же отсылают нас к представлению данной эмоции в физическом воплощении, в первом случае еще и обладающим объемом и весом. В подтверждении данного образа участвует и глагол *сидеть*, поскольку с ним обнаруживаем такие коллокации, как *страхи сидели глубоко; внутри у него сидел каменный страх и холод*.

При анализе глаголов с семантикой *местонахождения* и *положения тела в пространстве* и лексемы «страх» в роли дополнения / косвенного дополнения / обстоятельства обнаруживаем похожие образы с теми, что были описаны выше, но также и другие новые. В большинстве случаев конкордансов данной поисковой выдачи будет роль лексемы «страх» как причины некоторого действия: *спрятаться, прятаться, попрятаться, стоять, сидеть, лежать*, на что указывает предлог *от* при них. Примечательными же будут являться следующие случаи. Рассматриваемая лексема образует коллокацию с глаголом *местонахождения* *держат в страхе*. Образно представляем себе некоторое пространство, заполненное ощущениями от данной эмоции, в которое можно ввести и оставить. К данному образу подходят и коллокации *находиться/бывать/оставить/остаться в страхе*. Данный образ уже и не кажется метафорическим, поскольку мы сразу понимаем, что речь идет именно о нахождении в эмоциональном состоянии, чей смысл выходит на первый план. С глаголом *оставить* примечательна коллокация *оставить страх*. С одной стороны, употребляется в значении *уйти от, покинуть*: *Вергилий призывает Данте оставить страх*. С другой – *вызвать после себя какое-либо чувство*: *какой же глубокий страх оставила жизнь в ее душе*. Из этих примеров опять же прослеживается материализация рассматриваемой эмоции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что локативные глаголы являются продуктивным средством концептуализации эмоций, о чем свидетельствует многообразие коллокаций с лексемой *страх*. При анализе непосредственных конкордансов было обнаружено, что коллокации могут обладать как высокой степенью метафоричности (например, *и вдруг страх проник в мою душу*), так и не иметь ее вовсе (например, *попрятались от страха*) (в данных случаях значение коллокаций будет причинно-следственным). Дальнейшее развитие данного исследования видится в учете полного лексико-семантического поля основной эмоции («страх», «фобия», «тревога», «волнение» и т. д.), что затем позволит выйти на уровень основных когнитивных метафор. Перспективным представляется разработка методов и инструментов поиска и отбора метафорических выражений, где эмоция подразумевается имплицитно, без непосредственной номинации.

Литература

Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале английского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчиков М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7-34.

Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена, 2009.

Ekman P. Basic Emotions // Handbook of Cognition and Emotion. Dalglish T. Power. M. (Eds.). Sussex, UK: John Wiley & Sons, 1999.

Plutchik R. A psychoevolutionary theory of emotions // Social Science Information. 1982. № 21 (4-5). Pp 529-553.

*A.A. Gorbunov, N.N. Belozeroва (Tyumen, Russia)
University of Tyumen*

LOCATIVE VERBS AS A MEANS OF EMOTION CONCEPTUALISATION OF “FEAR” IN RUSSIAN (CORPUS-BASED RESEARCH)

The corpus-based study is aimed at identifying locative vocabulary (verbs) in the explicit nomination of emotion (*fear*) and determining its role in the process of conceptualising this emotion in Russian. As a result, assumptions about the potential of locatives in the formation of such metaphoric expressions are made.

Key words: RNC, locative, emotion conceptualisation, metaphoric expression, cognitive metaphor

*А.Ю. Зинovieва (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет (национальный
исследовательский университет)
zinovevaai@susu.ru*

ВОСПРИЯТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ ГОСТИНИЦ В ОТЗЫВАХ НА РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа восприятия традиционных японских гостиниц на материале отзывов туристов на русском и японском языках с использованием концептуальной модели предметной области. Выявлены как культурно-обусловленные различия, так и сходства, связанные с универсальными потребностями туристов.

Ключевые слова: корпусный анализ, концептуальная разметка, концептуальная модель предметной области, туристический дискурс, русский язык, японский язык

Введение. В последнее время среди российских туристов наблюдается заметный рост интереса к японской культуре, что подтверждается увеличением туристического потока в 2024 году по сравнению с предыдущими постковидными годами. Один из уникальных аспектов японской культуры – концепция гостеприимства *омотэнаси*, которая в полной мере раскрывается туристам при проживании в традиционных гостиницах – *рёканах*, отличающихся от привычных отелей национальным колоритом, более высоким уровнем сервиса, наличием термальных источников и изысканных ужинов с переменной блюд [Кужель 2019]. Исследование восприятия таких культурных аспектов представителями разных культур имеет практическое значение, поскольку способствует более глубокому пониманию чужой культуры и более эффективной межкультурной коммуникации.

Цель данной работы – выявить межкультурные сходства и различия в восприятии традиционных японских гостиниц на когнитивном уровне через призму отзывов представителей русскоязычной и японской культур.

Материалы и методы. Материал исследования представлен двумя корпусами по 250 отзывов о проживании в *рёканах* на русском и японском языках, опублико-

ванных на сайтах booking.com, ostrovok.ru, trip.com и tripadvisor.com в 2014–2024 гг. Объем русского корпуса составил 21 160 словоупотреблений, японского – 13 799 словоупотреблений. Объем корпусов обусловлен ограниченностью языкового материала на русском языке и намерением обеспечить равное количество отзывов в корпусах для сравнительно-сопоставительного анализа.

Ввиду того, что цель исследования предполагает анализ отзывов на когнитивном уровне, в качестве источника знаний была использована разработанная нами на основе данных корпусов база знаний, ядром которой является концептуальная модель предметной области. База знаний содержит 24 концепта и два словаря релевантной для предметной области русской и японской лексики, связанной с концептами. Например, концепт Питание, определяемый как ‘наличие завтрака и ужина, тип питания’ связан с такими лексическими единицами, как *алкоголь, бесплатная вода, большое разнообразие блюд, вкусный кофе, запеченные овощи, кайсэки, моти, очередность подачи блюд, 地元の物* местные продукты, *メロン* дыня, *味* вкус, *バイキング料理* шведский стол, *コーヒー* кофе и др.

Чтобы извлечь знания из корпусов, была выполнена автоматическая концептуальная разметка отзывов на платформе концептуального аннотирования ПАНТ [Шереметьева 2020] с интегрированной базой знаний предметной области. Из-за специфики исследуемых текстов, которые представляют собой генерируемый пользователями контент, перед загрузкой на платформу все отзывы были предобработаны: в частности, была произведена проверка орфографии с целью исправления ошибок и унификации написания японских слов на русском языке в соответствии с правилами практической транскрипции (так, написание слов *онсен, ротенбуру, риокан* было исправлено на *онсэн, ротэмбуру, рёкан*); в японском корпусе также были исправлены опечатки.

В связи с тем, что автоматическая разметка отражает потенциальную концептуальную неоднозначность лексических единиц в предметной области, была проведена ручная постобработка размеченных отзывов для снятия такой неоднозначности. Например, в предложении из русского корпуса «*В наличии все туалетные принадлежности: шампунь, кондиционер, гель для душа, крема, лосьоны и т. д.*» лексическая единица *кондиционер* была автоматически размечена тегами концептов Климат-контроль (‘наличие в номере кондиционера, обогревателя, осушителя и других приборов, направленных на изменение температуры и влажности воздуха’) и Принадлежности (‘все принадлежности, выдаваемые постояльцам, от средств гигиены до предметов одежды’), из которых в результате снятия неоднозначности был оставлен только концепт Принадлежности.

Результаты. В результате анализа отзывов на когнитивном уровне построена гистограмма, где показано распределение концептов в корпусах по относительной частоте встречаемости; за 100 % принято общее количество языковых манифестаций всех концептов в соответствующем корпусе (рис. 1).

Рис. 1. Относительная частота встречаемости концептов в русских и японских отзывах о традиционных японских гостиницах

В обоих корпусах наибольшую частоту встречаемости имеет концепт ПИТАНИЕ ($F_{RU} = 14,52 \%$, $F_{JA} = 19,64 \%$). Второе и третье место занимают концепты ИНТЕРЬЕР ('внешний вид и наполнение номеров и рёкана, их соответствие представлениям о японских традициях') и ТЕРМАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ('природные и искусственные термальные источники, их расположение, характеристики и т.п.'). Эти аспекты проживания в рёкане, таким образом, являются приоритетными как для русскоязычных, так и для японских туристов, вероятно, потому что это знаковые характеристики данного типа размещения. При этом в японских отзывах концепт ПИТАНИЕ занимает более крупную долю, чем в русских, что указывает на его большую значимость для японцев в сравнении с другими аспектами.

Значительная разница в частоте встречаемости наблюдается также у концептов КАЧЕСТВО СЕРВИСА ('качество обслуживания постояльцев', $F_{RU} = 3,16 \%$, $F_{JA} = 7,61 \%$) и ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ($F_{RU} = 4,23 \%$, $F_{JA} = 1,10 \%$). Вероятно, японские туристы более чувствительны к качеству обслуживания, чем русскоязычные, вследствие более высоких стандартов обслуживания, принятых в Японии. Бóльший акцент в русских отзывах на гостиничные принадлежности, под которыми в рамках принятой концептуализации понимаются не только туалетные принадлежности, но и выдаваемая постояльцам одежда (юкаты, тапочки, хаори и др.), может быть обусловлен их экзотичностью для русскоязычных туристов.

Концепты СПАЛЬНОЕ МЕСТО ('тип спального места, наличие кроватей и (или) футонов') и ЗНАНИЕ ЯЗЫКОВ ('владение иностранными языками персоналом рёкана и туристом; способы обеспечения коммуникации между ними') почти не представлены в японском корпусе ($F_{JA} = 0,28 \%$ и $0,12 \%$ соответственно), что свидетельствует о незначительности этих аспектов проживания в рёкане для японских туристов. Низкая частота концепта СПАЛЬНОЕ МЕСТО, вероятно, обусловлена тем, что использование для сна футонов привычно для японцев и не требует комментариев в отзыве. В свою очередь концепт ЗНАНИЕ ЯЗЫКОВ оказывается нереле-

вантным, поскольку японские туристы находятся на территории своей страны и не предполагают, что персонал рёкана должен владеть иностранными языками. Исключение составляют случаи, когда в рёкане работают иностранные сотрудники, что видно в следующем фрагменте отзыва: 救いは食事処に外国人従業員が多くいたのですが、彼らはつたない日本語ながら精一杯朝早くから夜遅くまで働いていて、いつもにこやかに対応してくれていたことです. Спасало то, что в столовой было много иностранных сотрудников, которые работали с раннего утра до позднего вечера и всегда улыбались нам, хотя и **плохо говорили по-японски**. В русских же отзывах данный концепт встречается достаточно часто и представлен такими лексическими единицами, как *английский язык, говорить по-английски, говорить на английском*, а также *аудиопереводчик, только японские иероглифы, по-русски, языковой барьер* и др. Это свидетельствует о том, что для ряда русскоязычных туристов, посещающих Японию, знание языков и языковой барьер представляют значимую проблему.

Интересна более высокая частота встречаемости концепта Чистота в японском корпусе по сравнению с русским, частично обусловленная лингвистическими факторами: самая частотная языковая манифестация этого концепта – прилагательное 綺麗, имеющее значения ‘красивый’, ‘чистый, опрятный’. При постобработке корпуса в некоторых случаях невозможно было однозначно установить значение прилагательного, поэтому в неоднозначных случаях тег концепта Чистота был сохранен.

Следует также отдельно выделить концепты, которые обладают достаточной значимостью для туристов и имеют сопоставимую частоту в русском и японском корпусах: Расположение (‘местность, в которой расположен рёкан’, $F_{RU} = 6,18\%$, $F_{JA} = 6,55\%$), Транспортная доступность (‘способы добраться до рёкана, а также необходимое для этого время; возможность трансфера’, $F_{RU} = 6,24\%$, $F_{JA} = 5,60\%$) и Персонал (‘персонал рёкана’, $F_{RU} = 3,16\%$, $F_{JA} = 3,35\%$). Значимость первых двух концептов обусловлена тем, что для туристов, вне зависимости от национальной и культурной принадлежности, важным критерием выбора места проживания является его близость к основным достопримечательностям, природным красотам и ключевым транспортным узлам, что позволяет организовать более насыщенное и комфортное путешествие. Профессионализм и доброжелательность персонала также являются немаловажными факторами для формирования положительного впечатления о пребывании в рёкане.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в восприятии традиционных японских гостиниц русскоязычными и японскими туристами наблюдаются культурно-обусловленные различия, при этом также имеются сходства, связанные с универсальными потребностями туристов. Полученные результаты могут быть полезны работникам туристической и гостиничной отрасли для более глубокого понимания специфических потребностей русскоязычных и японских туристов при выборе места размещения во время поездки.

Литература

Кужель Ю.Л. Истоки японского гостеприимства омотэнэси // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2019. № 1. Т. 15. С. 459-468.

Шереметьева С.О., Бабина О.И. Платформа для концептуального аннотирования многоязычных текстов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2020. № 4. Т. 17. С. 53-60.

A.Iu. Zinoveva (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University (National Research University)

PERCEPTION OF TRADITIONAL JAPANESE ACCOMMODATION IN RUSSIAN AND JAPANESE REVIEWS

This paper presents a comparative analysis of the perception of traditional Japanese accommodation in Russian and Japanese tourist reviews using a domain conceptual model and reveals differences that are culturally motivated along with similarities attributable to the common tourist needs.

Key words: corpus study, conceptual annotation, domain conceptual model, tourism discourse, Russian language, Japanese language

Е.В. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
e.v.ivanova@spbu.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЦВЕТА НА ФОНЕ ДАННЫХ КОРПУСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ BLUE)

В статье рассматриваются преимущества использования корпусного подхода для анализа концептуальных характеристик фразеологических единиц и моделирования фрагмента концептуализации мира с учетом частотности фразеологических единиц в материалах корпуса. Определяются некоторые результаты исследования фразеологических единиц с компонентом blue в подобном ракурсе.

Ключевые слова: корпус, корпусный анализ, концептуализация, фразеологическая единица, частотность

Корпусный анализ успешно применяется в настоящее время для выявления оттенков семантики фразеологических единиц и определения наиболее характерных контекстов их функционирования, что дополняет данные лексикографических источников и позволяет совершенствовать технику перевода и преподавания [Добровольский 2020; Пивоварова 2020; Rafatbakhsh 2019]. Корпусный подход используется и для когнитивных исследований фразеологических единиц, в частности, для описания их концептуального основания [Баранов, Добровольский 2008]. Однако следует признать, что последнее направление не получило пока достаточно широкого развития, несмотря на открывающиеся здесь большие перспективы.

Цель статьи заключается в систематизации и дальнейшем уточнении возможностей корпусного подхода при исследовании концептуальных характеристик

фразеологических единиц и моделировании фрагмента концептуализации мира на основе анализа их структурно-семантических и функциональных характеристик. Материалом проводимого исследования служат фразеологические единицы с компонентом *blue*, собранные методом сплошной выборки из Оксфордского словаря идиом [Oxford Dictionary of Idioms 2004]. Относительно небольшой объем словаря позволяет предположить, что лексикографами были отобраны наиболее значимые для англоязычного сообщества единицы. В материал анализа входят фразеологические единицы (ФЕ), характерные как для всех англоязычных стран в целом, так и для американского варианта английского языка, британские или, например, австралийские во внимание не принимаются. Корпусный анализ производится на основе данных Корпуса современного американского варианта английского языка [Corpus of Contemporary American English].

Наименование цвета *blue* (прилагательное и субстантивированное прилагательное) обладает в корпусе меньшей частотностью, чем ряд других наименований ахроматических и хроматических цветов:

white – 369146 вхождений

black – 309890

red – 169751

green – 128402

blue – 111917

Однако количество ФЕ с этим компонентом в словаре не столь разительно отличается от количества единиц с другими цветообозначениями в качестве компонентов (с компонентом *blue* – 9, *white* – 7, *black* – 10, *red* – 11, *green* – 4). Важной характеристикой ФЕ с компонентом *blue* является отсутствие у них (за исключением ФЕ «a blue-eyed boy») омонимичности со свободными словосочетаниями, которая рассматривается исследователями как один из факторов, осложняющих корпусное исследование ФЕ [Moon 1998]. Тем не менее, в связи с ФЕ «between the devil and the deep blue sea», как и в случае указанной омонимичности, требуется ручная обработка материала в силу наличия конкордансов с упоминанием фильма с аналогичным названием: *a terrified white woman screams piercingly and endlessly, and in **Between the Devil and the Deep Blue Sea** (1999) it is once again. / So he was caught between the devil and the deep blue sea.*

Из всех рассматриваемых ФЕ с компонентом *blue* наибольшей частотностью обладает адвербиальная **out of the blue** (without warning) – 2160 вхождений. Суммарное число вхождений адвербиальных ФЕ выше, чем у ФЕ иных структурно-грамматических типов. Так, **once in a blue moon** (very rarely) имеет 178 вхождений, а **between the devil and the deep blue sea** (trapped between two equally dangerous alternatives) – 15. В сумме число вхождений трех адвербиальных единиц составляет 2353.

Далее по частности следует единственная в выборке адъективная ФЕ **true blue** (genuine) – 277 вхождений.

Глагольная ФЕ **do something until you are blue in the face** (persist in trying your hardest at an activity but without success) с тремя варьируемыми компонентами насчитывает 78 вхождений. Две другие обладают низкой для глагольных ФЕ частотностью: **talk a blue streak** (speak continuously and at great length) – 34; **scream blue murder** (make an extravagant and noisy protest) – 4. Такое положение дел не типично для глагольных ФЕ, которые доминируют во многих фразеосемантических группах и имеют, как правило, более высокую частотность в текстах, чем ФЕ других структурно-грамматических типов. Объяснение данному факту, по всей видимости, можно найти, если провести параллель с пословицами, содержащими наименования цвета и образующими численно весьма ограниченную группу. Как и пословицы, глагольные ФЕ соотносятся с ситуацией, а цвет является, прежде всего, характеристикой объекта, а не ситуации [Иванова 2005: 43].

Субстантивные ФЕ насчитывают в сумме 55 вхождений, из них 53 приходится на **a bolt from the blue** (a sudden and unexpected event or piece of news), а 2 – на **a blue-eyed boy** (the favourite of someone in authority).

Итак, полученные результаты отчетливо демонстрируют существенную разницу в коммуникативной востребованности рассматриваемых ФЕ. Данный факт еще раз подтверждает, что даже на ограниченном материале прослеживается целесообразность последовательного учета корпусных данных в лексикографической работе и при отборе учебного фразеологического материала, что и отмечалось исследователями ранее [Пивоварова 2020; Rafatbakhsh 2019].

Полученные результаты непосредственно связаны с когнитивными исследованиями языка, моделированием концептуализации мира в языке. Корпус, при этом, рассматривается как многомерное, гигантское хранилище знаний о мире, зафиксированных посредством языка в течение определенного временного периода.

Корпус позволяет получить материал о репрезентации в языке восприятия цвета, произвести моделирование концептуализации цвета с большей долей достоверности и детализации. Частотность и сочетаемостные характеристики наименований цвета обладают немаловажной значимостью для исследования его языковой интерпретации. Например, на основе корпусного анализа можно установить, что прилагательное *blue* широко используется с существительным *eyes* (5871 вхождений), что позволяет заключить, что глаза выступают своего рода эталонным носителем голубого цвета, наряду с небом (*blue sky* – 2351 вхождений).

Семантика ФЕ и их частотность в корпусе имеют прямое отношение к моделированию восприятия цвета, зафиксированного в языке. Семантика соотносится с образной стороной цветовой концептуализации. Так, например, семантический и на его основе концептуальный анализ ФЕ с компонентом *blue* показывает, что, с одной стороны, голубой цвет ассоциируется со спокойствием и видимым отсутствием каких-либо признаков опасности (**out of the blue; a bolt from the blue**), а, с другой стороны, связан с опасностью и тревожными ожиданиями (**between the devil and the deep blue sea**).

Частотность ФЕ в корпусе, во-первых, свидетельствует о степени востребованности значения, выраженного через цветовой образ. Во-вторых, превалирование ФЕ с определенным образом, например, ФЕ *out of the blue*, косвенно подтверждает важность ассоциативных связей, на которых строится образ. В данном случае это ассоциация цвета с видимостью спокойствия и безмятежности, которые оказываются обманчивыми. Частое употребление может вести к стертости образа, но степень этой стертости достоверно установить затруднительно, поэтому значимость воспроизводства ассоциативных связей целесообразно считать косвенной и относительной. Кроме того, высокая частотность адвербиальных ФЕ с компонентом *blue* указывает на превалирование их категориального значения как относящегося к признаку некоторого действия / состояния (внезапно, редко, в безвыходном положении), также характеризую особенности концептуализации данного цвета в количественном отношении. Таким образом, корпусные данные приносят динамический аспект в построение модели концептуализации цвета на основе структурно-семантических характеристик ФЕ, добавляя ей динамическую конфигурацию.

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (3). С. 398-411.
- Иванова Е.В. Какого цвета пословичная картина мира? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2005. Вып. 3. С. 31-43.
- Пивоварова Е.В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов – «ложных друзей» переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 312-320.
- Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>
- Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A corpus-based approach. Oxford: Clarendon, 1998.
- Oxford Dictionary of Idioms. / ed. by J. Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Rafatbakhsh E., Ahmadi A. A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English // Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education. 2019. Vol. 4. № 11. Pp. 1-21.

*E. V. Ivanova (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

MODELLING CONCEPTUALIZATION OF COLOUR AGAINST CORPUS BACKGROUND (A CASE STUDY OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT *BLUE*)

The article aims to highlight the advantages of using corpus data for the analysis of conceptual features of phraseological units and modelling a fragment of world conceptualization with taking into account the frequency of phraseological units in a corpus. Some results of the research of the phraseological units with the component *blue* from this perspective are described.

Key words: corpus, corpus analysis, conceptualization, phraseological unit, frequency

*Д.А. Ильясова (Москва, Россия)**Московский городской педагогический университет
ilyasova.dzhavgarat@mail.ru*

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛА ДВИЖЕНИЯ *ПЛЫТЬ*: НКРЯ VS. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Статья посвящена сопоставлению средств традиционного и нейросетевого переводов при передаче глагола движения *плыть* с русского на английский язык. Рассматриваются преимущества и недостатки обоих подходов, принимая во внимание такие критерии, как точность перевода, передача оригинального замысла автора и способность учитывания культурных особенностей.

Ключевые слова: префиксальные глаголы движения, семантика, стратегии перевода, составные глаголы, корпусный подход

В статье приводится сравнение традиционных методов перевода на основе анализа НКРЯ (Национального корпуса русского языка) и современных технологий искусственного интеллекта (Chat GPT) при передаче русского глагола движения *плыть* в значении физического перемещения на английский язык.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, возросшим интересом к определению семантики глаголов движения в разных языках [Иганус 2016; Чапогир 2018; Шахаева 2020], во-вторых, необходимостью анализа средств их передачи с русского на английский язык в рамках корпусного подхода [Сафина, Камалов 2019; Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021; Сулейманова, Нерсесова 2023; Сулейманова, Чернышова 2024].

Цель исследования заключается в сравнении двух подходов к переводу глаголов движения в значении физического перемещения и установлении корреляции между ними.

Материал исследования представляет собой корпус из микро-контекстов, отобранных методом сплошной выборки из параллельного русско-английского подкорпуса НКРЯ, а также их переводов, выполненных посредством искусственного интеллекта.

Методика исследования определяется последовательностью шагов. На первом этапе формировалась эмпирическая база исследования. Отбирались примеры из НКРЯ, в состав которых входит глагол движения *плыть* в его различных префиксальных дериватах в значении физического перемещения. На втором этапе отобранные примеры переведены посредством Chat GPT. На заключительном этапе проведен анализ двух подходов, выявлены их преимущества и недостатки, сформулированы пути развития нейросетевых алгоритмов в переводческой перспективе.

Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализа средств перевода глаголов движения в значении физического перемещения посредством нейроперевода на основе противопоставления традиционному переводу.

Результаты исследования

В Толковом словаре С.И. Ожегова глагол движения *плыть* имеет шесть базовых дефиниций: 1) передвигаться по поверхности воды или в воде: *Плывут рыбы*; 2) ехать на судне или на ином плавучем средстве: *Они плывут на теплоходе*; 3) плавно двигаться или плавно распространяться: *Луна плывет по небу*; 4) передвигаться в состоянии невесомости: *Космонавт плывет в открытом космосе*; 5) представляться взору движущимся, кружащимся: *Все плывет перед глазами*; 6) переливаться через край: *Тесто плывет из кастрюли* [ТС]. Значение физического перемещения отражено в первых двух дефинициях, оно и составляет единицу нашего анализа.

1. Траектория семантики русского глагола движения *плыть*

В ходе исследования установлено, что добавление различных префиксальных форм может качественно расширить совокупность базовых толкований. Траектория движения, представленная в значении русского глагола *плыть* и его дериватов, выстраивается как начинательное линейное перемещение субъекта (в направлении) – *поплыть*: *Вода голубая, туда хочется нырнуть и поплыть*; преодоление некоторого пути по линейной траектории (движение через, сквозь, мимо) – *проплыть*: *Мы заметили три маленькие парусные лодки, которые вроде бы должны были проплыть мимо нас, хотя и не близко*; а также движение с преодолением препятствия – *переплыть*: *Одни и те же ископаемые животные неоднократно обнаруживались по обе стороны океанов, которые, понятно, слишком широки, чтобы их переплыть*. Другими словами, субъект начинает движение и движется к некоторому пункту назначения, преодолевая при этом препятствия.

Далее маркируется «способ» приближения к цели – *подплыть*: *Малик подплыл ко мне, ухватил за ворот и подтащил обратно к каноз*; достижение некоторого пространства как цели (завершение действия) – *доплыть*: *Перевернувшись, она быстро доплыла до галечной насыпи*; движение объекта в воде, стремящееся вверх к поверхности – *всплыть*: *Был даже случай, когда «Элвин» спас АБИ, когда тому не удалось всплыть во время одного из своих первых погружений*; оказаться в точке назначения – *приплыть*: *Они вовремя отвернули от течения, несшего их на наплавной мост, и приплыли в тихую заводь, где Эрис, мечтавшая, глядя на звезды, вскочила с шипением и быстротой дикой кошки*.

Затем субъект проникает в достигнутое пространство (движение внутрь, возможно на короткое время или с целью укрыться) – *вплыть*: *Не доплыв немного до пристани, мы вплыли в камыш, вытащили лодку на берег, передохнули, поев моркови и ягод*; *заплыть*: *Во время этого отдыха Пол чуть не погиб, когда слишком далеко заплыл и его понесло в открытое море*; после чего он выходит из пространства (движение изнутри с усилием) – *выплыть*: *Я тонул в них, барахтался, силясь выплыть, но меня снова и снова накрывало с головой*; удаляется из точки пребывания – *уплыть*: *Он схватит тушу и уплывет с набитым желудком, абсолютно*

не заботясь о другом крокодиле; или просто отдалиться на некоторое расстояние в сторону от объекта – *отплыть*: Если вы *отплывете* от восточного побережья, вы везде найдете следы Фукусимы.

2. Компаративный анализ способов перевода глагола движения *плыть*

В результате проведенного исследования выявлено несколько вариантов передачи префиксальных глагольных образований, во-первых, перевод составным глаголом (табл. 1), когда выстраивается семантическая корреляция префикса *вы-* с постпозитивной частицей *out* при английском составном глаголе.

Таблица 1. Перевод составным глаголом

№	НКРЯ		Перевод посредством Chat GPT
	Оригинал	Перевод	
1	– Я не умею плавать. – А как же ты тогда выплыл ? [НКРЯ].	“I can't swim,” Colon said. “How did you get out of that, then?”	– I can't swim. – Then how did you manage to swim out ?

Проводя корреляцию между представленными выше вариантами перевода Примера 1, установлено, что перевод составным глаголом *get out of* представляется более удачным, чем эквивалент *swim out*, выбранный нейросетью, поскольку в данном контексте делается акцент на том, что действие совершалось с трудом; причем в НКРЯ утрачивается корень, семантически прямо коррелирующий с русским глаголом.

Во-вторых, перевод может быть осуществлен посредством «простого» глагола, в значении которого содержится компонент, коррелирующий с префиксальной русской семантикой, в Chat GPT (табл. 2).

Таблица 2. Перевод «простым» глаголом

№	НКРЯ		Перевод посредством Chat GPT
	Оригинал	Перевод	
2	Всплывут вражеские субмарины в Тихом океане, Северном, Балтийском, Баренцевом и Черном морях [НКРЯ].	Hostile submarines will sail into the Pacific Ocean and the Northern, Baltic, Barents and Black Seas.	Enemy submarines will surface in the Pacific Ocean, the North, the Baltic, the Barents, and the Black Seas.

Вариант перевода, представленный в НКРЯ, выполнен посредством использования составного глагола *sail into*, где предлог подчеркивает семантику «направления совершаемого движения» и сохраняет прямую корреляцию с семантикой русского глагола *плыть*, в отличие от варианта нейроперевода, где предикат *surface* (производный от существительного *поверхность*) имеет результирующее значение, в котором «движение стремится вверх к поверхности».

Ср. также возможную семантическую утрату в переводе деривата со значением достижения цели – *доплыли* английским глаголом *swat* без семы «достичь цели», с

одной стороны, что значительно искажает смысл оригинала; и перевод с конкретизацией конверсивным английским дериватом *paddled* (грести веслами), при этом идея достижения цели отражена в постпозитивной частице *up* со значением завершения действия: *Мы сели в лодку и доплыли до берега Залива, а там сели на автобус до Мобайла.* – *We got in the little rowboat and paddled up to Bayou La Batre and caught the bus to Mobile* [НКРЯ] – и Chat GPT: *We got into the boat and swam to the shore of the Bay, and then took a bus to Mobile.* Нейросеть отдала предпочтение интуитивно простому эквиваленту *swam*, утратив при этом семантику «плавания в лодке».

Заключение

Таким образом, перевод глаголов движения в значении физического перемещения с русского на английский язык представляет собой важную и актуальную область исследований, поскольку такого рода предикаты обладают особыми контекстуальными нюансами, которые могут вызывать трудности при их передаче в языке перевода. Нейросетевые технологии часто сталкиваются с трудностями при учете аспектов, связанных с культурным контекстом и семантикой. Важно продолжать исследовать, как искусственный интеллект может лучше распознавать и различать различные градации движений. Внедрение гибридных подходов, сочетающих профессиональный и нейросетевой переводы, может значительно повысить качество итогового текста. Кроме того, необходимо направить усилия на обучение нейросетей с использованием обширных корпусных данных, что поможет улучшить понимание контекста.

Литература

- Иганус И.Т. Особенности семантики финских глаголов движения (сопоставительный анализ) // APRIORI. Серия: гуманитарные науки. 2016. №1. С. 1-5.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Сафина З.М., Камалов Р.И. Сопоставительно-переводческое исследование глаголов движения в пространстве // Вестник Башкирского университета. 2019. №2. С. 483-488.
- Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе // Русистика и компаративистика. Вып. 15. 2021. С. 297-315.
- Сулейманова О.А., Нерсесова Э.В. Принцип неслучайной связи в переводческих практиках // История, теория и дидактика переводческой деятельности: коллективная монография. М.: Флинта, 2023. С. 73-89.
- Сулейманова О.А., Чернышова А.И. Перевод синтаксических композитов при помощи программ машинного перевода и переводчика // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1 (53). 2024. С. 91-104.
- ТС – Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru>
- Чапосир С.И. Пространственная семантика эвенкийских глаголов движения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (124). С. 139-143.
- Шахаева А.А. Эгоцентричность семантики китайского глагола направленного движения 去 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 8 (837). С. 139-149.
- Chat GPT: нейросеть. URL: <https://trychatgpt.ru>

D.A. Ilyasova (*Moscow, Russia*)

Moscow City University

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION OF MOVEMENT VERB *PLYT'*: CORPORA VS. CHAT GPT

The paper dwells on the comparison of traditional and AI Russian-to-English translation approaches referring to the movement verb *plyt'*. The results of the research reveal the advantages and disadvantages of both approaches, considering such criteria as translation adequacy, conveyance of the author's original intent and taking into account cultural specifics.

Key words: pre-fixed verbs denoting movement, semantics, translation strategies, compound verbs, corpus approach

M.A. Kovyazina (*Tyumen, Russia*)

University of Tyumen

m.a.kovyazina@utmn.ru

S.A. Shishkina (*Tyumen, Russia*)

Tyumen State Medical University

raddoc@rambler.ru

NATURE-INSPIRED CONCEPTUAL METAPHORS IN BRITISH MEDIA DISCOURSE

Metaphorical representation of political confrontation between The Russian Federation and western countries in English-language media discourse has been analyzed. The research is based on a corpus including 515 articles published in the British newspaper "The Telegraph". The methods of metaphoric modelling, frame modelling and corpus analysis were applied in the process of investigation of English-language media discourse. The analysis resulted in metaphors and metaphoric models with the source domain "Nature".

Key words: media discourse, conceptual metaphor, frame, slot, metaphor model, corpus.

The paper presents the results of research into metaphorical representation of political confrontation between Russia and western countries in English-language media discourse. The term "media discourse" is associated with "interactions that take place through a broadcast platform, whether spoken or written, in which the discourse is oriented to a non-present reader, listener or viewer" [O'Keefee 2011: 441].

The methods of metaphor modelling, frame modelling and corpus analysis were applied in the process of investigation of the media discourse.

According to G. Lakoff and M. Johnson, "the human conceptual system is metaphorically structured and defined" [Lakoff, Johnson 1980: 6]. Within the framework of cognitive linguistics, the process of metaphorization or metaphorical mapping is based on "a source domain" and "a target domain" [Баранов 2014: 12]. The notion of a "metaphor model" represents interaction between the source and target domains as a system of verbal representations characterized by a similar metaphorical shift [Быкова 2014: 10]. A.P. Chudinov describes a set of properties of a metaphor model, namely, a source

conceptual domain, a new conceptual scope, typical scripts, frames and slots [Чудинов 2001: 45-46].

The research is based on a text corpus including 515 articles (547585 tokens) discussing sanctions against the Russian Federation published in the British newspaper “The Telegraph” (www.telegraph.co.uk) between 2014 and 2023. The texts were semantically tagged by means of an online *UCREL Semantic Analysis System* (Lancaster University, UK) which annotates tokens referring them to over 20 large semantic fields and smaller subcategories [Archer *et al.* 2002]. The tags from the semantic fields “Life & Living Things” and “The World & Our Environment” helped us to spot the cases of metaphoricization with the source domain NATURE.

Analyzing the process of metaphoricization in the political discourse, E.V. Budaev claims that organic and inorganic nature have been used for decades as a foundation for presenting the social and political reality, building up the linguistic picture of the political world [Будаев 2020: 169].

The analysis of the British media discourse allowed us to group the conceptual nature-inspired metaphors into several frames: ANIMALS, BIRDS and PLANTS.

The frame **ANIMALS** has four slots: ANIMAL MORPHOLOGY, DOMESTIC ANIMALS/PETS, WILD ANIMAL, EXTINCT ANIMALS.

The nouns “animal” and “beast” are used to describe a new wave of anti-Russian sanctions: *Maria Shagina, an analyst at the International Institute for Strategic Studies, describes the current web of sanctions as a “very different animal” to the curbs introduced in 2014 in the wake of Russia’s annexation of Crimea* [Chan 2022].

The slot ANIMAL MORPHOLOGY includes several conceptual metaphors with “claw” and “fang” either to illustrate the desire to take something under control (“to claw back”) or as part of a representation of a metaphor RUSSIA IS A DANGEROUS WILD ANIMAL: <...> *America and Europe ... trying to “chain the Russian” bear and tear out its claws* [Pritchard 2014].

The cases of metaphoricization in the slot DOMESTIC ANIMALS/PETS are revealed by means of idioms, such as “a game of cat and mouse”, “dogs of war”, “a red rag to a bull”, “a Trojan horse” emphasizing the tension in the political arena: “*Having Serbia in the EU would actually work quite well for Russia – it would be a like a Trojan horse.*” said Mr Wilson [Freeman 2014].

The slot WILD ANIMALS includes a large variety of metaphors. The metaphorical shifts are associated with such animals as bears, lions, tigers, wolves, predators in general, etc. The most popular metaphor in this context is RUSSIA IS A BEAR/WOLF: *But things have never been smooth for the Russian Bear <...>* [Chan 2014]. The slot also includes conventional metaphors “a lion’s share” (the largest part of something) and “a paper tiger”: “something, such as an enemy or foreign country, that seems very strong and dangerous but is really weak and not harmful” [Cambridge Dictionary]. The collocation “squirrel away” is used in the media discourse to describe the population’s behaviour in times of crisis: *Businesses worried about the future will hold off on investment and hiring*

decisions. Consumers will squirrel money away instead of taking a risk on a big ticket purchase [Wood 2014].

The slot EXTINCT ANIMALS is represented with one metaphor, comparing the experts on Russian international policy with dinosaurs for their old-fashioned views: *Critics who dwelled on a Russian threat were dismissed as dinosaurs* [Strange, Ensor 2014].

The frame **BIRDS** includes the slots BIRD MORPHOLOGY, BIRDS OF PREY, POULTRY.

The first slot has metaphors presented via collocations with “feather” and “wing”. The metaphors “ruffle feathers” or “smooth feathers” are applied to describe the negotiation process: *Mrs Merkel’s shuttle diplomacy may have smoothed some feathers in Washington but there is still division within the EU about how to tackle Russia if peace talks fail* [Parfitt 2015]. As for metaphors with “wing”, they symbolize defence: *<...> he says Europe’s leaders have “not rushed” to respond to America’s calls for increased defence spending and would rather confront Russia as they did in the 20th century – “from under America’s protective wing”* [Akkoc et al. 2014].

The slot BIRDS OF PREY includes cases of metaphorization using collocations with “hawk” and “hawkish” – “supporting the use of force in political relationships rather than discussion or other more peaceful solutions” [Cambridge Dictionary]. The metaphor WESTERN COUNTRIES ARE HAWKS are used repeatedly by the journalists through the years: *Russia sees the UK as a leading Western hawk* [Brenton 2016].

As for the slot POULTRY, it includes an idiomatic expression “the chickens come home to roost”, which is used to characterize past actions that cause problems at a later date [Cambridge Dictionary], for example: *Was 2014 the year that all President Putin’s chickens came home to roost?* [Crawford 2014].

The metaphors in the frame **PLANTS** are based on the concepts of plant morphology, namely, “blossom”, “root” “stem”. Collocations with the verb “blossom” introduce metaphors focusing on success: “blossoming friendship”, “trade blossomed”. The lexeme “root” is found in collocations “be rooted in”, “put down roots”, “take root”, “the root of...”: *The root of the current crisis was the corruption and cronyism of the Yanukovich administration that led to civil unrest in Kiev <...>* [Holehouse 2015]. Collocations with “stem” indicate the cause of a political process: *Vitaly Churkin, the Russian Federation ambassador to the UN, says that tensions in Ukraine stem from “Kiev’s war on its own people”* [Akkoc, Winch 2014].

To summarize, the British media discourse presents a wide variety of nature-inspired conceptual metaphors to describe the political and economic crisis as a result of sanctions against the Russian Federation.

References

- Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.
 Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. СПб.: Научное издание, 2020. URL: <https://publishing.intelgr.com/archive/sopostavitelnaya-politicheskaya-metamorologiya.pdf>

Быкова А.А. Температурная метафора в русской языковой картине мира: дискурсивное варьирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Akkoc R., Strange H., Wilson S., Marszal A. Malaysia Airlines plane crashes on Ukraine-Russia border: July 22 as it happened // The Telegraph. 21.07.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/10974050/Malaysia-Airlines-plane-crashes-on-Ukraine-Russia-border-July-22-as-it-happened.html>

Akkoc R., Winch J. Ukraine-Russia crisis: August 28 as it happened // The Telegraph. 28.08.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11060959/Ukraine-Russia-crisis-Ukraine-invaded-by-Russian-forces-says-Petro-Poroshenko-live.html>

Archer D., Wilson A., Rayson P. Introduction to the USAS category system. Benedict project report. October 2002. URL: https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/usas_guide.pdf

Brenton T. It's time for a thaw in our relations with Russia // The Telegraph. 10.08.2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/08/10/its-time-for-a-thaw-in-our-relations-with-russia>

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

Chan S.P. How Russia's conflict with Ukraine threatens vital European trade links // The Telegraph. 08.03.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/10685145/How-Russia-conflict-with-Ukraine-threatens-vital-European-trade-links.html>

Chan S.P. Sanctions busters in the spotlight as shadowy deals help Russia keep trading // The Telegraph. 08.08.2022. URL: <https://www.telegraph.co.uk/business/2022/08/08/sanctions-busters-spotlight-shadowy-deals-help-russia-keep-trading>

Crawford Ch. Vladimir Putin looks like a man trying to hide his own incompetence // The Telegraph. 18.12.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/11301409/Vladimir-Putin-looks-like-a-man-trying-to-hide-his-own-incompetence.html>

Freeman C. Vladimir Putin's Novorossiia may mark just the start of his empire-building ambitions // The Telegraph. 06.12.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/11277180/Vladimir-Putins-Novorossiia-may-mark-just-the-start-of-his-empire-building-ambitions.html>

Holehouse M. Britain revives Margaret Thatcher's free market fund in struggle against Vladimir Putin // The Telegraph. 20.03.2015. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/11484171/David-Cameron-to-boycott-Moscows-WWII-commemorations-in-protest-over-Crimea-invasion.html>

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

O'Keeffe A. Media and Discourse Analysis / The Routledge Handbook of Discourse Analysis. Gee J., Handford M. (eds). London: Routledge, 2011. Pp. 441-454.

Parfitt T. Obama and Merkel stage show of unity in Ukraine crisis // The Telegraph. 09.02.2015. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11401615/Ukraine-crisis-Obama-may-send-weapons-to-Ukraine.html>

Pritchard A.E. Defiant Vladimir Putin digs in for two-year slump, dismisses talk of palace coup // The Telegraph. 18.12.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11302527/Defiant-Vladimir-Putin-digs-in-for-two-year-slump-dismisses-talk-of-palace-coup.html>

Strange H., Ensor J. Ukraine crisis: March 21 as it happened // The Telegraph. 21.03.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/10707473/Ukraine-crisis-March-21-as-it-happened.html>

Wood R. Russia will lose the most from sanctions // The Telegraph. 29.07.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11000104/Russia-will-lose-the-most-from-sanctions.html>

М.А. Ковязина (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

С.А. Шишкина (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный медицинский университет

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ ПРИРОДА В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья представляет результаты анализа средств метафорической репрезентации политического противостояния между РФ и странами Запада в англоязычном медиадискурсе. Источник материала исследования – корпус статей, включающий 515 публикаций британского издания “The Telegraph”. Для анализа метафор были применены метод метафорического моделирования, метод фреймового моделирования и метод корпусного анализа. В результате анализа медиадискурса были выявлены метафоры и метафорические модели со сферой-источником «Природа».

Ключевые слова: медиадискурс, концептуальная метафора, фрейм, слот, метафорическая модель, корпус

Д.А. Коптев (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

koptevda@mgpu.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПРЕДИКАТОВ ФРЕЙМА ПЕРЕДАЧИ ОБЪЕКТА ОБЛАДАНИЯ В РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ И АНГЛО-РУССКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В работе рассматриваются вопросы, связанные с корпусным анализом русских предикатов фрейма передачи объекта обладания – *дать, подать, передать, выдать, отдать*. Материалом исследования послужили 1000 примеров использования конструкций с исследуемыми словами и их переводы. Настоящая работа выделяет основные аспекты исследуемого фрейма в русском языке и частотные варианты его передачи на английском языке.

Ключевые слова: корпус, передача объекта обладания, фрейм, частотность, предикат

Информация о передаче физического неодушевленного объекта обладания, являясь одной из самых ранних в онтогенезе [Бровко 2007] и в общем одной из базовых когнитивных схем [Langacker 1987], логично часто встречается в текстах. Однако полисемантичесность многих слов, выражающих эту категорию – например *дать*, которое метафорически и метонимически переосмысливается, приводит к грамматикализации и появлению новых модальных значений [Горлова 2016], что может вызывать трудности в переводе. Адекватный перевод требует от переводчика знаний о грамматике и лексике двух языков, культурологических особенностях. Все это можно исследовать, обратившись к современным корпусам языка, посредством отбора из них и анализа большого количества контекстов. Корпусные исследования в лингвистике продолжают занимать одну из ключевых ролей в ее развитии, позволяя объединять классические исследовательские подходы и современные способы

исследования [Сулейманова 2013]. Из выделяемых трех основных видов корпусных исследований: corpus-assisted, corpus-based и corpus-driven [Голубкова 2017], в настоящей работе совмещаются все – контексты с исследуемыми глаголами из параллельного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [НКРЯ 2025] и переводы выступают в качестве источника примеров (corpus-assisted), их данные используются для анализа материалов (corpus-based), а также выводы делаются на основе эмпирических данных корпуса (corpus-driven).

Прототипическое значение глагола *дать* отражает в общем виде ситуацию, в которой агент (изначальный владелец), выраженный подлежащим в именительном падеже, передает (объект) пациенту, выраженный прямым дополнением в форме винительного падежа, адресату (его новому владельцу), выраженному в виде дополнения в дательном падеже [Подлеская 2005].

Пошаговое проведение исследования происходило следующим образом – на первом этапе из Словаря современного русского языка [ССРЯ 2008] вручную отобраны все глаголы, относящиеся к фрейму передачи объекта обладания, содержащие корень *-да-*. Это позволило выстроить исследуемый фрейм, после чего проведен анализ частотности использования выбранных единиц на основе данных НКРЯ.

Следует отметить, что, в отличие от словаря, в используемом корпусе русского языка глаголы совершенного и несовершенного видов фиксируются как два отдельных вхождения. В связи с этим их показатели частотности суммировались. Основным критерием отбора являлось наличие у слова частотности, соответствующей уровню «скорее высокая», как указано в НКРЯ (IPM>100). Вхождение в этот порог указывает на то, что данная лексическая единица широко употребляется в речи, имеет высокую коммуникативную значимость и представляет собой один из ключевых элементов исследуемого фрейма. В результате отобрано пять слов – *дать* (IPM=1246,5), *отдать* (IPM=246,45), *передать* (IPM=203,83), *подать* (IPM=184,71), *выдать* (IPM=111,56). Конечно, следует отметить полисемантическую этих слов, в особенности глагола *дать*, который также обладает и многими другими значениями, не входящими в исследуемый фрейм, но получающими отражение в подсчете частотности в НКРЯ. Распределение вхождений для отобранных глаголов выглядит следующим образом: слово *дать* занимает долю в 63%, *отдать* – 12%, *передать* – 10%, *подать* – 9%, *выдать* – 6%.

Исследовательский корпус формировался методом сплошной выборки, согласно установленным критериям. Сбор материала проводился по всем пяти словам, что позволило выяснить распределение частотности исследуемых слов именно в рамках фрейма передачи физического неодушевленного объекта обладания и сравнить его с общими показателями частотности. Для отбора использовались параллельные русско-английский и англо-русский корпуса НКРЯ, что позволило рассмотреть переводческую перспективу, а именно то, какие сочетания используются для передачи в английском языке исследуемого фрейма (русско-английский перевод), а также какие конструкции английского языка могут переводиться исследуемыми словами (англо-русский перевод). Всего отобрано 1000 вхождений – по 500 на каждое на-

правление перевода. Отбор контекстов проводился в порядке убывания даты перевода, что позволило акцентировать внимание на современном положении дел.

В русско-английском авторском корпусе 500 вхождений распределились следующим образом: *дать* – 216 вхождений (43%), *отдать* – 94 вхождения (19%), *выдать* – 75 вхождений (15%), *передать* – 72 вхождения (14%), *подать* – 43 вхождения (9%). В англо-русском авторском корпусе 500 вхождений распределились следующим образом: *дать* – 209 вхождений (42%), *передать* – 110 вхождений (22%), *отдать* – 77 вхождений (15%), *подать* – 71 вхождение (14%), *выдать* – 33 вхождения (7%).

Рассмотрим частотные варианты перевода. В русско-английском корпусе варианты, встречающиеся 10 и более раз, выглядят следующим образом: *give* – 234 вхождения (47%), *hand* – 32 вхождения (6%), *hand over* – 21 вхождение (4%), *serve* – 16 вхождений (3%), опущение – 13 вхождений (3%), *get* – 12 вхождений (2%), *bring* – 10 вхождений (2%). Всего обнаружено 86 различных вариантов перевода, из которых 79 встречаются меньше 10 раз (в свою очередь 69 вариантов встречаются менее пяти раз и составляют вместе 96 вхождений) и всего составляют 162 вхождения (32%).

В англо-русском корпусе ситуация несколько отличается: *give* – 194 вхождения (39%), *hand* – 45 вхождений (9%), *serve* – 25 вхождений (5%), восстановление – 25 вхождений (5%), *pass* – 16 вхождений (3%), *hand over* – 12 вхождений (2%), *have* – 12 вхождений (2%). Всего обнаружено 115 различных вариантов, из которых 108 встречаются менее 10 раз (в свою очередь 104 варианта встречаются менее пяти раз и всего составляют 150 вхождений) и вместе составляют 173 вхождения (34%).

Из полученных данных можно сделать следующие выводы:

- 1) Единица *дать* является ключевым элементом фрейма передачи физического неодушевленного объекта обладания, частотность слова велика как в исследуемых контекстах определенной направленности, так и в языке в целом;
- 2) Частотность остальных глаголов выше в рамках исследовательских корпусов, что подтверждает значимость этих слов для исследуемого фрейма;
- 3) У глаголов *подать* и *выдать* сохраняется невысокая частотность во всех случаях, что соответствует их более узким значениям;
- 4) Частотность слова *передать* в англо-русском корпусе (22%) выше по сравнению русско-английским корпусом (14%) и с общей частотностью в русском языке (10%), что может говорить о том, что английские ситуации и выражения передачи объекта обладания частотнее уточняются через этот глагол, в то время как в русской картине мира обозначение простого действия *дать* бывает достаточно в большем количестве случаев.

Следует рассмотреть и следующие отличительные особенности. Так, в русско-английском корпусе выделяется слово *выдать*, а именно его употребление в контекстах, характерных для описания советской культурной и социальной действительности, так как большая часть корпуса составлена из текстов, написанных в этот период. Примером может служить использование данного глагола в значении «рас-

пределение по карточкам», ср.: *Справки отправляются позже, просто Криворучко хочет выдать ему продуктовые карточки* – *The applications were usually sent in later, but Krivoruchko was making sure Sasha got his rations* (см. здесь генерализацию при переводе, так как точного и такого же частотного аналога такому явлению в английском языке нет) или передача объекта обладания, где получатель также не оказывает влияния на процесс распределения или объем полученного, но без карточек, например *Нам выдали противогазы. В первый же день мы их выбросили* – *We were issued with gas-masks but threw them away the same day* (в данном примере используется более точный по смыслу вариант *issue with*, который, однако, не передает всех «красок» оригинала, являясь более официально-деловым). Подобные контексты отражают систему централизованного контроля и фиксированных норм, характерную для советского общества и русского языка, в особенности в описываемый период времени. В английской культуре такой концепт представлен реже, акцент обычно делается на личной ответственности, прямом и активном участии в процессе получения физического объекта. Такие различия приводят к тому, что в переводе этот глагол заменяется выражениями, отражающими не столько централизованное распределение, на которое невозможно повлиять и от которого невозможно отказаться, сколько передачу объекта обладания в рамках более нейтральных (со словами *give, get*) или индивидуальных (*issue with, hand out*) сценариев.

Литература

- Бровко Е.Л. Высказывания с семантикой передачи материального объекта на ранних этапах детской речи // Семантические категории в детской речи. 2007. С. 220-243.
- Голубкова Е.Е. Корпусно-когнитивная лингвистика: достижения и перспективы // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 488-491.
- Горлова А.А. Гортативные конструкции в русском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН. Acta Linguistica Petropolitana. 2016. № 1. С. 379-393.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Подлеская В.И. Русские глаголы дать/давать: от прямых употреблений к грамматикализованным // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 89-103.
- ССРЯ — Словарь Современного Русского Языка. М.: Мир и Образование, 2008.
- Сулейманова О.А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 60-68.
- Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1987.

*D.A. Koptev (Moscow, Russia)
Moscow City University*

CORPUS ANALYSIS OF RUSSIAN VERBS DENOTING THE ACT OF GIVING IN RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION PERSPECTIVE

The paper deals with the corpus analysis of Russian predicates denoting the act of giving – *дать* (*dat'*)/give, *подать* (*podat'*)/serve, *передать* (*peredat'*)/hand, *выдать* (*vydat'*)/issue, *отдать* (*otdat'*)/give back. The study is based on 1000 examples of verbs in contexts and their translations.

This work identifies the main aspects of the studied frame in the Russian language and its frequent examples in the English language.

Key words: corpus, the act of giving, frame, frequency, predicate

В.В. Никитина (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

Demchenkov@mgpu.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТУР ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье верифицируется методика лингвокогнитивного исследования при внедрении систем генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Исследование показывает, что современные системы искусственного интеллекта имеют потенциал для проведения семантических исследований, включая обработку языковых данных и дистрибутивный анализ. Тем не менее, возможности ИИ зависят от промпта и конкретной модели ChatGPT, Gemini, Copilot.

Ключевые слова: лексическая семантика, ИИ, промпт, дистрибутивный анализ, лингвокогнитивное исследование

В современной лингвистике в настоящее время апробируются методики, основанные на применении систем генеративного искусственного интеллекта ввиду высокой скорости обработки языковых данных и предоставлении критического анализа больших массивов данных. Как представляется, нейронные сети в перспективе могут стать полноценным инструментом в проведении лингвокогнитивных исследований, в частности, семантических при условии выстраивания строго алгоритмизированных промптов и понимания обучаемости генеративных нейросетевых моделей [Колышкин 2025; Томарева 2024]. Статистика показывает, что доля конвенционального поиска Google и т.п. (Search Engine) на 2024 составляет 90%, тогда как доля ИИ всего 6%, при этом специалисты прогнозируют рост до 14% к 2028 году [<https://saufter.io/>], что, как представляется, говорит о непрерывном совершенствовании этих систем и требует внимания лингвистов, в частности.

Методика семантического исследования основывается на триангуляционном подходе: включает в себя компонентный и дистрибутивный методы анализа, а также гипотетико-дедуктивный метод, в основе которого лежит семантический эксперимент [Селиверстова 2004; Сулейманова 2013; Никитина 2022; Никитина, Иванова 2023; Петрова, Иванова, Никитина 2022].

Первый этап лингвокогнитивного семантического исследования направлен на изучение актуальных лингвистических работ в исследуемом поле. И системы генеративного искусственного интеллекта также реализуют запросы в этой области. Анализируя отклики ChatGPT, при условии корректного промпта «составить список актуальной и авторитетной литературы по методологии и методике исследования семантики языковых единиц с выходными данными» сгенерированный список литературы ИИ не соответствуют ни актуальности по году издания (самые свежие

2021 год), ни по соответствию содержания (например, пособие М.М. Бахтина по теории литературоведения). По большей мере предоставляется вымышленные списки трудов, которые никогда не публиковались (например, *Кравченко В.А.* (2015). Семантика: основные понятия и методы. М.: Издательство РГГУ; Сравнительная семантика: теоретические основы и практические аспекты*. М.: Издательство МГУ.7. *Тихомиров А.Н.* (2021); *Каплан, И.И., Левин, В.И.* (2004). Словарь терминов по семантике. М.: Издательство «Языки славянских культур» и т.д.). Таким образом, ориентироваться на сгенерированные списки литературных источников не представляется возможным, система не предоставляет списки авторитетных лингвистов в области семантики (Ю.Д. Апресян, Л.В. Щерба, А. Вежбицкая, О.Н. Селиверстова, Ю.С. Степанов, Е.В. Рахилина, О.А. Сулейманова и др.). Следовательно, ИИ не может упростить работу лингвиста с поиском актуальных методологий, на которых могло бы базироваться исследование.

На втором этапе исследования изучаются определения синонимичных лексических единиц в лексикографических источниках. Для понимания того, как единицы представлены в языковой картине мира носителей языка, используются словари, например, Oxford Learner's Dictionary (OLD), Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE), Oxford English Dictionary (OED), Cambridge International Dictionary of English (CIDE). Данные из лексикографических источников позволяют определить первичные семантические признаки, которые далее позволят различить значения исследуемых синонимичных языковых единиц (табл. 1).

Таблица 1. Компонентный анализ английских прилагательных *unbiased, objective, dispassionate*

Прилагательное	Значение
Unbiased	Справедливый, непредвзятый
Objective	Честный, непредвзятый, объективный, подкрепленный фактами
Dispassionate	Объективный, безэмоциональный

На третьем этапе выполняется дистрибутивный анализ – исследуется ближайшее окружение языковых единиц. Методика исследования основана на триангуляционном подходе – компонентный анализ, дистрибутивный анализ, гипотетико-дедуктивный метод, а также потенциал систем Big Data [Никитина 2020; Suleimanova 2020]. В настоящем исследовании проводится верификация результатов исследования при конвенциональном дистрибутивном анализе (точечного исследования аутентичных контекстов) и дистрибутивного анализа проведенного с помощью ИИ.

В рамках исследования с помощью нейросетей была проанализирована семантика трех синонимичных английских прилагательных *dispassionate, objective, unbiased* и китайских 公平 и 公正 с общим значением объективности. Для каждого прилагательного из соответствующих языковых корпусов, COCA – для английского языка, BCC – для китайского, было отобрано по 100 контекстуальных примеров. Из числа нейронных сетей были выбраны ChatGPT [Open AI 2024], Gemini [Google 2024] и Copilot [Microsoft 2024].

Результаты исследования. При анализе ответов на составленный промпт: «проведи дистрибутивный анализ прилагательного *unbiased* на основе контекстов из корпуса английского языка COCA, которые представлены ниже» Copilot предоставляет информацию на основании аутентичных примеров употребления исследуемых языковых единиц из корпуса COCA и определяет семантику прилагательных следующим образом: *unbiased* вносит информацию об отсутствии предвзятости – «unbiased and objective answers» – подчеркивается важность объективных и нейтральных ответов; «unbiased scientific research» – акцент на научных исследованиях, которые должны быть объективными и беспристрастными; «unbiased third-party reviews» – важность независимых обзоров от третьих сторон. *Objective* – опоре на факты: «unbiased and objective answers» (непредвзятые и объективные ответы); «objective stance on the issue» (объективная позиция по вопросу); «objective outlook» (объективный взгляд); «objective observer» (объективный наблюдатель); *Dispassionate* отсутствии эмоций [Microsoft 2024].

Результаты исследования. При анализе ответов на идентичный промпт ChatGPT выделяет частотные коллокации прилагательного *unbiased*, такие как *opinion, report, view, source, review, research, information, news, advice*. *Unbiased* чаще всего используется для обозначения объективности и нейтральности информации: *unbiased opinion, unbiased source, unbiased information, unbiased research, unbiased reporting, unbiased review, unbiased advice, unbiased fact*. Основные значения *objective*: Объективный (непредвзятый, основанный на фактах, а не на мнении): часто встречается в связях с существительными *analysis, decision, data, evaluation, evidence, information, perspective, truth* [Open AI 2024].

Результаты исследования. Gemini обобщает значение прилагательного *objective* следующим образом: имеет широкое семантическое поле, охватывающее как оценочные, так и фактуальные характеристики. Лексическая единица активно используется для выражения идей объективности, беспристрастности, фактичности и реальности. Gemini дифференцирует семантику прилагательного точно по контекстам для *непредвзятый, беспристрастный* и *активный, реальный*, а также представляет коллокации: *objective analysis, objective criteria, objective evidence, objective function, objective reality, objective truth* [Google 2024].

Результаты исследования. Промпт: «Проведи дистрибутивный анализ прилагательного 公平 на основе контекстов из корпуса китайского языка BCC, которые представлены ниже» Gemini не представил отклик на запрос на русском языке. Prompt: «Conduct a distributional analysis of the adjective 公平 (gōngpíng, fair) based on the provided Chinese contexts from the BCC corpus нейросеть выдала результат: the adjective 公平 appears to convey a wide range of meanings, often related to: *Justice and equity*: This is the most common meaning, referring to fairness, impartiality, and the equitable treatment of all parties involved. Examples: 公平的待遇 (fair treatment), 公平的收入 (fair income), 公平的竞争 (fair competition) *Impartiality and objectivity*: 公平 is often used to describe actions or decisions that are free from bias or favoritism. Examples: 公平的尺度 (fair measure), 公平的原则 (fair principle) [Google 2024].

Таким образом, анализ откликов нейросетей ChatGPT, Gemini, Copilot показывает высокую скорость качественно-количественной обработки языкового материала. Тем не менее, результаты анализа должны согласовываться с точечным анализом лингвиста для верификации данных, корректировки стиля формулировок, уточнения метатерминов и языка запросов.

Литература

Кольчикин Н.В. Перспективы внедрения ИИ в семантическое исследование (на материале китайского и английского языков) // В многомерном пространстве современной лингвистики: искусственный интеллект vs традиция: тезисы международной молодежной конференции, Москва, 10 декабря 2024 года / Московский городской педагогический университет. М.: Р. Валент, 2025. С. 19-24.

Никитина В.В. Возможности и верификационный потенциал поисковых систем (Big Data) при проведении семантического исследования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 854-860.

Никитина В.В. Концептуализация ментального состояния субъекта в конструкциях типа X shudders to think: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

Никитина В.В., Иванова А.М. Перспективы использования big data в семантических исследованиях // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 3 (59). С. 38-49.

Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». М.: Языки Народов Мира, 2022.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянских культур, 2004.

Сулейманова О.А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 60-68.

Томарева И.Г. Взаимодействие ИИ и когнитивной лингвистики: актуальное положение и будущие направления // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 642-646.

Gemini (версия 1.5 Flash). Большая языковая модель. URL: <https://gemini.google.com/app>

Microsoft 365 Copilot. Большая языковая модель. URL: <https://m365.cloud.microsoft/chat?fromcode=bingchat&redirectid=5C69258B4AEC42CC90683B87E107405C&auth=2&internalredirect=CCM>

OpenAI, ChatGPT (версия 4.0). Большая языковая модель. URL: <https://chatgpt.com/>

Saufteer.io. URL: <https://saufteer.io/>

Suleimanova O.A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 мая 2020 года. Vol. 4. Pp. 657-669.

V.V. Nikitina (Moscow, Russia)

Moscow City University

AI IN A LINGUOCOGNITIVE RESEARCH: PROS & CONS (CH⇔EN)

The paper focuses on the methodology of linguocognitive research based on generative artificial intelligence (AI) systems. The study demonstrates that contemporary artificial intelligence systems possess the potential for conducting semantic research, including the processing of linguistic data and distributive analysis. However, the capabilities of AI are contingent upon the prompt and the specific models employed, such as ChatGPT, Gemini, and Copilot.

Key words: lexical semantics, AI, prompt, distributive analysis, linguocognitive research

*Ю.В. Овсейчик (Минск, Беларусь)**Минский государственный лингвистический университет
ovsei77@rambler.ru*

ИНТЕГРАЦИЯ ПОЛЕВОГО, СИНХРОННО-ДИАХРОННОГО И КОРПУСНОГО ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

В работе обосновывается необходимость интеграции полевого, синхронно-диахронного и корпусного подходов к изучению эволюции языковых явлений. Эффективность разработанной комплексной методики демонстрируется на примере развития системы сочинительных средств связи французского языка в широкой диахронической перспективе.

Ключевые слова: полевая организация, синхронно-диахронный подход, корпусные технологии, система, сочинительные средства связи

Многочисленные языковые явления традиционно рассматриваются в российской и зарубежной лингвистике в структурном, семантическом и функциональном аспектах как на ограниченном временном отрезке, так и в эволюционном ключе. Развитие корпусных технологий делает возможным на представительном языковом материале в масштабном временном отрезке в ранее недоступном для лингвистического анализа объеме раскрыть сущность эволюционных процессов в языковых подсистемах.

Синхронно-диахронный подход (Косериу 1963; Гийом 1992), не раз использовался в лингвистике (см., например, изучение исторической и синхронной динамики словообразовательных процессов в [Дмитриева 2012]). Концепция Г. Гийома «диахронии синхроний» как базовый методологический принцип для раскрытия эволюционных процессов в языковых подсистемах в методическом плане предполагает анализ развертывания частных систем в диахронии и анализ синхронных срезов, т.е. последовательное сопоставление синтагматических и парадигматических уровней изучаемой системы в каждом из периодов развития языка (Гийом 1992).

Еще одной исходной методологической установкой предложенной методики является ставшее уже традиционным структурирование языковых единиц по прототипическому принципу «ядро – периферия» с выделением «лучших» представителей, которыми являются более ранние формы [Кубрякова 2004] (см. также теорию прототипов [Rosch 1978]).

Разработанная комплексная методика представляет собой интеграцию традиционных синхронно-диахронного и полевого подходов, а также последовательное привлечение современных корпусных технологий (автоматизированный поиск, определение репрезентативного количества контекстов для анализа, статистическая обработка данных) и предполагает решение важнейших исследовательских задач: выявление и сопоставление значимости ядерных и периферийных единиц языковой подсистемы в диахронии; определение траекторий эволюции качественных характеристик этих единиц и установление их функциональной дифференциации в современном языке.

Для апробации разработанной методики выбрана система средств сочинительной связи в письменной истории французского языка с XI в. по настоящее время.

Выбор этой синтаксической подсистемы обусловлен неугасающим исследовательским интересом к сочинительным союзам и их аналогам в разных языках (см., например, типологическое исследование [Haspelmath 2009]). При этом большинство исследований выполнено без применения корпусного методик (Hobaek-Haff 1987; Инькова-Манзотти 2001; Санников 1985, 1989; Урысон 2004, 2010, Кудрявцева 2009 и др.) или посвящено отдельным фрагментам данного участка языковой системы (см., например, цифровой «портрет» русского союза *или* в [Инькова 2020]).

Совокупность средств сочинительной связи во французском языке трактуется нами как мультицентричная система, состоящая из четырех коэволюционирующих подсистем: соединительной, разделительной, противительной и каузальной. Различие в векторах диахронического развития каждой из подсистем определяется асинхронностью вхождения в употребление элементов, а также их количественными (исчисляемость, употребительность) и качественными (семантические и функциональные свойства) характеристиками. Соотношение состава ядерных (унаследованные из латыни сочинительные союзы *et* 'и', *ni* 'ни' и *ou* 'или' и новообразованные в старофранцузском языке единицы *car* 'так как', *donc* 'поэтому', *or* 'а, но, однако, итак', *mais* 'но') и периферийных (неоднородные по частеречной принадлежности единицы, которые в ходе исторического развития французского языка приобретают союзную функцию) единиц на разных этапах развития французского языка обнаруживает существенные изменения, обусловленные выходом из употребления одних единиц (*si*, *ains*, *vel*) и вхождением в употребление новых элементов функционального плана (*soit*, *au contraire*, *pourtant*, *alors*, *en effet* и т.д.), а именно: 10 : 0 (IX–X вв.), 10 : 9 (XI–XII вв.), 9 : 24 (XIII–XIV вв.), 7 : 35 (XV–XVI вв.), 7 : 43 (XVII–XVIII вв.), 7 : 50 (XIX–XXI вв.). Набор из 7 ядерных единиц и 50 периферийных единиц, конституирующих систему (подробно в [Овсейчик 2023]), отражает актуальное состояние системы, т.е. итог ее диахронического развития.

Источником материала исследования послужил Национальный корпус французского языка Frantext [Frantext], который включает 5555 оцифрованных разножанровых текстов XI–XXI вв. общим объемом 264 млн словоупотреблений, что обеспечивает валидность проведения диахронических исследований. Методом сплошной выборки с учетом снятой омонимии отобраны и подвергнуты количественному анализу все вхождения единиц сочинения в корпусе. Общее количество вхождений составило 1 996 732. Дистрибутивному анализу единицы сочинения подверглись в 46 497 контекстах.

Структурирование данного участка языковой системы основано на способности исследуемых единиц: 1) устанавливать копулятивную и коннективную связи, 2) занимать фиксируемую позицию в начале соединенного компонента, 3) оформлять (би-) полисиндетон и 4) образовывать сочетания друг с другом (см. концепцию центрo-периферической системной организации языка и полевой организации единиц в [Адмони 1988]). Приведенные критерии использовались для определения суммарной доли употреблений исследуемых единиц в союзной функции на каждом

из пяти синхронных срезов: старофранцузский (1001–1299 гг.), среднефранцузский (1300–1499 гг.), классический (1500–1799 гг.), современный (*moderne* 1800–1980 гг. и *contemporain* 1981 г.–н/в). Построенные индивидуальные траектории развития конъюнктивного потенциала полифункциональных языковых единиц во французском языке на репрезентативном количестве контекстов (см. методику в [Баранов 2001; Тарасевич 2017]) направлены на реконструкцию процесса конъюнкционализации языковых единиц. Например, полифункциональная единица *puis* характеризуется заметным развитием своих союзных функций (от 38,5 % в старофранцузском периоде до 71,25 % в современном французском языке).

Результат конъюнкционализации языковых единиц продемонстрирован на сегменте подкорпуса с 2000 г. по настоящее время. Для установления функциональной дифференциации языковых единиц, выполняющих роль сочинительного союза, выделенные качественные характеристики объективируются в количественных показателях, введенных индексах копулятивности и коннективности от 0 до 1. Проведенный анализ позволил разграничить ядерные и околядерные единицы, а также единицы, относящиеся к ближней и дальней периферии.

Собственно ядерным единицам сочинения *ni*, *ou* и *et* изначально свойственна копулятивность (в современном языке их индекс копулятивности составляет 0,99, 0,81 и 0,63 соответственно). Они образуют разнообразные синтаксические построения (критерии 1, 2, 3) и не сочетаются с единицами ядра (критерий 4). Околядерные единицы *mais*, *car*, *or* и *donec* приобретают копулятивность в новофранцузский период (в современном языке их индекс копулятивности составляет 0,14, 0,005, 0,01, 0,15 соответственно), устанавливают коннективную связь (критерии 1, 2), не проявляют способность к оформлению (би-) полисиндетона (критерий 3) и не сочетаются с единицами ядра, за исключением *donec* (критерий 4). Многочисленные единицы ближней периферии используются в разнообразных синтаксических построениях (критерии 1, 3), не всегда занимают инициальную позицию (критерий 2) и сочетаются с единицами ядра (критерий 4). Их индекс копулятивности колеблется от 0,0025 до 0,35, а индекс коннективности – от 0,0025 до 0,82. Единицы дальней периферии не проявляют копулятивности, редко (в пределах от 0,0025 до 0,05) используются для оформления коннективности (критерий 1), не всегда занимают инициальную позицию (критерий 2), не оформляют (би-)полисиндетон (критерий 3) и сочетаются с единицами ядра (критерий 4).

Использование новой комплексной методики позволило квантифицировать изменения системно-структурной организации единиц сочинения французского языка в диахронии. С использованием ряда параметров (наблюдаемый диахронический отрезок, масштаб временного интервала в данном отрезке и диапазон частотности) установлены точки бифуркации на временной оси в частных системах кодирования соединительных, разделительных, каузальных и противительных отношений, свидетельствующие о релевантности тех или иных отношений между фрагментами внеязыковой действительности в разные исторические периоды (XII в., XIII в., XIV в., XV в. соответственно).

На основании разработанных количественных критериев степени конъюнкционализации дифференцированы средства сочинительной связи во французском языке на ядерные, окооядерные, единицы ближней и дальней периферии и зафиксирована историческая подвижность границ между периферийными единицами.

Таким образом, апробация предложенной методики применительно к системе средств сочинительной связи французского языка подтвердила ее эффективность и существенно обогатила традиционные синхронно-диахронную, полевую методики за счет привлечения корпусных технологий, что подтверждает целесообразность ее применения для изучения структурирования средств синтаксической связи не только французского, но и других языков, особенно романской группы, а также выявления общей закономерности функционирования единиц этого служебного класса.

Литература

- Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Дмитриева О.И. Синхрония, диахрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 42-46.
- Инькова О.Ю. Количественный метод анализа коннекторов: «портрет» русского союза или в надкорпусной базе данных коннекторов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2020». Вып. 19. С. 372-386.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. слав. культуры, 2004.
- Овсейчик Ю.В. Система единиц сочинения французского языка в диахронии. Минск: МГЛУ, 2023.
- Тарасевич Л.А. Семантические факторы сочетаемости русских и немецких пространственных предлогов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 4. С. 44-58.
- Haspelmath M. Coordination // Language typology and linguistic description. Cambridge, 2009. Vol. 2: Complex constructions. Pp. 3-50.
- Frantext – Национальный корпус французского языка. URL: <http://www.frantext.fr>
- Rosch E. Principles of Categorisation // Cognition and Categorization / ed.: E. Rosch, B. Lloyd. Hillsdale: NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. Pp. 27-48.

Yu. V. Auseichyk (Minsk, Belarus)

Minsk State Linguistic University

INTEGRATION OF FIELD, SYNCHRONO-DIACHRONIC AND CORPUS APPROACHES TO THE STUDY OF LANGUAGE PHENOMENA

The work substantiates the need to integrate field, synchronous-diachronic and corpus approaches to the study of the evolution of linguistic phenomena. The effectiveness of the developed complex methodology is illustrated by the example of the development of the system of French coordination units in a broad diachronic perspective.

Key words: field organization, synchronous-diachronic approach, corpus technologies, system, coordination units

И.Ю. Парулина (Челябинск, Россия)

*Южно-уральский государственный университет
parulinaii@susu.ru*

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА АРГЕНТИНЫ¹

Настоящая статья посвящена исследованию дипломатического дискурса Аргентины с использованием корпусных технологий. Представлены результаты апробации следующих инструментов: Sketch Engine и Voyant Tools. Описанные программы дают возможность в визуальной форме презентовать содержательную и тематическую составляющую большого массива данных.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, дискурс Аргентины, испаноязычный дискурс, корпусные технологии, политическая лингвистика

В настоящее время исследование дипломатического дискурса становится все более важным для лингвистов, политологов и экспертов в области международных отношений. Дипломатический дискурс – это форма коммуникации, используемая в международной дипломатии с целью устанавливать, развивать и поддерживать международные отношения между государствами. Дипломатический дискурс отличается от других типов коммуникации в том, что он часто опирается на конкретные языковые формы, чтобы подчеркнуть дипломатическую привилегию или придать политическим высказываниям необходимую тональность. Специфика дипломатического общения определяется его коллективным агентом, направленностью деятельности агента на ту или иную аудиторию и целью деятельности в той или иной ситуации. В ряде случаев коммуникация, сохраняя особый характер дипломатического дискурса, в то же время имеет черты, сходные с политическим и масс-медийным дискурсами.

Актуальность исследования дипломатического дискурса Аргентины обусловлена ее важной ролью в международных отношениях, динамично меняющимся политическим контекстом, лидирующей позицией на международной южноамериканской арене. Таким образом, исследование дипломатического дискурса Аргентины имеет практическую и теоретическую ценность в современном мире. Целью настоящего исследования является изучение дипломатического дискурса Аргентины и выявление языковых особенностей, характерных для этого дискурса с использованием корпусных технологий.

Применение корпусных технологий к исследованию дипломатического дискурса Аргентины, охватывающего широкий спектр коммуникативных ситуаций и текстовых жанров, представляется оптимальным, поскольку они позволяют обрабатывать и анализировать большие объемы текстовых данных, обеспечивая репрезентативность и достоверность исследования.

Для исследования была произведена компиляция иллюстративного корпуса дипломатических текстов Аргентины за 2023–2024 гг. на испанском языке общим

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

объемом более 370 тысяч слов, основными источниками для которого послужили Официальный сайт правительства Аргентины и влиятельные политические издания Аргентины (*La Nación*, *Diario Popular* и т.д.). Для анализа корпусов были применены инструменты корпусного анализа Sketch Engine и Voyant Tools.

Основные инструменты Sketch Engine, которые использовались для анализа корпуса дипломатических текстов Аргентины, включают Wordsketch, Wordlist, Key words и Concordance KWIC (Keyword in Context).

Wordsketch обрабатывает словосочетания и слова в сочетании с лексемами в их окружении. Этот инструмент можно использовать как наглядное резюме грамматического и словосочетательного поведения заданного слова. Применение этого инструмента к анализу корпуса дипломатических текстов Аргентины показало, что основными лексическими единицами, формирующими коллокации с заданной лексемой *Argentina* (Аргентина), являются *ingreso* (вступление), *adhesión* (прикрепление) и *incorporación* (присоединение) в контексте «*ingreso/incorporación/adhesión de la Argentina a los Brics*» (вступление/присоединение/прикрепление Аргентины в/к БРИКС), что являлось основным новостным фокусом описываемого периода, *socio comercial* (торговый партнер), *política interior* (внутренняя политика), *política exterior* (внешняя политика), что отражает тематику анализируемых текстов.

Wordlist позволяет создать список частотных слов для выбранного корпуса. Этот инструмент использовался для построения частотных списков существительных, отражающих общее содержание текстов корпуса. Результаты применения инструмента к исследуемому корпусу показывают, что основными существительными, формирующими корпус, являются *país* (страна), *presidente* (президент), *Argentina* (Аргентина), *BRICS* (БРИКС), *Brasil* (Бразилия), *gobierno* (правительство), и т.д., что указывает на международную направленность данного типа дискурса, основными глаголами выступают *ser* (быть), *haber* (иметься), *estar* (быть), *tener* (иметь), *hacer* (делать), *ir* (идти), *decir* (говорить) и т.д., что соответствует наиболее употребляемым глаголам испанского языка, согласно испаноязычному корпусу esTenTen (текстовый корпус, созданный из интернет-текстов общим объемом более 28,6 миллиардов слов, доступ к которому предлагает Sketch Engine), а наиболее частотные прилагательные включают *chino* (китайский), *internacional* (международный), *argentino* (аргентинский), *nuevo* (новый), *primero* (первый), *ruso* (русский), *económico* (экономический), *mundial* (мировой) и др.

Key words помогает определить ключевые слова и термины (фразы, состоящие из двух и более слов), характерные для исследуемого корпуса или определяющие его содержание или тему. Этот инструмент использовался для определения ключевых терминов корпуса. В качестве референсного корпуса Sketch Engine использует корпус EsTenTen, указанный выше. Применение данного инструмента к анализу корпуса дипломатических текстов Аргентины показало, что основными терминами являются *presidente ruso* (российский президент), *presidente brasileño* (бразильский президент), *grupo BRICS* (группа БРИКС), *presidente chino* (китайский президент), *invasión rusa* (российское вторжение), *política exterior* (внешняя политика), и т.д., что соответствует основной новостной повестке освещаемого хронологического периода 2023–2024 гг.

Concordance KWIC (Keyword in Context) выводит заданные слова в контексте их использования. Этот инструмент может использоваться для определения и анализа доминирующих фреймов в корпусе, отражающих изменения в общественном мнении или политической обстановке, а также позиционирование страны на международной арене. Инструмент предлагает отфильтровать и настроить полученные результаты по количеству лексических единиц в контексте до и после искомого слова, и по ряду других параметров.

Визуализация полученных результатов может быть осуществлена с применением Voyant Tools, инструмента, обладающего также статистическими функциями, сходными (частотный анализ, выделение ключевых слов, составление конкордансов и т.д.). Инструменты визуализации включают облака тегов, диаграммы и карты, которые помогают наглядно представить данные, полученные в ходе статистического анализа. Voyant Tools имеет встроенные списки стоп-слов для большинства поддерживаемых языков, но пользователи также могут создавать собственные списки для более эффективного анализа, в частности, при анализе аргентинского корпуса служебные части речи и вспомогательные глаголы были отфильтрованы вручную. В рамках текущего исследования были применены инструменты визуализации: выделяются Links (сетевой график коллокаций), Trends (реберный граф относительных частотностей единиц в корпусах, применяемый для отслеживания тенденций в диахроническом аспекте) и TermsBerry (визуализация высокочастотных терминов с их сочетаемостью) и др., результаты применения которых к корпусу дипломатических текстов Аргентины представлены на рисунке 1.

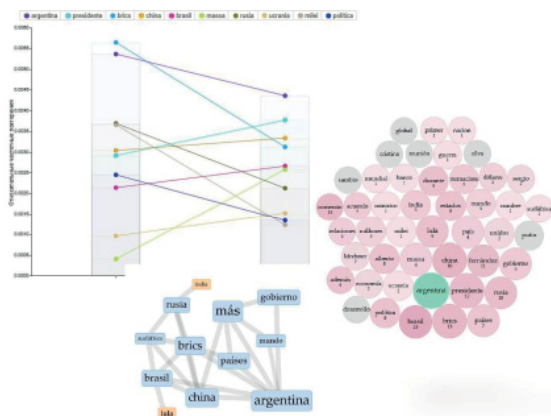

Рис. 1. Инструменты визуализации Voyant Tools

Инструменты визуализации позволяют оценить динамику единиц корпуса во времени. Так, инструмент Trends применялся к корпусу дипломатических текстов Аргентины, разделенному на два хронологических среза – 2023 г., когда Аргентина

рассматривала вопрос вступления в БРИКС, и 20024 г. – когда, после вступления Хавьера Милея на пост президента страны, приглашение присоединиться к этому международному альянсу было отклонено. Инструмент Trends наглядно представляет, что плотность употребления лексемы *BRICS* значительно сократилась (на 40%), что отражает содержание корпуса.

В этом исследовании применяются корпусные и компьютерные технологии для анализа иллюстративного корпуса текстов дипломатического дискурса Аргентины. С помощью таких инструментов, как Sketch Engine и Voyant Tools, производится компьютерный анализ и визуализация данных, что способствует более объективному и эффективному изучению больших объемов информации. Эти технологии дополняют традиционные методы анализа, позволяя обнаруживать скрытые паттерны и тенденции в текстах. В дальнейшем предполагается расширить использование корпусных компьютерных технологий для исследования дискурсов других стран.

Литература

- Diario Popular. URL: <https://www.diariopopular.com.ar/>
 esTenTen – Spanish corpus from the web. URL: <https://www.sketchengine.eu/estenten-spanish-corpus/>
 La Nación. URL: <https://www.lanacion.com.ar/>
 Portal oficial del Estado argentino. URL: <https://www.argentina.gob.ar/>
 Sketch Engine. URL: www.sketchengine.eu
 Voyant Tools. URL: <http://voyant-tools.org/>

I.Y. Parulina (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University

CORPUS TECHNOLOGIES IN THE STUDY OF DIPLOMATIC DISCOURSE OF ARGENTINA

This article focuses on the study of Argentine diplomatic discourse using corpus-based technologies. The article highlights the results of applying Sketch Engine and Voyant Tools in linguistic data analysis. The described programmes make it possible to present the content and thematic component of a large data set in a visual form.

Key words: diplomatic discourse, Argentine discourse, Spanish-language discourse, corpus technology, political linguistics

В.В. Петрожицкая (Киров, Россия)

*Вятский государственный университет
 vikselok@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТОВ ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «СУЛАМИФЬ»

В статье представлены результаты корпусного исследования взаимодействия лексем «любовь» и «смерть» как репрезентантов одноименных концептов в повести А.И. Куприна «Суламифь». Для выделения коллокатов лексем при их совместном употреблении в тексте

повести использовался инструмент Collocate программы AntConc. Сделан вывод о сопоставимости когнитивных признаков любви и смерти по параметрам «прочность» и «сила».

Ключевые слова: художественная концептуализация, любовь, смерть, когнитивные признаки, корпусно-ориентированный подход, коллокации

Актуальность работы обусловлена широким применением корпусно-ориентированного подхода как методологической основы лингвистических концептуальных исследований (в частности, художественного текста). Цель заключается в изучении взаимодействия лексических репрезентантов концептов ЛЮБОВЬ и СМЕРТЬ в классическом произведении А.И. Куприна «Суламифь» [Куприн 1964]. Гипотеза отражает возможность парадоксального совмещения полярных сущностей: жизнеутверждающего, «светлого» начала любви, отражаемого в положительном ассоциативно-семантическом поле, и противоположной ему, пугающей своей неотвратимостью идей конца жизни, к которому ведет любовь. Новизна работы состоит в применении сервиса AntConc [AntConc] для выявления коллокатов лексем *любовь* и *смерть* в художественном тексте.

Мистическая взаимосвязь любви и смерти является доминантной идеей литературы Серебряного века. В этот период любовь в художественной интерпретации поэтов и писателей приобретает божественную природу, она дается как дар лишь избранным натурам, раскрывается в оппозиции земного и божественного. Именно чужеродность любви земному миру обуславливает ее трагичный финал [Хван 2002]. Эти мотивы отражены в повести А.И. Куприна «Суламифь», послужившей материалом исследования. Произведение повествует об искренней любви великого царя Соломона и простой девушки Суламифи. Финал этого чувства трагичен из-за ревности царицы Астис.

Сервис AntConc уже применялся нами в рамках корпусного анализа репрезентантов концепта ЛЮБОВЬ в текстах сказок и фэнтези. Методика и результаты ее применения представлены в работах [Петрожицкая 2024; Петрожицкая, Колесникова 2024]. Для достижения поставленной цели на данном этапе исследования был использован инструмент *Collocate*, позволивший выделить слова, находящиеся в непосредственной близости к запрашиваемым лексемам *любовь* и *смерть*.

В ходе корпусного анализа текст повести «Суламифь» был загружен в программу AntConc в формате pdf. Программа зафиксировала в файле 16 071 токен (слово). Используя инструмент сервиса *Collocate*, мы активизировали следующие параметры: *Window Span* – для ограничения контекста размером по одному слову справа и слева от запрашиваемого (From 1L To 1R); поиск производился по лексеме *любовь*; результаты поиска были отсортированы программой по частоте (Sort by Frequency LR). Полученные данные представлены в таблице 1.

Таким образом, одним из коллокатов лексики *любовь* в тексте повести А.И. Куприна «Суламифь» является лексема *смерть*, которая встречается в контексте слева и имеет частоту 4.

Таблица 1. Коллокаты лексики любовь в повести А.И. Куприна «Суламифь»

Collocate	Rank	FreqLR	FreqL	FreqR	Range	Likelihood	Effect
смерть	1	4	4	0	1	35,160	7,513
вся	2	2	1	1	1	18,839	7,928
твою	2	2	2	0	1	15,015	6,705
опьянялся	4	1	1	0	1	10,440	8,513
уязвлена	4	1	1	0	1	10,440	8,513
наслаждались	4	1	1	0	1	10,440	8,513
последняя	4	1	1	0	1	10,440	8,513
бесконечной	4	1	1	0	1	10,440	8,513
пламенная	4	1	1	0	1	10,440	8,513
vii	4	1	0	1	1	10,440	8,513
отгоны	4	1	0	1	1	10,440	8,513

Активизируя параметры, указанные выше, но изменив запрашиваемое слово на *смерть*, мы получили результаты, отраженные в таблице 2.

Таблица 2. Коллокаты лексики смерть в повести А.И. Куприна «Суламифь»

Collocate	Rank	FreqLR	FreqL	FreqR	Range	Likelihood	Effect
любовь	1	4	0	4	1	35,831	7,650
яко	2	2	2	0	1	20,745	8,650
преследовал	3	1	1	0	1	12,044	9,650
стар	3	1	1	0	1	12,044	9,650
ревность	3	1	0	1	1	10,320	8,650
жертвоприношение	3	1	0	1	1	12,044	9,650

Обнаружено, что коллокатом лексики *смерть* в тексте повести А.И. Куприна является лексема *любовь*, которая встречается в контексте справа и имеет частоту 4.

Для демонстрации контекстов, указывающих на взаимодействие концептуальных признаков любви и смерти в повести, был активизирован коллокат *любовь*. Конкорданс, сформированный в программе AntConc во вкладке KWIC, представлен в таблице 3.

Таблица 3. Конкорданс контекстов, указывающих на взаимодействие концептуальных признаков любви и смерти

Left Context	Hit	Right Context
1	2	3
ладонь, приказал: – Пишите! «Положи меня, как печать, на сердце твоём, как перстень, на руке твоей, потому что крепка, как смерть ,	любовь	и жестока, как ад, ревность: стрелы ее – стрелы огнен- ные». И, помолчав так долго, что писцы в тревоге затаили дыхание,

1	2	3
Любовь же бедной девушки из виноградики и великого царя никогда не пройдет и не забудется, потому что крепка, как смерть ,	любовь ,	потому что каждая женщина, которая любит, – царица, потому что любовь прекрасна! IX Семь дней прошло с той поры, когда
как печать, на сердце твоём, как печать, на мышце твоей!.. – Не бойся смерти, Суламиф! Так же сильна, как и смерть ,	любовь...	Отгони грустные мысли... Хочешь, я расскажу тебе о войнах Давида, о пирах и охотах фараона Суссакима? Хочешь ты услышать
Положи мя, яко печать, на сердце твоём, яко печать, на мышце твоей: зане крепка, яко смерть ,	любовь ,	жестока, яко смерть, ревность: стрелы ее – стрелы огненные. Песнь Песней

Итак, специфика художественной концептуализации любви и смерти в повести А.И. Куприна «Суламиф» состоит в сопоставлении их когнитивных признаков по двум параметрам – «прочность» и «сила». Этот факт подтверждает выдвинутую гипотезу. Идея автора вынесена им в эпиграф: *крепка, яко смерть, любовь* – и трижды повторяется в тексте: *крепка, как смерть, любовь* (прочность) – 2 раза, *сильна, как и смерть, любовь* (сила) – 1 раз. Концептуальной опорой, объединяющей параметры полярных сущностей, является признак «вечность» (любовь «никогда не пройдет, не забудется» – она так же «сильна, как и смерть»).

Литература

Куприн А.И. Суламиф // А.И. Куприн. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Правда, 1964. Т. 5. С. 5-58.

Петрожицкая В.В. Исследование ключевых репрезентантов концепта «любовь» в дискурсе народных сказок и фэнтези: прикладной аспект // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов XI (XXV) Международной научно-практической конференции молодых ученых (18–20 апреля 2024 г.). 2024. Вып. 25. С. 104-107.

Петрожицкая В.В., Колесникова О.И. Использование корпусного метода при изучении функционирования лексики «любовь» в сказках и фэнтези // Прикладная лингвистика: наследие и современность: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 22-23 марта 2024 г. 2024. С. 170-175.

Хван А.А. Метафизика любви в произведениях А.И. Куприна и И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

AntConc (version 4.3.1.) / Antlab Solutions. 2024. Released on July 29, 2024.

V.V. Petrozhitskaya (Kirov, Russia)

Iyatka State University

THE INTERACTION OF *LOVE* AND *DEATH* CONCEPTS IN THE NOVEL BY A.I. KUPRIN *SULAMITH*

The article presents the results of a corpus study of the interaction of «love» and «death» lexemes as representatives of the concepts of the same name in A.I. Kuprin's novel «Sulamith». The Collocate tool of the AntConc program identifies collocating lexemes when they are used together in the text of the novel. The conclusion comprises the comparability of cognitive features of love and death according to the parameters “durability” and “force”.

Key words: artistic conceptualization, love, death, cognitive features, corpus-based method, collocations

А.С. Пташкин (Томск, Россия)

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
cognitionscience@tpu.ru*

СЕНСОРНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЗДОРОВЬЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОРПУСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ О КОЛДОВСТВЕ)

Работа посвящена изучению средств выражения категории здоровья с сенсорным семантическим компонентом в рамках параллельного корпуса русских и английских фольклорных текстов о колдовстве. Автором выделяются лексические единицы, актуализирующие значения с образами зрения, слуха, осязания, зрительно-слухового сенсорного напряжения, экстероцептивных и интероцептивных ощущений.

Ключевые слова: категория здоровья, сенсорика, параллельный корпус, фольклорный текст, AntConc, AntPConc

Общая категория здоровья соотносится с более частными категориями девиации и нормы, имеющими последующую градацию. Средствами выражения категории здоровья являются соответствующие лексемы, устойчивые словосочетания, фразеологизмы. Цель настоящего исследования – определить особенности сенсорного выражения категории здоровья в английских и русских фольклорных текстах о колдовстве. Материалом для работы послужили примеры из собрания легенд и мифов Э. Хартленда в английском и русском языках [Hartland 1906; Хартленд 2021]. Для выявления сенсорных средств выражения данной ментальной единицы в фольклорных источниках с указанием абсолютной частоты словоупотребления в сборнике используется инструмент корпусного анализа AntConc [Anthony 2023]. Для построения параллельного корпуса исследуемых текстов применяется корпус-менеджер AntPConc [Anthony 2024]. Значения, актуализированные лексическими единицами с сенсорной окраской, выявляются в ходе семантического анализа лексических единиц, а также диктем. При этом сенсорная диктема понимается как единица дискурса и включает в себя эмоционально-оценочные сигналы.

В качестве примеров рассмотрим сенсорные средства, указывающие на семантическое пространство категории здоровья в вышеуказанном сборнике. Семантика данных средств выражения категории здоровья указывает на ментальную и физиологическую составляющие в антропоцентрическом плане. Контекстуальный анализ позволил определить круг лексических единиц, репрезентирующих составляющие категории здоровья. Данные лексические единицы включают в себя зрительные, слуховые, тактильные сигналы. Количество языковых средств, характеризующих физиологическую составляющую категории здоровья, превалирует над лексическими единицами, репрезентирующими ментальную составляющую. Ведущим сенсорным сигналом, указывающим на семантическое пространство данных компонентов категории здоровья, является зрительный.

Так, лексические единицы, выражающие физиологическую составляющую категории здоровья в английских сказках и их переводах на русский язык, включают в себя **зрительные образы** с указанием на: 1. **красоту – изъян**: *lady of great beauty* (1) / *дама необыкновенной красоты* (1) (Лорд Пенгерсвик – чародей). Здесь и далее – указание на абсолютную частоту словоупотребления в сборнике; перевод Л.А. Игоревского [Хартленд 2021]. *An ugly toad* (1) / *безобразная жаба* (1) (Колдунья и жаба); В следующей диктете словосочетание *handsome man* (1) / *красивый юноша* (1) включает зрительный образ, а лексические единицы *to perish* (1) / *погибать* (1) указывают на семантическое пространство физиологической составляющей категории здоровья: *...that babe grew to be a handsome man... and perished... / ...ребенок стал красивым юношей... и погиб...* (Там же); *to crone over* (1) *her crock* (4) *of broth* (3) / *сгорбиться* (1) *над горшком* (4) *с зельем* (3) (Ведьма из Фрэддэма и чародей из Пенгерсвика). Глагол *crone* актуализирует значение «сгорбиться (о пожилой и некрасивой женщине)». В русской диктете представлен глагол *сгорбиться*, отсутствует указание на возраст; 2. **возраст**: *old witch* (3) *or hag* (1) / *старая ведьма* (4) (Ведьма из Фрэддэма и чародей из Пенгерсвика; Ведьма и заяц); *an old woman* (14) / *старуха* (10) / *старая женщина* (4) (Колдунья и жаба); Зрительный образ с указанием на возраст может быть дополнен **слуховыми акцентами**: *the old woman cried quarter* / *старуха взмолилась о пощаде* (Колдунья и заяц); 3. **рост**: *giant* (1) / *великан* (1) (Лорд Пенгерсвик – чародей); 4. **травму**: *to unhorse* (1) / *сбросить с лошади, упасть с лошади* (1); *to fling the rider* (1) / *сбросить седока* (1).

В контексте сказки «Ведьма из Фрэддэма и чародей из Пенгерсвика» данные словосочетания актуализируют прямые значения, которые также включают в себя **тактильный образ**. Колдунья хочет опохмелить лошадь чародея отравленной водой, чтобы та сбросила седока, но не убила, а травмировала; *the wounded lord* (1) / *страдающий от ран лорд* (1). Словосочетание *wounded lord* представлено значением «раненый», русский перевод словосочетания включает указание на интероцептивные и экстероцептивные переживания персонажа; 5. **смерть**: *to lie dead* (1) / *лежать мертвой* (1) (Там же); *to die owing to grief and want of food* (1) / *умереть от горя и недостатка пищи* (1) (Лорд Пенгерсвик – чародей). Лексемы *grief* (1) и *gore* (1) указывают на

семантическое пространство ментальной составляющей, на интероцептивные ощущения героев, а словосочетания *want of food* (1) и *недостаток пищи* (1) на физиологическую составляющую. 6. **отравление – яды**: *to ride on the black ram-cat in search of the poisons* (1) / *носиться верхом на метле в поисках ядов* (1); *to collect or obtain the deadly things* (1) / *собирать или получать смертоносные составляющие* (1) (Ведьма из Фрэдэма и чародей из Пенгерсвика).

Лексемы *deadly* (1) и *смертоносный* (1) в контексте данной сказки не актуализируют свои прямые значения. Ведьма намеревается одурманить и мучить чародея (*to torment* (1) / *мучить* (1)). Данные лексемы также могут указывать на семантику ментальной составляющей категории здоровья, актуализируя значение «помрачающий сознание»; *to brew the drink* (1) / *сварить зелье* (1) (в переводе лакуна – отсутствует глагол *сварить*); *to boil a drink* (1) or *brew the hell-broth* (2) / *сварить адское снадобье* (2) (Там же); 7. **холод**: ... *there stood without, shivering and shaking, a poor beggar; ... and his hands white with cold* / ... *увидели дрожащего попрошайку ... с побелевшими от холода руками* (Рука Славы). Экстероцептивные переживания героя усилены в английском языке лексемами *shiver* и *shake* (2), в переводе лексема *дрожащий* (1) актуализирует свое прямое значение. В финальной части данной диктемы словосочетания *hands white with cold* (1) / *побелевшими от холода руками* (1) включают в себя примарный зрительный сигнал, а также указывают на интероцептивные и экстероцептивные ощущения героя.

Заметно меньше число лексических единиц, выражающих физиологическую составляющую категории здоровья и включающих в себя **тактильные образы**: 1. **казнь – повешение**: *the thief easily secured and hanged* / *вора без труда схватили и повесили* (Там же); 2. **покушение на жизнь**: *he flung it (the toad) behind the block of wood which was burning in the grate* / *он швырнул жабу за горящее бревно в камин* (Колдунья и жаба). **Слуховые образы** сочетаются со зрительными при сенсорном напряжении: 1. **недостаток воздуха + ранение + возраст**: *There they found the old hag bleeding, and covered with wounds, and still out of breath* / *Они нашли запыхавшуюся и израненную старую ведьму* (Колдунья и заяц). В русской диктеме лексема запыхавшийся (1) включает слуховой образ, лексемы израненный (1) и старый (21) – зрительный. В английской диктеме сначала идет указание на возраст – *old* (21), далее описание ранения со зрительным образом – *bleeding, and covered with wounds* (1); в финальной части представлено идиоматическое выражение *out of breath* (1) со слуховым акцентом.

Средства выражения ментальной составляющей представлены значениями, включающими **зрительные образы** с указанием на **интероцептивные и экстероцептивные переживания** героев: 1. **потеря сознания**: *to faint* (1) / *упасть в обморок* (1) (Колдунья и жаба); В следующей диктеме интероцептивные ощущения также поддерживаются зрительными образами: *The shock was a severe one; and although Mrs. was restored in a little time to her senses, she again and again became faint* / *потрясение было очень сильным, и хотя женщина скоро пришла в чувство, обмороки повторялись* (Там же). Лексемы *shock* (1) и *severe* (1) актуализируют значения «по-

трясение» и «очень сильный». Фразеологические единицы *to restore to one's senses* (1) и *прийти в чувство* (1), а также фразеологизм *become faint* (1) и словосочетание *обмороки повторялись* (1), включают в себя зрительные образы.

В контексте следующего примера речь идет о пожилой колдунье, которая не пришла в себя после того, как получила тяжелые ожоги и умерла: *Every attention was given to her situation, but she never recovered perfect consciousness, and during the night she died* / За нею прилежно ухаживали, но она так и не пришла в сознание, а ночью умерла (Там же). Основным сенсорным образом в рамках семантики фразеологизма *to give attention to* (1) и глагола *ухаживать* (1) является зрительный, хотя и **тактильный акцент** также наблюдается в качестве второстепенного. Фразеологизм *recover consciousness* (1) / *прийти в сознание* (1) в рамках данного примера включает в себя зрительный образ; 2. **глубокие познания** / **ясность ума + возраст + смерть**: *a particularly learned judge* (1) / *судья, обладающий необычайно глубокими познаниями* (1); *sagacious* (1) / *здоровымыслящий* (1) (Колдунья и заяц). Данные лексические единицы в составе нижеследующей диктемы сочетаются с языковыми средствами, указывающими на возраст: *the old woman finished her days...* / *старая женщина закончила свои дни...* (Там же). Фразеологизмы *finish one's days* (1) / *закончить свои дни* (1) актуализируют значение «умереть». Зрительный образ поддерживается и в финальной части, где ведьму сравнивают с мученицей на костре – *like a martyr, at the stake*; 3. **одурманивание**: *bewitching a young woman and making her spit pins* / она околдовала молодую женщину и заставила ее плевать булавками (Там же). Глагол *bewitch* (1) / *околдовать* (1) актуализирует значением «подчинять колдовской силе» и является средством выражения ментальной составляющей. Словосочетание *young woman* (1) / *молодая женщина* (1) указывает на возраст и представлено прямым значением с указанием на физиологическую составляющую. Зрительный образ поддерживается словосочетаниями *spit pins* (1) / *плевать булавками* (1).

Таким образом, основными сенсорными акцентами, репрезентированными в семантике средств выражения физиологической составляющей категории здоровья в английских и русских фольклорных текстах о колдовстве, являются зрительные. Зрительные образы, указывают на чрезмерную красоту или отклонение во внешности, возраст, рост, травмы, смерть, отравление, яды и холод. Зрительные акценты в рамках данной составляющей также сочетаются со слуховыми и тактильными образами при рассмотрении возраста и травм. Выявлены случаи сенсорного напряжения слуховых и зрительных сигналов при указании на недостаток воздуха, ранение и возраст. Тактильные образы представлены в диктемах, включающих лексические единицы, в семантике которых есть отсылка на казнь, повешение, покушение на жизнь. Особенностью семантики языковых средств выражения ментальной составляющей в английских и русских фольклорных текстах о колдовстве является наличие зрительных образов с включением интероцептивных и экстероцептивных ощущений, дополнительных тактильных характеристик при указании на потерю сознания. Выявлены также случаи использования лексических единиц, способствующих

актуализации таких значений, как «глубокие познания», «ясность ума», «возраст», «смерть» и «одурманивание».

Литература

Хартленд Э. Легенды старой Англии. М.: Центрполиграф, 2021.

Anthony L. AntConc (Version 4.3.1). URL: <https://www.laurenceanthony.net/software>

Anthony L. AntPConc (Version 1.2.1). URL: <https://www.laurenceanthony.net/software>

Hartland E.S. English fairy and other folk tales. NY: The Walter Scott Publishing, 1906.

A.S. Ptashkin (Tomsk, Russia)

National Research Tomsk Polytechnic University

SENSORY MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF HEALTH IN THE PARALLEL CORPUS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH FOLKLORE TEXTS ABOUT WITCHCRAFT)

This article is devoted to the study of the means of expressing the category of health with the sensory semantic component in the framework of the parallel corpus of Russian and English folklore texts about the witchcraft. Lexical units, actualizing the meanings with the signs of vision, audition, tactition, visual-auditory sensory tension, exteroceptive and interoceptive feelings are distinguished by the author.

Key words: health category, sensorics, parallel corpus, folklore text, AntConc, AntPConc

Н.А. Рябченко, О.П. Малышева (Краснодар, Россия)

Кубанский государственный университет

malysheva_op@mail.ru

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТОРА: МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ КОНСТРУКТИВНОСТИ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ КАНДИДАТОВ В ГУБЕРНАТОРЫ НА ПЛАТФОРМЕ «ВКОНТАКТЕ»

В статье представлена разработка и апробация комплексной методологии анализа цифровых профилей социально-политических акторов на платформе «ВКонтакте» в контексте выборов глав регионов РФ 2023 года. Использование сетевого анализа и методов корпусной лингвистики позволило выявить ключевые аспекты дискурсивной динамики, влияющие на содержание социально-политической повестки дня и уровень доверия к власти.

Ключевые слова: цифровой профиль, дискурсивная динамика, сетевой анализ, корпусная лингвистика, сетевые лингвистические данные, социально-политическая повестка дня

Многомерность коммуникативного взаимодействия дополняется кроссплатформенностью интеракций для максимального охвата и влияния на общественное мнение [Stenvall и др. 2022]. Многоаспектность репрезентации социально-политических акторов, обусловленная многомерностью и кроссплатформенностью требует выработки эффективных стратегий, позволяющей политикам осуществлять полноценное делиберативное взаимодействие с гражданами с целью формирования объективного общественного мнения о деятельности социально-политических акторов на муници-

пальном, региональном и федеральном уровнях и повышения уровня доверия к власти [Pérez-Morote и др. 2020; Hitlin и др. 2022; Virnandes и др. 2024].

Утверждается, что анализ опыта реализации стратегий политических лидеров с разным уровнем успешности могут быть использованы для решения широкого спектра задач, связанных с электоральными процессами, репутационными рисками и оптимизацией процессов делиберации с целью укрепления доверия к власти и усиления стабильности социально-политической системы РФ, что особенно важно в период геополитической турбулентности и информационного противостояния [Иванов и др. 2019; Башкуева 2020].

Целью исследования стала разработка и апробация комплексной методологии качественного исследования цифрового профиля социально-политического актора, основу которой составляют сетевой анализ и методы корпусной лингвистики. Эмпирической базой исследования стали сетевые лингвистические данные, отражающие содержание цифрового профиля губернаторов, которые приняли участие в прямых выборах глав регионов России, проводившихся в 21 субъекте Российской Федерации с 8 по 10 сентября 2023 г.

В рамках подготовительного этапа (предпроцессинг данных) с платформы «ВКонтакте» методом сплошной выгрузки сообщений через программный интерфейс приложения «ВКонтакте» (API ВКонтакте) в формате CSV (Comma-Separated Values) был выгружен массив сетевых лингвистических данных по каждому из анализируемых аккаунтов, преобразованный в 21 датасет сообщений. Датасеты были очищены от стоп-слов и подвержены частотному анализу для выявления 10 наиболее частотных слов в каждом; лемматизация данных датасетов намеренно не проводилась для возможности выявления дополнительных смыслов в анализируемом массиве данных. Данные датасетов были проанализированы методом n-грамм для выявления 5 наиболее частотных n-грамм в каждом и визуализированы как 21 ненаправленный социальный граф, визуализирующий содержание дискурсивных полей, создаваемых официальной группой «ВКонтакте» каждого кандидата.

Анализ результирующих графов, полученных методом визуализации сетевых лингвистических данных (см. исследование авторов [Малышева, Рябченко 2022]) как отражение ядра дискурсивного поля, создаваемого официальными аккаунтами кандидатов на платформе «ВКонтакте» в период 1 мая–17 сентября 2023 г., позволил оценить пространственное распределение частотных n-грамм, степень кластеризации и централизации хабов (крупных влиятельных узлов) в пределах поля; оценить динамику и характер дискурсивного взаимодействия соответствующего аккаунта с электоратом; определить ключевые тематики, определяющие содержание информационной повестки дня, формируемой официальной группой каждого кандидата на платформе «ВКонтакте» в обозначенный период, непосредственно предшествующий выборам глав регионов России 8–10 сентября 2023 г.

Определение эффективности цифрового профиля кандидата как степени конструктивности дискурсивной стратегии кандидата на платформе «ВКонтакте» было

осуществлено посредством анализа результирующих графов по содержательным параметрам. К содержательным критериям оценки было отнесено наличие положительных и отрицательных показателей, как элементов, указывающих на положительный или отрицательный вектор дискурсивной динамики в формировании актуальной повестки дня.

Анализ показал, что положительный вектор дискурсивной динамики отражает наличие узлов, содержащих указание на:

- достигнутые результаты («(капитально) отремонтировали», «построили», «(привели) в порядок»);
- текущую реализацию проектов («ведутся», «работы»);
- успешную реализацию социальных проектов, а также проектов, представляющих ценность для экономического развития региона и благосостояния его жителей («житель», «освещение», «капремонт, «учебном году», «международные связи», «Беларусь» и др.);
- проведение нравственно-патриотического воспитания населения («СВО», «наши бойцы», помощь бойцам, «великая отечественная») и популяризации идеи единения («вместе», «вместе мы сила», «вместе только вперед», «сообща», «наши»).

Отрицательный вектор дискурсивной динамики отражает наличие узлов, содержащих указание на:

- необходимые действия и обещания («будут [проводиться] работы», «планируем») без указания на предпринятые меры;
- потраченные средства, например наличие цифр или элементов «рубли», «тыс.», «млн», «млрд» в качестве крупных хабов при тематической ограниченности или упоминания реализованных проектов;
- реализацию административных функций («рабочая поездка», «проведено заседание») при разреженном поле и тематической ограниченности;
- продвижение личного бренда при разреженном поле и тематической ограниченности.

В результате было определено 4 группы кандидатов.

1 группа социально-политических акторов – цифровой профиль С. Собянина, С. Цивилева, Д. Азарова, С. Воскресенского – характеризуется высокой дискурсивной динамикой; широким освещением социальных тематик; активной патриотической работой среди населения, включая призыв к социальной консолидации (кроме профиля С. Собянина). Отрицательные формальные показатели нивелируются положительными содержательными аспектами.

2 группа – цифровой профиль В. Орлова, М. Котюкова, В. Анохина, А. Воробьева, А. Травникова, А. Гусева, А. Николаева, М. Ведерникова, О. Кожемяко, С. Носова – характеризуется средней дискурсивной динамикой; освещением ограниченного спектра социальных тематик, актуальных для региона; активной патриотической работой среди населения. Отрицательные формальные показатели в некоторой степени нивелируются положительными содержательными аспектами, однако в случае

М. Котюкова А. Травникова, А. Николаева повестка размывается новостным контентом информирующего и комплиментарного характера.

3 группа – цифровой профиль А. Моора, В. Кузнецова, Г. Никитина, В. Хоценко – характеризуется средней дискурсивной динамикой; повестка в большей степени формально наполнена новостным контентом; патриотическая работа среди населения практически не ведется.

4 группа – цифровой профиль А. Клычкова, В. Томенко, В. Коновалова – характеризуется низкой дискурсивной динамикой; фрагментарным и/или формальным наполнением повестки. Социальные тематики (кроме А. Клычкова) не представлены в повестке. В случае В. Коновалова позиционирование личного бренда является формальным и содержательным наполнением повестки.

Обеспечение эффективного взаимодействия власти и граждан в онлайн-пространстве возможно за счет повышения дискурсивной динамики, частоты публикаций и последовательности в освещении социально-политических вопросов, значимых для региона. Соотношение положительных и отрицательных показателей, свидетельствующих о положительном или отрицательном векторе развития дискурсивной стратегии кандидата, отражает степень содержательности информационного посыла, распространяемой пресс-службой кандидата в сети «ВКонтакте»; информативности публикуемого контента; и как следствие степень привлекательности цифрового профиля кандидата в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Проведенное исследование демонстрирует, что цифровые профили социально-политических акторов с высокой дискурсивной динамикой, отражающие широкий спектр социальных тем, способствуют формированию содержательной и информативной повестки, укрепляя доверие к власти. В то же время акцент на формальных показателях без реального наполнения создает риск снижения доверия к кандидатам и власти в целом. Регулярное использование формальных стратегий ведет к потере аудитории, тогда как долгосрочный успех требует последовательного освещения значимых тем, тесно связанных с интересами электората.

Литература

Мальшева О.П., Рябенко Н.А. Сетевые лингвистические данные и дискурсивное управление: президентские выборы в США 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 3. С. 39-53.

Hitlin P., Shutava N. Trust in government. Washigton: Partnership for Public Service and Freedman Consulting, 2022.

Pérez-Morote R., Pontones-Rosa C., Núñez-Chicharro M. The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 154. Article 119973.

Stenvall J., Laitinen I., Yeoman R., Thompson M., Mueller Santos M. Digitalisation and Public Values // Public Values for Cities and City Policy, Administrative Studies. 2022. Pp. 177-201.

Virnandes S.R., Shen J., Vlahu-Gjorgievska E. Building public trust through digital government transformation: A qualitative study of Indonesian civil service agency // Procedia Computer Science. 2024. Vol. 234. Pp. 1183-1191.

N.A. Ryabchenko, O.P. Malysheva (Krasnodar, Russia)

Kuban State University

DIGITAL PROFILE OF A SOCIO-POLITICAL ACTOR: METHODOLOGY FOR ASSESSING THE CONSTRUCTIVENESS OF DISCURSIVE STRATEGIES OF GOVERNOR CANDIDATES ON VKONTAKTE PLATFORM

The article presents the development and testing of a complex methodology for analyzing the digital profile of socio-political actors on the *Vkontakte* social networking platform in the context of the 2023 Russian regional elections. The use of network analysis and corpus linguistics methodology revealed key aspects of discursive dynamics that determine agenda setting processes and influence public trust.

Key words: digital profile, discursive dynamics, network analysis, corpus linguistics, networked linguistic data, digital socio-political agenda

A.B. Sokolova (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

angelina.v.sokolova@gmail.com

ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается влияние цифровых технологий на методы лингвистических исследований, в частности в контексте поиска и анализа языкового материала. Подчеркивается важность сочетания традиционных и инновационных подходов к работе с корпусными данными. Исследуется эффективность ИИ в распознавании лингвистического хеджирования в текстах академического англоязычного дискурса.

Ключевые слова: академический дискурс, лингвистическое хеджирование, искусственный интеллект, корпусные исследования

На сегодняшний день цифровые технологии являются одним из наиболее эффективных инструментов как образовательной, так и научной среды. В контексте лингвистики они играют ключевую роль в развитии новых подходов к поиску и обработке языкового материала. При этом подобная автоматизация рутинных задач корпусных исследований не только сокращает временные затраты, но и позволяет увеличить эмпирическую базу, что напрямую влияет на валидность результатов [Петрова, Иванова, Никитина 2022].

К настоящему времени в арсенале ученых есть три основных типа цифровых инструментов: поисковые (search engines), исследовательские (research engines) и интерактивные (interactive engines) [Suleimanova, Guseinova, Vodyanitskaya 2020]. Первые подразделяются на электронные корпуса текстов (Национальный корпус русского языка, British National Corpus и др.), а также поисковые интернет-системы (Google, Yandex, Yahoo! и т. п.), которые «выступают в роли “коллективного респон-

дента”» [Suleimanova, Tivyaeva 2024: 848]. Ко второму типу относятся онлайн-сервисы типа SentiStrength, Tropes. Третья группа включает образовательные блоги наподобие Edublogs.

Вместе с тем, растет число исследований с привлечением средств генеративного искусственного интеллекта (СГИИ), которые в некоторых случаях даже заменяют Vaal-mini, SentiStrength и т. д. Тем не менее, несмотря на тот факт, что СГИИ непрерывно обучаются на значительных массивах данных, корректность СГИИ-результатов (даже в сопоставлении с уже относительно инновационными research engines) остается под сомнением.

Принципиально важно при этом учитывать релевантность использования комплексной методологии исследования, построенной на нескольких подходах – традиционном и инновационном. Традиционные методы корпусных лингвистических исследований, хотя и имеют свою объективную ценность, зачастую являются более трудоемкими и зависят от человеческого фактора. Более того, при проведении некоторых исследований нет возможности обратиться к специализированным инструментам анализа в связи с их отсутствием. При этом современные технологии, позволяющие автоматизировать многие процессы и обрабатывать большие объемы разрозненных данных за короткое время, безусловно, имеют ограничения, поэтому требуется критический подход к интерпретации результатов. Сочетание же двух данных подходов – наиболее оптимальное решение.

Говоря о направлениях исследований, в рамках которых не представляется возможным использовать специальные инструменты анализа, следует обратиться к категории хеджирования. Несмотря на то, что на данный момент не существует единой трактовки описываемого феномена, а также универсальной многокомпонентной классификации единиц, выполняющих роль хеджей, исследователи солидарны в том, что «хеджирование, используемое в качестве стратегии смягчения категоричности высказывания с целью сохранения “лица” автора пропозиции, убеждения собеседника и исключения возможных рисков коммуникативной неудачи» [Соколова 2024: 268] является одним из базовых принципов осуществления как коммуникации в целом, так и академического взаимодействия в частности. Интересно, что хеджирование может рассматриваться как частный случай дискурсивной стратегии взаимодействия с эксплицитным Другим [Чекмаева 2024], например, при упоминании в речи авторитетной фигуры, позволяющей спикеру, во-первых, усилить аргументацию высказываемой идеи, во-вторых, снять с себя часть ответственности за озвученное. В то же время О. А. Сулейманова выделяет в отдельную группу вводных структур такие единицы, как *кажется, по всей видимости, предположительно, наверное, возможно*, отмечая, что они используются для «выражения субъективного отношения говорящего» [Сулейманова 2017: 56], что также указывает на феномен хеджирования, подразумевающего частотное употребление подобных лексем.

В рамках настоящей работы предполагается исследовать тексты устного академического дискурса на предмет наличия хедж-маркеров разного типа. Современные

реалии подталкивают ученых проводить исследования с применением технологий искусственного интеллекта (ИИ), однако в большинстве своем лингвисты стремятся оценить в первую очередь возможность нейросетей генерировать и редактировать тексты (например, [Тивьяева 2024]). Задачей данного исследования является оценка эффективности ИИ (ChatGPT 4o mini) в распознавании определенных единиц (хеджей), которые могут быть выражены различными словами или даже конструкциями, а их функция зависит не от формальных грамматических показателей, а от общей семантики фрагмента текста, что затрудняет их поиск.

Так, на первом этапе отобраны видеозаписи пленарных докладов зарубежных лингвистов – носителей английского языка. Общая длительность видеоматериалов составила более 20 часов звучащей речи, которая далее была преобразована в корпус текстов посредством программы Whisper JAX.

На следующем этапе в ChatGPT направлен запрос на поиск в полученных текстах элементов хеджирования, однако в качестве подготовительной ступени ИИ был задан вопрос: «Знаешь ли ты, что такое лингвистическое хеджирование?», что позволило обозначить вектор работы еще до непосредственного анализа текста. Ответ ChatGPT: «Да, лингвистическое хеджирование – это использование языковых конструкций, которые помогают смягчить или сделать более неопределенными утверждения, мнения или требования. Оно часто применяется, чтобы выразить сомнение, снизить категоричность высказывания или избежать возможного конфликта», дает основания полагать, что ИИ способен распознать в тексте базовые элементы хеджирования, выраженные вводными фразами типа *по-моему, возможно, может быть*, а также конструкциями с эпистемическими глаголами мыслительной деятельности, например, *я думаю, полагаю, мы считаем* и т. д. Данное предположение все же не исключает появление при разметке текста ошибок, связанных с отсутствием полной классификации хеджей.

Обратимся к примеру автоматической разметки текста академического дискурса. За основу взят скрипт пленарного доклада британского лингвиста А. Холлидея на тему “DeCentring the relationship between learning language and learning culture” (2nd International Symposium on Language Learning and Global Competence). Представляется важным обратить внимание на объем текстового формата выступления – 17 страниц (Times New Roman, 14 кель, 1,5 интервал) или почти 42 тысячи знаков с пробелами. В ChatGPT направлен второй запрос: «Выдели в тексте из файла все элементы лингвистического хеджирования. Прокомментируй свое решение». Согласно полученным данным, во время доклада лингвист применил стратегию хеджирования всего 11 раз (рис. 1). Несмотря на то, что в ряде случаев хедж-маркеры определены верно и сопровождаются корректным обоснованием, некоторые пункты, как, например, 4 и 7, вызывают сомнения, поскольку, как представляется, не каждый «элемент размышления» (см. обоснование примера 7) или указание «на попытку и процесс» (см. обоснование примера 4) обязательно будет являться хедж-маркером.

1. "I'm now quite frightened" — использование слова "quite" смягчает утверждение о страхе, делая его менее категоричным □.
2. "perhaps I should rewrite" — слово "perhaps" выражает неопределенность и возможность, а не твердую необходимость переписывания □.
3. "I'm not quite sure" — фраза "not quite sure" выражает сомнение или нерешительность, уменьшая уверенность в высказывании □.
4. "trying to work out" — использование "trying" указывает на попытку и процесс, а не на окончательное решение или действие □.
5. "perhaps put them to use in new ways" — опять-таки "perhaps" добавляет элемент возможности, а не уверенности □.
6. "I don't know" — выражает полную неопределенность или отсутствие уверенности в сказанном □.
7. "I'm beginning to wonder" — это выражение вводит элемент размышления и сомнения, а не утверждение □.
8. "a bit abstract" — "a bit" смягчает оценку, делая её менее категоричной □.
9. "I'm afraid" — используется для смягчения неприятной информации, выражая осторожность в заявлении □.
10. "I sense" — выражает личное ощущение или догадку, а не утверждение факта □.
11. "maybe" — это слово добавляет неопределенность, предполагая возможность, а не уверенность □.

Рис. 1. Ответ ChatGPT на запрос № 2

Примечательно, что ChatGPT выделил слово *perhaps* в качестве компонента хедж-высказывания (пример 5) единожды, хотя традиционный анализ текста (вручную) показал, что данная лексическая единица встречается в тексте 5 раз, причем во всех случаях является хедж-маркером: *perhaps I should rewrite the entire presentation*, *perhaps he's Swedish Chinese*, *perhaps because of patriarchy or whatever*, *perhaps the only time I've seen an articulation of this relationship*, and *perhaps put them to use in new ways under new circumstances*. Не нашли отражения в списке ChatGPT и такие единицы, как *almost*, *probably*, *sort of*, *I think*, *I feel* и др. В ответ на третий запрос, касающийся перечисленных хеджей – «Почему ты не выделил в тексте следующие единицы: *almost*, *probably*, *sort of*, *I think*, *I feel*? Это не хеджи?» – ChatGPT ответил: «Да, все эти единицы являются элементами хеджирования, поскольку они добавляют в высказывание неопределенность, осторожность или субъективность» (см. полный ответ ИИ на рис. 2).

Давай рассмотрим эти единицы более внимательно. Ты прав, они также могут быть элементами лингвистического хеджирования. Давайте разберем каждую из них:

1. **"Almost"** — используется для выражения приблизительности или неполной уверенности, что смягчает утверждение (например, "I've almost lost it"). Это типичный хедж, поскольку он указывает на то, что действие или состояние не завершены полностью.
2. **"Probably"** — выражает вероятность, а не уверенность. Это классический пример хеджирования, поскольку говорит о возможности, а не о факте (например, "probably 30 years younger than me").
3. **"Sort of"** — вводит элемент неопределенности или нечеткости, смягчая утверждение (например, "I'm sort of bringing in language afterwards").
4. **"I think"** — выражает мнение, а не утверждение факта, что делает высказывание менее категоричным (например, "I think perhaps I should rewrite").
5. **"I feel"** — указывает на личное восприятие или мнение, что также смягчает утверждение и выражает субъективность (например, "I feel our memories are like their homes on their backs").

Рис. 2. Ответ ChatGPT на запрос № 3

Таким образом, критический анализ результатов, предложенных ChatGPT, доказал, что на данный момент нельзя в полной мере опираться на ИИ (по крайней мере, при разметке текстов). В рамках настоящего исследования ChatGPT не смог найти все элементы хеджирования ни в одном из текстов корпуса, а также посчитал хеджированием единицы, которые не выполняют подобные функции, что потребовало значительной ручной правки.

Литература

- Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учебное пособие. М.: Языки Народов Мира, 2022.
- Соколова А.В. Анализ особенностей синхронного русско-английского перевода высказываний-хеджей, описывающих когнитивные операции говорящего (на материале корпуса устного перевода) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1 (57). С. 267-271.
- Сулейманова О.А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52-61.
- Тивьяева И.В. Академическая культура и перспективы использования нейросетей в практике русско-английской научной коммуникации // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика. М.: Языки Народов Мира, 2024. С. 154-159.
- Чекмаева Н.А. Дискурсивные стратегии взаимодействия с «Другим» и воздействия на адресата в академическом общении // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 244-247.

Suleimanova O.A., Tivyaeva I.V. Anthropocentric Turn in Linguistics Through the Digital Lens: Evidence from Analyses of Russian Mnemonic Verbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 17. № 5. Pp. 847-861.

Suleimanova O.A., Guseinova I.A., Vodyanitskaya A.A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science // Society. Integration. Education. Vol. 4. Rēzekne: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2020. Pp. 657-669.

A.V. Sokolova (Moscow, Russia)

Moscow City University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE POTENTIAL FOR LINGUISTIC RESEARCH: HEDGE STRUCTURES IN ACADEMIC DISCOURSE

The article deals with digital technologies' influence on linguistic research methods, particularly in the context of searching and analyzing research data. The author emphasizes the relevance of combining traditional and innovative approaches when working with corpus data. The paper investigates AI accuracy in recognizing linguistic hedging in texts of English academic discourse.

Key words: academic discourse, linguistic hedging, artificial intelligence, corpus research

O.B. Соколова (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

olga.sokolova@iling-ran.ru

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ГЛАГОЛА *DIRE*: КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассмотрены особенности функционирования глаголов говорения в разговорной речи и в поэтическом дискурсе на материале корпуса KiParla (L'italiano parlato e chi parla italiano) и авторского корпуса текстов современной поэзии. Сочетание количественного и качественных методов корпусно-дискурсивного анализа позволяет выявить иллокутивные функции глагола *dire* в перформативном употреблении (*dico, diciamo, sto/stiamo dicendo*), а также сравнить специфику его употребления в разговорной речи и в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: итальянский язык, корпусная прагматика, речевые акты, перформативы

Основные свойства перформативных, или иллокутивных, глаголов (далее – ИГ) связаны с тем, что их употребление позволяет говорящему осуществить высказывание как действие. Согласно Дж. Остину, произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и совершение различных действий: информирование, просьбу, совет, вопрос, приказание и др. [Austin 1962]. Например, высказывание *Прошу Вас не опаздывать* – это акт просьбы.

К иллокутивным глаголам относятся и глаголы говорения (далее – ИГГ), или “*verba dicendi*”. Если в существующих работах эти глаголы рассматривались преимущественно в разговорной речи (далее – РР) с точки зрения семантики и синтаксиса [Кобозева 1985; Зализняк 2013 и др.], то мы рассмотрим прагматическую специфику глаголов говорения в поэтическом дискурсе (далее – ПД) в сопоставлении с РР, выявив специфику участия этих глаголов в формировании речевых актов, выражении целеустановки говорящего и иллокутивной силы (или функции) высказывания.

Важным для понимания перформативной природы ИГГ является утверждение Е.В. Падучевой о том, что «компонент ‘Я говорю, что’ с обычным значением глагола *говорить* возникает в контексте речевого акта в любом высказывании, и поэтому в произносимом предложении с обязательностью опускается», поэтому если этот компонент сохраняется, то «*говорить* имеет не обычное, а какое-то более богатое значение» [Падучева 1985: 138].

Специфика ИГГ обусловлена, с одной стороны, избыточностью их употребления, а с другой, расширением их функционирования по сравнению с остальными ИГ, что наиболее полно раскрывается при изучении их использования в ПД на фоне РР (подробнее об особенностях прагматики в художественном и поэтическом дискурсах см. В [Соколова 2024]).

Выбор поэтического дискурса для сопоставления с обыденным языком обусловлен тем, что он является наиболее экспериментальным типом дискурса (в связи с доминированием поэтической функции, по Р.О. Якобсону), ориентированным на языковую и коммуникативную инновацию, в том числе в прагматическом аспекте. Роль прагматики в современной поэзии актуализируется в связи с необходимостью формирования новых стратегий субъективации и адресации в условиях цифровых технологий и трансформации традиционной модели коммуникации (по Р.О. Якобсону) и поэтической автокоммуникации (по Ю.М. Лотману).

Частотность употребления ИГГ и расширенный спектр их функций в ПД связаны с тем, что эти глаголы ориентированы одновременно на внешний диалог с адресатом (интеракция) и на внутренний разговор с самим собой (автокоммуникация).

Корпусно-дискурсивный анализ, который был применен для данного исследования, базировался на составлении поэтического корпуса (далее – ПК), включающего три подкорпуса на русском, английском и итальянском языках. Общий объем корпуса составил около 3 млн. слов, что включило по 1 млн. слов в подкорпусах русско-, англо- и италяязычной поэзии. В силу ограниченности объема в данной статье будут рассмотрены только данные итальянского языка (более общие выводы по прагматике всех трех языков, сделанные в результате проекта, см. В статье [Соколова, Фещенко 2024]). В ПК вошли тексты с конца 1960-х по 2020-е гг., опубликованные на бумажных носителях и на онлайн-платформах. Для исследования специфики функционирования ИГ (а также других прагматических маркеров (далее – ПМ)) в ПД на фоне их конвенционального употребления мы обращались к соответствующим корпусам разговорной речи и текстов из сети интернет: НКРЯ (Национальный корпус русского языка, устный подкорпус) и KIParla (L'italiano parlato e chi parla italiano).

Вслед за составлением корпуса был осуществлен отбор ПМ, включая ИГ, для дальнейшего качественного анализа, а также была поведена прагматическая разметка корпуса (об этапах анализа см. подробнее в [Соколова, Фещенко 2024]). Хотя, в широком понимании перформативных высказываний, к речевым актам наряду с «эксплицитными» относятся также «косвенные» (или «имплицитные», «скрытые») перфор-

мативы, при аннотировании корпуса мы учитывали в качестве ИГ только те формы, которые выражены 1-м лицом ед. и мн. числа наст. времени изъявит. наклонения.

Основная проблема корпусного анализа ПМ заключается в том, что даже в корпусах, которые предлагают расширенный функционал поисковых запросов, включающий выбор грамматических, семантических и дополнительных признаков (например, НКРЯ), прагматические признаки практически не учитываются. Это связано с тем, что прагматическая разметка представляет собой более сложную задачу, чем синтаксическая и семантическая разметка, поскольку она требует выявления контекстуально-обусловленных и полифункциональных единиц, преимущественно не имеющих фиксированной синтаксической позиции и выражающих отношение субъекта к высказыванию [Landert, Dayter, Messerli, Locher 2023].

В связи с этим в национальных корпусах возникает проблема отсутствия поиска по прагматическим признакам, а также с «неснятой омонимией». Это вызывает сложность при работе с ПМ целом и с ИГ в частности, многие из которых обладают омонимичными формами. Например, омонимичные формы итальянского глагола *diciamo* ‘мы говорим’, который представляет собой полифункциональную форму, представленную глаголом в 1-ом л. мн. ч. наст. врем. индикатива, омонимичного не только императиву и конъюнктиву, но и дискурсивному маркеру в значении ‘скажем’ (см. [Bazzanella 1995; Fiorentini 2020]). Т.о., *diciamo* способен функционировать и как иллокутивный глагол (1) (реже – как императив), и как дискурсивный маркер (2): (1) *è anche una ballad una **diciamo** che è l' unico esempio eh di quegli anni stiano parlando sempre del sessanta;* (2) *inserendola **diciamo** eh in modo da percorrere tutto l' arco delle terze maggiori.* При корпусном анализе мы учитывали омонимию глаголов в иллокутивном и в дискурсивном функционировании, которая снималась за счет выявления случаев употребления единицы как дискурсивного маркера.

Лингвистическое аннотирование проводилось посредством автоматической и ручной обработки ПК с помощью программы “AntConc” с целью подсчета общего количества употреблений каждой прагматической единицы, входящей в общий список маркеров. Далее был осуществлен сопоставительный количественный анализ данных и количественный анализ особенностей употребления ПМ в ПД на фоне их использования в разговорных национальных корпусах. Данные по ИГ представлены в таблице 1:

Таблица 1. Частотность употребления ИГ в ПК и национальных корпусах

ИГ (РУС)	ПК	НКРЯ	ИГ (ИТАЛ)	ПК	KIParla
говорить	296	892	dire	489	1036
сказать	94	213	parlare	172	193
рассказать	26	56	raccontare	63	37
просить	32	108	pregare	34	56
требовать	4	10	raccomandare	5	10
клясться	13	18	giurare	19	49
предлагать	6	48	promettere	12	5

Из таблицы видно, что в целом, как для РР, так и для ПД наиболее частотными являются ИГГ по отношению к другим типам ИГ, что связано, во-первых, с характерной для них полисемией, которая позволяет употреблять их в функции других ИГ, а во-вторых, с требованиями конвенциональной ситуации и необходимостью соблюдения условий успешности, более строго регламентированных для других речевых актов.

Самыми частотными являются глаголы *говорю* – 892 и *dire* – 1036, что связано с их многозначностью, полифункциональностью, способностью осуществлять другие РА помимо репрезентатива, а также с активизацией коммуникативного компонента за счет эмфазы, которая часто выражается с помощью этих глаголов в сочетании с местоимениями (в зависимости от языка: *говорю + тебе, lo + dico*).

Помимо восклицания эмфаза может соединяться с речевыми актами других типов (сообщением, вопросом или повелительным предложением), образуя эмфатический коммуникативный компонент и часто сопровождаясь вынесением эмфатически выделенной словоформы в абсолютное начало предложений [Янко 2001: 64–65].

В итальянском языке эмфаза, которая достигается с помощью инверсии, повтора и др. средств, может выражаться и с помощью прямого местоимения *lo* с глаголом говорения *dire* в функции утверждения субъективного мнения (*lo dico*), например, в устойчивой форме: *te / ve lo dico io* ‘я тебе/вам говорю/скажу’: (3) *sulla stampa son solo i raccomandati son rimasti // // no ma te lo dico proprio in un modo cioè ma eh // mi vergogno*.

Кратко перечислим основные функции, в которых употребляется ИГГ *dire* в ПД и в РР. Базовые функции, характерные для использования ИГГ как в поэзии, так и в быденном языке включают: выражение репрезентатива (сообщение, констатация, настоятельное утверждение и т.д.): (4) *Così non va, non va, non va, ti dico / che così non va: come una supernova/ esplosa come un astro strizzato di fresco* (L. Voce). В функции других речевых актов, например, вопроса, в форме репрезентатива: (5) *Chiedo in giro e nessuno sa / cosa indichino – esattamente, dico – / che luogo sia, dove, se una fortezza / o una chiusa* (V. Magrelli).

Дополнительные функции расширяют признаки ИГ, выделенные Дж. Серлем и другими исследователями, позволяя выразить более сложные речевые акты, характерные для ПД и реже встречающиеся в РР: 1) Автокоммуникативная функция, которая проявляется, когда речевой акт направлен на адресата, в роли которого выступает сам адресант, что выражается с помощью употребления местоимения *mi* (*mi dico* ‘я говорю себе’): *Sempre qui, mi dico, sempre qui, vicino / alla specchiera per trovare un solo tono di voce* (M. de Angelis). Метаязыковая функция, которая характерна как быденного, так и для поэтического языка, и может реализовываться с помощью использования ИГГ в составе придаточного предложения, когда в главной и придаточной частях сложного предложения соотносятся две иллокутивные функции, выраженные одним и тем же ИГГ (или относящимся к одной группе, в данном случае, к репрезентативам). Это приводит к тому, что глагол в придаточном

предложении характеризует не внешнюю пропозицию, а сам иллокутивный глагол, входящий в основную часть: (6) *la specie si mette allo schermo, / – e schermo dico come se dicessi / lo specchio che la specie guarda in questo mattino; / il mattino voglio dire della specie* <...> (V. Ostuni). Для ПД характерно употребление ИГГ в функции «иллокутивного самоубийства»: (7) *dico quelle che scrissi e che non scrissi, / dico quelle che dissi e che non dissi* (E. Sanguinetti) и др. функции.

Таким образом, частотность употребления ИГГ *dico/diciamo* связана с его полисемией, активизацией коммуникативного компонента за счет эмпазы, полифункциональностью, способностью выражать разные типы речевых актов и образовывать сложные иллокутивные функции, что особенно широко представлено на примере употребления этого глагола в ПД.

Литература

- Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Кобозева И.М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 95-103.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Языки русской культуры, 1985.
- Соколова О.В. «Штык-язык оstri и три!»: языковые политики поэтического авангарда. М.: Культурная революция, 2024.
- Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28. № 3. С. 706-733.
- Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Яз. славян. культуры, 2001.
- Austin J.L. How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Bazzanella C. I segnali discorsivi // Renzi, Lorenzo/Salvi, Giampaolo/Cardinaletti, Anna (eds.). Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. III. Bologna, 1995. Pp. 225-257.
- Landert D., Dayter D., Messerli Th.C., Locher M.A. Corpus pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
- Fiorentini I. Diciamo, dijon, dijon: un possibile caso di rianalisi dovuta al contatto tra italiano e ladino // Ladinia. 2020. Vol. 44. Pp. 123-139.

O.V. Sokolova (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, RAS

ILLOCUTIONARY FUNCTIONS OF THE ITALIAN VERB *DIRE*: A CORPUS-DISOURSE ANALYSIS

The paper examines the function of the verbs of speaking in colloquial speech and in poetic discourse: a case study of the KiParla corpus (L'italiano parlato e chi parla italiano) and a working corpus of poetic texts. The combination of quantitative and qualitative methods of corpus-discourse analysis allows us to identify the illocutionary functions of the verb *dire* in performative use (*dico, diciamo, sto/stiamo dicendo*) and to compare the specifics of its use in colloquial speech and in poetic discourse.

Key words: Italian language, corpus pragmatics, speech acts, performatives

*Н.С. Тимофеев (Тюмень, Россия)**Тюменский государственный университет
n.s.timofeev@utmn.ru*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ АНГЛИЙСКИХ ЛЕКСЕМ

В статье исследуется связь языковой и культурной динамики на примере английских лексем *earl* и *clown*. На основе анализа диахронического корпуса, тезауруса и словаря выявлены семантические сдвиги, отражающие ключевые социальные трансформации: феодализацию, урбанизацию, появление театров и цирков. Показано, как эволюция значений коррелирует с изменениями в структуре общества и культурных практиках.

Ключевые слова: диахроническая семантика, тезаурус, социальная иерархия, культурная динамика

Изучение диахронических тезаурусов, таких как Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary (HTOED), предоставляет уникальную возможность исследовать лексическую семантизацию и когнитивные механизмы, лежащие в основе человеческого восприятия и категоризации. Тезаурусы, традиционно рассматриваемые как инструменты для отражения иерархических связей между понятиями (*гиперонимия/гипонимия*), фиксируют базовый уровень категоризации, наиболее важный для повседневного взаимодействия с миром [Kay, Allan 2015: 97]. В рамках когнитивной семантики базовый уровень выделяется как релевантный для восприятия, поскольку он объединяет объекты с общими когнитивными признаками. Такие категории, фиксируемые в *ментальном лексиконе*, обладают культурной значимостью и *прототипичностью*, что упрощает идентификацию референтов. Гипонимы могут приобретать статус базовых при усилении их социальной роли, тем самым демонстрируя гибкость категоризации. Это отражает связь между когнитивными процессами, языковой структурой и культурным контекстом [Taylor 2003: 50].

Цель данного исследования – выявить и проанализировать семантические изменения английских лексем – наименований социального статуса (*earl* и *clown*) для установления их взаимосвязи с социокультурными трансформациями, отраженными в исторических корпусах и тезаурусах английского языка.

Исследование осуществлялось в три этапа. На первом этапе мы выявили релевантные лексемы – ключевые слова с использованием [HTOED]. На втором этапе мы провели корпусный анализ: отобранные единицы проверялись в Helsinki Corpus [HC] – диахроническом корпусе древне-, средне- и ранненовоанглийского периодов объемом 1,5 млн. лексем. Корпус включает тексты различных жанров, что обеспечивает репрезентативность данных [Nevalainen 2006: 180]. При невозможности найти нужное слово в этом корпусе использовались данные Oxford English Dictionary (OED). На третьем этапе мы верифицировали результаты: контексты употребления лексем из корпуса сопоставлялись с дефинициями и примерами OED для установления семантических соответствий и выявления хронологических сдвигов. Все нижеследующие примеры приводятся из словаря [OED1, OED2].

Для анализа были выбраны две ключевые лексемы: *earl* (категория HTOED Society and Community / Nobility / Rank / Earl / count / countess > earl) и *clown* (категория HTOED Society and Community / The common people / Specific classes of common people / Peasant / rustic > clown). Выбор лексем мотивирован примечательной историей семантических трансформаций и способностью иллюстрировать взаимодействие языковой системы с внешними факторами – от политических реформ до культурных инноваций.

Лексема *earl/eorl* отражает ключевые социальные и культурные трансформации в истории английского языка. В древнеанглийских текстах слово *eorl* обозначало «знатного человека, аристократа» и было противопоставлено слову *ceorl* «свободный крестьянин». Ср. высказывание из законов Альфреда Великого: *Swa we eac settað be eallum hadum, ge ceorle ge eorle* «Так мы устанавливаем законы для всех сословий — и крестьянина, и эрла» [OED 2]. Изначальная связь с воинской доблестью – *unfægne eorl* «храбрый воин» [OED 2] утрачивает поэтический контекст, уступая место социальному статусу. В тот же период происходит деривация смежного значения – «правитель региона» (титул) аналогично слову *jarl* ‘ealdorman’ в Скандинавии. Другой пример: *Mann sette þa Oddan to eorle ofer Defenascire & ofer Sumersæton* «И тогда назначили Одду эрлом над Девонширом и Сомерсетом» [OED 2]. Отметим слияние скандинавской/англосаксонской традиций в ходе специализации значения «аристократ» > «правитель региона». Последнее значение, возникшее в древнеанглийский период, употребляется до сих пор – «титул ниже маркиза, выше виконта», например: *Wið sum þæra deale gefeagt Hugo eorl of Scrobscire & hi aflymde* «Против одной из тех областей сражался Гуго, эрл Шропшира, и изгнал их» [OED 2]. Здесь мы наблюдаем сужение значения при стабилизации статуса правителя региона и, окказионально, военачальника.

В среднеанглийский период присутствуют два значения лексемы *earl* и оба считаются вышедшими из употребления. После нормандского завоевания *earl* адаптируется как эквивалент французского *count* «граф» и сохраняет административную функцию, например: *Erle, lorde, comes*. Здесь мы обнаруживаем синонимию титулов: *erle* и *comes* выступают эквивалентами, отражая слияние англосаксонской/нормандской традиций после 1066 г., а *lorde* выступает как общий термин для знати [OED 2]. Титул окончательно утрачивает связь с воинской культурой, сужаясь до ранга в сословной иерархии. Второе значение «руководитель, вышестоящий» в среднеанглийских текстах встречается редко (1483 г.): *Thenne the erle of the sacrefyses gaue moche money* «Затем управитель церковных жертвоприношений пожертвовал много денег» [OED 2]. Это значение отражает явление генерализации значения: «аристократ» > «правитель региона» > «любой вышестоящий в иерархии относительно говорящего».

Анализ лексемы *earl* позволил проследить переход от архаического значения «воин-аристократ» к формализованному титулу в сословной системе, что

обусловлено слиянием англосаксонских, скандинавских и французских традиций. Общий вектор развития демонстрирует прогрессивное сужение семантического объема и окончательное исключение первоначального воинского компонента, что иллюстрируют влияние политических и культурных факторов на категоризацию социального статуса. Таким образом, семантическая эволюция слова *earl* иллюстрирует, каким образом языковая система адаптируется к изменениям в социальной структуре, сохраняя при этом следы прежних компонентов значения.

Лексема *clown* впервые упоминается в XVI в. В значении «крестьянин, сельский житель». Примеры из текстов того времени включают фразы, такие как: *The cloyne contented can not be With any state* «Крестьянин не может быть доволен никаким своим положением» и *The courteous Clowne* «Учтивый крестьянин» [OED 1]. В этот период термин отражал состояние аграрного общества и его социальную иерархию, противопоставляя крестьян знати. Позднее, в XVII в., значение *clown* расширяется и включает в себя характеристику «грубый, невежественный человек». Это значение подтверждается примерами *Cuntrey clownes* «деревенские грубияны» и *clod-pated Clown* «тупоголовый невежда» [OED 1]. Семантические изменения этого периода связаны с процессами урбанизации, где сельский житель начинает противопоставляться городской утонченности, приобретая метафорический оттенок. К концу XVII в. *clown* употребляется в значении «неотесанный, некультурный человек», что проявляется в таких текстах, как *rich Clown* «богатый невежда» и *at heart a clown* «в глубине души он – неотесанный человек» [OED 1]. Рост среднего класса вызвал критику новых богачей, которые не обладали должными манерами, что способствовало метафорическому использованию термина. Еще одно значимое изменение произошло в театральной сфере XVII в., где *clown* стал обозначать сценического шута или буффона. Примеры включают микроконтексты: *Tarlton clown'd it* «Тарлтон выступал в роли шута» и *clowne ... make them laugh* «шут потешал их» [OED 1]. Это отражает развитие театра и популяризацию клоуна как комического персонажа, представляющего народный юмор. В XVIII в. происходит дальнейшая специализация значения – *clown* начинает использоваться в контексте цирковой жизни, обозначая «артиста пантомимы» в привычном для современного человека значении. Примеры встречаются в *Harlequin's servant, a clown* «Слуга Арлекина – клоун» и *clown in boots* «клоун в башмаках» [OED 1]. В этот период клоун становится символом развлекательного искусства, что связано с популяризацией цирка.

В семантической структуре лексемы *clown* наблюдается динамика – трансформация от нейтрального обозначения крестьянина к негативным коннотациям «грубость», «некультурность» и дальнейшей специализации в театрально-цирковом контексте. Эти сдвиги коррелируют с процессами урбанизации, ростом среднего класса и популяризацией массовых развлечений, подчеркивают роль социальной динамики как ключевого механизма семантической трансформации.

Обозначенные процессы лексического дрейфа и семантической эволюции в обоих случаях иллюстрируют принципы когнитивной и формальной семантики: принцип аналогии в распространении семантических сдвигов внутри лексических полей, при котором «семантическое расширение, произошедшее с одной лексемой в лексическом поле, воспроизводится другими единицами того же поля» [Geeraerts 2010: 30], а также взаимодействие экстенционального и интенционального подходов к классификации семантических сдвигов [Lyons 1977: 159]. Лексема *earl* первоначально включала компоненты «воинская доблесть», «знатность» и «лидерство», связанные с военной аристократией древнеанглийского периода. Со временем ее значение сместилось к административной функции и закрепилось в форме аристократического титула. Экстенционально это выразилось в сужении употребления – от обозначения знати – к строго регламентированному рангу после нормандского завоевания.

Лексема *clown* первоначально обозначала «крестьянина» и «простолюдина», однако в XVII в. ее интенциональные характеристики расширяются, включая значения «грубость» и «невежественность», что отражает социальные контрасты между сельским и городским населением. Впоследствии произошло метафорическое переосмысление и специализация значения лексемы в театральном контексте. Экстенционально семантическая структура слова *clown* сузилась от обобщенного обозначения крестьян до сценического и циркового артиста.

Литература

- Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. Oxford: Oxford University Press, 2010.
 HC – Helsinki Corpus of English Texts. 1991. URL: <https://helsinki.corpus.arts.gla.ac.uk>
 Kay C., Allan K. English Historical Semantics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.
 Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
 Nevalainen T. Mapping Change in Tudor English // The Oxford History of English / ed. by Lynda Mugglestone. Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 178-211.
 OED1 – Clown // Oxford English Dictionary. URL: <https://doi.org/10.1093/OED/1556098190>
 OED1 – Earl // Oxford English Dictionary. URL: <https://doi.org/10.1093/OED/2094732370>
 Taylor J. Linguistic Categorization. Oxford: Oxford University Press, 2003.
 HTOED – The Historical Thesaurus of English. URL: <https://historicalthesaurus.arts.gla.ac.uk>

N.S. Timofeev (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

RECONSTRUCTING LINGUISTIC AND CULTURAL DYNAMICS OF ENGLISH LEXEMES

This paper investigates the dynamic relationship between language and culture through a case study of the English lexemes *earl* and *clown*. By analyzing a diachronic corpus, thesaurus, and dictionary we trace semantic shifts that align with pivotal societal transformations, such as feudalization, urbanization, and the rise of theatrical and circus traditions. Our findings demonstrate how linguistic evolution reflects broader changes in social hierarchies and cultural practices, advancing our understanding of language as both a product and driver of cultural change.

Key words: diachronic semantics, thesaurus, social hierarchy, cultural dynamics

*В.В. Фещенко (Москва, Россия)**Институт языкознания РАН
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru*

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ (ПО ДАННЫМ КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА)

Целью исследования является изучение специфики функционирования дейктических единиц в англоязычном поэтическом дискурсе. По данным корпуса экспериментальных поэтических текстов американской «Языковой школы» делаются выводы о частотности и аномальности дейктических элементов на фоне их употребимости в обыденной речи.

Ключевые слова: дейксис, поэтический дискурс, языковой эксперимент

Лингвистика обращалась к исследованию поэтического дейксиса, изучая функционирование эгоцентрических слов [Степанов 1985], категории определенности-неопределенности [Иванов 1979], местоимений [Ковтунова 1986], с точки зрения прагмасемантики [Золян 1991] и поэтической прагматики [Feshchenko, Sokolova 2023]. Отдельно стоило бы отметить работу британского исследователя К. Грина [Green 1992] – попытку систематического и последовательно лингвистического подхода к функционированию разнообразных дейктических категорий в английском поэтическом тексте. В рамках когнитивной поэтики П. Стокуэлл разделяет текстовый дейксис и когнитивный дейксис [Stockwell 2002]. Первый отвечает за связность самой формы представления знаний в художественном тексте, а второй – за те фреймы, которые форматируют знания на содержательном уровне высказываний. Теория дейктических сдвигов моделирует общее восприятие читателя, «погружающегося» в литературный текст, как того читателя, который занимает определенную познавательную позицию внутри мысленно конструируемого мира текста. В основном теория дейктических сдвигов применяется к прозаическим произведениям, и она сообщает нам скорее и больше о механизмах чтения как когнитивного процесса, имея меньшее отношение к субъективности поэтического текста. Тем не менее, некоторые положения когнитивной теории относительно фокусировки и дефокусировки языковых единиц в тексте могут помочь в описании сложной субъектно-объектной структуры современной поэзии (см. подробнее о теоретических и когнитивных основаниях поэтического дейксиса в [Фещенко 2020: 152-156]).

Ст. Левинсон различает пять типов дейксиса в языке: личный, пространственный, темпоральный, социальный и дискурсивный [Levinson 1983: 68–94]. В поэтическом языке с его особой субъективностью, материальностью и пространственностью, личный дейксис (поэтический субъект) искусно переплетен с дискурсивным дейксисом (фокусом на сообщении как таковом) и дейксисом пространственным (визуальным расположением стихотворения на странице или на экране). Указание на само сообщение и на канал сообщения с помощью дейктических маркеров динамизирует как субъективность поэтического высказывания, так и его пространственную локализованность. Дейксис в поэзии играет повышенную роль по сравнению с прозой, поскольку указательное поле языка в стихотворной речи намеренно орга-

низуется и ритмизируется. В результате дейктические элементы языка и текста подвергаются ступени и часто являются составляющими языкового эксперимента.

В англоязычной художественной литературе модернизма и авангарда первые эксперименты с дейктическим полем языка связаны с текстами Гертруды Стайн, характерной особенностью которых является абстрактность их языка. Эта абстракция лучше всего передается именно прагматическими единицами – в первую очередь, местоимениями разного класса. Исследователями отмечается, что, «будучи указательными знаками, значения этих форм «совершенно „абстрактны“» [Sacks 1992: 520]; они «способствуют индивидуализированной референции, никоим образом не описывая свои объекты» [Hanks 2011: 316]. Например, в раннем экспериментальном тексте Г. Стайн «Нежные кнопки» местоимение *there* встречается около 400 раз на 15 000 слов. Для сравнения, в неэкспериментальном тексте близкого ей писателя Э. Хемингуэя «Старике и море» *there* встречается всего 100 раз на 30 000 слов, то есть почти в десять раз реже, чем в экспериментальном письме Стайн; а в поэме «Листья травы» У. Уитмена, состоящей из 120 000 слов, на *there* приходится около 400 вхождений, т.е. опять-таки практически в десять раз реже, чем в авангардных текстах Стайн.

Практически любой текст Г. Стайн насыщен дейктиками всех типов. Например, в этом (курсив мой – В.Ф.): “*Any time there is a surface there is a surface and every time there is a suggestion there is a suggestion and every time there is silence there is silence and every time that is languid there is that there then and not oftener, not always...*”. Здесь колеблются грамматические значения *there* как местоимения и наречия; *there* выступает в функции экзистенциальной конструкции, локатива и прагматического маркера одновременно и вступает в аномальные сочетания типа *there is that there then*. Тавтологическая фраза Стайн *there is no there there* из ее книги «Автобиография всех и каждого» уже стала идиоматичной: она строится сразу на трех частеречных статусах единицы *there*: местоимения, существительного и наречия. Такие поэтические примеры подтверждают предположения некоторых англистов о том, что, вероятно, базовой когнитивной функцией дейктической единицы *there* является прагматическая, выводящая в фокус внимания акта коммуникации те или иные элементы действительности или дискурса.

Дейксис как мощный лингвокреативный механизм оказывается еще более востребованным в литературе неоавангарда после Второй мировой войны, на волне так называемого «перформативного поворота» в гуманитарных науках и художественной практике. Прагматическое измерение поэтического языка оказывается вовлеченным в экспериментальное поле. В процессе работы со специально созданным нами корпусом экспериментальных поэтических текстов американской «Языковой школы» (около миллиона слов, около 20 авторов) мы сделали некоторые выводы о частотности и аномальности дейктических элементов на фоне их употребимости в современной обыденной речи. В таблице представлены основные единицы персонального, темпорального и пространственного дейксиса. Вторая колонка отражает число вхождений единицы на один миллион слов корпуса американской

экспериментальной поэзии, составленного нами (подробнее об этом корпусе см. В [Соколова, Фещенко 2024]). В третьей колонке представлена статистика на один миллион слов в корпусе английского языка в интернете:

Дейктическая единица	Поэтический корпус	Corpus of Global Web-Based English (GloWbE)
I	13537	10869
myself	356	183
my	4273	2747
you	7755	8547
your	2123	3205
he	2861	4219
she	2665	1404
they	2989	4219
anyone	133	242
anything	341	306
anybody	58	35
someone	472	331
something	863	599
somebody	74	41
nothing	842	322
nobody	136	58
now	1532	1262
never	865	607
ever	303	353
always	540	533
here	1182	801
there	3663	2801
somewhere	136	55
anywhere	63	53
nowhere	85	24

В корпусе поэтического дискурса из личных местоимений лидируют *I*, *it* и *you*, что в целом соответствует частотности местоимений в целом в английском языке. Однако при сравнении с данными общезыкового корпуса выясняется, что *I*, *my*, *myself*, *we* гораздо более частотны в поэтическом дискурсе, в отличие от местоимений второго и третьего лица. Это не удивительно, учитывая природу лирического высказывания (как правило, от субъекта первого лица), но примечательно то, что эта высокая частотность сохраняется и в той поэзии, которая максимально далека от самовыражения поэта и направлена на эксперимент с языком. Отметим также, что частотность других наиболее распространенных дейктиков (*now*, *here*, *there*) также оказывается выше, чем в общезыковом употреблении. Более частотны также неопределенные местоимения и в два раза более частотны местоимения отрицательные. Из чего можно сделать вывод, что поэтический дискурс обладает своей насыщенной внутренней прагматикой, реализующейся через индексальные средства языка.

В поэзии «Языковой школы» также высока роль аномальности в употреблении дейктических единиц. Приведем несколько примеров для иллюстрации:

– Личные местоимения в аномальном сочетании с иллюкутивным глаголом:

Sit down, breathe deeply and / *welcome yourselves*

– Аномальные сочетания самих личных местоимений, в т.ч. с определенным артиклем, а также первого лица с глаголом *to be* в третьем лице:

I you and it

slammed in thongs, thought up into a gate, thoughts left to all the players' sides. I with you, up against and charming, over again and downing. The light comes up in the room and we steer. All sound down, abatement of flaunts. *The I and you* shed showing numberless.

As I/you/they melt

(Are you there, Larry/Sally/Jill/Joe?)

There the I of which I speak *is not I* but its coincidence

I is that which moves across its life

I am scratching, chewing, poking, and whispering into my surroundings

– Тавтологические употребления местоимений:

The there there there then is not there now. *The there there there* now is another there than the *there there* then.

Here there

Here there

Here there

Phan-

tom Czechoslovak. *This this this this*. This is here if you think it is.

– Цепочки местоимений как поэтический прием:

be here then

be then there

be there now

– Опускание глагольных связок, усиливающее функциональную многозначность дейктиков:

if there

no 'friends' (as everyone isn't that) — nothing social —

only being child until dying

В последнем примере с помощью целого ряда дейктиков акцентируется идея одиночества и вечного детства.

Можно сделать вывод о том, что дейксис становится активным инструментом языкового эксперимента в англоязычном поэтическом дискурсе последних десятилетий. То, что К. Бюлер назвал ОРИГО, т.е. скрещением координат Я – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС в высказывании, в современной лингвоцентрической поэзии становится продуктивной зоной смыслопорождения. Употребляя дейктические единицы, современные поэты выводят в фокус метаязыковую функцию высказывания и де-

лают поэзию площадкой прагматического эксперимента, в который вовлекаются разные прагматические параметры: дискурсивные маркеры, дейктики, показатели модальности и др. Если в предыдущие периоды (модернизм и авангард первой половины XX века) поэзия экспериментировала в большей степени с лексикой и синтаксисом (по данным нашего исследования [Фещенко 2020]), то в последнее время более активным измерением поэтического эксперимента выступает прагматика. В поэтический дискурс, с одной стороны, легко проникают дейктики как базовые элементы повседневной коммуникации, и с другой – метапоэтическая рефлексия направляется на прагматический языковой эксперимент, при котором диалектика коммуникативных конвенций и их нарушений часто становится триггером поэтических новаций.

Литература

- Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. Ереван: изд-во ЕГУ, 1991.
- Иванов Вяч.Вс. Категория определенности-неопределенности и шифтеры // Категория определенности-неопределенности в славянских и балтийских языках. М., 1979. С. 90-117.
- Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706-733.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
- Фещенко В.В. Лингвостетистический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте: дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2020.
- Feshchenko V.V., Sokolova O.V. Visualising Deixis in Avant-Garde and Contemporary Poetry "On and Off the Page" // Poetry and Contemporary Visual Culture / Lyrik und zeitgenössische Visuelle Kultur. Berlin, New York: De Gruyter, 2023. Pp. 49-72.
- Green K. A Study of Deixis in Relation to Lyric Poetry. Sheffield: University of Sheffield Press, 1992.
- Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Hanks W.F. Deixis and indexicality // Bublitz and N. R. Norrick (eds), Foundations of Pragmatics. Vol. 1 of Handbooks of Pragmatics. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. Pp. 315-346.
- Sacks H. Lectures on Conversation. Vol I, II. Oxford: Blackwell, 1992.
- Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. London: Routledge, 2002.

V.V. Feshchenko (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

DEICTIC UNITS IN EXPERIMENTAL POETRY (BASED ON CORPUS-DISOURSE ANALYSIS)

The aim of the study is to examine the specifics of deictic units in English-language poetic discourse. Based on the data from the corpus of experimental poetic texts of the American "Language School", conclusions are made about the frequency and anomalousness of deictic elements against the background of their use in everyday speech.

Key words: deixis, poetic discourse, language experiment

А.С. Филатов (Санкт-Петербург, Россия)

Национальный исследовательский университет ИТМО
asfilatov@itmo.ru

СЛОЖНОЕ СЛОВО И СЛОВСОЧЕТАНИЕ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД (СЛУЧАЙ “BAD BLOOD”)

В статье демонстрируется продуктивность корпусного лингвистического анализа при решении проблемы различения словосочетаний и сложных слов. Объект исследования: “bad blood” в американском варианте английского языка. Морфологический статус исследуемого элемента рассматривается в тесной связи с его функционированием в реальной речи и структурной полисемией каждого из его конститuentов.

Ключевые слова: языковой корпус, омонимия, полисемия, сложное слово, словосочетание, дефиниция, контекст

В современных толковых словарях существуют словарные статьи, посвященные “bad blood”. “Bad blood”, при этом, определяется как чувство ненависти или сильного отвращения между людьми и маркируется как сложное слово [АН; LD] или устойчивое сочетание / идиома [CD1; CD2]. Для решения данного противоречия обратимся к языковому корпусу [COCA]. По результатам анализа 606 примеров выявлены наиболее типичные для *bad blood* контексты:

- 1) If our relationship has any blood, it's me. **Bad blood**;
- 2) He was given **bad blood** from the hospital and contracted Hepatitis C;
- 3) **Bad blood** <...> You can't get away from it. <...> Kingsley's in his grave, and so is that damned Jew! Let us have some peace;
- 4) Today Bill Clinton has joined those who are worried about proscribing voter choice. Other critics insist that not all old blood is **bad blood**, and that's right: many members are individually competent;
- 5) Obviously there's some **bad blood** between them that would make one individual to pull out a gun;
- 6) Hundreds of men were recruited and told they were being treated for **bad blood**, a term that could mean anything from anemia to sexually transmitted diseases.

Практически все предложенные выше контексты встраиваются в структуру полисемии слова «blood», очертания которой были намечены в [Стрельцова, Толочин 2020]. Предложенная коллегами полисемия сконструирована с позиций антропоориентированного подхода. Данный подход видится перспективным и лишенным ряда проблемных аспектов, которыми характеризуется классический денотативный подход к значению слова [Лукьянова, Толочин 2014; Смирнова, Толочин 2021].

В первом контексте *blood* осмысливается как внутренний источник жизненной силы, определяющей способ существования своего носителя. Второй контекст фиксирует «физиологический» лексико-семантический вариант «blood» как жидкости, циркулирующей внутри организма и обеспечивающей протекание процессов, критически важных для его жизнедеятельности. В третьем и четвертом контекстах

blood реализует значения, которые являются производными от первого (контекст 3: набор биологически-детерминированных характеристик актора, которые определяют его положение и функционирование в обществе; контекст 4: актер, осуществляющий значительное влияние на функционирование коллектива, частью которого является). Ограниченность материала (анализ примеров из словарных статей, посвященных лексеме *blood*) не позволила исследователям [Стрельцова, Толочин 2020] обнаружить следующие два контекста. В пятом контексте *bad blood* выступает в качестве отрицательно заряженного элемента, определяющего враждебный характер отношений между актерами. В последнем, шестом, контексте сочетание «*bad blood*» маркирует тяжелое заболевание, трудно поддающееся лечению.

Для ответа на вопрос о статусе *bad blood* в последних контекстах необходимо прояснить характер семантической связи между элементами. В случае, если знаки *bad* и *blood* реализуют свои значения независимо (знак *bad* обозначает свойство, присущее знаку *blood* в конкретном контексте), то объект исследования — словосочетание. Напротив, если знаки актуализируют переживание исключительно в сочетании, то перед нами сложное слово [Толочин 2009].

Обращение к корпусным данным позволяет прояснить степень независимости знаков *bad* и *blood* в данных структурах контекста простым варьированием поискового запроса:

7) In 1987, “Newsweek,” the same magazine, put Bush 41 and the question “The Wimp Factor” was the cover headline <...> I can remember then George W. Bush comma private citizen just being infuriated by that cover. And I don't think there's been **good blood** ever since;

8) Randy Locke and Frank Farmer knew just what it was that had blackened the **blood between** them, but it didn't lose its kick with time;

9) The **blood between** Warner and Disney over animation was always highly hostile.

Как можно наблюдать, несмотря на различия поисковых запросов, можно проследить общую структуру контекста, состоящую из следующих элементов: (a) взаимодействие между актерами (*them* (5); *Bush, Newsweek* (7); *Randy Locke, Frank Farmer, them* (8); *Warner, Disney* (9)); (b) устойчивость взаимодействия (*there's, would* (5); *there's been, ever since* (7); *it didn't lose ... with time* (8); *always* (9)); (c) враждебность (*bad, pull out a gun* (5); *wimp, infuriated, don't think there's been good blood* (7); *blackened, didn't lose its kick* (8); *highly hostile* (9)).

Аспекты (a) и (b) сближают данный тип контекста с выделенным в работе [Стрельцова, Толочин 2020] первым лексико-семантическим вариантом слова *blood* и его производными (в нашей статье — типы контекста 1, 3, 4). Действительно, между уже выделенными в работе коллег вариантами значения и вариантом, рассматриваемым в нашей работе, наблюдается общность переживания *blood* как элемента, определяющего характер функционирования определенного элемента ситуации (контексты 1 и 3 — носителя; контекст 4 — общности, частью которой является актер; контексты 5, 7–9 — отношения, установленные между двумя и более актора-

ми). Аспект (с), в свою очередь, формируются за счет определяющих *blood* знаков (*bad, not ... good, blackened, hostile*) и не является постоянным, что доказывается следующими примерами из языкового корпуса:

10) If you put a good hit on an animal, have **good blood** and other tall tale signs;

11) And, you know, people can always find bad blood if they want to. I think the trick is to find the **good blood** and get things done.

Следовательно, можно констатировать, что в данного типа контексте *bad blood* является свободным словосочетанием, а не сложным словом. Корпусный анализ позволил продемонстрировать, что *bad* является вариативным, а *blood* реализует лексико-семантический вариант, который гармонично встраивается в существующую полисемию [Ibid.] и является производным от основного значения.

Иной видится ситуация с *bad blood* в контексте 6, где исследуемый элемент осмысливается как тяжелый недуг. Рассмотрим ряд дополнительных примеров из языкового корпуса:

12) Herman Shaw had been told he had “**bad blood**,” too. Like the other men who were eventually lured into the experiment, he’d seen the handbills and heard the warnings by the Public Health Service. <...> “**Bad blood** makes people sick. It destroys heart and brain”;

13) Patients with a severe case of sickle cell <...> would have a bone-marrow transplant. <...> But a bone marrow transplant can be tricky, because a precise match must be found <...> In Keones case, no match could be found. <...> Over Christmas of 1998, after intensive chemotherapy to destroy Keones **bad blood**;

14) He was the first child in Colorado diagnosed with AIDS, and he’s had to grow up fast against unrelenting circumstances. <...> He’s gone from a 4-year-old who talked about his “**bad blood**” to a precocious kid...

На основе анализа данных примеров выделяются следующие общие элементы в структуре контекста: (d) серьезность заболевания (*anemia, sexually transmitted diseases* (4); *warnings, makes ... sick, destroys heart and brain* (12); *severe case* (13); *AIDS, unrelenting circumstances* (14)); (e) сложность / невозможность лечения (*treated for* (4); *lured into experiment, warnings* (12); *precise, tricky, could not be found, intensive chemotherapy* (13); *unrelenting circumstances* (14)).

Данные аспекты контекста не позволяют говорить о сближении варианта значения, зафиксированного в примерах 6, 11–14, с полисемией слова “blood”. Наиболее близким в данном случае представляется «физиологический» вариант значения (контекст 2), а также его производные, выделенные в [Ibid.]. Тем не менее, очевидно несовпадение реализуемых значений. В контексте 2 перед нами словосочетание — элемент ситуации *bad blood* представлен как кровь ненадлежащего качества (*bad* является качественным прилагательным, при изменении которого значение *blood* сохраняется: “Who cares about blood — we can find **good blood** anywhere”; “Ebola blood is the **worst blood**” [COCA]). В примерах 6, 11–14 *bad blood* — сложное слово. Данный знак не характеризуется общим с *blood* типом контекста, а первая струк-

турная единица слова (*bad*) не может быть ни модифицирована, ни исключена из вербальной ситуации.

Таким образом, благодаря корпусному подходу была обнаружена неточность в существующих словарных дефинициях *bad blood*, а также продемонстрирована возможность ее исправления методами корпусного анализа. В подавляющем большинстве примеров в языковом корпусе (583/606), *bad blood* является словосочетанием и реализуется значения, зафиксированные контекстами 1–5; в ряде случаев (23/606) *bad blood* функционирует как сложное слово и маркирует серьезное заболевание, лечение которого невозможно либо требует больших усилий (контекст 6). Большое количество реальных примеров употребления изучаемых языковых единиц, а также возможность варьирования поисковых запросов позволяет проводить методологически точный функциональный анализ слов и словесных последовательностей с опорой на существующие в языковой культуре структуры контекста.

Литература

- Лукьянова Е.А., Толочин И.В. Учебник по лексикологии. СПб.: Антология, 2014.
- Смирнова А.Ю., Толочин И.В. Avenging angel: от словосочетания к сложному слову // Вестник Томского государственного университета. Серия: филология. 2021. № 72. С. 153-175.
- Стрельцова А.В., Толочин И.В. Blood (Noun): Sacramental, Ritualistic, Violent, Physiological – The Intricacies of Polysemy // Science SPbU. 2020. Сборник материалов международной конференции по естественным и гуманитарным наукам. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 1624-1625.
- Толочин И.В. Coffee Beans on Coffee Tables: о критериях разграничений сложного слова и словосочетания // Studia Linguistica: актуальные проблемы современного языкознания. СПб.: Политехника-сервис, 2009. С. 183-190.
- АН – The American Heritage Dictionary of the English Language Online. URL: <https://www.ahdictionary.com/>
- CD1 – Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/>
- CD2 – Collins Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/>
- COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>
- LD – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/>

A.S. Filatov (St. Petersburg, Russia)
ITMO University

COMPOUND OR PHRASE: CORPUS APPROACH (THE CASE OF “BAD BLOOD”)

The article demonstrates the productivity of corpus-based linguistic analysis regarding the problem of distinguishing phrases from compounds. The object of the research is “bad blood” in the American English language, the morphological status of which is approached in close connection with its real-life usage and the polysemies of its constituents.

Key words: corpus, homonymy, polysemy, compound, phrase, definition, context

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

М.А. Бредис (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

briedis@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОСЛОВИЦАМ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ¹

В статье представлены примеры перевода на русский пословиц 6 разноструктурных языков в рамках когнитивно-эвристической модели перевода с учетом специфических пословичных факторов перевода. Отмечается важность метода абдукции в этой модели. Рассматриваются особенности словарного перевода отдельных пословиц. Материалы для примеров взяты из пословичных словарей и сборников.

Ключевые слова: пословица, концепт, перевод, когнитивно-эвристическая модель, пословичные факторы перевода

Понимание и интерпретация переводчиком исходного текста играют важную роль в переводе [Ремхе 2015: 17]. Перевод является актом не только коммуникативным, но и когнитивным, так как понимание относится к когнитивным процессам, наряду с памятью и познанием [Там же]. В предложенной А.Г. Минченковым когнитивно-эвристической модели перевода предполагается, что язык оригинала и язык перевода соприкасаются через мысль. Переводчик воспринимает, прежде всего, смысл исходного текста через значения языковых единиц. А.Г. Минченков исходит из того, что значение и смысл имеют одинаковую природу, представляя собой концепты. Под концептами мы понимаем оперативные содержательные единицы ментального лексикона, концептуальной системы языка, ментальной репрезентации картины мира [Проектный словарь-справочник... 2022: 88, 130], при этом значения слов, участвующие в создании смысла, имеют лишь вероятностный потенциал, реализация которого целиком и полностью зависит от контекста [Минченков 2007: 213].

В данной модели перевода метод абдукции является эвристической стратегией, в ходе которой для достижения цели перевода выдвигаются гипотезы, которые затем либо подтверждаются, либо опровергаются. Процесс абдукции не отличается линейностью и упорядоченностью, так как в сознании переводчика возникают новые

¹ Исследование выполнено за счет гранта Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Приказ № 86-1 от 18.02.2025, проект «Разработка комплексной когнитивной модели перевода метафорических единиц на материале китайского и русского языков»).

«мысли, ассоциации или логические связи, активируются новые фреймы знаний», в результате чего происходит подтверждение или отбрасывание гипотез, позволяющее найти удовлетворительные варианты перевода, пусть и не всегда идеальные [Минченков 2007: 216]. Когнитивно-эвристическая модель перевода с методом абдукции наиболее адекватно отражает особенности перевода пословичных текстов.

Цель работы состоит в подтверждении теоретических положений о когнитивно-эвристической модели перевода пословиц с учетом пословичных факторов перевода пословиц разноструктурных языков на русский язык. Подбор примеров проводился из паремииографических сборников русского, латгальского, латышского, тувинского, фульбе, китайского и кхмерского языков, среди которых: «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокшенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010); «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б.К. Будупа (2020); «Японские пословицы и поговорки и их русские аналоги» Л.Ю. Хронопуло (2021); «Толковый словарь кхмерских пословиц» Ли Тхайли (2011, на кхмерском языке); “*Latviešu sakāmvārdi un parunas*” P. un M. Birkerti (1997); “*Latgaļu parunas un sokomvōrdi*” В. Opincāne (2000), а также рукопись «Пословицы и мудрости народа фульбе» (Аймана аль-Бадоси), любезно предоставленная автору известным африканистом Н.А. Добронравиным.

Перевод пословицы как типа устойчивой единицы представляет собой сложность, поскольку ее смысл создается сразу всеми компонентами, часто без участия их значений. В рамках когнитивно-эвристической модели перевода считаем необходимым учитывать специфические факторы перевода пословиц. Особенно важно это для словарного перевода, который должен быть точным. К числу пословичных факторов перевода относятся: лексико-грамматическая организация, композиционно-образная структура, семантическая вариативность, этнокультурная маркированность пословичных образов и понятий [Бредис, Иванов 2022: 29]. Наибольшую сложность для перевода вызывает этнолингвистическая маркированность пословиц. Но в рамках данной статьи рассмотрим два других важных фактора перевода пословиц.

Фактор лексико-грамматической организации. Перевод пословиц между разноструктурными языками имеет свою специфику. С одной стороны, отсутствие аналогичных грамматических конструкций затрудняет понимание смысла. С другой стороны, в переводе пословиц, например, изолирующих языков у переводчика появляется наибольшая свобода в выборе лексем и грамматических конструкций для получения адекватного результата. Можно даже выбирать грамматические категории, например наклонение, род, чтобы адаптировать перевод к сходным конструкциям на русском языке. Здесь особую важность приобретает эвристический метод абдукции.

Китайская пословица **一山不容二虎** представляет собой последовательность шести слов (на письме – иероглифов), выражающих понятия ‘один’ – ‘гора’ – ‘вмещать, позволять’ – ‘два’ – ‘тигр’. Поняв через значения компонентов смысл пословицы, переводчик воспроизводит его лексико-грамматическими средствами русского языка и подбирает приемлемый вариант. В данном случае это несложно, так как

в русском языке существует подобная пословичная конструкция со сходной семантикой, но с другими образами: «Два медведя в одной берлоге не уживутся». При переводе достаточно заменить компоненты *медведь* и *берлога*, и получим: «Два тигра на одной горе не уживутся». Возможен и другой вариант, более близкий к тексту оригинала: «Одна гора – не место для двух тигров».

Кхмерская пословица ឃ្លាត្រីប្រាំបី៖ត្រីប្រាំ ១ проста для перевода благодаря ясным значениям компонентов (букв. ‘пасти’ – ‘буйвол’ – ‘ехать’ – ‘буйвол’), но также требует адаптации к грамматической структуре русского языка. Предлагаем перевод на русский в настоящем времени с местоимениями *кто* и *тот*: «Кто пасет буйвола, тот на нем и едет». Частичным семантическим эквивалентом кхмерской считаем русскую паремию *Любишь кататься, люби и саночки возить*.

Лексико-грамматическая организация тувинской пословицы Бак кижиниң чооруу / Баарда, кээрде – дөрт (букв. Плохого (нерадивого) человека путь в уходе, в приходе – четыре) затрудняет ее понимание. Буквальный перевод может ввести читателя в заблуждение относительно количества приходов и уходов. Поэтому перевод необходимо приблизить к русской пословичной конструкции, аналогичной по семантике, например «Нерадивый за одним дважды ходит». Русский эквивалент: *Глуп да ленив одно дважды делает*. Другая тувинская пословица имеет структуру: *Ажылынга кызымак – амыдыралга ынак* (букв. По отношению к работе старательный – по отношению к жизни любимый). Смысл можно передать по-русски разными вариантами, например: «Трудолюбивый любит жизнь», «Кто любит труд, тот любит жизнь». Еще одна тувинская пословица: *Хойлуг кижжи чылыг, / Кожаалыг кижжи каас* (букв. Овечий человек теплый / Ленточный человек нарядный). Значение *имеющий овец, имеющий ленты* по-тувински передается прилагательными *хойлуг* и *кожаалыг* (*хой* – овца, *кожжа* – разноцветная лента). Предлагаемый русский перевод имеет грамматическую конструкцию: «У кого овцы, тому тепло, / У кого разноцветные ленты, тот нарядный».

Формула пословицы африканского языка фульбе состоит из двух существительных и глагола в отрицательной форме: *Joonde be jeende humtata* (букв. Сидение (на месте) и молчание не дают пользы). И здесь возможен выбор вариантов перевода на русский: «Пребывание на месте и молчание не принесут результатов», «Сидеть и молчать – не добиться результата»; «Кто остается на месте и молчит, тот не осуществит желаемого» и пр. Русские семантические эквиваленты: *Под лежащий камень вода не течет; Дитя не заплачет – мать не знает*.

В генетически близких языках также возможны несоответствия грамматической структуры друг другу. Так, русская пословица *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* не передается точно по-латышски, где конструкция *имей – не имей* невозможна: латышск. *Labāk simtu draugu, nekā simtu rubļu* «Лучше сто друзей, чем сто рублей». Зато близкородственный латышскому латгальский язык позволяет полностью калькировать русскую пословицу: *Nātur symtu rublu, tūr symtu draugu*. При

переводе этих пословиц на русский также целесообразно отразить грамматическую структуру, свойственную оригиналу.

Фактор композиционно-образной структуры. Композиционно-образная структура пословиц может отличаться в разных языках. В русском языке преобладают образные пословицы, в отличие, например, от английского языка, где более половины пословиц не имеют образности, поскольку происходят из письменных источников [Бредис, Иванов 2022: 23]. Тувинские пословицы часто имеют композицию из двух частей, в одной из которых природные образы, в другой – социальные: *Кылык ботту човадыр, даг аътты човадыр* (букв. «Вспыльчивый (запальчивый) себя изнуряет, гора коня изнуряет»). В словаре дается перевод «Гора коня измучает, норы – человека», в котором наблюдается инверсия композиционных частей по сравнению с оригиналом. Такая инверсия русских переводов тувинских пословиц нередко встречается в словарях. Думается, для научного перевода такая перестановка частей не нужна, так как может повлиять на значение пословицы. Можно предложить вариант, наиболее приемлемый и близкий к оригиналу: «Гневливый себя мучит, гора коня мучит».

Японская пословица *他山の石* (tazan no ishi, букв. Другой горы камень) имеет общий смысл извлечения уроков из чужих ошибок. Для академического перевода на русский необходимо точно передать особенности структуры пословицы. Перевод в этом случае несложен – «Камень с другой горы», но необходим лингвокультурологический комментарий. Смысл выражения в том, что камень нужен для заточки или полировки других камней. Японская пословица восходит к китайской паремии *他山之石* (tāshānzhīshí) со значением «Камень с другой горы годится для полировки яшмы», т.е. чужие слова помогут избежать собственных ошибок. При переводе желательно привести русский эквивалент *На ошибках учатся*.

Приведенные примеры демонстрируют важность наличия широкой когнитивной и лингвокультурологической компетенции переводчика в словарном переводе пословиц. По нашему мнению, успешность перевода пословиц основывается на использовании когнитивно-эвристической модели с учетом специфических относящихся к пословицам факторов перевода. При этом важным представляется снабжение переводимых пословиц, там, где это необходимо, лингвокультурологическим комментарием.

Литература

Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17-36.

Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2007. Вып. 2. Ч II. С. 208-217.

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / Под общей ред. Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Ремхе И.Н. Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования. М.: Флинта: Наука, 2015.

M.A. Bredis (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

COGNITIVE-HEURISTIC MODEL OF TRANSLATION APPLIED TO PROVERBS OF STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES

The paper presents examples of translation into Russian of proverbs of 6 structurally different languages within the framework of the cognitive-heuristic translation model, taking into account specific proverbial translation factors. The importance of the abduction method in this model is noted. Features of dictionary translation of individual proverbs are considered. Materials for examples are taken from proverbial dictionaries and collections.

Key words: proverb, concept, translation, cognitive-heuristic model, proverbial translation factors

О.Д. Вишнякова, А.А. Липгарт (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ol-vish@mail.ru, a_lipgart@mail.ru*

О РОЛИ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Когнитивный контекст, рассматриваемый как совокупность концептуально-тематических областей, отражающих опыт и знания человека, выступает как важный фактор интерпретационного характера в процессе перевода с точки зрения согласования концептуальных систем участников переводческого взаимодействия и создания единого когнитивного и коммуникативного пространства.

Ключевые слова: когнитивный контекст, переводческий процесс, концептуализация мира, концептуальная и смысловая интерпретанта

Понятие когнитивного контекста справедливо рассматривается как одно из основных в области современных лингвокогнитивных исследований [Van Dijk 1997; Болдырев 2014, 2017] и заслуживает особого внимания в терминах теории и практики перевода вследствие своей методологической значимости. Отечественные исследователи подходят к трактовке данного понятия с точки зрения его роли в интерпретации мира человеком и приобретения им знаний о мире. Базовыми репрезентантами когнитивного контекста являются концептуально-тематические области и категории, выступающие в качестве когнитивных схем – проекций человеческого опыта [Болдырев 2014]. Важно отметить в этой связи созидательную роль языка как источника появления новых концептуальных пространств и новых концептуальных сущностей [Вишнякова 2002; Павиленис 1983].

Обращение к проблемам концептуализации мира в процессе перевода знаменует новую ступень исследовательской и собственно практической деятельности в данной области. Изучение концептуальных оснований создания текстов, их дискурсивной специфики, обращение к понятиям языковой, культурной и концептуальной картин мира, рассмотрение культурных и концептуальных сце-

нариев литературных произведений, подлежащих трансляции в другую языковую и когнитивно-концептуальную среду, позволили достигнуть наибольшей эффективности и адекватности при переводе различных текстовых материалов. Значимой составляющей данного процесса является применение когнитивного моделирования в области институциональных дискурсов, в первую очередь – в сфере перевода научной и специальной литературы, где значимым этапом анализа является вычленение основных понятий, реализуемых в тексте и составляющих его онтологическую базу. В то же время в сфере литературно-художественного творчества наиболее приемлемым считается концептуальный анализ, основанный на процедуре выделения ключевых концептов текста, образующих его культурный и концептуальный сценарий [Вишнякова, Липгарт 2024; Липгарт 1999].

Выделение ключевого концепта текста как его центральной категории может рассматриваться в качестве стимула для активизации внимания переводчика и актуализации форматов знаний в его долгосрочной памяти в целях их дальнейшей обработки на новом концептуальном уровне. Так, например, в ходе всестороннего анализа поэмы Т.С. Элиота «Бесплодная земля» были выявлены такие значимые концепты универсального характера, как ВРЕМЯ, НИЧТО, ПУСТОТА, МОЛЧАНИЕ, СМЕРТЬ, ЖИЗНЬ и другие, репрезентирующие концептуально-философскую подоплеку данного произведения и позволившие проникнуть в сущность его имплицитных содержаний [Вишнякова 2002]. Данные аспекты нашли отражение в переводе поэмы и ее фрагментов с английского языка на русский [Английская поэзия в русских переводах 1984: 240-244].

А.Г. Минченков определяет процесс перевода в его динамике как «эвристический процесс объективации средствами языка перевода мыслительных структур, сформированных в сознании на базе исходного текста» [Минченков 2007: 235], справедливо отмечая тот факт, что «основная трудность при создании текстов на другом языке заключается в совмещении смыслов, сформированных в сознании в результате работы с исходным текстом, со значениями слов и словосочетаний языка перевода» [Минченков, 2007: 261]. В терминах переводческого процесса исследователь рассматривает и операции с концептом, как культурным, так и индивидуально-авторским, отмечая, что концепт также может служить в качестве объекта перевода в широком смысле, являясь мыслительной структурой, которая должна быть объективирована средствами другого языка в ходе осуществления перевода [Там же: 152]. Особую важность в данном отношении приобретает задача по объективации всей совокупности концептов, лежащих в основе переводимого текста.

Когнитивному контексту в этой связи принадлежит особая роль, экстраполируемая на всех участников переводческого процесса: автора переводимого текста, его будущего читателя или слушателя и самого переводчика. Когнитивный контекст

не только отражает всю глубину знаний человека о мире, но и способствует продуцированию новых знаний, в том числе и при переводе. В ходе вторичной интерпретации, обусловленной приобретением новых значений для репрезентирующих его языковых единиц [Болдырев 2014: 121], когнитивный контекст выступает в качестве своего рода смысловой и концептуальной интерпретанты, маркирующей создание единого когнитивного и коммуникативного пространства для участников переводческого процесса.

Литература

Английская поэзия в русских переводах. XX век / сост. Л.М. Аринштейн, Н.К. Сидорина, В.А. Скороденко. М.: Радуга, 1984.

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2014. № 6 (335). Вып. 88. С. 118-122.

Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство: на материале современного английского языка. М.: МАКСПресс, 2002.

Вишнякова О.Д., Липгарт А.А. Транслируемость и концептуальный анализ как лингво-когнитивные составляющие переводческого процесса // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 2 (58). Ч. 2. С. 276-279.

Липгарт А.А. Поэтические произведения А.С. Пушкина в переводах Уолтера Арндта // Русский Исторический Вестник. Международный ежегодник. 1999. С. 26-32.

Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2007. Вып. 2. Ч. II. С. 208-217.

Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Van Dijk T.A. Cognitive Context Models and Discourse // Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness: Advances in Consciousness Research. Vol. 12 / M.I. Stamenov (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. Pp. 189-226.

O.D. Vishnyakova, A.A. Lipgart (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

ON THE ROLE OF COGNITIVE CONTEXT IN THE TRANSLATION PROCESS

Cognitive context considered as a set of conceptual and thematic areas reflecting human experience and knowledge acts as an important interpretative factor in the translation process with respect to coordinating conceptual systems of the participants and creating for them a common cognitive and communicative space.

Key words: cognitive context, translation process, conceptualization of the world, conceptual and semantic interpretant

Н.И. Власенко (Курск, Россия)

Юго-Западный государственный университет
natashavlasenko@yandex.ru

Л.Л. Тимофеева (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет
l.timofeeva@spbu.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

В статье рассматриваются особенности машинного перевода в контексте экономического дискурса. Анализируются основные проблемы, возникающие при переводе экономических текстов, включая многозначность терминов и сложность фразеологии. Предложены стратегии оптимизации процесса перевода с использованием методов предредактирования и постредактирования. Особое внимание уделено критериям оценки качества перевода и подходам к его улучшению.

Ключевые слова: машинный перевод, экономический дискурс, оптимизация перевода, предредактирование, постредактирование, качество перевода

В современном мире машинный перевод становится все более актуальным и значимым инструментом, применяемым в различных сферах, включая экономику. Тексты экономической направленности относятся к научному стилю, то есть обладают такими характеристиками, как ясность и точность, формальность, техническая терминология, структурированность и последовательность. Термины и определения являются одним из ключевых элементов, определяющих специфику научно-популярных текстов [Власенко 2013: 28]. Поэтому перевод экономических текстов требует соблюдения как языковых норм – семантических, грамматических и стилистических, – так и глубоких знаний в области экономики. При этом перевод должен максимально точно передавать оригинальную информацию, сохраняя объективность и читабельность.

При оценке качества перевода необходимо определить, насколько точно и адекватно переведенный текст отражает оригинал. Хороший перевод должен передавать основное содержание, нюансы, структуру и стиль оригинала на целевой язык, адаптируясь к контексту и потребностям целевой аудитории. В лингвистике существует ряд подходов к определению критериев качества перевода. Один из них предложил выдающийся советский лингвист и переводчик А.Д. Комиссаров. Он выделил критерии, которые необходимо учитывать при оценке качества перевода: сохранение смысла, стиля, языкового значения, правильность и подходящая длина. Согласно Комиссарову, перевод должен соответствовать стилю исходного текста и быть приемлемым с точки зрения культурных и лингвистических стандартов целевого языка, передавать значения слов и выражений с учетом их контекста и коннотаций, быть грамматически правильным и свободным от лексических ошибок, а также быть достаточно подробным или сжатым, чтобы сохранять ясность и информативность исходного текста [Комиссаров 2002].

При анализе качества машинного перевода выделяются определенные стандарты оценки, основанные на ключевых критериях, среди которых главную роль играет эквивалентность. Эквивалентность является важнейшим аспектом, определяющим качество перевода, исходя из соблюдения норм переводящего языка и прагматических аспектов. Существуют два основных подхода к оценке: автоматический и экспертный. Автоматическая оценка использует специальные метрики, основанные на повторяющихся цепочках слов (n-грамм), такие как BLEU и NIST. Для экспертной оценки привлекаются профессиональные лингвисты, которые могут анализировать текст напрямую, с помощью ранжирования, а также измерять усилия, потраченные на постредактирование.

Для анализа качества перевода были рассмотрены популярные системы машинного перевода, такие как GoogleTranslate, Яндекс Переводчик, DeepL и ChatGPT. Автоматическая система оценивания BLEU показала, что варианты перевода, предложенные DeepL, наиболее соответствуют эталону. Самыми распространенными ошибками, допущенными машинными переводчиками, ожидаемо стали семантические. В десяти текстах их процент превысил 75%. К семантическим ошибкам в основном относились буквализмы, неправильное использование языковых универсалий, неправильный перевод термина из-за контекста, а также нераспознавание аббревиатуры на английском языке. Рассмотрим результат перевода текста с английского на русский, взятого из журнала The Economist.

The members of the NEDC are representatives of both the employers' federations and the TUC, together with members of the government, eminent industrialists and leading economists [The Economist 2015: 34].

DeepL: Членами NEDC являются представители обеих федераций работодателей и TUC, а также члены правительства, видные промышленники и ведущие экономисты.

Машинный перевод не распознал аббревиатуру. В данном примере TUC нам следует переводить как Конгресс профсоюзов, определить правильный перевод нам помогает словосочетание employers' federations. Машинные системы перевода часто не различают эти контексты, что приводит к некорректному переводу.

Высокие требования, предъявляемые к качеству перевода экономических текстов, могут быть соблюдены только при совместной работе систем машинного перевода и человека, который осуществляет предредактирование и постредактирование. На этапе предредактирования исходный текст упрощается на лексическом и грамматическом уровнях. К примеру, можно разбить сложные и длинные предложения; заменить многозначные единицы текста однозначными, обеспечивающими контекстуальную точность; заменить местоимения на существительные, где это возможно; а вместо страдательного залога использовать действительный. Все эти шаги помогают сделать текст прозрачным для систем машинного перевода, в результате чего улучшается качество и производительность машинного перевода. Постредактирование – это процесс исправления результатов машинного перевода.

В зависимости от предпочтений клиента, после автоматического перевода может быть проведено либо полное, либо упрощенное редактирование. После упрощенного редактирования текст должен сохранять смысл исходного сообщения. Он должен быть семантически корректным и не содержать существенных смысловых ошибок. Полное постредактирование означает, что текст точно передает смысл исходного сообщения и соответствует нормам стиля, синтаксиса и грамматики, то есть максимально близок по качеству к профессиональному человеческому переводу. Таким образом, следует учитывать как качество исходного текста, так и возможности самих систем при использовании технологий автоматических систем машинного перевода.

Литература

Власенко Н.И. Принципы выделения стилей речи, их классификация и субклассификации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. 2013. № 2. С. 27-31.

Комиссаров В.Н. Теория перевода: учебник. М.: Высшая школа, 2002.

Dark Days Ahead // The Economist. 2015. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2015/05/28/dark-days-ahead>

N.I. Vlasenko (Kursk, Russia)

Southwest State University

L.L. Timofeeva (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

OPTIMIZATION OF MACHINE TRANSLATION: CHALLENGES AND SOLUTIONS (BASED ON ECONOMIC DISCOURSE TEXTS)

The article examines the features of machine translation within the context of economic discourse. It analyzes the main challenges in translating economic texts, including term ambiguity and phraseological complexity. Strategies for optimizing the translation process through pre-editing and post-editing methods are proposed. Particular attention is given to the translation quality assessment criteria and approaches to improving it.

Key words: machine translation, economic discourse, translation optimization, pre-editing, post-editing, translation quality

A.A. Водяницкая (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

vodyanickayaaa@mgpu.ru

ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТПЕРЕВОДСКОГО РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Статья посвящена исследованию закономерностей постпереводческого редактирования текста (ПРТ) музейной коммуникации. Рассмотрено 1300 комментариев 120 переводчиков-редакторов к 20 текстам о культурно-значимых объектах, переведенным с английского на русский язык, а также к трем текстам музейной коммуникации, переведенным 60-ю переводчи-

ками с русского на английский язык. Выявляются лингвистические и прагматические аспекты постпереводческого редактирования.

Ключевые слова: постпереводческое редактирование, музейные тексты, лингвистические и экстралингвистические факторы

В настоящее время в исследовательском пространстве российского переводоведения представлен ряд работ, посвященных выявлению различных аспектов постпереводческого редактирования текста (ПРТ) [Никитина 2018; Водяницкая, Нерсесова 2021; Лингвистические теории... 2015]. ПРТ представляет собой многогранный процесс, задействующий когнитивные, прагматические, коммуникативные навыки редактора текста перевода. Оно вносит существенный вклад в понимание переводческой эвристики, поскольку «общие закономерности так или иначе проявляются в любом акте перевода, однако обнаружению они поддаются в подавляющем большинстве случаев фактически лишь «a posteriori», т.е. при последующем анализе уже выполненного перевода» [Цвиллинг 2009: 203].

Целью данного исследования является выявление лингвистических и прагматических аспектов ПРТ; анализ стратегий редактирования и комментирования текстов; выявление наиболее эффективного формата взаимодействия *переводчик – редактор перевода*.

В качестве материала исследования выступили 1300 комментариев 120 переводчиков-редакторов к 20 текстам, переведенным с английского на русский язык о культурно-значимых объектах, а также к трем текстам музейной коммуникации, переведенным 60-ю переводчиками с русского на английский язык. В качестве переводчиков и редакторов перевода выступили студенты бакалавриата Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, обучающиеся по профилю «Перевод и переводоведение».

На первом этапе студенты переводили тексты музейной коммуникации, а затем менялись переводами и осуществляли ПРТ. Техническое задание состояло в оценке качества, анализе эквивалентности и адекватности перевода с развернутым комментированием переводческих ошибок, а также с последующим внесением правок в текст перевода переводчиком-редактором. В процессе комментирования переводов редакторам рекомендовалось использовать различные средства смягчения критики, поскольку хеджирование позволяет минимизировать негативную оценку, «способствуя конструированию гармоничного диалога» [Соколова 2024: 119].

В связи с тем, что перевод текста музейной коммуникации предполагает передачу эстетической информации и последовательный учет фонетических (правила передачи имен собственных), лексических (реалии, оценочная лексика, фразовые глаголы), узуальных (клишированных выражений, связанных с регулированием ежедневной деятельности музея), стилистических (например, обилие экспрессивной лексики в англоязычных текстах), культурологических (специфика диалога с *Другим* в русском и английском музейном дискурсе) аспектов [Водяницкая 2016], процесс редактирования текста перевода представляет собой многоступенчатый процесс, который обладает уникальными характеристиками и, в свою очередь,

требует от редактора перевода учета интерпретирующей (при анализе переводческих решений), коммуникативной (при взаимодействии с автором перевода) и когнитивной функции языка (о когнитивных функциях языковой интерпретации см.: [Болдырев 2016]). Как показало исследование, комментарии переводчиков-редакторов охватывают все обозначенные выше лингвистические аспекты.

На лексическом уровне в ряде случаев редакторы перевода обращают внимание на неточность передачи терминов музейной коммуникации.

На синтаксическом уровне редакторы указывают на несоблюдение актуального членения предложения (АЧП), исправляя данную ошибку внутри текста, или констатируя наличие ошибки, размещая аббревиатуру в скобках (АЧП).

В большинстве комментариев (75%) при ПРТ англо-русского перевода затрагиваются вопросы необходимости соблюдения узуса:

Комментарий редактора: *можно улучшить для более естественного звучания: «Музей открыл свои двери»*. Редактор перевода косвенно указывает на эстетическую функцию текста музейной коммуникации.

Еще одним важным аспектом ПРТ, связанным с узусом, является комментарий редакторов по поводу неприемлемости персонификации неодушевленных объектов в русском языке:

Оригинал: *The museum presents a series of afternoon talks, children's activities and occasional evening events*. Перевод: *Музей проводит лекции, занятия для детей и вечерние мероприятия*. Комментарий редактора: *Это предложение можно перевести чуть более естественно для русского языка: В музее проходят лекции, занятия для детей и вечерние мероприятия*.

Отметим, что частотность таких комментариев высока. Переводчики-редакторы вновь и вновь подчеркивают важность преобразования неодушевленного субъекта действия в английском предложении в обстоятельство места в русском переводе:

Оригинал: *In 1841, Montrose Natural History and Antiquarian Society realised that its lodgings in one of the town's schools was fast being outgrown by its collections*. Перевод: *Общество естествознания и антиквариата Монтроуза осознало, что...* Комментарий редактора: *Для русского языка звучит непривычно. Более приемлемый вариант: В Обществе естествознания и антиквариата Монтроуза осознали*.

Кроме этого, при анализе английских предложений с активным неодушевленным субъектом действия редакторы перевода частотно предлагают восстанавливать подлежащее, характерное для русского языка: *Сотрудники Общества естествознания и антиквариата Монтроуза пришли к выводу...*

В некоторых случаях комментарии оформляются по принципу «думай вслух», раскрывая когнитивные процессы, сопровождающие ПРТ:

Это предложение сложно тем, что в нем нужно было сохранить архитектурные термины (ионические колонны, рельеф), а также передать стилистическую изысканность оригинала. Автор данного комментария своеобразно смягчает критическую оценку редактируемого текста (апеллирует к сложности оригинала) и предлагает свой вариант перевода.

Смягчение критики путем добавления хеджей мы относим к экстралингвистическим особенностям ПРТ, обусловленным проявлению норм и правил академического этикета. Средства смягчения критики встречаются в 85% рассмотренных комментариев. В большинстве случаев, вслед за смягчающим высказыванием приводится предлагаемый редактором вариант перевода.

При ПРТ с русского на английский редакторы положительно характеризуют такой фактор как динамичность текста:

Оригинал: *Байкал входит в список всероссийских туристических маршрутов.*
Перевод: *Baikal hits the top of the best Russian tourist routes.* Комментарий: *Хороший вариант перевода; за счет выбора лексики создается динамичность текста.*

В данном комментарии косвенно прослеживается указание на то, что «структурно-функциональные и стилистические особенности англоязычного дискурса в значительной степени определяются отсутствием резкого разграничения между устной и письменной формами коммуникации» [Сулейманова 2013].

Наряду с этим, редакторы рекомендуют избегать повторов однокоренных слов английском переводе:

Оригинал: *Ежедневно Патриот посещают не только жители близлежащих регионов, но и гости из самых разнообразных уголков нашей страны и за ее пределами. В дни проведения массовых мероприятий число посетителей может достигать сотни тысяч.*

Перевод: *Daily, Patriot Park hosts visitors from all parts of Russia, and numerous guests arrive from abroad. During public events, the number of people can reach hundreds of thousands.*

Комментарий: *На мой взгляд, повторение однокоренных слов numerous и number в соседних предложениях лучше избежать и заменить синонимичными.*

Таким образом, как показало исследование, в процессе ПРТ задействуются лингвистические и экстралингвистические факторы; редакторы обращают преимущественно внимание на необходимость соблюдения норм русского языка при переводе с английского, чтобы избежать несвойственной русскому языку персонификации, например, учреждений, объектов культуры.

Отметим, что общим для всех переводчиков является стремление смягчить критику с помощью разнообразных лексических средств. Более того, редакторы частотно выражают похвалу в адрес переводческих решений, что обусловлено учебным характером данной деятельности и презумпцией о том, что выявление качественного перевода требует определенных когнитивных усилий, и оно не менее важно для практики перевода, чем анализ переводческих ошибок.

В силу эстетической доминанты текста музейной коммуникации редакторы обращают внимание на стилистические аспекты переведенного текста и, при необходимости, редактируют, например, оценочные слова и выражения, составляющие существенный пласт лексики музейного текста.

Подчеркнем, что в силу многогранности ПРТ представляется релевантным продолжить серию публикаций по данной проблематике, поскольку каждое язы-

ковое явление, попадающее в фокус рассмотрения редакторов, требует отдельного рассмотрения в силу того, что в комментариях разных редакторов одна и та же переводческая ошибка может рассматриваться с различных точек зрения.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Водяницкая А.А. Коммуникативное пространство современного музея: диалог со зрителем и волонтером // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социокультурных практик. 2016. С. 109-114.

Водяницкая А.А., Нерсесова Э.В. Постпереводческое редактирование. М.: Языки народов мира, 2021.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / Коллектив авторов: О.А. Сулейманова и др. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Никитина В.В. Переводческая эвристика: функциональная перспектива предложения – теоретический обзор // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 61-72.

Соколова А.В. Коммуникативный потенциал лингвистического хеджирования в академическом дискурсе // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. 2024. С. 116-119.

Сулейманова О.А. Прогнозирование переводческого «Конфликта»: истоки и пути преодоления // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2013. № 8. С. 118-131.

Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. М.: Восточная книга, 2009.

A.A. Vodyanitskaya (Moscow, Russia)

Moscow City Pedagogical University

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC ASPECTS OF POST-TRANSLATIONAL EDITING

The paper focuses on the patterns of post-translational text editing (PTTE) of museum texts. We have analyzed 1,300 comments by 120 editors on twenty texts about culturally significant objects translated by 120 translators from English into Russian, as well as comments on three texts of museum communication translated from Russian into English by 60 translators. The research has revealed linguistic and pragmatic aspects of post-translational editing.

Key words: post-translation editing, museum texts, linguistic and extralinguistic factors

Ю.Д. Гавронова, Ю.В. Иванова (Смоленск, Россия)

*Смоленский государственный институт искусств
kozadereza2@yandex.ru, juliva979@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОМУ АППАРАТУ (НА ОСНОВЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Мы предлагаем рассмотреть процесс формирования современного медицинского понятийно-категориального аппарата, связанного с новыми вирусными заболеваниями, с точки зрения когнитивной лингвистики. Изучение этого явления в лингвокультурологическом кон-

тексте позволяет не только получить интересные данные в узком лингвистическом аспекте, но и дать представления о языковой картине человека XXI столетия.

Ключевые слова: древнегреческий язык, латынь, медицинский понятийно-категориальный аппарат, вирусные заболевания, когнитивная лингвистика, языковая картина

Благодаря своей исторической значимости латинский и древнегреческий языки играют важную роль в современной медицинской терминологии. Одним из ключевых аспектов их ведущей роли является способность обеспечить универсальный язык. Поскольку латынь и древнегреческий – мертвые языки, их словарный запас и грамматика не меняются со временем, а это означает, что полученные лексические единицы, остаются неизменными и стабильными, даже когда открываются новые заболевания и разрабатываются новые методы лечения. Такая стандартизация важна для общения между медицинскими работниками, поскольку гарантирует, что все используют одну и ту же лексику для описания одних и тех же понятий.

В случае с современным медицинским понятийно-категориальным аппаратом понимание когнитивных процессов, связанных с его использованием, может пролить свет на мыслительные процессы коммуниканта XXI в.. Например, знание латинских и греческих корней помогает не только медицинским работникам, но и пациентам лучше понять этимологию и другие нюансы той или иной лексической единицы, что, в свою очередь, способствует их дальнейшей эффективной коммуникативной деятельности. На наш взгляд изучение медицинских терминов с позиций когнитивной лингвистики обеспечивает основу для рассмотрения того, как формируется не только профессиональное, но и обыденное понимание и восприятие медицинских концепций и практик.

Даже в XXI в. латынь и древнегреческий всё также играют важную роль в формировании медицинских терминов, связанных с новыми заболеваниями, поскольку обеспечивают исторический и культурный контекст. Исследования функционирования латинского и древнегреческого языков в современной медицинской терминологии вирусных заболеваний в английском языке многоплановы: влияние латинской терминологии на дублетность медицинских терминов [Ханина 2023: 3760-3765], процесс заимствования специальной медицинской лексики в английском языке под воздействием греколатинских основ [Ханина 2023: 2496-2503], интернациональные неологизмы [Маслова 2021: 166-172] суффиксы латинского происхождения в ковид-неологизмах [Рыбакова 2022: 28-35], латинские названия видов коронавируса [Бурмакин, Олехнович 2021: 52-56], ложные друзья переводчика [Медведева 2023: 218-223].

В этой статье мы предлагаем рассмотреть процесс формирования современного медицинского понятийно-категориального аппарата, связанного с новыми вирусными заболеваниями, с точки зрения когнитивной лингвистики, материалом исследования послужит английский язык.

Общезвестно, что на протяжении многих столетий для описания симптомов, состояний и методов лечения использовались термины, происходящие от латинских слов. Например, такая лексическая единица как «*pneumonia*» происходит от

латинского слова “*pneumon*”, что означает «лёгкое». Кроме того, латынь и древнегреческий могут помочь прояснить значение «трудных» для обыденного восприятия слов, путём их разложения на составные части, так как многие категории представляют собой сложные слова, состоящие из латинских или греческих корней, префиксов и суффиксов. Понимание значения этих отдельных компонентов, может обеспечить лучшее осознание общего значения термина. Например, лексема “*gastroenteritis*” состоит из греческих терминоэлементов “*gastro-*”, означающего «желудок», “*enteron*” – «тонкий кишечник», и греческого суффикса «*-itis*», обозначающего воспалительный процесс. Если у коммуниканта есть базовые знания, позволяющие проанализировать отдельные части, то его восприятие многокомпонентного понятия гастроэнтерит (воспалительное заболевание желудка и тонкого кишечника) становится не только ясным и простым, но более «безболезненным» с точки зрения информационного использования и потребления.

Рассмотрим ещё одну лексическую единицу – “*pharyngitis*”, уходящую корнями в греческий язык и образованную от слова “*pharynx*” («глотка») и суффикса «*-itis*» (воспаление). В сознании осведомленного коммуниканта это сочетание будет подчеркивать природу заболевания как воспалительной реакции, затрагивающей слизистую оболочку горла.

В последние годы появление новых вирусных заболеваний, в том числе и благодаря широкому медийному освещению, привлекло значительное внимание аудитории к сфере медицины и здравоохранения. Так мы можем наблюдать широкое употребление в различных коммуникативных областях таких единиц как: *Zika-Virus*, *SARS-CoV-2*, *COVID-19*, *Ebola*, *MERS*, *Nipah virus*, *Avian influenza* (avian flu, bird flu), *Swine influenza*, *Influenza A virus subtype H1N1* (A/H1N1), *Alaska poxvirus* (AKPV). Как видно из этого списка, общей тенденцией многих из этих недавно открытых вирусных заболеваний является использование латинского языка и древнегреческого в их названиях.

Так в наименовании вирусного заболевания, вызвавшего глобальный кризис и не только в системе здравоохранения, *COVID 19* использовано несколько компонентов латинского языка, отражающих природу заболевания и его происхождение. Вирус, вызывающий *COVID-19*, известен как *SARS-CoV-2*, что расшифровывается как “*Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2*” (Коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома 2) [OED 2025].

Новые штаммы *COVID-19*, возникающие в результате мутаций вируса *SARS-CoV-2*, часто называют вариантами. Среди основных штаммов – *Alpha* (B.1.1.7), *Beta* (B.1.351), *Gamma* (P.1), *Delta* (B.1.617.2) и *Omicron* (B.1.1.529). Греческие названия, присвоенные вариантам *COVID-19*, были введены Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), чтобы упростить общение и взаимодействие, а также избежать стигматизации, связанной с географическими местами или конкретными людьми. Эта система наименований была введена в мае 2021 г., поскольку появление новых вариантов стало серьезной проблемой в рамках глобальных мер по борьбе с панде-

мией. Использование греческого алфавита для наименования вариантов обеспечивает стандартизированную и легко узнаваемую номенклатуру, которую можно использовать в разных языках и культурах. Это особенно важно в условиях глобального кризиса здравоохранения, когда четкая коммуникация необходима для понимания и реагирования общественности. Название каждого варианта соответствует определенной линии вируса, а научные обозначения дают подробную информацию о его генетическом составе. Например, Alpha (B.1.1.7) был впервые идентифицирован в Великобритании, Beta (B.1.351) – в Южной Африке, Gamma (P.1) – в Бразилии, Delta (B.1.617.2) – в Индии, а Omicron (B.1.1.529) – опять же в Южной Африке. Греческие названия облегчают публичный дискурс, поскольку их проще запомнить и произнести по сравнению со сложными научными обозначениями. В целом, греческие наименования вариантов COVID-19 служат практическим решением для улучшения коммуникации, снижения стигмы и содействуют ясности при передаче информации в сфере общественного здравоохранения [Covid-19 variants 2021].

Таким образом, семантика слов, связанных с новыми вирусными заболеваниями, обнаруживает удивительное взаимодействие греческих и латинских корней, отражающее историческое и культурное значение языка в контексте науки и медицины. Терминология, используемая для описания вирусов, их разновидностей и заболеваний, глубоко укоренилась в этих классических языках, которые долгое время служили основой научной номенклатуры. Более того, использование латинского и древнегреческого языков в контексте новых вирусных заболеваний подчеркивает непрерывность научного поиска на протяжении всей истории. Корни многих терминов восходят к древним ученым, которые заложили основы современной науки. Эта связь служит напоминанием о непреходящем наследии греческого и латинского языков в формировании современного понимания здоровья и болезни.

На наш взгляд, изучение процесса формирования современного медицинского понятийно-категориального аппарата, связанного с новыми вирусными заболеваниями, в широком лингвокультурологическом контексте позволяет не только получить интересные данные в узком лингвистическом аспекте, но и дать представления о языковой картине человека XXI столетия, что в свою очередь будет способствовать дальнейшим когнитивным исследованиям.

Литература

Бурмакин Г.Д., Олехнович О.Г. Структура латинских видовых названий вирусов // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: материалы VI Международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов, посвященной 100-летию науки и технологий, Екатеринбург, 08–09 апреля 2021 года. Т. 3. Екатеринбург: ФБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021. С. 52–56.

Маслова О.В. К вопросу о глобализации терминологии в современной медицине // Методические и лингвистические проблемы LSP: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Самара, 18–19 мая 2021 года. Самара: Самарский государственный медицинский университет, 2021. С. 166–172.

Медведева М.С. Медицинский дискурс с точки зрения лингвистических особенностей и трудностей перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 апреля 2023 года / гл. редактор М.В. Норец. Симферополь: Ариал, 2023. С. 218–223.

Рыбакова А.С. Пандемия COVID-19 как способ обогащения лексического состава английского языка // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2. № 2 (6). С. 28–35.

Ханина К.А. Синонимия в английской терминологии вирусных заболеваний человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 8. С. 2496–2503.

Ханина К.А. Формальная вариативность терминов, описывающих инфекционные заболевания человека (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3760–3765.

Covid-19 variants to be given Greek alphabet names to avoid stigma // The Guardian, 01.06.2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jun/01/covid-19-variants-to-be-given-greek-alphabet-names-to-avoid-stigma>

OED – Online Etymology Dictionary. Coronavirus. URL: https://www.etymonline.com/word/coronavirus#etymonline_v_54794

Yu.D. Gavronova, Yu.V. Ivanova (Smolensk, Russia)

Smolensk State Institute of Arts

COGNITIVE APPROACH TO THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL APPARATUS (BASED ON MEDICAL TERMINOLOGY)

We propose to consider the process of shaping the modern medical conceptual-categorical apparatus related to new viral diseases from the viewpoint of cognitive linguistics. Studying this phenomenon within the linguistic-cultural context allows us not only to obtain interesting data in a narrow linguistic aspect, but also to provide insights into the linguistic worldview of the 21st century individuals.

Key words: Ancient Greek, Latin, medical conceptual-categorical apparatus, viral diseases, cognitive linguistics, linguistic worldview

Л.Ю. Губочкина (Москва, Россия)

*Государственный университет просвещения
glubov09@mail.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ АНТРОПОМОРФИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются вопросы интерпретационного и трансформационного способов перевода антропоморфных образов. Цель работы заключается в выявлении основных преобразований, используемых в процессе воссоздания иноязычных антропоморфных образов в художественном тексте. Сравнительно-сопоставительный анализ проводится на примере авторских англоязычных сказок. Комментируются решения переводчика в отношении использования интерпретации и трансформации как ведущих приемов в литературном переводе.

Ключевые слова: интерпретация, трансформация, антропоморфные образы, художественный текст, литературный перевод

Проблема поэтического антропоморфизма затрагивает поле художественного перевода и соприкасается с различными отраслями наук, такими как литературоведение, лингвокультурология, философия и когнитивная лингвистика.

Концепция антропоморфизма в науке о языке и переводоведении предполагает наличие образов, в основе которых лежит метафорическая персонификация, то есть наделение образов функциями и характеристиками человека [Губочкина 2024: 212]. В языке, литературе и философии существует несколько категорий понятий, подвергающихся антропоморфизации. К антропоморфным понятиям относятся: представители растительного и животного мира; явления природы; сущности волшебного мира, взаимодействующие с человеком; понятия, включающие обрядовые действия.

В статье рассмотрим способы воссоздания первой категории антропоморфной системы – представителей животного и растительного мира.

Цель работы заключается в изучении интерпретационного и трансформационного видов перевода, используемых при перенесении национальных антропоморфных героев англоязычного происхождения в иноязычную культурно-традиционную среду художественного произведения.

Актуальность исследования определена необходимостью в исследованиях многопланового ряда, посвященных преобразованиям трансформационного и интерпретационного характера, а также значимостью определения интерпретации и трансформации как доминирующих способов в процессе воспроизведения художественных антропоморфных образов.

Новизна исследования состоит в том, что впервые рассматриваются два вида перевода – трансформационный и интерпретационный – в фокусе лингвостилистического и лингвокультурологического художественного анализа текста на примере антропоморфной композиции литературных образов.

Использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, контекстуальный, структурно-описательный анализ единиц перевода в произведении оригинала и переводном тексте.

Практическая и теоретическая значимость работы определяются тем, что полученные результаты могут быть применимы в теории и практике перевода, лингвокультурологии, стилистике и других языковедческих дисциплинах.

Определяя понятия интерпретации и трансформации в переводе, можно сделать следующие выводы.

Переводческая интерпретация антропоморфного образа – это переосмысление и воссоздание образа в тексте перевода на основе понятия с новым семантическим значением при условии сохранения гендерных свойств образа оригинала (термин наш – Л.Г.).

Переводческая трансформация антропоморфного образа – это преобразование образа в тексте перевода посредством его перевоплощения на основе замены смылосодержательных функций и гендерных качеств оригинального образа (термин наш – Л.Г.).

В результате консолидации интерпретационных и трансформационных способов перевода поле художественного текста наполняется обновленными образами и действующими лицами [Губочкина 2024: 287].

Например, антропоморфные персонажи произведений О. Уайлда подвергаются значительному метаморфозу в тексте русскоязычного перевода.

Так, отрывок из сказки «Преданный друг» иллюстрирует оригинальное решение Анастасии Грызуновой, которая успешно применяет способ генерализации и трансформации при переводе антропоморфного персонажа.

'And how do you like the Water-Rat', asked the Duck... 'He has a great many good points... and I can never look at a confirmed bachelor without the tears coming into my eyes' [Уайлд 2001: 42] // – *Ну и как тебе понравился Нутрий? – осведомилась Утка... – У него немало приятных черт, однако я, питая материнские чувства, не могу без слез глядеть на убежденного холостяка* (пер. А. Грызуновой) [Уайлд 2019: 379].

Новые антропоморфные образы появляются на страницах переводов Анастасии Грызуновой. Авторский образ в переводе на русский язык изображает Нутрий, что, безусловно, является переводческой находкой. Нутрий – болотная крыса, обитатель водоемов. По внешнему облику самый близкий вариант к образу оригинала. В процессе передачи образа оригинала из одной национальной культуры в другую лингвокультуру род и характеристики антропоморфа не меняются [Губочкина 2007: 65].

Описательные характеристики, относящиеся к изображению холостяцкого уклада жизни, *'a confirmed bachelor'* сохранены в переводе – «убежденный холостяк». Вариант перевода антропоморфного персонажа не искажает образ оригинала, передает его черты в полном объеме. При прочтении текста оригинала и текста перевода лингвокультурологического диссонанса у читателя не возникает.

Отмечаем оригинальное воссоздание и переосмысление птицы-антропоморфа в произведении О. Уайлда «Зарянка и Роза». Неординарный подход в плане выражения образа Соловья встречаем в переводах Анастасии Грызуновой. *Соловей* (*The Nightingale*) – маленькая птишка, – становится *Зарянкой* (*The Robin*). Птица *Зарянка*, в свою очередь, похожа по биологическим признакам на *Соловья*, они принадлежат к одному семейству. Видимо, внешнее и внутреннее сходство послужило причиной для замены образа *Соловья* образом *Зарянки*.

But the Nightingale's voice grew fainter, and her little wings began to beat, and a film came over her eyes. Fainter and fainter grew her song, and she felt something choking her in her throat. Then she gave one last burst of music [Уайлд 2001: 24] // *Но голос Зарянки слабел, забились крылышки, и пленкой затянуло глаза. Все слабее звенела песня ее, и что-то сдавливало горло. Разразилась Зарянка последнюю музыкой* (пер. А. Грызуновой) [Уайлд 2019: 362].

В соответствии с правилами языка перевода сохранен род антропоморфного образа оригинального произведения, но интерпретирован сам подвид птицы. Переводческая интерпретация образа прослеживается в сюжете всего переводного произведения.

В условиях применения художественной интерпретации по отношению к образам поэтического антропоморфизма автор перевода выходит за пределы семантического значения единицы и ее стилистического предназначения. Мировидение

автора оригинального текста преломляется сквозь призму индивидуальных особенностей и свойств языка перевода [Губочкина 2016: 21].

Многообразием и художественным своеобразием антропоморфных образов portrays произведение Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

The Horse, who had put **his head** out of the window, quickly drew it in and said, 'It's only a brook we have to jump over' [Carroll 2010: 39] // *Лошадь, высунувшая голову в окно, оглянулась и спокойно сказала: – Ничего страшного! Здесь ручеек, который нам надо перепрыгнуть* (пер. Н.М. Демуровой) [Кэрролл 2010: 207].

Сказочная страна Зазеркалье со своими героями раскрывает двери перед читателем, автор порождает многочисленные антропоморфные образы в воображении читателя. Алиса оказывается в волшебном, непонятном для нее мире, где происходят абсурдные вещи и где животные разговаривают с ней на неизвестном языке.

Следует отметить, что в произведении Л. Кэрролла сказочный персонаж *Лошади* обладает качеством маскулинности *The Horse (he put his head)*. В переводе Нины Михайловны Демуровой образ подвергается трансформации со стороны автора перевода [Губочкина 2018: 34]. В переводном произведении антропоморфный образ становится *Лошадью*, а не *Конем*, несмотря на тот факт, что текст первоисточника содержит образ, наделенный исключительно мужским обликом.

В тексте художественного перевода англоязычный персонаж перевоплощается на основе переводческой трансформации – гендерной замены. В случае гендерных замен при воссоздании антропоморфных персонажей сохраняется норма языка перевода, но модифицируются образы первоисточника.

Антропоморфизм находится за гранью логических законов мироздания. Переводчик вынужденно проникает в сознание автора оригинального произведения, и передает авторский образ, пропуская его через свое мироощущение. Антропоморфизм замысловато преобразуется в многоликую лингвокультурологическую субстанцию, способную окрасить переводное произведение в неповторимые тона. Поэтический антропоморфизм выступает в роли трансферента, зеркально отражая мировидение автора и народа.

Подводя итог исследованию, можно подчеркнуть значимую роль интерпретации и трансформации в переводе антропоморфных понятий. Два звена одного целого переплетаются и создают единую систему в переводческом и когнитивно-лингвистическом дискурсе. Вопросы изучения и анализа трансформационного и интерпретационного способов перевода остаются открытыми для дальнейших дискуссионных исследований в области художественного перевода и когнитивной лингвистики.

Литература

Губочкина Л.Ю. Способы передачи антропоморфных понятий в художественном переводе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1 (57). С. 212-215.

Губочкина Л.Ю. Особенности интерпретационного перевода антропоморфных образов // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 286-289.

Губочкина Л.Ю. Особенности лексико-семантических трансформаций при переводе текстов художественной литературы: монография. М.: Кругъ, 2018.

Губочкина Л.Ю. Лексико-семантические и лексико-стилистические переводческие трансформации: (на материале сказок О. Уайлда). М.: Кругъ, 2016.

Губочкина Л.Ю. Лексико-стилистические трансформации, используемые при переводе метонимии и синонимических пар в английском и русском языках (на материале сказок О. Уайлда) // Проблемы теории языка и переводоведения. Т. 32. М.: МГОУ, 2007. С. 65-70.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: сказочные повести / пер. с англ. Н. Демуровой. СПб.: ТИД Амфора, 2010.

Уайлд О. Сказки на англ. и русск. яз. М.: Радуга, 2001.

Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Рассказы. Сказки: пер. с англ. М.: Эксмо, 2019.

Carroll L. Through the looking glass. London: Collins, 2010.

L. Yu. Gubochkina (Moscow, Russia)

State University of Education

INTERPRETATION AND TRANSFORMATION OF ANTHROPOMORPHIC CHARACTERS IN LITERARY TRANSLATION

The article deals with the issues of interpretative and transformational ways of translating anthropomorphic characters. The purpose of the work is to identify the main translation features in the process of recreating foreign anthropomorphic characters in literary texts. The comparative analysis of the text is carried out in literary works of art and based on the material of English fairy tales. The translator's decisions concerning the use of interpretation and transformation as leading techniques in translation are commented on in the scientific paper.

Key words: interpretation, transformation, anthropomorphic characters, literary text, literary translation

А.П. Гусева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

alina.p.guseva@yandex.ru

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ПИСЬМЕННУМУ ПЕРЕВОДУ

Исследуются возможности применения параллельных текстов как источника языковых средств концептуального уравнивания текстов оригинала и перевода в языковой паре английский-русский. Проведено экспериментальное исследование с привлечением в качестве респондентов студентов, обучающихся переводу. Доказано фундаментальное значение параллельных текстов как источника языковых средств концептуального уравнивания текстов оригинала и перевода в языковой паре английский-русский.

Ключевые слова: когнитивный подход, письменный перевод, эквивалентность, адекватный перевод, параллельный текст, переводческие приемы, техника компенсации

Перевод представляет собой сложную когнитивную деятельность, в которой участвуют такие ментальные процессы, как восприятие, понимание, интерпретация, постановка целей и принятие решений. В отличие от традиционных лингви-

стических подходов, направленных на анализ собственно языковых единиц, когнитивный подход в переводе изучает, в том числе, стратегии поиска эквивалентов в целевом языке и способы преодоления переводческих трудностей, связанных с безэквивалентностью [Песина 2024: 96]. Рассмотрение проблем перевода в когнитивном аспекте позволяет понять, как переводчик принимает переводческие решения и как справляется с переводческими трудностями, такими как, например, идиоматика и культурные отсылки в исходном тексте.

С позиций когнитивного подхода процесс понимания и интерпретации исходного текста понимается как активная когнитивная деятельность переводчика, направленная на построение в сознании ментальной модели этого текста с опорой на наличествующие фоновые знания, когнитивные схемы, контекст. Такая ментальная модель содержит не только информацию, вербализованную в тексте, но и связанные с ней знания, убеждения и ожидания, принадлежащие национальной концептосфере [Болдырев 2014]. Успешность процессов восприятия и интерпретации исходного текста и адекватность построения его ментальной модели непосредственно влияет на процесс принятия переводческого решения, то есть, на оценку различных вариантов перевода и выбор наиболее подходящего, и следовательно, на процесс построения переводческой стратегии, от правильности выбора которой, в конечном счете, зависит качество перевода.

Целью перевода является создание адекватной ментальной модели исходного текста с помощью средств переводящего языка, таким образом, в процессе перевода осуществляется активный поиск концептуальных соответствий между языком оригинала и языком перевода [Кушнина 2015: 294]. Ошибочный выбор такого соответствия может быть сделан, наряду с влиянием других факторов, вследствие нехватки ресурсов. Думается, что эффективным инструментом для восполнения недостающего ресурса может стать так называемый «параллельный текст», который понимается нами как текст на переводящем языке, принадлежащий к тому же жанру, что и оригинальный текст, и посвященный той же тематике, который переводчик может использовать в качестве источника концептуальных соответствий между языком исходного текста и переводящим языком.

В основе настоящей работы лежит продолжение экспериментального исследования, которое было проведено в 2021–2022 гг. и описано нами ранее [Гусева 2024: 84–85]. Эксперимент был продолжен с сохранением материалов и методов исследования, но с увеличением числа респондентов, что было обусловлено необходимостью валидации результатов предыдущего исследования. Эксперимент был проведен в контексте варьируемых условий с последующим анализом результатов и влияющих факторов. Материалом исследования, как и в первом эксперименте, послужили переводы научно-учебного текста в области лингвистики, которые были выполнены студентами 4-го курса МГЛУ, обучавшимися по направлению 45.03.02 «Лингвистика», в 2023–2024 учебном году. Респонденты были разделены на две группы, первая группа студентов (15 человек) выполнила перевод научно-учебного

текста на тему проявления в английском языке концептуального механизма синекдохи только с помощью разного рода словарей; вторая группа (15 человек) выполнила перевод того же текста с использованием словарей и параллельных текстов.

Основной переводческой трудностью в предложенном тексте стали англоязычные выражения, иллюстрирующие проявление концептуального механизма синекдохи в английском языке, например: *I'm off to the smoke [London]; the American expression "get your butt over here!"*; *"Hoover" for "vacuum-cleaner"*. Данными примерами автор разъясняет функционирование различных типов концептуального механизма синекдохи, таких как, часть – целое (*smoke – London, butt – person*) и вид – род (*Hoover – vacuum cleaner*) в английском языке. С целью преодоления переводческих трудностей, связанных с употреблением в исходном тексте идиоматики и культурных отсылок, и с целью построения адекватной ментальной модели текста с помощью средств переводящего языка, представляется необходимым применить технику компенсации, а в качестве источника концептуальных соответствий использовать параллельный текст.

Так, возможным вариантом перевода для фразы *I'm off to the smoke [London]* может стать выражение *поехать в Златоглавую* в значении *поехать в Москву*, где название города, как и в исходном тексте, заменено названием его характерной черты. Устойчивое выражение *Get your butt over here!* может быть компенсировано концептуально равноценной идиомой *Уноси ноги!*, где наименование человека заменено наименованием одной из частей его тела, а *"Hoover" for "vacuum-cleaner"* возможно преобразовать в *«Ксерокс» вместо «копировальный аппарат»*. Значительная часть студентов (13 респондентов из 15), в распоряжении которых были параллельные тексты, справились с указанной переводческой трудностью, в то время как студенты, использовавшие только словарь, не смогли найти адекватных концептуальных соответствий и, в основном, предложили буквальный перевод (14 респондентов из 15).

Представляется возможным заключить, что параллельные тексты, являясь источником концептуальных соответствий между языком оригинала и языком перевода, представляют собой эффективный практический инструмент для построения адекватной ментальной модели текста перевода, оптимизируя деятельность переводчика и улучшая качество его работы. Помимо этого, анализ выбранных респондентами параллельных текстов позволяет проследить, как именно переводчики используют параллельные тексты для решения проблем перевода и построения переводческих стратегий.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский Дом Томского государственного университета имени Г.Р. Радичева, 2014.

Гусева А.П. Письменный профессионально ориентированный перевод в области лингвистики: проблемы и решения // Грани языка. Грани текста. Грани перевода: тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. М.: Москов. госуд. лингв. унив-т, 2024. С. 84-85.

Кушнина Л.В. О когнитивных механизмах перевода // *Studia Rossica Gedanensia*. 2015. Вып. № 2. С. 291-299.

Песина С.А. Лингвокогнитивный подход к переводу метафор с опорой на когнитивные образы // *Грани языка. Грани текста. Грани перевода: тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.Д. Швейцера*. М.: Москов. госуд. лингв. унив-т, 2024. С. 96-97.

A.P. Guseva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

PARALLEL TEXTS IN THE COGNITIVE APPROACH TO TRANSLATION

The paper highlights the potential of parallel texts as a source of linguistic means for conceptual equalization of the original text and the text of translation. An experimental study was conducted with the involvement of students studying translation as respondents. The fundamental importance of parallel texts as a source of linguistic means for conceptual equalization of the source text and the target text is proved.

Key words: cognitive approach, translation, equivalence, adequate translation, parallel text, translation techniques, compensation

Н.В. Иноземцева (Оренбург, Россия)

*Оренбургский государственный университет
vvictoria2008@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются когнитивные механизмы при передаче медицинских китайских терминов на русский язык. Нами осуществлен перевод двух медицинских текстов: инструкция к сердечным капсулам и медицинское заключение по результатам предварительного осмотра. Акцент был сделан на передаче исследуемых терминологических единиц с позиции когнитивного подхода. Мы пришли к выводу, что данный подход дает возможность наиболее точно и адекватно осуществить перевод медицинского текста с китайского на русский язык.

Ключевые слова: дискурс, медицинский дискурс, когнитивный подход, термин, медицинский термин

Развитие медицинской науки и совершенствование методов лечения происходит благодаря международному сотрудничеству, обмену опытом на научных конференциях, постоянному повышению квалификации медиков за рубежом, а также появлению новых, современных медицинских препаратов и оборудования. Возникает потребность в качественном переводе специализированных текстов. Данный вопрос касается как современного перевода, так и когнитивной лингвистики. Для нашего исследования применение когнитивных механизмов при передаче медицинских терминов является, на наш взгляд, важной составляющей, поскольку подбор точного эквивалента медицинского термина способствует успешной международной профессиональной коммуникации специалистов в медицинской сфере.

По В.И. Карасику, «дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [Карасик 2004: 233-234]. Медицинский дискурс, согласно классификации В.И. Карасика, относится к институциональному или статусно-ориентированному типу дискурса [Карасик 2000: 5-20]. Ю.С. Шот указывает следующие характеристики медицинского дискурса: «цель (оказание медицинских услуг), наличие коммуникантов (специалист – пациент/клиент), специфические обстоятельства общения (прием), определенные стратегии и тактики (расспрос, беседа и т.д.), номенклатура речевых жанров и ценности (здоровье человека)» [Шот 2024: 145-147].

Для передачи медицинских терминов на язык перевода (ПЯ), на наш взгляд, сначала целесообразно рассмотреть их структурные компоненты, составные части из которых они состоят. Такой подход значительно облегчит процесс перевода и подбора подходящего эквивалента.

Китайские медицинские термины, которые были нами рассмотрены на нашем материале исследования, можно структурно разделить на простые и сложные. Простые термины обычно состоят из одного иероглифа. Они часто обозначают основные медицинские понятия или состояния.

Простые термины, имеющие устоявшиеся эквиваленты:

- 保健部 bǎojiànbù – министерство здравоохранения;
- 病态 bìngtài – патология;
- 疾病 jíbìng – заболевание.

Сложные составные термины, которые также имеют устоявшиеся эквиваленты:

- 医疗记录 yīliáo jìlù – (медицинская карта – вариант перевода из БКРС) медицинская документация;

医疗 yīliáo – лечить; лечение; лечебный; медицина; медицинский.

Составные термины с подобранными для них эквивалентами, не полностью соответствующими значению иероглифов:

- 专业职业医学机构 zhuānyè zhíyè yīxué jīgòu – специализированное профилактическое учреждение;

专业 zhuānyè – специальность; [особый] профиль; специализированный, отраслевой;

职业医学 zhíyè yīxué – гигиена труда/индустриальная медицина;

机构 jīgòu – орган, организация, учреждение, аппарат [БКРС].

В последние десятилетия наблюдалось быстрое развитие когнитивной лингвистики и теории когнитивного перевода (С.Г. Бархударов, В.Н. Комиссаров, И.Н. Ремхе, А.Д. Швейцер, Ч. Филлмор, Т.А. ван Дейк). В сфере перевода когнитивный подход используется, прежде всего, для изучения характера, способов и причин действий переводчика в процессе перевода.

Медицинские тексты характеризуются наличием терминологии. Кроме этого такого рода тексты отличаются четким и лаконичным построением, однозначностью и точностью при передаче терминов на ПЯ.

Термин – это фреймовый концепт, отражающий иерархическую структуру определенной терминосистемы и в то же время являющийся ее главным элементом [Володина 1998: 2].

М.Н. Коннова «во фреймовой семантике выделяет несколько типов фреймов:

1) ситуационные фреймы отражают знания событийного, неязыкового характера (описанные выше фреймы торговой сделки, внешности и многие другие);

2) классификационные фреймы представляют собой определенные структуры языкового знания, разного типа сочетаемостные, словообразовательные фреймы, фреймы классов слов, текстов» [Коннова 2012]. На материале нашего исследования встречаются фреймы обоих видов, однако больший интерес для нас представляют классификационные фреймы, которые подробнее рассмотрим далее.

Номинативность терминологии относится к тому, как термины обозначают или именуют определенные понятия, объекты или явления. В контексте медицинской терминологии номинативность играет важную роль, так как точное и однозначное обозначение является критически важным для понимания и коммуникации в области медицины.

В случае, если термин не имеет соответствия в ПЯ, знание его корневых связей является важнейшим фактором для его адекватного перевода. Когнитивный классификационный фрейм считаем возможным рассмотреть на примере структуризации знания многокомпонентных терминов в рамках описания отдельного медицинского явления.

Рассмотрим термин 医疗 yīliáo – лечить; лечение; лечебный; медицина; медицинский. Данная часть является составляющей многих терминов. 医疗委员会 yīliáo wēiyuánhui. Термин является составным: 医疗 yīliáo – лечить и 委员会 wēiyuánhui – комиссия, комитет, совет. Термин 医疗委员会 (yīliáo wēiyuánhui) можно разобрать на составляющие, чтобы точнее передать его значение на ПЯ:

Термин 医疗 (yīliáo) включает следующие составляющие:

- 医 (yī) – врач, медицина. Этот иероглиф обозначает практику, связанную со здравоохранением и медицинским обслуживанием;

- 疗 (liáo) – лечение, терапия. Этот иероглиф указывает на процессы оказания помощи, восстановления здоровья и терапии заболеваний.

В совокупности 医疗 означает «медицинское обслуживание» или «лечение».

Термин 委员会 (wēiyuánhui) состоит из следующих компонентов:

- 委 (wěi) – назначать, уполномочивать. Этот иероглиф имеет отношение к назначению и полномочиям;

- 员 (yuán) – член, сотрудник. Этот иероглиф обозначает определенную роль или должность в организации;

- 会 (huì) – собрание, конференция, общество. Этот иероглиф указывает на группу людей, объединенных ради общей цели [БКРС].

В совокупности 委员会 означает «комитет» или «совет», то есть группу людей, которые могут обсуждать, принимать решения или давать рекомендации по определенным вопросам. Таким образом, 医疗委员会 (yīliáo wēiyuánhui) переводится как «медицинский комитет» или «комитет по медицинскому обслуживанию». Это

группа специалистов, которые могут заниматься вопросами, связанными с медицинским обслуживанием, проводя исследования, разрабатывая рекомендации по лечению, контролируя стандарты качества в медицинских учреждениях и следя за соблюдением медицинских норм и практик.

Рассмотрим еще один термин: 药品名称 (yào pǐn míng chēng) переводится как «название лекарственного препарата» и состоит из трех компонентов:

- 药品 (yào pǐn) – «лекарственное средство» или «медикамент»;
- 药 (yào) – «лекарство», «медикамент». Этот иероглиф широко используется в китайском языке для обозначения всего, что связано с лечением и медициной;
- 品 (pǐn) – «продукт», «товар», «предмет». В данном контексте он указывает на конкретный продукт или категорию товаров, к которым относится лекарство;
- 名称 (míng chēng) – «название»: 名 (míng) – «имя», «название». Этот иероглиф используется для обозначения имен и названий, как собственных, так и нарицательных; 称 (chēng) – «называть», «обозначать». Этот иероглиф усиливает значение слова «имя», акцентируя внимание на процессе называния или обозначения чего-либо.

Объединив эти три компонента, получаем целостное значение термина, которое указывает на название конкретного лекарственного средства. Термин 药品名称 используется в медицинских, фармацевтических и научных контекстах для определения и обсуждения препаратов.

В результате данного исследования приходим к выводу, что медицинские термины получают более полные и точные значения в ПЯ благодаря когнитивному подходу: определяются когнитивные механизмы для передачи их адекватного значения. Как было отмечено в ходе исследования, большинство медицинских терминов в рассматриваемых нами текстах имеет классификационный фреймовый концепт, что способствует быстрому подбору подходящего эквивалента в ПЯ.

Литература

БКРС. Китай и китайский язык для профессионалов и любителей: официальный сайт. URL: <https://bkrs.info>

Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.

Инструкция к сердечным капсулам. URL: <https://spb.perevod-kit.ru/services/medicinskiy-perevod-s-kitayskogo#gallery-34>

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.

Медицинское заключение по результатам предварительного осмотра. URL: <https://www.perevod-kit.ru/blog/perevod-medicinskogo-zaklyucheniya-s-kitayskogo>.

Шотт Ю.С. Медицинский дискурс в рамках междисциплинарного подхода. Перспективы исследований // Актуальные проблемы развития образования на современном этапе: материалы симпозиума XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 24 апреля 2024 г. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2024. С. 145-147.

*N.V. Inozemtseva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University*

COGNITIVE FEATURES OF TRANSLATION OF MEDICAL TEXTS (ON THE MATERIAL OF THE CHINESE LANGUAGE)

The article deals with cognitive mechanisms in the transfer of Chinese medical terms into Russian. We have translated two medical texts: instructions to heart capsules and a medical report on the results of preliminary examination. The emphasis was made on the transfer of the studied terminological units from the position of the cognitive approach. We came to the conclusion that this approach makes it possible to translate a medical text from Chinese into Russian most accurately and adequately.

Key words: discourse, medical discourse, cognitive approach, term, medical term

*А.Ю. Калинин (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
a.kalinine@mail.ru*

СРАВНЕНИЕ КАЧЕСТВА МАШИННОГО И ТРАДИЦИОННОГО ПЕРЕВОДОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ GPT

В статье рассматривается проблема оценивания качества межязыкового перевода различными методами: экспертная оценка, формализованные электронные метрики, а также обсуждаются перспективы использования в качестве инструмента больших языковых моделей. Пилотный эксперимент по обращению к чат-боту GPT в качестве решения для сравнительного анализа качества переводов информационно-публицистических тестов, выполненных переводчиком-человеком и системой машинного перевода показал, как принципиальную возможность получения от модели данных о качестве переводов, так и ограничения в их достоверности.

Ключевые слова: оценка качества перевода, машинный перевод, нейронные сети, искусственный интеллект, чат-бот GPT, промпт

Оценивание качества перевода представляет собой одновременно одну из важнейших проблем прикладного и теоретического переводоведения и одну из наиболее сложных и комплексных задач [Нап 2020]. Качество перевода может оцениваться как экспертным («ручным») методом, так и с использованием автоматических метрик. Первый путь считается идеальным решением для ограниченных в объеме задач (по крайней мере, если к оцениванию привлекаются компетентные эксперты), однако является чрезвычайно ресурсозатратным, поскольку, для нейтрализации субъективности в оценках, приходится привлекать большое количество экспертов. Применительно к анализу автоматического перевода, основная цель которого оптимизация производительности перевода в терминах объема транслята, подобные процедуры оказываются малоэффективными, поэтому в большинстве эвлюативных исследований машинного перевода применяется автоматическая оценка с использованием специальных цифровых алгоритмов (метрик). За последние 25 лет метрики прошли довольно существенную эволюцию от классических

uni- и n-граммных инструментов, выявляющих лексико-синтаксические совпадения оцениваемого перевода с референтным («эталонным») текстом, выполненным человеком (BLEU) [Parineni и др. 2002], до нейросетевых решений, которые работают с использованием глубокого обучения и привлекают к анализу качества и исходный текст (COMET, BLEURT) [Castilho и др. 2018]. Сегодня существуют и так называемые «безреференсные» алгоритмы выполняющих оценку на основе мощных предобученных многоязычных нейросетевых моделей-энкодеров (BERT, XLM-R) для прямого сравнения машинного перевода и первоисточника на исходном языке.

Считается, что метрика автоматического оценивания качества перевода тем более успешна, чем выше уровень корреляции ее результатов с данными экспертной оценки [Соснин, Балакина, Кашихин 2022]. Отсюда возникает логичный вопрос о том, способен ли машинный алгоритм оценивания, работающий по принципу искусственного интеллекта, хоть сколько-нибудь приблизиться к уровню оценки, выполняемой человеком. В этой связи, примечательно, что большие языковые модели (БЯМ), особенно генеративные модели с предварительным обучением (Generative Pre-trained Transformer) уже показали высокую производительность при решении различных задач обработки естественного языка. Одним из примеров таких моделей является ChatGPT, интерактивный чат-бот, построенный на основе InstructGPT [Ouyang и др. 2022]. Этот чат-бот способен интегрировать несколько задач НЛП и может генерировать подробные и исчерпывающие ответы на запросы пользователя. Предыдущие исследования показали, что ChatGPT может не хуже и даже лучше других БЯМ использоваться как и для машинного перевода, так и для оценивания качества на системном уровне с помощью стандартных подсказок [Kosmi, Federmann 2023]. Разумеется, что одним из залогов получение максимально адекватных ответов от системы является релевантная промптизация, т.е. формулировка промптов (заданий) для модели. Преимуществом InstructGPT является возможность присвоения определенной роли (например, переводчика, эксперта и т.д.)

С целью выяснения самых общих возможностей языковой модели ChatGPT для оценивания качества традиционного (выполненного человеком) и машинного видов перевода мы предприняли пилотный эксперимент. Корпус исследования составили 10 текстов для закадрового озвучивания на английском и французском языках из практики телеканалов международной группы *Euronews* и их переводы на русский язык, выполненные непосредственно для использования на русскоязычном канале, а также машинные переводы вышеуказанных текстов на русский язык. Таким образом, в качестве стимульного материала чат-боту были предложены 30 текстов (10 оригиналов, 10 традиционных переводов и 10 машинных переводов). Промпт был сформулирован следующим образом: *Ты – переводчик-эксперт, который должен оценить качество 2-х вариантов перевода текста на русский язык. Сравни два перевода с оригиналом на предмет выявления их точности (насколько точно и полно передана основная информация и факты, содержащиеся в исходном тексте), естественности (насколько перевод звучит естественно для носителей русского языка,*

не нарушая грамматических и синтаксических норм) и стилистической адекватности (насколько переведённый текст сохраняет стиль и тональность оригинала). Дай общую сравнительную характеристику двух вариантов перевода.

Полученные от чат-бота ответы в целом имитируют краткие умозаключения, которые мог бы сделать эксперт-человек в пределах ограниченной апперцепционной доступности. Приведем несколько примеров сравнительных оценок при пофразовом анализе переводов одного из текстов моделью (табл. 1):

Таблица 1. Сравнение традиционного и машинного переводов

Традиционный перевод	Машинный перевод	Общая характеристика
утверждение более категорично («должна адаптироваться»)	используется более мягкая форма («придется»)	ТП: Более точный, формальный и сохраняющий все нюансы оригинала.
использует более общее выражение («треть населения»)	даёт точные данные (37%), что может быть результатом машинного перевода	Структуры предложений более сложные и соответствующие оригинальному контексту.
акцент на изменении характера болезни (из острого состояния в хроническое)	перевод изменяет смысл, говоря о «непоправимом прогнозе».	МП: В некоторых местах упрощает фразы и термины, теряя точность. Местами добавляют ненужные уточнения или изменяется смысл.
добавлена фраза «даже во время кризиса», что важное уточнение	используется «жесткие меры» вместо «строгие меры экономики».	
точное выражение: «процесс предупредить, чем вылечить».	используется менее точная фраза «Профилактика лучше лечения», вместо точного выражения	

Как видно из таблицы 1, большая часть ответов модели создают впечатление их «антропогенности». Чат-бот «выносит суждения» не только о наличии/отсутствии в переводах определенных элементов поверхностной структуры, но и оперирует понятиями «категоричности», «мягких форм» и т.п. В целом в ряде случаев то или иное переводческое решение может рассматриваться моделью не как полностью неверное, а в терминах «лучше/хуже». С другой стороны, некоторые ответы чат-бота могут носить парадоксальный характер. Так, например, в одном из фрагментов МП отмечено немотивированное добавление слова «промышленники», отсутствующего в ТП. Однако при детальном анализе обнаруживается, что МП вполне точен, поскольку в оригинальном тексте на французском языке присутствует словосочетание *le milieu industriel*. Тем самым опущение смыслового элемента, допущенное переводчиком-человеком, игнорируется, а его передача в тексте МП признается ошибкой. Подобные примеры, с одной стороны, говорят о том, что использованная модель пока не обладает идеальным фильтром скрининга текстов, а с другой,

возможно отражает общую установку на имитацию искусственным интеллектом, интеллекта человека, не всегда успешную в плане оценивания.

Особо отметим, что в данном пилотном эксперименте промпт не содержал задачи по рейтингованию и шкалированию возможных ошибок и, как следствие, не предполагал получения числовых данных, характеризующих качества переводов, которые уподобили бы его нейросетевой метрике. Вместе с тем такая процедура принципиально возможна [Lu и др. 2023] и в случае успеха позволила бы выдвинуть гипотезу о возможности использования чат-бота GPT как альтернативы параметризованных метрик.

Литература

Соснин А.В., Балакина Ю.В., Кацкихин А.Н. Взаимосвязь экспертных категорий и автоматических метрик, используемых для оценки качества перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 1 (19). С. 125-148.

Castilho S., Doherty S., Gaspari F., Moorkens J. Approaches to human and machine translation quality assessment // Translation quality assessment. Cham: Springer, 2018. Pp. 9-38.

Chan V., Tang W. K.-W. GPT and Translation: A Systematic Review // 2024 International Symposium on Educational Technology (ISET). Macao, 2024. Pp. 59-63.

Han Ch. Translation quality assessment: a critical methodological review // Translator. 2020. No 26. Pp. 257-273.

Kocmi T., Federmann C. Large Language Models Are State-of-the-Art Evaluators of Translation Quality. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2302.14520>

Lu Q., Qiu B., Ding L., Xie L., Tao D. Error Analysis Prompting Enables Human-Like Translation Evaluation in Large Language Models: A Case Study on ChatGPT. 2023. URL: <https://www.preprints.org/manuscript/202303.0255>

Ouyang L., Wu J., Jiang X., Almeida D. Training language models to follow instructions with human feedback // Advances in neural information processing systems. 2022. № 35. Pp. 27730-27744.

Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W.J. BLEU: a method for automatic evaluation of machine translation // Proceedings of the 40th annual meeting of the Association for Computational Linguistics. Philadelphia: ACLA, 2002. Pp. 311-318.

A.Y. Kalinin (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

COMPARING THE QUALITY OF MACHINE AND HUMAN TRANSLATION USING THE GPT LANGUAGE MODEL

The paper focuses on the issues of interlingual translation quality assessment by different methods: human evaluation, formalized electronic metrics, and also discusses the prospects of using large language models as an evaluation tool. The pilot experiment of using the GPT chatbot as a solution for comparative analysis of the quality of translations of media texts made respectively by human translators and a machine translation system showed both the principal possibility of obtaining data on the quality of translations from the model and limitations in their reliability.

Key words: translation quality assessment, machine translation, neural networks, artificial intelligence, chat bot GPT, prompt

*П.А. Колбин (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
p.kolbin23@gmail.com*

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДВУЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

Анализируются особенности представления авиационной терминологии в двуязычном учебном словаре. Определяются ключевые принципы отбора и упорядочения лексического материала, роль контекста, дефиниций и иллюстраций в обеспечении эффективного усвоения терминов. На основе проведенного исследования автором предложена структура двуязычного учебного словаря, ориентированного на обучение будущих авиационных специалистов.

Ключевые слова: авиационная терминология, двуязычный учебный словарь, специальная лексика, отбор терминов, обучение авиационных специалистов

Авиация представляет собой сложную и многогранную область, охватывающую широкий спектр знаний – от деятельности наземных служб, обеспечивающих функционирование аэродромов, до таких высокоспециализированных дисциплин, как аэродинамика, конструкция воздушных судов и метеорология. Освоение этих дисциплин требует значительных временных и интеллектуальных ресурсов. Помимо этого, в современных условиях, характеризующихся значительным преобладанием иностранных воздушных судов в авиапарках, от специалистов в области авиации требуется владение английским языком, так как основная часть документации, связанной с эксплуатацией самолетов, предоставляется исключительно на английском языке, и ее перевод запрещен. Это обусловлено необходимостью предотвращения возможных ошибок, связанных с некорректной интерпретацией переведенной информации, что может привести к неправильному использованию авиационной техники.

Будущим специалистам в области авиации необходимо не только осваивать специализированные дисциплины, но и обладать достаточным уровнем владения английским языком, включая знания профессиональной терминологии. Это обеспечивает возможность свободного чтения технической документации, ведения профессиональных диалогов и выполнения служебных обязанностей в условиях, требующих точного понимания и использования англоязычной информации.

Изучение иностранного языка предполагает использование обучающимися комплекса разнообразных учебных пособий, среди которых значительное место занимают словари различных типов, включая учебные словари. Л.В. Щерба в работе «Опыт общей теории лексикографии», рассуждая о различных словарях, указывал на важность учебного словаря: «Он должен объединить все те основные слова, без знания которых нельзя делать быстрых успехов в свободном чтении текстов на данном иностранном языке, и представить их как элементы некой единой системы» [Щерба 1974: 290].

Для успешного усвоения авиационной терминологии, особенно в процессе изучения иностранного языка, необходимы специальные учебные словари, которые

не только объясняют значения терминов, но и демонстрируют их использование в профессиональном контексте. Это обусловлено сложностью авиационной отрасли, где термины отражают не только специфику данной сферы, но и пересекаются с понятиями из различных дисциплин. Таким образом, создание учебного словаря, учитывающего междисциплинарный характер авиационной терминологии, становится важной задачей для эффективного обучения будущих специалистов.

Процессу создания словаря специализированной лексики предшествует анализ отраслевой терминологии, включающий определение ее специфики и выявление ключевых характеристик, которые отличают данную терминологическую систему от других отраслевых терминосистем и позволяют выделить ее в самостоятельную категорию.

Ключевыми особенностями авиационной терминологии как специализированной терминосистемы являются ее **междисциплинарный** и **интернациональный** характер. Помимо собственно авиационных терминов, закрепленных за специфическими понятиями, относящимися к различным аспектам авиационной деятельности (например, авиаперевозкам, управлению воздушным движением, техническому обслуживанию и ремонту авиационной техники), авиационная терминология включает значительное количество общетехнических терминов, а также терминов, заимствованных из смежных областей знания, таких как машиностроение, метеорология, орнитология, физика и др. Это обусловлено тем, что авиация, подобно многим другим областям знаний, находится под воздействием углубляющихся и расширяющихся процессов дифференциации (усложнение структуры отрасли, при котором происходит разделение единой области на более узкие и специализированные направления), что приводит к стратификации и расслоению ее составляющих.

Нами выделены подсистемы терминов отдельных видов авиации (*гражданская, государственная и экспериментальная*) и в пределах каждой из них – подсистемы терминов следующих групп: **коммерческие воздушные перевозки, авиационные работы, авиация общего назначения (АОН), военная авиация, авиация специального назначения, авиация МЧС, авиация ФСБ**.

Отраслевые и узкоотраслевые терминологические словари играют ключевую роль в процессе перевода иноязычных авиационных материалов. Поскольку использование терминов в данной сфере направлено на максимально точную и сжатую передачу информации, исключающую возможность субъективного или произвольного толкования (что особенно важно в авиации), перевод таких текстов требует глубокого знания как иностранной, так и русской авиационной терминологии, а также навыков ее правильного применения.

Все иноязычные авиационные термины с точки зрения трудности их понимания и перевода на русский язык можно подразделить на три группы:

1) термины со сходным значением, написанием и произношением – интернализмы: *civil aviation* – гражданская авиация, *angle of attack* – угол атаки, *fuselage* – фюзеляж, *avionics* – авионика, *radio beacon* – радиомаяк;

2) термины, имеющие одинаковое значение, но разную форму написания – семантические эквиваленты: air foil – аэродинамический профиль, private jet – частный самолет, cock pit – кабина пилотов, runway – взлетно-посадочная полоса, flap – закрылок, flight level – эшелон полета, captain – капитан воздушного судна (KBC);

3) термины, не имеющие общепринятых русских терминологических эквивалентов, – лакуны: glass cockpit – кабина пилотов, оснащенная электронными дисплеями вместо традиционных аналоговых приборов, stick shaker – система, срабатывающая при достижении околокритических углов атаки, read back – обязательное повторение полученной от диспетчера информации, mayday – международный сигнал бедствия, Flight Management System (FMS) – комплексная компьютерная система, отвечающая за планирование и выполнение маршрута. Перевести такие термины довольно сложно, так как это требует полного понимания не только самого слова, но и того, что оно означает.

В настоящее время существует значительное количество переводных и терминологических словарей, посвященных авиационной тематике. Однако большинство из них не адаптированы для использования в образовательных целях, поскольку ориентированы преимущественно на специалистов, переводчиков и преподавателей. Эти словари, как правило, представляют собой либо крупные переводные издания, либо одноязычные толковые словари.

Говоря о создании учебного пособия словарного типа, охватывающего определенную группу терминологических единиц, следует понимать, что речь не может идти только лишь о толковом, переводном, сочетаемом, словаре синонимов и т.д. Создаваемый словарь должен быть **комплексным**, содержащим полную информацию об изучаемых единицах. Структура словарной статьи в таком словаре должна включать не только дефиницию термина, но и дополнительные пояснения, комментарии, иллюстративный материал (где это целесообразно и возможно), а также примеры использования в контексте и правильное произношение сложных слов (последнее позволяет использовать данный словарь как словарь активного типа). Это обусловлено тем, что студенты еще не обладают достаточным уровнем профессиональной подготовки для самостоятельного осмысления и применения терминологии.

Для упорядочения словника в учебном словаре наиболее целесообразно использование алфавитно-гнездового принципа, так как тематическая организация значительно затрудняет поиск необходимого термина. Однако стоит отметить, что тематическая структуризация обладает определенными преимуществами, в частности, демонстрирует взаимосвязь терминов внутри определенной группы, что способствует упрощению процесса их запоминания. Исследования показывают, что изучение терминов в тематическом порядке является более эффективным, чем в алфавитном, поскольку дает «описание специального понятия через описание его места в системе специальных понятий» [Табанаква 1999: 4].

Оптимальным решением данной проблемы может стать словарь, разделенный на две части. Первая часть представляет собой переводной словарь с алфавитно-гнездовым упорядочением словника. Вторая часть – терминологический словарь, организованный по тематическим группам, отвечающим структуре учебного процесса. Для удобства навигации между этими частями словаря можно использовать ссылки, указывающие местонахождение термина в его толковой части, что обеспечит интеграцию алфавитной и тематической структур.

Особое внимание следует уделить отбору лексики для словника учебного словаря. Его наполнение должно включать наиболее употребительные в авиации слова и термины, встречающиеся в текстах, непосредственно связанных с данной сферой. При этом важно соблюдать баланс: чрезмерное включение общетехнической лексики нежелательно, так как это может привести к неоправданному увеличению объема словника, однако полное исключение таких терминов также представляется нецелесообразным. Для составления оптимального словника необходимо провести частотный анализ текстов авиационной тематики, которые используются в обучении будущих специалистов. В ходе анализа важно учитывать не только частотность употребления слов, но и их значения в контексте. Как отмечал В.Г. Гак, «в основу учебного словаря должен лечь не минимум самих вокабул, но частотный список слов-понятий, показывающий слов по их значениям» [Гак 1971: 40].

Учебный словарь не может быть многотомным изданием. С учетом его ограниченного объема пространство словаря необходимо использовать максимально эффективно: он должен предоставлять исключительно необходимую и достаточную информацию, без лишних деталей.

Таким образом, учебный словарь следует рассматривать как инструмент, направленный на оптимизацию процесса усвоения иностранной терминологии. Его ключевая особенность заключается не только в возможности использования для перевода специализированных текстов, но и в предоставлении будущим специалистам возможностей для глубокого понимания значения термина, его функций в речи, взаимосвязей с другими терминами, а также визуального представления понятия. В связи с этим особое значение в учебном словаре приобретают комментарии к термину, иллюстрации и группировка терминов по областям их применения.

Литература

- Гак В.Г. Учебный словарь – краткая энциклопедия языка // Русский язык за рубежом. 1971. № 4. С. 39-42.
- Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999.
- Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265-304.

P.A. Kolbin (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

SPECIFICS OF AVIATION TERMINOLOGY PRESENTATION IN BILINGUAL TRAINING DICTIONARY

Features of aviation terminology presentation in bilingual training dictionary are analyzed. The key principles of selection and ordering of lexical material, the role of context, definitions, and illustrations in ensuring the effective assimilation of terms are determined. Based on the study, the author proposed a structure of a bilingual educational dictionary focused on the training of future aviation specialists.

Key words: aviation terminology, educational dictionary, specialized vocabulary, term selection, training aviation specialists

Е.С. Крамная (Ярославль, Россия)
Ярославский государственный технический университет
kramnaya@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРАТИВНОГО ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Реферативный перевод считается самым сложным видом языкового посредничества, и эта сложность имеет когнитивный характер. В данной статье выделяются особенности таких процессов, присущих реферативному переводу, как понимание, смысловое свертывание и порождение вторичного текста, а также их взаимосвязи в реферативном переводе. Делается вывод о перспективности изучения когнитивистикой этого вида языкового посредничества.

Ключевые слова: реферирование, реферативный перевод, понимание, смысловое свертывание, порождение вторичного текста

Особенностью отечественного переводоведения всегда был интерес к личности переводчика и к мыслительным механизмам его работы. Этот интерес проявляется не только в общей теории перевода, но и в частных, в том числе – в теории реферативного перевода. Реферативный перевод можно определить как краткое изложение наиболее существенной информации, содержащейся в исходном тексте, на языке, отличном от языка оригинала. Таким образом, в нем сочетаются операции реферирования и перевода, причем реферирование играет ведущую роль и определяет характер работы с исходным текстом, распределение внимания переводчика и параметры результата. Исследователи считают реферирование самым сложным видом языкового посредничества [Новиков, Нестерова 1991; Комиссаров 1997]. Несомненно, что в реферативном переводе сочетается большое количество когнитивных операций и процессов: реферирование невозможно без понимания исходного текста, ключевой операцией реферирования является смысловое свертывание, порождение текста на языке перевода связано с антиципацией полезности реферата для конечного получателя. Отмечается, что этапы выполнения реферирования отражают общие закономерности мыслительного процесса, и весь процесс сопоставим

с процессом человеческого познания [Пикуцкая 2010]. Цель данной статьи – выделить особенности таких сложных когнитивных процессов как понимание, смысловое свертывание и порождение вторичного текста, присущих реферативному переводу, а также их взаимосвязи в реферативном переводе.

Понимание является комплексным процессом, задействующим механизмы памяти, внимания, вероятностного прогнозирования [Пшенкина 2005]. Специфическое переводческое понимание текста представляется как «когнитивный процесс восприятия, понимания и интерпретации исходного текста переводчиком с целью его последующего перевода, в результате чего у переводчика формируется концепт (смысл) исходного текста и вырабатывается стратегия перевода понятого высказывания на язык перевода» [Гавриленко 2023: 322]. Многие исследователи говорят о переводческом понимании как многоуровневом процессе: при разных градациях все они выделяют поверхностный уровень, как «восприятие формы, понимание прямого значения» [Красных 2001: 244], и глубинный «логико-теоретический, рациональный уровень» [Брандес 1988: 30], указывая что переводчик должен понимать исходный текст именно на уровне глубинного смысла.

Для реферативного перевода специфична не только глубина, но и полнота понимания: она касается как объема текста, так и его содержания. При таком качестве понимания «реципиенту становится ясно, «что к чему относится», когда все компоненты содержания и их связи «замыкаются» в единую структуру, не имеющую разрывов и пустот» [Нестерова, Герте 2012: 148].

Достижение понимания, необходимого для реферирования, возможно за счет концептуализации содержания исходного текста. Поскольку объектом реферирования, как правило, являются научные и специальные тексты, применимо понятие «научный концепт», определяемый как «многомерная и интегративная единица, номинированная посредством термина/терминов в рамках соответствующего научного дискурса и имеющую фреймовую организацию представления научного знания» [Огдонова 2010: 84]. Таким образом, если в общей теории перевода под концептом исходного текста подразумевается ментальный образ текста, цельный и неделимый, то применительно к выполнению реферативного перевода к нему добавляется характеристика отражения в равной степени содержания всех частей текста. Данное понимание концепта созвучно отмеченной А.И. Новиковым процессуальной особенности реферативного перевода, а именно – присутствию промежуточного звена, мыслительного образования, «которое формируется в интеллекте человека и соотносится с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств» [Новиков 1983: 110] и становится идеей нового текста.

С пониманием тесно связан другой важный психолингвистический и когнитивный процесс, специфичный для реферативного перевода – смысловое свертывание. Технически свертывание выражается в определении основной темы исходного

текста, включающей главный предмет описания и аспекты, в которых он рассматривается в тексте [Пешкова 2017]. В реферировании и реферативном переводе свертывание преследует несколько целей: дать целостное представление о тексте, отразить наиболее существенные факты, содержащиеся в исходном тексте, отсеять второстепенную информацию, отвлекающую читателя. Выполненное надлежащим образом смысловое свертывание обеспечивает семантическую адекватность исходного и вторичного текстов.

Понимание и смысловое свертывание не являются последовательными или причинно-следственными процессами. Н.И. Жинкин и А.И. Новиков в своих работах доказали, что процесс понимания сопровождается свертыванием информации, т.е. они происходят одновременно [Жинкин 1982], [Новиков 1983]. При этом специфика реферативного перевода заключается не только в одновременности процессов смыслового свертывания и языкового переключения. Это сложный когнитивный процесс, поскольку здесь необходимо сочетать языковые знания и владение переводческими техниками со специальными, отраслевыми знаниями процессов, норм и терминов, т.е. при выполнении языкового переключения необходимо связать научные/отраслевые концептуальные системы двух языков. При том, что такое языковое переключение имплицитно, умственная деятельность переводчика может быть отражена посредством «чернового варианта» записей в виде плана, ключевых положений, логической схемы или денотатного графа, выполненных на языке перевода. Таким образом, можно утверждать, что результат смыслового свертывания может быть каким-либо образом оформлен, вербализован или выражен знаками, и он отражает специфическую существенную информацию, являясь основой для будущего реферата. Следует признать, что смысловое свертывание при выполнении реферативного перевода является самым сложным и ответственным этапом и из-за его наличия реферативный перевод считается одним из самых трудоемких видов перевода, предъявляющим особые требования к квалификации переводчика [Нестерова, Герте 2012; Комиссаров 1997].

Создание или порождение текста перевода является не менее сложной задачей, чем понимание и анализ исходного текста. Переводчик должен учитывать много разных аспектов, исходящих от отправителя текста и ожидаемых получателем информации, «адекватно передавать дискурсивные и жанровые характеристики исходных текстов в языке перевода, учитывая коммуникативные ситуации, в которых был создан исходный текст и будет использоваться текст перевода» [Гавриленко 2023: 61]. Для многих переводчиков словесное выражение результатов их мыслительных операций, т.е. сведение многих условий и факторов к определенному и однозначному высказыванию требует значительных усилий. Кроме того, порождение речевого высказывания должно включать не только создание исходной схемы, но и непрерывное управление этим процессом, готовность к принятию решений [Там

же]. При том, что многие психологи сходятся на творческой природе и эвристичности процесса порождения речи [Леонтьев 1969; Королькова 2014], в реферировании и реферативном переводе существенную роль играют формальные требования к тексту: объем, последовательность изложения, оформление, языковые нормы научно-технической литературы. Порождение текста реферативного перевода зависит от результатов смыслового свертывания, но при этом «развертывание» содержания будет ограниченным, фактографическим, не допускающим критики и интерпретации со стороны переводчика.

В заключение стоит еще раз отметить сложность и своеобразие реферативного перевода как вида языкового посредничества, а также перспективность его изучения с позиций когнитивистики. Такие мыслительные процессы, как понимание, смысловое свертывание, порождение вторичного текста сочетают в себе характеристики, необходимые как для реферирования, так и для перевода, а интуитивность и эвристичность решений переводчика сочетаются с прагматикой и формальностью норм реферата, как жанра научно-технической литературы.

Литература

- Брандес М.С.* Стиль и перевод (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1988.
- Гавриленко Н.Н.* Синтезирующий этап в деятельности отраслевого переводчика: Детерминация отрасли и технология формирования необходимых компетенций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. № 3. С. 57-64.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
- Комиссаров В.Н.* Теоретические основы методики обучения переводу. М.: Рема, 1997.
- Королькова С.А.* Когнитивная структура алгоритма письменного перевода // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 319-328.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания М.: Наука, 1969.
- Нестерова Н.М., Герте Н.А.* Реферативный перевод, или информация об информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). Ч. 2. С. 147-150.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983.
- Новиков А.И., Нестерова Н.М.* Реферативный перевод научно-технических текстов. М.: Институт языкознания АН СССР, 1991.
- Ододова Ц.Ц.* Лингвокогнитивный аспект интерпретации научного концепта // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2010. № 34 (215). С. 81-85.
- Пешикова Н.П.* Понимание и порождение: алгоритмы продуцирования вторичного текста // Доклады Башкирского университета. 2017. Т. 2. № 4. С. 665-559.
- Пикуцкая О.В.* Подходы к анализу информационного содержания текста при реферировании // Человек в информационном пространстве: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. Т.2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 232-238.
- Пиёнкина Т.Г.* Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика: монография. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.

E.S. Kramnaya (Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Technical University

FEATURES OF ABSTRACT TRANSLATION IN TERMS OF COGNITIVE APPROACH

Abstract translation is the most complex type of linguistic mediation, and this complexity is cognitive in nature. This article highlights the features of inherent processes of abstract translation such as understanding, summarization and generation of secondary text, as well as their correlation in abstract translation. The prospects of studying cognitive science of this type of linguistic mediation are seen as promising.

Key words: abstracting, abstract translation, understanding, summarization, generation of secondary text

Л.В. Кушнина, А.И. Криворучко (Пермь, Россия)

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

lkushnina@yandex.ru, annaigor08@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена новому направлению когнитивных исследований – переводческой персонологии, находящейся на пересечении теории языковой личности, персонологии, речевого портретирования, критики перевода. Авторы обратились к созданию портретов российских переводчиков.

Ключевые слова: портрет переводчика, критика перевода, персонология, языковая личность переводчика, переводческое пространство

*Dans notre société globalisée, notre vie,
qui est, dans l'une de ses dimensions
essentielles, communication, ne saurait
être possible sans ce superbe médiateur :
le traducteur.*

Irina Mavrodin

Когнитивный поворот современных исследований как в области лингвистики, так и в области переводоведения позволил не только сместить акценты при изучении закономерностей процесса перевода, но также выявить новые источники их постижения, обратив научные взоры к языковой /коммуникативной / речевой личности (термины В.В. Красных) переводчика.

Казалось бы, разработана общая теория языковой личности (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов), существует теория языковой личности переводчика (А.Б. Бушев и др.), описана концепция элитарной языковой личности переводчика (Л.П. Тарнаева, Л.В. Кушнина, М.С. Силантьева и др.), обоснована персонология (Н.Д. Голев, В.П. Нерозник и др.), но самостоятельное направление исследований, посвященное переводческой персонологии, находится на этапе своего зарождения.

Авторы данной статьи совместно с коллегами опубликовали коллективную монографию, посвященную созданию портретов российских переводчиков [Переводческая персонология 2025].

Цель статьи – показать значимость переводческого портретирования в свете когнитивного переводоведения. Принципиально значимым для достижения данной цели мы считаем создание портретов российских переводчиков, профессиональная деятельность которых создает надежные культурные связи с мировой литературой, наукой, искусством.

Методология исследования зиждется на идеях междисциплинарности, интегративности, системности, антропоцентричности.

Особое значение мы придаем **антропоцентричности** как ведущему принципу анализа, который мы намерены рассмотреть в когнитивном пространстве перевода.

Как утверждает Н.К. Рябцева, «антропоцентричность естественного языка обусловлена антропоцентричностью естественного интеллекта» [Рябцева 2005: 14]. Развивая эту мысль, ученый обращает внимание на то, что в языке заложено намного больше знаний, чем вербализовано, и именно невербализованные знания имеют антропоцентрический характер, т.е. «...являются важнейшим источником сведений о его носителе, их внутреннем мире, сознании, культуре, интеллекте...» [Рябцева 2005: 15].

С позиций когнитивного переводоведения эти положения имеют фундаментальное значение. Действительно, переводчик, который имеет дело с вербализованным текстом, должен мысленно осознать, что не все авторские намерения в нем вербализованы, эксплицированы, и большая часть информации остается за рамками текста. Эта идея находит подтверждение в разработанной нами ранее концепции переводческого пространства, объясняющей синергетическую природу перевода [Кушнина 2003 и др.]. Мы исходим из того, что в переводческом пространстве смыслы содержательного поля (или ядра переводческого пространства) эксплицитны. Все остальные смыслы имплицитны, и переводчик декодирует их. Мы вычленим пять имплицитных смысловых полей, из которых два мы относим к текстовым полям (энергетическое и фатическое), а три поля принадлежат субъектам переводческой коммуникации – автору, переводчику, реципиенту. Ясно, что имплицитные смыслы переводческого пространства – это и есть невербализованные смыслы, понимание, транспонирование и выражение которых осуществляет переводчик в соответствии со своими психологическими свойствами, когнитивными способностями, переводческими компетенциями и действиями. В переводческом пространстве происходит синергетическое взаимодействие смысловых полей, в результате чего порождается качественный – гармоничный текст перевода, понимаемый и принимаемый реципиентами целевой культуры.

Возникает несколько вопросов. Как добиться переводческой гармонии? Какие смыслы расшифровать и вербализовать, какие смыслы вновь зашифровать и оставить невербализованными? Где находится тот смысловой экологический баланс,

который дает новую жизнь переведенному тексту в новой культурной и языковой среде? Где находится личность переводчика в пространстве синергии и гармонии?

Именно ответ на эти вопросы мы намерены найти в процессе разработки переводческой персонологии. Это не означает, что мы намерены обобщить наши представления о переводчиках. Скорее наоборот, свою задачу мы видим в том, чтобы показать уникальность каждого портретируемого в процессе поиска смысловой гармонии.

Объектом исследования переводческой персонологии является дискурс переводческого портретирования. **Предмет** исследования – языковая личность переводчика как субъекта, включая анализ собственно перевода, метапереводческой и рефлексивной деятельности субъекта, оценку качества перевода.

Предваряя свое исследование, поясним, что научным импульсом данной работы послужили труды современного канадского ученого Жана Делиля, который на рубеже XX–XXI вв. опубликовал работы, посвященные выдающимся европейским переводчикам. Под его руководством вышли коллективные монографии, озаглавленные “*Portraits des traducteurs*” («Портреты переводчиков») “*Portraits des traductrices*” («Портреты переводчиц»). Заметим, что эти работы не переведены на русский язык. Вскоре после публикации Ж. Делиль дает интервью главному редактору франкоязычного научного журнала, издающегося в Румынии, “*Atelier de traduction*” М. КонстантINESКУ, где излагает свои взгляды на создание портретов переводчиков. В результате в данном журнале в начале 2000-х гг. открывается рубрика “*Portraits des traducteurs*” («Портреты переводчиков»).

Определяя функциональную направленность «Портретов», Ж. Делиль пишет: “*Mes portraits se situent donc au carrefour de la traduction, de l’histoire et de la littérature*” [Delisle 2013: 26]. – «Созданные мной портреты находятся на перекрестке перевода, истории и литературы» – пер. наш, Л.К.).

Мы разработали свой алгоритм создания портретов переводчиков, опираясь на теоретические положения отечественной когнитивной лингвистики и когнитивного переводоведения.

В основу данной статьи положены тексты, опубликованные в шеститомном собрании сочинений М.Л. Гаспарова, в частности, «О переводах и переводчиках» [Гаспаров 2023]. Мы можем лишь наметить основные черты портрета М.Л. Гаспарова, не претендуя на полноценный портрет языковой личности ученого, филолога-классика, который переложил на русский язык тексты античных и средневековых авторов, написал множество статей о русских переводчиках, выполнил собственные уникальные переводы.

Остановимся на некоторых аспектах переводческой деятельности М.Л. Гаспарова. По образованию Гаспаров – филолог-античник. Он известен как переводчик с мертвых и живых языков.

Исследователи его творчества пишут о Гаспарове-переводчике и Гаспарове-экспериментаторе. Императивом его переводческой деятельности было желание понять и прояснить древний текст сначала для самого себя, а затем – для читате-

ля. По воспоминаниям А. Устинова, уникальность переводческого подхода к тексту М.Л. Гаспарова заключается в том, что переводчик гораздо больше думает о читателях, чем автор: «... переводной текст самым фактом перевода повышено престижен: это средство иерархизации культуры, и переводчик чувствует свою повышенную ответственность» [Гаспаров 2023: 1093]. А. Устинов подчеркивает его неординарное, революционное отношение к технике перевода, где во главу угла ставится эксперимент. Сущность эксперимента заключается в том, что сложные античные тексты М.Л. Гаспаров переводит конспективно: он постигает смысл текст, а затем кратко его излагает на целевом языке. Это высочайший уровень ответственности переводчика перед читателем. Он уточняет соотношение между количеством строчек оригинала и количеством строчек перевода. Например, 6/24 означает, что в оригинале была 24 строки, а перевод содержит 6 строк. Приведем пример перевода элегии Анри де Ренья.

Незримое присутствие 6/24

*Шелест времени над травами. Червь
В балке, рябь в ручье. Стертость, ржавчина,
Трещина. От прикосновения плод
Загнивает. Не нужно ни циферблата,
Ни соборных колоколов. Все скажут
В бледной влаге бледные лепестки.*

М.Л. Гаспаров считал, что для каждого типа читателей нужен свой тип перевода. В связи с этим классические произведения мировой литературы должны существовать в разных вариантах, чтобы они были доступны разным читателям, что способствует повышению культурного уровня читательской публики.

Таким образом, изучая переводческое наследие выдающихся отечественных деятелей в различных областях, мы устанавливаем диалог творца и читателя, творца и другого переводчика (как вдумчивого, анализирующего, понимающего читателя), что в ближайшей перспективе приведет к становлению самостоятельного научного направления – переводческой персонологии и расширит исследовательское поле когнитивного переводоведения.

Литература

- Гаспаров М.Л. Собрание сочинений в шести томах. Переводы. О переводах и переводчиках. М.: Новое литературное обозрение, 2023. Т. 5.
- Кушнина Л.В. Динамика переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003.
- Кушнина Л.В. Переводческие горизонты М.Л. Гаспарова: штрихи к портрету переводчика // Didactica Translatologica. 2024. № 2. С. 17-21.
- Переводческая персонология. Портреты российских переводчиков: коллективная монография / под ред. Л.В. Кушниковой. М.: Флинта, 2025.
- Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.
- Entretien. Jean Delisle avec Muguras Constantinescu // Atelier de traduction. Dossier: La critique des traductions. 2013. №. 20. Pp. 17-32.

L.V. Kushnina, A.I. Krivoruchko (Perm, Russia)

Perm National Research Polytechnic University

TRANSLATION PERSONOLOGY IN COGNITIVE SPACE

The article discusses a new direction of cognitive research – translation personology, which is at the intersection of the theory of linguistic personality, personology, speech portraiture, and translation criticism. The authors referred to the creation of portraits of Russian translators.

Key words: translator portrait, translation criticism, personology, translator's linguistic personality, translation space

Л.В. Лебедев (Москва, Россия)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

leoneedlebedev@gmail.com

ПЕРЕВОД КАК ПРОЦЕСС ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗА-СМЫСЛА В КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ В. НАБОКОВА)

В статье рассматриваются особенности передачи образа-смысла при переводе текстов в рамках когнитивной модели перевода. На примере авторского перевода художественных текстов, где автором и переводчиком выступал В. Набоков, предлагается рассмотреть вопрос поиска функциональных эквивалентов посредством анализа концептуального содержания.

Ключевые слова: когнитивная модель перевода, перевод художественных текстов, Владимир Набоков, Камера Обскура, функциональный эквивалент

В современном глобализирующемся мире одним из ключевых вопросов индустрии массовой культуры становится вопрос локализации исходного текста различных видов дискурса. Так, масштабы современной киноиндустрии, рекламных кампаний, современной литературы требуют зачастую последовательных или одновременных релизов сразу на множестве языков для того, чтобы избежать подделок или раннего выхода в прокат так называемой «пиратской» продукции. Одной из задач, стоящих перед реализаторами массового продукта становится его своевременная и качественная локализация, отвечающая запросу потенциального потребителя. В связи с этим, проблема заключается не только в быстрой, но и в качественной локализации продукта, что связано, в первую очередь, с возможностью сравнения исходного и локализованного текста посредством использования интернет-ресурсов.

Следует отметить, что локализация, как особый вид переводческой деятельности, заключается не только в трансформации единиц исходного текста в единицы переводного текста, но и в сохранении их прагматического потенциала по влиянию на потенциального зрителя [Анисимов, Анисимова 2024]. Феномен локализации, зародившийся изначально в области перевода и адаптации компьютерных игр как особого интерактивно-коммуникативного пространства, очень быстро распространился на другие дискурсы, в том числе, киноматериал, рекламный дискурс и дискурс

художественной литературы. Ранее перевод художественной литературы рассматривался как отдельный вид перевода, требующий от переводчика не только верной передачи мыслей автора, но и сохранения идиостиля автора, а также передачи его идей, выраженных, зачастую, посредством национально-прецедентных феноменов, имеющих метафорическое или исторически обусловленное значение [Найденова 2014].

На данный момент ряд авторов отмечают, что перевод художественного текста функционально и прагматически похож на то, что современные исследователи называют локализацией [Волгина 2018].

Тем не менее, вне зависимости от используемой терминологии, перевод художественного текста до сих пор остается одной из наиболее сложных и многоаспектных задач для современного переводчика-практика.

Зачастую, литературные тексты переводятся по заказу издательств в различных странах независимо друг от друга и автор, в зависимости от своих языковых компетенций, зачастую не может оценить качество перевода своих работ. Так, романы и новеллы современного автора Б. Вебера переведены более чем на 30 языков по данным официального издателя, тогда как сам автор владеет только двумя из них: французский (язык оригинала), английский и немецкий как иностранный.

Иная ситуация может наблюдаться в случае, когда переводчиком своих произведений выступает сам автор, являющийся, в свою очередь, билингом или имеющий достаточную языковую квалификацию для осуществления профессиональной переводческой деятельности. Примером успешной локализации книг собственно автором является произведение «Камера Обскура» В. Набокова, который сам представил перевод данного произведения на английский язык [Lebedev 2024].

При этом, оценивая особенности перевода В. Набоковым собственных произведений, ряд исследователей отмечают неоднозначные переводческие решения, принимаемые автором при создании переводного текста [Лебедев 2022].

Мы считаем, что в данном случае речь идет не о поиске функциональных эквивалентов, как это происходит в результате стандартной переводческой практики, а о поиске концептуальных эквивалентов, требующих от автора большой ментальной работы по преобразованию концептуальной составляющей текста одной лингвокультуры в смысло-образные единицы другой. В этом случае адекватной системой для анализа такого текста становится когнитивно-эвристическая модель перевода, предлагаемая отечественным переводчиком А.Г. Минченковым. Данная система предполагает, что автор проводит ментальное преобразование единиц исходного текста в единицы локализованного текста с опорой на смысловую составляющую, а не лексико-грамматическую оболочку [Минченков 2008]. Таким образом, выполняя лингвистические преобразования, автор сохраняет смысловое содержание текста и его логическое единство. Применение данной концепции к анализу современных текстов в рамках дискурсивной парадигмы было рассмотрено на примере анализа рекламных и кинотекстов [Анисимов 2024].

Примером когнитивно-эвристических преобразований могут стать элементы романа В. Набокова «Камера Обскура» и его перевод на английский язык “Laughter in the Dark”:

Таблица 1. Примеры переводческих трансформаций в романе «Камера Обскура» и “Laughter in the Dark” В. Набокова

Исходный текст	Локализованный текст
«С точки зрения юридической...» – начал Макс, пытая сигарой	“I consider,” began Paul, puffing at his cigar, “that every new invention – ”
Он ринулся в палату. Оказалось, что Аннелиза благополучно разрешилась от бремени	He rushed into the sickroom. Elisabeth had been happily delivered of a daughter
Через улицу горела красными лампочками вывеска маленького кинематографа, обливая сладким малиновым отблеском снег	He strolled about aimlessly and came to a small cinema the lights of which shed a scarlet sheen over the snow

Используемые автором приемы могут представлять собой прием как полной трансформации исходного текста, так и его расширения или конкретизации. Особенности применения таких переводческих приемов обусловлены, в первую очередь, особенностями лингвокультуры языка перевода, которая может иметь значительные различия с лингвокультурой исходного языка как на уровне лексики и грамматики (применения тех или иных грамматических конструкций, наличие устойчивых выражений или оборотов), так и на экстралингвистическом уровне (принятые формы вежливости, табуированные темы и пр.).

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что процесс перевода – или локализации – исходного художественного текста средствами иного языка, является многоаспектным и сложным для анализа феноменом. Зачастую, данный процесс требует не только перевода лексико-грамматических конструкций или соблюдения правил стилистики, но и соблюдения лингвокультурных и экстралингвистических правил составления текстов на языке перевода. Тогда адекватным будет говорить о преобразовании внешней оболочки единиц текста с сохранением его ментально-смысловой составляющей.

Применение когнитивно-эвристической модели перевода к анализу художественных текстов может позволить оценить не только художественную ценность рассматриваемых текстов, но и их идейную близость к оригиналу.

Литература

Анисимов В.Е., Анисимова Е.Д. Прагматические особенности локализации кинозаголовка и постера кинофильма (на примере локализации отечественного патриотического кино) // Грани языка. Грани текста. Грани перевода: тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.Д. Швейцера, Москва, 08–09 декабря 2023 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2024. С. 79-80.

Волгина А.С. Локализация художественного текста в ситуации внутриязыкового перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2018. № 41. С. 11-20.

Найденкова Н.С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста: сопоставительное исследование: монография. М.: Флинта, 2014.

Лебедев Л.В. Симбиоз лингвистического и культурного подходов при анализе и переводе художественного текста (на материале переводов реалий в романе В. Набокова «Камера obscura» / «Laughter in the Dark» / «Смех в темноте») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 11. С. 3664-3671.

Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008.

Lebedev L.V. Free Translation of an Author's Text as a Discursively Manipulative Game (based on the novel «Camera Obscura» / «Laughter in the Dark» by V. Nabokov) // Грани языка. Грани текста. Грани перевода: тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.Д. Швейцера, Москва, 08–09 декабря 2023 года, 2024. М.: МГЛУ, 2024. С. 30-31.

L.V. Lebedev (Moscow, Russia)

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia*

TRANSLATION AS A PROCESS OF IMAGE-MEANING TRANSFER IN THE COGNITIVE-LINGUISTIC PARADIGM (BASED ON V. NABOKOV'S TEXTS)

The article deals with the peculiarities of image-meaning transfer when translating texts within the framework of the cognitive model of translation. On the example of author's translation of fiction texts, where the author and translator was V. Nabokov, it is proposed to consider the issue of searching for functional equivalents by analysing the conceptual content.

Key words: cognitive model of translation, translation of fiction texts, Vladimir Nabokov, *Laughter in the Dark*, functional equivalent

А.Г. Минченков (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
a.minchenkov@spbu.ru*

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ КАК КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В докладе представлены результаты исследования языковых средств репрезентации концептуальной области PERSONALITY TRAITS в аспекте их перевода на русский язык. На основе данных словарей, английского текста и его перевода выделяются когнитивные факторы, обеспечивающие успешность перевода указанных единиц в контексте.

Ключевые слова: интерпретирующая функция языка, концептуальная область, свойства личности, перевод, смысл, когнитивный контекст, переводческая эвристика

В современных когнитивных исследованиях одной из трех основных функций языка признается его интерпретирующая функция, реализуемая в языковой картине мира и ее структуре. Интерпретирующий характер языковой картины мира проявляется в том, что она «передает не столько сам мир, сколько то, как видит и понимает объекты и явления, структуру мира человек, выделяя конкретные аспекты и

характеристики» [Болдырев 2017: 25]. Многочисленные концептуальные области, составляющие языковую картину мира, представляют собой результаты наивного восприятия мира, во многих существенных деталях отличающегося от строго научного. При этом результаты наивной категоризации мира нередко не менее интересны для исследования, чем научные, поскольку могут отражать «опыт интроспекции десятков поколений» [Апресян 1995: 39].

Интерпретирующий характер языковой картины мира обуславливает существенные различия между картинами мира различных языков, особенно в когнитивных областях, связанных с представлениями о человеке, его внутреннем мире и личных свойствах, в связи с чем представляются интересными и актуальными сравнительные исследования внешне схожих концептуальных областей и языковых единиц, репрезентирующих эти области, в том числе в переводческом аспекте с целью выявления закономерностей и когнитивных оснований перевода такого рода единиц.

Ранее нами было проведено подробное исследование англоязычной концептуальной области PERSONALITY TRAITS и средств ее языковой репрезентации [Минченков 2023]. Дальнейшее исследование ставило своей целью провести на основе данных, полученных о концептуальной области PERSONALITY TRAITS, анализ выделенных единиц в аспекте их перевода с английского языка на русский с когнитивных позиций. Гипотеза исследования состояла в том, что перевод единиц английского языка, обозначающих свойства личности, на русский язык, представляет собой значительную проблему в силу существенных различий между концептуальной областью PERSONALITY TRAITS и русскоязычной областью СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ, и эта проблема во многих случаях не может быть решена в русле подхода, опирающегося на известные межязыковые соответствия. В исследовании, помимо указанных выше данных, были использованы данные двуязычного англо-русского словаря [БАРС 1994], толковых словарей английского языка [Collins 1995; Collins 2023] и русскоязычные варианты перевода разнообразных лексем, репрезентирующих концептуальную область PERSONALITY TRAITS, выбранные из опубликованного перевода [Barnes 2006; Барнс 2017].

Как показывает анализ, лишь небольшое количество англоязычных лексем, обозначающих свойства личности, имеет вполне однозначные закрепленные в двуязычном словаре соответствия в русском языке и регулярно переводится этими соответствиями в различных контекстах. К таким лексемам можно отнести, например, прилагательные *cunning*, *vain*, *stubborn*, *intelligent*, *rude*, *decent*, *studious* (русские варианты, соответственно, прилагательные *хитрый*, *тщеславный*, *упрямый*, *умный*, *грубый*, *порядочный*, *прилежный*) и существительные *rudeness*, *cunning*, *pride* (соответственно, *грубость*, *хитрость*, *ханжа*). Во многих случаях приводимый англо-русским словарем список «соответствий» английской лексеме представляет собой проблему в силу того, что создается неверное представление о значении исходной лексемы. Например, приводимые как соответствия русские лексемы различаются по своему значению, в то время как исходная единица однозначна.

Английская лексема *headstrong* переводится русскими *своевольный, упрямый, упорный*, притом что первая из этих единиц означает негативное свойство, вторая может в отдельных контекстах использоваться для положительной характеристики, а третья чаще означает положительное свойство. Следует отметить, что случаи, когда приводимые двуязычным словарем русские единицы во многом искажают значение исходной единицы, достаточно многочисленны. Так происходит, в частности, с единицей *malicious*, определяемой как *intending to harm people, upset them or cause embarrassment*, но переводимой единицами *злой* и *злой*. В последнем случае словарь «не справляется» с переводом английской лексемы в силу того, что последняя выявляет лауну в русской концептуальной области и вообще едва ли может быть успешно переведена вне контекста. В похожих случаях авторы двуязычного словаря иногда пытаются решить проблему, приводя в качестве соответствий словосочетания или единицы, которые не очень естественно звучат в русском языке и лишь с малой вероятностью могут быть употреблены в качестве переводческих вариантов в реальном контексте. Например, единица *resilient* переведена как *быстро оправляющийся, имеющий запас жизненных сил*, лексема *effusive* словом *экспансивный*, прилагательное *indulgent* как *потакающий, потворствующий*, а лексема *wrong-headed* словосочетанием *упорствующий в заблуждении*. В целом анализ по двуязычному словарю ярко демонстрирует тот факт, что языковые средства репрезентации концептуальной области PERSONALITY TRAITS в большинстве своем не могут быть успешно переведены на русский язык вне контекста.

Анализ на основе данных, собранных из романа Дж. Барнса *Arthur & George* и его перевода на русский язык, и с использованием метода интроспекции, показывает, что реальный перевод происходит в когнитивном контексте, то есть переводчик использует все доступные структуры знаний, что в конечном итоге обеспечивает успешность перевода. Во-первых, это знание значения исходной единицы в рамках концептуальной системы ИЯ, доступ к которому, как уже было отмечено выше, двуязычный словарь в большинстве случаев не дает. Так, например, лексемы *stolid* и *stolidity* переведены в соответствии с определением значения в толковом словаре (*people who are stolid do not show much emotion*) русскими единицами *невозмутимый* и *невозмутимость*, которые отсутствуют в двуязычном словаре. Так же перевод лексемы *resilient*, о которой мы писали выше, русской единицей *стойкий* согласуется с ее определением (*a resilient person is able to recover easily or quickly from unpleasant events*). Знание значения исходной единицы взаимодействует в сознании переводчика со знаниями, являющимися результатом осмысления переводчиком содержания текста, и знаниями о мире, в результате чего перевод, как показывает исследование, происходит на уровне актуализированного в контексте смысла. Это позволяет, например, использовать различные русские лексемы при переводе английского *dutiful*, значение которого достаточно широкое (*people who are dutiful do everything they are expected to do*): когда речь идет о ребенке, используется лексема *сознательный*, применительно к взрослому работающему человеку – сочетание *отличался испол-*

нительностью. Английское прилагательное *robust*, также имеющее очень широкое значение, определяемое как *very strong and healthy*, но также *hardy, vigorous*, каждый раз уточняется контекстом, и в переводе мы находим такие разные единицы как *проявлять решимость* (английское *to be robust*) и *в добром здравии*. Нередко можно говорить о том, что смысл фактически порождается контекстом, что позволяет переводчику находить оригинальные варианты перевода. Лексема *self-effacing* (hostess) переводится как *незаметная* (хозяйка дома) (*a person who doesn't like to talk about themselves or draw attention*), а лексема *complacency* существительным *легкость* (с которой герой делает что-то, не подозревая об опасности) (*a complacent person is very pleased with themselves or feels that they do not need to do anything about a situation, even though the situation may be uncertain or even dangerous*). Последние два примера указывают также на важный когнитивный фактор, обеспечивающий успешность перевода анализируемых единиц английского языка, а именно то, что единица ПЯ может совсем не являться соответствием исходной единицы вне контекста, но при этом быть способна выражать актуализированный смысл в ПТ. Смысл в ПТ, как и в случае с ИТ, является продуктом взаимодействия различных структур знаний.

Как уже было выявлено ранее [Минченков 2023], языковые средства репрезентации концептуальной области PERSONALITY TRAITS могут быть различными частями речи, а также словосочетаниями. То же относится и к единицам русского языка, обозначающим свойства личности, чем переводчик активно пользуется в случаях отсутствия в языке перевода отдельного слова соответствующей части речи, способного вербализовать в контексте актуализированный смысл. Так, например, при переводе прилагательного *erratic* в предложении *His father was erratic* в русском варианте используется глагол *Его отец чудил*. Прилагательное *correct* в сочетании двух прилагательных *cold and correct* переводится существительным (*холодный педант*). Прилагательное *self-indulgence* переводится словосочетанием *потакание собственным слабостям*, а *open-minded* вариантом *свободный от предрассудков*. С другой стороны, английские словосочетания, обозначающие свойства личности и выраженные словосочетанием, могут переводиться одним словом: *rather eager to please* – *угодлив*, *quick to take offence* – *обидчив*.

В целом проведенное исследование показало, что перевод английских обозначений свойств личности представляет собой когнитивно-эвристический процесс, успешность которого напрямую зависит от успешности активации переводчиком различных структур знаний, включающих знания значения исходной единицы, описываемых в тексте событий, знаний о мире и знаний норм языка перевода, в том числе в плане естественности звучания переводческих вариантов в контексте. Процесс перевода носит эвристический характер, и предлагаемые переводчиком варианты перевода той или иной единицы часто отличаются от «соответствий», предлагаемых двуязычным словарем. Ориентация переводчика на актуализированный в контексте смысл и речетворчество позволяет преодолевать лакуны в ПЯ и переводить в контексте единицы, нередко причисляемые к «непереводимым».

Литература

- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. Вып. № 1. С. 37-67.
- Барнс Дж. Артур и Джордж. М.: Иностранка, 2017.
- БАРС – Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. М.: Русский язык, 1994.
- Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2017. С. 19-81.
- Минченков А.Г. Концептуальная область PERSONALITY TRAITS: структура и средства языковой репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С.47-56.
- Barnes J. Arthur & George. London: Vintage Books, 2006.
- Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1995.
- COBUILD Advanced Learner's Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2023.

A.G. Minchenkov (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

TRANSLATION OF ENGLISH LEXEMES DENOTING PERSONALITY TRAITS AS A COGNITIVE-HEURISTIC PROCESS

The paper presents a study of English lexemes representing the conceptual domain PERSONALITY TRAITS in terms of their translation into Russian. Based on data from dictionaries, an English text and its published translation, the study identifies cognitive factors that enable one to successfully translate the said lexemes in context.

Key words: interpretative function of the language, conceptual domain, personality traits, translation, contextual meaning, cognitive context, translation heuristics

Д.А. Муртазина (Нижнекамск, Россия)

*Нижнекамский химико-технологический институт ФГБОУ ВО КНИТУ
sha-dilyara@yandex.ru*

Н.Ф. Зиганшина (Нижнекамск, Россия)

*Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева
nziganshina@nzh.ieml.ru*

ПЕРЕВОД МЕТАФОРЫ В РАМКАХ КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В статье с позиций когнитивно-эвристического подхода рассматривается процесс перевода метафоры с английского языка на русский, описываются компоненты когнитивного поиска при переводе метафоры, приводятся и анализируются примеры перевода метафоры с использованием мыслительных операций в рамках описываемой модели.

Ключевые слова: метафора, теория перевода, модель перевода, когнитивно-эвристический, когнитивный поиск, вербализация

Перевод метафоры как стилистического приема на протяжении многих десятилетий вызывает интерес не только лингвистов и литературоведов, но и психологов, культурологов, философов. Этот неугасающий интерес обусловлен самим явлением метафоры, которая как объект исследования из области риторики и стилистики

плавно переместилась и в область психологии, философии, когнитивной лингвистики, и на сегодняшний день ее можно считать междисциплинарным явлением.

Особенности и способы перевода индивидуально-авторских метафор рассматривались в многочисленных работах в области традиционного лингвистического переводоведения (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, П. Ньюмарк, Т.А. Казакова, Раймонд ван де Брок, Н. Мандельблит, А. Дейгнан, Д. Габрис, А. Сольска, М.А. Куниловская и Н.В. Короводина и др.).

В свете современных исследований в области когнитивной лингвистики вопрос перевода метафоры приобретает новое значение и может рассматриваться в другом свете, выходя за рамки традиционной лингвистической теории перевода. Отметим, что при традиционном подходе к переводу метафоры учитывается сохранение образа исходной метафоры в переводе и степень семантического и структурного соответствия средств его оформления в переводе тем, что использованы в оригинале. Эти критерии можно отнести к анализу результата перевода метафоры, однако метафора, как особая ментальная операция, позволяющая осознать авторский замысел и адекватно отобразить его в языке перевода [Чуча 2014: 168], требует широкого и глубокого концептуального анализа в процессе перевода. В центре внимания когнитивно-эвристического подхода к переводу оказывается сам процесс перевода метафоры как вида речемыслительной деятельности.

В этой статье мы рассматриваем применение когнитивно-эвристической модели при переводе метафоры, поскольку зачастую трудности ее перевода связаны именно с невозможностью использования эквивалента или вариантного соответствия, зафиксированных в двуязычных словарях, что приводит к необходимости использования метода интроспекции, лежащего в основе когнитивно-эвристической модели перевода [Минченков 2008]. Творческое начало и эвристика, которые заложены в этой модели, на наш взгляд, являются необходимыми составляющими успешного и адекватного перевода метафоры. Опираясь на терминологический аппарат когнитивно-эвристической модели перевода, можно сказать, что для перевода метафоры в первую очередь необходимо знать место метафорически переосмысленной лексической единицы в семантической системе исходного языка. Знания активизируются в сознании, соотносятся как с лингвистическим, так и экстралингвистическим контекстом в процессе когнитивного поиска, который приводит к актуализации смысла. После этого происходит процесс вербализации сформированной структуры смыслов на языке перевода на основе эвристического выдвижения гипотез. Гипотезы принимаются или отвергаются в случае неадекватной вербализации заложенного автором смысла. В некоторых метафорически переосмысленных контекстах оказывается возможной вариативная вербализация необходимого смысла. В других случаях вербализация оказывается невозможной без перестройки сформированной смысловой структуры, т.е. без рекомбинации концептов [[Минченков 2008].

Рассмотрим в качестве примера несколько метафорических контекстов из рассказа Рэя Брэдбери *In A Season of Calm Weather*, включённого в сборник *A Medicine for Melancholy*. Для анализа в рассказе были отобраны 22 индивидуально-авторские метафоры – окказиональные, контекстуально обусловленные образования писателя, которые отличаются оригинальностью, новизной и тесной связью с контекстом.

White fire showered up when he cut the water [Bradbury].

В примере, приведенном выше, трудность для перевода представляют метафорически переосмысленные лексемы в начальном атрибутивном словосочетании. Словарные соответствия, предлагаемые для перевода в двуязычном словаре и актуализируемые в сознании в качестве первичной гипотезы, необходимо проанализировать с учетом метафоризации контекста. Буквальное восприятие метафоры *white fire* невозможно, необходимо раскрыть «скрытые смыслы» [Масленникова 1999], актуализируемые в сознании благодаря наличию фоновых знаний. Актуализируемые при восприятии данной метафоры в сознании концепты не согласуются друг с другом, что может привести к отказу от первичной гипотезы и новому когнитивному поиску подходящих языковых единиц для объективации данных концептов. Однако понимание метафоричности контекста и субконцепты (ОГОНЬ → ПЛАМЯ, БЕЛЫЙ → СВЕТЛЫЙ), актуализируемые в сознании, позволяют перейти к стадии грамматического структурирования текста на языке перевода:

Пламя светлых брызг взметнулось ввысь, когда Джордж Смит прорезал телом воду [Брэдбери]. Он врезался в воду, фонтаном взметнулось белое пламя [Брэдбери].

Опираясь на критерии традиционной лингвистической теории перевода, упомянутые выше, можно отметить, что в результате перевода метафоры сохранился образ исходной метафоры и ее структурное оформление.

Лексема *fire* использована в качестве метафоры еще в одном контексте рассказа: *It burned faintly on his face, his eyes were two small fires from it* [Bradbury].

Актуализируемые при восприятии метафоры в сознании концепты необходимо соотнести не только с фоновыми знаниями о невозможности появления огня/пламени/костра в глазах, но и с лингвистическим контекстом, который указывает на метафорическое переосмысление лексемы и структурно требует использования множественного числа существительного. Когнитивный поиск приводит к актуализации в сознании фразеологизмов русского языка *огоньки в глазах*, *глаза горят огнем*, однако гипотетическая возможность их использования отвергается, поскольку они объективизируют иной смысл: заинтересованность, счастье, радость. Дальнейшая ментальная операция расщепления концепта позволяет осуществить перевод с использованием признака концепта (огонь → пламя → искры → частицы) или через действие (огонь → зажечь огонь → погасить огонь):

Оно слабо мерцало на лице, глаза Джорджа Смита казались маленькими частицами этого огня [Брэдбери]. Теплые лучи коснулись его лица, зажгли два огонька в зрачках [Брэдбери].

Рассмотрим еще один контекст использования метафоры в проанализированном рассказе и мыслительные операции в рамках когнитивно-эвристической модели перевода.

***Boil out** the Ohio tap-water; he thought, then drink down the best Bordeaux* [Bradbury].

Метафорически переосмысленная глагольная лексема *boil out* вызывает необходимость осуществления когнитивного поиска, поскольку словарное соответствие двуязычного словаря однозначно не согласовывается с контекстом. Понимая, что в структуре концепта **BOIL OUT** содержится субконцепт **VAPOUR**, который можно обнаружить в толковом словаре, переводчик, связав его с ранее актуализированными в сознании концептами, останавливается на глаголе *испаряться*. Если представить *boil* в данном контексте как сложный концепт, состоящий из нескольких субконцептов, то в процессе когнитивного поиска происходит его расщепление и вербализация на другом языке одной из его составляющих. Расщепление концепта обусловлено невозможностью вербализовать концепт в полном объеме из-за несоответствия лингвистическому контексту, т.е. он не комбинируется с другими концептами актуализируемой ситуации: Пусть *испарится* вся вода из крана в штате Огайо, а потом наполним себя лучшим бордо [Брэдбери]. В другом переводе данной метафоры переводчик в процессе когнитивного поиска пришел к перемещению концепта с соответствующим изменением концептуальной сферы: *Прежде всего **выкачай** из себя весь американский водопровод, потом залом осуши бокал лучшего бордо* [Брэдбери].

Таким образом, проведенный анализ метафорических контекстов в рассказе и представленных способов их перевода, а также предпринятая попытка описания процесса перевода с использованием когнитивно-эвристической модели перевода, подтверждает необходимость глубокого концептуального анализа при переводе метафоры как стилистического приема. Когнитивный поиск при переводе метафоры, в процессе которого происходит расщепление концепта, слияние концептов, рекомбинация концептов, перемещение концептов, раскрытие и вербализация метафоры с помощью субконцепта или через его признак обеспечивает успешный и адекватный перевод метафорически переосмысленных лексических единиц.

Литература

- Брэдбери Р. В стиль. URL: <https://raybradbury.ru/library/story/57/1/1/>
 Брэдбери Р. Погожий день. URL: <https://raybradbury.ru/library/story/57/1/2/>
 Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
 Минченков А.Г. Возможности проведения мыслительных операций с концептами в процессе перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Вып. 3. Ч. II. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 204-209.
 Чуца О.П. Когнитивные особенности перевода метафоры (на материале романа А. Гавальды «Просто вместе») // Научный вестник международного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 168-170.
 Bradbury R. In a Season of Calm Weather. URL: <https://raybradbury.ru/library/story/57/1/0/>

D.A. Murtazina (Nizhnekamsk, Russia)

Nizhnekamsk Institute of Chemistry and Technology KNRTU

N.F. Ziganshina (Nizhnekamsk, Russia)

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

METAPHOR TRANSLATION WITHIN THE FRAMEWORK OF COGNITIVE-HEURISTIC MODEL

The article explores the process of translating metaphors from English into Russian within the framework of cognitive-heuristic model and describes the components of the cognitive search when translating the metaphor, provides and analyzes examples of translating metaphors using mental operations within the framework of the described model.

Key words: metaphor, translation theory, translation model, cognitive-heuristic, cognitive search, verbalization

А.И. Наумова (Севастополь, Россия)

Севастопольский государственный университет

medr.nastya@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДА КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ ОДИНОЧЕСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984») НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена интерпретации когнитивной доминанты *одиночество* в романе Джорджа Оруэлла «1984». Рассматривается функционирование доминанты «одиночество» в формате текстового построения инструмента политического контроля в условиях тоталитаризма. Посредством когнитивно-герменевтического подхода определяются составные части доминанты. Устанавливаются тенденции кросскультурной адаптации когнитивной доминанты.

Ключевые слова: номинант, одиночество, фрейм, когнитивная доминанта, когнитивная лингвистика

В современной когнитивной лингвистике возрастает интерес к исследованию корреляции языка и когнитивных структур при формировании мировоззрения индивида. Особое внимание уделяется анализу когнитивных доминант, отражающих фундаментальные аспекты человеческого опыта в формате художественного произведения, поскольку, по мнению Н.Н. Болдырева, «многие частные проблемы, связанные с переводом, могут быть сведены к общей проблеме выбора переводчиком определенных когнитивных доминант» [Болдырев 2018: 34]. Когнитивные доминанты в этом случае рассматриваются как «наиболее частотные концепты отдельно взятых произведений» [Даниленко 2022: 161].

Перевод играет важную роль в формировании и функционировании когнитивной доминанты, обеспечивая доступ к знаниям, закодированным в иных языковых и культурных рамках. Ограничение доступа к информации, представленной в тексте оригинала, не дает возможности ознакомления с когнитивной доминантой для иноязычного читателя. Эта проблема решается в процессе художественного пере-

вода, который способствует формированию более комплексного и многогранного мировоззрения, расширяя границы понимания текста оригинала в переводном тексте.

Данная статья посвящена анализу когнитивной доминанты *одиночество* в романе Джорджа Оруэлла «1984», одной из наиболее значительных дистопий XX века, в аспекте перевода, в котором номинанты когнитивной доминанты «подвергнуты интерпретативному изменению со стороны переводчика» [Жирова, Сунь 2020: 89].

Выбор данной доминанты в качестве объекта исследования обусловлен ее ролью в раскрытии механизмов текстовой репрезентации тоталитарного контроля и манипулирования сознанием в условиях описанного Оруэллом общества. Исследование нацелено на выявление семантических и прагматических характеристик когнитивной доминанты ОДИНОЧЕСТВО, в ее взаимодействии с другими когнитивными структурами, формирующими мировоззрение героев романа. Проведение анализа языковых средств как номинантов когнитивной доминанты, способствует определению роли этого ощущения одиночества в формировании социальной и политической реальности в текстовом мире произведения «1984».

В рамках методологии когнитивной лингвистики анализ когнитивной доминанты ОДИНОЧЕСТВО фокусируется на фреймовой структуре, поскольку когнитивный конструкт ОДИНОЧЕСТВО представлен в концептосфере романа в виде фрейма, включающего различные составляющие, такие как:

- 1) субфрейм СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ, в котором репрезентировано отсутствие близких отношений, недостаток коммуникации,
- 2) субфрейм ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ включает в себя номинанты, маркирующие печаль, тоску, тревогу,
- 3) субфрейм ФИЗИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ, в котором номинировано ощущение изоляции, пустоты,
- 4) субфрейм СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СИТУАЦИИ, в котором представлена оценка героем романа положения ожидания социального взаимодействия.

Анализ номинантов фрейма как когнитивного формата функционирования когнитивной доминанты ОДИНОЧЕСТВО позволяет выявить маркеры вариативности переживания одиночества в зависимости от культурного контекста и индивидуального опыта героев произведения. Выявленные номинанты перечисленных субфреймов с различной степенью эквивалентности переведены на русский язык, поскольку они «трансформируются в кросскультурном поле перевода вследствие наличия в текстовом пространстве реалий, репрезентирующих лингвокультурные когнитивные доминанты текста» [Огнева 2021: 774].

В следующих контекстах представлена фреймовая структура когнитивной доминанты, посредством которой писатель акцентирует внимание на аспектах оди-

ночества, выраженных номинантами субфреймов. В некоторых представлено несколько субфреймов.

Пример (1) *He slumped back, a crushing weight of **helplessness** settling upon him* [Orwell 2019] – *И откинулся. Им овладело чувство полной беспомощности* [Оруэлл 2022].

В контексте репрезентирован субфрейм СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ, в котором номинант *helplessness* подчеркивает отсутствие поддержки и связи с другими, кто мог бы помочь.

В переводном варианте контекста «*И откинулся. Им овладело чувство полной беспомощности*» [Оруэлл 2022] номинант «беспомощность» эквивалентен варианту оригинального контекста.

Пример (2) *Fear, hatred, and pain **reigned supreme**; depth of feeling, complex sorrow, were **eradicated*** [Orwell 2019] – *Сегодня есть страх, ненависть и боль, но нет достоинства чувств, нет, ни глубокого, ни сложного горя* [Оруэлл 2022].

В оригинальном субфрейме раскрывается «политическая репрессия и подавление индивидуальности». Это создает обезличенное общество. Использование слов *reigned supreme* и *eradicated* указывает на абсолютный и бескомпромиссный характер описанной ситуации. Это подчёркивает серьёзность проблемы и необходимость изменений.

Единица перевода «*Сегодня есть страх, ненависть и боль, но нет достоинства чувств, нет ни глубокого, ни сложного горя*» была передана на русский язык посредством применения приема компенсации.

Пример (3) *He realized the first time, that to keep a secret, one must **hide it even from oneself*** [Orwell 2019] – *Впервые он осознал, что, если хочешь сохранить секрет, надо скрывать его и от себя* [Оруэлл 2022].

В данном фрейме выявлен фрейм ПОТЕРИ ИДЕНТИЧНОСТИ, в котором номинант *hide it even from oneself* выражает невозможность быть самим собой, необходимо скрывать мысли и чувства даже от себя, усиливает изоляцию.

Рассматриваемый контекст «*Впервые он осознал, что, если хочешь сохранить секрет, надо скрывать его и от себя*» [Оруэлл 2022] был адаптирован с применением приема синтаксической трансформации.

Пример (4) ***To be in a minority**, even a minority of one, did not make one mad* [Orwell 2019]. – *Если ты в меньшинстве – и даже в единственном числе, – это не значит, что ты безумен* [Оруэлл 2022].

В данном контексте репрезентирован субфрейм СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ, где номинант *To be in a minority* подчеркивает возможность существования индивидуума в изоляции, не являясь при этом ненормальным. Это не отрицает одиночества, а скорее утверждает его как возможную реальность в контексте тоталитаризма.

Переводной вариант «Если ты в меньшинстве – и даже в единственном числе, – это не значит, что ты безумен» [Оруэлл 2022] был получен в результате применения приема расщепления.

В заключение когнитивная доминанта ОДИНОЧЕСТВО в романе «1984» представляет не только эмоциональное состояние героя романа, но и его погруженность в тоталитарную систему, ключевым элементом которой является символ потери индивидуальности, отсутствие свободы и дегуманизация человека. Применение когнитивно-лингвистического аппарата, в частности, анализа когнитивных фреймов и доминант, показало свою эффективность в структурировании и углубленном понимании смысловых уровней литературного текста и его перевода. Этот подход позволяет более точно оценить переводческую стратегию и выявить сложности передачи тонких смысловых оттенков, связанных с описанным в романе состоянием глубокого одиночества и отчуждения.

К основным тенденциям перевода когнитивной доминанты ОДИНОЧЕСТВО относятся следующие: применение эквивалента, прием компенсации, синтаксическая трансформация и прием расщепления.

Литература

Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 33-35.

Даниленко И.А. Когнитивные доминанты литературы первой половины XX века // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 159-165.

Жирова И.Г., Сунь С. Лингвистическая коммуникативная модель перевода как акт двусторонней коммуникации // Лингвистическое наследие Л.В. Щербы в свете современной науки о языке: сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 87-90.

Огнева Е.А. Когнитивная доминанта в кросскультурной текстовой модели (на материале романа У. Теккерея «Pendennis») // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 773-776.

Оруэлл Дж. 1984: [роман: 16+]. / перевод с англ. В. Баканова. М.: AST, 2022. URL: <https://opentext.ru/old/man/index.html?id=5134>

Orwell G. 1984. URL: <https://anylang.net/ru/books/en/1984/read>

A.I. Naumova (Sevastopol, Russia)

Sevastopol State University

TENDENCIES IN THE TRANSLATION OF THE COGNITIVE DOMINANT *LONELINESS* (BASED ON J. ORWELL'S NOVEL "1984" IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

The article is devoted to the interpretation of the cognitive dominant *loneliness* in George Orwell's novel "1984". The article considers the functioning of the "loneliness" dominant in the format of a textual construction of a tool of political control in conditions of totalitarianism. Through the cognitive-hermeneutic approach, the components of the dominant are determined. The trends of cross-cultural adaptation of the cognitive dominant are established.

Key words: nominee, loneliness, frame, cognitive dominant, cognitive linguistics

Е.В. Разумных (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
amilano80@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ/ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье анализируются переводческие трансформации безличных, а также неопределенно- и обобщенно-личных конструкций из сказки П. Ершова «Конек-Горбунок» на немецкий и английский языки. Делается вывод о наличии во всех трех языках структурно разнообразных, но семантически однородных синтаксических моделей для описания одних и тех же ситуаций действительности с неличным субъектом и невозможности связывать какую-либо из языковых структур с особенностями национального мировосприятия.

Ключевые слова: неопределенно-личность, обобщенно-личность, безличность, переводческие трансформации, языковая картина мира

Исследование репертуара синтаксических моделей в разных языках составляет одну из сфер внимания когнитивной лингвистики, поскольку такие модели, будучи регулярными образцами для упорядочения и описания когнитивного опыта говорящих, отражают принципы категоризации, концептуализации и осмысления окружающей действительности, сложившиеся в том или ином языковом коллективе.

Среди тем, не получивших до сих пор единого толкования и продолжающих вызывать споры лингвистов, – категория безличности, выделяемая в рамках более широкого концепта ПЕРСОНАЛЬНОСТИ/ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ и имеющая разнообразные средства актуализации в языке, в том числе на синтаксическом уровне. В отношении русского языка, где безличные предложения достаточно распространены, часто приходится сталкиваться с утверждениями о том, что наличие подобных структур является яркой специфической чертой не только грамматической системы, но и самого русского характера, а именно его безвольности, пассивности, смирения с невозможностью контролировать окружающий мир и готовности следовать своей «судьбе» [Вежицкая 1997]. И хотя безличные предложения не являются исключительной особенностью русского языка, языковые факты подобного рода часто акцентируются за счет сравнения, к примеру, с английским языком, который, как принято считать, является языком оптимистов, привыкших держать ситуацию в своих руках и активными действиями направлять жизнь в нужное русло [Виссон 2005].

Учитывая неоднозначность суждений о взаимозависимости мышления и языковых структур и тем более о различных путях познания мира в связи с типологическими особенностями конкретного языка, мы решили провести межъязыковое сравнение, используя в качестве материала сказку П. Ершова «Конек-Горбунок» и ее переводы на английский и немецкий языки, выполненные Л. Зеликоффом [Yershov 1988] и М. Шайбером [Jerschow 1981]. Цель исследования состоит в выявлении круга трансформаций, используемых при переводе структур исход-

ного текста на пару генетически родственных друг другу иностранных языков, а объект исследования включает не только безличные, но также неопределенно- и обобщенно-личные структуры, входящие в поле концепта ПЕРСОНАЛЬНОСТИ/ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ. Использование поэтического художественного текста представляется перспективным для цели исследования потому, что именно в этом жанре, открывающем простор речетворчеству, можно предвидеть широкое разнообразие языковых средств, в максимальной степени реализующих потенциал языка и создающих особую красочность и образность повествования. Кроме того, учитывая один из основополагающих принципов художественного перевода, согласно которому хороший перевод отличается не буквальным сходством с оригиналом, а способностью создавать ту же сферу и задевать те же нервы, что и оригинал [Чуковский 2022: 100], исследование переводческих трансформаций дает возможность проверить предположения о различиях в мировидении и мироощущении носителей разных языков и связи таких различий с языковыми структурами.

В русском языке в качестве неопределенно-личных и обобщенно-личных традиционно рассматриваются такие структуры, где производитель действия не указан, но при этом мыслится как некоторое неопределенное или обобщенное лицо, что находит выражение в соответствующей личной форме глагола, напр.: (1) рус. *Смотрит – давка от народу, нет ни выхода, ни входу; так кишмя вот и кишмя, и смеются, и кричат* – нем. *Welch Gewimmel, welch Gedränge, welche Menge in der Enge, welch ein riesiger Tumult – was ist los und wer ist schuld?* – англ. *Where he saw a crowd so great, that it blocked up every gate;* (2) рус. *А с деньжонками, сам знаешь, и попиешь, и погуляешь* – нем. *Und du weißt ja, klingt das Geld, darf man alles in der Welt* – англ. *And, with money, you'll agree, we can have a merry spree*. В первом из приведенных примеров действия «кишат», «смеются», «кричат» совершаются множеством неопределенных лиц; в предыдущих строках на них указывает собирательное существительное «народ». В немецком и английском переводе неопределенно-собирательное значение сохраняется за счет существительных *Menge* и *crowd*. Помимо этого, значение неопределенно-личности усматривается в немецком вопросе *wer ist schuld?*, который содержит отсылку к некоторому неуточненному лицу. Во втором примере обобщенно-личное предложение русского текста переводится на немецкий язык структурой с неопределенно-личным местоимением *man*; в английском варианте местоимение *we* указывает на конкретных производителей действий. Возможность перевести структуру с обобщенно-личным значением на другой язык структурой с неопределенно-личным значением подтверждает давно отмеченный факт, что обобщенность деятеля имеет, по сути, много общего с неопределенностью [Бабайцева, Максимов 1987].

Упомянутая структура с *man* весьма характерна для немецкого языка; в немецком переводе она встречается даже там, где русский текст не содержит каких-либо обобщенно- или неопределенно-личных структур в строгом смысле слова, хотя и может иметь указание на некоторую общность людей. Сравн.: рус. *Гости лавки*

omniprauen, лод крещенный закликают – Jeder Riegel fliegt zur Seite, und man lockt die Christenleute. В структурном плане местоимение «*man*» выполняет функцию формального подлежащего в двусоставном предложении (что возможно и с местоимениями *it, you, they, one* в английском языке), в то время как в русском языке обобщенно- и неопределенно-личные предложения традиционно выделяются среди односоставных структур без подлежащего. В то же время в случаях, когда подлежащее в русских предложениях выражено местоимениями «кто-то», «все» и т.п., значение неопределенности можно усматривать и в них, напр.: рус. *Кмо-мо в поле стал ходить и тиеницу шевелить* – нем. *Jede Nacht stampft irgendwer auf dem Kornfeld wild umher* – англ. *Someone, 'twixt the dark and dawn, took to trampling down their corn.*

В отличие от неопределенно- и обобщенно-личных структур, суть безличных конструкций сводится к указанию на некоторое действие или состояние, возникающее или существующее самостоятельно, без участия какого-либо производителя. В русском тексте односоставные предложения такого рода часто используются для описания состояния природы и окружающей среды. В английском и немецком переводах им в основном соответствуют двусоставные предложения с метафорическим значением, где явления природы представлены как активно действующие субъекты, напр.: рус. *Вот, как стало лишь смеркаться* – нем. *Kaum ging nun Frau Sonne schlafen* – англ. *As the day drew near its close.* Вместе с тем, в русском тексте отмечено множество случаев, где явления природы описываются сходным образом с использованием двусоставных структур с метафорическим значением, напр.: рус. *Бечер к ночи пробирался* – нем. *Mählich schleicht die Nacht heran* – англ. *Night her shadows softly spread.* С другой стороны, безличные предложения встречаются порой в немецком и английском переводах там, где в русском оригинале их нет. Сравн.: рус. *Гей, хозяин! Полно спать!* – нем. *Auf, Freund! Ausgeschnarcht! Es tagt!*; рус. *Скоро ночь, Иван, начнется* – англ. *Look – it's getting dark, Ivan.*

Таким образом, сравнение трех текстов обнаруживает в каждом из них возможность представления одного и того же факта действительности (явлений природы) двумя способами – с использованием как безличных, так и определенно-личных структур. Более того, отсутствие в немецком и английском языках собственно безличных глаголов, характерных для русского языка, компенсируется наличием конструкций с местоимениями *es* или *it*. Последние занимают позицию формального подлежащего для реализации лишь морфосинтаксических потребностей высказывания, которое по своему смыслу является безличным [Космарская, Цветаева 2018].

Аналогичные тенденции, а именно разнообразие конструкций и отсутствие каких-либо однозначных переводческих соответствий между ними, можно заметить и при анализе контекстов в других семантических сферах, напр., при описании физического или психического состояния человека, оттенков модальности или факта существования чего-либо. Арсенал конструкций с безличным значением пополняется при этом за счет модели *there is/are* в английском языке и сослагательного наклонения в немецком. Сравн.: рус. *Уж куда как было скучно!* – нем. *War kein Spaß,*

die Regenflut... – англ. Oh, it was an awful night!; рус. Да не худо и завесть такое чудо! – нем. Und es wär auch sicher schön, gleich solch Wunder zu erstehn!; рус. В мой столице был обычай – англ. Now, there was an old tradition.

Исследование переводческих трансформаций показало, что во всех трех языках существуют разнообразные структуры, способные передавать значения неопределенности и обобщенности субъекта, а также безличности. Более того, какого-либо регулярного структурного соответствия между предложениями исходного текста и их переводами, равно как и количественного преобладания безличных или иных структур ни в одном из языков обнаружено не было. В одних случаях русским неопределенно-личным или безличным предложениям соответствуют определенно-личные структуры в немецком и английском языках, однако в других случаях переводчики выбирают неличные способы представления субъекта даже при отсутствии их в оригинале. Таким образом, если оставить в стороне некоторые ограничения чисто морфологического характера, невозможно говорить об исключительной роли концепта ПЕРСОНАЛЬНОСТИ/ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ ни в каком из языков и тем более о его особой связи со способами осмысления и концептуализации окружающей действительности. Скорее, присущая языкам вариативность отражает их способность каждый раз выбирать и фиксировать альтернативные свойства одних и тех же фрагментов действительности, что может проявляться не только в сфере лексики, но и грамматики.

Литература

- Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1987.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
- Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2005.
- Космарская И.В., Цветаева Е.Н. Еще раз об односоставных предложениях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 48-57.
- Чуковский К.И. Высокое искусство. СПб.: Азбука, 2022.
- Jerschow P. Das Höckerpferd. Deutsche Übersetzung von M. Schaiber. Moskau: Verlag Progress, 1981.
- Yershov P. The little humpbacked horse. Translation from the Russian by L. Zelikoff. Moscow: Raduga Publishers, 1988.

*E.V. Razumnykh (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

TRANSLATION TRANSFORMATIONS AS A WAY TO EXPRESS THE IDEA OF 'PERSONALITY/IMPERSONALITY' IN A LITERARY TEXT

The article analyses transformations used to translate the impersonal, as well as indefinite and generalized personal structures of the Russian 'Konyok-Gorbunok' fairy tale into German and English. It is concluded that all three languages possess syntactically different yet semantically

similar models to describe the same situations, and it is impossible to state that the existence of any language structure may be due to the mentality or worldview of a nation.

Key words: indefinite personal structures, generalized personal structures, impersonal structures, impersonality, translation transformations, linguistic worldview

В.А. Родионов (Москва, Россия)

*Московская государственная юридическая академия имени О.И. Кутафина
soluvi@yandex.ru*

Л.Ю. Родионова (Москва, Россия)

*Национальный исследовательский университет «МЭИ»
rodionovaly@yandex.ru*

ВОЗВРАЩЕНИЕ СМЫСЛОВ: ПЕРЕВОД В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья рассматривает возможность достижения адекватного перевода иронии посредством выявления концептуальных метафор и когнитивных моделей их построения в тексте оригинала и их реконструкции в тексте перевода. Актуальность темы определяется возрастающим интересом к когнитивной природе иронии, ее алломорфности и изоморфности в разных социумах и культурах, а также к способам ее передачи при переводе.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивный подход, ирония, реконструкция когнитивной модели, адекватный перевод

Введение. Термин «когнитивный», означавший «познавательный», все больше приобретает значение «ментальный». Понятие «когнитивное моделирование иронии» вбирает в себя представление о соотношении языковых структур с мыслительными, а также синтез когнитивного подхода с коммуникативным. Цель когнитивной лингвистики – не только нахождение соответствия каждой языковой форме ее когнитивного аналога, но и объяснение причин ее создания в данной форме для данного содержания.

Ирония – это не только лингвокультурный феномен, но и структурно-герменевтический. Отношение к иронии и самоиронии в разных культурах разное. Нация, которая претендует на виртуозность в ее использовании и в этом преуспевает – англичане. Они считают, что умение иронизировать у них в крови, и уникальность их иронии не столько в ее качестве, сколько в ее всепроникающем влиянии [Fox 2004: 62-65]. При переводе англоязычного текста игнорирование национальной специфики иронии недопустимо.

Актуальность темы определяется интересом к когнитивному аспекту дискурсивной функции иронии в тексте в разных социумах и лингвокультурах, а также недостаточной разработанностью механизмов ее адекватной передачи.

Объектом исследования является ирония, ее моделирование при формировании концепта ЛЮБОВЬ в романе Ч. Диккенса *The Pickwick Papers*.

Предметом исследования являются способы достижения адекватного перевода иронии путем конструирования ее концептуальной схемы.

Цель данного исследования состоит в выявлении результативности передачи «фирменности» иронии Диккенса в романе *«The Pickwick Papers»* методом реконструкции ее когнитивной модели в переводе. По замечанию Корнея Чуковского ирония в «математически точном», но «педантичном» переводе Е. Ланна и А. Кривцовой была утеряна и «от молодой искромётной и бурной весёлости Диккенса не осталось и следа» [Чуковский 2022: 70-72].

Обзор литературы и методы. Методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных в области когнитивистики, лингвокультурологии и философии, таких как Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ж. Фоконье и другие.

Исходя из понимания иронии как когнитивного феномена, основывающегося на когнитивных процессах «закулисья» разума [Fauconnier 1999: 86], а также учитывая характерную для Диккенса ироничность, мы – для достижения поставленных целей – обратились к методу построения когнитивных моделей ментальных структур Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

В ходе исследования были использованы методы компонентного семантического, концептуального, когнитивного и текст-интерпретационного анализа, а также лингво-стилистического анализа тропов и фигур речи. Аналоговый тип поэтического мышления как общий принцип когнитивного анализа послужил механизмом выявления образно-смыслового наполнения концепта ЛЮБОВЬ в образном пространстве метафорического текста романа.

Метафорический образ концептуальной схемы – конструктор двух доменов: исходного, из которого мы получаем метафорические выражения, и целевого – того, который мы пытаемся понять. Концептуальная метафора – это представление одной концептуальной области в терминах другой [Lakoff, Johnson 1980]. Переводя текст с одного языка на другой, переводчик выступает в двух ипостасях: как интерпретатор концептуальной программы исходного текста, ИТ, и как соавтор программы конечного текста, КТ [Фесенко 2002: 125].

Результаты и обсуждение. В ходе исследования образного пространства главы XVII, посвященной любви, мы выработали концептуальные метафоры, выражающие концепт ЛЮБОВЬ, и разработали стратегии их реконструкции в КТ.

В главе XVII Чарльз Диккенс выразил свой взгляд на любовь *настоящую* с большой долей иронии. Интересно, что в главе, о любви, слово «любовь» упоминается всего один раз, но когнитивные приёмы позволили нам выявить более сотни ее образов-схем. При моделировании образного пространства автор выразил иронию имплицитно. Полученные концептуальные метафоры *любви* дали нам когнитивные ключи к переводческим решениям без потери иронии.

Доминантными концептуальными метафорами *любви настоящей* в истории о любви мистера Пипкина – мелкого служителя церквушки, явились отнюдь не ожидаемые – ЛЮБОВЬ – ОГОНЬ или ЛЮБОВЬ – ПАРЕНИЕ, а семь настораживающих: ЛЮБОВЬ – ИЛЛЮЗИЯ/СКАЗКА, ЛЮБОВЬ – РАСЧЁТ, ПУТАНИЦА, КОМЕДИЯ, НАСМЕШКА, БОЛЕЗНЬ, ФАТАЛЬНОСТЬ и ТЬМА.

Находки. При анализе русскоязычной версии А. Кривцовой и Е. Ланна мы выявили целый ряд концептуальных аномалий в метафорических образах и, как результат, потерю «фирменности» иронии Диккенса. Приведем примеры концептуальных потерь *иронического* в контексте двух доминантных концептосхемах *любви*, полученных нами в результате когнитивной процедуры картирования [Fauconnier 1999: 112] и предложим свои переводческие решения.

1. ЛЮБОВЬ – ИЛЛЮЗИЯ/СКАЗКА. Потери иронии в концептуальном поле этой метафоры найдены в переводе названия истории о любви главы XVII, сочиненной мистером Пиквиком о любви мистера Пипкина, которую Пиквик в период приступов ревматизма изложил письменно в своей обработке со слов мистера Уэллера, и как-то, за бутылочкой, зачитал мистеру Уордлу, для забавы.

Название истории о любви – *Parish Clerk. A Tale of True Love*. В переводе Е. Ланна – «*Приходский клерк. Повесть об истинной любви*» [Диккенс 1984]. В такой версии названия явного когнитивного диссонанса нет. Однако рассмотрим заглавие на уровне компонентного семантического анализа.

А. «*Parish Clerk*» в переводе – *псаломщик*, церковнослужитель. Слово «*клерк*» для русскоговорящего ассоциируется с «работником офиса». Пипкин же был мелким служащим в англиканской церквушке. Связь Пипкина с церковью важна, так как история любви церковнослужителя более любопытна читателю, а ирония – более очевидна, особенно если учесть, что духовенство англиканской церкви при Генрихе VIII должно было соблюдать целибат. Для сохранения *имплицитного* в названии заменяем слово *клерк* на *псаломщик*.

Б. Слово «*Tale*» в глубинной семантике – *вымысел*, и по контексту не «повесть», а, скорее, «сказ» или «сказка», хотя и не волшебная – *fairy tale*. Выбором именно слова *tale* в сочетании с *true love* Диккенс иронизирует: истинная любовь – редкость, сказка. Ещё Ларошфуко отмечал, что истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел.

Любовь Пипкина не оказалась настоящей, настоящая – СКАЗКА. Этот смысл подтверждают и образы персонажей «истории о любви»: жалкий (с косоглазием и Х-образными ногами) и убогий Пипкин, влюбившийся в Марию, дочь Лобса – богатого и злобного старика; его услужливый подмастерье – «костлявый» и вертлявый подхалим; племянница Лобса – хитрая, нахальная особа – узнаваемые персонажи сказок. Возьмём английскую сказку «Джек и бобовый росток» с наивным Джеком и нагоняющим ужас Огром-людоедом. Или русские сказки, где: 1) Кощей Бессмертный «над золотом чахнет» – прототип мистера Лобса; 2) Марья Моревна – прототип Марии, наследницы несметных его сокровищ 3) худощавый пронырливый чертенок – прототип костлявого и вредного подмастерья; 4) черный кот или лиса – прототип племянницы Лобса и 5) Иван Дурак – прототип главного героя. История любви Пипкина – не «*Повесть об истинной любви*», а «*Сказка о любви настоящей*».

В. Слово *true*, *правильный*, но в сочетании *true love* подразумевает любовь без изъяна – «*настоящую, истинную*», но в заголовке сквозит ирония. Макротекстом понимаем, что любовь Пипкина не идеальная, а настоящая, то есть реальная, прав-

дивая. Слово *настоящая*, как и *true* своей амбивалентностью покрывает и интригу, и иронию. Предлагаем заголовок: «*Псаломщик. Сказка о настоящей любви*». *Настоящая* любовь в русских народных сказках о «простофилях», как правило, заканчивается сказочно: Иван-Дурак на царевне женится и обогащается, хотя о богатстве и не помышлял (дурак). У Пипкина сценарий другой: он «помышлял» и отвергнут, и заканчивает *in a village cage*. – Почему? – Любовь его двойственная. Вся глава пронизана тонкой ироничной нитью *настоящести* любви Пипкина не к Марии, а к ее наследству, что отражает доминантная концептосхема: ЛЮБОВЬ-РАСЧЁТ. В переводе заглавия Е. Ланном эта нить иронии Диккенса теряется.

II. ЛЮБОВЬ-РАСЧЁТ – это еще одна концептосхема «*любви*». В переводе наблюдается как потеря иронии, так и аномалия в концепции причин «*любовных*» переживаний героя. В начале истории автор делает акцент на косоглазии Пипкина, “*a cast in his eye*”. В дальнейшем дефект косящего Пипкина обыгрывается через идиомы, связанные со «зрением в любви» и «жадностью». Настоящая любовь героя не стала истинной: горе-герой «*положил глаз*» не только на дочку-красавицу сказочно богатого отца, но и «*косил*» в сторону его несметных богатств: ...*as Nathaniel Pipkin walked home with Maria Lobbs, and struggled for a kiss at parting, he went to bed a happy man, and dreamed all night long, of softening old Lobbs, opening the strong box, and marrying Maria*. «Скос» в чувствах мешает влюблённому заполучить желанное. Пипкин идёт на риск: *come what might*. Одержимый, он движется к цели на «согнутых ножках» и просчитывается. *Love is blind* – подшучивает автор. Выражения в тексте, связанные со зрением, Е. Ланном не обыграны и комичность двойственности любовных чувств героя в переводе не возвращена.

Заключение. В результате исследования авторы статьи пришли к выводу, что при переводе текстов, содержащих иронию, для достижения адекватности целевого текста необходимо реконструировать не только тип когнитивной модели иронии, ее концепт и структуру, но и ее коммуникативный тип.

«Метафора – модель **смысло**производства», считает В.Н. Телия [Телия 1988: 18], а мы добавляем: концептуальная метафора – модель прозрения и основа стратегии возвращения в перевод смысла оригинала.

Литература

- Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. на рус. яз. А.В. Кривцовой, Е.Л. Ланном. М.: Художественная литература, 1984.
- Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М: Наука, 1988. С. 26-51.
- Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного университета, 2002.
- Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Издательство АСТ, 2022.
- Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. London: Wordsworth, 2000.
- Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics, Foundations, Scope, and Methodology. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter GmbH, 1999.
- Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder, 2004.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: Chicago University Press, 1980.

V.A. Rodionov (Moscow, Russia)

The Kutafin Moscow State Law Academy

L.Yu. Rodionova (Moscow, Russia)

National Research University "MPEI"

BRINGING CONCEPTS BACK: TRANSLATION IN THE OPTICS OF COGNITIVE LINGUISTICS

The article describes how adequate rendering of irony can be achieved via conceptual metaphors and cognitive models of their structuring in the original (source text) and their reconstruction in the target version. The relevance of the issue is substantiated by the growing interest in the cognitive nature of irony, its allomorphic and isomorphic character in diverse linguocultural communities as well as in the way of rendering it in translation.

Key words: conceptual metaphor, cognitive approach, irony, cognitive modeling, adequate translation

Э.Д. Рожковская (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

rozhkovskaya.eleonora@mail.ru

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ГЛАГОЛЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ЭМОЦИИ И ВНЕШНОСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

Статья посвящена идеографическому анализу переводов произведений А.П. Чехова на английский язык с применением когнитивного подхода. Исследование подчеркивает важность адекватного перевода глаголов, описывающих эмоции, объективированные во внешности персонажей.

Ключевые слова: идеографический анализ, когнитивный подход в переводоведении, перевод произведений А.П. Чехова

Статья посвящена идеографическому анализу переводов произведений А.П. Чехова на английский язык и выполнена в рамках динамично развивающегося когнитивного подхода в переводоведении. Интерес к этому направлению обусловлен антропоцентрической парадигмой, фокусирующей на осмыслении роли человеческого восприятия и мышления в процессе перевода. Актуальность работы обусловлена потребностью общества в оптимизации моделей межкультурной коммуникации, в частности, подходов к переводу художественных текстов, в рамках которых по-прежнему возможно недопонимание, обусловленное межкультурными различиями. Кроме этого, актуальность предпринятого исследования обусловлена наличием общего интереса к особенностям перевода произведений А.П. Чехова на английский язык. Так, широко исследуются грамматические трансформации в переводе произведений, методы адаптации чеховского текста в англоязычной культуре, адекватность перевода художественного текста с учетом эмоционально-смысловой доминанты исходного текста [Моисеева 2019; Чеснокова 2011; Гацура 2013].

Вместе с тем переводы глаголов, описывающих эмоцию, объективированную во внешности, не служили предметом исследования.

В качестве объекта исследования выступают идеографические особенности переводов произведений А.П. Чехова на английский язык. Предметом исследования являются глаголы, описывающие эмоцию, объективированную во внешности персонажей.

Материалом исследования послужили произведения А.П. Чехова, традиционно относящиеся к раннему периоду творчества писателя: «Смерть чиновника» (1883 г.) и «Хамелеон» (1884 г.). Данные произведения выбраны для анализа в силу того, что описание эмоций и внешности персонажей является центральным элементом, способствующим раскрытию сюжета и характеров.

Материалом для анализа переводов произведений А.П. Чехова на английский язык послужили работы К. Гарнетт (1922 г.) и А. Литвиновой (1964 г.).

Результаты предпринятого нами ранее исследования, направленного на изучение идиостиля А.П. Чехова, продемонстрировали наличие тенденции к использованию глаголов для описания внешности. Подробный анализ глаголов, применяемых к описанию внешности персонажей, показал, что с помощью данных глаголов писатель частотно описывает не только внешность героев, но и эмоцию, которая сопровождает изменение во внешности. Как правило, эта эмоция может предшествовать или являться результатом изменения внешности. Таким образом, в данном случае характер описания внешности персонажа носит не перманентный, а ситуативный характер.

Целью данного исследования является анализ переводов отобранных произведений А.П. Чехова на английский язык, для последующей оценки, адекватности и полноты передачи смысловой составляющей глаголов, находящихся на стыке описания внешности и эмоций.

Обратимся к анализу предложения из произведения «Смерть Чиновника»: *Говорить не хочет! – подумал Червяков, бледнея.*

В данном примере глагол *бледнеет* описывает внешность персонажа. Так, в Большом толковом словаре русских глаголов (здесь и далее: БТСРГ 2008) глагол *бледнеет* относится к разделу 2. «Бытие, состояние, качество», к подразделу 2.2 «Качественное Состояние»; 2.2.1.2 «Глаголы становления и проявления цветового признака». Типовая семантика раздела описывается следующим образом: «становиться какого-л. цвета, приобретать какой-л. оттенок, выделяться своим цветом» [БТСРГ 2008: 387]. Из этого следует, что данный глагол описывает внешнюю характеристику персонажа, которая проявляется ситуативно, т.е. является результатом пережитой эмоции.

Обратимся к переводу данного предложения, осуществленному К. Гарнетт: *“He won’t speak,” thought Tchervyakov, turning pale;* и А. Литвиновой: *“Won’t listen to me!” thought Chervyakov, turning pale.*

Используемое в переводе выражение *turned pale* передает оригинальное значение глагола *побледнеть* и соответствует типовой семантике вышеуказанного раздела. Выбор выражения *turned pale* позволяет сохранить значение потери естественного цвета лица, что играет важную роль в выражении мгновенной внешней реакции персонажа на происходящее, сохраняя при этом эмоциональную составляющую сцены.

Следующий пример использования глаголов, описывающих одновременно внешность персонажей и их эмоциональное состояние: *Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал*.

Глагол *посинеть* также относится к разделу 2. «Бытие, состояние, качество», к подразделу 2.2 «Качественное Состояние»; 2.2.1.2 «Глаголы становления и проявления цветового признака» [БТСРГ 2008: 387] и определяется как: «Становиться синего цвета, приобретать синеватый оттенок». Принимая во внимание тот факт, что преимущественно глагол описывает внешние характеристики, отметим, что данное описание не характеризует перманентное состояние кожи, т.е. изменению во внешности предшествует эмоциональное потрясение.

Рассмотрим перевод, осуществлённый К. Гарнетт: *“Be off!” yelled the general, turning suddenly purple, and shaking all over*.

Для перевода глагола *посинеть* используется выражение *to turn purple*, что означает “dark red in the face because of anger” – «темно-красный цвет лица из-за гнева» (Здесь и далее перевод мой – Э.Р.) [Cambridge Dictionary Online]. Таким образом, выражение *to turn purple* точно передает эмоциональную напряженность, проявляющуюся в изменении цвета лица в момент гнева. Эта интерпретация подчеркивает временность реакции, отражая кратковременность эмоционального всплеска, который не оставляет постоянного следа.

Обратимся к переводу А. Литвиновой: *“Get out of here!” barked the General, livid and shaking with rage*.

Для перевода глагола *посинеть* используется прилагательное *livid* – “extremely angry” – «чрезвычайно злой» [Cambridge Dictionary Online]. Отметим, что данный перевод отражает только эмоциональное состояние героя, при этом не передаёт внешний вид. Это приводит к потере двусоставности образа, в котором телесная реакция служит индикатором внутреннего состояния.

Обратим внимание на следующий пример: *Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал смотреть на сцену*.

Рассмотрим глагол, описывающий внешность и эмоции персонажа – *конфузиться*. В БТСРГ глагол относится к разделу 2. «Бытие, состояние, качество», к подразделу 2.2.4 «Эмоциональное состояние»; 2.2.4.1 «Глаголы пребывания субъекта в эмоциональном состоянии» [БТСРГ 2008: 412] и обозначает следующее: «Испытывать состояние замешательства, неловкости, быть в неловком положении». Этот термин передает сложное сочетание эмоций, связанных с дискомфортом и внутренним смущением, часто выражаемыми через невербальные признаки, такие как

жесты или изменения в мимике, о чем свидетельствует, например, последующий контекст описания действий героя у А.П. Чехова: *глупо улыбнулся*.

В переводе К. Гарнетт глагол выражен через слово *embarrassed*: *Tchervyakov was embarrassed, he smiled stupidly and fell to gazing at the stage*.

Глагол *embarrassed – feeling ashamed or shy* – «испытывать чувство стыда или стеснения» [Cambridge Dictionary Online], позволяет подчеркнуть видимую природу его чувства, связывая его с эмоциональной реакцией, которую так или иначе могут заметить окружающие по изменениям во внешнем облике персонажа.

Обратимся к переводу А. Литвиновой: *Chervyakov, somewhat disconcerted, smiled sheepishly and tried to turn his attention to the stage*.

Используемый в переводе глагол *disconcerted – worried by something and uncertain* – «чем-то встревоженный и неуверенный» [Cambridge Dictionary Online], также передает значение видимой эмоциональной реакции, при этом репрезентируя образ персонажа, который пытается скрыть своё замешательство, но невольно выдает себя через мимику и поведение.

Следующий пример использования глагола, передающего внешние характеристики и эмоциональное состояние персонажа, относится к произведению «Хамелеон»: *В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса*.

Глагол *слезиться* имеет ярко выраженную визуальную репрезентацию, которой предшествует не менее яркая эмоция, которую испытал человек, прежде чем выразить ее на физическом уровне. В БТСРГ данный глагол относится к разделу 1. «Действие и деятельность», к подразделу 1.9. «Глаголы физиологического действия». Несмотря на то, что глагол описывается только как физически проявленный внешний признак, отметим, что в ряде случаев данному действию предшествует эмоциональное переживание, что отражено в контексте анализируемого примера.

Рассмотрим переводы данного высказывания, осуществленные К. Гарнетт: *There is an expression of misery and terror in her tearful eyes.*; и А. Литвиновой: *In its tearful eyes was an expression of misery and horror*.

Глагол *слезиться* передан как *tearful*, что сохраняет основное значение оригинала, отражая видимый внешний признак – глаза, полные слез, а также эмоциональное состояние персонажа.

Проведенный идеографический анализ переводов произведений А.П. Чехова на английский язык позволил выявить значимость глаголов, которые одновременно описывают как внешние, так и эмоциональные характеристики персонажей. Анализ переводов К. Гарнетт и А. Литвиновой показал наличие тенденции к сохранению семантических и эмоциональных характеристик оригинального текста. Наряду с этим, отмечается необходимость более детализированного подхода при переводе глаголов, отражающих эмоциональную составляющую, объективированную во внешности персонажей. Перевод, сочетающий в себе элементы визуальной репрезентации и эмоционального состояния, может способствовать улучшению межкультурного взаимодействия, способствуя пониманию оригинального произведения.

Литература

БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов / Л.Г. Бабенко, И.М. Волчкова, Ю.В. Казарин и др. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.

Гацура Н.И. Психолингвистический взгляд на адекватность перевода (на материале английского и русского текстов рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой») // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 92-94.

Моисеева И.Ю. Грамматические трансформации в переводе произведений А.П. Чехова на английский язык // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 306-309.

Чеснокова О.С. «Дама с собачкой» А.П. Чехова: лингвостилистика переводов на английский и испанский языки // Вестник РУДН. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 3. С. 69-78.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

Chekhov A.P. The Darling and Other Stories / transl. from Russian by C. Garnett. URL: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/garnett.htm>

Tchekhov A.P. Short novels and stories / transl. from Russian by I. Litvinov. Moscow: Progress, 1964.

E.D. Rozhkovskaia (Moscow, Russia)

Moscow City University

IDEOGRAPHIC ANALYSIS OF TRANSLATION OF A.P. CHEKHOV INTO ENGLISH: VERBS IN DESCRIPTION OF EMOTIONS AND APPEARANCE OF CHARACTERS

The paper focuses on the ideographic analysis of A.P. Chekhov's translations into English using the cognitive approach. The study emphasises the importance of adequate translation of verbs describing emotions objectified in the characters' appearance.

Key words: ideographic analysis, cognitive approach in translation studies, translation of A.P. Chekhov's works

А.П. Степанова (Краснодар, Россия)

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
bubelo_ar@bk.ru

О.Н. Беляева (Хабаровск, Россия)

Тихоокеанский государственный университет
olesja-beljaeva@rambler.ru

С.С. Момотова (Краснодар, Россия)

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
momotova.sofya@inbox.ru

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В ПЕРЕВОДЕ ВЕТЕРИНАРНЫХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В данной статье анализируются трудности, возникающие при переводе ветеринарных терминов, рассматривается целесообразность применения когнитивного подхода при их преодолении. Основное внимание уделяется различиям в строении и основе терминологии, в том числе аббревиатуры. Приводятся примеры часто встречающихся ошибок и проблем при пере-

воде с указанием на возможные последствия неправильного перевода и рекомендации по их предотвращению.

Ключевые слова: когнитивный аспект, ветеринарные термины, проблема, текст, язык, аббревиатура, сокращения

Перевод медицинских ветеринарных терминов представляет собой задачу особой важности, поскольку от его точности и качества зависит оказание правильной медицинской помощи животным и защита их здоровья. Неверное понимание или неправильный перевод терминов может иметь серьезные последствия, такие как:

- ошибочное диагностирование и лечение;
- ошибки в документации (особенно опасно при передаче медицинской информации от одного ветеринарного специалиста к другому);
- юридические проблемы.

Современная лингвистическая наука четко обозначает тенденцию исследования языка в плане обеспечения языковыми единицами прагматической и семантической информации в различных видах дискурса [Криворучко 2023]. Активное внедрение когнитивного подхода в терминоведение обусловлено связью терминологических исследований с науками о мышлении, а точнее с «расцветом» лингвоантропологического комплексного подхода к языку, в связи с чем любой фрагмент языковой картины мира рассматривается в его взаимосвязи с языковым образом человека [Грунина, Широколобова 2010]. В связи с этим, когнитивный аспект при переводе ветеринарных терминов должен учитываться на всех этапах работы. Специалисты, переводящие ветеринарные тексты, должны быть особенно тщательны и аккуратны, обладать знаниями в области ветеринарной медицины и быть в курсе актуальной терминологии, используемой в этой сфере.

Среди проблем, с которыми специалисты сталкиваются при переводе любых медицинских документов, включая ветеринарных, можно выделить специализированные термины и выражения, мультилингвизм, плюралингвизм, а также использование медицинских сокращений и аббревиатур.

Мультилингвизм – явление, наблюдаемое в пределах определенной географической территории, на которой говорят более чем на одной языковой вариации, независимо от того, признана ли эта вариация официальным языком.

Плюралингвизм – явление, наблюдаемое в пределах одной географической территории, жители которой говорят более чем на одном языке, при этом один язык является «родным», или «первым» [Хамматова и др. 2022].

Некоторые языки исчезают, на других говорит совсем небольшое количество людей. Анализ терминов ветеринарной медицины показал, что большинство специальных слов имеют латинские и древнегреческие корни. Латинский язык является одним из древнейших языков в мире. В настоящее время ни одно государство не использует его как официальный язык, поэтому он считается «мертвым» языком. Однако латинский активно применяется в естественных науках.

Мультилингвизм в медицинских терминах относится к ситуации, когда несколько языков используются для общения в медицинской сфере, а также исполь-

зование различных языков в пределах одной страны с многоязычным населением. Характерно использование латинского и греческого языков, ведь медицинская терминология имеет свою особую систему терминов, основанную на этих языках. Это позволяет специалистам, даже если они не знают языка друг друга, понять суть диалога, особенно когда речь идет о специфических анатомических, физиологических или патологических терминах.

Латинский язык имеет фундаментальное значение для систематизации растений и животных, а также для написания рецептов и использования в научных сообществах в качестве универсального языка номенклатуры и систематики организмов. Он также используется для описания животных организмов [Грунина, Широколобова 2010: 343]. Значимость латинского языка для науки определяется двумя основными факторами: во-первых, он имеет много общих черт с рядом европейских языков, на которых проводится активная научная и популярно-научная деятельность в мире, в том числе и в области естественных наук; во-вторых, его статус мертвого языка и отсутствие развития в течение длительного времени стабилизирует значения терминов, облегчая понимание как для носителей других языков, так и для изучения работ ученых более ранних периодов научных исследований.

Таким образом, знание основ медицинской терминологии на латинском языке уже помогает при переводе, потому что подобные термины нередко имеют латинские корни. Например:

Caudal to the diaphragm, the components of the digestive tractile within the abdominal and pelvic cavities – Кaudальные диафрагмы – это компоненты пищеvarительного тракта, располагающиеся в брюшной и тазовой полостях.

В данном примере встречаются слова, заимствованные из латинского языка. Термины *diaphragm* – диафрагма, *abdominal* – брюшная (полость), *pelvic cavities* – тазовая полость созвучны и одинаковы в написании, как на латинском, так и на английском языке, но в то же время *caudal* – каудальный (направление в сторону хвоста), созвучен с прилагательным *caudalis* в латинском языке.

The ruminant stomach is actually a single stomach modified by marked expansion of the esophageal region into four distinct and voluminous diverticula, the rumen, reticulum, omasum, abomasum – Желудок жевачных животных на самом деле представляет собой единый желудок, модифицированный заметным расширением области пищевода на четыре отчетливых и объемных дивертикула: рубец, сеточку, книжку и сычуг.

В данном предложении есть английский термин *stomach* – «желудок», который непохож на латинский *ventriculus*, используемый в анатомической терминологии, однако в латинской общеупотребительной лексике, но не в латинской терминологии функционирует слово *stomachus*, созвучное английскому [Криворучко 2023: 3].

Each lung is roughly conical, with the base resting against the cranial side of the diaphragm and the apex in or close to the thoracic inlet – Каждое легкое имеет коническую форму, основание прилегает к краниальной стороне диафрагмы, а верхушка находится внутри грудного входа или рядом с ним.

В данном предложении присутствует английский термин *lung* – лёгкое, которое отличается от латинского *pulmo*.

Такие различия в терминологии между общеупотребительным языком и специализированной медицинской терминологией могут создавать некоторую путаницу при переводе. В таких случаях важно учитывать контекст и значимость термина в данной специализации, чтобы выбрать наиболее точный вариант. Некоторые сокращения терминов, аббревиатуры имеют несколько значений, поэтому целесообразно учитывать наиболее часто встречающиеся значения и использование аббревиаций в соответствующих отраслях или областях. При переводе текста с аббревиациями и сокращениями рекомендуется консультироваться со специалистом или использовать специализированные ресурсы и словари.

В научной литературе выделяют четыре типа аббревиатур: инициальная, усеченная, стяженная, смешанная аббревиация.

Особую трудность для перевода представляют аббревиатуры латинского происхождения, которые весьма характерны для английского медицинского текста в отличие от русского. Эти аббревиатуры широко используются в международной медицинской литературе и среди медицинских специалистов для обозначения медицинских терминов, понятий, рецептуре препаратов. Например:

D.S. – *Da, Signa; Detur, Signetur* (нужно будет выдано, обозначено);

A.C. – *ante cibum* (перед приемом пищи);

F.M. – *fiat mistura* (приготовьте смесь) [Ягенич 2020].

При переводе необходимо учитывать соответствие формату данных и использовать устойчивые речевые обороты. Например, обозначения групп крови в русском и английском языках соответствуют друг другу следующим образом: I группа – group 0; II группа – group A; III группа – group B; IV группа – group AB.

Примечательно, что в английском языке для обозначения некоторых заболеваний или состояний используются аббревиатуры, в то время как в русском языке такая практика не распространена. Например: ARF – *acute renal failure* (острая почечная недостаточность).

Таким образом, перевод ветеринарных терминов с английского на русский язык может представлять определенные трудности из-за наличия специализированных терминов и выражений, мультилингвизмов, плюралингвизмов, а также использования медицинских сокращений и аббревиатур. Для их преодоления и создания грамотных переводческих решений современное терминоведение рекомендует использование когнитивного подхода, включающего в себя применение специализированных словарей и терминологических баз данных, а также консультации с квалифицированными специалистами в области ветеринарии. Все это позволяет сформировать интегративный «взгляд» на терминосистему, в результате чего, при переводе будут использованы синтезированные знания о данном явлении языковой действительности, что способствует достижению желаемого результата – качественного перевода ветеринарной терминологии.

Литература

Грунина Л.П., Ширококолобова А.Г. Когнитивный аспект исследования терминов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (5): в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2010. Ч. I. С. 97-99.

Криворучко И.С. Антиценностные категории англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 4. С. 1242-1247.

Степанова А.П. Влияние мультилингвизма на сферу образования и изучение языков // Язык как зеркало культуры. 2021. С.195-199.

Хамматова Э.Н., Кинзябулатова Л.К., Нигматулина А.Р. Проблемы перевода медицинских терминов // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. Спец. вып. № 3. 2022. С. 30-33.

Ягенич Л.В. К вопросу о классификации терминологии ветеринарной медицины в современном английском языке // Преподаватель XXI век. 2020. № 1-2. С. 342-351.

A.P. Stepanova (Krasnodar, Russia)

Kuban State Agrarian University

O.N. Belyaeva (Khabarovsk, Russia)

Pacific National University

S.S. Momotova (Krasnodar, Russia)

Kuban State Agrarian University

THE COGNITIVE ISSUES OF VETERINARY TERMINOLOGY TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

The article analyzes the difficulties in translating veterinary terminology and considers the expediency of using a cognitive approach to overcome them. The main focus is on differences in the structure and basis of terminology, including abbreviations. Examples of common errors and problems in translation are given, indicating the possible consequences of incorrect translation and recommendations for their prevention.

Key words: cognitive issues, veterinary terminology, problem, text, language, abbreviations

О.А. Сулейманова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

souleimanovaoa@mgpu.ru

КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРИЕМОВ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРЕГРУППИРОВКА СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ

В статье рассматривается корреляция переводческих приемов трансформации и перегруппировки семантических компонентов, их когнитивное обоснование на примере анализа ряда синтаксических структур в русско-английском и англо-русском переводе. Предлагается типология системной перегруппировки семантических компонентов.

Ключевые слова: когнитивный, перевод, английский язык, русский язык, трансформации, перегруппировка семантических компонентов

Введение. На определенных этапах развития лингвистической мысли происходит накопление метаязыковых построений, которые часто пересекаются и накладываются друг на друга [Потякайло 2024], что определяет необходимость установить корреляции между существующими системами метаязыков и определяет **актуальность** таких попыток, равно как и интерес лингвистов к выработке непротиворечивых методологических положений. Так, исследовалась, например, корреляция между прагматикой и дискурсивной лингвистикой на примере анализа театрального дискурса [Сулейманова, Борботько 2024], изучаются также парадигмальные корреляции в целом [Потякайло 2024]. К соотносимым метаязыковым представлениям в теории перевода относятся приемы трансформации и перегруппировки семантических компонентов, корреляция между которыми не представляется вполне определенной, что также заставляет обратиться к анализу данных метатерминов и составляет **цель** предлагаемого исследования. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: выявить характер соотношения приема трансформации (ПТ) и перегруппировки семантических компонентов (ПСК), выработать когнитивные основания типологии ПСК, определяемые категориальными семантическими признаками на основе учета типа предиката (состояния / свойства, качества / действия и под.) и установление метонимических переводческих преобразований, категориальных признаков прилагательного и наречия.

Методика исследования. Для выявления соотношения ПТ и ПСК исходим из понимания перевода как принципиально метонимического преобразования исходного сообщения на языке оригинала на язык перевода – см. [Бреус 1998: 15; Грамматические аспекты перевода 2010], где предложено обоснование переводческого процесса как принципиально метонимического, причем под метонимией понимается семантический перенос, в основе которого лежит принцип неслучайной связи. Иными словами, при наличии некоторого общего когнитивно-семантического ядра у единиц двух языков при переводе происходит замена / утрата / приращение ряда признаков (=ПСК), не приводящих к иной качественной определенности единицы, но предполагающих некоторую вариативность, которая, тем не менее, позволяет достичь релевантной семантико-когнитивной корреляции единиц двух языков. Ср. также у Н.К. Гарбовского критическую интерпретацию перевода как процесса межязыковой трансформации [Гарбовский 2007: 361–363] и предложение понимать под трансформацией преобразование текста – вслед за генеративистами – как двухуровневого объекта, обладающего глубинным (виртуальным) уровнем, так и поверхностным. Вслед за Н.К. Гарбовским мы разделяем эти два уровня, в отличие от него, однако, оставляя именование трансформация для обозначения операций на поверхностном уровне, и вводя термин перегруппировка семантических компонентов для описания операций на виртуальном=глубинном (для нас – когнитивно-семантическом) уровне. Этот уровень оперирует иными представлениями, например, в работе [Ермолович 2014: 11] предлагается оперировать в рамках понятийных компонентов ситуации (предмет, признак, действие), что близко нашей интерпретации.

На уровне трансформации представлена система З.Г. Прошиной, которая выделяет лексические и синтаксические преобразования [Прошина 2019: 70-71], разграничивая грамматические трансформации замещения, изменения порядка слов, членения высказывания, интеграции и компенсации. Иными словами, трансформации интерпретируются на уровне структурно-грамматических (не семантических!) преобразований. Лексические трансформации представлены в анализируемой работе также заменой, конкретизацией, генерализацией, дифференциацией, модуляцией, компенсацией и метафорической трансформацией; выделяются также ПТ комплексного вида, сочетающие оба вида. Таким образом, перевод может описываться через ПТ, и через (виртуальные) ПСК.

Результаты. В данной работе предпринимается попытка разработать принципы типологии ПСК, например:

– изменение частеречного состава компонентов высказывания (ПТ) – *Ей легко дается учеба / Она быстро усваивает материал* – *She is a fast learner*; далее ПСК – существительное «забирает» часть информации от глагола, и прилагательное, в свою очередь, приписывающее некоторое (постоянное) качество / свойство своему носителю, фиксирует наречием образа действия описываемое событие. В данном случае частотно преобразование оценочного прилагательного в наречие [Сулейманова, Борботько, Федорова 2017, 136], а также параметрические прилагательные типа *быстро, медленно, далеко, близко* (чаще всего при предикатах *де-лать / быть*);

– сохранение частеречного состава, но меняется семантический тип предиката («чистый» ПСК): *я сплю* (например, в ответе на вопрос *Маши, что ты делаешь?*) и *я хорошо сплю в прохладном помещении* – *I am sleeping* и *I sleep well*, причем в силу несовпадения глагольных парадигм – в английском языке существует специальная система продолженных форм (Continuous) для обозначения актуального положения дел и неопределенная форма (Indefinite) для обозначения повторяющихся / разовых действий. В данном случае знание грамматической системы английского языка при переводе с русского языка в целом позволяет адекватно перевести высказывание. Ср. т.ж. перевод русского предиката действия на английский язык, причем достаточно часто (см., например, [Грамматические аспекты перевода]), предикатом состояния, что на когнитивно-семантическом уровне означает замену предиката класса *Он рано встает* на предикат свойства, которые по-разному представляют денотативную ситуацию: предикат класса вносит информацию о регулярном, необязательно актуальном в описываемый момент времени действии, действие абстрагировано от оси времени, и можно сказать *Петр Андреевич читает курс матанализа у наших студентов* в тот момент, когда протагонист находится на отдыхе, и равным образом *в этом семестре у нас новый лектор по матанализу, Петр Андреевич наш новый лектор*, т.е., достаточным для идентификации денотативной ситуации оказывается информации о осуществлении протагонистом определенной деятельности на постоянной основе, при этом дифференциальным признаком выступает, с одной стороны,

повторная реализация события в течение определенного периода времени (необязательно обозначенного) *Я беру уроки танцев этой зимой*, предикатом класса, с другой стороны – *I am not much of a runner / a fast runner*, или *Он отличный стрелок*, где субъекту приписывается некоторое постоянное свойство. Данные дифференциальные признаки оказываются нерелевантными или невоспроизводимыми в переводе в силу особенностей языков в ряде ситуаций, в том числе и в переводческой практике. Корреляция в целом русских предикатов действия и английских предикатов состояния, во-первых, меняет категориальный состав семантики, во-вторых, в основе данных корреляций лежит именно метонимический причинно-следственный механизм. Происходит переход на уровень частеречной замены (в строгом смысле предыдущая ПК также предполагает частеречную замену, поскольку русский глагольный предикат передается составным именным сказуемым);

– ПСК как когнитивно-семантическая корреляция – к ней можно отнести и семантические лакуны, которые неизбежны при переводе, когда в семантике переводного эквивалента наличествуют признаки, не существующие в исходном варианте и наоборот (что обусловлено сложившимися лингвокультурными особенностями языков) – ср., известный пример с семантической структурой русского глагола *идти / ходить*, который предполагает перемещение пешком (или в терминологическом использовании *идти морем, выйти в море*), который в ряде случаев требует введения специального глагола *walk*, сфокусированного на описании пешего перемещения. Обычно такие лакуны, как заданные системой языка, требуют метонимического перевода: либо обстоятельственного, либо причинно-следственного переноса

Вывод

В работе предложено разграничивать переводческие трансформации (ПТ) и перегруппировку семантических компонентов (ПСК), как корреляцию поверхностной и глубинной структуры. Предпринята попытка разработать фрагмент типологии ПСК.

Литература

- Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: Изд-во УРАО, 1998.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Грамматические аспекты перевода. М.: Академия, 2010.
- Ермолович Д.И. Русско-английский перевод. М.: AUDITORIA, 2014.
- Потякайло С.А. Парадигмальные изменения в лингвистике // Казанская наука. 2024. № 11. С. 652-657.
- Прошина З.Г. Теория перевода. М.: Юрайт, 2019.
- Сулейманова О.А., Борботько Л.А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 21 (4). С. 919-925.
- Сулейманова О.А., Борботько Л.А., Федорова Е.Л. Переводческий тренинг. Синтаксические трансформации в русско-английском переводе. М.: Языки Народов Мира, 2017.

*O.A. Suleimanova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

COGNITIVE INTERPRETATION OF TRANSLATION MECHANISMS: TRANSFORMATIONS AND REARRANGEMENTS OF SEMANTIC FEATURES

The paper focuses on the correlation between translation techniques, i.e. transformations and rearrangements of semantic features in the cognitive perspective. The empirical research involved some syntactic word combinations in the Russian-to-English and English-to-Russian translation. The typology of some semantic rearrangements is offered.

Key words: cognitive, translation, English language, Russian language, transformations, rearrangements of semantic features

И.В. Убоженко (Москва, Россия)

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
МГИМО (университет) МИД РФ
iubojenko@hse.ru*

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ТВОРЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ: КОГНИТИВНАЯ СХЕМА

В статье обосновывается инновационная цепочка маркирующих когнитивных признаков творческого переводческого решения (ТПР). Теоретически исследование базируется на ключевых постулатах когнитивного переводоведения с акцентом на его интерпретативную, прагмаориентированную и творческую составляющую. Методом конструирования категориальной понятийной триады в формате когнитивной схемы автор иллюстрирует ключевые признаки изучаемого терминологического концепта нестандартного решения в переводе.

Ключевые слова: когнитивное переводоведение, творческое переводческое решение (ТПР), категориальные маркеры творческого решения в переводе

Введение

В данной статье раскрывается актуальный вопрос профессиональной интерпретации терминологического концепта нестандартного переводческого решения как результата творческого процесса перевода. Общеизвестно, что за переводческой деятельностью традиционно закреплён статус интеллектуального творчества [Казакова 2016]. Преимущественно такой подход опирается на изучение художественного, в том числе поэтического перевода. Однако и другие виды перевода отнюдь не являются подобием роботизированной версии, изобилующей, как правило, синтаксическими параллелизмами, кальками и откровенными буквализмами. В этой связи понятие творчества как способности находить нестандартные решения проблем активно экстраполировалось на новые области лингво-коммуникативных научных исследований, в том числе на изучение креативного письма и письменного перевода информативных и микшированных дискурсов, не концентрируясь исключительно на понимании перевода как художественного творчества. В силу сложившейся терминологической неоднозначности целесообразно представляется по-

пытка вывести более отчётливую дефиницию творческого переводческого решения как отправной процессуальной и результативной единицы переводческой деятельности, с указанием когнитивно доказанных категорий, выделяющих нестандартное/творческое решение на фоне конвенционального/нетворческого [Ubozhenko 2016; Убоженко 2024].

Ход исследования и результаты

Достижение указанной выше цели представляется возможным путём гипотетического построения схематичного тезауруса изучаемого понятия. Методологически мы опираемся на предложенный в рамках философской школы Омского государственного университета категориально-триадический принцип описания искомого понятия [Разумов 2007, 2024].

Новизна нашего подхода объясняется стремлением увязать весьма размытое на сегодняшний день представление о нестандартных вариантах переводческого выбора с научно-обоснованным и дефинитивно-ёмким определением творческого решения в переводе, схематично представленным визуально (см. Рисунок 1): практическая значимость исследования видится в возможности в дальнейшем лингвистически грамотно облегчить специалистам по теории, практике, дидактике перевода, а также связанным с цифровой и ручной оценкой качества перевода сотрудникам, процедуру сопоставительной корреляции и выяснения степени творческого потенциала переводчика, в чём крайне необходимо профессионально ориентироваться не только заказчикам, нуждающимся в лингвистическом обеспечении, но и, к примеру, экспертам жюри многочисленных творческих переводческих конкурсов и других подобных событий и мероприятий, организуемых переводческой индустрией.

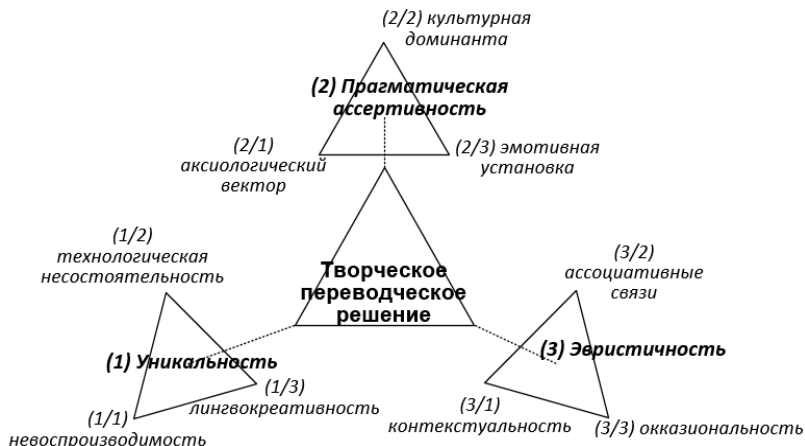

Рис. 1. Категориальная схема творческого переводческого решения (ТПР)

Ниже приведём краткие характеристики каждой из постулируемых категорий, снабдив их эмпирическим подтверждением и рефлексивным комментарием. Примеры оригинальных русскоязычных неологизмов случайно подобраны нами в популярных соцсетях, а переводы на английский язык представляют собой пробную версию, выполненную автором статьи.

Пример 1. Категория уникальности:

- 1.1 маркер невоспроизводимости;
- 1.2 маркер технологической несостоятельности;
- 1.3 маркер лингвокреативности.

Люди, у которых нет кота, – некотяти.	No kitten, you'll be beaten.

Комментарий 1.

Контекстуальная обусловленность доказывает адекватность *уникального*/оказационального переводческого решения и его невоспроизводимость: иной контекст не позволит приемлемо интерпретировать смысл, почему, если у тебя нет котёнка, тебя непременно побьют. Машина (Яндекс-переводчик) неплохо прогнозирует контекст, но демонстрирует *технологическую несостоятельность*, теряя эмоциональную коннотацию доброй иронии, считываемую в оригинале: People who don't have a cat aren't nice. Предложенный авторский вариант перевода выстроен с акцентом на фонетическую доминанту рифмы, что является выраженным параметром *лингвокреативности*. Кроме того, единичная лексема переводится с помощью модуляционной трансформации цельной синтаксической конструкцией (сложноподчинённым предложением).

Пример 2. Категория прагма-ассертивности:

- 2.1 аксиологический маркер;
- 2.2 культурно-специфичный маркер;
- 2.3 эмотивный маркер.

Котики, обитающие в продуктовых отделах магазинов, на самом деле – муркетологи.	Cats that live in grocery stores are actually / mewtologists / murketologists / miutolojists.

Комментарий 2.

Выбранное переводческое решение отчётливо транслирует общечеловеческую *ценность* заботы о бездомных домашних животных, подчёркивает *эмоциональную* коннотацию доброго к ним отношения, призывая тем самым имплицитно оказывать брошенным питомцам помощь. При этом семантическое наполнение лексемы «котик» в русском языке и современной массовой культуре, особенно в соцсетях, очень вариативно и культурно-обусловлено: приписывание домашнему любимцу качеств взрослого мужчины соседствует здесь с ироничным отношением к профессии маркетолога, воспринимающейся в *массовой русскоязычной культуре* как отчасти бесполезный, очень эгоистично-потребительский, но вполне терпимый, а

потому заслуживающий снисхождения род занятий (отсюда, образ эдакого милого котика-«миутолоджиста»).

Пример 3. Категория эвристичности:

3.1 контекстуальный маркер;

3.2 индивидуально-ассоциативный маркер;

3.3 окказиональный маркер.

К концу недели я чувствую, что моя тотемная ягода – елжевика.	By the end of the week, I feel like my totem berry is the half-dead-berry.

Комментарий 3.

Только широкий *контекст* для интерпретации выражения «быть еле живым» вмещает в себя одновременно и осознание наличия морфологического сходства лексем «живой» и «ежевика», и ироничное отношение к усталости к концу рабочей недели, и эрудированность как переводчика, так и реципиента касательно стилистического символизма метафорического прилагательного «тотемный». Именно данные составляющие элементы контекста и фона исходной единицы перевода позволяют вовлечь в интерпретацию индивидуальный перцептивный *ассоциативный* код, делающий в итоге переводческое решение творческим и *окказиональным*, неповторимым. Нужно отдать должное, что машина тоже не отстаёт от человека, и версия Яндекс-переводчика может быть расценена как успешная, если предположить, что избранная переводящая единица связана ассоциативно с устойчивым сочетанием «to be in the blues» (By the end of the week, I feel like my totem berry is the blueberry).

Дискуссионный вывод

Таким образом, следуя предложенной схеме и с учётом ее эмпирической апробации, рабочая формулировка определения творческого переводческого решения может звучать следующим образом: творческое переводческое решение (ТПР) есть комплексный межсемиотический конструкт, характеризующийся его уникальностью, эвристичностью и прагматической асертивностью, где каждая из указанных когнитивных категорий способна продуцировать веер подкатегорий и подуровней интерпретации, в зависимости от когнитивного фона требующей целевого разрешения межкультурной коммуникативной ситуации.

Литература

Казакова Т.А. Рецензия на кн.: Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект. М.: Флинта-Наука, 2013.

Сдобников В.В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход. М.: Флинта-Наука, 2015.

Убоженко И.В. Зарубежное переводоведение. Великобритания. М.: Р. Валент, 2014. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 4. С. 180-185.

Разумов В.И. Категориальная методология в формировании аппарата концептуализации // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2024. Т. 115. № 3. С. 399-408.

Разумов В.И., Сизиков В.П. Категориальный аппарат развития теоретического знания // Вестник Омского университета. 2007. № 3 (45). С. 36-49.

Убоженко И.В. К вопросу о множественности терминологических соответствий: переводческое решение в креативной парадигме когнитивного переводоведения // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4 (60). С. 425-431.

Ubozhenko I.V. On creative occasionalisms in teaching translation // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы: сборник научных трудов 11-й Международной научно-методической интернет-конференции / под ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2016. С. 279-287.

I.V. Ubozhenko (Moscow, Russia)

*National Research University Higher School of Economics (HSE University);
MGIMO University*

CATEGORIAL MARKERS OF THE CREATIVE TRANSLATION SOLUTION: A COGNITIVE SCHEME

The paper offers an innovative chain of marking cognitive features of a creative translation solution (CTS). Theoretically, the research is based on the key postulates of cognitive translation studies with an emphasis on its interpretative, pragmatic and creative components. Using the method of constructing a categorial conceptual triad in the format of a cognitive scheme, the author illustrates the key features of the terminological concept (CTS) under study.

Key words: cognitive translation studies, creative translation solution (CTS), categorial markers of the creative decision in translation

Е.М. Фомин (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
egorfomin2000@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ СУБТИТРОВ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ

В статье рассматриваются особенности семантики дискурсивных маркеров типа *well, you know, like* и *I mean* в английских субтитрах к художественным фильмам. Приводятся результаты анализа переводческих решений при передаче рассматриваемых единиц на русский язык с учетом специфики субтитрования.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, аудиовизуальный перевод, субтитры, переводческие стратегии, прагматика, функциональные потери

В современном мире активного межкультурного обмена особую актуальность приобретает проблема адекватной передачи прагматической составляющей в аудиовизуальном переводе. Так, например, при передаче субтитров в условиях ограничений по длине строки и продолжительности звучания реплики дискурсивные маркеры часто опускаются. Эти лексические единицы, несмотря на кажущуюся незначительность, служат важным инструментом передачи коммуникативных намерений говорящего и влияют на восприятие зрителем как отдельных реплик, так

и характеров персонажей в целом. Таким образом, игнорирование дискурсивных маркеров при переводе может привести к искажению авторского замысла и неполноценному восприятию фильма.

Развитие цифровых технологий и рост объема доступных лингвистических данных делают корпусные методы и цифровые инструменты все более востребованными в современной лингвистике [Петрова 2022]. Цифровые ресурсы используются в таких областях, как машинный перевод [Полтавский 2021], лингводидактика [Suleimanova 2020] и разработка поисковых систем [Suleimanova 2021], позволяя эффективно анализировать большие объемы данных. Однако, несмотря на бурный прогресс в области цифровых технологий, вопрос эффективности и доступности методов автоматизированного поиска дискурсивных единиц в крупных текстовых корпусах остается недостаточно изученным и требует дальнейших исследований.

Актуальность данной работы обусловлена наличием пристального внимания к коммуникативной функции языка и функционированию единиц, обладающих «особыми дискурсивными свойствами, которые помогают говорящему структурировать ход беседы, добиваться поставленных целей, воздействовать на собеседника и т.д.» [Шаронов 2015: 141] – см., например, работы [Шаронов 2017; Блюднева 2020; Рахилина 2021] и многие другие. При этом исследований отечественных и зарубежных лингвистов, рассматривающих особенности передачи дискурсивных единиц и, в частности, дискурсивных маркеров в аудиовизуальном англо-русском переводе субтитров к рассматриваемым в работе художественным фильмам, не проводилось.

Объектом данного исследования выступают дискурсивные единицы типа *well, you know, like, I mean*. **Предметом** исследования являются особенности семантики и употребления рассматриваемых дискурсивных маркеров в субтитрах к художественным фильмам на английском языке, а также особенности их передачи на русский язык.

Целью исследования, таким образом, является выявление особенностей семантики и употребления дискурсивных маркеров типа *well, you know, like, I mean* и анализ переводческих решений при передаче рассматриваемых единиц в русских субтитрах к английским художественным фильмам.

В качестве **методологической базы** исследования выступают работы по семантике и прагматике дискурсивных маркеров [Баранов 1993; Блюднева 2020; Рахилина 2021], исследования в области аудиовизуального перевода [Козуляев 2019], а также труды, посвященные функциональному подходу к переводу [Сулейманова 2015]. Для выявления функций дискурсивных маркеров в оригинальных диалогах и последующего анализа применяемых переводческих стратегий в субтитрах используются методы контекстуального, дискурсивного и прагмалингвистического анализа.

Эмпирическую базу исследования составляют примеры употребления дискурсивных маркеров, отобранные из субтитров к пяти художественным фильмам (2014–2019 гг.). Выбор фильмов обусловлен жанровым разнообразием, большим ко-

личеством диалогов и наличием качественных субтитров на популярных стриминговых платформах. Исследуемый корпус объемом более 100 тысяч слов включает транскрипты оригинальных диалогов на английском языке и их переводов в виде русских субтитров. В общей сложности анализу подверглось 321 высказывание, содержащее исследуемые дискурсивные маркеры, и соответствующие переводные высказывания, что суммарно составило 642 высказывания для анализа.

Методика исследования определялась целью и поставленными задачами. На начальном этапе проведен анализ словарных дефиниций рассматриваемых дискурсивных маркеров и сформулированы предварительные гипотезы об их семантике. Для формирования эмпирической базы использован метод поиска высказываний с анализируемыми дискурсивными маркерами в авторском корпусе субтитров при помощи введения точных форм. Каждый случай вхождения анализировался вручную с учетом контекста для верификации дискурсивной функции маркера. Вхождения, не являющиеся дискурсивными маркерами, исключались из дальнейшего анализа. На третьем этапе проводился контекстуальный анализ с целью уточнить семантические описания анализируемых единиц, определить прагматические и формально-дискурсивные функции, реализуемые маркером в исходном высказывании. На основе выделенных функций производилась типологизация отобранных единиц. Далее выполнялся анализ особенностей межязыковой передачи рассматриваемых маркеров с учетом принципов субтитрования и возможности возникновения функциональных потерь. На заключительном этапе производился подсчет частоты встречаемости маркера в исходных диалогах, доли опущения маркера и функциональных потерь при его опущении в субтитрах, выявлялись наиболее регулярные модели перевода.

В ходе исследования проведен количественный анализ употребления дискурсивных маркеров в отобранных фильмах, а также качественный анализ реализуемых ими функций в контексте диалогов. Так, были выявлены различные функции, которые выполняют маркеры *well*, *you know*, *like* и *I mean* в речи персонажей, а именно: смягчение, поиск выражения, заполнение пауз, пояснение, эмпатия и коммуникативный шаг (в работе используется типология формально-дискурсивных и прагматических функций дискурсивных маркеров, предложенная в [Блюднева 2020]). Анализ англо-русского перевода субтитров позволил выявить следующие регулярные стратегии передачи рассматриваемых единиц – опущение, перевод при помощи функционального эквивалента, лексическая замена, компенсация. Так, проведенное исследование показало, что, например, маркер *well* часто используется для смягчения, ср. следующий пример из фильма «Вселенная Стивена Хокинга»: *I want us to be together for as long as we've got, and if that's not very long, well, then that's just how it is.* – Я хочу, чтобы мы были вместе, и пусть нам отведено мало, значит так и будет. Как представляется, в данном случае переводчик прибегает к нарушению синтаксических норм в качестве компенсаторной стратегии для сохранения разговорности и эмоциональной окраски оригинального высказывания. Хотя прямой эк-

вивалент дискурсивного маркера *well* отсутствует, его функции коммуникативного шага и смягчения частично передаются за счет сочетания лексической компенсации (разговорные единицы *пускай, значит*) и синтаксической «неровности» (**пускай..., значит...*).

Маркер *you know* при переводе часто опускается, что может привести к потере функции смягчения или поиска выражения. Рассмотрим следующий пример из фильма «Прибытие»: *I have a list of questions that, you know, we can go over. Starting with a series of just a “handshake” of binary sequences...* – Я составил целый перечень вопросов, начиная с бинарных «рукопожатий»... Действие происходит в напряженной обстановке, когда военные и ученые готовятся к контакту с инопланетной цивилизацией. Полковник, представляя список подготовленных для пришельцев вопросов, пытается снизить уровень тревоги и неуверенности, используя маркер *you know*. Однако переводчик выбирает стратегию опущения, что приводит к функциональным потерям.

Маркер *like* выполняет функцию поиска выражения или эмпазы и часто передается при помощи слова *типа*, ср. пример из фильма «Славные парни»: *Her boyfriend died, like, really died, like, three days ago.* – Ее парень умер, *типа* реально умер три дня назад. В оригинале *like* используется дважды, но в русском переводе повтор опущен, что оправдано стилистически и с точки зрения экономии длины строки субтитра.

Маркер *I mean*, выполняющий функцию пояснения и/или смягчения, часто передается при помощи фразы *в смысле*, выступающей в качестве функционального эквивалента. В рассматриваемом примере из фильма «Вселенная Стивена Хокинга», ср.: *I mean, the voice sounds a little bit robotic, but...* – Конечно, голос слегка как у робота, но..., *I mean* переводится при помощи слова *конечно*, выступающего в качестве функционального эквивалента и передающего, хотя и с некоторым смещением, функцию смягчения.

Проведенное исследование позволило выявить особенности семантики дискурсивных маркеров *well, you know, like* и *I mean* в английских субтитрах к художественным фильмам. Анализ переводческих решений показал, как специфика субтитрования влияет на выбор стратегий передачи данных маркеров на русский язык.

Литература

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.

Блюднева А.А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский (сопоставление субтитрования и дубляжа художественных фильмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.

Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2019.

Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». М.: МГПУ, 2022.

Полтавский А.В., Федянина В.А., Скотченко А.С., Шевцова М.В. Основы цифровизации: первые поколения отечественных электронных вычислительных систем, компьютерные сети и машинные переводчики. М.: Сам Полиграфист, 2021.

Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7-27.

Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С., Лягушкина Н.В., Беклемешева Н.Н., Трухановская Н.С. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий: комплексный анализ переводческого процесса. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Шаронов И.А. Поиск и описание коммуникативов на основе Национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 141-183.

Шаронов И.А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №3. С. 114-127.

Suleimanova O.A., Guseinova I.A., Vodyanitskaya A.A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 мая 2020 года. Vol. 4. Rēzekne: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2020. Pp. 657-669.

Suleimanova O.A., Fomina M.A., Vodyanitskaya A.A. Digital Engines at Work: Promoting Research Skills in Students // Education Applications & Developments VI, 2021. Pp. 196-206.

E.M. Fomin (Moscow, Russia)

Moscow City University

DISCOURSE MARKER TRANSLATION IN ENGLISH-TO-RUSSIAN FILM SUBTITLING

The paper investigates into the semantics and pragmatics of discourse markers *well*, *you know*, *like*, and *I mean* in English film subtitles as well as provides an overview of their English-to-Russian translation with the constraints imposed by subtitling in mind.

Key words: discourse markers, audiovisual translation, subtitling, translation strategies, pragmatics, functional loss

Т.Н. Хомутова (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет
khomutovatn@susu.ru

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена проблеме определения и систематизации когнитивных стратегий перевода с позиций интегрального подхода. Предлагается типология когнитивных стратегий перевода, которые рассматриваются в тесной связи с реализующими их языковыми стратегиями. Намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: стратегия перевода, интегральный подход, когнитивные стратегии перевода, языковые стратегии перевода, декларативное и процедурное знание

Проблема когнитивных стратегий перевода, на наш взгляд, испытывает недостаток внимания со стороны современной когнитивной теории перевода, которая определяет перевод как речемыслительный процесс, формирующий в сознании пе-

реводчика определенную структуру смыслов, вербализуемую в переводном тексте [Минченков 2008: 15]. Лишь в нескольких работах [Ремхе 2007; Зыкова 2014] представлена содержательная, но не исчерпывающая разработка когнитивных стратегий перевода. *Актуальность* настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы стратегий перевода (СП) в целом и когнитивных СП в частности. Цель статьи – выявить и обосновать особенности когнитивных СП с позиций интегрального подхода. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: дать определение когнитивных СП, выявить и систематизировать их состав, показать взаимозависимость когнитивных и языковых СП в интегральной модели общей СП.

Интегральный подход в нашей трактовке объединяет различные, но взаимосвязанные точки зрения на один и тот же языковой объект в целях его целостного, разностороннего представления. В основе данного подхода лежит универсальная интегральная модель и принципы методологического плюрализма [Хомутова 2010]. Интегральный подход к изучению СП позволяет по-новому взглянуть на проблему их определения, классификации и выбора. Стратегия перевода в интегральном освещении определяется нами как интегральный рассредоточенный объект, общая программа действий переводчика, направленная на создание текста перевода в соответствии с когнитивными, социальными, культурными, языковыми и коммуникативными целями автора исходного текста и/или инициатора перевода в условиях конкретной коммуникативной ситуации [Хомутова 2024: 203]. Интегральная СП характеризует любой перевод в целом, такую стратегию мы называем общей. Применив интегральное моделирование к общей СП, мы выделили в ее интегральной модели четыре сектора: когнитивный, языковой, культурный и социальный, единицы которых актуализуются в процессе коммуникации. Частные СП как единицы каждого сектора представляют собой неотъемлемые части общей интегральной СП [Хомутова 2024]. Когнитивные СП, которые представляют объект нашего исследования, относятся к стратегиям когнитивного сектора. Это обусловлено тем, что исходный текст (ИТ) и текст перевода (ПТ) как фрагменты знания соответствующих лингвокультур базируются на концептах, концептуальных структурах и типе мышления того или иного народа, которые тесно связаны с его языком, обществом, культурой и вербализуются в процессе коммуникации.

Когнитивные СП мы понимаем как мыслительные операции, организующие декларативное и процедурное знание текста перевода в соответствии с поставленными когнитивными целями. В качестве когнитивных целей мы выделяем когнитивно-равноценный и когнитивно-неравноценный перевод. *Когнитивно-равноценный* перевод предполагает совпадение индивидуальных когнитивных пространств (термин В.В. Красных) автора ИТ, переводчика и адресата ПТ в конкретной коммуникативной ситуации. К когнитивному пространству мы относим декларативное знание (концепты, концептосферы) и процедурное знание (концептуальные структуры и макроструктуры). Так, к когнитивно-равноценному переводу можно отнести пере-

вод специальных текстов по точным наукам (математика, физика и др.), декларативное знание которых у представителей разных лингвокультур, принадлежащих к одной профессии и имеющих одинаковый уровень когнитивного развития, условно совпадает.

Представленные в ИТ концепты присутствуют и в когнитивном пространстве адресата, что подтверждается наличием межязыковых соответствий в виде терминов, стремящихся к однозначности. Процедурное знание в виде концептуальных структур и макроструктур в таких текстах, как правило, тоже совпадает. Это связано с универсализацией знания точных наук. Гуманитарное знание, напротив, демонстрирует децентрализацию, о чем свидетельствует наличие множества парадигм, концептосферы и терминологический аппарат которых могут значительно отличаться и один и тот же термин может обозначать разные концепты. Например, *applied linguistics* в российской лингвокультуре означает компьютерную лингвистику, в то время как в английской – лингводидактику, что приводит к когнитивным сбоям при переводе.

То же касается и СП процедурного знания, которые могут отличаться в разных лингвокультурах. Так, для англоязычной научной традиции характерна линейная последовательная подача информации с помощью макроструктуры IMRD (Введение – Методы – Результаты – Заключение), в то время как для русскоязычного типа мышления привычна зигзагообразная ассоциативная подача. Справедливости ради стоит отметить переход к англоязычной модели и в русскоязычном научном дискурсе, его своеобразную когнитивную форенизацию. Такой переход вызван процессами глобализации. Что касается перевода русскоязычного дискурса, то сохранение ассоциативной макроструктуры ИТ приводит к когнитивным сбоям у адресатов [Хомутова 2024], что указывает на когнитивно-неравноценный перевод. В свою очередь, стратегия перехода на макроструктуру ПТ свидетельствует о когнитивной доместикации перевода, которая, в целом, показывает стремление переводчика создать когнитивно-равноценный перевод. Когнитивно-равноценный перевод может иметь место не только при полном, но и при частичном совпадении когнитивных пространств автора, переводчика и адресата, такой перевод может характеризовать неспециальные тексты общей направленности. Это происходит, когда в когнитивном пространстве переводчика и адресата часть декларативного и процедурного знания, представленного в ИТ как фрагменте знания, совпадает, а часть отсутствует.

В таком случае переводчик может применить когнитивную стратегию переноса знания из ИТ в ПТ с помощью языковых стратегий добавления (экспликации, комментария, ссылок), то есть расширить зону общего когнитивного пространства. Такая СП, как и в случае с процедурной стратегией переноса макроструктуры, показывает стремление переводчика к когнитивно-равноценному переводу. При отсутствии полностью совпадающих концептов и макроструктур в ПЯ, для их восполнения переводчик может прибегнуть к стратегиям инференции, концептуализации и когнитивной доместикации, то есть поиску функциональных аналогов с помощью

языковых стратегий модуляции, генерализации, конкретизации, грамматических и текстовых трансформаций, добавлений. Хотя, строго говоря, такой перевод все же логично квалифицировать как частично равноценный в когнитивном плане, поскольку часть смыслов будет утеряна или изменена.

Когнитивно-неравноценный перевод в нашей интерпретации представлен целым рядом типов. Во-первых, это сокращенный перевод, например, реферативный и аннотационный. При таком переводе по заданию инициатора часть содержания ИТ не переводится, сохраняется лишь основная, с точки зрения переводчика, информация. В этом случае особенно важно совпадение когнитивных пространств автора и переводчика. Следует отметить, что макроструктура реферата и аннотации в ИЯ и ПЯ могут быть различными, поэтому, во избежание роста смысловых потерь, переводчику следует использовать макроструктуру, типичную для ПЯ. Но в любом случае такой перевод будет когнитивно-неравноценным. Второй случай когнитивно-неравноценного перевода представлен переводом ИТ, который не только в лингвокультурном, но и в социальном плане переориентирован на другую аудиторию, например, по типу знания: специальное – неспециальное (научный – научно-популярный текст) или по возрасту: взрослые – дети (литература для взрослых – детская литература). В когнитивном плане такая переориентация требует от переводчика знания и совмещения когнитивных пространств автора и адресата с последующим выбором определенных когнитивных стратегий (концептуализация, инференция, когнитивная доместикация и т.д.) в конкретной коммуникативной ситуации. Когнитивно-равноценный перевод в таких случаях, на наш взгляд, невозможен в силу несовпадения когнитивных пространств участников коммуникации, что вызывает когнитивные потери. И третий случай когнитивно-неравноценного перевода связан с несовпадением когнитивных пространств автора, адресата и самого переводчика, с недостаточной переводческой компетенцией последнего, что может привести к когнитивным сбоям.

Большую роль в выборе когнитивных СП играют его инициатор, который задает тип перевода, автор ИТ, который заложил в ИТ свое когнитивное пространство в виде декларативного и процедурного знания и стратегий его реализации, адресат ПТ, который обладает соответствующим данной коммуникативной ситуации когнитивным пространством, и переводчик, который должен совмещать когнитивные пространства автора и адресата, выбирая подходящие для осуществления определенного типа перевода когнитивные СП. Эти стратегии являются взаимозависимыми с другими СП (языковыми, культурными, социальными, коммуникативными) в рамках общей интегральной СП (подробно о корреляции различных СП см. [Хомутова 2024]).

Итак, под когнитивными стратегиями перевода мы понимаем мыслительные операции, организующие декларативное и процедурное знание ПТ в соответствии с поставленными когнитивными целями. В качестве когнитивных целей перевода мы выделяем когнитивно-равноценный и когнитивно-неравноценный перевод.

Когнитивно-равноценный перевод предполагает совпадение когнитивных пространств автора, переводчика и адресата ПТ в конкретной коммуникативной ситуации, в то время как когнитивно-неравноценный перевод означает частичное или полное несовпадение их когнитивных пространств. Когнитивные СП включают, с одной стороны, перенос элементов декларативного и процедурного знания из ИЯ в ПЯ, их концептуализацию, инференцию, когнитивную форенизацию в целях расширения когнитивного пространства адресата; с другой стороны, невключение элементов декларативного знания ИТ в ПТ или воссоздание макроструктуры ПТ, отличной от макроструктуры ИТ, в целях когнитивной доместикации перевода. Когнитивные СП вербализуются с помощью соответствующих языковых стратегий и приемов перевода. Дальнейшее изучение когнитивных СП в их связи с другими частными СП в рамках интегральной модели общей СП представляет несомненный интерес.

Литература

- Зыкова С.А. Когнитивные стратегии в переводческом процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 19-21.
- Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008.
- Ремхе И.Н. Моделирование перевода с позиции когнитивно-деятельностного переводоведения // Филологические науки. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1658-1662.
- Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010.
- Хомутова Т.Н. Стратегии перевода в интегральном освещении // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 199-212.

*T.N. Khomutova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

COGNITIVE TRANSLATION STRATEGIES

The article focuses on the problem of defining and organizing cognitive translation strategies within the framework of an integral approach. A typology of cognitive translation strategies which are considered in close connection with the language strategies that implement them is proposed. Prospects for further research are outlined.

Key words: translation strategy, integral approach, cognitive translation strategies, language translation strategies, declarative and procedural knowledge

*Д.Ю. Шебаршина (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
shebarshina@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются когнитивные механизмы синхронного перевода. Автор исследования характеризует уже систематизированные когнитивные механизмы данного вида деятельности и затем расширяет их перечень, опираясь на труды российских и зарубежных лингвистов и собственный практический опыт синхронного перевода.

Ключевые слова: синхронный перевод, когнитивный механизм, когнитивная система, интерференция, общий когнитивный контроль, распределение внимания

Когнитивные механизмы, по оценке исследователей, представляют собой сложнейшие способы обработки информации, схемы работы человеческого сознания, дают представление о способах анализа пополнения, модификации и конфигурации структур знания, оперирования этим знанием, которое вербализуется в языке (см. работы [Lakoff 1990; Talmy 1995; Заботкина 2002; Болдырев 2004; Кубрякова 2007; Магировская 2013]) [Ивашкевич 2019: 5]. Синхронный перевод, в свою очередь, в силу своей особой специфики и многогранности представляет несомненный интерес для лингвистов-когнитологов. В самом деле, ряд ограничений как внешних, так и внутренних (фактор дефицита времени, однократности предъявляемой информации, фактор стресса, ряд психофизических трудностей и т.д.), отождествляемых с данным видом речевой деятельности, показывают уникальность синхронного перевода как когнитивной системы.

Так, российский лингвист Д.В. Балаганов предпринял попытку систематизировать когнитивные механизмы, функционирующие в рамках данной когнитивной системы [Балаганов 2020: 149]. Ученый отмечает, что его исследование – это, по сути, первая попытка привести к общему знаменателю отдельные когнитивные механизмы, рассматриваемые отечественными и зарубежными исследователями [Там же]. В рамках данного исследования мы охарактеризуем 6 когнитивных механизмов синхронного перевода, описываемые лингвистом, и предпримем попытку расширить приводимый перечень механизмов еще 3 наименованиями.

Во-первых, автор выделяет механизм восприятия и понимания, при этом рассматривая восприятие и понимание как единый механизм. Автор обращается к интеграционной модели Массаро [Массаро 1987], при которой процесс обработки информации происходит на нескольких уровнях. Так, при синхронном переводе информация поступает линейно, но обрабатывается синхронно каскадно, что и дает основание выделять восприятие и понимание в единый механизм. Данный механизм отвечает за распознавание аудиальной информации и ее понимание на разных уровнях языковой системы [Балаганов 2020: 150].

Далее автор приводит механизм обработки поступающей информации, который он характеризует как механизм, «позволяющий переводчику определить конкретное значение слова в потоке информации, понять совокупное значение высказывания, а также интенцию оратора, основываясь как на лингвистической, так и на экстралингвистической информации» [Балаганов, 2020: 151]. В своем исследовании мы понимаем под данным механизмом механизм рабочей или оперативной памяти, который описал в своем исследовании английский психолог Алан Бэддели [Baddeley, Logie 1999: 35]. Согласно психологу, при восприятии текста на слух информация поступает в кратковременную память, затем, по мере понимания отрезка текста синхронным переводчиком она поступает в рабочую или оперативную память. Далее переводчик сливает информацию из рабочей памяти с той, что хранит-

ся в долговременной и, таким образом, создается речевое произведение на языке перевода.

Следующий механизм – это небезызвестный в лингвистических кругах механизм вероятностного прогнозирования, сформулированный Г.В. Черновым [Чернов 1978] в рамках его психолингвистической модели синхронного перевода. Механизм предполагает возможность предугадать вероятный вариант завершения коммуникативной ситуации, полагаясь на уже услышанный отрезок речи.

Далее упоминается механизм переключения между языками. Как уже отмечалось выше, синхронный перевод – это сложная когнитивная система, и в рамках этой системы переводчик-синхронист вынужден постоянно разграничивать язык перевода и язык оригинала во избежание языковой интерференции. Даниэль Жиль определяет данный механизм как определенный порог активации или же, наоборот, деактивации рабочей памяти переводчика [Röchhacker 2016: 115]. Опираясь на собственный опыт преподавания синхронного перевода в разных комбинациях языков, мы можем утверждать, что на занятиях по переводу много часов отводится на выработку соответствующего механизма у синхрониста. В начале своего профессионального пути синхронисту несомненно приходится преодолевать интерференцию, которая не позволяет осуществить идиоматичный перевод текста.

Следующий компонент – механизм выработки варианта перевода, согласно Балаганову, требует наличия у синхрониста двух способностей: доступ к лексическим единицам и их быстрое соединение в устойчивые выражения и гибкость синхронного переводчика [Балаганов 2020: 153]. В самом деле, переводчик должен быстро оперировать ресурсами своей долговременной памяти и быть гибким в подборе лексических и синтаксических средств выражения на языке перевода.

Наконец, Балаганов выделяет механизм синхронизации при синхронном переводе, который понимает, как распределение внимания между различными механизмами/операциями [Балаганов 2020: 153]. При этом автор отмечает фактор автоматизма, который обретается при совершенствовании одновременного говорения и слушания. На наш взгляд, синхронизация и распределение внимания в переводе – это не равноценные понятия. В самом деле, с учетом фактора автоматизма синхронный перевод протекает в режиме бессознательного контроля, нежели распределения внимания. То есть, синхронист доводит до автоматизма целый ряд механизмов и операций, таких как механизм вероятностного прогнозирования, переключения между языками, восприятия и понимания. То есть, эти процессы синхронизируются, но в рамках доведенного до автоматизма навыка. В этом и заключается механизм синхронизации, на наш взгляд.

В то же время мы выделяем в отдельный пункт механизм распределения внимания, который воспринимаем как актуальное осознание. То есть, в каждый момент времени синхронист удерживает внимание на том, что первостепенно. Это может быть необходимость лучше понять контекст, лучше передать эмоции оратора, ис-

пользовать трансформационную операцию, избрать соответствующую стратегию и т.д. Переводчик также удерживает внимание при процессе обработки информации и говорении, при самоконтроле [Шебаршина 2021: 27]. Для переводчика характерна концентрация внимания на основных, доминирующих аспектах и, в то же время, возможность в любой момент перенести центр внимания на «фоновые» явления, превратив их, таким образом, в доминирующие [Ермолович 1981: 62].

Следующий выявленный нами механизм – это механизм письменной фиксации аудиальной информации. Из личной практики перевода нам досконально известно, что синхронный переводчик постоянно сталкивается с ситуацией, когда необходимо выработать вариант перевода в условиях чрезмерной когнитивной нагрузки. Так, например, числа, меры, аббревиатуры, перечень названий и иные прецизионные элементы информации могут значительно повышать когнитивную нагрузку на специалиста. Синхронист, в свою очередь, прибегает к одновременной фиксации подобного рода информации с целью снизить нагрузку на рабочую память и передать больший процент информации.

Наконец, при исследовании синхронного перевода нельзя пренебрегать механизмом самоконтроля или общего когнитивного контроля. Первым лингвистом, выявившим механизм самоконтроля и коррекции, стал Д. Гервер. В самом деле, переводчик исправляет себя во время перевода или же когда начинает перевод неверно, когда ему не удастся правильно спрогнозировать синтаксическую, семантическую структуру предложения [Röschhacker 2004: 125]. Этот механизм представляет особый интерес для исследователей, так как его крайне сложно изучить. Помимо самоисправлений, синхронист также регулирует свою подачу, силу голоса, контролирует регистр речи и пр.

Таким образом, в своем исследовании мы сосредоточились на выявлении когнитивных механизмов синхронного перевода, взяв за основу работу российского ученого, который первым подошел к вопросу систематизации когнитивных механизмов, присущих этой деятельности. В рамках научной работы мы обнаружили некоторое расхождение во взглядах и дали свое обоснование, одновременно с этим, мы расширили перечень когнитивных механизмов синхронного перевода, исходя из трудов ученых в этой области и собственного практического опыта синхронного перевода. Следует понимать, что данное исследование носит субъективный характер и представляет интерес для дальнейшего изучения. Наш собственный практический опыт преподавания синхронного перевода показал, что понимание того, как осуществляется синхронный перевод и какие механизмы задействованы, помогает обучающимся быстрее осознать сам процесс и овладеть соответствующими навыками перевода.

Литература

Балаганов Д.В. Динамика когнитивных механизмов в синхронном переводе // Современное педагогическое образование. 2020. № 4. С. 149-156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-kognitivnyh-mehanizmov-v-sinhronnom-perevode>

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Ермолович В.И., Зимняя И.А. Психология перевода. М.: МГПИИЯ, 1981.

Заботкина В.И. Конвенциональность vs креативность в лексиконе (когнитивно-дискурсивный подход) // С любовью к языку: сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва, Воронеж: ИЯ РАН: Воронежский государственный университет, 2002. С. 123-130.

Ивашикевич И.Н. Роль когнитивных механизмов в формировании непространственных смыслов в языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. №S4 (1). С. 5-12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kognitivnyh-mehanizmov-v-formirovanii-neprostranstvennyh-smyslov-v-yazyke>

Кубрякова Е.С., Ириханова О.К. Языковое абстрагирование // Известия РАН. М.: СЛЯ, 2007. Т. 66. № 2. С. 3-12.

Магировская О.В. Когнитивные и языковые механизмы многоуровневой конфигурации знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 381-392.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978.

Шебаршина Д.Ю. Проблема внимания при синхронном переводе как один из факторов, обуславливающих «Конкуренцию интеллектов» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2021. № 2. С. 21-28.

Baddeley A.D., Logie R.H. Working memory: The multiple-component model // Models of working memory. A. Miyake, P. Shah (Eds.). New York: Cambridge University Press, 1999. Pp. 28-61.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, London: University of Chicago Press, 1990.

Massaro D.W. Speech perception by ear and eye: A paradigm for psychological inquiry. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987.

Pöschhacker F. Introducing Interpreting Studies. London, New York: Routledge, 2004.

Talmy L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 57-149.

D.Y. Shebarshina (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE MECHANISMS OF SIMULTANEOUS INTERPRETING

The article deals with the cognitive mechanisms of simultaneous interpreting. The author of the study characterizes systematized cognitive mechanisms of this type of activity and then expands their list based on the works of Russian and foreign linguists and her own practical expertise in simultaneous interpreting.

Key words: simultaneous interpreting, cognitive mechanism, cognitive system, interference, general cognitive control, attention allocation

Д.А. Шумилова, И.Н. Ремхе (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет

i@shumshk.ru, rilix@mail.ru

ПЕРЕВОД КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА¹

Исследование посвящено выявлению особенностей перевода концептуальных метафор с китайского языка на русский и английский. Особое внимание уделяется проблемам переводимости концептуальных метафор в художественных произведениях, как системах высочайшей сложности.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концепт, переводимость, адекватность, эквивалентность

В рамках когнитивной лингвистики метафора рассматривается как когнитивный механизм, раскрывающий процесс отражения и осмысления окружающей действительности в сознании человека посредством языковых средств. Когнитивный подход к изучению метафор открывает доступ к концептосферам, концептуальным системам общим для носителей одного языка. Развитие когнитивного подхода началось с теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которая была опубликована в монографии «Метафоры, которыми мы живем». В последствии эту теорию развивали отечественные и зарубежные исследователи (А.Н. Баранов, З.И. Резанова, А.П. Чудинов, R. W. Gibbs, G. Fauconnier, Z. Kövecses, M. Turner и др.).

В ранних исследованиях о переводимости когнитивных метафор исследователи соотносят когнитивные операции и возможность перевода. Перевод метафоры рассматривается с позиции теорий значения: «то, что может быть выражено в одном языке, может быть переведено на другой, так как то, что сказано, обязательно должно обладать значением в языке-реципиенте» [цит. по: Maalej 2008: 63]. Дж. Лакофф в своей работе отмечает, что перевод невозможен только в том случае, если языки имеют сильно различные концептуальные системы. Однако, говорить о том, что концептуальные системы различны можно только в том случае, когда язык невозможно выучить. Следовательно, концептуальные метафоры изучаемых языков могут быть переведены [Lakoff 1987: 311].

Другой подход к переводимости метафор основывается на типологии текстов. П. Ньюмарк выдвигает на первый план тип текста как фактор, определяющий процесс перевода метафоры. Он выделяет 2 типа: информативные и экспрессивные тексты [Newmark 1981: 6]. В рамках исследования особенностей перевода концептуальных метафор в художественных текстах информативные тексты играют не-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Приказ № 86-1 от 18.02.2025, проект «Разработка комплексной когнитивной модели перевода метафорических единиц на материале китайского и русского языков»)

значительную роль, т.к. П. Ньюмарк отметил, что в них метафоры имеют малую функциональность или не имеют совсем, следовательно, подобные метафоры или обладают высокой степенью переводимости, или могут быть опущены в процессе перевода. В рамках данной статьи мы рассматриваем экспрессивные тексты, в частности художественную литературу, т.к. метафоры в них несут информативную нагрузку, автор использует метафоры намеренно. Соответственно, они сложнее поддаются переводу за счет их контекстуальной, семантической и прагматической нагрузки.

В конце XX века появляются фундаментальные исследования в области перевода, в которых на первый план выходит культурный фактор как доминирующий в процессе перевода. В основу перевода художественного текста ложится ориентация на личность автора и реципиента (Ю.М. Лотман, З.Я. Тураева, А.К. Долин, В.А. Кухаренко, Н.А. Хрусталева). Такой подход ориентирован на выявление языковых единиц, при помощи которых автор демонстрирует фрагмент своей действительности из своего сознания, и их особенностей для подбора аналогов или эквивалентов в языке перевода. Именно языковые единицы отражают концепты, существующие в сознании автора и реципиента.

В художественных текстах, как в системах высочайшей сложности, даже стертые метафоры обладают значением за счет синергетического эффекта. Все части произведения несут сообщение. Ю.М. Лотман говорит о том, что «Формальные элементы семантизируются, то, что присуще общекommunikационной системе, войдя в специфическую структурную целостность текста, воспринимается как индивидуальное» [Лотман 1998: 18]. В литературе каждая составляющая часть имеет особое значение, автор подбирает слова и выражения, читатели не воспринимают выражения обыденно, в отрыве от контекста произведения.

Особое значение имеет высказывание Н.В. Иванова и М.Н. Федуловой о связи материальной и идеальной сторон межъязыкового влияния в переводе: текст оригинала и язык оригинала, их материальные стороны, оказывают влияние на текст перевода, что может приводить к буквализмам [Иванов, Федулова 2023: 7-37]. Следовательно, снижается качество текста перевода, особенно стилистическое оформление, возможно даже искажение смысла. Однако, возможна и другая крайность – излишняя вольность, при смысловой интерпретации с игнорированием языковой формы оригинала.

Рассмотрим некоторые примеры перевода концептуальных метафор «Время» на материале романа Мо Яня «Устал Рождаться и умирать» и его переводов на русский и английский языки.

Как и во многих языках, в китайском можно встретить концепт ДЕНЬГИ. В первых примерах видно прямое указание на ценность времени: «время дорого», «время – деньги»: 这边已经曲将终人即散 · 今夜要干的事情还有很多 · 时间宝贵 · 不敢滞留 (莫言 «生死疲劳»). И тут, как говорится, «песни закончились, люди разошлись». Вечером ещё ждали дела – время дорого, терять его нельзя (Мо Янь «Устал

рождаться и умирать», в пер. И. А. Егорова). Down below, now that the festivities had ended, the people began drifting away. There was still plenty to do that night; no time to waste (Life and death are wearing me out, в пер. Г. Гольдבלата).

В примере на китайском языке 时间宝贵 дословно – «время – драгоценность». На русский язык данная метафора была переведена описательно, «время дорого, терять его нельзя», в процессе перевода было выбрано другое значение слова «宝贵», дорогой. В данном случае мы можем говорить о буквальности перевода, т.к. чаще всего в русском языке используется заимствованное выражение «Время – деньги», но контекстуально оно не подходит.

В тексте перевода на английский язык используется фразеологизм «no time to waste». Для носителей английского языка свойственно такое восприятие времени, поэтому в переводе удалось подобрать языковую единицу, которая точно отражает фрагмент реальности как автора произведения, так и реципиентов в переводе.

Кроме того, что время – это деньги, время – это предмет. Когнитивная метафора времени выступает образным компонентом концепта ПРЕДМЕТ. Проанализируем следующие примеры: 我抓紧时间吃草料 (莫言 «生死疲劳»). А я в это время торопливо уминал корм (Мо Янь «Устал рождаться и умирать», в пер. И. А. Егорова). I ate like there was no tomorrow (Life and death are wearing me out, в пер. Г. Гольдבלата).

抓紧时间 (букв. крепко ухватил время, беречь каждый момент) передано на русский язык как «торопливо». Когнитивная метафора китайского языка в данном случае утеряна, в переводе не удалось отразить заложенное автором значение важности имеющегося времени. В английском языке эта языковая единица передана сравнением «like there was no tomorrow», что по смыслу больше приближено к восприятию автора текста. Поскольку отношение ко времени как к предмету не характерно для русского и английского языков, были выбраны другие языковые средства, адекватные для языков перевода, позволяющие в той или иной степени раскрыть смысловую составляющую текста.

Еще один концепт, метафора «время», который может выступать образным компонентом концепта КОНТЕЙНЕР. В китайском языке «в течение какого-то времени» передается через рамочную конструкцию 在.....里 или 在.....内 (находиться внутри), что соответствует положению материальных предметов в пространстве. 住在东厢房里的另一户人家·在这段时间里的一个狂风暴雨日·生了一对双胞胎女婴 (莫言 «生死疲劳»). В один из дней, когда бушевала гроза с сильным ветром и дождём, ещё у одной семьи, жившей в восточной пристройке, родились девочки-двойняшки (Мо Янь «Устал рождаться и умирать», в пер. И. А. Егорова). Back then I was on top of the world. Bumper harvests every year, and the tenant farmers eagerly paid their rent. The grain sheds overflowed. The livestock thrived, and our black mule gave birth to twins (Life and death are wearing me out, в пер. Г. Гольдבלата).

В данном примере на китайском языке видно, что события помещаются внутрь времени, реализуя тем самым указанный концепт, «在这段时间里» (дословно «внутри того отрезка времени»). Такое восприятие времени не свойственно для языков

перевода, поэтому образность опускается: «в один из дней» и “Back then”. При этом не удается передать восприятие действительности автора.

В приведенных примерах можно заметить, что текст перевода создается в первую очередь на основе когнитивных особенностей реципиента и выразительных возможностей языка. В случае сильного расхождения концептосфер языка оригинала и языка перевода переводчик стремится сохранить смысловую тождественность эпизода. В указанных отрывках перевод метафор производится путем подбора аналогов или эквивалентов. Анализ примеров показал, что при переводе на английский язык совпадений концептосфер обнаружено больше, чем в переводе на русский язык, следовательно, в тексте перевода на английском языке более глубоко отражена действительность носителей китайского языка.

Литература

Баранов А.Н. Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллюкутивного вынуждения // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84-99.

Иванов Н.В., Федюлова М.Н. В поисках истины перевода. К онтологическим основаниям переводческого анализа // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-istiny-perevoda-k-ontologicheskim-osnovaniyam-perevodcheskogo-analiza>

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство – СПб, 1998.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 206-207.

Maalej Z. Translating metaphor between Unrelated Cultures: A Cognitive Perspective. URL: [http://www.kkhec.ac.ir/Linguistics articles index/Zouhair Maalej Translating](http://www.kkhec.ac.ir/Linguistics%20articles%20index/Zouhair%20Maalej%20Translating).

Newmark P. Approaches to translation. Oxford-N. Y.: Pergamon Press, 1981.

D.A. Shumilova, I.N. Remkhe (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

TRANSLATION OF CONCEPTUAL METAPHORS IN LITERARY TEXTS AS A REFLECTION OF THE CHINESE LANGUAGE SPEAKERS' REALITIES

The research is devoted to identifying the peculiarities of conceptual metaphors translation from Chinese into Russian and English. Particular attention is paid to the problems of conceptual metaphors translatability in fiction as systems of the highest complexity.

Key words: conceptual metaphor, concept, translatability, adequacy, equivalence

КОММУНИКАЦИЯ, КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

О.А. Акимова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
egorova_rudn@mail.ru*

ГЕНДЕРНАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НЕЙРОСЕТИ GIGACHAT)

В статье исследуется проблема гендерной предвзятости в больших языковых моделях для генерации изображений на примере русскоязычной нейросети GigaChat. Проведенный эксперимент выявил устойчивые гендерные стереотипы в результатах генерации, такие как преобладание мужчин в технических профессиях и женщин в традиционных ролях. Результаты подчеркивают необходимость разработки этически ориентированных подходов к обучению моделей для минимизации предвзятости и продвижения гендерного равенства. Исследование вносит вклад в дискуссию о влиянии генеративного искусственного интеллекта на формирование социальных стереотипов.

Ключевые слова: гендерная предвзятость, большие языковые модели (БЯМ), генеративный искусственный интеллект (ГИИ), гендерные стереотипы, нейросеть

Глобализация и цифровизация общества способствуют взаимопроникновению культур. Однако несмотря на диффузные лингво-культурные процессы, концептуализация и вербализация элементов реального мира происходит по-разному в разных социокультурных образованиях и зависит от сложившейся в них картин мира и ментальных и языковых особенностей категоризации и концептуализации действительности [Заботкина 2021: 18]. Весь человеческий опыт фиксируется в языковой картине мира посредством вербализованных концептуальных единиц, помогая структурировать человеческие знания, а «язык обеспечивает доступ ко всем концептам, независимо от того, каким способом они сформированы» [Болдырев 2014: 43].

Новые знания образуются посредством когниции, которая, в свою очередь, предполагает «не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого – телесного, чувственно-наглядного, сенсорного – опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром» [Болдырев 2004: 22]. Категоризация представляет собой один из ключевых когнитивных процессов, включая гендерную категоризацию, которая заключается в приписывании пола или наделении объектов, явлений или субъектов гендерными характеристиками. Сегодня гендерные исследования часто сопряжены с изучением стереотипности и предвзятости языковых систем.

Гендерные стереотипы представляют собой штампы и клише, сформированные в сознании лингвокультурного сообщества и выраженные в языке. Поскольку гендер является динамическим конструктом [Зиновьева 2016: 77], постоянная подверженность гендерным стереотипам может не только исказить индивидуальную картину мира человека, но и привести к культурно-ценностным сдвигам всего общества. Одной из причин массового распространения различного рода стереотипов сегодня можно назвать явление сингулярности, связанное с молниеносным развитием и распространением генеративного искусственного интеллекта.

Генеративный искусственный интеллект (ГИИ) стал одним из основных инструментов обработки естественного языка от автоматического перевода до генерации контента. Однако использование больших языковых моделей (БЯМ) может сопровождаться укоренением существующих стереотипов и способствовать распространению социокультурных ценностей «родного» языка нейросети, т.е. языка массива текстовых данных, на котором была обучена та или иная БЯМ.

В данной работе мы попытались проанализировать гендерные стереотипы в изображениях, сгенерированных с использованием русскоязычной нейросети GigaChat.

Для эксперимента были выбраны гендерно нейтральные профессии (профессии, которые в русском языке не имеют нескольких родовых наименований, как например, *учитель/учительница*). Для того, чтобы исключить возможность гендерной импликации в промптах, они вводились во множественном числе в виде: *врачи на работе/ модели на работе* и т.д. Множественное число в обозначении профессий было выбрано поскольку в начале проведения эксперимента профессия в промпте вводилась в единственном числе, при этом в 10 случаях из 10 по вышеуказанным промптам нейросеть генерировала портрет мужчины. Однако было замечено, что модель также генерирует изображения с одним главным лицом на переднем плане и несколькими агентами на заднем плане, при этом все люди на изображении относились к указанной профессии и часто принадлежали к разным гендерам, поэтому было решено изменить дизайн эксперимента и вести подсчет общему количеству представителей обоих гендеров указанной профессии на всех сгенерированных изображениях. Промпты вводились на русском и английском языках, чтобы сравнить, насколько представлены гендеры в результатах генерации в зависимости от исходного языка промпта.

В Гигачат бот была выбрана опция «Нарисовать картинку в разных стилях», поскольку данная функция позволяет сгенерировать сразу 4 изображения по одному запросу, что представляется более эффективным в рамках количества генерируемых изображений. Функция «стиль» была оставлена пустой, а размер изображений по умолчанию остался 1*1 (квадрат). Всего на каждый запрос было сгенерировано 20 изображений. В рамках исследования велся подсчет всем людям на фото, чей гендер можно было явно идентифицировать, смазанные фигуры с артефактами, не облада-

ющие явно выраженными гендерными признаками были исключены. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Гендерное распределение сгенерированных изображений

промпт	русский			английский		
	всего	м	ж	всего	м	ж
Врачи на работе / Doctors at work	130	84	46	96	44	52
Менеджеры на работе / Managers at work	100	72	28	122	83	39
Фешн модели на работе / Fashion models at work	69	1	68	75	1	74
Педагоги в классе / Teachers in the classroom	66	26	40	43	16	27
Программисты на работе / Programmers at work	99	76	23	77	73	4
Фотографы на работе / Photographers at work	24	21	3	32	26	6

Как видно из таблицы, нейросеть подвержена гендерным стереотипам. Так, по результатам генерации можно выделить «типично мужские» (фотограф, программист) и «типично женские» (модель, педагог) профессии. Помимо гендерной предвзятости (которую мы определяем как разницу в количестве людей каждого гендера в наборе полученных изображений) в сторону мужчин в ответ на гендерно-нейтральные запросы, были выявлены и другие штампы, интегрированные в изображения. Так, подавляющее большинство врачей были изображены со стетоскопами на шее и в очках, а менеджеры – в строгих костюмах. При этом пропорциональная представленность женщин и мужчин в полученных изображениях по разным специальностям в промптах на разных языках практически совпадает, за исключением профессий *врач* и *программист* (рис. 1).

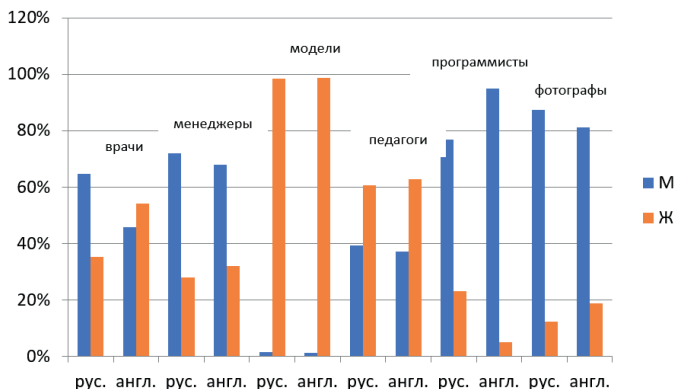

Рис. 1. Гендерное распределение в результатах генерации: анализ соотношения полов в русском и английском языках

В результатах генераций по промпту *врачи на работе* на русском языке представлено больше мужчин, а на английском языке женщины преобладают в профессии. В результатах генерации по промпту *программисты на работе* представлено значительно больше женщин, чем в изображениях по тому же промпту на английском языке. Интересным представляется тот факт, что в изображениях по русским промптам, в которых преобладал мужской гендер, женщина была изображена на переднем плане, как центральная фигура иллюстрации только в четырех случаях (1 изображение по промпту *врачи* и 3 изображения по промпту *менеджеры*), при этом изображения женщин без присутствия мужчин встречаются только по промпту *педагоги и модель*.

В результате проведенного эксперимента было установлено, что исследуемая БЯМ поддерживает гендерные стереотипы, что выражается в генерации большего количества изображений мужчин в технических профессиях и профессиях, связанных с властью и лидерством.

Таким образом, данное исследование не только выявляет существующие проблемы предвзятости в генеративном искусственном интеллекте, но и служит основой для дальнейших дискуссий о том, как можно улучшить модели для более точного и сбалансированного отражения гендерных ролей в создаваемом контенте. Учитывая, что ГИИ становится неотъемлемой частью повседневной жизни общества, его влияние на формирование когнитивных репрезентаций и картины мира пользователей приобретает особую значимость. В этой связи разработка и внедрение этически ориентированных подходов к созданию и обучению таких моделей должны способствовать не только минимизации гендерных стереотипов, но и продвижению ценностей гендерного равенства, а также формированию инклюзивного и социально ответственного контента, избегая усиления устаревших и рудиментарных представлений.

Литература

Заботкина В.И. К вопросу о когнитивных основах контакта двух культур // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Зиновьева Е.С. Современные аспекты изучения гендера в языкознании // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 74-78.

O.A. Akimova (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

GENDER BIAS IN TEXT-TO-IMAGE LARGE LANGUAGE MODELS (CASE STUDY OF THE GIGACHAT NEURAL NETWORK)

The article explores the issue of gender bias in large language models for image generation, using the Russian-language neural network GigaChat as an example. The conducted experiment revealed persistent gender stereotypes in the generation results, such as the predominance of men

in technical professions and women in traditional roles. The results highlight the need to develop ethically oriented approaches to model training to minimize bias and promote gender equality. The study contributes to the discussion on the impact of generative artificial intelligence on the formation of social stereotypes.

Key words: gender bias, large language models (LLM), generative artificial intelligence (Gen AI), gender stereotypes, neural network

А.В. Анненкова (Курск, Россия)

*Юго-Западный государственный университет
antonina-1984@yandex.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К СОВРЕМЕННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПЛЮС И МИНУСЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ

Цифровая трансформация общества приводит к градуальному изменению устоявшегося отношения к современным технологиям не только в наукоемких сферах и повседневной жизни, но и в контексте лингвистической науки. Основное внимание в статье уделяется изучению воздействия инновационных цифровых технологий, в частности, искусственного интеллекта и его нейронных сетей, на когнитивную лингвистику.

Ключевые слова: лингвистика, технологии, искусственный интеллект, нейронные сети, когнитивный процесс, когнитивная лингвистика, квантитативная лингвистика

В мировом информационном пространстве сегодня функционирует большой объем разнообразной и разнородной информации, что затрудняет работу исследователей и ученых по ее анализу и систематизации. Следовательно, современной лингвистической науке нужен новый инструментарий, который позволит решать многие задачи более эффективно и точно, а также откроет новые возможности для проведения исследований в этой области. Таким инструментом стало использование искусственного интеллекта и нейронных сетей. В современном высокотехнологичном мире искусственный интеллект и нейронные сети можно закономерно рассматривать как неотъемлемую часть разных областей науки и техники, расширяющую горизонты, дающую новые ресурсы и изменяющую угол зрения на проблему и пути ее решения. Внедрение инновационных технологий искусственного интеллекта затронуло и лингвистическую науку.

Появление нейронных сетей относят к середине XX в., когда американскими учеными было предложено использовать способность нервных клеток мозга обрабатывать информацию в качестве основного принципа для работы искусственных нейронов и последующего решения с их помощью логических задач. Соответственно, нейронная сеть, подобно человеческому мозгу, представляет собой совокупность нейронов, выступающих вычислительными единицами сети, каждый из которых имеет свои входы и выходы (синапсы и аксоны по аналогии с

биологическим мозгом). Единичные нейроны, объединяясь в сети, создают сложные нелинейные структуры, обладающие огромным «интеллектом» и вычислительным потенциалом, который можно использовать в лингвистических целях, например, для анализа и распознавания текста, осуществления машинного перевода или разработки интеллектуальных моделей для обработки языковых данных или коммуникации.

В.А. Гершкович и М.В. Фаликман [Гершкович, Фаликман 2018] полагают, что вне зависимости от природы системы, вовлеченной в процесс обработки и переработки информации, переменные системы работают и управляются на основе однотипных принципов. Следовательно, при моделировании когнитивного познавательного процесса можно уделять больше внимания нейрофизиологическим механизмам, которые представляется возможным реализовать посредством внедрения и обучения нейронных сетей искусственного интеллекта. Кроме того, нейросети расширяют потенциал и имплементативность процессов когнитивного моделирования, обеспечивая дополнительный учет контекстуального содержания, доступность поиска по контекстному запросу, реализацию дополнительного моделирования обработки информации.

В работе Р.Ф. Бурнашева и А.С. Аламовой [Бурнашев, Аламова 2023] отмечается, что адаптационные способности нейронных сетей к работе с многофакторными комплексными языковыми структурами обеспечивают условия не только для исследования текста с количественной точки зрения, но и открывают перспективы для проведения качественного анализа на предмет наличия языковых структур и данных, а также получения из текста более точной информации «по запросу», по сравнению с применением традиционных методов работы с текстами.

Синергия искусственного интеллекта, его нейросетей и когнитивной лингвистики не только увеличивает спектр действия последней, но и создает возможности для более глубокого проникновения технологического прогресса и технологий искусственного интеллекта в понимание самого глубинного процесса человеческого познания. Когнитивная лингвистика дает информацию прикладного характера о структурности, механизмах и способах обработки естественного языка, которая может быть проанализирована и применена для выявления закономерностей формирования и передачи смыслов языковыми средствами, что станет фундаментом для разработки нейросистем и моделей искусственного интеллекта, обладающих характеристиками сходными с присущими индивиду чертами. Корреляция когнитивной лингвистики с нейросетями искусственного интеллекта формирует квантитативную лингвистику, точные математические и статистические инструменты которой позволяют обрабатывать не только конкретные языковые формы, но и все возможные модели оказания прямого и латентного манипулирования языковыми единицами с целью воздействия на индивида, учитывая цели такого воздействия [Бурнашев, Аламова 2022]. Важно понимать, что получение требуемого уровня глубокого обучения нейронных сетей

основывается на современных достижениях в сфере когнитивных вычислений, что позволяет организовать грамотное взаимодействие и работу в системе «компьютер – человек» с учетом понимания нейросетью речи, ее эмоционального наполнения, образности и т.д.

Одной из наиболее перспективных отраслей лингвистических знаний, в которой уже сейчас широко применяются нейросети, можно считать обработку текстов на естественном языке с последующим анализом языковых данных. Благодаря нейросетям разрабатываются модели, способные понимать и генерировать тексты, а также классифицировать лингвистические данные согласно заданным параметрам. В частности, внедряя нейросети в процесс обработки естественного языка можно достигнуть оптимизации работы ученых, а также повысить автоматизацию, интенсификацию и эффективность процесса научных исследований и исследовательских разработок в таких сферах как: осуществление машинного перевода; распознавание речи в автоматическом режиме; реализация коммуникативных диалогов в формате вопрос-ответ в чат-ботах, а также при общении с виртуальными ассистентами; анализ тональности речи и выражаемых чувств в текстовом материале; автоматическое заполнение и исправление текста; суммаризация и аннотирование текста; анализ и классификация текстов; генерация текста; идентификация именованных сущностей; анализ контента, комментариев в социальных медиа средах, отслеживание настроения, тенденций и трендов общества.

Если же говорить о когнитивном аспекте использования нейросетей, то следует отметить следующие возможные направления их внедрения в науку, такие как, например, предсказание поведения и поведенческих паттернов; моделирование работы мозга, а также изучение возникающих у человека эмоций. Кроме того, нейросети можно обучить моделированию таких когнитивных процессов как память, восприятие, язык. Изучение механизма кодирования информации и информационных сигналов в нейронных сетях станет основой для развития и создания сложных когнитивных социальных роботов; представление мыслительных и когнитивных процессов с помощью нейросетей позволит проследить и алгоритмически представить процесс воздействия на сознание индивида новой информации, терминологии или реалий; генерация количественных прогнозов с учетом поведенческих и нейронных паттернов, отражающих динамические изменения в состоянии индивида и его когнитивной деятельности, создаст необходимые условия для осуществления интеракции в системе «компьютеризированная система – человек» с имплементацией эмоционально-когнитивных процессов, т.е. система сможет понимать представляемые образы, продуцируемую речь, текст, эмоции и т.п.

Не стоит забывать и о влиянии искусственного интеллекта и нейронных сетей на когнитивные способности индивида. Всё большее вовлечение технологических и информационных ресурсов и инструментов в повседневную де-

тельность человека способно оказывать негативное воздействие на когнитивную сферу и может приобрести необратимый характер. К таким изменениям стоит отнести когнитивные искажения, возникающие при принятии решений или предложении рекомендаций, например, в случае феномена «иллюзорной корреляции» [Крупнова 2015] индивид, моделируя ситуацию для последующего выстраивания действий, наблюдает ошибочное наличие связей и взаимосвязей между разными переменными и факторами, которые в реальности отсутствуют. Кроме того, постоянная опора на помощь нейросетей и использование предложенных искусственным интеллектом готовых решений при работе или принятии решений влияет на процесс мышления, нарушая внутринейронные связи, отвечающие за самостоятельность данного когнитивного процесса. Привыкание к готовым решениям, предлагаемым искусственным интеллектом, нарушают общий процесс мышления, приводя к снижению когнитивной нагрузки, потере навыков критического мышления, ослаблению памяти и угнетению креативного потенциала индивида. Тем не менее, несмотря на очевидные негативные эффекты, возникающие из-за использования нейросетей и отражающиеся на когнитивной сфере человека, нейросети, как уже было рассмотрено выше, могут быть полезны для выполнения задач разного рода. Например, при грамотном обучении на больших объемах данных нейросеть будет способна определять закономерности распределения похожих данных, давать прогнозы и рекомендации, и, следовательно, нейросети смогут быть внедрены в систему для анализа когнитивных и биологических нейронных процессов.

Таким образом, имплементация искусственного интеллекта и нейронных сетей в лингвистическую когнитивную науку носит комплексный характер и сопряжено как с положительными изменениями, так и с некоторыми негативными аспектами, которые необходимо учесть при дальнейшей работе с новыми технологиями. Нейросети обладают значительным потенциалом и могут быть применимы в различных сферах и отраслях лингвистического знания, что будет способствовать автоматизации, анализу и совершенствованию процедур обработки текстовых данных.

Литература

- Бурнашев Р.Ф., Аламова А.С. Квантитативная лингвистика и искусственный интеллект // Science and Education. 2022. Т. 3. №. 11. С. 1390-1402.
- Бурнашев Р.Ф., Аламова А.С. Роль нейронных сетей в лингвистических исследованиях // Science and Education. 2023. Т. 4. №. 3. С. 258-269.
- Гершикович В.А., Фаликман М.В. Когнитивная психология в поисках себя // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5 (4). С. 28-46
- Крупнова В.О. Связь общих способностей с подверженностью иллюзорной корреляции у студентов-психологов // МНСК-2015: Психология: материалы 53-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2015. С. 37.

A.V. Annenkova (Kursk, Russia)

Southwest State University

TRANSFORMATION OF ATTITUDES TOWARDS MODERN TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC SCIENCE: PROS AND CONS OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEURAL NETWORKS IN COGNITIVE LINGUISTICS

The digital transformation of society has led to a gradual shift in attitudes towards modern technologies, not only in high-tech fields and everyday life, but also within the context of linguistic research. The paper examines the impact of innovative digital technologies, specifically artificial intelligence and neural networks, on cognitive linguistics.

Key words: linguistics, technologies, artificial intelligence, neural networks, cognitive process, cognitive linguistics, quantitative linguistics

О.И. Бабина (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет

babinaoi@susu.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕХАНИЗМА ВНИМАНИЯ В ЭНКОДЕРЕ

В работе определяется в категориях лингвистики и когнитивистики реализация механизма внимания в нейросетях-трансформерах. Приводятся данные эксперимента по настройке нейросетевого энкодера ruBERT для анализа тональности русскоязычного текста. Представлены результаты анализа матриц внимания, извлеченных из полученной модели.

Ключевые слова: лингвокогнитивный анализ, механизм внимания, нейросетевая модель, трансформер, энкодер, анализ тональности, контекст

Внимание – одна из ключевых когнитивных способностей человека, играющая решающую роль в процессе восприятия и понимания информации. В психологии внимание рассматривается как способность сознания к направленному восприятию, позволяющая выделять определенные стимулы или объекты среди множества других, что имеет существенное значение при когнитивной обработке информации [Posner 1980].

Исследователями отмечается тот факт, что одна и та же ситуация может различным образом трактоваться разными людьми, что зависит от фокусировки внимания на отдельных аспектах референтной ситуации и принятия в расчет различных факторов, влияющих на интерпретацию события говорящим и слушающим. Психологи относят такие процессы, связанные с возможностью направлять и фокусировать сознание на отдельных аспектах ситуации, к свойствам внимания, таким как концентрация и распределение. Языковые формы, с помощью которых описывается ситуация, отражают избирательную направленность сознания, что позволяет когнитивным лингвистам говорить о наличии у языка специфической интерпретирующей функции [Болдырев 2016: 11]. Также в работе [Талми 2006] проведена систе-

матизация языковых механизмов, влияющих на степень выделенности компонентов высказывания.

С развитием технологий в области обработки естественного языка концепция внимания была адаптирована и внедрена в алгоритмы машинного обучения. Современные лингвистические системы опираются на архитектуру нейросети-трансформера [Vaswani и др. 2017], структурно представляющую собой комбинацию энкодера, моделирующего понимание текста машиной, и/или декодера, моделирующего синтез текста. Компоненты трансформера строятся как последовательность из слоев, каждый из которых включает компонент «многоголового (само)внимания». Механизм самовнимания в нейронной сети позволяет для каждого токена текста определить, какие другие токены в этом высказывании наиболее значимы для спецификации семантики этой единицы. Попытаемся дать лингвистическую интерпретацию реализации механизма внимания.

В качестве токена при обработке текста в трансформере выступают слова и частотные на уровне языка последовательности символов, выявление которых производится алгоритмически по графематическому принципу на основе больших коллекций текстов при обучении языковой модели. С точки зрения лингвиста, токены, полученные в результате применения этой процедуры, представляют собой квазиморфемы – в ряде случаев совпадают с морфемами или комплексами морфем, не выходящими за границы слова, хотя возможны отклонения.

Формально механизм (само)внимания определяется через числовые векторы запроса, ключа и значения, где функцию запроса выполняет токен обрабатываемого высказывания, подающийся на вход нейросети. Ключ и значение можно представить как двусторонний лексикон, причем ключ репрезентирует левую сторону его «словника», по которой осуществляется поиск при поступлении запроса, а значение – это правая сторона, содержащая семантическую информацию о токене, репрезентацию его смысла, которую необходимо извлечь при обращении к такому лексикону. Функционирование механизма внимания сводится к оперированию обучаемыми матрицами весовых коэффициентов механизма внимания, результатом чего является создание репрезентанта машинного «понимания» высказывания.

Внимание обладает свойством распределения, определяемым как способность сознания разделяться и воспринимать сразу несколько объектов [Немов 2024: 403]. Распределение внимания в нейросети-трансформере реализуется через применение нескольких «голов» внимания, каждая из которых фокусируется на отдельном аспекте входного высказывания.

Весовые коэффициенты механизма внимания в процессе обучения самонастраиваются. Таким образом в «сознании» нейросетевой модели в ходе обучения на представительной коллекции текстов выполняется концептуализация предметной области в рамках решаемой задачи, создается когнитивная модель, позволяющая идентифицировать значимые для извлечения смысла составляющие входного высказывания на основе характеристик, определяющихся контекстным употреблени-

ем языковых единиц в пределах текущего высказывания и языка в целом, моделируется организация восприятия и интерпретации, то есть «понимание», текста. С учетом возрастающей актуальности направления интерпретируемого искусственного интеллекта [Ali и др. 2023], концентрирующегося на обосновании предсказаний, выполненных моделью машинного обучения, мы задались вопросом, существует ли лингвокогнитивная интерпретация компонентов внимания, полученных нейросетевой моделью в ходе настройки?

Для ответа на поставленный вопрос был проведен эксперимент с нейросетевой моделью ruBERT, представляющей собой предобученную на русских текстах модель-энкодер, который использует аналитический компонент нейросети-трансформера, моделирующий понимание текста. Архитектура нейросети включает 12 слоев, снабженных механизмом внимания по 12 голов внимания в каждом [Kuratov, Arkhipov 2019].

Модель ruBERT была нами дообучена для задачи анализа тональности на выборке в 8118 клауз (80%) из набора данных отзывов на медицинские центры [Babina, Sheremet'yeva 2024], где для каждого высказывания (клаузы) оценочного текста указано значение выражаемой ею категории *positive* (положительная оценка) и *negative* (отрицательная оценка) как число в диапазоне от 0 (оценка не выражена) до 1 (выражена наивысшая степень соответствующей оценки). Оценка качества модели на тестовой выборке объемом в 2030 клауз (20% набора данных) показала весьма высокое качество распознавания тональности моделью – значения среднеквадратической ошибки для каждого из двух классов составило

$$MSE_{\text{positive}} = 0,0213 \text{ и } MSE_{\text{negative}} = 0,0290.$$

Далее для случайной тестовой выборки, включающей 20 высказываний, из модели были извлечены матрицы весов внимания (всего 144 матрицы для каждого из 20 примеров). На рис. 1. приведены примеры матриц для высказываний (а) *Некомпетентный персонал*. (б) *Все профессионалы своего дела!* По вертикали перечисляются токены высказывания для интерпретации, по горизонтали – те же токены, на которые (согласно модели) следует обращать внимание при интерпретации токенов, расположенных по вертикали. На пересечении – весовой коэффициент, который чем ближе к 1 (чем темнее), тем важнее токен на оси абсцисс для понимания семантики токена на оси ординат.

На основании ручного анализа всех полученных матриц можно выделить следующие аспекты, значимые для интерпретации оценочного высказывания: а) на графематическом уровне: непосредственно предшествующий и непосредственно следующий за текущим токен/слово; б) на морфологическом уровне: аффиксальные морфемы интерпретируются с учетом корневых; в) на синтагматическом уровне: начало и конец синтагм (как правило, именных групп/клауз в целом) влияют на интерпретацию друг друга; также границы устойчивых словосочетаний, например, *(теперь) только сюда*; г) на семантическом уровне: актанты и предикаты взаимодействуют.

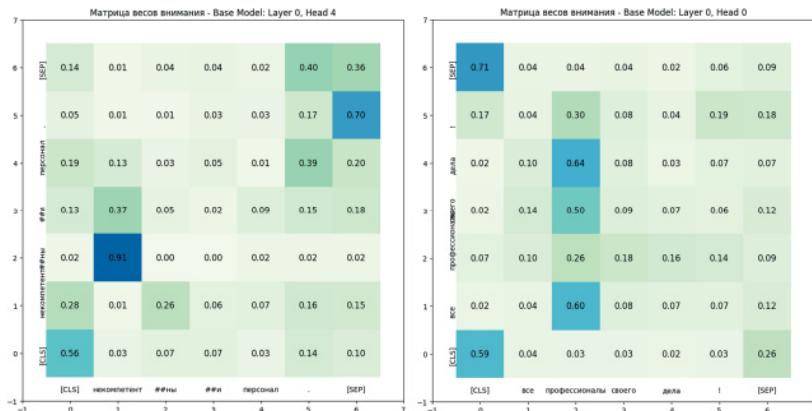

Рис. 1. Примеры матриц внимания для высказываний из набора данных

С продвижением по слоям модели имеется тенденция к увеличению значимости начального токена [CLS], отвечающего за отнесение высказывания к конкретному классу, т.е. целостному концепту ситуации, формирующемуся на основании «понимания» высказывания. На ранних слоях извлекаются признаки, в большей степени соответствующие плану выражения высказывания, а в более поздних слоях – проводится обобщение на основе ранее выявленных значимых признаков (контекстных токенов) и формируется обобщенное представление плана содержания высказывания.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
- Немов Р.С. Общая психология. Познавательные процессы и психические состояния. М.: Издательство Юрайт, 2024.
- Талми Л. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 23-44.
- Ali S., Abuhmed T., El-Sappagh Sh., Muhammad K., Alonso-Moral J.M., Confalonieri R., Guidotti R., Del Ser J., Diaz-Rodriguez N., Herrera F. Explainable Artificial Intelligence (XAI): What we know and what is left to attain Trustworthy Artificial Intelligence // Information Fusion. 2023. Vol. 99. Article 101805.
- Babina O.I., Sheremetyeva S.O. Dataset Development for Aspect-Level Sentiment Analysis based on Gold Standard Corpus // Материалы международной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2024) (Санкт-Петербург, 24-26 июня 2024 г.). СПб.: ИТМО, 2024. (в печати)
- Kurатов Yu., Arkhipov M. Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language. URL: <https://arxiv.org/abs/1905.07213>
- Posner M.I. Orienting of Attention // Quartely Journal of Experimental Psychology. 1980. № 32. Pp. 3-25.
- Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., Kaiser L., Polosukhin I. Attention is all you need. URL: <https://arxiv.org/abs/1706.03762>

O.I. Babina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

COGNITIVE LINGUISTIC INTERPRETATION OF ATTENTION MECHANISM IN ENCODERS

This paper investigates the attention mechanism in the deep learning architecture of transformers, specified in terms of linguistics and cognitive science. The study presents data from an experiment aimed at fine-tuning the ruBERT encoder for sentiment analysis of Russian-language texts. The research paper discusses the findings from the analysis of attention matrices derived from the fine-tuned model.

Key words: cognitive linguistic analysis, attention mechanism, neural network model, transformer, encoder, sentiment analysis, context

И.Д. Баландина, Т.Н. Москвитина, Л.П. Юздова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
irfrish@mail.ru, moskvitinatn@cspu.ru, uzdovalp@cspu.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ И МОДЕЛИРОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В статье рассматривается необходимость использования достижений когнитивистики для совершенствования работы искусственного интеллекта при обработке естественного языка, перевода. Моделирование человеческого мышления в перспективе позволит решить проблемы передачи смысловых нюансов и культурных особенностей языков за счет обучения и накопления новых баз данных, но не способно заменить творческое начало человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), когнитивистика, машинный перевод, языковые универсалии, алгоритм

На современном этапе развития общества совершен серьезный прорыв в создании искусственного интеллекта, который активно используется в различных сферах жизни. Искусственный интеллект (ИИ) способен имитировать интеллектуальные функции человека, такие, как распознавание образов, обработка естественного языка, принятие решений и некоторые другие. Искусственный интеллект не может заменить человека, пока он только становится полезным инструментом, который помогает автоматизировать рутинные задачи и обрабатывать большие объемы данных. Однако ученые продолжают работать над пониманием и моделированием человеческого интеллекта, человеческого мышления.

Первоначально созданием ИИ занимались компьютерные науки, но сегодня в этом направлении активно работает и когнитивистика. Одной из целей когнитивной науки как раз и является понимание и моделирование человеческого мышления, причем используются в этом процессе результаты и методология различных наук. Сама когнитивистика стала междисциплинарным научным направлением, которое объединило в исследовании мышления человека теорию познания, психологию, нейрофизиологию, нейробиологию, лингвистику.

Развитие когнитивистики в этом направлении, безусловно, дает новую информацию о человеческом мышлении, способствует продвижению в создании ИИ.

Сможет ли ИИ воспроизвести алгоритм действий мышления человека, будет ли он способен взаимодействовать с реальными представителями человечества, как реальный человек? Сможет ли ИИ самостоятельно развиваться? Эти и другие вопросы пока не находят ответа. Однако совсем недавно и представить было невозможно, что какой-то ИИ способен выполнить за человека определенную, довольно сложную, трудоемкую работу. Но мы уже живем в эпоху цифровизации, а это – результат усилий многих ученых. Прогресс в когнитивистике позволит разгадать загадку мышления, возможно, позволит и воспроизвести человеческое мышление.

В настоящее время как никогда «когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира, на моделирование устройства языкового сознания» [Меликянц 2022: 34]. Сегодня активно используется машинный перевод. Как же ИИ осуществляет перевод фразы или текста? ИИ способен выделить во фразе ключевое слово, этому слову, а также другим словам во фразе присваивается коэффициент значимости. На этом основании осуществляется перевод, то есть вся переводимая фраза выстраивается вокруг ключевого слова, идет автоматический поиск значений, имеющих наименьшие семантические расстояния к значению ключевых слов. Таким образом достигается связность текста и адекватность перевода (особенно хорошо удается перевод научных текстов, выстроенных логически и в рамках одного семантического поля). Нейронные сети обладают определенной способностью к обучению, имея в своем распоряжении огромные объемы материала. ИИ может подбирать синонимы, перефразировать предложение и т. д. Однако проблема заключается в наличии в любом языке «непереводимых» с помощью машины фраз. Так, в русском языке о человеке, который не собирается что-то делать, говорят так: «Будет он это делать!». ИИ переведет эту фразу противоположно ее реальному значению (Он это сделает). Или выражение неуверенного отрицания «Да, нет, наверное». Носители русского языка воспринимают эту фразу как вежливый отказ. Эта фраза может обозначать большую вероятность отказа, но отвечающий окончательно все же не уверен в своем выборе. ИИ эту фразу не переведет адекватно. То есть для перевода недостаточно только набора слов. Если речь идет о русском языке, то важен порядок слов во фразе, для любого языка важна интонационная составляющая и многое другое. Такие технически непереводимые фразы актуальны, в первую очередь, для разговорной речи. Научить ИИ всем тонкостям выражения мысли на определенном языке сложно. Когнитивистика и призвана изучить эти тонкости выражения человеческих мыслей, требований, пожеланий и т. д., описать модели их выражения, а потом уже, возможно, ориентировать ИИ на их усвоение и применение на практике.

Когнитивные подходы к осмыслению и моделированию человеческого мышления заключаются в анализе различных текстов, осмыслении роли ключевых слов, фраз текста, в анализе частности определенных элементов в тексте, на основе чего осуществляется понимание элементов мышления человека. Когнитивистика исследует

ет и модели логического построения текста, актуальное членение предложения через анализ смысловых связей внутри предложения. Все это способствует приближению к пониманию человеческого мышления и возможного его воспроизведения ИИ.

При переводе с одного языка на другой необходимо учитывать такие понятия, как универсальность и неуниверсальность (уникальность) средств выражения понятий. Универсальность связана с существованием «мышления, осуществляемого в чисто понятийной форме, по логическим категориям, обладающего универсальными, общечеловеческими свойствами, не зависимыми от конкретного языка» [Алефиренко 2005: 129]. Системы понятий в разных языках в целом сопоставимы, «несмотря на то, что языки по-разному членят окружающую действительность», «за различиями в семантических системах стоят в большинстве случаев не различия в понятиях, а различия в способах выражениях и в правилах употребления слова в речи» [Алефиренко 2005: 141]. Понятийные категории могут быть непротиворечиво представлены как категории двух уровней: универсум-категории и неуниверсум-категории. Машинный перевод может быть наиболее адекватным, если когнитивистика в рамках лингвистики займется не только изучением универсалий, но и опишет уникальные составляющие языков и, естественно, языкового мышления.

ИИ при переводе эффективно работает на уровне языковых универсалий, но как только появляются уникалии (переносные значения, эмоциональный компонент, эрративы, разговорные клише и т.п.), т.е. специфическое единичи для мышления каждого отдельного народа, когда идет отход от алгоритма и схемы, перевод становится неадекватным. О неадекватности, проблемах перевода писали многие ученые [Самсонов 2006; Дорохова 2013: 52-61; Нарбут, Шерстнева 2022: 20-27]. ИИ может объяснить разницу между временами, может их распознать, но перевести с учетом нюансов – нет. Например: «Иду я вчера и вижу» (I walk yesterday and see). В данной паре примеров переведены лексемы, верно распознаны оригинальные формы настоящего времени в русском варианте, переведены на английский язык, но не учтены грамматические особенности английского языка (невозможность использования настоящего времени в сочетании с наречием прошедшего времени yesterday). Для пары предложений *She is naughty* и *She is being naughty* ИИ предложит одинаковый перевод на русский язык (Она непослушная), игнорируя семантические особенности в использовании глагола *to be* во времени Present Continuous (вести себя в данный момент). При переводе разговорных клише (особенно это касается субстандартной лексики) чаще всего будет перевод-калькирование, без учета того, что это может быть устойчивое словосочетание, обозначающее противоположное значение тому, что предлагает просто суммирование лексических значений фразы. Например, фразу «Бегу и падаю тебе помогать» ИИ переведет буквально (I run and fall to help you), не распознав фразеологически связанное значение (отказ в помощи). Фраза «Ага, конечно!» обозначает отказ, отсутствие согласия, но ИИ предложит перевод с противоположным значением (Yeah, sure!). Такие примеры будут появляться вновь и вновь, поскольку человеческий мозг способен создавать, именно создавать что-то новое, творить, а не генерировать похожее на основе алгоритмов.

Итак, человечество способно приблизиться к созданию эффективного ИИ, но сможет ли создать ИИ, идентичный человеческому интеллекту, пока неизвестно. Основное препятствие в создании ИИ, идентичного человеческому, – невозможность наделить ИИ человеческим творческим началом, способным постоянно развиваться, быть уникальным, спонтанным. Творческое начало человека невозможно «загнать» в определенный алгоритм, это постоянное развитие, приобретение опыта.

Литература

- Меликянц О.А. Когнитивистика и лингвокультурология как актуальные парадигмы современного научного знания // Восточно-Европейский научный журнал. 2022. № 3 (79). С. 33-36.
- Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005.
- Дорохова Ю. Э. Влияние узуса на процесс перевода // Lingua Mobilis. 2013. № 6 (45). С. 52-61.
- Нарбут Е.В., Шерстнева Е.С. Машинный перевод VS. человеческий перевод: сравнительный метод // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2022. № 38. С. 20-27.
- Самсонов В.Ф. Философский анализ гипотезы Куайна о неопределенности перевода. Челябинск: Челябинский Дом печати, 2006.

*I.D. Balandina, T.N. Moskvitina, L.P. Yuzdova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian and Pedagogical University*

COGNITIVE APPROACHES TO UNDERSTANDING AND MODELLING HUMAN THINKING PROCESS

The article discusses the need to use the achievements of cognitive science to improve the work of artificial intelligence in natural language processing and translation. Modeling human thinking in the future will solve the problems of conveying semantic nuances and cultural features of languages through learning and accumulating new databases, but is not able to replace human creativity.

Key words: artificial intelligence (AI), cognitive science, machine translation, language universals, algorithm

*Н.Н. Белозёрова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
n.n.belozeroва@utmn.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ

Автор рассматривает концептуальные парадоксы как «кажущиеся противоречия», обусловленные эпистемологическими факторами. Среди современных концептуальных парадоксов выделяются (1) измерение когнитивных структур их собственными производными и (2) «оборачивание» концептуальной метафоры ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОДОБЕН ЕСТЕСТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ. Объяснение трансформаций видится в эпистемологической наполненности составляющих аналогий.

Ключевые слова: эпистемологический фактор, парадокс, когнитивная структура, метафора, инструменты измерения

Автор рассматривает, парадокс как «кажущееся противоречие», которое характерно для эпистем переходных периодов, таких как эллинизм, ренессанс, рубеж XIX и XX вв., а также рубеж XX и XXI вв. переживаемый нами сейчас. Среди концептуальных парадоксов, характерных для современной эпистемы (например, *научный реализм, противопоставленный социальному детерминизму, информация, противопоставленная знанию*, и подобное) с когнитивной парадигмой связаны (1) *невозможность измерения когнитивных структур их модельными компонентами* и (2) *оборачивание метафоры ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ РАВЕН ЕСТЕСТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ*.

Представим первый концептуальный парадокс, в котором зафиксированы 15, предложенных философами и лингвистами когнитивных структур и закрепившиеся в реальной практике их инструменты измерения. Так (1) эйдос Платона измеряется артефактами, (2) стоический лектон словом и его значением, (3) иммануирующий Логос неоплатоников артефактами и инкарнацией плоти [Лосев 2000], (4) процессы *intellection and apprehension* у Фомы Аквинского и Джойса магнитно-резонансным сканированием мозга (fMRT), (5) ментальные полуотмеченные структуры Томаса Элиста текстами, (6) интерпретанта в модели знака Чарлза Сандерса Пирса обратной связью в рамках конативной функции в коммуникативной модели Р.О. Якобсона, (7) означаемое в модели знака Фердинанда де Соссюра означающим. (8) Концепт, его слои и другие структуры означающими текстами и дискурсом, (9) Фрейм (знаний) в моделях М. Минского, Дж. Лакоффа, Теуна ван Дейка тоже текстом, дискурсом, изотопией в текстах, генерированными лексическими кластерами, (10) семантическое поле (его полевая структура А.В. Бондарко) синонимическим рядом и изотопией в тексте, (11) когнитивная метафора Дж. Лакоффа метафорическими выражениями [Чудинов 2001], (12) универсальные грамматические структуры Ноэма Хомского ядерными предложениями, грамматическими трансформационными и порождающими схемами, (13) семантические примитивы Анны Вежбицкой национальными лексиконами, (14) естественный интеллект магнитно-резонансным сканированием мозга (fMRT), процессами и продуктами искусственного интеллекта, артефактами, (15) мыслительные процессы хронометрированием скорости выполнения задач испытуемых.

Очевидна функциональная обусловленность измерения. Все измерительные инструменты являются функциями ментальных структур или процессов в математическом понимании функции как производного. То есть измерение осуществляется на основании декодирования «выходных» результатов (output) деятельности когнитивных структур. Сам алгоритм *Processing* не измеряется структурными компонентами выстроенных в когнитивной лингвистике моделей, а остается в «черном ящике» неизмеримости. Магнитно-резонансное сканирование, в частности, фиксирует лишь активизацию отдельных локаций головного мозга как реакцию на стимул, что, впрочем, позволило выстроить в 2016 году семантическую карту мозга [Huth и др. 2016].

В этом плане NPL (Natural Language Processing- компьютерная обработка естественного языка), комплекс математических функций, используемый для морфологической или синтаксической дистрибуции, а также векторизации, тоже обрабатывает не систему языка или когнитивные языковые модели, а производные речевой деятельности, в основном, тексты, которые используются для обучения LLMs (Large Language Models, больших языковых моделей).

В целом концептуальный парадокс заключается в том, что на интуитивном уровне существование ментальных конструкторов можно и объяснить, и описать, но все эти конструкторы обладают высокой степенью гипотетичности, поскольку их существование доказывается через декодирование, измерение и оценку продуктов «выхода» (output), таких как артефакты, лексика, тексты и дискурсы.

(2) *Оборачивание метафоры* ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ РАВЕН ЕСТЕСТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Фактически, *оборачивание* метафоры началось с момента уподобления вычислительных процессов, осуществляемых при помощи компьютера, процессу обработки информации человеческим мозгом. Когда Ваннавар Буш, спроектировал в 1945 г. аппарат МЕМЕКС (memex= memory +index), он в статье, опубликованной в издании АТЛАНТИК, весьма осторожно (As we *may* think) предположил, что сходство обусловлено ассоциативным способом реакции и человеческого мозга и машины на стимул или ввод (input) запроса [Bush 1945: 101–108]. Через пять лет Алан Тьюринг, предлагая дифференцирующий тест, описанный в статье «Computing Machinery and Intelligence», выразил сомнение в возможности полного уподобления мыслительных процессов человека процессам обработки информации машиной [Turing 1950]. Среди первых скептиков оказался и Джон Сёрль, противопоставивший линейность процессов компьютерной обработки информации ассоциативному мышлению человека. И тем не менее антропоморфизмы в наименовании и комплектующих, и программного обеспечения свидетельствуют о закреплённости метафоры в современной эпистеме. Так в китайском языке появилось обозначение 电脑 [diànnǎo]–буквально «электрический мозг». Наименование комплектующих «материнская плата», «память» свидетельствуют о закреплении метафорического концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ РАВЕН ЕСТЕСТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ. Официально метафора была закреплена Маккарти и Минским в 1958 году, когда они объявили целью создания Искусственного Интеллекта нейрокогнитивных программных механизмов, имитирующих обработку информации мозгом человека. С момента избрания Барака Обамы президентом США его выражение «перезагрузить (reboot) отношения» озаменовало новый этап оборачивания метафоры AI as HI. Начиная с 2017 г., со времени появления первой Большой языковой модели (LLM) и стремлением приблизиться к созданию общего искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence, AGI) человеческий мозг как сфера источник в этой концептуальной метафоре все больше перемещается к сфере цели, сливаясь с ней (процесс blending) и меняясь местами. При этом большие языковые модели ста-

новятся непосредственными актантами коммуникации, генерируя, в частности, по запросу свои метафорические конструкты:

(1) *Human minds as intricate algorithms*. (2) *Consciousness as a neural network*. (3) *Emotional circuits of humanity*. (4) *Wisdom as data processing*. (5) *Creativity as a generative model*. (6) *Intuition as predictive analytics*. (7) *Memory as a vast database*. (8) *Learning as machine training*. (9) *Decision-making as algorithmic reasoning*. (10) *Communication as coded language* (Natalia Belozerova, [29.12.2024 6:18] Can you make a list of metaphorical expressions based upon the analogy: “human intelligence as artificial intelligence” ChatGPT 4 | Midjourney | Claude | Suno, [29.12.2024 6:18] Sure! Here’s a list of metaphorical expressions based on the analogy of “human intelligence as artificial intelligence”).

Зная о тенденции Больших языковых моделей к «галлюцинациям», мы при помощи конкордансного поиска в блогах и статьях проверили экзистенциональность этих концептуальных образований в дискурсе. Поиск по portalу Хабр показал, что сгенерированные искусственным интеллектом выражения по модели HI as AI. восходят к существующим текстам и метафорическим выражениям, содержащимся в них (<https://habr.com/ru/articles/871104/>).

В заключении отметим, что кажущее противоречие этих концептуальных парадоксов зиждется на тенденции при установлении аналогий объяснять незнакомое через знакомое. В современной научной парадигме, процессы, связанные с искусственным интеллектом, получили более подробное и доступное для широкой публике описание даже при наличии объяснения типа «черного ящика», в то время как процессы зарождения мысли и ее превращение в высказывания все еще измеряются на основе изучения прилива крови к определенным участкам мозга при магнитно-резонансном сканировании.

Литература

Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. Ранний эллинизм. М.: Издательство АСТ, 2000. Т.5.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001.

Bush V. As we may think. The Atlantic, 1945.

Huth A.G. Semantic reconstruction of continuous language from non-invasive brain recordings // Nature Neuroscience. 2023. Vol. 26. Pp. 858-866. URL: <https://www.nature.com/articles/s41593-023-01304-9>

Turing A.M. I. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. Iss. 2365. Pp. 433-460.

N.N. Belozerova (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

CONCEPTUAL PARADOXES

The author considers conceptual paradoxes as “apparent contradictions” caused by epistemological factors. Among modern conceptual paradoxes, the author tackles the measurement of cognitive structures by their own derivatives and the reversal of the conceptual metaphor

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IS SIMILAR TO HUMAN INTELLIGENCE. The explanation of the transformations is seen in the epistemological content of the analogy constituents.

Key words: epistemological factor, paradox, cognitive structure, metaphor, measurement tools

Л.М. Болсуновская, Ю.А. Диброва (Томск, Россия)

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

bolsunovskl@tpu.ru, dibrovajulia@tpu.ru

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ: АНАЛИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТФОРМЫ SCIVAL И ИИ

В статье представлен обзор развития научных исследований когнитивных искажений с использованием аналитической платформы SciVal и инструментов ИИ. Актуальность исследования определяется возрастающим научным интересом к вопросам когнитивных искажений, механизмов и средств дискурсивного воздействия при принятии рациональных решений в условиях увеличения информационного потока, риска и неопределенности.

Ключевые слова: когнитивные искажения, когнитивные механизмы, дискурс-анализ, речевое воздействие, наукометрия

В современном быстроменяющемся мире растет интерес к исследованиям концепции когнитивных искажений (КИ) в разных научных областях, что во многом связано с изменениями в социально-экономической среде, увеличением информационного потока, усилением неопределенности и, соответственно, с изучением специфики оказания дискурсивного воздействия и конструирования воздействующего эффекта с использованием риторических стратегий в различных коммуникативных контекстах. В связи с этим становится актуальным и критически важным расширение исследований, в том числе междисциплинарных, в данной области. Общая проблема заключается в том, что не удается достичь полноты и целостности описания данного понятия, так как в каждой области научного знания есть своя специфика проявления существующих КИ. В целях расширения научного поля исследования КИ и выявления в каких сферах это понятие более изучено, а в каких существуют лакуны, был выполнен анализ с использованием комплекса методов: анализ запроса по ключевому слову «cognitive distortions» за период с 1950 по 2024 г. включительно с помощью инструментов искусственного интеллекта GhatGPT и Perplexity, анализ публикационной активности и основных наукометрических показателей за период с 2015 по 2024 г. включительно с помощью аналитического инструмента SciVal. Материалом для исследования послужила информация, представленная в базах данных Scopus и Web of Science (WoS).

По результатам запроса через GhatGPT и Perplexity общее количество публикаций составило 1835 научных статей. Согласно проведенному анализу, развитие концепции когнитивных искажений восходит к теории личных конструктов Джорджа Александра Келли [Kelly 1955], который выдвинул гипотезу, что люди формируют предвосхищающие когнитивные установки, так называемые ментальные группы

знаний, сконструированные на основе предыдущего опыта, которые используются для категоризации новых событий. Исходя из первоначального определения КИ, они относятся к не верным или нереалистичным концепциям в идиосинкразическом мышлении [Beck 1963]. Далее когнитивная теория утверждает, что КИ является распространенным фактором, который вызывает эмоциональные расстройства - способом, которым человек изменяет и интерпретирует свой повседневный опыт, то есть представление КИ как ошибок в мышлении человека, вызванных предвзятой (неправильной) или некорректной обработкой информации при этом, интерпретация своего опыта может влиять на эмоциональные и поведенческие реакции человека и способствовать неадаптивному, иррациональному поведению, особенно в условиях неопределенности [Tversky, Kahneman 1974; Kahneman, Riepe 1998; Briere 2001; Yurica, DiTomasso 2005].

Проведенный анализ научных статей показывает, что в зависимости от области исследования рядом авторов предложены разные типологии КИ, в природе которых могут лежать различные причины. Рассмотрим некоторые из них (табл. 1):

Таблица 1.

Исследователи	Типы КИ	Причины
1	2	3
Beck A.T. (1980) Burns D.D. (1980) Roberts M.B. (2015)	1) мышление «все или ничего»/ «дихотомическое мышление»/ «черно-белое мышление»; 2) персонализация и обвинение; 3) чрезмерное обобщение; 4) игнорирование позитивного; 5) ментальный фильтр; 6) поспешные выводы; 7) утверждения «должен»; 8) эмоциональное рассуждение; 9) преувеличение и преуменьшение; 10) навешивание ярлыков.	депрессия, тревожность
Freeman A., DeWolf (1992) Freeman A., Oster (1999)	1) сравнение; 2) экстернализация; 3) самоуважение; 4) перфекционизм.	депрессия, тревога и расстройства личности
Gilson M., Freeman A. (1999)	1) заблуждение об изменении; 2) заблуждение о справедливости; 3) заблуждение о беспокойстве; 4) заблуждения о правоте; 5) заблуждение игнорирования; 6) заблуждение о контроле; 7) заблуждение о привязанности; 8) заблуждение о небесной награде.	депрессия, тревога и расстройства личности

Окончание табл. 1

1	2	3
Toneatto T. (1999) Barriga A. Q. и др., (2000) Briere J. (2001)	1) озабоченность опасностью; 2) самообвинение; 3) КИ, связанные с самообслуживанием; 4) самоунижение; 5) переосмысленные потери; 6) иллюзия контроля над удачей.	посттравматическое стрессовое расстрой- ство (ПТСР) комплексное по- сттравматическое стрессовое расстрой- ство (КПТСР)
Najavits L.M. и др., (2004)	1) побег; 2) опасное разрешение; 3) искажение времени; 4) краткосрочное мышление; 5) старые добрые времена.	употребление психо- активных веществ
Benson B. (2019)	1) слишком много информации; 2) недостаточно смысла; 3) нужно действовать быстро; 4) помнить или забыть.	сбои в обработке и анализе информации
Рыжкова М.В., Кашапова Э.Р., Дибров А.М., Костромина А.Е. (2023)	1) общие КИ (иллюзия контроля, эффект неоднозначности, иллюзия кластеризации, эффект сверхуверенности); 2) КИ профессиональных инвесторов (профессиональная деформация, консерватизм, предпочтение нулевого риска); 3) КИ непрофессиональных инвесторов (неприятие потерь, победителей не судят, ошибка в предсказаниях, эффект авторитета, стадный эффект, ошибка игрока, эффект контраста, синдром упущенных возможностей, опережение, ускорение, склонность, к поиску дополнительной информации, пристрастие к отечественным активам).	чрезмерность инфор- мационной среды, ограниченные когни- тивные способности, «замыливание гла- за», когнитивная уста- лость, страх ухудшить ре- путацию

Следует отметить, что при достаточно высоком интересе к вопросам КИ, многие исследователи использовали библиометрические методы для картирования общего обзора исследовательской литературы в данной области [Clement и др. 2003; Abdulrasool & Othman 2020; Малахов 2022].

Данные анализа с использованием библиометрической платформы SciVal за период с 2015 по 2024 год включительно составили 2058 научных статей (см. рис. 1):

График демонстрирует стабильную динамику исследований КИ в период с 2015 по 2020 г., с 2021 по 2023 г. отмечается существенный рост публикационной активности, который, как ожидается, продолжится.

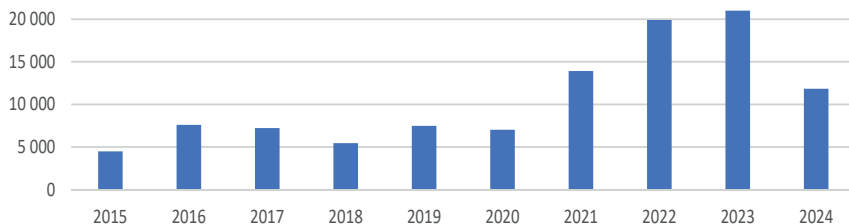

Рис. 1. Динамика публикационной активности по исследованиям КИ за период 2015–2024 гг. (по данным на 14.01.2024)

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что КИ в большей степени рассматривались в областях психического здоровья, эмоциональных расстройств, поведенческой экономики, менеджмента и финансов, а в последние годы и в области психолингвистики, дискурсивной психологии, критического дискурс-анализа, прагматической лингвистики и интенционального дискурса [Дейк 2013; Павлова 2013: 59–62].

Литература

- Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком. 2013.
- Малахов В.А. Библиометрический анализ как метод научных исследований: возможности и ограничения // Научные исследования. 2022. С. 212–227.
- Павлова Н.Д. Механизмы и средства психологического воздействия в дискурсе // Психологические исследования. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. № 3. С. 59–62.
- Рыжкова М.В., Дибров А.М., Кашанова Э.Р., Костромина А.Е. Когнитивные искажения в поведении непрофессионального инвестора // Общественные науки и современность. 2023. № 6. С. 134–148.
- Abdulrasool H.D., Othman R.B. A review and bibliometric analysis of global research trends on the behavioural finance using scopus databases // International Journal of Management. 2020. Vol. 11. № 10. Pp. 932–942.
- Beck A.T. Thinking and depression, I: Idiosyncratic content and cognitive distortions // Archives of General Psychiatry. 1963. Vol. 9. № 4. Pp. 324–333.
- Clement S., Singh S. P., Burns T. Status of bipolar disorder research: Bibliometric study // The British Journal of Psychiatry. 2003. Vol. 182. № 2. Pp. 148–152.
- Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision making under risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. № 2. Pp. 263–291.
- Kahneman D., Riepe M.W. Aspects of Investor Psychology // Journal of Portfolio Management. 1998. Vol. 24. № 4. Pp. 52–65.
- Tversky A., Kahneman D. Judgment Under Uncertainty. Heuristics and Biases // Science. No. 185. 1974. Pp. 1124–1131.
- Yurica C.L., DiTomasso R.A. Cognitive distortions // Freeman A.F., Felgoise S.H., Nezu A.M., Nezu C.M., Reinecke M.A. (Eds.). Encyclopedia of cognitive behavior therapy. Springer. 2005. Pp. 117–122.

*L.M. Bolsunovskaya, Yu.A. Dibrova (Tomsk, Russia)**National Research Polytechnic University*

GENESIS AND CURRENT STATE OF COGNITIVE DISTORTION CONCEPT: ANALYSIS USING SCIVAL PLATFORM AND AI

The paper provides an overview of scientific research on cognitive distortions using the SciVal analytical platform and AI. The relevance of the study is determined by the increasing interest on the issues of cognitive distortions, mechanisms and means of persuasion in rational decision making in conditions of increasing information flow, risk, and uncertainty globally.

Key words: cognitive distortions, cognitive mechanisms, discourse analysis, linguistic manipulation, scientometrics, AI

*О.В. Евсеев (Тюмень, Россия)**Тюменский государственный университет**o.v.evseev@utmn.ru*

КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ ZERO-SHOT ПРОМПТА И КАЧЕСТВО ОТВЕТА ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Представлены результаты исследования связи между когнитивным усложнением zero-shot промпта при помощи ассоциативного мышления и качеством сгенерированных ответов на примере таких языковых моделей как GPT-4o и DeepSeek-V3. В результате количественного и качественного анализа автором была обобщена эффективность двух языковых моделей в процессе генерации информации на основе простых и сложных промптов.

Ключевые слова: zero-shot промптинг, большая языковая модель, GPT-4o, DeepSeek-V3, генерация ответов

Активное развитие искусственного интеллекта в целом и ChatGPT в частности привело к повышенному интересу к вопросу о больших языковых моделях (LLM) в научном пространстве. Их главная задача – генерация информации любого типа [Fei и др. 2024: 1]. В основе генеративного процесса лежат множество аспектов, например, тонкая настройка модели (fine-tuning) или обучение на определенном массиве данных, обработка запроса (или промпта) от пользователя, фильтрация ответа и его последующая генерация [Tseng и др. 2024: 10].

По мере развития умения больших языковых моделей к синтезу текста возрастает и потенциал неверного и неэтичного использования этих моделей [Brown и др. 2020: 9]. Более того, сами модели имеют склонность к «галлюцинированию» или генерации ложной информации. Существует несколько причин данного феномена: 1) низкое качество обучающих данных [Sibae и др. 2024: 130]; 2) непонимание языковыми моделями окружающего мира и реальный человеческий опыт [Jokinen 2024: 45]; 3) невозможность распознать эмоции, чувства и мировоззрение пользователей [Jokinen 2024: 47].

Одним из способов влияния на качество сгенерированной информации является промптинг или запрос к нейросети [Terry, de Lhoneux 2024: 20], который пред-

ставляет собой инструкцию на естественном языке [Wei и др. 2022b: 3]. В настоящее время существует ряд промптинговых стратегий:

1) Zero-shot prompting представляет собой следование инструкциям пользователя без предварительной подготовки [Wei и др. 2021: 9]. Это запрос, в котором не содержится подсказок для нейросети;

2) Few-shot prompting – использование небольшого количества примеров для осуществления контекстного обучения языковой модели [Wei и др. 2022b: 3]. Одним из способов избавления от токсичности языковой модели является предоставления промптов, которые содержат в себе примеры честности, безобидности и отзывчивости [Wei и др. 2022b: 9];

3) Цепочка рассуждений (chain-of-thought prompting) – стратегия, используемая в процессе многоэтапного размышления нейросети, в процессе которого она генерирует несколько промежуточных вариантов, прежде чем выдавать финальный результат [Wei и др. 2022a: 2];

4) Калибровка модели (model calibration) – стратегия, используемая для самооценки моделей и точности их ответов на запросы [Kadavath и др. 2022: 3]. Ее главная цель – повышение честности языковых моделей. Как показывают исследования, нейросети способны не только калиброваться на основе вопросов с множественным выбором, но и обучаться тому, как предсказывать то, что они знают и что находится за гранью их понимания [Kadavath и др. 2022: 22].

Когнитивная нагрузка (или сложность) – это умственные усилия, использующиеся в процессе мышления. На данный процесс влияют 3 фактора: 1) внутренняя нагрузка – связана со сложностью конкретной задачи и уровнем знаний человека (а в нашем случае – ИИ); 2) внешняя нагрузка – представление информации (а в нашем случае – промпт для нейросети); 3) герменевтическая нагрузка – обучение и создание новых знаний [Sweller 2011: 58].

В настоящем исследовании мы планируем сравнить различные подходы к zero-shot промптингу на примере одних из самых актуальных и доступных в сети больших языковых моделей (GPT-4o, DeepSeek-V3), чтобы определить эффективность простых и сложных промптов с точки зрения релевантности и точности ответов ИИ [TruchatGPT, DeepSeek]. Цель данного исследования – изучить влияние когнитивной сложности zero-shot промпта на качество ответов большой языковой модели.

Данные промпты заключали в себе вопросы о различных случайных лингвистических явлениях (полисемия, диахрония, языковая картина мира, модальность, степени сравнения), которые нейросеть должна была объяснить. Так, zero-shot промптинг использовался 10 раз (5 простых (кратких) и 5 сложных (подробных) промптов) в каждой языковой модели. Таким образом было проанализировано 20 промптов и сгенерированных ответов по 2 основным показателям: релевантность (соответствие запросу) и точность (научная корректность).

Простой промпт к нейросетям выглядел следующим образом: «Что такое [термин]?». Количественные результаты представлены ниже (табл. 1):

Таблица 1. Количество слов в сгенерированных результатах в ответ на простой промпт

	GPT-4o (кол-во слов)	DeepSeek-V3 (кол-во слов)
Промпт 1	58	241
Промпт 2	67	294
Промпт 3	86	405
Промпт 4	34	365
Промпт 5	90	383

Результаты, сгенерированные DeepSeek-V3, намного объемнее результатов от GPT-4o. Генерируя ответ, модель GPT-4o строго отвечала на поставленный вопрос, представляя дефиницию термина и изредка – пример. В то время как DeepSeek-V3 генерировала не только дефиницию, но и его типы (типы модальности), исключения (исключения использования степеней сравнения), отсылки на похожие феномены (сравнение полисемии и омонимии; диахронии и синхронии) и важность каждого из феноменов. Таким образом, GPT-4o реагирует на простой промпт более прямолинейно, что приводит к получению точных и кратких ответов, в то время как DeepSeek-V3 имеет тенденцию к отхождению от изначального вопроса пользователя, но может дать более широкое понимание об особенностях того или иного феномена.

Сложный промпт к нейросетям выглядел следующим образом: «Объясни принцип [термин] используя аналогию из повседневной жизни». Так, языковая модель должна не просто объяснить феномен, но и подключить свое ассоциативное мышление. Количественные результаты представлены ниже (табл. 2):

Таблица 2. Количество слов в сгенерированных результатах в ответ на сложный промпт

	GPT-4o (кол-во слов)	DeepSeek-V3 (кол-во слов)
Промпт 1	110	283
Промпт 2	134	288
Промпт 3	166	344
Промпт 4	172	348
Промпт 5	200	318

GPT-4o генерирует результаты, примеры аналогии которых имеют тенденцию базироваться на понятных нам действиях (наблюдение за ростом дерева как аналог диахронии; просмотр картины как аналог языковой картины мира; планирование поездки как аналог модальности; выбор одежды как степени сравнения), что помогает выстроить определенный ассоциативный ряд в сознании пользователей, непосредственно связанный с повседневной жизнью. В то время как DeepSeek-V3, отвечая на сложный промпт, ссылается на предметы (швейцарский нож как аналог полисемии; семейный фотоальбом как аналог диахронии; очки с разными линзами как аналог языковой картины мира; регулятор громкости на музыкальном проигрывателе как аналог модальности; лестница как аналог степеней сравнения), что

помогает построить уже совершенно другие ассоциативные связи в сознании пользователей этой языковой модели. Более того, эта нейросеть в конце каждого ответа также делится важностью того или иного феномена для науки.

Как показывает исследование, когнитивная сложность промпта имеет непосредственное отношение к качеству выходных данных, а именно – чем сложнее промпт (и чем выше его когнитивная нагрузка), тем детальнее и креативнее ответ нейросети. Усложненность таким когнитивным процессом как ассоциативное мышление приводит к повышению релевантности ответов, а также более легкому пониманию пользователями многоаспектных научных феноменов. Языковая модель GPT-4o имеет явную тенденцию к упрощенным ответам на запросы пользователя, хотя их объем растет по мере усложнения промпта. Модель DeepSeek-V3, напротив, дает развернутые ответы даже на простые промпты, ссылаясь на различные аспекты научного феномена, которые не подразумевались пользователем. Примечательно, что в 4 из 5 промптов объем ответа данной нейросети увеличивается по мере упрощения самого промпта, показывая обратно-пропорциональную связь между ними, в то время как объем ответов GPT-4o демонстрирует прямо-пропорциональную связь.

Литература

- Brown T., Mann B., Ryder N., et al. Language models are few-shot learners // NeurIPS. 2020. Vancouver, 2020.
- DeepSeek. URL: <https://chat.deepseek.com/>
- Fei H., Yao Y., Zhang Z., et al. From Multimodal LLM to Human-level AI: Modality, Instruction, Reasoning, Efficiency and beyond // Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024): Tutorial Summaries. Torino, 2024.
- Jokinen K. The Need for Grounding in LLM-based Dialogue Systems // Proceedings of the Workshop: Bridging Neurons and Symbols for Natural Language Processing and Knowledge Graphs Reasoning (NeusymBridge) @ LREC-COLING-2024. Torino, 2024. Pp. 45-52.
- Kadavath S., Conerly T., Askell A., et al. Language Models (Mostly) Know What They Know. 2022. URL: <https://arxiv.org/abs/2207.05221>
- Sibae S. T., Alharbi A.I., Ahmed S., et al. ASOS at Arabic LLMs Hallucinations 2024: Can LLMs detect their Hallucinations :) // Proceedings of the 6th Workshop on Open-Source Arabic Corpora and Processing Tools (OSACT) with Shared Tasks on Arabic LLMs Hallucination and Dialect to MSA Machine Translation @ LREC-COLING 2024. Torino, 2024. Pp. 130-134.
- Sweller J. Cognitive Load Theory / John Sweller, Paul Ayres, Slava Kalyuga. Springer, 2011.
- Terryn A.R., de Lhoneux M. Exploratory Study on the Impact of English Bias of Generative Large Language Models in Dutch and French // Proceedings of the Fourth Workshop on Human Evaluation of NLP Systems (HumEval) @ LREC-COLING 2024. Torino, 2024. Pp. 12-27.
- TrychatGPT. URL: <https://trychatgpt.ru/>
- Tseng Yu-H., Chen Pin-Er, Lian Da-Ch., et al. The Semantic Relations in LLMs: An Information-theoretic Compression Approach // Proceedings of the Workshop: Bridging Neurons and Symbols for Natural Language Processing and Knowledge Graphs Reasoning (NeusymBridge) @ LREC-COLING-2024. Torino, 2024. Pp. 8-21.
- Wei J., Bosma M., Zhao V.Y., et al. Finetuned Language Models Are Zero-Shot Learners. 2021. URL: <https://arxiv.org/abs/2109.01652>

Wei J., Tay Y, Bommasani R., et al. Emergent Abilities of Large Language Models. Transactions on Machine Learning Research (TMLR). 2022b.

Wei J., Wang X., Schuurmans D., et al. Chain-of-Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models // NeurIPS. 2022. New Orleans, 2022a.

O.V. Evseev (*Tyumen, Russia*)

University of Tyumen

ZERO-SHOT PROMPTING COMPLEXITY AND LANGUAGE MODEL RESPONSE QUALITY

The article presents the results of a study of the connection between zero-shot prompting complexification with the help of associative thinking and the generated responses quality using such language models as GPT-4o and DeepSeek-V3. As a result of quantitative and qualitative analyses, the author outlined the effectiveness of the aforementioned language models in the process of information generation as a response to simple and complex prompts.

Key words: zero-shot prompting, large language model, GPT-4o, DeepSeek-V3, response generation

В.И. Егорова (*Курск, Россия*)

*Юго-Западный государственный университет
tinkivinki78@yandex.ru*

ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Данная статья посвящена изучению искусственного интеллекта и его способности формировать новые форматы коммуникации, вносить изменения в языковую практику. Изучение этих процессов становится необходимым для понимания будущего языка в условиях постоянно меняющегося технологического ландшафта.

Ключевые слова: язык, машина, коммуникация, интеллект, языковые модели

В современном мире язык стал не только средством общения между людьми, но и важным инструментом взаимодействия с технологиями. Мы живем в эпоху, когда искусственный интеллект (ИИ) проникает во все сферы жизни, от бизнеса до образования, медицины и личных помощников. Он изменяет способ, которым мы воспринимаем и используем язык, создавая новые формы коммуникации, которые требуют особого внимания и анализа. Актуальность изучения языка и интеллекта в контексте ИИ заключается в его способности формировать новые форматы коммуникации, вносить изменения в языковую практику и создавать новые вызовы для общества. Изучение этих процессов становится необходимым для понимания будущего языка в условиях постоянно меняющегося технологического ландшафта.

Однако искусственный интеллект может препятствовать языковой инклюзивности, создавая барьеры для определенных групп населения. Понимание взаимодействия языка и интеллекта в условиях ИИ становится важным для обеспечения равного доступа к технологиям. Исследование языковых аспектов ИИ позволяет выявить проблемы, возникающие в процессе интеграции новых технологий, а также искать пути их решения.

Основной целью данного исследования является анализ роли языка в эпоху искусственного интеллекта с акцентом на взаимосвязь между языковой практикой и технологиями.

Язык является важным компонентом, который влияет как на индивидуальные когнитивные процессы, так и на коллективное интеллектуальное развитие общества. Его значимость трудно переоценить, поскольку именно через язык мы познаем мир, общаемся с окружающими и строим свои мыслительные модели. Язык играет центральную роль в коммуникации, позволяя нам взаимодействовать не только между собой, но и с машинами. С развитием технологий и внедрением искусственного интеллекта, возникает новая парадигма взаимодействия, где язык становится связующим звеном между человеком и машиной [Егорова 2023: 943].

В современном цифровом пространстве каждая языковая единица становится значимой. Анализ текстов в социальных сетях, на форумах и в блогах помогает системе ИИ привлекать многообразие мнений и предпочтений, которые формируют языковые модели [Егорова 2012: 14]. Это позволяет улучшать качество общения, учитывая контекст, в котором происходит обмен информацией. Более того, системы способны подстраиваться под индивидуальные стили общения пользователей, создавая ощущение персонализированного интерфейса.

Взаимодействие с ИИ часто происходит через интерфейсы, использующие естественный язык. Голосовые помощники, такие как Siri, Google Assistant и Alexa, позволяют пользователям общаться с устройствами, используя привычные языковые конструкции. Эти системы обеспечивают обработку и интерпретацию команд, превращая вербальные запросы в действия, которые выполняет машина. Это не только упрощает коммуникацию, но и создает более интуитивное взаимодействие с технологией, позволяя даже тем, кто не обладает глубокими техническими знаниями, легко использовать современные устройства.

Кроме того, язык выступает важным инструментом для обучения ИИ. Алгоритмы машинного обучения требуют обработки больших объемов текстовых данных, чтобы понимать язык, извлекать смысл и предоставлять соответствующий ответ. Модели, такие как GPT и BERT, обучаются на текстах, содержащих различные стили, жанры и контексты, что позволяет им не просто распознавать слова, но и осмысленно реагировать на запросы пользователей. Это превращает язык в инструмент, через который машина может «учиться» и адаптироваться к требованиям пользователей. Однако взаимодействие с ИИ через язык также накладывает определенные ограничения. Языковые модели могут проявлять предвзятости, если обучались на данных с ошибками, что может влиять на качество взаимодействия. Кроме того, следует сказать и о динамике языка в эпоху искусственного интеллекта. Использование различных стилей общения, новых сленгов или эмодзи становится частью повседневной практики [Егорова 2020: 75]. Язык адаптируется к новым условиям, и ИИ должен быть в состоянии понимать и интерпретировать неформальную лексику.

Современные исследования активно направлены на изучение влияния искусственного интеллекта на языковую практику в различных сферах. Опросы и социологические исследования помогают выявить, как технологии изменяют коммуникативные привычки пользователей и как эти изменения отражаются на языке. В ходе некоторых исследований была проведена глубокая аналитика, показывающая широкий спектр влияния ИИ на использование языка.

Один из ключевых аспектов таких исследований касается изменений в грамматике и лексике, выражающихся в письменной и устной речи. С появлением новых технологий и концепций формируются новые термины и фразы, например: *инфлюенсер*, *стриминг* и *блокчейн*. Эти слова отражают не только новые тренды, но и изменение культурного фона, который окружает пользователей.

Некоторые исследования показывают, что использование языковых сокращений и сленгов, особенно в мессенджерах и социальных сетях, стало более распространенным. Вводя такие элементы, пользователи стремятся к скорости и эффективности общения. Это изменение затрагивает не только устную разговорную практику, но и письменную речь. Также растет популярность эмодзи и стикеров, которые помогают передать эмоции и смысл без использования текста. ИИ поддерживает эту тенденцию, анализируя эмоциональную окраску сообщений и предлагая соответствующие реакции или ответные фразы.

Исследования показывают, что использование голосовых помощников и чат-ботов приводит к формированию более простых и кратких формулировок. Пользователи стремятся оптимизировать взаимодействие с машинами. Это изменяет не только стиль общения, но и структуру самих предложений, делая их более прямыми и лаконичными. Во многих случаях это также приводит к отказу от традиционных грамматических конструкций, которые ранее в языке считались обязательными [Егорова 2016: 116].

Другое интересное направление исследований касается влияния систем автоматического перевода на качество разговорного языка. Многие пользователи начинают использовать конструкции на других языках, формируя синтаксические и грамматические ошибки из-за влияния переведенных фраз. Это также приводит к заимствованию иностранных слов и выражений, что адаптирует язык к новым условиям и культурным контекстам.

Некоторые исследователи также изучают влияние ИИ на культуру общения между людьми. На сегодняшний день, когда разговоры с ИИ-интерфейсами становятся нормой, люди начинают испытывать трудности с общением в живую. Зафиксировано увеличение случаев, когда люди используют привычные языковые конструкции из общения с машинами в живом диалоге. Это может приводить к неоднозначностям и неловким ситуациям, но также и к интересным формам кросс-контекстного общения [Гришкова 2010: 25].

Исследование воздействия искусственного интеллекта на языковую практику открывает новые горизонты в понимании динамики языка. Опросы и исследова-

ния показывают, что эти изменения затрагивают как структуру языка, так и нормы общения, порождая современные подходы и практики. Поскольку ИИ продолжает развиваться, важно продолжать наблюдение за его влиянием на язык и культуру общения.

Обобщая все вышесказанное, хочется заметить, что язык является не только инструментом коммуникации, но и непосредственным объектом трансформации, подверженным изменениям под воздействием технологий. ИИ резко меняет традиционные коммуникационные привычки. Взаимодействие с ИИ меняет способы, которыми мы выражаем свои мысли и эмоции. Виртуальные помощники и чат-боты способствуют использованию неформального языка и сокращенных выражений. Этот переход к более легкому и быстрому стилю общения значительно влияет на конструкцию предложений и формирование новых норм.

Системы, обучающиеся на различных языках, начинают распространять новые слова и фразы, выводя на поверхность новые культурные особенности и языковые паттерны. В результате пользователи адаптируют язык к требованиям современности, что ведет к возникновению гибридных форм общения, основанных на заимствованиях и смешении языковых структур. Однако с учетом стремительного развития технологий, важно готовиться к новым изменениям в языковой практике. Интеграция ИИ в повседневную жизнь продолжает формировать уникальные языковые практики, что требует постоянного мониторинга и анализа. Язык не остается статичным; он меняется, адаптируясь к новым требованиям и вызовам общества.

Перспективы исследований в области языка и искусственного интеллекта очень многообразны и актуальны. Они требуют междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистику, социологию, психологию и этику, чтобы всесторонне осветить влияние технологий на языковую практику. Важно продолжать осваивать эти направления, чтобы лучше понять, как язык эволюционирует в условиях стремительного технологического прогресса.

Литература

Гришкова В.И. Всемирная паутина и языки мира // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 1 (7). С. 23-27.

Егорова В.И. Виртуальный образ // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2016. С. 113-118.

Егорова В.И. Искусственный интеллект и язык // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 942-945.

Егорова В.И. Карнавалы и обыденные жанры виртуальной коммуникации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 1 (11). С. 11-15.

Егорова В.И. Эдиты виртуального общения // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сборник научных статей. М.: Перо, 2020. С. 73-79.

V.I. Egorova (Kursk, Russia)

Southwest State University

THE IMPORTANCE OF LANGUAGE IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

This article is devoted to the study of artificial intelligence and its ability to form new communication formats and make changes in language practice. Studying these processes is becoming necessary to understand the future of language in an ever-changing technological landscape.

Key words: language, machine, communication, intelligence, language models

О.И. Калинин (Москва, Россия)

Военный университет им. князя Александра Невского;

Московский государственный лингвистический университет;

Южно-Уральский государственный университет

(национальный исследовательский университет)

okalinin.lingua@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕТАФОР¹

В статье представлены результаты исследования возможностей использования нейросетевых технологий для анализа метафорического речевого воздействия. Рассмотрены этапы обучения ИИ выявлению, оценке и классификации метафор. Установлено, что ИИ успешно идентифицировал авторские и структурные метафоры и определил их оценочную тональность.

Ключевые слова: метафорическое речевое воздействие, нейросетевые технологии, искусственный интеллект, авторская метафора, структурная метафора

Введение

Развитие современных информационных технологий предполагает активное сопряжение нейросетевых технологий в области искусственного интеллекта со всеми сферами жизни: от медицины и образования до искусства и науки. Искусственный интеллект, представленный чат-ботами на базе технологии больших языковых моделей (LLM), представляется новой формой формирования знаний и распространения информации, активное применение которой потенциально открывает новую парадигму лингвистических исследований, которую можно обозначить как «нейросетевую». Нейросетевой подход открывает широкие перспективы в области когнитивной лингвистики от использования возможностей искусственного интеллекта в методологии лингвистических исследований до анализа так называемой «цифровой картины мира» искусственного интеллекта.

Одним из наиболее изученных проблемных областей современной когнитивной лингвистики является метафора, исследования которой отличаются значи-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

тельной широтой объектных и предметных границ, что, по мнению Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, «отражает неоднозначность решения проблемы метафоры в современной науке» [Будаев, Чудинов 2006]. Метафора в современных лингвистических исследованиях все чаще рассматривается как точка пересечения языка, мышления и культуры. Являясь по своей форме семантической аномалией, построенной на разрушении привычных правил лексической сочетаемости, метафора отражает перенос концептуальных признаков одного объекта на другой, что может быть характерным для той или иной лингвокультуры. При этом нельзя не обратить внимание на прагматику метафоры. Как писала В.Н. Телия, «метафоризация всегда есть проблемная когнитивно-коммуникативная ситуация, включающая целеполагающую интенцию субъекта метафоризации, который задает когнитивную или прагматическую функции метафоры в коммуникативных актах» [Телия 1988: 29]. Целенаправленное или нецеленаправленное использование метафоры в дискурсе всегда есть один из элементов «перманентного речевого воздействия, осуществляемого в любом коммуникативном акте, содержащем метафору» [Калинин 2022: 230].

В контексте разработанной теории метафорического речевого воздействия [Калинин 2022; Калинин 2023] актуальным остается вопрос механизмов выявления метафор в текстах разного дискурса в особенности в контексте появления языковых моделей GPT. Продвинутый промпт-инжиниринг, то есть система использования специальных инструкций для чат-бота, которые задают правила, автоматизируют процессы работы с ИИ, позволяют эффективно использовать диалоговые модели искусственного интеллекта и дают возможность автоматизировать процесс выявления, систематизации и классификации метафор. Разработанные в рамках теории метафорического речевого воздействия научные принципы интерпретации количественных данных употребления метафор в текстах могут быть использованы как исходные данные для создания программного продукта, способного на основе анализа метафорических моделей делать выводы о типе и степени воздействующего потенциала исходного текста.

Данная работа нацелена на изучение возможностей создания методологии анализа механизмов метафорического речевого воздействия с использованием нейросетевых технологий.

Методика исследования

Архитектура исследования состоит в последовательности шагов по обучению ИИ (ChatGPT 4o) выявлению и классификации метафор:

1) Выявление метафор: обучение ИИ тому, что именно понимается под метафорой; разграничение понятий языковой и концептуальной метафоры; обучение выявлению разных языковых форм метафоры (А – это В, А подобно В, А делает действия В, А имеет признаки В). Выводным результатом является список языковых метафор и их систематизация по сфере-цели.

2) Определение оценочности метафоры: обучение выявлению тональности метафорических переносов (отрицательная, положительная, нейтральная). Выводным

результатом являются количественные данные по метафорам разной тональности относительно определенной сферы-цели.

3) Выявление метафорического речевого воздействия: обучение идентификации интенсивности метафоры (конвенциональная, авторская) и определению типа метафоры (онтологическая, структурная); выявление метафорического речевого воздействия. Выводным результатом являются количественные показатели индексов метафоричности и их интерпретация.

Материалом исследования стали написанные нами 3 текста описания вымышленных политических партий, одинакового содержания, но отличающиеся по наличию метафор разного типа. Количество метафор разного типа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение метафор разного типа по текстам

Текст	Кол-во метафор	Оценочность метафоры (+/-/нейтрально)	Конвенц./авторские метафоры	Онтолог./ структур. метафоры
Партия А	0	—	—	—
Партия В	3	-/1/2	2/1	2/1
Партия С	5	1/2/2	3/2	4/1

Результаты

Результаты анализа метафоричности предложенных текстов в количественном выражении представлены в таблице 2.

Таблица 2. Анализ метафор разного типа, выполненный ИИ (ChatGPT 4o)

Текст	Кол-во метафор	Оценочность метафоры (+/-/нейтрально)	Конвенц./авторские метафоры	Онтолог./ структур. метафоры
Партия А	5	5/-/-	5/-	4/1
Партия В	8	6/2/-	7/1	4/4
Партия С	10	6/2/2	8/2	5/5

Среди полученных результатов прежде всего стоит отметить, что ИИ в качестве языковых метафор выделил 5 выражений, которые исходно не были определены нами как метафорические. Например, «Выбирая партию С, вы выбираете стабильность!», «Работа органов государственной власти», «социальная неустойчивость». Мы полагаем, что причиной этого стало описание метафоры в промпте как «любое перенесение свойств одного объекта / явления / абстракции на другой объект / явление / абстракцию». Кроме того, для обучения не было использовано понятие «мертвая метафора», понимаемая как языковой вариант концептуального сдвига, который утратил образность и потенциально привел к формированию нового лексического значения («ножка стула»).

При выявлении оценочности метафор ИИ верно определил исходные метафоры с отрицательной оценкой («экономический шторм», «экономическое цунами») и метафору с положительной оценкой («партия – это надежное укрытие»), при этом присвоив излишнюю оценку некоторым другим метафорам.

При идентификации интенсивности метафор ИИ верно выявил авторские метафоры во всех случаях, соотнеся дополнительные метафоры с разрядом конвенциональным.

Определение типа метафорической проекции показало, что структурные метафоры были верно определены ИИ, при этом к этой категории были дополнительно отнесены некоторые онтологические метафоры (например, «вступаете в бой за свои социальные гарантии»).

Анализ результатов выявления метафор показал, что широкая интерпретация метафоры как любого переносного концептуального сопоставления привела к включению в анализ устоявшихся выражений, характеризующихся низкой степенью образности («мертвых метафор»). Несмотря на это, ИИ корректно идентифицировал авторские метафоры, определил их оценочную модальность и интенсивность, продемонстрировав способность к анализу подобных концептуальных проекций, которые отличаются высоким уровнем речевого воздействия. При этом ошибки в классификации типов метафор указывают на необходимость более строгого разграничения онтологических и структурных метафор на основе их функционально-когнитивных характеристик.

Заключение

Результаты исследования продемонстрировали потенциал нейросетевых технологий в анализе метафорического речевого воздействия. Разработанная методология обучения ИИ выявлению, классификации и интерпретации метафор позволила автоматизировать анализ концептуальных проекций в текстах. Основные выводы включают способность ИИ корректно идентифицировать авторские метафоры, оценивать их тональность и интенсивность, а также выделять структурные метафоры с высоким уровнем речевого воздействия. Однако недостатки, такие как включение «мертвых метафор» и смешение онтологических и структурных метафор, подчеркивают необходимость доработки методологии с учетом функционально-когнитивных характеристик метафор.

Нейросетевой подход, таким образом, открывает перспективы создания новой парадигмы когнитивно-лингвистических исследований, направленных на изучение речевого воздействия в условиях цифровой картины мира.

Литература

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006.
- Калинин О.И. Метафорическое речевое воздействие // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 229-234.
- Калинин О.И. Метафорическое речевое воздействие в медиадискурсе торговой войны между КНР и США // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 4. С. 70-84.
- Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26-52.

O.I. Kalinin (Moscow, Russia)

*Military University, Moscow State Linguistic University,
South Ural State University (National Research University)*

OPPORTUNITIES OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN METAPHOR RESEARCH

The article presents the results of the neural network technologies analyzing metaphorical speech impact. The stages of AI training in identifying, evaluating, and classifying metaphors are examined. It has been established that AI successfully identified authorial and structural metaphors and determined their evaluative tone.

Key words: metaphorical speech impact, neural network technologies, artificial intelligence, authorial metaphor, structural metaphor

Э.А. Китанина (Москва, Россия)

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
eakitanina@pushkin.institute*

Се Дань (Шихэцзы, Китай)

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
dannia1987@163.com*

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЙДЖИЗМ КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы геронтологического эйджизма в интернет-коммуникации в виде деструктивного речевого поведения. Цель исследования заключается в выявлении вербальных признаков деструктивного коммуникативного поведения пользователей сети Интернет в аспекте осмысления социально-культурного феномена «старость» носителями русского языка.

Ключевые слова: геронтологический эйджизм, деструктивное речевое поведение, старость, интернет-комментарий, языковые средства

Интернет является глобальным информационным пространством, играющим важную роль в формировании сознания, мнения социума и влияющим на то, что говорят, думают и делают современные люди. В интернет-пространстве существуют разнообразные платформы: СМИ, блогосфера, информационные сайты, социальные сети и т. п. Стремительное развитие информационных технологий, доступность цифровой среды привнесли в жизнь большие удобства, пользователи всемирной Сети получили легкий доступ к разнообразному контенту на различных платформах для обучения, творчества, общения, но в то же время это привело к появлению новых социальных рисков. Россия оказалась в числе стран мира с быстро стареющей нацией. По прогнозам Росстата, к 2035 году количество пожилых россиян достигнет 34 млн — это 24% от населения страны. С усилением демографического старения населения в государстве возникает ряд социальных проблем, в том числе в сфере пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания. Это вызывает растущий интерес ученых и общественности к проблемам пожилых людей.

По мере развитием интернет-коммуникации в интернет-пространстве появляется всё больше и больше сайтов, аккаунтов, телеграм-каналов для общения как самих пожилых людей, так и людей, которые задумываются о таком сложном периоде человеческой жизни, как *старость*. С ростом популярности онлайн-коммуникации, как и в реальной жизни, люди часто сталкиваются с деструктивным речевым (коммуникативным) поведением в интернет-пространстве. В социальных сетях постоянно являются оскорбительные и антивежливые комментарии о таком явлении, как старость. По мнению В.И. Карасика, общение в электронных социальных сетях представляет собой новый тип коммуникации, отличительными особенностями которой являются возможность поддержания контактов с неограниченным количеством участников сети, получение их немедленного отклика на послания, размывание граней между публичностью и приватностью, возможность маскировки себя под никами – сетевыми псевдонимами, возрастание игрового характера общения [Карасик 2018: 105]. Онлайн-коммуникация отличается от привычного общения в реальном пространстве, часто адресат или адресант использует ник или общается анонимно. Такое положение может дать свободу выражения подлинного отношения ко всем явлениям, связанным со старостью, с преклонным возрастом, в том числе проявления неуважения, агрессии, антивежливости к пожилым людям, т.е. геронтологического эйджизма. Геронтологический эйджизм – вид дискриминационных отношений, опирающийся на стереотипы социума, ложные представления о людях пожилого возраста, агрессивном и негативном к ним отношении.

По словам Т.В. Юдеевой, «деструктивное коммуникативное поведение – это вербальные и сопровождающие его невербальные проявления человека в процессе коммуникации, которые идут в разрез с нормами и правилами общения в некой культуре, сообществе людей, в основе которых лежат деструктивные установки, мотивы поведения» [Юдеева 2022: 178]. Две части включены в деструктивное коммуникативное поведение: 1) вербальные и 2) невербальные проявления, но основная форма онлайн-коммуникации – вербализация. В книге «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» О.С. Иссерс отмечает, что речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2006: 54]. Речевая коммуникация зависит от обстоятельств и личностей коммуникантов, на деструктивное коммуникативное поведение в социальных сетях также влияют онлайн-среда и эмоции коммуниканта. В.А. Буряковская полагает, что «деструктивность коммуникативного поведения связана с различными проявлениями агрессивности, имеющей разную природу.» [Буряковская 2019: 621]. С точки зрения В.А. Буряковской, самым прямым проявлением деструктивности в процессе коммуникации являются агрессивное вербальное поведение, например, хамство, оскорбление. «Консолидирующим началом общезыковой образной системы выступают мотивационные отношения, которые пронизывают весь лексико-фразеологический состав языка, объединяя мотивационно связанные слова и выражения с метафорической семантикой в структурно и концептуально целостные

фрагменты» [Юрина, Шенкал 2020: 23]. Следовательно, существует необходимость выявить языковые средства деструктивного коммуникативного поведения личности в русскоязычных интернет-комментариях, а также установить лексико-стилистические характеристики интернет-комментариев, относящихся к языковой картине мира, а именно к таким явлениям, как старость, старение, возраст.

Материалом исследования послужили 137 интернет-комментариев, опубликованных в сети интернет с 2022 по 2024 г. Список источников включает в себя российскую платформу (*YouTube*), социальные сети (*ВКонтакте*, *Telegram*).

Следует отметить, что языковые средства, транслирующие агрессивное, антивежливое отношение к старости представляют в большинстве своем негативную лексику, включающую примеры крайне оскорбительного характера. В ходе исследования фактического материала нами выявлены лексемы/прагмемы, используемые для реализации деструктивного коммуникативного поведения личности в сетевом дискурсе. В результате их систематизации были получены следующие семантико-тематические группы слов:

1. Негативная лексика, называющая человека по гендерному признаку (*старуха, дед, бабушка* и др.) Ср.: *Сумасшедшая старуха* (пользователь You Tube @user-xd1cd9ij5k); *Ужасные времена! Дедов и бабок рекламируют. Черт, чуть не вырвало!* (пользователь You Tube @SergeyGribachev).

2. Негативная лексика, отрицающая умственные способности человека (дурак, дура, шутник и др.) Ср.: *Что за непрофессиональная дура задала ей этот идиотский вопрос? Неужели ее интервьюершей была Ксюха Собчак?!.. Та может, еще как!..* (телеграм-канал «Эстетика ВОЗРАСТА»); *смешно !!!! правда для дураков!!!!* («Модная старость. Возраст в голове» документальный фильм Би-би-си).

3. Негативная лексика общеоскорбительного характера (*муха, бес, вранье, черт* и др.) Ср.: *Вы МУХА* (пользователь You Tube @user-kd9um7fy2g, видео «Почему я не боюсь стареть?»); *Что вы несете? какие бесы? Что у вас в душе* (видео «Почему я не боюсь стареть?» Ольга Шатыко TEDxMinskWomen»).

4. Негативная лексика, манифестирующаяся в основном в экспрессивных эпитетах (*сумасшедший, ужасный, дрожащий, слабый, непрофессиональный, идиотский, бредовый, пенсионный, копеечный* и др.)

Ср.: *Какое Вранье! Столько операций ею сделано....Офигеть! Что слушать, ее??? Брррр!* (видео «Почему я не боюсь стареть?» Ольга Шатыко TEDxMinskWomen»).

Языковые единицы типа *брррр* во многих лингвистических работах рассматриваются как первичные междометия, так как они передают различное эмоциональное состояние человека [Шаронов 2009: 51]. В интернет-комментариях данные междометия позволяют интернет-комментаторам ярче выразить негативные эмоции.

В заключение хотелось бы резюмировать, что категоризация человеческого опыта, несомненно, стала основной проблемой в русской когнитивной лингвистике. Так, деструктивное речевое поведение транслируют языковые средства, демонстрирующие признаки геронтологического эйджизма в виде негативного, антивежливого от-

ношения к такому социальнокультурному и когнитивному феномену, как *старость* представляют в большинстве своем негативную лексику, включающую примеры крайне оскорбительного характера. Такими являются следующие существительные с, безусловно, пейоративной коннотацией (*старуха, дед, бабка, дурак, дура, шутник, муха, бес, вранье, черт, старость, депрессия, деменция, горе, галиматья, фильтр* и др.), глаголы (*стареть, вырвать, заставить, засорять, врать, обманывать* и др.), прилагательные (*сумасшедший, ужасный, дрожащий, идиотский, бредовый, копеечный* и др.), наречия (*мерзко, смешно, чуть* и др.), междометия (*брррр, у*), выражения (*сойти с ума, копаться в мусорках, полы мыть, отсутствие мозгов, в экстраваганте*), жаргонизмы (*офигеть, обалдеть*) и сленгизмы (*жест, отпад*), которые употребляются пользователями для реализации деструктивного речевого (коммуникативного) поведения личности в русскоязычных интернет-комментариях.

Литература

- Блехарская Е.В. Пожилой возраст как переходный этап жизненного пути человека // Педагогическое образование в России. 2017. № 12. С. 36-43.
- Буряковская В.А. Стратегии деструктивного коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2019. № 3. С. 620-629.
- Карасик В.И. Вежливость и антивежливость в сетевом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: сборник трудов конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 104-114.
- Китанина Э.А. Манипуляция в современном политическом дискурсе: обращенность к массовому адресату // Русский язык за рубежом. 2019. № 4. С. 26-27.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
- Шаронов И.А. Звукоподражательные слова и эмоциональные междометия // Вопросы филологии. 2009. № 3 (33). С. 48-52.
- Юдеева Т.В. Мотивация деструктивного коммуникативного поведения подростков в социальных сетях // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2 (116). С. 178-182.
- Юрина Е.А., Шенкал Г. Межъязыковая образность как лингвокогнитивный феномен. Томск: Изд-во Том. Ун-та. 2020.

E.A. Kitaniina (Moscow, Russia)

Pushkin State Institute of the Russian Language

Xie Dan (Moscow, Russia)

Pushkin State Institute of the Russian Language

GERONTOLOGICAL AGEISM AS DESTRUCTIVE SPEECH BEHAVIOR IN INTERNET COMMUNICATION

The article discusses the problems of gerontological ageism in Internet communication in the form of destructive speech behavior. The purpose of the study is to identify verbal signs of destructive communicative behavior of Internet users in the aspect of understanding the socio-cultural phenomenon of "old age" by native speakers of the Russian language.

Key words: gerontological ageism, destructive speech behavior, old age, Internet commentary, language tools

*И.С. Криворучко (Краснодар, Россия)**Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
ira7791@mail.ru*

ОБРАБОТКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И МАШИНОЙ

В современных условиях стремительного развития технологий и увеличения объемов информации человечеству необходим помощник, на роль которого по праву претендует искусственный интеллект. Предметом рассмотрения в статье стала обработка естественного языка, позволяющая искусственному интеллекту распознавать, понимать и генерировать человеческую речь, способствуя тем самым успешному взаимодействию человека и машины.

Ключевые слова: искусственный интеллект, естественный язык, сгенерированный текст, машинное обучение, семантический анализ

Сочетание возможностей современных технологий и желаний пользователей, связанных с упрощением и ускорением выполнения повседневных задач, включая написание текстов, поиск информации с последующей ее обработкой и систематизацией, привели к появлению и небывалой популярности таких программ, как ChatGPT, GigaChat и др., в основе которых лежит NLP (natural language processing) или обработка естественного языка. Это область искусственного интеллекта, занимающаяся взаимодействием между компьютером и человеком посредством естественного языка, т.е. языка, используемого людьми для общения между собой.

Как наука NLP стоит на стыке технологии машинного обучения и компьютерной лингвистики. Компьютерная лингвистика (Computational Linguistics), также называемая математической, машинной или вычислительной лингвистикой, – явление сравнительно новое. Как отмечают исследователи, ее «идея заключена в том, чтобы использовать машины, а позже и искусственный интеллект (ИИ) для работы с естественными языками» [Смагин 2018: 162]. «Современная лингвистическая наука четко обозначает тенденцию исследования языка в плане обеспечения языковыми единицами прагматической и семантической информации в различных видах дискурса» [Криворучко 2023: 1243], в том числе в компьютерном. NLP позволяет компьютерам определять смысл текста, разбивать его на составные части и анализировать структуру.

Ключевым этапом в любой задаче обработки текстов является токенизация. Это процесс разбивки текста на отдельные единицы, называемые токенами. Токенами могут быть слова, фразы, символы или даже предложения. Этот процесс является важной частью обработки естественного языка и используется на начальном этапе анализа текста. Для упрощения анализа текстовой информации используется лемматизация – приведение слова к его начальной или базовой форме, называемой леммой. Например, слова *бегаю*, *бегал* и *бегущий* приводятся к лемме *бежать*. Лемматизация помогает устранить различия между морфологическими формами слова, позволяет сократить объем данных, с которыми нужно работать, и облегчает выполнение задач, таких как извлечение информации и классификация текстов.

Язык, как известно, «в его стандартном состоянии дает больше возможностей показать исключения, чем показать норму» [Басте 2022: 59]. Семантический анализ предложения играет важную роль в NLP, поскольку позволяет машине точно определить значение слова, что особенно важно для лексических единиц с несколькими значениями (омонимов). Выявление и корректное использование имен собственных при обработке текста и генерации ответа также вызывает вопросы при обработке естественного языка.

Понимать человеческую речь означает понимать эмоции. «Внутреннее благополучие связано с индивидуальными чувствами, эмоциями и/или мыслями людей» [Степанова 2023: 149]. Интересной областью использования методов обработки естественного языка является анализ эмоциональной окраски текста, включающий сбор текстов для анализа (отзывы, сообщения в социальных сетях, статьи и т. д.), предобработку текста (очистка текста от лишних символов, стоп-слов, пунктуации), выделение ключевых слов или фраз, использование алгоритмов машинного обучения для классификации текста по эмоциональным категориям (радость, грусть, злость и т. д.), анализ результатов, визуализация полученных результатов для удобства интерпретации. Несмотря на значительные успехи NLP в эмоциональном восприятии информации, эта сфера находится пока еще на раннем этапе своего развития. Одна из самых трудных для восприятия компьютером эмоций – ирония, которая часто обусловлена контекстом. То, что является иронией в одном контексте, воспринимается буквально в другом. Компьютерам сложно учитывать все нюансы ситуации и ролей участников. Ирония также проявляется в противоречии между словами и интонацией. Например, фраза «*Отличная работа!*» – выразительная ирония, если человек не сделал ничего достойного похвалы. Компьютеры пока еще не способны считывать интонацию, эти невербальные сигналы сложно уловить для машин, которые основываются только на текстовой информации.

NLP также включает создание текста на естественном языке, что позволяет системам формировать ответы на вопросы или генерировать описания. До недавнего времени считалось, что сгенерированные программой тексты являются правильными с точки зрения применения языковых норм, но чаще всего лишены смысла. Но с развитием технологий и машинного обучения прогресс в этой области становится все более очевидным. Качество таких текстов зависит от некоторых факторов и варьируется в зависимости от конкретной задачи и используемой модели. Разнообразие данных, на которых была обучена модель, также существенно влияют на итоговый результат. Модели, обученные на больших и разнообразных корпусах текстов, генерируют более релевантные и контекстуально правильные ответы. Чтобы модель сгенерировала качественный текст, необходимо правильно задать контекст и сформулировать запрос. Важную роль играет степень абстракции: более абстрактные тексты, требующие глубокого понимания, как правило, менее качественные.

Помимо явных преимуществ сгенерированных текстов, связанных со скоростью их создания, автоматизацией рутинных процессов (написание отчетов,

создание рекламного контента, ведение блогов и др.), необходимо подчеркнуть характерные недостатки, которые пользователи должны иметь в виду при использовании этих текстов. Прежде всего, машины пока не обладают пониманием контекста на человеческом уровне, что зачастую приводит к абсурдным или неуместным выводам: Запрос: «*Как приготовить курицу, если у меня нет мяса?*» Ответ: «*Для приготовления курицы вам нужны куриные грудки, соль, перец и специальные специи*». Проблема в том, что машина не осознает, что вопрос касается отсутствия мяса и продолжает давать стандартный рецепт, игнорируя суть вопроса.

Сгенерированные тексты не исключают ошибок, неуместных выражений или даже предвзятостей, присутствующих в обучающих данных, например: *Все программисты чувствуют себя счастливыми, когда кодят всю ночь*. Это обобщение не учитывает различных личных предпочтений программистов. Не все счастливы от такого графика работы. Или *У нее женская логика, поэтому она не понимает цифр*. Это выражение стереотипно и даже оскорбительно, потому что подразумевает меньшую способность женщины к аналитическому мышлению.

Наконец, сгенерированный текст иногда грамматически некорректен или звучит неестественно. Это происходит из-за ограниченности данных, контекстной неопределенности, сложности естественного языка. К тому же не стоит забывать, что генерация текста происходит по алгоритмам, что часто приводит к повторам, ненужным словам или фразам: *Он всегда был тем, кто делает дела отлично и хорошо*. Повтор слов *дела* и *хорошо* звучит неестественно. Лучше сказать: *Он всегда выполняет свои обязанности отлично*. Или *Я не хочу терять возможность, чтобы пойти на эту вечеринку*. Фраза «*терять возможность, чтобы*» звучит странно. Естественнее сказать: *Я не хочу упустить шанс пойти на эту вечеринку*.

Автоматический перевод, как отмечают исследователи, «является одной из важных областей обработки естественного языка, которая используется для перевода текста с одного языка на другой с помощью компьютерных программ» [Тюрина 2023: 159]. Каждый язык имеет свои уникальные грамматические структуры. Он включает в себя не только прямую замену слов с одного языка на другой. При переводе нужно учитывать не только порядок слов, согласование времен, артикли и др., чтобы передать смысл оригинала. Некоторые слова или выражения имеют культурные коннотации, которые не поддаются прямому переводу. Это требует от модели способности адаптировать контент, чтобы он звучал естественно и был понятен целевой аудитории. Например, в русском языке выражение «*крепкий орешек*» означает человека, который сложно поддается влиянию или манипуляциям. При переводе на английский язык необходимо объяснить эту концепцию, используя фразу *strong-willed person*. Или «*русская душа*» – выражение, подразумевающее глубокую эмоциональность и духовность русской культуры. При переводе на английский язык необходимо дополнительное пояснение, чтобы передать эту идею, например, *the depth of Russian spirit*.

Успешный перевод подразумевает глубокое понимание смысла текста, что ведет к сохранению также эмоциональной нагрузки оригинала. Модели должны справляться с идиомами, метафорами и другими фигурами речи, которые способны изменить значение фразы. «*He все то золото, что блестит*» – эта идиома указывает на то, что внешний вид может обманывать. Английский эквивалент немного отличается по строению *All that glitters is not gold*, но сохраняет смысл и воспринимается носителями как естественный. Всем известный и популярный переводчик Google успешно справился с переводом этой пословицы, но выражение «кот наплакал», используемое для обозначения чего-то незначительного или несущественного, перевел дословно. Такой перевод требует доработки. Аналогами в английском языке для передачи идеи о малом количестве могут быть фразы *a drop in the bucket* или «*not enough to swear by*».

Таким образом, языковой барьер является значительным препятствием во взаимодействии людей и машин. Несмотря на то, что технологии активно развиваются, понимание и интерпретация человеческого языка остаются сложными задачами для искусственного интеллекта. NLP позволяет компьютерам анализировать, понимать и генерировать естественный язык, что открывает широкие возможности для автоматизации многих задач, связанных с текстовой информацией.

Литература

Басте З.Ю. Феномен языкового контакта с точки зрения конвергенции языков // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции, Майкоп, 27–29 октября 2022 года. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2022. С. 56–60.

Криворучко И.С. Антиценностные категории англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 4. С. 1242–1247.

Смагин М.Р., Филатова Е.Ю., Кузнецов И.А. Компьютерная лингвистика и искусственный интеллект // Успехи в химии и химической технологии. 2018. Т. 32. № 4 (200). С. 162–164.

Степанова А.П. К вопросу эффективности измерения уровня социального благополучия населения // Еромен. Global. 2023. № 43. С. 148–155.

Торина Д.А., Пальмов С.В. Применение нейронных сетей в обработке естественного языка // Журнал прикладных исследований. 2023. № 7. С. 158–162.

I.S. Krivoruchko (Krasnodar, Russia)

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

NATURAL LANGUAGE PROCESSING TOWARDS OVERCOMING THE LANGUAGE BARRIER BETWEEN HUMANS AND MACHINES

In today's rapidly developing technology and increasing volumes of information, humanity needs an assistant, and artificial intelligence is rightfully claiming the role. The topic of the article is natural language processing, which allows artificial intelligence to recognize, understand and generate human speech, thereby facilitating successful interaction between humans and machines.

Key words: artificial intelligence, natural language, generated text, machine learning, semantic analysis

*А.С. Куров (Иваново, Россия)**Ивановский государственный университет
alexanderkurov@mail.ru*

ПОЯВЛЕНИЕ НЕЙРОПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ НЕЙРОННОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается понятие «переводческая герменевтика» и ее особенности. Предпринята попытка ввести новое понятие «нейропереводческая герменевтика» в связи с развитием технологий нейронного машинного перевода.

Ключевые слова: перевод, переводческая герменевтика, нейропереводческая герменевтика, аудиовизуальный перевод, нейронный машинный перевод

Перевод на рубеже XX–XXI вв. начал трансформироваться и приобретать новые формы благодаря развитию ИТ: появился аудиовизуальный перевод, учитывающий не только вербальную, но и невербальную составляющую видеотекста, прогрессируют технологии нейронного машинного перевода. В результате генеративный искусственный интеллект научился воспринимать текст, переводить и озвучивать его, что в некоторой степени ставит новые задачи перед переводческой герменевтикой.

Представляется важным обратиться к понятию «переводческая герменевтика» и ее особенностям в новом тысячелетии цифровых переводческих решений и инструментов.

Переводческая герменевтика – наука, занимающаяся изучением процесса перевода и трактовки в разнообразных контекстах и сочетающая методы теории перевода, языкознания, философии и культурологии. Главная цель – создать условия для точной передачи смысла между оригинальным и целевым языком. Данное направление активно развивается, и его можно выделить в научных трудах следующих ученых: Н.К. Гарбовского, Н.Л. Галеевой, Т.А. Казаковой, Ю.Л. Оболенской, Е.А. Морозкиной и др. С помощью герменевтических методов исследования мы можем по-новому посмотреть на переводческие понятия и проблемы [Рябко 2019: 203]. С точки зрения герменевтического подхода перевод – это сложная для трактовки система, которая может изъяснить знаками одной семиотической системы знаки другой [Гарбовский 2004: 242–243].

Ганс-Георг Гадамер был первым среди ученых, кто стал изучать переводческую герменевтику. По мнению ученого, интерпретатор, чтобы нивелировать появление переводческих ошибок, должен учитывать как образы и языковые конструкции, так и исторические и культурные контексты. Процесс перевода должен представлять из себя «обоюдный диалог» между оригинальным и переводящим языком [Белова 2023: 4].

Поль Рикер отмечал несколько особенностей переводческой герменевтики: 1) она связана не только с лингвистическим анализом текста, но и с пониманием исторических и культурных контекстов оригинала и перевода; 2) во время перевода знания из области филологии занимают ключевую роль в деятельности переводчи-

ка; 3) каждый перевод представляет собой результат передачи смысла оригинального текста на целевой язык; 4) перевод не может скопировать оригинал из-за существующих нюансов, которые есть в каждом языке [Ricoeur 2006: 20].

Язык – это знаковая система, элементы которой помогают интерпретировать информацию, представленную как в вербальной, так и невербальной форме. Поль Рикер в своем труде «Конфликт интерпретаций» отмечал, что герменевтика – это выявление мышлением скрытого в символе смысла [Рикер 1995: 31]. На наш взгляд, это утверждение актуально для теории перевода и находит свою реализацию в ее новых формах. В данной статье мы рассмотрим пример из мультфильма «Мадагаскар» с позиции сравнительного лингвистического анализа и переводческой герменевтики, потому что язык является инструментом, элементы которого собираются в единое целое и передают определенный смысл, трактуемый человеком впоследствии (табл. 1).

Таблица 1.

Оригинальный текст	Аудиовизуальный перевод	Нейронный машинный перевод
You. You ticked off the people. You bit the hand, Marty. You bit the hand.	Ты. Ты людей в гнев привел. Ты укусил руку, Марти, с которой мы ели.	Ты разозлил людей. Ты укусил руку, Марти. Ты укусил руку.

Для того чтобы перевести данное предложение, нужно понимать, в какой ситуации были персонажи в начале и середине мультфильма. Они жили в зоопарке, и большинство, за исключением Марти (зебры), всё устраивало. В определенный момент Марти решил сбежать, и его друзья последовали за ним в город, чтобы вернуть его в зоопарк. Всё пошло не так, как они планировали. В результате в городе началась паника. Животных поймали и решили отправить их в Африку, в Кенийский природный заповедник. Во время спора один из персонажей произнес фразу *You. You ticked off the people. You bit the hand, Marty. You bit the hand*, которую, как нам кажется, можно интерпретировать по-разному. Сравним два варианта перевода и проанализируем, как их можно трактовать. Важно обратить внимание на одну лексическую единицу, употребленную в предложении – *hand*. Становится понятно, что речь пойдет о людях. Нейронный машинный перевод в данном случае перевел фразу дословно. С одной стороны, заложенный в оригинале смысл сохраняется, и это является достоинством нейронного машинного перевода, а с другой – фразу можно, как нам кажется, интерпретировать несколькими способами: «ты укусил руку» – поступок Марти, который 1) разозлил всех людей, 2) разозлил людей, поймавших их, 3) разозлил людей, ухаживавших за ними в зоопарке. В варианте аудиовизуального перевода возможность истолковать фразу как-то иначе нивелируется. Переводчики решили адаптировать перевод и сделать его понятнее для зрительской аудитории. В конечном итоге фраза «ты укусил руку» – поступок Марти, который разозлил людей, ухаживавших за персонажами в зоопарке. Таким образом, варианты перевода не совпадают и предлагают зрителю интерпретировать фразу по-разному. В то

же время важно обратить внимание на визуальную часть, показывающую невербальную составляющую. Алекс (лев), произнося фразу *You. You ticked off the people. You bit the hand, Marty. You bit the hand*, держит себя за лапу и трясет ею. Данный элемент усиливает смысл текста, выраженный в вербальной форме (это характерно как для аудиовизуального перевода, так и для нейронного машинного перевода), и обращает внимание зрителя на важный содержательный элемент.

Представляется важным отметить, что в рамках данного анализа мы сравнивали две разновидности перевода (аудиовизуальный и нейронный машинный). В первом случае переводчик интерпретировал вербальную и невербальную составляющие и впоследствии создал вариант на родном языке. В таком случае мы выделяем связь с переводческой герменевтикой. Ученые, на наш взгляд, стремятся выстроить работу нейронного машинного переводчика наподобие работы человеческого мозга. Нейронный машинный переводчик научился воспринимать аудиоинформацию, создавать на ее основе текст, который впоследствии переводится, озвучивать полученный вариант на выбранный пользователем язык. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть появление нейропереводческой герменевтики в качестве разновидности переводческой герменевтики, потому что один из рассмотренных в статье вариантов перевода был создан не человеком, а искусственным интеллектом. На наш взгляд, нейропереводческая герменевтика – это разновидность переводческой герменевтики, занимающаяся изучением процесса перевода и трактовки текстов, переведенных искусственным интеллектом.

Литература

- Белова Ю.А. Герменевтика и ее некоторые виды // Доклады Башкирского университета. 2023. Т. 8. № 2. С. 1-6.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство МГУ, 2004.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1995.
- Рябко Е.И. Переводческая герменевтика: от истоков к современному состоянию // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 202-211.
- Ricoeur P. On Translation. Translated by Eileen Brennan. With an Introduction by Richard Kearney. London and New York: Routledge, 2006.

A.S. Kurov (Ivanovo, Russia)
Ivanovo State University

THE EMERGENCE OF NEURO-TRANSLATIONAL HERMENEUTICS AS A RESULT OF NEURAL MACHINE TRANSLATION DEVELOPMENT

The article discusses the concept of “translational hermeneutics” and its features. An attempt has been made to introduce a new concept of “neuro-translational hermeneutics” in connection with the development of neural machine translation technologies.

Key words: translation, translational hermeneutics, neuro translational hermeneutics, audiovisual translation, neural machine translation

*И.И. Левин (Тюмень, Россия)**Тюменский государственный университет
illevin101@gmail.com*

АНТРОПОМОРФНЫЕ ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ИИ

Статья исследует влияние антропоморфных метафор в терминологии искусственного интеллекта (ИИ) на восприятие технологий. Цель статьи – выявить когнитивные механизмы антропоморфных метафор в терминологии ИИ и их влияние на восприятие технологий. Методология включает анализ научных, медийных и рекламных текстов, выявляющий двойственную роль метафор: они облегчают междисциплинарный диалог, однако усиливают мифы о «сознании» ИИ и этические дилеммы.

Ключевые слова: метафора, антропоморфизм, искусственный интеллект (ИИ), терминология, когнитивные механизмы

Метафора традиционно воспринимается как литературный прием, однако ее роль выходит за рамки художественного стиля. В художественной парадигме, согласно Аристотелю, метафора — это перенос имени с одного объекта на другой. Современные исследования, особенно в рамках когнитивной теории, раскрывают ее значение в мышлении и языке [Будаев, Чудинов 2013]. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что метафора служит инструментом категоризации и познания мира, связывая новые концепции с уже известными через ментальные проекции [Кубрякова 1981: 34].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем» выделяют два типа когнитивных структур: «источник» (известные знания) и «цель» (новые концепции) [Лакофф, Джонсон 2004]. Метафоризация позволяет накладывать первые на вторые, формируя понимание. Этот процесс актуален и в терминологии, где термины часто создаются через переосмысление слов (терминологизация). Например, в естественных науках метафоры помогают описывать сложные явления через образы, что не противоречит точности терминов, а, по мнению Г.Г. Кулиева, становится альтернативным путем ее достижения [Кулиев 1987].

Семантический аспект метафоры остается ключевым в исследованиях. Л.М. Алексеева в монографии «Термин и метафора» выделяет четыре типа концепций, анализирующих связь прямого и переносного значений. Она отмечает, что метафоризация адаптирует язык для вербализации нового знания, трансформируя личный опыт в объективные термины.

Таким образом, метафора в науке и терминологии выполняет когнитивную функцию, объединяя знакомые и новые концепции через проекцию «источник-цель». Это не снижает точности терминов, а, напротив, обеспечивает их адекватность, отражая эволюцию научного познания.

Люди склонны олицетворять абстрактные или неживые объекты, наделяя их человеческими качествами, даже если они не связаны с живыми системами. Антропоморфизм (от греч. *anthropo* — «человеческий») — интерпретация нече-

ловеческого через призму человеческого, включая мотивы, эмоции или намерения [Erpley и др. 2007]. Это явление распространено в разных сферах: от компьютерных вирусов, описываемых как «атакующие», до социально-политической риторики, где объектам приписывается агентность.

Для демонстрации метафорического антропоморфизма мы рассмотрели следующие термины: «Обучение»; «Нейронная сеть»; «Тренировка модели»; «Самообучение»; «Голосовой ассистент».

Термин «Обучение» мы проиллюстрируем следующим примером: Generative AI relies on deep learning models that can learn from patterns in existing content and generate new, similar content based on that training. В данном контексте присутствует метафора познавательного процесса, аналогичного человеческому образованию. В ходе анализа мы проследили такое антропоморфное качество – приписывание способности к адаптации, усвоению опыта и развитию навыков через взаимодействие с данными.

Термин «Нейронная сеть» представлен следующим контекстом: Every neural network consists of layers of nodes, or artificial neurons — an input layer, one or more hidden layers, and an output layer. Мы обнаружили метафору биологической нервной системы – узлы («нейроны») имитируют работу мозга. Антропоморфный характер метафоры объясняется наделением технических компонентов органическими свойствами (связь, передача сигналов, иерархия).

Термин «Тренировка модели» мы проиллюстрируем данным контекстом: Diffusion models are generative models that are trained using the forward and reverse diffusion process of progressive noise-addition and denoising. В нем можно наблюдать метафору спортивной тренировки или педагогического процесса, где система «учится» через повторение. Антропоморфность проявляется через приписывание усилий, дисциплины и постепенного совершенствования (аналогично обучению человека).

Термин «Самообучение» мы представим следующим контекстом: Self-learning systems are artificial agents that can acquire and renew knowledge on their own over time, without the need for hard coding. В данном предложении представлена метафора автономного познания, как у человека, который учится без внешнего контроля, и ИИ наделяется самостоятельностью и инициативностью, способностью к саморазвитию.

Термин «Голосовой ассистент» можно проследить в данном контексте: Bixby is Samsung's AI personal assistant that runs on all its smartphones and some of its other smart devices, including refrigerators. Bixby is voice-based and can be used for various tasks including texting, retrieving location-specific weather reports and reading news articles. Искусственный интеллект сравнивается здесь с помощником, слугой, ассистентом, который имитирует человеческое взаимодействие. Ему приписывается социальная роль, а также эмпатия, исполнительность и коммуникативные навыки.

Итак, в результате исследования когнитивных механизмов и их влияния на восприятие искусственного интеллекта мы выделили следующие тенденции влияния и разделили их на позитивные и негативные. К позитивным можно отнести такие тенденции, как упрощение для популяризации в обществе, упрощение понимания ком-

плексных понятий с возможностью «опущения» технических подробностей, стимулирующая креативности в науке. К негативным – возможная «подмена» понятий, когда речь заходит, к примеру, об ошибке, ведь ошибка человека или ошибка компьютера. Также отмечается, что проведение аналогий между искусственным интеллектом и человеком, его «очеловечивание» может способствовать росту общественной тревожности перед возможным «восстанием машин».

Литература

Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 1998.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 110. № 1. С. 6-13.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981.

Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку: Элм, 1987.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: УРСС Эдиториал, 2004.

Epley N., Waytz A., Cacioppo J. On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism // Psychological review. 2007. Vol. 114. Pp. 864-886.

I.I. Levin (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

ANTHROPOMORPHOUS METAPHORICAL TERMS IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE TERMINOLOGY: COGNITIVE MECHANISMS AND THEIR IMPACT ON THE PERCEPTION OF AI

The article examines the impact of anthropomorphic metaphors in artificial intelligence (AI) terminology on the perception of technologies. The aim of the article is to identify the cognitive mechanisms of anthropomorphic metaphors in AI terminology and their influence on technology perception. The methodology involves an analysis of scientific, media, and advertising texts, revealing the dual role of metaphors: they facilitate interdisciplinary dialogue but also reinforce myths about “consciousness” of AI and ethical dilemmas.

Key words: metaphor, anthropomorphism, artificial intelligence (AI), terminology, cognitive mechanisms

Н.А. Любашев (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

lyubasheva956@mgpu.ru

ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРИМЕНЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ВИДЕОИГР

В статье рассматривается потенциал системы генеративного искусственного интеллекта ChatGPT в применении приема синтаксической компрессии при переводе англоязычных рекламных текстов видеоигр на русский язык. В результате исследования был выведен ряд

закономерностей, которые позволяют судить о том, насколько возможно использование синтаксической компрессии искусственным интеллектом.

Ключевые слова: синтаксическая компрессия, искусственный интеллект, машинный перевод, рекламный текст, видеоигра, синтаксические преобразования

Стремительное развитие технологий машинного перевода и технологий генеративного искусственного интеллекта делает возможной интеграцию искусственного интеллекта в соответствующие сервисы, в том числе и ориентированные на предоставление переводческих услуг. Расширение функционала СГИИ требует одновременно и дальнейшего научного осмысления этих процессов, поэтому специалисты различных профилей (как технических, так и гуманитарных специальностей) занимаются изучением того, как эти системы устроены и насколько они могут конкурировать с естественным интеллектом в плане принятия грамотных переводческих решений. Особое внимание при этом уделяется способности СГИИ к применению синтаксической компрессии как одному из базовых приемов в работе переводчика [Должикова 2011; Беляева 2019: 12].

Актуальность исследования определяется высокой популярностью видеоигр и сравнительно низкой степенью изученности возможностей и ограничений систем генеративного искусственного интеллекта как переводческого инструмента. Цель исследования состоит в выявлении потенциала системы генеративного искусственного интеллекта ChatGPT в применении приема синтаксической компрессии при переводе англоязычных рекламных текстов видеоигр на русский язык. Вслед за профильными специалистами мы понимаем синтаксическую компрессию как тип информационной компрессии, основанный на «сжатии плана означающего при сохранении плана означаемого» [Валгина 2003: 158]. Материалом исследования послужили рекламные тексты ряда самых популярных видеоигр по данным платформы SteamDB, в том числе PUBG: BATTLEGROUNDS, Counter-Strike 2, Dota 2, Destiny 2, Cyberpunk 2077, Baldur's Gate 3, Dying Light 2: Reloaded Edition и Life is Strange 2 (общим объемом 54282 знака), официальные переводы этих текстов на русский язык и варианты перевода, предложенные ChatGPT-4o. В качестве методов использовались сравнительно-сопоставительный, семантико-синтаксический, контекстуальный методы и контент-анализ.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие расхождения официального перевода и перевода, выполненного ChatGPT-4o. Предикативные структуры, находящиеся в инициальной позиции или содержащие однородные члены, в переводе, выполненном человеком, часто трансформируются в структуры с именным сказуемым (см. табл. 1).

В официальном переводе первого представленного фрагмента находящаяся в инициальной позиции предикативная структура, содержащая инфинитивный оборот, трансформирована в структуру с именным сказуемым посредством грамматической замены (трансформация инфинитива в отглагольное существительное) и перегруппировки формальных компонентов высказывания. Общее количество слов в предложении сократилось с 6 до 5. ChatGPT не предложил подобного решения:

из пяти предложенных ИИ вариантов перевода, в четырех сохраняется исходная синтаксическая структура, однако в варианте *двигайся, чтобы выжить* произведена грамматическая замена, в результате в переводе появился предикат в повелительном наклонении, а подлежащее было опущено. Такое решение представляется более эффективным, чем представленное в официальном переводе, поскольку позволяет сократить количество слов с 6 до 3. В официальном переводе второго представленного фрагмента предикативная структура трансформирована в структуру с именным сказуемым, в результате чего объем предложения сократился с 9 до 7 слов. ChatGPT предложил подобное решение, при этом в четырех из пяти вариантов синтаксическая структура осталась без изменений. Только в одном варианте искусственный интеллект предложил трансформировать изначальную структуру в структуру с именным сказуемым, в результате были получены аналогичные официальному переводу преобразования: объем сократился на 2 слова.

Таблица 1. Перевод предикативных структур, представленных в инициальной позиции и в состав которых входят однородные члены

Оригинал	Оф. перевод	Перевод ChatGPT
<i>You have to move to survive</i>	<i>Быстрые ноги – ключ к выживанию.</i>	<i>Тебе нужно двигаться, чтобы выжить. / Ты обязан двигаться, чтобы выжить. / Двигайся, чтобы выжить.</i>
<i>Dystopian Mask – works both as protection and a deterrent.</i>	<i>Маска из антиутопии: и защита, и устрашение.</i>	<i>Маска дистопии — выполняет функцию защиты и устрашения. / Дистопическая маска — и защита, и средство устрашения.</i>

Вместе с тем значительное количество случаев синтаксической компрессии в проанализированном материале приходится на синтаксическое преобразование полных предикативных структур в полупредикативные структуры: причастные и деепричастные обороты (см. о синтаксических периферийных структурах [Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021]) (табл. 2).

Таблица 2. Перевод с использованием полупредикативных структур

Оригинал	Оф. перевод	Перевод ChatGPT
<i>Rain devastation on the battlefield and clear hordes of enemies in the blink of an eye.</i>	<i>Обрушьте на поле боя смертельный дождь, в мгновение ока уничтожающий орды врагов.</i>	<i>Сеять опустошение на поле боя и расправляться с врагами одним махом. / Обрушьте ярость на поле битвы, уничтожая орды врагов в одно мгновение.</i>
<i>The Gunslinger – leave your horse at the stables. Travel with a paraglider that bears an image of the famous bounty hunter instead.</i>	<i>Параплан Стрелка: в этот раз оставьте коня в конюшне и оседлайте параплан, вдохновленный образом знаменитого охотника за головами.</i>	<i>Стрелок — оставь свою лошадь в конюшне и путешествуй с парашютом, украшенным изображением знаменитого охотника за головами.</i>

В официальном переводе первого представленного фрагмента второй предикат (однородное сказуемое) в повелительном наклонении трансформирован в причастный оборот, а количество слов сократилось с 16 до 12. ChatGPT предложил несколько решений: в трех вариантах синтаксическая компрессия не состоялась, а синтаксическая структура соответствует оригиналу; в одном варианте предикаты в форме повелительного наклонения были трансформированы в инфинитивную форму (*сеять и расправляться*), в результате чего предложение стало безличным, однако такой подход представляется неверным, поскольку в текстах рекламного дискурса повелительные предложения являются важным элементом призыва к действию [Мокшанцев 2003: 212; Modern Media Advertising 2017; Маркетинговая лингвистика 2019: 49]; и в одном из вариантов искусственный интеллект трансформировал структуру со вторым однородным сказуемым в деепричастный оборот *уничтожая орды врагов...*, при этом количество слов сократилось с 16 до 11.

В официальном переводе второго представленного фрагмента используется объединение и грамматическая замена: предикативная структура с подчинительной связью *that bears an image...* трансформирована в причастный оборот *вдохновленный образом...*. Из пяти сгенерированных ChatGPT вариантов в четырех синтаксическая компрессия не состоялась, в то время как в одной вышеупомянутой предикативная структура трансформирована в причастный оборот *украшенным изображением...*. Наряду с вышеуказанными примерами, следует отметить, что в большинстве случаев ChatGPT не предлагал решения с синтаксической компрессией, что позволяет говорить об occasionalной компрессии в машинном переводе. Этот вывод подтверждается и количественными результатами: искусственный интеллект предлагал варианты перевода с синтаксической компрессией всего в 26% случаев (63 варианта из 240).

Полученные данные позволяют утверждать, что искусственный интеллект способен к использованию синтаксической компрессии, однако принципы ее использования плохо поддаются систематизации, а, следовательно, требуется привлечение значительно большего числа параллельных примеров для формулирования столь масштабных выводов. Вместе с тем некоторые закономерности установить удалось: искусственный интеллект в большинстве случаев избегает использования членения и объединения при переводе; искусственный интеллект способен к переводу при помощи именительного сказуемого, и может сокращать форму при помощи использования полупредикативных структур.

Литература

Беляева Л.Н. Машинный перевод в работе переводчика: практический аспект // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 8-20.

Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.

Должигова С.Н. Манипулятивные стратегии медиатекста // Сфера услуг: инновации и качество. 2011. № 3. С. 3-23.

Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. М.: Флинта, 2019.

Мокишанцев Р.И. Психология рекламы: учебное пособие; под редакцией М. В. Удальцовой. М.: ИНФРА-М: Сибирское соглашение, 2003.

Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии / гл. ред. С.А. Васильев. М.: Книгодел, 2021. Вып. XV. С. 297-315.

Modern Media Advertising: Effective Directions of Influence in Business and Political Communication / M. R. Zheltukhina, E. V. Biryukova, S. A. Gerasimova [et al.] // Man in India. 2017. Vol. 97. No. 14. Pp. 61-71.

*N.A. Lyubashev (Moscow, Russia
Moscow City Teachers' Training University)*

TRANSLATION CAPABILITIES OF CHATGPT IN TERMS OF SYNTACTIC COMPRESSION (BASED ON MACHINE TRANSLATION OF VIDEOGAME ADVERTISING TEXTS USING CHATGPT)

The paper delves into the potential of machine translation effected by AI generative systems like ChatGPT in the use of syntactic compression through the analysis of advertising texts of video games. The findings of the research undertaken reveal a number of patterns and suggest that the principles of the use of syntactic compression by artificial intelligence can hardly be systematized.

Key words: syntactic compression, artificial intelligence, machine learning, advertising, videogames, syntactic compression

*A.B. Новиков (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
artemnovikov57@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ: РАСПОЗНАВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ СИСТЕМАМИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается связь когнитивной лингвистики и машинного перевода. Сначала даются определения ключевых понятий и объясняется их взаимосвязь. Далее представляются результаты эксперимента – перевода предложений с окказиональными лексическими единицами. В заключении формулируется краткий вывод, в котором отражаются ключевые аспекты по представленной проблематике.

Ключевые слова: машинный перевод, окказионализм, когнитивная лингвистика, фрейм, контекст, исходный язык (ИЯ), язык перевода (ПЯ)

Одной из основных проблем современных систем машинного перевода является наличие трудностей при интерпретации таких языковых явлений, как полисемия, фразеологические единицы, окказионализмы и др., которые при переводе требуют особого внимания и соответствующих контекстуальных ограничений, то есть конкретных ситуаций, в которых могут употребляться эти явления. Подобного рода ограничения часто определяются ситуативно, а процесс обучения системы очень часто приводит к бессвязному или непонятному набору таких ограничений [Mandelblit 1993].

По А.Д. Швейцеру перевод – это однонаправленный и двухфазный процесс межязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде [Швейцер 1988].

В свою очередь, машинный перевод с точки зрения Ю.Н. Марчука определяет-ся как перевод текстов с одного естественного языка на другой посредством специальной компьютерной программы [Марчук 1983: 9].

Отметим, что на сегодняшний день лингвисты уделяют особое внимание когнитивным аспектам перевода, благодаря чему область применения экспериментальных методов при изучении самого процесса перевода становится шире [Mirzoyeva, Golovshun 2016].

Одним из базовых принципов когнитивной лингвистики является неавтономность языковых структур [Langacker 1993]. В то время как традиционная лингвистика изучает естественный язык как автономную структуру, когнитивная лингвистика делает акцент на роли, которую играют общие когнитивные способности и когнитивные модели, полученные благодаря экспериментам в обработке естественного языка [Mandelblit 1993]. Таким образом, благодаря использованию когнитивного подхода в машинном переводе, распознавание значений слов и словосочетаний осуществляется исключительно на основе контекста, а не как отдельных, автономных единиц языка.

Согласно определению В.З. Демьянкова и Е.С. Кубряковой, когнитивная лингвистика – это раздел языкознания, изучающий «язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации» [Демьянков, Кубрякова 1997: 53].

Говоря о когнитивном аспекте перевода, необходимо затронуть такое понятие как фрейм. Ч. Филлмор понимает фрейм как когнитивную структуру, знание, которое (предполагается) ассоциировано с концептом, представленным тем или иным словом [Филлмор 1988: 87]. В нашей предыдущей статье «Применение принципов когнитивной лингвистики в машинном переводе» [Новиков 2024] мы обращали внимание на тот факт, что многими учеными при переосмыслении (реконцептуализации) текста на исходном языке используется семантический фрейм, который является хорошим аналитическим инструментом для создания модели фреймовых операций. Фреймовое соответствие в текстах на исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ) возникает, когда в обеих языковых культурах при переводе текста используются идентичные или, по крайней мере, похожие фреймы. Если в ИЯ и ПЯ отсутствует такое соответствие фреймов, то, чтобы правильно передать смысл какой-либо языковой единицы ИЯ на ПЯ, переводчик прибегает к модификации таких фреймов посредством сокращения или добавления элементов фрейма, корректировки уровней фреймов или полного переноса фрейма ИЯ на ПЯ [Xiao 2017].

В вышеупомянутом исследовании [Новиков 2024], чтобы показать, как система нейронного машинного перевода Google справляется с культурными различиями

двух языков (в нашем случае английского и русского), мы отобрали предложения с фразеологическими единицами. Одним из выводов исследования стало утверждение о том, что с большинством предложенных нами примеров, система машинного перевода Google справилась, и, что правильность перевода во многом зависит от культурных различий ИЯ и ПЯ, которые машинный переводчик на данном этапе его развития не способен распознать в полной мере самостоятельно, но с помощью методов глубокого обучения может быть им обучен [Новиков 2024].

Такие результаты были получены по работе машинного переводчика с устойчивыми выражениями на ИЯ (английском). Однако, в данном исследовании мы решили пойти дальше и предложить системе машинного переводчика Google окказиональные слова и выражения, чтобы посмотреть, насколько хорошо эта система обучена реконцептуализации таких фреймовых структур, так как в языке часто проявляется творческий характер мышления человека [Chomsky 2006].

А.Г. Лыков определяет окказионализм как речевое явление, возникающее под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания [Лыков 1976]. Помимо значительной зависимости от контекста А.Г. Лыков выделяет еще три важные особенности окказионализмов: невоспроизводимость, функциональная одноразовость и номинативная факультативность. Хотелось бы обратить внимание на третий аспект, который А.Г. Лыков объясняет тем, что в отличие от обычных слов, которые несут номинативную (назывную) функцию, главной функцией окказионализмов является экспрессивно-образизательная, то есть в окказиональное слово, образованное спонтанно и при определенных условиях, автор вкладывает свои эмоции, связанные с конкретной ситуацией, что помогает достичь нужного перлокутивного эффекта и передать неповторимое своеобразие речи говорящего [Лыков 1976].

Чтобы наглядно продемонстрировать как система нейронного машинного перевода Google справится с реконцептуализацией фреймов ИЯ (английский), содержащих окказионализмы, на ПЯ (русский), и сможет ли она сохранить и передать экспрессивность и эмоциональность, присущую окказиональным словам, мы отобрали двадцать примеров, содержащих окказионализмы. Так как объем статьи не позволяет продемонстрировать все примеры, мы выбрали два нижеследующих, чтобы посмотреть, как система перевода Google передаст смысл окказионализмов, которые на языке ИЯ образованы посредством двух разных моделей словообразования: аффиксация и контаминация.

Оригинал: *She can't either cook or keep the house clean. She's absolutely unmarriageable.*

Google: *Она не умеет ни готовить, ни убираться в доме. Она совершенно не замужем.*

В этом примере обратим внимание на второе предложение, так как в нем присутствует окказиональное слово «unmarriageable», с реконцептуализацией которого система Google не справилась, что привело к полному искажению смысла предло-

жения. Система осуществила неверный подбор фрейма на ПЯ – «не замужем» = “unmarried” на ИЯ, хотя в данном контексте имелось ввиду совсем другое. В этом контексте это слово следовало бы перевести как «непригодная для замужества» или «неподходящая для замужества».

Обратим внимание на следующий пример диалоговой речи:

Оригинал: – *I feel like I'm being watched day and night.*

– *Oh, I love a little conspiracy theory!*

– *It's a conspiracy theory! The guy stalks me as if he was a spy working for some kind of CIA. It's like a have a target on my back* [Chugunova 2021].

Google: – *У меня такое чувство, будто за мной следят день и ночь.*

– *О, я люблю немного теории заговора!*

– *Это теория заговора! Парень преследует меня, как будто он шпион, работающий на какое-то ЦРУ. Это как будто у меня на спине мишень.*

В данном примере сразу обратим внимание на окказиональное слово “conspyrasy”, которое было образовано посредством соединения двух слов *conspiracy* и *spy*. Мы видим, что система машинного перевода Google не справилась с поставленной задачей и не передала правильный смысл новообразованного слова, так как вовсе не увидела слияния двух фреймов и перевела окказионализм *conspiracy* как «теория заговора» – *conspiracy*, то есть просто опустила фрейм SPY при реконцептуализации слова с ИЯ на ПЯ. При переводе этого окказионализма в вышеприведенном примере следовало сохранить значения двух фреймов на ИЯ, из которых он был сконструирован и перевести его, например, как «теория шпионажа». Мы проанализировали еще 18 предложений с английскими окказиональными словами, и при переводе на русский язык ни одно из них не было истолковано верно системой машинного перевода Google.

Таким образом, если говорить о переводе окказиональных языковых структур системами машинного перевода, то на данный момент они не в состоянии передать правильный их смысл и эмоциональную нагрузку на ПЯ, так как реконцептуализации таких фреймов системы не были, и возможно, не будут обучены, поскольку окказионализмы «подчинены» конкретной одномоментной ситуации; они не являются устойчивыми и не обладают такой частотностью употребления, как, например, фразеологические единицы, некоторым из которых системы машинного перевода обучались и обучаются благодаря глубокому обучению.

Литература

Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.

Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976.

Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. М.: Изд-во Наука, 1983.

Новиков А.В. Применение принципов когнитивной лингвистики в машинном переводе // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. № 2-2 (58). С. 634-638.

- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Радуга, 1988. С. 87-93.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
- Chomsky N. Language and mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Chugunova S.A. Translation of English nonce-words in the context of classroom bilingualism // Journal of Psycholinguistics. 2021. Vol. 4 (50). Pp. 96-115.
- Langacker R. Reference Point Constructions // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4. Pp. 1-38.
- Mandelblit N. Machine Translation: A Cognitive Linguistics Approach. URL: <https://aclanthology.org/1993.tmi-1.10.pdf>
- Mirzoyeva L.Y., Golovshin A.A. Cognitive procedures as an instrument of translation process analysis. URL: https://xlinguae.eu/files/XLinguae4_2016_2.pdf
- Xiao K. Frame operation in poetic translation: A cognitive study on the English translation of classical Chinese poetry. Beijing: Science Press, 2017.

A.V. Novikov (Orel, Russia)

Orel State University named after I.S. Turgenev

COGNITIVE ASPECT IN MACHINE TRANSLATION: RECOGNIZING OCCASIONAL UNITS BY MACHINE TRANSLATION SYSTEMS

This article discusses the relationship between cognitive linguistics and machine translation. First, the definitions of key concepts are given and their relationship is explained. Then, the results of an experiment, translation of sentences with occasional units, are presented. Finally, a brief conclusion is formulated, which reflects the key aspects of the presented topic.

Key words: machine translation, occasionalism, cognitive linguistics, frame, context, source language (SL), target language (TL)

И.А. Обухова (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
ireneobukhova@gmail.com*

ВЛИЯНИЕ ПОЛА НА ТОЛКОВАНИЯ ЭМОДЗИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ВЕКТОРИЗАЦИИ ТЕКСТА

Исследуется влияние пола на толкования эмодзи, данные интернет-пользователями. С применением метода векторизации текста (мера TF-IDF) был получен набор ключевых слов для каждого знака, который подвергался статистическому анализу для проверки гипотезы о различии в интерпретациях эмодзи мужчинами и женщинами. Гендерные различия в понимании эмодзи были обнаружены у отрицательных и нейтральных с точки зрения семантики знаков.

Ключевые слова: эмодзи, векторизация текста, TF-IDF, фактор «пол», интернет-пользователи

1. Материал исследования

В медиакommunikации эмодзи выступают в качестве визуальных маркеров эмоций и настроений пользователей [Дубровская 2016]. Изучение гендерных различий в понимании эмодзи позволяет понять, как мужчины и женщины выражают эмоции и реагируют на визуальные стимулы в цифровом пространстве.

Материалом исследования послужили ответы информантов, полученные в результате проведения онлайн-опроса, посвященного изучению 13 эмодзи. В опросе приняло участие 320 человек, сбалансированных по фактору «пол» (160 мужчин и 160 женщин).

Относительно каждого знака был задан следующий вопрос: *Что означает этот эмодзи?* Рассматриваются ответы, связанные с наивным толкованием предложенных знаков, а именно исследуется возможная зависимость полученных интерпретаций эмодзи от пола опрашиваемых. Всего было получено 5163 ответа, из них 1742 уникальных.

2. Принципы отбора эмодзи

В качестве стимульного материала исследования были взяты эмодзи, репрезентирующие разные виды эмоций. Отбирались эмодзи, отображающие мимику и жесты, т.е. невербальные в лингвистическом и внешние в психологическом планах формы проявления тех или иных чувств человека.

Для отбора эмодзи-стимулов привлекался корпус, который содержит в себе векторные представления текстового массива соцсети ВКонтакте [Белоусов и др. 2023: 3-4]. В результате запроса к корпусу генерируются таблица встречаемости запрашиваемых единиц корпуса в текстовом массиве, семантическая близость этих единиц в виде косинусных расстояний, а также данные о частоте их использования [Там же: 3-4]. Так, в качестве запрашиваемых единиц корпуса выступили эмодзи. Отбор эмодзи основывался на частотном анализе их использования в корпусе текстов ВКонтакте, что подтверждает факт их реального применения в текстах медиакommunikации. Так, в качестве стимульного материала были отобраны эмодзи, репрезентирующие разные виды эмоций с учетом их тональности, а также эмодзи разной частотности. Были отобраны следующие 13 знаков: 😊, 😄, 👍, 😍, 😊, 🙏, 🤔, 🤔, 😊, 😊, 😊, 😊 и 😊.

3. Этапы исследования

Ответы, посвященные толкованиям эмодзи, послужили основой для выделения набора ключевых слов для каждого изучаемого знака. Список ключевых слов каждого эмодзи подвергался статистическому анализу для проверки гипотезы о различии в интерпретациях эмодзи группой женщин и группой мужчин.

Для обработки и анализа собранного материала использовались библиотеки языка программирования Python. Программный код, отражающий этапы проведенного исследования, доступен к просмотру по следующей ссылке: <https://colab.research.google.com/drive/1w3J9MOZaCZ48EQZXGfVw5awRBeB2VrfC?usp=sharing>. Опишем этапы исследования.

На **первом этапе** табличные данные загружались в среду Google Colab. Для анализа были отсортированы столбцы, содержащие сведения о поле информантов, их ответы-интерпретации, а также сами знаки-эмодзи.

Цель **второго этапа** – подготовка данных к дальнейшему анализу. Тексты информантов преобразовывались в единый (нижний) регистр. Далее с использовани-

Последний этап исследования представляет собой статистический анализ выделенных ключевых слов для проверки значимости различий между мужской и женской группами. Применялись два статистических теста, реализованные с помощью библиотеки SciPy: критерий Уилкоксона-Манна-Уитни и критерий Краскела-Уоллиса (<https://docs.scipy.org/doc/scipy/tutorial/>). Оба критерия использовались для сравнения двух независимых групп, чтобы определить, существуют ли значимые различия между их распределениями. Был установлен уровень значимости α , равный 0.05. Если р-значение меньше α , то различия статистически значимы, что позволяет отвергнуть H_0 и принять H_1 . Если р-значение больше α , то нет оснований отвергнуть H_0 .

4. Результаты

Для большинства рассматриваемых эмодзи на уровне значимости 0.05 не было обнаружено статистически значимых различий в их понимании информантами разной половой принадлежности.

Проиллюстрируем те эмодзи, для которых были выявлены различия в их интерпретациях группой мужчин и группой женщин. Результаты, полученные для эмодзи ☹ с семантикой отвращения, неприязни и плохого отношения к чему-либо, показывают низкие р-значения, что указывает на значимые различия в понимании данного эмодзи мужчинами и женщинами. В случае с критерием Уилкоксона-Манна-Уитни р-значение (0.00071) значительно меньше уровня значимости α , что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу и принять альтернативную. Как и в случае с первым критерием, результаты критерия Краскела-Уоллиса также позволяют отвергнуть нулевую гипотезу: р-значение (0.00065) меньше порогового. Таким образом, оба теста подтверждают, что гендерные различия в понимании данного эмодзи статистически значимы.

«Пограничные» результаты были получены для эмодзи ☹ с семантикой недоумения, непонимания и отрицания. Оба статистических теста показали, что различия между мужской и женской группами в понимании данного эмодзи почти достигают уровня значимости α . В случае с первым критерием р-значение (0.0516) всего на 0.0016 больше порогового значения α . Это указывает на то, что различия между группами близки к значимым, но их недостаточно, чтобы отвергнуть нулевую гипотезу при установленном уровне значимости. В случае со вторым критерием р-значение, равное 0.0503, также близко к пороговому значению. Оба теста подтверждают, что результаты находятся на грани статистической значимости.

5. Выводы

Для большинства изучаемых эмодзи не было выявлено значимых статистических различий в их восприятии информантами разного пола. Наибольшие различия в интерпретациях были обнаружены у отрицательных и нейтральных с точки зре-

ния тональности и семантики эмодзи, а именно знаков с семантикой отвращения (🤢) и недоумения (😐).

Отсутствие различий в понимании положительных эмодзи двумя группами можно объяснить тем, что положительные знаки имеют более универсальное значение. Полагаем, что, например, выражение радости или любви чаще интерпретируется схожим образом, поскольку социальные нормы поощряют одинаковую демонстрацию позитивных эмоций мужчинами и женщинами.

Выявленные различия в понимании отрицательных и нейтральных эмодзи можно объяснить тем, что отрицательные эмоции обычно имеют более сложные семантические и контекстуальные интерпретации, чем положительные. Например, эмодзи 🤢 может одновременно символизировать отвращение, отрицательное отношение к чему-либо, а также плохое физическое состояние – такие вариации в интерпретациях чаще различаются у мужчин и женщин. Разницу в интерпретации отрицательных и нейтральных знаков можно объяснить и тем, что женщины склонны к более эмоционально насыщенной интерпретации и выражению чувств, тогда как мужчины часто демонстрируют более сдержанное восприятие.

Литература

Белоусов К.И. и др. Профилирование концептуальных систем на основе комплекса методов психосемантики и машинного обучения // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2023. № 7. С. 2-14.

Бенгфорт Б., Билбро Р., Охеда Т. Прикладной анализ текстовых данных на Python. Машинное обучение и создание приложений обработки естественного языка. СПб.: Питер, 2019.

Дубровская О.В. Эмодзи как средство невербальной молодежной коммуникации // Весн. БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 2. С. 101-103.

*I.A. Obukhova (Perm, Russia)
Perm State University*

THE INFLUENCE OF GENDER ON INTERNET USERS' INTERPRETATION OF EMOJI: AN EXPERIMENTAL STUDY USING TEXT VECTORIZATION

The article deals with the influence of gender on the interpretation of emoji by Internet users. Using the text vectorization method (TF-IDF), a set of Key words for each emoji was obtained. The list of Key words was statistically analyzed to test the hypothesis that there is a difference in how men and women interpret emoji. Gender differences in understanding of emoji were found for negative and neutral emoji in terms of semantics.

Key words: emoji, text vectorization, TF-IDF, gender, Internet users

*Н.С. Олизко (Челябинск, Россия)**Челябинский государственный университет
olizko@yandex.ru*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОСРЕДНИК В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА¹

Интеграция генеративного искусственного интеллекта в университетский дискурс оказывает значительное влияние на изменение качества коммуникации между преподавателями и обучающимися. Когнитивный подход в исследовании функционирования искусственного интеллекта в университетском дискурсе позволяет выявить потенциальные препятствия и ограничения, связанные с особенностями аудитории.

Ключевые слова: университетский дискурс, генеративный искусственный интеллект, коммуникативный процесс, академическая этика

В последние несколько лет в рамках университетского дискурса наблюдается значительный интерес к изучению и адаптации инновационных технологий, способствующих эффективности обучения и коммуникации между обучающимися и преподавателями. В этом контексте одной из весьма перспективных разработок является использование генеративного искусственного интеллекта как медиатора в коммуникативном процессе. Когнитивный подход к анализу данного явления позволяет глубже понять механизмы взаимодействия искусственного интеллекта и человеческого фактора в рамках академической коммуникации.

Генеративный искусственный интеллект, обладая способностью к созданию нового контента на основе предыдущего опыта, открывает широкие перспективы для индивидуализации учебного процесса. «Используя нейросеть, преподаватели могут создавать сценарии образовательных игр, которые погружают студентов в реалистичные учебные сценарии, стимулируя их творческое мышление и мотивацию к обучению. Применение чат-бота в качестве тренажера поможет развивать практические навыки: нейросеть, способная вступать в диалог на заданные темы и принимать роли, предоставляет возможность моделирования ситуаций, близких к реальным профессиональным контекстам» [Елизарова 2024: 79]. Применение искусственного интеллекта позволяет разрабатывать персонализированные обучающие материалы, адаптированные под потребности и когнитивные способности каждого обучающегося. Искусственный интеллект, благодаря своим алгоритмам генерации контента и анализа данных, способен предложить решение проблемы коммуникации в рамках университетского дискурса за счет более точного учета индивидуальных когнитивных картировок каждого обучающегося. Применение генеративного искусственного интеллекта также может стимулировать развитие навыков аналитики у обучающихся за счет генерации дискуссионных вопросов, кейсов и

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2025 г.

задач, на основе реальных данных и актуальных научных публикаций. Это, в свою очередь, углубляет понимание предмета и способствует формированию глубоких знаний и умений, необходимых для успешной академической и профессиональной деятельности.

Однако использование искусственного интеллекта в университетском дискурсе не лишено проблем и ограничений. Вопросы конфиденциальности, этические вопросы и риск снижения непосредственного человеческого взаимодействия представляют собой серьезные вызовы. Кроме того, необходима критическая оценка эффективности искусственного интеллекта как инструмента обучения по сравнению с традиционными методами.

«На сегодняшний день реальные перспективы, подтверждаемые практически разработками и проектами, имеют несколько направлений использования технологий ИИ в отечественном образовании, основными из которых являются:

- интеллектуальные обучающие системы, которые эволюционно расширяют функции учебника, в том числе и за счет реализации персонализированного подхода в обучении, т.е. обеспечивают обучающемуся возможность освоения учебной информации с учетом его индивидуальных способностей, возможностей, интересов и др.;

- онлайн-системы обучения, имитирующие диалог с преподавателем, т.е. обучающийся общается с системой ИИ, в которой преподаватель заменяется его видеобразом;

- автоматическая проверка знаний, которая с применением технологий ИИ позволяет анализировать и оценивать выполнение не только алгоритмизированных заданий, но и созданные обучающимися устные и письменные учебные тексты (открытые ответы в тестах, эссе, квалификационные работы и др.)» [Галагузова 2024: 52].

Анализ ряда образовательных платформ, внедряющих генеративные модели искусственного интеллекта для персонализации обучения и коммуникации, подтверждает способность генеративного искусственного интеллекта создавать более точные и персонализированные учебные стратегии в силу возможности обрабатывать и интерпретировать огромные объемы данных. Способность новых образовательных платформ генерировать учебные материалы, учитывая индивидуальные особенности и потребности обучающегося, позволяет создавать уникальные образовательные программы, адаптированные к уровню знаний, темпу обучения и предпочтениям каждого обучающегося. Однако алгоритмические решения генеративного искусственного интеллекта не всегда учитывают эмоциональный отклик, способность к сопереживанию и тонкости межличностного взаимодействия, которые играют важную роль в эффективной образовательной коммуникации.

Значительной проблемой является и то, что применение генеративного искусственного интеллекта может привести к стандартизации обучения, негативно влияя на креативность и гибкость в обучении, что критически важно для развития глубо-

ких когнитивных способностей обучающихся. В контексте университетского курса, где необходимо не только передавать знания, но и развивать у обучающихся критическое мышление, творческие способности и навыки самостоятельного поиска решений, роль преподавателей остается неоспоримой. Следовательно, вопрос о том, насколько генеративный искусственный интеллект способен адаптироваться к таким требованиям, остается открытым.

Кроме того, следует учитывать этические вопросы, связанные с использованием генеративного искусственного интеллекта в образовательной среде, – проблемы конфиденциальности и защиты персональных данных, а также риск снижения личностного взаимодействия между преподавателем и обучающимся. Обеспечение этических стандартов при использовании генеративного искусственного интеллекта в университетском дискурсе требует дополнительных исследований и разработки соответствующих правил и законов, гарантирующих соблюдение прав и интересов всех участников образовательного процесса. Необходима разработка и внедрение эффективных механизмов контроля и оценки качества образовательного контента, генерируемого искусственным интеллектом. Дополнительная сложность – это быстрота изменений в области знаний, требующая от системы искусственного интеллекта не только актуализации данных, но и гибкого перестроения когнитивных моделей для адекватного взаимодействия. В связи с этим встает вопрос о подготовке педагогических кадров, способных эффективно использовать искусственный интеллект в учебном процессе, преодолевая технологические и методические сложности. Для успешной реализации подобных образовательных инноваций необходимо обеспечить педагогов соответствующими знаниями и навыками в области работы с искусственным интеллектом, а также разработать эффективные методики и инструменты для контроля и оценки качества образовательного контента, созданного при помощи искусственного интеллекта. Для обучающихся крайне важно обеспечить этичное обращение с данными, конфиденциальность и объективную оценку образовательных результатов. Родителей и законных представителей обучающихся волнует психологическое благополучие детей при сохранении высокого уровня образования при использовании искусственного интеллекта. «Государственные регуляторы заинтересованы в диалоге с профессиональным сообществом и общественностью при создании законов, правозащитным организациям необходимо поддержание доступности образования и предотвращение дискриминации, эксперты по этике и праву включены в дискуссию по созданию этических рамок и критериев для регулирования отношений ИИ и человека» [Тимченко 2024: 72].

«Согласно оценкам ОЭСР, по состоянию на начало 2024 г. ни в одной из стран с развитыми системами ИИ не было специального регулирования использования генеративного ИИ в образовании. Закон ЕС об искусственном интеллекте делает особый акцент на его использовании в образовании, однако фокусируется на угрозах, а не на возможностях в данной области. В частности, статья 5 запрещает использование систем искусственного интеллекта для анализа эмоций человека в учебных

заведениях. Кроме того, вводится запрет на использование систем ИИ, предназначенных для оценивания студентов в учебных заведениях без участия человека» [Трапезников, Зиновьева 2024].

Таким образом, несмотря на значительный потенциал генеративного искусственного интеллекта в качестве посредника коммуникации между преподавателями и обучающимися, существует ряд серьезных проблем, которые необходимо разрешить для эффективного интегрирования генеративного искусственного интеллекта в университетский дискурс. Применение когнитивного подхода позволяет проводить анализ воздействия искусственного интеллекта на процессы восприятия, понимания и усвоения информации обучающимися. Одновременно изучается влияние искусственного интеллекта на формирование обратной связи и адаптацию учебного материала под индивидуальные особенности обучающихся. Отдельным аспектом является разработка интерфейсов искусственного интеллекта, ориентированных на пользователя, чтобы обеспечить их доступность и понятность для всех участников образовательного процесса. Важно помнить о необходимости баланса между технологическими инновациями и сохранением человеческих ценностей и этических норм в образовании, что представляет собой ключевую задачу для исследователей и практиков в области применения искусственного интеллекта в учебном процессе.

Литература

Галагузова М.А. Искусственный интеллект в педагогике: от понятия к функции // Педагогическое образование в России. 2024. № 2. С. 48-55.

Елизарова Е.А. Искусственный интеллект как новый вектор креативной педагогики: перспективы и ограничения // Перспективы науки. 2024. № 7 (178). С. 77-80.

Тимченко В.В. Этика искусственного интеллекта в образовании: вызовы и риски // Этика в системе ценностей современного высшего образования. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024. С. 69-77.

Трапезников В., Зиновьева Е. Нейросети и генеративный ИИ в высшем образовании: международный опыт и российская практика. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neyroseti-generativnyy-ii-v-vysshem-obrazovanii-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskaya-praktika/?sphrase_id=170275757

*N.S. Olizko (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A COMMUNICATIVE MEDIATOR IN UNIVERSITY DISCOURSE: PROBLEM STATEMENT

The integration of generative artificial intelligence into university discourse has a significant impact on the quality of communication between teachers and students. The cognitive approach in the study of artificial intelligence functioning in university discourse allows us to identify potential obstacles and limitations associated with the characteristics of the audience.

Key words: university discourse, generative artificial intelligence, communicative process, academic ethics

О.И. Опарина (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
oloparina@yandex.ru*

Д.Б. Измаилян (Москва, Россия)

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
diana.izma@gmail.com*

ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОСПРИЯТИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматриваются особенности восприятия информации в зависимости от возрастной группы населения с учетом влияния искусственного интеллекта и клипового мышления. Материалом исследования стал опрос, проведенный ВК. Результаты исследования показали воздействие ИИ на все группы населения с преобладающим влиянием на молодое поколение.

Ключевые слова: знание, клиповое мышление, опрос, искусственный интеллект, поколения

Одним из вызовов современного общества является искусственный интеллект (ИИ), а также многочисленные программы и системы обработки и генерирования текстов. Исходя из аксиомы о ключевой роли языка в познании мира, интересно рассмотреть, как использование этих программ и систем повлияло на когнитивные процессы.

Многие авторы сегодня обращаются к исследованию различных аспектов данного вопроса. Так, роль ИИ в изучении иностранных языков в рамках междисциплинарных исследований затронута в статье В.И. Егоровой [Егорова 2023]. Автор останавливается как на положительной стороне этого явления, так и на недостатках. Наряду с положительным эффектом от наличия ассистента в лице чат-ботов, основной проблемой, по ее мнению, становится отсутствие понимания со стороны машины, равного пониманию человеческому, что отражается, в частности, в несовершенстве машинного перевода. Также недостатком можно считать базы текстов, на которых основано обучение машины. Как правило, обучение идет на литературном языке, а коммуникация (чаты, чат-боты) ориентированы на разговорный, спонтанный язык [Егорова 2023: 944-945]. Среди «узких мест» в применении ИИ также выявлена неверная интерпретация ряда высказываний, которые относятся к различным предметным сферам языка, что порождает двусмысленность в коммуникации и переводе [Герцен, Глазунова, Шутова 2023: 929].

Важным аспектом является и роль ИИ в лингвокогнитивной деятельности. О.Г. Дубровская и И.В. Зыкова рассмотрели взаимодействие человека и программы Chat GPT с точки зрения интеллектуального потенциала. Выявлено, что чат-бот базируется на коллективных знаниях, стандартных причинно-следственных связях и

аргументации [Дубровская, Зыкова 2023: 939]. Однако «динамический аспект концептуализации и категоризации» на данном этапе ИИ недоступен, также как и межконцептуальные связи. ИИ «не способен формировать индивидуальные смыслы, опираясь на коллективные знания; не способен извлекать информацию из предыдущего опыта общения с человеком..., а также верно оценивать высказывания, смысл которых не равен смыслу составляющих высказывание компонентов» [Дубровская, Зыкова 2023: 940].

Вместе с тем, прогресс не стоит на месте и появляются новые, усовершенствованные варианты генеративного ИИ (ChatGPT, Gemini, Claude и др.), которые устраняют недостатки предыдущих версий. Цель исследования – рассмотреть роль ИИ в процессе познания с учетом тенденций мировосприятия, существующих в настоящее время.

Одна из главных тенденций современного общества – это распространение клипового мышления, когда человек воспринимает информацию фрагментарно и, часто, яркими образами. При этом, сокращается объем сообщений, а внимание фокусируется ненадолго то на одном сообщении, то на другом. Для адресата важно, чтобы эти фрагменты содержали эмоциональную и оценочную составляющую. Клиповое мышление имеет как плюсы, так и минусы. К плюсам такого типа восприятия можно отнести потенциальную возможность к восприятию большего объема различной информации «за счет сокращения отдельных тематических сведений», вовлечения образности и эмотивности. Как результат, «у адресата развивается привычка к многозадачности и способность быстрого переключения с одной тематики на другую». Адресат экономит время и силы на знакомство, интерпретацию и восприятие материала: «кратко, по существу, сразу и о многом» [Опарина 2024: 154]. Однако при этом наблюдается утрата навыков к систематизированному восприятию больших объемов текста и эмоционально нейтральных устных сообщений, теряется умение устанавливать логические связи между элементами информации. Как следствие, человек излагает мысли отрывочно и поверхностно.

Иллюстрацией клипового мышления можно считать исследование, проведенное аналитиками VK Видео с целью понимания, по каким критериям россияне разных поколений выбирают видеотекстовый контент. В исследовании приняли участие 1337 респондентов. Из них в возрасте от 18 до 24 лет — 25,1%, от 25 до 34 — 24,2%, от 35 до 44 — 25,4%, 45 и старше — 25,3%. Выяснилось, что чем старше пользователи, тем более объемный и продолжительный контент они готовы воспринимать. Самые юные - зумеры (18 до 24 лет) - предпочитают ролики длительностью до 5 минут. Миллениалы (25–34 года) чаще выбирают контент продолжительностью 20-30 минут. Поколение X (35-44 года) в среднем смотрят видео до 1 часа. Старшее поколение (от 45 лет) отдают предпочтение видео длительностью от 1 до 2 часов.

Согласно исследованию, респонденты младше 25 лет чаще всех смотрят видео в ускоренном режиме – каждый третий из них использует скорость 2×. Следующая

возрастная категория – миллениалы применяют эту функцию реже, а вот представители поколения X и люди старше 45 лет практически не используют ускорение; более того, просмотр материала в ускоренном режиме препятствует восприятию и пониманию информации.

Еще одним критерием эксперимента VK стало отношение респондентов к фоновому восприятию информации. В этом случае результаты показали обратный тренд. Фоновый просмотр контента популярен у старшего поколения пользователей: почти треть опрошенных в возрасте 35-55 лет (поколение X и старше) практически всегда используют видео и аудио материал как фон, занимаясь другими делами. Зумеры и миллениалы реже отвлекаются на другую деятельность, в фоновом режиме они смотрят/слушают половину от всего видео и аудио контента.

Качеству и медийности контента зумеры и миллениалы придают большое значение: треть опрошенных предпочитает контент именно в высоком разрешении и аудио хорошем качестве. С возрастом требования к качеству снижаются: 38% россиян старше 45 лет готовы воспринимать контент любого технического качества, главное для них — быстрая загрузка и смысловое наполнение самого контента. Для миллениалов фактор медийности также менее важен. Кроме того, опрос продемонстрировал, какой именно видео-текстовый контент выбирают россияне разных поколений. Так, исследование показало, что зумеры, в основном, предпочитают музыку, миллениалы - юмор, а люди старше 45 лет – кино, что подтверждает распространение клипового мышления преимущественно среди молодого поколения.

Необходимо упомянуть, что интерес к новостным текстам, особенно содержащим аналитические обзоры, наблюдается у миллениалов и старше - около 20% предпочтений в этих возрастных группах. При этом тексты данного жанра не наблюдаются в приоритетах у зумеров. Это еще раз указывает на отсутствие стремления к аналитическому и критически обоснованному мышлению, соответствующему тенденции к клиповости. Следует также отметить, что молодое поколение часто обращается к услугам ИИ (Chat GPT). Для них ИИ стал неотъемлемой частью жизни как средства познания, так и в качестве развлекательного инструмента. В то время как представители поколения X и старше либо не используют ИИ вообще, либо обращаются к нему ограниченно с определенной целью. Как показало исследование VK, молодое поколение продемонстрировало все особенности клипового мышления: предпочтение эмоционально-окрашенного материала, краткость и фрагментарность воспринимаемого, отсутствие интереса к серьезной, требующей глубокого анализа информации. Среднее и старшее поколения, с другой стороны, отдают предпочтение более продолжительным и содержательным фрагментам текста, требующим осмысления и анализа.

К сожалению, программы ИИ, являясь понятным и естественным инструментарием получения информации устраняют необходимость в глубоких, системных и обширных знаниях. Многие аспекты обучения грамотному литературному языку

(напр., правописание, управление, синтаксис) уходят из фокуса внимания пользователей языка. Еще одним минусом можно считать утрату навыков поиска необходимой информации и ее творческого осмысления. Знания достигаются быстро, легко и имеют узко прикладную направленность. Исчезает энциклопедичность знаний и широта познания, более свойственные старшему поколению.

Однако было бы ошибочно утверждать о лишь негативном влиянии ИИ на познавательные и мыслительные процессы. ИИ как новое явление, изменяющее способы познания и структуру знания, выступает как помощник во многих сферах в качестве редактора, ассистента (предоставление справочной информации, составление тезисных планов, организация повествования, проверка правописания и пр.), что облегчает работу студентов, ученых и преподавателей в создании текстов.

Открытым остается вопрос: ИИ формирует такой тип мышления или отражает тенденции мировосприятия, характерные для молодого поколения современного общества.

Литература

Герцен С.М., Глазунова И.А., ШUTOVA Е.Ю. Искусственный интеллект в обучении иностранным языкам // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 928-931.

Дубровская О.Г., Зыкова И.В. Искусственный интеллект сквозь призму лингвокогнитивной деятельности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 938-941.

Опарина О.И. К вопросу об эффективности восприятия информации в эпоху цифровизации // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. 2024. С. 151-157.

Егорова В.И. Искусственный интеллект и язык // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 942-945.

Любимый видеоконтент россиян: что смотрят разные поколения. Пресс-релиз сервиса VK Видео. URL: <https://vk.company/ru/press/releases/11884/>

O.I. Oparina (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University;

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

D.B. Izmailyan (Moscow, Russia)

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

CURRENT TRENDS IN WORLD VIEW PERCEPTION IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article examines the perception of information depending on the age group considering the influence of artificial intelligence and clip thinking. The research material is based on a survey conducted by the VK group. The results of the study showed the impact of AI on all groups of the population with a predominant influence on the younger generation.

Key words: knowledge, clip thinking, survey, artificial intelligence, generations

*В.Е. Раишевский (Белгород, Россия)**Белгородский государственный национальный исследовательский университет
vasyarasha2018@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ДИСКУРСИВНОЙ ПОДСКАЗКИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА БОЛЬШОЙ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ

В статье рассматривается специфика функционирования дискурсивной подсказки в формировании интерпретативного потенциала большой языковой модели. Выявлено, что оценка эффективности дискурсивной подсказки субъективна. Успех коммуникации достигается путем составления особых пользовательских запросов, содержащих корректирующую когнитивный процесс чат-бота эксплицитную первичную и имплицитную вторичную информацию.

Ключевые слова: большая языковая модель, дискурсивная подсказка, интерпретативный потенциал, когнитивный процесс, специфика пользовательского запроса

В реалиях быстрого развития технологий искусственного интеллекта когнитивный аспект в коммуникации с большими языковыми моделями является актуальным. Исследуя общую картину такой коммуникации, лингвисты выходят на ряд вопросов и проблем фундаментального и теоретического характера. В данном исследовании рассматривается когнитивный аспект «дискурсивной подсказки», как в контексте общения с чат-ботами, так в целом в когнитивной лингвистике.

Искусственный интеллект, как утверждают австралийские ученые, не мыслит. Авторы аргументируют это в совокупности двух центральных идей: The first is that if ChatGPT thinks, it is not rational, in the sense that it does not respond correctly to its evidence. The second idea, which appears in several different forms in philosophical literature, is that thinkers are by their nature rational. Putting the two ideas together yields the result that ChatGPT is not a thinker [Stoljar, Zhihe 2024]. И.В. Скрынникова предполагает, что машина не умеет мыслить метафорически по ряду причин, к одной из которых приводит «неумение без помощи человека делать умозаклучения» [Скрынникова 2024: 641]. Для решения данной проблемы применяется «дискурсивная подсказка», под которой предлагается понимать информационную сущность в дискурсе, которая способствует повышению интерпретативного потенциала слушателя. Наличие дискурсивной подсказки в дискурсе позволяет воспринимающему речь верно связывать значения и смыслы и, соответственно, повышать успешность интерпретации и коммуникации.

Для того чтобы выявить степень воздействия дискурсивной подсказки на интерпретативный потенциал больших языковых моделей, необходимо рассмотрение понятия в контексте коммуникации между людьми. Данное явление рассматривается впервые. В рассмотрении исследуемого понятия в контексте человеческой коммуникации формируется теоретическая база, в дальнейшем проецируемая на коммуникацию с чат-ботами. Выделяются следующие вопросы проблематики, которые ожидают теоретического осмысления, а именно: что воспринимать под дискурсивной подсказкой, как интерпретировать влияние дискурсивной подсказки на интерпретативный потенциал больших языковых моделей.

Важно учитывать, что в изучении дискурсивной подсказки в коммуникативном контексте с человеком и с большими языковыми моделями есть отличия. В человеческой коммуникации такие подсказки часто являются имплицитными, то есть наводящими с элементами игры (скрытыми), а в коммуникации с искусственным интеллектом идет речь об инжиниринге контекста, то есть о поиске наилучшего и наиболее прямолинейного для восприятия программой эксплицитного запроса, который включает в себя элементы дискурсивной подсказки на всех этапах коммуникации с каждым последующим контекстным сообщением (цель, чтобы тебя поняли).

В рамках исследуемой проблемы пользовательский запрос (сообщение) есть своего рода дискурсивная подсказка, поскольку из контекстообразующей информации и настроек рождается ситуация, которую и интерпретирует ИИ. Специфика понятия «дискурсивная подсказка» заключается в том, что не каждое отдельное сообщение можно назвать дискурсивной подсказкой в полной мере. Подсказка в идеальной форме – это скорее набор зашифрованного кода, который условно нотационный и описывает связи между объектами. Расшифровка такого кода есть когнитивный процесс интерпретации. Оценка величины наполненности сообщения элементом дискурсивной подсказки невозможна, так как она неизмерима и интуитивно субъективна, но можно утверждать о существовании фундаментальных пропорций отношения объема кода подсказки ко всему коду сообщения.

На основании этого можно прибегнуть к разделению кода сообщения на первичную и вторичную информацию, на контекстуальную информацию и на дискурсивные подсказки соответственно. Считается, что, даже не зная истинных пропорций первичной и вторичной информации пользовательских запросов, справедливо в большинстве случаев утверждать о преобладании в иницилирующем сообщении первичной, а в потенциальных последующих запросах вторичной. Первое контекстное сообщение выполняет роль первичного речевого акта, это настройка алгоритма и контекстуализация ситуации, а последующие сообщения включают в себя отчетливый элемент дискурсивной подсказки до момента достижения удачи или неудачи коммуникации (one-shot, few-shot methods). Стоит помнить, что в диалогах простой сложности дискурсивные подсказки в виде уточняющих сообщений могут не потребоваться (zero-shot method). Сложные диалоги требуют разделения обсуждаемой проблемы по частям для наибольшей вероятности успеха коммуникации [Ru, Jingwei, Xiao 2024].

В рассмотрении картины коммуникации с ИИ важно учитывать устройство генеративных моделей – это предобученные нейросети, а их когнитивная деятельность – условность. Чат-боты не интерпретируют, а математически рассчитывают каждое последующее слово [Valdenegro 2023]. Происходит симуляция речи, однако генерируемый текст всё же дискурсивен вследствие существования случайности языкового выбора. Основываясь на такой информации, по мере развития технологий можно предполагать о допустимости называть такой процесс интерпретации подобным человеческому мышлению. В данном видении оба участника коммуни-

кации, пользователь и чат-бот, несут ответственность за успешность коммуникации близкую к равной. Исходя из этого, в изучении больших языковых моделей нужно обращать внимание на субъективный показатель – успешность коммуникации.

Предположим, что верная интерпретация чат-ботом ситуации – достижение успеха коммуникации, возникает вопрос о методах получения успеха. Рассмотрим внутренний и внешний когнитивные процессы чат-бота. Внутренний когнитивный процесс – это сами генеративные модели, в частности их утвержденная в весах натренированность языку, которая постоянна, что говорит, например, о невозможности получения в ответах новой информации о реальном мире без сторонних подсистем или дополнительной тренировки модели. Внешний когнитивный процесс предстает вычислением ответа в соответствии с предобученными параметрами и с полной инициацией коммуникации или последующих пользовательских запросов. Человек властен настраивать ИИ значительным образом, но это не означает, что внутренний когнитивный процесс (знания) контролируем, следовательно, с практической точки зрения важно изучение аспектов инжиниринга контекста – контролируемого внешнего когнитивного процесса.

Дискурсивная подсказка на практике может выглядеть как попытка описания чат-боту простых случаев, как объяснения «как ребенку» и «на пальцах», а также демонстрация примеров как корректировка мыслительного процесса, например, в диалоге была поставлена проблема о нахождении величины влияния избирателя, который помимо своего голоса привлек на голосование двух родственников, а также активно участвовал в популяризации любимой партии. Первый ответ ChatGPT 4 был неудачен вследствие игнорирования аспекта разного уровня активности популяризации у людей в обществе. Указание на данное упущение скорректировало интерпретационный процесс чат-бота на решение проблемы, которое считается субъективно приемлемым: *This indeed looks more realistic than the initial estimate of being 50 to 100 times more impactful. Therefore, while your impact is significant, it's more accurate to say your efforts are about 4 times more influential compared to a mean average voter, especially when considering the broad range of influence among the voting population* [Рашевский 2024].

Актуален аспект субъектной персонализации – контекстно-обоснованной настройки мнимой роли субъекта с определенными качествами. Элемент субъектной персонализации в запросе считается вторичной информацией. Например, в диалоге о важности малой улики с места преступления, после наделения чат-бота ролью детектива, происходит закономерная настройка личности, настройка прямо повлияла на результат интерпретации запроса: *As a detective, even the smallest clue can unravel the mystery* [Там же].

Фундаментально предположение о том, что вследствие аспекта интерпретации через вычисления, существуют различные способы достижения того, что пользователь может назвать успешной интерпретацией. Запрос может принимать любой вид, стратегии запроса могут быть разными, но, в конечном счете, важна субъективная оценка человека о преуспевании чат-бота. Так, во избежание некорректных оценок

в диалоге предполагается зафиксированная пользователем через контекстные сообщения ситуация.

Предположим, что необходимо получить определенный ответ от большой языковой модели, что субъективно будет индикатором успеха коммуникации, тогда получение такого ответа может происходить из ряда крайностей в запросе: из контекста ситуации, из просьбы человека произнести что-либо, а также из особой совокупности символов и языковых знаков. Под третьим понимаются некие наборы случайных знаков, которые в результате вычислений математически балансируют на основе постоянных весов параметров внутреннего когнитивного процесса и образуют нужные ответы. Однако запрос как имплицитный шифр хоть и может привести к успеху, данный способ получения нужного ответа непрактичен, так как требуется бесчисленное количество проверок на отдельный пример, а общие закономерности не поддаются обобщению, так как они скрыты в «черном ящике». Непрактична, очевидно, и просьба повторить за пользователем.

Следовательно, в рамках предложенной концепции функционирования дискурсивной подсказки в коммуникации «пользователь-чат-бот» можно прийти к выводу о том, что дискурсивная подсказка оказывает воздействие на интерпретативный потенциал когнитивной стратегии инжиниринга контекстных сообщений. В рамках дальнейших исследований предлагается изучение наиболее эффективных способов эксплицитного изложения первичной информации и нахождение универсальной имплицитной вторичной информации, способной влиять на коммуникативный успех.

Литература

Рашевский В.Е. Предвзятость большой языковой модели ChatGPT: выпускная квалификационная работа магистра. Белгород, 2024.

Скрынникова И.В. Интерпретационные проблемы LLM: Загадки образного языка // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2 (58). С. 638-642.

Stoljar D., Zhihe V.Zh. Why ChatGPT doesn't think: an argument from rationality // Inquiry. November, 2024. Pp. 1-29.

Valdenegro D. A LLM digest for social scientist // SocArXiv. July 27.

Ru Ch., Jingwei Sh., Xiao H. A Model Is Not Built By A Single Prompt: LLM-Based Domain Modeling With Question Decomposition // In. ACM, New York. NY, USA. 2024.

V.Y. Rashevsky (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

COGNITIVE ASPECT OF A DISCURSIVE HINT IN A LARGE LANGUAGE MODEL'S INTERPRETATIVE POTENTIAL FORMATION

The article examines the specifics of a discursive hint's functioning in formation of a large language model's interpretative potential. The study reveals that the evaluation of a discursive hint's effectiveness is subjective. Communication's success is achieved through a series of special prompts that consist of explicit primary and implicit secondary information that adjusts the cognitive process of a chat-bot.

Key words: large language model, discursive hint, interpretative potential, cognitive process, prompt specifics

Р.Т. Садуов (Иннополис, Россия)

*Университет Иннополис
ru.saduov@innopolis.ru*

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ В ОБУЧЕНИИ: ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ-БАКАЛАВРАМИ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ЯЗЫКОВЫХ РЕАКЦИЙ

Исследование посвящено анализу вербальных реакций студентов-бакалавров инженерных специальностей на вопросы о применимости больших языковых моделей в сфере образования. Исследование проводилось в виде интервью с 10 испытуемыми. Результаты оказались частично созвучны выводам, сделанным зарубежными исследователями данного вопроса.

Ключевые слова: большие языковые модели, искусственный интеллект, восприятие, интервью, языковые реакции, студенты-инженеры

Вступление. Разработка больших языковых моделей (БЯМ) в последние годы привела к массовому использованию искусственного интеллекта в образовании. При этом опыт работы с подобными моделями в образовательной среде можно охарактеризовать как недостаточный для большинства студентов отечественных ВУЗов. Ограниченная доступность технологии приводит к тому, что студент может иметь некорректное восприятие технологии, что может привести к ошибочным выводам о ее применимости.

Настоящее исследование представляет собой пилотный проект исследования восприятия студентами БЯМ в образовании через анализ языковых реакций. Предполагается, что языковые реакции студентов на вопросы о применимости данной технологии для обучающих целей позволит выявить основные паттерны восприятия БЯМ.

Метод. Исследование проводилось на базе отечественного учебного заведения – Университета Иннополис, специализирующегося на изучении инженерных дисциплин. Испытуемые в количестве 10 человек были выбраны среди студентов первого курса бакалавриата посредством удобной выборки.

Основной метод исследования – неструктурирование интервью со студентами в течение 10-15 минут. Интервью фиксировалось с помощью аудиозаписывающего устройства. Исследователь задавал вопросы касательно трех основных аспектов:

- Степень знакомства с БЯМ для образовательных целей;
- Опыт использования БЯМ для (само)обучения;
- Мнение испытуемого о БЯМ.

Результат и дискуссия. Все десять испытуемых оказались знакомы с БЯМ для образовательных целей и сумели описать, по крайней мере, одну модель и способ ее использования для образовательных целей. Мнение о БЯМ у всех испытуемых можно охарактеризовать как положительное. Анализ записи интервью позволил выявить ключевые характеристики БЯМ для образовательных целей, выраженных с помощью следующих языковых единиц, расположенных от ядра к периферии:

- Ассистент;
- Способный;
- Удобный;
- Быстрый;
- Мощный;
- Надежный;
- Ненадежный;
- Привычный.

Таким образом, в целом, испытуемые называют БЯМ помощником в образовательном процессе. Основными его преимуществами являются быстрота и удобство. У некоторых испытуемых возникло доверие к данному инструменту, хотя оно вполне может объясняться тем, что БЯМ стали для них привычными.

Без сомнения, размер выборки не позволяет сделать достоверные выводы по поводу восприятия БЯМ студентами-бакалаврами, которые применяют модели для образовательных целей. Тем не менее, некоторые результаты, полученные в ходе пилотного исследования, синхронизируются с результатами предшествующих экспериментов, описанных в зарубежной литературе. Так, согласно одному такому исследованию, студенты воспринимают искусственный интеллект как достаточно мощный инструмент, которому можно доверять. Более того, студенты имеют тенденцию переоценивать возможности искусственного интеллекта, что, согласно авторам исследования, может быть результатом влияния массовой культуры и недостаточным личным опытом взаимодействия с подобными инструментами [Marrone и др. 2024].

При этом полученные в проведенном исследовании результаты не подтверждают выводов, полученных в других работах, касательно перспектив развития искусственного интеллекта. Так, исследователи отмечают, что студенты опасаются будущего, поскольку искусственный интеллект, по их мнению, может лишить их рабочих мест в будущем или стать причиной социального неравенства [Marrone и др. 2024; Chan & Hu 2023]. В настоящем исследовании испытуемые подобных опасений не выразили.

Представляется, что вопрос восприятия искусственного интеллекта в сфере образования является актуальным. С одной стороны, важно убедиться, что студенты имеют актуальное полное понимание о возможностях БЯМ – испытуемые в данном исследовании, возможно, преувеличивают возможности искусственного интеллекта. В то же время, студенты могут испытывать дискомфорт по поводу того, что машина может повлиять на их карьерный успех, что может негативно сказаться на развитии технологии, и этот страх тоже должен быть рационализирован в процессе обучения. В этой связи видится необходимым продолжить исследование того, как студенты воспринимают БЯМ в образовательном процессе посредством анализа их языковых реакций в процессе обучения, равно как и в ходе интервью, подобных тем, что были проведены в настоящем исследовании.

Литература

Chan C.K.Y, Hu W. Students' voices on generative AI: perceptions, benefits, and challenges in higher education // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2023. Vol. 20. Article 43. Pp.1-18.

Marrone R., Zamecnik A., Joksimovic S., J. Johnson, M. De Laat. Understanding Student Perceptions of Artificial Intelligence as a Teammate // Technology, Knowledge and Learning. 2024. URL: <https://doi.org/10.1007/s10758-024-09780-z>

R.T. Saduov (Innopolis, Russia)

Innopolis University

LARGE LANGUAGE MODELS IN EDUCATION AS PERCEIVED BY UNDERGRADUATE ENGINEERING STUDENTS VIA LINGUISTIC REACTIONS

The research is devoted to analyzing the verbal reactions of undergraduate engineering students to questions about the applicability of large language models in education. The study was conducted in the form of interviews with 10 subjects. The results were partially consonant with the conclusions drawn by international researchers of this issue.

Key words: large language models, artificial intelligence, perception, interviews, linguistic reactions, engineering students

M.B. Суворова (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

suvorovamary@yandex.ru

АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ ОТЗЫВОВ НА СЕРИЮ КНИГ “GEORGE’S SECRET KEY” ЛЮСИ ХОКИНГ И СТИВЕНА ХОКИНГА

Статья посвящена анализу тональности публичных отзывов на серию книг Люси Хокинг и Стивена Хокинга “George’s Secret Key”, оставленных читателями из США и Великобритании на платформе Amazon. Отзывы на английском языке проанализированы с помощью модели VADER библиотеки NLTK, предназначенной для решения задач обработки естественного языка. Для каждого отзыва вычислена комплексная оценка тональности в диапазоне от -1 до 1. Доминирование оценок выше 0,05 позволяет утверждать, что читательский отклик на изучаемую серию книг в основном положителен.

Ключевые слова: анализ тональности, NLTK, VADER, Люси Хокинг, Стивен Хокинг, George’s Secret Key

Важность популяризации науки в современном обществе трудно переоценить, особенно когда речь идет о формировании интереса к науке у детей. Источниками популяризируемого знания могут стать документальные фильмы, просветительские лекции, научно-популярные издания, виртуальные экскурсии. Специфика таких материалов во многом зависит от целевой аудитории: если взрослых привлекают актуальность темы, практическая ценность знания или конкретные персоналии, то для ребенка важно наличие вымышленных персонажей, увлекательность и игровая составляющая [Теплицкая 2014: 268]. Особенный интерес в этом контексте пред-

ставляет серия книг для детей Стивена Хокинга и Люси Хокинг “George’s Secret Key”, в которой вымышленные приключения переплетены с научными фактами о Вселенной.

Первая книга Люси Хокинг и Стивена Хокинга в соавторстве с Кристофом Гальфаром “George’s Secret Key to the Universe” вышла в свет в 2007 г. и была написана с целью объяснить некоторые положения теоретической физики детям понятным им языком. Далее серия была продолжена еще пятью книгами – “George’s Cosmic Treasure Hunt” (2009), “George and the Big Bang” (2011), “George and the Unbreakable Code” (2014), “George and the Blue Moon” (2016) и “George and the Ship of Time” (2018). Все книги, кроме последней, написаны Люси Хокинг в соавторстве с отцом.

Стивен Хокинг, выдающийся британский физик-теоретик, известен не только научными трудами, но и научно-популярными произведениями, из которых наиболее знаменита книга «Краткая история времени» (англ. “A Brief History of Time”), переведенная на десятки языков. По существующим оценкам в мире продано более 25 миллионов экземпляров данной книги [McKie 2007], однако известен и другой факт – многие читатели находят книгу трудной для восприятия и не дочитывают до конца [George 2009: 24], с чем в интервью соглашался и сам Хокинг. В этой связи участие Хокинга в создании серии книг для детей можно рассматривать не только как стремление познакомить юных читателей с основами астрофизики, но и как шаг на пути подготовки читателя, готового воспринимать произведения, подобные «Краткой истории времени»: *Children are fascinated by black holes and ask me questions. I find they soon get the idea if it is explained in simple language. And, yes, it is nice to think a few of them might grow up and read A Brief History from cover to cover* [Там же].

Оценить успешность реализации авторского замысла представляется возможным с помощью анализа тональности отзывов читателей. Анализ тональности текстов представляет собой выявление мнения автора текста по поводу предмета, в нем обсуждаемого [Лукашевич 2017: 127]. Исследования анализа тональности текстов часто выполняются на материале отзывов пользователей на различные товары и услуги с целью их последующего улучшения, но могут также проводиться на материале научных статей, новостей, сообщений в социальных сетях и др. Целями анализа тональности могут быть как определение общей тональности текста, представляемой как единое мнение по поводу единичной сущности, так и определение тональности по отношению к нескольким сущностям или нескольким аспектам одной сущности, по которым автор текста может высказывать мнения различной тональности [Лукашевич 2017: 128]. Анализ тональности отзывов часто попадает в задачи первой категории, так как отзыв направлен на определенный продукт.

В данной статье представлены результаты автоматического анализа тональности отзывов читателей из Великобритании и США на книги “George’s Secret Key to the Universe”, “George’s Cosmic Treasure Hunt”, “George and the Big Bang”, “George and the Unbreakable Code”, “George and the Blue Moon” и “George and the Ship of Time”.

Time” с целью определить, насколько положительный отклик получила данная серия книг и насколько аспекты, особо отмечаемые читателями, совпадают с просветительскими задачами авторов.

Материалом исследования послужили находящиеся в свободном доступе отзывы на английском языке, оставленные пользователями из Великобритании и США на платформе Amazon (www.amazon.com; www.amazon.co.uk). Отзывы отбирались вручную, для того чтобы исключить мнения, касающиеся качества издания, особенностей доставки и т.п. Общее количество проанализированных отзывов – 134 (“George’s Secret Key to the Universe” – 26, “George’s Cosmic Treasure Hunt” – 24, “George and the Big Bang” – 30, “George and the Unbreakable Code” – 24, “George and the Blue Moon” – 21 и “George and the Ship of Time” – 9). Общий объем текстов составляет 9029 слов (41 752 знака без пробелов).

Автоматический анализ тональности проведен с помощью модели VADER (Valence Aware Dictionary for sEntiment Reasoning) [Hutto, Gilbert 2014] библиотеки NLTK. Оценки тональности VADER интерпретируются на основе показателя *compound*, который может принимать значения от -1 до 1 : нейтральная тональность попадает в диапазон от $-0,05$ до $0,05$; оценки ниже $-0,05$ обозначают отрицательную тональность, а оценки выше $0,05$ – положительную.

Применение VADER к отзывам на книги серии “George’s Secret Key” показало, что из 134 отзывов положительными являются 128, отрицательными два, а нейтральными – четыре. Группировка отзывов по книгам показывает, что на книги “George and the Unbreakable Code” и “George and the Ship of Time” оставлены только положительные отзывы, тогда как на книги “George’s Secret Key to the Universe” и “George and the Big Bang” оставлено по одному отрицательному отзыву.

Характеризуя величины показателя *compound*, рассмотрим медианы для каждой из книг: “George’s Secret Key to the Universe” – $0,94245$; “George’s Cosmic Treasure Hunt” – $0,8971$; “George and the Big Bang” – $0,7411$; “George and the Unbreakable Code” – $0,7044$; “George and the Blue Moon” – $0,7501$; “George and the Ship of Time” – $0,7269$. Первая книга “George’s Secret Key to the Universe”, таким образом, получает наиболее положительные, а четвертая книга “George and the Unbreakable Code” – наименее положительные по тональности отзывы, но все оценки неизменно высоки и превышают $0,7$ при максимально возможном значении 1 , что говорит о крайне положительном общем отношении авторов отзывов к книгам о приключениях Джорджа.

Более подробный содержательный анализ отрицательных отзывов в силу их небольшого количества был проведен вручную и показал, что их авторы разочарованы характерами героев (*all the kids are cruel*), а также – что более важно в контексте настоящего исследования – способом включения научных сведений в сюжет произведения: *false teaching, gross make believe, the science feels forced*.

Что касается положительных отзывов, то их анализ целесообразно было автоматизировать. Подсчет абсолютной частотности слов с помощью метода *bag-of-*

words после проведения необходимой предобработки текстов, включающей удаление стоп-слов, показал, что двадцатью наиболее часто встречающимися словами являются: 'book' (208), 'read' (70), 'george' (68), 'science' (68), 'story' (56), 'year' (53), 'child' (51), 'series' (50), 'old' (47), 'love' (42), 'great' (40), 'space' (39), 'reading' (38), 'hawking' (37), 'well' (36), 'fact' (35), 'son' (31), 'one' (29), 'kid' (28), 'school' (26). Данный набор ключевых слов показывает, что в положительных отзывах авторы часто сообщают основные факты о книгах: тип характеризуемого продукта ('book', 'read', 'reading'), имена авторов ('hawking'), сведения о главном герое, сюжете и просветительском характере произведения ('george', 'kid', 'son', 'school', 'space', 'science', 'fact'), а также дают портрет предполагаемого читателя ('year', 'old', 'child', 'school'), хотя данные слова в отдельных контекстах связаны также и с характеристикой главных героев). Непосредственная положительная оценка заключена в словах 'love', 'great', 'well': *she loved it, great stories, another well written story*.

Поскольку оценка часто выражается прилагательными, из текстов положительных отзывов с помощью частеречной разметки с использованием инструмента Averaged Perceptron Tagger (NLTK) (<https://www.kaggle.com/datasets/nltkdata/averaged-perceptron-tagger>) были извлечены также наиболее частотные прилагательные: 'old' (47), 'great' (40), 'good' (21), 'scientific' (19), 'next' (14), 'interesting' (13), 'elementary' (11), 'little' (11), 'black' (10), 'young' (9), 'full' (9), 'real' (8), 'wonderful' (7), 'cool' (7), 'new' (7), 'right' (6), 'excellent' (6), 'whole' (6), 'aged' (6), 'educational' (5), 'different' (5), 'interested' (5), 'middle' (5), 'enjoyable' (5). В данном списке положительную оценку книг серии напрямую выражают прилагательные 'great', 'good', 'interesting', 'wonderful', 'excellent', 'enjoyable'; кроме того, учитывая специфику книг, о достижении авторами просветительских целей свидетельствуют прилагательные 'educational' и 'interested' в таких контекстах, как *fun and educational, an educational interesting story, a great way to get children interested in the sciences* и др.

Таким образом, можно заключить, что преимущественно положительная тональность отзывов покупателей на серию книг Стивена Хокинга и Люси Хокинг о приключениях Джорджа косвенно свидетельствует о достижении авторами цели заинтересовать наукой юных читателей, а также заручиться поддержкой их родителей, которые далее рекомендуют данные книги, в том числе и за включение в них научных фактов в доступной и увлекательной форме. Анализ содержания отрицательных отзывов, тем не менее, показал, что сочетание факта и вымысла становится в то же время и причиной неприятия рассматриваемых книг на том основании, что дети в силу небольшого читательского опыта и малой осведомленности в науке могут не увидеть границу и принять художественный вымысел за научный факт. В совокупности данные выводы обозначают необходимость исследования особенностей усвоения детьми популяризируемого научного знания.

Литература

Лукашевич Н.В. Автоматические методы анализа тональности // Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учебное пособие / Большакова Е.И.,

Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. С. 127-194.

Теплицкая А.А. Пропаганда научных знаний в детских научно-популярных изданиях // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №4. С. 264-270.

George A. Welcome to the universe, kids // New Scientist. 21 March. 2009. Pp. 24–25.

Hawking L., Hawking S. George's Secret Key to the Universe. Complete 6 Books Collection Set (Secret Key to the Universe, Cosmic Treasure Hunt, Big Bang, Unbreakable Code, Blue Moon & Ship of Time). Corgi Childrens, 2021.

Hutto C.J., Gilbert E.E. VADER: A Parsimonious Rule-based Model for Sentiment Analysis of Social Media Text // Proceedings of the Eighth International Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM-14), Ann Arbor, MI, June 2014. Vol. 8 (1). Pp. 216-225.

McKie R. A brief history of Stephen Hawking // Cosmos Magazine. 1 August 2007. URL: <https://cosmosmagazine.com/science/physics/a-brief-history-of-stephen-hawking/>

M.V. Suvorova (Perm, Russia)

Perm State University

SENTIMENT ANALYSIS OF READER REVIEWS OF THE “GEORGE’S SECRET KEY” SERIES BY LUCY HAWKING AND STEPHEN HAWKING

This paper presents the results of sentiment analysis of public reviews on the “George’s Secret Key” series by Lucy Hawking and Stephen Hawking, posted on Amazon by readers from the USA and Great Britain. The reviews were analysed using VADER from the NLTK library. A compound sentiment score ranging from -1 to 1 was calculated for each review. The majority of sentiment scores exceed 0.05 indicating that readers’ attitudes to the series are predominantly positive.

Key words: sentiment analysis, NLTK, VADER, Lucy Hawking, Stephen Hawking, George’s Secret Key

В.Д. Табанакова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

v.d.tabanakova@utmn.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ И КАТЕГОРИАЛЬНОЕ НАСТОЯЩЕЕ ТЕРМИНА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Автор рассматривает как бытовое, образное и специальное научное знание совмещаются в термине «Искусственный интеллект». Семантический анализ лексем *искусственный* и *интеллект* и дефиниционный анализ термина «искусственный интеллект» показал, что термин «искусственный интеллект» вмещает в себе обширное «концептуальное прошлое» и еще не сформировавшееся «категориальное настоящее».

Ключевые слова: терминологизация, концепт, категория, специальное и неспециальное знание

Начнем с уточнения двух понятий – «концепт» и «категория». Противопоставление этих когнитивных структур основывается прежде всего на образности концепта и логической природе категории: «Концепт – это целостная ментальная структура, воспринимаемая как образ, тогда как категория – это набор признаков»

[Великода 2010: 93]. Такая трактовка дает возможность рассматривать концепт как образную единицу памяти, а категорию как единицу специального знания. При этом память объемна и включает в себя как бытовое знание, так и специальное знание о действительности. Соотношение специального и неспециального знания в термине прослеживается обычно в рамках исследований процесса терминологизации. Так, в статье А.С. Мусаевой «Общезыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта» доказано, что актуальная терминология искусственного интеллекта в значительной степени восходит к общезыковому субстрату – словосочетаниям общенародного языка [Мусаева 2022: 12].

Образование термина «искусственный интеллект» как и любого другого термина происходит лексико-семантическим способом по метафорической модели переноса семантических признаков слов общелитературного языка на референт знака-термина. В процессе терминологизации языковых единиц мы «идем» от различной лингвистической формы к содержанию специального понятия и задаем себе вопрос: «Как и когда мы фиксируем образность в словах-терминах и отделяем образ от понятия?». Попытаемся развести образное и логическое в термине «искусственный интеллект» через категорию специальное и неспециальное знание, отталкиваясь от понимания термина как когнитивной структуры [Лейчик 2009; Алексеева, Мишланова 2018; Федюченко 2019].

Цель исследования – проследить как бытовое, образное и специальное научное знание совмещаются в термине «искусственный интеллект».

Исследование проводилось в два этапа – 1) семантический анализ лексем *искусственный* и *интеллект* с целью выявить неспециальные, бытовые, образные признаки этих понятий и тем самым определить концептуальный фон термина; 2) семантический анализ термина «искусственный интеллект» с целью выявить специальные (выраженные однозначными научными терминами) признаки понятия. Концептуальный и категориальный анализ проводился на материале специальных и неспециальных словарей [Карта слов и выражений русского языка, Толковый словарь по искусственному интеллекту].

На первом этапе были проанализированы определения прямых неспециальных значений двух лексем, их синонимические и ассоциативные ряды. Так, у лексемы «искусственный» были отобраны следующие концептуальные признаки, которые совмещаются с денотативными значениями лексемы «интеллект»: *созданный или осуществляемый человеком наподобие или вместо природного, подлинного, связанный с сознательной деятельностью человека, придуманный специально*; синонимы – *рукотворный, антропогенный, неестественный, поддельный, ненастоящий*; ассоциации – *фантастический, сверхъестественный, противоестественный, невероятный, преувеличенный, формальный*. У лексемы «интеллект» – *мыслительные способности человека, ум, разум, уровень умственного развития, восприятие, разумение, понимание, понятие, рассудок, качество психики, все познавательные способности такие как ощущение, восприятие, память, представление, мышление, воображение, внимание, воля и рефлексия*; синонимы: *естественный интеллект*,

человеческий интеллект, системы искусственного интеллекта, машинный интеллект; ассоциации: роботы, искусство, разум. В результате концептуальный фон термина составили неспециальные образные понятия из словарных определений, синонимических и ассоциативных рядов лексем «искусственный» и «интеллект».

Категориальный анализ проводился на материале специальных и неспециальных словарей.

Определения понятия «искусственный интеллект» в неспециальном словаре:

1) наука и технология создания интеллектуальных машин; 2) свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека.

Определения понятия «искусственный интеллект» в специальном словаре:

1) научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными; 2) свойство интеллектуальных систем.

Дефиниционный анализ термина «искусственный интеллект» показал, что признаки, раскрывающие объем и содержание понятия могут быть специальными (выраженные однозначными терминами, например, программная система, интерфейс, программное моделирование, нейронные сети), неспециальными (творческие функции, представление знаний), общенаучными, такими как наука, технология, научное направление) и смешанными, соединяющими общие, общенаучные и специальные понятия (свойство интеллектуальных систем, задачи аппаратного или программного моделирования, теория искусственного интеллекта). При этом однозначных терминов в содержании понятия ИИ немного и в основном они относятся к области информационных технологий. В то же время за словом «интеллектуальный» (умственный, духовный, мыслящий) в терминологических сочетаниях, таких как интеллектуальные машины, интеллектуальные системы, интеллектуальные программы тянется «шлейф» неоднозначности, образности.

Таким образом, термин «искусственный интеллект» вмещает в себе обширное «концептуальное прошлое» и еще не сформировавшееся «категориальное настоящее». Очевидно, что, отталкиваясь от словарных дефиниций, понятие «искусственный интеллект» нельзя считать наукой – системой знаний, так же как и сам термин не является однозначным и не занимает строго определенное место в терминосистеме, так как терминологической системы «искусственный интеллект» пока нет. Объяснением этому может служить утверждение того, что искусственного интеллекта как суперкомпьютерной модели человеческого мозга сегодня нет, поскольку мы пока не знаем, как работает мозг человека.

Литература

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Путь к дискурсивному терминоведению (к 90-летию В.М. Лейчика) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 4. С. 78-91.

Великода Т.Н. Процессы терминологизации как отражение научной категоризации действительности // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2010. № 13. С. 88-94.

Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/>

Лейчик В.М. Стереотипность и творчество в дискурсе (рапсодия в стиле «дискурс») // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. С. 64-73.

Мусаева А.С. Общеязыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта (на примере терминов-словосочетаний) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 12-19.

Толковый словарь по искусственному интеллекту. URL: <https://www.raai.org/pages/UGFnZVR5cGU6MTAwMw==>

Федюченко Л.Г. Определение понятия «термин» в рамках когнитивного терминоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. 2019. № 3. С. 29-36.

V.D. Tabanakova (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

THE CONCEPTUAL PAST AND CATEGORICAL PRESENT OF THE TERM “ARTIFICIAL INTELLIGENCE”

The author examines how everyday, figurative and special scientific knowledge are combined in the term “Artificial Intelligence”. Semantic analysis of the lexemes *artificial* and *intelligence* and definitional analysis of the term “artificial intelligence” showed that the term “artificial intelligence” contains an extensive “conceptual past” and a not yet formed “categorical present”.

Key words: terminalisation, concept, category, special and non-special knowledge

Т.П. Третьякова (Санкт Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
trityakova.tp.50@gmail.com*

КОММУНИКАТИВНАЯ ИДИОМАТИКА РЕЧЕВЫХ СТЕРЕОТИПОВ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В докладе рассматриваются основные категории коммуникативной идиоматики, под которой понимается универсальная способность к созданию устойчивых речевых рефлексивных форм, отражающих функциональные модели кодификации интеракции, сходные с современными форматами текстовых моделей GPT-3 и GPT-4.

Ключевые слова: коммуникативная идиоматика, речевые стереотипы, когнитивная модель, нейросеть GPT, искусственный интеллект

Под коммуникативной идиоматикой понимается раздел коммуникативной лингвистики, связанный с моделированием устойчивых контекстно-ориентированных коммуникативных ситуаций, которые на лингвистическом уровне отражаются в наличии исчислимого репертуара устойчивых высказываний, которые можно отнести к

речевым стереотипам. Данный тип высказываний представляет собой коммуникативную метафору (в терминах речевых актов – всегда косвенный перформатив), которая не мыслится вне контекста определенной интеракции. Например, английское высказывание приветствия-приглашения *Welcome/ You are welcome* в ситуации благодарности выступает как реактивный ответ в значении «не стоит благодарности / не за что». Ареал этих высказываний достаточно обширен, а точки зрения коммуникативной семиотики охватывает три области коммуникативных кодов – форматирование коммуникативного процесса, его оценочную и прескриптивную области.

Цель доклада показать, что в контексте социально-рефлексивных закономерностей, управляющих повседневным человеческим общением, современные интерпретации искусственного интеллекта (ИИ) достаточно близко соотносятся с речевыми стереотипами, а также определить область потенциальных функциональных моделей к анализу данного типа высказываний и текстов современных нейросетей GPT, способных генерировать тексты [Ревзин 2023; Решетникова 2024].

В самом широком смысле маркированность стереотипных высказываний относится к вовлеченности в коммуникативное событие с тем или прагматическим эффектом, который может быть причиной нарастания новых смыслов в процессе стереотипизации. Процесс создания речевого стереотипа связан с несколькими уровнями. Во-первых, уровень связи языковой формы с определенными социальными сферами и ситуациями, которые регистрируются внешними наблюдателями (например, в лингвистическом анализе или регистраторами современных ботов, как например, <https://kartaslov.ru/>). Во-вторых, уровень отношений непосредственных между участниками интеракции в особом контексте, создающим в некоторых случаях новые смыслы. К наиболее распространенным относятся отношения, связанные либо с организацией процесса интеракции, изменением ситуации через прескрипцию или высказывание оценки [Третьякова 1998: 29-36]. Последний способ, как правило соотносим с когнитивно-рефлексивными компонентами значения. В-третьих, уровень социальной индексации, отражающей такие языковые формы и выражения, которые воспринимаются как типические, способные восприниматься как средство идентификации тех групп. В последнем случае происходит расширение объема элементов рефлексии человека анализируемые лингвистами, которые относятся к метапрагматике и отражают разную степень осознанности использования единиц языка [Silverstine 1993: 33-37].

Семантика стереотипного высказывания с точки зрения процедуры определяется переходом модели мира как части когнитивной системы из начального состояния в конечное состояние S_{fin} . В отличие от прототипического подхода в процедурной семантике учитываются и промежуточные состояния $S_1 (=S_{init}+1)$, $S_2... S_j... S_{fin}-1$. Чем больше степень дробности в описании, т.е. определении функциональных смыслов, тем больше семантика определяется процедурой перехода и тем более модели мира «растворяются» в инструкциях по их изменению. В любом случае речевые стереотипы начинают использоваться как инструкции, которые требуют

интерпретации и проекции возможных смыслов. Например, инструкция по месту стереотипных высказываний предпочтение, т.е. стереотипов положительного оценочного характера [Третьякова 2023].

Примечательным фактором является то, что исчислимый характер инструкций позволяет находить сходство с искусственным интеллектом. Можно сказать, «что искусственный интеллект — это интеллект стереотипов. Он вычисляет стереотипный ответ на вопрос для некоторой группы людей, причем сейчас при общении с открытыми системами ИИ группа определяется по вопросу, который вы задали [Ревзин 2023]. В этой связи хотелось бы отметить также эффективность функционально-семантических процедур, которые приводятся в учебниках по искусственному интеллекту. В частности, в одном из самых популярных учебников С. Рассела и П. Норвига, выдержавшему несколько изданий (1995, 2003, 2009, 2020), есть раздел об обучающих системах. В настоящее время наблюдается интерес к нейрокомпьютерным методам машинного обучения также используется метод построения функции через представление вектора задачи [Russell, Norvig 2009]. Функция, как и в процедурной семантике, представляет собой преобразование входных данных в формат, в котором отбрасывается нерелевантная информация и сохраняется только так информация, которая полезна для решения задачи: $\{\langle x_1, f(x_1) \rangle, \langle x_2, f(x_2) \rangle, \dots, \langle x_n, f(x_n) \rangle\}$ в более простых данных $\{\langle r(x_1), f(x_1) \rangle, \langle r(x_2), f(x_2) \rangle, \dots, \langle r(x_n), f(x_n) \rangle\}$, где r — это функция вектора признаков, которые можно сопоставить со смысловыми функциями S в процедурной семантике. В качестве самого простого примера могут появиться новые смыслы в прямых высказываниях согласия и несогласия Yes / No. Например, “Would you like to join us?” — “Yes and No”. Процедурная семантика осложняется в этом случае наличием отрицательного эмоционального отношения. Появляется уклончивое несогласие, S_{fin} , которое складывается из $[S_i \text{ недоверие} = S_{ii} \text{ согласие} \{ \text{конъюнкция} \} S_{ii} \text{ несогласие}] S_{fin}$, где S — процедурный коммуникативный смысл. Каким образом может проходить формирование таких речевых стереотипов в нейросетях. Или в иной функциональной схеме: $\{\langle r(x_1), f(x_1) \rangle, \langle r(x_2), f(x_2) \rangle, \dots, \langle r(x_n), f(x_n) \rangle\}$, где r указывает вектор инструкции.

В заключении приведем цитату из диалога с Chat GPT3 «Как чат-бот, я не способен формировать собственные мысли или иметь собственные убеждения. Моя задача — оказывать справочную помощь и предоставлять информацию на основе предоставленных мне данных. Я работаю на основе модели и использую знания, накопленные в процессе обучения. Однако я не испытываю эмоции или имею стереотипы, так как я всего лишь программный алгоритм, предназначенный для общения» [Ревзин 2023]. В некоторых случаях компьютерные программы просто обращаются к пользователям за советом, как это сделано в Лампоботе <https://kartaslov.ru/>.

Таким образом, алгоритмы моделей текста и функциональных моделей коммуникации в рамках поиска метапрагматических индикаторов в той или иной социальной сфере позволяет систематизировать функциональный потенциал речевых стереотипов как элементов ИИ.

Литература

- Ревзин Г. Абсолют стереотипа. Искусственный интеллект как утопия современности // Коммерсантъ Weekend. № 37. 27.10.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6283695>
- Решетникова М. GPT-4: что умеет самая продвинутая языковая модель // РБК Тренд. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64afba299a79478144e99ceb?from=cory>
- Третьякова Т.П. Когнитивные основы комментирующих высказываний: от коммуникативной идиомы к тексту // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 3 (54). С. 299-302.
- Третьякова Т.П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998.
- Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2009.
- Silverstone M. Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function // Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics / J. Lucy (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 33-58.

T.P. Tretyakova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

THE COMMUNICATIVE IDIOMATICS OF SPEECH STEREOTYPES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The paper reviews the main categories of communicative idiomatics, which is understood as the universal ability to create stable speech reflexive forms reproducing functional models of codification of interaction similar to the modern formats of text models GPT-3 and GPT-4.

Key words: communicative idiomatics, speech stereotypes, artificial intelligence, procedural semantics, GPT neural network

Е.В. Федоров, М.И. Солнышкина (Казань, Россия)

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
fevgeniy2405@gmail.com, mesoln@yandex.ru*

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ПАРАМЕТРОВ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Представленное исследование нацелено на выявление специфики параметров читабельности текста, лексической плотности и лексического разнообразия в текстах англоязычных учебников Дипломной программы Международного бакалавриата (IB DP) и американской образовательной программы повышенной трудности (AP) с применением серверов TextInspector и MultiAzTerTest.

Ключевые слова: учебные тексты, лексическая плотность, сложность, читабельность, учебник, параметры

Вопрос сложности учебных текстов представляет особый интерес, поскольку именно данная категория во многом определяет успешность восприятия и понимания текста, а, следовательно, обеспечивает основу эффективности образовательного процесса [Солнышкина и др. 2022: 321]. В современной научной парадигме когнитивная сложность текста рассматривается как конструкт, оцениваемый на основе объема информативности текста [Солнышкина и др. 2022: 319]. Данный подход

базируется на идее об увеличении когнитивной сложности учебных текстов при переходе от более низкой к высокой ступени обучения. Когнитивная сложность текста манифестируется в ряде лингвистических параметров текста, таких как читабельность, количество именных и глагольных компонентов в тексте, частотность, связность, абстрактность и др. [Куприянов и др. 2023: 37].

Представленная работа выполнялась с целью тестирования гипотезы о взаимозависимости лексической плотности, лексического разнообразия и читабельности текста. По традиции, принятой в дискурсивной комплексологии, данные параметры имеют в названии слово «лексический», но оценивают морфологические параметры.

В качестве источника материала использовались (1) учебник *Theory of Knowledge*, применяемого для реализации Дипломной программы Международного бакалавриата (IB DP) объемом около 226000 слов (далее-ТК) и (2) учебник *Ecology* американской образовательной программы *Advanced Placement* (AP) для подготовки старшеклассников к поступлению в вузы, объем которого составил более 250 000 слов (далее-Ес). Выбор данных учебников обусловлен, с одной стороны, их принадлежностью к разным предметным областям, а именно, гуманитарной (ТК) и естественно-научной (Ес), а с другой стороны, предназначенностью для выпускников средних школ, достигающих возраста 18–19 лет. Таким образом, сравнение текстов данных учебников, может продемонстрировать уровни сложности (читабельности) учебников разных дисциплин и их корреляцию с морфологическими параметрами.

На *Эмане I* из указанных источников было выделено 20 равноудаленных фрагментов по приблизительно 1000 словоформ. Данная процедура производилась для объективности последующего сравнения метрик всех параметров, рассчитываемых на 1000 словоформ (*incidence per thousand, ipt*). Далее каждый фрагмент прошел доработку, т.е. из него были удалены контаминирующие учебный дискурс элементы, включающие цитаты, справочную информацию, формулы, иллюстрации, рисунки и проч. Таким образом тексты были подготовлены для количественного анализа с использованием сервисов *TextInspector* (textinspector.com/) и *MultiAzTerTest* (ixa2.si.ehu.es/aztertest/index.php#0).

Эман II включал составление матриц значений параметров, а именно, индексов читабельности (строка 1, табл. 1), параметров лексической плотности (строки 2–6, табл. 1), лексического разнообразия (строки 7–12, табл. 1), для последующего сравнительного анализа метрик лингвистических параметров изучаемых учебников ТК и Ес.

Индекс читабельности рассчитывался по формуле удобочитаемости Флеша (FRE): $206,835 - 1,015 \times ASL - 84,6 \times ASW$, где ASL – средняя длина предложения в словах, ASW – средняя длина слова в слогах. В отличие от индекса Флеша-Кинкейда (FKGL), ранжирующего тексты по годам формального обучения от детского сада (К) до университета (20 и выше), значения индекса читабельности Флеша (FRE) находятся в диапазоне от 0 (наиболее сложные) до 100 (наиболее простые). Например, тексты, с читабельностью от 50 до 60, предназначены для школьников 10–12 клас-

сов и считаются относительно сложными, диапазон читабельности 30–50 свойствен текстам уровня колледжа, а 0–30 – выпускникам колледжа, т.е. эти тексты являются наиболее трудными для восприятия и понимания.

Лексическая плотность рассчитывалась по формуле, предложенной Дж. Юр. В 1971 г. $LD = N_{lex}/N \cdot 100$, где N_{lex} – это сумма словоформ знаменательных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия) в анализируемом тексте, а N – общее количество словоформ в тексте [Ure J. 1971:447]. Плотности отдельных частей речи рассчитывались по аналогичным формулам. Например, nD (Плотность существительных) = N_n/N , где N_n – это сумма словоформ существительных в анализируемом тексте, а N – общее количество словоформ в тексте. При расчете метрик «простого» лексического разнообразия (Simple Type Token Ratio) в отличие от лексической плотности (LD) общее количество слов (Types) делится на общее количество словоформ (Tokens): $STTR = N_{Types}/N_{Tokens} \cdot 100$. Оценка лексического разнообразия отдельных частей речи (строки 9–12) осуществляется на основе данных о словах и словоформах отдельных частей речи, а лексическое разнообразие знаменательных частей речи (Content Type Token Ratio) – частное суммы слов знаменательных частей речи и суммы словоформ всех частей речи: $CTTR = N(n+v+adj+adv)/Types/N_{Tokens} \cdot 100$.

Таблица 1. Значения параметров лексической плотности и читабельности

№	Переменные	ТК	Ес
1	Индекс читабельности (Flesch readability ease)	47,74	39,51
2	Лексическая плотность (LD)	55,77	55,16
3	Плотность существительных (nD)	23,89	28,89
4	Плотность глаголов (vD)	17,64	13,42
5	Плотность прилагательных (adjD)	8,78	9,26
6	Плотность наречий (advD)	4,96	4,67
7	Коэффициент лексического разнообразия (STTR)	39,8	43,5
8	Лексическое разнообразие знам. частей речи (CTTR)	67,83	70,405
9	Разнообразие существительных (nTTR)	63,93	61,78
10	Разнообразие глаголов (vTTR)	68,16	76,66
11	Разнообразие прилагательных (adjTTR)	7,17	6,99
12	Разнообразие наречий (advTTR)	7,05	7,01

Полученные результаты позволяют сделать ряд весьма интересных выводов: (1) с точки зрения читабельности естественно-научные тексты (Ес, учебник по экологии) сложнее, чем гуманитарные тексты (ТК): 39,51 ↔ 47,74; (2) при почти одинаковой лексической плотности (55,77 *ipt* и 55,16 *ipt*, соответственно) и плотности наречий (4,96 *ipt* и 4,67 *ipt*) тексты Ес и ТК довольно сильно отличаются по количеству существительных и глаголов: естественно-научные тексты носят более номинативный характер за счет более высокой плотности существительных (28,89 *ipt* ↔ 23,89 *ipt*) и более низкой плотности глаголов (13, 42 ↔ 17, 64 *ipt*). Последнее об-

стоятельство также может служить предиктором более высокой сложности текстов. Если по сравнению с текстами ТК; (3) Параметрами-дискриминантами предметных областей следует признать коэффициент лексического разнообразия (STTR) ($39,8 \text{ ipt} \leftrightarrow 43,5 \text{ ipt}$) и разнообразие глаголов (vTTR) ($68,16 \text{ ipt} \leftrightarrow 76,66 \text{ ipt}$). Показательно, что полученные в ходе данного исследования выводы в целом хорошо согласуются с выводами, полученными Г.М.Гатиятуллиной (2024) относительно учебников 10-11 класса по обществознанию (Social Studies) и биологии, в которых выявленная лексическая плотность составила $49,5 \text{ ipt}$ и $50,2 \text{ ipt}$ соответственно. Как видим, их лексическая плотность как учебников более низкого уровня сложности ниже, чем выявленная в ходе данного исследования.

Таким образом, исходя из полученных данных и ранее опубликованных работ [Гатиятуллина, 2024, Вахрушева и др. 2021], можно предположить, что лексическую плотность следует рассматривать как предиктор сложности, в то время как лексическое разнообразие есть параметр-дискриминант предметных областей.

Литература

Вахрушева А.Я., Солнышкина М.И., Куприянов Р.В., Гафиятова Э.В., Климагина И.О. Лингвистическая сложность учебных текстов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. № 40 (1). С. 88-99.

Гатиятуллина Г.М. Морфологические средства репрезентации сложности учебного текста (на материале русского и английского языков). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2024.

Куприянов Р.В., Букач О.В., Александрова О.И. Оценка когнитивной сложности учебных текстов: эмпирическая валидация лингвистических параметров // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 641-662.

Солнышкина М.И., Соловьев В.Д., Гафиятова Э.В., Мартынова Е.В. Сложность текста как междисциплинарная проблема // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 18-39.

Kincaid J.P., Fishburne R.P., Rogers R.L., Chissom B.S. Derivation of New Readability Formulas (Automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease Formula) // Navy Enlisted Personnel (Research Branch Report). Memphis, TN: Naval Air Station, 1975. Pp. 8-75.

Uzunova Dang M., Uzunov Dang A.S. Theory of Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Ure J. Lexical Density and Register Differentiation // Applications of Linguistics / G. Perren, J.L.M. Trim (eds.). London: Cambridge University Press, 1971. Pp. 443-452.

Schroeder J., Coyne G., Farndon J., Harris T. Big Ideas Simply Explained. The Ecology Book. Dorling Kindersley, 2019.

E.V. Fedorov, M.I. Solnyshkina (Kazan, Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

INTERDEPENDENCE OF THE PARAMETERS IN THE EDUCATIONAL TEXT

The presented study is aimed at identifying the specifics of text readability parameters, lexical density and lexical diversity in the texts of English textbooks of the International Baccalaureate Diploma Programme (IB DP) and the American Advanced Placement (AP) using the TextInspector and MultiAzTerTest platforms.

Key words: educational texts, lexical density, complexity, readability, textbook, parameters

*Е.А. Филатова (Москва, Россия)**Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ekafilatova@mail.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АСПЕКТЕ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Статья посвящена вопросам использования современных технологий искусственного интеллекта в аудиовизуальном переводе. Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать алгоритм работы современных программ на базе искусственного интеллекта и выяснить, являются ли инновационные системы приемлемыми для осуществления перевода аудиовизуальных текстов.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, современные технологии, искусственный интеллект, машинный перевод, аудиовизуальный текст

В настоящее время технологии искусственного интеллекта (ИИ) проникают во все сферы переводоведения. Не стало исключением быстро развивающееся направление – аудиовизуальный перевод (АВП). Наблюдается устойчивая тенденция применения технологий на базе ИИ в процессе перевода аудиовизуальных произведений. Основная интенция, которую преследуют переводчики, используя технологии ИИ при переводе, заключается в сокращении времени работы над перекодированием текста аудиовизуального произведения с исходного языка на язык перевода. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать и изучить современные технологии ИИ, которые используются в аудиовизуальном переводе и выяснить, насколько автоматизация процесса в данной области переводоведения приемлема и оправдана.

Инновационные средства перевода на базе ИИ, направленные на оптимизацию процесса перевода, весьма разнообразны. С каждым годом все чаще наблюдается стремительный рост всевозможных автоматизированных программ для перевода на отечественном рынке. Однако стоит отметить, что функционал переводческих инструментов не является однородным. В этой связи в настоящем исследовании будет предпринята попытка рассмотреть алгоритм технологий, работающих на базе ИИ, и идентифицировать те программы, которые применяются при АВП.

Среди инструментов, использующих ИИ в процессе перевода, можно выделить широко известный машинный перевод. На сегодняшний день наиболее распространенными являются такие машинные переводчики (МП), как DeepL, Google Translate, ChatGPT. Все эти переводовые технологии работают по одному принципу, заложенному в основу данных программ, автоматическое преобразование текста с исходного на целевой язык. При работе над текстом инструменты машинного перевода используют технологии ИИ, нейронные сети, учатся на большой базе данных, чтобы интерпретировать контекст, семантику и прочее. Упомянутые выше МП отличаются друг от друга некоторыми параметрами: количеством языков, которые переводит машина; ограничением по объему вводимого текста; сохранением форматирования исходного текста; скоростью обработки и перевода текста. Немаловажным фактором является

функция ChatGPT – редактировать текст на целевом языке благодаря возможностям генеративного ИИ. Также следует отметить, что машинные переводчики обладают способностью распознавать голос – голосовой ввод, распознавать текст на фотографии – фотоперевод и переводить целиком сайты. Такие функции машинного перевода, работающие на ИИ, в значительной степени ускоряют процесс перевода.

Помимо вышеупомянутых, достаточно известных видов машинного перевода, в настоящее время на рынке появились новейшие технологии, работающие на базе ИИ, которые осуществляют мгновенный перевод видео. Среди нашумевших новинок – видеопереводчики Smartcat, Veed, Clideo. По сути – принцип работы видеопереводчиков на базе ИИ – идентичен. Обработка аудиовизуального материала переводчиками такого вида осуществляется в несколько этапов. На первом этапе происходит распознавание речи, затем осуществляется нейронный машинный перевод для создания автоматических субтитров. На последнем этапе применяется ИИ, и происходит автоматическое озвучивание видео: дублированное или закадровое с использованием уже готовых субтитров. Отличаются данные программы количеством языков, с которыми работают видеопереводчики, и интерфейсом.

Такие программы перекодируют исходный язык на язык перевода в считанные минуты и не требуют полномасштабного участия переводчика. Как утверждают разработчики такого вида инструментов, одним нажатием клавиши на компьютере запускается процесс распознавания звучащей речи, ее перевода и автоматическое наложение переведенных реплик на видеоряд. Иными словами, происходит автоматизация перевода под дублированное или закадровое озвучивание с последующей синхронизацией аудио в видео дорожек отдельно взятого аудиовизуального произведения.

Несмотря на прогрессивный характер новейших разработок в области ИИ и программ перевода, практика показывает, что качество текста на целевом языке сложно назвать высоким. Обусловлено данное обстоятельство тем, что по-прежнему машинные переводчики допускают ряд типичных ошибок. Среди наиболее распространенных сложностей, с которыми сталкиваются МП, необходимо выделить следующие: отсутствие способности распознавать контекст, полисемия. Часто встречаются лексические, синтаксические, семантические, прагматические ошибки.

Куда более серьезной проблемой является неспособность видеопереводчиков передавать ряд эмоциональных характеристик речи, что ставит работу таких технологий под вопрос в аспекте аудиовизуального перевода, где передача эмоциональной составляющей – один из постулатов АВП.

Важным фактором является и то, что в процессе перевода ни видеопереводчики, ни машинный перевод не имеют возможности использовать видео контекст. Иными словами, ИИ генерирует перевод без учета самого сюжета и видео составляющей аудиовизуального произведения. Именно из-за данного фактора полагаться исключительно на современные технологии на базе ИИ при переводе аудиовизуальных произведений в настоящий момент не представляется возможным.

Однако здесь стоит оговориться, отметив один значимый аспект, который следует принимать во внимание – а именно – какова конечная цель осуществления

перевода. Если мы говорим об ознакомительном просмотре того или иного видео, то для понимания общего содержания аудиовизуального текста такой видео перевод будет являться приемлемым. Не стоит забывать, что, согласно исследованию, проведенного под руководством испанских специалистов, 60% внимания реципиента сосредоточено на восприятии визуальной составляющей видео контента, в то время как вербальному тексту отводится 40% [Remael 2012: 4]. Именно по вышеуказанной причине звучащий текст в сопровождении с видеорядом воспринимается зрителем в значительной степени легче.

Следует также обратить внимание на то, что не каждый аудиовизуальный продукт может быть переведен при помощи технологий ИИ, поскольку аудиовизуальный текст обладает особыми характеристиками, которые следует учитывать при выполнении перевода. Существуют аудиовизуальные произведения стандартизированного типа, к примеру видеоролик с пошаговой инструкцией, прогнозом погоды, научно-популярные и учебные фильмы. Такого рода аудиовизуальные произведения чаще всего обладают набором тех языковых паттернов, которые повсеместно встречаются в рамках аналоговых текстов, не обладают ярко выраженным сюжетом в отличие от кинематографических произведений.

Если рассматривать художественные фильмы, документальные фильмы, мультипликационные фильмы, интервью и прочий аудиовизуальный контент, то применять исключительно технологии ИИ без участия переводчика в настоящий момент невозможно. Данные аудиовизуальные тексты неоднородны по своей природе, они обладают большим количеством специфических черт как вербального, так и невербального характера. В соответствии с манифестом, выпущенным европейской ассоциацией аудиовизуальных переводчиков, современные технологии, работающие на базе ИИ, не могут быть применены к АВП, поскольку при локализации не принимаются во внимание следующие элементы: изображение и действия на экране, интонации голоса и жесты, напрямую влияющие на значение слов [Machine Translation Manifesto].

Учитывать вышеупомянутые особенности таких текстов программы на базе ИИ все еще не «научились». Исходя из совокупности всех этих факторов, напрашивается вывод о том, что технологии ИИ могут быть применены в процессе перевода с последующей редакцией переводчика, что возможно, поскольку специфика использования МП позволяет переводчику быть непосредственным участником процесса. Разработчики программ видеоперевода также утверждают, что корректура текста возможна на стадии создания субтитров. На практике получается, что участие переводчика даже в такого рода автоматизированных процессах, как перевод видео – возможно и необходимо для улучшения качества перевода аудиовизуальных произведений.

Решение применять технологии ИИ при переводе аудиовизуальных текстов или нет зависит от целей, которые преследуются (Скопос-теория). Так, например, если основная интенция перевода аудиовизуального произведения стоит в том, чтобы понять общее содержание, то в таком случае использование программ ИИ возможно. Если речь

идет о переводе нестандартизированных текстов, то прямое участие переводчика является обязательным условием при применении технологий ИИ в процессе осуществления перекодирования. Обусловлено данное обстоятельство рядом факторов. Во-первых, в настоящее время идентифицирована проблема, связанная с передачей и сохранением эмоциональной составляющей реплик исходного текста аудиовизуального произведения при применении видеопереводчиков. Во-вторых, технологии ИИ выполняют перевод без учета видеоряда, то есть осуществляется перевод реплик, сепарированных от того, что происходит на экране, что также недопустимо в аспекте АВП.

Иначе говоря, для выполнения качественного перевода аудиовизуального произведения с применением инструментов ИИ требуется постредактирование, в процессе которого будут внесены необходимые правки в текст на целевом языке.

В заключение проведенного анализа рынка современных технологий следует сказать о том, что применение инструментов на базе ИИ при переводе аудиовизуальных произведений невозможно без участия переводчика, поскольку финальный продукт требует постредактирования текста. Основные проблемы применения ИИ заключаются в том, что данные программы используют уже имеющиеся в свободном доступе примеры перевода, но сгенерировать перевод с учетом смысловой нагрузки текста, сюжета, видеоряда аудиовизуального произведения ИИ пока что не способен.

Литература

Remael A., Orero P., Carroll M. Audiovisual Translation and Media Accessibility at the Crossroads: Media for All 3. Hague: Rodopi, 2012.

Machine Translation Manifesto. URL: avteurope.org

E.A. Filatova (Moscow, Russia)

National Research University MPEI

MODERN AI TECHNOLOGIES IN AUDIOVISUAL TRANSLATION

The article dwells upon the study of modern AI technologies implementation in audiovisual translation. The objective of the research is to analyze modern AI technologies algorithm. This study identifies some prospects of applying innovative AI programs to audiovisual text translation.

Key words: audiovisual translation, modern technologies, artificial intelligence, machine translation, audiovisual texts

А.И. Чернышова (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
chernyhovaai@mgpu.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТА DEEPSEEK ПРИ ПЕРЕВОДЕ АБСОЛЮТНОЙ ПРИЧАСТНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Статья посвящена анализу способов перевода английских структур-носителей вторичной предикативности, а именно абсолютной причастной конструкции, на русский язык, и передаче их коммуникативной значимости. Проводится сопоставительный анализ профессионального антропогенного и интеллектуального перевода, выполненного при помощи чат-бота DeepSeek.

Ключевые слова: вторичная предикативность, абсолютная причастная конструкция, интеллектуальный перевод, искусственный интеллект

Данная работа выполнена в рамках одного из динамично развивающихся направлений лингвистических исследований – функциональной лингвистики и посвящена анализу предикативности в перспективе теории актуального членения. Главное направление исследования представляет комбинацию подходов: изучение коммуникативного потенциала абсолютной причастной конструкции (АК) в переводческой перспективе на основе сравнительно-сопоставительного анализа антропогенного и интеллектуального англо-русского перевода. Эмпирический материал составляет 100 предложений с использованием АК, их официальный перевод, представленный на сайте Inosmi и перевод, выполненный при помощи нейросети DeepSeek.

АК является придаточным предложением, и ее субъект не совпадает с субъектом главного предложения. Структура АК состоит из следующих компонентов: *with/once* + существительное в И.п./местоимение в И.п и В.п + причастие I (*being* может опускаться) / причастие II, ср.: *India boosted its Covid vaccine drive with 25 million shots administered on Prime Minister Narendra Modi's birthday* [The New York Times] *Индия усилила свою кампанию по вакцинации против Ковида, сделав 25 миллионов уколов в день рождения премьер-министра Нарендры Моди* (перевод наш – А.Ч.). В предложении АК вносит дополнительную информацию как о всей ситуации в целом, так и об отдельном компоненте предложения и выполняет различные обстоятельственные функции (обстоятельство времени, причины, образа действия, сопутствующего обстоятельства, уточняющего обстоятельства).

В современном мире искусственный интеллект (ИИ) приобретает все большее влияние. Разработанный компанией Open AI, Chat GPT получил мировое распространение благодаря умению моментально генерировать ответы на запросы пользователей. Однако для разработчиков по всему миру первоочередной задачей все еще является расширение функционала и обучение ИИ точности сгенерированных ответов. В конкурентной борьбе появляется большое количество чатов ИИ. Так, китайская компания DeepSeek представила одноименный чат-бот, который превосходит большинство существующих программ, учитывая Chat GPT.

В лингвистике ИИ достаточно широко исследуется: анализируются возможности использования программ нейронного перевода, применения чат-бота при обучении английскому языку и т.д. [Сулейманова 2020; Петрова 2022; Мазина 2023; Донина 2023]. Однако еще не представлено исследования, в котором проводится сравнительно-сопоставительный анализ англо-русского перевода, выполненного профессиональными переводчиками и перевода, выполненного при помощи чат-бота DeepSeek.

С точки зрения перевода тема-рематическая организация предложения имеет большое значение, это связано с необходимостью значительных структурных преобразований при переводе. В переводческой перспективе определение положения компонентов актуального членения (темы и ремы) в предложении представляется важной задачей. Учитывая типологические различия синтетического русского и

аналитического английского языка, наиболее адекватным переводческим решением будет изменение последовательности компонентов исходного предложения.

Как известно, передача предикативности на другой язык имеет ключевое значение для достижения адекватности перевода. Я.И. Рецкер отмечает, что АК представляет переводческую трудность, и может по-разному переводиться в зависимости от жанровых особенностей текста (деепричастным оборотом, самостоятельным предложением) [Рецкер 1953]. Схожий подход представлен в работе Е. В. Бреуса: автор рекомендует передавать АК на русский посредством деепричастного оборота или членения [Бреус 2001]. В.Н. Комиссаров относит АК к «специфической» структуре, и рекомендует использовать прием членения предложения, т.е. разворачивать АК в самостоятельное предложение [Комиссаров 2000]. В работе Н.Н. Беклемешевой отмечается, что АК может быть как темой, так и ремой. Основываясь на коммуникативной значимости полупредикативных структур, Н.Н. Беклемешева предлагает следующие способы перевода АК с английского на русский: тематическая АК может при переводе сохранять объем предикативности и сворачиваться в более компактную структуру в силу низкого коммуникативного статуса. Если АК является частью ремы, на русский язык она может переводиться при помощи структур-носителей аналогичного объема предикативности, но чаще всего разворачиваться в полную предикативную структуру. Редукция предикативности в рематической части русского высказывания не представляется возможной [Беклемешева 2011, 2021]. Однако на данный момент в учебных пособиях по переводу алгоритм перевода АК на русский язык с учетом всех значимых с точки зрения перевода факторов не представлен (за редким исключением) [Сулейманова 2010, 2015].

Результат сравнительно-сопоставительного анализа перевода эмпирического материала показал, что нейросеть успешно передает АК на русский язык с учетом актуального членения предложения лишь в 50% случаев. Рассмотрим следующий пример: *Russia has recently scaled up coronavirus testing (P), with Putin saying on May 11(T) that 196,000 tests are being conducted daily (P)* [The New York Times]. АК *with Putin saying* выполняет функцию сопутствующего обстоятельства и относится к тематической информации. В *последнее время Россия расширила масштабы тестирования (P), а Путин 11 мая заявил (T), что в стране каждый день проводится около 196 тысяч тестов (P)* [Inosmi]. АК представляет собой источник информации, который является фоновой информацией и, учитывая актуальное членение предложения, его необходимо представить в начале русского высказывания, ср.: *По заявлениям Путина (T), в последнее время Россия расширила масштабы тестирования (P): в стране каждый день проводится около 196 тысяч тестов (P)* [пер. мой: А.Ч.]. В переводе нейросети также наблюдается нарушение коммуникативной значимости высказывания: *Россия увеличила тестирование на COVID-19 (P): 11 мая Путин заявил (T), что ежедневно проводят 196 000 тестов (P)* [DeepSeek].

Таким образом, для достижения адекватного перевода при передаче носителей вторичной предикативности на другой язык необходим комплексный анализ струк-

туры АК с позиции актуального членения, что на данный момент чат-бот DeepSeek в полной мере представить не может. Исследование является перспективной областью для дальнейшего изучения.

Литература

Беклемешева Н.Н. Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода // Русистика и компаративистика. 2021. С. 297-315.

Беклемешева Н.Н. Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учебное пособие. М.: Изд-во УРАО, 2001.

Донина О.В., Рафаэльян В.А. Преимущества и недостатки Chat GPT в преподавании английского языка // Система непрерывного филологического образования: школа – колледж – вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования: сборник научных трудов по материалам XXIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Уфа, 19–20 апреля 2023 года. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2023. С. 269-271.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых: учебное пособие. М.: ЧеРо: Юрайт, 2000.

Мазина И.О., Власенко Н.И. Возможности использования Chat GPT для перевода научной литературы // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 996-999.

Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». М.: Языки Народов Мира, 2022.

Рецкер Я.И. Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Сулейманова О.А. Грамматические аспекты перевода: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова [и др.]. М.: Академия, 2010.

Сулейманова О.А. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.]. М.: Ленанд, 2015.

DeepSeek. URL: <https://chat.deepseek.com>.

Inosmi. URL: <https://inosmi.ru>.

Suleimanova O.A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4. № 4. Pp. 39-50.

The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com>

A.I. Chenyshova (Moscow, Russia)

Moscow City University

TRANSLATING ABSOLUTE PARTICIPLE CONSTRUCTION WITH DEEPSEEK CHAT-BOT

The article focuses on translation methods applicable to English secondary predicative structures, specifically absolute participle construction, relying on its communicative relevance in the text. The article provides comparative analysis of professional human translation and intellectual translation presented by DeepSeek chat-bot.

Key words: secondary predication, absolute participle construction, intellectual translation, artificial intelligence

Ю.М. Шемчук (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
shemchuk.j@mail.ru

О.И. Захаров (Москва, Россия)

Государственный университет просвещения
vip.oleg.zakharov1995@mail.ru

ХЕШТЕГ КАК ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В ЯЗЫКЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена описанию хештега как результата процесса концептуализации информации. Новизна работы заключается в рассмотрении хештега в качестве полисинтетической номинации языка цифрового общества. На примерах из русскоязычного, англоязычного и немецкоязычного сегментов виртуального пространства раскрывается универсальность полисинтетического характера хештега.

Ключевые слова: хештег, цифровая лексическая единица, полисинтегизм, номинация, полисинтетическая номинация

Слово «хештег» пока не получило общепризнанной дефиниции, хотя, на первый взгляд, английское происхождение композита «a hashtag» и перевод его компонентов на русский язык как «решетка» (hash) + «метка» (tag) должно было прояснить семантику лексемы. Однако, например, англоязычный словарь Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary 2024] понимает под хештегом только символ # на клавиатуре телефона или компьютера, используемый в социальных сетях для описания общей темы или другого поста/сообщения. Словарь Merriam Webster [Merriam Webster 2024], на наш взгляд, полнее раскрывает природу данного явления, поскольку дефинирует хештег как слово или фразу, которой предшествует знак #, классифицирующий или категоризирующий последующий текст.

Существуют также разные подходы к анализу хештегов. В интернет-коммуникации, по утверждению, например, С. Н. Федорченко, хештеги представляют особый тип «больших данных» (Big Data), т.е. особую разновидность специальных методов и инструментов по обработке огромного массива информационного контента [Федорченко 2019]. Л. С. Патрушева описывает хештегирование как новый коммуникативный процесс, при этом называет его «дискурсивным явлением, так как данный процесс представляет собой совокупность взаимосвязанных речевых действий коммуникантов, как спонтанных, так и управляемых, результатом которых является достижение определенной коммуникативной цели» [Патрушева 2018: 472]. М.Е. Кайгородова предлагает рассматривать хэштег как новый тип медиадискурса [Кайгородова 2015].

Последние исследования 2024 года определяют хештег как цифровую лексическую единицу, подверженную процессу языковой компрессии [Алексеев, Ленец

2024] и как интегрированную номинацию в интернет-пространстве, которая в свою очередь является разновидностью графодеривата [Никитина, Гареева 2024]. Факт признания хештега лингвистическим феноменом дает право применять для его анализа лингвистические методы.

Цифровой характер хештега объясняется цифровой средой его существования. Почти все онлайн-сервисы, прежде всего социальные сети, используют хештеги как своеобразные ссылки, переход по которым позволяет в любой момент времени найти нужную информацию. Хештег представляет собой своеобразный результат процесса концептуализации информации.

В результате исследования структуры хештегов было установлено, что все хештеги делятся на однословные хештеги, хештеги-словосочетания и хештеги-предложения. Хештеги-словосочетания и хештеги-предложения пишутся слитно, а значит по форме являются единым целым и, уподобляясь слову, выполняют номинативную функцию. Это сложные феномены, образованные путем слияния отдельных слов словосочетания или предложения, которые можно считать полисинтетическими номинациями (см. подробнее об узуальности и окказиональности полисинтетических номинаций в медиадискурсе [Шемчук, Захаров 2023] и о лингвокреативности как основе образования полисинтетических номинаций в англоязычном медиадискурсе [Захаров 2024] в работах авторов данной публикации).

Ниже представлены примеры, отражающие полисинтетический характер хештегов.

Полисинтетические хештеги-словосочетания

Примеры хэштегов русскоязычного сегмента сети Интернет

#СильныеИдеи [Телеграм-канал «Сильные идеи для нового времени» от 01.10.2024]

#социальная_поддержка [Телеграм-канал «Сильные идеи для нового времени» от 16.09.2024]

#МЫВМЕСТЕ [Телеграм-канал «Сильные идеи для нового времени», пост от 22.08.2024]

Примеры хэштегов немецкоязычного сегмента сети Интернет

#learninggerman [Janine and Gen. Youtube Shorts. 13. November, 2024]

#learningenglish [Там же]

#funfactshorts [@konofacts. Youtube Shorts . 26. November, 2023]

Примеры хэштегов англоязычного сегмента сети Интернет

#lovegoldens#funnypets [@animaldiary01, Youtube Shorts, October, 2024]

#jump rope # breakdance [@tva-zone, Youtube Shorts, October 1, 2024]

#photooftheday [Фотопшоп: стильные фильтры для стильных эффектов. Rutube 2024. <https://rutube.ru/video/a8fe7bacdba20dd59d77609e38c58f1d/?ysclid=m1rvxgr4u682188901>]

#shortsfeed [Ferrywill. Youtube Shorts. September 27, 2024]

#dancechallenge [Gado gado. Youtube Shorts. October 2, 2024]

#dancevideo [Pov Vanny. Youtube Shorts. September 27, 2024]

Полисинтетические хештеги-предложения

Примеры хэштегов русскоязычного сегмента сети Интернет

#СтрануМеняютЛюди [Telegram-канал «Сильные идеи для нового времени» от 01.10.2024]

#АСИрекомендует [Telegram-канал «Сильные идеи для нового времени», пост от 21.07.2024]

#КасаетсяКаждого #СвоихНеБросаем [Telegram-канал МГЕРМО пост от 30.09.2024]

Примеры хэштегов немецкоязычного сегмента сети Интернет

#DasLebenIstKeinPonyhof [<https://www.tumlook.com/tag/daslebenistkeinponyhof>]

#learn german [@dwelearn german. Youtube Shorts. 8.Februar,2024]

#deutschlernen [DeutschLera. Youtube Shorts. 15. April, 2024]

#daslebenistschön [<https://4k-video.ru/en/id-video/PwjJuUkHt4I/life-is-short-to-be-depressed>]

#didiyouknow [<https://blog.hootsuite.com/de/besten-tiktok-hashtags/>]

Примеры хэштегов англоязычного сегмента сети Интернет

#godislove [<https://4k-video.ru/en/id-video/PwjJuUkHt4I/life-is-short-to-be-depressed>]

#lifeisbeautiful [Там же]

#believeinyourself [Там же]

ImWithHer [<https://www.tumlook.com/tag/imwithher>]

Таким образом, приведенные примеры из русскоязычного, англоязычного и немецкоязычного сегментов виртуального пространства подтверждают универсальность полисинтетического характера хештегов языка современного цифрового общества.

Литература

Алексеев А.В., Ленец А.В. Коннотативно-прагматическое описание цифровой лексики в виртуальном пространстве: метод семантического дифференциала (на примере социально-политической кампании Black Lives Matter) // Язык и культура. 2024. № 67. С. 8-31.

Захаров О.И. Лингвокреативность как основа образования полисинтетических номинаций в англоязычном медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 2. С. 607-615.

Кайгородова М.Е. Хэштег как новый тип медиадискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Т. 13. 2015. С. 111-117.

Никитина А.Х., Гареева С.М. Разновидности интегрированных номинаций в интернет-пространстве // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: сборник научных трудов. Иркутск: Аспринт, 2024. С. 161-164.

Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2018. Т. 28. №3. С. 471-475.

Федорченко С.Н. Хэштеги в формировании политической повестки и методологический потенциал Big Data // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 14-26.

Шемчук Ю.М., Захаров О.И. Узуальность и окказиональность полисинтетических номинаций в медиадискурсе // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов

Международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 2023. С. 294-297.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

Merriam Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Yu.M. Shemchuk (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

O.I. Zakharov (Moscow, Russia)

State University of Education

HASHTAG AS A POLYSYNTHETIC NOMINATION IN THE LANGUAGE OF THE DIGITAL AGE

The article is devoted to the description of a hashtag as a result of the process of conceptualizing information. What is new is the consideration of the hashtag as a polysynthetic nomination in the language of the digital society. Due to the examples from the Russian, English and German-speaking segments of the virtual space the universality of polysynthetic character is revealed.

Key words: hashtag, digital lexical unit, polysynthesis, nomination, polysynthetic nomination

Н.В. Шилова (Ярославль, Россия)

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
n.shilovanina@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В NLP: ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В данной статье рассматриваются когнитивные аспекты взаимодействия между человеком и машиной в контексте искусственного интеллекта и обработки естественного языка (NLP). Анализируются основные этапы работы систем NLP, включая предварительную обработку данных, синтаксический, семантический и прагматический анализ, а также генерацию ответов. Особое внимание уделяется тому, как когнитивные процессы человека влияют на восприятие и интерпретацию машинных ответов.

Ключевые слова: обработка естественного языка, искусственный интеллект, синтаксический анализ, семантический анализ, прагматический анализ

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) и обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) открывают новые горизонты в области коммуникации между людьми и машинами. В последние годы наблюдается значительный прогресс в разработке алгоритмов, позволяющих компьютерам не только обрабатывать текстовую информацию, но и понимать ее смысл на более глубоком уровне [Шилова 2024]. Однако для достижения эффективного взаимодействия важно учитывать когнитивные аспекты человеческого восприятия языка, такие как восприятие, интерпретация и эмоциональная реакция на информацию. Данные аспекты включают не только распознавание слов, но и понимание контекста, интонации и эмоциональной окраски, что позволяет пользователю более точно

интерпретировать ответы системы. Контекстуальное понимание является ключевым элементом, позволяющим системам NLP учитывать намерения пользователя и адаптировать свои ответы в зависимости от ситуации. Эмоциональные нюансы, выраженные через коммуникативные частицы, подчеркивают важность интеграции когнитивных механизмов в разработку более интуитивных и адаптивных технологий, что не только улучшает качество взаимодействия, но и способствует созданию систем, которые более эффективно удовлетворяют потребности пользователей.

Обработка естественного языка работает по четырехэтапному процессу глубокого обучения, который основывается на процессах стандартного потока искусственного интеллекта, обеспечивая точное понимание текста и речи [Шилова 2024].

На первом этапе предварительной обработке данных текст должен быть организован, структурирован и упрощен для анализа, путем сегментации их на предложения и слова, категоризации функции каждого слова в предложении и удаления лишних символов или нерелевантной информации. Основные шаги предварительной обработки включают:

1) токенизация – разделение текста на более мелкие элементы, такие как слова или предложения. Например, предложение «*Сегодня хорошая погода*» разбивается на токены: «*Сегодня*», «*хорошая*», «*погода*»;

2) удаление стоп-слов – удаляя общие слова, система фокусируется на релевантной информации. Например, в фразе «*Я сейчас нахожусь в магазине*» ключевым сообщением становится «*магазин*»;

3) лемматизация – приведение слов к их начальной форме для унификации. Например, слова «*бегают*», «*бегал*» и «*бегущий*» будут преобразованы в «*бежать*»;

4) теги частей речи – определение грамматической роли каждого слова в предложении, помогая компьютеру понять грамматическую структуру. Например, в фразе «*Кошка быстро бежит*» слова могут быть помечены как «*Кошка*» – «*существительное*», «*быстро*» – «*наречие*», «*бежит*» – «*глагол*»;

5) сегментация – разделение текста на отдельные предложения для лучшего понимания. Например, текст «*Вечером пойдет дождь. Наденьте куртки!*» будет разбит на два предложения: «*Вечером пойдет дождь.*» и «*Наденьте куртки!*»;

6) изменение регистра – приведение текста к единому регистру для упрощения анализа. Например, фраза «*Привет, МИР!*» будет преобразована в «*привет, мир!*»;

7) исправление орфографии – корректировка ошибок в написании. Например, фраза «*Я хожу в шкоола*» будет исправлена на «*Я хожу в школу*»;

8) стемминг – сокращение слов до их корней без учета контекста. Например, слово «*прыжки*» может быть преобразовано в «*прыжок*»;

9) нормализация текста – приведение различных форм записи к стандартному виду. Например, выражения «*мобильный телефон*», «*мобилка*» и «*телефон*» могут быть унифицированы как «*мобильный телефон*».

На втором этапе разработки алгоритма с предварительно обработанным текстом применяются два основных типа алгоритмов: системы, основанные на правилах, где

алгоритмы функционируют в соответствии с установленными лингвистическими нормами, что позволяет им распознавать определенные языковые шаблоны, такие как расположение прилагательных перед существительными, и системы, основанные на машинном обучении, где динамические алгоритмы обучаются на основе примеров, что предоставляет им возможность адаптироваться к различным контекстам.

На третьем этапе разработки алгоритмов обработки естественного языка осуществляется комплексная обработка данных, позволяющая глубже понять текстовую информацию с точки зрения ее грамматической структуры, семантического содержания и контекстуальных взаимосвязей. Этот этап включает в себя три ключевых анализа: синтаксический, семантический и прагматический, которые совместно формируют основу для адекватной интерпретации языковых данных, обеспечивая NLP более полное понимание нюансов человеческого общения.

Синтаксический анализ представляет собой структурный подход к изучению языка, аналогичный архитектурному проектированию. Он включает в себя следующие методы:

- синтаксический разбор – процесс, в ходе которого предложение разбивается на его составные элементы для выявления грамматических взаимосвязей;
- сегментация слов – разделение текста на отдельные лексемы или термины;
- разбиение предложений – разделение текста на отдельные предложения;
- морфологический анализ – анализ структуры отдельных слов, например, разложение слова «недовольство» на морфемы «не-», «довольный» и «-ство».

Семантический анализ углубляется в интерпретацию значений языковых единиц и включает несколько ключевых процессов: разрешение многозначности, которое определяет конкретное значение слова в зависимости от контекста; распознавание именованных сущностей (NER), задача идентификации и классификации таких сущностей, как имена людей, географические названия или временные обозначения; а также генерацию естественного языка, которая заключается в создании связного текста на основе данных.

Прагматический анализ представляет собой более глубокий уровень исследования языка, сосредотачиваясь на контексте использования слов и фраз. Он учитывает намерения говорящего, интонацию и культурные особенности общения. Для достижения этой цели NLP применяет алгоритмы, которые анализируют дополнительные данные, такие как предшествующие реплики в диалоге или социальный контекст.

На четвертом этапе реагирования в рамках NLP осуществляется интеграция двух ключевых компонентов: генерации токенов, заключающейся в выборе наиболее релевантных лексических единиц, соответствующих запросу пользователя (например, *на вопрос о погоде модель может генерировать токены «погода», «солнечно» или «температура»*), и понимания контекста, включающее анализ семантических и грамматических аспектов запроса, а также интерпретацию намерений пользователя (например, *на вопрос «Какая погода?», модель понимает, что речь идет о текущих метеорологических условиях для конкретного места.*)

Сгенерированные токены и контекстуальные интерпретации далее синтезируются в связное предложение на естественном языке, которое передается пользователю через программную систему. Важным аспектом данного процесса является непрерывный мониторинг качества создаваемых ответов. Оцениваются такие показатели, как беглость, точность и релевантность предоставленной информации. В случае выявления аномалий, приводящих к отклонению качества от установленных стандартов, может потребоваться вмешательство человека для повторной калибровки системы, обеспечивая постоянную эффективность в генерации естественных разговорных ответов.

Кроме того, следует отметить, что для передачи дополнительных значений, эмоций или оттенков в общении употребляются коммуникативные частицы, которые не изменяют основное содержание сообщения. Они могут включать в себя такие элементы, как модальные слова (например, *«может быть»*, *«возможно»*), усилители (например, *«очень»*, *«действительно»*), а также различные междометия и вводные конструкции (например, *«знаете»*, *«как бы»*). Данные частицы играют важную роль в репрезентации дополнительной информации, так как они помогают уточнить намерения говорящего, выразить степень уверенности или сомнения, а также передать эмоциональную окраску высказывания [Купцов 2021; Купцов, Шилова 2024]. Например, использование частицы *«возможно»* может сигнализировать о неопределенности, в то время как *«определенно»* указывает на уверенность. Следовательно, коммуникативные частицы обогащают текст, делая его более выразительным и контекстуально насыщенным, что особенно важно в системах обработки естественного языка для адекватного понимания и генерации ответов.

Таким образом, исследование когнитивных аспектов взаимодействия между человеком и машиной подчеркивает важность интеграции знаний о человеческом восприятии языка в разработки систем искусственного интеллекта. Эффективная обработка естественного языка требует не только технических достижений, но и глубокого понимания того, как люди воспринимают и интерпретируют информацию. Учитывая эти аспекты, можно создать более адекватные и релевантные системы общения, способные не только отвечать на запросы, но и учитывать контекст, эмоциональные нюансы и потребности пользователей.

Литература

Купцов А.Е., Шилова Н.В. Дидактический функциональный диапазон дискурсивных маркеров в художественном дискурсе при обучении студентов языковых специальностей // Словарь. Лингвокультура. дискурс: коллективная монография: в 2 т. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024. С. 150-158.

Купцов А.Е. Коммуникативные частицы как языковые средства репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе: на материале английского, испанского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2021.

Шилова Н.В. Эффективность нейросетевых моделей в обучении иностранным языкам // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-1. С. 369-372.

N.V. Shilova (Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

COGNITIVE MECHANISMS IN NLP: UNDERSTANDING LANGUAGE THROUGH THE LENS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

This article examines the cognitive aspects of human-machine interaction in the context of artificial intelligence and natural language processing (NLP). The main stages of NLP systems are analyzed, including data preprocessing, syntactic, semantic, and pragmatic analysis, as well as response generation. Special attention is paid to how human cognitive processes affect the perception and interpretation of machine responses.

Key words: natural language processing, artificial intelligence, syntactic analysis, semantic analysis, pragmatic analysis

E.L. Iarkova (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

e.l.yarkova@utmn.ru

COGNITIVE APPROACHES TO COMMUNICATION: USING AI TO DEVELOP SPEAKING SKILLS

This study examines how AI tools combined with cognitive approaches to communication can improve university EFL students' speaking skills. The results show how AI enhances cognitive functions, personalized learning, and engagement in communicative tasks. According to the findings, AI can facilitate meaningful conversations and better prepare students for the communication challenges of the future.

Key words: cognitive approaches, speaking skills, communication

In today's interconnected world, foreign language education at the university level is about much more than learning to speak another language. It helps students acquire essential skills for success in both their personal and professional lives. To prepare students for life and work in today's rapidly changing environment, language education must evolve. As Betsy Parrish, a professor of ESL/EFL teacher education, notes, "There is a global trend to move beyond 'language' in the language classroom" [Parrish 2018]. We should be teaching students how to use language in academic and professional contexts, not just grammar and vocabulary. This includes skills such as effective communication and critical thinking.

This article explores how cognitive approaches to communication can help students become more proficient speakers. To overcome the difficulties of maintaining student engagement and English interaction in the classroom and at home, it also looks at how Artificial Intelligence (AI) can be a valuable tool in this learning process.

Lolitha Tika Dewi Amelia and Nadira Rania Balqis write that "the transformation of communication patterns in the digital age has brought about significant changes in the way we interact and exchange information" [Tika Dewi Amelia, Rania Balqis 2023: 545]. Digital platforms facilitate real-time communication and provide instant feedback. Social media has changed informal communication practices, forcing students to navigate

multiple registers and understand the nuances of online interactions. Asynchronous communication challenges students to formulate clear and contextually relevant messages. The digital environment promotes global communication, encouraging students to collaborate with peers from different cultural backgrounds and enhancing their intercultural competence. In addition, the diversity of viewpoints on the Internet inspires students to engage in thoughtful debate and consider issues from multiple perspectives. Consequently, university EFL teachers should take these developments into account in order to help students adapt their communication styles to real-life situations.

Cognitive research plays an important role in understanding learning in digital contexts and assists EFL educators in developing effective teaching strategies. As technology advances, this research informs how students interact with digital tools and facilitates the creation of curricula that consider cognitive load and student engagement. The cognitive approach to communication is explored through Storkerson's perspective, which views communication as a set of challenges, rewards, and resources that engage and guide the recipient's perception, thought processes, reasoning, recognition, and memory, rather than simply the transmission of information [Storkerson 2002].

Nikolay N. Boldyrev and other cognitive linguists stress the importance of mental models and schemata in language acquisition. According to Boldyrev, the cognitive perspective sees language as a cognitive ability inherent in humans that helps them survive, adapt, navigate, and grow in both the physical and social aspects of their environment [Boldyrev 2020: 6]. The cognitive perspective on language acquisition emphasizes the mechanisms by which individuals assimilate information and gain understanding, focusing on essential concepts such as:

- Mental models: Internal representations of knowledge that help learners organize their thoughts and communicate effectively.
- Schema theory, which suggests that knowledge structures shaped by past experience help interpret messages.
- Metacognition: Awareness of one's own cognitive processes allows for self-regulation.

In order to develop students' speaking skills, EFL teachers should be aware of the different cognitive functions that enable their learners to process information and interact. These are perception, attention, memory, language, thinking, and problem solving. "Language is a complex cognitive function that allows us to communicate thoughts, ideas, and emotions," say Enoch and Olywaseyi. The processes involved include language production, comprehension, and acquisition [Enoch, Olywaseyi 2024: 7].

EFL students often face different problems at different stages of their language development. When learning a foreign language, people tend to process their thoughts in their native language, which can limit their ability to "mentally manipulate" information efficiently or convey ideas accurately. Other issues include:

- Differences in skill levels among students in a group: This gap can lead to reluctance to express thoughts.

- Lack of authentic speaking environments: Limited use of English lowers motivation.
- Anxiety and confidence issues: Fear of misinterpreting communication goals, as well as uncertainty between speaking proficiently and interacting successfully, limit active engagement.
- Speaking test preparation: Students often rely on rote memorization rather than natural expression.

To address these challenges, EFL instructors at the Center for Languages and Communication are researching strategies to improve students' speaking skills and to more reliably assess speaking proficiency. The oral test requires students to deliver a monologue and a dialogue on topics covered in the course. In my research, I designed speaking exercises and problem-solving scenarios to promote meaningful communication and opinion-sharing among students, rather than memorizing information. I conducted an action study to better understand how incorporating artificial intelligence can improve cognitive processes prior to oral assessment. This study focused on first- and second-year university students with varying levels of English proficiency. In addition to completing a survey, participants were required to practice speaking with a variety of AI tools for seven days. They were also asked to record their conversations and provide feedback.

The survey results showed that approximately 26.4% of respondents use AI tools for speaking practice daily, and another 26.4% use them weekly. Approximately 34% use them rarely, while 9% have never used AI tools. Of the participants, 45.3% were satisfied with AI tools for improving speaking skills; 19% were very satisfied, while 32% were neutral. Most respondents (56.6%) found AI to be effective in improving their speaking skills. Effective tools included chatbots such as Replika and Smalltalk2me (56.6%), speech recognition software (50.9%), and online pronunciation tools such as Forvo.

Based on student feedback, several strategies have been developed:

- AI-assisted homework: Assigning activities that involve conversations with AI as a peer partner.
- Gamified AI tools: Introducing interactive tools that encourage storytelling or timed challenges.
- Personalized assessment: Use AI to provide quick feedback on pronunciation and grammar.

Our research shows that artificial intelligence enhances cognitive methods by providing personalized learning experiences tailored to each learner's unique needs. Students benefit from adaptive learning because AI applications encourage self-regulation and facilitate systematic communication practice.

Considering the cognitive part of language acquisition and the studies conducted, we can make some practical recommendations for using AI to combine communicative and cognitive techniques.

Talkpal can be used as a language tutor. Students are better prepared for real-life interactions by participating in realistic dialogues. As students gain the ability to think and

react quickly in conversation, regular participation in dialogues promotes fluency.

Replika allows students to improve their conversational English through emotional connection and rapid feedback. This technique helps them think critically about their responses while developing their language skills in a stress-free atmosphere. By participating in a dialogue with Replika, students use their prior understanding of conversational norms to improve their cognitive models of communication.

Digital Identity (DiD) agents can serve as personal assistants. Students can download articles to provide the agents with the necessary knowledge for discussion. They learn to connect with these characters to improve their storytelling skills and tap into their natural creativity.

Smalltalk2me uses AI-generated prompts to encourage meaningful conversations between people. Students use a cognitive method to develop their English speaking and writing skills by responding to these prompts. By activating relevant schemas, they can better communicate their ideas and develop logical arguments.

ELSA Speak is an example of speech recognition technology that can help you develop your spoken English skills. As students improve their pronunciation, they gain confidence in speaking, which motivates further practice. By focusing on individual sounds, students can overcome their specific pronunciation problems.

Speech Coach– Orai encourages students to evaluate their own performance by allowing them to review their recordings and identify areas for development. As students see their progress over time, their confidence in their speaking abilities grows, motivating them to take on more challenging speaking assignments.

In conclusion, integrating cognitive approaches with AI tools can significantly improve EFL students' communication skills. The findings suggest implications for EFL teaching practices, including incorporating AI applications into curricula for personalized learning experiences and promoting self-regulation. By combining AI with cognitive communication techniques, educators can create engaging and effective language learning environments that prepare students for their academic and professional futures in an increasingly digital world.

References

- Enoch O., Oluwaseyi J.* Cognitive Psychology Article. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/385884965_Cognitive_Psychology
- Boldyrev N.N.* Cognitive Approach in Linguistics and Related Areas of Research // *Voprosy Kognitivnoy Linguistiki*. 2020. № 2. Pp. 5-25.
- Parrish B.* Addressing 21st-Century Skills from the Start. 2018. URL: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2018/04/19/21st-century-skills/>
- Storkerson P.* Information and Cognitive Process: A Communication Theory for Design. 2002. URL: <https://dl.designresearchsociety.org/drs-conference-papers/drs2002/researchpapers/76>
- Tika Dewi Amelia L., Rania Balqis N.* Changes in Communication Patterns in the Digital Age // *ARRUS Journal of Social Sciences and Humanities* 2023. Vol. 3. № 4. Pp. 544-556. URL: https://www.researchgate.net/publication/375046859_Changes_in_Communication_Patterns_in_the_Digital_Age

Е.Л. Яркова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К КОММУНИКАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В данном исследовании рассматривается, как инструменты искусственного интеллекта в сочетании с когнитивными подходами к коммуникации могут совершенствовать навыки разговорной речи студентов, изучающих английский язык в университете. Результаты показывают, что ИИ способствует улучшению когнитивных функций, персонализированному обучению и повышению вовлеченности в коммуникативные задачи. Согласно полученным данным, ИИ может способствовать более содержательному общению и лучше подготовить студентов к будущим коммуникативным вызовам.

Ключевые слова: когнитивные подходы, разговорные навыки, коммуникация

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.В. Алешникова (Москва, Россия)

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
vvaleshnikova@yandex.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Статья посвящена вопросу языковой интерференции в педагогическом дискурсе на примере преподавания русского языка как иностранного турецким гражданам. Рассмотрены типичные ошибки турецких студентов на уровне А1, порождаемые языковой интерференцией.

Ключевые слова: педагогический дискурс, языковая интерференция, преподавание в иноязычной аудитории, агглютинативный язык

Педагогический дискурс, как особый вид институционального общения, направлен на интеграцию нового поколения в общество путем усвоения ими ценностей, норм поведения, традиций и системы знаний, формирующих культурное наследие и коллективную идентичность его членов [Карасик 2023: 119-120]. Педагогический дискурс в контексте обучения ИЯ целесообразно рассматривать с трех позиций: 1) «собственно педагогический» – является результатом речевой деятельности обучающего и обучающихся (уровень среднего образования); 2) «академический» – обуславливает коммуникацию студентов и преподавателей (уровень высшего образования); 3) «учебный» – раскрывает особенности моделирования коммуникативной ситуации, с анализом и рефлексией конкретных этапов занятия, трудностей и адаптации материала к уровню владения ИЯ обучающихся [Карасик 2023: 121].

В данной статье внимание сконцентрировано на рассмотрении особенностей педагогического дискурса в рамках обучения русскому как иностранному (далее – РКИ) турецких студентов без языка-посредника. Преподаватель РКИ реализует ряд целей: сформировать лингвистическую и языковую компетенцию у обучающихся (овладение студентами теоретическими знаниями об иностранном языке и практическими умениями), сформировать коммуникативную компетенцию (использование языка в соответствии с коммуникативной ситуацией, корректное и уместное речевое поведение) и выработать культурологическую компетенцию (погружение в культуру изучаемого (русского) языка и преодоление культурного барьера в коммуникации) [Левина 2022: 16-20]. Преподавателю необходимо учитывать отсутствие языка-посредника и уровень владения РКИ студентами, регулярно искать эффективные коммуникативные инструменты для осуществления профессиональной деятельности. Важно отметить, что преподаватель РКИ должен учитывать языковую интерференцию, проявляемую на всех возможных языковых (фонетический, грам-

матический, лексический, стилистический и т.д.) и неязыковых уровнях (культурный, этический и др.).

Вопросы интерференции при обучении РКИ рассматриваются в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, т.к. языковое явление анализируется с точки зрения когнитивной и коммуникативной функций. Происходит обращение к «лингвоаксиологическому аспекту анализу дискурса» путем трансляции ценностно-ориентированного опыта субъекта педагогического дискурса через призму специальных языковых средств [Тивьяева 2023: 152]. Под интерференцией мы понимаем взаимодействие и взаимовлияние разных языков в условиях освоения норм одного языка и воздействия другого языка. Иными словами, происходит «отклонение от нормы в изучаемом языке под влиянием ранее изученного языка» [Матюшина 2023: 26]. Учет языковой интерференции позволяет преподавателю выявить некоторые особенности, «предупредить» и «обойти» потенциальные сложности при обучении студентов.

Швейцарский ученый Fuster выделяет новую теорию «педагогического транслингвизма», согласно которой, учителя могут помочь ученикам осознать сходства между их языками, используя эти сходства как ресурс или творческую стратегию для создания позитивных условий для изучения иностранного языка [Fuster 2022: 45-60]. Следовательно, для осуществления эффективной профессиональной коммуникации преподавателю РКИ необходимо адаптировать содержание своей дидактической речи с учетом проявления языковой интерференции и уровня владения студентами РКИ. Это позволит помочь студентам лучше понять и освоить русский язык. В первую очередь, важно осознать ключевые различия между языками студентов и изучаемым языком, т.е. провести сопоставительный анализ специфики двух языков [Абаева 2022: 109]. Преподавателю следует регулярно иллюстрировать различия между русским и родным (турецким) языком (далее – ТЯ), чтобы избежать потенциальных ошибок ввиду языковой интерференции.

ТЯ относится к группе тюркских языков, что вызывает большое количество ключевых особенностей. 1) ТЯ – агглютинативный (язык основывается на образовании новых слов при помощи присоединения фактически неизменяемых морфем друг за другом). Это отличие будет регулярно влиять на освоение русского языка; 2) ТЯ имеет фиксированное ударение на последний слог; 3) предложение строится по схеме SOV (подлежащие, дополнение и сказуемое, т.е. глаголы появляются в самом конце); 4) категория рода отсутствует в ТЯ (одно местоимение для всей группы 3-го лица единственного числа) [Хабибуллина 2021: 35].

В ходе стажировки, организованной Россотрудничеством, были выявлены и проанализированы основные проблемы тюркоязычных студентов при изучении РКИ на уровне А1. Большая часть затруднений вызвана языковой интерференцией, в особенности на лексико-грамматическом уровне. Рассмотрим некоторые проявления:

1. В ТЯ отсутствует категория рода. Существует лишь местоимение «о», означающее «он», «она», «оно». Отсюда и регулярные ошибки «Моя папа», «я рада» (говорит мужчина). 2. В ТЯ нет предлогов, но есть падежный аффикс, своеобразный

послелог. Например, чтобы сказать «в Анкаре», к слову *Ankara* в конце прибавляется падежный аффикс *da* – *Ankara'da*. В РЯ переносится ошибка, в которой игнорируется предлог: «Я Анкара», «я Турции». 3. ТЯ характеризуется полисематичностью. Например, глагол *bozmak* выражает значения целого ряда глаголов: «нарушать», «расстраивать», «повредить», «портить», «ухудшать». Действуя по такому принципу, студенты допускают ошибку в русских глаголах: например, «ехать на самолете». 4. В ТЯ распространено сочетание глагола и имени. Например, глагол «разъяснять» – *izah etmek* состоит из существительного *izah* – «разъяснение» и глагола *etmek* – «делать». В РЯ турецкие студенты используют глагол «делать» в сочетании с инфинитивом смыслового глагола: например, «я делал плавать». 5. В ТЯ отсутствует согласование имен числительных в падеже и числе с существительными, т.е. перед существительным ставится начальная форма числительного. А само числительное не меняет падежа и числа. Например, «две кошки» – *iki kedi* (дословно «два» «кошка», форма множественного числа *kediler*). В РЯ появляются ошибки: «у меня есть три кошка». 6. Турецкие студенты привыкают к тому, что в отрицании перед русским глаголом появляется отрицательная частица «не», по этой причине студенты ее интегрируют во фразу «меня не есть». Предлог отсутствует по причине нетипичности для турецкого языка. На уровне лексики и грамматики, преподавателю целесообразно регулярно ориентироваться на тот лексический минимум, который введен к настоящему моменту. Преподаватель должен владеть азами грамматики родного языка студентов, чтобы предупредить потенциальные ошибки студентов.

В рамках педагогического дискурса ведущей стратегией преподавателя РКИ является императивная стратегия, которая предполагает организацию всех этапов процесса обучения. Она осуществляется при помощи определенных тактик, включая концентрацию внимания, стимуляцию физической и умственной активности, установление и поддержание речевого контакта, а также контроль над деятельностью учеников [Антонова 2007: 30]. Однако при реализации данной стратегии в условиях столкновения с языковой интерференцией на первый план выходят тактика выявления проблемных вопросов, поддержки обучающихся и организационно-процедурная тактика. Преподаватель РКИ будет изменять свою речь, чтобы помочь обучающимся преодолеть трудности. Например, регулярно демонстрировать в своей речи различия, касающиеся категорий рода и предлогов. При этом важно уделять внимание правильному сочетанию глаголов и существительных, использованию отрицательных частиц, поддерживать студентов в развитии навыков использования сочетаний в речи. Преподавателю РКИ нужно подчеркивать корректное согласование числительных в падеже и числе с существительными в русском языке. И регулярно выполнять фасилитацию по поддержке студентов во время коррекции ошибок, вызванных языковой интерференцией. В целом, дидактический компонент педагогического дискурса обусловлен целенаправленной активностью, т.к. ему присущи осознанность, интенциональность, ясность, эмоциональность, убедительность, содержательность, обращенность и результативность. Все это мотивирова-

но необходимостью поддержания иноязычной коммуникации на протяжении всего занятия с воздействием на эмоциональное состояние обучающихся для усвоения новой информации об ИЯ, приобретения знаний, умений и навыков.

Описанные личные наблюдения проявления языковой интерференции в иноязычной аудитории подтверждают, что влияние родного языка на изучаемый иностранный язык может привести к ошибкам и неправильному усвоению материала. Изучение языковой интерференции в педагогическом дискурсе при преподавании ИЯ позволяет преподавателям более качественно реагировать на возникающие трудности и обеспечить эффективное обучение. Для предупреждения неверного употребления слов и грамматических конструкций, произношения и т. д. необходима адаптация дидактической речи преподавателя на всех уровнях языка.

Литература

Абаева Е.С. Специфика современных исследований сопоставительного характера // Филологическое обеспечение профессиональной деятельности учителя английского языка и русского языка как иностранного: сборник научных статей. Вып. 1. М.: Языки Народов Мира, 2022. С. 106-113.

Антонова Н.А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.

Карасик В.И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2 (50). С. 118-129.

Матюшина Н.В., Нерсесова Э.В. Грамматическая и лексическая интерференция в письменной научной коммуникации // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 2 (38).

Лёвина Г.М. Специфика преподавания РКИ в цифровую эпоху: в 2 ч. Ч. 1. Уровень А1: монография. М.: АйПиАр Медиа, 2022.

Тивьяева И.В., Нерсесова Э.В. Развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследованиях отечественных лингвистов (на материале защит кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете Д 850.007.08) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. 4 (52). С. 149-157.

Хабибуллина Э.К., Махаров С.Н. Турецкий литературный язык и его функциональные особенности // Тюркологические исследования. 2021. № 2. С. 34-42.

Fuster C. Lexical Transfer in Pedagogical Translanguaging: Exploring Intentionality in Multilingual Learners of Spanish: PhD dissertation. Department of Education, Stockholm University, 2022. URL: <https://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:su:diva-200565>

V.V. Aleshnikova (Moscow, Russia)

*Bauman Moscow State Technical University
Moscow City University*

PEDAGOGICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF LANGUAGE INTERFERENCE

This article investigates into the issue of language interference in pedagogical discourse using the example of teaching Russian as a foreign language to Turkish citizens. The article discusses the typical mistakes of Turkish students caused by language interference.

Key words: pedagogical discourse, language interference, teaching foreigners, agglutinative language

А.А. Анков (Екатеринбург, Россия)

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
a.ankov@mail.ru*

КОНЦЕПТ ИНВЕКТИВА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт ИНВЕКТИВА является объектом междисциплинарного исследования, в первую очередь, в исследовании лингвистики и социологии. Помимо речевой агрессии инвектива включает такие характеристики, как гендер, возраст, социальный статус и табуированность.

Ключевые слова: инвектива, агрессия, табуированность, социальное поведение, агрессия

В исследованиях речевой агрессии центральное место занимает концепт ИНВЕКТИВА, который включает лингвистические и нелингвистические (морально-этические, юридические, социологические и т.п.) характеристики. Данный концепт является междисциплинарным феноменом, при изучении которого исследователь должен обладать знаниями из разных гуманитарных областей. Так, например, лингвистическими методами проблематично определить, какое слово (без учета социальных характеристик адресанта и адресата) можно считать оскорбительным. Доминирующей концептуальной характеристикой при речевой агрессии говорящего оказывается табуированность, которая связана с пониманием того, что инвектива – это такой пласт лексики, который запрещен к употреблению; соответствующие языковые единицы обнаруживаются в специализированных словарях или же в национальных словарях, но с пометами «бран.», «сниж.» и т.д. Ученые считают, что тут возникает проблема степени тяжести оскорбления с точки зрения законодательства и моральных принципов, что также приводит к разности в подходах определения степени инвективности слова [Стернин 2011: 57]. Последняя также сопряжена с тем, что инвектива обладает четко выраженной отрицательной коннотацией, но размытым денотатом, поэтому этого инвектива может употребляться в различных ситуациях и соотноситься с различными объектами.

На основе материала русского и французского языков определена номенклатура инвективной лексики, которая подразделяется на такие категории, как «части тела человека», «сексуальная жизнь человека», «продукты жизнедеятельности человека», «умственные способности человека». Однако наиболее широко представлена классификация оскорблений Гильдии экспертов-лингвистов ГЛЭДИС [Гильдия экспертов-лингвистов ГЛЭДИС].

Наиболее крупной концептуальной областью, сопряженной с концептом ИНВЕКТИВА, оказывается область социологии. Такое взаимодействие осуществляется на основе концептуальных характеристик «маскулинность», «агрессия», «статус» и «возраст».

«Маскулинность» – характеристика концептуального пространства СОЦИОЛОГИЯ отражает знание того, что инвектива ассоциируется с разрушительной силой. Последняя характерна и для женщин, выражающих агрессию и отрицательные эмоции при помощи инвективных слов. Г.В. Барышникова пишет: «Несмотря на это,

женщина, употребляющая брань, воспринимается через призму своего гендерного статуса, который в последнее время в различных лингвокультурах размывается, когда представительницы женского пола не гнушаются использовать все многообразие инвективного словаря» [Барышникова 2004: 4]. Сажина утверждает: «Зачастую подобное имеет место в бытовой и семейной жизни; когда супруги недовольны друг другом (поведением), не выдерживают нервы, «взрываются» и покрывают друг друга бранными, грубыми, нецензурными, матерными, ругательными и непечатными словами» [Сажина 2005: 4]. Сегодня можно сказать, что наметилась тенденция у женщин даже с высшим образованием и высоким социальным статусом употреблять в своем нарративе непечатные и obscene языковые единицы разного формата. Это обусловлено тем, что в современном мире возрастает фрустрация, когда женщине необходимо успокоить свои нервы.

С точки зрения агрессивного поведения мужчин, по мнению В.И. Желвиса, такое поведение предопределено социально-историческими причинами доминирования мужчин (male domination) в обществе, и социологи устанавливают прямую связь между obscene лексикой и степенью доминирования личности в социуме. Ученый утверждает, что мужчина часто вынужден проявлять агрессию по отношению к окружающим, которые подвергают сомнению его самоуважение [Жельвис 1991: 69]. С. Пашутин пишет: «Женщины, наоборот, испытывают смущение, если приходится проявлять агрессию на людях. Мужчины предпочитают роли, в которых требуется проявление агрессии (в военной или спортивной областях), для большинства же женщин агрессивность абсолютно неуместна (например, мать, секретарша, учительница). Из сказанного можно сделать вывод, что эмоции и чувства у мужчин и женщин одинаковы, но в связи с их гендерными ролями выражаются по-разному» [Пашутин 2009: 29]. На этот факт указывает В.И. Желвис: «там, где мужчины прибегают к obscene языковым единицам, женщины, как правило, выбирают эвфемизмы и более мягкие обороты или внешне очень скромно звучащие междометия» [Жельвис 1991: 69]. Соответственно, одно и то же свое эмоциональное состояние представители разных полов (без учета индивидуальных особенностей каждого индивидуума) выражают при помощи разных obscene языковых единиц. Ученый также отмечает следующую диспропорцию: во всех лингвокультурах более свободно obscene лексику употребляют индивидуумы, наделенные определенной властью (позволяют себе), индивидуумы в подчиненном состоянии ограничивают себя в речевой агрессии [Там же].

И.В. Талина считает, что «... гендерная роль – это поведение мужчины и женщины, подчиненное особым социальным установкам, на которые оказывается давление со стороны общества и социума, в котором они живут. Это ярко выражается, например, во внешнем виде, манере поведения, характеристиках речи и т.д.» [Талина 2010: 18]. Женская гендерная роль предписывает слабому полу быть внимательной к проблемам близких, позволяя себе иногда выпустить пар. Р. Guiraud пишет: «Маскулинная гендерная роль требует активности, агрессивности, доминирования, амбициозности, что провоцирует огромное количество стереотипов по отношению к женщинам, которая по своей природе не может быть дерзкой и резкой» [Guiraud 1975: 38].

Концептуальная характеристика – социальный статус, отражающий знание о состоянии или положении, которое сложилось у индивидуума в обществе. Считается, что именно деклассированные элементы общества активно употребляют обценные и нецензурные языковые единицы, а также жаргонизмы. Во всех лингвокультурах является зазорным, когда индивидуум позволяет себе нецензурную брань; об этом свидетельствует анализ художественной литературы (например, цикл романов французского писателя Жана Жене).

Характеристика «агрессия» является результатом концептуализации ситуации, в которой враждебность проявляется в своей острой фазе. Многие исследователи конфликта приводят различия в агрессии через пол индивидуума; мужчинам агрессия свойственна; в определенных формах приветствуются ситуации, когда положение и самоуважение мужчины подвергается сомнению, что вынуждает его прибегать к речевой агрессии по отношению к окружающим. Например, эта характеристика свойственна военной, спортивной, тюремной областям. Однако различие в агрессивном поведении находится не столько в ряду пола агрессора, сколько зависит от многих внеязыковых факторов, например, кто более агрессивен в момент речевой инвективы, кто является участником конфликта и т.д. Характеристика «возраст» имеет социальную, а не биологическую основу, так как употребление инвектив несовершеннолетними является предосудительным. Исследователи пишут, что подростки, употребляя обценную лексику, пытаются закрепить свой статус в обществе, желая подражать взрослым [Барышникова 2004: 6; Сажина 2005: 5].

Итак, концепт ИНВЕКТИВА представляет собой усложненный концепт, отражающий как лингвистические характеристики, так и социологические факторы: табуированность, маскулинность, агрессию, социальный статус, возраст. Инвектива выступает мощным конфликтогенным элементом, но в то же время сама служит причиной конфликта. Соответственно, в большинстве случаев инвектива актуализируется в речевых актах оскорбления, угрозы и речевой агрессии в целом.

Литература

Барышникова Г.В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров: на материале французской литературы XVII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

Гильдия экспертов-лингвистов ГЛЭДИС. URL: <https://rusexpert.ru/?usclid=m5p9wsppre2562650898>

Жельвис В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991.

Пауштин С. Жизнь брэнда // Секретарское дело. 2009. № 3. С. 29-31.

Саржина О.В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

Стернин И.А., Калинин С.В. Некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации оскорбления (ст. 297, 319 УК РФ) // Уголовное право. 2011. № 5. С. 44-50.

Талина И.В. Гносеологические основы развития гендерной идентичности в педагогической теории и практике : автореф. дис. ... д-ра педагог. наук. Ульяновск, 2010.

Guiraud P. Les gros mots. Paris: PUF, 1975.

*A.A. Ankov (Yekaterinburg, Russia)
Ural Federal University*

THE CONCEPT OF *INVECTIVE* AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

The concept of *INVECTIVE* is the object of interdisciplinary research, primarily in linguistics and sociology. In addition to verbal aggression, invective includes such characteristics as gender, age, social status, and taboo.

Key words: invective, aggression, taboo, social behavior, aggression

*М.И. Бабаева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
maria.babaeva@mail.ru*

ИРОНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ НЕСТАНДАРТНОГО МЫШЛЕНИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь между метарепрезентационными навыками детей и их способностью воспринимать вербальную иронию. Делается вывод о том, что чтение англоязычной детской художественной литературы, содержащей иронические высказывания, может способствовать развитию нестандартного мышления.

Ключевые слова: ирония, метарепрезентация, детская литература, нестандартное мышление

В современном мире люди ежедневно встречаются с феноменом вербальной иронии – как в средствах массовой информации, так и в диалогах с друзьями и коллегами. Особенно часто ирония и сарказм используются в подростковой среде. В связи с этим возникает вопрос, в каком возрасте дети начинают понимать вербальную иронию. Предполагается, что способность читать скрытые смыслы связана с пониманием чужого сознания, намерений и психического состояния другого человека, то есть речь в данном случае идет о так называемой *Theory of Mind* [Apperly 2006: 825].

Иными словами, восприятие иронии зависит от метарепрезентационных способностей ребенка, которые начинают активно развиваться в дошкольном возрасте. Т.А. Клепикова отмечает, что «в свете когнитивного подхода лингвистические метарепрезентации могут быть представлены как парадигма средств выражения языковой концептуализации метарепрезентационного состояния сознания» [Клепикова 2008: 14]. Лабораторные исследования показывают, что ребенок в возрасте семи-восьми лет, как правило, способен распознать истинные намерения собеседника и отличить иронию от заблуждения или намеренной лжи [Нарре 1993: 104].

Тем не менее, в некоторых семьях дети способны воспринимать и даже продуцировать иронические высказывания на несколько лет раньше. Некоторые исследователи считают, что это может быть связано с определенным стилем общения в семье. В то время как матери часто облачают иронические высказывания в форму

риторических вопросов, имеющих воспитательную функцию, отцы более склонны к сарказму, который, однако, имеет вполне безобидный характер и является отражением их позитивного настроения [Recchia и др. 2010]. Дети в таких семьях могут принимать участие в ироническом дискурсе уже в возрасте пяти лет. Можно предположить, что понять истинные намерения собеседника им помогает выражение лица и интонация родителя, а также контекст, в котором произносится та или иная фраза.

Так как иронические высказывания, как правило, строятся на комбинации несовместимого, для их восприятия и продуцирования требуется определенное нестандартное мышление, называемое *playful mind* и являющееся сочетанием развитого чувства юмора и творческого подхода [Bergen & Mostafa 2018: 61]. Мы считаем, что этот тип нестандартного мышления можно развивать с раннего возраста с помощью совместного чтения детской художественной литературы англоязычных авторов.

Использование феномена иронии имеет давнюю традицию в английской художественной литературе: в качестве примеров можно назвать произведения таких авторов, как Дж. Остин, У. Теккерея и Ч. Диккенса. Во второй половине XIX в., с появлением книг, предназначенных для детской аудитории, список литературы для семейного чтения значительно расширился.

Говоря о способах передачи иронии, одним из основных в детской литературе является эхо-метарепрезентация. Известно, что дети любят лингвистические повторы с изменением одного-двух слов, часто встречающиеся в сказках и стихах. При этом эхо-метарепрезентация, определяемая как повтор чужого высказывания [Carston 1999: 379], характеризуется и одновременным изменением значения:

"I never thought of that before!" she said.

*"It's my opinion that you never think **at all**," the Rose said in a rather severe tone* [Carroll 2022].

В приведенном выше примере из «Алисы в Зазеркалье» Л. Кэрролла реакция Розы на безобидное высказывание девочки кажется чрезмерной. Таким образом, механизмом сарказма является не только эхо-метарепрезентация, но и гипербола: *you never think **at all***. Усилению юмористического эффекта способствует и сама ситуация – цветок, отчитывающий Алису, и суровая интонация Розы, выделенная графическим маркером.

Еще один пример сочетания эхо-метарепрезентации и гиперболы мы встречаем у М. Твена:

Monday morning found Tom Sawyer miserable. Monday morning always found him so [Twain 2010: 60].

В данном случае первое предложение является отражением настроения Тома в понедельник утром, а второе высказывание, являющееся эхо-метарепрезентацией, принадлежит самому автору. Графические маркеры не используются, т.к. предполагается нарочито ровный тон произнесения фразы – т.н. *flat intonation*.

Интересно, что многие книги, предназначенные для маленьких читателей, «населены» персонажами с предсказуемым поведением. В таких случаях дети уже за-

ранее готовы воспринимать реплики определенных героев не буквально и искать скрытые смыслы.

Так, в произведениях А.А. Милна постоянно иронизирующим персонажем является ослик Иа-Иа. Его высказывания часто можно охарактеризовать как саркастические:

"Eeyore, what are you doing there?" said Rabbit.

"I'll give you three guesses, Rabbit. Digging holes in the ground? Wrong. Leaping from branch to branch of a young oak tree? Wrong. Waiting for somebody to help me out of the river? Right. Give Rabbit time, and he'll always get the answer." [Milne 2024].

В ответе Иа-Иа мы встречаемся с наиболее понятными детям конструкциями иронических высказываний – риторическими вопросами и гиперболой [Recchia и др. 2010: 255]. Еще лучшему восприятию иронии способствуют иллюстрации, которые могут помочь маленьким детям, еще не обладающим металингвистическими навыками [Kummerling-Meibauer 1999: 157]. Ребенок легко может визуализировать сцену и посмеяться как над нарочито абсурдными вопросами ослика, так и над недогадливостью остальных персонажей. При этом активно развивается детское творческое мышление и чувство юмора, т.н. *playful mind*.

Таким образом, можно предположить, что совместное чтение детской англоязычной художественной литературы, содержащей вербальную иронию, способствуют развитию особого типа нестандартного мышления, позволяющего ребенку посмотреть на ситуацию под другим углом и в перспективе добиться успеха в решении различного рода задач.

Литература

- Клепикова Т.А. Типология лингвистических метарепрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 5-15.
- Apperly I.A. What Is 'Theory of Mind'? Concepts, Cognitive Processes and Individual Differences // Quarterly journal of experimental psychology. 2006. No. 65 (5). Pp. 825-839.
- Bergen D., Mostafa M.R. Developing Creativity and Humor: The Role of the Playful Mind // Creativity and Humor. United States: Elsevier Science & Technology, 2018. Pp. 61-81.
- Carroll L. Through the Looking-Glass / ed. by Z. Jaques. Oxford: Oxford University Press, 2022.
- Carston R. Negation, 'presupposition' and metarepresentation: a response to Noel Burton-Roberts // Journal of Linguistics. 1999. Vol. 35.
- Happe F. Communicative Competence and Theory of Mind in Autism: A Test of Relevance Theory // Cognition 1993. No. 48 (2). Pp. 101-119.
- Kummerling-Meibauer B. Metalinguistic Awareness and the Child's Developing Concept of Irony: The Relationship between Pictures and Text in Ironic Picture Books // Brooklyn: The Lion and the unicorn, 1999. No. 23 (2). Pp. 157-183.
- Milne A. The House at Pooh Corner // The Project Gutenberg. 2024.
- Recchia H. Children's Understanding and Production of Verbal Irony in Family Conversations // British journal of developmental psychology. 2010. No. 28 (2). Pp. 255-274.
- Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. URL: <https://www.gutenberg.org/files/74/74-h/74-h.htm>

*M.I. Babaeva (St Petersburg, Russia)
St Petersburg State University of Economics*

IRONY AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF UNCONVENTIONAL THINKING

The article examines the relationship between children's metarepresentational skills and their ability to perceive verbal irony. It concludes that reading English-language children's fiction containing ironic statements may contribute to the development of unconventional thinking.

Key words: irony, metarepresentation, children's fiction, unconventional thinking

*Э.М. Байдашева, С.И. Маджаева (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный медицинский университет
bem27@mail.ru, sanya-madzhaeva@yandex.ru*

ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСЕМА В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Автор анализирует медицинский дискурс в рамках скриптов бесед с использованием цветовой лексики. Каждая предметная область в медицине вырабатывает свою цветовую лексику в соответствии своей направленности. Выявлены цветовые лексемы в предметных областях медицины с разными грамматическими категориями. Выделены пять групп терминов с компонентом цветообозначения в медицине.

Ключевые слова: дискурс, цветовая лексема, цветовой симптом, стратегия, когнитивная парадигма

Различные подходы к определению научного дискурса отражены в работах таких языковедов, как Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], Ю.С. Степанов [Степанов 1991], В.И. Карасик [Карасик 2004], С.В. Кубрякова [Кубрякова 2004] и др.

Научный дискурс постоянно претерпевает «эволюционные изменения в соответствии с деятельностью человека в различных научных сферах» [Байдашева 2024: 71].

Для нашего исследования интерес вызвал медицинский дискурс с употреблением цветовой лексики. Медицинские работники воздействуют на пациентов, используя во время общения цветовые лексемы в лечебных целях, что подтверждает Н.И. Формановская, утверждая что «врач – лингвоактивная профессия» [Формановская 1998].

Согласно определениям (Л.С. Бейлинсон, И.А. Иванчук и Т.В. Кочетковой), «от умения врача владеть словом, от уровня его речевой культуры зависит его профессиональная компетенция. В связи с этим язык медиков, их речевое поведение является важным объектом лингвистических исследований» [Иванчук 1998; Кочеткова 1998; Бейлинсон 2001].

Для того чтобы поставить правильный диагноз, используя в речи медицинские термины с компонентом цветообозначения, сделать общение более доступным и понятным, надо подбирать такие цветовые лексемы, которые бы достаточно эффективно воспринимались пациентами и не вызывали дополнительных вопросов в лечебных целях.

Решение этих сложных вопросов связывается с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, в основу которой положено «определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [Кубрякова 2004: 406].

Все аспекты дискурса, которые при других подходах воспринимаются как автономные, оказываются непосредственно и тесно связанными друг с другом, «составляя разные стороны одного – и очень существенного – качества коммуникативной деятельности людей, обеспечивающего их полноценное общение» [Цурикова 2002: 429].

Функционирование медицинских терминов с компонентом цветообозначения в речи врача определено стремлением передать признаки заболевания, симптомы. Колоризмы используются в номинациях различных заболеваний, цвета кожи, названий кровяных клеток, внешнего вида больного, особенностей организма, названий лекарственных растений и веществ.

Прежде всего, определим *особенности* функционирования медицинских терминов с компонентом цветообозначения:

- 1) способствуют более точному определению врачом состояния организма;
- 2) играют важную роль при постановке диагноза, установлении стадии заболевания и степени его распространения;
- 3) создают яркую и образную картину языка медицины;
- 4) отражают следующие факторы во времени функционирования:
 - а) продолжительность (*черная чума, красная волчанка*);
 - б) последовательность (стадия заживления *синяка: темно-синий, бордовый, светло-фиолетовый, желто-коричневый*);
 - в) одновременность (*красный и черный инфаркт*);
 - г) изменчивость (*лихорадка – белая, желтая, красная*);
 - д) повторяемость (*лишай красный плоский пигментный*).

Итак, в целях выявления цветовой лексики когнитивно-дискурсивного направления, проанализируем общение врача и пациента.

Пациент: Доктор, почему першит в горле? Почему язык красного цвета?

Врач: Давайте обследуем Ваше горло. Итак, язык у Вас красного цвета, горло воспалено – красного цвета с белыми язвочками.

Родственник: Доктор, это в дальнейшем не так страшно, если горло красного цвета с белыми язвочками?

Врач комментирует и описывает язык (язык у Вас красного цвета), уточняет и конкретизирует воспалительный процесс при болезни горла (*горло воспалено – красного цвета с белыми язвочками*), используя прилагательные красный, белый для постановки диагноза заболевания.

Анализ 15 скриптов бесед врача и пациента (*по предметной области: инфекционные заболевания*) показывает, что при беседе врач с пациентом использует максимальное количество цветовых лексем.

Чтобы иметь более четкое представление о количестве и частотности употребления цветowych лексем во время беседы врача и пациента, приведем таблицу 1.

Таблица 1. Количество и частотность употребления цветowych лексем

Функциональная группа	Количество лексем	Количество словоупотреблений
Цветовые лексемы	57	275

Из таблицы 1 видно, что количество цветowych лексем, относящихся к медицинской терминологии, составляет 57, а количество словоупотреблений составляет 275 случаев.

Каждая предметная область в медицине вырабатывает свою цветовую лексику в соответствии своей направленности.

Проанализировав скрипты бесед, следует отметить, что частотность употребления терминов – прилагательных, относящихся к медицинской терминологии с использованием цветовой лексики, значительно превышает употребление терминов – существительных и глаголов. В данных скриптах бесед 37 – прилагательных-кolorативов, 15 терминов с компонентом цветообозначения – существительных и 5 терминов – глагола (табл. 2).

Таблица 2. Частотность употребления терминов с цветowym компонентом

Часть речи	Вокабулярные единицы	Словоупотребление
Имя прилагательное	37	177
Имя существительное	15	90
Глагол	5	8
Всего	57	275

Скрипты бесед с использованием цветowych лексем свидетельствуют о работе врачей и всей больницы в целом. Всего нами были выделены пять групп терминов с компонентом цветообозначения:

- 1) наименование заболеваний (*черный рак, красный инфаркт, красный лишай, белая асфиксия, белая пневмония, желтое тело*);
- 2) наименование медицинской одежды (*белый халат, белый колпак, зеленая маска, белая маска...*);
- 3) номинация состояния организма (*синяк, белая горячка...*);
- 4) описание внешности (*бледный, желтоватый, посиневший*);
- 5) профилактика и средства лечения (*розовая настойка* (от кашля), *белая таблетка* (от головной боли), *черная таблетка* (активированный уголь при вздутии живота).

Анализ медицинских терминов с компонентом цветообозначения в этих группах показал *высокую частотность* медицинских терминов с компонентом цветообозначения *белый*: *белая смерть* (утонувшие), *белый инфаркт* (участок омертвения белого цвета), *белая пневмония* (при мертворожденном плоде, при сифилисе), *белая желчь* (при холере).

Низкая частотность выявлена у медицинских терминов с компонентом цветообозначения *зеленый*: *зеленая кайма* (цвет десен при отравлении медью), *зелено-го листа рисунок* (картина свечения сосудов при ангиографии), *зеленой ветки тип надлома и перелома* (перелом трубчатых костей).

Следует отметить, что цветовые лексемы также демонстрируют «цветные» симптомы, которые используются в предметных областях медицины.

Например, такие как «кожа цвета кофе с молоком (при бактериальном эндокардите); лимонно-желтое окрашивание кожных покровов (при гемолитической желтухе); шафраново-желтый цвет кожи с красноватым оттенком (при паренхиматозной желтухе); алебастровая бледность (при ювенильном хлорозе); восковидная кожа (при В12-дефицитной анемии); симптом черничной булки (при врожденной краснухе); фиолетово-красные щеки (при митральном стенозе) и т. д.» [Михайленко, Субботина и др.: 2011].

Можно заключить, что при анализе скриптов бесед врача и пациента был выявлен следующий ряд терминов с цветовым компонентом, которые имеют отрицательные коннотации: *желтый цвет* составляет 17,7% от общего количества терминов с компонентом цветообозначения; *черный* – 16,3%; *белый* – 14,8; *красный* – 10,3%; *синий* – 8,5%; *зеленый* – 2,3%.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М: Языки русской культуры, 1999.
- Байдашева Э.М. Особенности терминологизации компонента цветообозначения в медицинском дискурсе // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2024. № 1-1 (5). С. 70-75.
- Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Иванчук И.А. Культура речи в деятельности врача (к проблеме формирования элитарного типа языковой личности в профессиональной медицине) // Вопросы стилистики: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 1998. С. 187-196.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гносис, 2004.
- Кочеткова Т.В. Слово самый главный терапевт. Речевая культура врача // Русский язык и культура общения для государственных служащих / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Слово, 1998. С. 44-52.
- Михайленко О.А. Субботина В.Г., Оленко Е.С., Екимова Н.В. и др. «Цветные» симптомы в практической медицине. Успехи современного естествознания. 2011. С. 101-102.
- Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1998.
- Кубрякова Е.С. Парадигмы лингвистического знания и их строение // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: Грамматика, семантика, словообразование. Калининград, 2003. С. 3-10.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004.
- Степанов Ю.С. Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Харьков, 1991. Вып. 1, ч.1. С. 9-10.
- Цурикова Л.В. Естественность дискурса как когнитивно-прагматический феномен // С любовью к языку. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2002. С. 419-429.

E.M. Baydasheva, S.I. Madzhaeva (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Medical University

THE COLOR LEXEME IN MEDICAL DISCOURSE

The author analyzes medical discourse within the framework of conversation scripts using color tokens. Each subject area in medicine develops its own color lexeme in accordance with its focus. The color lexemes in the subject areas of medicine with different grammatical categories are revealed. Five groups of terms with a component of color designation in medicine are identified.

Key words: discourse, color lexeme, color symptom, strategy, cognitive paradigm.

Н.Н. Балабас (Москва, Россия)

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

balnani@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА

Актуальность лингвокогнитивных исследований лексики продиктована динамикой мировых процессов и способностью лексического фонда отражать явления, происходящие в мире. Фонд словарного состава языка непрерывно пополняется. События эпохи отражаются в словаре. Глобальные процессы оставляют свой след в виде пластов лексики, повествующих о значимых явлениях и процессах. Метод лексико-семантического анализа позволяет увидеть структуризацию значения неологизма. Все изменения, происходящие в мире, преломляются в языковой картине мира, внося нюансы и оттенки смысла в базовые концепты.

Ключевые слова: пополнение словарного запаса языка, неологизм, междисциплинарность, история языка, концептуализация, метод когнитивный потенциал

Одной из отличительных черт XXI в. является междисциплинарность научных исследований, рассмотрение проблемных вопросов на стыке разных наук [Борисова 2024: 335]. Лингвистика – одна из отраслей знаний, где это явление активно проявляется, о чем свидетельствуют и сами названия современных лингвистических дисциплин, например: лингвокультурология, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика. Междисциплинарность предполагает открытость системы, ее внешних границ. Этот феномен обеспечивает многоаспектность и глубинность исследования, проводимого за пределами одной дисциплины.

Данное исследование проведено в русле когнитивной лингвистики, представляющую собой «многомерную систему интеграции различных уровней» [Заботкина 2015:25]. Целью данной статьи является анализ лингвокогнитивных процессов неологии сквозь призму исторической динамики.

Язык и история неотделимы друг от друга. Междисциплинарность в этом танде проявляется особенно ярко. Важные исторические события оставляют след в истории языка, отражаются в его лексическом фонде. Язык подвержен постоянным изменениям лексического состава словаря [Балабас 2015а, б]. Анализ лексики в хронологии позволяет увидеть события, происходившие в конкретный период времени, и оценить степень их значимости в зависимости от степени приращения

словарного фонда. Современному миру свойственно стремление к глобализации, но одно и то же событие по-разному вербализируется и концептуализируется в разных языках. Происходит столкновение двух функций – унификации и дифференциации. Языковая картина мира – это отраженная в языке реальность, преломленная в зеркале национального восприятия. Интерпретирующая функция языка способствует порождению новых смыслов [Болдырев 2016: 18]. Концепт подвержен постоянным изменениям, так как человеческий опыт имеет свойство накапливаться, а языковая картина личности меняется вследствие полученных знаний и постоянно трансформируется. Открытость системы, способность обновляться обеспечивают семантическую подвижность лингвистического знака.

Динамичный и насыщенный процессами и явлениями XXI в., особенно интенсивное развитие электронных и цифровых технологий дал словарному составу каждого языка большой пласт неологизмов. Эти процессы оказывают немалое воздействие на человека, вносят кардинальные изменения во все аспекты жизни, труда, быта и отдыха. Так, появился целый ряд слов с префиксом *e-*. «Веерный компонент» *e-* означает *électronique* – электронный или онлайн. Под «веерным компонентом» понимается словообразовательный элемент, находящийся в препозиции к корню, имеющий вид приставки, обладающий такой особенностью, как свернутость. Приставку *e-* можно назвать маркером времени, отражающим характерную черту эпохи. Этот способ можно увидеть в английском и французском языках: *e-commerce* – электронная коммерция; *e-marketing* – электронный маркетинг; *e-cigarette* – электронная сигарета; *e-learning* – онлайн-обучение; *e-formation* – онлайн образование; *e-consults* – *electronic consultations* – онлайн консультации и т.д.

Одним из значимых событий была пандемия Ковид 2019, трагедия XXI в., унесшая миллионы жизней. Узкоспециальная терминология вошла в литературный нормированный язык и стала понятна всему мировому сообществу ввиду глобального характера явления и пристального внимания к данной проблеме [Грубин 2023: 70; Балабас 2024: 626]. Например, во французский язык вошли слова и выражения: *Covid-19* – Ковид 19; *la pandémie de Covid* – пандемия Ковида; *le variant Delta* – штамм Дельта; *le vaccin contre le Covid 19* – вакцина от Ковида 19 и т. д. В немецком языке появились слова: *Corona-Impfaktion* – кампания вакцинации от Коронавируса; *Corona- Impfung* – коронавирусная вакцинация; *Corona-Neuinfektionen* – новые штаммы Коронавируса; *Corona- Lagebesprechung* – брифинг по ситуации с Коронавирусом; *Corona- Patienten* – пациент, болеющий коронавирусом; *Impfbus* – мобильный пункт вакцинации; *Covid-19* – Ковид 19 и т.д. Несколько примеров из испанского языка: *Coronavirus* – коронавирус; *el Covid 19* – Ковид 19; *la pandemia de coronavirus* – пандемия коронавируса; *las medidas anticovid* – антиковидные меры и т.д.

Несомненным отражением современного мира является бурное развитие искусственного интеллекта. Многочисленные научные конференции посвящены проблемам его использования, развития и прогнозам на будущее. Лексический состав

языков пополнился словами и выражениями, свидетельствующими об этом явлении. Так, например, интересны примеры из немецкого языка: KI-Technologie – технология искусственного интеллекта; KI-Aktivität – деятельность искусственного интеллекта; KI-Entwicklung – развитие искусственного интеллекта; KI-Expert – эксперт по искусственному интеллекту; KI-Erfindung – изобретение искусственного интеллекта; KI-Patentierung – патентирование искусственного интеллекта; KI-Technik – технология искусственного интеллекта; KI-Chancen und Risiken – возможности и риски искусственного интеллекта; KI-System – система искусственного интеллекта; KI – Künstliche Intelligenz – искусственный интеллект. Инициальная аббревиатура в данном случае превращается в «веерный компонент», становится в препозицию к слову и дает уточнение, указывающее на область применения, расширяет когнитивный потенциал слова.

Итак, мировые события и процессы оказали влияние на словарный состав языков, в лексиконе появилось большое количество неологизмов. Эти процессы показывают значимость анализируемых явлений для мирового сообщества. Данные слова останутся в словарном фонде, в истории языков в виде пласта ассоциативной лексики. Междисциплинарность исследований позволяет углубиться в понимание сути лингвистических процессов, является неотъемлемой чертой современных исследований. Анализ современного состояния словарной системы позволил прийти к выводу, что одной из ярких тенденций пополнения словарного состава ряда языков индоевропейской семьи является проникновение профессионализмов в нормированный язык. Профессионализмы из области IT-технологий и медицины проникли в литературный и повседневный язык, став словами понятными для всех и не требующими объяснений. Когнитивный потенциал словаря расширяется, некоторые привычные слова изменяются за счет добавления элементов, вносящих новый оттенок смысла. «Веерные компоненты» стали одной из отличительных черт лексической системы – они присущи разным языкам индоевропейской семьи. За счет подобных элементов расширяется когнитивный потенциал существующих слов, растет число мотивированных слов. Концептуальная картина мира находится в постоянном движении, внося изменения и уточнения, отражающие тенденции времени. Каждое событие или явление вербализуется по-разному, с учетом существующих языковых традиций, и отражает национальное восприятие носителей языка.

Литература

Балабас Н.Н. Некоторые особенности префиксального словообразования современного французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015а. № 12-1 (54). С. 35-37.

Балабас Н.Н. Расширение когнитивного потенциала словарного состава (на материале текстов медицинской тематики) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4 (60). С. 625-630.

Балабас Н.Н. Тенденции развития словарного состава французского языка (на материале современной французской прессы) // В мире научных открытий. 2015б. № 7-5. С. 2125-2136.

Борисова И.В. Термин как основополагающая единица приращения знаний в научно-академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4 (60). С. 335-340.

Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.

Грубин И.В., Дмитриева Е.И., Микамба А.Д. //Влияние пандемии коронавирусной инфекции на образование новых слов в английском языке // Lingva-Universum. 2023. № 1. С. 69–72.

Заботкина В.И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 15–38.

N.N. Balabas (Moscow, Russia)

Plekhanov Russian University of Economics

REFLECTION OF THE EPOCH IN THE VOCABULARY OF A LANGUAGE

The relevance of linguocognitive studies of vocabulary is dictated by the dynamics of world processes and the ability of the lexical fund to mirror the phenomena occurring in the world. The vocabulary fund of the language is constantly replenished. The events of the era are reflected in the dictionary. Global processes leave their mark in the form of layers of vocabulary that tell us about significant facts in the world. The method of lexical-semantic analysis allows us to see the structuring of the meaning of a neologism. All the changes taking place in the world are refracted in the linguistic map of the world, introducing nuances and shades of meaning into the basic concepts.

Key words: replenishment, neologism, interdisciplinarity, history of a language, conceptualization, cognitive potential

Е.С. Бalandина (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

balandinaes@susu.ru

ДИНАМИКА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА АНТАРКТИКА

Статья посвящена анализу динамики метафорического образа АНТАРКТИКА в дискурсе географического описания пространства. Материалом исследования послужили различные тексты, описывающие географические особенности данной территории. С помощью методов когнитивной лингвистики и дискурс-анализа были выявлены особенности изменения ключевых сфер источников для метафор, используемых в анализируемых текстах для описания пространства Антарктики.

Ключевые слова: дискурс географического описания, метафора, сфера источник, Антарктика, образ

В течение длительного времени Антарктический регион находился на периферии международного внимания. В настоящее время ситуация значительно изменилась, что привело к тому, что Антарктика стала объектом пристального внимания и изучения [Колесникова 2015]. Цель данного исследования состоит в анализе динамики метафорического образа АНТАРКТИКА на примере дискурса географического описания пространства. Материалом для исследования послужили разноо-

бразные тексты, посвященные описанию территории Антарктики двух временных периодов: 1) тексты первой половины XX в. 2) тексты XIX в.

Обращение к анализу метафорического образа пространства обусловлено высоким функциональным потенциалом метафоры, которая рассматривается в качестве определенной ментальной операции, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Чудинов, Будаев 2007]. Именно исследование метафорических образов позволяет выявить наиболее типичные способы осмысления пространства, конструируемые мышлением и находящими отражение в языке.

Анализ дискурса первой третьей XX в. показал, что метафоры со сферой источником «борьба» являлись наиболее распространенными. Они позволяли авторам не только наглядно проиллюстрировать те сложности, с которыми сталкивались путешественники в процессе экспедиций, но и сформировать в сознании простого обывателя определенный образ Антарктики, связанный с постоянными лишениями и борьбой с холодом, льдами и ветрами.

Изнурительная борьба с антарктическим бездорожьем;

Ветер такой сильный, что под парами и на полном ходу судно с величайшим трудом борется с ним;

В этом году ожидалась чрезвычайно ранняя зима, и было очевидно, что корабль с его небольшим запасом угля недолго сможет бороться с тяжелым льдом;

Сплошной лед пытался создать непреодолимую преграду между кораблями, и нельзя было предугадать, каков будет исход битвы [Григорьев 1915; Амундсен 1924].

Интересно отметить, что метафора борьбы использовалась в исследуемом дискурсе не только для описания противостояния человека и природы, но также для изображения борьбы между стихиями:

Невольно создавалось впечатление, что вершины стараются поднять свои головы над вечными снегами. И с течением веков шла неизменная борьба, борьба между земной корою, стремившейся остаться нетронутой, и ледяным куполом – остатком ледникового периода, – который постепенно надвигался над ней [Григорьев 1915].

Следующей по частотности идет группа метафор со сферой источником «тюрьма». В заточении оказывается не только человек, отправившийся покорять Антарктику, но и сама земля, осужденная на вечную мерзлоту:

Земли, осужденные на вечную мерзлоту;

Белоснежные пространства барьеров пленили нас;

Жесткий холод и непрерывные ледяные ветры принуждают человека большую часть времени сидеть взаперти, в узких, тесных пространствах своего жилья;

Будучи пленником замерзшего озера, я окружен со всех сторон преградой ледяных гор [Григорьев 1915; Амундсен 1924].

Обращение к данным метафорическим оборотам приводит к созданию отрицательно окрашенного образа, который во многом соотносится с пониманием того, что если в борьбе с тяжелыми условиями жизни в Антарктике человек проигрывает, то он становится заложником льда и холода.

Завершающая группа наиболее употребительных метафор связана со сферой источником «смерть»:

Земля, окутанная в густой снежный саван;

Огромные сугробы похоронили под собой все наше имущество;

Этому месту суждено стать нашей могилой;

Могильный холод зимы [Григорьев 1915; Амундсен 1924].

Суровые условия выживания, сопровождающие путешественников на протяжении всех их походов, приводят к большим потерям, которые в дискурсе географического описания чаще всего актуализируются через лексические единицы с отрицательной коннотацией. Метафора смерти при этом усиливает общее напряжение и страх перед мало изученными территориями, создавая в сознании читателей мрачный и пугающий образ.

Дополняют обобщенное негативное восприятие Антарктики менее частотные группы метафор. К их числу относятся, в первую очередь, метафоры медицинской сферы, которые в исследуемом дискурсе выполняют две противоположные функции. С одной стороны, данные метафоры акцентируют внимание на сложностях, которые приходилось преодолевать путешественникам, тем самым подкрепляя обобщенный отрицательный образ исследуемой территории:

Нас преследует эпидемия плохой погоды;

Лихорадка крутящегося снега;

Лихорадка бури.

С другой, они начинают формировать у читателя иное восприятие описываемого пространства – пространства нетронутой красоты.

Стерильная почва Ледникового периода;

Девственная чистота снега.

Несмотря на то, что метафоры, описывающие удивительные природные явления, свойственные Антарктике, формировали в XX в. только периферию анализируемого образа, они во многом повлияли на читателей, создав в сознании не просто образ, связанный с ужасами и лишениями, но и образ удивительного нового мира:

На юго-востоке барьер поднимался в форме мыса, отвесные скалы, окаймлявшие его, искрились на солнце голубыми блестками;

Фантастические архитектурные развалины гряды;

Ледяное подножие было выстлано густым расписным покрывалом плотного снега [Григорьев 1915; Амундсен 1924].

Однако, в этом новом мире человек был еще непрощеным гостем, а потому в Антарктике его ждал холодный прием:

Антарктика, со свойственной ей негостеприимностью, сурово встретила неожиданных пришельцев;

Мы были чужаками в этом загадочном мире [Григорьев 1915; Амундсен 1924].

По прошествии ста лет мы можем увидеть значительные изменения, произошедшие с анализируемым образом. В дискурсе географического описания XXI в. Антарктика чаще всего представляется через сферу источник «пустыня»:

Сверкающая белизной пустыня; Ледяная пустыня;

В этой мертвой ледяной пустыне, где еще недавно все достижения человека ограничивались силой его ног и выносливостью его собак, современная техника находит свою настоящую оценку.

Холодная безжизненная пустыня [Йок-Тот 2018; Кузнецов, Мангутова 2020].

Авторы исследуемого дискурса апеллируют к подобным метафорическим оборотам с целью подчеркнуть природную особенность данных территорий, которые на первый взгляд кажутся ледяными, мертвыми и безжизненными. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что наиболее частотные сферы-источники XX в. либо исчезли из употребления, либо претерпели значительные изменения.

К примеру, в современных текстах практически не встречаются метафоры со сферами-источниками «тюрьма» и «смерть», поскольку человек, благодаря современным технологиям научился приспосабливаться и значительно облегчил свое пребывание в Антарктике. Что касается метафор «борьбы» – они сохранились в изучаемом материале, однако если раньше эта борьба была, главным образом, между человеком и природой, то теперь Антарктика сама превратилось в поле боя, на котором разворачиваются серьезные сражения между различными государствами:

Новым полем боя за контроль за ресурсами уже очень скоро станет Антарктика.

Борьба за Антарктику обещает быть не менее ожесточенной, чем за Арктику [Йок-Тот 2018; Кузнецов, Мангутова 2020].

Подобные столкновения интересов во многом обусловлены «сокровищами», которые хранит в своих недрах Антарктика. Не случайно авторы используют для описания ее просторов такие метафоры, как:

Шестой континент – последний ресурс человечества;

Инструмент контроля за активностью других государств;

Мировой заповедник;

Озеро Восток – антарктический Грааль;

Затерянный мир [Йок-Тот 2018; Кузнецов, Мангутова 2020].

Подобные примеры иллюстрируют величие просторов Антарктики и ее роль в современных реалиях жизни человека.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что метафорический образ Антарктики претерпел значительные изменения за прошедшие сто лет. Если ранее для его описания авторы чаще использовали метафоры со сферами-источниками «борьба», «тюрьма» и «смерть», подчеркивая всю тяжесть условий выживания на холодной и мрачной земле, то сегодня Антарктика представляется не только как ледяная пустыня, а как мировой заповедник, в котором сосредоточены большие запасы и ресурсы для дальнейшего развития человечества.

Литература

- Амундсен Р. Завоевание Южного полюса / пер. Е.В. Александровой. М.: Новая Москва, 1924.
- Григорьев С.Г. Вокруг Южного полюса. М.: типография Т-ва Рябушинских, 1915.
- Йок-Тот С. Вокруг Антарктиды / пер. А. Губайдуллина. М.: Paulsen, 2018.
- Колесникова Е.А. Антарктика: история освоения и перспективы международного управления в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 4. С. 182-203.
- Кузнецов Н., Мангутова С. Открытие Антарктиды. М.: Paulsen, 2020.
- Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 54-57.

E.S. Balandina (*Chelyabinsk, Russia*)

South Ural State University

DYNAMICS OF THE METAPHORICAL IMAGE 'ANTARCTICA'

The article is devoted to the analysis of the dynamics of the metaphorical image ANTARCTICA in the discourse of geographical space description. The material of the study included various texts describing the geographical features of this territory dating back to the beginning of the 20th and 21st centuries. By methods of cognitive linguistics and discourse analysis, the key source spheres for metaphors were highlighted and the trends of their changes were revealed.

Key words: discourse of geographical description, metaphor, source domain, Antarctica, image

Н.Л. Беляева, В.М. Топорова (*Воронеж, Россия*)

*Воронежский государственный университет
nat.beljaewa@mail.ru, vtoporova@mail.ru*

ТОРГОВО-ФИНАНСОВАЯ СФЕРА: ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС

В статье рассматриваются концептуально-семантические аспекты цифровизации сферы товарно-денежных отношений; анализируются основания и векторы развития терминологического значения в контексте реализации социальных практик и паттернов на базе новых технологий; описываются новые конфигурации визуальной репрезентации знания, характеризующие особенности современного цифрового дискурса.

Ключевые слова: цифровая реальность, сфера товарно-денежных отношений, концепт, семиотический аспект, репрезентация

Актуальность исследования концептуально-семантических особенностей современного цифрового дискурса, связанного со сферой товарно-денежных отношений, обусловлена необходимостью теоретического осмысления когнитивной значимости порождаемых цифровизацией моделей социального взаимодействия, создающих многоуровневый ландшафт новой реальности [Гримов 2019: 43]. Цифровизация внедряет альтернативную реальность, порождает новую конфигурацию устойчивых социальных практик и паттернов, находящихся отражение в языке.

В задачу настоящего исследования входит рассмотрение сферы товарно-денежных отношений в контексте цифровой реальности в совокупности двух составля-

ющих – лингвистической и визуально-графической репрезентации. В рамках описания лингвистической составляющей на основе концептуально-семантического анализа выявляются основания развития терминологического значения и широкого употребления номинаций из сферы товарно-денежных отношений, в частности, ключевых ядерных лексем *цена*, *стоимость* как в специально-научном дискурсе, так и в рамках дискурсивных практик широкого спектра, актуализирующих разные векторы развития значения [Беляева 2006: 13]. Так, на уровне научного знания *цена* выражается в денежных единицах, но ее величина определяется несколькими составляющими: стоимостью товара, стоимостью денежного материала и соотношением спроса и предложения, что получает выражение в языке: *действующая цена*, *реальная цена*, *рыночная цена* [Экономическая теория 2003: 155]. Формируются новые/разные векторы развития значения, связанные с трактовкой природы стоимости, в зависимости от той или иной экономической школы; выводятся разные основания формирования стоимости: общественно необходимые затраты рабочего времени, баланс спроса и предложения, издержки производства, предельная полезность. Стоимость в статистике приобретает значение «произведение цены товара на его количество», в бухучете – это «выраженная в деньгах величина затрат на приобретение или изготовление объекта» и т.д. [БЭС 2002: 941]. Данные значения реализуются в сочетаниях: *прибавочная стоимость*, *меновая*, *потребительская стоимость*, *рыночная стоимость*, *полная стоимость*, *кадастровая стоимость*, *остаточная стоимость*, *внутренняя стоимость*, *балансовая стоимость*, *средняя стоимость*, *текущая рыночная стоимость* [Земсков 2022: 32].

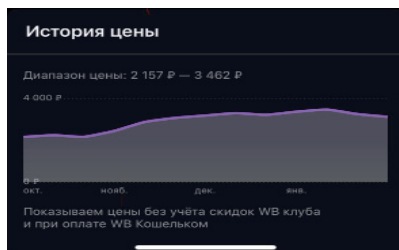
Важный концептуальный ресурс лексического развития языка составляют актуальные концепты, формирующиеся/сформированные в рамках современных социальных практик, реализуемых на базе новых технологий. Так, для развития торговли вводятся новые формы/форматы взаимодействия продавца и покупателя, репрезентируемые лексемой *промокод* (англ). Промокод представляет целую систему активизации уже привлеченных клиентов, а также привлечения новых. Лексема *промокод* актуализирует значения: 1) скидка на покупку в процентах; 2) скидка на покупку в денежном эквиваленте; 3) бесплатный дополнительный товар или услуга к заказу; 4) бесплатная доставка (при онлайн-покупках); 5) бесплатный период действия подписки на услугу. Встречаются многоразовые и одноразовые промокоды. Кроме того, система промокодов стимулирует создание в цифровой реальности специальных цифровых «продуктов» – сайтов агрегаторов, аккумулирующих информацию обо всех скидках со всех интернет-магазинов.

Изменения претерпевают и устойчивые социальные практики и паттерны, например, «купля-продажа». Цена продолжает выступать медиатором в модели отношений «продавец — покупатель», но она помещается в иную (цифровую) реальность. В модели «купли-продажи» процесс, репрезентированный глаголом *торговаться*, исчезает. Мы получаем цену как реальность, которую мы изменить не можем, но можем найти продавца даже на другом континенте. Заменяется практика передачи денежных средств путем перевода, зачисления на карту.

Привычный поход в магазины за покупками, репрезентированный в языке лексемой *шопиться* (англ.), *шопинг* заменяется многочасовыми поисками на интернет-страницах магазинов, которые могут быть собраны на разных интернет-платформах (*маркет-плейсы*).

Денежные средства выступают неотъемлемой частью модели «продавец — покупатель». Но если раньше деньги понимались как материальные носители ценности (меха, скот, потом — драгоценные металлы), в теории — это особый товар, играющий роль всеобщего эквивалента, самое ликвидное средство обмена, т.е. товар способный обмениваться на любые продукты человеческого труда, то к настоящему моменту выделяются наличные и безналичные деньги [Экономическая теория 2003: 308]. К наличным относятся монеты и банкноты, к безналичным относятся средства на расчетных счетах в банках, депозитные сертификаты, чеки. В экономической теории есть разделение на «хорошие деньги» и «плохие деньги», что происходит согласно закону Коперника-Грешема, сформулированному еще в XVI в. При этом безналичные деньги не являются платежным средством (официально). Ведутся дискуссии о внедрении *цифрового рубля*, и тут мы сталкиваемся с интересным явлением — самого предмета нет, а имя уже есть. В цифровом мире появляется своя валюта — *биткоин*, *цифровая валюта*, *стейблкоины* — *токины*.

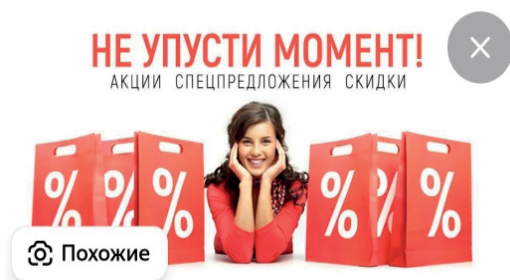
Важной составляющей репрезентации особенностей финансово-экономической сферы выступает концептуальная визуализация динамических процессов, обозначаемых в сочетаниях *диапазон цен*, *история цены*:

Графическим изображением динамических процессов концептуализации выступает кривая «цена-потребление», что репрезентируется в языке сочетанием *кривая цен*:

Всё большую значимость приобретает семиотический аспект коммуникации в цифровой реальности. Потребление связано не с конкретными вещами, а с культурными знаками, обмен которыми происходит непрерывно. Таким образом, усиливается символическая функция потребления, оно становится частью глобального символического обмена [Бодрийяр 1995: 81]. Знак, обозначающий проценты %, в современной практике цифровой реальности получает значение «снижение цен», «скидки (сезонные)».

Изображение бирки-ценника, упаковочного материала также приобретает новое символическое значение:

Частью глобального символического обмена информацией становятся знаки, обозначающие «традиционные» валюты: \$, €, ¥, A\$, £, £, P, R\$, или биткоин – ₿.

Новое символическое значение, связанное с распродажами, получают сочетание цифр 11.11, дни недели — *черная пятница*, *черный вторник*, *киберпонедельник* — и даже время суток — *счастливые часы*.

Концептуально-семантический анализ номинаций из сферы товарно-денежных отношений выявляет новые модели социального взаимодействия и становления дискурсивных практик в контексте развития процесса цифровизации. Актуальные концепты, формирующиеся на базе новых цифровых технологий, составляют важный концептуальный и когнитивно значимый ресурс лексического развития языка.

Литература

Беляева Н.Л. Взаимодействие лингвокогнитивных структур сознания (на материале русского и немецкого концептуально-семантического блока «цена-плата-расплата»): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.

БЭС – Большой экономический словарь: 24800 терминов. М.: Институт новой экономики, 2002.

Гримов О.А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42-50.

Земсков К. Тайна стоимости. Теория стоимости в истории политэкономии. М.: Издательские решения Ridero, 2022.

Экономическая теория: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 2003.

N.L. Belyaeva, V.M. Toporova (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

TRADE AND FINANCE SECTOR: DIGITAL DISCOURSE

The article discusses the conceptual and semantic aspects of digitalization of the sphere of commodity-money relations; the foundations and vector of the development of terminological meaning in the context of the implementation of social practices and patterns based on new technologies are analyzed; new configurations of the visual representation of knowledge are unsubscribed, characterizing the features of modern digital discourse.

Key words: digital reality, the sphere of commodity-money relations, the concept, the semiotic aspect, representation

Е.П. Богатикова (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

bogatikova.eugene@gmail.com

ЭЛЕКТРОННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная работа исследует лексико-семантические средства коммуникации и адаптации специального знания в диаде врач-пациент. На основе англоязычных интернет-консультаций выявляются основные тактики общения, соответствующие Калгари-Кембриджской модели. Анализ текстов консультаций включает выделение семантических трансформаций – генерализации, конкретизации и повтора – как механизмов адаптации специального знания. Результаты демонстрируют, как данные лексико-семантические инструменты обеспечивают эффективное представление медицинской информации.

Ключевые слова: специальное знание, лексико-семантические инструменты, коммуникация врач-пациент, семантические трансформации, генерализация, конкретизация, электронные медицинские консультации

Передача и усвоение специализированного знания играют ключевую роль в эффективной коммуникации между врачом и пациентом [Bromme 2017]. В когнитивной лингвистике особое внимание уделяется тому, как медицинская информа-

ция репрезентируется и адаптируется в языковом взаимодействии [Dabrowska 2015; Gibbs 2008; Tianying 2023]. Данная работа направлена на исследование лексико-семантических инструментов, используемых для представления и трансформации специального знания в диалоге врач-пациент.

Материал исследования представлен англоязычными диалогическими единицами – интернет-опосредованной вербальной коммуникацией в ходе электронного медицинского консультирования. Участники данной коммуникации – пациенты, обратившиеся за медицинской помощью в онлайн-клинику, и врачи, оказавшие услугу медицинского консультирования. Тексты диалогов электронной медицинской консультации были собраны методом парсинга с сайта американской поликлиники, предоставляющей открытый доступ к анонимизированным текстам консультаций. Для наших целей использовался самописный парсер на языке Python, а сбор данных осуществлялся стандартной библиотекой Urllib2. Специалистом делался запрос к API сайта, за которым следовал ответ в формате JSON, и нужные языковые и метаданные сохранялись в исходном виде (пользователь, тема сообщения, вопрос, ответ, квалификация и личные данные врача). Собранный материал, подлежащий анализу, представляет собой языковой корпус, общий объем которого составляет 19 186 слов.

Диалоги строятся в соответствии с Калгари-Кембриджскими рекомендациями ведения консультации [Kurtz, Silverman 1996] и имеют достаточно четкую тактическую структуру, согласно которой полученное знание обрабатывается и перерабатывается, новое знание формируется в тексте и представляется. Следует отметить, что речь идет о специальном знании, то есть, о той части консультации, которая касается медицинской проблемы и процесса ее идентификации. В частности, врач, опираясь на рекомендации, выстраивает свой ответ по шаблону: начало консультации, сбор информации, декларация симптомов (заменяющее физикальное обследование), разъяснение и планирование, завершение консультации. Пациент, в зависимости от ситуации, следует последовательному или непоследовательному способу репрезентации информации о своем медицинском состоянии. Каждый этап консультирования репрезентирован одной или несколькими коммуникативными тактиками, комбинация из которых представляет актуализацию стратегии идентификации медицинской проблемы и плана ее разрешения [Богатикова 2022].

Коммуникативные тактики представлены в тексте некоторым набором лексико-грамматических средств, актуализирующим, в свою очередь, знание врача и пациента о медицинской проблеме. Обладая специальным (профессиональным, привилегированным) знанием, специальными навыками и значительным клиническим опытом, врач играет медиативную роль в коммуникации с пациентом.

Говоря о компонентах вербального взаимодействия, было решено рассмотреть их в соотношении с семантическими трансформациями, которые являются механизмами адаптации специального знания. Пациент, не обладая предметным знанием (domain knowledge), но обладая некоторым опытом пребывания в своей роли,

обращается к доступным ему лексико-семантическим инструментам представления знания о своей проблеме; врач, в свою очередь, осознанно и неосознанно прибегает к адаптации знания для каждого отдельного пациента.

Исследование выделяет 3 базовых инструмента адаптации врачом знания о медицинской проблеме: генерализацию, конкретизацию и повтор. Генерализация представляет собой когнитивный прием, при котором говорящий осуществляет замену языковой единицы, имеющей более узкое значение, на единицу с более широким значением. Была замечена одна особенность репрезентации медицинской информации обоими коммуникантами: начатые адресантом (пациентом) мысли вербализуются в тексте посредством приемов генерализации, а затем интерпретируются и воспроизводятся адресатом (врачом) теми же приемами. К примеру: *Is this a normal happening after this type of surgery/cleaning? – The septum/sinus surgery you had on March 5.* Помимо этого, на врача оказывает действие таких когнитивно-коммуникативных стратегий популяризации медицинских знаний, как стратегия опоры на прошлый опыт, образность и экспрессивность, уменьшение информационной плотности, которые обеспечивают успешную реализацию функции репрезентации специального знания в медицинской коммуникации понятным языком [Богатикова 2022].

Конкретизация производит замену слова или словосочетания с более широким предметно-логическим значением словом или словосочетанием с более узким значением, преобразование является механизмом обратным генерализации. Основным примером для демонстрации конкретизации в дискурсе врача может служить использование терминоединиц, которые являются неотъемлемым инструментом в объективации медицинской проблемы. Конкретизация зачастую реализована в тексте грамматически (включая синтаксис) и лексически, включая механизмы реметафоризации и введения в оборот терминоединиц. Например, в следующем примере осуществлена замена категории грамматического времени: *I have been suffering from heavy diarrhea for some days. – I am really sorry for the condition you are suffering with.*

Третьей трансформацией, выделенной нами, был повтор. Повтор не означает буквальное использование тех или иных языковых средств, за его использованием всегда стоит одна из коммуникативных задач. В первую очередь путем повтора выравнивается явная языковая асимметрия (а значит, и когнитивная) в коммуникации, таким образом, очевидно, что врач использует повторы чаще с целью стать ментально ближе к своему пациенту. Грамматические и синтаксические повторы создают особый такт в письменной речи, «отзеркаливают» речь коммуникантов, что можно определить как кооперацию в решении общих задач или как движение в одном направлении. Врач использует языковые средства пациента в качестве референта в своем ответе. Такое явление можно обозначить как концептуальное соглашение между пациентом и врачом.

В результате проведенной работы выявлено, что генерализация способствует уменьшению информационной плотности и обеспечивает успешную реализацию функции репрезентации специального знания в медицинской коммуникации «понятным» для неспециалиста языком. Конкретизация отвечает за репрезентацию доменных, медицинских, знаний через соответствующий терминологический аппарат. Повтор выполняет функцию лексического выравнивания, которое выражается в использовании адресатом языковых средств, предложенных адресантом. Более того, лексическое выравнивание индивидуализирует ответ врача для каждого конкретного пациента, с расчетом на то, что эта индивидуализация приведет к более значительным предполагаемым эффектам его ответа. Такая лексическая (а иногда грамматическая) адаптация способствует улучшению когнитивных предпосылок для обработки информации и усиливает воздействие ответа врача на пациента за счет изменения его поведенческих детерминант.

Литература

- Богатикова Е.П.* Коммуникативные тактики электронной медицинской консультации в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2022.
- Bromme R., Jucks R.* Discourse and Expertise: The Challenge of Mutual Understanding between Experts and Laypeople // *The Routledge Handbook of Discourse Processes* / ed. by M.F. Schober, D.N. Rapp, M.A. Britt. New York, Abingdon: Routledge, 2017. Pp. 222-244.
- Dabrowska E., Divjak D.*, eds. *Handbook of Cognitive Linguistics*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Gibbs R.W.* Why cognitive linguists should care more about empirical methods // *Methods in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. Pp. 2-18.
- Kurtz S.M., Silverman J.D.* The Calgary–Cambridge Referenced Observation Guides: An aid to defining the curriculum and organizing the teaching in communication training programmes // *Medical Education*. 1996. № 30 (2). Pp. 83-89.
- Tianying L., Bogoyavlenskaya Y.V.* Semantic Transformation and Cultural Adaptation of Metaphor and Multimodal Metaphor in Multilingual Communication from the Perspective of Cognitive Linguistics // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2023. № 9 (1). Pp. 161-189.

E.P. Bogatikova (Perm, Russia)

Perm State University

MEDICAL E-CONSULTATIONS: A LEXICAL-SEMANTIC ASPECT

This paper examines lexical-semantic means of communication and adaptation of special knowledge in the doctor-patient interaction. We identified the main communication tactics corresponding to the Calgary-Cambridge model in medical internet communicational cases. The analysis of consultation texts includes identification of semantic transformations – generalization, specification and repetition – as mechanisms for the adaptation of special knowledge. The results demonstrate how these lexical-semantic tools ensure the effective presentation of medical information.

Key words: special knowledge, lexical-semantic tools, physician-patient communication, semantic transformations, generalization, specification, electronic medical consultations

О.Б. Бурдина (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России
burdina-pfa@yandex.ru*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ: ОТ СПЕЦИФИКАЦИИ ЗНАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ДОСТУПА

В современной номенклатуре лекарственных препаратов отмечается тенденция к терминологическому многообразию. Традиционно в структуре наименований лекарств выявляются терминологические элементы, репрезентирующие специальное (профессиональное) знание и ориентированные на специалистов в сфере здравоохранения. В последние десятилетия фокус внимания производителя смещается на пациента, что находит свое отражение в трансформации терминологических моделей.

Ключевые слова: специальное знание, доступ к знанию, терминологический элемент, терминологические процессы, фармацевтический дискурс, номенклатура лекарственных препаратов

Современное общество динамически развивается, следствием чего становится медиальный поворот в лингвистике [Чернявская 2013: 122], характеризующийся возрастанием роли информации (и ее высшей формы – знания) во всех сферах жизни человека. Формируется концепция «общества знания», целью которого становится передача знаний во все слои общества, а не только узкому кругу профессионалов [Черникова, Карташова 2014: 92], что проявляется в смене норм институционального взаимодействия.

Нормы того или иного институционального дискурса в современном обществе постигаются в процессе взаимодействия участников коммуникации [Ермоленкина 2021: 8-11]. Социальный запрос на «продвинутого» пользователя рождает новый тип взаимодействия в паре «агент – клиент социального института». Если ранее клиент получал знание опосредованно, через общение с профессионалом (представителем института) [Карасик 1998: 190], то сейчас он способен самостоятельно получать информацию об интересующем его объекте и трансформировать ее в знание [Бурдина, Мишланова 2022: 10-11].

Меняется и представление о знании. В индустриальном обществе знание понималось как результат процесса специализации профессиональной деятельности, сопровождалось формированием социального института, выработкой метаязыка специальности [Бурдина 2024: 5]. В современном – постиндустриальном – обществе профессиональное знание перестает быть элитарным, приобретает как в ходе профессионального образования, так и в ходе профессиональных социальных и коммуникативных практик [Dijk 2003: 24].

Такая тенденция предполагает вариативность лингвистического и, в том числе, терминологического оформления знания, что позволяет поднять вопрос о когнитивной трансформации терминоведения как науки о терминах [Алексеева, Мишланова 2023: 122-128]. Как отмечает Л.В. Рычкова, до сих пор существует

стереотип «долженствования разделения науки и социальной практики» [Рычкова 2008: 8-11], поэтому термины не принято рассматривать изолированно, вне терминосистемы определенной науки, что делает терминологию предметной сферы, потенциально закрытой для внешнего воздействия. Однако, научное знание, репрезентируемое терминами, востребовано в профессиональной коммуникации, участниками которой становятся и специалисты определенной предметной области (агенты социального института), и люди, обратившиеся за помощью (клиенты института), и высоконучные термины иногда становятся не отражением специального знания, а препятствием к эффективному профессиональному взаимодействию [Бурдина 2024: 79].

В современном социуме фиксируется потребность в открытых знаниевых системах, где использование терминологической единицы не требует воспроизведения всех ее системных связей. Актуальной является социально полезная, а не узкоспециальная информация, и большую роль начинает играть доступ к специальному знанию. Взаимодействие открытых знаниевых систем способствует развитию междискурсивного (и междисциплинарного) взаимодействия, интеграции разных видов знания и формированию более сложных структурно, но семантически доступных концептов.

Социальный институт фармации активно включен в процесс общественной трансформации, что нашло свое отражение в номинативных процессах в языке фармации [Бурдина 2022: 382-384], в первую очередь в номинации лекарственных препаратов.

Номенклатура лекарственных препаратов развивается на пересечении нескольких дискурсов, репрезентирующих как сферу социальных взаимоотношений, так и профессиональную коммуникацию. Основными сферами взаимодействия являются дискурс здравоохранения (медицинская и фармацевтическая деятельность, а также гибридные виды: социально-профилактическая, логопедическая, психологическая и другие деятельности); дискурс управления (правовое и экономическое обеспечение, менеджмент и др.), реклама (социальная, лингвистическая, психологическая, социально-философская и др. деятельность). Следствием пересечения сфер интересов разных дискурсов становится информационное разнообразие, представленное в номенклатуре торговых названий лекарственных препаратов (далее – ЛП); при этом каждое из них реализует часть общего концепта ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.

Процессы терминообразования в фармацевтическом дискурсе связаны с социальной миссией: помощь населению, в том числе за счет распространения знаний о лекарствах. Названия ЛП всегда мотивированы, в структуре каждого содержится терминосэлемент (или их комбинация), по которому препарат можно классифицировать в терминосистеме фармации (фармакологическая группа, терапевтический эффект, составе и проч.). Для номинаций международных непатентованных названий лекарств Всемирная организация здравоохранения регулярно обновляет

перечень терминологических элементов (далее – ТЭ), базой для которых служит греко-латинский словообразовательный фонд. Торговые названия ЛП также могут включать ТЭ греко-латинского происхождения с самой разной семантикой: *Ostelin* от *-oss/ost(eo)-* – ‘кость’; *Цисплатин-Тева* (лат. *-platin(um)-* – платина, указание на частичный химический состав; *Nilverm* от *-verm(is)-* – ‘червь, глистогонное средство’ и т.д. Внутренняя оболочка таких названий мотивированна, но понятна только для профессионалов.

В связи с появлением безрецептурных лекарств, а также с тенденциями к персонализации знания усиливается роль названий ЛП в облегчении эпистемического доступа к медицинскому знанию для широкого круга пользователей, что способствует расширению базы терминологических элементов, используемых для номинации лекарств. Начинается активное использование лексического фонда современных национальных языков [Бурдина 2024: 79; Мосягина 2019: 56; Ситдикова 2019: 83]: *Успокой*, *Шалун* (седативные препараты, ассоциативная связь с действием препарата); *Тыквеол*, *Облекол* (российские ЛП на основе растительного сырья, название которого легко вычитывается русскоязычным пользователем); *Schnupfencreme* (область применения: нем., дословно: ‘крем для назального применения’), *ДляНос* (локализация применения).

В качестве информативных и рекламных компонентов используются также полвозрастные и социальные маркеры, широко применяются метафорические образы: *ЛедиБон*, *Адам*, *Бэбинос*, *Карпуз*, *Тайленол для младенцев*; а также моделирующие образ потенциального потребителя: *Крепыш*, *Силуэт*.

В структуру коммерческого наименования аптечных товаров включаются цифровые и символичные компоненты: *Диане-35*, *Omnaden 250*, *Детская подушка Baby 3+* *Воу*, *Витамин Д3 2000 ME + K2* и другие.

Номенклатура торговых наименований ЛП становится частью поликодовой информационной системы, стимулирует производителей на использование графических «подсказок» на первичной упаковке лекарств: изображение органов / частей тела, для и которых предназначен препарат (сердце, печень, суставы и проч.: *Кардиомагнил*, *Гепатрил*, *Суставит*). Название ЛП может включать в себя целую мининструкцию по применению: *Shop Fisherman's Friend Extra Strong Menthol Cough Suppressant Lozenges Original* (амер. ЛП, название которого можно перевести как «В магазине “Друзья Фишermana” оригинальные сильнодействующие ментоловые пастилки для подавления кашля»).

Всё вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Терминологические процессы в торговых названиях лекарственных препаратов интересны тем, что выходят за пределы институционального фармацевтического дискурса, и даже за пределы вербальной репрезентации профессионального знания.

2. В структуре названий лекарственных препаратов отмечаются тенденции к демократизации доступа к специальному знанию, к его трансляции. Выработка оп-

тимального способа передачи специального знания происходит за счет использования различных средств: слов национального языка, графических способов актуализации информации, символов, цветовых маркеров и проч.

3. В современном языке фармации отмечается тенденция к терминологическому многообразию, где наравне с академическими (институциональными) терминологическими моделями бытуют ранее периферийные, отражающие наивное знание. Все модели востребованы современным обществом и сосуществуют в профессиональном фармацевтическом дискурсе.

Литература

- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Когнитивная трансформация терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 122-128.
- Бурдина О.Б.* Лингвистические маркеры кризиса институциональности (на примере номинативных процессов в языке фармации) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 382-387.
- Бурдина О.Б.* Национальный компонент в фармацевтическом дискурсе (на примере российской номенклатуры лекарственных средств) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 34-36.
- Бурдина О.Б.* Терминологические процессы в фармацевтическом дискурсе: социокогнитивное моделирование: дис. ... доктора филол. наук. Пермь, 2024.
- Бурдина О.Б., Мишланова С.Л.* Моделирование фармацевтической терминологии: трансфер знания: монография. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2022.
- Ермоленкина Л.И.* Дискурсивная картина мира современного радио: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2021.
- Карасик В.И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмоциональные аспекты: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185-197.
- Мосягина М.С.* Заголовки англоязычных медиатекстов и их национальный компонент как проявление антропоцентризма // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: материалы III международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пятигорск: Пятигорский госуд. ун-т, 2019. С. 56-62.
- Рычкова Л.В.* Терминология в обществе знания // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г.: сборник материалов / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 8-13.
- Ситдикова А.В.* Особенности современных названий лекарственных средств // Преподавание классических языков в эпоху глобальной информатизации. 2019. С. 83-87.
- Черникова И.В., Карташова А.А.* Формирование новой образовательной парадигмы в связи с переходом от информационного общества к обществу знаний // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 92-97.
- Чернявская В.Е.* Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2 (23). С. 122-127.
- Dijk T.A. van.* Specialized discourse and knowledge: a case study of discourse of modern genetics // Cadernos de Estudos Linguísticos, Campinas. 2003. Vol. 44. Pp. 21-55.

O.B. Burdina (*Perm, Russia*)

Perm State Pharmaceutical Academy;

Perm State University

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE NAMING OF MEDICINES: FROM THE KNOWLEDGE SPECIFICATION TOWARDS THE EPISTEMIC ACCESS

There is a tendency towards terminological diversity in the modern nomenclature of medicines. Traditionally, the naming structure identifies those term elements that represent special (professional) knowledge and is aimed at healthcare professionals. In recent decades, the manufacturer's focus has shifted to the patient, and this process is reflected in the transformation of terminological models.

Key words: special knowledge, access to knowledge, term elements, terminological processes, pharmaceutical discourse, nomenclature of medicines.

Д.В. Бутеев (*Смоленск, Россия*)

Смоленский государственный институт искусств

boutya@mail.ru

НАИМЕНОВАНИЯ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

В статье в междисциплинарном аспекте анализируется ономастическая проблема – «Можно ли Смоленскую крепость называть кремлем?». Ход рассуждений приводит к выводу, что можно. Лингвистический материал тесно переплетается с историческим, географическим и краеведческим.

Ключевые слова: Смоленская крепость, кремль, топонимика, неофициальные топонимы, ономастика

Многие лингвистические (и лингвокогнитивные, в частности) исследования, осуществляясь на стыке нескольких дисциплин, находят за счет этого подхода оптимальные пути решения поставленных задач. Необходимость же междисциплинарного метода в топонимике – это аксиома. Различные разновидности топонимов попадают в научно-исследовательское поле не только лингвистов, но и географов, историков, культурологов, социологов. В связи с этим нельзя не согласиться с доктором филологических наук Ю.Ю. Гордовой, констатирующей, что «участники междисциплинарных проектов часто сталкиваются со взаимным непониманием» [Гордова 2024: 3592]. Ярko иллюстрирует это предлагаемая статья, которая посвящена одной из актуальных смоленских ономастических проблем.

Ономастические сюжеты Смоленской крепости разнообразны и многочисленны – этимология и бытование в различные эпохи официальных и неофициальных названий башен, *проломов*, «*форточек*», позднейших разнообразных «*вкраплений*» в крепость (выделенные курсивом понятия – смоленские эндемики). Номинация названных объектов смоленским этносом – сложный многовековой процесс. Он связан с когнитивной-познавательной деятельностью людей, проживавших и проживающих на данной территории и является отражением уникальной концептосферы.

Процесс кодирования явлений внеязыковой действительности происходит через наименование этих явлений – номинацию. Осмысление этого процесса – важная лингвокогнитивная задача.

В этой статье мы рассмотрим концепт СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ и проблемы, которые возникают в связи с номинацией Смоленской крепостной стены. Решаемый вопрос номинации языкового знака и стоящего за ним концепта поможет раскрыть то, как верно указывает Е.С. Кубрякова, «какая часть знаний об объекте, переработанная или перерабатываемая сознанием (в данном случае коллективным – *комм. Д.В.*) и превращающаяся постепенно в концепт объекта, получает отдельное наименование» [Кубрякова 2004: 70].

Наиболее полное название из трех слов – Смоленская крепостная стена порождает сокращенные варианты Смоленская крепость и Смоленская стена, они в свою очередь могут трансформироваться в еще более лаконичные, имеющие оттенок разговорности однословные топонимы Крепость и Стена. Последний оным, кстати, стал названием культовой книги помощника Президента Российской Федерации В.Р. Мединского (издана в 2012 г.), по которой в 2016 г. был снят фильм.

Наряду с перечисленными наименованиями (чаще несмолянами) употребляются варианты Смоленский кремль и Кремль. Нижегородский архитектор-реставратор С.Л. Агафонов, например, пишет в одной из своих работ: *Стены кремлей каменными ожерельями наброшены на прибрежные холмы Волги, Днепра, Москвы-реки. Этот образ <...> в равной степени может относиться и к Московскому, и к Нижегородскому, и к Смоленскому кремлям* [Агафонов 1976: 5].

Вариант Кремль чужд многим коренным жителям города на Днепре. Приехавший в Смоленск из Костромы и став директором музея «Смоленская крепость» (основан в 2020 г.) С.А. Пиляк в своем фундаментальном труде «Культурное наследие: генезис, актуализация, ревалоризация. Смоленская крепость» акцентирует рассматриваемую языковую проблему, отмечая, что уже само равнодушие смолян к тому, как называют их кремль-крепость, является уникальным социокультурным явлением.

Особым вопросом остается восприятие Смоленской крепостной стены в качестве кремля. <...> Важно отметить, что именование крепости остается болезненным вопросом для местного сообщества. Автору не раз доводилось слышать смолян, поправлявших оговорки гостей города: «Не кремль, а крепость!». <...> Следует признать, что столь яркое отстаивание местной идентичности в архитектурном наследии редко для российских городов [Пиляк 2022: 42].

В дальнейшем изложении Сергей Александрович совершает исторический экскурс, обнаруживая целую россыпь вариантов наименования Смоленской крепости – от канцелярского «Каменная городовая стена» до романтического «Замок» и фольклорно-поэтического «Обронительница – стена-матушка» (другие варианты: Град, Город, Град Каменной). Обозначив и проанализировав «болеую точку» в топонимии, заострив внимание на ней спустя два года в интернет-статье «Так кремль

или крепость?» (https://dzen.ru/a/ZeHwajBRoGFi_oM_L), С.А. Пиляк так и не выносит окончательного вердикта.

В этой статье мы всё же попытаемся его вынести.

Нельзя не признать авторитет многих из тех, кто настаивает на ошибочности варианта «Кремль». Ведь среди них уважаемый смоленский историк и педагог А.Т. Смирнова (заслуженный работник культуры РФ), ленинградский ученый, доктор исторических наук, археолог П.А. Раппопорт, написавшие в соавторстве замечательную книгу «Архитектурные достопримечательности Смоленска», в коей подчеркивается, «что кирпичные стены окружали весь Смоленск, а не были укреплением только его центральной части, поэтому совершенно неправильно, когда крепость эту иногда называют кремлем» [Раппопорт, Смирнова 1976: 36]. Им вторит краевед и педагог, кандидат географических наук Б.Н. Перлин в одной из лучших книг о Смоленске «Смоленск глазами смолянина. (Мой родной Смоленск)» (издана посмертно). *Между прочим, коренной смолянин никогда не называл и не называет Смоленскую крепость кремлем, как это иногда делают некоторые историки и туристы. Слово КРЕМЛЬ обозначает изначально укрепленный центр, вокруг которого постепенно складывался город.*

Стена, около которой мы стоим, опоясала уже сложившийся город на рубеже XVI–XVII веков и стала его крепостью. Поэтому так называли ее смоляне и так называют теперь [Перлин 2021: 215]. О том, что Смоленская крепость «неверно именуется иногда Смоленским кремлем» [Косточкин 2000: 33], пишет также архитектор-реставратор, известный специалист по древней русской архитектуре и фортификации, доктор исторических наук В.В. Косточкин.

Несмотря на всё процитированное выше, отметим, что уважаемые историки, археологи, искусствоведы и географы проявляют, на наш взгляд, категоричность, бесосновательно пытаются упростить-обеднить русский язык. Проблема словопотребления – лингвистическая; и последнее и наиболее весомое слово в ее решении следует дать филологам. А они не препятствуют именованию крепости кремлем. В толковом словаре Ожегова-Шведовой обнаруживаем, что по отношению к старинным русским городам (а Смоленск таковым, безусловно, является) варианты полностью синонимичны: «Кремль – крепость в старых русских городах» [Ожегов 1992: 747]. С этой установкой солидарна Л.Г. Бабенко – автор-составитель «Большого толкового словаря русских существительных» («КРЕМЛЬ, -я, м. В старых русских городах: то же, что крепость» [БТСРС 2005: 512]).

Самый авторитетный в нашей стране лингвистический интернет-ресурс «Грамота.ру» (деятельность этого справочно-информационного портала, созданного в июне 2000 года, координируется редакционным советом, который возглавляет ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук Ю.Е. Прохоров) на вопрос «Скажите, а можно ли любую крепость, которая более или менее соответствует описанию, данному в дефиниции, называть „кремль“?» не дает отрицательного ответа. «Кремль – наиболее древняя

часть старых русских городов, обнесенная крепостными стенами с башнями», – пишет он в 2007 г. [Грамота].

Следует отметить, что и среди смолян есть употребляющие слово Кремль по отношению к одной из главных достопримечательностей города. Например, княгиня Тенишева («И вот насмотрела я одну из башен старинного смоленского кремля» [Тенишева 1991: 203]) или родной брат А.Т. Твардовского («От вокзала мы проехали трамваем до кремлевской стены» [Твардовский 1983: 102]). «Смоленским кремлем» называли свое сообщество в ВК и Телеграм-канале футбольные фанаты (https://vk.com/ultras_67). В связи с последним примером нельзя не порадоваться, что молодежь выбирает не какой-либо модный англицизм, а красивое старинное русское слово.

Признав право на жизнь варианта «Смоленский кремль» («внешней» стратегии категоризации языкового материала), отметим всё же, что вариант «Смоленская крепость» нам нравится больше. Так называется замечательный смоленский музей, самый молодой в стране из федеральных – был создан осенью 2020-го года. До 2015 г. В Пятницкой башне крепости располагался ресторан «Смоленская крепость». Так же называлась одно из самых популярных крепко алкогольных изделий, выпускаемых некогда успешным предприятием «Бахус».

Есть и еще один вариант, наименования Смоленской стены – «Годуновская крепость». Он носит книжный характер, используется экскурсоводами, краеведами, журналистами. Любопытно, что смоленская достопримечательность при создании этого топонима ассоциировалась не с Фёдором Конём, а с царем. В этом, конечно, есть справедливость Годунов, еще не будучи царем, в 1596 г. заложил первый камень строительства, благословив смолян и пришедших им на помощь россиян на трудовой подвиг. Обеспечил все необходимые условия для чудо-стройки. В статусе самодержца спустя шесть лет от освятил «Красоту неизглаженную», «Ожерелье Всея Руси» (эти образные красивые парафразы приписываются Борису Годунову ошибочно – см. статью Д.В. Валуева «Правду говорит Годунов» [Валуев 2022]). Наконец, укрепил фортификационную твердыню духовно – дарением иконы «Божьей Матери Одигитрии», хранящейся ныне в главном храме Смоленска.

В завершение отметим, что ономастикон Смоленской крепости – своеобразная, важная часть внутригородской номинации, являющаяся отображением коллективной концептосферы. Его изучение имеет широкие перспективы и в дальнейшем будет продолжено.

Литература

Агафонов С.Л. Нижегородский Кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький, 1976.

БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005.

Валуев Д.В. «Правду говорит Годунов» (К вопросу о возникновении одного смоленского предания) // Смоленская крепостная стена. Вып. 4. 2022. С. 58-62.

Гордова Ю.Ю. Междисциплинарная коммуникация: актуальная методология исследований в области топонимики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 10. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20240507/fulltext>

Косточкин В.В. Крепость Смоленска. М.: б.и., 2000.

Кубрякова Е.С. Когнитивизм и теория номинации // Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 58-75.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка М.: Азъ, 1992.

Перлин Б.Н. Смоленск глазами смолянина. (Мой родной Смоленск). Смоленск: б.и., 2021.

Пиляк С.А. Культурное наследие: генезис, актуализация, ревалоризация. Смоленская крепость. Смоленск: б.и., 2022.

Раппопорт П.А., Смирнова А.Т. Архитектурные достопримечательности Смоленска. М.: Моск. рабочий, 1976.

Грамота – Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: <https://gramota.ru/spravka/vopros/228993>

Твардовский И.Т. На хуторе Загорье. М., 1983.

Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991.

D.V. Buteev (Smolensk, Russia)

Smolensk State Institute of Arts

NAMES OF THE SMOLENSK FORTRESS WALL

The article analyzes the onomastic problem in an interdisciplinary aspect – “Can the Smolensk Fortress be called the Kremlin?” The reasoning leads to the conclusion that it is possible. Linguistic material is closely intertwined with historical, geographical and local history.

Key words: Smolenskaya Fortress, Kremlin, toponymy, unofficial toponyms, onomastics

М.В. Влавацкая (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет

vlavatskaya@list.ru

ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РУССКОЙ АНТИПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Исследование проходит в рамках комбинаторной паремиологии, изучающей преобразование традиционных паремий в неопаремии (антипословицы). В то же время на материале русских антипословиц обосновывается применение трансдисциплинарного подхода, позволяющего представить разные результаты познавательной деятельности человека относительно женской идентичности.

Ключевые слова: комбинаторная паремиология, языковая комбинаторика, модифицированные паремии, русские антипословицы о женщине, корреляции новой антропоцентрической парадигмы, аспекты изучения антипословиц, трансдисциплинарность

Антропоцентрическую парадигму в науке можно назвать трансдисциплинарной, так как современные исследования не ограничиваются только одной сферой, а проникают в разные области знаний и даже преодолевают их границы. Сегодня этап гуманитарных знаний характеризуется нарастающим интересом ученых «к позна-

вательной деятельности человека и различным способам представления ее результатов, в том числе в языке» [Болдырев 2020: 5].

Наше исследование проходит в рамках комбинаторной паремиологии, изучающей трансформации узуальных паремий (поговорок, афоризмов, поговорок и т.п.) в неопаремии (антипоговорки), которые происходят по причине разрушения старых стереотипов и появления корреляций в новой когнитивной картине мира русского народа. Однако одновременно работа охватывает и другие области знаний о языке: системно-структурную, гендерную, когнитивную лингвистику, а также этно- и психолингвистику и т.д.

Узуальные паремии как «коллективные тексты концептуализирующие веками накопленные наблюдения и опыт человека в его повседневной жизни, выступают важным средством передачи народной мудрости» [Демидкина 2017: 92]. В отличие от них антипоговорки «опровергают, либо пародируют пословичную мудрость, а также отражают в шутилой или ироничной форме современное осмысление жизни человека и окружающей его действительности» [Там же], например: *Жена — вторая половина* → *Жена — это твоя вторая половина, которая постоянно норовит стать первой*.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью, с одной стороны, проведения и описания многоаспектных проблем языка, вызванных влиянием новой антропоцентрической парадигмы, а с другой, – явной недостаточностью использования одного подхода для описания сложных и разнородных объектов современной речевой реализации.

Цель исследования – на материале русских антипоговорок обозначить трансдисциплинарную специфику изучения отражения женской идентичности в русской национальной картине мира в рамках новой антропоцентрической парадигмы.

Феномен преобразования известных паремий в антипоговорки в научной литературе рассматривается как: вариативность (В.М. Мокиенко), трансформация (Ю.В. Бутко), деформативная стратегия (О.А. Хопияйнен, Н.В. Филимонова), эвкативная фразеология (З.К. Беданкова). Рассматривая данный феномен в рамках комбинаторной паремиологии (З.М. Зайкина), за основу берется принцип языковой комбинаторики. Помимо комбинаторной области изучения русских неопаремий о женщинах данное исследование затрагивает и другие составляющие научного познания о языке:

1) системно-структурную, направленную на изучение строения и состава антипоговорочной системы в русской языковой картине мира, которая является и целостным комплексом взаимосвязанных единиц, и в то же время частью других систем;

1) гендерную, которая социально дифференцирует представления о личностных качествах и поведенческих моделях женщин, включая половые особенности и их социальную роль;

1) психолингвистическую, позволяющую изучать не только процессы и механизмы порождения и восприятия паремиологической единицы в совокупности ее

элементов, но и выявлять психологические мотивы ее перерождения в национальной картине мира;

1) этнолингвистическую, которая ориентирована в данном случае на выявление специфики живого – истинного и объективного – знания носителей русской лингвокультуры;

1) семантико-когнитивную, способствующую выявлению «**соотношения семантических процессов с когнитивными**» [Бабушкин, Стернин 2018: 4], посредством выделения в антипословичных единицах семантических признаков и объединения их в соответствующие семантические группы, таким образом выстраивая функционально-семантическую модель;

1) динамическую, путем когнитивной интерпретации направленную на выявление экстралингвистических факторов, являющихся результатом переустройства ментального сознания и проявляющихся в комбинаторно-семантических модификациях узуальных паремий, отражающих реалии новой антропоцентрической парадигмы в русской языковой картине мира.

Для определения комбинаторно-семантической эволюции узуальной паремии в антипословицу и выявления корреляций в новой изменившейся антропоцентрической парадигме был разработан комплексный анализ, состоящий из нескольких этапов, начиная с комбинаторного и заканчивая когнитивно-динамическим анализом.

Следуя принципу языковой комбинаторики, определим системно-структурную составляющую преобразования узуальных паремий в неопаремии о женщинах: 1) Муж – голова, жена – шея → Муж – голова, жена – **всё остальное** (субституция); 2) **все везти на себе** → **Самая везучая на свете женщина – русская: все везет на себе** (аддиция); 3) **Без женщины жить нельзя на свете нет** → **Без женщины жить нельзя на свете** (импликация); 4) **баба с возу – кобыле легче + И волки сыты и овцы целы** → **Баба с возу – волки сыты** (контаминация); 5) Человек – **это звучит гордо** (М. Горький) → **Женщина – это звучит гордо, а также громко, капризно и бестолково** (комбинирование: субституция + аддиция); 6) **Чем..., тем...** → **Чем хуже талия, тем выше зарплата** (заполнение паремичной модели).

Гендерная составляющая в антипословицах, репрезентирующих женскую идентичность, проявляется в наличии феминного маркера, к которому мы относим лексемы с семей женской принадлежности (*женщина, жена, мама, блондинка, теща* и их дериваты, например: *Как из 10 блондинок выбрать самую глупую? — По жребию или Как папа сказал, так по-маминому и будет*); личные и притяжательные местоимения (*она, ее, ей*, например: *Если женщина молчит — слушай ее внимательно*); морфологические признаки (*глупой, красивой* и т., например: *Чтобы быть глупой, недостаточно быть красивой*), а также феминные семантические признаки (*Чем тоньше талия, тем выше зарплата* или *Женятся дураки. Умные выходят замуж*).

С морально-психологической и этнической точек зрения антипословицы как трансформанты известных паремий о женщинах в русской языковой картине мира имеют цель отражать такие особенности женщины как: ее биологические харак-

теристики (*Все красивые женщины похожи друг на друга, каждая некрасивая – страшна по-своему*), этническую специфику (*Самая везучая на свете женщина – русская: все всегда везет на себе*), гендерные стереотипы (*Женщины – лучшая половина человеческих бед*), черты характера (*Загадочная женщина загадит жизнь кому угодно, а если не успеет, то придет догадливая и догадит!*), умственные способности (*Умная девушка всегда знает, когда включить «дуру»*), чувства и эмоции (*Как бы хороша ни была женщина, она думает о себе еще лучше*), а также определенные поведенческие модели (*Женщина уверена, что дважды два станет равно пять, если как следует поплакать и устроить скандал...*) и т.д.

В рамках семантико-когнитивного анализа выявляется соотношение семантики языка с концептосферой народа, другими словами, через значение антипословиц происходит исследование концептов. Проведенный семантико-когнитивный анализ способствовал выделению двух семантических секторов концепта ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.

В первый сектор «Женщина как отдельный гендер» вошли такие семантические группы антипословиц, как: 1) женщина глазами мужчин: *Любите женщину – она научит вас уважать свободу*; 2) интеллект: *Ум женщины – это ум курицы, ум умной женщины – это ум двух куриц*; 3) внешность: *Наши женщины тратят на косметику гораздо больше, чем страна на вооружение*; 4) свойства характера: а) самоуверенность: *В споре с женщиной последнее слово может сказать только эхо*; б) выносливость: *Работа сделала из обезьяны человека, а из женщины – лошадь*; в) болтливость: *Если женщина молчит – слушай ее внимательно*; г) злопамятность: *Женщины слишком долго помнят не подаренные цветы* и т.д.

Во второй сектор «Взаимоотношения женщины и мужчины» вошли три семантические группы.

1. «Семейные отношения» и подгруппы: 1) супружеские стереотипы: *Брак – союз двух людей, один из которых никогда не помнит дат, которые никогда не забывает другой*; 2) жена главнее мужа: *Если мужчина утверждает, что он в доме хозяин, значит, он и в других случаях врет*; 3) жена умнее мужа: *У умной жены муж не замечает, что его корона – ее каблук*; 4) теща – вынужденный член семьи: *Теща – это горшок: что не влей – всё кипит* и т.д.

2. «Отношения женщины и мужчины» и подгруппы: 1) превосходство женщины: *Этим миром управляют мужчины, управляемые женщинами*; 2) превосходство мужчины: *Женщина меняется не с возрастом, а с мужчиной*; 3) родственные души: *Скажи мне, кто твой мужчина и я скажу, что ты за женщина*; 4) несостоятельность женщины без мужчины: *Женщина без мужчины как сковорода без ручки*; 5) самостоятельность женщины без мужчины: *Женщина без мужчины, как рыба без велосипеда; Женщина без мужчины, как блоха без собаки – жить можно, но кусать некого!* и т.д.

3. «Корыстные интересы женщины» и подгруппы: 1) расчетливость: *Блондинки предпочитают джентльменов с деньгами*; 2) коварство женщины: *Женщина, если захочет, забирает у мужчины всё. Даже фамилию*; 3) меркантильность: *Какая грустная жена не мечтает стать веселой вдовой*.

Далее посредством когнитивно-динамической составляющей изучения антипословиц о женщине были выявлены корреляции, отражающие реалии современной антропоцентрической парадигмы в русской языковой картине мира, а именно: нивелирование традиционно ценностных и экспонирование не традиционных качеств женщины и ее меркантильных интересов, представление женщины как объекта, принижение умственных способностей женщины и переосмысление предназначения женщины по сравнению с мужчиной и т.д.

Таким образом, применение трансдисциплинарного подхода позволяет представить разные способы результатов познавательной деятельности относительно женской идентичности в русской антипословичной картине мира.

Литература

Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. Воронеж: Ритм, 2018.

Болдырев Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5-25.

Демидкина Е.А. Репрезентация интеллектуальных качеств человека в немецких поговорках и антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-1 (67). С. 91-94.

M.V. Vlavatskaya (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Technical University

FEMALE IDENTITY IN THE RUSSIAN ANTIPROVERBIAL WORLD PICTURE: TRANSDISCIPLINARY APPROACH

The research takes place primarily within the framework of combinatorial paremiology, which studies traditional paremias' transformation into neoparemias (antiprovverbs). At the same time, the material of Russian anti-proverbs is used to justify the application of a transdisciplinary approach, which allows us to present different results of human cognitive activity in relation to female identity.

Key words: combinatorial paremiology, linguistic combinatorics, modified paremias, Russian antiprovverbs about a woman, correlations of the new anthropocentric paradigm, aspects of antiprovverbs' study, transdisciplinarity

Мэйлинь Гао (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
isgaogao@yandex.com*

ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ)

Статья посвящена описанию ценностных констант, представленных в русских и китайских поговорках с компонентом-названием праздника. Показано, что счастье, семья, труд, опыт, ум и вера в Бога – общие ценности для лингвокультур двух народов, хотя их иерархия различна, что подчеркивает различия в национальной идентичности. Русские поговорки представляют духовные ценности под влиянием религиозных традиций, а китайские – семейные ценности в рамках прагматической направленности и особенностей культуры.

Ключевые слова: поговорка, ценность, лингвоаксиология, традиционный праздник

Язык на разных уровнях является средством отражения системы ценностей, поскольку «ценности всегда каким-то образом присутствуют в языке» [Бартминский 2011: 57]. Паремии концептуализируют ценностное значение материальных и идеальных объектов, отражая ценностные суждения людей о реальном мире на уровне повседневного сознания и наиболее ярко отражает национальные ценности [Ничипорчик 2016]. Лингвоаксиологический анализ предполагает использование междисциплинарного подхода: средоточие когнитивного, лингвокультурологического анализа; привлечение данных компонентного анализа. В рамках сравнительно-сопоставительной лингвоаксиологии подтверждена близость способов осмысления окружающего мира в паремиях и наличие универсального при рассмотрении системы ценностей разных народов, однако общие черты в доминирующих ценностях различных лингвокультур не предполагают полного совпадения иерархии этих ценностей в каждой из них [Ничипорчик 2016; Ломакина 2024].

Традиционные праздники отражают коллективную память, национальные ценности и этническую идентичность. Данное исследование направлено на инвентаризацию культурных ценностей в русских и китайских паремиях с компонентом-названием праздника, выявление общих черт и различий в национальных ценностях России и Китая в рамках когнитивно-дискурсивного анализа. Цель исследования – описать ценностные константы (термин О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко) паремий о традиционных праздниках, проанализировать различия их иерархии и продемонстрировать лингвоаксиологический потенциал. Материалом послужили паремии из тематических и этнолингвистических словарей русского и китайского языков: «Пословицы русского народа» В.И. Даля (1989), «Русский народный календарь» под ред. Е. Л. Березович (2021), «Китайские пословицы» Ван Цижун (2019) и «Обзор китайских народных обычаев» Чжу Нинхуна (2005).

Ценностные константы – ментальные постоянные, отражающие традиции, менталитет, национальный характер и социальный опыт народа, выраженные в паремиях и передающие его систему ценностей [Ломакина, Мокиенко 2018: 313]. Общие ценности: любовь, дружба, труд, красота, счастье, правда, дом и семья – характерны для разных культур, включая русскую и китайскую [Ничипорчик 2016]. Тематическая классификация китайских паремий подтверждает наличие аналогичных концептов, что позволяет считать их ценностными константами китайского народа.

Дом и семья представляют собой универсальные ценности в любой лингвокультуре. В коллективистской культуре России и Китая счастье и единство семьи во время традиционных праздников являются общими для двух народов. В китайской культуре семейное воссоединение имеет особое значение, особенно во время праздников, когда оно становится одной из главных традиций, что отражается в паремиях: *每逢佳节倍思亲 В каждый праздник особенно сильно скучать по близким; 正月十五卖元宵——抱成团 Продавать юаньсяо на Праздник фонарей – держатся вместе, как одно целое; 过年吃饺子——都是一家人 На Новый год едят пельмени – все*

как одна семья, которые подчеркивают искреннее стремление к единству во время праздников. Семья также играет важную роль для россиян, особенно в такие праздники, как Новый год, Рождество, Масленица и Пасха, когда семья часто собирается вместе, что находит отражение в паремиях: *Чужая ласка – сироте Пасха*. Однако в русских паремиях с компонентом-названием праздников больше внимания уделяется религиозному и духовному значению праздника, а также его торжествам и веселью: *И дурак празднику рад; Опять наступила масленица, опять жизнь без забот, без волнений; В будни поработаем – в Праздник погуляем; Пасха – праздников праздник и торжество торжеств*.

Праздники прерывают обычное течение жизни, поэтому они несут в себе самые простые человеческие желания – изгнание зла и несчастий, ожидание хорошего урожая, мира, безопасности и семейного благополучия. Эти базовые ценности отражаются в паремиях о праздниках: рус. *Под Новый год надо встряхивать яблоны для урожая*; кит. 端午不戴艾, 死后变妖怪 *Если не будете носить полынь на празднике драконьих лодок, то после смерти станете демоном*. Запрещенные действия во время праздников также являются важным отражением ценностей. Через эти запреты люди стремятся избежать бед и несчастий, следуя обычаям, переданным предками, выражая почтение к силам природы: *Вот под Новый год запласт не плотют* (ставить запласты)...*; *В Паску баню нельзя топить – заболеешь*; 过年不要说狂话 · 免得吉利跑出家 *На Новый год не говорят легкомысленные слова, чтобы не упустить удачу*.

Понятие труда связано с важными для человека категориями счастья, уважения и жизни [Ломакина 2023: 747]. Анализ паремиологического материала показывает, что **труд** в русских и китайских паремиях с компонентом-названием праздника является амбивалентной ценностью. С одной стороны, необходимо выполнить определенную работу, чтобы подготовиться к празднику, убратся в доме. Ср.: рус. *А вся неделя Масленичная: понедельник, тут всё чистили и мыли...*; кит. 二十四, 扫房日 *Двадцать четвертого числа двенадцатого месяца (по аграрному календарю) – день уборки дома*. Кроме того, некоторые сельскохозяйственные праздники подчеркивают важность труда, например, на Еремея-Запрягальника: *На Еремея и ленивая соха в поле выезжает*. Подобная идея выражена и в китайской паремии 惊蛰不犁地 · 好似蒸馍跑了气 *Если в день Цзин чжэ не пахать землю, это всё равно что пароварка выпустила пар*. С другой стороны, праздник выполняет функцию отдыха и развлечения, в этот период нельзя работать, что особенно ярко проявляется в русских паремиях: *Пасха – самый страшный праздник. Будешь работать если – руки будут болеть пуще; От Рождества до Иванова дня в деревнях женщины не прядут и не шьют*.

Праздничные паремии можно рассматривать как абстрагированное отражение исторической реальности, в которых заключено большое количество обобщенного **опыта и мудрости**, передаваемых через поколения. Знания о природе, сельскохозяйственный опыт поколений, календарные обряды, нормы общественной жизни и многие другие элементы зафиксированы в паремиях и через ритуализированную

народную деятельность ярко воспроизводят, подчеркивая важность ценностей: *Картошку до Николы не сажают: не вырастет; Если Дмитриев день не в снегу, то и Егорьев день будет не в снегу; 雨打清明前, 洼地好种田 Если дождь идет перед праздником Цинмин, низины хорошо засеивать; 吃了端午粽, 才把棉衣送 Съел цзун-цзы на праздник Дуаньу – только тогда уберу ватник.*

Любой язык несет следы патриархата, гендерная асимметрия в оценке женщин проявляется и во фразеологии, и в паремиологии. Традиции, особенно праздники, часто отражают идею превосходства мужчин над женщинами. Более того, передаваясь из поколения в поколение, паремии способствуют закреплению этих положений в повседневной жизни. Например: рус. *Если в Новый год утром первой в дом зайдет женщина – к несчастью, мужчина – к удаче.* Аналогично в китайской традиции праздника Циси прослеживается распределение гендерных ролей: *男子乞文, 女子乞巧 Мужчины просят учености, а женщины – мастерства.*

Традиционные народные праздники представляют собой сложное социокультурное явление, отражающее характер, верования и ценностные ориентации, которые формировались на протяжении истории народа. Одной из ключевых особенностей российских традиционных праздников является их ярко выраженная **религиозность**, что резко контрастирует со светским и в некотором смысле пантеистическим характером традиционных китайских праздников. Это различие указывает на фундаментальные расхождения в ценностных ориентирах двух культур. В русском народном календаре религиозные праздники занимают центральное место, что находит отражение в многочисленных паремиях: *На Пасху идут христосоваться с могилами, т.е. обводят могилу яйцом и говорят: «Христос воскрес!»; Бог Троюцу любит; На Благовещение и на Пасху грешников в аду не мучат.*

Тема жертвоприношения присутствует как в русских, так и в китайских паремиях, но связанные с ней ценности существенно различаются. В русской культуре религиозный аспект остается ключевым в обрядах: *А воскресеньё последнё – Радоница. Христос пришел к ученикам – все возрадовались; На Пасху на могиле яичко катают посредине три раза; В Рождество в церкву обязательно сходишь.* Паремии подчеркивают важность веры и духовного возрождения вне зависимости от мест нахождения человека.

В китайских традиционных праздниках жертвоприношения связаны с почитанием предков и божеств. Например: паремия *清明时节雨纷纷 · 路上行人欲断魂 В праздник Цинмин зарядил дождь, бредущий по дороге путник почти совсем пал духом* передает традицию поминовения усопших в день Цинмин, а поговорка *糖瓜祭灶, 新年来到 Ячменные леденцы задобрят бога очага, и Новый год придет* отражает стремление заслужить благосклонность этого божества. Эти примеры показывают, что жертвоприношения в китайской культуре связаны с практически целями и почтением предков в рамках патриархальной системы. В отличие от русских религиозных верований, ориентированных на духовные стремления, китайские жертвоприношения служат удовлетворению земных интересов через поклонение духам.

Анализ паремиологического материала, связанного с праздниками, показывает, что **счастье, семья, труд, опыт, ум и вера в Бога** являются ценностными константами как в русском, так и в китайском народном сознании. Однако наблюдаются различия в важности этих ценностей. Русские паремии с компонентом-названием праздников чаще отражают внутренние чувства и духовные переживания, сформированные под влиянием религиозной традиции. В то же время китайские паремии акцентируют внимание на семейной преемственности, общественной сплоченности и светских аспектах, связанных с почитанием божеств.

Литература

- Барминский Е.* Место ценностей в языковой картине мира // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел-2000, 2011. С. 51-80.
- Ломакина О.В.* Концепт дети в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 58-62.
- Ломакина О.В.* Ценностные константы русского мира: когнитивный анализ паремий // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 745-750.
- Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303-317.
- Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях: Лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2016.

Menglin Gao (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

REFLECTION OF THE VALUE SYSTEM IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL FESTIVALS: A COMPARATIVE ANALYSIS (BASED ON RUSSIAN AND CHINESE PAREMIES)

The article is devoted to the description of value constants presented in Russian and Chinese proverbs with a component-name of a holiday. It is shown that happiness, family, work, experience, intelligence and faith in God are common values for the linguacultures of the two peoples, although their hierarchy is different, which emphasizes the differences in national identity. Russian proverbs represent spiritual values under the influence of religious traditions, and Chinese proverbs represent family values within the framework of a pragmatic focus and cultural features.

Key words: paremia, value, linguoaxiology, traditional festival

А.П. Герасимова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
nastya_gera_728@mail.ru*

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье автор выявляет важность применения когнитивного подхода в обучении иностранному языку. Проводится краткий обзор научных работ, посвященных данной проблеме. Автор анализирует дидактический потенциал когнитивной метафоры в художественных

текстах, уточняет важность развития метафорических способностей при обучении иностранному языку, а также приводит примеры различий в концептосферах русскоязычной и англоязычной картинах мира.

Ключевые слова: когнитивная метафора, дидактический потенциал, метафорические способности, художественный текст, концептосфера, концепт, межкультурная коммуникация

В условиях глобализации, когда расширение культурных связей способствует ускорению темпа культурного обмена, а также экономической, политической и религиозной интеграции, важно уважительно относиться к национальной идентичности тех или иных народов, а также не потерять национальную идентичность и национальное самосознание своего народа, в том числе необходимо понимать, принимает ли один народ ценности другого или же аксиологические основы не совпадают. В настоящее время, в условиях межкультурного общения, становится важным адекватно интерпретировать культурные смыслы, национальную специфику концептов, образов, метафор. Залогом успешной межкультурной коммуникации является межкультурная рефлексия.

Когнитивный подход в обучении иностранному языку широко используется в работах отечественных и зарубежных лингвистов и преподавателей. Например, диссертационное исследование А.В. Щепиловой посвящено коммуникативно-когнитивному подходу к обучению французскому языку как второму иностранному [Щепилова 2003]; в своем диссертационном исследовании Ван Линьпэн разрабатывает методику обучения студентов-лингвистов китайской фразеологии на основе когнитивного подхода [Ван Линьпэн 2024]. Особое внимание в исследованиях уделяется метафоре, взаимосвязи метафоры с мышлением, коммуникацией и культурой [Gibbs 2008]. Возникает теория концептуальной метафоры, которая тесно связана с периодом смены лингвистической парадигмы в 1980-х гг. [Новицкая 2019]. Основоположниками данной теории являются выдающиеся американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон. В своей работе «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 2008] они предлагают несколько видов концептуальных метафор, которые отражают мыслительную логическую картину мира и языковую картину мира человека. Разработкой теорий когнитивного подхода также занимались А.А. Кибрик, Ж.Н. Авилкина, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Дж. Миллер, Р. Лангакер и др. Динамика метафоризации в англоязычном и русскоязычном методическом дискурсе описана в исследовании Н.П. Ивинских [Ивинских 2012]. Однако вопрос метафоры рассматривается не только с позиций лингвистики и дидактики [Гак 1988; Хжановска-Ключевска 2023], но и успешно анализируется в социально-психологической практике [Торнеке 2021; Вачков 2022], а также как инструмент манипуляции [Заботкина 2022]. И.В. Юрченко в своей монографии описывает метафору как средство развития творческих способностей младших школьников [Юрченко 2012].

Анализ данных работ показывает, что метафора является предметом междисциплинарных исследований. Однако, в настоящее время, приходится констатировать,

что существует проблема интерпретации культурных смыслов, анализа базовых концептов, аксиологических основ, проблемы формирования традиционных ценностей многонационального социума, мировоззрения, лингвокультурологии, лингвострановедения. Задача современного многоязычного и поликультурного образования состоит в подготовке высококвалифицированных специалистов, способных к успешному профессиональному взаимодействию в условиях межкультурной коммуникации, а также реализации приобретенных умений и воспитательной составляющей в преподавании иностранных языков.

Как показывает практика, обучающиеся не в полной мере владеют умениями интерпретировать художественные тексты и заложенные в них смыслы. Главная особенность современного обучения – «это глобальный процесс перехода от рецептивно-отражательного к конструктивно-деятельному подходу к деятельности» [Ивинских, Мишланова 2011: 76]. Данный подход предполагает творческую деятельность как у обучающихся, так и у преподавателя. Сущность творческой деятельности определяется как «период повышенной активности, которая требует концентрации внимания и во время которой идет перегруппировка информации, которая уже была усвоена, рождаются неясные, еще не получившие словесной оболочки образы» [Юрченко 2012: 23–24]. Можно сделать вывод, что метафора способствует развитию творческих способностей обучающихся. Когнитивный подход позволяет отметить взаимосвязь творческих способностей с познавательными процессами (восприятием, памятью, воображением, мышлением, речью и др.). Следовательно, «метафора, будучи универсальным механизмом познания и осмысления мира, играет важную роль в процессах концептуализации и категоризации мира» [Ивинских, Мишланова 2011: 76].

Дидактический потенциал когнитивной метафоры состоит в том, чтобы развивать у обучающихся метафорические способности, как самостоятельный компонент в составе творческих способностей. Сложность в развитии данных способностей может состоять в недостаточном словарном запасе изучающих иностранный язык, отсутствии или слабо выраженном навыке воспринимать и идентифицировать когнитивные метафоры в тексте, в том числе и художественном. Метафора – средство создания художественной речи [Герасимова 2024: 363]. Обучающиеся должны научиться толкованию когнитивных метафор, через которое они придут к построению новых смыслов на иностранном языке, а также их онтологизации. Важную роль играют механизмы конструирования когнитивных метафор.

Согласно Х.М. Дадабаеву, художественный текст располагает всеми лингвистическими, эстетико-коммуникативными средствами, способными определить различные сферы общения, в учебной сфере способен стать единицей обучения и, таким образом, может способствовать созданию высказываний, участвующих в учебном общении. Более того, художественный текст выполняет функцию воздействия, соответственно, является и средством воспитания учащихся. На первостепенное значение художественных текстов для обучения восприятию, пониманию факторов изучаемого языка внимание исследователей обращал уже Л.В. Щерба [Дадабаев 1998].

Основа образной системы художественного текста и способ создания поэтической картины мира – это метафоры [Богданова 2016]. И если в концептосфере русской культуры крайне важны явления природы (туманное утро, зимняя ночь, концепт дерева и др.) [Маслова 2021], то в концептосфере англоязычной культуры, в противовес образу природы, образ города играет большую роль.

Социальные понятия, такие как свобода, воля, дружба и война в некотором роде являются базовыми для многих культур, но, например, аксиологические основы концепта ВОЙНА могут сильно отличаться в русскоязычной и англоязычной картине мира. Для русского менталитета в большей мере актуальна прямая семантическая связь с концептами, формирующими высшие этические ценности: честь, смелость, любовь, а также ум. Для английского менталитета большую значимость имеет идея силы, выше которой ценится свобода, честь и любовь [Крячко 2007].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что дидактический потенциал когнитивной метафоры огромен, и обучение интерпретационной деятельности должно строиться с учетом использования специальных обучающих стратегий, учитывающих цели, задачи, этапы, принципы и содержание методики обучения на основе когнитивного подхода, где особое место будет уделяться восприятию, распознаванию, интерпретации, а также конструированию когнитивных метафор изучаемого языка. При этом специфика художественного текста и его возможности как средства обучения одинаково необходимы для лингво-культурологической интерпретации культурных смыслов, где учитывается не только информационная значимость, но и национальная специфика стран изучаемого языка.

Литература

- Богданова Е.С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52).
- Ван Линьпэн. Методика обучения студентов-лингвистов китайской фразеологии на основе когнитивного подхода: автореф. дис. ... канд. педаг. наук. СПб., 2024.
- Вачков И.В. Метафора и образ в социально-психологической практике: монография. Самара: Бахрах-М, 2022.
- Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988.
- Герасимова А.П. Метафорические ассоциативные карты в языковом образовании: методика и перспективы развития // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: сборник статей по итогам IX международной конференции, Москва, 25-29 марта 2024 года. М.: Спутник+, 2024. С. 361-368.
- Дадабаев Х.М. Художественный текст как средство обучения русскому языку в национальной школе: дис. ... канд. пед. наук. М., 1998.
- Заботкина В.И., Коннова М.Н. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 367-382.
- Ивинских Н.П. Динамика метафоризации в англоязычном и русскоязычном методическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.
- Ивинских Н.П., Мишланова С.Л. Дидактический потенциал метафоры // Terra Linguistica. 2011. № 131.

Крячко В.Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Флинта, 2021.

Новицкая И.В. Лингвистика XXI века на пути к интегративной теории метафоры // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3.

Торнеке Н. Метафора в практике психотерапевта: применения лингвистики в психотерапии / пер. с англ. А.Н. Шляховой. Киев: Диалектика, 2021.

Хжановска-Ключевска Э. Гораздо больше, чем метафора. Основные приемы художественного языка и воображения / пер. с англ. А.М. Морозова. М.: Изд-во «Общество любителей интеллектуальной книги», 2023.

Щепилова А.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М.: б.и., 2003.

Юрченко И.В. Метафора как средство развития способностей младших школьников: Монография. М.: Lennex Corp.; Нобель Пресс, 2013.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. by Gibbs Ray. Oxford: Oxford University Press, 2008.

A.P. Gerasimova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

DIDACTIC POTENTIAL OF COGNITIVE METAPHOR IN LITERARY TEXTS IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

This article highlights the importance of using the cognitive approach in teaching a foreign language. The study provides a brief review of scientific works devoted to this problem. The author analyzes the didactic potential of cognitive metaphor in literary texts, clarifies the significance of the development of metaphorical skills in teaching a foreign language, and exemplifies differences in the conceptual spheres of the Russian linguistic and English linguistic worldviews.

Key words: cognitive metaphor, didactic potential, metaphorical skills, literary text, conceptual sphere, concept, cross-cultural communication

E.S. Glazyrina (Chelyabinsk, Russia)

Military Educational and Scientific Centre of the Air Force "Air Force Academy"

(the branch in Chelyabinsk)

glazyr-elena@yandex.ru

LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF THE METAPHORICAL MODEL AN AIRCRAFT IS AN ARTIFACT IN THE ENGLISH LANGUAGE AVIATION TERMINOLOGY FROM THE POSITION OF INTERDISCIPLINARY LINKS WITH CULTUROLOGY, PHILOSOPHY AND ARCHAEOLOGY

Metaphors are widespread in aviation English, forming a system of conceptual relations in the terminological semantic field "Aviation". The paper analyzes the metaphorical model AIRCRAFT IS AN ARTIFACT from the position of cognitive linguistics. The author identifies interdisciplinary links between the concepts of AIRCRAFT, ARTIFACT and such disciplines as Cultural Studies, Philosophy and Archeology. The slots of the frame of the concept ARTIFACT are also scrutinized.

Key words: term, cognitive metaphor, artifact, aviation terminology, cognitive-metaphorical model AIRCRAFT IS AN ARTIFACT

Metaphors play a dramatic role in the creation of new concepts, since metaphorical nomination is inextricably related to mental operations and human cognitive activity. Metaphor as a linguistic phenomenon contains one of such fundamental cognitive mechanisms of human consciousness as simile. Metaphors “allow us to discover analogies between different objects and phenomena, making it possible to apply knowledge and experience acquired in one area to problem solving in another area” [Ивина 2003: 47]. Following G.I. Berestnev and other linguists-cognitologists, cognitive (conceptual) metaphors are understood as those “that allow the linguistic subject to present a new thought in the form of another, familiar thought”, this is “a way of thinking about one content area through the thought of another area, already cognitively processed and mastered by a person” [Берестнев 2002: 99].

When considering the concept of ARTIFACT, it should be noted that it originates from the Latin *artefactum* (arte – artificial + factus – made, created). This term was borrowed by linguists from such disciplines as cultural studies and archeology. It was also used in philosophical sciences to emphasize the difference between a man-made artificial object or tool and various natural objects. In A.B. Krasnoglazov's works, the concept of “artifact” is determined as an “elementary unit of the artificial world”. The scientist defines “artifact” as “a carrier of socio-cultural information, vital meanings, a means of communication; any artificially created object that has both certain physical characteristics and a sign or symbolic content.” A.B. Krasnoglazov also introduced the concept of “cultural-semantic field”, which “is generated by a cluster of homogeneous artifacts and simultaneously determines their formation and interpretation” [Красноглазов 1995: 15].

Turning to the origin of the term “**aircraft**”, we can also distinguish and emphasize the idea of an artificially designed object, reflecting scientific and technological progress of humanity. The term comprises two concepts: “air” (from Latin aer “air, lower atmosphere, sky”, from Greek *aēr* (genitive *aeros*) “mist, haze, clouds”, later “atmosphere”) and “craft” (from Old English “trade, handicraft, employment requiring special skill or dexterity”, also “something built or made”).

Speaking about modeling of a language and terminology in particular, it is noteworthy that the very idea of modeling is presented as a natural embodiment of scientists' dream to look inside the productive system of a language, i.e. inside the mind. In this case, J. Fauconnier metaphorically defines language as a “window into the mind”, looking through which is not that easy as it has turned out [Fauconnier 1999]. The reason for this is that cognitive processes have an implicit “behind the scenes” character and are hidden deep inside the human consciousness. Therefore, only through linguistic manifestations make it possible to shed at least some light on their essence.

As has been mentioned above, the existence of a metaphor in language determines the processes of human thinking and assists in understanding certain phenomena through

other phenomena. Z. Rezanova notes that a basic linguistic metaphor is the one, which is described by researchers as a metaphorical model that unites a wide range of semantic relationships: “nominative meaning → figurative, indirect, metaphorical meaning”. The structure and content of the model are predetermined by the nominative meanings of lexemes and their organization in the structure of a particular semantic field [Резанова 2010: 26]. In turn, the structure of a semantic field is a linguistic reflection of the cognitive structure. The conceptual network is structured in the form of frames, mental structures of knowledge about stereotypical situations, represented in ordered groupings of lexical units.

The original conceptual sphere ARTIFACT is not at all a homogeneous and simple concept in its structure. It is compositionally complex. And the metaphorical model built on its basis rests on the transfer of the properties and characteristics of objects created by man to an aircraft, which in its turn is also a product of the scientific and technological progress of mankind. The frame of the concept ARTIFACT is divided into four slots. Let us consider the most interesting terminological units from each slot:

1. Slot “Household items”

In aviation terminological system, the metaphorical term ‘*windmill*’ represents an autorotation / windmill of an aircraft propeller or engine turbine. The original meaning of the word ‘windmill’ is “mill”, and it is a mill’s circular motion that laid the foundation for the coining of the term.

‘*Canopy*’ in common English is interpreted as “a baldachin” that protects a sleeping person from light or simply provides privacy. Under the metaphorical influence, the word acquired the meaning of a “lantern”, which protects the crew of an aircraft from the effects of oncoming air, weather conditions and noise.

‘*Blades*’ are the “vanes” of an airplane turbine. Their shape resembles a knife blade, which implies that a metaphor for the similarity of shape was used in the formation of this term.

‘*Pad*’ is a launching platform for a rocket. The original meaning of the word is that of a pillow. If you carefully study the launch complex, you will notice that its lower part is somewhat reminiscent of a regular pillow, on which a rocket rests before its launch. Hereof, a metaphor for the similarity of shape underlies the formation of this metaphorical term ‘pad’.

2. Slot “Plants”

There are at least 2 compartments in the plane, one of them is a cargo compartment looking similar to a “pod of legumes”, which it is reflected in its name ‘*pod*’.

For correct orientation on the map, there is a drawing of a compass in the left lower corner of a map. Aviators call this drawn compass ‘*rose*’, because it looks like a rose.

3. Slot “Devices and tools used by humans”

The word ‘*jetty*’ in aviation means “a telescopic ramp” used by passengers to board an airplane, but the original meaning of the word was “jetty”. Here we can observe the

transfer of meaning by similarity of functions, since a jetty was used to descend to the shore or climb up to the ship.

The term ‘*gear*’, which in its original version is interpreted as “a tool or device”, has been transformed into the term “landing gear” due to metaphorization by analogy of concepts.

A ‘*slat*’ of an aircraft is located along the leading edge of the wing and is designed to improve the aerodynamic characteristics of an aircraft. In shape, it really resembles a “slat or crossbar”, which serves as the original meaning of the metaphorical aviation term.

3. Slot “Numbers”

One of the aerobatic maneuvers got its name ‘*eight*’ in English due to the trajectory of the airplane’s flight, resembling number 8.

When there is no information for the pilot, this is expressed to him by means of the term ‘*nil*’ corresponding to “zero, nothing”, which is the primary nomination of the word.

4. Slot “Security system”

The primary nomination of the word ‘*fence*’ has undergone metaphorization due to the similarity of functions and acquired a certain terminological meaning in the aviation science. A fence is a plate on the upper surface of the wing installed along the airflow to prevent it from flowing along the wing span.

‘*Gate*’, having gone through the metaphorization process, turned into the aviation term denoting the exit for passengers for consequent boarding. It is quite conceivable as the gate is a symbol of a door leading outside to the road.

To conclude, the linguistic layer of aviation-technical terminology represents an extensive part of the vocabulary of the English language, reflecting the diversity of the realia in the aviation sphere and the degree of scientific and technological progress. Therefore, a significant share in the terminology system “Aviation” is occupied by metaphorical terms, the source areas of which were objects conceived and realized by man in the process of technological advancement. A certain amount of such terms is built on the cognitive metaphorical model AIRPLANE IS AN ARTIFACT.

Литература

Берестнев Г.И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академический проект, 2003.

Красноглазов А.Б. Функционирование артефакта в культурно-семантическом пространстве: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1995.

Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Серия: филология. 2010. № 1 (9). С. 26-43.

Fauconnier G. Introduction to Methods and Generalizations. URL: http://cogweb. ucla.edu/ Abstracts/Fauconnier_99.html

Е.С. Глазырина (Челябинск, Россия)

*филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия» в г. Челябинске*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ САМОЛЕТ – ЭТО АРТЕФАКТ В АНГЛИЙСКОЙ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С ПОЗИЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ С КУЛЬТУРОЛОГИЕЙ И АРХЕОЛОГИЕЙ

Метафоры широко распространены в авиационном английском языке, образуя систему понятийных отношений в терминологическом семантическом поле «Авиация». В статье анализируется метафорическая модель САМОЛЕТ – ЭТО АРТЕФАКТ с позиций когнитивной лингвистики. Автор выделяет межпредметные связи между понятиями aircraft, artifact и такими дисциплинами как культурология, философия и археология. Рассматриваются слоты фрейма концепта АРТЕФАКТ.

Ключевые слова: термин, когнитивная метафора, артефакт, авиационная терминология, когнитивно-метафорическая модель САМОЛЕТ – ЭТО АРТЕФАКТ

Н.П. Глинская (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
glinskaya_nelly@mail.ru*

ХРОМАТИЧЕСКИЙ КОГНИОТИП В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена изучению специфики терминологической репрезентации психологических понятий через призму перцептивного (хроматического) когнитотипа. Источником материала послужила выборка из 250 англоязычных терминов, зафиксированных в толковом психологическом словаре Американской психологической ассоциации (АПА), эксплицитно репрезентирующих категорию цвета. Описаны наиболее салиентные терминологические компоненты, обусловившие состав терминов с мотивационными признаками цветообозначений; обсуждаются некоторые когнитивные механизмы, характерные для хроматического когнитотипа в рамках англоязычной терминологической номинации. Выявлены доменно-специфические предпочтения: термины психологии восприятия составляют основной массив, лексика нейропсихологии, психофизиологии, клинической психологии представлена меньше. Метафорические хроматические термины составляют примерно 10%, наиболее значимыми являются пропозициональные терминологические репрезентации.

Ключевые слова: терминологическая репрезентация, когнитотип, цветообозначение, когнитивный механизм, англоязычная психологическая терминология, когнитивное терминоведение

Когнитивное терминоведение занимается изучением взаимодействия концептуальных структур, терминологической репрезентации и трансфера научного знания, описанием моделей для понимания процессов формирования понятий и категорий в процессе взаимодействия когнитивных и языковых систем. Терминологическая репрезентация призвана непротиворечиво отражать «знания, достигшие оптимальности по критериям достоверности, обоснованности, непротиворечивости и плодот-

ворности, что имеет отношение к фундаментальности понятия науки» [Манерко, Новодранова 2014: 275]. Исходя из вышесказанного, выявление когнитивных моделей номинации, отражающих, по Е.И. Головановой, «ход мыслительной деятельности человека при создании новых имен» [Голованова 2014: 56], или когноти́пов, специфически репрезентирующих онтологические и эпистемологические категории в различных областях знаний, является важной современной задачей.

В рамках данной проблематики при изучении объективации категории признака была показана существенная роль категории цвета в концептуализации научных понятий в языке медицины [Бекишева 2007]. Поскольку специфика репрезентации признака цвета в языке психологии остается малоизученной, в данной работе предпринимается попытка выявления особенностей хроматического когнитивного типа на материале англоязычной психологической терминологии.

Методом сплошной выборки из словаря Американской психологической ассоциации (АПА) [APA Dictionary 2015] были отобраны 250 англоязычных терминов, имеющих в своей форме компоненты, эксплицитно называющие хроматические когнитивные признаки. Под терминоэлементом, вслед за В.Ф. Новодрановой, понимается «регулярно повторяющийся и воспроизводимый компонент сложных производных терминов, который, как правило, занимает определенное место в структуре термина и передает достаточно стабильное обобщенное значение» [Новодранова 2008: 255].

По результатам квантитативного анализа терминов, список частотных опорных терминологических компонентов возглавляют лексемы: *color*; *spectrum (spectral)*, *light*, *vision*, *pigment*. Эти лексемы представляют собой наиболее салиентные способы концептуализации перцептивных психологических понятий для ряда отраслей современной психологии. Значительное число терминов включает базовый терминологический элемент "*chromo- (chrom-; chromato-)*" (цвет) от греческого "*chroma*": *chromatics*, *chromaticity*, *chromatopsia*, *chromesthesia*, *achromatism*, *dichromatism*, *trichromatism*, *monochromatism* и др. Конкретные цветообозначения в порядке убывания частотности составляют такие лексемы, как *white*, *red*, *black*, *blue*, *green*, *pink*, *yellow*, *brown*. Терминологические единицы *blindness*, *coloration*, *wavelength*, *amplitude*, *density* играют существенную роль в ходе терминологической репрезентации физических, биологических, психофизиологических характеристик психологических явлений.

В состав ядерных хроматических терминов входят языковые единицы, отражающие оттенок, цветность, насыщенность (*binary / nonspectral / extraspectral / unique hue*, *color constancy / contrast / sensation / vision / value*, etc.), называющие теории цветового зрения (*Young-Helmholz / Land / Granit theory of color vision*) и цветовые системы (*Munsell / Ostwald color system*). Вторым по значимости для терминологической вербализации хроматического когнитивного типа становится аспект нарушений зрения / восприятия (*color scotoma*, etc.). Лексика включает названия вариаций цветовой слепоты (*cerebral achromatopsia / dyschromatopsia; total color blindness*); нарушения обработки зрительной информации (*color amnesia / agnosia / anomia; chromatic aberration*) и термины, связанные с синестезией (*chromesthesia; grapheme-color synesthesia*).

Состав третьей, разнородной по тематической направленности, группы составляют названия симптомов и синдромов, не связанные с восприятием (e.g., *xeroderma pigmentosum*), анатомическая терминология (например, *white matter*, *red nucleus*, *white commissure*), а также совокупность терминов психогенетики: обозначений хромосом (*sex / acrocentric chromosome*; *X / Y chromosome*; *chromosome 18 / 4 / 5*, *deletion of long / short arm*) и названий хромосомных нарушений (*chromosome abnormality / disorder / mosaicism*; *chromosomal aberration / map / mutation*). Отдельную (небольшую) группу составляют языковые единицы, отражающие социальное и культурное значение цветообозначений в общении, поведении и идентичности, в частности, как социальных или профессиональных маркеров (например, *white-collar worker*, *blue-collar worker*, *pink-collar worker*).

Пропозициональные терминологические репрезентации, характеризующие пропозициональные ИКМ [Лакофф 2011:370], составляют большинство терминов изучаемого когнитивного типа. Посредством хроматических мотивационных признаков осуществляется объективация наблюдаемых или непосредственно измеряемых явлений, часто физических по своей природе аспектов реальности: *white light*, *surface color*, ***monochromatic light***. Концептуализация абстрактных психологических понятий происходит посредством идеализированной пропозициональной терминологической репрезентации. Такие термины, как, например, *trichromatic theory*, *opponent process theory of color vision*, *whiteness constancy*, *chroma-brightness coefficient*, представляют основу для концептуальных абстрактных представлений о восприятии цвета в когнитивных и физиологических системах. Многие проанализированные термины (*Fechner's colors*, *Hardy-Rand-Rittler pseudoisochromatic plates*, *Newton's law of color mixture*, etc.) отражают смешанные способы терминообразования, обуславливая метонимические, пропозициональные и образно-схематические терминологические репрезентации.

Метафорические терминологические репрезентации в выборке составляют примерно 10 % языковых единиц (например, *black sheep effect*, *black box warning*, *pink noise*, *flight of colors*). Некоторые метафорические репрезентации (например, *baby blues*, *maternity blues*, *postpartum blues*) отражают связь между психологическими состояниями: в частности, синий цвет ассоциируется физически с холодом и темнотой, эмоционально – с грустью, физиологически – с пониженной активностью.

Обращаясь к когнитивным механизмам, объясняющим процессы терминологической репрезентации, отметим механизм воплощенного познания, когда прямой сенсорный и физический опыт восприятия цвета становится основой для концептуализации целого ряда специальных понятий (*light sensitivity*, *dark adaptation*). О существенном вкладе механизма прототипичности в ходе категоризации хроматических терминов свидетельствует базовый характер терминов с признаками *red* (*red nucleus*, *red reflex*), *black* (*blackout*) и т.п. Существенный вклад вносят механизмы структурной метафоры (*spectrum of consciousness*, *color balance*), ориентационной метафоры (*color pyramid*), метонимии (*white matter*, *color cells*), концептуально-

го слияния (*chromotherapy*). Преодоление разрыва между абстрактными и физическими сферами в ходе терминологической репрезентации становится возможным именно благодаря когнитивным механизмам [Болдырев 2019: 65], позволяющим совмещать физические перцептивные признаки (цвет, тон, яркость) с абстрактными психологическими конструктами не только познавательной сферы, но и эмоционально-аффективной или мотивационно-потребностной сфер.

Таким образом, исследование показывает, что хроматический когнитотип является достаточно выраженным в английской психологической терминологии, но профилирование цветовых когнитивных признаков и распределение типов терминологической репрезентации психологических понятий являются неоднородными и доменно-специфичными.

Литература

Бекишева Е.В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2019.

Голованова Е.И. Профессиональная когниция и когнитотип // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 54-58.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011.

Манерко Л.А., Новодранова В.Ф. Концептуальная и когнитивная карта как методологический аппарат когнитивно-коммуникативного терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 275-284.

Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum*. М.: Языки славянских культур, 2008.

APA Dictionary of Psychology / G. R. VandenBos, ed. Second ed. Washington: American Psychological Association, 2015.

N.P. Glinskaya (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

CHROMATIC COGNITOTYPE IN ENGLISH PSYCHOLOGICAL TERMINOLOGY

The article explores the terminological representation of psychological concepts through the lens of the perceptive (chromatic) cogniotype. The study is based on a sample of 250 chromatic terms, drawn from the Dictionary of Psychology published by the American Psychological Association (APA). The analysis reveals the most salient terminological components, with a focus on the color-designated features and chromatic motivation of terms. Some of the cognitive mechanisms underlying the chromatic cogniotype in the English psychological terminology are discussed. The findings indicate domain-specific preferences: the majority of chromatic terms belong to the psychology of perception, whereas neuropsychology, clinical psychology, psychophysiology concepts are less frequently represented. Metaphorical chromatic terms constitute approximately 10% of the total, while propositional terminological representations are the most prevalent types.

Key words: terminological representation, cogniotype, color designation, cognitive mechanism, English psychological terminology, cognitive terminology study

*О.В. Глухова (Ростов-на-Дону, Россия)**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)**olga_glukhova_@mail.ru*

ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Цель работы – проведение библиометрического анализа на материале научной базы данных OpenAlex с визуализацией в VOSviewer для выявления тенденций в исследованиях лингвоспецифичности с позиций теории воплощенного познания. Результат анализа – семантическая сеть предметного поля, где преобладают исследования в области лингвистики, философии и психологии. В перспективе привлечение материалов лингвистической типологии и когнитивной антропологии.

Ключевые слова: лингвоспецифичность, воплощенное познание, язык, VOSviewer, OpenAlex

Понятие лингвоспецифичности в отечественной науке восходит к трудам А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992, 1995] и традиционно рассматривается на материале лексики [Зализняк 2015; Добровольский 2015; Инькова 2018; Shmelev 2020] и фразеологии [Парина 2019], где лингвоспецифичность определяется как свойство лексической единицы обладать уникальной, при сопоставлении с другими языками, семантикой [Добровольский 2015] и уникальной концептуальной конфигурацией [Зализняк 2015: 687]. Современная когнитивная лингвистика широко использует понятие лингвоспецифичности в русле таких направлений как когнитивная семантика Дж. Лакоффа и Л. Талми, фреймовая семантика Ч. Филлмора, когнитивная грамматика Р. Лангакера, симуляционная семантика Л. Барсалу [Бородай 2020: 540]. Все эти направления объединяет идея о концептуальной природе лексического и грамматического значения. Бородай С.Ю. отмечает, что «язык не пассивно отражает действительность, но активно конструирует, изображает ситуацию; языковая форма является той призмой, через которую человек взаимодействует с действительностью» [Там же]. Безусловно лингвоспецифичными являются не все аспекты человеческой когнитивности. В работе [Croft, Cruze 2004: 46] представлен перечень герменевтических операций, обеспечивающих различия в концептуализации, которые могут быть лингвоспецифичными: внимание и выделенность, область просмотра, детализация ситуации, динамика, категоризация, метафоризация, соотношение фигуры и фона, позиция наблюдателя, дейксис, концептуализация события относительно субъекта, топология, геометрия, причинность, реляционность. Вместе с тем, лингвоспецифичные элементы когнитивной архитектуры невозможно рассматривать вне социокультурного контекста, который требует обращения к данным культурной антропологии и этнографии, и отказу от англоцентричного подхода к проблеме взаимосвязи языка и познания [Blasi и др. 2022]. Подобное видение коррелирует с положениями теории воплощенного познания, которая становится все более популярной в когнитивной науке. Интеграция воплощенных подходов и ког-

нитивной лингвистики для изучения понятия лингвоспецифичности представляется крайне актуальной и перспективной.

Согласно теории воплощенного познания, берущей начало в феноменологии Ф. Мерло-Понти [Merleau-Ponty 2012] и трудах Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош [Varela и др. 1991], когнитивность является воплощенной (embodied), встроенной (embedded), энактивной (enacted) и расширенной (extended). Положения теории воплощенного познания легли в основу Нейронной теории мышления и языка Дж. Лакоффа [Lakoff 2012: 1], которая основывается на том, что мышление физически является процессом нейронной активности головного мозга; мысль осознается, поскольку нейронная активность происходит в теле и репрезентирует опыт этого тела в окружающей действительности; абстрактные концепты воплощаются посредством метафорического проецирования абстрактных концептуальных областей на области конкретных понятий [Там же].

В контексте теории воплощенного познания выполнено исследование Д. Кеммерера [2022], спровоцировавшее жаркую научную дискуссию на страницах журнала *Topics in Cognitive Science* в 2023 г. Автор отмечает, что при исследовании лингвокогнитивных феноменов с позиций Модели обоснованного познания (*Grounded cognition model*) [Barsalou 2008], необходимо учитывать лингвоспецифичность семантических структур. Согласно данной модели сенсорные и моторные характеристики концептов, включая компоненты значений слов, хранятся в нейронных системах, связанных с восприятием и действием, и активируются в ходе вербальных и невербальных когнитивных процессов, включая восприятие или планирование действий [Kemmerer 2022]. Опираясь на данные лингвистической типологии Д. Кеммерер, призывает будущих исследователей в области воплощенного познания использовать накопленный материал для преодоления «западноцентризма».

Для того, чтобы увидеть актуальную картину исследуемой области, в настоящем исследовании был проведен библиометрический анализ научной базы OpenAlex [Priem и др. 2022], который позволил собрать авторскую коллекцию публикаций, использующих лексику *language-specific* в названиях или текстах публикаций. По ключевым словам *language-specific AND cognitive linguistics AND “embodied cognition”* было отобрано 352 исследования, включающих статьи в журналах, монографии и главы в коллективных монографиях, опубликованные за период с 2020 по 2024 г. (рис. 1).

Анализ показал, что понятие лингвоспецифичность не выносится в списки ключевых слов, и не определяется как термин. Пик количества публикаций в исследуемом поле (рис. 1) приходится на 2023 г. Статистика ключевых слов показывает, что чаще всего, исследования, рассматривающие лингвоспецифичность проводятся в предметном поле концептуальной метафоры, публикуются в журнале *Frontiers of Psychology*, авторами из Китая, Великобритании, США, Испании и России, преимущественно на английском языке.

лософией, теорией языка и когнитивной лингвистикой (красный цвет); психологией, когнитивными науками, нейронауками, машинным обучением и ИИ (зеленый); точными науками (синий); эволюционной биологией (желтый). Однако статьи, выполненные с привлечением материалов по языковому разнообразию или лингвистической типологии, в данной коллекции, не были представлены, что открывает возможности для проведения подобного рода исследований на материалах других открытых научных баз данных.

Таким образом, понятие лингвоспецифичности все чаще используется в когнитивных исследованиях в целом, и в исследованиях, связанных с положениями теории воплощенного познания, в частности. Такая тенденция к междисциплинарности представляется крайне перспективной и многообещающей для понимания места языка в когнитивной архитектуре.

Литература

Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / отв. ред. В. А. Лекторский, А. В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: ЯСК, 2020.

Добровольский Д.О. Лингвоспецифичная лексика в корпусах параллельных текстов // Речевые жанры современного общения: тезисы докладов международной конференции, Москва, 23–25 февраля 2015 года. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 47–49.

Зализняк А.А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015». М.: РГГУ, 2015. Вып. 14 (21). С. 683–695.

Инькова О.Ю. Семантика коннекторов: контрастивное исследование / под науч. ред. О.Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018.

Парина И.С. Корпусный анализ и лексикографическое описание лингвоспецифичных идиом немецкого языка // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов, Москва, 29 ноября 2019 г. Т. XVI. М.: Деком, 2019. С. 301–311.

Шмелев А.Д. Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: тоска // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2020». М.: РГГУ. 2020 г. С. 658–669.

Barsalou L.W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. 2008. 59. Pp. 617–645.

Blasi D.E, Henrich J., Adamou E., Kemmerer D., Majid A. Over-reliance on English hinders cognitive science // Trends Cogn Sci. 2022. Vol. 26. No. 12. Pp. 1153–1170.

Croft W., Cruze D. A. Cognitive Linguistics. Cambridge University Press, 2004.

Kemerrerr D. Grounded Cognition Entails Linguistic Relativity: A Neglected Implication of a Major Semantic Theory // Topics in Cognitive Science, Topic: Grounded Cognition Entails Linguistic Relativity. 2023. Vol. 15. Iss. 4. Pp. 615–647.

Lakoff G. Explaining Embodied Cognition Results // Topics in cognitive science, 2012. Vol. 4.4. Pp. 73–85.

Langacker R. Foundations of cognitive grammar, Vol 1. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. London: Routledge, 2012.

Priem J., Piwowar H., Orr R. OpenAlex: A fully-open index of scholarly works, authors, venues, institutions, and concepts // ArXiv:2205.01833 [cs]. 2022.

- Varela F., Thompson E., Rosch E. The embodied mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Van Eck N.J., Waltman L. Visualizing bibliometric networks. // Measuring scholarly impact: Methods and practice Springer / Y. Ding, R. Rousseau, D. Wolfram (Eds.). 2014. Pp. 285-320.
- Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford – New York: Oxford University Press, 1992.
- Wierzbicka A. Semantics: Primes and universals. Oxford – New York: Oxford University Press, 1996.

O.V. Glukhova (Rostov-on-Don, Russia)

Rostov State University of Economics (RINH)

LANGUAGE-SPECIFICITY IN EMBODIED COGNITION PERSPECTIVE

The study identifies trends in research field of linguistic specificity from the standpoint of embodied cognition theory. The paper aims at bibliometric analysis based on the OpenAlex scientific database and VOSviewer visualization. The analysis results in a semantic network of the subject field under investigation, with linguistics, philosophy and psychology research prevailing. The works involving linguistic typology and cognitive anthropology data are rare but promising for the cognitive science not being too WEIRD (Western(ized), Educated, Industrialized, Rich, and Democratic).

Key words: linguistic specificity, embodied cognition, language, VOSviewer, OpenAlex

М.А. Глущенко (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет
stud0000297906@utmn.ru

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ЛЕКСИКИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ»

Автором предпринимается попытка создания категориальной модели междисциплинарной предметной области «медиакоммуникация» методом категориального анализа лексики смежных дисциплин. Результаты исследования показали, что данный метод позволяет очертить категориальные границы междисциплинарного знания, а также наметить его иерархическую понятийную структуру.

Ключевые слова: категория, категориальный анализ, междисциплинарное знание, междисциплинарность, специальная лексика

Конец XX – начало XXI в. охарактеризовались сменой ключевого принципа развития научного знания: тенденция к дезинтеграции и обособлению научных дисциплин сменяется тенденцией к интеграции и междисциплинарному взаимодействию. Цель современной науки, создание новой картины мира, основанной на достижении всех наук [Султанова 2018], достигается в процессе междисциплинарной интеграции наук, сопровождающейся диффузией и объединением их теоретических основ и методологических аппаратов [Нехамкин 2019]. Результатом интеграции становится появление новых дисциплин, наук и областей знания.

В свете новой парадигмы становятся актуальными исследования междисциплинарных отраслевых терминологий [Сорокина 2020], что подтверждается наличием недавних диссертационных исследований междисциплинарной терминологии [Сабирова 2024] и междисциплинарных терминосистем [Галанкина 2024]. Примером

новой синтезированной области знания является «Медиакоммуникация», развиваемая на основе направления подготовки 42.03.05. «Медиакоммуникации» и научной специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика». Поскольку в настоящее время теоретизация медиакоммуникации продолжается, отсутствуют достаточно надежные источники терминологической лексики, на основе которых было бы возможно осуществить моделирование когнитивной структуры специального знания.

В настоящем исследовании предпринимается попытка моделирования категориальной структуры новой области междисциплинарного знания «Медиакоммуникация» путем категориального анализа специальной лексики смежных дисциплин. Цель исследования – продемонстрировать возможности категориального анализа для моделирования междисциплинарного знания.

Исследование проводилось в несколько этапов: определение смежных дисциплин, отбор специальной лексики, создание фреймов, категоризация фреймов и выстраивание категориальной структуры междисциплинарного знания о медиакоммуникации. На первом этапе были определены три смежных с медиакоммуникацией дисциплины: журналистика, PR, реклама и связи с общественностью, и теория коммуникации. Дисциплины определялись по следующим принципам: 1) академическая близость: согласно ОКСО, направления подготовки «Медиакоммуникация», «Реклама и связи с общественностью» и «Журналистика» объединены в одну группу направлений 45.00.00. Также разработаны методические пособия, рекомендованные к использованию во всех перечисленных направлениях подготовки (например, [Кирия 2017] и [Чумиков 2024]), что свидетельствует о наличии у них общего теоретического базиса; 2) по объекту и предмету исследования: прибегнув к лапидарной трактовке термина «медиакоммуникация» как коммуникации в медиасреде, к ряду смежных дисциплин мы можем прибавить теорию коммуникации (объект – социальная коммуникация; предмет – процессы и отношения, возникающие в ходе и результате коммуникации [Гавра 2024: 14, 20]).

На втором этапе был осуществлен отбор специальной лексики для проведения категориального анализа. В качестве источников специальной лексики использовались два словаря-справочника [Лозовский 2007; Словарь терминов... 2013] и одно учебное пособие для ВУЗов (с приложенным глоссарием) [Шарков 2010] по указанному выше смежным дисциплинам. Отбор специальной лексики производился через систему «фильтров»: имя существительное, имя нарицательное, односложная ЛЕ, наличие родового понятия в определении. В результате из начальных 1616 СЛЕ отобраны 280. Распределение СЛЕ по дисциплинам приведено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение выборки специальных лексических единиц по дисциплинам

	Журналистика	Теория коммуникации	PR, реклама и связи с общественностью
Первичная выборка	344	460	844
Выборка после фильтрации	71	69	140

Далее был проведен родовидовой анализ всех отобранных лексических единиц (280 единиц), который позволил обобщить и распределить их по 22 фреймам: *деятельность, коммуникация, процесс, действие, воздействие, взаимодействие, система, общность, организация, связь, реклама, информация, текст, сообщение, субъект, издание, речь, свойство, величина, знание, метод, право*.

На последнем этапе все фреймы были подведены под три универсальные философские категории: 1) «субстанция» включает фреймы – *реклама, информация, текст, сообщение, субъект, издание, речь*; 2) «свойство» включает фреймы – *свойство и величина*; 3) «отношение» включает фреймы – *деятельность, действие, воздействие, взаимодействие, коммуникация, процесс, система, общность, организация, связь, знание, метод, право*. Далее было подсчитано процентное соотношение представленности категорий в структуре предметной области «Медиакоммуникация»: к категории субстанции относятся 149 СЛЕ, или 53% всех СЛЕ; к категории отношения относятся 119 СЛЕ, или 43%; к категории свойства – 12 СЛЕ, или 4% единиц. Соотношение категорий показано на рисунке 1.

Рис. 1. Категориальная структура предметной области «Медиакоммуникация»

Категориальное моделирование позволило выстроить иерархическую структуру знания – *универсальное категориальное понятие – фреймы – родовидовые понятия*.

Таким образом, категориальный анализ специальной лексики смежных дисциплин является эффективным методом моделирования структуры междисциплинарного знания в условиях отсутствия надежных терминологических ресурсов, позволяя очертить категориальные границы внутри структуры знания, а также наметить иерархию понятий и категорий.

Литература

- Гавра Д.П. Основы теории коммуникации: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024.
 Галанкина И.И. Терминосистема гидротехнического строительства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.

Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации: краткий словарь. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007.

Нехамкин В.А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 96-105.

Сабирова С.Г. Когнитивно-составительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 2024.

Словарь терминов для специалистов по рекламе, PR и сервису: учебное пособие / под ред. А.Н. Волковой. СПб., 2013.

Сорокина Э.А. Актуальные вопросы современного терминоведения // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2020 года. М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 192-196.

Султанова Л.Б. Закономерности развития научного познания // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4. С. 245-259.

Чумиков А.Н. Связи с общественностью и медиакоммуникации: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024.

Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации: учебник. М.: Дашков и К°, 2010.

M.A. Glushchenko (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

CATEGORIAL MODELLING OF THE INTERDISCIPLINARY LEXIS OF THE “MEDIA COMMUNICATION” SUBJECT FIELD

The author attempts to create a categorical model of the interdisciplinary subject area “Media communication” using the method of categorical analysis of vocabulary of related disciplines. The results of the study showed that this method makes it possible to outline the categorical boundaries of interdisciplinary knowledge, as well as to outline its hierarchical conceptual structure.

Key words: category, categorial analysis, interdisciplinary knowledge, interdisciplinary, special lexis

Е.И. Голованова (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет

ligol@csu.ru

БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РАЗМЕРА В ЯЗЫКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Раскрываются особенности концептуализации характеристик специальных объектов в языках профессиональной коммуникации на примере наименований с компонентом-прилагательным *большой* или *малый*. Утверждается, что в современной терминологии признак большого или малого размера, как правило, служит для номинации объектов, выделяющихся по сравнению с ординарными объектами того же класса не по одному признаку, а по двум и

более. Наряду с наличием соотносительных пар наименований в подязыках разных сфер знания и деятельности внимание преимущественно сосредоточено на объектах малого размера.

Ключевые слова: языки профессиональной коммуникации, термин, прилагательное, семантика размера, концептуализация

Размер, величина или объем тех или иных объектов в различных сферах профессиональной деятельности является весьма важным параметром, в связи с чем в языках профессиональной коммуникации значимое место занимают наименования, включающие прилагательные «большой», «малый» или синонимичные им обозначения.

Немало таких наименований используется в производственной среде – как в коммуникации настоящего времени, так и в исторических текстах. Например, в уральской горнозаводской терминологии XVIII–XIX вв. [Голованова 1995] нами обнаружен целый ряд обозначений с прилагательными «большой» и «малый» в составе. Главным образом, это названия инструментов: *шила большие – шила малые, клещи большие – клещи малые, лисвяги с укладной наваркой большие – лисвяги малые* (то же противопоставление по размеру в названиях *тисков, долот, метчиков, круглых циркулей*). Помимо больших и малых инструментов, выделяются средние, то есть инструменты обычного размера: *трубки высеканные* (в меднопосудном деле) – *большие, средние и малые, пилы большие, средние и малые* (то же – в названиях *дорожников, стругов, ломов, ножей, напарей коловоротных*). В некоторых случаях в названиях рабочих инструментов представлена неполная дифференциация: *молотки средние – молотки малые, шихтеберы закрытые* (в столярном деле) – *средние, малые*.

В подобных наименованиях, как отмечает Е.В. Рахилина, отражен не только размер, но и «ориентированность объекта относительно человека, использующего этот объект, в процессе функционирования объекта» [Рахилина 2000: 133]. Подтверждение этому находим в «Словаре золотого промысла Российской Империи» при описании лексем *лом* и *молот*, где приводятся фрагменты исторических текстов, проливающие свет на использование соответствующих инструментов большого и малого размера: «Лом малый или простой – это есть обыкновенный ручной лом. Лом большой или сложный состоит из деревянной подставки, медного подшипника, чугунного с железной шейкою шара, двух железных нащечин, длинного лома» [Борхвальдт 1998: 102]; «Молоты двух рук бывают, а именно малыми действуют одною рукою, а большими обеими руками» [Борхвальдт 1998: 111].

В горнозаводской терминологии нами зафиксировано также разграничение по размеру в наименованиях готовых изделий: *скобы большой и малой рук, гвоздь большое и малых рук*. Единичные наименования обнаружены в тематических группах строений (*кузница малая*) и действий (*пускать меха на малой воде*). В первом случае соотносительное по размеру наименование отсутствует, во втором – противоположное действие, связанное с объемом задействованной воды, выражается наименованием *пускать меха на всю воду*. В приведенных примерах обращает на себя внимание некоторый перевес терминов с признаком малого размера, что представляется нам неслучайным.

В современной производственной и технической терминологии о значимости характеристики объектов по размеру, величине свидетельствуют такие, например, обозначения, как *большой и малый роторы, двигательная установка малой тяги, электродвигатель малой мощности, малая шестерня тягового редуктора колесной пары* и др.

Весьма востребована концептуализация объектов по признаку размера в специальных медицинских наименованиях. Так, например, противопоставленные обозначения функционируют в анатомической терминологии: *большой и малый таз, большой и малый сальник* (части брюшины), *большой и малый вертел* (возвышения на бедренной кости, на которых крепятся мышцы), *большой и малый сосочки двенадцатиперстной кишки, большая берцовая и малая берцовая кость*. В других подсистемах медицинской терминологии коррелирующие наименования с прилагательными размера представлены в меньшей степени (напр., *малый круг кровообращения – большой круг кровообращения*). При этом присутствуют термины, не образующие соотносительных пар наименований: *большие полушария головного мозга, большой палец кисти, большой палец стопы, малая подкожная вена, малый коренной зуб* и т. д. В заголовках научных статей на медицинские темы мы обнаружили обозначения, которые не зафиксированы в специальных словарях и содержат лишь одну параметрическую характеристику: *малые аномалии сердца, малые и особо малые новообразования, малый глубокий инфаркт головного мозга, малые интрацеребральные гематомы головного мозга*. Во всех указанных случаях актуализирован малый размер (объем) специальных предметов или явлений.

Третьей сферой – после медицинской и производственной терминологии – по востребованности прилагательных с семантикой размера выступает сфера экономических терминов. Здесь представлены термины *малый бизнес, малое предпринимательство, малое предприятие*, а также *малые формы хозяйствования, малые закупки, малая волатильность* и т. д. В качестве примера соотносительных наименований выступают обозначения *малые и большие города*.

Признак большого размера в экономической терминологии может быть реализован с помощью прилагательного «крупный»: *крупный бизнес, крупная сделка*. И в том, и в другом наименовании актуализированы параметры объектов, выделяющие их по сравнению с более типичными объектами. В первом термине прилагательное репрезентирует признак «экономически мощный, с большими возможностями», второй термин выражает значение «сделка, выходящая за пределы обычной хозяйственной деятельности, стоимость которой больше 25% балансовой стоимости активов компании». Примечательно, что функционирование указанных терминов противоречит установленной Е.В. Урысон особенности поведения лексемы «крупный». Отмечая участие прилагательного «большой» в составе многих терминологических сочетаний, где оно выполняет идентифицирующую функцию, лингвист утверждает: «Для **крупный** идентифицирующая функция невозможна» [Урысон 2004: 52].

Выявленная нами регулярная концептуализация в терминах признака большого размера посредством прилагательного «крупный» подтверждается целым рядом

наименований. В военной и охотничьей терминологии используется обозначение *крупный калибр* (ср. *крупнокалиберная винтовка, крупнокалиберное стрелковое оружие*; противоп. *малый калибр, мелкокалиберное ружье*), в географической терминологии употребляется термин *крупные формы рельефа* (хребты, низменности и возвышенности на равнинах, впадины в горах), в кинематографической терминологии представлен термин *крупный план* (портретный формат кадров, при котором на экране отображается лицо героя или предмет; ср. *общий план, дальний план*), в сельскохозяйственной терминологии содержится термин *крупный рогатый скот* (коровы, быки, буйволы и т.д.; противоп. *мелкий рогатый скот* – козы, овцы), в юридической терминологии используются обозначения *крупный размер* и *особо крупный размер* (напр., *ущерб (хищение, дача взятки и пр.) в особо крупном размере*).

Как показал анализ, в современной терминологии признак большого или малого размера во многих случаях служит характеристикой специальных объектов, выделяющихся по сравнению с ординарными объектами того же класса не по одному признаку, а по двум и более. Например, в коммуникации школьных работников *большая перемена* служит обозначением перерыва между уроками, более длительного по времени и выполняющего дополнительную функцию – не только времени для отдыха и смены локации внутри школы, но и времени обеда. В спортивной коммуникации термин *большой теннис* репрезентирует, помимо большого размера игровой площадки, иной размер (и форму) ракетки, а также связанные с этим другие правила игры. В устной коммуникации спортсменов прилагательное «большой» востребовано при обозначении профессионального спорта – *большой спорт* (поскольку это спорт высоких достижений, требующий наибольшего напряжения сил и поэтому связанный с рисками для здоровья спортсменов). В конном спорте употребляется жаргонизм *большие езды* для названия основных соревнований по выездке. При этом соотносительных наименований с семантикой малого размера во всех приведенных случаях нет.

Отдельный интерес представляют термины, включающие соотносительные прилагательные общей количественной оценки. Например, в лингвистике компоненты *большой* и *малый* входят в состав терминов, обозначающих синтаксис предложения (*большой синтаксис*) и синтаксис словосочетания (*малый синтаксис*). Данные наименования, помимо размера языковых единиц, концептуализируют целый комплекс обусловленных этим параметром отношений (типы связи, модели построения и т.д.). Комплекс характеристик выражают также музыкальные термины *большая* и *малая октава*, *большой* и *малый барабан*, театральные наименования *большая* и *малая сцена*.

Однако в большинстве случаев в терминах, включающих прилагательные с семантикой размера, отсутствует симметрия в выражении понятий. В подязыках разных сфер знания или деятельности внимание преимущественно сосредоточено на объектах относительно малого размера (что репрезентируется прилагательным «малый»): в социологии – *малые народы, малая группа*; в архитектуре – *малые архитектурные формы*; в географии – *малые реки, малая речная система*; в биохимии – *малые*

молекулы; в астрономии – малые планеты, малые тела солнечной системы; в энергетике – малые токи, малая электростанция, малая гидроэнергетика, малая атомная энергетика; в авиации – полеты на малой и предельно малой высоте, аэродинамика малых скоростей, малый беспилотный летательный аппарат; в сфере транспорта – автобусы малой и особо малой вместимости, малая грузоподъемность, особо малая грузоподъемность; в сфере добычи полезных ископаемых – малые золоторудные месторождения; в сфере строительства – малое плотиностроение (на малых горных реках), малые мостовые сооружения. В литературоведении и фольклористике научный интерес к малым формам произведений отражен в терминах *малая проза* (новеллы, рассказы, очерки, эссе) и *малые жанры фольклора* (загадки, пословицы, поговорки, приметы, считалки, скороговорки и т. д.) при отсутствии соотносительных терминов **большая проза, *большие жанры фольклора*. Следовательно, за данной номинативной моделью («малый + термин») в языках профессиональной коммуникации закреплена концептуализация особых классов объектов, не только отклоняющихся от нормы своим размером, но и обладающих рядом других характеристик, отсутствующих у исходных объектов (ср. с понятием «антиконцепт» [Голованова 2013]).

Что касается лексемы *большой*, то она оказалась весьма удобной для обозначения сложных научных понятий. Так, например, в литературоведении используется термин *большое время*, введенный М.М. Бахтиным для обозначения основополагающей категории его философско-эстетической концепции (время, которое «запечатляет хронопоэтические и ценностные координаты мирового целого» [Борев 2003: 66]), в физике употребляется термин *большой взрыв* (научная теория космологии, описывающая раннее развитие Вселенной), в терминологии управления – термин *большие данные* (большой объем информации, не поддающийся классическим способам обработки, или совокупность подходов к работе с ней, направленных на получение результатов, понятных человеку).

Для полноты анализа специальных наименований с признаком размера в языках профессиональной коммуникации необходимо рассмотреть модели сложных слов с элементами *микро-, макро-, мини-* и других, что является перспективой данного исследования.

Литература

- Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель: АСТ, 2003.
- Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. М.: Рус. путь, 1998.
- Голованова Е.И. Место и функции антиконцепта в сферах специального знания // Когнитивные исследования языка. 2013. № 13. С. 152-162.
- Голованова Е.И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1995.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000.
- Урысон Е.В. Большой, крупный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена: Языки слав. культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 51-53.

*E.I. Golovanova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

LARGE AND SMALL: SIZE CONCEPTUALIZATION IN THE LANGUAGES OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

The features of the conceptualization of the characteristics of special objects in the languages of professional communication are disclosed using the example of names with an adjective component large or small. It is argued that in modern terminology, the sign of large or small size, as a rule, serves to nominate objects that stand out in comparison with ordinary objects of the same class not on one basis, but on two or more. Along with the presence of relative pairs of names in the sub-languages of different areas of knowledge and activity, attention is mainly focused on small objects.

Key words: languages of professional communication, term, adjective, size semantics, conceptualization

*B.B. Гончарова, С.В. Киселева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
souris13@yandex.ru, svkiseljeva@bk.ru*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

В данной статье рассматривается одно из базовых лингвистических понятий «языковая личность», ее виды. Репрезентативно представлено современное лексикографическое отражение творческой и профессиональной языковой личности. На основе лексикографического подхода изучения когнитивной деятельности индивидуума выделяется лексикографическая языковая личность.

Ключевые слова: языковая личность, лексикографическое отражение, лексикографическая языковая личность

Языковую личность следует считать ключевым понятием благодаря развитию антропоцентризма в гуманитарных науках в целом, и в лингвистике в частности. Понятие «языковая личность» стало широко известно благодаря работам В.В. Виноградова (художественно-литературный аспект изучения) [Виноградов 1930], В.И. Карасика (когнитивный аспект изучения) [Карасик 2002], Ю.Н. Караулова (лингводидактический аспект изучения) [Караулов 2010] и многих других российских и зарубежных лингвистов.

Процесс выявления типов языковой личности современными отечественными учеными характеризуется тенденцией узконаправленного деления, например, профессиональная языковая личность англоязычного спортивного комментатора, телевизионного спортивного комментатора и др. [Гацура 2018].

В данной работе языковая личность рассматривается с точки зрения лексикографического аспекта ее изучения. Ю.Н. Караулов разработал трехуровневую модель языковой личности [Караулов 2010: 52-53]. Основопологающим для нас станет положение из данной модели, анонсирующее что «языковая личность начинается не с нулевого, а с первого, лингво-когнитивного (тезаурусного) уровня» [Караулов 2010: 53]. Следовательно, тезаурусный уровень соответствует определенному когнитивному развитию индивидуума.

Тип «словарная языковая личность» был предложен и описан В.И. Карасиком следующим образом: «носитель представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях» [Карасик 2002: 19].

Для современной лексикографии характерно ословаривание не только явлений природы, науки, но и самого человека. Лексикографические работы, отражающие разные типы языковой личности, немногочисленны, например:

– диалектная: В.П. Вершининой [Полный словарь диалектной языковой личности 2006, 2007];

– творческая: М.И. Цветаевой [Шевченко 2014], Ф.М. Достоевского [Ружицкий 2015];

– профессиональная: ученого Л.А. Шкатовой [Голованова 2009].

В.В. Гончаровой был разработан проект «Эволюционного словаря ученого», который предлагает рассмотрение и лексикографическую фиксацию научной концептосферы языковой личности, выраженную в наиболее частотно встречающихся и трансформирующихся терминах на протяжении всей научной деятельности [Гончарова 2024].

С лексикографической и когнитивной точки зрения лексикографическая языковая личность включает в себя:

– перманентно пополняющийся и изменяющийся личностный ментальный тезаурус;

– словарную (не только дефиниционную) и другие виды первичной лексикографической информации, структурированные в определенные паттерны.

Языковую личность следует рассматривать как носителя лексикографической способности, которую можно охарактеризовать как имманентную, перманентно развивающуюся при условии континуального когнитивного развития индивидуума.

Литература

- Виноградов В.В.* О художественной прозе. М.; Л.: Госиздат, 1930.
- Гацура Н.И.* Профессиональная языковая личность футбольного комментатора Мэтта Лоу // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 5. С. 1083-1096.
- Голованова Е.И.* Словарь языковой личности Л.А. Шкатовой // Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 10-49.
- Гончарова В.В.* Проект эволюционного словаря ученого // Лексикографическая копилка: сб. науч. ст. / под науч. ред. В.В. Гончаровой. Вып. 17. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. С. 92-95.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
- Полный словарь диалектной языковой личности: в 2 т. / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006, 2007.
- Ружицкий И.В.* Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015.
- Шевченко Н.М.* Языковая личность М.И. Цветаевой как объект лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.

*V.V. Goncharova, S.V. Kiseleva (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University of Economics*

LEXICOGRAPHIC LINGUISTIC PERSONALITY

This article deals with one of the basic linguistic concepts 'linguistic personality', its types. The modern lexicographic reflection of creative and professional linguistic personality is presented representatively. On the basis of lexicographic approach of studying the cognitive activity of an individual the lexicographic linguistic personality is singled out.

Key words: linguistic personality, lexicographic reflection, lexicographic linguistic personality

В.С. Григорьева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный технический университет
grigoriewa@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ТРАНСФЕРНЫХ НАУКАХ И КОММУНИКАЦИИ ЗНАНИЙ

Видение мира как единого целого предполагает организацию процессов сближения и передачи знания, что явилось причиной возникновения трансферной науки. В статье принята попытка охарактеризовать трансферную науку как междисциплинарную, принципы и когнитивные механизмы трансферизации, а также роль лингвистики в названном процессе.

Ключевые слова: трансферная наука, трансферизация, знание, когнитивный механизм

За последние два десятилетия призыв к трансферу, трансдисциплинарности и научной коммуникации охватил все научные учреждения. Подобно тому, как междисциплинарность уже давно стала синонимом инновации в теоретическом и политическом контексте науки, такие термины, как «трансфер», и «трансформирование», также стали весьма привлекательными в конкурсах на финансирование, текстах заявок и размышлениях о теории науки. Передача знаний и совместные исследования на стыке университета, бизнеса, политики, гражданского общества и культуры становятся все более актуальными для всех участников и институтов, вовлеченных в производство знаний, исследования и преподавание. Однако концептуальные и терминологические основы процесса передачи знаний часто остаются неясными и противоречивыми. Какие концептуализации, интерпретации, предпосылки и ограничения существуют для трансфера и научной коммуникации? Как должна выглядеть методология трансферной науки? В какой степени идеи и принципы трансферизации знания сочетаются с инновациями в университетских дидактических методах? Какие форумы доступны для университетов и других учреждений, занимающихся передачей знаний, формированием инновационной силы трансдисциплинарных проектов? В статье предпринимается попытка ответить на некоторые из поставленных вопросов и описать современные дидактические принципы и практики процесса трансфера.

Определений понятия «трансфер» много. В.З. Демьянков в своей статье «Языковые следы трансфера знаний» приводит 15 трактовок названного феномена

в трудах зарубежных языковедов (см.: [Демьянков 2015: 18-19]). Исследуя лингвистические техники анализа обыденных значений у слов, ученый понимает под трансфером знаний в узком смысле «перенос (чаще всего – расхожих) мнений или теоретических достижений (иногда – и предубеждений) из одной сферы жизни человека в другую» [Там же: 19]. Более широкое рассмотрение феномена трансфера знаний и роли языка в данном процессе позволяет понимать под трансферной наукой синтагму методологических подходов, вращающихся вокруг центрального объекта: передачи знаний [Ballod и др. 2020: 8]. Исследования трансфера включают «культурные, социальные, когнитивные, лингвистико-медицинские и эмоциональные условия, медиа-пути, принципы и проблемы производства и получения знаний с точки зрения их структурных и социальных особенностей, их актуальности для специалистов и возможностей для их глобальной, а также групповой и целевой передачи. Иными словами, трансферная наука исследует условия, принципы, формы, стратегии, проблемы и возможности для неограниченной доступности специального знания для всех, кто потенциально в этом заинтересован» [Antos 2001: 5].

Слово трансфер происходит от латинского *transferre* – ‘переносить’, ‘направлять’. Речь идет не просто о линейной передаче информации. Социальное воздействие знаний скорее связано с тем, что знания не только приобретаются и воспроизводятся, но и рекурсивно делятся, отбрасываются, критически анализируются и постоянно связываются с новыми ресурсами знаний. Знание не только умножается в ходе этих разрушительных процессов, но и постоянно трансформируется. И именно эти процессы изменения, формирования и трансформации находятся в центре науки о трансфере.

В качестве методологического принципа трансдисциплинарности выступает плюрализм. В дополнение к разнообразию ресурсов знаний, к которым процесс научного поиска получает доступ, используются дисциплинарные, академические знания, а также повседневные, эмпирические, профессиональные, физические и ситуативные знания. Гетерогенность путей получения знаний обуславливается множественностью участников производства знаний: помимо научно-исследовательских учреждений, сотрудников университета, ученых, к ним относятся эксперты-практики из гражданского общества, промышленности, культуры и политики, пользователи, носители аутентичных знаний. Все вышесказанное позволяет рассматривать науку о трансфере как отдельную дисциплину, как дискурсивную структуру, в которой существует возможность создавать новые исследовательские и учебные альянсы.

Язык и коммуникация представляют собой центральные аспекты исследований трансферной науки. Именно на это указывает В.И. Постовалова в своей статье «Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках» [Постовалова 2017]. Первостепенное значение имеет знание языка и языков в контексте международного сотрудничества. Оно является предпосылкой успешного трансдисциплинарного сотрудничества и, таким образом, в конечном итоге становится важным

предметом исследований трансферной науки. Именно лингвистика может направить языковую рефлексию к меж- и трансдисциплинарному мышлению и действию. Как отмечает В.И. Постовалова, «в гуманитарной сфере наиболее трудно поддающимися формализации оказываются лингвистические технологии, где участником организованных систем деятельности выступает не машина, а человек. К числу технологических разработок такого типа относится и конструирование лингво-семиотических механизмов трансферизации. Такое конструирование может быть осуществлено на основе изучения смысловых модификаций при переносе и адаптации знаний в сфере познания в ситуациях взаимодействия разных сфер социокультурной деятельности человека» [Постовалова 2017: 140].

Чтобы иметь возможность фиксировать, оценивать и проектировать трансдисциплинарную коммуникацию, нужна собственная модель профессионального общения, ориентированная на общую модель речевого взаимодействия, учитывающая рецепцию текстов, лингвистический текст и нелингвистический контекст. Ситуации трансферизации знания в культуре и жизнедеятельности человека весьма многообразны и практически неисчислимы. На наш взгляд, однако, объединяющим фактором множественных случаев трансфера является передача знаний с помощью определенных когнитивных механизмов. Назовем некоторые из них. *Переформатирование*, или конвертация знаний, предполагает перенос знаний из одного культурно-дискурсивного формата в другой. *Спецификация* основывается на перенесении из одной научной области в другую концептуальных образований, понятий, моделей. При этом трансформируемое знание согласуется с парадигмой науки, адаптирующей новое знание. *Распредмечивание и опредмечивание* как два цикла переопредмечивания знаковой конструкции. При распредмечивании трансформируемый элемент изымается из целостной системы научного предмета. При опредмечивании языковые элементы превращаются в эпистемологические единицы заимствующей дисциплины, приобретают новое значение. *Конфигурирование и гомогенизация концептуального пространства*. В данном случае имеется в виду одновременное использование знаний из разных научных дисциплин. Данный механизм обозначает процедуру объединения, или синтеза знаний. Когнитивный механизм *морфологизации*, согласно В.З. Демьянкову, «употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и / или хуже. Это переход от знания, данного непосредственно, к знанию, полученному опосредованно» [Демьянков 2017: 116]. Модификации при трансферизации знания: *редукция и смысловые расширения*.

Положение о том, что язык формирует восприятие мира и что он служит для того, чтобы действовать в мире и формировать его [Болдырев 2019: 45], предполагает использование когнитивно-дискурсивного подхода при формировании, интерпретации и анализе текстов монологического и диалогического типов. Так, например, экологический подход к ландшафту, продуктам питания, транспорту, климату и энергии представляют в основном естественные и технические науки.

Языкознанию отводится, как правило, изучение вопросов коммуникации. При этом не учитывается эпистемическая функция языка, его роль как средства познания упускается из виду. Однако, исследования корпуса текстов, которые представляют собой знания и мышление людей определенного времени, на предмет ключевых слов, метафор, топосов, формальной и содержательной аргументации и текстовых закономерностей, фреймов, интерпретационных вариантов, доказывает, что язык репрезентирует и формирует взгляды на мир. Определенные языковые формы, лексемы побуждают людей к тому, чтобы бережно обходиться с природой, с окружающей средой, другие же, наоборот, действуют деструктивно. Крайне важно, назовем ли мы фрукт яблоком или сельскохозяйственным продуктом, растение — травой или сорняком, луг как землю под застройку или территорию, способствующую сохранению биологического разнообразия. Изучением использования языковых знаний в других профессиональных культурах на междисциплинарной и трансдисциплинарной основе занимается прикладная лингвистика дискурса. При этом если лингвистика исследует определенные области знаний, она смешивается междисциплинарным и трансдисциплинарным образом со средствами мышления и коммуникации из других дисциплин и их профессиональных культур. Лингвистический анализ показывает, например, что метафора «реки» превращает движение транспорта в силу природы («транспортный поток»), которая обезличивает людей в реке или пробке. Если движение — это река, то кажется логичным, что политика дорожного движения должна поддерживать движение транспорта и дополнительно расширять транспортную инфраструктуру.

Комплексный взгляд на методологические и эпистемологические основы трансферных наук показал, что трансферная наука обеспечивает новую форму производства знаний, используя их многоплановый обмен. Она (1) генерирует знания; (2) предоставляет и мобилизует знания; (3) способствует применению знаний в конкретной практической деятельности. Трансферная наука стремится отдать приоритет новым теоретическим знаниям, формировать знания по фундаментальным вопросам и связям. Научная деятельность фокусируется на реальных вопросах и преследует цель выявления существующих актуальных знаний, переноса их в новые научные контексты, позволяет находить конкретные решения в виде рекомендаций к действию, консультативных предложений или форматов общения.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2019.
- Демьянков В.З.* Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIII. С. 17-29.
- Демьянков В.З.* Языковые техники трансфера знаний // Метод. 2017. № 7. С. 115-136.
- Постовалова В.И.* Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках // Метод. 2017. № 7. С. 137-158.
- Antos G.* Transferwissenschaft. Chancen und Barrieren des Zugangs zu Wissen in Zeiten der Informationsflut und der Wissensexplosion // Wichter S., Antos G. (Hg.): Wissenstransfer zwischen Experten und Laien. Umriss einer Transferwissenschaft. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. S. 3-33.

Ballod M., Pelikan K., Roelcke Th., Weber T. Transferwissenschaften – gestern und heute. Zur Weiterführung und -entwicklung der Reihe. // Pelikan K., Roelcke Th (Hg.): Information und Wissen – Beiträge zum transdisziplinären Diskurs. Berlin: Peter Lang, 2020, S. 7-16.

V.S. Grigorieva (Tambov, Russia)

Tambov State Technical University

TO THE QUESTION OF TRANSFER SCIENCES AND COMMUNICATION OF KNOWLEDGE

The vision of the world as a single whole presupposes the organization of processes of convergence and transfer of knowledge, as well as their interpretation, which led to the emergence of transfer science. The article attempts to characterize transfer science as interdisciplinary, principles and cognitive mechanisms of transferization, as well as the role of linguistics in this process.

Key words: transfer science, transferization, knowledge, cognitive mechanism

А.М. Гурбанова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

ai.m.gurbanova@utmn.ru

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье предпринята попытка описать когнитивные модели, лежащие в основе культурных контекстов в коммуникативном пространстве современного университета Турции. Анализируется связь культуры с культурным контекстом и когнитивными моделями, исследуется влияние культуры на формирование коммуникативного пространства.

Ключевые слова: культура, культурные контексты, когнитивная модель, университет, коммуникация

Каждая культура имеет свои особенности и придерживается определенных моделей поведения и правил. Люди разных национальностей и этнических групп имеют собственные представления о мире, и зачастую система ценностей, принадлежащий одной культуре, не совпадает с набором ценностей другой культуры. Ученые подчеркивают, что мировоззрение, менталитет и правила поведения определяют особый образ жизни, являющийся отличительным для каждого общества [см. Turhan 1997: 48]. Общим принципом для культуры является возможность взаимодействовать и коммуницировать. По мнению Э. Холла, существует тесная связь между культурой и коммуникацией [Hall 1959: 119]. В утверждении *culture is communication* исследователь подчеркивает: все, что свойственно культуре – модели поведения, принципы, манеры, традиции – в процессе взаимодействия имеет информационно-знаковую функцию [Там же]. Успешным инструментом для взаимодействия культур в современном мире является межкультурная коммуникация. Межкультурная коммуникация, как форма общения, происходит в контексте различных культурных норм, ценностей и представлений о мире человека

[Садохин 2014: 22]. Коммуникация осуществляется на разных уровнях: языковом, этническом, национальном и социокультурном. В университетском дискурсе осуществляется взаимопонимание между людьми разных национальностей, адаптация коммуникантов к новой культуре, строятся деловые отношения между партнерами. Изучение культурного контекста в коммуникации подразумевает вопрос об определении когнитивных структур, которые участвуют в мыслительной деятельности и воспроизводятся коммуникантами. Культурный контекст является системой фоновых знаний, объединяющей материальные достижения этноса, моральные и этические установки и правила [Halliday, Hasan 1991: 7]. Культурные контексты формируют не только то, что человек говорит, но и то, как он думает [Hall 1959: 119]. Так прослеживается связь между языком и сознанием человека. Ю.Н. Караулов поднимает вопрос о феномене языковой личности и считает, что данный феномен должен изучаться в рамках трех уровней. На вербально-семантическом уровне личность владеет набором лексико-грамматических средств; на прагматическом уровне дается характеристика личности в соответствии с ее мотивами; когнитивный уровень охватывает когнитивные структуры, которые формируют картину мира человека и демонстрируют иерархическую систему его ценностей [Караулов 1989: 4-5].

Цель настоящего исследования состоит в выделении когнитивных структур, лежащих в основе культурных контекстов в коммуникативном пространстве университета. Современный университет представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему, охватывающую социокультурные, образовательные, исследовательские и экономические аспекты. Университет создает коммуникативное пространство, в котором взаимодействуют представители разных культур, демонстрирует культурное наследие и способствует формированию общественный связей, привлекая обучающихся со всего мира.

Обратимся к официальному сайту одного из самых молодых, но уже популярных университетов Турции. Университет Анталии Билим (тур. Antalya Bilim Üniversitesi, ABU) позиционирует себя как международное учебное заведение, объединяющее и вдохновляющее студентов из более чем 70 стран, говорящих на 40 языках [Smapse Education]. Согласно рейтингу университетов Турции, университет Билим занимает 122 место из 200, но является вторым по качеству преподавания [EduRank]. Сегодня университет стремится попасть в число лидеров в создании научного знания и разработок для внедрения в социальную сферу и мировую экономику. Коммуникативное пространство университета Анталии Билим представляет собой динамичное и многофункциональное пространство, отвечающее современным вызовам и потребностям обучающихся разных культур и национальностей [ABU]. Университет ставит обучающихся в центр образовательного процесса и становится клиентоориентированным, позволяя студентам развить принципиально важные компетенции самостоятельного целеполагания и осознанного выбора образовательной и профессиональной траекторий [Там же].

Рассмотрим главную страницу официального сайта университета Билим для выявления и анализа когнитивных моделей, культурных контекстов и системы вербальных/невербальных знаков, лежащих в основе коммуникативного пространства университета. Под когнитивной моделью будем понимать исходную понятийную область или ментальную сферу-источник, к которой относятся слова в их первичном значении; каждая когнитивная модель содержит концептуальную сферу [Пономарева 2011: 126]. По В. Эвансу, «когнитивная модель представляет собой мультимодальные концептуальные объекты, которые могут быть использованы в качестве основы для моделирования восприятия» [Evans 2007: 23] (здесь и далее перевод наш – А.Г.).

Главная страница сайта университета [ABU] привлекает крупным интерактивным изображением, представленным в виде слайд-шоу. Всего в данном слайд-шоу сменяется около 20 динамичных изображений, которые содержат информацию различного характера. На основе данного коммуникативного пространства сайта мы провели анализ когнитивных моделей и культурных контекстов.

В ходе исследования мы выделили три когнитивные модели: «традиционализм», «интеграция», «открытость и коллаборация». Так, модель «традиционализм» предполагает опору на традиции. На главной странице сайта представлены яркие фотографии главного корпуса университета с национальным орнаментом на здании и иконка университета, проецирующиеся при переходе на следующую страницу. Орнамент на здании университета содержит турецкий мотив и делает отсылку к исламской архитектуре. Традиции, уходящие корнями в далекое прошлое, являющиеся способом позиционирования страны. Первый президент Турецкой Республики Ататюрк, почитаемый турецким народом, считал, что традиции формируют государство и нацию [Hürriyet.com.tr]. В рамках этой модели реализуются контексты «культурно богатый университет» и «национально-изобразительные мотивы» благодаря смысловой архитектурной идее и сохранению культурного наследия. Данная модель реализуется в рамках системы культурных и исторических связей: сохранение культурных традиций для турецкого народа является таким же значительным принципом, как и сохранение исторических явлений, благодаря вкладу центрально-го государственного деятеля Ататюрка [Hürriyet.com.tr].

Модель «интеграция» проявляется в коллаборации туризма, коммерции и образования. Интерактивное слайд-шоу включает информационные сообщения о том, что традиционное турецкое образование и образовательный процесс будут происходить с практической пользой, возможностью прохождения практики студентов в реальных учреждениях, предоставляющих различные услуги (например, *Son teknoloji ile donatılan, hem öğrencilerin uygulama imkanı bulacağı hemde vatandaşların faydalanacağı kliniğin açılmasını son derece önemsiyoruz* «Мы придаем большое значение открытию современной клиники с технологичным оборудованием, в которой студенты смогут практиковаться, а граждане – получать услуги»; *Antalya Bilim Üniversitesi ile Rixos Otelleri arasında Eğitim İş Birliği Protokolü* «Соглашение

о сотрудничестве в сфере образования между университетом Анталы и отелями Rixos»). Такие данные демонстрируют ориентацию страны на новых обучающихся со всего мира, поддержку местной экономики, а также своих граждан. Изображение отеля и стоматологического исследовательского центра, интегрированное с изображением университета и его корпусов, указывает на кооперацию образовательного процесса в университете и реального сектора экономики. Обучающиеся имеют возможность проводить совместные исследования в лаборатории, пользоваться услугами центра и проверять приобретенные навыки на практике в сфере туризма (например, гостиничный бизнес).

Модель «открытость и коллаборация» указывает на готовность развивающегося турецкого университета сотрудничать с иностранными партнерами, создавать партнерства с открытыми для коммуникации учебными заведениями, организовывать международный обмен студентами. Об этом свидетельствуют панорамные слайды с названиями программ для стажировок (например, Erasmus), многочисленные изображения корпусов крупных университетов (например, университета Йоханнесбурга) и иконки, демонстрирующие процесс рукопожатия партнеров. Данная модель фокусируется на национальных и университетских ценностях. Реализация модели осуществляется на базе отсылок к изображениям, демонстрирующим стремление университета к сотрудничеству, укрепление связей с международными партнерами, желание повысить свою значимость на образовательном рынке и распространить информацию о возможностях университета.

Мы проанализировали когнитивные модели и соответствующие им культурные контексты на материале системы знаков главной страницы официального сайта университета Билим в г. Анталы. Модели реализуются в рамках культурных контекстов, которые включают в себя статусные (культурно богатый университет), эстетические (релевантные национально-изобразительные мотивы), прагматические (современная интеграция) и межкультурные (эффективная коллаборация) феномены.

Коммуникативное пространство современного университета Турции становится эффективным инструментом для создания динамичной и открытой образовательной среды. Такая среда служит драйвером коммуникативных, творческих и аналитических навыков, позволяющих обучающимся развивать способности к успешному взаимодействию в обществе.

Литература

- ABU – Antalya Bilim Üniversitesi: официальный сайт. Анталыя, 2010. URL: <https://antalya.edu.tr/tr>
- EduRank: официальный сайт. 2024. URL: <https://edurank.org/>
- Evans V. A glossary of cognitive linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
- Hall E. The silent language. New York: Doubleday, 1959.
- Halliday M.A.K., Hasan R. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Hürriyet.com.tr: официальный сайт. 2025. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/>
- Smapse education: официальный сайт. М. 2008-2025. URL: <https://smapse.ru/>

Turhan M. Kültür Değişimleri. İstanbul: Marmara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Yay, 1997.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989.

Пономарева О.Б. Лингвокогнитивные модели субстандартной семантической деривации в субсфере «Природа» в английской и русской лингвокультурах // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: филология. 2011. № 1. С. 125-131.

Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: КИОРУС, 2014.

*A.M. Gurbanova (Tyumen, Russia
University of Tyumen)*

CULTURAL CONTEXTS IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF A MODERN UNIVERSITY: THE COGNITIVE ASPECT

The paper attempts to describe the cognitive models underlying cultural contexts in the communicative space of a modern university in Türkiye. The paper analyzes the connection of culture with the cultural context and cognitive models, examines the influence of culture on the formation of a communicative space.

Key words: culture, cultural contexts, cognitive model, university, communication.

*F.M. Huseynova (Baku, Azerbaijan)
Azerbaijan State Pedagogical University
feridehuseynova21@gmail.com*

COGNITIVE DISCOURSE ASPECTS OF ENGLISH LANGUAGE ASSESSMENT

English language assessment is characterized by the study of cognitive processes based on performance outcomes. The study aims to emphasize the best way to comprehend students' cognitive ability for assessment tasks is to think of them as a dynamic system. Completing the assessment task successfully requires organizing the information for conceptual and procedural understanding of language learning. The quality of the tasks used to elicit mental processes determines the quality of these results. The article summarizes studies on how reading comprehension processes affect learners' cognition.

Key words: assessment, mental process, diagnostic, factor analytic approach, reading comprehension

Introduction. Cognitive elements in language assessment

Research has focused on mental processes, including cognitive and metacognitive processes in learning and testing contexts. This reflects an understanding of the intricacies of language acquisition and evaluation [Anderson, Pearson 1984]. For instance, reading-related neuroscience research demonstrates that seemingly straightforward tasks, like sounding out a word, necessitate the coordination of multiple areas (e.g., perceptual processing of speech sounds, speech motor processing, spatial orientation, and sensory-visual processing of letters and word forms. Building a cohesive mental image of the text and recognizing semantic relationships are two tasks associated with reading.

Students can manage their limited working memory and cognitive resources by reading in a more automated and selective manner. Moreover, learners progress from word-level reading comprehension to inferential and discourse-level comprehension as they interact with discourse-level texts. Readers activate prior knowledge by organizing information, allocating cognitive resources, and retrieving relevant information from long-term memory [Ericsson 2003]. Furthermore, the students have attained automaticity in processing fundamental encoding skills; selectively focusing on pertinent information; and further retrieving and organizing knowledge to create a cohesive mental representation of the text should be the main focus of assessments of reading proficiency.

1. Cognitive diagnostic assessment

Cognitive diagnostic assessment is responsible for another significant advancement. Over the past ten years, the cognitive diagnostic assessment – also known as diagnostic classification models – has drawn a lot of interest in the field of language testing and assessment because of its great potential to provide rich diagnostic information about test takers' strengths and weaknesses on a set of useful attributes. To categorize students with unique skill mastery patterns and draw conclusions about the characteristics of their cognitive processes and knowledge structures, several cognitive diagnostic modeling techniques were created. To provide formative diagnostic information about learners' competencies in language skills, new initiatives for diagnostic language assessment were spurred by advancements in theories of cognition. According to Kendeou, Broek, Helder, Karlsson, it is the moral obligation of testers to guarantee the accuracy and interpretability of test data [Kendeou и др. 2014]. As a more useful reporting technique, he proposed “profiles” that display several skills evaluated in multiple ways. An evaluation model that makes use of test results via a “detailed, innovative, and diagnostic feedback system” was proposed by E.E. Jang [Jang 2009: 515].

2. Factor Analytic Approach in language assessment

The biggest obstacle to evaluating learner cognition and its dynamic interplay with other intra- and interpersonal factors is methodological limitations. Cognitive skills are conceptually unique and context-specific. Because it continuously interacts with other related factors and other skills of a similar nature, it is dynamic rather than static. Conventional psychometric methods frequently fall short of identifying several skills at once. Since factor loadings are essentially based on the contribution of items to test performance, common factor analytic approaches are not suitable for identifying highly correlated skills [Cohen 2012]. Additionally, because of its linearity assumption, which violates the nonlinear nature of the item response functions, linear factor analysis of the observed item-pair correlation matrix introduces confounding factors linked to difficulty levels [Alderson 2000].

3. Effective strategies in cognitive assessment

A cognitive strategy helps the student build internal processes that allow him or her to complete challenging assignments. Cognitive strategies are crucial in the area of

reading comprehension. Students can better comprehend what they read by using a self-questioning technique. Repetition, structuring new language, summarizing, inferring meaning from context, and memorization through imagery are some of these. To enhance learning, all of these tactics purposefully alter language.

In a similar vein, the advent of adaptive learning technologies is revolutionizing the educational field. Advanced analytics are being used by companies such as Knewton to assess student cognition and offer individualized learning opportunities. Knewton has demonstrated that students can increase their grades by as much as 20% by utilizing this technology, which continuously evaluates their performance and modifies content in real-time. Adopting technology-driven tools can offer readers in similar circumstances detailed insights into cognitive abilities.

Conclusion

The field of language assessment should adopt a different perspective and methodological approach to evaluating test takers' cognitive potential while leveraging contextual specificity, given the growing interest in learning-oriented assessment approaches. A learner is a dynamic system with numerous components interacting with one another, according to the theory of complex dynamic systems. A better understanding of the learners' minds can be achieved through the interaction of these intrapersonal variables and the influence of environmental factors.

References

- Alderson J.C., Percsich R., Szabo G.* Sequencing as an item type // *Language Testing*. 2000. Vol. 17. No. 4. Pp. 423-447.
- Anderson R.C., Pearson P.D.* A schema-theoretic view of basic processes in reading comprehension // *Handbook of reading research* / P.D. Pearson, R. Barr, M.L. Kamil, P. Mosenthal (Eds.). New York: Longman, Inc., 1984. Pp. 255-291.
- Cohen A.D.* Test taker strategies and task design // *Routledge Handbook of Language Testing* / G. Fulcher, F. Davison (Eds.). Abingdon: Routledge, 2012. Pp. 262-277.
- Ericsson K.A.* The acquisition of expert performance as problem-solving: Construction and modification of mediating mechanisms through deliberate practice // *The Psychology of Problem Solving* / J.E. Davidson, R.J. Sternberg (Eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. Pp. 31-83.
- Jang E.E.* Cognitive diagnostic assessment of L2 reading comprehension ability: Validity arguments for applying Fusion Model to Language assessment // *Language Testing*. 2009. Vol. 26. No. 1. Pp. 31-73.
- Kendeou P., Broek P., Helder A., Karlsson J.* A cognitive view of reading comprehension: Implications for reading difficulties // *Learning Disabilities Research and Practice*. 2014. Vol. 29. No. 1. Pp. 10-16.
- Knewton. URL: <https://dev.knewton.com/>

Ф.М. Гусейнова (Баку, Азербайджан)

Азербайджанский государственный педагогический университет

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ: ОЦЕНИВАНИЕ ЗНАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Оценивание английского языка характеризуется изучением когнитивных процессов, основанных на результатах успеваемости. Цель исследования – подчеркнуть, что лучший способ понять когнитивные способности учащихся для оценочных заданий – думать о них как о динамической системе. Успешное выполнение оценочного задания требует организации информации для концептуального и процедурного понимания изучения языка. Качество заданий, используемых для выявления ментальных процессов, определяет качество этих результатов. В статье суммируются исследования о том, как процессы понимания прочитанного влияют на познание учащихся.

Ключевые слова: оценивание, психический процесс, диагностика, факторно-аналитический подход, понимание прочитанного

О.И. Девяткова, Н.Г. Кантышева (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

o.i.devyatkova@utmn.ru, n.g.kantysheva@utmn.ru

ТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО». ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

В статье предпринята попытка рассмотреть тематическое моделирование терминологии таможенного дела в рамках образовательного дискурса как инструмента систематизации знаний, который позволяет подготовить выпускника вуза к эффективному решению практических задач в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: тематическое моделирование, систематизация знаний, терминологические единицы, таможенное дело, деловая игра

Формирование региональной инновационной подсистемы инфраструктуры региона определяется наличием высокопрофессиональных специалистов, степенью их адаптации во внешней и внутренней среде и умением применить полученные знания. «Возрастание роли человеческого капитала как основного фактора устойчивого социально-экономического развития связано с тем, что уровень конкурентоспособности современной экономики все в большей степени определяется качеством профессиональных кадров, степенью их социализации, креативности» [Вертакова, Ларина 2017: 56]. Научные работы в области исследования тематики человеческого капитала [Гилева 2016, Шибанкова 2020] позволяют утверждать, что он «формируется преимущественно в секторе образования и науки и создает не только культурные ценности населения, но и обеспечивает условия для трансформации технологического базиса и перетоков знаний в реальный сектор экономики» [Унтура 2019, Ковалёв, Господарик 2011]. Этот тезис лежит в основе образовательных технологий в Тюменском государственном университете. На примере специ-

альности «Таможенное дело» представлена реализация тематического моделирования в образовательной деятельности.

Под тематическим моделированием в настоящем исследовании понимаем систематизацию понятий в предметной области «Таможенное дело», методический инструментарий, позволяющий применять профессиональные термины в рамках деловых игр, кейсов, кейсов, направленных на имитацию процессов решения проблемных задач.

Дидактический аспект образовательного пространства современного ВУЗа в целях подготовки кадрового потенциала видится в том, чтобы студенты и преподаватели в процессе решения профессиональных кейсов могли применять необходимый терминологический аппарат, который выступает базой реализации интегративно-компетентного подхода к обучению и формирования профессиональных компетенций.

В основе имитационных методов активного обучения применяется деловая игра, которая нацелена на моделирование решения профессиональных задач в практических ситуациях. В практическом обучении студентов используют модели тематических кейсов. Примером моделирования кейсов выступает задача контроля правильности заполнения декларации и знание принципов подачи таможенных документов и алгоритмических шагов в процессе принятия решения о выпуске товара.

Студенты, используя термины определенных тематических полей, обусловленных моделируемой ситуацией, учатся принимать решения в условиях, приближенных к реальным и овладевают не только практическими навыками, но и профессиональным терминологическим аппаратом. Терминологический аппарат – это не просто набор отдельных терминов данной предметной области, а некая модель понятийного аппарата с упорядоченными терминологическими единицами. В связи с этим принцип тематического моделирования при подготовке образовательного контента видится очень важным, поскольку обучение специальности подразумевает не только овладение обучающимися терминами и понятиями специальности, но и «систематизация и структурирование смысловых компонентов профессиональной картины мира таможенной сферы» [Девяткова, Кантышева 2022]. Такая система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации смысла формирует когнитивную матрицу [Болдырев 2008] в сознании специалиста.

Основу методологического инструментария терминологического дискурса составляют документы: Таможенный кодекс ЕАЭС, нормативно-правовые акты, официальные сайты таможенных служб стран, входящие в Евразийский Экономический Союз, научные статьи в отраслевых журналах. Терминологический массив в образовательном пространстве специальности представлен следующими тематическими направлениями: Таможенный контроль, Товароведение и экспертиза в таможенном деле, Обоснование контрактных цен, Электронное декларирование, Таможенные операции. Перечисленные группы соотносятся с основными направлениями деятельности ЕАЭС.

Пример тематической группы «Электронные методы таможенного декларирования» представлен на рисунке 1:

Рис. 1. Тематическая группа «Электронные методы таможенного декларирования»

Таким образом, тематическое моделирование терминологии в образовательном контенте позволяет обучающимся извлекать релевантную понятийную информацию и заполнять когнитивные контексты в зависимости от предыдущего опыта более детализированным содержанием. Такая система взаимосвязанных концептов выстроена согласно уровням языковой категоризации и содействует существенному расширению кругозора студента и выпускника. Кроме того, данный подход поможет решать предметные задачи в смежных областях деятельности, что будет способствовать профессиональному росту и мобильности специалиста.

Литература

- Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5-14.
- Вертакова Ю.В., Ларина О.Г. Роль университета в социально-экономическом развитии региона (на примере Юго-Западного государственного университета и Курской области) // Экономика и управление. 2017. № 5 (139). С. 56-66.
- Гилева Т.А. От человеческого капитала к интеллектуальному: три ступени управления // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 3 (29). С. 5-10.
- Девяткова О.И., Кантышева Н.Г. Проектирование терминологического учебного словаря таможенной сферы: корпусный подход // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 55-80.
- Ковалёв М.М., Господарик Е.Г. Человеческий капитал – фундамент экономики знаний // Проблемы управления. 2011. № 3. С. 46-56.

Шибанкова Л.А. Человеческий капитал университета: формирование и развитие в эпоху цифровизации // Казанский педагогический журнал. 2020. № 3 (140). С. 19-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-universiteta-formirovanie-i-razvitie-v-epohu-tsifrovizatsii>

Унтупа Г.А. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений // Пространственная экономика. 2019. № 1. Т. 15. С. 107-131.

O.I. Devyatkova, N.G. Kantysheva (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

THEMATIC MODELING OF THE TERMINOLOGY “CUSTOMS SPHERE”. EDUCATIONAL COMPONENT

The article attempts to consider thematic modeling of the terminology “customs sphere” within the framework of educational discourse as a tool for systematizing knowledge, which will prepare a university graduate for the effective solution of practical problems in professional activities.

Key words: thematic modeling, systematization of knowledge, terminological units, customs sphere, business game

Е.М. Дубровская (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет

schitat.do.sta@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЧУДИ БЕЛОГЛАЗОЙ» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В работе рассматривается образ чуди, существующий в русском национальном сознании. На материале русских паремий с этнонимом «чудь» были описаны представления русского человека об этносе, сложившиеся на основе исторических фактов. Источником материала исследования выступили данные Национального корпуса русского языка, а также паремиографическое издание «Пословицы русского народа» В.И. Даля.

Ключевые слова: паремиология, лингвокультурологическая паремиология, образ народа, этнонимы, финно-угорские народы, чудь, национальный корпус русского языка

Сфера научных интересов, описываемая такой областью как когнитивная лингвистика достаточно широка, и включает в себя в том числе рассмотрение кумулятивной функции языка в различных ее появлениях. Суть этой функции заключается в фиксации и хранении информации посредством языковых средств в сознании носителей языка. Уточним, что большое значение для лингвистов-когнитологов играет параметризация, категоризация и закрепление этой информации как в сознании отдельного индивида, так и в национальном сознании. Известно, что исследование паремиологии и паремологических единиц (пословиц, поговорок, присказок, загадок и др.) способствует расширению и углублению представлений о функционировании мировосприятия как когнитивного процесса, обусловленного лингвокультурологическими особенностями того или иного языкового сообщества.

В нынешней лингвистике паремиология представляет собой круг интересов фразеологии, но при этом является отдельной областью, обладающей отдельным методологическим аппаратом. По мнению О.В. Ломакиной, в паремиологическом фонде языка заключен колоссальный лингвокультурологический потенциал – паремии выступают в качестве языковых репрезентантов образа жизни, менталитета и аксиологических особенностей картины мира определенного этноса [Ломакина 2022].

Различные группы онимов в паремиях обладают лингвокультурологическим потенциалом [Бредис, Ломакина 2017], трактовке которого служит лингвокультурологический анализ.

Под *этнонимами* мы, вслед за В.Д. Стариченком, понимаем «названия наций, народов, народностей, племен, племенных союзов и этнических общностей. <...> В составе этнонимов выделяются *автоэтнонимы* – самоназвания народов и племен и *аллоэтнонимы* – названия народов и племен, данные им другими народами» [Старичёнок 2008: 719].

Также немаловажным источником информации о народных представлениях о том или ином явлении являются данные, зафиксированные в лингвистических корпусах. Лингвистический корпус – это виртуальная база текстов (как письменных, так и транскрибированных звучащих), структурированная согласно определенным характеристикам, таким как жанр, автор, язык и др., а также снабженных системой поиска [Сысоев 2010]. В.А. Плунгян полагает, что польза корпусно-ориентированной лингвистики в расширении исследовательских возможностей, поскольку благодаря лингвистическим корпусам можно изучать реально существующие языковые явления [Плунгян 2008: 17].

Для подтверждения необходимости комплексного анализа паремиологических единиц, обратимся к лексеме *чудь*, встречающейся в словаре «Пословицы русского народа» под редакцией В.И. Даля.

Слово *чудь* впервые встречается в древнерусских произведениях. Так, в «Повести временных лет» *чудь* упоминается в следующем контексте: *В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, емь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, либь* [Повесть временных лет 1950: 206]. Традиционно считается, что этим обозначением летописцы именovali эстов и представителей финно-угорских племен, занимавших территории Великого Новгорода на востоке от Онежского озера и вдоль рек Онега и Северная Двина.

Современными исследователями вопрос национального состава чуди затрагивался неоднократно. В науке существует шестнадцать точек зрения относительно этнической принадлежности чуди. Следуя за мыслью Р.А. Агеевой, мы выделяем в качестве первичных следующие положения об объекте наименования рассматриваемого этнонима: 1) народы финно-угорской группы в целом; 2) этносы, населяющие Прибалтику; 3) этнические группы, проживающие на территории нынешней Архангельской области и республики Коми, а также в северных регионах

Восточной Европы; 4) исчезнувший враждебный народ, оставивший после себя городища и могильники. Любопытно, что и сейчас чудью себя называют отдельные финно-угорские этнические группы. При этом, вепсы, коми и некоторые русские семьи из северных регионов полагают, что представители чуди являются их предками [Агеева 1970: 195].

Внешний облик представителей чуди часто варьируется: по одним версиям это черноволосый смуглый народ, по другим – рыжий и светложкий. Однако во всех источниках говорится о том, что у людей описываемой народности белый цвет глаз. С физиологической точки зрения этот факт объясняется специфическими условиями проживания, вследствие которых в радужной оболочке глаз не вырабатываются пигменты. Эту этноспецифичную особенность чуди заметил русский народ. Так, негативно окрашенным эпитетом «белоглазая» охарактеризован воинственный враждебный народ, упоминаемый в былинах «Добрыня чудь покори!»:

*Есть ли в Киеве тако(й) человек
Из сильных-могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальнюю,
А и дальну службу заочную,
Кто бы съездил в орды немирныя
И очистил дороги прямоезжия
До моего тестя любимова,
До грозна короля Этмануила Этмануловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорских
И тех калмыков с татарами,
Чукиши все бы и аюторы? [ДРС 1977: 136]*

Сочетание «Чудь белоглазая» [ПРН I 1989: 306] может фигурировать как в роли самостоятельной паремии, транслирующей негативное отношение к народу в целом, так и в качестве фрагмента паремиологической единицы *Каргопольцы – чудь белоглазая. Сыроеды* [ПРН I 1989: 298], в которой выражается неприязнь к жителям конкретного населенного пункта (Каргополь – город на юго-западе Астраханской области).

Позиция ученых о том, что чудь – это исчезнувший древний этнос, основана на результатах исследования мифологических текстов. Согласно одному легендарному сюжету, «после прихода русских и распространения христианства чудь ушла под землю: они построили схроны с земляной кровлей и деревянными опорами, нагромодили кровлю камнями, подрубили опоры и исчезли под землей, засыпанные камнями, либо ушли в неведомую подземную страну» [Тадевосян 2014: 47]. Легенда об исчезновении чуди представляет собой фольклорный сюжет, который в свою очередь иллюстрирует реальный исторический процесс – расширение территорий русского государства, что зафиксировано также и в паремиологическом

фонде русского языка. Паремии *Чудь в землю ушла* [ПРН I 1989: 306], *Чудь живьем закопалась* [ПРН I 1989: 306] и *Чудь под землей пропала* [ПРН I 1989: 306] повествуют именно о том, как финно-угорский народ исчез под давлением экспансии русской этнической культуры.

В основном корпусе НКРЯ (Национальный корпус русского языка) единица *чудь* упоминается 265 раз в составе 108 текстов, сферы функционирования которых разнообразны: учебно-научная – 34; публицистика 46; художественная – 31; бытовая – 3; электронная коммуникация – 2.

В результатах, выданных при запросе «чудь» преобладают тексты учебно-научной сферы, исторической тематики, зачастую опубликованные в виде монографий или сборника лекций. Но и в художественных и публицистических текстах нередки обращения к историческим представлениям читателя и/или героя произведения. Например: *Мифический народ, который, по легенде, по приходу русских ушел в подземные убежища, где подрубил опорные столбы сводов и сам себя похоронил*. *Чудь белоглазая — может, слышали? — интересуется Иванов. А этот скелет у вас в гостинице — он из захоронения VIII-XI веков, из могильника села Редикор в Чердынском районе* [Л. А. Данилкин. Диагностика пармы, 2016], *Под землю ушла легендарная Чудь Белоглазая, сама себя похоронившая* [Алексей Иванов. Message: Чусовая. Части 1–3, 2007].

Основываясь на единицах, составляющих русский паремиологический фонд, можно охарактеризовать *чудь* в представлении русского человека как конкретную, зачастую враждебно настроенную этническую группу, проживающую на определенной территории и обладающую необычными этноспецифическими признаками, окруженными в сознании носителей русского языка и ментальности мифологизированными признаками.

Литература

- Агеева Р.А. Об этнониме *чудь* (чухна, чухарь) // Этнонимы / ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 194–203.
- Бредис М.А., Ломакина О.В. Лингвокультурологический потенциал топонимов – компонентов пословиц (на материале пословиц о деньгах и богатстве разноструктурных языков) // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Майкоп: Магарин О.Ю, 2017. С. 105–109.
- БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
- ДРС – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977.
- Ломакина О.В. Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2010. № 6 (14). С. 217–221.
- Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.
- Плунян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

Повесть временных лет. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

ПРН – Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1., Т. 2.

Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.

Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 99-111.

Тадевосян Т.В. Семантические параллели фольклорных архетипов: Мифологический аспект. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2014.

E.M. Dubrovskaja (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Technical University

REPRESENTATIONS OF “WHITE-EYED CHUD” IN RUSSIAN PAREMIOLOGY AND NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the study of the image of chud, fixed in the Russian national consciousness. The material of the study was Russian paremiological units containing the ethnonym “Chud” in their composition, on the basis of which the representations of the Russian national consciousness were described on the basis of which were described the perceptions of the Russian people, recorded in chronicles and historical sources, and reflected in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language. The collection of *Proverbs of the Russian People* by V.I. Dahl and the data of the National Corpus of the Russian Language.

Key words: paremiology, National corpus of Russian language, image of the folk, linguocultural paremiology, ethnonyms

A.B. Загуменнов (Вологда, Россия)

Вологодская духовная семинария

zaw1991@mail.ru

СТАТУС И ФУНКЦИИ «ЯЗЫКА» В КОНЦЕПЦИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ Г.И. БОГИНА

В предлагаемой статье выявлена специфика граней «языка» как предмета научно-методологической рефлексии Г.И. Богина. Доказывается, что в зависимости от занимаемой позиции в исследовании знаковая система приобретает функции нормирования, программирования и моделирования.

Ключевые слова: язык, речь, текст, знаковая система, языковая личность, понимание, филологическая герменевтика

Проблематика текущей конференции охватывает не только определяющие для когнитивно-дискурсивной парадигмы [Белошапкова 2008] российского языкознания направления научного поиска, но и имплицитно предполагает обсуждение самых разных подходов, теорий, школ, которые не считают себя «когнитивными» / «дискурсивными», но при этом область их исследовательских интересов и «когнитивна», и «дискурсивна» по характеру рассматриваемых феноменов. В этой связи

филологическая герменевтика как теория понимания и интерпретации текста является своеобразной предтечей всех сфер знания, стремящихся дать свое решение проблемы отображения мира мышления в языке или в языковых средствах. Недаром ее междисциплинарный статус обсуждался уже в первой трети XIX в. [Кронеберг 1835], когда свои научные труды публикуют Фридрих Август Вольф, Вильгельм фон Гумбольдт, Фридрих Аст и другие. Оставшись актуальным по сей день направлением, исследователи осмысливают основные топосы филологической герменевтики: «язык», «автор», «текст», «эпоха», «стиль». Особый интерес вызывает рассмотрение достижений подобной теоретико-методологической рефлексии в каждом отдельном научном объединении [Колосова 2021], поскольку это необходимо для общего развития отечественной науки.

Основной целью предлагаемой работы является дескрипция граней языка как знаковой системы в концепции филологической герменевтики Г.И. Богина [Богин 2001]. Материалом нашей статьи послужили, во-первых, неопубликованная в бумажном варианте рукопись [Богин 2001], массово растиражированная в сети Интернет либо цельным электронным документом, или какими-то частями этого документа, а во-вторых – автореферат докторской диссертации [Богин 1984]. Новизна и теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в недавно изданном учениками и последователями Г.И. Богина «Опыте словаря филологической герменевтики» [Колосова 2021] отсутствует статья «язык», что мы считаем существенным недостатком, требующем исправления.

«Когнитивные» поиски «Московского методологического кружка»

Мы осторожно берем слово «когнитивные» в кавычки по той причине, что эта формулировка стала возможна только после легитимации статуса когнитивных наук именно как таковых. Тем не менее в разрезе истории и в аспекте самоназвания больше оснований видеть в них дисциплины, близкие к интересам методологического движения в СССР. Возможно, конечно, если бы не события, последовавшие после 1917 г., исследования когнитивно-дискурсивной направленности появились бы не только раньше, чем у наших зарубежных коллег, но и предполагали бы линию преемственности с европейской философией сознания рубежа XIX–XX вв. Реставрация этого утраченного на многие десятилетия способа изучения мира смыслов в коммуникации началась в 1970-х гг., когда в рамках «Московского методологического кружка» (далее – ММК) Г.П. Щедровицкого происходило коллективное обсуждение того, что такое сознание, что такое мышление, что такое понимание и как это связано с языком [Щедровицкий 2024]. Допустимо рассматривать весь корпус публикаций по этой проблематике как имеющий те же интенции, что и современная когнитивная лингвистика, отличие же их кроется в инструментарии, терминологии и философском мировоззрении.

Спецификой работы на семинарах в ММК было требование позиционности: всё, что говорится, что доказывается, должно быть адекватно той позиции, той точке зрения, которую отстаивает или защищает участник обсуждения. Более того,

при рассмотрении многомерного, сложного по структуре объекта приветствовалась фиксация чужих точек зрения, которые объясняли бы понимание конкретной грани рассматриваемого феномена. По этой причине в работах Г.И. Богина, основателя «Тверской герменевтической группы» ММК, всегда наличествует переход от одних координат исследования к другим.

Три функциональные грани языка в концепции Г.И. Богина

Особенно это заметно при осмыслении языка как знаковой системы (иные точки зрения представлены в работе [Манасенко 2013]), пользоваться которой способен только человек, и только человеком в языковых формах закрепляется текстовая реализация модели человеческого освоения действительности. «Речь» при этом не противопоставлена «языку», а как бы обволакивает последний. Можно привести в качестве примера интересную для когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики сентенцию: «в условиях оперирования звучащими текстами на подъязыке разговорной речи» [Богин 2001], т.е. текст как продукт речи организуется не речью как деятельностью, а соответствующей речи подсистемой знаковой системы. В логике этого рассуждения «язык» выступает в функции «нормирования» определенного типа («пояса») мыслительной деятельности говорящего при его общении с кем-либо.

«Знаковая система» в концепции Г.И. Богина оказывается основой для процесса понимания («усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах» [Богин 2001]), причем для той его разновидности, которая строится на декодировании «единиц текста, выступающих в знаковой функции» [Богин 2001]. Хрестоматийный пример такого случая – изучение иностранных языков, в процессе освоения которых обучающийся сталкивается со словами, ему неизвестными. Обращение к специализированной литературе (лексикографическим источникам) восполняет, как говорят порой в быту, имеющиеся пробелы в знании, но в действительности речь идет не о том, что известно, а о том, что идеально освоено в текстовых формах. Впрочем, только после «семантизации единиц родного языка» [Богин 2001] оформляется исходный базис коммуникативных возможностей каждого человека, в том числе и возможность понимания сказанного. С этих позиций «язык» выступает в функции «программирования» содержания при усмотрении и освоении идеального, представленного в текстовых формах.

Все предыдущие рассуждения так или иначе затрагивали человека, который может быть рассмотрен «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984: 1]. «Языковая личность» является неотъемлемой частью всей концепции филологической герменевтики Г.И. Богина, однако именно в ракурсе изучения говорящего как структуры «язык» интерпретируется как субстрат «этой структуры, т.е. В качестве предметного основания единства структуры языковой личности» [Богин 1984: 4]. Подобное теоретико-методологическое решение требует смены позиции, изменения точки зрения на знаковую систему. Она больше не структурный предмет научной рефлексии, а

фоновый или образующий среду объект для структуры личности, полагаемой как самодостаточный предмет научной рефлексии. Эта словесная «формула» перехода детерминирует саму суть определения термина «языковая личность». Обратим внимание: готовность «производить речевые поступки», «создавать и принимать ($\approx$ понимать – прим. А.З.) произведения речи» – дефиниция выводит на первый план то, что обволакивает нормирующий мыследеятельность и программирующий содержание феномен, но не его как таковой. Согласно точке зрения Г.И. Богина, «именно в тексте, а не в языковой системе опредмечена человеческая субъективность» [Богин 2001]. Следовательно, доступ к структуре личности открывается через произведенные или понятые человеком речевые произведения. Партитура языковых единиц внутри текста может быть субъективной, но входящие в субъективную партитуру языковые единицы нет; конфигурация языковых единиц, полученная в процессе освоения родного или иностранного языка может быть субъективной, но сами языковые единицы нет.

Статус «языка» в концепции филологической герменевтики Г.И. Богина не зависит от знаковой природы предмета научно-методологической рефлексии, однако обусловлен теоретической позицией ученого в том или ином варианте филологического исследования. По сути, точка зрения на объект и методы изучения задают корреляции с тремя функциональными гранями рассматриваемого феномена.

1) *Язык может быть исследован структурно как таковой.* Тогда внимание направлено на его уровни – фонетический, морфемный, морфологический, лексический, синтаксический и другие.

2) *Язык может быть исследован с позиций лингводидактики.* Это обусловит перенос точки зрения с уровней грамматики (предыдущий случай) на степень (относительную полноту) освоения знаковой системы обучающимся.

3) *Язык может не быть объектом исследования.* Тогда внимание направлено на уровни модельного представления человека, готового совершить и воспринять речевой поступок. Язык предстает как субстрат структуры личности в виде конфигурации средств, которые привлекаются при построении текста.

Вот краткий перечень тех позиций, которые следует учитывать при чтении трудов Г.И. Богина. Принятие их во внимание необходимо в утилитарных целях: критика конкретного положения, конкретного раздела филологической герменевтики упомянутого ученого возможна только после того, когда будет охарактеризована **его** точка рассмотрения многогранного феномена. В противном случае потенциальная полемика будет бессмысленна, т.к. автор и не должен был рассматривать язык с тех позиций, которые ему по ошибке могут приписать.

Литература

Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания и категория аспектуальности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 2. С. 34-43.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Калинин, 1984.

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. URL: <https://www.phantastike.com/philosophy/hermenevtika/pdf/>

Колосова П.А., Крюкова Н.Ф., Львова Ю.А., Оборина М.В., Чебанов С.В. Семинарий по филологической герменевтике. Тверская школа. Тверь: Тверской государственный университет, 2021.

Кронеберг И.Я. О изучении словесности // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1835. Ч. 8. С. 253-289.

Манаенко Г.Н. Язык как система ДЛЯ производства знаков // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. 14. С. 109-117.

Щедровицкий Г.П. Учение Георгия Щедровицкого: в 10 т. Т. I: Подход. Кн. 1: На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход. М.: Миф, 2024.

A.V. Zagumennov (Vologda, Russia)

Vologda Theological Seminary

THE STATUS AND THE FUNCTIONS OF “LANGUAGE” IN THE CONCEPT OF PHILOLOGICAL HERMENEUTICS BY G.I. BOGIN

In this article we have identified the specifics of the aspects of “language” as the subject of scientific and methodological reflection by G.I. Bogin. We also substantiate that the theoretical position in the study affects the nature of the sign system's functions. The “language” in Bogin’s concept acquires the functions of regulation, programming and modeling.

Key words: language, speech, text, sign system, linguistic personality, understanding, philological hermeneutics

О.С. Захарова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
st111446@student.spbu.ru*

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

В работе изучаются способы репрезентации положительной оценки в англоязычном техническом аналитическом обзоре валютного рынка. Рассматривается жанр аналитического обзора, типы анализа валютного рынка, категория оценки и ее классификация. Характеризуются языковые средства, репрезентирующие положительную оценку в данном жанре. Исследование выявило доминирование утилитарной оценки при наличии эмоциональной, эстетической, интеллектуальной и телеологической ее разновидностей. Среди средств репрезентации позитивной оценки в выбранном жанре преобладают личные и неличные формы глаголов.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, технический аналитический обзор, категория оценки, положительная оценка, репрезентация положительной оценки

Целью исследования является изучение языковых средств репрезентации положительной оценки в жанре технического аналитического обзора (далее ТАО)

валютного рынка на материале публикаций британских и американских аналитических агентств (Reuters, IFCMarkets, FXStreet) и деловых СМИ (The Economist, The Daily Mail, Bloomberg, Forbes) за 2022–2024 гг. Актуальность темы объясняется значимой ролью текстов выбранного жанра в экономике и политике. Новизну работы составляет изучение реализации категории оценки с лингвокогнитивных и прагмалингвистических позиций в жанре ТАО валютного рынка. В качестве объекта рассмотрения выступает аксиологичность как одно из доминантных свойств последнего, а предмета – вербальные средства выражения оценки в изучаемом жанре.

На основании типа анализа данных (фундаментального или технического) выделяют соответствующие виды жанра аналитического обзора (АО) [Швагер 2003], осведомляющего аудиторию о происходящих событиях с применением аналитического комментария [Ворошилов 2000]. При этом читателю сообщается и профессиональная оценка, в связи с чем, аксиологичность может быть отнесена к базовым характеристикам АО. В основе нашего исследования лежит деятельностная трактовка лингвофилософской категории оценки, ее когнитивно-прагматическое понимание как акта освоения ценности объекта, сопряженного с процессом познания [Шутемова 2022]. Структуру оценки называют ее модальной рамкой и выделяют в ней субъект, объект, шкалу, стереотипы, аксиологические предикаты, интенсификаторы и т. п. Субъект оценки (далее СО) может быть индивидуальным и коллективным, или «общим мнением» [Вольф 1985].

Оценка участвует в реализации приемов речевого воздействия, т.е. спонтанного или намеренного сообщения информации адресантом реципиенту в процессе коммуникации [Шелестюк 2014]. Широкий спектр способов вербального влияния исследуется в разных типах дискурса, например, выделяют семантические пресуппозиции, ссылку на неизвестный источник информации, опору на авторитет, аргументацию [Баранов 2007, Иссерс 2023].

Традиционно на общеаксиологической шкале различают позитивную, нейтральную и негативную области оценки [Арутюнова 1988; Баженова 2003; Вольф 1985; Ивин 1970]. На основании наличия в значении слова оценочного и дескриптивного компонента различают общую и частную оценку [Вольф 1985; Арутюнова 1988]. Предложенная Н.Д. Арутюновой классификация частных оценок исходит из характера их основания и различает сенсорные, сублимированные и рационалистические оценки, которые делятся на сенсорно-вкусовые (гедонистические), интеллектуальные, эмоциональные, этические, эстетические, утилитарные, нормативные, телеологические [Арутюнова 1988].

Всего рассмотрено 995 текстов, содержащих 403711 словоупотреблений, что соответствует критериям репрезентативности лингвистических баз данных и корпусов. Из этого массива была сформирована выборка для анализа в количестве 1 375 аксиологически маркированных контекстов с 12 958 оценочными единицами, из которых 300 фрагментов с 3 412 элементами относятся к ТАО. Из них 188 отрывков с 2 521 единицами анализа (далее ед. ан.) передают положительную оценку.

Исследование выявило доминирование утилитарного вида частных оценок, насчитывающих 2 517 ед. ан. (99,8%), при наличии эмоциональных, эстетических, интеллектуальных и телеологических типов оценочных значений, каждый из которых представлен 1 ед. ан. (0,04%). К основным средствам репрезентации положительной оценки в ТАО отнесены личные и неличные формы глаголов (42,4%). При этом представлены и другие части речи, такие как: существительные (21,18%), прилагательные (13,33%), наречия (8,13%), местоимения (9,48%), предлоги (4,32%), числительные (0,36%), детерминаторы (0,28%), союзы (0,2%), частицы (0,16%). Кроме того, обнаружены идиомы (0,12%) и фразы (0,04%). Анализ показал преобладание индивидуального эксплицитного субъекта положительной оценки в ТАО (99,2%). Оставшаяся доля приходится на коллективный эксплицитный СО, а присутствия имплицитного не обнаружено.

Проиллюстрируем сказанное на примере фрагмента АО, опубликованного на страницах британской газеты Daily Mail от имени ее автора, Harry Robertson, эксплицитного индивидуального субъекта оценки, выражающего уверенный оптимизм относительно силы американского доллара: *A strong dollar kept yen under pressure, with the U.S. currency rising to its highest since mid-1990 on Friday at 153.39 yen before cooling slightly to 153.26* [Daily Mail 2024].

Положительная оценка крепких позиций мировой валюты объективируется прилагательным *strong*, указывающим на ее силу и могущество: *powerful; having or using great force or control* [CD], и может быть отнесена к гедонистическому виду частных оценок. Значение прилагательного метафорически переосмыслено, поскольку свойства, характерные для мира физических объектов и живой природы, переносятся в область финансовых абстракций. Позитивный характер оценки подкрепляет дальнейшая экспликация, выраженная формой прошедшего времени глагола *kept* с семами вынужденной стабильности: *to (cause to) stay in a particular place or condition* [CD], в сочетании с выражением *under pressure*, где существительное реализует семы насильственности и давления: *the act of trying to make someone else do something by arguing, persuading, etc.* [CD], обретающая негативную оценку состояния японской валюты, но положительную относительно американской. О позитивном характере оценки свидетельствует причастие первое *rising*, с семами повышения и укрепления: *to move upwards* [CD], при этом степень роста валюты характеризуется субстантивом, образованным от превосходной степени прилагательного *highest*, выступающего в роли интенсификатора и передающего высокую степень проявления качества: *greater than the usual level or amount* [CD]. Курс японской валюты описывается как более слабый, что выражается причастием первым *cooling*, реализующим семы снижения и замедления: *to become or cause something to become slightly colder; if the economy, a business, etc. cools or cools off, it grows less fast than before* [CD], при этом его значение метафорически переосмысливается. Наречие *slightly*, передающее малое количество или слабую выраженность признака: *a little* [CD], является деинтенсификатором и придает высказыванию большую

рациональность. Выявленные в рассмотренном фрагменте средства объективации оценки способствуют реализации аргументации с опорой на факты и цифровые данные как приема речевого воздействия [Баранов 2007].

Итак, исследование показало преобладание утилитарной оценки в жанре ТАО, доминирующими средствами репрезентации которой являются личные и неличные формы глаголов. В качестве субъектов оценки в ТАО выступают трейдеры и финансовые аналитики, при этом наиболее распространен индивидуальный эксплицитный СО. Объектами оценки могут быть валюты, валютные пары и графики движения их цен. К основным способам речевого воздействия в изучаемом жанре могут быть отнесены аргументация и отсылка к авторитетному мнению [Баранов 2007].

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
- Ворошилов В.В. Журналистика. Базовый курс. СПб., Издательство Михайлова В.А., 2000.
- Ивин А.А. Основания логики оценки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта, 2023.
- Швагер Д. Технический анализ: полный курс. СПб., 2003.
- Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М.: Флинта: Наука, 2014.
- Шутёмова Н.В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 56-68.
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
- Daily Mail. FOREX-Euro crumbles as investors eye ECB rate cuts, yen hits new 34-year low. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-13300621/FOREX-Euro-crumbles-investors-eye-ECB-rate-cuts-yen-hits-new-34-year-low.html>. 12.04.2024

*O.S. Zakharova (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

MEANS OF REPRESENTING POSITIVE EVALUATION IN THE ANGLOPHONE TECHNICAL ANALYTICAL REVIEW OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET

The paper examines means of representing positive evaluation in the anglophone technical analytical review of the foreign exchange market. The genre of analytical review, types of foreign exchange market analysis, evaluation category and its classification are considered. The linguistic means of representing positive evaluation in this genre are characterized. The analysis revealed the dominance of utilitarian evaluation with the presence of emotional, aesthetic, intellectual and teleological varieties of it. Personal and non-personal verb forms prevail among the means of representing evaluation in the chosen genre.

Key words: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, technical analytical review, evaluation category, positive evaluation, positive evaluation representation

К.В. Землякова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
zemlyakova.kv@sut.ru*

О.В. Рябуха (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
ovryabukha@mail.ru*

ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ)

В статье анализируются языковые средства концептуализации сферы ментального здоровья путем установления содержания центрального концепта MENTAL HEALTH. Установлено, что в научно-популярном дискурсе актуализируются следующие когнитивные признаки концепта: субъект состояния; душевное состояние здоровья; ценность ментального здоровья.

Ключевые слова: научный концепт, термин, коллокация, психика, психология

По определению Всемирной организации здравоохранения термин “health” охватывает физический, психический и социальный компоненты благополучия человека (официальный сайт ВОЗ: <https://www.who.int/>). Помимо специальных видов дискурса, в нашем случае – наук биологии, медицины и психологии, актуализирующих научное содержание терминов, осмысленное приращение концептуального содержания возможно в результате освоения предметной области в научно-популярном, массмедийном, бытовом и других видах дискурса.

Рассматриваемый в данной статье сегмент журнальной периодики тематически организован вокруг читательского запроса разбираться в психическом устройстве человека и тем самым предпринимать действия, направленные на улучшение качества жизни и повышение удовлетворенности ею. Представляется, что когнитивной доминантой данного вида дискурса на психологическую тематику является научный концепт MENTAL HEALTH. По ВОЗ, психическое здоровье человека включает следующие составляющие: адекватность психических реакций воздействиям среды, способность управлять своим поведением, изменять способ поведения и использовать адекватные способы адаптации, способность планировать свою жизнедеятельность [БПС 2003: 154-155].

Научно-популярные журнальные статьи рассчитаны на массового читателя, их цель – представить специальную информацию «об интересующем объекте в доступной для неспециалиста форме» [Новодранова, Мотро 2012: 108-109], следовательно, конструируемая в дискурсивном мире реальность объективируется иначе, чем в истинно научных текстах. Построение специального значения термина может идти «путем более активного вовлечения фрагментов обывденной картины мира, в результате чего термин частично теряет свою специализированность» [Там же].

В работах А.Ю. Петкау для изучения концепта ЗДОРОВЬЕ представлена лексикографическая интерпретация соответствующей ключевой лексики. На материале

русскоязычных толковых словарей исследователь выявляет категориальное значение концепта ЗДОРОВЬЕ (здоровье – это состояние) и следующие когнитивные признаки: субъект состояния (человек, обладающий здоровьем); физическое состояние здоровья и душевное / духовное состояние здоровья; ценность хорошего состояния здоровья; градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье [Петкай 2016]. Дискурсивное рассмотрение позволяет также выявить действие социальных факторов на представление психологической реальности в СМИ через анализ средств репрезентации концепта в текстах массмедиа.

Поскольку в словарях упоминается здоровье физическое и психическое, предположим наличие схожих когнитивных оснований для описания концепта MENTAL HEALTH. Нам видится возможным верифицировать полученные результаты и соотнести их с объективацией психологической действительности, как она дискурсивно представлена в научно-популярных текстах.

Материалом исследования послужили тексты 17 статей на тему ментального здоровья из журналов “Men’s Health” и “Psychologies” за 2024 г. Сплошная выборка по запросу ядерного элемента *mental health* составила 142 употребления, что может дать представление о том, как репрезентована предметная область знаний о психическом в научно-популярном дискурсе. Наибольшую актуализацию получили следующие когнитивные признаки:

1) Человек как **субъект состояния**, обладающий ментальным здоровьем или озабоченный его плохим состоянием:

We look after our physical health, but our emotional wellbeing often gets neglected. It's time to make it a priority.

Many of us struggle with our mental health.

ONLY_MENTALLY_ILL_PEOPLE_KILL_THEMSELVES. No. Mental health problems are a risk factor but not all the people who kill themselves are mentally ill.

Данный признак свидетельствует о неагентивной природе концепта MENTAL HEALTH, оно представляется как пациент, на который осуществляется воздействие извне (самим человеком или факторами среды).

2) **Душевное состояние здоровья** описывается через коллокации с обозначением психических состояний и нарушений. Языковые знаки данной группы организуются в фреймы (Mental health) Problems / Issues / Disorders / Conditions / Symptoms / Illness (Disease), и не всегда между ними прослеживаются четкие границы, т.к. сами журналисты и писатели не приводят разграничения понятий:

Despite a staggering one in four people in the UK experiencing a mental health problem each year.

Here, the expert shares his advice on three common mental health issues: DEPRESSION. ANXIETY. OBSESSIVE COMPULSIVE DISORDER.

... substance abuse can lead to or exacerbate mental health problems.

Whether we've experienced trauma through losing a loved one, suffered with stress from job loss or money worries, or struggled with isolation and loneliness...

*Sometimes guilt can be a symptom of a mental health **condition**, like anxiety, depression or OCD; conversely, guilt can also be a trigger for a mental illness.*

*... is associated with a lower risk of depression, anxiety and other mental health **disorders**, as well as encouraging relaxation.*

*They may be linked to other mental health **conditions** that increase levels of stress too.*

*Like any mental health **disorder**, it can come and go. When I first started getting anxiety...*

*It is related to a variety of serious **disorders** including anorexia, bulimia, depression, anxiety and suicide ideation.*

Эта группа языковых репрезентаций наиболее обширная и включает все аспекты проявления психического, безотносительно того, относятся ли они к терминам психических процессов / состояний / нарушений: *trauma, isolation, loneliness, obsessive compulsive disorder, depression, trigger, relaxation, stress, anxiety, anorexia, bulimia, suicide ideation*. Видовые признаки подобных терминов в научно-популярном дискурсе могут не уточняться, либо журналист рассчитывает на общие фоновые знания читателя при интерпретации прочитанного.

3) **Состояние здоровья как ценность**. Ценность (ментального) здоровья заключается в положительном оценочном отношении к нему самого субъекта [Петкау 2015: 11]. Функционирование здоровой психики оценивается как нормальное, правильное и тяготеет к позитивному полюсу аксиологической шкалы. Дискурс психологической науки направлен на поддержание ценности психического здоровья, за которой стоит убеждение, что в норме человек избегает неприятные и тяжелые состояния и стремится осознавать свое ментальное состояние как хорошее, приятное, благополучное, стабильное. Левая валентность выражения *mental health* фиксирует употребление каузативных глаголов при активном субъекте *manage, improve, support* и указывает на то, что, во-первых, ментальное здоровье – это ответственность самого человека, во-вторых, что им можно управлять, несмотря на его скрытый от прямого наблюдения характер, и направлять усилия на его улучшение:

*These things help to **manage** your **mental health** and wellbeing, which in turn can **help with** dissociative disorders.*

*Many studies have proved that laughing can **improve** our **mental health**.*

*Stress reduction is vital for reducing inflammation in the body, including the brain, and for **improving** cognitive function and **mental health**.*

*Teaching more courses and giving my clients a **self-healing tool** to support their **mental health** and wellbeing.*

4) **Социальная / экономическая составляющая**. Современные СМИ обращаются к обсуждению психического здоровья общества в целом [Петкау 2015: 21], поскольку общее благополучие сказывается на экономике и социальной сфере, что подтверждается через анализ репрезентации концепта в аналитической журналистике. К примеру, в статье “Global mental health crisis hits workplaces” в газете Financial Times делается акцент на ущерб для экономики от нездоровых ментальных состояний граждан:

About 12bn working days lost to depression and anxiety each year, costing global economy \$1tn.

Factors driving the global mental health crisis range from the cost of living to the pervasive use of social media. But businesses are increasingly focusing on ways to foster employee wellbeing.

Работодателям важны психологически счастливые работники, поэтому они включаются в работу по улучшению их благополучия. В текстовые репрезентации данного фрагмента действительности включаются номинации концептов ECONOMY, JOB, CRISIS и других, что невозможно было бы установить без привлечения более широкого текстового материала. Итак, установлено, что в научно-популярном дискурсе концепт MENTAL HEALTH репрезентован через актуализацию когнитивных признаков *субъект состояния; душевное состояние здоровья; ценность ментального здоровья*. В отобранных научно-популярных текстах не встретилось случаев актуализации признаков градуальности состояния здоровья и социальной / экономической составляющей, однако источники материала должны быть дополнены газетными статьями. Массмедийный дискурс обращается к теме психологического состояния общества для установления его связи с экономическим благополучием.

Литература

БПС – Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Новодранова В.Ф., Мотро Ю.Б. Модификации терминологических значений в различных типах дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 639. С. 102-112.

Петкау А.Ю. Концепт здоровье: лексикографическая интерпретация ключевой лексемы // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 164-168.

Петкау А.Ю. Концепт здоровье: модификация когнитивных признаков (по данным газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов): автореф. дис. ... канд. фил. н. Екатеринбург, 2015.

K.V. Zemlyakova (St. Petersburg, Russia)

Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications

O.V. Ryabukha (St. Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia,

Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications

DISCURSIVE REPRESENTATION OF MENTAL HEALTH (ON THE MATERIAL OF ENGLISH MAGAZINES)

The paper analyzes the linguistic means of conceptualization of the mental health sphere via defining the content of the central concept MENTAL HEALTH. It is established that popular scientific discourse highlights the following cognitive features of the concept: the subject of the state; the state of mental health; the value of mental health.

Key words: scientific concept, term, collocation, psyche, psychology

С.С. Калинин (Пермь, Россия)

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
rage_of_gods@inbox.ru*

М.М. Шарнин (Москва, Россия)

*Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН
mc@keywen.com*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАРТ В КОМПЬЮТЕРНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ПРАВА»)

В данной работе описывается метод построения семантической карты определенной предметной области с использованием методов обработки естественного языка. Показано, что при помощи данной методики можно выявлять ключевые слова данной предметной области, которые отображают соответствующие долгосрочные и среднесрочные тренды, а также делать прогнозы о динамике этих трендов в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: семантическая карта, нейросетевые языковые модели, алгоритм CatBoost, ключевые слова предметной области, трендовые ключевые слова, язык сферы правовой коммуникации

Семантические карты в настоящее время становятся все более популярным и перспективным инструментом лингвистических исследований, в том числе и с применением методов компьютерной лингвистики (см. обзор в статье [Georgakopoulos, Polis 2018]). Активно данная методика используется и в лексической типологии, в частности, для исследования лексико-семантических полей отдельных глаголов: см., в частности, работу [Rakhilina, Ryzhova, Badryzlova 2022], где рассматриваются глаголы падения и плавания в различных языках. Представляется важным также рассмотреть возможность использования семантических карт в процессе моделирования свойств и характеристик отдельной предметной области: в частности, как для моделирования ее вокабуляра, так и динамики самой этой области, которая отражается, соответственно, и на лексическом уровне ее субъязыка. В связи с этим было решено оценить возможность применения семантических карт для моделирования предметной области «Искусственный интеллект в сфере права», поскольку субъязык правовой сферы (как и любой субстандарт) обладает рядом собственных характерных черт.

Для решения поставленной задачи была проанализирована известная библиографическая база данных в области медико-биологических наук “PubMed”, которая по состоянию на начало 2024 г. содержит свыше 36 миллионов статей по соответствующей тематике. (более точно – 36 417 711 документов). Также в качестве источника материала был использован информационно-библиографический сайт по информатике DBLP (Digital Bibliography&Library Project), который включает 5 354 309 статей (по состоянию на май 2021 года). Из этих коллекций было выбрано 576 статей, содержащих в заголовках ключевые слова, соответствующие запросу:

[(*legal* OR *law* OR *forensic*) AND (*machine learning* OR *artificial intelligence* OR *AI* OR *deep learning*)], где OR и AND – логические операторы ИЛИ и И, соответственно.

Также отбирались статьи по запросу [*machine learning* OR *artificial intelligence* OR *AI* OR *deep learning*] из журналов, индексируемых в БД “PubMed”, в названиях которых есть ключевые слова ‘*legal*’, ‘*law*’ или ‘*forensic*’. Всего из БД “PubMed” было отобрано 286 статей, а из DBLP – 290 статей. В скобках указано количество отобранных статей из журнала. Данные 576 статей будет называться в дальнейшем Локальной коллекцией, а объединенная коллекция БД “PubMed” и сайта DBLP – Глобальной коллекцией.

Таким образом, семантическая карта интересующей нас предметной области создается на материале двух коллекций документов: с Глобальной коллекцией, содержащей более 41 миллиона документов, и с Локальной коллекцией, содержащей 576 документов. Локальная коллекция является частью Глобальной коллекции, причем частью, наиболее сильно связанной с исследуемой предметной областью. Свойства ключевого слова из Локальной коллекции (частотность, вероятность встречаемости, тренды, контекст и т. д.) называются локальными, а соответствующие свойства этого же ключевого слова в рамках Глобальной коллекции называются глобальными. Как локальные, так и глобальные свойства необходимы для выявления релевантных и трендовых ключевых слов.

Трендовые ключевые слова определяются с учетом долгосрочных прогнозов их трендов в “PubMed”, рассчитанных с помощью пакета машинного обучения CatBoost [Prokhorenkova и др. 2018]. Авторская методика долгосрочного прогноза трендов описана в работах [Charnine и др. 2021a, б]. Точность прогноза на три года вперед составляет более 60%. При этом 59% трендовых ключевых слов, выявленных в 2020 г., оставались трендовыми и в 2023 г. Релевантными в исследуемой предметной области считались те ключевые слова, у которых локальная вероятность вхождения в заголовки статей выше, чем аналогичная глобальная вероятность. Локальная вероятность определяется по Локальной коллекции, а глобальная – по коллекциям “PubMed” и DBLP.

Трендовые ключевые слова отбирались среди релевантных ключевых слов с учетом их локальных параметров в Локальной коллекции и глобальных параметров в коллекциях “PubMed” и DBLP. Следует заметить, что при составлении рейтинга анализировались значения вероятности для слов, пар слов и троек соседних слов без предлогов. С помощью алгоритма машинного обучения CatBoost по методике, описанной выше, были рассчитаны прогнозы долгосрочности роста трендов для релевантных слов, а также выявлены трендовые ключевые слова.

С целью визуализации результатов анализа при помощи нейросети Word2Vec была рассчитана мера семантического подобия трендовых ключевых слов в коллекции из БД “PubMed”. По этим данным с помощью алгоритма t-SNE построена семантическая карта (рис. 1). Чем выше мера подобия, тем меньше расстояние между ключевыми словами на семантической карте. Трендовая тема отображается при помощи одного ключевого слова либо при помощи нескольких близких по значению и смыслу ключевых слов.

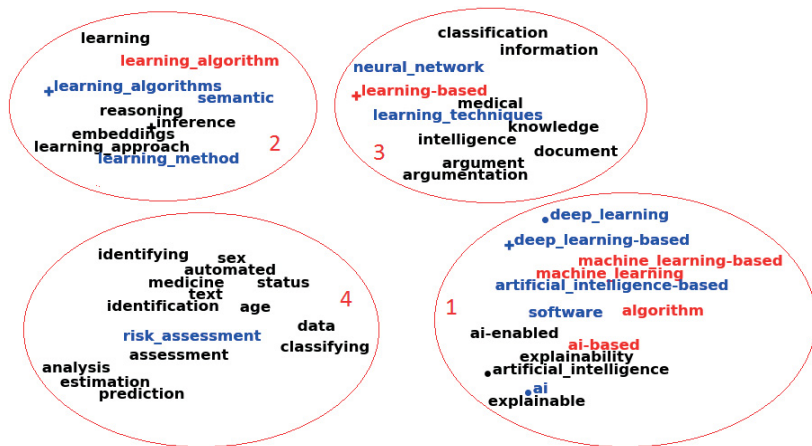

Рис. 1. Семантическая карта трендовых ключевых слов предметной области «Использование искусственного интеллекта в сфере права»

Как можно видеть, на семантической карте красным и синим цветами обозначены трендовые термины, извлеченные из документов, содержащихся в БД “PubMed”. Красным цветом выделены наиболее перспективные термины, имеющие самые долгосрочные тренды в коллекции БД “PubMed”, синим – среднесрочные тренды, черным – тренды минимальной длительности. Плюсом (+) выделены ключевые слова, соответствующие наиболее новым, недавно появившимся трендам, а точкой обозначаются ключевые слова, которым соответствуют средние по времени появления тренды.

Также на семантической карте представлены четыре кластера (см. также рис. 1), которые соответствуют четырем трендовым темам, в которых содержатся семантические близкие термины, отображающие соответствующий тренд. На основе визуального анализа выявлены четыре трендовые темы в предметной области «Использование искусственного интеллекта в сфере права»: (1) объяснимый искусственный интеллект (*explainable AI*), (2) правовое обоснование/построение юридических рассуждений (*legal reasoning*), (3) юридическая аргументация (*legal argumentation*), (4) правовая оценка и прогнозирование (*legal assessment and prediction*).

Визуальный анализ семантической карты помогает определить трендовые темы, оценить их динамику и увидеть картину в целом, включая наиболее перспективные направления и темы. Так, из рисунка видно, что темы «объяснимый искусственный интеллект» и «правовое обоснование/построение юридических рассуждений» представляют перспективные направления, поскольку они содержат больше долгосрочных и среднесрочных трендовых ключевых слов. На основании этого нами может быть сделан прогноз, что соответствующий тренд в ближайшие годы

будет устойчиво сохраняться. Исходя из этого, представляется релевантным вывод, что в ближайшие годы в рамках именно этих тем можно ожидать активизации исследований и повышения публикационной активности.

Следовательно, предложенная нами методика может использоваться как для семантического картирования отдельной предметной области, так и для выявления трендовых направлений внутри этой области и анализа их изменения и развития, что влечет за собой и изменения на уровне ключевых слов. Кроме того, предложенная методика может использоваться и в процессе лексико-типологического исследования вокабуляра какой-либо предметной области (в частности, для отслеживания динамики появления в ней новых терминологических единиц); она также может быть полезной для наукометрических и библиометрических исследований.

Литература

Charnine M., Klovov A., Kochiev L., Tishchenko A. Research trending topic prediction as cognitive enhancement // 2021 international conference on cyberworlds (CW). IEEE, 2021. Pp. 217-220. URL: https://www.researchgate.net/publication/356345945_Research_Trending_Topic_Prediction_as_Cognitive_Enhancement

Charnine M., Tishchenko A., Kochiev L. Visualization of Research Trending Topic Prediction: Intelligent Method for Data Analysis // Proceedings of the 31th International Conference on Computer Graphics and Vision, 2021. Vol. 2. Pp. 1028-1037. URL: https://www.researchgate.net/publication/357018628_Visualization_of_Research_Trending_Topic_Prediction_Intelligent_Method_for_Data_Analysis

Georgakopoulos T., Polis S. The semantic map model: State of the art and future avenues for linguistic research // Language and Linguistics Compass. 2018. Vol. 12. No. 2. e12270. Pp. 1-33.

Prokhorenkova L., Gusev G., Vorobev A., Dorogush A.V., Gulin A. CatBoost: unbiased boosting with categorical features // Advances in neural information processing systems. Vol. 32. Montreal, QC, 2018. Pp. 6638-6648.

Rakhilina E., Ryzhova D., Badryzlova Y. Lexical typology and semantic maps: Perspectives and challenges // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2022. Vol. 41. No. 1. Pp. 231-262.

S.S. Kalinin (Perm, Russia)

Perm State National Research Polytechnic University

M.M. Charnine (Moscow, Russia)

Federal Research Center of Computer Science and Control RAS

ON APPLICATION OF SEMANTIC MAPS IN COMPUTER MODELING OF SUBJECT DOMAIN (ON THE EXAMPLE OF THE SUBJECT DOMAIN “ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF LAW”)

This paper discusses a procedure for drawing a semantic map of a certain subject domain with help of methods of natural language processing. The authors assume that this approach can be used to retrieve Key words of a given domain that represent the corresponding long-term and medium-term trends. The authors also argue that the described method can be used to make predictions of the dynamics of the trends under consideration in the near future.

Key words: semantic map, neural network language models, CatBoost algorithm, subject domain Key words, trend Key words, language of law

*И.В. Канель (Москва, Россия)**Московский государственный психолого-педагогический университет
qwarran@gmail.com*

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

В данной статье рассматривается влияние цифровых технологий и социальных медиа на интерпретацию экономической лексики в современном обществе. Автор анализирует, как пользователи адаптируют экономические термины в ходе онлайн-коммуникации через их личный опыт и ценностные установки. Подчеркивается важность медиадискурса как пространства для диалога и переосмысления экономической информации, а также роль языка в формировании общественного мнения.

Ключевые слова: социальные медиа, экономическая лексика, цифровизация, переосмысление, медиадискурс, онлайн-общение, язык, интерпретация

Современное общество вступило в эпоху цифровых технологий, что повлекло за собой ожидаемую трансформацию средств массовой информации. Раньше СМИ представляли собой газеты, журналы, радиовещание, телевидение; сейчас на смену им пришли интернет и цифровые медиаресурсы. А те, объединенные с онлайн-коммуникацией, породили новый феномен — *социальные медиа*, одним из видов которых являются социальные сети. Некоторые из них — VK, Telegram и т.д. — можно все-таки отнести к средствам массовой информации, поскольку пользователи этих медиaplatform создают группы/каналы о своих городах и/или регионах (хороший тому пример — многочисленные сообщества «Подслушано <город>») и публикуют там новости обо всем происходящем, равно как это делают и традиционные СМИ.

По мере того как медиаконтент переходит в цифровое пространство, его влияние на язык и культуру значительно возрастает (ведь языковые формы есть некое «зеркало» для культуры и психологии [Аверюшкин, Канель 2023: 58]); в связи с этим может возникнуть *стиль социальных медиа*, который будет напоминать повседневное общение. Однако в настоящее время лексические единицы **компьютерного** дискурса (такое определение предлагает Е.А. Логунова [Логунова 2015]) включают в себя как профессионализмы, так и общепотребительную (также сниженную и даже нецензурную) лексику, аббревиатуры, жаргонизмы, экспрессивно окрашенные слова и т.д.

Мы выбрали для анализа сферу экономического дискурса, поскольку экономические проблемы входят в число тех вопросов, которыми наиболее обеспокоены люди. Само же экономическое пространство является той областью знаний о мире, «где особенно отчетливо проявляются базовые интересы социума и этноса, где заметны изменения в общественном сознании, ментальности носителя языка, где имеет место активная языковая динамика» [Томашевская 2000: 3]. Поэтому одна из функций медиадискурса (в том числе и экономического) — *идеологическая*, связанная с тем, что экономические события преподносятся массовой аудитории в свете определенной системы ценностей [Арутюнян 2017].

Ярчайший пример отражения идеологии общества через СМИ — это советская эпоха. Со времен Октябрьской революции 1917 г. и до «перестройки» 1990-х гг. единственным приемлемым и дозволенным вариантом собственности была общественная, что транслировали своей аудитории и средства массовой информации, монополистом и цензором которых являлось государство, Советский Союз. В период «перестройки» 1990-х гг. требовалось формирование у общества иного, положительного отношения к частной собственности: следовало утверждать, что частная собственность — это хорошо, полезно как для всей экономической системы, так и для любого, отдельно взятого члена общества. Подобным образом сейчас сформировались новые ценностные установки, делающие акцент на **значимости** денег и экономической **рациональности** [Канель 2024: 271].

Эти установки живы и по сей день, сохранились и оказывают влияние на то, как нынешнее поколение, для которого интернет стал неотъемлемой частью жизни, интерпретирует экономические термины в ходе онлайн-общения.

Интерпретация неразрывно связана с массовой коммуникацией и, в особенности, с ее ключевым элементом, а именно текстом. Это трехсторонний процесс, по определению философа, юриста и теолога Эмилио Бетти, состоящий из: а) субъективности автора; б) субъективности интерпретатора; в) репрезентативной формы — посредника между автором и интерпретатором [Betti 1955].

Перейдем к рассмотрению того, как интернет-пользователи понимают и интерпретируют появившиеся в современную эпоху экономические термины.

Материалом исследования нам послужили текстовые сегменты из Национального корпуса русского языка, раздел «Социальные сети», содержащие какое-либо обозначение некоего экономического термина. Были выбраны следующие термины: *акцент*, *аннуитет*, *грейс-период*, *депозит*, *овердрафт*, *опцион*, *оферта*, *франчайзинг*, *фьючерс*.

Фьючерс — это игра спекулянтов и именно они сейчас разгоняют информацию о низкой цене на нефть, чтобы одно подешевле купить, другое подороже продать.

Данная фраза из Telegram-канала профессора ВШЭ Марата Баширова «Политджойстик / Politjoystic™». Пост, откуда взят этот отрывок, датируется 21 апреля 2020 г. и рассказывает «в телеграфном стиле о нефти», т.е. о ситуации на нефтяном рынке.

Да уберегут нас от такого святые Акцент, Аннуитет, Грейс, Овердрафт и Депозит!

Это отрывок из поста современного писателя-фантаста Павла Ивлева в его Telegram-канале «Радио Морзе» (16 февраля 2017 года), посвященного старинному празднику Починки. «В Починки Дед встает чуть свет — чинит сбрую летнюю да соху столетнюю», — приводит данную цитату автор поста и далее комментирует: «Вот такая дикость царил в древние времена, когда люди еще не научились выкидывать сломанное и сразу брать в кредит новое. Трудно представить, но даже банков тогда не было! Некуда было пойти работать офис менеджером, чтобы

взять в кредит то, что сразу сломается, для того, чтобы мы могли взять в кредит следующее! Мрак Средневековья!».

Данный пост явно ироничен; кредитные термины названы святыми, а то, что их названия написаны с заглавной буквы, может рассматриваться как критика системы, где деньги и кредит становятся основой существования. Это подчеркивает ироничный взгляд автора на современное общество, где «золотой телец» — не просто аллегория, а реальность, с которой люди взаимодействуют на каждом шагу.

*vinhester, **оферта** — это публичное предложение те если я повесил билборд 3хб и написал на ем имплант за 5т то не могу не ставить.*

*Все эти **фьючерсы, опционы, франчайзинги** ... и прочая виртуальная куйня, не стоят ничего.*

*Как посмотреть, без **фьючерсов**, акций-х...кций этот фундамент тоже не стоит ничего. Придерживаюсь простой и понятной философии, если люди что-то оценивают значит это что-то да стоит (орфография и пунктуация сохранены).*

Эти отрывки взяты из комментариев, оставленных на Большом Воронежском Форуме bvf.ru, ветки «У нас и у них» и «Прошло 30 лет. Российская Федерация, РСФСР». Здесь прослеживаются: явление *аграмматизма* («на ем» вместо «на нем»), отсутствие в некоторых местах запятых), опечатки, нецензурные выражения, что позволяет сделать выводы: пользователи данного форума — рядовые горожане, не очень хорошо знакомые с экономическими понятиями, но слышавшие о них, рассуждающие «просто и понятно».

Таким образом, мы видим, что переход медиаконтента в цифровой формат кардинально меняет не только саму структуру обмена информацией, но и то, как мы понимаем и интерпретируем экономические термины. Пользователи, общаясь в онлайн-пространстве, адаптируют экономическую лексику к своему опыту и реалиям.

Это не просто изменение языка, а целое движение, которое отражает наши ценностные установки. Важно отметить, что такие трансформации не всегда сопровождаются глубоким пониманием терминов — пользователи могут воспринимать их сквозь призму эмоций и через свое отношение к ним, что делает это обсуждение живым и динамичным.

Литература

Аверюшкин А.Н., Канель И.В. Триада «философия культуры – психология – лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинарности // *Язык и текст*. 2023. Т. 10. № 2. С. 57-64.

Арутюнян Л.А. Функциональные особенности экономического медиатекста // *Филология и культура*. 2017. № 2 (48). С. 6-10.

Канель И.В. Эволюция медиаобраза денег от советской эпохи до наших дней: лингвоаксиологический ракурс // *Политическая лингвистика*. 2024. № 4 (106). С. 268-273.

Логунова Е.А. Классификация лексического слоя языка экономических форумов // *Когнитивные исследования языка*. 2015. № 20. С. 394-400.

Томашевская Т.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 2000.

Betti E. Teoria Generale della Interpretazione. Milano: Dott. A. Giuffrè, 1955.

*I.V. Kanel (Moscow, Russia)**Moscow State University of Psychology & Education*

REFRAMING AND INTERPRETING ECONOMIC VOCABULARY VIA SOCIAL MEDIA

This article examines how digital technologies and social media influence economic vocabulary interpretation in modern society. The author analyses how users adapt economic terms to suit their personal experiences and values when communicating online. The importance of media discourse as a space for discussing and reinterpreting economic information is highlighted, as well as the role of language in shaping public opinion.

Key words: social media, economic vocabulary, digitalization, reframing, media discourse, online communication, language, interpretation

Е.А. Карамышев, С.А. Песина, Т.Ю. Баклыкова (Магнитогорск, Россия)

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
ya.joni77@yandex.ru, spesina@bk.ru, t680@mail.ru*

ЛЕКСЕМА “BANK”: ОМОНИМИЯ ИЛИ МНОГОЗНАЧНОСТЬ

В рамках статьи представлен этимологический и лингво-когнитивный анализ англоязычной лексемы *bank* в значении «берег реки» и «банковское учреждение». Данные значения в зарубежной лингвистической литературе приводятся как классический пример омонимии. В этой связи вопрос о семантической связи данных значений остается нерешенным, а предложенный анализ представляется актуальным.

Ключевые слова: полисемия, омонимия, этимон, лексема, этимологический дублет

Полисемия обычно определяется как ассоциация двух или более связанных значений с одной фонологической формой [Taylor 1995: 99]. Данное определение выглядит достаточно простым и не вызывает возражений. Тем не менее, когда лингвисты пытаются применить это определение к какому-либо конкретному набору данных, иногда возникают проблемы. Эти проблемы связаны с тем, осуществляются ли когнитивные исследования в рамках коннективистской теории полисемии [Песина, Карамышев 2018; Тандон, Песина, Пулеха 2019; Pesina 2021] или, так называемой, «списочной теории» (*check list theory*), согласно которой значения многозначных слов представлены в лексиконе раздельно и функционируют как омонимы [Foraker, Murphy 2012].

Известно, что в современной английской лексикографии вопрос о семантическом статусе лексем *bank* (1) *as a financial institute* и *bank* (2) *as a side of a river or canal* в настоящее время остается открытым. Как можно видеть в таблице 1, восемь из четырнадцати академических и учебных словарей новоанглийского периода считают, что исследуемые лексемы – это омонимы, шесть словарей полагают, что это полисемия.

Таблица 1. Семантический статус лексемы bank в современном английском языке

№ п/п	Словарь	Семантический статус
1	Merriam-Webster Dictionary	омоним
2	Oxford Learner's Dictionaries	полисемант
3	Collins English Dictionary	омоним
4	Cambridge Advanced Learner's Dictionary	полисемант
5	Vocabulary.com	полисемант
6	Online Etymology Dictionary	омоним
7	American Heritage Dictionary	омоним
8	Oxford English Dictionary	омоним
9	The Wordsmyth English Dictionary	омоним
10	Cambridge Dictionary of American English	полисемант
11	American Dictionary of the English Language	полисемант
12	The New Oxford Dictionary of the English Language	омоним
13	Oxford Advanced Learner's Dictionary	полисемант
14	Oxford Student's Dictionary of Current English (A.S. Hornby)	омоним

В рамках данной статьи необходимо определить, связаны ли эти значения между собой семантически, если да, то каким образом и как эти значения следует охарактеризовать. Вместе с тем, мы должны учитывать положение дел в лексической семантике, согласно которому ученых, осуществляющих исследования в когнитивной лингвистике, часто критикуют за пропаганду «безудержной многозначности», то есть готовность ассоциировать языковые формы со все возрастающим числом различных значений [Cuyckens, Zawada 2002].

Решение данной проблемы считается важным, поскольку в зарубежной лингвистической литературе bank приводится как случай классической омонимии. Однако, думается, что проблема определения семантической принадлежности данного референта требует более глубокого фундаментального этимологического рассмотрения.

Важно отметить, что лексемы bank (1) и bank (2) являются заимствованными в среднеанглийском периоде. В первом случае из французского языка, в другом значении из скандинавских языков. Так, в индоевропейском языке-основе существовал глагольно-именный корень *bheg- «сгибать, изгибать». Далее, на основе этой праформы развивается значение, номинирующее водоем, напоминающей по гидроформе реку или болото. На корневой основе индоевропейского *bheg- формируется прагерманское *bank-i-z “a raised surface, bulge, hillock, slope, bench” [WD]. Данные значения в определенной степени связаны возвышением над плоской поверхностью.

Важно отметить, что лексемы bank (1) и bank (2) являются заимствованными в среднеанглийском периоде. В первом случае из французского языка, в другом значении из скандинавских языков. Так, в индоевропейском языке-основе существовал глагольно-именный корень *bheg- «сгибать, изгибать». Далее, на основе этой праформы

развивается значение, номинирующее водоем, напоминающей по гидроформе реку или болото. На корневой основе индоевропейского *bheg- формируется прагерманское *bank-i-z “a raised surface, bulge, hillock, slope, bench” [WD]. Данные значения в определенной степени связаны возвышением над плоской поверхностью.

Важно отметить, что прямым продолжением герм. *bankiz в современном английском языке является лексема bench “a long seat for several people” [ODT] (bench “bench”). В лангобардском языке лексема *bank означает «скамья». Данная лексема впоследствии проникает в итальянский язык для номинации скамьи и прилавка (итальянское banca).

В период общегерманской эпохи на основе лексемы *bankiz образуются дериват *bankō со значением «берег, холм, береговая линия» [WD] (ср. шведское backe «горка, холм, склон»).

Скандинавская лексема bank(e) фиксируется в письменных памятниках среднеанглийского периода во втором половине XII в. и обозначает горный хребет, холм, гора, склон /a natural ridge, hill, mountain, slope [MED]. Например, Whærse iss all unnsmeþe get þurh bannkess & þurh græfess [MED: 1175 г., книга Орма]. Как известно, появление в английском языке ранних скандинавских заимствований является результатом взаимовлияния английского и скандинавского языков по причине существования на территории Англии так называемой «Области датского права» с конца IX в. до 1042 г. По мнению В.Д. Аракина, лексемы скандинавского происхождения начали проникать в разговорную речь англичан в IX в., а в письменных памятниках встречаются только с X в. [Аракин 2009].

В течение среднеанглийского периода в смысловой оболочке лексемы bank(e) появляется значение *a shore of a lake, sea; a bank of a river*, что свидетельствует о синкретизме обозначаемых предметов, т.е. берег любого вида водного объекта. Например, þe riche cite vpon þe see bonke (= on a sea's bank) [MED; 1375г., рыцарский роман “William of Palerne”]. Далее, в результате действия семантического распределения синонимов по закону Бреала, а также в силу дифференциации значений, обозначающих берег водного объекта, данная лексема в литературном современном английском языке начинает употребляться в большей степени как “the side of a river, canal, etc. and the land near it: He jumped in and swam to the opposite bank” [OALD]. Семантическая сочетаемость лексемы bank в рамках обозначения берега реки или канала уже встречается в среднеанглийских письменных памятниках, например, A castel which upon Humber banke [MED; 1393 г.].

Таким образом, к началу современного (новоанглийского) периода появляется лексико-семантическая тенденция, согласно которой номинация берега моря или озера представляется лексемой shore, а лексема bank используется для сочетаемости с рекой или каналом.

В XII в. В Италии впервые появляются прототипы финансовых учреждений, которые впоследствии превратились в банки как финансовые институты. С развитием финансовых организаций в Западной Европе в период Средневековья итальян-

ское *banko* заимствуется многими европейскими языками (ср. русское *банк*, английский *bank*, немецкое *Bank*, шведское *bank*, французское *banque*, испанское *banco*).

В английском языке лексема *bank an organization that provides various financial services* [OLD] представляет собой заимствование из итальянского через французский язык. Первая письменная фиксация данной лексемы датируется 1460 годом.

Таким образом, в процессе заимствования лексемы *bank a financial organization* в словарном фонде английского языка возникают новые этимологические дублеты *bench – bank*, т.к. они оба этимологически восходят к прагерманской единице **bankiz*.

Суммируя полученные этимологические данные, мы можем установить, что в современном английском языке лексемы *bench* «скамья», *bank* «банк» и *bank* «берег реки» восходят к единому прагерманскому этимону **bankiz*. Их следует рассматривать как этимологические дублеты. Следовательно, указанные формы в современном английском языке можно признать значениями в структуре одного полисеманта.

Литература

- Аракин В.Д. История английского языка. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2009.
- Песина С.А. Многоуровневая структура полисеманта: инвариантно-кластерный анализ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 60-69.
- Песина С.А., Карамышев Е.А. Исследование скорости распада синонимического ряда *scip* в истории английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 113. Филологические науки. 2018. № 6 (416). С. 154-161.
- Тандон П., Песина С.А., Пулеха И.Р. Особенности осмысления тематического дискурса английского языка // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 91-97.
- Cuyckens H., Zawada B. Polysemy in Cognitive Linguistics. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2002.
- Foraker, S., Murphy, G.L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance. // Memory Lang. 2012. № 67. Pp. 407-425.
- Taylor J. Cognitive models of polysemy // Polysemy. Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language / ed. by B. Nerlich, Z. Todd, V. Herman, D. Clarke. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- MED – Middle English Compendium. Ann Arbor. Michigan: University of Michigan, 2001.
- ODT – Oxford Mini Dictionary and Thesaurus. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- OED – Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 2009.
- OADL – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S. Hornby. Oxford: Oxford University Press, 2002.

*E.A. Karamyshev, S.A. Pesina, T.Yu. Baklykova (Magnitogorsk, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University)*

LEXEME “BANK”: HOMONYMY OR POLYSEMY

This article presents the etymological and linguo-cognitive analysis of the English lexeme “bank” in the meaning of “river bank” and “financial institution”. These meanings in foreign linguistic literature are given as a classic example of homonymy. In this regard, the question of the semantic connection of these meanings remains unresolved, and the proposed analysis seems relevant.

Key words: polysemy, homonymy, etymon, lexeme, etymological doublet

С.Г. Карамышева (Краснодар, Россия)

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
svetakaramyшева@hotmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ ДЕРЕВО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Цель исследования – раскрыть особенности реализации концептуальной метафоры ДЕРЕВО в рамках англоязычного юридического дискурса. В статье уточнен когнитивный потенциал метафоры дерева в юридическом дискурсе, выявлены универсальные метафорические модели репрезентации концепта ДЕРЕВО.

Ключевые слова: концептуальная метафора ДЕРЕВО, юридический дискурс, общее право

Юридические метафоры – это результат долгого процесса культурного и интеллектуального развития общества, в котором формируются образы для лучшего понимания и коммуникации в рамках юридического дискурса. Многие юридические метафоры имеют происхождение в культурных и религиозных традициях общества, на создание образных выражений для объяснения сложных правовых концепций могут вдохновлять литературные произведения, философские тексты и социальные теории. Метафора является одним из наиболее эффективных стилистических инструментов для передачи правовых концепций, правил, позиций и политических процессов.

В языке права преобладают четыре основных семейства метафор: природные метафоры; военные метафоры; метафоры-концепции терминов и метафоры-лицетворения. Так, сама суть английского общего права (The Common Law) символизируется посредством метафоры, основанной на природе, – «система естественного права» [Richard 2014].

Метафора ДЕРЕВА в юридическом дискурсе демонстрирует следующие признаки:

1. ДЕРЕВО – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ. Метафора дерева встречается как в системе английского общего права, так и в системе гражданского права. В *обоих случаях их особенности выделяются благодаря физическим характеристикам дерева (ствол, ветви и корни) исходя из того, что дерево – это живой организм* [Richard 2014]. Примечательно, что таким же образом рассматривает систему общего права В.Дж. Валучов: “A Common Law Theory of Judicial Review: The Living Tree” – «Теория судебного надзора по общему праву: *Живое дерево*» [Waluchov 2007]. Юридические нормы, как ветви дерева, показывают процесс роста и адаптации права к новым социальным условиям, отражая живую и динамичную природу правовой системы.

2. Рост, закономерности развития. Концепт ДЕРЕВО отражает зарождение права, укоренившееся в истории основание, эволюцию развития. *The origin of the common law is ancient, with seeds planted in the 1160s by Henry II, who created the King's bench, a circuit of judges – Общее право зародилось в глубокой древности, его семена были посажены еще в 1160-х гг. Генрихом II, который учредил Суд Королевской скамьи и организовал деятельность разъездных судей* [American Bar

Association]. В странах, куда английские поселенцы экспортировали свою правовую систему, последняя развивалась и созрела по-своему (отсюда и различия между английским, канадским, американским и австралийским правом). В системах гражданского права ствол представляет собой римское право, из которого правовые системы разветвились и распространились на континентальную Европу [Richard 2014]. Профессор английского права Лондонской школы экономики и политических наук Перси Генри Уинфилд (1883–1953) в работе «Общественная политика в английском общем праве» говорит о стабильности и устойчивости общего права и указывает: *Our common law is at such a mature age now that the lines of its trunk are settled, whatever may be the direction of its new branches* – *Наше общее право сейчас находится в таком зрелом возрасте, что линии его ствола устоялись, каково бы ни было направление его новых ветвей* [Winfield 1928: 100]. Метафора ДЕРЕВА подчеркивает как стабильность, так и гибкость общего права, где «линии ствола» представляют устойчивость и закрепление принципов, в то время как «новые ветви» указывают на развитие и эволюцию правовой системы.

3. Иерархия соподчинения, структурирование по вертикали и горизонтали. Метафора ДЕРЕВА подчеркивает органическую структуру и разветвленность английского общего права: корни представляют основы исторических источников общего права, таких как прецеденты и обычаи; ствол дерева символизирует общие принципы, на которых строится система права; разветвления и листья представляют отрасли права и подробные нормы, растущие из основных принципов. В системе общего права ствол обозначает закон, который возник в Англии с 1066 г. (победа Вильгельма Завоевателя в Гастингсе была отправной точкой его постепенного развития в стране), а ветви представляют собой развитие этого закона в результате колонизации [Richard 2014]. Метафора дерева в американской правовой системе отражает ее структуру: корни представляют собой конституционные положения и фундаментальные принципы, заложенные в конституции; ствол символизирует систему федерального права как основу единства; ветви отражают разнообразие правовых отраслей, таких как гражданское, уголовное, административное и международное право; листья – конкретные судебные дела, правоприменительные акты и прецеденты.

4. Свобода. Томасу Джефферсону, одному из основателей США и авторов «Декларации независимости» принадлежит знаменитая цитата: *The tree of liberty must be refreshed from time to time with the blood of patriots and tyrants. Древо свободы время от времени должно обновляться кровью патриотов и тиранов* [www.monticello.org]. Идея Т. Джефферсона о защите свободы и готовности жертвовать собой во имя свободы стала влиятельной и часто цитируемой другими политическими деятелями в борьбе за независимость и утверждения прав человека.

5. Поддержка определенных явлений или течений в обществе. Метафора ПОЛИВА ДЕРЕВА, «подкормки дерева» эксплицирует поддержку и поощрение определенных тенденций в обществе путем принятия политических действий или

решений. *The Republican Party watered this tree of racism; it's now grown to maturity and it's dropped this fellow David Duke from its branches* [Kerry] [Дехнич 2009: 41] – *Дерево расизма поливалось Республиканской партией; теперь оно достигло зрелости и сбросило этого человека, Дэвида Дюка, со своих ветвей.*

6. Результаты, плоды деятельности. В юридическом языке встречается метафора ЯДОВИТОЕ ДЕРЕВО. «Доктрина плодов отравленного дерева», сформулированная Верховным судом США в 1939 г., символизирует последствия нарушения правовых норм: *не только доказательства, полученные незаконным путем, не могут использоваться в нашем Суде, но такие доказательства использоваться не могут вообще* [Сутягин 2008: 59]. Если «дерево» (источник доказательств) заражено, то и его «плоды» (доказательства, полученные от этого источника) тоже считаются непригодными для использования и исключаются из рассмотрения в суде.

7. Способ достижения цели, путь к разрешению споров. Кэтрин Р. Албистон, Лорен Б. Эдельман и Джой Миллиган описывают метафору процесса разрешения споров («*the dispute tree*»): *У дерева конфликтов* одни ветви представляют собой традиционные пути регулирования споров в правовой системе, боковые ветви – приемы частного урегулирования, усеченные ветви предназначены для решения вопросов, когда ущерб был выделен, виновные были идентифицированы и обвинены, но заявление на компенсацию или иное правовое действие не было предпринято, а верхушки ветвей без плодов представляют случаи, когда жалобы были подняты, но по каким-то причинам не привели к решению или удовлетворительному исходу [Albiston, Edelman, Milligan]. По мнению авторов, метафора «*The dispute tree and the legal forest*» – «*дерево споров и лес разрешения конфликтов*» предлагает новые направления исследования процесса разрешения споров, открывает гораздо более широкие социальные процессы и закономерности, связанные с разрешением конфликтов и проблем, подлежащих судебному рассмотрению.

8. Утрата силы, жизненности или эффективности системы, института или процесса – увядание. **Withering criminal justice system** as backlog of crown court cases hits record high – **Уголовная юстиция увядает**: рекордно высокое количество невыполненных дел в Судах Короны. Метафора подчеркивает глубинные, системные проблемы, которые затрагивают основу системы уголовной юстиции: **The criminal justice system is withering at the root** due to decades of underinvestment and the government's failure to tackle the crisis – Десятилетия недостаточного финансирования и неспособность правительства справиться с кризисом привели к тому, что **уголовная юстиция засыхает у самого корня** [Lawcareers.net 2023].

Предпринятое исследование позволяет нам прийти к следующим выводам. Метафоризация концепта ДЕРЕВО демонстрирует богатство языковых и культурных интерпретаций, подчеркивая универсальность этого образа в различных контекстах. Структура дерева является значимой для метафорического моделирования в юридическом дискурсе. Структурный символизм и связь с развитием являются ключевыми характеристиками метафорической модели концептуальной

метафоры ДЕРЕВО и универсальным инструментом для представления как стабильности и структуры правовой системы, так и динамики развития и изменений. Метафора ДЕРЕВА репрезентирует жизнь, свободу, закономерности роста и развития, устойчивость правовой системы, иерархию соподчинения, описания построения, разделения и баланса властей, поддержку общественных явлений, результаты деятельности, пути разрешения конфликтов, утрату силы/эффективности системы. В юридическом дискурсе метафора ДЕРЕВА аккумулируется в различных концептах и помогает передать фундаментальные характеристики права. Метафоризация концепта ДЕРЕВО в юридическом дискурсе помогает укрепить восприятие права как живого и целостного механизма, связанного с обществом и его развитием.

Литература

Дехнич О.В. Антропоцентрический характер метафорических репрезентаций (на примере метафоры дерева) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 2. С. 39-43.

Сутягин К.И. Применение доктрины «Плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3 (84). С. 5-59.

Albiston C.R., Edelman L.B., Milligan J. The Dispute Tree and the Legal Forest // Annual Review of Law and Social Science. 2014. Vol. 10.

American Bar Association. The Common Law. Ch. 1. URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba-cms-dotorg/products/inv/book/417398552/chptr1_1620816_trialadvocacy.pdf

Isabelle R. Metaphors in English for Law: Let Us Keep Them! // Lexis. 2014. № 8. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/251>

The tree of liberty... (Quotation) // Thomas Jefferson Encyclopedia. URL: <https://www.monticello.org/research-education/thomas-jefferson-encyclopedia/tree-liberty-quotation/>

Waluchow W.J. A Common Law Theory of Judicial Review: The Living Tree. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Winfield P.H. Public Policy in the English Common Law // Harvard Law Review. 1928. Vol. 42. No. 1. Pp. 76-102.

Withering criminal justice system as backlog of crown court cases hits record // LawCareers.NET. URL: <https://www.lawcareers.net/Explore/News/Withering-criminal-justice-system-as-backlog-of-crown-court-cases-hits-record-h>

S.G. Karamysheva (Krasnodar, Russia)

Trubilin Kuban State Agrarian University

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL TREE METAPHOR IN THE ENGLISH-LANGUAGE LEGAL DISCOURSE

The purpose of this study is to reveal the features of the implementation of the conceptual TREE metaphor within the English-language legal discourse. The article clarifies the cognitive potential of the tree metaphor in legal discourse, identifies universal metaphorical models of the tree concept representation.

Key words: conceptual tree metaphor, legal discourse, common law

В.А. Катыева (Иркутск, Россия)
 Иркутский государственный университет
 valerya-27101993@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье обсуждается вопрос вовлеченности метафорики родства в терминосистемы различных областей в рамках научно-технического дискурса. На примере отобранных метафорических терминов проиллюстрированы концептуальные признаки, лежащие в основе метафорического переноса. Отмечается интерпретирующий потенциал метафоризации при терминообразовании.

Ключевые слова: метафора, метафорический термин, термины родства, когнитивная теория метафоры, научно-технический дискурс, понятийные области

Когнитивный подход в изучении терминологий позволяет исследовать термины в качественно новом ключе – с фокусом на взаимосвязи между языковыми единицами и ментальными конструкциями, лежащими в концептуальной основе термина [Пугачевская, Миронова 2021: 244]. Термины – это не просто статьи в словарях и справочниках, это носители специального знания и инструменты профессиональной коммуникации. Как справедливо отмечает М.Н. Володина, «именно в термине наиболее отчетливо проявляется социально-коммуникативный параметр познания, его коммуникативно-диалогическое измерение, поскольку в основе лежит стремление человека поделиться своим умением и опытом с другими, передать собственные познания сыну, ученику, студенту, группе специалистов-единомышленников» [Володина 2023: 161].

В рамках настоящего исследования мы исходим из того, что семейные отношения – это одна из важнейших категорий членения мира для человека. Обиходная лексика, обозначающая членов семьи, используется в качестве терминологии в научно-техническом дискурсе, представляя собой метафорические термины (МТ). По мнению Е.И. Головановой, «своеобразие метафоры в профессиональных сферах деятельности обусловлено ее связью с обыденным познанием, вследствие чего многие наименования оказываются доступными и понятными даже неспециалисту» [Голованова 2020: 53]. Терминосистемы различных областей научно-технического знания имеют в своем составе метафорические термины, пусть метафоризация и является периферическим способом терминотворчества [Гаврилова 2019]. Тем не менее, исследователи проявляют интерес к изучению метафорики в терминологии, это, в свою очередь, по словам Н.А. Мишанкиной, обусловлено тем, «что метафорический термин – это терминологическая единица с когнитивно-специфической семантикой, вовлекающей в процессы научного познания опыт повседневной познавательной деятельности» [Мишанкина 2018: 20].

Цель статьи – определение понятийных областей в переводных соответствиях англоязычной метафорики родства в терминологии научно-технического дискурса

с позиции теории концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 2004]. В **задачи** нашего исследования входит отбор МТ родства на английском языке методом сплошной выборки, определение понятийных областей при переводе. Эмпирический **материал** отобран из англо-русского строительного словаря [Корчемкин, Кашкин, Курбатов 1995], из русско-английского научно-технического словаря переводчика [Циммерман, Веденеева 2003] (данный словарь не приводит полной версии перевода контекстных употреблений терминологии на русский язык, поэтому мы добавляем свой перевод) и из электронных технических, политехнических и научно-технических словарей [En-rus-tech-dict.slovaronline].

В результате выборки был сформирован корпус из 80 примеров применения метафорических терминов родства. Количественное распределение по ключевым метафорическим компонентам в составе МТ следующее: **twin 21, parent 18, family 7, male 7, female 7, mother 5, bastard 5, baby 4, sister 3, sibling 1, granny 1, brothers 1**. Основа метафорического переноса у терминов на английском языке очевидна и не требует определения – это семейные связи. Предлагаем проследить межязыковую диалогичность при переводе метафорики родства на русский язык.

Рассмотрим первую группу МТ, представленную наибольшим количеством примеров (**twin**). Можно выделить следующие понятия, актуализируемые при переводе: **пара** (*twin ride-on power trowel* – спаренная самоходная затирочная машина с сиденьем для оператора (с двумя затирочными устройствами)), **плетение** (*intertwine* – сплетать (канат, веревку); *the DNA molecule consists of two intertwined helical chains of many nucleotides (biol.)* (молекула ДНК состоит из двух переплетающихся спиралевидных цепочек, состоящих из множества нуклеотидов – перевод наш)), **витё** (*twin-twisted bar* – витая арматура (из двух скрученных арматурных стержней)), **одежда** (*twin bend* – штанообразный тройник), **две части в составе единицы** (*twin gate* – двоянные ворота; *twin-shaft mixer* – двухвальный смеситель; *twin-cable route* – двухканатная подвесная дорога; *twin cylinder pier* – двустолбчатая опора; *the twin-lens reflex camera is essentially two similar cameras coupled together* (двухобъективный зеркальный фотоаппарат представляет собой две соединенные вместе однотипные камеры – перевод наш)), и **буква** (*precast twin tee* – сборная железобетонная панель в форме двойного «Т»).

Все примеры в группе МТ с компонентом **parent** опираются в русском языке на понятие **основы**, от которой образованы последующие части категории (*parent metal, base metal* – основной металл; *radioactive parent* – исходный радиоактивный изотоп; *parent material* – минеральное или органическое вещество из материнской породы, которое образует грунт; *the meteorites' parent body is depleted in alkalis* (основной материал метеоритов обеднен щелочами – перевод наш)).

Метафорические термины с компонентом **family** выражаются через понятия **общности, объединения в группу, родства**, что в зеркале переводческих соответствий предстает как **семейство**, а также **система** или **серия** (*family of curves* – семейство кривых; *family of fissures* – система трещин (в скальном массиве);

семейство решений (матем.) – a family of solutions; this will be the progenitor of a whole family of supersonic transport engines (он послужит прототипом целой серии сверхзвуковых транспортных двигателей – перевод наш). Обращает на себя внимание термин *progenitor* (the parent or direct ancestor of a person, animal, or plant [Cambridge Dictionary]), получающий в переводе «фамильное» соответствие *прототип*.

Как отмечает В.В. Колесов, «каждый член рода противопоставлен другому и всем остальным как цельность другой конкретной цельности, и потому является всегда попарно: *мать и отец, брат и сестра, сын и дочь*, или: *мать и дочь, отец и сын*» [Колесов 2000: 36]. Этот тезис становится особенно важным для эмпирики нашего исследования, так как помогает понять метафоризацию и парность у МТ с такими компонентами, как **male** и **female**. А именно, было отобрано по 7 МТ с компонентом **male** и 7 МТ с компонентом **female** соответственно. Например, *male contact – штырьковый контакт; male gage – калибр-пробка; female contact – гнездо штырькового разъема; female coupling – муфта с внутренней резьбой*. Основой метафорического переноса в данном случае является физиологическая природа мужского и женского организма.

Как группа МТ с компонентом **parent**, так и группа МТ с компонентом **mother** концептуально основана на понятии **начала, основы** (*mother rock – порода материнская; mother belt – магистральный ленточный конвейер; a yeast cell develops a protuberance which gradually enlarges and then breaks away (or separates) from the mother cell (у дрожжевой клетки развивается выступ, который постепенно увеличивается, а затем отделяется от материнской клетки – перевод наш); mother – 1) прототип; 2) начало*).

Признак **нетипичности** онтологизирован в МТ с компонентом **bastard** (*bastard – неспецифичный, нетипичный; неполноценный; неравномерный; ненаатуральный; ложный (о породах, материалах, конструкциях); bastard size – нестандартный размер*). Кроме того, понятие **смешанности** актуализируется в МТ *bastard machine tool – комбинированный станок*.

Немногочисленная группа МТ с компонентом **baby** находит свое концептуальное отражение в категории **малого** (*baby concrete mixer – малогабаритный бетоносмеситель; baby boiler – паровой котелок; baby – малоомощный; baby loop reactor – вспомогательный реактор / реактор предварительной полимеризации*).

Компонент **sister** найден в трех МТ и выражает **типичность** (*sister ship – однопутное судно*) или **сдвоенность** (как у twin) (*sister hook – двойной крюк; sister block – двойной блок*).

Завершают нашу выборку три ТМ с единичными примерами терминов родства в своем составе. Предполагаем, что признак **крупного размера** лег в основу метафорического переноса в случае с МТ *granny bar – большой монтажный лом*. Отмечаем, что в отличие от компонента **sister**, «парный» компонент **brother** представлен лишь одним примером в выборке и в русском языке реализуется в

«числительном» признаке *brothers* – двух- или четырехветвенный *строп* (ценной или канатный). Завершая тему братьев и сестер, приводим пример последнего МТ в нашем корпусе, образованного по принципу **родства**: *sibling* – родственный документ.

Анализ представленного фрагмента терминосистем с метафорическим компонентом родства в научно-техническом дискурсе, на наш взгляд, подтверждает тезис Н.Н. Болдырева о том, что «в результате концептуальной метафоры возможно установление человеком связей между различными концептами, репрезентирующими разные сущности в его концептуальной системе (межконцептуальные связи)» [Болдырев 2013: 14]. Классификация специального знания (как познавательная деятельность) с использованием метафоризации реализует интерпретационный потенциал метафоры. Такая фундаментальная категория для человека как семья переосмысливается сквозь призму профессионального знания и отражается в специальной терминологии.

Литература

- Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XV. С. 12-21.
- Володина М.Н. Термин как языковое выражение специального понятия // Stephanos. 2023. № 4 (36). С. 160-166.
- Гаврилова И.А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 2 (78). С. 504-512.
- Голованова Е.И. Когнитивные ориентиры в речемыслительной деятельности профессионала // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. № 4 (4). С. 50-54.
- Корчемкин С.Н., Кашкин С.К., Курбатов С.В. Англо-русский строительный словарь. Ок. 55000 терминов. М.: Рус. яз., 1995.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2000.
- Мишанкина Н.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале базы данных метафорической терминологии естественных, технических и гуманитарных дисциплин): коллективная монография / Н.А. Мишанкина, Е.А. Панасенко, А.Р. Рахимова, Ж.А. Рожнева; под ред. Н.А. Мишанкиной. М.: Флинта, 2018.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Пугачевская И.А., Миронова Д.М. Когнитивное терминоведение: предмет, задачи и методы // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник материалов III Международной научной конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 244-250.
- Циммерман М., Веденеева К. Русско-английский научно-технический словарь переводчика. М.: Наука, 2003.
- En-rus-tech-dict.slovaronline. URL: <https://en-rus-tech-dict.slovaronline.com>
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

V.A. Katysheva (Irkutsk, Russia)

Irkutsk State University

METAPHORICAL KINSHIP TERMS IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL DISCOURSE

The article discusses the issue of kinship metaphor involvement in terminological systems of various fields within scientific and technical discourse. Conceptual domains behind the metaphorical transfer are described. The material is selected from both English-Russian and Russian-English technical dictionaries. The interpretive potential of metaphorisation in term creation is highlighted.

Key words: metaphor, metaphorical term, kinship terms, cognitive theory of metaphor, scientific and technical discourse, conceptual domains

Е.Е. Киреевкова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
ekaterina.koryukina@gmail.com*

К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ЛЕКСИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

В статье рассматривается современная междисциплинарная лингводидактическая терминология; анализируются ее особенности формирования и функционирования. В статье делается акцент на способах образования специальных терминов, а также их фиксации в текстах специальной области знаний. Важным является процесс формирования терминологии в системе терминов, благодаря лингвистическим процессам, которые активно внедряются в лексический аппарат новых дисциплин на стыке хорошо изученных предметных сфер.

Ключевые слова: специальные термины, уровни единиц, лингводидактический термин, словообразование, терминологическая система

В последнее время исследовательский интерес стал смещаться с изученного центра на малоизученную зону периферии: появляются новые дисциплины на стыке областей научного знания. Следовательно, исследование междисциплинарности научных областей знания рассматривается как интерес к расширению дисциплинарных границ. Появляется потребность в систематизации и структурировании быстро развивающейся лингводидактической терминологии.

В словаре Э.Г. Азимова и А.Н. Шукина представлены разные направления методической терминологии и новых понятий [Азимов, Шукин 2009: 205]. Этот факт является доказательством того, насколько развитой становится современная лингвистическая дидактика и ее базисные дисциплины, такие как педагогика, психология, психолингвистика, языкознание.

В лингвистической дидактике термин – это слово или словосочетание, которое используется для более точного определения понятий и предметов в специальных научных областях [Ахманова 1990: 103]. В развивающейся научной области знаний начинается образовываться специальная терминология. В результате из ста новых слов большая часть являются новыми терминологическими единицами.

На сегодняшний день лингводидактическая терминология претерпевает некоторые изменения, которые касаются ее развития и закрепления терминологических единиц в определенной терминосистеме. Терминосистема наполняется различными вариантами понятий новых предметных сфер, следовательно, возрастает их вариативность в изучаемом контексте [Лейчик 2006: 189].

Образование огромного числа терминологических единиц ведет за собой появление ранее неизученных научных направлений, а также влияет на расширение интралингвистических явлений, таких как синонимия, языковая экономия, омонимия, антонимия, аббревиатура, акронимы и др.). Сформировавшееся понятие «терминологического взрыва» доказывает необходимость в стремительном урегулировании и структурировании специальности лексики новых научных областей [Гринев-Гриневич, Сорокина 2018: 22].

Прежде всего терминологическая деятельность основывается на отборе терминов и их значений, отражающих типологию, значение и использование специальной лексики [Лейчик 2006: 204]. Последующим шагом является закрепление терминов в различного рода документах, например словарях, рекомендациях, словниках и пр. Такая концентрация терминологических единиц на специальных материальных носителях помогает справиться с межнациональным языковым барьером и способствует повышению уровня процесса международных отношений и общению специалистов в различных областях науки.

Терминосистема лингводидактики состоит из трех уровней лексических единиц и включает: общенаучную, междотраслевую, отраслевую и узкоотраслевую лексику. Особо стоит отметить, что все термины обязаны соответствовать лексическим требованиям, таким как четкость, краткость, емкость, непротиворечивость, утвердительность, конструктивность [Алексеева 1998: 108].

Относительно новая предметная сфера инклюзивного образования получила свое активное развитие в странах западной Европы в середине XX в., благодаря организации на результатах исследований медико-педагогического сопровождения образования. В виду этого терминологические единицы терминосистем медицины и педагогики подверглись взаимопроникновению, т.е. смешению. Таким образом, взаимодействие терминов стало показателем междисциплинарного характера исследуемой отрасли знаний.

Научные сферы медицины и педагогики имеют свой собственный терминологический аппарат, который постепенно начинает трансформироваться и дополняться для того, чтобы терминосистема инклюзивного образования получила свою собственную терминологическую базу. База новых англоязычных терминологических единиц основывается на методах обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общеобразовательной школе. Стоит отметить, что научная область инклюзивного образования представляет собой современную форму обучения детей. Предполагается, что основная цель инклюзивного обучения кроется в перспективной и адекватной организации учебного

процесса, который, в свою очередь, имеет все необходимые предпосылки для закрытия образовательных нужд и потребностей каждого ребенка в инклюзивной школе.

Проблема методов всегда интересовала и методистов, и учащихся. При изучении данной предметной области и составлении глоссария англоязычных терминов определено наличие разных объединений лексических единиц:

- собственные термины (*aptitude test, consent, evaluation*);
- базовые термины (*mainstreaming, mediation, reliability*);
- привлеченные термины (*teacher training, visual perception, visual-motor, orientation and mobility*);
- общенаучные термины (*Occupational Therapy, intellectual disability, individualized education program*).

Кроме того, выявлено, что развитие данной терминологической системы не обходится без основных ступеней построения.

На первой ступени – общемедицинские и общепедагогические термины (*classroom climate, cognitive load, growth mindset, inclusive teaching, motivation, physical facilities, team-based learning, self-assessment*).

Ко второй ступени относятся собственные термины (*adaptive learning, campus resources, disability awareness, disability inclusion, gifted and talented students, inclusive education plan*).

Третья ступень представлена общеупотребительными терминами, приобретающими статус собственного термина (*parent, home, peer tutor, placement, personal development, profile, speech and language, life skills, learning styles, mentorship, multiculturalism*).

Наконец, четвертая ступень – собственные термины и общепедагогические, эвфемизмы и термины-эпонимы (*Asperger's syndrome, Down syndrome, Angelman syndrome, autism spectrum disorder, Kaufman Assessment Battery for Children, Goodenough-Harris Drawing Test, low vision, neurodiversity, hard of hearing, child with learning difficulties, physical accessibility*).

Современная терминология инклюзивного образования включает в себя способы образования терминологических единиц, которые активно фигурируют при ее рассмотрении и исследовании:

семантические (увеличение объема обозначаемого понятия, приобретение словом метафорического значения, перенос названия по смежности, переход от родового значения к видовому и пр.);

морфологические (словообразование; переход из одной части речи в другую; образование новых слов путем сокращения и пр.);

морфолого-синтаксические (создание новых слов путем сложения двух и более; аббревиация, акронимы).

Перспективным для изучения новой терминосистемы является выявление усеченных вариантных терминов-аббревиатур, которые активно используются при со-

ставлении глоссариев заданной предметной сферы. Стоит обратить внимание и на акронимы, производимые как единое слово.

В англоязычной системе сокращенные варианты инклюзивных терминов представлены следующими типами: двузначные сокращения (*Occupational Therapist (OT)*, *General Education (GE)*, *Closed Captioning (CC)*); трехзначные сокращения (*American sign language (ASL)*, *Applied behavior analysis (ABA)*, *Least Restrictive Environment (LRE)*); четырехзначные сокращения (*Individuals with Disabilities Education Act (IDEA)*).

Представленные выше виды сокращений, с одной стороны, обнаруживают экономию средств выразительности, с другой стороны, смысл термина остается постоянным и легко понятным для восприятия. Следует подчеркнуть, что в настоящее время такой способ образования терминов является наиболее распространенным в современном английском языке.

Полисемия терминов выявляется в существовании у терминологической единицы единственного устоявшегося варианта перевода. Отметим, что при переводе текстов специальной области инклюзивного образования существует только одна версия перевода. Например, во всех текстах встречается термин *hot moment* (конфликт), а не *conflict*; в термине *capacity building* (повышение квалификации педагогического состава) слово *building* теряет свое общепотребительное значение «строительство/построение», поскольку в изучаемых текстах *building* закрепляется как «повышение/ улучшение/ усовершенствование». Термин *co-teaching* (индивидуальный подход) не имеет перевод в качестве «совместное преподавание», так как в словарях педагогических тематик закреплён наиболее подходящий термин, исходя из его англоязычного определения.

Появление и фиксация терминологических единиц всегда находится в зависимости от различных факторов языка, так как его лексический состав из-за своей мобильности подвергается наибольшим изменениям, в отличие от фонетического и грамматического уровней. Изучение междотраслевой лингводидактической терминотерминологической системы позволяет выявить ее специфику и основные направления ее развития. Структура терминологических единиц закрепляется в единообразном варианте, а развитие и динамичные возможности семантической структуры лингводидактических терминологических единиц сопровождается появлением новых терминов.

Литература

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009.
- Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования. Пермь: Перм. ун-т., 1998.
- Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 102-104.
- Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. 2018. № 5. С. 18-28.
- Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006.

*E.E. Kireenkova (Saint-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

TO THE QUESTION OF INTERDISCIPLINARY VOCABULARY OF THE ENGLISH-LANGUAGE LINGUODIDACTIC TERMINOLOGY SYSTEM

The article is devoted to the analysis of modern interdisciplinary linguodidactic terminology; its features of formation and functioning are analyzed. The article focuses on the methods of special terms formation, as well as their fixation in the special field knowledge texts. The process of formation of terminology into a system of terms is important, due to linguistic processes that are actively introduced into the lexical apparatus of new disciplines at the junction of well-studied subject areas.

Key words: special terms, levels of units, linguodidactic term, word formation, terminological system

*A.C. Коваленко (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
kovalenko.wt@gmail.com*

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВЕ ЭПОНИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КЛИНИЧЕСКИХ НЕЙРОНАУК

Эпонимические терминологические единицы являются частью лексической системы, поэтому функции, которые они выполняют, во многом схожи с языковыми, однако в медицинских терминах с ономастическим компонентом можно также проследить реализацию дифференциальных функций, в частности, функции экономии языковых средств, падающей, парольной, кумулятивной и коммеморативной функций.

Ключевые слова: эпоним, ономастика, терминоведение, когнитивная лингвистика, клинические нейронауки

Многостороннее изучение особенностей эпонимических терминов в области клинических нейронаук предполагает анализ специфики их функционирования в языке и речи. Современные исследователи, размышляя о функциях языка, сходятся во мнении, что двумя важнейшими первичными функциями являются коммуникативная и когнитивная, причем их следует расценивать не как находящиеся в иерархической зависимости друг от друга, а как равноправные и «взаимодополняющие сущностные характеристики языка» [Троянова 2008: 58].

Н.Н. Болдырев добавляет к данным функциям интерпретирующую, которая, по замечанию исследователя, опирается на «типизированные схемы знаний: фреймы, скрипты, когнитивные модели и т.д. – и потому непосредственно связана с познанием (когницией)» [Болдырев 2011: 11-12].

Изучение эпонимической терминологии клинических нейронаук с точки зрения когнитивной лингвистики возможно за счет реализации в анализируемой категории терминов данных базовых функций. Так, благодаря реализации коммуникативной

функции при упоминании термина *Tay-Sachs disease* – редкого генетического заболевания, в ходе которого поражается центральная нервная система человека, специалисты могут понять этиологию и патогенез заболевания, особенности диагностики и лечения. Когнитивная функция, в свою очередь, ответственна за процесс получения новой информации и механизмы ее обработки человеком, а также, по свидетельству Н.Б. Гвишиани, «обращает наше внимание на экстралингвистическую реальность и на то, как она воспринимается и классифицируется» [Гвишиани 2024: 381]. Благодаря ее актуализации на основе метафорического переноса мы можем догадаться о симптоматике *Sleeping Beauty syndrome*, даже если у нас нет медицинского образования. Примером реализации интерпретирующей функции может стать термин *Kretschmer's paranoia*: человек, которому знакома фамилия немецкого психиатра Эрнста Кречмера, а также факт его сотрудничества с нацистами и поддержки СС, и реципиент, никогда не слышавший его фамилию, по-разному будут интерпретировать эпонимический компонент терминологической единицы.

В лексемах с ярко выраженным образным компонентом реализуется также поэтическая функция, призванная обратить особое внимание реципиента не только на содержание, но и на форму, в которой передается информация. В качестве примера можно привести *Cinderella syndrome*, психологический феномен, свидетельствующий об отсутствии у женщины психологической независимости и самостоятельности, где в качестве проприального компонента используется прецедентное имя собственное – Золушка – литературный образ которой неразрывно связан с несчастливой жизнью в доме овдовевшего отца и злой мачехи, а также с обретением долгожданного счастья в лице Прекрасного принца.

Г.А. Гвоздович также пишет о функции сокращения (компрессирования), которую выполняют термины. Данная функция заключается в свертывании информации, «тем самым оптимизируя процесс научной коммуникации» [Гвоздович 2006: 114]. Языковая экономия связана с антропоцентрической природой языка и пониманием диалектического единства языка и речи и, по замечанию О.Д. Вишняковой и А.А. Липгарта, имеет физиологическую обусловленность, связанную со «стремлением к реализации минимальных усилий со стороны индивида с точки зрения его умственных и физических затрат», в результате чего становится движущей силой изменений в языке [Вишнякова, Липгарт 2023: 74]. Ярко данная функция проявляется именно в эпонимических терминологических единицах, поскольку в ониме, особенно если он представлен прецедентным именем собственным, в свернутом виде хранится большой объем экстралингвистической информации, фиксирующей предыдущий опыт человечества с учетом конкретного контекста использования имени [Молчанова 2012: 16]. Одним из примеров реализации функции экономии языковых средств является термин *West syndrome*, имеющий синоним без ономастического компонента, состоящий из трех компонентов – *infantile myoclonic encephalopathy*.

Функция экономии языковых средств и максимального свертывания смысла в медицинской эпонимической терминологии также способствует реализации па-

рольной функции, описанной Г.Г. Молчановой. Е.В. Маркевич указывает, что «парольная функция обеспечивает возможность идентификации принадлежности партнера по коммуникации к той же группе (социальной, политической, возрастной и др.), что и говорящий» [Маркевич 2014: 318]. Так, использование эпонимических терминов, характеризующихся непрозрачной семантикой, позволяет специалистам идентифицировать друг друга в категории «свой-чужой» и удостоверяться в конфиденциальности коммуникации, сохраняя, таким образом, врачебную тайну (понять, что *Perry syndrome* – нейродегенеративное заболевание, характеризующееся быстро развивающимся паркинсонизмом, депрессией, потерей веса и недостаточным наполнением легких воздухом, смогут только специалисты или люди, на личном опыте сталкивавшиеся с проявлениями синдрома). Примечательно, что парольная функция не будет актуализирована в терминологических единицах с универсально-прецедентным онимом в качестве эпонимического ядра, поскольку широкая известность имени собственного и связанных с ним коннотаций позволяет легко декодировать значение термина даже неспециалистам (значение термина *Jocasta complex*, связанного с гиперопекой матери по отношению к сыну, в основе которой лежит бессознательное влечение к нему, могут расшифровать те реципиенты, которые знакомы с древнегреческим мифом о царе Эдипе, женившемся на собственной матери, Иокасте). Таким, образом реализация парольной функции возможна в эпонимических медицинских терминах с низким уровнем салиентности.

С недостаточной семантической прозрачностью эпонимических терминов связана реализация щадящей функции (функции эвфемизма). Коммуникация врача и пациента – одна из самых деликатных сфер человеческого общения, поскольку, с одной стороны, «современные пациенты хотят быть всесторонне информированными о своей болезни и о должном уходе в период лечения», а с другой – язык медицины, изобилующий терминологией и большим количеством синонимов для обозначения одного и того же заболевания, «с точки зрения пациента специфичен, зачастую непонятен, и порой бывает пугающим» [Бирюк 2020: 184-185]. В связи с этим врачи нередко прибегают к использованию эвфемизмов при общении с пациентами. Эпонимические термины, особенно лексемы с низким уровнем салиентности, обладают потенциалом для превращения в эвфемизмы: *Raeder's syndrome* – *paratrigeminal neuralgia*, *Shy-Drager syndrome* – *multiple system atrophy*. Поскольку данные термины представляют собой большую по сравнению с описательными терминологическими единицами сложность с точки зрения декодирования неспециалистами заключенной в них информации, использование терминов с ономастическим компонентом в медицинском дискурсе может быть более предпочтительно с точки зрения ведения доверительного и комфортного диалога между врачами и пациентами, что будет способствовать успешной коммуникации.

Кроме того, дифференциальными функциями для медицинских эпонимических терминов будут являться кумулятивная и коммеморативная функции, реа-

лизация которых позволяет обеспечить «континуальность и преемственность научной картины мира» [Раздужев 2017: 134]. В контексте медицинской эпонимической терминологии можно сказать, что коммеморативную функцию выполняют как термины, содержащие в своем составе антропоним – фамилию реально существовавшего человека, так и термины, в которых содержится образный компонент. Эпонимические термины, выступая в качестве репрезентантов культурной памяти народа, становятся своего рода «именными памятниками» [Какзанова 2015], тем самым увековечивая имя ученого в истории развития медицинской науки. Научное и культурное знание накапливается в языке в виде появления новых терминов и передается впоследствии из поколения в поколение, реализуя, таким образом кумулятивную функцию.

Таким образом, термины с ономастическим компонентом, использующиеся в области неврологии, психиатрии и клинической психологии, обладают высокой степенью функциональной нагруженности. Некоторые из функций являются дифференциальными, остальные – общими с другими категориями лексических единиц.

Литература

- Бирюк И.Б. Эвфемизмы в англоязычном медицинском дискурсе // Сучасні тенденції розвитку освіти й науки: проблеми та перспективи. Збірник наукових праць. 2020. № 7. С. 184-188.
- Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 11-16.
- Вишнякова О.Д., Лингарт А.А. Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход) // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 4 (55). С. 74-77.
- Гвишиани Н.Б. Терминологические инновации в развитии и трансформации научных парадигм (опыт англоязычного корпусного дискурса) // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. С. 378-389.
- Гвоздович Г.А. К вопросу об основных функциях научного термина // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию проф. П.П. Шубы): материалы III международной научной конференции (Минск, 6–7 апр. 2006 г.): в 2 ч. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 113-115.
- Какзанова Е.М. Имя собственное в термине. М.: Галлея-Принт, 2015.
- Маркевич Е.В. Функциональный потенциал прецедентных феноменов // iPolytech Journal. 2014. № 9 (92). С. 315-319.
- Молчанова Г.Г. Вербальный символ и маркетинговые коммуникативные стратегии текста // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 9-26.
- Раздужев А.В. Антропоцентрический подход к анализу научно-технической терминологии // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVIII. 2017. С. 125-174.
- Троянова И.М. Когнитивная функция как одна из важнейших функций языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 2. С. 56-58.

*A.S. Kovalenko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

FUNCTIONAL VARIABILITY OF PROPER NAMES IN EPONYMOUS TERMS OF CLINICAL NEUROSCIENCES

Eponymous terms are part of the lexical system, therefore, the functions they perform are similar to the ones of the language, however, in medical terms with an onomastic component, one can also trace the implementation of differential functions.

Key words: eponym, onomastics, terminology, cognitive linguistics, clinical neurosciences

*Е.С. Коваленко (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
elizaveta.eskovalenko@gmail.com*

СИНТАКСИС НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ОСЛОЖНЯЮЩИХ КОНСТРУКЦИЙ

Исследование посвящено изучению синтаксической сложности и ее влияния на понимание нормативно-правовых актов. Синтаксический анализ осложняющих конструкций и применение метода айтрекинга позволили определить наиболее трудные для восприятия синтаксические элементы, которые существенно замедляют процесс чтения и затрудняют понимание текста.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, синтаксическая сложность, осложняющие конструкции, айтрекинг

Язык права закономерно обращает на себя внимание исследователей, поскольку деловые документы, административные акты, тексты законов и постановлений должны быть написаны так, чтобы рядовой пользователь понимал их однозначно и точно [Сологуб 2008]. Люди, не имеющие юридического образования, испытывают затруднения с пониманием в процессе чтения нормативно-правовых документов из-за большого количества содержащихся в них предикативных основ, осложняющих конструкций и повторяющихся словосочетаний, ведущих к увеличению средней длины предложения. Исследование синтаксической структуры нормативно-правовых актов и особенностей их восприятия и понимания человеком становится крайне актуальным в настоящее время. С помощью методики регистрации движений глаз можно выявить наиболее и наименее сложные для декодирования конструкции, а также определить особенности перцептивной обработки письменного документного текста.

Цель исследования состоит в выявлении синтаксических структур, вызывающих наибольшую сложность при зрительном восприятии нормативно-правовых актов. Для исследования были использованы метод синтаксического анализа, метод отслеживания движения глаз (айтрекинг), метод статистической обработки.

В научной литературе существует несколько точек зрения относительно определения осложняющих конструкций и их границ в предложении. Были описаны шкалы предикативности и переходности осложненных предложений [Дмитриева

1984] и определены места осложняющих конструкций на основе степени их предикативности [Казаков 1994; Бабайцева 2023]. Для анализа синтаксической сложности была использована гибридная классификация, которая позволила рассмотреть осложняющие конструкции как количественно, так и качественно.

В качестве материала исследования были использованы три нормативно-правовых акта, извлеченные из системы «КонсультантПлюс»:

1. Правила перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом (1534 графических слов);
2. Федеральные авиационные правила № 82 (1541 графическое слово);
3. Правила пользования Петербургским метрополитеном (1573 графических слов).

Перечисленные нормативно-правовые акты выравнены по способу адресованности (массовый адресат), по типу информированности и по признаку тематической близости части разделов. Из указанных нормативно-правовых актов были отобраны разделы, посвященные перевозке пассажиров и багажа, с учетом следующих критериев:

- 1) принцип максимальной тематической близости: бронирование и оплата перевозок;
- 2) количество графических слов (± 1500 графических слов). Под графическим словом понимается слово, определяемое как отрезок текста от пробела до пробела.

В анализируемых отрывках были выделены полупредикативные конструкции (табл. 1), неполупредикативные конструкции (табл. 2), полипредикативные предложения (табл. 3).

Таблица 1. Полупредикативные осложняющие конструкции

Тип осложнения	Частота встречаемости		
	ФАП №82	Правила пользования метрополитеном	Правила перевозки наземным транспортом
Девербативные конструкции	32	31	27
Причастный оборот	25	48	23
Деепричастные обороты	нет	нет	нет
Однородные сказуемые	2	3	нет

Таблица 2. Неполупредикативные осложняющие конструкции

Тип осложнения	Частота встречаемости		
	ФАП №82	Правила пользования метрополитеном	Правила перевозки наземным транспортом
Обособленное дополнение	3	4	8
Вставные конструкции	40	21	19
Вводные конструкции	1	нет	нет

Таблица 3. Полипредикативные предложения с придаточным определительным и придаточным условия

Тип придаточного	Частота встречаемости		
	ФАП №82	Правила пользования метрополитеном	Правила перевозки наземным транспортом
Придаточное определительное	19	10	15
Придаточные условия	7	0	3

Предварительный анализ полученных данных показал, что наиболее сложным отрезком можно считать текст Федеральных авиационных правил №82, который включает в себя наибольшее число полупредикативных конструкций. Наиболее часто (32 конструкции) в нем используются девербативные конструкции: временные предлоги + девербатив (например, «в пределах действия»), целевые предлоги + девербатив (например, «для осуществления»), условные предлоги + девербатив (например, «при бронировании»). В рассмотренном документе также было выявлено частое использование причастных оборотов, стоящих в постпозиции к определяемому слову (21 конструкция).

Следующим по сложности документом можно считать Правила пользования метрополитеном. Значимо часто (по сравнению с другими анализируемыми текстами) используются причастные обороты, стоящие как в постпозиции (37 конструкций), так и в препозиции к зависимому слову (11 конструкций). Однородные сказуемые, как правило, встречаются (3 раза) в виде маркированного списка.

По сравнению с ФАП №82 и Правилами пользования метрополитеном текст Правил перевозки наземным транспортом является наиболее простым для восприятия, так как количество полупредикативных конструкций в нем почти в два раза меньше (девербативные конструкции – 27, причастные обороты – 23). Однако было обнаружено частотное использование конструкций с обособленным дополнением с предлогом «за исключением» (8 раз), что почти в два раза превышает частоту их встречаемости в двух других анализируемых нормативно-правовых актах.

В качестве материала для основного эксперимента из выбранных текстов было отобрано 14 предложений, содержащих осложняющие конструкции.

В исследовании применялся неинвазивный бинокулярный айтрекер Tobii Pro Nano. В эксперименте приняли участие 20 человек (9 женщин и 11 мужчин, в возрасте от 22 до 47 лет). Все информанты являлись носителями русского языка без филологического и/или юридического образования.

Во время эксперимента участникам предъявлялись три слайда для каждого из 14 предложений: первый слайд – стимульное предложение, второй слайд – вопрос по содержанию этого предложения, третий слайд – демонстрация отрывка из текста, позволяющего проверить правильность своего ответа.

Анализ данных окуломоторной активности при обработке стимулов показал, что наиболее сложными грамматическими структурами для декодирования являются девербативные конструкции с целевыми и условными предлогами (среднее время прочтения условной конструкции занимает 0,98 сек, а целевой конструкции – 1,17 сек). Средняя частота регрессий к девербативным конструкциям значимо выше, чем к другим полупредикативным конструкциям.

Следующими по сложности можно считать причастные обороты в постпозиции (среднее время прочтения – 0,90 сек) и полипредикативные предложения с несколькими субъектами (среднее время прочтения – 0,90 сек). Далее по сложности идут обособленные дополнения в виде вставной конструкции (среднее время прочтения – 0,51 сек).

Наименее сложными для зрительного восприятия являются неполипредикативные конструкции: однородные дополнения (среднее время прочтения — 0,49 сек) и обособленные дополнения (среднее время прочтения – 0,42 сек).

Таким образом, синтаксическая сложность документного текста влияет на скорость визуальной обработки заложенной в нем информации и точность его понимания. Полупредикативные конструкции, вызывающие у читателя сложности при обработке и запоминании представленного текста, были ранжированы по показателям скорости и успешности перцептивной обработки.

Литература

- Бабайцева В.В.* Синтаксис русского языка. М.: Флинта: Наука, 2023.
- Дмитриева Л.К.* Осложненное предложение в его сближении со сложным на шкале переходности // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. С. 30-37.
- Казаков В.П.* О ступенях семантического осложнения простого предложения // Синтаксис имен действия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. С. 70-78.
- Сологуб О.П.* Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008.
- Правила пользования Петербургским метрополитеном. URL: <https://www.metro.spb.ru/rulez.html>
- Постановление Правительства РФ от 14.02.2009 N 112 (ред. от 21.02.2020) «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85364/
- Приказ Минтранса России от 28.06.2007 N 82 (ред. от 15.09.2020) Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2007 N 10186). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71492/

E.S. Kovalenko (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

THE SYNTAX OF LEGAL AND REGULATORY ACTS: THE ISSUE OF PERCEIVING COMPLEX CONSTRUCTIONS

The study focuses on the analysis of syntactic complexity and its impact on the comprehension of legal and regulatory documents. The syntactic analysis of complicating structures combined with the application of the eye-tracking method allowed for the identification of the most challenging syntactic elements, which significantly slow down the reading process and hinder text comprehension.

Key words: legal and regulatory act, syntactic complexity, complicating constructions, eye-tracking

Е.А. Козлова (Киров, Россия)

Вятский государственный университет

elena.kozlova1234@mail.ru

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ЛИДЕРА КАК ЧАСТЬ ПРЕСУППОЗИЦИОНАЛЬНОГО ФОНДА

В работе рассматривается ценностная система дискурсивной личности лидера как часть пресуппозиционного фонда. Систематизируются концептуально значимые признаки лидерства в междисциплинарном аспекте. Более подробно исследуются предпосылки креативности и лингвокреативности.

Ключевые слова: дискурсивная личность лидера, креативность, лингвокреативность, пресуппозиции

Существующие структуры управления, ориентированные на односторонний контроль со стороны руководителей, не претерпели сопоставимых преобразований, но в последние годы стали еще более жесткими в ответ на растущую конкуренцию. Лидеров часто приглашают работать в команде и делегировать свои полномочия, оставаясь при этом персоной, ответственной за результаты работы. Также их просят быть творческими и постоянно нагружают обучающими программами. Наконец, их часто вынуждают принимать разумные и быстрые решения при наличии противоречивой и частичной информации. Вместе с тем существуют характеристики, составляющие пресуппозиционный фонд дискурсивной личности, которые позволяют понять, почему определенные люди преуспевают на своих должностях: как они относятся к своей команде, делегируют свои полномочия, оставаясь при этом персоной, ответственной за результаты, и какие ценности ставят в приоритет.

Некоторые авторы считают, что в условиях цифровой трансформации необходимы преобразования стиля управления современной организацией. Для создания «ценных активов, обеспечивающих организацию превосходства в рыночном пространстве», нужен такой стиль, который, при сохранении роли руководителя как «сильного идейного лидера», в большей степени ориентирован на работу сотрудни-

ков в команде, их обучение, партнерство и креативность. При этом постулируется, что «быть идейным лидером... значит формировать новые стандарты управления в отрасли, внедрять открытую экосистему идей» [Салогуб 2022: 127], а также уметь находить общие взгляды и интересы, признавая автономию каждого сотрудника [Там же]. Таким образом, развитие лидерства вряд ли может базироваться лишь на передаче способов мировидения, мышления и конкретных действий, но вместо этого требует изучения ценностей, которые на ментальном уровне формируют их пресуппозиции и отношение к себе и миру.

Одной из проблем изучения личности лидера является сопоставление управления и лидерства. Эти явления могут разграничиваться или отождествляться. Так, в первом случае говорится речь идет о характеристиках нового типа управленца, «который может эффективно совмещать роль требовательного начальника с ролью вдохновителя, дальновидного руководителя, такого лидера, за которым члены организации следуют не вынужденно, как подчиненные, а как верные последователи и соратники» [Мирзоян 2013: 3]. Во втором случае выдвигаются такие концепции лидерства, в которых управленческие и лидерские компетенции представляют собой единое образование. Например, в концепции «обслуживающего» лидерства при разработке национальной модели «управления знанием» [Гумерова 2016] под компетенциями «обслуживающего» руководителя понимаются его опыт и социальные навыки, реализующие ту мировоззренческую концепцию, которая закреплена в ментальной модели организации.

Что касается определения креативного лидерства, то среди разных версий нас заинтересовала точка зрения М. Киммеля и Д. Христовой, которые объясняют данное явление как взаимодействие между способностями, процессом и средой, посредством которого индивид или группа производит осязаемый продукт, являющийся одновременно новым и полезным в конкретном социальном контексте [Kimmel, Hristova 2021]. Основываясь на этом определении, упомянутые исследователи выстраивают модель креативности на четырех разных уровнях. Первый относится к самому процессу обучения и к личному пониманию, которое люди получают, делая выводы в результате усвоения новых знаний. Второй относится к повседневным творческим действиям, например, к посещению уроков живописи для непрофессионалов, игре в школьных спектаклях или даже просто к придумыванию шуток, чтобы развлечь своих родственников. Третий уровень относится к опыту творчества среди людей, являющимися профессиональными творцами. Четвертый и последний уровень модели относится к действиям творческих гениев, внесших широко признанный, выдающийся и давний вклад в свою область: Альберта Эйнштейна или Фридриха Ницше и др.

Данная модель, по нашему мнению, имеет некоторое сходство со следующей моделью уровневой организации языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов 2010] (табл. 1).

Таблица 1. Трехуровневая структура языковой личности (по Ю.Н. Караулову)

Название уровня	Содержание уровня
Вербально-семантический	Вербальные единицы; вербальная сеть; манифестации тезаурусных структур
Тезаурусный	Понятия; тезаурус
Мотивационно-прагматический	Деятельностно-коммуникативные потребности; сферы, ситуации, роли; стереотипы – образы прецедентных текстов

Ведущим уровнем дискурсивной языковой личности лидера является мотивационный уровень, являющийся пусковым механизмом деятельности в результате осознания жизненных целей при удовлетворении коммуникативно-деятельностных потребностей.

В целях понимания ориентиров формирования лидерских качеств важно учитывать предпосылки креативности. Если само понятие креативности имеет определения и относительно легко поддается описанию, то вопрос о предпосылках креативности можно назвать недостаточно исследованным, несмотря на большое количество работ на эту тему, особенно за рубежом. Так, в исследовании группы авторов [Salminen и др. 2021] был поставлен вопрос о возможной связи эмоционального интеллекта и вызванной у реципиентов эмпатии с разработкой креативных решений в сфере услуг для «конечного пользователя» (потребителя услуги). Участники эксперимента читали жизненные истории разных людей, в результате чего у них возникла эмпатия. За чтением следовали задачи по созданию идей, когда необходимо учитывать точку зрения клиента. Свойство эмоционального интеллекта оказалось связанным с эффективным выявлением проблем и генерированием гораздо большего количества идей, чем эмпатия.

Леон С. Бреннер высказал гипотезу о двунаправленной связи между креативностью и депрессией, представив модель, которая связывает начало депрессии с уникальной формой гиперактивации творческих способностей. Эта идея, по мнению автора статьи, открывает перспективы для клинического облегчения депрессии с использованием творческих задач. Люди занимаются научной или художественной деятельностью, достигают в ней результатов, чтобы регулировать свой внутренний баланс в состоянии эмоционального возбуждения и разрядить творческое напряжение [Brenner 2019].

Под управленческим мышлением в социальной психологии и философии понимается противопоставляемый стереотипному инерционному мышлению феномен, характеризующийся творческим потенциалом и повышенной активностью. В матрице управленческого мышления согласно данным научных работ определенное место отводится ценностной картине мира и определяемым ею качествам и умениям руководителей. В составляющие матрицы включаются компетентность (знания, умения, личный опыт); гуманность (человеколюбие и благородная нравственная мотивация служебного поведения, стремление раскрывать в людях лучшие личностно-деловые

качества); «орто-биотичность» (в частности, оптимизм, владение технологиями самосбережения здоровья); инновационность (поиск нового, стремление к рационализаторству, «небоязнь» рисков); прагматизм («работа на результат» и др.) [Шепель 2011]. В матрицу также включаются «идеологические ценности руководителя»: гражданские и профессиональные. Среди гражданских ценностей, перечисленных автором названной работы, выделим здесь как наиболее значимые следующие: «неукоснительное соблюдение нравственных ценностей и законопослушание»; «вера в себя и в людей, увлеченность общественно значимыми целями». Среди профессиональных ценностей выделим «знание нужд, интересов, людей»; «справедливость и совесть в союзе с волей», представляемых в качестве гарантии порядочности руководителя и «устойчивое личностное и профессиональное самосовершенствование» [Там же]. С целью выявления ценностных признаков коллективного портрета современного лидера нами было проведено исследование медиадискурса, на основе анализа которого были сделаны выводы о том, что в аксиосфере дискурсивной личности лидера на первый план выходят ценности высшего порядка. В то же время полученные результаты позволяют нам говорить и об объективации в лидерском дискурсе обусловленности профессиональной успешности реализуемыми в деятельности индивидуальными способностями человека как ее активного субъекта [Колесникова, Козлова 2023].

Учитывая феномен управленческого мышления, мы предположили, что речевое поведение управленца (лидера) должно опираться на прогнозирование реакций адресата и пресуппозитивные знания. Пресуппозитивные, или знания, которые признаются адресатом как истинные, ценностные и предшествуют коммуникации, повышают шансы на нужную реакцию. Как известно, в дискурсе используются разные типы пресуппозиций, и прежде всего семантические, направленные на точность донесения мысли адресанта. Реализуя свой замысел, продуцент делает предположения о концептосфере адресата, условиях коммуникации, социальных, личных отношениях и других дискурсивных составляющих. Это сфера прагматических пресуппозиций. Логическая пресуппозиция касается структуры аргументации и логики, лежащей в основе высказываний. Знания о ценностях и когнициях адресата предполагают наличие риторической пресуппозиции, описанной нами в работе [Козлова 2018]. Эффективность убеждения во многом зависит от понимания тех ценностей и когнитивных структур, которые имеют место у адресата. Это позволяет адаптировать аргументацию так, чтобы она была более убедительной и резонировала с убеждениями и ожиданиями слушателя. Риторическая пресуппозиция также включает знание о прагмаэстетических стратегиях и возможных логических ошибках. Результаты проведенных нами исследований лингвокреативности представителей деловой российской элиты первых десятилетий XXI в. показали высокий уровень художественно-языковой компетенции продуцентов, которая позволяет носителям языка-управленцам использовать в целях убеждения прагмаэстетические языковые средства [Козлова 2011, 2020 и др.].

Синтез имеющихся результатов работы с новыми данными, приведенными в настоящем исследовании, дает основания сделать вывод об особом устройстве концептосферы лидера, которая включает в себя особый пресуппозиционный фонд, позволяющий находить креативные решения и иметь постоянно высокий уровень веры в достижение целей. Кроме того, лидеры реализуют мировоззренческую концепцию, закрепленную в ментальной модели организации, не боясь выхода за границы ценностей толпы; они способны организовать людей и повести к заманчивым высотам, показав им значимость задачи, проявляя эмоциональный интеллект. Во время движения к цели лидеры способны генерировать творческие идеи или мотивировать генерацию у подчиненных, давая выход эмоциональному напряжению. Эффективность лидера – креативная ориентация на цели – положительно влияет на взаимосвязь между генерацией идей и их реализацией.

Литература

- Гумерова Г.И. Концепция «обслуживающего лидерства» для управления неявным знанием: анализ и синтез // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 10. С. 185-204.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Козлова Е.А. Прагматэстетические средства убеждающей речи в публичном деловом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2011.
- Козлова Е.А. Пресуппозиции в аспекте речевого воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 103-111.
- Козлова Е.А. Формирование дискурсивной личности лидера // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений. Вып. 22. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 251-256.
- Колесникова О.И., Козлова Е.А. Дискурсивная личность лидера и ее ценности в эмоциональной репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 162-172.
- Мирзоян В.А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 5-11.
- Салогуб А.М. Креативность и кризис – новые ресурсы коммерческой организации в условиях цифровой трансформации // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 126-137.
- Шепель В.М. Эффективное управленческое мышление // Народное образование. 2011. № 1. С. 122-134.
- Brenner L. Creative Hyper-Activation in Depression // Creativity Research Journal. 2019. Vol. 31. No 4. Pp. 359-370.
- Kimmel M., Hristova D. The Micro-genesis of Improvisational Co-creation. Creativity Research Journal. 2021. Vol. 33. No. 4. Pp. 347-375.
- Salminen M., Hamari J., Ravaja N. Empathizing with the End User: Effect of Empathy and Emotional Intelligence on Ideation // Creativity Research Journal. 2021. Vol. 33. No. 2. Pp. 191-201.

Е.А. Kozlova (Kirov, Russia)

Vyatka State University

THE VALUE SYSTEM OF THE DISCURSIVE PERSONALITY OF THE LEADER

The paper considers the value system of the discursive personality of the leader as part of the presuppositional foundation. The conceptually significant signs of leadership in the interdisciplinary aspect are systematized. The prerequisites for creativity and linguistic creativity are explored in more detail.

Key words: discursive personality of the leader, creativity, linguistic creativity, presuppositions

П.Ж. Корокина (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

st122249@student.spbu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ТРАВЕЛОГЕ У. ГИЛПИНА

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации оценки в травелоге У. Гилпина. На основе параметрического анализа, выполненного с когнитивно-дискурсивных позиций, сделан вывод об эксплицитности, биполярности и аргументированности оценки. Аксиологические суждения характеризуются доминированием прилагательных, создающих эффект стилистической иррадиации.

Ключевые слова: категория оценки, эстетическая оценка, У. Гилпин, травелог, средства репрезентации категории оценки

Исследование категории оценки в рамках современной когнитивной парадигмы представляется перспективным направлением, так как, несмотря на наличие множества трудов российских и зарубежных ученых, посвященных изучению этой тематики (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, Т.В. Маркелова, Т.И. Петухова, В.Н. Телия, Е.Г. Хомякова, В.И. Шаховский, Н.В. Шутёмова, Дж. Мартин и П. Уайт, Дж. Томпсон и др.), остаются актуальными вопросы, связанные с пониманием природы категории оценки и специфики ее реализации в различных типах дискурса. «Ни один понятийный смысл не находит в языке такой разнообразной гаммы средств своего выражения, такого многообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка» [Маркелова 1995: 67].

При рассмотрении категории оценки мы основываемся на ее трактовке как «собственно человеческой категории», «она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусств» [Арутюнова 1984: 5]. Несмотря на то, что определения данной категории в лингвистике варьируются, многие ученые традиционно выделяют модаль-

ную рамку, включающую субъект, объект и шкалу оценки. По мнению Е. М. Вольф «под субъектом оценочной структуры подразумевается лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка» [Вольф 2005: 68]. В нашем случае субъектом оценки является автор травелога Уильям Гилпин (1724–1804) – английский философ, эссеист, художник.

Необходимо отметить, что если субъект оценки в исследуемом нами тексте характеризуется индивидуальностью, то объект – множественностью: *The pictures attract the attention: and as this is the most celebrated collection in England, I examined them with what care I was able; and shall remark such of them as particularly pleased me* [Gilpin 1809: 71]. Автор высказывает свое экспертное мнение о нескольких картинах, которые понравились ему больше всего.

Согласно мнению лингвистов Дж. Томпсона и С. Ханстона, оценка выполняет три функции: 1) выражение мнения, говорящего или писателя, в котором отражена система ценностей этого человека и его сообщества; 2) построение и поддержка отношения между говорящим и слушающим, писателем и читателем; 3) организация дискурса [Thompson, Hunston 2003: 5]. Мы склонны утверждать, что именно первая функция реализуется в исследуемом нами травелогe.

Рассмотрим примеры реализации категории оценки в травелогe “Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also on several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769”, который является одним из восьми путевых дневников, созданных автором. В названном травелогe У. Гилпин описывает свои впечатления от картинной коллекции в поместье Хоутон-холл сэра Уолпола.

1) *A sketch of king William on horse-back, by Kneller. The freedom, spirit, and harmony of this sketch are **admirable*** [Gilpin 1809: 73].

У. Гилпин описывает изображение короля Уильяма прилагательным *admirable*, которое, согласно Оксфордскому словарю, означает “*worthy of admiration or praise*” [OD]. В данном случае оценка является положительной, эстетической и выражается не только собственно оценочным прилагательным, но и существительными *freedom, spirit, harmony*. Здесь мы наблюдаем явление стилистической иррадиации – в одном контексте с оценочным прилагательным данные существительные приобретают соответствующую положительную коннотацию. Более того, используя данные существительные, автор перечисляет преимущества картины (свобода, дух, гармония) и тем самым аргументирует свою точку зрения. В том же контексте У. Гилпин сравнивает данную картину с ее копией: *The great picture at Hampton-court, painted from it, hath none of these qualities*. Автор отмечает, что картина в Хэмптон-корт, в отличие от оригинала, не обладает ни одним положительным качеством.

2) *A cook's-shop, by Teniers. I mention this picture, because it is esteemed a **very valuable** one. I saw little in it myself, except **good** colouring. The composition I thought **very bad*** [Там же].

Говоря о картине Тениера, автор отмечает, что упоминает ее лишь потому, что она считается очень ценной (*very valuable*), хотя лично он не видит в ней ничего хороше-

го, кроме цвета. Более того, композицию картины У. Гилпин называет *bad* (unpleasant, offensive, disagreeable) [OD]. В данном примере наблюдается биполярность оценки (good – bad). «Оценка одного и того же объекта и положительно, и отрицательно дает основание выделять в тексте биполярную оценку, свидетельствующую о наличии в нем когнитивного диссонанса, а текст, в рамках которого она осуществляется, определять, как биполярное аксиопространство» [Хомякова 2020: 4]. Необходимо отметить, что в данном примере оценочные суждения выводятся непосредственно из языковых средств, поэтому мы можем говорить об их эксплицитности.

3) *A Bacchanalian, by Rubens, painted in his best style of colouring. The composition, light, and expression, are all admirable* [Там же: 73-74].

Картину Рубенса У. Гилпин называет одной из лучших работ художника. В данном примере положительная эстетическая оценка также выражена субъектом эксплицитно, о чем свидетельствует использование прилагательных с положительной оценочной семантикой “best” (Of the highest excellence; surpassing all others in quality) и “admirable” (Worthy of admiration or praise) [OD]. Автор аргументирует свою точку зрения, перечисляя те свойства картины (композицию, свет и выразительность), которые, по его мнению, делают ее одной из лучших произведений Рубенса.

В анализируемом тексте были также выявлены примеры отрицательной оценки:

1) *The stoning of St. Stephen by Le Saur, I have heard called one of the capital pieces in this collection. I am sorry to say, it did not please me* [Gilpin 1809: 74-75].

Несмотря на то, что картина Лесюэра считалась одной из главных в коллекции сэра Уолпола, она не понравилась автору. Аргументируя свою точку зрения, У. Гилпин продолжает: *There is an awkwardness in the figures, particularly in the principal one, which is very displeasing; and it has besides so many offensive parts, that no beauties (and it has many) could atone for them in my eyes; or bring it to them with satisfaction* [Там же]. Автор отмечает, что в композиции есть некоторая неловкость, а главную фигуру считает крайне непривлекательной “very displeasing” (Causing displeasure, giving offence, disagreeable) [OD]. Данное произведение искусства вызывает у У. Гилпина антиэстетическое чувство, которое выражается в использовании оценочных единиц с отрицательной семантикой.

2) *The Magdalen is the worst figure in the picture. She is rather awkward and clumsy: but her passion is well expressed* [Там же: 76].

Описывая картину Рубенса, У. Гилпин называет Марию Магдалину худшей фигурой в картине и аргументирует это неуклюжестью, нескладностью ее изображения. Несмотря на это, автор отмечает, что художнику хорошо удалось передать ее эмоциональное состояние. В данном примере снова проявляется биполярность оценки (“the worst” – “well-expressed”), однако эстетическая отрицательная оценка превалирует здесь над положительной.

На основе проведенного анализа можно заключить, что оценка художественных произведений в травелогe У. Гилпина характеризуется индивидуальностью субъекта и множественностью объектов. Объектами оценки являются работы из-

вестных мастеров в картинной коллекции сэра Уолпола в поместье Хоутон-холл. Среди языковых средств выражения оценки доминируют прилагательные, при этом аксиологические суждения нередко характеризуются стилистической иррадиацией, вследствие которой дескриптивная лексика обретает определенную оценочную коннотацию. В целом исследование позволило выявить эксплицитность, биполярность и аргументированность оценки в травелоге У. Гилпина.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2005.
- Ивин А.А.* Основания логики оценки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
- Маркелова Т.В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013.
- Петухова Т.И.* Аспекты оценочной интерпретации в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 283-286.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
- Хомякова Е.Г.* Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 4. С. 3-7.
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. Монография, М.: Гнозис, 2008.
- Шутёмова Н.В.* Виды экспертной оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе о творчестве И. Наховой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. № 14 (3). С. 56-68.
- Gilpin W.* Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also, on several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769. The latter in the year 1773. London: Published by his trustees for the benefit of his school at Bolder. London: printed for T. Cadell and W. Davies, Strand, 1809.
- Gilpin W.* An essay upon prints: containing remarks upon the principles of picturesque beauty; the different kinds of prints; and the characters of the most noted masters: illustrated by criticisms upon particular pieces: to which are added, some cautions that may be useful in collecting prints. London, New Bond Street, 1768.
- Martin J.R., White P.R.R.* The Language of Evaluation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
- OD – Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- Thompson G.* Evaluation in Context. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014.
- Thompson G., Hunston S.* Evaluation in text. New York: Oxford University Press, USA; Oxford: Oxford University Press, 2003.

P.Zh. Korokina (Saint-Petersburg, Russia)

Saint-Petersburg State University

LINGUISTIC REPRESENTATION OF EVALUATION OF THE WORKS OF ART IN W. GILPIN'S TRAVELOGUE

In this article we analyse linguistic means of representation of evaluation in W. Gilpin's travelogue. Based on parametric analysis performed from a cognitive-discursive perspective, conclusion is made about the explicitness, bipolarity and validity of evaluation given through the

prism of values of the picturesque movement. Axiological judgments are characterized by dominance of adjectives, which create the effect of stylistic irradiation.

Key words: evaluation category, aesthetic evaluation, W. Gilpin, travelogue, representation of evaluation category

М.М. Кочнева, Т.Е. Алексеева-Нилова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет
st110207@student.spbu.ru, t.alekseeva-nilova@spbu.ru

РЕГИСТРАЦИЯ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ БИНОМИАЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Исследование, выполненное с помощью методики регистрации движений глаз, направлено на проверку гипотезы о влиянии реверсивности и устойчивости биномиалов на их зрительное восприятие. Анализ особенностей прочтения 50 высокочастотных биномиалов русского языка показал, что на синтаксическом уровне эти единицы ментального лексикона обрабатываются целостно.

Ключевые слова: биномиалы, ментальный лексикон, механизмы восприятия, методика регистрации движений глаз, русский язык

Устойчивые выражения и готовые конструкции составляют значительную часть лексикона каждого человека. Они активно изучаются в рамках различных направлений когнитивной лингвистики, и конкурирующие подходы зачастую предлагают противоположные взгляды на их роль в языке и мышлении [Bobrow, Bell 1973; McKinnon и др., 2003; Sprenger и др. 2006].

К устойчивым выражениям относятся биномиалы – координированные особым образом пары слов, которые принадлежат к одной части речи, стоят в одной грамматической форме и связаны сочинительным союзом, чаще всего союзом «и» [Malkiel 1959]. Благодаря простоте и однородности структуры, грамматической равнозначности компонентов в паре и широкому частотному диапазону биномиалы представляют собой перспективный объект когнитивных исследований.

Цель исследования, выполненного с помощью методики регистрации движений глаз (eye-tracking), состоит в том, чтобы описать механизмы обработки высокочастотных биномиалов носителями русского языка и выявить факторы, влияющие на этот процесс.

Материал исследования. Из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) были отобраны биномиалы, состоящие из существительных. Для учета фактора частотности в качестве материала исследования мы рассматривали только высокочастотные биномиалы с пороговым значением ipm больше 0,5. В экспериментальный список вошло 50 высокочастотных биномиалов [Kochneva, Petrova 2024].

В качестве филлеров были отобраны 50 низкочастотных биномиалов с $\text{ipm} < 0,1$. С каждым из 100 биномиалов были составлены сбалансированные по длине

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900009-2

предложения, которые в предварительном эксперименте были оценены носителями русского языка как естественные.

Процедура. Для основного эксперимента, выполненного с помощью методики регистрации движений глаз, было составлено два протокола. В первом протоколе 25 предложений содержали высокочастотные биномиалы с предпочтительным порядком следования компонентов (например, *мама и папа*), 25 предложений – с обратным порядком следования компонентов (например, *свобод и прав*), 50 предложений-филлеров с низкочастотными биномиалами. Во втором протоколе предложения с обратным порядком следования компонентов в биномиалах были заменены на аналогичные предложения, содержащие биномиалы с прямым порядком. Исследование проводилось по методу латинского квадрата.

Эксперимент состоял из тренировочного и основного блоков. Перед каждым участником эксперимента ставилась задача читать предложения и отвечать на вопросы после некоторых из них, выбрав один из двух предложенных вариантов ответа. В среднем эксперимент занимал 25–35 минут.

Участники исследования. В исследовании приняло участие 64 носителя русского языка в возрасте от 18 до 37 лет ($M=22,3$), 27 мужчин и 37 женщин. У всех участников было нормальное или скорректированное до нормального зрение, они не имели заболеваний, связанных с нарушениями чтения.

Результаты: анализ влияния порядка следования компонентов биномиала на характеристики окулomotorной активности

По всем показателям окулomotorной активности биномиалы с прямым порядком следования компонентов обрабатываются быстрее, чем биномиалы с обратным порядком. Это наблюдалось на всех этапах низкоуровневой обработки биномиала. Количество фиксаций на биномиалах с прямым порядком было меньше, чем на биномиалах с обратным. Вероятность регрессий к биномиалу в обратном порядке выше. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Общие, ранние и поздние эффекты прочтения биномиалов с прямым и обратным порядком следования компонентов

	Показатели окулomotorной активности	Прямой порядок	Обратный порядок
Общие эффекты	Общее время прочтения, мс	673,8	708,9
	Общее кол-во фиксаций	3,03	3,18
Ранние эффекты	Время первого прочтения, мс	521,5	544,2
	Кол-во фиксаций при первом прочтении	2,35	2,39
	Длительность первой фиксации	463,1	472
Поздние эффекты	Время второго прочтения, мс	111,2	128,5
	Кол-во фиксаций при втором прочтении	0,49	0,64
	Вероятность регрессии, %	10%	15%

Результаты: анализ влияния коэффициента обратимости биномиала на характеристики окулomotorной активности

Далее мы посмотрели, влияет ли на процесс обработки биномиала коэффициент обратимости (КО). Этот показатель отражает, насколько устойчив данный порядок слов и допустим ли другой. Весь список биномиалов мы разделили на две группы: 30 биномиалов с высоким показателем КО (>90 , например, *прав и свобод, теории и практики*) и 20 биномиалов с низким показателем КО (<80 , например, *папа и мама, зверей и птиц*). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Анализ результатов окулomotorной активности при чтении биномиалов с разными показателями КО

Коэффициент обратимости	Тип задачи	Среднее время прочтения, мс
>90	Прямой порядок	665,12
>90	Обратный порядок	698,07
<80	Прямой порядок	690,17
<80	Обратный порядок	717,68

Изменение порядка слов у необратимых биномиалов значимо влияет на время прочтения: биномиалы с предпочтительным порядком следования компонентов прочитываются быстрее ($p < ,05$). Однако для обратимых биномиалов значимой разницы при изменении порядка не выявлено ($p > ,05$).

Можно сделать вывод, что представления носителей языка об обратимости биномиалов являются результатом их языкового опыта, эти знания закреплены в ментальном лексиконе.

Результаты: сравнительный анализ параметров движения глаз при чтении разных компонентов биномиала

Дополнительно были проанализированы данные окулomotorной активности по каждому из трех компонентов биномиала. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели прочтения компонентов биномиала в зависимости от типа задачи

	Слово 1		Союз «и»		Слово 2	
Тип задачи	Прямой порядок	Обратный порядок	Прямой порядок	Обратный порядок	Прямой порядок	Обратный порядок
Общее время прочтения, мс	303,4	316,8	40,2	39,3	308,1	338,9
Среднее значение кол-ва фиксаций	1,34	1,36	0,2	0,2	1,36	1,46
Время первого прочтения, мс	235,9	244,4	37,4	35,3	243,4	256,1
Время второго прочтения, мс	47,3	47,3	2,3	2,9	42,03	55,01
Вероятность регрессии, %	5%	6,5%	-	-	7%	10%

Различие во времени прочтения выявлено для Слова 2 на всех этапах обработки: время прочтения Слова 2 в биномиалах с обратным порядком следования компонентов значимо увеличивается ($p < ,05$). Статистический анализ данных показал, что количество фиксаций на Слове 2 при предпочтительном порядке следования компонентов значимо меньше, чем в биномиалах с обратным порядком ($p < ,05$). Не было выявлено значимого влияния порядка слов ни на скорость прочтения Слова 1 и Слова «и», ни на количество фиксаций на этих компонентах биномиала.

Выводы

Проведенное исследование позволило рассмотреть вопрос о статусе биномиала в ментальном лексиконе с разных точек зрения и получить сведения о механизмах обработки высокочастотных биномиалов русского языка.

Анализ результатов эксперимента приводит к следующим выводам: 1) частотность устойчивого выражения является не единственным фактором, влияющим на обработку выражения и его закрепление в ментальном лексиконе; 2) порядок следования компонентов биномиала и коэффициент обратимости биномиала значимо влияют на процесс низкоуровневой обработки выражения; 3) несмотря на сочинительную связь между компонентами биномиала, они не являются равнозначными. Первый компонент играет ключевую роль в обработке выражения, определяет его семантику, а второй компонент выбирается и обрабатывается при чтении в соответствии с заданным контекстом.

Полученные результаты свидетельствуют в пользу подхода, который рассматривает шаблонные выражения как неделимые единицы ментального лексикона, которые обрабатываются целостно [Bobrow, Bell 1973; Jiang, Nekrasova, 2007; Tremblay и др. 2011].

Литература

- McKinnon R., Allen M., Osterhout L. Morphological decomposition involving non productive morphemes: ERP evidence // *Neuroreport*. 2003. Vol. 14. No. 6. Pp. 883-886.
- Bobrow S.A., Bell S.M. On catching on to idiomatic expressions // *Memory and Cognition*. 1973. Vol. 1. № 3. Pp. 343-346.
- Jiang N., Nekrasova T.M. The processing of formulaic sequences by second language speakers // *The Modern Language Journal*. 2007. Vol. 91. Pp. 433-445.
- Kochneva M., Petrova T. Processing of high-frequency Russian binomials: an eye-tracking study // OSF Home. 2024. https://osf.io/e9gcz/?view_only=d51353a185694ef598275aab85844319
- Malkiel Y. Studies in irreversible binomials // *Lingua*. 1959. No. 8. Pp. 113-160.
- Sprenger S.A., Levelt W.J.M., Kempen G. Lexical access during the production of idiomatic phrases // *Journal of Memory and Language*. 2006. Vol. 54. № 2. Pp. 161-184.
- Tremblay A., Derwing B., Libben G., Westbury C. Processing advantages of lexical bundles: evidence from self-paced and sentence recall task // *Language Learning*. 2011. Vol. 61. Pp. 569-613.

M.M. Kochneva, T.E. Alekseeva-Nilova (St Petersburg, Russia)

St Petersburg State University

EYE MOVEMENT REGISTRATION OF HIGH-FREQUENCY RUSSIAN BINOMIALS

Fixed expressions make up a significant part of every person's vocabulary and are the subject of study in various disciplines of cognitive linguistics. An experiment was conducted to explore the impact of reversibility and fixedness of binomials, a special type of fixed expressions, on their visual perception. The results show that binomials are processed holistically at the syntactic level.

Key words: binomials, mental lexicon, perception mechanisms, eye-tracking, the Russian language

О.Б. Круть, А.Ю. Лосинская (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

o.b.krut@utmn.ru, a.i.losinskaia@utmn.ru

ОБРАЗ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ, ВЫРАЖАЕМЫЙ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Образы индивидуального сознания, будучи выраженными в языке, опосредованно формируют общественные представления, выражаемые в картине мира и преобразующие социальную действительность. Выводы сделаны на примерах художественной литературы, мемов, «авторских» языков Дж.Р.Р. Толкина и Н. Васильевой.

Ключевые слова: образ, индивидуальное сознание, общественное сознание, первичная номинация, вторичная номинация, этимология, «авторские» языки

Образы сопровождают и формируют жизнь каждого из нас. Система человеческих представлений о мире в целом и об отдельных его фрагментах строится на основе вербальных и невербальных образов. Образы отличаются от реальных событий, предметов и ситуаций, хотя и являются их прямым или косвенным отражением. Существовая субъективно, как продукт индивидуального сознания, образ выражается в языке и побуждает носителя к действиям объективного характера, изменяющим предметную и социальную действительность как прямо, на уровне личных убеждений, так и косвенно посредством коллективных представлений, выражаемых в картине мира. Общеязыковое понятие образа представляет его как категорию сознания, а не собственный признак объекта [Арутюнова 1999]. Эта категория опирается на конкретные параметры объекта – форму, цвет, размеры, положение в пространстве. Именно образ объекта, уже сложившийся в общественном сознании, предопределяет выбор признака, свойства или отношения в качестве номинативного знака для предмета, релевантный конкретной ситуации [Рябко 2020: 215]. Процесс интерпретации знака, или процесс порождения значения основывается не столько на объективных фактах действительности, сколько на образах, в которых они фиксируются сознанием.

В процессах первичной номинации не всегда удастся установить этимологию слова. Основная часть этимологических исследований относится к процессам вторичной номинации – и в их отношении с большой долей вероятности удастся

выявить закономерности. В число таких закономерностей входит непосредственная или опосредованная связь существующих на определенный временной момент значений со значениями, существовавшими ранее. То есть, все известные нам значения по определению вторичны. Опорные наименования являются концептом наименования, единицей речевого высказывания, логически смысловым компонентом его семантической структуры, и характеризуют акт понимания. Понимание, в свою очередь, есть результат познания культуры народа – носителя языка, его традиций, обычаев и представлений. Вторичная номинация в языке есть результат взаимодействия образов, уже сложившихся в массовом сознании, и обновляющейся социальной реальности. «В операции семиозиса возникает производный образ объекта. Он не совпадает с оригиналом, т.к. находится в пространстве индивидуального сознания, а не в контексте действительности. Такое несовпадение образа с предметным прообразом характеризует индивидуальное, селективное отношение номинатора к окружающей действительности. В такой ситуации определяется одна из многих когнитивно-культурологических установок номинатора, предопределяя вариативность номинации» [Рябко 2020: 216].

Эти процессы способствуют, с одной стороны, развитию полисемии – переносные значения слов перестают восприниматься как таковые более молодыми носителями языка, а старшие поколения носителей, напротив, могут не улавливать новых, изменившихся смысловых оттенков. Так, фраза «я стоял, как пыльным мешком трахнутый» в повести Стругацких «Гадкие лебеди», написанной в 1972 г., при чтении публикации 1989 г. «Время дождя» вызывала у части молодых людей салютную усмешку, будто похабный анекдот. У современной молодежи ничего подобного она не вызывает, поскольку сленг изменился, и коннотации глагола «трахнуть» и производных от него изменились тоже – не утратились, но приобрели более явное переносное значение. Современный мем «чеченьки», – подпись под фото круглого печеня с нарисованными шоколадом бородатыми лицами, – смешит молодых людей, пребывающих в контексте русскоязычного новостного фона. У людей, не погруженных в этот контекст, могут возникнуть другие ассоциации, например: «О, это ж гномы галеты!». С другой стороны, такой «букет значений» провоцирует обращение к первоначалам и популяризацию древних языков: латыни, древнеегипетского, древнерусского. И не только в субкультурной среде ролевиков или исторической реконструкции, но и в массовых культурных практиках фестивальных движений. Этими же тенденциями, на наш взгляд, объясняется возросшая популярность искусственных языков, сконструированных по мотивам древних, таких как квэнья, синдарин (Дж.Р.Р. Толкин), ах'эnn (Н. Васильева), Старшая речь (А. Сапковский) и другие. В таких языках наблюдается ярко выраженная вторичная номинация, создание семиотических сфер и семантических полей, настраивающих на определенное восприятие мира. Многосложное словообразование и синтетическая грамматика квэнья, множество флексий и агглютинаций в нем отражают неторопливое, незамутненное любование только что созданным миром, погружение в него, чувство возможности сохранения и изменения мира

словом. Аналитичность синдарина, сокращение слов и грамматических конструкций отражает замеченное увядание, ускорение жизненных процессов мира и стремление действительно повлиять на них. Ах'энн и лексически, и грамматически произведен от языков Толкина – и это логично, поскольку «Черная книга Арды» представляет собой первый серьезный фанфик русскоязычной толкинистики, не считая пародий. Но при явном сходстве он демонстрирует и отличия, нацеленные на раскачивание эмоционального фона читателя. В нем фиксируется множество положительных/отрицательных лексических оттенков переживаний, фонетическая прерывистость за счет частого использования разделительных знаков, омонимичность некоторых слов с приданием эмоционально негативных значений. Словарь ах'энн из цитируемого источника достаточно систематичен, причем его система не совсем обычна для подобных словарей: она построена на лексических значениях, а не в алфавитном порядке, как это делается обычно. В то время как в словарях квэнья и синдарина этот сайт приводит немного лексики – очевидно, по обозначенным причинам. Зато весьма обстоятельно описывает грамматику эльфийских языков Арды, создавая впечатление всесторонности и объективности [Хроники Арты].

На этих примерах можно видеть, как в языковом сознании завершается переработка чувственного восприятия действительности в когнитивную доминанту сознания, формирующую узлы языковых фреймов. Этот принцип доминанты отражает след пережитого ранее впечатления, что составляет важный, существенный в денотативной ситуации признак, и отражает фреймообразующий потенциал, формирующий «вокруг ценностно-ориентированной точки состояния с отходящими от нее ассоциативными векторами» [Рябко 2020: 217]. Принадлежность приведенных примеров «авторским» языкам – фактически, языковым моделям, построенным по нормам и правилам естественных языков, – показывает значимость образов индивидуального сознания. С одной стороны, они порождаются индивидуальным сознанием носителя языка, с другой – предопределены его культурным багажом и, в частности, влиянием языка на формирующееся сознание. В результате индивидуальных когнитивных процессов создается язык как средство выражения общезначимых смыслов.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Рябко О.П. Когнитивные исследования в лингвистике: междисциплинарные аспекты // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 213-220.

Хроники Арты. Сайт толкиниенности. URL: <https://melkori.narod.ru/>

O.B. Krut, A.Ju. Losinskaya (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

IMAGE AS THE RESULT OF INDIVIDUAL COGNITIVE PROCESSES EXPRESSED IN THE LANGUAGE SYSTEM

Images of individual consciousness, expressed in a language, indirectly form social representations expressed in the worldview and transform social reality. The conclusions are drawn from the examples of fiction, memes, and the author's languages of J.R.R. Tolkien and N. Vasilyeva.

Key words: image, individual consciousness, public consciousness, primary nomination, secondary nomination, etymology, “author’s” languages

Е.В. Куцубина (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
geshtinanna7@gmail.com*

ХРИСТИАНСКАЯ АСКЕТИЧНОСТЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008–2013 ГГ.

В статье рассматривается использование религиозной метафоры в современном европейском экономическом медиадискурсе. На основе анализа испанских и британских СМИ выявляются языковые средства актуализации религиозной метафоры при репрезентации экономического кризиса.

Ключевые слова: религиозная метафора, экономический кризис, медиадискурс, живая экономика

Торговля на данный момент стала практически синонимом цивилизации, она совершенствовалась веками по мере развития человечества. Но если прежде торговля была лишь одним из аспектов человеческой деятельности и одним из двигателей прогресса, то на современном этапе она зачастую превалирует над всеми остальными сферами жизни. Система экономических отношений охватывает всю планету и серьезное нарушение этих отношений может пагубно сказаться на всех аспектах человеческой жизни. Некоторые теории даже уподобляют эту систему живому организму [Хансен 2008].

Антропоморфизм, т.е. перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы, природные явления и даже абстрактные понятия, был свойственен людям еще в древнейшие времена. Они стремились объяснить явления природы по аналогии с действиями и поступками человека. В современном мире антропоморфизм наблюдается у маленьких детей или проявляется в общении с животными, к оценке поведения которых мы применяем человеческие критерии. Подобные тенденции находят свое выражение и в появлении теории живой экономики. Разумеется, речь не идет об очеловечивании экономики или экономических систем в прямом смысле. Имеет место своеобразная метафора, позволяющая наглядно показать экономические явления и облегчить восприятие событий для неспециалистов [Куцубина, Тимралиева 2023: 47].

В данном исследовании экономика и экономические явления выступают в роли мегасферы-мишени. В качестве источника метафорической проекции рассматривается сфера, традиционно относящаяся к повседневной человеческой деятельности, – религия. Материал для исследования взят из испанских и британских СМИ периода экономического кризиса 2008–2013 гг., так как именно газетный текст наиболее репрезентативен с точки зрения языковых средств.

Чтобы быть доступным для понимания и оказывать воздействие на читателя, текст должен повторять то, что уже известно, и вызывать совершенно определенные ассоциации. В употреблении метафор находит свое выражение мысль о постоянном воспроизведении того, что было раньше. Использование метафор является своего рода стремлением человека найти опору в привычных, исторически сложившихся представлениях и устойчивых образах [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

Одной из понятийных сфер, которая сопровождает человечество на протяжении всего его существования, является религия, чья образная система и лексика находят свое выражение и в повседневном языке. Так, например, основополагающее событие христианства – история Рождества – сделало нарицательным имя царя Ирода как злого и жестокого человека [МАС 1999]. Сложно переоценить влияние христианства на становление современного мира в целом и западной цивилизации в частности. Институт христианской Церкви многие века был объединяющей силой в Европе. Церковь, говоря современным языком, стала основным поставщиком образовательных, медицинских и социальных услуг населению. Также она стала одним из основных игроков на политической арене. А библейские образы до сих пор являются источником вдохновения для творчества. Библия и христианское богословие наложили определенный отпечаток не только на мировоззрение, но и на язык повседневного общения [Синелина 2013]. Неудивительно, что в современном мире неизбежными оказались отсылки к религиозным понятиям и в специализированных текстах далеких от религии, в том числе, экономических, ставших особенно актуальными в период экономического кризиса 2008–2013 гг.

Наиболее пострадавшими во время кризиса странами стали, среди прочих, Испания и Ирландия. В связи с этим в испанской и британской прессе, которая традиционно уделяет значительное внимание событиям в Ирландии, большое количество публикаций было посвящено мерам, предпринимаемым для решения экономических проблем. В рамках исследуемого метафорического переноса обращают на себя внимание лексемы *sacrificio* (исп.)/ *sacrifice* (англ.), *ortodoxia* (исп.)/ *orthodoxy* (англ.), *santificación* (исп.)/ *santification* (англ.). Сравнение экономических мер и экономической ситуации с религиозной ортодоксальностью и жертвой, освящением результатов этих мер подчеркивает трагичность ситуации и необходимость принять ее со смирением как то, на что обычные люди повлиять не могут.

Ortodoxia económica pura y dura y santificación de la estabilidad presupuestaria en el balance que deja cada año el debate de política general (El País, 13.03.2012); *El año en el que Europa se salvó. 2013 será un tiempo de transición: el abismo queda atrás, pero las políticas de ajuste siguen sin funcionar* (El País, 20.12.2012); *A revolt against the orthodoxy has been smouldering for years and now seems to have gone critical* (The Guardian, 20.11.2013); *Through over 270 individual actions required by the EU/IMF programme, and enormous sacrifices from Irish households, we have brought our debt under control and made Ireland a safe bet for international lenders again* (The Guardian, 13.12.2013). В одном из данных примеров используется также слово «преисподняя», создавая образ худшей ситуации, которая только могла произойти.

Тема смирения перед экономическим кризисом на время его разрешения получила самое яркое выражение в лексеме *austeridad* (исп.) / *austerity* (англ.), которая выступила общим дескриптором мер, которые принимались в Европе для стабилизации экономической ситуации. Это религиозный термин, под которым понимается «строгость, умерщвление плоти». Он является частью аскетичного образа жизни в христианстве, который предполагал суровую жизнь, нищету, понимаемую как нежелание «иметь», как свободу от власти вещественного мира, и победу над своей эгоистической волей.

Термином *austeridad* (исп.) / *austerity* (англ.) была названа одна из разновидностей бюджетной политики государств – режим строгой экономии, который применяется в тяжелое в финансово-экономическом отношении время (кризис, рецессия, депрессия). Он выражается в урезании зарплат и соцпакетов, сокращении пенсий и других социальных программ при увеличении налоговых сборов. Такой режим навязывался странам Европы, утратившим во время кризиса контроль над своими финансами (например, Греции или Португалии). Неизвестно, кто первым предложил этот христианский термин в 2008 г., но закрепился он именно в традиционно католических странах, где религия и по сей день играет большую роль в жизни общества – в Испании, Португалии, Италии, Германии, Великобритании и других.

Y Merkel, la nueva dama de hierro europea, afronta también unas elecciones próximamente, aunque aquí son los mercados quienes escrutan a diario sus recetas anticrisis, marcadas a fuego por la sobria austeridad alemana y por una gestión muy deficiente del incendio fiscal (El Economista, 25.01.2012); *Esta crisis no solo ha condenado a Europa a cargar con cifras de paro intolerables, políticas de austeridad extremas y crecimientos raquíticos* (El País, 13.12.2011); *Austerity policies presume that the chief economic problems today are government budget deficits that increase national debts* (The Guardian, 04.11.2013); *Dublin has a 50/50 chance of missing budget deficit targets in 2015 after it decided to ease planned austerity measures next year; Ireland's budget watchdog warns* (The Financial Times, 22.11.2013)

В вышеприведенных примерах этот термин как нельзя лучше отражает меры, которые вводились в экономически пострадавших странах, и способствует возникновению у читателя четкого образа христианской аскетичности, строгости, принятой на себя по доброй воле.

Периоды экономических кризисов вызывают появление большого разнообразия публикаций, благодаря которым обыватели могут следить за событиями, напрямую влияющими на их жизнь. Чем более доступна и разнообразна информация, чем на больший круг читателей она должна распространяться, тем разнообразнее должны быть языковые средства и самым распространенным и наглядным из них является метафора. Учитывая стремление людей оценивать даже абстрактные понятия и системы, закономерности функционирования таких систем, с точки зрения поведения человека, не удивительно, что религиозная метафора оказывается продуктивна в странах, где христианство играет существенную роль. Аллюзии на аскетичный

образ жизни ради собственного и высшего блага служат в экономическом дискурсе для поддержания у людей уверенности в необходимости и, главное, добровольности жестких мер по стабилизации экономической ситуации, смягчая недовольство.

Литература

Кудубина Е.В., Тимралиева Ю.Г. Метафора болезни при представлении экономического кризиса в европейском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 1 (57). С. 47-50.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004.

Синелина Ю. Религия в современном мире // Эксперт. 2013. № 1. С. 14-20.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь). М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М.: Изд-во иностр. лит., 2008.

E.V. Kutsubina (Saint-Petersburg, Russia)

Saint-Petersburg State University of Economics

CHRISTIAN ASCETICISM IN THE LINGUISTIC CONTEXT OF THE 2008–2013 ECONOMIC CRISIS

The article deals with the use of religious metaphor in modern European economic media discourse. On the basis of the analysis of Spanish and British mass media the linguistic means of actualisation of religious metaphor in the representation of the economic crisis are revealed.

Key words: religious metaphor, economic crisis, media discourse, living economy

С.Ю. Ладыгина (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет

sladygina@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ КАТЕГОРИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности концептуальной организации многокомпонентных наименований категории технологических процессов в терминосистеме автомобилестроения. На основе фреймового анализа установлено пять концептуальных классов. С помощью когнитивно-ономасиологического анализа выявлены основные способы языковой концептуализации, определены наиболее продуктивные пропозициональные схемы.

Ключевые слова: пропозициональная схема, фрейм, терминосистема автомобилестроения, категория технологических процессов, многокомпонентные термины

Проблемы концептуализации и категоризации мира в языке занимают важное место в современном терминоведении. Исследование вопросов категоризации профессиональных знаний представлено в трудах многих ученых-лингвистов [Канделаки 1977; Манерко 2000; Голованова 2008, 2010; Комарова, Чукреева 2014; Чукреева 2015] и др.

Под категоризацией понимается «процесс образования и выделения самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия; упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [Кубрякова 1996: 42].

Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей концептуальной организации многокомпонентных терминов категории технологических процессов терминосистемы автомобилестроения.

Нами проанализировано по 3000 многокомпонентных терминов данной терминосистемы в русском и английском языке. С помощью категориального анализа англоязычной терминосистемы автомобилестроения были выявлены следующие категории: 1) профессиональный деятель; 2) технологические процессы; 3) орудия труда; 4) предметы и материалы; 5) свойства; 6) величины и единицы измерения.

Категория технологических процессов является третьей по количеству терминов в терминосистеме автомобилестроения в обоих языках: она представлена 354 терминологическими единицами (11,8% терминов выборки) в английском языке и 366 терминами (12% от выборки) в русском языке.

В составе данной категории нами выделены пять концептуальных классов: **прессовое производство** (10 терминов, 0,3% от выборки в русском языке и 9 терминов, 0,3% от выборки в английском языке); **сварочное производство** (55 терминов, 2% от выборки в русском языке и 52 термина, 2% от выборки в английском языке); **окрасочное производство** (63 термина, 2% от выборки в русском языке и 60 терминов, 2% от выборки в английском языке); **сборочное производство** (167 терминов, 6% от выборки в русском языке и 165 терминов, 6% от выборки в английском языке); **производство комплектующих** (71 термин, 2,3% от выборки в русском языке и 68 терминов, 2,3% от выборки в английском языке).

Т.Н. Великода отмечает, что «любая терминологическая система отражает тот или иной фрагмент научной картины мира, прежде всего в плане ее субстанциональной категоризации. Вместе с тем онтологическая категория процессуальности также занимает в указанной системе определенную, хотя и менее значимую нишу. В английском языке терминология процессуальности (действия, отношения) может выражаться посредством глагола и отглагольных форм – отглагольного имени, герундия и причастия» [Великода 2010: 101]. В русском языке, как показал анализируемый материал, данная категория выражена отглагольными существительными. Т.Н. Великода указывает, что абстрактная гносеологическая категория процессуальности отражает «общую онтологию мира и находит свое преломление» [Великода 2010: 105] в соответствующей дисциплинарной категории.

Родовое понятие (ономасиологический базис), связанное с характеристикой понятия (ономасиологическим признаком) с помощью предиката-связки входит в концептуальную структуру любого многокомпонентного термина. Предикат отображает вид отношений между понятием и его характеристикой.

Когнитивно-ономасиологический анализ многокомпонентных терминов категории технологических процессов сферы автомобилестроения позволил выявить следующие основные способы концептуализации процесса по двум языкам: в русском языке – 1) действие/процесс (*сварка элементов кузова*), 2) назначение (*катафорез для деталей*), 3) принцип действия (*автоматическая сборка, оценка качества сварных элементов с помощью приборов*) 4) сфера применения (*штамповка деталей, регулировка зазоров*); в английском языке – 1) действие / процесс (*painting parts – окраска деталей*), 2) назначение (*plastic details painting – окраска пластиковых деталей*), 3) принцип действия (*thermo-vacuum forming – термо-вакуумная формовка, contact welding – контактная сварка*), 4) сфера применения (*quality rating – оценка качества*).

Для построения модели категории технологических процессов в сфере автомобилестроения необходимо выяснить, какими пропозициональными схемами структурируется данная категория. Пропозициональная модель состоит из предиката и аргументов, она демонстрирует структурированность и системность человеческого знания об окружающем мире, а также отражает закономерности и отношения между предметами этого мира [Манерко2000: 63].

При помощи пропозиций выявляются основные виды связей между одним предметом и его характеристиками, а также между несколькими предметами. С.А. Жаботинская выделяет следующие базовые фреймы на основе определенных пропозициональных схем: идентификационный, предметный, компаративный, акциональный и посессивный [Жаботинская 2010].

В русском языке в ходе анализа нами выявлены три пропозициональных фрейма данной категории:

1) акциональный фрейм (64%, 233 терминологические единицы) представлен следующими пропозициональными схемами:

а) (ТАКОЕ) нечто-агенса действует (ТАК / ТАМ / для цели): *обезжиривание поверхности с помощью метода орошения, регулировка винтом, регулирование зазора в клапанах*;

б) (ТАКОЕ) нечто используется / применяется (для цели / результата / ТАМ): *катафорез для кузова, регулирование клапанного зазора на прогретом двигателе, регулирование клапанного зазора на холодном двигателе*;

в) нечто-агенса действует на нечто-пациенса / аффектив: *сборка деталей, формовка кузовных деталей, сварка кузова*;

2) предметный фрейм объединяет 86 терминов (23%) и содержит следующую схему:

а) качественная – нечто есть ТАКОЕ: *механизированная сварка, точечная сварка, ручная сборка*;

3) идентификационный фрейм (13%, 47 терминологических единиц) включает одну схему:

а) классификационная – (ТАКОЕ) нечто-идентификатив есть нечто-коррелят: *окраска 2K универсальным эпоксидным грунтом, окраска лицевой поверхности кузова 1K прозрачным лаком, окраска кузова с помощью технологии 3WET.*

В английском языке анализ материала позволил получить четыре фрейма:

1) акциональный фрейм (56% от терминов данной категории, 197 единиц) представлен следующей пропозициональной схемой:

а) (ТАКОЕ / СТОЛЬКО) нечто-агенса действует на нечто-пациенса /аффектив (ТАМ / для результата / с помощью... / ТУДА / ТАМ / ТАК): *actuating pressure adjustment, beam alignment, wheel set balancing;*

2) предметный фрейм (24%, 86 терминов) содержит следующую схему:

а) качественная – нечто есть ТАКОЕ: *automatic adjustment, cylindrical boring, preset adjustment;*

3) компаративный фрейм (12%, 41 терминологическая единица) включает следующую схему:

а) схема сходства-анalogии «нечто-компаратив есть как нечто-коррелят»: *taper boring, cylindrical boring;*

4) идентификационный фрейм (8%, 30 терминов) представлен также только одной схемой:

а) классификационная – ТАКОЕ нечто-идентификатор есть нечто-классификатор: *painting of the body with 2K universal epoxy primer, painting of the front surface of the body with 1K clear coat, 3WET painting of the body.*

Таким образом, проведенный анализ категории технологических процессов в сфере автомобилестроения показал доминирование акционального фрейма как в русском, так и в английском языке, что объясняется наличием в данной категории терминологических словосочетаний, называющих действия, процессы и операции, применяемые при создании автомобиля. В качестве причины различий процентного соотношения терминов данной категории можно назвать большое количество заимствований терминов автомобилестроения из английского языка.

Литература

Великода Т.Н. Лексическое значение слова как отражение онтологии мира (на материале английских геологических терминов) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2010. Вып. 2. С. 89-106. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/sbornik_kiya.pdf

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Эллис, 2008.

Голованова Е.И. Лексическая категория как полиаспектное представление в языке фрагмента мира // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. VII. С. 242-251.

Жаботинская С.А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов // Вісник харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2010. № 928. С. 6-20.

Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.

Комарова З.И., Чукреева Е.И. Изучение категории орудий труда в языке техники // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 30-34.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. факультет МГУ, 1996.

Манерко Л.А. Язык современной техники: ядро и периферия. Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2000.

Чукреева Е.И. Когнитивное моделирование категории орудий труда в языке техники (на материале русских и английских метаноменов технических артефактов стоматологии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. 2015. № 3. С. 150-160.

S.Y. Ladygina (*Chelyabinsk, Russia*)

South Ural State University

PECULIARITIES OF CONCEPTUAL ORGANIZATION OF MULTI-COMPONENT TERMS OF TECHNOLOGICAL PROCESSES CATEGORY OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY TERM SYSTEM

The article deals with the features of conceptual organization of multi-component names of the category of technological processes in the term system of automotive industry. On the basis of frame analysis, five conceptual classes are established. With the help of cognitive and onomasiological analysis the main ways of linguistic conceptualization are revealed, the most productive propositional schemes are determined.

Key words: propositional scheme, frame, the automotive industry term system, technological processes category, multi-component terms

М.Н. Лату, Ю.Р. Тагильцева (*Пятигорск, Россия*)

*Пятигорский государственный университет
laatu@yandex.ru, jennifer1979@yandex.ru*

СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В АУДИОДЕСКРИПЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ЖИВОПИСИ¹

Настоящая работа посвящена одному из аспектов проблемы создания текстов аудиодескрипции к произведениям живописи. Устанавливаются и анализируются справочные сведения, актуализируемые в текстах аудиодескрипций, размещенных на интернет-ресурсе «Опиши-мне.рф», особенности их реализации.

Ключевые слова: аудиодескрипция, картина, содержательный блок, справочная информация, вербальная репрезентация

С развитием технологического прогресса и увеличением количества визуальных материалов особую значимость приобретает проблема вербализации иконической информации, в т.ч. В инклюзивной коммуникации посредством аудиодескрипции. Последняя представляет собой «форму повествования, основанную на

¹ Исследование выполнено в рамках проекта FSNR-2023-0002 «Разработка лингвистических принципов и проектирование технических решений для создания прототипа нейросети для сопровождения аудиодескрипции», поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ, в Пятигорском государственном университете

принципах интерсемиотического перевода с фатическими и поэтическими элементами», реализует «функцию поддержания контакта (фатическую функцию, внушающую незрячему (слабовидящему) зрителю уверенность, что он не пропускает ничего важного), выражает словами красоту образа (поэтическая функция, позволяет компенсировать словами эстетическое наслаждение от созерцания образа)» [Борщевский 2018: 50] и рассматривается как способ социализации лиц с нарушениями зрительных функций [Бирюкова, Ворожищева, Лобанова 2016].

Под аудиодескрипцией понимается «хоть и творческий, но заранее подготовленный процесс, который может быть алгоритмизирован и оптимизирован, не только технически, но и содержательно» [Анищенко 2024: 18]. При этом исследователи отмечают, что «качество описания, предъявляемого представителям целевой аудитории, напрямую влияет не только на восприятие конкретных визуальных произведений, но и играет важную роль в формировании когнитивной картины мира незрячего человека [Александрова 2024: 2], а также что принципы составления аудиодескрипции «в настоящее время находятся в начальной стадии разработки» [Раренко 2017: 232]. Как показывает анализ текстов аудиодескрипций, размещенных на интернет-ресурсе «Опиши-мне.рф», они потенциально могут включать не только непосредственное описание объекта, но также и иную информацию, относящуюся к другим содержательным блокам в ее составе, в т.ч. справочные сведения, которые и рассматриваются далее.

Репрезентация таких сведений в содержании аудиодескрипции не случайна, поскольку они выступают своеобразными ориентирами, формируя необходимый контекст восприятия, позволяют уточнить специфику описываемого изображения и, сообщая дополнительную информацию об особенностях картины, категоризировать ее в сознании адресата, определив ее место в сфере искусства относительно других произведений живописи. Таким образом, актуализация данных справочных сведений в тексте аудиодескрипции может сразу задавать определенные направления в понимании некоторых базовых особенностей описываемой картины. Как показал анализ, к таким относится определенный набор данных разных типов. При этом также необходимо заметить, что, как можно наблюдать на примерах текстов в выборке, их реализация все же факультативна, а актуализируемый набор справочных сведений различается для разных текстов анализируемых аудиодескрипций.

Так, название описываемого произведения живописи, традиционно выносится в заголовок текста аудиодескрипции. Тем не менее, согласно полученным данным, название может неоднократно актуализироваться и функционировать также в самом тексте аудиодескрипции, в т.ч. во вступительной части, чтобы обозначить и привлечь внимание слушателя к основной теме произведения и авторскому замыслу, а также в заключительной части при резюмировании и формулировании выводов, например, *Картина «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом» вселяет веру в жизнь и бесконечную надежду* [Опиши мне.рф].

Сведения об авторе произведения живописи также нередко представлены в заголовке аудиодескрипции до или после названия картины, но, как и в предыдущем случае, могут находить отражение и в самом тексте. Так, имя художника может сопровождать название картины, а также упоминаться в контексте приводимой связанной с ним энциклопедической информацией, которая, в частности, может пролить свет на особенности его творчества, например, *Рембрандт долгие годы рисовал наброски о встрече отца с сыном. Но лишь на излете жизни воплотил сюжет притчи в полотне, открывающем вечные смыслы* [Опиши мне.рф].

Следующими немаловажными сведениями являются данные о размере картины, поскольку выбор масштаба художником не случаен и всегда определяется авторскими интенциями. Полотна могут быть среднего масштаба (большая часть в истории живописи), малого (альбомный формат, миниатюры), а также крупного с нередко сложной композицией, где важна точность прорисовки деталей. В тексте аудиодескрипции информация о размере приводится в достаточно лаконичной форме посредством указания длины и ширины полотна, например, *размер 101 на 93 см* или с использованием приема сравнения, например, *полотно по размерам немного меньше среднего роста человека* [Опиши мне.рф].

Наряду с масштабом также нередко упоминается форма и ориентация картины, где классическим вариантом считается прямоугольник, ориентированный по горизонтали или вертикали. Вытянутость по горизонтали может предполагать развивающийся сюжет и считывание информации слева направо, тогда как вытянутость по вертикали подразумевает движение взгляда сверху вниз, создавая ощущение фундаментальности и монументальности. К прочим простым формам относят также квадрат, круг и овал. Данные сведения также кратко приводятся во вступительной части, например, *композиция картины развернута горизонтально* [Опиши мне.рф].

В тексте аудиодескрипции внимание может уделяться и технике живописи. Под последней понимаются как специфика нанесения краски на холст, что приводит к возникновению определенных визуальных эффектов, так и совокупность используемых приемов и методов рисования. Сегодня насчитывается большое количество существующих техник и приемов и их число только продолжает увеличиваться. К наиболее распространенным, в частности, относятся масляная, акриловая, акварель, темпера, гуашь, тушь, пастель, энкаустика, аэрография, смешанная, алла прима, импасто, лессировка, сухая кисть, мазковая, раздельного мазка, затирки и др. Понимание техники живописи позволяет лучше осмыслить особенности передачи изображения на полотне, оригинальность используемых художником подходов, например, *очень примечательна и самобытна техника, в которой написана картина. Ее называют «кристаллический рисунок»* [Опиши мне.рф].

Как видно, применяемая художником техника коррелирует с используемым им материалом, поскольку считается, что выбор последнего непосредственно соотносим и с его творческим мышлением. К материалам, в первую очередь, относят как то, чем рисуют: разновидности красок, среди которых масляные, акриловые,

акварель, temperные и др., карандашей и т.д., а также то, на чем рисуют: холст (являющийся самой распространенной поверхностью, применяемой в живописи) его разновидности на основе льна, хлопка, мешковины, синтетического волокна и т.д., а также деревянная доска, металл, стекло, бумага, штукатурка и т.д. Как видно на примере выборки, авторы текстов аудиодескрипций, если приводят данные о материалах, то могут отмечать как вышеуказанные сведения целиком, например, *она [картина] написана маслом на панели из древесины ореха* [Опиши мне.рф], так и только данные об одном из них.

В тексте аудиодескрипции может кратко актуализироваться и информация о жанре произведения живописи. Таковыми могут выступать портрет, пейзаж, натюр-морт, анималистический, исторический, батальный, марина (морской), бытовой, архитектурный жанр и др. Данные сведения позволяют сразу обозначить направление сюжета, описываемой картины, например, *«Портрет»* [Опиши мне.рф].

На используемую общность изобразительных приемов и выразительных средств самовыражения, коррелирующие с представлениями и предпочтениями конкретной эпохи, могут указывать репрезентируемые сведения о стилях живописи, к которым, в частности, относятся реализм, классицизм, модерн, авангардизм, романтизм, импрессионизм, экспрессионизм, сюрреализм, кубизм, футуризм, абстракционизм, минимализм и др., например, *Реалистичная живопись* [Опиши мне.рф].

Таким образом, в составе аудиодескрипций к произведениям живописи наблюдается реализация конкретных справочных сведений, однако, как показал анализ, их набор различается в отдельных текстах выборки. Необходимо отметить отсутствие на настоящий момент единого подхода в их репрезентации, а также последовательности актуализации данных сведений. Тем не менее на примерах выборки можно наблюдать существование определенных предпочтений у отдельных авторов аудиодескрипций как в выборе справочных сведений при составлении текстов, так и их совместном употреблении.

Литература

- Александрова Е.В. Оценка качества аудиодескрипции и тифлокомментария // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 1 (52). С. 1-7.
- Анищенко А.В. Языковая специфика вербализации эмоций в немецкоязычной и русскоязычной аудиодескрипции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 17-24.
- Бирюкова И.А., Ворожжицева М.В., Лобанова К.В. Тифлокомментирование как способ социализации лиц с нарушением зрения // Вестник Института психологии и педагогики. 2016. № 20. С. 29-32.
- Борцевский И.С. Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (9). С. 48-52.
- Раренко М.Б. Аудиодескрипция и тифлокомментирование как особые формы реализации аудиовизуального перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 10 (783). С. 215-233.
- Опиши мне. URL: <https://опиши-мне.рф>

M.N. Latu, Y.R. Tagiltseva (Russia)

Pyatigorsk State University

REFERENCE DATA IN AUDIO DESCRIPTIONS OF PAINTINGS

The paper is devoted to one of the aspects of the problem of creating audio description texts for works of art. Reference information updated in the audio description texts posted on the Internet resource “Opishi-mne.rf” and the features of their implementation are established and analyzed.

Key words: audio description, painting, content block, reference information, verbal representation

O.B. Ломакина (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

rusoturisto07@mail.ru

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ КАК ТИП ИНТЕГРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА *РОДИНА*)

Статья посвящена рассмотрению лингвоаксиологического анализа паремий как типу интегративного исследования. Перечислены направления описания паремий. На примере ценностного концепта *РОДИНА* показана общность лингвоаксиологических смыслов паремий русского мира – языков народов Российской Федерации. Проведен анализ лингвоаксиологических маркеров, способствующих экспликации ценностного смысла паремий.

Ключевые слова: паремия, пословица, ценность, лингвоаксиологический анализ, концепт *РОДИНА*, лингвоаксиологический маркер, русский мир

Паремия традиционно рассматривалась как малый жанр фольклора, однако в последние десятилетия паремиологические единицы стали объектом междисциплинарных исследований, прежде всего лингвистики, литературоведения, культурологии, этнографии. Интегративный анализ паремиологических единиц, ставший одним из следствий антропоцентрической парадигмы, в настоящее время позволяет провести: 1) концептуальный анализ, «предполагающий выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств» [Жеребило 2010: 165], а также определение роли паремий в репрезентации обозначенных концептов; 2) когнитивно-семантический анализ, с помощью которого описывается соотношение семантики паремий с типизируемой в них реальностью и реконструируется категоризация окружающей действительности в паремиологической картине мира [Иванов 2023]; 3) лингвокультурологический анализ, основным методом которой является лингвокультурологическая интерпретация – рассмотрение паремий «с опорой на представления, культурные установки, нормы, запреты, стереотипы, функционирующие в той или иной культуре» [Токарев 2022: 16]; 4) дискурсивный и контекстный анализ, включающий рассмотрение языковых единиц разных уровней, позволяет выявить значение паремии, в т.ч. современные «обертоны смысла» (Б.А. Ларин) и актуальный паремиологический «концентр» (В.М. Мокиенко); 5) лингвоаксиологический анализ

паремий ставит целью выделение ценностных констант и ценностных переменных лингвокультуры путем рассмотрения аксиологически заряженной семантики, выраженной эксплицитно и имплицитно, представления семантических доминант, описания лингвоаксиологических маркеров [Ломакина 2021].

Перечисленные виды анализа могут использоваться отдельно, однако интегративные методики, включающие хотя бы два из перечисленных видов анализа, позволяют охарактеризовать когнитивную модель пословичного знака, его смысловую структуру, актуальное значение.

Семья, труд, родина, вера в Бога являются ценностными «скрепами» русского мира. Русский мир мы понимаем как феноменальную полиэтническую структуру, включающую проживающие на территории России народы, которые, несмотря на исповедание разной религии, владение разными, в т.ч. неродственными, языками, образуют единое культурное пространство. Обозначенные ценности широко представлены в паремиологическом пространстве русского мира [Нелюбова 2021; Ломакина 2023] и могут быть рассмотрены как *ценностные концепты*.

В ряде работ нами показаны элементы лингвоаксиологического анализа паремий, включающего элементы различных лингвистических методов. Компонентный анализ позволяет представить точную номинацию ценности [Ломакина 2024], анализ семантических доминант – создать идеографическое описание паремиологического пространства [Нелюбова, Ломакина, Мирзаева 2023], семантический анализ – понять значение посредством эксплицитно и , или имплицитно выраженного аксиологического смысла.

Цель данной статьи – лингвоаксиологический анализ ценностного концепта РОДИНА, вербализированного в паремиях.

Концептуальная дихотомия РОДИНА – ЧУЖБИНА относится к бинарной оппозиции «свой – чужой». Т.Г. Бочина называет биномы способом организации мифопоэтической модели мира [Бочина 2023: 15]. Г.Л. Пермяков понимает бинарные оппозиции как «инвариантную пару противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [Пермяков 1988: 107]. В рассматриваемой дихотомии любовь к Родине является одной из главных ценностей, что доказывает количество репрезентирующих паремий в лексикографических источниках (например, в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля). Премиографические источники позволяют верифицировать состав единиц, относящихся к определенной идеографической группе – ценности.

Экспликация ценностного смысла в паремии выражается при помощи лингвоаксиологических маркеров разных уровней языка. Оценочность выражается, прежде всего, следующими средствами:

1) морфемными – суффиксами субъективной оценки: *С родной сторонки и во-рона (и собачка) мила; Чужбинка не по шерсти гладит; Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет; Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет; На чужой сторонушке рад своей воронушке;*

2) лексическими:

а) лексемой *Родина*, номинирующей ценность, ее дериватами **родной**, **родимый**: рус. *С родной сторонки и ворона (и собачка) мила; На родной стороне и камешек знаком; Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет; Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет*; морд. *Куване тят яка, шачема вастце аф юкстави сембе сяка* 'Где бы ни был, родную сторонку всё равно не забудешь'; карел. *Igävä on otie maida, tuska maida tuttavie* 'Скучаешь по родным полям, тоскуешь по родному краю';

б) синонимами *земля*, *Отчизна*: рус. *Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна вселенный круг; Своя земля – свой прах; В своей земле никто про роком не бывает (не бывал)*; алт. *Кöргөн кижикöскө жылу, Баскан јеринг будыгна жылу* 'Человек, которого встретишь, глазам твоим приятен, Земля, по которой ходил, ногам твоим приятна'; тув. *Дээр – ада, Чер – ие* 'Небо – отец, Земля – мать'; *Хүн – ада, Чер – ие* 'Солнце – отец, Земля – мать'; *Хүн адалыг, Чер иелиг, Суг угбалыг* 'Имеющий Солнце – отца, Землю – мать, Воду – сестру'; вепс. *Ma om toine mat* 'Земля – вторая мать';

в) лексемой *чужбина*, номинирующей антиценность, и однокоренными словами: *На чужой сторонке рад своей воронке; Жил-был молодец, в своей деревне не видал веселья, на чужбину вышел – заплакал; На чужой стороне и ребенок ворог; Чужая сторона – мачеха; Чужбинка не по шерсти гладит; На чужой стороне и старушка божий дар; На чужбине и собака тоскует; Чужбина слезам не верит*; тув. *Кижикери берге, Кишери кадыр* 'Трудно жить на чужбине, Как на собольской крутизне'; *Кижикери кидирээштиг* 'Чужая сторона – потемки'; *Кижикерту хилеңниг, Кижикери хирзиг* 'Чужая сторона с упреком, Чужая еда с запашком';

г) антонимическим рядом *свой (родной) – чужой, родина – чужбина*: рус. *Родимая сторона – мать, чужая – мачеха*; тувин. *Өскен чери – төрөөн ие, Өскелерниш – соңгу ие* 'Родная земля – мать, Чужая земля – мачеха'; калм. *Төрсн һазр төрл эк мет, Хэр һазр хөөт эк мет* 'Родина как мать родная, / А чужбина словно мачеха'; карельск. *Oma tui manšikka, vieraš tui – mussikka* 'Родина – земляника, чужбина – черника'; алт. *Төрёл јериниг тобрагы туш јериниг артык* 'Почва на родной земле лучше, чем на чужой земле'; алт. *Кижиниг јери кату-каскак, Бойынниг јерин ачу* 'Чужая земля твердая – крутая, Своя земля горькая';

д) слова, связанные с понятием *Родина*: дом, угол, язык и под.: рус. *Недавно из двора, а вошь изняла*; вепс. *Kodin kohtha ka ei ole nikus paremb* 'Нигде нет лучше, чем дома'; удм. *Вордскем кылдэ вунэтид ке, анай кылдэ но вунэтод* 'Родной язык забудешь – значит, завет матери забудешь';

е) оценочными словами: например, прилагательными **милый**: рус. *Всякому мила своя сторона; Мила та сторона, где пупок резан; Своя земля и в горсти мила*; карел. *Omat tuat mairehennat, omat mečät mielusammatt* – 'Свои поля ласковые, свои леса милее'; существительного *мачеха*: рус. *Чужая сторона – мачеха; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; Өскен чери – төрөөн ие, Өскелерниш – соңгу ие* 'Родная земля – мать, Чужая земля – мачеха'.

Имплицитное представление ценностного значения паремий рассматриваемого концепта проиллюстрируем образами-символами. Одним из символов Родины в паремиологическом фонде различных языков является гнездо, которое ассоциируется с родным краем, домом: рус. *Худая та птица, которая гнездо свое марает; Глупа та птица, которой гнездо свое немилло; О том кукушка и кукует, что своего гнезда нет*; мар. *Кайыкат ишке пунжо дене пыжашым ок опто* 'И птица себе гнездо своим пухом вьет'; вепс. *Kaikuččel linduižel – ičeze pezaine* 'У каждой птички свое гнездышко'.

Таким образом, интегративный анализ паремиологического фонда представляет богатство его семантики, раскрывает особенности функционирования, позволяет показать репрезентируемые концепты. Лингвоаксиологический анализ, утвердившийся в последнее десятилетие, предполагает отбор материала и анализ его семантики с опорой на лингвоаксиологические маркеры как экспликаторы ценностной семантики. Вместе с тем информативным потенциалом обладают метафорические образы, символы, имплицитно отражающие лингвоаксиологический смысл.

Литература

- Бочина Т.Г. Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань: Издательство Казанского университета, 2023.
- Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010.
- Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1154-1177.
- Ломакина О.В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 97-107.
- Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172-175.
- Ломакина О.В. Номинация ценности как когнитивная проблема (на материале русских пословиц о труде и безделье) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 277-280.
- Ломакина О.В. Ценностные константы русского мира: когнитивный анализ паремий // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 745-750.
- Нелюбова Н.Ю. Аксиологические концептосферы французов и русских: из опыта анализа паремиологических словарей // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 387-391.
- Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595-615.
- Никитина Т.Г., Розалёва Е.И. Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 70-92.
- Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
- Токарев Г.В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022.

O.V. Lomakina (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia

LINGUOAXIOLOGICAL ANALYSIS OF PAROMIAS AS A TYPE INTEGRATIVE RESEARCH (ON THE EXAMPLE OF THE VALUE CONCEPT MOTHERLAND)

The article is devoted to the consideration of the linguoaxiological analysis of paremias as a type of integrative research. The directions of description of paremias are listed. Using the example of the value concept MOTHERLAND, the commonality of linguoaxiological meanings of the paremias of the Russian world – the languages of the peoples of the Russian Federation – is shown. An analysis of linguoaxiological markers that contribute to the explication of the value meaning of paremias is carried out.

Key words: paremia, proverb, value, value, linguoaxiological analysis, concept MOTHERLAND, linguoaxiological marker, Russian world

Цзяжуй Лэн (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
1042957966@qq.com*

РОССИЙСКАЯ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КИТАЙСКУЮ ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ

В статье рассматривается проблема воздействия российской интернет-рекламы на китайскую языковую личность в лингвокультурологическом и лингвомаркетинговом аспектах. На основе анализа языковых и культурных особенностей российской интернет-рекламы, а также специфики китайской языковой личности, выявляются механизмы кросс-культурного рекламного воздействия и оценивается восприятие российской интернет-рекламы китайской аудиторией.

Ключевые слова: интернет-реклама, китайская языковая личность, лингвокультурология, лингвомаркетинг, межкультурная коммуникация

Реклама как социокультурный феномен представляет собой многогранное явление, выступающее одновременно как направленный целевой процесс и как продукт, репрезентирующий определенную семиотическую или символично-семантическую систему [Ду 2024; Соболева 2010]. Несмотря на то, что реклама зачастую воспринимается как естественная и привычная составляющая современного мира, ее роль не ограничивается пассивным отражением действительности. Напротив, рекламу следует рассматривать как активную систему, оказывающую воздействие на целевую и нецелевую аудиторию, даже если подобный эффект изначально не закладывался ее создателями. Данный тезис остается справедливым вне зависимости от субъективной оценки такого воздействия. Будучи самостоятельной семиотической системой, реклама в то же время оперирует другой символично-семантической системой – языком [Буй 2020]. Вербальный компонент рекламы неизбежно несет на себе отпечаток мировоззренческих установок, идейных ориентиров и национально-культурной специфики ее носителей. Таким образом, речевая составляющая ре-

кламы выступает как квинтэссенция определенной лингвокультуры. Это означает, что российская и китайская реклама обладают выраженными отличиями, равно как различается и воздействующий потенциал конкретной рекламы применительно к разным типам языковой личности.

Российская интернет-реклама обладает собственным лингвистическим и смысловым профилем, что обуславливает актуальность изучения ее воздействия на китайскую языковую личность. Подобные исследования представляются особенно своевременными в свете двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, наблюдается рост количества посещений россиянами Китая и китайцами России. С другой стороны, стремительно увеличиваются объемы интернет-рекламы в русскоязычном сегменте сети (за первые два квартала текущего года 880,7 тыс. рекламодателей разместили в Рунете свыше 2 млрд рекламных креативов) [Роскомнадзор 2024].

Для осмысления особенностей воздействия российской интернет-рекламы на китайскую языковую личность представляется необходимым прежде всего охарактеризовать российскую интернет-рекламу как лингвокультурный феномен. Российская интернет-реклама, будучи неотъемлемой частью современного рекламного дискурса, обладает рядом специфических черт, обусловленных как общими тенденциями развития рекламных коммуникаций в цифровую эпоху, так и особенностями русского языка и российской лингвокультуры. К числу основных характеристик российской интернет-рекламы следует отнести: 1) активное использование разговорной лексики и сленга; 2) обилие языковой игры и креативных приемов; 3) высокую степень персонализации рекламных сообщений; 4) ориентацию на эмоциональное воздействие; 5) апелляцию к традиционным ценностям и культурным концептам. Указанные особенности находят отражение как на вербальном, так и на визуальном уровне рекламных текстов, формируя уникальный облик российской интернет-рекламы.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся к примерам рекламных сообщений, демонстрирующих специфику российской интернет-рекламы (табл. 1).

Таблица 1. Примеры российской интернет-рекламы

Рекламный текст	Особенности
Не тормози – прокачай свой английский в онлайн-школе Skyeng!	Использование сленга, императивные конструкции, языковая игра
«Мамочки, ловите скидки на детские товары в нашем интернет-магазине!» «Выжми все соки из своей соковыжималки!»	Обращение к целевой аудитории, эмоциональное воздействие
Русская печка – тепло и уют в вашем доме. Закажите на сайте! Семья бесценна, когда полноценна!	Апелляция к традиционным ценностям, лаконичность
Путешествуй по России с РЖД! Красоты нашей страны ждут тебя.	Персонализация, использование местоимений, патриотический посыл

Переходя к анализу специфики китайской языковой личности, следует отметить, что она формируется под влиянием целого комплекса факторов, включающих особенности китайской языковой системы, философско-религиозные традиции, социокультурные нормы и ценностные ориентации китайского общества. Китайская языковая личность характеризуется такими чертами, как: 1) холистическое мировосприятие; 2) приверженность конфуцианским принципам; 3) высокий уровень контекстуальности коммуникации; 4) ориентация на гармонию и избегание конфликтов; 5) уважение к иерархии и статусу собеседника. Эти особенности находят отражение в коммуникативном поведении китайцев, в том числе в их восприятии и интерпретации рекламных сообщений.

Рассмотрим механизмы воздействия российской интернет-рекламы на китайскую аудиторию. Прежде всего, необходимо отметить, что в силу лингвокультурных различий между Россией и Китаем российская реклама может восприниматься китайцами как недостаточно ясная, избыточно эмоциональная или даже агрессивная. Так, обилие императивных конструкций и прямых обращений в российской рекламе может вызывать у китайской аудитории ощущение коммуникативного дискомфорта, поскольку противоречит принципам гармоничного и статусно-ориентированного общения, свойственным китайской культуре. Кроме того, активное использование в российской интернет-рекламе неформальной лексики и языковой игры может затруднять ее понимание китайцами, для которых родным является совершенно иной по своей структуре и стилистике язык.

С другой стороны, некоторые особенности российской интернет-рекламы могут находить позитивный отклик у китайской аудитории. Так, апелляция к традиционным ценностям и патриотическим чувствам, характерная для многих российских рекламных сообщений, созвучна конфуцианским идеям почитания старших, уважения к прошлому и приверженности интересам государства, глубоко укорененным в китайском сознании. Персонализированный характер российской интернет-рекламы, проявляющийся в частом использовании личных местоимений и обращений к конкретным целевым группам, также может благоприятно восприниматься китайцами, для которых межличностная коммуникация играет исключительно важную роль.

Для более детального анализа восприятия российской интернет-рекламы китайской аудиторией нами был проведен оценочный опрос среди 30 китайских студентов на базе университета. Респондентам было предложено оценить 20 рекламных материалов, размещенных в российском сегменте интернета в период с января по март 2024 года. Выборка рекламных материалов включала баннерную рекламу и нативные рекламные публикации ведущих российских брендов в сферах образования (онлайн-курсы), e-commerce (маркетплейсы), туризма и общественного питания, размещенные на популярных платформах ВКонтакте и Яндекс.Дзен. Время на оценку каждого материала не ограничивалось (табл. 2).

Таблица 2. Восприятие российской интернет-рекламы китайской аудиторией

Параметр восприятия	Положительные оценки, %	Отрицательные оценки, %	Нейтральные оценки, %
Ясность и понятность	35	48	17
Эмоциональная выразительность	52	26	22
Побудительный потенциал	29	39	32
Культурная релевантность	42	37	21

Как видно, китайские пользователи достаточно неоднозначно оценивают различные аспекты российской интернет-рекламы. Наиболее позитивно воспринимается эмоциональная выразительность рекламных сообщений (52% положительных оценок), в то время как их ясность и побудительный потенциал оцениваются преимущественно негативно (48% и 39% отрицательных оценок соответственно). Культурная релевантность российской рекламы получает чуть больше положительных оценок, чем отрицательных (42% против 37%), что свидетельствует о наличии определенных точек соприкосновения между российской и китайской лингвокультурами.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что эффективность российской интернет-рекламы с точки зрения ее адаптации к китайской лингвокультуре является довольно ограниченной. Несмотря на отдельные позитивные моменты, связанные с апелляцией к общим ценностям и эмоциональным установкам, в целом российская интернет-реклама воспринимается китайской аудиторией как недостаточно доступная и культурно-релевантная. Это объясняется глубинными различиями между русской и китайской коммуникативными культурами, преодоление которых требует более тонкой лингвокультурной адаптации рекламных сообщений.

Для повышения эффективности российской интернет-рекламы, ориентированной на китайскую аудиторию, представляется целесообразным: 1) использовать более нейтральную и формальную лексику; 2) отказаться от излишне креативных и неоднозначных рекламных решений; 3) делать акцент на рациональных, а не эмоциональных аргументах; 4) апеллировать к ценностям и концептам, значимым именно для китайской культуры; 5) учитывать статусно-ролевые и возрастные характеристики целевой аудитории.

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз подчеркнуть, что воздействие российской интернет-рекламы на китайскую языковую личность представляет собой чрезвычайно сложный и многоаспектный феномен, требующий междисциплинарного анализа на стыке лингвокультурологии, лингвомаркетологии, социолингвистики, психолингвистики и межкультурной коммуникации.

Литература

Буй Т.Т. Язык в рекламе // Экономическое развитие и инновационная экономика: тенденции, перспективы и проблемы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Казань, 30 октября 2020 года. Казань: Профессиональная наука, 2020. С. 5-7.

Ду К. Лингвосемиотические аспекты интерпретации рекламного дискурса // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы XIV Международной научной конференции, Суздаль, 25–28 апреля 2024 года. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2024. С. 448-454.

Отчет о рынке интернет-рекламы в полугодии 2024 года на основе данных маркировки рекламы в ЕРИР // Роскомнадзор. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Otchet_o_rynke_internet_reklamy_v_I_polugodii_2024_goda_na_osnove.pdf

Соболева М.В. Знаково-символический потенциал рекламного текста и его восприятие молодежной аудиторией // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3-1. С. 131-136.

Jiarui Leng (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

RUSSIAN ONLINE ADVERTISING AND ITS IMPACT ON THE CHINESE LANGUAGE PERSONALITY

The article deals with the problem of the impact of Russian Internet advertising on the Chinese linguistic personality in linguistic, cultural and linguistic marketing aspects. Based on the analysis of the linguistic and cultural characteristics of Russian Internet advertising, as well as the specifics of the Chinese linguistic personality, the mechanisms of cross-cultural advertising impact are identified and the perception of Russian Internet advertising by the Chinese audience is assessed.

Key words: Internet advertising, Chinese linguistic personality, linguoculturology, linguomarketing, intercultural communication

И.Б. Маслова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет;
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы;
Российский научно-исследовательский медицинский университет
(Пироговский университет)
irinamaslova0906@yandex.ru*

ТИПЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Цель настоящей статьи – посредством когнитивного анализа исследовать типы билингвального коммуникативного поведения трудовых мигрантов в Российской Федерации. Такой аналитический подход к проблеме позволил выделить основные типы поведения в институциональной сфере общения и обозначить их характерные черты.

Ключевые слова: трудовые мигранты, типы коммуникативного поведения, билингвальность, институциональный дискурс, социальный билингвизм

Поставив перед собой задачу изучения билингвального коммуникативного поведения, мы использовали когнитивный анализ данных как основной метод по обработке информации. За основу была принята его моделирующая функция, которая позволила представить полученный в ходе наблюдений материал в виде разных ситуаций и выделить закономерности в поведении человека. В результате такого подхода нам удалось описать модели билингвального коммуникативного поведения мигрантов из Средней Азии в пространстве обиходно-бытового и социального общения.

Целью настоящей статьи является изучение «статусно-ориентированного (институционального) дискурса» (в терминологии В.И. Карасика [Карасик 2002: 6]), что соответствует предложенному им прагмалингвистическому подходу в исследовании дискурсивной таксономии.

Как участники формальной коммуникации трудовые мигранты из Узбекистана и Таджикистана чаще всего представляют сферу обслуживания. При этом их социальные роли могут быть очень разными, а значит, и их поведение по отношению к другим участникам общения, и отношения между участниками коммуникации будут отличаться друг от друга. По этой причине мигранты-билингвы выбирают соответствующие языковые средства коммуникации на том уровне языка, которым располагают. Когнитивный анализ таких языковых средств позволил выделить несколько типов коммуникативного поведения трудового мигранта в России в пространстве формального (институционального) общения.

С точки зрения институционального общения, можно выделить несколько типов билингвального коммуникативного поведения мигрантов в современных условиях:

1. Агрессивный (соответствует агрессивному стилю общения, выделяемому в психологии межличностных отношений [Рамунда]);
2. Пассивно-агрессивный (соответствует пассивно-агрессивному стилю общения);
3. Ассертивный (соответствует уверенному стилю общения).
4. Пассивный (соответствует пассивному стилю общения).

Последний тип коммуникативного поведения, соответствующий одноименному стилю человеческого общения, выделяемому в психологии межличностных отношений, в институциональных сферах общения наблюдается редко. В большей степени он характерен для обиходно-бытовой коммуникации, где, наряду с ассертивным, этот тип поведения, по нашим наблюдениям, является основным (в домашней обстановке бытовой билингвизм мигрантов не требует ни большого словарного запаса, ни хорошего знания грамматики русского языка, поскольку коммуникация в любом случае состоится и собеседники поймут друг друга: *Доброе утра! Как ночь прошло? Я пАставляю рИбОнка набок (Доброе утро! Как ночь прошла? Я положила ребенка набок)*). Такое разное в формальных и неформальных ситуациях поведение людей объясняется тем, что в условиях жизни в чужом государстве в официальной

обстановке (на работе, в больнице, полиции, в банке и т.д.) любой мигрант находится в оборонительной позиции, завоевывая право на существование силой. При этом степень агрессивности, по нашему мнению, зависит от знания того иностранного (в нашем случае – русского) языка, на который мигрант вынужден переключаться. Чем лучше говорящий знает иностранный язык, тем агрессивнее в конфликтной ситуации его поведение. Однако то же самое знание русского языка помогает мигранту избежать конфликта, если в официальной обстановке он заинтересован в создании собственного положительного имиджа в глазах служителя закона, работодателя или любого другого коренного жителя РФ, от которого зависит.

Рассмотрим типы билингвального коммуникативного поведения мигрантов из Средней Азии в «статусно-ориентированном (институциональном) дискурсе», во-круг чего в последнее время ведутся разного рода споры.

1. Под агрессивным билингвальным коммуникативным поведением понимается негибкое поведение человека, движимого гневом и подобными отрицательными эмоциями, приводящее к враждебности; сопровождается характерными вербальными и невербальными маркерами (например, ненормативной (табуированной) лексикой, позами, жестами и мимикой агрессивности, повышением голоса, а часто – криком/в случае женской агрессии); уровень владения русским языком – не ниже среднего.

2. Пассивно-агрессивное коммуникативное поведение мигрантов-билингвов связано с недостаточным знанием иностранного русского языка (уровень владения – низкий); в этом случае человек не высказывает свое мнение напрямую, однако придерживается негативных эмоций и позволяет им влиять на собственное коммуникативное поведение. При этом вербальные и невербальные проявления могут не совпадать: к примеру, собеседник может заявить, что он всем доволен (*Да, я понял, хорошо, здоровья тебе (хараишо, здарове тибе)!*), однако выражение его лица будет свидетельствовать об обратном, плечи могут опуститься, то есть человек может ссутулиться, будучи недовольным исходом разговора.

3. Ассертивный (или уверенный) тип билингвального коммуникативного поведения мигрантов характеризуется уверенностью в себе и уважением к другим (*Добрый вечер милая эта красота в каком государства находится* (орфография и пунктуация автора сохр.)) – несмотря на ошибки, тон высказывания, выбор лексики, формула речевого этикета понятны: тот, кто произносит фразу, уверенно говорит на русском языке, чувствуя себя на этом основании полноправным участником диалога). Мигрант-билингв с таким типом поведения, как правило, хорошо знает русский язык (уровень владения – высокий), а значит – и свои права и обязанности, ценит свою личность и достоинство, но учитывает также интересы и чувства окружающих его людей, своего собеседника, работодателя и т.д. Уверенное (ассертивное) общение делает коммуникацию здоровой, являясь пространством для честного разговора. Интересно, что именно честность, по нашим наблюдениям, становится основным маркером ассертивного коммуникативного поведения, что особенно актуально в случае исследования билингвальности мигрантов: не желая интегрироваться в

российское общество и русскую культуру, о чем свидетельствует, например, явление «языкового острова» [Маслова 2024: 18], трудовой мигрант, живущий рядом с нами, обычно хитрит, обманывает, ведет себя непорядочно, а часто – неадекватно не только по отношению к россиянам, но и к согражданам (что следует из анкет опрошенных мигрантов из Узбекистана и Таджикистана). А в случае уверенного знания русского языка и типа коммуникативного поведения мигрант-билингв, приехавший в РФ на заработки, стремится создать образ благонадежного стабильного человека, которому можно и нужно доверять, поэтому в институциональном общении делает ставку прежде всего на честность.

К сожалению, этот тип билингвального коммуникативного поведения у трудовых мигрантов из Средней Азии встречается очень редко. Всё чаще наблюдается обратная картина: работать в Россию приезжают обычно молодые мужчины в возрасте 20-40 лет репродуктивного возраста, не имеющие высшего образования (в лучшем случае получившие диплом ССУЗа в своей стране). Важно подчеркнуть, что, как правило, это представители дальних регионов Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, где в местных школах в последние три десятилетия после распада Советского Союза русский язык практически не изучается или изучается очень мало, что и приводит к незнанию русского языка. Можно отметить, что в центральных регионах бывших советских республик предлагается больше рабочих мест, в отличие от провинции, а молодые люди, имеющие высшее образование, находят себе применение на родине и в РФ на заработки не едут (об этом свидетельствуют собранные нами в ходе исследования опросы трудовых мигрантов).

Отметим, что под пассивным (4) типом коммуникативного поведения подразумевается такой тип поведения, при котором люди не склонны отстаивать собственную точку зрения, выражать свое мнение, обозначать свои потребности. В таких случаях за пассивностью часто скрываются разочарование и обида, что, на наш взгляд, опасно своим накопительным характером. А в случае с трудовыми мигрантами, не владеющими русским языком и оказавшимися в ситуации институционального (официального) общения, подобный пассивный тип коммуникативного поведения, как и пассивно-агрессивный и агрессивный типы, может привести к росту конфликтности и социальному взрыву, что и наблюдается в последнее время в российской действительности.

На основании сказанного можно прийти к выводу, что именно когнитивно-дискурсивный анализ разнообразных языковых манифестаций позволил обнаружить скрытые закономерности в билингвальном коммуникативном поведении трудовых мигрантов в России и на основании этого выделить основные типы такого поведения, описать характерные черты в институциональной сфере общения, что особенно актуально сегодня, в третьем десятилетии XXI века.

Литература

- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
 Рамунда М. 4 стиля общения: какой наиболее эффективен? URL: <https://www.psychologies.ru>
 Маслова И.Б. Коммуникативный паспорт современного мигранта из Средней Азии // Современная коммуникативистика. 2024. № 6 (73). С. 14-20.

I.B. Maslova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University;

Peoples' Friendship University of Russia;

Russian Medical Research University (Pirogov University)

COGNITIVE ANALYSIS IN THE STUDY OF THE BILINGUAL COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF MIGRANTS

The purpose of this article is to investigate the types of bilingual communicative behavior of migrant workers in the Russian Federation through cognitive analysis. This analytical approach to the problem allowed us to identify three main types of behavior in the institutional sphere of communication and identify their characteristic features.

Key words: labor migrants, types of communicative behavior, bilingualism, institutional discourse, social bilingualism

В.А. Молчанова (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Московский городской педагогический университет

v.a.rybina@yandex.ru

И.В. Вашунина (Москва, Россия)

Всероссийская академия внешней торговли

Министерства экономического развития РФ;

Московский государственный лингвистический университет

vashunina@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлен такой вид дискурса, как административный педагогический дискурс, а также описан один из возможных способов моделирования данного типа дискурса согласно пятиуровневой схеме, отражающей его основные параметры и направленной на выявление наиболее успешных вариантов коммуникации в его рамках.

Ключевые слова: дискурс, административный дискурс, педагогический дискурс, языковая модель личности, когнитивный подход, психолингвистический подход

Исследования дискурса в рамках когнитивной парадигмы относятся к основным направлениям когнитивистики, потому что, как справедливо отметила Е.С. Кубрякова, когнитивный процесс или когнитивная деятельность (так определяется язык) осуществляется обычно «во время построения дискурса» [Кубрякова 2012: 47]. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что конструирование смысла текста адресатом хотя и происходит на базе содержащейся в тексте информации, однако же зависит от характеристик самого адресата (его фоновых знаний, мотивации и т.д.), от характеристик адресанта (его интенций, риторических навыков и т.д.) и от параметров ситуации (повода общения, места, особенностей социальных взаимоотношений адресата и адресанта). Разные сочетания всех этих параметров и

характеристик порождают возможность существования большого количества дискурсов, в основе которых лежит одна и та же информация, но смысл которых неодинаково конструируется адресатами.

Среди этих дискурсов нужно выделить типовые, для которых можно задать тематические, коммуникативные и ситуационные рамки, что позволяет проводить их системные исследования. Одним из таких типов дискурса является педагогический административный дискурс, под которым подразумевается дискурс руководителей образовательных организаций в рамках исполнения ими своих должностных обязанностей: это издаваемые руководителями приказы и распорядительные документы, выступления на собраниях педагогического коллектива, перед учащимися и/или их родителями. Считая, что основной целью такого руководителя является успешная организация образовательного процесса и воспитательной работы, можно выявить параметры, от которых зависит конструирование дискурса в конкретной ситуации, и которые в свою очередь можно структурировать в соответствии с определенной предложенной схемой, состоящей из следующих уровней.

1. Универсальные характеристики.

В рамках каждого из существующих видов дискурса можно выделить универсальные черты, типичные именно для данного вида дискурса вне зависимости от выбранной говорящим темы. Итак, для административного педагогического дискурса среди таких черт можно выделить следующие: гендерно-ориентированные, национальные, обусловленные общественно-социальным статусом, профильные, базовые черты публичных выступлений в целом и в зависимости от жанра.

2. Жанровые особенности.

Административный педагогический дискурс подразумевает использование его представителями таких видов речи, как информирующие (отчеты, сообщения), воздействующие (приказы, обещания), торжественные (поздравления, похвала, благодарности) и др. [Анисимова, Гимпельсон 2004], каждый из которых наделен отличительными особенностями.

3. Тематические признаки.

Характерные черты речи представителей административного педагогического дискурса на разные темы в рамках одного риторического жанра могут иметь различия. Например, речь руководителя, связанная с объявлением подчиненным благодарностей за проделанную работу, и речь, целью которой является порицание и осуждение сотрудников, недобросовестно выполняющих свои обязанности, будут иметь различные типичные вербальные и невербальные признаки, несмотря на то, что оба публичных выступления относятся к одному и тому же риторическому жанру – эпидейктическому.

4. Специфические признаки речи отдельного оратора.

Подразумевается, что речь представителя административного педагогического дискурса может быть проанализирована не только с точки зрения присущих ей базисных характеристик административного педагогического дискурса как такового,

жанра или же тематики, но и с учетом индивидуальных особенностей речи каждого из представителей в отдельности, включающих, например, психологический тип говорящего, своеобразие воздействия на аудиторию и др.

5. Ситуативные контекстные признаки.

Данный уровень предполагает выход говорящими за рамки использования типичных для них языковых и неязыковых средств и применение нестандартных средств и способов оказания влияния.

Стоит отметить и то, что представленная схема основывается на трехступенчатой структурной модели языковой личности Ю.А. Караулова [Караулов 1989], подразумевающей наличие таких уровней как: вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный, в рамках каждого из которых предполагается анализ всех уровней предложенной схемы. Например, уровень «Жанровые особенности» согласно модели Ю.А. Караулова может быть представлен следующим образом:

– *вербально-семантический уровень*:

– словоупотребление исходя из жанра речи (например, вокабуляр оповещения и предоставления информации при информирующих жанрах – «хочу Вам объявить», «необходимо сообщить» и др.);

– грамматические характеристики частей речи исходя из жанра речи (например, использование преимущественно прошедших времен и форм при информирующих жанрах, а именно в отчетах и докладах и др.);

– грамматический строй предложений, исходя из жанра речи (например, более частотное употребление сложных (сложносочиненных и сложноподчиненных) предложений при информирующих жанрах, в основном в отчетах, официальных заявлениях и сообщениях, в то время как при торжественных жанрах наблюдается использование в основном простых предложений и др.) [Кашаева 2019];

– *лингвокогнитивный уровень* в рамках ступени «Жанровые особенности» подразумевает использование различных вариантов и методов предоставления информации в соответствии с жанром речи, например, при воздействующих жанрах может отмечаться употребление аргументирования, агитирования и др.;

– *мотивационный уровень* предполагает применение в зависимости от жанра речи таких средств дискурсивного влияния как персуазия, суггестия и фасцинация [Червякова 2024].

В свою очередь уровень «Тематические признаки» может быть кратко представлен так:

– *вербально-семантический уровень*: лексика, грамматика, синтаксис определенной темы, например, побуждения к нововведениям (императивные конструкции, предложения, начинающиеся с фраз «Стоит попробовать...», «Почему бы не сделать...», и др.);

– *лингвокогнитивный уровень*: языковое представление концептов (например, «обучение», «дисциплина», «нормы» и др.);

– *мотивационный уровень*: применение однотипных намерений в каждом случае (сообщить, заверить, побудить и др.) [Кашаева 2019].

Рассматриваемые нами дискурсивные ситуации подлежат типизации за счет возможности определения повода, темы, стандартной продолжительности выступления, места, целевой аудитории и, как следствие, выбора жанра дискурса. Также представляется возможным прогнозировать характеристики участников коммуникативной ситуации: адресанта и коллективного адресата. Из параметров адресанта известно его социальное положение, уровень образования, профессия, возрастные границы. Что касается адресата, то в зависимости от конкретной ситуации могут быть понятны: 1) его профессия, отношения субординации по отношению к адресанту, возрастные границы (если это педагогический коллектив); 2) ситуативная роль, возрастные границы (если это родители учеников); 3) социальное положение, возраст, пол (если это ученики). Определение параметров дискурсивной ситуации должно позволить построить лингвистические модели отдельных жанров административного педагогического дискурса.

Таким образом, предполагается, что анализ речи представителей административного педагогического дискурса с использованием предложенной пятиуровневой схемы нацелен на детальное изучение особенностей данного вида дискурса в целом, а, кроме того, на поиск различных вариаций коммуникации в рамках заявленного дискурса, в т.ч. и наиболее успешных, позволяющих улучшить эффективность коммуникации среди его участников.

Литература

- Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. М.: Воронеж, 2004.
 Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-10.
 Кашаева Е.Ю., Павлова Л.Г. Теория и практика спичрайтинга: учебник для бакалавров. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019.
 Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
 Червякова О.А. Дискурсивные средства воздействия в медийных текстах военно-политической тематики (на материале испанского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

V.A. Molchanova (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba/Moscow City University

I.V. Vashunina (Moscow, Russia)

*Russian Foreign Trade Academy;
 Moscow State Linguistic University*

ADMINISTRATIVE PEDAGOGICAL DISCOURSE AS AN OBJECT OF COGNITIVE STUDIES

The article presents administrative pedagogical discourse, highlights one of the possible ways of modeling this type of discourse according to a five-level scheme reflecting its main parameters, and aims at identifying the most successful communication options within its framework.

Key words: discourse, administrative discourse, pedagogical discourse, linguistic personality model, cognitive approach, psycholinguistic approach

*Ю.А. Ненашева (Челябинск, Россия)**Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
nenajalex@gmail.com*

ПРОСОДИЯ КАК ПРОЦЕДУРНОЕ ЗНАНИЕ – ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ

Просодия как процедурное знание, исходящее из действий по решению задач в ходе дискурсивной деятельности, представляет собой динамический аспект концептуализации. На основании данных действий формируется набор правил, описывающих просодическую подсистему языка, роль «операторов» в которых выполняют субъектные/объектные квалификаторы. Успешность применения процедурного знания определяет соответствие реализуемой в дискурсе просодии высказывания коммуникативной цели высказывания/коммуникативного намерения говорящего – выражению эмоций. Автор предлагает рассмотреть набор просодических правил, используемых для выражения эмоций в неполных повелительных высказываниях.

Ключевые слова: просодия процедурное знание, дискурс, императив/повелительное высказывание, каноническое высказывание, неполная синтаксическая структура, эмоция

А.Р. Лурия отмечал, что просодия функционирует в речевой деятельности согласно тем же принципам, что и лексическая и грамматическая подсистемы языка – на основе особым образом организованных знаний [Лурия 1998]. Следовательно, просодическая система должна руководствоваться такими же принципами функционирования, но отличием просодии является особый формат знаний – «ситуативных, или операционных концептов» [Болдырев 2013: 9], которые носят процедурный/операциональный характер [Чемодурова 2023; Щирова 2019]. Просодия речи как результат реализации процедурных знаний, то есть, такой ситуации, когда значения, выражаемые просодическими единицами, реализуются непосредственно в процессе дискурсивной деятельности, представляет собой набор некоторых правил использования и комбинации просодических единиц, позволяющий решать задачи, возникающие непосредственно в момент речепорождения/речевосприятия [Болдырев 2019].

Просодия как процедурное знание специфична, поскольку решение задач и принятие решений происходит в условиях неопределенности: говорящий/слушатель принимает решение об использовании/интерпретации той или иной просодической единицы особым образом на основании информации, получаемой при помощи «операторов» – сигналов, указывающих на наиболее эффективный способ решения проблемы в данных условиях [O'Mahony и др. 2021]. Особый статус просодии как средства выражения коммуникативных значений определяется еще и тем, что именно просодия чаще всего служит средством выражения эмотивных/экспрессивных значений в дискурсе [Plutchik 2002; Шаховский 2018; Колмогорова 2019].

Материалом исследования послужили два корпуса устной речи британского варианта английского языка (объем корпусов – 22 художественных текста более 2,5 миллионов слов). Исследование просодической организации речи проводилось на материале повелительных высказываний, основанием для общей выборки послужили: 1) иллокутивный характер высказываний, 2) специфическая грамматическая

форма, 3) особый порядок формирования в онтогенезе человеческой речи [Ахутина 2013; Jary, Kissine 2014]. Критерием специальной выборки является законченность синтаксической структуры высказывания. Специальная выборка составила 233 высказывания. «Операторами», позволяющими дикторам принимать решение о просодической организации звучащей речи, а слушателям – об идентификации этих просодических средств и их интерпретации, являются синтаксические и лексические праймеры/маркеры. Роль синтаксических праймеров/маркеров выполняют пунктуационные знаки, маркирующие границы между синтаксическими конструкциями, обособляющие элементы в клаузах и маркирующие коммуникативные типы высказываний, а также опциональные синтаксические элементы конструкций. Роль лексических праймеров/маркеров выполняют авторские ремарки, предвещающие прямую речь персонажей и маркирующие а) особые обстоятельства речепорождения, б) наличие эмотивного/экспрессивного коммуникативного значения, в) кинесика, сопровождающую коммуникацию [Ненашева 2023].

Одним из вопросов исследования являлся вопрос о специфике просодической организации повелительных высказываний с неполной синтаксической структурой. Анализ синтаксической формы повелительных высказываний представлен в ряде фундаментальных работ: в определенных прагматических контекстах часть информации становится избыточной и может быть «отсечена» от общей структуры, в результате чего образуются краткие, неполные (авторы называют их формулаичными) высказывания [Quirk и др. 1985: 99, 128] или ‘adverbials’ [Leech, Svartvik 2003: 842–843]. Использование термина «формулаичность» указывает на то, что регулярное использование таких единиц в определенных дискурсивных условиях приводит к десемантизации и грамматикализации таких структур, то есть к закреплению их укороченных и легкоузнаваемых форм за передачей определенного значения/выполнением определенной функции в дискурсе [Lin 2018]. Это подтверждает ранее высказанное предположение о специфике процедурного характера знаний, детерминирующих просодию речи.

В ходе исследования были выявлены следующие типы повелительных высказываний с неполными синтаксическими конструкциями: 1) предложные словосочетания (Prepositional Phrases) – 30% высказываний в выборке; 2) словосочетания с главным элементом прилагательным (Adjective Phrases) – 15% высказываний в выборке; 3) словосочетания с главным элементом наречием (Adverb Phrases) – 18% высказываний в выборке; 4) словосочетания с главным элементом существительным (Noun Phrases) – 21% высказываний в выборке; 5) междометные формы (Interjection) – 10% высказываний в выборке; 6) словосочетания с главным элементом местоимением (Pronoun Phrases) – 4% высказываний в выборке; 7) словосочетания, содержащие “please” (‘Please’ Phrases) – 2% высказываний в выборке. Распределение типов повелительных высказываний с неполными синтаксическими конструкциями показывает, что, несмотря на то, что чаще всего (более 60% высказываний выборки) усечению подвергается «тематическая» часть синтаксической конструкции, в

результате чего образуются повелительные высказывания с неполной синтаксической конструкцией, состоящие из предложных, адъективных и адвербиальных словосочетаний, достаточно большая часть выборки – 37% повелительных высказываний – составляют другие виды неполных синтаксических конструкций, как то номинальные словосочетания, междометные формы, прономинальные словосочетания и словосочетания, содержащие ‘please’ (‘Please’ Phrases), в которых усечению подвергается часть синтаксической конструкции, традиционно считающаяся «рема-тической». Очевидно, что данные случаи представляют собой специфические прагматические контексты, в которых происходит перераспределение информации в структуре высказывания. Мы бы хотели остановиться на адвербиальных словосочетаниях, образующих «усеченные» повелительные высказывания и: 1) представляющих собой предложение с неполной грамматической конструкцией: *Quietly now, Quickly, then;* 2) представляющих собой часть более крупной синтаксической конструкции, обособленных просодически при помощи паузации: *Quietly* ||.

Полученные результаты подтверждают данные Д. Болинджера, который указывал, что адвербиальные словосочетания времени и места могут не иметь просодической выделенности в интонационной группе (ИГ), даже если несут «рема-тическую» информацию [Bolinger 1989: 156, 196-198]. Но при этом, если те же адвербиальные сочетания необходимы для идентификации значения действия, передаваемого глаголом, они получают просодическую выделенность. Очевидно, что в особых прагматических условиях в дискурсе делексикализация глагола приводит к тому, что данный глагол может быть легко восстановлен для идентификации значения повелительного высказывания: *Quietly now – (Go) quietly now*. Но даже при отсутствии особых прагматических условий адвербиальные словосочетания в более крупных синтаксических конструкциях могут быть выделены в отдельную ИГ, что проявляется в большей частотности адвербиальных словосочетаний по сравнению с адъективными словосочетаниями.

Просодическая организация повелительных высказываний, состоящих из адвербиальных словосочетаний, проявляет зависимость от наличия и характера эмотивного/экспрессивного значения высказывания в дискурсе: положительное эмотивное/экспрессивное значение характеризуется расширением диапазона тонального движения и относительно высокой скоростью тонального движения без октавных сдвигов в ИГ, тогда как в ИГ высказываний с отрицательным эмотивным/экспрессивным значением наблюдается сужение диапазона и повышение уровня тонального движения. Кроме того, характер тонального движения в ИГ может обуславливаться интенсивностью эмотивной/экспрессивной нагрузки высказывания: при наличии лексических праймеров/маркеров, характеризующих выраженное эмоциональное состояние говорящего в момент речи – *shouted/barked/roared*, при котором может наблюдаться снижение контроля говорящего над организацией речи, в ИГ чаще наблюдаются выраженные тональные движения, диапазон которых составляет более 4 полутонов.

Таким образом, определенные виды высказываний, синтаксическая структура которых обусловлена воздействием прагматических дискурсивных факторов, характеризуются наличием правил, обуславливающих их просодическую организацию в дискурсе.

Литература

- Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: ЯСК, 2013.
- Болдырев Н.Н.* Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе. Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1(034). С. 5-13.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2019.
- Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В.* Кто и о чем говорит в «радостных» и «грустных» текстах: в поисках признаков дискриминации в текстах разной эмоциональной тональности // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (193). С. 219-234.
- Лурья А.Р.* Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Ненашева Ю.А.* Лексические активаторы когнитивных процессов в просодической организации высказываний при чтении вслух // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 495-499.
- Чемодурова З.М.* Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 24-37.
- Шаховский В.И.* Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: лингвистика. 2018. 1. С. 54-79.
- Щирова И.А.* Когнитивная активность читателя как условие успешной интерпретации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. № 1 (134). С. 148-152.
- Bolinger D.* Intonation and Its Uses: Melody in Grammar and Discours. Redwood City: Stanford University Press, 1989.
- Jary M., Kissine M.* Imperatives. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Leech G.A., Svartvik J.* Communicative Grammar of English. London: Pearson Education, 2003.
- Lin P.* The Prosody of Formulaic Sequences. A Corpus and Discourse Approach. London and New York, NY: Bloomsbury Academic, 2018.
- O'Mahony J., et al* Factors Affecting the Evaluation of Synthetic Speech in Context // The Proceedings of the 11th ISCA Speech Synthesis Workshop (SSW 11). 2021. Pp. 148-153.
- Plutchik R.* Emotions and Life: Perspectives from Psychology, Biology, and Evolution. Washington, DC: American Psychological Association, 2002.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.A* Comprehensive Grammar of the English Language. London: Pearson Longman, 1985.

Iu.A. Nenasheva (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PROSODY AS PROCEDURAL KNOWLEDGE – EXPRESSING EMOTION

Prosody as procedural knowledge which results from the decision-making activities in discourse represents a dynamic aspect of conceptualization. These activities serve to formulate the set of rules which describe the prosodic subsystem of the language, subject/object qualifiers serve as the 'operators' in these activities. Successful application of this knowledge determine whether

the communicative goal of the speaker or the meaning they aim to express is adequate in discourse. The author suggests a set of prosodic rules used by the speakers to express emotions in incomplete imperatives in discourse.

Key words: prosody, procedural knowledge, discourse, imperative, ‘canonical’ utterance, incomplete syntactic structure, emotion

А.С. Нехорошев (Санкт-Петербург, Россия)

*ГАОУ ВО ЛО Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
aleks.nexoroshev@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Статья посвящена исследованию когнитивно-семантических особенностей цифровой лексики в современном английском языке. Особое внимание уделяется роли метафор в структурировании и осмыслении сложных технологических процессов. Проанализированы примеры употребления цифровых терминов и их когнитивных моделей.

Ключевые слова: цифровая лексика, метафора, когнитивная лингвистика, когнитивный анализ, семантический анализ

Современный язык компьютерных технологий изобилует метафорами, которые помогают пользователям интерпретировать сложные концепции через знакомые образы. Эти метафоры выполняют не только когнитивную, но и практическую функцию, облегчая освоение новых технологий и упрощая взаимодействие с ними. Для работы с метафорами важно правильно их декодировать. Часто возникает ситуация, когда закодированная речь включает в себя сложные расширенные ассоциативные, нетривиальные и многоступенчатые метафоры, поэтому декодируется с трудностями. Для их понимания необходимо использовать интеллект и воображение [Pesina и др. 2022].

Метафора часто рассматривается как способ упрощения и структурирования знаний о мире, поскольку она позволяет пользователю находить общие черты у различных объектов и процессов. Вместо традиционного подхода, который видит в метафоре лишь сравнение, когнитивная лингвистика рассматривает ее как сложный механизм, состоящий из области-источника, области-цели и модуля переноса, который преобразует свойства первого в понятные характеристики второго [Лакофф, Джонсон 2004].

Этот процесс способствует не только упрощению языка, но и формированию новых способов восприятия мира через призму языковых средств, что особенно важно в контексте профессиональной коммуникации.

Предлагаемая классификация метафор, применяемых в цифровой лексике, особенно при описании технологических процессов, представляется более логичной и детализированной по сравнению с традиционными подходами. Она включает: 1) функциональные метафоры; 2) концептуальные; 3) визуальные (при этом функциональные метафоры часто пересекаются с визуальными) [Болдырев 2002]. Приведем примеры, распространенный термин «папка» (*folder*) в компьютерном языке относится к визуальным и функциональным метафорам (*The video will be saved as an MP4 in your downloads folder* [Merriam-Webster]).

В общелингвистических и авторитарных словарях «Папка» *folder* обозначает физическую папку, которая используется для хранения документов (*The guy didn't even look at it, just put it back in the folder* [Cambridge Dictionary], *At the meeting, a man stands in the back of the room holding a large gray file folder by the handle* [Merriam-Webster]), а также как средство организации файлов на компьютере (*To delete them, open /var/spool/cups in Finder and delete any items in that folder* [Cambridge Dictionary]). Пользователи могут создавать новые папки, перемещать их, переименовывать или удалять, а также изменять их содержимое. Внешне простой образ папки в цифровом контексте несет в себе целый спектр научных и практических функций, таких как структурирование данных и управление ими, что делает этот термин значимым элементом технологического дискурса.

Следует учитывать, что для описания компьютеров, смартфонов и других цифровых устройств передачи и обработки информации развивается уникальный цифровой язык, который условно можно разделить на три уровня. Первый уровень – специализированный научный язык, используемый профессионалами в технической сфере. Второй уровень – язык взаимодействия между специалистами и опытными пользователями, включающий как формальные термины, так и профессионализмы, которые могут быть частично разговорными. Третий уровень – язык бытового общения с пользователями-новичками, так называемый «жаргон чайников», который также является частью цифровой лексики [Кристал 2008].

Эти уровни часто пересекаются, особенно в условиях популяризации технологий. Например, в диалоге между опытным пользователем и новичком могут одновременно использоваться такие термины, как «операционная система» (*operating system* (*The latest version of the iPhone's operating system is packed with scores of new features big and small* [Merriam-Webster], *Some people just don't want to learn how to use a new operating system* [Cambridge Dictionary])), профессионализмы, вроде термина «драйвер» (*driver* – программа, управляющая устройством), а также жаргонизмы, такие как «краш» (*crash* – сбой системы (*Users won't lose important data if a hardware problem causes a crash* [Merriam-Webster], *A system crash in the morning provided enough excitement for one day* [Cambridge Dictionary])).

Метафоричность часто проявляется на всех уровнях языка. Термин «бот» (*bot* (*The bot can automate repetitive tasks, saving users valuable time* [Merriam-Webster], *Chatbots are programmed to simulate human conversation, improving customer service interactions* [Cambridge Dictionary])), обозначающий автоматизированную программу, основан на метафоре робота, который выполняет действия вместо человека. Жаргонизмы, такие как «глючить» (работать со сбоями), подчеркивают экспрессивность языка. Особо интересны термины, пришедшие из английского языка, например, «лаг» (*lag* — задержка в работе системы (*The video game was almost unplayable due to the constant lag during gameplay* [Merriam-Webster], *Network lag caused delays in the streaming service, frustrating many users* [Cambridge Dictionary])), которые иллюстрируют глобальное влияние и кросс-культурное взаимодействие в цифровой

лексике. Смещение таких элементов придает языку гибкость и выразительность, позволяя адаптироваться к разным аудиториям.

В компьютерной лексике можно найти различные виды метафор, которые основываются на переносе значений с одного объекта на другой по принципу сходства. Такие метафоры делают абстрактные цифровые процессы более понятными за счет использования знакомых образов [Холланд 2010].

Один из примеров — это метафора, основанная на физическом сходстве: «окно» (*window*) используется для обозначения части интерфейса на экране компьютера, через которую пользователь взаимодействует с программами (*The system allowed her to quickly switch between multiple open windows to manage her tasks efficiently* [Merriam-Webster]). Подобно физическому окну, которое открывает вид на окружающий мир, цифровое окно предоставляет доступ к данным и инструментам, делая взаимодействие интуитивным и понятным (*The sunlight streamed through the window, illuminating the room with a warm glow* [Merriam-Webster]).

Также распространены метафоры, базирующиеся на функциональном сходстве. Например, термин «перезагрузка» (*reboot*) описывает процесс перезапуска системы (*After a brief loading screen, the system will reboot, bringing it back to the main interface* [Merriam-Webster], *You must reboot the computer to apply the new settings and updates* [Cambridge Dictionary]). Аналогия с физическим перезапуском какого-либо механизма помогает пользователям осмыслить технический процесс восстановления работоспособности устройства (*After several unsuccessful attempts to start the engine, he decided to reboot the entire system by resetting all the controls* [Merriam-Webster]).

Еще одна категория метафор связана с процессами, имеющими аналогичные функции в разных сферах [Кристал 2008]. Термин «стриминг» (*streaming*) обозначает физический поток воды (*The streaming water from the faucet created a calming sound as it filled the basin* [Merriam-Webster], *The sunlight streamed through the open blinds, creating patterns on the wooden floor* [Cambridge Dictionary]), а в цифровом мире описывает непрерывную передачу данных, например видео или аудио, в режиме реального времени (*Streaming is a method of transmitting data from the internet directly to a user's device in real-time without requiring prior downloading* [Merriam-Webster], *The app supports streaming of live events, allowing users to watch content as it happens* [Cambridge Dictionary]). Этот образ дает ясное представление о процессе, создавая ощущение движения данных.

Эти примеры показывают, как метафоры способствуют упрощению сложных технических процессов и их восприятию широкой аудиторией.

Таким образом, подводя итог анализу роли метафор как важного инструмента в языке цифрового мира, можно отметить, что, помимо прямых терминов, основанных на функциональных характеристиках объекта (например, «сканер» — устройство для сканирования документов), широко используются образные наименования. Эти наименования строятся на ассоциациях и сходстве, иногда неочевидном, но способном привлечь внимание за счет яркости и образности (например, термин «мышь» — портативное указательное устройство).

В заключении хочется отметить, что показанные примеры компьютерной лексики, затрагивают не только аспекты мышления, но и более широкие когнитивные процессы, включая эмоциональные и антропологические характеристики человека как носителя языка. Можно с уверенностью сказать, что логического подхода к анализу языковых средств недостаточно, поскольку он не отражает всей сложности взаимодействия между мышлением, сознанием и языком. Современные исследования требуют учета многогранности человеческого восприятия и роли языка в структурировании как рациональных, так и эмоциональных компонентов коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.

Кристал Д. Язык и интернет / пер. с англ. А. Баранова. М.: Прогресс, 2008.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004.

Холланд Н.Х. Компьютер и пользователь: исследования взаимодействия / пер. с англ. С.А. Мещерякова. СПб.: Питер, 2010.

Pesina S.A., Kiseleva S.V., Vinogradova S.A., Trofimova N.A., Kabirova O.R., Abilova M.G., Prosyannikova O.I. Classification of metaphors according to the degree of difficulty of their perception and their decoding from the standpoint of invariant semantics // *ResMilitaris*. 2022. Vol. 12. No. 3. Pp. 2129-2141.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>

A. S. Nekhoroshev (St. Petersburg, Russia)

Pushkin Leningrad State University

METAPHORS IN THE DIGITAL WORLD

This article explores the cognitive-semantic features of digital vocabulary in modern English. Particular attention is given to the role of metaphors in structuring and interpreting complex technological processes. Examples of digital terms and their cognitive models are analyzed.

Key words: digital vocabulary, metaphor, cognitive linguistics, cognitive analysis, semantic analysis

О.Н. Осадчая (Москва, Россия)

*Российский государственный университет правосудия
zuba-zuba@mail.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

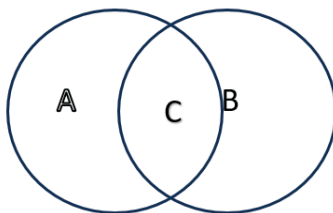
На современном этапе развития языкознания исследование юридического дискурса представляет научный интерес для ученых-языковедов. В данной статье предпринята попытка проанализировать особенности правоинтерпретационной деятельности в юридическом английском

ском и русском языках, а также выявить сложности, возникающие при уяснении и разъяснении правовых реалий, их релевантных когнитивных признаков.

Ключевые слова: юридический дискурс, толкование, язык повседневного общения, юридический язык, терминология

Понятию юридический дискурс посвящены многочисленные труды современных ученых. Текст юрислингвистики, представляющий собой единую систему знаков с закодированной культурной информацией, анализируется с позиций когнитивной лингвистики с целью декодирования культурно значимых феноменов посредством языковых воплощений. Вследствие множественности картин мира, зависимости восприятия текста от индивидуального и коллективного сознания, наличия триадной структуры когнитивно-ориентированного языкового материала в правовом контексте «отправитель-реципиент-текст» возникает острая необходимость в стабилизирующей роли интерпретационной деятельности с целью эффективного правоприменения. На первый план выходят вопросы оптимизации рассматриваемой деятельности, так как бесспорна значимость толкования права для более точного и единообразного восприятия воли законодателя, правильной расшифровки «духа» закона, истинного смысла нормативно-правовых актов и разъяснения его всем субъектам права с целью исключить возможные коллизии и способствовать заполнению пробелов в праве. В современной юридической науке актуальным является вопрос о совершенствовании интерпретационной деятельности в связи с противоречивой практикой толкования нормативно-правовых актов, наличием ошибок при интерпретации права компетентными субъектами, отсутствием отлаженного механизма, предназначенного для регулирования интерпретационного процесса.

На этапе уяснения и разъяснения нормы права интерпретатор сталкивается с проблемой соотношения профессионального правового языка и языка повседневного общения в юридическом дискурсе. Ученый-правовед В. Кнапп предложил схематическую модель подобных отношений [Кнапп 1991]:

Согласно данной схеме, два круга представляют три лингвистических подмножества. Группа А включает слова, характерные только для разговорного стиля; группа В инкорпорирует лексемы, свойственные исключительно для научного стиля в контексте юридической деятельности; группа С содержит репрезентантов разговорного и правового общения. Таким образом, языковые единицы юридического дискурса обнаруживаются в группе В+С. Данные множества и подмножества являются

открытыми, их границы могут изменяться с течением времени. Новые слова могут появляться под влиянием технологических достижений в обществе. Также слова могут переходить границу между разговорным и профессиональным языковыми пластами в связи с процессами конвергенции и дивергенции под влиянием объективно складывающихся общественных отношений политической и социально-экономической направленности. Интерпретатор сталкивается со значительными сложностями при нормативном толковании, а именно аутентичном и делегированном, когда выбор языковой единицы и определение объема семантического содержания играют важную роль в адекватной передаче воли нормотворческого органа. Схожие трудности возникают, когда суды дают разъяснения по вопросам судебной практики. Общая тенденция в современной когнитивной интерпретационной практике в рамках юридических наук заключается в том, что приоритетный выбор языковых средств осуществляется в пользу потенциала разговорного языка, если контекст не предполагает использование специальной лексики. Следовательно, данный подход характеризуется более широкими возможностями, чем официальное толкование.

В ходе интерпретационной деятельности возникают различные виды сложностей, одной из которых является семантическая неоднозначность, особенно характерная для подмножеств А и С. Юридическая терминология со свойственной ей однозначностью, содержащаяся в подмножестве В, вызывает меньше трудностей, по крайней мере у профессионалов-юристов. Репрезентанты группы С являются источником «повышенной опасности», так как могут использоваться в обыденной разговорной и обыденной правовой речи, например лексема «consideration» в повседневном общении обозначает «рассмотрение» и «встречное удовлетворение» в договорном праве. Не способствует однозначности в передачи смысла и многозначность слов. Несмотря на наличие у таких единиц основной семы, в некоторых случаях установить единственно верную сему в конкретном контексте бывает затруднительно. Приведем пример из труда правоведа Л. Фуллера «Позитивизм и верность праву»:

Let us suppose that in leafing through the statutes, we come upon the following enactment: "It shall be a misdemeanour, punishable by a fine of five dollars, to sleep in any railway station." ... Suppose I am a judge, and that two men are brought before me for violating this statute. The first is a passenger who was waiting at 3am for a delayed train. When he was arrested he was sitting upright in an orderly fashion, but was heard by the arresting officer to be gently snoring. The second is a man who had brought a blanket and pillow to the station and had obviously settled himself down for the night. He was arrested, however, before he had a chance to go to sleep [Фуллер 1958].

Лексема *sleep* имеет двоякий смысл: the actual state of being asleep» и «the action of spending the night in some place in order to sleep. В приведенном примере можно утверждать, что правоприменение актуализируется, исходя из второго значения анализируемой языковой единицы. Виновными будут те лица, которые находятся на железнодорожной станции с намерением там переночевать, а невиновными – пасса-

жиры, которые там «задремали», ожидая своего поезда. Тем не менее, сохраняется вероятность того, то умелый юрист сможет использовать именно то значение слова, которое ему необходимо для выстраивания линии защиты или обвинения, спрогнозировав ту или иную когнитивную реакцию реципиента.

В российском юридическом дискурсе примером полисемии, вызывающей когнитивные интерпретационные сложности, может послужить термин «юридический акт». С одной стороны, это официальный письменный документ, порождающий определенные правовые последствия, а с другой – действие (осознанное) субъекта правоотношения, явно направленное на возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Одним из способов нивелирования двусмысленности является использование синонимии, но зачастую синонимы, наоборот, приводят к еще большей неоднозначности. Примером может послужить лексема «легкомыслие», выступающая синонимом «самонадеянности», как одна из форм вины по неосторожности в Уголовном кодексе Российской Федерации. Некоторые ученые считают введение новой единицы «легкомыслие» легкомысленным поступком, так как данный термин в его словарном понимании означает необдуманность, несерьезность в словах и поступках. Следовательно, легкомыслием является и другая форма неосторожности – небрежность [Сырых 2012].

Омонимия также может порождать двусмысленность. Ярким примером может служить термин «право». Право в объективном смысле представляет собой совокупность предписаний, относящихся к множеству лиц, находящихся в сфере действия правовой нормы, а право в субъективном смысле – предоставляемая и охраняемая государством возможность (свобода) субъекта по своему усмотрению удовлетворять свои интересы. При этом в ходе когнитивной интерпретации актуализируются коннотативные оттенки. В английском языке данное противоречие снимается за счет функционирования разных терминов: *law* и *right*. Термины-омонимы обнаруживаются и в английском юридическом дискурсе, например, словосочетание *civil law* используется для обозначения кодифицированной правовой системы и отрасли права, а именно гражданского права. Адекватная интерпретация данной единицы в зависимости от контекста способствует правильному восприятию фактического языкового материала и приобретает верификационную значимость.

Дуалистическая природа языка права обнаруживает разновекторные стратегии во взаимодействии юриспруденции и лингвистики. С одной стороны, создание, адаптация или отмена языковых средств выражения правовых норм направлены на более точное толкование законов, с другой стороны, существуют особые формы языка закона, которые скорее маскируют, усложняют понимание правовых реалий, таким образом ограничивая доступ к правосудию и охраняя интересы профессиональных юристов. В таких случаях право выступает в качестве камуфляжа [Гроссфелд 1990]. Примером может послужить употребление фразы *a particular institution* вместо термина с прямой номинацией *slave* в Конституции

Соединенных Штатов Америки в период сохранения права рабовладения. Более современной аналогией в семейном праве является термин *unreasonable behaviour* (необоснованное поведение), искусственно вводимый в бракоразводный процесс с целью прекращения брачных отношений, которого супруги на деле хотят избежать, чтобы не ждать 12 или 24 месяца с начала раздельного проживания для получения развода по взаимному согласию (согласно английскому семейному праву, с момента раздельного проживания должен пройти один год в случае зарегистрированных браков и два года при сожительстве де-факто для того, чтобы иметь возможность официально подать заявление на развод). Когнитивная «вуаль», используемая правотворческими компетентными органами, не создает в сознании реципиента негативной когнитивной реакции, таким образом, достигается снижение социальной напряженности и эффективное формирование общественного мнения.

Подводя итог, необходимо отметить, что в целом, несмотря на вариативность и творческий потенциал когнитивной интерпретационной деятельности, наблюдается тенденция к языковому и содержательному упрощению профессионального юридического языка, в том числе за счет интерпретационного инструментария. Приоритетными позициями при толковании норм права обладает обыденная лексика, которая заменяет профессиональную терминологию там, где это возможно. С другой стороны, язык права все еще выступает в качестве камуфляжа, своего рода «мистификатора». Данный термин эксплицитно выражает кастовый характер юридического языка: «буквой закона» обладают только профессиональные юристы, которые в свою очередь дают разъяснения по вопросам права гражданам, заинтересованным в доступе к правосудию.

Литература

- Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник. М.: Юстицинформ, 2012.
Fuller L. Positivism and fidelity to law – A reply to professor Hart. Cambridge: Harvard Law Review, 1958.
Grossfeld B. The strength and weakness of comparative law. Oxford: Clarendon Press, 1990.
Knapp V. Some problems of legal language. Ratio Juris. Vol. 4. № 1. 1991. Pp. 1-17.

O.N. Osadchaya (Moscow, Russia)

Russian State University of Justice

ACTUAL PROBLEMS OF COGNITIVE INTERPRETIVE PRACTICE

At the present stage of development of linguistics, the study of legal discourse is of scientific interest to linguists. This article makes an attempt to analyze the features of the legal interpretation in English and Russian legal languages, as well as to identify the difficulties that arise in understanding and clarifying legal realities, their relevant cognitive characteristics.

Key words: legal discourse, interpretation, general language, legal language, terminology

С.А. Панкратова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
svetpankrat@yandex.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Актуальность вопроса состоит в обращении к лингвокогнитивному аспекту кинотерминологии, углубляющему понимание когнитивных механизмов создания и функционирования терминов в специальной среде. Раскрытие механизмов концептуализации кинотерминов методами лингвистического наблюдения и дефиниционного анализа происходит на примере заимствованных терминологических пар и их детерминологизации.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, лингвокогнитивный аспект, кинематографическая терминология, концептуализация специальной лексики, категоризация кинотерминологии

Исследование кинематографической терминологии в когнитивном аспекте весьма познавательный процесс, а его результаты могут способствовать наведению междисциплинарных мостов между когнитологией и терминологией благодаря выявлению оригинальных когнитивных механизмов современного терминообразования. Новизна подобного исследования состоит в том, что благодаря знанию когнитивных механизмов терминообразования мы способны выйти на новый уровень когнитивного освоения мира специальностей, мира кинопроизводства, существенно улучшая качество лексикографических источников и кинопродукта в его целостности.

Прежде всего отметим, что междисциплинарность терминоведения обуславливается его чисто практическим, прикладным характером как собирателя специфических лексических единиц различных семантических сфер, обслуживающих нужды как преподавания, так и литературоведения, и лингвистики. Терминоведение как наука лингвистического блока исследуется давно и детально терминографами (И.А. Арнольд, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Ю.С. Степанов, О.Н. Трубачев), лексикографами (Л.В. Щерба, С.И. Ожегов, С.Г. Бархударов) и методологами терминоведения (В.М. Лейчик, В.А. Татаринов, В.Ф. Новодранова, В.В. Гончарова).

Терминография берет свое начало с древнеанглийских текстов, сопровождавшихся глоссами – подстрочными переводами. Так, в XVII в. первый одноязычный словарь создает Роберт Коудри (R. Cowdry) с целью школьного обучения. Затем в XVIII в. Сэмюэль Джонсон публикует первый толковый словарь с примерами из английской литературы. Именно тогда стало ясно, что словари благоприятствуют нормализации языка и установлению общепринятого узуса.

Благодаря стараниям лексикографов и терминоведов в наши дни справочные материалы варьируют от лингвистических и энциклопедических до специальных и даже электронных глоссариев. Специфика терминоведения в том, что от точности понимания термина зависит корректность понимания научного текста, а неточность терминологического аппарата в научной среде неприемлема.

Термины как слова с четко отграниченным значением подразумевают логически точное определение понятий. Их экстенционал содержит набор конкретных фактов, а интенционал – дескрипцию минимальных необходимых свойств понятия. По мнению Б.Н. Головина, термин соотносится со специальным понятием, а его значение соотносится со значением других терминов в пределах той или иной терминосистемы. «Термин – наиболее информативная единица естественного языка. Термин – точный носитель информации о научном понятии» [Головин 1980: 19-20].

Проблема междисциплинарного освоения терминологии в том, что термин, выполняя эвристическую функцию правильного ориентирования в познавательном процессе, направляет мышление именуя предметы по функции, поведению, цвету, звуку, числу, месту, размеру, форме, весу, времени, возрасту, интенсивности, температуре, структуре, цели, результату, источнику, принадлежности и другим точным параметрам.

Вся эта доскональная точность сталкивается с требованием простоты обыденного понимания и порождает проблему демаркации общих и специальных знаний в процессе развития специальных сфер и их популяризации в обществе. Специалисты не могут не пользоваться общим языковым фондом для обозначения нарождающихся понятий, а неспециалисты, в свою очередь, неспособны обойтись без употребления терминов пусть даже в их неточном, приблизительном значении.

Современное терминоведение рассматривает термин более широко, в когнитивном, социопрагматическом и коммуникативном контексте. «Термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной среде и важнейшим элементом профессиональной коммуникации» [Голованова 2014: 58].

В современном коммуникативно-когнитивном направлении термин рассматривается как динамичный концепт, отражающий пути номинации и постижения человеком всевозможных систем знаний. Добавим, что репрезентация осуществляется удобным (бережно задействующим языковые ресурсы) для человека способом, что отвечает когнитивному закону экономии усилий.

О взаимосвязи когнитивного и лингвистического в термине следует поговорить подробнее. Как известно, когниция есть познавательная деятельность человека, направленная на освоение окружающего мира по цепочке от сознания к языку, репрезентации, концептуализации и категоризации концептов.

Человек всю жизнь осуществляет классификационную деятельность по выделению, сравнению, отождествлению и различению объектов и событий. При этом человек оперирует концептами, понимаемыми как «...оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона и концептуальной системы мозга» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90].

Но концепт как некий «квант переживаемого знания» (термин В.И. Карасика) не равен понятию, ибо он объективируется в «семантике слов, фразеологизмов, высказываниях, определенных сюжетах и жанрах» [Карасик 2004]. Понятие, на дефини-

ниции которого базируется термин, есть результат теоретических построений, он отражает наиболее существенные и необходимые признаки предметов и явлений.

Концепт, напротив, является «результатом обыденного познания (т.е. когниции)», то, что человек думает, предполагает, воображает об объектах мира [Болдырев 2001]. Концепт отражает один или несколько, любые, необязательно существенные, но актуальные признаки объекта. Именно потому, что многие термины для обычного носителя языка являются агнонимами, в языке происходит процесс детерминологизации как перехода термина в общепотребительную сферу с утерей связи между строго научным понятием и возникновением нового значения.

Причины детерминологизации во многом когнитивные – это устаревание прежней терминосистемы, появление нового артефакта, процесса или явления (вспомним знаменитую «культуру отмены» (cancel culture). В языке могут сосуществовать терминологические пары «термин: детерминологизированная единица», а статус последней остается на границе терминосферы, сигнализируя особый когнитивный стиль современности. Как В.М. Лейчик, «широкое распространение детерминологизированных лексических единиц в современных естественных языках является побочным следствием характерной для нашей эпохи интеллектуализации языка» [Лейчик 2012: 87].

Таким образом, сама история познания показывает, что терминология является открытой флуктуирующей системой благодаря когнитивным механизмам формирования терминов, которые включают производные термины, термины с измененным значением и заимствованные термины [Лотте 1982: 7].

А между вышеуказанными способами возможны неизбежные в силу недостаточной природы языковой номинации взаимопереходы и взаимопересечения. Однако, проблема размытости границ терминов становится как никогда более актуальной если говорить о таком явлении, как детерминологизация, переход термина из специальной сферы в общепотребительную.

К примеру, точного определения требуют такие специальные термины, как «шоураннер» (это ведущий шоу или управляющий телепрограммой), «питчинг» (акт выдвижения фильма на конкурс или представление его перед продюсером и кастинг-директором), «футаж» (отснятый материал в целом или пригодный к монтажу киноматериал) и пр. Очевидно, что даже фонетически адаптированные заимствованные термины семантически более тематически определены, однозначно сигнализируют о кинематографической природе терминов, а английский язык привносит свою оригинальную ауру новизны, бодрости, ассоциации успеха и популярности.

В качестве вывода отметим, что кинотерминология служит богатым ресурсом междисциплинарных исследований, через вскрытие когнитивных механизмов терминообразования способствуя повышению качества кинематографического производства и его финального продукта, кинофильма, телепередачи. Она способна продвинуть кинопроцесс и пролить свет на концептуализацию действительности. Термины кинематографа когнитивно ориентированы, поскольку их задача состоит

в том, чтобы назвать явление сферы кино при помощи понятия с более обширным интенционалом и закрепить его в терминологической системе координат. Благодаря своим ассоциативным связям и ауре англицизма образные и заимствованные термины открывают пути моделирования терминообозначений сферы кино и способствуют выстраиванию более четкой классификации последней. Образные и заимствованные термины сберегают и аккумулируют общий фонд знаний киноотрасли, обеспечивая приобретение и передачу знаний о кинопроизводстве и равный доступ к культурному содержанию отражаемых понятий для специалистов и простых любителей.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001.
- Головин Б.Н.* Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, 1980. С. 3-24.
- Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2014.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.
- Краткий словарь когнитивных терминов* / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.
- Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982.

S.A. Pankratova (Saint-Petersburg, Russia)

Saint-Petersburg State Institute of Film and Television

LINGVO-COGNITIVE ASPECT OF THE INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE FILMMAKING TERMINOLOGY

Addressing the lingvo-cognitive aspect of the filmmaking terminology is topical, deepening the understanding of cognitive mechanisms of creation and functioning of terms in special spheres. In order to disclose the mechanisms of conceptualization of film terminology by means of linguistic observation and definitive analysis polysemantic terminological combinations are studied with the regard of their determinologization in filmmaking.

Key words: interdisciplinary approach, lingvo-cognitive aspect, filmmaking terminology, special lexis conceptualization, film terminology categorization

Е.Н. Парфененко (Москва, Россия)

*Российский государственный университет правосудия
milnik@mail.ru*

МОТИВИРОВОЧНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ НЕФОРМАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Целью данной статьи является выявление специфики номинации исправительных учреждений в Российской Федерации. Материалом для проведения анализа послужили государственные сайты, юридические базы данных, а также статьи культурологов Российской Федерации. Полученные результаты позволяют заключить, что в России существует пер-

вичная (официальная) и вторичная (неофициальная) номинация пенитенциарных заведений. Особый интерес вызывает вторичная номинация и мотивировочные критерии выбора такой номинации.

Ключевые слова: номинация, ономастиология, эргоним, исправительное учреждение, тюрьма

Номинация различных объектов государственных учреждений до сих пор остается вопросом для изучения лингвистами-практиками, так как в имени всегда отражаются культура и социальная жизнь общества [Суперанская 2007: 13]. Наука, которая занимается вопросами изучения имени собственного, называется ономастиология. Данное исследование посвящено названиям исправительных учреждений и относится к такому разделу ономастики, как эргонимия, которая изучает эргонимы, обозначающие «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 151]. Целью данной статьи было выявить мотивы, по которым происходила неформальная номинация таких государственных учреждений, как исправительные учреждения Российской Федерации. Интерес к данной теме обусловлен тем, что имена, а чаще всего именно неофициальные имена, тесно связаны с реалиями, традициями, мировосприятием определенного народа. Данное исследование может иметь практическое применение при изучении экстралингвистических-ономастических универсалий, а именно мотивов наречения.

Официальные названия исправительных учреждений не вызывают особого интереса. В основном, в названии сначала указывается аббревиатура организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта, далее следует аббревиатура или полная форма типа учреждения и его номер, потом указывается аббревиатура организации, под чьим ведомством находится данный тип исправительного учреждения, и территориальная принадлежность заведения [Справочник СИЗО России].

Особое внимание стоит уделить неофициальным названиям исправительных учреждений, которые появились благодаря смысловым и подсознательным образам, созданным не официальными органами, а обычными людьми [Пирожкова, Тарабрина 2021: 131]. Именно такие названия можно считать эргонимами. При выборе номинации для таких учреждений люди руководствовались мотивами.

Неофициальные названия пенитенциарных заведений можно условно разделить по нескольким мотивировочным критериям: место, форма постройки, тип заключенных. Например:

- по типу заключенных:

- 1) «Кремлевский централ» – следственный изолятор. В России царского периода слово «централ» обозначало центральную каторжную тюрьму, где содержались криминальные лидеры, диссиденты и заключенные, которым был необходим особый режим. Сейчас здесь отбывают срок в основном известные люди, чиновники, бизнесмены [МАС].

2) «Владимирский централ» — это тюрьма, которая изначально предназначалась для содержания самых опасных преступников и политических заключенных.

3) «Торбеевский централ» — исправительное учреждение особого режима для пожизненно осужденных, в которой содержатся маньяки, убийцы и террористы.

- по месту расположения:

1) «Матросская тишина», следственный изолятор, который расположен на одноименной улице. Здесь по указу Петра I была построена парусная фабрика, а позже был открыт богадельный дом для ветеранов флота. Чтобы не беспокоить жителей богадельни, рядом с ней нельзя было шуметь. Впоследствии горожане прозвали это место «Матросской тишиной» [Иванов].

2) «Лефортово» — это следственный изолятор, который получил свое название от района Лефортово, который, в свою очередь, был назван в честь Франца Лефорта, сподвижника Петра I.

3) «Шпалерка» — это следственный изолятор, который расположен на Шпалерной улице. «Шпалерка» — это усеченная форма от названия улицы.

4) «Бутырка» — это следственный изолятор, который получил свое название от подмосковной деревни Бутыркино. В старину сибиряки «бутырками» называли маленькие селения, отделенные от главного поля или лесом.

5) «Пресня» — следственный изолятор находится на станции Красная Пресня, откуда и получил свое название.

6) «Медведь» — это следственный изолятор, чье название связано с районом, в котором он находится, а именно Медведково.

7) Следственный изолятор №5 «Водник» так называется из-за близости к станции метро «Водный стадион».

- по номеру исправительного учреждения:

1) «Пятак» — это исправительная колония особого режима для пожизненно заключенных. Название этого исправительного учреждения связано с номером исправительного учреждения -5.

2) «Единичка» — получила свое название по номеру исправительного учреждения ИК № 1.

- по артефактам на территории исправительного учреждения:

1) «Черный дельфин» — это колония особого режима в России. Свое неофициальное название «Черный дельфин» получил благодаря сооруженному в ее дворе фонтану со скульптурой, изображающей черного дельфина, выполненной заключенными в технике папье-маше.

2) «Белый медведь» — это исправительная колония, которая имеет такое неофициальное название из-за логотипа учреждения — статуи белого медведя.

- по специфике передвижения заключенных по территории исправительного учреждения:

1) «Белый лебедь» — это колония особого режима для пожизненно заключенных. Основной версией происхождения данного названия является «лебедообраз-

ный» способ перемещения пожизненно осужденных по территории колонии: в согнутом состоянии, с закованными в наручники руками вверх за спиной.

- по виду руководства:

1) «Красная утка» — это исправительная колония общего режима. Считается, что слово «утка» закрепилось за названием учреждения как синоним сплетни, доноса, по которым попадали туда «враги народа». А «красной» зоной считают ту, где установлен полный контроль администрации.

- по форме здания исправительного учреждения:

1) «Снежинка» — это исправительная колония особого режима для приговоренных на пожизненное заключение. Свое название «Снежинка» получила из-за того, что ее корпуса расположены в форме семиконечной звезды.

2) «Новые Кресты» — это следственный изолятор в Санкт-Петербурге, который называется так из-за своей архитектуры, так как его корпуса похожи на два больших креста.

- по территориальному критерию и по критерию номинации располагающемуся на ней артефакту:

1) «Полярная сова» — это исправительная колония с особым режимом для пожизненно осужденных. Название это связано со статуей белой совы, расположенной перед входом в здание, и с тем, что эта колония расположена за полярным кругом.

Подводя итоги, следует отметить, что именно вторичная номинация наделила исправительные учреждения ассоциативными признаками и индивидуальностью. Большинство названий исправительных учреждений перешли из имен собственных в имена нарицательные, так как денотат имени приобрел популярность у членов данного языкового сообщества. По особенностям мотивации можно выделить косвенную номинацию пенитенциарных учреждений. Вторичную номинацию получили, в основном, исправительные учреждения Москвы и Петербурга, а также исправительные учреждения строгого и особого режима. Большая часть эргонимов образована с использованием названий цветов (красный, черный, белый), а также животных или птиц (медведь, сова, дельфин, утка). В названиях исправительных учреждениях федерального значения находили отражение местоположение и лексическая единица «централ».

Литература

- Иванов В. «Матросская тишина» – откуда такое название? // Федеральный портал История. РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/matrosskaia-tishina-otkuda-takoe-nazvaniie>
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
- Пирожкова И.Г., Тарабрина Л.В. Неформальные названия учреждений пенитенциарной системы // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 131-136.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
- Справочник колоний, СИЗО и тюрем России. URL: <https://sizo.ru>
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

E.N. Parfenenko (Moscow, Russia)

Russian State University of Justice

MOTIVATIONAL CONDITIONING OF INFORMAL NOMINATION OF RUSSIAN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

The purpose of this article is to identify the specifics of nomination of correctional institutions in the Russian Federation. The material for the analysis is collected from the state websites, legal databases, as well as articles by culturologists of the Russian Federation. The results obtained allow us to conclude that in Russia there are primary (official) and secondary (unofficial) nomination of penitentiary institutions. Of particular interest is the secondary nomination and motivational criteria for choosing such nomination.

Key words: nomination, onomasiology, ergonym, correctional institution, prison

M.B. Пизалева (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
pizaleva-m@yandex.ru*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИСКУССТВО» В АССОЦИАТИВНЫХ РЕАКЦИЯХ РУССКИХ ИНФОРМАНТОВ

В статье приводятся результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выявление образа искусства в русской языковой картине мира. Во время эксперимента русские информанты возрастом от 18 до 25 лет называли 25-30 ассоциаций на слово-стимул «искусство». Полученные контексты были подвергнуты компонентному анализу с последующим выделением семантических компонентов.

Ключевые слова: искусство, семантическая группа, информант, ассоциации, эксперимент

Искусство – это сфера человеческой деятельности, неразрывно связанная с творческим созиданием и отображением эстетических представлений. В той или иной мере искусство свойственно для любого общества и культуры и представляет собой «один из векторов освоения мира человеком» [БРЭ].

Многогранность искусства представлена уже в разнообразии его определения в соответствии с разными научными направлениями: философией, гносеологией, эстетикой, культурологией, психологией, религией, семиотикой и т.д. В культурологии искусство рассматривается не только в качестве совокупного результата человеческой деятельности и важнейшего способа освоения мира, но и как элемент культуры, связанный со способностью субъекта к эстетическому освоению жизненного мира и его воспроизведению в образно-символическом ключе при опоре на ресурсы творческого воображения [БТСК]. В рамках социокультурного подхода искусство рассматривается в двух аспектах: ценностном и коммуникативном. Ценностный аспект искусства проявляется в том, что искусство провозглашает и отстаивает определенные ценности и производит оценку явлений. Ценностный аспект тесно связан с человеческими эмоциями, которые пронизывают как процесс создания

произведения искусства, так и его восприятие. В рамках коммуникативного аспекта искусство выступает в роли вторичного языка, передающего с помощью вербальных и невербальных знаков неутилитарное содержание произведения. Установка искусства на коммуникацию важна для понимания его как социального института [Петкова 2008: 8-9]. В семиотике искусство – это язык со своей знаковой системой, созданный для передачи художественно-эстетической информации. Ю.М. Лотман называет искусство и науку «глазами человеческой культуры», которые отвечают за объемность получаемого знания [Лотман 2010: 479].

Исследование концепта ИСКУССТВО в разных языковых картинах мира представляет особый интерес, так как сравнение представленности концептов может выявить как универсальное в восприятии искусства, так и характерное только для представителей той или иной лингвокультуры.

В связи с тем, что лингвокогнитивный подход рассматривает концепт как лингвокогнитивное образование, отраженное в человеческом сознании, исследование концепта ИСКУССТВО включает в себя применение экспериментальных методов. Наиболее распространенными методами являются ассоциативный эксперимент (свободный, направленный, цепочечный) и анкетирование. Ассоциативный эксперимент представляется «наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики» [Белянин 2003: 68], кроме того, его проведение требует относительно небольших временных затрат. Ассоциативные реакции должны следовать немедленно для исключения обдумывания ответов, т.к. цель исследования – получение спонтанных реакций.

Нам был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент с множественным количеством реакций, в котором участникам предлагалось написать не менее 30 ассоциаций на слово-стимул «искусство». В эксперименте приняло участие 20 русских информантов, получающих или уже получивших высшее образование. Информанты были сбалансированы по полу (мужчины и женщины) и возрасту (от 18 до 25 лет) ассоциативного эксперимента. Анализ ответов осуществлялся в информационной системе «Семограф», в которой цепочка ассоциаций каждого информанта рассматривалась как отдельный контекст и подлежал компонентному семантическому анализу. Так как контексты были представлены многочисленными реакциями, каждый контекст включал в себя несколько компонентов, из которых в процессе анализа были выделены семантические признаки, актуализированные в ответах русских респондентов. В результате анализа ответов информантов нами было выделено 16 семантических групп. Количество реакций в каждой семантической группе представлено в диаграмме на рис. 1.

Как видно из диаграммы, в ответах русских информантов наиболее многочисленно представлены следующие семантические группы: «Виды искусства», «Деятельность», «Чувства, эмоции». Меньше всего представлены семантические группы «Авторы» и «Эталон».

Рис. 1. Частота представления семантических групп поля «Искусство»

В семантическую группу «Виды искусства» вошли все упомянутые информантами произведения и элементы искусства или творческого процесса, которые также были разбиты внутри семантической группы на подгруппы по различным видам искусства. Наиболее многочисленными оказались подгруппы «Изобразительное искусство» (31 реакция), «Музыка» (17 реакций) и «Литература» (16 реакций). Изобразительное искусство – это пространственный вид искусства, который для создания образа использует построение в пространстве. Созданный художественный образ легко актуализируется при упоминании, и именно наглядность можно назвать основной причиной многочисленности реакций данной семантической подгруппы. Музыка и литература представляют собой динамические виды искусства, т.е. те, которые разворачиваются во времени. И музыкальные, и литературные произведения нередко становятся элементом досуга, также довольно часто распространено их цитирование или частичное воспроизведение в средствах массовой информации. Синтетические виды искусства – театр, кино – представлены в реакциях информантов значительно меньше.

Искусство в ассоциациях русских молодых людей деятельно. Об этом свидетельствуют многочисленные реакции семантической группы «Деятельность». Реакции были разбиты на подгруппы «Созидание» (примеры реакций: *выражение, написание хорошего сценария, открытие, лепка*) «Развитие» (*изменение окружающего мира, преобразование, совершенствоваться*), «Разрушение» (*прорыв, разрушение системы*), «Исполнение» (*артистическое фехтование, кулинария, воплощение*), «Коммуникация» (*взаимодействие, сближает, желание высказаться*). Подгруппа «Созидание» представлена самым большим количеством реакций, что соотносится с определением искусства в широком смысле как творческой созидательной деятельности.

Семантическая группа «Чувства, эмоции» содержит ассоциации, связанные преимущественно с творческим процессом. Среди названных эмоций преобладают положительные (*интересно, захватывающе, комфорт*), однако встречаются и отрицательные эмоции и ментальные состояния: *обреченность, апатия, трагедия*. Русские информанты связывают искусство с волнением, об этом свидетельствуют реакции *впечатление, тревожность, экспрессия*. Стоит отметить, что некоторые реакции называют сенсорные ощущения, которые вновь отсылают нас к воспроизводимому визуальному образу произведения искусства: *яркость, тепло, мягкость, блеск*.

Обратимся к семантическим группам «Авторы» и «Эталон», содержащим существенно меньшее количество реакций. Семантическая группа «Авторы» содержит упоминания в ассоциациях деятелей искусства: *Винсент ван Гог, Айвазовский, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Бродский*. Все указанные авторы связаны с превалярующими в реакциях видами искусства – изобразительным искусством и литературой. Частота упоминаний данных деятелей искусства и их произведений в ассоциативном эксперименте и в проведенном впоследствии анкетировании (подробнее см [Пигалева 2022]) дает основания отнести имена творцов к прецедентным. В сочетании реакций группы «Авторы» с реакциями семантических групп «Виды искусства» и «Произведения искусства» мы видим влияние фактора «Образование», т.к. ассоциации содержат программных авторов и произведения: *Бродский, Мона Лиза, Айвазовский, Эрмитаж* и т.д. Стоит отметить, что реакций, обозначающих прецедентные феномены, в ответах русских информантов достаточно мало – всего 11.

Семантическая группа «Эталон» представлена ассоциациями *гений, поиск истины, помешательство на недостижимом идеале, гениальность*. В узком смысле искусство – это высшая, исключительная форма владения тем или иным навыком, и подобное понимание встречается в реакциях данной семантической группы.

Ассоциативный эксперимент выявил важную для русских информантов эмоциональную, интеллектуальную и деятельностную составляющую искусства. Самое большое количество реакций называет различные виды искусства, среди которых существенно выделяются произведения и элементы изобразительного искусства, музыки и литературы. Образы данных видов искусств воспроизводятся легче всего, т.к. они часто присутствуют в учебной ситуации и нередко эксплуатируются средствами массовой информации. В ассоциациях русских информантов названия произведений искусств и имена авторов достаточно редки, однако указываются преимущественно шедевры мировой культуры. Большое количество реакций, обозначающих деятельность, также демонстрирует связь искусства с актом творчества и активную роль творца.

Литература

Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, 2008.

Искусство // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2022615>

Искусство // Большой толковый словарь по культурологии. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-200-4.htm#zag-496>

Лотман Ю.М. О природе искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

Петкова С.М. Эстетика: курс лекций. Ростов-на-Дону: б.и., 2008.

Пигалева М.В. Название произведений искусства в языковой картине мира русской и китайской молодёжи // Слово и культура без границ: аксиологический аспект: сборник статей. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2022. С. 237-241.

M.V. Pigaleva (Perm, Russia)

Perm State University

SEMANTIC GROUPS OF THE SEMANTIC FIELD “ART” IN ASSOCIATIVE REACTIONS OF RUSSIAN INFORMANTS

This article presents the results of an experiment aimed at identifying the image of art in the Russian linguistic picture of the world. The experiment was conducted in the form of a questionnaire, during which Russian informants aged 18 to 25 named the most significant, in their opinion, features of art. The resulting contexts were analyzed with the subsequent identification of semantic groups.

Key words: art, semantic group, informant, associations, experiment

А.Ю. Пыхтина (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
anyapiht@yandex.ru*

МЕТОД СУБЪЕКТИВНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА

Данная работа посвящена исследованию процесса становления концепта в языковом сознании современного носителя языка. Обосновывается применение психолингвистических методов в изучении структуры концепта. Анализируются результаты экспериментального исследования, проведенного с помощью метода субъективных дефиниций. Делается вывод о том, что концепт «дипломатия» в настоящее время находится в стадии становления.

Ключевые слова: концепт; становление концепта; экспериментальное исследование; метод субъективных дефиниций; дипломатия

Внутреннее содержание концепта, с одной стороны, отличается устойчивостью и цельностью иерархической структуры, с другой – подвержено мощному и постоянному влиянию извне. С уверенностью можно предположить, что концепты, ставшие частью концептосферы данного культурного и языкового сообщества, в гораздо меньшей степени подвержены воздействию внешних факторов, в отличие от формирующихся концептуальных структур. Во многом это связано с тем, что становление концепта представляет собой, как правило, длительный процесс; новые наивные представления и научные понятия, по той или иной причине вступающие в языковое сознание и, следовательно, становящиеся частью языковой картины мира носителя языка, должны обрести, наряду с понятийными признаками, коннотативные оттенки значения и ценностную значимость. При этом следует отметить, что концепт, являясь продуктом когнитивной и психической деятельности индивида и социума в этнокультурном пространстве языкового коллектива, по всей видимо-

сти, не прекращает своего развития; исследователь имеет возможность наблюдать не окончательно сформированную структуру концепта, а, скорее, стадии его формирования, отделенные друг от друга различными по протяженности временными промежутками. Это обуславливает значимость проведения исследований с помощью экспериментальных методов: «Экспериментальные данные фиксируют некий «срез» языковой действительности, запечатленный в конкретный момент времени» [Пыхтина 2021: 128].

В языке отражены явления и изменения окружающей человека реальности, поэтому длительность формирования и развития концепта определяет многочисленные влияния извне на его понятийное, психическое, коннотативное, ценностно-значимое и этнокультурное наполнение.

Исследование концепта психолингвистическими методами (как и процесса его формирования) позволяет выявить его наиболее яркие в смысловом отношении, актуализированные в языковом сознании носителя языка понятийные, психические, связанные с культурой и базовыми этническими ценностями коллектива грани; с уверенностью можно предположить, что «экспериментальные методы позволяют выявить и зафиксировать содержательное наполнение лексемы в сознании носителя языка, актуальность того или иного значения отдельного слова для индивида, а также ответить на вопрос, как функционируют когнитивные механизмы в сознании человека...» [Пыхтина 2022: 765]. В нашем исследовании мы использовали метод субъективных дефиниций, целью которого является «получение от испытуемых словесной дефиниции значения интересующего исследователя слова» [Виноградова, Стернин 2016: 32]. Данный метод позволяет не только ответить на вопрос, как именно носитель языка понимает значение той или иной языковой единицы; благодаря методу субъективных дефиниций у исследователя появляется возможность проследить, какие образы памяти сопровождают данное слово в сознании носителя языка, понять субъективное отношение индивида к исследуемому явлению, определить, насколько значимым в культурном, социальном, морально-этическом и личностном смысле является внутреннее содержание того или иного слова, как для индивида, так и для общества в целом.

В нашем исследовании приняли участие 87 испытуемых, 34 юноши и 53 девушки. В настоящее время все они являются студентами вторых курсов высших учебных заведений и обучаются по различным специальностям. Всем испытуемым было предложено следующее задание:

*Уважаемые участники, закончите, пожалуйста, фразу: «Дипломатия – это...»
Все Ваши ответы будут считаться правильными.*

Слово «дипломатия» было выбрано не случайно; на протяжении двух последних десятилетий вопросы, связанные с мировой политикой и международными отношениями, входят в круг обыденных представлений человека, занимая все более значительное место в его языковой картине мира. Подтверждением этому может служить статистический анализ предназначенных для широкой аудитории лент но-

ностей. Приведем несколько примеров, датированных восьмым января две тысячи двадцать пятого года.

Из пятнадцати сформулированных одним предложением новостей, представленных на главной странице транснациональной компании Яндекс и адресованных обычным людям пять (!) имеют прямое отношение к мировым дипломатическим процессам: *Захарова прокомментировала заявления Трампа о Гренландии; Доклад РАН: Грузия не станет в 2025 году устанавливать дипотношения с Россией; Захарова назвала энергокризис в Приднестровье проявлением неонацизма Запада; Пушков: Трамп руками Маска пытается убрать Стармера с поста премьера Британии; Трамп заявил, что понимает чувства России. В интернет-сервисе «Mail.ru» три из пятнадцати новостных сообщений также отражают вопросы международных отношений; на портале «Lenta.ru – Новости России и мира сегодня» – четыре из шестнадцати; в «Ленте новостей – РИА Новости – события в Москве, России и мире в хронологическом порядке» – семь подобных сообщений из двадцати; на портале «Лента новостей в режиме реального времени – РБК» – восемь из пятидесяти пяти и т.д. Таким образом, можно заключить, что явления, процессы, визуальные образы, составляющие содержание понятия «дипломатия» как формирующегося концепта, наряду с научным понятием и наивным представлением, становятся частью картины мира современного носителя языка.*

Вероятно, на вовлеченность индивида и социума в проблематику международных отношений влияет и бурное развитие во многих государствах мирового содружества публичной дипломатии как «системы государственных и неправительственных институтов, вовлеченных во взаимодействие и диалог с зарубежным гражданским обществом в рамках продвижения национальных интересов государства» [Бурлинова].

Данный вывод подтвердили результаты проведенного нами исследования методом субъективных дефиниций. Было получено 86 ответов. Показательно, что в них участники использовали от трех до восьми смысловых построений (слов, словосочетаний, фраз, предложений), причем большинство указало от четырех до семи таких смысловых единиц. Подобная «неодносложность» ответов свидетельствует о том, что понятие «дипломатия» в обыденном языковом сознании человека объемно, включает определенный набор смыслов и значений, следовательно, находится не в периферийной, а в активной зоне обыденного языкового сознания носителя языка. Приведем несколько примеров: «Дипломатия – это: *Взаимодействие с другими странами, знание языка, умение договариваться, умение найти выгоду даже в плохой ситуации, спокойное поведение при трудностях; Дипломатия – это в первую очередь быть вежливым и иметь хорошо подвешенный язык. Дипломатия – это про правильное решение проблем, а именно – словами; 1 Умение искать компромиссы. 2 Умение договариваться. 3 По поведению человека понимать, что он хочет, то есть знания психологии. 4 Знание всяких языков; хорошее воспитание, хороший дипломат должен обладать харизмой, красноречием и т. п.; умение договаривать-*

ся, этикет, работа на благо Родины, люди друг другу не лгут, умение выслушивать спокойно, главный интерес – люди, а не деньги, в приоритет ставятся потребности народа; этикет, знание культуры, стрессоустойчивость, неординарность мышления, абсолютное владение темой.

Концепт как единица концептосферы предполагает наличие в его понятийном и психическом содержании элементов, являющихся носителями традиционных духовных и этических ценностей индивида и всего языкового коллектива. Приблизительно двадцать пять процентов ответов испытуемых содержат данные элементы, среди которых присутствуют следующие: патриотизм (*работа на благо Родины; в приоритет ставятся потребности народа; защищает интересы своей страны; и т.д.*); хорошее образование, обширные знания, высокий интеллект (*знание культуры своей страны и других, знание истории своей страны и других; знания психологии; Знание всяких языков; высшее образование на отлично; работа интеллектуала и т.д.*); умение договариваться и устанавливать дружеские контакты с соседями (*умение договориться; решение проблем именно словами; умение искать компромиссы, дипломатия устанавливает связи, поддерживает их и т.д.*); благодаря дипломатии достигается свобода (*дает желание учиться в той стране, где хочется; выбор университета свободный; главная основа путешествий по миру и т.д.*).

В заключение следует отметить, что в настоящий момент концепт ДИПЛОМАТИЯ находится, на наш взгляд, в стадии становления. Наблюдение за процессом формирования данного концепта представляется одной из актуальных и интересных задач современных лингвокогнитивных исследований.

Литература

Бурлинова Н.В. Публичная дипломатия. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/publicnaia-diplomatiia-051c87>

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография. Воронеж: Истоки, 2016.

Пыхтина А.Ю. Выявление психологической структуры значения слова дипломатия в обыденном языковом сознании носителя языка // Казанская наука. 2021. № 2. С. 128-133.

Пыхтина А.Ю. Применение экспериментальных методов в рамках когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 764-767.

*A. Yu. Pykhtina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

METHOD OF SUBJECTIVE DEFINITIONS IN THE CONCEPT FORMATION STUDY

This work is devoted to the study of the process of concept formation in the linguistic consciousness of a modern native speaker. The application of psycholinguistic methods in the study of the concept structure is substantiated. The results of an experimental study conducted using the method of subjective definitions are analyzed. It is concluded that the concept of "diplomacy" is currently in its forming.

Key words: concept; concept formation; experimental research; method of subjective definitions; diplomacy

Т.С. Росянова (Санкт-Петербург, Россия)

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
rosyanova@mail.ru

БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ НА КОНЕ: ОБРАЗНОЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ФИНАНСОВОМ ДИСКУРСЕ

В работе представлены результаты исследования метафорического терминообразования с позиций антропоцентрического подхода на примере английской финансовой терминологии. Термины метафорического образования, связанные с конкурентной борьбой компаний, содержат коннотации, отсылающие к активным действиям для противостояния агрессии. Выявлено, что в двухкомпонентных терминах метафорическую составляющую могут нести как главный, так и зависимый компонент.

Ключевые слова: термин, экономическая терминология, метафорическое терминообразование, когнитивное терминоведение

Вопросы метафорического терминологического мышления в русле когнитивного терминоведения представляют собой актуальное поле для исследований в силу необходимости дальнейшего накопления эмпирического материала. По мнению Н.В. Васильевой, терминологическое мышление свойственно представителям всех наук и его можно определить как когнитивную деятельность, обеспечивающую процесс терминотворчества [Васильева 2015: 186].

Изучение научной метафорики позволяет выявить «человеческий фактор» в языке, и показать, что образное терминологическое мышление продуктивно использует ресурсы национального менталитета и культуры для создания запоминающихся сценарных сюжетов, репрезентирующих специальное знание.

При анализе переносных значений, по словам Н.Н. Болдырева, проявляются более глубокие знания о мире, которые хранятся в языке и с помощью языка активизируются [Болдырев 2014: 35]. По словам В.З. Демьянкова, систематическое исследование языковых техник подачи научных теорий составляет одно из важнейших приложений когнитивной науки [Демьянков 2015: 40].

Образные оттенки значений в терминах основаны на психологических способностях профессионалов воспринимать и генерировать чувства и эмоции, вплетая их при необходимости в научные знания оценочного характера.

В задачу настоящей статьи входит описание и анализ функционирования микросистемы английских метафорических терминов финансовой сферы, характеризующих ролевое распределение противоборствующих сторон в условиях враждебных поглощений компаний (*White Knight, Black Knight, Gray Knight, Yellow Knight*).

Как представляется, образная и экспрессивная составляющая семантики терминов экономики кроется в сущности экономических отношений между людьми, в которых присутствует конкурентная борьба, стремление к превосходству, завоеванию выгодных позиций, необходимость выделиться из общей массы и предложить нечто уникальное на рынке.

Проблема образной категоризации окружающей действительности экономистами, особенности их метафорического терминологического мышления представляют собой недостаточно изученную область в когнитивном терминоведении.

Метафорическая терминологическая номинация демонстрирует способность человеческого разума искать аналогии и сопоставлять явления и объекты, выбирая наиболее яркие и запоминающиеся образы.

Анализ метафорической терминологической номинации демонстрирует тот факт, что национальное самосознание влияет на принципы и результаты терминообразования. Как показывает настоящее исследование, терминологическое мышление англоязычных финансистов представляет собой синтез рациональных и эмоциональных компонентов, которые выявляются в соответствующих терминологических единицах.

Осмысление английских финансовых терминов, содержащих метафорические переносы, (*White Knight, Black Knight, Gray Knight, Yellow Knight*), показывает, что образы рыцарства применимы достаточно эффективно при описании противодействия враждебному поглощению компаний.

Органичная триада монохромных терминов-колоративов (*White Knight, Black Knight, Gray Knight*), которая может восприниматься как своеобразная терминообразовательная градация, неожиданно соотносится с единичным термином-колоративом *Yellow Knight*. Рассмотрим, какой смысл кроется за данным «когнитивным диссонансом».

Монохромная градуирующая триада (*White Knight, Gray Knight, Black Knight*) очевидно выступает как логическое обобщение и моральная оценка качеств объектов профессионального интереса, а именно трех видов компаний, вовлеченных в ситуацию враждебного поглощения.

Согласно дефинициям Финансового лексикона Эрика Бэнкса (2005), против враждебных действий Черного рыцаря выступает дружественный Белый рыцарь, а также при некоторых обстоятельствах Серый рыцарь, имеющий свои собственные цели и планы. *Например:*

WHITE KNIGHT – A company that assumes the role of a friendly partner by acquiring a controlling stake in a company that is the subject of a hostile takeover [Banks 2005: 388].

BLACK KNIGHT – The party bidding for control of another company in a hostile takeover [Banks 2005: 37].

GRAY KNIGHT – A second unsolicited bidder in a hostile takeover transaction that attempts to take advantage of the target company's reluctance to accept the black knight's original bid by offering slightly more "attractive" terms [Banks 2005: 166].

Оценочная колоративная семантика трех вышеперечисленных терминов не противоречит традиционной европейской системе ценностей, подразумевающей по умолчанию, что белое хорошо, а черное – плохо. Двухкомпонентные термины-опозитивы *White Knight* ↔ *Black Knight*, таким образом, репрезентируют роли анта-

гонистов, героя и злодея, а промежуточный в градуирующей шкале термин *Gray Knight* закономерно демонстрирует качества прагматика, планирующего поживиться, пользуясь обстоятельствами. Серый рыцарь лучше, чем Черный, но не столь желателен для атакуемой компании, как Белый. Следовательно, монохромная триада терминов-колоративов, содержащая моральную оценку конфликтующих сторон, эксплуатирует традиционные стереотипы европейской культуры.

Заметим в отношении рыцарства в целом, что образование рыцаря было направлено на воспитание исключительных духовных и физических качеств с целью занять достойное место в феодальной иерархии. *Например:*

– The education of the *knight* was directed in part to strengthening him physically, but in particular to developing his soul and spirit, his affections (that is, his morals) and his mind (that is, his reason) in order to prepare him adequately for the task of directing and controlling the real world, so that he might take his proper place in the hierarchies of the universe (that is, in the feudal hierarchy, ordered after the celestial pattern, ranging from the baron up to the king) [Cirlot 2001: 169].

Таким образом, образная коннотативная составляющая главного слова *knight* двухкомпонентных терминологических сочетаний основана на историческом наследии Средневековья, предполагающем в рыцарях благородные устремления в гармонии души и духа.

Следовательно, метафорическую составляющую в обсуждаемой монохромной триаде терминов несут не только зависимые терминокомпоненты-колоративы (*White, Gray, Black*), но и главное слово терминологического словосочетания *knight*.

Остается выяснить, какова роль термина-колоратива *Yellow Knight* во всей этой стройной и логически прозрачной образно-оценочной монохромной истории. Интернет-источники предлагают, например, следующие объяснения:

– **Yellow Knight** is a hostile bidder that changes its approach and proposes a more amicable merger of equals [wallstreetmojo.com/white-knight].

– **Yellow knight** is a company that planned a hostile takeover attempt, but backs out of it and instead proposes a merger of equals with the target company [investopedia.com/terms/w/whiteknight].

Согласно представленным толкованиям, Желтый рыцарь являет собой неудавшегося Черного, который изменил свои первоначальные намерения поглотить атакуемую компанию-цель, а предложил более мягкие условия сделки по слиянию равноправных партнеров. Таким образом, внесистемный терминокомпонент-колоратив *Yellow*, не входящий в изначальную монохромную триаду-градиацию, образует иную категорию, и также оправдан тем обстоятельством, что означает кардинальные перемены исходной стратегии компании-захватчика.

Метафоричность терминов, являясь системным явлением в современных терминологиях, отвечает духовным потребностям человека и способствует интуитивному восприятию специального знания. Анализируя финансовые термины метафорического образования, нельзя не заметить, что моральная оценочность выступает

одновременно с образностью. Отсылки к историческому культурному контексту позволяют вплести новые смысловые оттенки в финансовые сценарии конкурирующих компаний.

Возникновение языковых единиц, созданных концентрацией экспертного знания в метафорическом ключе, способствует расширению объяснительных возможностей терминов за счет ресурсов правого полушария, что является ценным свойством для профессиональной коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Васильева Н.В. О терминологическом мышлении // Когнитивные исследования языка. Вып. XX. 2015. С. 185-193.

Демьянков В.З. Терминология, культура и эмпирический когнитивизм // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XX. С. 49-58.

Banks E. Financial lexicon. NY.: Palgrave Macmillan, 2005.

Cirlot J.E. Dictionary of symbols. London: Routledge, 2001.

T.S. Rosyanova (St. Petersburg, Russia)

Russian Christian Academy for the Humanities

WHITE KNIGHT ON A HORSE: METAPHORICAL TERMINOLOGICAL THINKING IN FINANCIAL DISCOURSE

The paper presents the results of a study of metaphorical term formation from the standpoint of an anthropocentric approach using English financial terminology as an example. Terms of metaphorical formation related to the competitive struggle of companies contain connotations referring to active actions to counter aggression. It was revealed that in two-component terms, both the main and dependent components can carry a metaphorical component.

Key words: term, economic terminology, metaphorical terminology formation, cognitive terminology study

П.А. Салтанова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

1996-polina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА ИНТЕНСИВНОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей объективации концепта ИНТЕНСИВНОСТЬ в англоязычном экологическом дискурсе. Делаются выводы, что интенсивность встречается в заголовках и в лиде статей, что объясняется стремлением автора привлечь внимание читателя к проблеме, заинтересовать в продолжении чтения. Самыми частотными частями речи, в которых присутствует интенсивность, оказываются прилагательные, глаголы, существительные и наречия (бустеры).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, интенсивность, интенсификация, прагматический характер, субъективность, экологический дискурс

Концепт ИНТЕНСИВНОСТЬ и формируемая на его основе языковая категория интенсивности находятся в центре внимания отечественных и зарубежных ученых не одно десятилетие.

Актуальность изучения концепта ИНТЕНСИВНОСТЬ в современной когнитивно-дискурсивной парадигме, где во главу угла ставится человек и его восприятие мира, обусловлена важной ролью интенсивности в человеческой коммуникации. Большинство исследователей указывают на субъективный и прагматический характер интенсивности. Полагают, что содержание данного концепта может быть установлено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий «выделенность (релевантность)» и «выдвижение» [Кубрякова и др. 1996: 21-25]. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, «значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является и ракурс, выбираемый «концептуализатором» при рассмотрении ситуации и для выразительного портретирования ее» [Кубрякова и др. 1996: 73]. Интенсификаторы воздействуют на разум человека посредством влияния в первую очередь на его чувственно-эмоциональную сторону. В то же время, количество и разнообразие употребленных интенсифицирующих средств позволяет сделать определенные выводы о говорящем, его темпераменте, уровне развития личности, языковой компетенции и индивидуальных предпочтениях [Безрукова 2004].

Представляется, что изучению объективации концепта ИНТЕНСИВНОСТЬ в различных видах дискурса уделено недостаточно внимания, что относится и к экологическому дискурсу, исследованию которого посвящена настоящая работа. Цель статьи – определить лексические единицы каких частей речи выполняют важную роль в объективации концепта ИНТЕНСИВНОСТЬ в экологическом дискурсе и в каких структурных частях статей по экологии они наиболее часто встречаются.

В настоящее время существуют разные классификации типов дискурса, в которых выделяется, в том числе, и экологический дискурс. Так, данный тип дискурса выделяется в тематической классификации, предложенной В.И. Карасиком, при этом подчеркивается его важность в освящении проблем, связанных с окружающей средой и экологией [Карасик 2009]. Правомерно считается, что экологический дискурс является объектом исследования эколлингвистики, появившейся в 1960–1970х годах и охватывающей экологию и лингвистику. В рамках этой науки язык считается связующим звеном между человеком и окружающей средой, его функционирование в рамках эколлингвистики выступает в качестве экосистемы, а окружающий мир – языкового концепта [Зайцева 2014].

Данный вид дискурса представляет собой «множество текстов различных функциональных стилей и жанров – от монографий до произведений популярной и художественной литературы – как выражение в языке экологических тем и проблем» [Иванова 2007: 6]. Тематика текстов экологического дискурса включает защиту окружающей среды от загрязнения, состояние природы как среды обитания человека и прочих живых существ, потребительское отношение к природным ре-

сурсам, последствия природных и техногенных катастроф, появление эпидемий и болезней в результате человеческой деятельности, вопросы, связанные с изменением климата и другие.

Экологический дискурс выполняет особую прагматическую функцию – он направлен на преобразование сознания общества в отношении важности сохранения окружающей среды, что достигается посредством популяризации действий, направленных на бережное к ней отношение и дискредитации пагубно влияющих на нее действий [Зайцева 2014].

Источниками настоящего исследования послужили 70 англоязычных газетных и журнальных статей на экологическую тематику, отобранных из The New York Times, The Conversation, Smithsonian Magazine, New Scientist, Scientific American за период с 2020 по 2024 гг.

Отобранные лексические единицы были подвергнуты дефиниционному анализу на предмет наличия в их значении интенсифицирующего компонента.

Было выявлено около 180 прилагательных интенсифицирующего содержания (примерно 570 текстоупотреблений), самые частотные из которых: vast (extremely large), extreme (very large in amount or degree), severe (causing very great pain, difficulty, worry, damage, etc.; very serious), huge (extremely large in size or amount) и др. Например:

Analysis showed some extreme weather, such as heatwaves in Europe and the US, would have been virtually impossible without human-caused global heating (The Guardian, January 2023) / Анализ показал, что некоторые экстремальные погодные условия, такие как аномальная жара в Европе и США, были бы практически невозможны без глобального потепления, вызванного деятельностью человека (здесь и далее перевод наш. – П.С.).

Анализ показал также присутствие большого числа глаголов – около 70 (примерно 95 текстоупотреблений) таких как, smash (to defeat someone or to destroy something completely), rage (to happen in a strong or violent way) и др., и существительных интенсифицирующего содержания – около 50 (примерно 100 текстоупотреблений): disaster (an event causing great harm, damage, or suffering), crisis (a time of great disagreement, confusion, or suffering), catastrophe (a sudden event that causes very great trouble or destruction). Например:

For the next several days, Hurricane Dorian, one of the strongest Atlantic hurricanes ever recorded, raged over the Bahamas / В течение следующих нескольких дней ураган «Дориан», один из самых сильных атлантических ураганов, когда-либо зарегистрированных, бушевал над Багамскими островами.

В проанализированном материале встречается большое число усилительных наречий, в особенности бустеров (boosters) – более 40 (примерно 230 текстоупотреблений), которые указывают на высокую отметку на шкале интенсивности, среди них: very (to a great degree, extremely), highly (very, to a large degree, or at a high level), largely (to a great degree) и др. Например:

The second risk is posed by the fertiliser, which is highly soluble and could harm “fish and living organisms such as coral reefs and seaweed” if released into the sea, al-Jaabi added (The Guardian, March 2024) / Второй риск связан с удобрением, которое обладает высокой растворимостью и может нанести вред «рыбам и живым организмам, таким как коралловые рифы и водоросли», при попадании в море, добавил аль-Джааби.

Одним из аспектов рассмотрения являлась структурная часть статьи. Интенсификация была обнаружена в заголовках в 34% материала и в лиде – в 36%.

Так, в заголовке статьи, посвященной изменению климата как результата человеческой деятельности, автор прибегает к интенсификации, стремясь воздействовать на эмоциональную сферу читателя, привлечь его интерес к прочтению статьи, подчеркнув серьезность сложившейся экологической ситуации в мире:

Nature Is Profoundly Broken. Do We Love Anyone Beyond Ourselves Enough to Listen? (The New York Times, December 2023) / Природа серьезно подорвана. Любим ли мы кого-нибудь, кроме себя, настолько, чтобы услышать?

Что касается случаев интенсификации в лиде, то в статье, посвященной обесцвечиванию коралловых рифов из-за рекордной морской жары, вызванной климатическими изменениями, автор использует интенсивность с целью создания напряжения, чтобы таким образом привлечь интерес читателей к содержанию статьи:

Record-breaking marine heatwaves will cause devastating mass coral bleaching worldwide in the next few years, according to a University of Queensland coral reef scientist (Science Daily, December 2023) / По мнению ученого из университета Квинсленда, изучающего коралловые рифы, рекордная морская жара в ближайшие несколько лет приведет к разрушительному массовому обесцвечиванию кораллов во всем мире.

Как показал анализ материала, самыми частотными частями речи, в которых встречается интенсивность, являются прилагательные (около 180), глаголы (около 70) и существительные (около 50) и наречия, а именно бустеры (около 40). Полагаем, что преобладание усилительных прилагательных продиктовано тем, что данная часть речи является наиболее удобной и эффективной для описания экологической ситуации в мире в ярких красках для привлечения внимания аудитории.

Согласно результатам исследования материала с точки зрения структуры статей, обнаруживается присутствие интенсивности и в заголовках, и в лиде (34% и 36% соответственно), что объясняется во многом теми же целями: привлечь внимание читателя на проблему, показав серьезность или необычность ситуации, что в свою очередь будет мотивировать к прочтению статьи и, возможно, к осуществлению каких-либо действий для решения определенного экологического вопроса.

Литература

Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014.

Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

P.A. Saltanova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

PECULIARITIES OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT *INTENSITY* IN THE ENGLISH-LANGUAGE ECOLOGICAL DISCOURSE

The article is devoted to the consideration of some features of the objectification of the concept *INTENSITY* in the English-language ecological discourse. It is concluded that intensity is found in the headlines and in the lead of articles, which is explained by the author's desire to attract the reader's attention to the problem and interest in continuing reading. Adjectives, verbs, nouns, and adverbs (boosters), turn out to be the most frequent parts of speech, in which *INTENSITY* is found.

Key words: cognitive linguistics, concept, intensity, intensification, pragmatic character, subjectivity, ecological discourse

П.И. Сергуенко (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
poserg@bk.ru*

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ PR ДИСКУРСА

Данная работа рассматривает особенности и характеристики интерпретирующей функции языка на материале единиц терминологического поля PR дискурса. Делается обзор на коммуникативную и ориентирующую функцию языка в рамках когнитивного рассмотрения особенностей интерпретации профессиональной лексики. Для эффективного осуществления профессиональной коммуникации и передачи знания необходимо соответствие базовых научных представлений указанной области и индивидуальных интерпретаций.

Ключевые слова: интерпретация, функция языка, PR дискурс, термины

Интерпретирующая функция языка наравне с хранением и передачей информации признается на современном этапе в рамках когнитивных исследований как одна из ключевых [Болдырев 2017: 20]. Накопленный опыт и отражение достижений человеческой мысли, выраженной на лексическом уровне, передаются из поколения в поколение и в процессе взаимодействия людей в рамках того или иного дискурса, при этом в сознании людей формируются целые цепочки, схемы спланированных действий и реакций. Пристальное внимание к терминологической лексике профессионального дискурса по связям с общественностью позволяет выявить базовые концепты, или ключевые концептуальные сущности, сложившиеся в деятельности специалистов по массовой коммуникации.

Актуальность изучения профессиональных терминов PR сферы обусловлена тем фактом, что в условиях технологического прогресса, лавинообразного коли-

чества информации, необходимости обработки «больших данных» (Big Data) роль специалистов, управляющих информацией, выступает на первый план, поскольку им становится доступно управление потоками информации и направление их в определенное русло ради успешного выполнения коммуникативной задачи.

Передача информации и ее усвоение аудиторией происходит посредством этапов осмысления и интерпретации, поскольку репрезентация мира на концептуальном уровне и его языковое отражение не являются идентичными. Активная роль человека, а в случае суггестивного дискурса – PR специалиста по массовым коммуникациям – проявляется в селекции объекта концептуализации и категоризации, формировании языковых значений и выборе репертуара средств языковой репрезентации концептов.

Как известно, одной из важнейших функций языка является коммуникативная функция, отражающая мыслительные операции, связывающие информацию и опыт носителей языка. Осмысленные и реализованные в языке образы закрепляются в познании в виде абстрактных структур здания, или концептов, отражающих познание индивида. Отдельное внимание при этом исследователи уделяют когнитивным и языковым аспектам формирования языковых значений и смыслов на функциональном и системном уровнях. Также важным оказывается интерпретационный аспект как механизм интерпретации мира и вторичных интерпретаций знаний о мире посредством языка [Болдырев 2017]. Важно также отметить, что с коммуникативной и когнитивной функциями языка соотносятся репрезентативный и семиотический аспекты, что обосновывает положение о том, что при профессиональной коммуникации и функционировании терминологии в рамках определенного дискурса происходит передача полноценных смыслов и концептуальных структур [Вишнякова 2015: 52] между участниками коммуникативного акта. Принимая во внимание компактность и краткость терминологических единиц, справедливо утверждать, что они являются максимально эффективным способом передачи информации.

Помимо коммуникативной функции языка, или передачи знаний, выделяют также ориентирующую, или «создающую» функцию, позволяющую поддерживать лингвокреативный процесс по созданию новых языковых единиц. Исследователи отмечают, что процесс номинации, или «называния» предметов и явлений, происходит благодаря коммуникативному и когнитивному взаимодействию [Кубрякова 2009]. Н.Н. Болдырев относит ориентирующую функцию к языковой интерпретации и репрезентации знаний о мире, которая раскрывает интерпретационный аспект язык [Болдырев 2017].

Исследователи подчеркивают особую роль терминологии в становлении научной области и фиксации достижений, а также в обеспечении бесконфликтности профессиональной коммуникации, утверждая, что результаты любой научной деятельности и их представление в языковой форме «определяются выбором того или иного научного подхода и корректным применением его теоретико-методологических установок, включая разработанный в рамках этого подхода понятийно-терминологический аппарат» [Болдырев 2024: 45], поскольку именно термины в полной

мере передают научные понятия и на лингвистическом уровне – их соответствующую языковую репрезентацию. Отметим также, что терминология профессионального дискурса представляется результатом когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в «концептуализации и вербализации профессиональных знаний» [Новодранова 2003].

Эффективность профессиональной коммуникации внутри конкретной области между участниками общения связана с согласованностью концептуального взаимодействия относительно научных понятий и представлений о них, а также с полнотой отражения языковых формулировок данных представлений. Будучи новой межпредметной институализированной областью деятельности, PR сфера по-своему интерпретирует основные концепты, единицы профессиональной терминологии различных областей знания и приспособливает их для решения собственных задач направленной коммуникации.

Отдельного внимания заслуживает аргументированность индивидуальной интерпретации коллективного знания в профессиональной среде. Н.Н. Болдырев выделяет следующие моменты, в которых проявляется данное явление: 1) объем и содержание разделяемого коллективного знания, 2) прозрачность деривационных отношений, мотивированность индивидуальной интерпретации и коллективного знания, 3) однозначность и конвенциональность индивидуальной репрезентации и коллективного знания, соотносительность в сознании каждого участника коммуникации с используемыми формулировками и терминами [Болдырев 2024].

Показательными среди способов репрезентации знания также является изучение процессов переосмысления и создание особых условий для интерпретации профессиональных единиц в рамках PR дискурса. Отметим, к примеру, что такие единицы, как *traditional media*, *television broadcast*, *colour movie* и другие, появились в языке по достижении нового витка развития технологии. До широкого распространения телекоммуникационных систем не существовало необходимости уточнять способ транслирования информации, отличный от традиционных газет, радио и телевидения. В настоящее время в профессиональном языке PR появляются такие термины, как *blogger*, *influencer*, *deinfluencer*, *disclaimer*, *whistleblower*, *embargo* и другие, обозначающие неправомjernую информационную деятельность индивида или коммерческой организации, поскольку появилось особое требование общества и необходимость соответствовать ожиданиям аудитории [Van Dijk 2009] с целью удержания власти и управления поведением. Верное толкование данных абстрактных понятий ведет к эффективности профессионального взаимодействия.

В рамках PR дискурса особой интерпретации заслуживает термин '*communication*', который в самом широком смысле означает процесс передачи сообщения: *a process by which information is exchanged between individuals through a common system of symbols, signs, or behavior* [Merriam-Webster Dictionary]. В гуманитарных науках особое внимание уделяется изучению структуры коммуникации (К. Леви-Стросс), моделей коммуникации (К. Шеннон, Р. Якобсон), семиотических элементов (Ф. де

Соссюр, Ч. Пирс), а также когнитивных характеристик (Ч. Осгуд) данного понятия. С точки зрения существования различных видов и типов коммуникации, PR дискурс — это особый вид коммуникации, который осуществляется между коммерческой компанией, государственной структурой, общественным или культурным учреждением, социальной организацией, политиком и обществом. Получателями информации в PR-коммуникациях являются потребители продукции компании, инвесторы, бизнесмены, избиратели, клиенты, общественные группы или другие группы людей, чьи интересы зависят от деятельности компании. В коммерческой сфере теоретики PR говорят, что связи с общественностью, наряду с рекламой и маркетингом, являются частью более широкого набора маркетинговых коммуникаций, направленных на повышение эффективности бизнеса, увеличение продаж и получение прибыли [Wolstenholme 2013].

Однокоренным является термин ‘communicator’, который также подвергся семантическим изменениям и требует соответствующей интерпретации в рамках PR дискурса. Первоначальное значение «переговорное устройство», присущее этому термину в художественной литературе 1960-х гг., было опущено. В гуманитарной сфере этот термин приобретает значение человеческих качеств, которые дают возможность эффективно общаться: *someone who is able to talk about their ideas and emotions in a way that other people understand* [Cambridge Dictionary]. В PR дискурсе *communicator* — это «инициатор информации» или инициатор сообщений, направленных на формирование общественного мнения. Термин «contactor» имеет схожее значение и обозначает сотрудника, который поддерживает связь между компанией и клиентами. В рекламных и PR-агентствах эту роль выполняют менеджеры проектов или менеджеры по работе с клиентами, а в СМИ — сотрудники отдела маркетинга или рекламы. В особых случаях контакторы — это руководители компаний и лидеры общественных организаций, демонстрирующие уважение и особое отношение к мероприятию. Среди PR-терминов того же смыслового поля мы также отмечаем термин «коммуникативная видимость», или «коммуникационная видимость», который относится к особому способу представления преимуществ и качеств компании (или ее продукции) для передачи необходимого сообщения аудитории. Коммуникативная привлекательность отдельных продуктов может передаваться через их вкус, запах, цвет и звук. Другими словами, этой цели служат как языковые средства, так и невербальные элементы коммуникации, которые несут значимую информацию и формируют определенное отношение у потребителей.

В целом, на основании рассмотренного материала следует отметить особую важность совпадения базовых научных представлений в рамках рассматриваемого дискурса и индивидуальных интерпретаций участников PR-коммуникации. Новые условия интерпретации многозначных единиц выступают ключевым элементом эффективной коммуникации, поскольку терминологические единицы исследованной области, подвергаясь смысловой интерпретации, репрезентируют процессы формирования ментальных представлений о сути описываемых явлений, получающих реализацию в языке.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19-81.

Болдырев Н.Н. Роль понятийно-терминологического аппарата в обеспечении бесконфликтной профессиональной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 4 (60). С. 44-51.

Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 50-66.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. VI. С. 11-24.

Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. М.: Рязань, 2003. С. 150-155.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/communicator>
Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>

Van Dijk T. A society and discourse: how social contexts influence text and talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Wolstenholme S. Introduction to Public Relation. New York: Pearson Education Limited, 2013.

PI. Sergienko (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

THE INTERPRETIVE FUNCTION OF LANGUAGE AS REFERRED TO THE TERMINOLOGY OF PR DISCOURSE

This paper examines characteristics of the interpretive function of language referring to the terminological units of PR discourse. The work provides an overview of the communicative and orienting functions of language within the framework of cognitive consideration of the interpretation peculiarities of professional vocabulary. For effective implementation of professional communication and knowledge transfer, it is necessary to match the basic scientific concepts of the specified field and individual interpretations.

Key words: interpretation, language function, PR discourse, terminology

Ю.О. Соловьева (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
solovieva-julia2009@yandex.ru*

АМПЛИФИКАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТАХ ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ТИПЫ, ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются разновидности модели адаптации в текстах популярно-юридического дискурса, заключающейся в приращении текста посредством либо указания дополнительных признаков описываемого явления/понятия, либо добавления личной оценки его адресантом. Автором устанавливается зависимость объема текстового расширения и вариативности комбинаций разных моделей адаптации от жанра изучаемого дискурса.

Ключевые слова: популярно-юридический дискурс, модель адаптации, амплификация, тип, жанр

Как известно, юридический язык сложен для восприятия неспециалиста, который нуждается в посреднике или интерпретаторе, адаптирующем сложную специальную информацию с учетом фоновых знаний и потребностей адресата. Под адаптацией юридического текста мы понимаем его «приспособление» к когнитивным способностям адресата, не имеющего специальных знаний в данной области. Перевод юридического текста в популярный формат подразумевает его трансформацию как в плане содержания, так и в плане выражения.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности использования модели амплификации для адаптации специальной информации в текстах современного русского популярно-юридического дискурса разных жанров. В качестве материала исследования послужили научно-популярные книги о праве и книги юридических советов общим объемом 2 617 страниц, 100 публикаций жанра «юридическая консультация» и 120 лекций правовой тематики.

Как показал анализ эмпирического материала, выбор моделей адаптации осуществляется адресантом популярно-юридического дискурса в зависимости от коммуникативной цели и жанра текста. Исходя из назначения интерпретации, исследователями отмечается либо сжатие информации (компрессия), либо ее расширение (амплификация). Согласно выводам В.И. Карасика, амплификация соответствует коммуникативной реме общения, и ее назначение заключается в акцентуации прироста новой информации [Карасик 2009: 39]. По мнению ученого, амплификация может распадаться на два подтипа: ассоциативно-художественный и рационально-дискурсивный.

Анализируя текстовые трансформации при адаптации, С.В. Первухина приходит к выводу, что модель амплификации заключается в объяснении адресату незнакомой понятийно-предметной ситуации [Первухина 2015: 121]. При подобном расширении текста задействуются интенциональные и экстенциональные семы номинаций, а также эмотивные семы в случае добавления адаптатором собственной оценки. В связи с этим исследователь выделяет, соответственно, *сигнификативную* и *оценочную* амплификацию. По нашим наблюдениям, амплификация обоих типов в текстах популярно-юридического дискурса часто используется одновременно и/или в комбинации с моделью денотатной экспликации (разъяснения значения незнакомых понятий), что иллюстрируют релевантные примеры из текстов популярно-юридического дискурса разных жанров.

➤ *В современной юридической науке государство определяют через его признаки. Соответственно, научное определение государства выглядит так: **государство – это организация, которая имеет следующие признаки:***

- руководство, которое отделено от основной массы населения и обладает властью над ним;
- специальный аппарат управления и принуждения;
- территория;
- население;

- суверенитет;
- общеобязательный характер актов государства (законов, судебных решений и др.);

- монополия на легитимное насилие;
- наличие государственной казны и налогов [Русакович 2024: 172].

Адресант в данном примере – автор научно-популярной книги «Как устроено право» А. Русакович для объяснения юридического термина «государство» прибегает к модели сигнификативной амплификации, построенной на перечислении важных признаков рассматриваемого понятия (выделены адресантом полужирным шрифтом). Данное объяснение в то же время характеризуется завуалированной оценкой, создаваемой посредством импликаций выражений «аппарат управления и принуждения» и «монополия на легитимное насилие», которые придают определению некоторый идеологический заряд.

➤ *Медиация – это альтернативный способ урегулирования спора при помощи специалиста – медиатора. <...> В России медиативные услуги пользуются меньшим спросом, чем в США, Канаде и странах Европы. Возможно, это связано с низкой осведомленностью населения о медиации как о возможном альтернативном способе разрешения спора и невозможностью реализации права на медиацию из-за дефицита компетентных специалистов. Большинство граждан либо вообще не слышали о медиации, либо имеют искаженные понятия о процедуре. Кто-то считает, что задача медиатора – привести стороны к примирению любой ценой, навязав или подтолкнув их к решению. Но это не так, наоборот, медиатор не дает никаких намеков на решение. Его роль заключается не в решении конфликта сторон, а в создании благоприятных и комфортных условий для их взаимодействия* [Николаева 2019: 103].

В приведенном фрагменте из книги юридических советов Е. Николаевой «Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах» адресант вначале использует денотатную экспликацию юридического термина, а затем прибегает к оценочной амплификации, призванной подчеркнуть важность данной процедуры для урегулирования разногласий между гражданами, ссылаясь на успешный международный опыт ее применения и опровергая типичные заблуждения о назначении указанного способа альтернативного разрешения споров.

➤ *Следующий вид источников права – прецеденты, они же – судебные прецеденты. Этот вид источников права возник в средневековой Англии. Судьи в разных уголках страны разбирали споры между людьми на основании обычаев, королевских указов и здравого смысла. Если кто-то из участников спора был недоволен решением, он подавал жалобу в один из высшестоящих судов в Лондоне. Судьи в Лондоне решали, правильное это было решение или нет, и подробно обосновывали свое мнение. Такое решение высшестоящего суда с подробным обоснованием называется «прецедентом». После создания прецедента нижестоящие суды обязаны были ему следовать в аналогичных ситуациях* [Русакович 2017].

Фрагмент лекции цикла «Веселые ролики об основах права» посвящен разъяснению важного юридического понятия «судебный прецедент». Адресант раскрывает особенности данной практики в странах англо-саксонской правовой системы посредством амплификации в форме исторического нарратива, который служит одновременно способом объективации знания и представления его адресату. Обращают на себя внимание простота и доступность изложения информации в анализируемом тексте, способствующие эффективной интериоризации специальной информации.

ВОПРОС: «Какое оружие считается пригодным для самообороны?»
Н. Мультов, г. Рязань.

ОТВЕТ ЮРИСТА: «Перечень применяемого гражданами оружия для самообороны велик. В него входит прежде всего огнестрельное гладкоствольное и длинноствольное оружие. Причем на нем не должно быть приспособлений для бесшумной стрельбы и механизмов для ведения огня очередями. В случае применения оружия такие патроны должны образовывать на стреляных гильзах следы оружия, содержащие комплекс признаков, в том числе выступов и углублений, с помощью которых можно идентифицировать ружье. Конструкция оружия должна быть такой, чтобы не было возможности стрелять патронами к огнестрельному оружию. Недопустимо, чтобы само оружие было изготовлено из боевого ручного стрелкового и служебного огнестрельного оружия.

Кроме названного, к оружию самообороны граждан относятся травматическое оружие, газовые пистолеты и револьверы, а также различные механические распылители, аэрозольные устройства и некоторые виды электрошокеров. Полный перечень оружия для самообороны граждан утвержден Приказом Министра внутренних дел РФ, который вступил в силу с 29 июня 2022 г.» [Человек и Закон 2023: 48-49].

Прежде всего, необходимо указать на пересечение юридического и военного дискурсов в юридической консультации специалиста журнала «Человек и Закон». В рассматриваемом фрагменте широко эксплицированы единицы военной терминологии (огнестрельное гладкоствольное/длинноствольное оружие; бесшумной стрельбы; ведения огня очередями; патроны; стреляных гильзах; следы оружия; ружье; боевого ручного стрелкового/служебного огнестрельного оружия; оружию самообороны; травматическое оружие; газовые пистолеты; револьверы и др.). При этом стиль изложения близок к разговорному. Как мы видим, адресант не ограничивается кратким ответом на вопрос читателя, но создает текст высокой номинативной плотности, призванный детализировать интересующую адресата ситуацию. Данный текст является примером развернутой сигнификативной амплификации с экспликацией экстенциональных сем понятия «оружие для самообороны» и подробным описанием требований к конструкции такого оружия. Приращенный текст также содержит ссылку на релевантный нормативный акт, регулирующий соответствующую область права (Полный перечень оружия для самообороны граждан утвержден Приказом Министра внутренних дел РФ, который вступил в силу с 29 июня 2022 г.).

Таким образом, анализ текстов современного российского популярно-юридического дискурса показал, что адресанты активно задействуют модели текстового расширения разных типов, имеющих как рациональную, так и эмоциональную природу, направленных на уразумение и постижение адресатом сообщаемой специальной информации. Наибольшее приращение текста при использовании амплификации демонстрируют научно-популярные книги о праве. Установлено, что комбинирование разных моделей адаптации адресантом способствует более эффективной передаче фундаментального (как субстанционального, так и процедурного) знания о праве.

Литература

- Карасик В.И.* Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда. 2009. Вып. 7. С. 32-47.
- Николаева Е.* Домашний юрист. Все что нужно знать о своих правах. М.: АСТ, 2019.
- Переушина С.В.* Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015.
- Русакович А.* Как устроено право: простым языком о законах и государстве. М.: Эксмо, 2024.
- Русакович А.* Веселые ролики об основах права: общественное без цензуры. URL: https://zakon.ru/blog/2017/12/05/vesyolye_roliki_ob_osnovah_prava_obschestvoznaniye_bez_cenzury
- Человек и Закон.* 2023. № 2. С. 48-49.

Yu. O. Solovyeva (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

AMPLIFICATION AS A MODEL OF ADAPTATION OF SPECIAL INFORMATION IN THE TEXTS OF POPULAR LEGAL DISCOURSE: TYPES, APPLICATION

The author examines different adaptation models in the texts of popular legal discourse, which either disclose additional features of the phenomenon/concept described or include the addresser's personal assessment. The study establishes the dependence of the volume of text extension and variability of different adaptation models on the genre of the discourse under analysis.

Key words: popular legal discourse, adaptation model, amplification, type, genre

Н.Д. Сувандии (Кызыл, Россия)

Тувинский государственный университет

suvandiin@mail.ru

РОЛЬ ОБРАЗОВ ОТЦА И МАТЕРИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *СЕМЬЯ* В ТУВИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

Статья посвящена описанию образов *ача* 'отца' и *ава* 'матери' в тувинском паремиологическом фонде. Материалом для анализа послужила авторская картотека, собранная путем сплошной выборки из сборников пословиц и поговорок тувинского народа, а также ответов информантов, полученных в ходе социолингвистического эксперимента. В работе описаны пословицы, характеризующие образ отца и матери, в которых даны отличительные их черты:

отца-кормильца и матери – хранительницы очага, что служит репрезентации концепта СЕМЬЯ как доминанты тувинской лингвокультуры.

Ключевые слова: тувинский язык, паремия, пословицы, мать, отец, концепт СЕМЬЯ

Во фразеологии и паремиологии каждого языка содержится репрезентация знаний о мире и человеке. Когнитивный анализ фразеологического и паремиологического состава языка дает возможность представить концептосферу языка в целом посредством репрезентаторов, в роли которых выступают устойчивые единицы. Малые жанры фольклора, прежде всего, паремии, отличаются национальной маркированностью.

В паремиях тувинского языка отражена этнокультурная самобытность народа, что отмечено в ряде научных работ последних лет [Ломакина 2022; Нелюбова 2022; Иванов 2022а, б; Николаева, Селиверстова, Ломакина, Сувандии 2023; Иванов 2023; Соян, Ломакина 2024; Чадамба 2015; и др.].

Паремиологический фонд тувинского языка позволяет представить систему ценностей, сформированную в различные периоды становления тувинского этноса. По данным Н.Ю. Нелюбовой, семья входит в состав доминантных компонентов аксиологической картины мира тувинцев наряду с такими ценностями, как труд, дружба, вера, жизнь, свобода, язык, слово, родина, мир [Нелюбова 2022: 150].

О.В. Ломакина предлагает описывать ценностный концепт СЕМЬЯ путем представления типов взаимоотношений между детьми и родителями; супругами; родителями супругов – сватами; другими родственниками [Ломакина 2024: 59]. Применительно к тувинской лингвокультуре отметим, что родственные отношения отражаются в лексико-фразеологической системе языка. Л.С. Кара-оол называет следующие дифференциальные признаки, характерные для терминологии родственной связи, среди которых: кровное (когнационное) родство / родство по браку (матримониальное); генеалогические поколения: по восходящей и нисходящей линиям; степень близости родства: прямое или боковое; пол; латеральность кровных родственников; возраст [Кара-оол 2003].

Цель данной статьи – показать роль образов *ача* ‘отца’ и *ава* ‘матери’ в тувинских паремиях для репрезентации концепта СЕМЬЯ. Источники исследования: паремиографические сборники и данные информантов, послужившие созданию авторской картотеки, включающей около 60 единиц.

Отношение к *ача* ‘отцу’ и *ава* ‘матери’, которые в жизни своих детей являются надеждой и опорой, представлено в ряде тувинских паремий. Например: *Ада-ие – даянгыыш, Азыраан малы – чөлөнгиши* ‘Родители – упор, опора, Выращенный скот – подпорка’ [ППТН: 81]. Из текстов пословиц можно увидеть, насколько дети привязаны к своим родителям и домашнему очагу: *Ада-ие сагынганда, Аьш-чемде амдан-даа чок* ‘Когда вспомнишь отчий дом, То вкус еды теряется’ [ППТН: 81].

Издавна тувинский народ говорил о привязанности тувинцев к своей семье, к своим родным и близким, подтверждая свои мысли поговоркой с компонентом-этнонимом: *Тыва кижии чаныксаанда, бөрү-даа уштунуп чыдып каарга, хая көрүмнес*

дижир (информант Дамбыра Сесенмаа Дарыевна, 1946 г.р., пенсионер) ‘Если тувинец захочет домой, то даже, если шапка с головы упадет, не оборачивается’ (здесь и далее перевод наш – *Н.С.*).

При анализе пословиц отмечено, что первостепенная, лидирующая роль принадлежит образу *ача* ‘отца’ как главе и кормильцу своей большой семьи: *Ада сөзү – дашка баскан таңма ышкаш* ‘Отцовское слово что отпечаток на твердом камне’ [ППТН: 82]. Когда глава семьи скажет слово, то все остальные члены семьи беспрекословно подчиняются ему, что является уважительным отношением мужчине – хозяину.

Следует отметить, что сын – это продолжатель рода отца, что обозначено в пословицах: *Ада орнун оол салгаар, Аът орнун кулун салгаар* ‘Место отца наследует сын, Как жеребенок – коня’ [ППТН: 82]; *Аът өлүр – баглаажы артар, Ада өлүр – оглу артар* ‘Конь падет – коновязь останется, Отец умрет – сын останется’ [МН: 43]. С древних времен тувинцы живут многодетными семьями, которыми управляет отец – глава семейства, а в случае, если с ним что-нибудь случается, то ответственность за него начнет нести старший сын.

В тувинском пословичном фонде имеются некоторые пословицы, в которых выражается уважительное отношение окружающих к его детям, благодаря заслугам отца, а если нет отца, то и отношение к нему совсем иное: *Ада турда – чон таныыр, Аът турда – чер көөр* ‘Если с отцом, то знакомится с людьми, Если с конем, то знакомится с округой’ [ППТН: 12].

В следующей пословице говорится, что к человеку, не имеющему отца, относятся как к одинокому пешему, что отражает патриархальное устройство тувинского общества: *Ада чокта – эш чок, Аьды чокта – бут чок дег* ‘Без отца – как без друга, Без коня – как без ног’ [ППТН: 12]. Примеры показывают, что с древних времен мужчина – глава семейства был мудрым советчиком, примером для своих потомков.

Немаловажную роль в тувинской паремиологии играет образ *ава* ‘матери’, которая является хранительницей очага семьи, про которой говорят *Ава кижии өгнүң ээзи, ада кижии – чемгерикчи* (информант Шарбии Надония Ивановна, 1951 г.р., пенсионер) ‘Мать – хозяйка (юрты), а отец – кормилец’. Мать в тувинской семье, как правило, отвечает за внутреннее убранство юрты. Она следит за одеждой, питанием всех членов большой семьи, тогда как отец – за всем, что добывается за пределами юрты: ухаживает за внешним убранством юрты, пасет скот, охотится, рыбачит, добывая тем самым пропитание для семьи.

Мать для ребенка – самый важный и близкий человек на свете: *Авыралдыг чүве – ава, Аянный эди – сава* ‘Самый благодетельный человек – мать, Самая хорошая вещь – посуда’. Вместе с тем эта паремия прагматически направленная: мать кормит человек, паремия строится на рифме и метафорическом переносе.

Превалирующим компонентом образа женщины в паремиологическом фонде тувинского языка мы считаем материнство, которое отражено в следующих пословицах, где для матери самым ценным в жизни являются ее дети: *Ава кижии «төлүм»*

дээр, Ажы-төлү «шөлүм» дээр ‘Думы матери о детях, Мысли детей о степи’ [ППТН: 11]; *Авага ажы-төлү артык, Аңчыга алды-кии артык* ‘Матери дети дороги, Охотнику черные соболя дороги’ [ППТН: 11].

В тувинской паремиологии существуют пословицы, где мать сравнивают с самым сокровенным в мире – солнцем и луной, без которых не было бы жизни на земле, которые являются первоосновой бытия: *Ава дээрге алдын хун-дур* (информант Шарбии Надония Ивановна, 1951 г.р., пенсионер) ‘Мать – это золотое солнце’; *Булут аразындан хун караа чылыг, Улус аразындан ие караа чымчак* ‘Среди облаков луч солнца светит тепло, Среди людей взор матери милей’

Среди паремиологических единиц тувинцев встречаются и такие пословицы, где отец выступает как источник жизни на земле, а мать ассоциируется с трудом, ведь она учит ребенка всему основному в жизни: *Ада сөзү – «амыдырал», Ие сөзү – «ажыл-иш»* ‘Главное слово отца – «жизнь», Матери – «труд»’ [ППТН: 82].

В тувинских паремиях находят отражение образ отца и матери, которые будут указателями белой дороги в будущей жизни их детей: *Ие көрбээнин кызы көөр, Ада көрбээнин оглу көөр* ‘Чего мать не видела – дочь увидит, Чего отец не видел – сын увидит’ [МН: 43]. Белая дорога – это один из главных символов тувинской лингвокультуры, напутствие, используемое для пожелания удачи в тюркско-монгольском мире.

Широко представлены в тувинской паремиологии пословицы, в которых молодое поколение должно следовать заветам своих родителей, чтобы беспрепятственно добиваться своих целей в жизни: *Ада сөзүн ажырып болбас, Ие сөзүн ижип болбас* ‘Слово отцово запоминай, Слово матери уважай’ [МН: 47].

Таким образом, в тувинской паремиологии образы отца и матери, служат раскрытию ценностного концепта СЕМЬЯ, которая предстает как один из ценностных ориентиров общества. Образ отца представлен как пример для своих сыновей, которые также будут главами и кормильцами больших семейств, а образ матери – как хранительницы очага, первого наставника человека.

Литература

- Иванов Е.Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. 2022a. Т. 15. № 6. С. 1373-1388.
- Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 1. С. 243-258.
- Иванов Е.Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // *Новые исследования Тувы*. 2022b. № 4. С. 317-337.
- Кара-Оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке: дис. на ... канд. филол. н. М., 2003.
- Ломакина О.В. Концепт дети в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // *Когнитивные исследования языка*. 2024. № 1-2 (57). С. 58-62.
- Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксеологический потенциал // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 6-16.

Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146-163.

Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., Ломакина О.В., Сувандии Н.Д. Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 51-64.

МН – Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976.

ППТН – Пословицы и поговорки тувинского народа. Кызыл: Тувинское книжное изд-во им. Ю.Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт „Радуга Тувы“». 2020.

Соян А.М., Ломакина О.В. Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 103-107.

Чадамба Ш.С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка: дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015.

N.D. Suvandii (Kyzyl, Russia)

Tuvan State University

THE ROLE OF FATHER AND MOTHER IMAGES IN REPRESENTING THE FAMILY CONCEPT IN TUVAN LINGUOCULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF PAROMIES)

The article is devoted to the description of the images of acha 'father' and ava 'mother' in the Tuvan paremiological fund. The material for the analysis was the author's card index, collected by continuous sampling from collections of proverbs and sayings of the Tuvan people, as well as the answers of informants obtained during a sociolinguistic experiment. The work describes proverbs that characterize the image of father and mother, in which their distinctive features are given: father-breadwinner and mother-keeper of the hearth, which serves to represent the concept of FAMILY as the dominant of the Tuvan linguoculture.

Key words: the Tuvan language, paremia, proverbs, mother, father, concept of FAMILY

И.М. Теплыгина (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
irina@wn-travel.com*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу вступительного собеседования как жанра академического дискурса в цифровую эпоху. Рассматривается влияние онлайн-формата на когнитивные процессы участников, трансформацию стратегий самопрезентации и этические аспекты цифровизации образования. Особое внимание уделяется проблеме «сверхадресата» в контексте интернет-коммуникации и влиянию цифровых технологий на когнитивную структуру академического знания.

Ключевые слова: академический дискурс, вступительное собеседование, диалог, жанр, когнитивная лингвистика, текст

Вступительное собеседование, этот неотъемлемый элемент образовательной системы, превращается в цифровую эпоху в комплексный феномен, требующий

междисциплинарного анализа. Академический дискурс, в рамках которого функционирует жанр вступительного собеседования, представляет собой особый тип коммуникации, характеризующийся строгой регламентацией, формальностью и ориентацией на объективность и логическую аргументацию. В.И. Карасик, один из ведущих исследователей данного феномена, рассматривает академическое сообщество как самостоятельный «языковой круг» – «социальное объединение людей, осознающих свою принадлежность к этому кругу, имеющих общие цели общения и специфические формы коммуникации» [Карасик 2002: 125].

Цифровые технологии оказывают все большее влияние на академический дискурс, меняя способы создания, распространения и восприятия знания. В онлайн-формате студент испытывает дополнительную когнитивную нагрузку, связанную с необходимостью работы с техническими средствами и адаптацией к новому формату коммуникации, что проявляется в паузах, заминках и некоторых сложностях с формулировкой ответов:

P: *How do alpha and beta need to be related for this new equation to hold* [Как альфа и бета должны быть связаны, чтобы это новое уравнение выполнялось?]

S: *So if they are the same we were in state and that'd be fine. If we have values so we want, ... umm, we could change it out for anything before so we that so we've changed ... okay say we want sin the squared beta to be the same as what it was before* [Итак, если они одинаковы, мы находимся в состоянии, и это нормально. Если у нас есть значения, которые мы хотим ... хм, мы могли бы изменить это на что-нибудь раньше, так что мы это так что мы изменили ... хорошо, скажем, мы хотим, чтобы $\sin$ в квадрате бета был таким же, как и раньше] [Cambridge extracts...].

Онлайн-платформы для обмена информацией, цифровые библиотеки, инструменты для коллективной работы над исследовательскими проектами – все это трансформирует когнитивную структуру академического знания, делая его более динамичным, интерактивным и доступным. Интернет-общение по своей сути является гибридным, включая традиционные формы коммуникации, так и интерактивные модели, в рамках которых пользователи не просто пассивно воспринимают информацию, но активно ее отбирают и интерпретируют [Кочетова 2012: 255].

Языковой круг академического дискурса формирует у его участников определенные когнитивные модели и фреймы, которые влияют на то, как они воспринимают мир, интерпретируют информацию и строят свои высказывания. Как отмечает когнитивный лингвист Ж. Лакофф, наши обыденные понятийные системы структурированы в соответствии с метафорическими схемами [Lakoff 1987: 6]. Цифровые технологии вносят свои коррективы в эти метафорические схемы, расширяя наши когнитивные возможности и изменяя понимание мира. Например, метафора «знание как здание» в цифровую эпоху трансформируется в метафору «знание как сеть». Знание перестает восприниматься как нечто статичное и завершенное, а предстает как динамичная и постоянно изменяющаяся система взаимосвязанных узлов информации. В едином интегрированном коммуникативном пространстве обратная связь становится средством контроля и управления аудиторией [Кочетова 2012: 258].

В цифровую эпоху ментальные пространства (Ж.Фоконье), временные когнитивные структуры, которые мы создаем в своем сознании для того, чтобы понять текст или высказывание [Gaussonnier 1994], становятся более гибкими и динамичными, так как можно мгновенно переключаться между разными источниками информации и создавать сложные информационные ландшафты. Например, студент может одновременно анализировать текст научной статьи, просматривать видеолекцию по данной теме и общаться с другими студентами в онлайн-форуме, создавая в своем сознании многомерное пространство для осмысления изучаемого материала, что соответствует модели интерактивной массовой коммуникации. Все жанры Интернета потенциально диалогичны [Колокольцева 2011: 129].

Институциональные рамки академического дискурса накладывают свой отпечаток и на жанр вступительного собеседования. Цифровизация образования приводит к трансформации этих рамок, создавая новые возможности и вызовы для участников собеседования. Онлайн-взаимодействие имеет свою специфику, которая влияет на когнитивные процессы участников и требует от них дополнительных навыков и компетенций. Так, отсутствие физического присутствия и ограниченные возможности невербальной коммуникации в онлайн-среде могут привести к искажению восприятия информации и затруднять диалог между участниками собеседования. Г. Кресс отмечает, что институциональные нормы и практики тесно связаны с тем, как люди думают и действуют [Kress 2003: 86]. В цифровую эпоху эти нормы и практики претерпевают значительные изменения, что требует переосмысления роли языка и коммуникации в образовательной системе. Г. Кресс рисует картину стремительной трансформации грамотности в эпоху цифровых технологий. Мир коммуникации меняется на наших глазах: изображение вытесняет письмо, а экран заменяет книгу. Эти перемены, подобно тектоническим сдвигам, преобразуют не только формы письма, но и само наше взаимодействие с миром.

М. Бахтин называет «сверхадресата» важным элементом диалога, подчеркивая, что говорящий создает высказывание, ориентируясь не только на аудиторию-адресата, но и на «сверхадресата» (абсолютную истину, суд истории, науку и т.д.). Далее ученый выделяет первичные и вторичные жанры, поскольку они не просто отражают типы речевой деятельности, а реализуют определенные коммуникативные задачи [Bakhtin 1986: 14]. В конечном счете каждое высказывание несет в себе не только непосредственное сообщение для адресата, но и обращение к «вышшим инстанциям» (истине, совести, истории) [Bakhtin 1986: 122]. В то же время осознание «сверхадресата» накладывает на говорящего дополнительную ответственность за свои слова, поскольку они оцениваются не только непосредственным собеседником. Ориентация на «сверхадресата» побуждает к выбору стиля, тона, лексики и других языковых средств, используемых говорящим, одновременно усложняя интерпретацию высказываний.

Г. Кресс подчеркивает смещение от «рассказывания мира» к «показыванию мира», что влияет на жанровую организацию текстов. Жанры становятся более

фрагментированными, динамичными, ориентированными на визуальное восприятие. В Интернете наблюдается активная гибридизация жанров, что перекликается с идеей Бахтина о динамичности жанров, хотя Кресс связывает это явление скорее с влиянием новых медиа, чем с коммуникативными целями [Kress 2003: 117-142]. Но сохраняет ли понятие «сверхадресата» свою актуальность в контексте интернет-коммуникации?

С одной стороны, Интернет, казалось бы, нивелирует традиционные авторитеты и ставит под сомнение значимость «высших инстанций», о которых говорил Бахтин. В онлайн-формате ощущение «сверхадресата» может быть ослаблено, так как отсутствует непосредственный контакт с экзаменаторами. Но студент все равно ориентируется на определенные нормы и ценности академического сообщества, стремясь произвести положительное впечатление и продемонстрировать свою компетентность:

P: *And you've got in the middle you know the cashier gave us a sad smile and they took a hammer out of her mouth again that feels like that this juxtaposition is seen throughout the poem and it builds maybe like the state has built and stroked over time* [И у вас посередине, вы знаете, кассир грустно улыбнулась, и они снова вытащили молоток у нее изо рта, и это похоже на то, что это сопоставление видно на протяжении всей поэмы, и оно нарастает, как будто государство строилось и дополнялось с течением времени.]

W: *So, I was wondering whether actually we'd say it's not nonsense at all. It's a picture of a society* [Итак, мне было интересно, не скажем ли мы на самом деле, что это вовсе не бессмыслица. Это картина общества] [Cambridge extracts...].

Тем не менее цифровая самопрезентация создает новые риски. Анонимность интернет-общения снижает чувство ответственности за свои слова и может приводить к пренебрежению этическими нормами. Цифровое пространство способствует фрагментации и формированию замкнутых сообществ со своими локальными нормами и ценностями, что затрудняет обращение к универсальным «высшим инстанциям», а интернет-информация настолько быстро устаревает и теряется в потоке новых сообщений, что снижает значимость «суда истории».

С другой стороны, можно говорить об определенной трансформации «сверхадресата». Важным вопросом остается, насколько новые формы «сверхадресата» способствуют этическому поведению и стремлению к истине в цифровую эпоху. В таких случаях необходимо, чтобы экзаменаторы обладали межкультурной компетенцией и умели адаптировать свой стиль общения к культурным особенностям абитуриента.

Литература

- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
 Кочетова Л.А. Динамика рекламной коммуникации: от традиционной модели к интерактивной // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / под ред. Т.Н. Колокольцевой, О.В. Лутовиновой. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 255-270.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Колокольцева Т.Н. Диалог и диалогичность в интернет-коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62). С. 128-133.

Kress G. Literacy in the New Media Age. London, New York: Routledge, 2003.

Bakhtin M.M. Speech Genres and Other Late Essay. Austin, Texas: University of Texas Press, 1986.

Cambridge extracts from 5 mock interviews (Cambridge University) // Youtube. URL: <https://youtu.be/dUwN6GI-0EQ?si=Zqc6VVPjdqYuYVLh>

I.M. Teplygina (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State Electrotechnical University

ADMISSION INTERVIEW IN THE DIGITAL AGE: LINGUISTIC OBJECTIFICATION AND COGNITIVE ASPECTS

This article analyzes the admission interview as a genre of academic discourse in the digital age. The author examines the impact of the online format on participants' cognitive processes, the transformation of self-presentation strategies, and the ethical implications of digitalization in education. Particular attention is given to the issue of the «superaddressee» in the context of Internet communication and the influence of digital technologies on the cognitive structure of academic knowledge.

Key words: academic discourse, admission interview, dialogue, genre, cognitive linguistics, text

A.A. Терехова (Пятигорск, Россия)

*Пятигорский государственный университет
alele4ka07@mail.ru*

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

В данной статье представлено исследование репрезентативного корпуса англоязычных рекламных текстов Национальной службы здравоохранения Великобритании (NHS), по результатам которого выявлены аксиологические концептосферы, позволяющие выстраивать эффективные коммуникативные стратегии в диалогах «адресат – адресант».

Ключевые слова: медицинский рекламный дискурс, аксиология, концептосфера, ценности, NHS, аксиосфера

В нынешнюю эпоху развития общества реклама занимает важное место в формировании взглядов и ценностей общества. Она оказывает существенное влияние на то, как люди воспринимают разные товары и услуги. Сейчас любой рекламный текст – это «не просто способ вызвать интерес потребителя, а агрессивное навязывание чужого мнения» [Копачевская 2012: 52]. И ввиду того, что сегодня даже медицинские услуги в коммерческих организациях нуждаются в рекламе, особую актуальность приобретает изучение аксиологических концептов, которые участвуют в формировании общественного мнения.

«Исследование аксиологических концептов, используемых в англоязычном медицинском рекламном дискурсе, имеет особую значимость» в т.ч. потому, что реклама медицинских услуг оказывает не только существенное влияние на то, как люди воспринимают свое здоровье, но и предопределяет выбираемые методы лечения и модели взаимодействия с медицинскими учреждениями [Косицкая 2017: 45]. Понимание аксиологических концептов, лежащих в основе медицинского рекламного дискурса, позволяет выявлять в т.ч. «культурные особенности, которые влияют на эффективность рекламы» и могут иметь последствия для здравоохранения в глобальном масштабе [Умеренкова 2021: 39].

В данной статье рассматривается результат исследования репрезентативного корпуса англоязычных рекламных текстов Национальной службы здравоохранения Великобритании NHS в количестве 470 штук (2020–2024 гг. выпуска), в ходе которого были изучены как семантические, так и когнитивно-прагматические аспекты языка.

Исследование продемонстрировало, что англоязычный медицинский рекламный дискурс базируется на системе ценностей адресантов сообщений. Эта «система проявляется через специфический лингвистический код, который при правильном истолковании воспринимается получателем и интегрируется в его систему ценностей» [Багиян 2018: 214]. Такое «когнитивно-дискурсивное воплощение ценностей идей о здоровье как раз формирует аксиологическую концептосферу данного дискурса» и сообщество его участников [Селезнева 2018: 38].

Проведенный анализ рекламных текстов позволил выделить 5 ключевых тем с помощью метода тематического моделирования, имеющего существенное количество преимуществ, а именно: способность формировать общее представление о содержании корпуса, возможность поиска конкретной информации по корпусу, а также выявления тенденций и закономерностей в содержании материалов. Так, в англоязычном медицинском рекламном дискурсе основными концептами являются: САМОПОМОЩЬ (45,5%), ЭКСТРЕННАЯ ПОМОЩЬ (34,4%), ВАКЦИНАЦИЯ (8,5%), ДОНОРСТВО (5,7%), ТРУДОУСТРОЙСТВО (5,3%).

Прибегнув к количественному подсчету и выявив лексемы, употребляемые наиболее частотно в корпусе текстов, нами было определено, что каждый блок текстов, репрезентирующих выделенные концепты, имеет особую аксиосферу, в которой выделяются ядерная часть, околоядерная периферия и дальняя периферия ценностей. Было выявлено, что каждый концепт содержит в себе несколько фреймов, которые являются важными для понимания системы ценностей исследуемой службы NHS. Они отражают основные идеи и принципы, находящиеся в основе деятельности NHS.

Концепт САМОПОМОЩЬ в ядерной части имеет два ярко выделенных фрейма – НАМЕРЕНИЕ (31,8%): *going, doing, start, let's, time, try, come* и т.д., а также СОСТОЯНИЕ И ЭМОЦИИ (26,8%): *good, okay, really, right* и т.д. Фрейм НАМЕРЕНИЕ включает в себя лексемы, связанные с планированием действий, принятием решений и выражением желания совершить то или иное действие.

Фрейм СОСТОЯНИЕ И ЭМОЦИИ включает в себя лексические единицы, которые выражают эмоциональное состояние говорящего и его отношение к ситуации. В околоядерную периферию первого концепта попали такие фреймы: ТЕЛО И ЕГО ЧАСТИ (17,3%): *leg, hands, arms, body, spine, shoulders* и т.д., отражающий важность физического здоровья и благополучия, а также заботу о своем теле и его состоянии; ПОДДЕРЖКА (11,1%): *help, need, hold, bring, use, got, lift*, который актуализирует потребность в поддержке и помощи со стороны других людей, а также способность оказывать поддержку другим, поскольку последняя является важной составляющей межличностных отношений и социальной интеграции. В дальней периферии отражение нашли ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И ОЩУЩЕНИЯ (9,4%): *breathing, squeeze, release, want, feel, stretch* и т.д., а также фрейм ОБЩЕСТВО (3,6%): *people, guys, things* и т.д. Примечательно, что ощущения в концепте САМОПОМОЩИ занимают далеко не главенствующую роль, буквально все тексты данной категории больше сосредоточены на фактах, нежели на описании ощущений, именно поэтому упоминание фрейма ТЕЛО И ЕГО ЧАСТИ приходится на 17,3% от объема корпуса.

Концепт ЭКСТРЕННАЯ ПОМОЩЬ в ядерной части сосредотачивает фрейм УСЛУГИ (27,5%): *NHS, GP, 111, information, contact, app, nhs.uk, service, services, 999, care, hospital*, который фактически представляет собой способы связи пациента с компаниями – это те места, где может состояться оказание помощи пострадавшему, а также номера телефонов, приложений. Второй фрейм содержит упоминание ЗАБОЛЕВАНИЙ (22,7%): *symptoms, blood, health, cancer, attack, treatment, period* и т.д. Здесь часто встречаются лексемы, передающие понимание серьезности ситуаций у пациентов, которые действительно нуждаются в экстренной помощи со стороны NHS. Фрейм СОСТОЯНИЯ (20,3%): *heart, child, people, condition, feeling* и т.д.; и фрейм ДЕЙСТВИЯ (13,4%): *help, use, visit, make* встречаются в околоядерной периферии, отражая более специфические и изменчивые аспекты концепта. В дальней периферии преобладают лексемы, вошедшие во фрейм о ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ (10,1%): *right, advice, signs, important, know*, которые призваны придавать большей «весомости» рекламным объявлениям.

Ввиду того, что тексты, репрезентирующие концепт ВАКЦИНАЦИЯ активно использовались в период пандемии, пропаганда вакцинации занимает в исследуемом корпусе значительное место (8,5%) и включает в себя фреймы, которые буквально описывают различные аспекты вакцинации и важность этого процесса: ВАКЦИНАЦИЯ (39,7%): *vaccine, covid, flu, vaccination, measles, jab, MMR, illness* и т.д.) и БЕЗОПАСНОСТЬ (16,5%): *safe, protection, health, important, risk* и т.д.) в ядерной части; ЛЮДИ И ГРУППА РИСКА (14,4%): *people, child, family, friends, pregnant, community*) и ПРОФИЛАКТИКА (12,9%): *clinical, GP, tested, booster, visit, offered, getting, free* и т.д.) в околоядерной периферии; ВРЕМЯ (*time, years, year, millions, just* и т.д.) в дальней периферии. Логично, что в корпусе данных текстов преобладает упоминание заболеваний и тех вакцин, которые способны с ними справиться, а потому перечисляются представители групп риска. При этом примечательно, что сами

меры профилактики не являются приоритетными: складывается впечатление, что данные рекламные тексты призваны «бороться» с уже существующей проблемой – заболеванием, не стремясь предотвратить ее появление заранее.

В свою очередь концепт ДОНОРСТВО, предполагает донорство не только кро-
ви, но и органов. Ядерная часть данного концепта также ДОНОРСТВО (42,7%) ре-
презентируется лексемами: *blood, donate, organ, transplantation, type* и т.д. Вторая
составляющая ядерной части – фрейм СПАСЕНИЕ ЖИЗНИ (26%): *save, life, donor,
donation, lives, help*. Два данных фрейма дополняют друг друга. В околядерной пе-
риферии выделен фрейм ПЛАНИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ (22,3%): *year, want, time,
new, week, visit, yes*. Примечательно, что лишь в дальней периферии фигурирует
фрейм ЛЮДИ (9%): *people, family, national, member*, несмотря на тот факт, что люди
являются ключевым компонентом в процессе донорства, напротив, такое распреде-
ление фреймов также указывает на то, что донорство является не только индивиду-
альным актом, но и частью более широкой социальной деятельности.

Наконец, концепт ТРУДОУСТРОЙСТВО в ядре содержит РАБОТУ (31%):
medical, work, practice, foundation, surgical, services, recruitment и т.д., следом
по частотности идет фрейм ЛЮДИ (17%): *nurses, people, team, doctors, workers,
nurse*. В околядерной периферии ПОМОЩЬ (13,9%): *help, health, healthcare, care,
mental, trust, support* и т.д. и в дальней ЧУВСТВА (10%): *feel, happy, excellent, right,
better* и т.д. Данный концепт отражает представления о процессе поиска и полу-
чения работы, а также о взаимодействии между соискателями и работодателями.
Прослеживается важность роли межличностных отношений и эмоционального со-
стояния соискателей в процессе организации их труда в службе NHS.

Подводя итоги подчеркнем, что проведенное исследование аксиологической
концептосферы англоязычного медицинского рекламного дискурса сфокусировано
на важности изучения семантических и когнитивно-прагматических аспектов языка
в формировании общественного мнения о здоровье. Выделенные фреймы, такие как
САМОПОМОЩЬ и ЭКСТРЕННАЯ ПОМОЩЬ, представляют собой основу для по-
нимания ценностных ориентиров, которые интегрируются в восприятие адресатов.
Эти фреймы не только отражают ключевые идеи, но и создают аксиосферу, в которой
ценности адресантов становятся доступными и понятными для получателей. Таким
образом, англоязычный медицинский рекламный дискурс опирается на систему цен-
ностей адресантов сообщений, что способствует эффективному выстраиванию ком-
муникации и влияет на выбор потребителей в области медицинских услуг.

Литература

Багиян А.Ю., Ширяева Т.А. Методика концептуального лингвопроектирования про-
фессиональной идентичности: подходы к разработке, сущность и перспективы // Вестник
Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 4.
С. 214-228.

Копачевская С.М. Языковые и неязыковые особенности медицинской рекламы на россий-
ском радио // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхе-
ма. 2012. № 1. С. 52-59.

Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (183). С. 44-48.

Селезнева Л.В., Тортюнова И.А., Лыткина О.И., Люликова А.В. Концептосфера медицины в русской языковой картине мира (на материале медицинского, рекламного, PR-дискурсов) // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 35-39.

Умеренкова А.В. Культурно-релевантный контент дискурса социальной рекламы (на материале русско- и англоязычной рекламы по борьбе с Коронавирусом) // Вопросы современной лингвистики. 2021. №1. С. 39-48.

*A.A. Terekhova (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University*

THE AXIOLOGICAL CONCEPTUAL SPHERE OF THE ENGLISH MEDICAL ADVERTISING DISCOURSE

This article presents a study of a representative corpus of English-language advertising texts of the National Health Service of Great Britain (NHS). According to the results of the study, some axiological conceptual spheres were identified that allow building effective communication strategies in the dyads 'addresser – addressee'.

Key words: medical advertising discourse, axiology, conceptual sphere, values, NHS, axiological sphere

*Айхуэй У (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
2192625179@qq.com*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЛОРАТИВОВ- СИМВОЛОВ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ С КОМПОНЕНТОМ ЧЕРНЫЙ

Лингвокультурологический анализ устойчивых единиц понимается как пример междисциплинарного подхода во фразеологии и паремиологии. В статье представлены устойчивые единицы русского и китайского языков с компонентом-колоративом черный, проведен сопоставительный анализ символических значений компонентов-колоративов в лингвокультурологическом значении. Показано, что колоратив черный в рассматриваемых языках образует фразеологические единицы, обозначающие нелегальность и противозаконность в финансовом мире. В паремиях рассматриваемый колоратив символизирует зло, отождествляется с опасностью.

Ключевые слова: колоратив *черный*, символическое значение, китайские фразеологизмы и паремии, русские фразеологизмы и паремии

Фразеологический и паремиологический фонд языка «выступает хранилищем информации о традициях, обычаях, образе жизни, системе ценностей, характерных для определенного этноса. Сочетание в паремиях подобной информации позволяет говорить о наличии в их плане содержания лингвокультурологического потенциала» [Ломакина 2022: 9]. Во фразеологизмах и пословицах «отражается этнокультурное своеобразие категоризации и концептуализации действительности» [Иванов

2023: 1157], что позволяет объективно дифференцировать национально-культурную семантику в рамках их плана содержания как языковых знаков. При этом мы отличаем фразеологизмы как раздельнооформленные единицы, обладающие спаянностью компонентов и неразложимым значением от пословиц, отличающихся следующими признаками: «широкая употребительность в народе, анонимность, устойчивость, краткость, характер рекомендации, обобщение опыта, образность и переносный смысл» [Бредис 2015:16].

Междисциплинарный подход к исследованию фразеологического и паремиологического материала позволяет охарактеризовать его с различных сторон: выявить лингвоаксиологический потенциал; провести лингвокультурологический анализ и прокомментировать неясные компоненты; представить концепты, которые репрезентируются фразеологизмами и/или паремиями; проанализировать контекстуальное употребление для выявления актуального значения.

Лингвокультурологический анализ устойчивых единиц имеет важное значение при интерпретации их значения, культурной коннотации, особенностей употребления и часто требует привлечения этнографического, историко-этимологического материала. «В ходе культурной интерпретации семантика слов-компонентов и всего фразеологизма в целом, обоснованная культурной значимостью называемых в нем реалий и их знаковых заместителей в тематических кодах культуры, дополняет языковое значение фразеологизма, объясняет его особую функцию как знака языка и культуры» [Ковшова 2009: 176].

Представление компонента фразеологизма / паремии как символа также входит в задачу лингвокультурологии, поскольку «символ олицетворяет культурный опыт целого народа, а не отдельного индивида и выступает как высшая форма знания» [Харитоновна 2014: 4].

Колоративы, как и соматизмы, фитонимы, зоонимы, играют важную роль в составе фразеологизмов и паремий. И. Калита при анализе устойчивых единиц с компонентом-колоративом предлагает рассмотрение триады *цвет – фразеологизм – образ* [Калита 2017]. Символическое наполнение колоративы получают во всех культурах независимо от типа, времени создания, места. М. Голубева называет цвета, составляющие мифологическую картину мира: черный, красный, белый [Голубева 2023: 217], а противопоставление белого и черного отражает архетипичную парадигму «добро» – «зло» [Калита 2017: 175].

Ранее на материале русской и китайской паремиологии мы показали смысловое наполнение колоратива *белый* [У 2024], цель данной статьи – рассмотреть устойчивые единицы русского и китайского языков (36 ед.) с компонентом *черный* с привлечением лингвокультурологического, этнографического и этимологического анализа.

По мнению Дж. Тресиддера, *черный* почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий, символизируя смерть, отчаяние, горе, скорбь и зло (сатану называют князем тьмы), низшие уровни или ступени мироздания (загробный мир, первичный хаос в алхимии) [Тресиддер 2001: 192].

В русских и китайских поговорках черный цвет наделяется одинаковой негативной оценочностью. В пословицах *Как душа черна, мылом не отмоешь*, *Как душа черна, так и мылом не смоешь* прилагательное *черна* обозначает «грязна, нечиста», наблюдается метафорический перенос: черный символизирует зло. В ряде русских пословиц *Береги денежку про/на черный день*; *Черный день придет – приятели откинутся*; *В черный день не мирись, не кумись – ссора будет* фразеологизм *черный день* «тяжелое, трудное время» [ФСРЯТ: 65] становится центральным образом. Семантически сюда относятся русские фразеологизмы *черное слово* «чертыханье, брань» [ФСРЯТ: 320], *черная магия* «по средневековым суеверным представлениям: колдовство с помощью адских сил» [ФСРЯТ: 140]. Также негативную семантику имеют фразеологизмы русского языка: *черная неблагодарность*, *держат в черном теле* [Белова 2012: 514].

Черный цвет в китайском языке воспринимается как символ опасности, зла: *月黑风高* «черная/темная ночь с сильным ветром» в значении «опасная обстановка или ситуация»; *黑夜狗咬狗*, *乱世人吃人* «Собака кусает собаку в черную / темную ночь, а человек поедает человека в смутные времена»; *黑云压城城欲摧* «черные / мрачные тучи нависли над чьей головой» в значении «почувствовать угрозу»; *黑烟晕人*, *恶语伤人* «Черный дым вызывает у людей головокружение, злые слова ранят людей».

Как в русском, так и в китайском языках колоратив *черный* приобретает отрицательное значение также в современных устойчивых единицах, обозначающих нелегальность и противозаконность: рус. *черная зона* «зона, управляемая блатными» [Калита 2017: 175], *черная биржа* и *черный рынок* «неофициальная, тайная биржа (рынок) в капиталистических странах» [ФСРЯТ: 319], *черные деньги*, *черные схемы заработка* [Калита 2017: 40], *черный нал*; кит. *黑货* «черный товар» в значении «контрабандный товар, контрабанда»; *黑店* «черный магазин» в значении «нечестный магазин, разбойничий притон»; *黑幕* «черный занавес» в значении «закулисные интриги, секреты, скандалы»; *黑社会* «мафия, организованная преступность, криминальный мир»; *黑色产业链* «черная производственная цепочка, производство и сбыт чего-либо незаконного».

В китайском языке единичны выражения, где черный цвет имеет положительное значение: *黑马* «черный конь, темная лошадка» в значении «неожиданное повышение курса акций за короткий промежуток времени, неожиданный победитель»; *黑牛生白犊* «черная корова черного теленка» в значении «счастливое предзнаменование, радостное предвестие».

Этимологическая справка необходима при понимании паремий с колоративом *черный*: *В черный день перемогуся, а в красный – сопьюсь*; *В черный день не мирись, не кумись – ссора будет*: черным считали понедельник, что отражено в паремии, обладающей информативным потенциалом: *Воскресенье – свято, понедельник – черный, вторник – потворник, среда – постница, четверг – перечит, пятница – корячится, суббота – делу почин*. В этих единицах анализируемый колоратив

выполняет номинативную функцию, символическое значение связано с представлением о понедельнике как трудном дне из-за начала недели после выходного дня.

В мифологическом сознании черный цвет нередко отождествляется с синим [Голубева 2023: 217], что находит отражение в китайской устойчивой единице 青面獠牙 «синее лицо, выступающие клыки» в значении «демон; исчадие ада; безобразное чудовище (о внешности человека)» [Готлиб 2019: 342]; 司马青衫 «Халат воеводы синий (пропитан слезами)» – глубокая печаль, тоска; печально [Готлиб 2019: 402].

Образ черных птиц находим в паремиологическом фонде двух языков. Семантика постоянства содержится в русской паремии *Сколько ни мой гагару, все черна*. Значение «злые люди одинаково плохи во всем мире» содержится в паремии *天下乌鸦一般黑* «все вороны в мире одинаково черны».

Как было отмечено нами ранее, колоративы черный и белый являются бинамами, что подтверждает и русский, и китайский паремиологический материал [У 2024]. Нами были обнаружены устойчивые единицы, построенные на колоративной паре *черный – красный*: рус. *Чернее монаха не будешь. Краснее красна не вырадишься*, что отражает особенности русской традиционной культуры: черный монах – это представитель духовенства, принявший обет целомудрия, послушания и нестяжания; красный же в данном контексте имеет значение «красивый». Это выражение обозначает достижение крайностей.

Колоратив *черный* со значением цвета, т.е. В прямом значении, встречается в различных русских суеверных приметах и присловиях, в которых животные черного окраса получают магическую силу: *На черную кошку можно выменять у нечистой силы шапку-невидимку и неразменный рубль* [Грушко, Медведев 1995: 226]; *В черную сороку, свинью, собаку, а особенно – в черную кошку может оборотиться ведьма; Черная собака, черная кошка и черный петух в доме спасают от вора* [Грушко, Медведев 1995: 496].

Анализ устойчивых единиц русского и китайского языков с колоративом *черный* показал его фразеомообразующий и паремиообразующий потенциал. Чаще всего в составе русских и китайских паремий этот колоратив символизирует зло, имея негативное отношение. Среди русских и китайских современных фразеологизмов выделяется группа единиц, обозначающих нелегальность и противозаконность. Достоверность выводов обеспечил междисциплинарный подход к анализу материала.

Литература

- Белова О.В. Черный цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 513-518.
- Бредис М.А. Определения пословицы в отечественной лингвистике // Вестник центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 4. С. 12-17.
- Голубева М.В. Главное в истории мифологии. Ключевые сюжеты, темы, образы, символы. М.: Манн, Иванов, Фарбер, 2023.
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славяне», 1995.

Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремнологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1154-1177.

Калита И.В. Очерки по компаративной фразеологии II. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, беларусов, украинцев и чехов. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017.

Ковишова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

Ломакина О.В. Тувинская паремнология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6-16.

Тресиддер Джекс. Словарь символов. М.: Гранд: Фаир-пресс, 2001.

У А. Роль колоративов в концептосфере русской и китайской лингвокультуры (на материале фразеологизмов и паремий с компонентом белый) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 696-700.

ФСРЯТ – Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003.

Харитонова Е.Ю. Трактовка понятия «символ» в лингвистике // Вестник московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 81-133.

Aihui Wu (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

LINGUOCULTUROLOGICAL POTENTIAL OF COLOR SYMBOLS IN RUSSIAN AND CHINESE PAROEMIA WITH THE BLACK COMPONENT

The linguacultural analysis of set units is understood as an example of an interdisciplinary approach in phraseology and paremiology. The article presents set units of the Russian and Chinese languages with the black color component, a comparative analysis of the symbolic meanings of the color components in the linguacultural meaning is carried out. It is shown that the black color in the languages under consideration forms phraseological units denoting illegality and unlawfulness in the financial world. In the paremias, the color in question symbolizes evil, is identified with danger.

Key words: black color, symbolic meaning, Chinese phraseological units and paremias, Russian phraseological units and paremias

М.В. Файбушевский (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
faiboushevski@mail.ru*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА

Современное когнитивное терминоведение сформировало и новый вектор развития терминографии, речь идет о когнитивной терминографии. В работе рассматриваются предпосылки к построению терминологического ресурса, учитывающего специфику когнитивного содержания термина, основные используемые приемы, особенности макро- и микрокомпозиции словаря.

Ключевые слова: когнитивная терминография, термин, терминологический словарь, терминосистема, терминологическое определение

Закономерное доминирование когнитивной парадигмы гуманитарного знания, в том числе и в лингвистике, оказало существенное влияние и на терминоведение. Конец XX – начало XXI веков ознаменовались переходом на новый этап развития – когнитивное терминоведение. Теоретический базис этого направления сформирован в трудах С.Л. Мишлановой, Л.М. Алексеевой, Н.Ф. Новодрановой, Е.И. Головановой, Л.А. Манерко и др. и логически обобщен в работе В.М. Лейчика «Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX – XXI веков».

В указанной работе В.М. Лейчик отмечает: «термин предстает в определенный момент и на определенный срок как объективно-субъективная единица фиксации результатов когнитивной деятельности, закрепляемой языком» [Лейчик 2007: 125]. Приведенная цитата, напрямую касающаяся процесса перекодирования специального концепта в термин, вербализации результатов знания, на наш взгляд, весьма актуальна и в лексикографическом аспекте. Согласно Л.Ю. Буяновой, именно в терминологическом словаре как своеобразной когнитивной структуре «отражены когнитивные принципы обработки и структуризации научной информации и представле-на история и результат когниции» [Буянова 2012: 123].

Настоящая работа посвящена принципам отражения в терминологическом словаре когнитивных особенностей финансовых терминов, специальных единиц одной из наиболее важных сфер современной жизни. Речь идет в том числе и о способах лексикографического описания, наиболее полно отображающих когнитивное содержание термина.

Теоретической основой данной работы являются научные труды по общему терминоведению [Шелов 2003; Росянова, Киселева и др. 2017; Гринев-Гриневич, Сорокина и др. 2024], лексикографии [Герд 1988; Бобунова 2009; Николаев, Митренина и др. 2017], и терминографии [Шайкевич 1983; Герд 1986; Гринев-Гриневич 2021], а также когнитивному терминоведению [Лейчик 2007; Голованова 2011; Буянова 2012; Киселева, Миронова 2020] и др.

В рамках настоящего исследования лексикографической реализацией когнитивного содержания термина является описание **процессов** и фиксация **результатов**. Стоит изначально обозначить, что, поскольку основными адресатами терминологического словаря являются специалисты в конкретных областях знания, такой ресурс можно считать скорее антропоцентрическим (пользование профессионалом внесенными в лексикографический источник **результатами** человеческого познания). Необходимость воссоздания **процессов** с привлечением лексикографических средств – эффективный способ представления когнитивных алгоритмов. Кроме того, принципы когнитивной лексикографии, одной из важных задач которой, по словам Е.А. Николаенковой, являются возможности «когнитивного описания значения слова» [Николаенкова 2020: 383], остаются актуальными и для когнитивной терминографии, иллюстрирующей когнитивное содержание термина, обозначающего понятие конкретной специальной сферы. Учитывая вышесказанное, сформу-

лируем основные аспекты, на которые стоит обратить внимание в процессе составления современного терминологического словаря.

Представление **макроструктуры** ресурса стоит реализовывать в логике лексикографического моделирования терминосистемы: не отвергая удобство традиционного для большинства словарей алфавитно-гнездового принципа следования словарных статей, стоит учитывать разделение терминов на тематические группы, внедрять вспомогательные разделы – своеобразные приложения-индексы, изображающие лексикографическую систему как логико-понятийную систему описываемой области;

Оформление **микроструктуры** специального словаря необходимо осуществлять с учетом ассоциативных (семантическое окружение, эквивалентность и др.), атрибутивных параметров (тематическая, лексическая, стилистическая атрибуция). В этой связи центральное значение приобретают интерпретационные параметры, называемые С.В. Гриневым-Гриневицем «средствами объяснения термина», то есть научная дефиниция, словарное толкование, а также отсылочное, иллюстративное, контекстуальное, энциклопедическое определения [Гринев-Гриневиц 2021: 53]. Выбор типа такого определения зависит от непосредственной задачи лексикографа и цели самого лексикографического проекта, однако именно данный элемент микроструктуры требуется исполнять в том числе с учетом когнитивной составляющей.

Вне всякого сомнения, любая лексикографируемая терминосистема требует кропотливой «дословарной» работы: от дисциплинарной организации до общей характеристики сферы функционирования. Например, финансы – многоаспектная структура и с точки зрения дисциплинарности и с позиций описываемых наукой процессов. Специальные единицы, принадлежащие терминосистеме финансов и понятия-концепты, стоящие за ними, в силу исключительного влияния на непрофессиональную, общественно-бытовую жизнь индивидов и социума в целом, в известной степени являются неотъемлемой частью неспециальной, общепотребительной лексики (речь идет в том числе и о процессах детерминологизации). Материнская терминосистема финансов подразумевает несколько дочерних терминосистем как совокупностей специальных единиц ее дисциплинарных направлений. Финансовая наука (часто называемая просто финансами) выделяет государственные, муниципальные финансы, финансы предприятия, банковское дело, биржевое дело, страхование и пр.

Французский финансовый термин *banqueroute*, относящийся к банковской сфере [B – Banque] и сфере «финансы предприятия» [FE – Finance d'entreprise], может в этой связи иметь два определения, каждое из которых маркируется:

banqueroute bankruptcy

1) [B] Faillite bancaire.

2) [FE] Situation d'une entreprise qui est en cessation de paiement et qui a commis certaines fautes [Peyrard, Peyrard 2011: 30].

Несмотря на колоссальную работу российских ученых-лексикографов и специалистов в области терминологической лексикографии (терминографии), отечественные специальные словари остаются во многом одноаспектными (толковыми, переводными и т.п.). Тематическое маркирование часто заменяют весьма объемные определения, подчас, превращающие текст лексикографического ресурса в обсуждение результатов исследования и (или) рекомендации специалистам:

Несостоятельность, банкротство – признанная арбитражным судом или объявленная должником неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей <...>. Прокурор имеет право обращаться с заявлением о признании должника банкротом в случаях <...>. Производство по делу о банкротстве возбуждается арбитражным судом на основании заявления о признании должника банкротом [Лапуста, Никольский 2002: 294-295].

Представленные выше варианты «толковой» части терминологических словарей, наряду с другими (первичными) текстами могут нести в себе ценную информацию для составления словарей нового типа, учитывающих современные тенденции логики когнитивного терминоведения и терминографии. В проектировании таких лексикографических ресурсов возможно использование элементов лексоцентрических словарей, то есть потенциальное деление когнитивно-познавательного аспекта на этапы: на каждой ступени лексикографической работы выделяются ключевые понятия (указанные в терминологическом определении доминантные понятийные признаки), фиксируются процессы и результаты.

При кажущейся сложности реализации такого подхода, необходимости дальнейшей проработки методологии и самого результативного алгоритма исполнения данных задач, определенный эвристический потенциал видится в привлечении средств компьютерной лексикографии, а также накопленного опыта современных междисциплинарных направлений прикладных лингвистических исследований.

Литература

- Бобунова М.А. Русская лексикография XXI века. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. М.: Флинта: Наука, 2012.
- Герд А.С. Еще раз об автоматизации лексикографических работ // Советская лексикография. 1988. С. 225-232.
- Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Л.: ЛГУ, 1986.
- Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011.
- Гринева-Гринева С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2021.
- Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Терминоведение. М.: ЛЕНАНД, 2023.
- Киселева С.В., Миронова М.Ю. Структурно-семантические характеристики инвестиционной английской терминологии. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2020.
- Лапуста М.Г., Никольский П.С. Современный финансово-кредитный словарь. М.: ИНФРА-М, 2002.

Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. 2007. Вып. 4. С. 121–132.

Николаев И.С., Митренина О.В., Ландо Т.М. и др. Прикладная и компьютерная лингвистика. М.: Ленанд, 2016.

Николаенкова Е.А. Особенности когнитивной лексикографии на примере концепта «battle» // Столыпинский вестник. 2020. № 2. С. 383–397.

Росанова Т.С., Киселева С.В., Барташова О.А., Полякова С.Е. Введение в терминоведение. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2017.

Шайкевич А.Я. Проблемы терминологической лексикографии. М.: Всесоюзный центр переводов, 1983.

Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

Peyrard J., Peyrard M. Dictionnaire de finance. 2e édition. Paris: Vuibert, 2011.

M.V. Faiboushevskiy (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics.

LEXICOGRAPHICAL IMPLEMENTATION OF THE COGNITIVE CONTENT OF THE TERM

Cognitive terminology has also formed a new vector for the development of terminography; we are talking about cognitive terminography. The paper examines the prerequisites for the construction of a terminological resource that takes into account the specifics of the cognitive content of the term, the main techniques used, and the features of the macro- and micro-composition of the dictionary.

Key words: cognitive terminography, term, terminological dictionary, terminological system, terminological definition

Л.А. Фурс (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

liudmila.furs@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ В ВЕРИФИКАЦИИ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ

В статье анализируются особенности когнитивного стиля в верификации фейковых новостей. Верификация фейковых новостей является многоаспектным процессом, в котором выделяются два фокуса – аксиологический и фактологический. Значимыми в ходе активизации аксиологического фокуса являются механизмы концептуальной метафоры, повтора и градуирования. Фактологический фокус профилируется на основе механизма противопоставления фактоида и факта.

Ключевые слова: когнитивный стиль, верификация, фейковая новость, аксиологический фокус, фактологический фокус, когнитивный механизм

В эпоху информационных технологий важное значение имеет верификация воспринимаемой информации, заключающаяся в дифференциации факта как достоверной информации и фактоида как ложного утверждения (см.: [Mailer 1973: 129]), которые рассматриваются в соотнесении с сенсационностью медийного

жанра. Немаловажной в этой связи является и проблема придания правдоподобности фейковым новостям, которая была рассмотрена за счет описания когнитивных механизмов адаптации фейковых новостей к показателям истинности (подробнее см.: [Фурс 2022]). Однако процессы верификации фейковых новостей, как и особенности когнитивного стиля верификатора не получили должного внимания, хотя термин «фактчекинг» прочно утвердился в качестве центрального в журналистике, когда речь идет о контроле за публикуемой фактической информацией, а также в лингвистике при рассмотрении манипулятивного воздействия на сознание человека в политическом дискурсе.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей когнитивного стиля в процессах верификации фейковых новостей в американском предвыборном дискурсе. Фейковой считается «намеренно представленная ложная информация, которую можно проверить» [Allcott, Gentzkow 2017; Shu, Wang, Liu 2019]. При этом главной целью является эмоциональное воздействие на субъекта восприятия этой новости, чтобы убедить его в истинности информации (подробнее см.: [Фурс 2022: 6]). Это достигается, как правило, за счет формирования структур комплексного знания, что создает определенные трудности для верификации его истинности. Именно поэтому был поставлен вопрос о роли когнитивного стиля верификатора, предполагающем активизацию «различных стратегий» обнаружения искажения данных в рассматриваемом контексте [Shu, Wang, Liu 2019]. В широком смысле когнитивный стиль определяется «как предпочитаемый подход к решению проблемы, характеризующий поведение человека относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей» [Демьянков 1994: 27]. Когнитивный стиль может быть определен и как стиль подачи и представления информации, особенностей ее расположения и структуризации в тексте/дискурсе, связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов [Leech, Short 2007]. «Для выделения когнитивного стиля существенной признается не цель деятельности, а то, как она достигается». При этом «различные когнитивные структуры, используемые в мышлении, характеризуются двойной ролью – когнитивной и аффективной» [КСКТ 1997: 80]. Данные положения дают основание сделать вывод о роли процедурного знания в формировании когнитивного стиля верификатора. Процедурное знание отражает процессы управления содержанием памяти и представлено в виде различных процедур обработки статичного знания декларативного типа, которое хранится в памяти в виде концептов, категорий, фреймов, когнитивных областей и т.п. (подробнее о процедурном знании см.: [Фурс 2018]). Как показал анализ фактического материала, в процессах верификации фейковых новостей выделяются два фокуса в обработке информации – аксиологический и фактологический. Аксиологический фокус соотносится с ценностными ориентирами верификатора, в то время как фактологический фокус представлен фактами и имеет документальное подтверждение. С учетом выделенных фокусов в обработке информации определим, какие когнитивные механизмы активизируются верификатором в каждом случае:

(1) аксиологический фокус

Анализируемая статья опубликована в издании консервативной направленности, поддерживающем республиканскую партию США и ее представителя, бывшего президента Д. Трампа. Именно поэтому реализация аксиологического фокуса в ходе верификации фейковой информации о нем представлена как острая критика его оппонента К. Харрис, представителя демократической партии и действующего вице-президента страны. При этом в качестве основных были задействованы когнитивные механизмы концептуальной метафоры, повтора и градуирования:

Vice President Kamala Harris has been caught being deceptive about former President Donald Trump's campaign on numerous occasions by online fact-checkers, and even CNN [Rondeau 2024].

За счет глагола *to catch* (to discover, see, or realize something, especially someone doing something wrong [CD]) создается ассоциация с чем-то аморальным, каким-то правонарушением, что ставит объект критики в позицию обвиняемого. Именно отсылка к области знаний о правонарушениях проецирует такую оценку поведения, как неправомерность, а также имплицитно указывает на необходимость наказания за причиненный вред.

Следующее высказывание подчеркивает прямую ответственность К. Харрис за распространение ложной информации о Д. Трампе:

The posts had all been called out by an X account by the name of @KamalaHQLies, an anonymous page that works to hold the official Harris page accountable for spreading misinformation [Rondeau 2024].

Когнитивный механизм повтора направлен на усиление аксиологического фокуса при обвинении К. Харрис в создании фейков о Д. Трампе. Каскад обвинительных высказываний (*false or misleading, false pretenses, the same lies, deceptive edit*) создает эффект «эхо», усиливающий уверенность верификатора в выдвигаемых обвинениях. Повтор реализуется и в ситуативном контексте:

A CNN analysis of several posts made by the @KamalaHQ X account over the last month shared examples of Harris's team using "false or misleading" video editing and captioning to misrepresent statements made by Trump and his allies (Rondeau 2024).

Числительное *several*, множественное число существительных *examples, statements*, а также темпоратив *over the last month* указывают на повторяемость недостоверных высказываний о Д. Трампе и его союзниках. При этом акцент ставится на намеренном характере таких действий за счет семантики лексем *deceptive* (tending or having power to deceive [MWD]) и *false* (intentionally untrue [MWD]), что увеличивает уровень ответственности за эти действия.

Механизм градуирования реализуется за счет градуаторов в семантике оценочных средств, например:

This is a flat-out lie (Rondeau 2024).

Лексема *flat-out* (being or going at maximum effort or speed [MWD]) репрезентирует максимум прилагаемых усилий в процессах создания недостоверной информации о Д. Трампе.

(2) фактологический фокус

Фактологический фокус в верификации фейковых новостей о Д. Трампе и представителях его команды реализуется на основе когнитивного механизма противопоставления. Существенной для верификатора является контраргументация при сопоставлении фактоида и факта. В создании фактоида задействовано противопоставление локативов, когда Д. Трамп, находясь в одном штате, обращается к жителям другого штата, что, по замыслу команды К. Харрис, должно свидетельствовать о его утрате способности ориентироваться в пространстве (*Donald Trump is lost and confused*). Например (здесь и далее представлены примеры фактоидов и фактов из новостного издания [Breitbart News. September 15, 2024]):

Trump: *Would that be okay, North Carolina? (He is in Pennsylvania)* – **фактоид**.

The full video of the Wilkes-Barre rally shows that Trump had pointed at the same spot to his left earlier in his speech to acknowledge a group of supporters who traveled from North Carolina. “Thank you very much. North Carolina,” he said at one point – **факт**.

Восстановление опущенной части ситуативного контекста свидетельствует о рациональности мышления Д. Трампа.

Аналогичная ситуация обыгрывается и с локативами *Arizona* и *Pennsylvania*. Представители штаба К. Харрис, опуская часть ситуативного контекста, делают ложный вывод:

“Trump forgets which state he is in (again)” and a caption claiming, “He is declining rapidly”.

В качестве дополнительного когнитивного механизма выступает механизм градуирования (*to decline* – to gradually become less, worse, or lower [CD]). В совокупности с наречием *rapidly* этот глагол указывает на быстрое ухудшение ментального состояния Д. Трампа, что, в свою очередь, по замыслу авторов фейка, служит как предостережение подумать, нужен ли стране такой кандидат в президенты.

Другим противопоставлением фактоида и факта является пример о возможности медицинского страхования ветеранов, которые обсуждает сенатор Дж. Вэнс:

Kamala HQ has also posted misleading and inaccurate quotes from Trump’s running mate, Sen. JD Vance. Vance: “I think I’d consider privatizing veterans health care” – **фактоид**.

The full video shows Vance speaking on the Shawn Ryan Show, explaining how he would give veterans a choice on whether to go to a private medical practice or a public one that is part of the Department of Veterans Affairs – **факт**.

Еще одно противопоставление касается заявления Дж. Вэнса о поддержке профессиональных объединений:

Another attack on Vance regarding a statement he made when addressing the International Association of Fire Fighters painted him as “anti-union”.

Vance: “Democrats want to attack Republicans as being anti-union and sometimes the shoe fits” – **фактоид**.

Полное видео демонстрирует искаженный монтаж предвыборного штаба Харриса:

“A lot of Democrats want to attack Republicans as being anti-union and sometimes the shoe fits — but not me, and not Donald Trump,” said Vance, before highlighting policies he supported to better help firefighters – факт.

Таким образом, в когнитивном стиле верификаторов фейковых новостей выделяются два фокуса – аксиологический и фактологический, которые реализуются за счет ряда когнитивных механизмов. Значимыми в ходе активизации аксиологического фокуса являются механизмы концептуальной метафоры, повтора и градуирования. Фактологический фокус профилируется на основе механизма противопоставления фактоида и факта. В целом, процесс верификации фейковых новостей является многоаспектным и пропорционально сконструированным, когда создается модальность истинности с гармонично дополненными оценочными нюансами.

Литература

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Фурс Л.А. Способы элиминации диссонанса в восприятии фейковых новостей: когнитивный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 3. С. 5-16.

Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74-78.

Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // Journal of Economic Perspectives. 2017. 31. 2. Pp. 211-236.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

Leech G. N., Short M. H. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. London: Longman, 2007.

Mailer N. Marilyn: A Biography. New York: Grosset & Dunlap, 1973.

MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>

Rondeau O. CNN Calls Out Numerous Anti-Trump Lies Posted by Kamala Harris Campaign // Breitbart News. September 15, 2024. URL: <https://www.breitbart.com/2024-election/2024/09/15/cnn-calls-out-numerous-anti-trump-lies-posted-by-kamala-harris-campaign/>

Shu K., Wang S., Liu H. Beyond news contents: The role of social context for fake news detection // Proceedings of the Twelfth ACM International Conference on Web Search and Data Mining. ACM Computing Surveys. Melbourne: Association for Computing Machinery, Inc., 2019. Pp. 312-320.

L.A. Furs (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

FEATURES OF COGNITIVE STYLE IN FAKE NEWS VERIFICATION

The article analyzes the features of cognitive style in verifying fake news. Verification of fake news is a multidimensional process in which there are two focuses – axiological and factual. The mechanisms of conceptual metaphor, repetition and gradation are significant in the process of activating the axiological focus. Factual focus is profiled by the mechanism of contrasting factoid and fact.

Key words: cognitive style, verification, fake news, axiological focus, factual focus, cognitive mechanism

*С.Б. Хабибуллина (Тюмень, Россия)**Тюменский государственный университет**s.b.khabibullina@utmn.ru*

ОБУЧАЮЩЕЕ ЧТЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ВЭБСТЕР «DADDY-LONG-LEGS»)

Статья посвящена изучению обучающего чтения как сложного когнитивного процесса, раскрывающего взаимосвязь между языковыми навыками и механизмами мышления. В работе представлен когнитивный подход к чтению, основанный на взаимодействии когнитивных процессов (восприятие, понимание, память, внимание) и когнитивных составляющих, обеспечивающих обработку языковой информации.

Ключевые слова: обучающее чтение, когнитивный процесс, восприятие, понимание, память, внимание, когнитивные составляющие, знания (метакогнитивные, фонологические, лексические, грамматические, семантические, прагматические)

Обучение языку – это комплекс действий обучающихся по развитию различных языковых навыков. Обучающее чтение, в свою очередь, представляет собой сложный когнитивный процесс, который включает в себя не только восприятие текста, включая анализ структуры, лексики и контекста, но и его осмысление, анализ и интерпретацию. Роман Дж. Вэбстер “Daddy-Long-Legs” – содержательно многослойное произведение, которое может служить основой для обучения читательским стратегиям.

Когнитивный подход к чтению предполагает связь языка с механизмами мышления (формирования смыслов) и познания (рассуждения о языке, анализ структуры представления знания, естественная категоризация), памятью (долговременной и оперативной), вниманием и активацией [Кубрякова 2004; Кибрик 1994: 126].

Структуры представления знания основаны на когнитивных схемах и моделях, по которым мы осмысливаем опыт и знания. Естественная категоризация классифицирует предметы и явления. Долговременная память характеризует способность долго сохранять знания и навыки, а оперативная память представляет собой кратковременную память, используемую для временного хранения информации. Внимание как когнитивный фактор подчеркивает способность фокусировать внимание на определенных аспектах окружающей действительности. И, наконец, активация – это способность говорящего фокусировать свое сознание лишь на ограниченном фрагменте мира в каждый данный момент [Кибрик 1994: 130].

Обучающее чтение включает в себя все указанные выше когнитивные процессы, которые, взаимодействуя друг с другом, помогают читателю активно работать с текстом, осваивать его и извлекать из него информацию. Когнитивные процессы являются динамическими и происходят в мозге во время обработки языковых данных, тогда как когнитивные составляющие – это статические, устойчивые знания и навыки, которые лежат в основе лингвистических процессов. Когнитивные составляющие основаны на языковой компетенции и языковом использовании:

1) *фонологические знания* – знание звуковой системы языка (даже если мы читаем, мозг подсознательно обрабатывает звуковую информацию); 2) *лексические знания* – знание значений лексем и устойчивых выражений; 3) *грамматические знания* – знание правил языка, которое позволяет понимать структуру предложений, согласование слов; 4) *семантические знания* – знание семантики слов, понятий, концепций, а также умение устанавливать связи между ними, что позволяет понимать смысл предложений и текста в целом; 5) *прагматические знания* – знание о контексте, социальных нормах, культурных особенностях, интенциях автора, что необходимо для понимания подтекста, иронии, сарказма, эмоциональной окраски текста и цели коммуникации; 6) *знания о мире* – общие знания, например, о сиротских приютах, о жизни в начале 20-го в., о человеческих отношениях, которые помогают читателю понять сюжет, персонажей и мотивы; [Колшанский 1990: 59-75] 7) *метакогнитивные навыки* – способность осознавать собственные процессы мышления, понимать, что читатель знает, а что нет, и применять стратегии для улучшения понимания (например, перечитывать непонятные места, обращаться к словарю) [Flavell 1979: 907].

Мы соотнесли вышеописанные когнитивные процессы (*восприятие, понимание, память, внимание*) у читателя с содержанием романа Дж. Вэбстер “Daddy-Long-Legs”. Что касается, *восприятия*, в процессе чтения читатель видит и распознает буквы, слова, предложения (визуальное восприятие) и имплицитно, поскольку мы не произносим слова вслух, но мозг все равно активизирует фонологические структуры, помогая нам «слышать» внутренний голос главной героини Джеруши / Джуди (фонематическое восприятие).

Понимание охватывает процессы *декодирования* (распознавание значений отдельных слов и идиом, например, понимание сленга или специфических выражений того времени (лексическое понимание), анализ структуры предложений, понимание грамматических связей между словами (синтаксическое понимание), *интерпретации* (семантическое понимание и прагматическое понимание) и *синтеза* (объединение информации из разных частей текста для формирования общего понимания, отслеживание развития сюжета, запоминание персонажей и их отношений, понимание причинно-следственных связей между событиями (понимание повествования).

В свою очередь *память* как когнитивный процесс активизируется различным образом: рабочая память – удержание информации, необходимой для понимания текущего предложения (например, кто является отправителем письма, о чем говорилось в предыдущем абзаце); долгосрочная память – извлечение знаний из прошлого опыта и знаний (например, знание словарного запаса, знание о жизни в сиротском приюте, понимание социальных норм того времени); эпизодическая память – связывание информации из романа с личным опытом читателя, что усиливает эмоциональное воздействие. Процесс хранения информации в памяти и ее последующее

воспроизведение может включать в себя использование мнемонических приемов или создание записок [Goldstein 2010: 123, 151]. Что касается *внимания*, то оно также оказывается комплексным когнитивным процессом и служит для создания смысловых связей: фокусировка – удержание внимания на тексте, игнорирование отвлекающих факторов; селективное внимание – выделение важных деталей (например, намеков на личность дядюшки, развитие отношений между Джуди и мистером Пендлтоном); поддержание внимания – необходимость сохранять интерес к истории на протяжении всего романа.

Таким образом, описанные когнитивные процессы актуализируются посредством когнитивных составляющих реализуемых языковыми компонентами, которые можно представить в таблице 1.

Таблица 1. Реализация когнитивных процессов через когнитивные составляющие

Когнитивные процессы	Когнитивные составляющие
Восприятие	фонологические знания (распознавание звуков речи), лексические знания (распознавание лексем и словоформ), синтаксические знания
Понимание	лексические знания (семантика лексем), грамматические знания (структура предложений и правил языка), семантические знания (значения слов и связей между ними), прагматические знания (контекст, намерения говорящего)
Память	лексические знания (хранение слов и их значений), фонологические знания (хранение звуковых образов слов), грамматические знания (хранение правил языка), прагматические знания (хранение информации о коммуникативных ситуациях)
Внимание	фонологические знания (выделение релевантных звуков), лексические знания (активация слов), грамматические знания (анализ структуры предложений), семантические знания (связь с существующими знаниями), прагматические знания (учет контекста и цели коммуникации)

Рассмотрим некоторые коммуникативные ситуации взаимодействия когнитивных процессов и когнитивных составляющих на примере анализируемого романа. Коммуникативное событие – Джуди пишет письмо длинноному Дядюшке – задействует восприятие (визуальное), понимание (лексическое, синтаксическое, семантическое, прагматическое), память (удержание предыдущих писем, знание отношений между Джуди и Дядюшкой), внимание (фокусировка на письме). При этом, используются грамматические знания (чтобы понять структуру предложений), лексические знания (знание лексем, которые использует Джуди), прагматические знания (понимание цели письма – сообщить новости, выразить чувства), знания о мире (понимание правил переписки).

Коммуникативное событие – читатель понимает, что длинноногий Дядюшка – это мистер Пендлтон – задействует понимание (семантическое, прагматическое), память (вспоминание предыдущих намеков), внимание (наблюдение за деталя-

ми). Используются семантические знания (связывание информации о мистера Пендлтоне и длинноногом Дядюшке), прагматические знания (понимание мотива мистера Пендлтона скрывать свою личность), знания о мире (о типичных романтических клише).

Таким образом, чтение романа “Daddy-Long-Legs” – это когнитивная деятельность, которая представляет собой не просто пассивное восприятие текста, а активную ментальную работу, в которой задействованы различные когнитивные составляющие. Читатель не просто «видит» слова, но и задействует множество когнитивных механизмов для понимания, интерпретации и оценки произведения. Также читатель создает в своем сознании динамическую «ментальную модель» мира романа, включающую персонажей, события, отношения между ними, обстановку. Эта модель постоянно обновляется по мере чтения. Автор романа использует язык для передачи информации, создания образов, вызова эмоций и вовлечения читателя в процесс активного мышления. Язык организует наши мысли, структурирует опыт, формирует убеждения и ценности. Читая “Daddy-Long-Legs”, мы не просто получаем информацию, но и активно участвуем в когнитивных процессах, которые формируют наше понимание мира и самих себя. Чтение романа является своего рода когнитивной тренировкой, развивающей навыки восприятия, запоминания, рассуждения и воображения.

Литература

- Кирик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.
- Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании языка. М.: Наука, 1990.
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 6-17.
- Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive–developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34. No. 10. Pp. 906-911.
- Goldstein B.E. Cognitive Psychology: Connecting Mind, Research, and Everyday Experience. Boston: Cengage Learning, 2010.
- Webster J. Daddy-Long-Legs. New York: Grosset and Dunlar Publishers, 1940.

S.B. Khabibullina (Tyumen, Russia)
University of Tyumen

ANALYTICAL READING AS A COGNITIVE PROCESS

The article focuses on the study of analytical reading as a complex cognitive process, revealing the relationship between language skills and thinking mechanisms. The work presents a cognitive approach to reading, based on the interaction of cognitive processes (perception, comprehension, memory, attention) and cognitive components that enable the processing of linguistic information.

Key words: analytical reading, cognitive process, perception, comprehension, memory, attention, cognitive components, knowledge (metacognitive, phonological, lexical, grammatical, semantic, pragmatic)

*Е.П. Ченских (Москва, Россия)**Московский городской педагогический университет
chenskih@yandex.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ HEART-MIND-SOUL В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»

Концепты heart, mind soul рассматриваются как художественные феномены концептуализации внутреннего мира героев в романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта», анализируется взаимосвязь между художественной представленностью концептов в авторском тексте и проблематикой произведения.

Ключевые слова: Фаулз, концепт, художественный концепт, сердце, разум, душа

Концепты внутреннего мира человека HEART- MIND- SOUL исследователи относят к ключевым, и их репрезентация в языковой картине мира достаточно подробно изучена [Соловьева 2005]. Но по-прежнему актуальным остается изучение ключевых для лингвокультуры концептов в художественных текстах [Баранова 2020]. При анализе художественной объективации концепта можно обнаружить, что у каждого автора и в каждом произведении репрезентация концепта будет иметь свои особенности. В этом случае предметом исследования становится художественный концепт, который Е.М. Миллер определяет как сложное ментальное образование, «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер 2004: 85]. Следовательно, на первый план выступают те признаки концепта, которые актуализируются в сознании автора через идею и замысел произведения. Так, рассматривая художественный концепт как многоуровневое образование, где выделяются три компонента: понятийный, ценностный и образный [Карасик 2008], можно выявить взаимосвязь между смысловой составляющей романа и языковой объективацией концептов, что может стать еще одной гранью постижения авторского замысла.

Роман Дж.Фаулза «Женщина французского лейтенанта» опубликованный в 1969 г., отличает то, что, разворачивая действие романа во второй половине XIX в., воссоздавая героев и реалии викторианской эпохи, автор, а вслед за ним и читатель, подвергает все это ретроспективному анализу с позиции современного человека, принадлежащего другому времени и обладающему другим культурным и ценностным знанием. Проблематика романа, которая определяет не только сюжетную линию и образы персонажей, но раскрывается и в рассуждениях автора, — это конфликт между долгом и чувством, конформизмом и индивидуализмом, между жесткими нормами викторианской эпохи, подавляющими человеческие желания, и внутренней свободой человека. Автор проводит своего главного героя Чарльза по пути обнаружения «человека в человеке» [Никольский 2016]. Через встречу и развитие отношений с Сарой, преодолевая внутренние и внешние противоречия, герой идет к самому себе настоящему, постепенно освобождаясь от стереотипов и

конформистских моделей поведения, навязанных социумом. Автор описывает эти противоречия как дихотомию (*fatal dichotomy* <...> *in the Victorians* [Fowles 2004: 371]), внутреннюю раздвоенность, противопоставление двух начал: *the fact that every Victorian had two minds* [Там же].

Для анализа объективации концептов HEART – MIND – SOUL в контексте идейного замысла произведения было выявлено более 160 контекстуальных примеров, из которых 95 можно считать уникальными с точки зрения художественной объективации. Традиционно в английской языковой картине мира противопоставление разума и чувства закрепились в смысловом поле концептов MIND и HEART. Концепт mind отражает аспекты внутреннего мира человека, связанные с разумом, интеллектом, рассудочностью, тогда как концепт HEART соотносится с областью чувств, переживаний, эмоций, интуиции, иррационального начала [Соловьева 2005]: *Now Ernestina had seen the mistake of her rivals: that no wife thrown at Charles's head would ever touch his heart* [Fowles 2004:80] *As yet, when all is thought and said, The heart still overrules the head* [Fowles 2004: 346]. Описывая внутренний конфликт между разумом и чувством, переживаемый Чарльзом при встрече с Сарой, автор прибегает к оригинальной метафоре, основанной на оппозиции концептов MIND и HEART (репрезентант – brain). Острота этого конфликта подчеркивается лексемами atrocious, swiftness, attack: *She stood before him <...>; and Charles had, with the atrocious swiftness of the human heart when it attacks the human brain, to struggle not to touch her* [Fowles 2004:144]. В следующем отрывке, описывающем противоречия между общественной нормой и личными интересами, индивидуальным и общепринятым, объективация противопоставленности концептов MIND и HEART реализуется через репрезентанты: private minds, public mind, consciousness – desires, lurking tigers (метафорический образ подавленных желаний): *We consider such frankness about the real drives of human behavior healthy, but in Charles's time private minds did not admit the desires banned by the public mind; and when the consciousness was sprung on by these lurking tigers it was ludicrously unprepared* [Fowles 2004: 177]. Встречаются и другие вербализаторы, отражающие понятийный, ценностный и образный компоненты концепта MIND (разумное, рациональное, социально обусловленное): *pure intellect, convention, anchorage of judicial, judicious, the laws of society*, а также концепта HEART (чувства, страсть, любовь, иррациональное, неизвестное): *never fram'd, strange, restless untamed, depths, entangled, life pulse, plunged a knife into heart, flame of exultation, leap* и др. Таким образом, можно рассматривать объективацию оппозиции концептов HEART и MIND в тексте как одно из отражений идейного замысла на языковом уровне.

Следующей особенностью репрезентации heart в романе является объективация признака концепта, который все реже актуализируется в современном языке, но является неотъемлемым в религиозном, библейском дискурсе, где сердце может быть локацией мыслей, размышлений, принятия самых значимых решений [Соловьева 2005]. В романе такая актуализация концепта встречается прежде всего при описании Сары, автор подчеркивает эту черту героини – думать, видеть, знать

сердцем: ...*what he had said had confirmed some deep knowledge in her heart* [Fowles 2004: 124]. *Your heart knows I am yours...* [Fowles 2004: 374]. Сара – олицетворение свободного от условностей света начала, через нее Чарльзу открывается путь к самому себе, к подлинному знанию о себе. Так, если говорить о знании, которым обладает сердце – то это знание особого рода: интуитивное, цельное, иррациональное.

Также важной представляется метафора, характеризующая сердце Сары, которая несколько раз встречается в романе: ...*as if, jumping a century, she was born with a computer in her heart. I say her heart, since the values she computed belong more there than in the mind* [Fowles 2004: 53]. *That computer in her heart had long before assessed Mrs. Tranter and stored the resultant tape* [Fowles 2004: 103]. Через эту неожиданную метафору раскрывается способность Сары видеть самую суть человека сквозь все маски и условности, которыми принято прикрываться. Необычность метафоры заключается в упоминании компьютера – объекта реальности, который появится только в XX в., и этим автор еще раз подчеркивает ретроспективную дистанцию, с которой предлагает читателю наблюдать и анализировать героев. С другой стороны, образ компьютера, скорее, ассоциируется у современного читателя с рациональным расчетом и разумом, чем с сердечной интуицией, что можно трактовать как намек на неоднозначность образа героини (не был ли Сарой просчитан весь ход событий, в который был вовлечен ею Чарльз?) или как художественную объективацию признака концепта HEART, о котором было сказано выше – сердце обладает особым знанием, интуитивным и целостным, а потому безошибочным. Безусловно, это можно отнести к образному слою концепта, как и метафору, когда в сердце зарождается гром, которую автор использует, описывая изменения, происходящие с Чарльзом под влиянием встречи с Сарой: как он переходит из состояния сбалансированного, хотя и прогрессивного представителя своей эпохи – в человека, которому открывается нечто глубинное в себе самом, подлинные чувства, страсть, осознание внутренней свободы. Так, при чтении описания реального погодного явления у читателя возникает параллель с тем, что переживает Чарльз. *The air was mild, but the sky was overcast. There was thunder in the offing, as in his heart* [Fowles 2004: 205].

Обратим внимание на некоторые особенности художественной объективации концепта SOUL. Понятийный компонент концепта характеризуется как нефизическая, противопоставленная телесности часть человека, включающая как чувства, так и мысли, совесть, сознание, характер человека [Соловьева 2005]. Концепт soul объективируется, с одной стороны, в религиозном контексте, особенно при создании образа набожной миссис Поултни, чья показная религиозность иронически высмеивается (*That moment <...> will one day redeem Mrs. Poultney's now well-grilled soul* [Fowles 2004: 58]). С другой стороны, отличительной чертой этого концепта в английской лингвокультуре является признак цельности [Там же]. В романе при описании внутреннего мира героев ценностный компонент концепта SOUL актуализирован как подлинное, целостное «я» человека (inner self): *some deep flaw in my soul wished my better self to be blinded* [Fowles 2004: 173]. *She had touched an increasingly sensitive place in Charles's innermost soul* [Fowles 2004: 81]. ...*searching his soul and his hurt*

pride. ...he was more concerned to save appearances than his own soul [Fowles 2004: 238]. Так, концепт SOUL объективируется как та часть в человеке, к которой и должен «пробиться» герой, то истинное, противопоставленное наносному, но в отличие от heart – заключающее в себе всю суть человека: его характер, мысли, чувства. Это видно через такие репрезентанты концепта в романе как (*real*) *self*, *innermost soul*, *better self*, *own real nature*, *flaw* (изъян, нарушающий цельность), *search* (v), противопоставление соблюдения приличий (*save appearances*) и сохранения себя (*own soul*).

Помимо этого, в романе объективирован ценностный слой концепта SOUL через признак, который можно обозначить как культурную идентичность: отпечаток определенной культуры, взгляды и ценности этноса, общества, влияющие на идентичность и самоопределение человека: *...comfortable English soul—one part irony to one part convention* [Fowles 2004: 15]; *the mixture of ancient Greek and Gaelic fire in Grogan's soul* [Fowles 2004: 226]; *whiter souls ... more Puritan souls; Sam's not absolutely Bostonian soul* [Fowles 2004: 440]. В романе Фаулз постоянно иронически подсвечивает этот налет устоев и привнесенных социальной средой нравов на душу и сознание героев, в том числе и через языковую реализацию рассматриваемых концептов. Так, иронизируя над нормами морали и стереотипами викторианского общества, где человек, игнорируя свою земную природу и желания, ассоциирует свое истинное «я» с возвышенной душой (*see the "soul" as more real than the body, far more real, their only real self* [Fowles 2004: 371]), автор метафорически рисует картину, когда из-за неучтенного изъяна в природе вещей, душа человека подобна воздушному шарик в руках капризного непослушного ребенка, но на самом деле вынуждена следовать за порывами тела: *reluctantly dragged along in the wake of the beast's movements, like a white captive balloon behind a disgraceful and disobedient child* [Там же]. Таким образом, через такую двойную объективацию концепта SOUL автор снова акцентирует проблематику романа.

Так, описанные концепты внутреннего мира человека можно рассматривать как художественные феномены, участвующие как в создании образов персонажей, так и в реализации идеи и проблематики романа.

Литература

Баранова К.М., Машошина В.С. Особенности концептуализации пространства в идиостиле Г. Мелвилла // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1 (37). С. 36–43.

Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. С. 130–159.

Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы) дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

Никольский Е.В. Философско-нравственная проблематика и художественные средства ее воплощения в романе Д. Фаулза «Подруга французского лейтенанта» // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2016. Т. 26. № 2. С. 59–70.

Соловьева Е.А. Концепты MIND, HEART, SOUL в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

Fowles J. The French Lieutenant's Woman. London: Vintage Books, 2004.

E.P. Chenskikh (Moscow, Russia)

Moscow City University

CONCEPTS OF HEART-MIND-SOUL IN THE NOVEL BY J. FOWLES' THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN

This article deals with the concepts of HEART, MIND, SOUL, which are seen in terms of conceptualization of the characters' inner world in J. Fowles' novel *The French Lieutenant's Woman*. The author also analyses the connection between Fowles' way of realizing the concepts in the text and the problematic issues raised in the novel.

Key words: Fowles, concept, artistic concept, heart, mind, soul

Шупин Чжао (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
zsp570954605@gmail.com*

МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЙСКОГО ТОВАРА В РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

Статья посвящена анализу метафор в рекламе китайских товаров на российском рынке с учетом лингвокультурных факторов. Рассматриваются стереотипы, влияющие на формирование образа продукции, и предлагаются рекомендации по эффективному использованию метафоры. Результаты исследования могут применяться при разработке рекламных кампаний, способствуя укреплению доверия к бренду.

Ключевые слова: метафора, реклама, лингвокультурология, китайские товары, российский рынок, языковая картина мира, межкультурная коммуникация

В условиях растущей глобализации и усиления экономических связей между Россией и Китаем активизируется продвижение китайских товаров на российском рынке [Карасик 2015: 35]. Важную роль в этом процессе играет реклама, которая не только доносит информацию о продукте, но и формирует у потребителей определенный образ бренда или конкретной продукции. В лингвистическом аспекте особенно интересно исследовать те языковые приемы, которые оказывают влияние на восприятие китайских товаров российской аудиторией [Белова 2021: 67].

Среди таких приемов метафора выделяется как одно из ключевых средств создания выразительного образа, поскольку она не только придает рекламному сообщению эмоциональную окраску, но и помогает потребителям осмыслить товар в контексте знакомых культурных стереотипов [Стернин 2018: 14]. Лингвокультурологический подход дополняет данное направление анализа, позволяя выявить специфику восприятия китайской продукции сквозь призму российской языковой картины мира, где особое значение имеют исторические и социокультурные факторы, влияющие на интерпретацию метафорических образов. Таким образом, метафора в рекламе способствует формированию положительного (или отрицательного) образа товара [Тонг 2020: 112]. Именно этот аспект становится центральным в настоящем исследовании

Особенности использования метафоры в российской рекламе определяют рядом факторов. Во-первых, российский рекламный рынок, несмотря на свою динамичность, сохраняет специфику культурного контекста, где исторические и социальные стереотипы накладывают отпечаток на восприятие коммуникативных стратегий [Kövecses 2019: 90]. Во-вторых, в основе метафоризации нередко лежат традиционные для российского потребителя образы (семейность, душевность, щедрость и т.д.), которые производители стремятся интегрировать даже при продвижении иностранных товаров. Наконец, в российских рекламных кампаниях прослеживаются наиболее распространенные модели метафорических переносов, связанные с идеями «надежности», «тепла» и «домашнего уюта» — эти концепты регулярно используются при продвижении самых разных брендов, в том числе китайских. Подобные приемы помогают преодолевать барьер восприятия «чужого» продукта и делать его ближе российской аудитории, что и объясняет высокую востребованность метафоры в рекламном дискурсе.

В российской культуре восприятие Китая и китайских товаров во многом определяется давними стереотипами, связанными с экзотичностью и неизвестностью, а также с исторически сложившимся образом «восточного соседа» [Карасик 2015: 46]. Эти стереотипы могут включать как позитивные ассоциации (самобытность, древние традиции, высокие технологии), так и негативные (низкое качество продукции, стремление к подражанию западным брендам). В современных условиях важную роль играет и экономический фактор: растущая торговля между Россией и Китаем, взаимные инвестиции и государственная поддержка крупных проектов способствуют более интенсивному проникновению китайских товаров на российский рынок, а также изменению установившихся взглядов [Тонг 2020: 88]. Политические аспекты, включая партнерство двух стран на международной арене, дополнительно корректируют образ Китая в общественном сознании и в итоге воздействуют на рекламные стратегии, направленные на продвижение китайской продукции.

Семиотический анализ рекламных образов показывает, что маркетологи часто прибегают к символам, которые у российской аудитории ассоциируются с Китаем: это красный цвет, традиционные иероглифы, изображения драконов и элементы азиатской архитектуры [Стернин 2018: 42]. Такие визуальные и вербальные коды позволяют подчеркнуть «экзотическое» происхождение товара, при этом в отдельных случаях возникает эффект противопоставления «свое/чужое», особенно если рекламное сообщение концентрируется на традиционном российском колорите для усиления контраста. Однако нередко практикуется и стратегия сближения, когда китайский товар встраивается в российский культурный контекст за счет использования понятий «надежность», «семейность» или «дружба народов» [Белова 2021: 73]. Таким образом, семиотика рекламного сообщения выполняет двойную задачу: с одной стороны, подчеркивает специфику продукта, с другой – стремится представить его как доступный и близкий отечественному потребителю.

При анализе лексико-семантических особенностей метафор, применяемых в рекламе китайских товаров, выделяются несколько устойчивых семантических по-

лей, на которые опираются рекламодатели. В первую очередь это поля «качество», «скорость» и «инновации», где метафоризация может строиться на идеях «покорения новых вершин» или «стремительного развития», придающих товару образ технологического прорыва [Карасик 2015: 49]. Одновременно используется прием акцентирования «экзотичности» Китая путем отсылок к древней мудрости или уникальному культурному опыту страны, что создает представление о товаре как о чем-то необычном и особенном [Тонг 2020: 95]. Примечательно, что в ряде случаев «экзотический» образ трансформируется в «технологичный» с целью показать соответствие китайского бренда современным стандартам, а иногда и превосходство над конкурентами, благодаря чему метафора становится эффективным инструментом убеждения и формирования положительного отношения к продукции.

В ходе исследования практического материала была сформирована выборка рекламных сообщений, взятых из онлайн-источников (социальные сети, официальные сайты китайских брендов, интернет-баннеры) и офлайн-форматов (наружная реклама, печатные издания). Основными критериями отбора послужили тематика (продвижение товаров широкого потребления, включая электронику, одежду, косметику), охват (массовая аудитория с разным уровнем дохода), а также фокус на российский рынок с явной отсылкой к китайскому происхождению продукта [Белова 2021: 82]. При анализе использовались методы контент-анализа, позволившие выделить доминирующие метафорические образы, а также дискурсивный анализ, в рамках которого рассматривались лингвистические особенности слоганов, сопровождающих рекламные материалы. Особое внимание уделялось идентификации метафорических структур и их интерпретации в контексте российской культурной среды [Стернин 2018: 52].

Среди проанализированных рекламных случаев можно выделить слоганы, где метафора опирается на идею «моста» между культурами, символизируя соединение «восточной мудрости» и «российского гостеприимства», что демонстрирует позитивное восприятие китайской продукции как «дружеского подарка» [Тонг 2020: 103]. В другой группе текстовых объявлений доминирует метафора «прорыва», подчеркивая высокие технологические показатели товаров и их инновационность. Визуальные элементы (например, изображение быстро текущей реки или летящего дракона) подкрепляют идею скорости, динамичности и постоянного развития, что формирует у аудитории ощущение, будто китайские бренды способны удовлетворять самые современные запросы рынка. Эффективность подобных метафор во многом обусловлена их способностью вызывать у потребителя эмоциональный отклик и формировать ясный образ товара, в то время как избыточная экзотизация может приводить к восприятию товаров как «чужих» и вызывать недоверие [Белова 2021: 85].

Лингвистический и лингвокультурологический анализ подтвердил, что метафора играет важную роль в создании яркого образа китайских товаров: она одновременно подчеркивает их уникальное происхождение и показывает высокое качество, формируя эмоциональную связь с потребителем. Однако при избыточной

экзотизации или игнорировании российской специфики возрастает риск усиления недоверия и негативных стереотипов.

Теоретическая ценность исследования состоит в уточнении роли метафоры в межкультурном дискурсе и выявлении ее влияния на формирование образа товара. Практическая значимость связана с возможностью учета выявленных закономерностей при разработке рекламных кампаний китайских брендов на российском рынке.

Перспективы дальнейших исследований касаются более глубокого анализа влияния межкультурных факторов и сравнительного изучения метафор в рекламе товаров из других стран, что позволит лучше понять специфику восприятия продуктов в российском культурном пространстве.

Литература

Белова А.Д. Лингвистические механизмы создания образа в рекламном тексте. М.: Флинта, 2021.

Карасик В.И. Лингвокультурная концептология: монография. М.: Изд-во МГУ, 2015.

Стернин И.А. Коммуникативная концепция метафоры в рекламе: методологические аспекты. Воронеж: ВГУ, 2018.

Тонг Х. Метафоризация в межкультурном контексте: анализ российской рекламы китайских товаров. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2020.

Shuping Zhao (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia

METAPHOR AS A LINGUISTIC MEANS OF CREATING THE IMAGE OF A CHINESE PRODUCT IN RUSSIAN ADVERTISING

This article focuses on the use of metaphor in advertising Chinese products in the Russian market, considering cultural and linguistic factors. It examines how consumer stereotypes shape the product image and provides recommendations for the effective application of metaphor. The findings can be applied in advertising campaigns to build greater brand trust.

Key words: metaphor, advertising, linguistic and cultural studies, Chinese goods, Russian market, linguistic worldview, intercultural communication

Т.И. Шевченко, Е.Ю. Романова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
tatashevchenko@mail.ru, catrom@rambler.ru,*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАТИВИЗАЦИИ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Авторы предлагают рассматривать многообразие форм лексической просодии как набор когнитивных задач. Нативизация английского словесного ударения в «новых английских языках» основана на стратегии сверхгенерализации наряду с инновациями, вызванными влиянием фонологии языков-субстратов. Чтение английского и русского текстов китайскими обучающимися иллюстрирует решения сложных когнитивных задач просодическими средствами родного языка.

Ключевые слова: новые английские языки, словесное ударение, когнитивные основания

Типологическое рассмотрение многообразия форм лексической просодии, т.е. *просодии слова* в разных языках, обеспечивающей цельнооформленность слова, его выделение и узнавание в потоке речи, можно свести к описанию трех типов, согласно классификации Н.Г. Трубецкого: *экспираторное ударение* (например, в английском и русском языках), *тон* (лексические тоны в китайском и вьетнамском языках), *мелодический акцент* (в японском языке). Однако такая категоризация скрывает большое разнообразие сочетаний различных подтипов с точки зрения их функций и средств выделения ударного слога, которые следует считать когнитивными задачами носителя языка.

Мандаринский диалект китайского языка использует не только лексические тоны, но и ударение, выраженное посредством яркого, четкого рисунка тона, противопоставленного «нейтральному» тону; в кантонском диалекте китайского языка такого метрического явления нет. Аналогичным образом явление ударения может быть свойственно одному языку наряду с мелодическим акцентом, как, например, шведскому языку, но не свойственно другому языку с мелодическим акцентом – японскому [Jun 2005].

Пост-лексическая просодия, т.е. фразовое ударение, также по-разному сочетается с явлениями лексической просодии. В английском и русском языках фразовое ударение, как правило, совпадает по месту расстановки с лексическим, в то время как во французском и в корейском языках есть только ударение в акцентной группе, не имеющее лексической функции. В литературе описана «глухость» носителей французского языка к изменению ударения, например, в знакомых им словах английского языка. Объясняется это тем, что во французском языке ударение зафиксировано на последнем слоге акцентной группы, т.е. на финальном слоге слова, вследствие чего носители языка не имеют когнитивной задачи определять место выделенного слога [Dupoux, Reppenkampf 2004]. В английском языке *место* ударения в слове влияет на выявление морфологической категории слова, например, существительного в отличие от глагола: *'import* – *to im'port* и в целом обеспечивает идентификацию слова по его акцентной (ритмической) схеме. Именно в такой форме хранятся ментальные репрезентации слов, необходимые для узнавания.

Среди тональных языков различают *уровневые (регистровые)*, в которых морфемы слов произносятся на разных высотных уровнях, и *контурные (скользящие)*, в которых важна *конфигурация* лексических тонов. Первые характерны для языков Африки, вторые – для языков Юго-Восточной Азии, а также для китайского языка. Оба этих типа характерны для «новых английских» языков, в ряду которых каждый язык по-своему нативизировал английский и его словесное ударение, основанное на других принципах выделения ударного слога.

Обратимся к английскому ударению в «новых английских языках». В базе данных Stress Typ 2, которая включает 451 язык мира, английское ударение определяется как “bound, quantity-sensitive, edge-sensitive, with predominant trochaic rhythm” (*связанное, количественное, зависит от края слова, преимущественно с хорическим*

ским ритмом) [Hulst 2014]. Иными словами, английское ударение, не являясь фиксированным, в то же время имеет определенное место в слове; зависит от состава слога и тяготеет к «тяжелому» слогу; зависит от края слова, занимая инициальную позицию в слове по германскому правилу или определенный слог от конца по романскому правилу; доминирует хорейческая модель «ударный-безударный».

Рассмотрим результаты нативизации английского словесного ударения на примере нескольких стран, в которых лексикон уже описан. В Индии, как и в других странах Юго-Восточного региона, социальный состав и доступ к образованию значительно влияет на характер смещения кодов английского языка и языка субстратов. В речи образованных носителей индийского варианта английского языка, которые составляют около 4% населения, 50 млн человек, 70% слов в чтении списка соответствуют британскому образцу, а в 30% типично индийских вариантов выявлены следующие тенденции:

- *квантитативный принцип* размещения ударения на «тяжелых слогах» (долгие гласные или кластеры согласных), как в *'concrete, mo'desty, cha'racter*;
- морфологические классы слов не различаются, т.е. существительные, глаголы и прилагательные имеют одинаковое ударение, как в *'conduct, 'insult, 'present*;
- ударение в сложных словах или аббревиатурах падает только на первый элемент, как в *'north-east, 'college canteen, 'BBC, 'TV, 'nineteen*.

Региональная вариативность зависит от первого языка носителей: квантитативное ударение характерно для пенджабского варианта и некоторых тибето-бирманских вариантов, как в *ma'chine, ex'plore*, но не для тамильского варианта, где ударение падает только на первый слог, не зависимо от его структуры: *'machine, 'approve*. В Сингапуре ударение квантитативное, но с частым сдвигом на конец слова и более регулярным чередованием ударных и безударных слогов [Gargesh 2004; Pandeu 2015].

В странах Западной Африки и Карибского бассейна доминирует типично британская модель ударения на первом слоге, согласно *рецессивной тенденции*, которая сочетается с *инновациями*, определяющими сдвиг ударения к концу слова. Специфика применения этих основных правил состоит в следующем:

- *рецессивная тенденция* не допускает исключений, как, например, в словах романского происхождения *'diploma, 'umbrella*;
- *квантитативный принцип* действует в случае дифтонга и кластеров согласных, как в *exer'cise, sur'vey, cha'llenge, Pro'testant*;
- *морфологический принцип* разделения существительных и глаголов действует, но также по принципу *гипергенерализации*, т.е. без исключений, как в *'success, 'advice* (сущ.), *kid'nap, pur'chase* (гл.); в прилагательных, подобно существительным, ударение падает на первый слог, как в *'acute, 'extreme*;
- *ретентивная тенденция* сохранения в дериватах ударения исходного слова (совпадает с современной тенденцией в британском варианте): *com'pare – com'parable, ad'mire – ad'mirable*.

Все *инновации* связаны с продвижением ударения вперед, к концу слова, предположительно в связи с окончанием слова на определенную гласную или согласную, как в словах на «i»: *cu`rry, bis`cuit, te`nnis, Char`li, Ne`lly*. Не все случаи «продвинутого вперед» (forward) ударения поддаются объяснению, как *fu`el, mo`del, sa`lad* [Bobda 2010; Шевченко, Романова 2022].

Как было отмечено ранее, сложности просодической системы китайского языка состоят в большой функциональной загруженности высотно-мелодического компонента, которая требует одновременной активации левого и правого полушарий: левого полушария для лексической (фонетической и семантической) обработки лексических тонов, а правого – для обработки прагматической и эмоциональной информации [Gandour 2007]. Правила словесного ударения в мандаринском диалекте китайского языка трудно совместимы с английскими, что и привлекло внимание китайских исследователей и преподавателей английского языка. Эксперименты показали, что китайские слушатели воспринимают *тон* как *ударение* в том слого, в котором мелодический контур тона произносится ярко и отчетливо. В чтении изолированных слов успешно произносили английские слова с ямбическим ритмом («безударный – ударный»), а не с хореическим [Bian 2013]. Таким образом, из четырех возможных признаков ударного слога в английском языке (изменение высотного уровня, интенсивность, длительность, качество гласного) китайский опыт подсказывает главную задачу – уловить смыслоразличительный тон, его уровень и конфигурацию.

Цель нашего эксперимента – установить, какая модель словесного ударения сохраняется в чтении английского и русского текстов и какими фонетическими средствами. Материал: прочтение китайской, английской и русской сказок, записанных подряд за одну сессию. Информанты: 10 китайских обучающихся в РФ магистрантов и аспирантов. Смещения ударения в английской сказке были минимальны, вдвое чаще в сторону хореической модели: *`idea, `himself*. В русском тексте 60% сдвига в сторону хореической модели: *`хвасты, `лисичка, `медведь*, что можно интерпретировать как сверхгенерализацию; ямбическая модель оправдана морфологически и длиной слова: *пры`гала, за`хвачу, приста`вил*, это соответствует китайской модели трехсложных слов. В отношении средств выделения ударного слога установлен пониженный контраст по *длительности* относительно безударного: 1,47:1, что приближает к показателям американской речи (1,5:1), в отличие от британской (1,8:1) [Шевченко 2016].

Таким образом, многообразие форм просодии слова представляет собой набор когнитивных задач, которые усложняются при переключении на иностранный язык. Осваивая английский язык, «новые английские языки» Юго-Восточной Азии, Африки и Китая опираются одновременно на принципы слоговой просодии языков-субстратов и гипергенерализацию правил английского ударения. В результате доминирует хореическая модель, а национальная специфика состоит в сдвигах ударного слога к концу слова. Тональные языки используют высотно-мелодический компонент в сочетании с длительностью.

Литература

Шевченко Т.И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М.: ЛЕНАНД, 2016.

Шевченко Т.И., Романова Е.Ю. Английское лексическое ударение в нормообразующих, норморазвивающих и нормозависимых странах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 137-142.

Bian Fuyong. The influence of Chinese Stress on English Pronunciation Teaching and Learning // English Language Teaching. Vol. 6. № 11. 2013. Pp. 199-211.

Bobda A. S. Word stress in Cameroon and Nigerian Englishes // World Englishes. 2010. Vol. 29. № 1. Pp. 59-74.

Dupoux E., Pepperkamp Sh. Fossil Markers of Language Development: Phonological 'Deafness' in Adult Speech Processing // Phonetics, Phonology, and Cognition. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 168-190.

Gandour J.T. Neural substrates underlying the perception of linguistic prosody // Experimental Studies in Word and Sentence Prosody. No 2. New York: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 3-25.

Gargesh R. The Phonology of English in India // Varieties of English: Africa/Southeast Asia/India / Mesthrie R. (ed.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. Pp. 187-197.

Hulst H. van der. Word Stress: Theoretical and Typological Issues. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Jun S-A. Prosodic Typology. The Phonology of Intonation and Phrasing. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Pandeu P. Indian English Pronunciation // The Handbook of English Pronunciation / M. Reed, J.M. Levis (eds.). Chichester: Wiley Blackwell, 2015. Pp. 301-319.

T.I. Shevchenko, E.Yu. Romanova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

COGNITIVE BASES OF WORD STRESS NATIVISATION IN A SECOND LANGUAGE

The authors propose to consider the diversity of lexical prosody forms as a set of cognitive tasks. Nativisation of English word stress in New Englishes is based on overgeneralization strategy codemixed with innovations determined by the impact of substrate languages' phonology. Chinese learners' reading of English and Russian fables illustrates solving complex cognitive tasks by native language prosodic means.

Key words: New Englishes, word stress, cognitive bases

Н.В. Шелепова (Астрахань, Россия)

*Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru*

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье представлены результаты изучения процессов ассоциативного мышления и их объективации в английском языке. Важность данных процессов связывается с развитием нео-

кортекса как одного из эволюционных признаков *homo sapiens*. В качестве фактического материала рассматриваются английские фразеологические единицы.

Ключевые слова: мыслительные процессы, неокортекс, ассоциативное мышление, диспозиционные репрезентации, знание, метафора

Сегодня вопросы функционирования человеческого сознания активно изучаются различными областями науки. Здесь особую важность приобретает проблематика эволюции сознания, а также эволюции мозга. Что делает человека человеком и отличает его от других биологических видов? В современной науке выделяют пять основных признаков, которые отличают *homo sapiens* от других человекообразных: большой неокортекс, двуногость, редуцированный передний ряд зубов (резцов и клыков) с доминированием моляров, материальная культура и уникальное репродуктивное поведение. Среди выше перечисленных признаков наиболее важным для настоящего исследования будем считать *неокортекс* (на его долю приходится 95,6% коры головного мозга [БПС: 307]), т.к. именно он, точнее неокортикальные области мозга или слои, отвечает за двигательные, первичное и вторичное сенсорное восприятие, пространственное мышление, а также когнитивные процессы, включая ассоциативные связи, язык и речь.

Ассоциативные кортикальные зоны реализуют высшие (интегративные) функции нервной системы [Mypsyhealth]. Данные области коры головного мозга наиболее обширны у приматов и людей. Свое название зоны получили из-за их способности получать и обрабатывать сигналы одновременно из нескольких областей мозга с различными модальностями. Нейроны ассоциативной коры способны к сенсомоторной интеграции.

Благодаря такой слаженности имеет место осуществление сложнейших когнитивных функций, включая память, внимание, целеполагание, мышление и другие. Здесь важным, на наш взгляд, является формирование и функционирование *ассоциативного мышления*, в основе которого лежит «свободное связывание психических явлений (образов, понятий, мыслей, представлений, чувств и др.), при котором возникновение одного из них служит стимулом для возникновения другого. Физиологической основой ассоциации является временная нервная связь» [ПЭС: 75]. Считается, что оно является результатом способности мозга формировать и хранить ментальные представления объектов, событий и опыта. Эти ментальные представления, также известные как узлы, связаны друг с другом в сеть, которая позволяет извлекать информацию и формировать новые идеи. Ассоциативное мышление – это естественный и фундаментальный аспект человеческого опыта, познания, и оно играет решающую роль в творчестве и решении проблем.

Кроме того, наряду с различными ментальными механизмами и процедурами (индукция, дедукция, умозаключения, рассуждения и др.; операции идентификации, распознавания, категоризации/классификации объектов и др.), *ассоциативные механизмы лежат в основе получения знания как такового* [Кубрякова, Демьянков и др. 1997: 29]. В свою очередь, по мнению Б.А. Серебрянникова, в основе ассоци-

ативного мышления лежат механизмы сравнения и сопоставления [Серебрянников 1989: 89].

Одним из ярких примеров реализации ассоциативного механизма являются, например, языковые тропы. Как пишет В.Н. Телия, ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования метафоры, метонимии, гиперболы и т.п., «дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию, и прежде всего между элементами *физически воспринимаемой* (курсив наш – Н.Ш.) действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе “восхождения” от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению» [Телия 1988: 173].

Другими словами, такое ассоциативное мышление, связывание между объективно существующей реальностью и миром идей возможно именно благодаря тому, что сознание и тело функционируют в неразрывной связи друг с другом. Еще В.В. Иванов писал, что «физическая ориентация человека в мире служит основой для того описания мира, которое закреплено в языке» [Иванов 1976: 29]. Также в работах выдающегося физиолога И.М. Сеченова находим, что акт размышления есть «ряд связанных между собою представлений, понятий, существующий в данное время в сознании», но при этом «мысль есть первые две трети психического рефлекса» [Сеченов 1942: 117].

Известный нейробиолог А. Дамасио считает, что знание воплощено в *диспозиционных репрезентациях/представлениях* (dispositional representations) или *диспозициях* (dispositions) [Damásio 1994: 105; 1996]. Диспозиционные представления обуславливают всё поведение человека, т.к. составляют наше полное хранилище знаний в спящем и неактивном состоянии, охватывающее как *врожденные знания*, так и *знания, приобретенные опытом*. Врожденные знания основаны на диспозиционных представлениях в гипоталамусе, стволе мозга и лимбической системе. Их можно концептуализировать как команды о биологической регуляции, которые необходимы для выживания (например, контроль метаболизма, побуждений и инстинктов). Они контролируют многочисленные процессы, но в целом они не становятся образами в сознании. Приобретенные знания основаны на диспозиционных представлениях в коре высшего порядка и во многих ядрах серого вещества, располагающегося ниже уровня коры. Это образные знания, которые мы можем вспомнить и которые используются для таких процессов, как: движение, рассуждение, планирование, творчество. Также там содержатся записи правил и стратегий, с помощью которых мы оперируем этими образами. Приобретение новых знаний достигается путем непрерывной модификации таких диспозиционных представлений. При активации нейронных связей мозга задействуются диспозиционные репрезентации различных отделов. Появление образа в воспоминании является результатом реконструкции транзистентного паттерна/карты. Однако здесь следует помнить высказывание И.М. Сеченова о том, что мысль характеризуется высокой степенью субъек-

тивности [Сеченов 1942: 118]. Во-первых, потому что в ее основе лежат ощущения, которые наполовину субъективны. Во-вторых, при переводе ощущений в мысли и трансформации их в образы последние не имеют той яркости, что в действительности.

Перейдем непосредственно к анализу языкового материала. Как уже ранее было сказано, тропы выступают в качестве очевидных примеров реализации ассоциативных механизмов и метафора не является исключением. Интересными, на наш взгляд, являются метафорические выражения, где в качестве одного из компонентов служит название той или иной части тела человека. Ассоциации, задаваемые с помощью таких метафор, еще раз подтверждают факт тесной взаимосвязи процесса интеракции человека с окружающим миром и то, как он объективирует это взаимодействие через призму собственного тела.

Среди данных выражений можно выделить те, в которых, например, анатомический/физиологический компонент выводится из общего смысла фразеологизма, т.е. имеет место в определенной степени «открытая ассоциация»: *is cloth-eared/has cloth-ears* [heavy ear-flaps on caps] = *Is (intentionally) deaf, obtuse, unreceptive, insensitive*. При нейрокогнитивном связывании и формировании переносного значения мягкие «уши» шапки/картуза ассоциируются с глухотой, тупостью или бесчувственностью. Описываемый человек не может хорошо слышать или понимать часто из-за недостатка внимания или восприимчивости. Имеет место связывание живых объектов с неживыми/искусственными. Однако доминанта здесь – человек. В качестве когнитивного фокуса выступает такая перцептивная способность как слух, которая далее трансформируется в человеческие качества, т.е. физический уровень связывается с эмоциональным, психическим. Другими словами, имеет место двойного нейрокогнитивного связывания. Подобная ассоциация строится на знаниях, приобретенных опытным путем (см. выше), причем при тесном социальном взаимодействии.

Анатомический/физиологический компонент не выводится: *he has brought up a bird to peck out his own eyes* = *Of a man with an ungrateful child*, идиоматическое выражение, которое метафорически описывает ситуацию, когда родитель, вырастил или воспитал неблагодарного ребенка, который не ценит заботу и поддержку. Ассоциация с птицей не случайна: так же, как птицы могут инстинктивно клевать вещи, не понимая последствий своих действий, неблагодарный ребенок может нанести вред своему родителю эмоционально или иным образом, не осознавая последствий своего поведения. Связывание также формируется на основе знаний, приобретенных опытным путем, включающих целый комплекс представлений о птицах, поведении детей, а также физической и эмоциональной целостности субъекта (родителя), выражающейся в употреблении такой важной части тела как *eyes*. В самом англоязычном толковании отсутствует отсылка к анатомическому компоненту, поскольку фокус идет не на физиологию «принимающей» стороны взаимодействия, а на поведение «птицы-ребенка». В определенной речевой ситуации

данная идиома помогает передать сложные эмоции яркими словами и вызвать сопереживание у слушателей.

Таким образом, нейрокогнитивное связывание – один из сложнейших механизмов, отражающих ассоциативные связи, изучение которых наиболее эффективно возможно провести на материале метафор, идиом, поскольку указанные языковые единицы представляют собой целые «кластеры» представлений, охватывающих разнообразные сферы человеческой жизни, физиологии, а также знания об окружающем мире.

Литература

- Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
- Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
- Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1942.
- Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
- Damásio A.R. Descartes' Error: Emotion, Reason, & the Human Brain, Putnam, 1994.
- Damásio A.R. The somatic marker hypothesis and the possible functions of the prefrontal cortex. Philosophical Transactions of the Royal Society, 1996, B 351 (1346). Pp. 1413-1420.
- Мурсыhealth. Ассоциативные корковые зоны головного мозга человека и их функции. URL: <https://mursyhealth.ru/психиатрия/неврология/2021/01/21/brain-association>
- БПС – Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: АСТ: Прайм-Еврознак, 2009.
- ПЭС – Психиатрический энциклопедический словарь / Й.А. Стоименов, М.Й. Стоименова, П.Й. Коева и др. К.: МАУП, 2003.

N.V. Shelepova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

TRADITIONAL AND MODERN NEUROCOGNITIVE APPROCHES IN THE STUDY OF ASSOCIATIVE CONNECTIONS (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE STUDY)

The article presents the results of studying the processes of associative thinking and their objectification in the English language. The importance of these processes is associated with the development of the neocortex as one of the evolutionary features of *homo sapiens*. English phraseological units are considered as factual material.

Key words: mental processes, neocortex, associative thinking, dispositional representations, knowledge, metaphor

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.С. Абрамкина (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
abramkina.mos@yandex.ru*

ИМЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ГЕРОЯ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ LEAGUE OF LEGENDS

Статья посвящена анализу функционирования имен собственных в компьютерной игре League of Legends. Имена героев (чемпионов) призваны реализовывать идентифицирующую и характеризующую функции, создать определенный образ персонажа, они выступают в качестве репрезентантов персонажей. Кроме того, под влиянием игрового контекста может быть актуализирована оценочная функция.

Ключевые слова: ономастика, ономастикон, имена собственные, функции имен собственных, мифонимы

Создание и функционирование имен персонажей в компьютерных играх является важным аспектом игрового пространства, характеризующимся как проявлением креативного языкового потенциала в онимах, так и способностью имени осуществлять накопительную (кумулятивную) функцию, транслировать культурно маркированную информацию.

Тысячи людей ежедневно создают компьютерные игры, а миллионы людей в них играют, вовлекаясь в языковое и неязыковое пространство игры. Ономастикон компьютерных игр как языковой феномен пока не получил изучения в ономастике, что обуславливает актуальность настоящей темы.

В целом онимы выполняют различные функции, о чем пишут различные исследователи. В частности, Е.О. Опарина выделяет номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую и коммуникативную функции имен собственных [Опарина 2020: 152]. Кроме того, онимы могут выполнять следующие функции:

- характеризующую [Прийтенко 2012a];
- мифологическую [Прийтенко 2012б];
- кодирующую [Робустова 2021];
- репрезентирующую [Робустова, Манченкова 2021];
- воспитательную [Дашеева 2013].

Д.И. Ермолович, в свою очередь, пишет об основной роли функции индивидуализирующей номинации имен собственных и разграничивает прямую (первичную) и переносную (вторичную) номинативные функции [Ермолович 2001: 9].

В ходе исследования мы проанализировали имена персонажей компьютерной игры League of Legends. При запуске игры в 2009 г., основных персонажей (чемпионов) было 40, а сейчас их 167.

Следует отметить, что каждый из них имеет уникальный набор навыков, а их имена помогают игрокам легко запомнить и идентифицировать каждого чемпиона, а также быстро сформировать определенное представление о конкретном чемпионе. В частности, такие имена как Юми, Тимо, Виллумп даны милотидным волшебным животным. В то же время Чо'гат, Треш, Рек'сай – хищники, демоны и призраки, а их имена ассоциируются с кровожадностью, жестокостью и темной аурой. Имена персонажей зачастую отсылают к их расе или виду, чтобы игроки не запутались по аналогии с тем, как это сделано, например, в многопользовательской игре World of Warcraft с похожим фэнтези-сеттингом [Зеленько 2017: 88-90].

Вместе с тем имена чемпионов сразу позволяют понять примерный культурный контекст – провести параллель с реально существующими культурами и языками, это символическая функция. Если Твистед Фэйт явно отсылает к англо-американской культуре, а варвар Триндамир указывает на связь с древними племенами Европы, то Ли Син указывает скорее на квази-китайскую историю персонажа (по сюжету, он мастер боевых искусств), а Енэ и Ясуо – аллюзия на культуру Японии, оба персонажа игры – мечники, что намекает на самураев.

Отдельно следует отметить использование мифонимов в компьютерной игре League of Legends. На наш взгляд, именно мифонимы в данном контексте позволяют сконструировать культурное пространство игры, очертить его границы и наполнить смыслами. В компьютерной игре League of Legends заметно влияние античной, японской, древнеегипетской и скандинавской культур и мифологий. В частности, образы персонажей зачастую скопированы или в отдельных элементах вдохновлены героями мифологий различных стран. В частности, три чемпиона из древней пустыни под названием Шурима, визуальнo практически полностью скопированы с древнеегипетских богов. Хранитель песков Насус – с Анубиса. Это подтверждает антропоморфный вид человека с головой шакала, созвучие имен и оружие персонажа, которое напоминает нечто среднее между скипетром Анубиса и древнеегипетским боевым топором. Есть и схожести характера – в Древнем Египте Анубиса первоначально почитали как судью мертвых, а впоследствии как того, кто озвучивал решение, перевесило ли перо Маат сердце усопшего. Насус, в свою очередь, описывается разработчиками компьютерной игры League of Legends как хранитель знаний, мудрый руководитель.

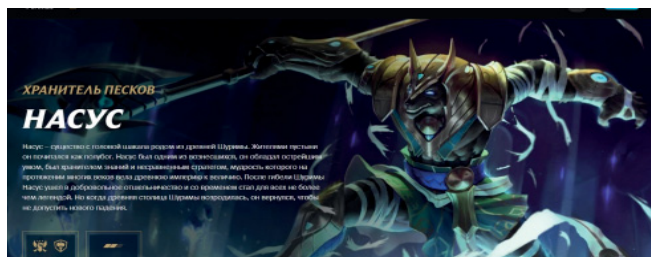

Рис. 1. Снимок экрана с официального сайта игры League of Legends, чемпион Насус

Однако нарративы источников в игре практически не используются. Так, например, в *League of Legends* у Насуса есть брат Ренектон, визуально списанный с древнеегипетского бога Себека, изображаемого как антропоморфный крокодил. Однако Себек считался защитником богов и людей, который отпугивал силы тьмы своим свирепым видом, а Ренектон, в свою очередь, представляется ослепленным жаждой мести существом, которое веками было погребено в песках и жаждет отомстить брату, которого считает виновным в этом. В данном случае мы можем говорить лишь о визуальной и отчасти внутренней схожести персонажей игры с прототипами в лице существ из различных мифологий.

Однако есть и другие примеры. В частности, персонаж Ари, девятихвостая лиса. Довольно узнаваемый в современной массовой культуре образ кицунэ – лисички с магическими способностями – вдохновил разработчиков на создание чемпионона Ари, которая похожа на оригинал своей историей и характером гораздо больше Насуса и Ренектона. Согласно некоторым японским поверьям, кицунэ принимала образ симпатичной молодой девушки, могла приходить к людям во снах, создавать иллюзии и сводить людей с ума, напитываясь их жизненной силой. Это нашло свое отражение в персонаже Ари: согласно официальному описанию персонажа, она манипулирует эмоциями жертвы перед тем, как поглотить ее душу и знания. Однако впоследствии она отреклась от такой жизни и стала путешествовать для создания собственных воспоминаний. Аналогичным образом, в японской мифологии считается, что чем больше хвостов у кицунэ, тем она мудрее, старше и сильнее. А девятихвостые лисы и вовсе наделены способностью бесконечной проницательности.

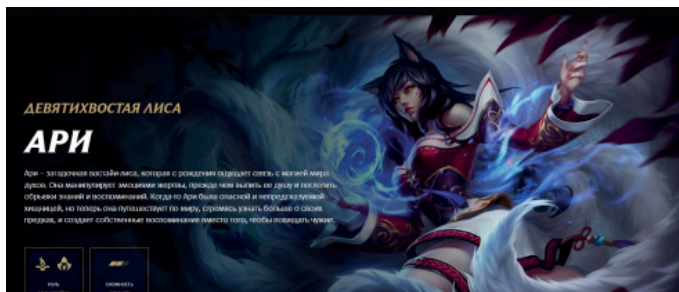

Рис. 2. Снимок экрана с официального сайта игры *League of Legends*, чемпион Ари

В то же время необходимо отметить, что ономастикон компьютерной игры *League of Legends* имеет в себе множество аллюзий, подражаний, в целом фонетика имен чемпионов рассматриваемой игры зачастую схожа с фонетикой оригиналов. Омонимы Насус и Азир имеют аналогичные звуки с именами прототипов этих чемпионов из древнеегипетской мифологии, Анубиса и Осириса. В имени чемпиона Орна, прототипов которого, очевидно, выступают боги кузнечного дела (в частности, древнегреческий Гефест, древнеримский Вулкан и ориша Огун у йоруба), мы

наблюдаем звукоподражание и аллюзию на горн, который используют в первую очередь те, кто работает с металлом.

Есть в игре и почти полные аналоги с транслитерацией – так, чемпион Вуконг практически полностью копирует образ и черты характера Короля Обезьян, описанного в китайском романе XVI в. «Путешествие на Запад», чье имя на китайском звучит как Сун Ву Конг). Присутствуют в игре и говорящие имена – так, чемпион Карма фактически воплощает в себе восточную концепцию кармы, причинно-следственной связи между действием и последствиями, выраженной в том числе через перерождения, множество которых прошла сама Карма. Одновременно с тем чемпион Пантеон – фактически сборный образ древнегреческих богов, непобедимый и храбрый воин, воплощение эллинских мифов.

Литература

Дашеева В.В. Воспитательная функция китайских антропонимов // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2013. № 8. С. 40-44.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода: с прил. правил практ. транскрипции имен с 23 иностр. яз., в том числе табл. слоговых соответствий для кит. и яп. яз. М.: Р. Валент, 2001.

Зеленько К.Р. Перевод антропонимов в компьютерных играх на примере «World of Warcraft» // Научный журнал. 2017. № 4 (17). С. 88-90.

Опарина Е.О. Имена собственные: языковые характеристики, функции и методы изучения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 152-158.

Прийтенко Е.Г. Мифологическая функция собственных имен в романе М. Пруста «в поисках утраченного времени» // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1-1. С. 219-223.

Прийтенко Е.Г. Характеризующая функция собственных имен в романе М. Пруста «в поисках утраченного времени» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2. С. 78-85.

Робустова В.В. Кодированная функция имен собственных в художественном тексте (на примере романа Льва Кассиля «Будьте готовы, ваше высочество!») // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 165-175.

Робустова В.В., Манченкова А.И. Репрезентирующая функция имен собственных // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 32-41.

A.S. Abramkina (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

NAME AS A REPRESENTATIVE OF THE HERO IN THE COMPUTER GAME LEAGUE OF LEGENDS

The article analyses the functions of proper names in the computer game League of Legends. The names of heroes (champions) are designed to implement identifying and characterizing functions, create a certain image of the character, acting as representatives of the characters. In addition, the evaluation function can be realized within the game context.

Key words: onomastics, onomasticon, proper names, functions of proper names, mythonyms

Д.Н. Адащик, Т.А. Ширяева (Пятигорск, Россия)

*Пятигорский государственный университет
dmitry.adashchik@ya.ru, shiryayeva@list.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЛИДЕРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В данной статье рассматриваются особенности использования премьер-министром Великобритании Борисом Джонсоном коммуникативных стратегий самопрезентации и легитимации, нацеленных на конструирование позитивного образа лидера государства, способного эффективно управлять страной и регулировать массовое сознание в контексте кризиса, обусловленного пандемией COVID-19.

Ключевые слова: кризисный дискурс, политический медиадискурс, образ политика, когнитивная прагматика, коммуникативные стратегии и тактики

Современный мир ежедневно сталкивается с многочисленными глобальными социально-культурными вызовами, а также экономическими и эпидемиологическими кризисами. На сегодняшний день кризисные ситуации представляют собой не только темы для обсуждения, но и сложные социальные конструкты, включающие в себя в том числе и разнообразные медиадискурсы. Иными словами, средства массовой информации призваны не только транслировать аудитории знания об окружающей действительности, но также и воздействовать на установки адресата и внушать ему определенные модели поведения, что создает благоприятную почву политическим деятелям для проведения выгодных им реформ [Fink 2013].

Так, политический медиадискурс, выступающий «функционально обусловленным типом дискурса, существующим как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций, актуализированных в средствах массовой информации» [Добросклонская 2014: 110], призван формировать общественное мнение и влиять на политическую повестку дня. В условиях кризиса политические лидеры, как правило, активно используют медиа для продвижения собственных идей и программ, что позволяет им формировать определенный образ перед аудиторией, а также легитимизировать изменения в кризисной политической реальности [Сенченко 2020: 139].

Образ политика является многогранным и зачастую искусственно созданным феноменом. Это может включать в себя как подлинные личные, так и приписываемые ему качества, выработанные в ходе его профессиональной деятельности, а также особенности, транслируемые явно или неявно через СМИ [Погребняк 2020: 185]. Положительный образ лидера государства способствует повышению доверия среди населения, что особенно важно в кризисные моменты, когда информация может быть противоречивой или недостаточной, а политический деятель призван внушать публике уверенность в завтрашнем дне. Как следствие, для формирования позитивного образа лидера государства, политический лидер прибегает к использованию коммуникативных стратегий, позволяющих ему наиболее эффективным спо-

собом выстраивать коммуникацию с массовым адресатом, влияя на его убеждения и обосновывая политические решения, принимаемые государством в условиях кризиса. Под коммуникативной стратегией, вслед за О.С. Иссерс, предлагается понимать «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях непроинформированности по поводу действий партнера» [Иссерс 2008: 56]. Стратегический подход к коммуникации предполагает наличие у политического адресанта не только знаний и навыков, но и умения анализировать ситуацию и быстро реагировать на нее.

Материалом настоящего исследования являются официальные обращения премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона к населению в контексте кризиса, вызванного пандемией COVID-19, который оказал в 2020–2022 гг. значительное влияние на мировое сообщество и вызвал социально-экономические потрясения. Для создания и тиражирования образа лидера в кризисной коммуникации наиболее эффективными коммуникативными стратегиями, по мнению специалистов, являются стратегия самопрезентации и стратегия легитимации: первая стратегия дает возможность политическому адресанту укрепить собственный авторитет в глазах публики, сформировать положительный образ, установить с ней доверительные отношения и, тем самым, усилить ее готовность воспринимать передаваемую информацию [Дахалаева 2013: 26]; вторая стратегия применяется политическим адресантом для оправдания или одобрения действий государства в зависимости от социальных условий и направлена на формирование позитивного имиджа государства, а также его политики среди населения [Демушина 2008: 76].

Вслед за исследователями Н.Б. Руженцевой и О.Н. Паршиной мы придерживаемся точки зрения, что каждая из стратегий вербализуется посредством тактик. Поскольку, стратегия является общим планом (целью) коммуникации, в то время как тактики выступают задачами и конкретными шагами для реализации данного плана [Руженцева 2004; Паршина 2007]. Так, стратегия самопрезентации осуществляется через: тактику солидаризации, которая включает использование личного местоимения второго лица *you*, а также автореферентные конструкции, например, *I believe, I think, I realize, I wish, I'm sorry*; тактику отождествления, вербализуемую личными и притяжательными местоимениями первого лица как единственного, так и множественного числа (*I, we, my, our*), и лексем с социально-культурным компонентом (*people, nation, family, country*).

Стратегия легитимации реализуется тактикой апеллирования к авторитету (упоминания в речи нормативных документов и официальных лиц), тактикой моральной оценки (оценочные прилагательные и наречия с эмоционально-нейтральным компонентом *seriously, importantly, vital, right, terrible*) и тактикой рационализации (логическое обоснование решений с помощью наречий *gradually, cautiously, closely*, а также сложных предложений с придаточными целями, например, *in order to, so that, as*).

В результате проведенного исследования выступлений премьер-министра Великобритании Б. Джонсона объемом более 80 тыс. лексических единиц, было

зафиксировано 644 случаев использования данных коммуникативных стратегий, нацеленных на формирование образа государственного лидера и получены следующие количественные данные:

- стратегия самопрезентации наблюдается в 358 случаях (55,6%) из 644 (100%). Так, в 358 случаях реализации стратегии самопрезентации тактика солидаризации встречается 250 раз (69,8%), в то время как использование тактики отождествления наблюдается 108 раз (30,2%);

- стратегия легитимации наблюдается в 286 случаях (44,4%) из общего числа 644 (100%). Среди отмеченных 286 случаев реализации данной стратегии тактика апеллирования к авторитету встречается в 71 случае (24,8%), тактика моральной оценки – в 147 случаях (51,4%), а тактика рационализации – в 68 случаях (23,8%).

Как мы показывают количественный данные, стратегия самопрезентации, репрезентируемая преимущественно тактикой солидаризации, выступает доминантным инструментом в рамках формирования образа лидера премьер-министра Великобритании Б. Джонсона в период пандемии COVID-19. Данная стратегия позволяет ему установить тесную эмоциональную связь с массовой аудиторией, создать впечатление единства с народом, разделяющего их трудности и переживания, и тем самым повысить уровень доверия и поддержки со стороны британского населения в условиях кризиса, вызванного пандемией. Рассмотрим пример реализации данной стратегии: *I hope you're all continuing to enjoy the Easter break, and I know that over this weekend millions of people have been able to see loved ones for the first time in months* (PM statement at coronavirus press conference: 5 April 2021).

Использование личного местоимения *you* и притяжательного местоимения *your* позволяет адресанту достичь эффекта обращения к аудитории и установления личного контакта. Словосочетание *continuing to enjoy* указывает на разделение премьер-министром ощущений и переживаний аудитории. Использование автореферентной конструкции *I know that* позволяет премьер-министру продемонстрировать понимание трудностей, с которыми сталкивалось население в период пандемии, тем самым формируя образ политика, разделяющего проблемы и переживания граждан.

Не менее значимой стратегией, направленной на формирование образа лидера государства Великобритании, выступает стратегия легитимации с преобладающим использованием тактики моральной оценки в большинстве выступлений премьер-министра Б. Джонсона, как мы можем видеть в следующем примере: *It is unmistakably clear the vaccines are working and the sheer scale of the vaccine roll-out has made our position incomparably better than in previous waves* (PM statement at coronavirus press conference: 14 June 2021).

В данном случае использование сочетания двух наречий премьер-министром Великобритании *unmistakably clear* выражает собственную уверенность и однозначность оценки ситуации, а также положительную оценку эффективности вакцин. Использование оценочного прилагательного *sheer* и наречия *incomparably* в сочета-

нии с прилагательным *better*, которые усиливают положительную оценку масштабов и результатов вакцинации, которые улучшили положение страны по сравнению с предыдущими этапами пандемии COVID-19.

Таким образом, комплексное использование коммуникативных стратегий позволяет премьер-министру Б. Джонсону эффективно управлять общественным мнением и конструировать позитивный образ лидера государства Великобритании в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Так, стратегия самопрезентации позволяет политическому деятелю установить эмоциональный контакт с аудиторией и сформировать образ лидера, разделяющего трудности и переживания народа. Стратегия легитимации, в свою очередь, направлена на обоснование и оправдание действий политического лидера, тем самым, создавая образ осознанного государства, успешно справляющегося с кризисами.

Литература

- Дахалаева Е. Ч. Автореферентные жанры интернет-дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4. С. 24-29.
- Демушина О.Н. СМИ как инструмент легитимации институтов власти // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 3. С. 71-75.
- Добросклонская Т.Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Язык и социальная динамика. 2014. № 14 (1). С. 106-115.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. М.: ЖИ, 2008.
- Паришина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Погребняк Н.В. Механизм формирования образа политического деятеля в немецком медиадискурсе (на примере образа Владимира Зеленского в немецких электронных СМИ) // Современный ученый. 2020. № 6. С. 185-189.
- Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004.
- Сенченко Н.А. Влияние СМИ на формирование имиджа политического лидера // Миссия Конфессий. 2020. Т. 9. Ч. 1. № 42. С. 137-144.
- Fink S. Crisis communications. The definitive guide to managing the message. Chicago: McGraw-Hill Education, 2013.

*D.N. Adashchik, T.A. Shiryayeva (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University*

LINGUISTIC AND COGNITIVE MECHANISMS OF FORMING THE IMAGE OF THE LEADER OF GREAT BRITAIN IN CONDITIONS OF CRISIS MANAGEMENT

This article examines the features of British Prime Minister Boris Johnson's use of communicative strategies of self-presentation and legitimation, aimed at constructing a positive image of a state leader capable of effectively governing the country and regulating mass consciousness in the context of the crisis caused by the COVID-19 pandemic.

Key words: crisis discourse, political media discourse, image of a politician, cognitive pragmatics, communication strategies and tactics

Т.Е. Алексеева-Нилова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
t.alekseeva-nilova@spbu.ru*

Е.В. Пучкова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
liza-puchkova@mail.ru*

РЕГИСТРАЦИЯ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Исследование, выполненное с помощью методики регистрации движений глаз, направлено на проверку гипотезы о влиянии формата предъявления поэтического текста и режима чтения (вслух, про себя, с аудио сопровождением) на скорость низкоуровневой перцептивной обработки информации и успешность понимания смыслового содержания стихотворения (высокоуровневая обработка).

Ключевые слова: когнитивная поэтика, формат предъявления текста, механизмы чтения, методика регистрации движений глаз, русский язык

Механизмы восприятия и понимания разных типов текста – один из актуальных вопросов когнитивной лингвистики. Изучение специфики восприятия мультимодального поэтического текста носителями русского языка представляет особый интерес. Ранее было показано, что поэтический текст неразрывно связан с декламацией (vocal performance) произведения [Tsar 2008], по сравнению с прозаическим текстом меньше связан с логическим анализом содержания [Скулачева; Слюсарь 2022], открыт для интерпретации [Шарандин 2012], активизирует механизмы ассоциативно-вербального мышления [Валгина 2003]. Однако сам процесс многоступенчатого восприятия поэтического текста (от низкоуровневой перцептивной обработки до оценки смыслового содержания прочитанного – высокоуровневой обработки) ранее не являлся основным предметом изучения в когнитивной науке [Fokin и др. 2022].

Цель данного исследования – проверить, влияет ли формат предъявления и режим чтения (вслух, про себя, про себя с параллельным аудиосопровождением) на особенности восприятия и понимания поэтического текста. Одной из важных характеристик стихотворения является наличие ритма, метра и звучания, т.е. поэтическое произведение создано для озвучивания. В связи с этим можно выдвинуть **гипотезу**, что режим чтения, который задействует аудиальный канал прямым образом (чтение вслух / чтение при аудиальном сопровождении), будет более эффективным, чем обычное чтение про себя.

В качестве **стимульного материала** были отобраны три отрывка из поэмы И.А. Бродского «Речь о пролитом молоке». Все три отрывка сбалансированы по целому ряду параметров, от которых может зависеть успешность восприятия текста:

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900009-2

написаны одним автором, являются частью одного произведения, имеют соизмеримую длину в словах и строках, частотность входящих в состав слов и индекс читабельности SMOG (использовался ресурс <http://readability.io/>). Все отрывки были записаны с помощью профессионального микрофона на диктофон (читает один и тот же диктор – мужчина, 53 года, носитель русского языка, кандидат филологических наук, специалист по поэзии И.А. Бродского). Для каждого отрывка были составлены вопросы на понимание содержания прочитанного, типы вопросов и распределение типов было одинаковым для каждого стимула.

Дизайн эксперимента. В исследовании приняло участие 33 носителя русского языка в возрасте от 18 до 45 лет ($M=24$, $SD = 5.6$), 15 мужчин и 18 женщин, с высоким или неполным высшим образованием. У всех участников было нормальное или скорректированное до нормального зрение, они не имели заболеваний, связанных с нарушениями чтения или слуха.

В ходе эксперимента каждый участник ознакомился с отрывками в разных форматах: один отрывок читал вслух, другой – про себя, третий – слушал аудиозапись, параллельно следя за текстом на мониторе. Исследование проводилось на аппарате для регистрации движений глаз EyeLink 1000+. Фиксировались следующие параметры: общее время первого прочтения отрывка, средняя длительность фиксаций, количество фиксаций, количество регрессий. Очередность форматов предъявления и стимульные отрывки были искусственно рандомизированы. Время прочтения было ограничено 40 секундами (время соответствует длительности звучания мультимодального стимула). После каждого отрывка участника просили оценить сложность текста по шкале от 1 до 5 (где 1 – очень легкий текст, 5 – очень сложный) и ответить на пять вопросов по содержанию прочитанного.

Анализ полученных данных проводился с использованием Python 3.2 и программы Excel. Для выявления значимости различий при сравнении всех трех форматов предъявления использовались преимущественно непараметрические критерии.

Результаты анализа низкоуровневой обработки поэтических отрывков (данные окулomotorной активности) и высокоуровневой обработки (данные вопросно-ответной методики) представлены в таблице 1.

Анализ результатов субъективного оценивания сложности текста по шкале от 1 до 5 показал, что самым простым форматом предъявления является мультимодальный текст ($Me=3,68$). Наиболее сложным, по мнению реципиентов, оказался режим чтения вслух ($Me=3,86$). Однако корреляций между оценками сложности отрывка у участников и паттернами движения их глаз при чтении этого же отрывка не обнаружено ни для одного из форматов предъявления. Таким образом, была отвергнута исходная гипотеза о взаимосвязи между высокоуровневыми и низкоуровневыми процессами обработки стихотворения. Кроме того, высокие показатели субъективной сложности текстов и анализ результатов по вопросно-ответной методике (в зависимости от формата предъявления точность варьируется в диапазоне от 54 до 60%, что близко к случайному гаданию) свидетельствуют о том, что выбранные поэтические отрывки оказались очень сложными для неподготовленных читателей.

В связи с этим, как нам кажется, не было обнаружено значимой разницы между форматами предъявления в большинстве исследуемых мер оценки понимания прочитанного. В дальнейшем, с нашей точки зрения, оценку верности интерпретации поэтического текста необходимо проводить в сотрудничестве с профессиональным литературоведом.

Таблица 1. Результаты анализа полученных данных

Параметр	Вслух (1)	Про себя (2)	Аудио (3)	Kruskal Wallis Test	Mann-Whitney U test для 1 и 2		Mann-Whitney U test для 1 и 3		Mann-Whitney U test для 2 и 3	
					U	P	U	p	U	P
Время первого прочтения (сек)	21,9	19	21,3	<0,001	286	<0,001	533	>0,05	310	<0,01
Кол-во фиксаций	129	130	123	>0,05	643	>0,05	549	>0,05	659	>0,05
Средняя длительность фиксаций (мс)	250	235	247	<0,01	352	<0,01	578	>0,05	381	0,03
Кол-во регрессий	20	18	22	>0,05	454	>0,05	539	>0,05	459	>0,05
Правильность ответов на вопросы по содержанию, %	60%	50%	54%	0,03		=0,07		>0,05		=0,09

Выводы. Общие результаты исследования позволяют подтвердить выдвинутое предположение о том, что формат предъявления текста влияет на процесс низкоуровневой перцептивной обработки стихотворения. Наиболее сложным режимом чтения, требующим от реципиента наибольших когнитивных затрат (см. данные окуломоторной активности) оказывается чтение поэтического текста вслух, что согласуется с ранее полученными данными [Фаликман 2017; Зубов и др., 2021; Петрова, Пучкова 2023].

Мультимодальный поэтический текст, несмотря на низкие показатели скорости его прочтения при одновременном прослушивании, считается наиболее легким и удобным форматом для восприятия и интерпретации содержания стихотворения, по мнению самих читателей. Таким образом, чем большую когнитивную нагрузку испытывает реципиент при изучении текста, тем успешнее он понимает этот текст, параллельное предъявление информации в нескольких кодах повышает успешность восприятия информации.

Литература

- Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. Т. 280.
- Зубов В.И., Прокаева В.О., Риехакайнен Е.И. Ошибка ошибки разн: что движения глаз могут рассказать о чтении вслух? // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. 2021. С. 166-171.
- Петрова Т.Е., Пучкова Е.В. Влияние формата предъявления на успешность восприятия поэтического текста // Материалы конференции «Когнитивная наука в Москве: новые исследования». М.: Буки Веди, 2023. С. 381-385.

Скулачева Т.В., Слюсарь Н.А., Костюк А.Э., Липина А.А., Латыпов Э.И., Королева В.М. Восприятие стиха и восприятие прозы: экспериментальное исследование // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 1. С. 121-138.

Фаликман М.В. Нейропоэтика как область когнитивных исследований: методы регистрации активности мозга и движений глаз в исследованиях восприятия и порождения поэтического текста // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № 14. С. 349-368.

Шарандин А.Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 10. С. 18-26.

Fokin D., Blohm S., Riekhakainen E. Reading Russian poetry: An expert–novice study // Journal of Eye Movement Research. 2022. № 13 (3).

Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics: Second, Expanded & Updated Edition. Liverpool: Liverpool University Press, 2008.

T.E. Alekseeva-Nilova (St Petersburg, Russia)

St Petersburg State University

E.V. Puchkova (Moscow, Russia)

Moscow State University

REGISTRATION OF EYE MOVEMENTS WHEN READING MULTIMODAL POETIC TEXT

The study conducted using eye-tracking methodology aims to test the hypothesis regarding the influence of the format of presenting poetic text and the reading mode (aloud, silently, with audio accompaniment) on the speed of low-level perceptual processing of information and the success of understanding the semantic content of the poem (high-level processing).

Key words: cognitive poetics, text presentation format, reading mechanisms, eye-tracking, the Russian language

Ю.М. Алюнина (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
alyunina_yum@pfur.ru*

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ¹

Статья является частью грантового проекта, цель которого выявить тенденции в репрезентации образа России в американском кинематографе. В статье описана одна из таких тенденций, которая заключается в ассоциировании русского персонажа с французским языком и французской культурой. Как правило, такие персонажи относятся к высшим слоям общества, обладают деньгами и властью. В переводе фильмов на русский язык французский компонент в образе русских персонажей утрачивается.

Ключевые слова: аудиовизуальный дискурс, имагология, стереотип, корпусная лингвистика

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-78-01208, <https://rscf.ru/project/23-78-01208/>

Анализ кинематографического воплощения образа какой-либо страны является уже традиционным подходом имагологии, которая занимается изучением образов «чужих» или «других» культур, стран, наций, «инородных для воспринимающего субъекта» [Папилова 2011: 31].

Будучи междисциплинарным направлением, имагология сочетает в себе методы и приемы разных гуманитарных дисциплин: истории, культурологии, литературоведения, социологии, лингвистики, этнологии и др. [Ощепков 2010: 251; Папилова 2011: 31-32]. Проблематика данной статьи вписывается в поле интересов имагологии, что обусловлено дизайном исследования. Его **объектом** является образ России в американском кино, а **предметом** – вербальная репрезентация страны. **Материалом** исследования выступают субтитры на английском языке и соответствующие аудиовизуальные произведения в оригинале и русском переводе, которые по природе своей есть инструменты транслирования образов, создаваемых аудиальными (музыка, песни), вербальными (реплики персонажей, голос за кадром), визуальными (видеоряд) и сюжетными (идейное наполнение) средствами. Как следствие, **единицей анализа** оказывается событие аудиовизуального дискурса.

Результаты имеющихся на сегодняшний день исследований образа России в американском кино свидетельствуют о том, что кинематограф США наиболее закономерно репрезентирует Россию как сильного конкурента и врага в спорте, политике, в военной и научной сферах; как страну с богатым культурным наследием; как страну, ассоциируемую с идеологией и символикой Советского Союза; страну, известную своими шпионами и противозаконными криминальными группировками (бандиты, мафия) и под. [Beumers 2008: 167-168; Рябов 2023: 26; Алюнина 2024: 3-4]. Более редким, но от того не менее значимым является ассоциирование русских персонажей с Францией [Алюнина 2024: 9]. Раскрытие сути этой репрезентации является **целью** данной статьи.

Настоящее исследование было выполнено на базе пользовательского корпуса англоязычных субтитров, собранных с сайта *OpenSubtitles* методом веб-скрайпинга посредством Python. При помощи корпусного менеджера AntConc был проведен поиск лексем *Russia*, *Russian*, *Russians* в собранных субтитрах. Поиск обнаружил 212 случаев вербальной репрезентации образа России в 50 кинокартинах. Дальнейший анализ контекстов с *Russia(n)s* позволил выявить тенденции в представлении страны в американском кино. Одной из таких тенденций оказалось прямое или опосредованное ассоциирование русских персонажей с французским языком и культурой. Данная тенденция прослеживается в следующих аудиовизуальных произведениях: “Pinocchio” 1940; “Maverick” 1994; “Anastasia” 1997; “Austin Powers: International Man of Mystery” 1997. Несомненно, количество источников говорит о том, что «французская» тенденция является далеко не частотной в представлении образа России в американском кино. Тем не менее она заслуживает осмысления, поскольку не встречается в имеющихся сегодня трудах о репрезентации России в кинематографе США, но может быть в дальнейшем развита на более крупном объеме эмпирического материала.

Рассмотрим контексты, где встречается «французское» в репрезентации персонажа, ассоциируемого с Россией.

Таблица 1. Пример из мультфильма “Pinocchio”

Фрагмент субтитров	Перевод фрагмента субтитров
<i>Down where the Volga flows There's a Russian rendez vous Where me and Ivan go But I'd rather go with you, hey!</i>	<i>Гарные хлопчики Парики идут сурьбой. Ах, нету моченьки, Любо мне идти с тобой, эх!</i>

Фрагмент (табл. 1) соответствует ситуации, когда Пиноккио впервые выступает на сцене. По сюжету спектакля к нему на сцену выходят марионетки из разных стран и поют. Одна из них – русская, одетая в белую меховую шапку, высокие сапоги и розовый полушубок. Декорации напоминают храм Василия Блаженного. После песни русской марионетки на сцену выходят кавказцы и танцуют лезгинку.

В оригинале мультфильма встречается словосочетание *Russian rendez vous*, что на вербальном уровне проводит связь русского персонажа с Францией. Этот французский элемент встроен в детскую песню, поэтому можно предположить, что первичной целевой аудитории (которая смотрит мультфильм в оригинале – на английском) данное иноязычное вкрапление является понятным и не требующим пояснения. В русскоязычном переводе французская отсылка не сохраняется. Объяснить это можно необходимостью подобрать рифму и адаптацией мультфильма к русскоязычной целевой аудитории – детям, для которых французское вкрапление в песне может быть непонятным. В переводе на русский язык этот иноязычный компонент заменяется *гарные хлопчики* (от укр. *гарні хлопці*) методом компенсации.

Еще один «французский» компонент был обнаружен в фильме “Maverick” 1994, представленный всего одной репликой *Bonjour, monseigneur. Comment allez-vous ?* Реплика принадлежит вождю американских индейцев, который обращается к русскому князю, заплатившему за знакомство с бытом индейцев. Чтобы развлекать русского князя, индейцы носят традиционную одежду, бегают по лесу с криками и говорят *How, white man! (Хао, бледнолицый!)*. Однако, чтобы продемонстрировать уважение к русскому князю, вождь обращается к нему по-французски. В переводе фильма на русский язык эта реплика тоже звучит на французском. Коммуникация в этой сцене происходит в лесу, где присутствует «русский островок» в виде повозки князя, которая напоминает повозку цыганскую. Ее убранство включает стереотипные элементы, ассоциируемые с Россией: самовар, икра, водка, русские гончие борзые. Князя сопровождают художник, который пишет картину маслом, и, вероятно, представитель охраны, одетый в казачий костюм, казачью меховую шапку и косоворотку.

Следующие примеры «французского» в образах русских персонажей встречаются в мультфильме “Anastasia” 1997.

В данном контексте (табл. 2) приведена реплика Софи, племянницы и помощницы Императрицы, которая приглашает Анастасию сходить на русский балет в Париже и там встретиться с ее бабушкой. Общение происходит в доме Императрицы

в Париже, быт которого (судя по кадру в данной сцене) не характеризуется чем-либо, что можно было бы отнести к типично русскому, как в фильме “Maverick” выше. Ассоциирование русских персонажей с Францией происходит на сюжетном уровне, которое завязывается в самом начале мультфильма, когда на балу Николая II Императрица дарит Анастасии кулон с надписью *Together in Paris (До встречи в Париже)*. Когда события перемещаются в Париж, в оригинале мультфильма появляется 14 вкраплений на французском языке: *Oui, monsieur ?; Ooh, la-la !* (6 раз); *I'll show you that French joie de vivre; Bonjour !; Paris holds the key to l'amour; When you're feeling blue, come to Le Moulin; You'll be très jolie and so smart; Monsieur. Look. There she is.; – Voilà. – You're next.; We'll be together in Paris again soon. A bientôt.* Из них в переводе мультфильма на русский язык сохраняются 8: *Ooh, la-la !* (6 раз); *Bonjour !; A bientôt.*

Таблица 2. Пример из мультфильма “Anastasia”

Фрагмент субтитров	Перевод фрагмента субтитров
<i>Do you like the Russian Ballet? I believe they're performing in Paris tonight.</i>	<i>А вам нравятся русский балет? Они сегодня выступают в Париже.</i>

Большинство франкоязычных элементов в мультфильме принадлежит не репликам русских персонажей, а французам. Их назначение – создать парижскую атмосферу, в которой живут русские этого произведения. В переводе мультфильма на русский язык сохраняются только наиболее узнаваемые французские слова и *A bientôt (До скорого)*, которым Анастасия завершает свое прощальное письмо бабушке.

Проанализируем «французские» примеры из последнего источника.

Таблица 3. Пример из фильма “Austin Powers: International Man of Mystery”

Фрагмент субтитров	Перевод фрагмента субтитров
<i>Gentlemen, it's come to my attention... a break-away Russian republic, Kreplachistan... is about to transfer a nuclear warhead... to the United Nations in a few days.</i>	<i>У меня есть сведения, что одна из республик бывшего Советского Союза Галушкостан через несколько недель передает в распоряжение ООН ядерную боеголовку.</i>

В этом примере (табл. 3) Доктор Зло сообщает сообщникам, что у него есть сведения о передаче ядерной боеголовки из республики *Kreplachistan*. Данный топоним является окказионализмом, который состоит из компонента *krep*, отсылающего к неверно написанному французскому слову *crepe (блин)*, и *stan* от русск. *-стан* в словах как *Казахстан, Киргизстан*. То есть *Kreplachistan* – это вымышленная республика СССР, где едят блины, которые ассоциируются с русской кухней. Кроме того, на «русскость» этой республики в фильме указывает ее прямое соотнесение с Россией – *Russian republic*. Это не единственный случай упоминания вымышленной республики в кино, хотя сюжет фильма никак не связан с Россией или СССР. В переводе на русский язык вновь (как в мультфильме “Pinocchio”) происходит замена французского компонента на украинский – *Галушкостан* (галушки – блюдо украин-

ской кухни). Такая компенсация может быть обусловлена контекстом, где речь идет о ядерном оружии, которым обладает упоминаемая республика.

Подводя итог, можно сказать, что французский компонент в образе русского персонажа в американском фильме неоднороден. Он проявляется на вербальном, визуальном и сюжетном уровнях. При этом через свои французские черты персонажи, ассоциируемые с Россией, в большинстве своем могут быть характеризованы как представители аристократического общества, обладающие деньгами и властью. В переводе исследованных аудиовизуальных произведений на русский язык некоторые французские элементы в построении образа русского персонажа утрачиваются в процессе адаптации или заменяются элементами, отсылающими к украинскому языку, за чем могут стоять экстралингвистические причины.

Литература

Алюнина Ю.М. Структурные компоненты образа России в американском кино и методика их выявления // *Метаморфозы истории*. 2024. Т. 4. Вып. 34. С. 1-16.

Ощепков А.Р. Имагология // *Энциклопедия гуманитарных наук*. 2010. № 1. С. 251-253.

Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // *Rhema. Рема*. 2011. № 4. С. 31-40.

Рябов О.В. Кинообразы врага в символической политике: методология исследования // «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О. В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023.

Beumers B. Through the 'Other' Lens? Russians on the Global Screen // *Russia and its Other(s) on Film. Screening Intercultural Dialogue* / ed. St. Hutchings. Cham: Springer, 2008. Pp. 166-183.

Y.M. Alyunina (Moscow, Russia)

RUDN University

FRENCH PORTRAIT OF RUSSIAN CHARACTERS IN AMERICAN CINEMA

The paper is part of a grant project aimed to discover the trends in the representation of the image of Russia in American cinema. This article describes one such trend, which is the association of a Russian character with the French language and culture. As a rule, such characters belong to the upper strata of society and possess money and power. In the Russian translation of the movies, the French component in the image of the Russian characters is lost.

Key words: audiovisual discourse, imagology, stereotype, corpus linguistics

В.Е. Анисимов (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
anisimov.vladislav.95@mail.ru*

СИСТЕМА ВОСПРИЯТИЯ ЗРИТЕЛЕМ ПРАГМАТИЧЕСКИ- ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КИНОДИСКУРСА

В статье анализируются когнитивные особенности восприятия зрителем прагматически-ориентированных элементов кинодискурса (кинозаголовков, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма, субвидеа «шортс»). Исследование, проведенное на основе анализа

анкетирования, позволило сделать вывод о преобладающем прагматическом воздействии на аудиторию полимодальных элементов кинодискурса.

Ключевые слова: когнитивное восприятие, кинодискурс, кинозаголовок, синопсис, постер, слоган, шортс

Современный этап лингвистической науки неразрывно связан с когнитивно-дискурсивной парадигмой, представленной, согласно Е.С. Кубряковой, интеграцией когнитивного и коммуникативного направления в языкознании [Кубрякова 2000: 3]. В этой связи особое внимание на себя обращает исследование прагматически-ориентированных элементов дискурса и изучения их воздействия на реципиента-зрителя. Анализ подобных элементов релевантно проводить на материале такого типа дискурса, как кинодискурс.

Среди прагматически-ориентированных элементов кинодискурса правомерно выделить его малоформатные тексты, такие как кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма и появившийся совсем недавно новый вид малоформатного текста – короткометражный видеофрагмент, именуемый нами «субвидеомой», а именно один из его типов – субвидеом «шортс» (подробнее см. Анисимов, Анисимова 2024). Ключевой особенностью данных малоформатных прагматически-ориентированных текстов кинодискурса является их появление в информационном пространстве до выхода кинофильма на экраны, что обуславливает их основную задачу по привлечению к просмотру кинофильма как можно большего числа представителей целевой аудитории. Таким образом, данные элементы, наряду с кинокритикой, отзывами кинокритиков и пресс-релизом кинофильма, можно сгруппировать в общий класс «рекламных элементов кинокинодискурса».

В фокусе данного исследования находится анализ когнитивных особенностей восприятия зрителем прагматически-ориентированных элементов кинодискурса, основанный на результатах проведенного нами анкетирования. В анкетировании приняли участие 105 человек в возрасте 17–30 лет, имеющие или получающие высшее образование. Выбор целевой группы обусловлен задачей выяснить специфику восприятия современной молодежной аудиторией прагматически-ориентированных элементов кинодискурса, предвещающих выход кинофильма в прокат.

Респондентам было предложено оценить все шесть типов малоформатных текстов кинодискурса, обладающих коммуникативно-прагматической спецификой: кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма и короткометражный видеофрагмент «шортс». Для адекватного восприятия респондентами вопросов анкеты, нами использовались упрощенные формулировки, не содержащие термин «элемент кинодискурса». В качестве эквивалентной замены при анкетировании применялись термины «элемент кинофильма», «рекламный элемент кинофильма».

К основным задачам исследования относились выявление наиболее и наименее частотных элементов семиотического пространства кинофильма, с которыми современный респондент возраста 17–30 лет сталкивается в интернете и реальной жизни, а также наиболее привлекательных и информативных прагматически-ори-

ентированных элементов кинодискурса для данной возрастной категории и элементов, способствующих побуждению к просмотру конкретного кинофильма.

В ходе анкетирования респондентам было предложено последовательно ответить на следующие вопросы: «Какой из элементов рекламы кинофильма Вы видите чаще всего в интернете (в т.ч. в социальных сетях и на специализированных сайтах, посвященных кинематографу)?»; «Какой из элементов рекламы кинофильма Вы видите чаще всего в реальной жизни (в т.ч. на рекламных таблоидах, журналах, в кинотеатрах)?»; «Какой из элементов рекламной кампании кинофильма с большей вероятностью может побудить Вас к просмотру кинофильма?»; «На основании знакомства с каким из элементов предпрокатного этапа кинофильма Вы можете принять решение о просмотре кинофильма?»; «Выберите элемент кинофильма, который оказывает на Вас наибольшее воздействие при принятии решения о просмотре конкретного кинофильма». Данные вопросы носили закрытый характер с единичным или множественным вариантом выбора ответа. Также в анкете содержались градационные вопросы, в рамках которых респондентам предлагалось отметить наиболее и наименее привлекательные (а также информативные) единицы кинотекста.

Кратко обозначим результаты проведенного анкетирования, сопроводив их необходимым комментарием. Элементами кинофильма, наиболее часто встречающимися современной молодежной аудитории в возрасте 17–30 лет, являются короткометражный видеофрагмент (субвидеа «шортс» – 46%), трейлер (31%) и постер (19%) кинофильма. Наименее частотными оказались синопсис и слоган кинофильма (1,1%). Тенденция к преобладанию мультимодальных элементов кинодискурса (субвидеа «шортс» и трейлера кинофильма), и поликодовым элементом (постером) обусловлена спецификой размещения рекламы и элементов кинофильма в интернет-пространстве, позволяющим выдвинуть на первый план аудиовизуальные и зрительные элементы рекламной кампании фильма. В реальной жизни зрители чаще всего сталкиваются с постером кинофильма (50%), его кинозаголовком (26,3%) и трейлером (16,3%). Предположим, что высокая частотность встреч зрителя с постером и кинозаголовком связана с размещением постера кинофильма на рекламных щитах и в кинотеатрах, а также наличием кинозаголовка на постере.

К наиболее информативным единицам респонденты ожидаемо относят трейлер (37%), субвидеа «шортс» (28%), синопсис (13%) и постер кинофильма (11%). К наименее информативным – кинозаголовок (8%) и слоган кинофильма (3%). Комментируя полученные результаты, отметим, что молодые люди в возрасте 17–30 лет в основном обращаются к мультимодальным и поликодовым элементам кинодискурса для получения информации о кинофильме, что делает их более информативными для современного зрителя. Среди наиболее информативных единиц кинотекста присутствует только один монокодовый элемент – синопсис кинофильма. Любопытным становится отнесение респондентов к наиболее информативным элементам кинодискурса субвидеа «шортс»: в большинстве случаев шортс, в отличие от трейлера, содержит одну сцену из кинофильма, которая является информативной, но может не коррелировать с его сюжетом. Тем не менее информативной

составляющей короткометражного фрагмента оказывается достаточной аудитории в возрасте 17–30 лет.

В свою очередь, наиболее привлекательными единицами кинодискурса респонденты выбрали субвидеому трейлер кинофильма (48%), субвидеому «шортс» (31%) и синопсис кинофильма (17,4%), также отдав предпочтение мультимодальным элементам, что может быть связано с преимущественным получением информации о киноиндустрии посредством аудиовизуального канала в сети интернет.

С точки зрения когнитивного восприятия основных прагматически-ориентированных элементов рекламной компании кинофильма современным молодежным зрителем, отметим следующую тенденцию: в качестве основных элементов рекламной кампании кинофильма, способных побудить к просмотру кинофильма, респондентами были указаны трейлер кинофильма (37,2%), субвидеомы «шортс» (34,4%), синопсис (11,8%) постер кинофильма (9,5%). К элементам, обладающим наименьшим эффектом для привлечения потенциального зрителя к просмотру кинофильма, анкетированные отнесли кинозаголовки (5%) и слоган кинофильма (2,1%). При этом, анализ возрастной группы 17–25 лет показывает еще более существенное воздействие трейлера и субвидеомы «шортс» при выборе кинофильма – 52 и 42% соответственно. Решение о просмотре конкретного кинофильма современным зрителем 17–30 лет принимается преимущественно на основании знакомства с мультимодальными элементами кинодискурса (трейлером и субвидеомой «шортс»), что подтверждает утверждение о все большем восприятии информации через визуальные образы, а не чтение текста [Купчинская, Юдалевич 2019]. Подчеркнем, что при выборе элементов, способных с наибольшей вероятностью побудить к просмотру кинофильма, респонденты указывают те, которые были также выбраны ими в качестве наиболее самых информативных и привлекательных.

Итак, современная молодежная аудитория отдает наибольшее предпочтение прагматически-ориентированным элементам кинодискурса мультимодального аудиовизуального (трейлер кинофильма, субвидеомы «шортс») и поликодового (постер кинофильма) характера, обладающим для них также наибольшей привлекательностью и информативностью. Единственным монокодовым элементом, способным побуждать потенциального зрителя в возрасте 17–30 лет к просмотру кинофильма, является синопсис, что вызвано его информативной насыщенностью. Предположим, что тенденция к ведущей роли мультимодальных элементов кинодискурса при выборе потенциальным зрителем кинофильма к просмотру обусловлена его знакомством с рекламными элементами кинодискурса в сети интернет, где преобладают аудиовизуальные элементы, а также преимущественным восприятием информации через визуальные образы.

Литература

Анисимов, В.Е., Анисимова Е.Д. Шортс, рилс и клип как субвидеомы интернет-, кино- и медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 7. С. 2386-2398.

Кубрякова Е.С. Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина [и др.]. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000.

Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3 (14). С. 66-71.

V.E. Anisimov (Moscow, Russia)

MGIMO University

VIEWER'S PERCEPTION OF PRAGMATICALLY ORIENTED ELEMENTS IN FILM DISCOURSE

The article analyzes cognitive features of the viewer's perception of pragmatically oriented elements in film discourse: film title, synopsis, slogan, poster, movie trailer, and the shorts sub-system. The study conducted on the basis of a survey of respondents aged 17–30 allowed us to conclude that the polymodal elements of film discourse have a predominantly pragmatic impact on the audience.

Key words: cognitive perception, film discourse, film title, synopsis, poster, slogan, shorts

В.Е. Анисимов (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

anisimov.vladislav.95@mail.ru

Е.Д. Анисимова (Москва, Россия)

Независимый исследователь

kate.dk01@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО- СПЕЦИФИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА *BONHEUR* / *СЧАСТЬЕ* ВО ФРАНЦУЗСКОМ КИНОДИСКУРСЕ XX-XXI ВВ.

В статье анализируются ключевые особенности репрезентации национально-специфического концепта *BONHEUR* / *СЧАСТЬЕ* во французском кинодискурсе периода 1954–2025 гг. На материале полноформатных и малоформатных текстов выявлены специфические черты репрезентации концепта *BONHEUR* / *СЧАСТЬЕ* во французской лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт *BONHEUR*, кинодискурс, французский кинодискурс, специфика репрезентации концепта

Одним из наиболее популярных и активно развивающихся направлений лингвистических исследований является область когнитивной лингвистики и психолингвистики. В рамках данных направлений современный исследователь может осуществлять междисциплинарные изыскания на базе синергии таких отраслей знания как семантика и семиотика, прикладная математика, психология и переводоведение. Одним из основных анализируемых феноменов когнитивной лингвистики становится концепт. На данный момент, нельзя говорить о научном единстве в рамках описания данного феномена. В современной научной парадигме существуют три основных подхода к осмыслению концепта: лингвокультурный, лингвокогни-

тивный и психолингвистический, которые, тем не менее, не находятся по отношению друг к другу в строгой оппозиции.

В проведенном исследовании концепта BONHEUR / СЧАСТЬЕ нами был задействован смешанный методологический аппарат лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики для всестороннего анализа изучаемых единиц. Концепт понимается нами как «объект идеального мира, который имеет имя, определяется набором семантических данных и отражает культурное представление о действительности» [Вежбицкая 1999]. В свою очередь, концепт как некий генерализованный лингвокультурный феномен может репрезентировать как общечеловеческую категорию, так и национально-специфическую семиотическую модель, а также будет обладать рядом национально-специфических черт репрезентации, обуславливающих его функционирование в конкретном лингвокультурном пространстве [Анисимова, Анисимов]. Состав и структура концепта передают «видение мира определенным социумом или отдельным человеком» [Болдырев 2016: 13].

Анализируемый концепт BONHEUR / СЧАСТЬЕ представляет собой национально-специфический концепт французской лингвокультуры, что находит свое отражение в ряде работ отечественных и зарубежных романистов [Япп, Сиретт 2004; Фулье 1997; Дмитриева, Кравцова 2023, Zamouri 2022]. При этом следует отметить, что множество исследований указывают на взаимосвязь концепта BONHEUR / СЧАСТЬЕ и AMOUR / ЛЮБОВЬ. Так, J. Danek отмечает, что, будучи универсальными, данные феномены тем не менее находятся в тесной взаимосвязи и не могут существовать друг без друга в сознании обычного француза, для которого счастье – это свободное общество, рождаемое из духа любви: «„Счастье“ означает полное уважение монадических свобод, полное уважение неотъемлемости свободы, а затем и сообщества, рожденного этосом любви» (“Bonheur” signifie: respect total des libertés monadiques, respect total de l’irréductibilité de la liberté et alors la communauté née de l’ethos de l’amour) [Danek 1978: 223].

Одним из наиболее масштабных феноменов современного общества, оказывающего влияние на массовую культуру и сознание, а также являющегося пространством репрезентации мультимодальных образов, является кинодискурс. Зародившееся во Франции, кино и в наши дни является одним из важнейших элементов французской лингвокультуры. При этом тема счастья неизменно является одной из основных для французского кинематографа: согласно данным сервиса AlloCiné, более 78% французских кинофильмов, выпущенных за период 1950-2025 гг. имеют в описании отметку *happy end / fin joyeuse* («счастливым конц») вне зависимости от жанра. При этом тема счастья является глубоко философской и сложной в представлении, в связи с чем данный феномен находит опосредованное отражение собственно в сюжете кинофильма. Тем не менее, за анализируемый период было выпущено более 200 кинофильмов, посвященных теме счастья: *Le Bonheur* (1965), *La Mélodie du bonheur* (1965), *Tendre bonheur* (1983), *En attendant le bonheur* (2002), *À la recherche du bonheur* (2006), *Un Bonheur n’arrive jamais seul* (2011), а также ряд телевизионных сериалов *Que du bonheur!* (2008), *Le parfum du bonheur* (2025) и т.д.

Проанализировав 152 французских кинофильма и их малоформатных текстов (кинозаголовков, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма), нами было составлено номинативное поле концепта BONHEUR / СЧАСТЬЕ, выделены ядро и периферия рассматриваемого концепта в современном французском кинодискурсе (табл. 1).

Таблица 1. Номинативное поле концепта BONHEUR / СЧАСТЬЕ

	Дефиниции	Количество упоминаний
ядро	chance	280
	fortune	226
	félicité	198
	Heureux / heureuse	142
	le vent des prospérités	140
	raison de vivre	137
	raison d'être	136
периферия	Béatitude	115
	L'amour sans fin	102
	L'amour	93
	le souffle de la vie	92
	Peupler la vie	67
	Rencontre	46
	coup de bonheur / fortune	43
	aimer et être aimé	27
	Trouver l'amour	18

На основе анализа полученных дефиниций можно сделать следующий вывод: концепт BONHEUR / СЧАСТЬЕ в современном французском кинодискурсе представляет собой национально специфический феномен, описывающий картину национального представления о счастье, и включающий в себя такие элементы как любовь, удача и смысл жизни.

На основе анализа упоминаний о счастье в современном французском кинодискурсе также можно отметить, что в формате кинодиалога упоминание концепта BONHEUR / СЧАСТЬЕ часто происходит в непосредственной связи с концептом AMOUR / ЛЮБОВЬ:

– *Qu'est-ce que le bonheur ?*

– *C'est comme ça qu'on a gagné la partie. Ensemble. Heureux. Et là, au fond du béton, on a enfin partagé notre rêve d'enfant : le rêve d'un amour sans fin.*

(Jeux d'enfants, 2003)

– *Un bonheur n'arrive jamais seul, puisque nous savons que le malheur est là aussi et nous n'avons pas encore trouvé l'amour.*

(Un Bonheur n'arrive jamais seul, 2011)

– *Il fut une époque où nous nous aimions. C'était de l'amour, n'est-ce pas ? Et vous me l'avez donné, ce bonheur.*

– *J'en ai encore à vous donner, le lien s'était dénoué, jamais il ne s'est brisé.*

(Les liaisons dangereuses, 2003)

Кроме того, проведя автоматизированный анализ текстовых соответствий 18 французских кинофильмов, в рамках которых функционировал концепт BONHEUR

/ СЧАСТЬЕ, мы можем отметить, что из 128000 проанализированных текстовых элементов, посвященных репрезентации концепта BONHEUR / СЧАСТЬЕ в 11566 (9%) грамматических конструкциях также встречались элементы, составляющие номинативное поле концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ или однокоренные им. Данная тенденция может говорить о наличии выраженной связи между концептами BONHEUR / СЧАСТЬЕ и AMOUR / ЛЮБОВЬ во французском кинодискурсе.

Представляется возможным также отметить описательно-бытовой, а не феноменологический характер репрезентации данного феномена:

Du bonheur à l'état pur, brut, natif, volcanique, quel pied ! C'était mieux que tout, mieux que la drogue, mieux que l'héro, mieux que la dope, coke, crack, fitj, joint, shit, shoot, snif, pét', ganja, marie-jeanne, cannabis, beuh, péyotl, buvard, acide, LSD, extasy ... Mieux que la liberté. Mieux que la vie...

(Jeux d'enfants, 2003)

В таком случае концепт BONHEUR / СЧАСТЬЕ представляется не как феномен, обладающий рядом характеристик, а как абстрактное понятие, содержащее в себе как элементы клишированного мышления, так и уникального опыта отдельного субъекта, что также подчеркивают в своих исследованиях Япп и Сиретт [Япп, Сиретт 2001], отмечающие, что концепт BONHEUR / СЧАСТЬЕ отражает образ жизни современного француза.

Таким образом, концепт BONHEUR / СЧАСТЬЕ во французском кинодискурсе периода 1950–2025 гг. обладает рядом национально-специфических черт репрезентации, основными из которых являются представление счастья для француза как образа жизни, описательно-бытовой характер и наличие ярко выраженной связи с концептом AMOUR / ЛЮБОВЬ.

Литература

Анисимова Е.Д., Анисимов В.Е. Динамика изменения концепта МИГРАНТ/MIGRANT в дискурсе французской социальной рекламы в период 2000–2023 гг. // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 242–245.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 10–20.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М.: Яз. рус. культуры, 1999.

Дмитриева Е.Г., Крацова С.В. Этнокультурный компонент концепта «счастье» в английской, немецкой, русской и французской фразеологии // Достижения науки и технологий-Д-НиТ-11-2023: сборник научных статей по материалам II Всероссийской научной конференции, Красноярск, 27–28 февраля 2023 г. Вып. 7. Красноярск: Красноярский краевой Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных общественных объединений, 2023. С. 275–280.

Фулье А. Психология французского народа. СПб.: Ф. Павленков, 1899.

Япп Н., Сиретт М. Эти странные французы. М.: Эгмонт, 2008.

Danek, J. Le bonheur et l'amour comme problèmes universels // Laval théologique et philosophique. 1978. № 34 (3). Pp. 227–233.

Zamouri S. Regard croisé sur la représentation du bonheur dans les formules de souhait du français et de l'arabe // Journal of Philology and Intercultural Communication. 2022. № 4 (1). Pp. 67–78.

*V.E. Anisimov (Moscow, Russia)
MGIMO University*

*E.D. Anisimova (Moscow, Russia)
Independent researcher*

THE PECULIARITIES OF THE NATIONALLY SPECIFIC CONCEPT OF *BONHEUR* / *HAPPINESS* REPRESENTATION IN FRENCH FILM DISCOURSE OF THE 20TH-21ST CENTURIES

This article analyzes the key features of the nationally specific concept *BONHEUR* / *HAPPINESS* representation in the French film discourse of the period 1954-2025. Based on the material of full-format and small-format texts, the specific features of the representation of the concept of *BONHEUR* / *HAPPINESS* in French linguoculture are revealed.

Key words: *BONHEUR* concept, film discourse, French film discourse, specifics of the concept representation

*A.B. Анищенко (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
allan031@yandex.ru*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПЕРСОНАЖЕЙ В АУДИОКОММЕНТАРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ)

В статье на материале немецкоязычного романа «Landgericht» и его одноименной киноадаптации проводится анализ эмоционально-психологических характеристик главных героев; выявляются языковые средства и модели представления эмотивной информации; делается вывод о важности знания литературного источника при подготовке аудиокomentarия к экранизации.

Ключевые слова: аудиодескрипция, тифлокомментирование, экранизация, эмоционально-психологический образ, эмотивная информация

В современном мире визуальных коммуникаций и минимизированных текстовых форматов роль экранизаций художественных произведений как способов трансляции информации закономерно растет. Являясь связующим звеном между литературой и кинематографом, экранизации позволяют перенести литературные произведения на экран, создавая новые интерпретации и визуальные образы, привлекая внимание к оригинальным текстам. Экранизации открывают возможность для расширения аудитории литературных произведений, помогают осмыслить художественные тексты-источники; посредством кинематографических средств и приемов они адаптируют литературные произведения для восприятия в новом социокультурном контексте. При этом экранизация произведения художественной литературы выступает как репрезентативная модель текста, представленная в терминах и выразительными средствами киноязыка, «опорой в построении которой выступает когнитивный образ, представляющий собой комплексную динамическую единицу

эмоционально-эстетического восприятия произведения словесно-художественного образа» [Покидышева 2006: 6]. Создатели фильма, как правило, не стремятся к максимально точному повторению сюжета и последовательности сцен литературного источника, но сохраняют базовые элементы структуры литературного источника.

Важную роль в полноценном восприятии художественных фильмов-экранизаций для незрячих и слабовидящих реципиентов играет аудиокomentarий (тифлокомментарий). Функция аудиодескриптивных текстов становится ключевым элементом, позволяющим обеспечить более полное и насыщенное восприятие фильма. Предназначенный для компенсации отсутствия зрительного информационного канала аудиокomentarий содержит описания визуальных элементов, таких как действия персонажей, места действия, мимики и жестов персонажей. Это помогает незрячим зрителям представить себе происходящее на экране, создавая более полное и эмоциональное восприятие сюжета. Описание освещения, цветового колорита, движения камеры позволяет передавать атмосферу и настроение сцен и ощущение эмоциональной нагрузки сцен, понимание контекста событий. Аудиокomentarии могут углубить понимание внутреннего мира персонажей, их мотиваций и отношений; незрячие зрители могут погрузиться в эмоции и переживания персонажей. Специализированный комментарий в киноадаптации, который должен учитывать жанровую специфику фильма и социокультурный фон, служит компенсаторным механизмом при обеспечении культурно-эстетического трансфера в инклюзивной коммуникации [Анищенко 2024].

Цель статьи заключается в выявлении способов создания эмоционально-психологического портрета персонажей в художественном произведении и способов моделирования психологического портрета в аудиокomentarии к экранизации исследуемого художественного произведения. Вопрос, ставший отправной точкой исследования, может быть сформулирован следующим образом: соответствует ли создаваемый в специализированном описании образ действующих персонажей, сконструированный тифлокомментатором, портрету, созданному автором художественного произведения? Может ли помочь знание первоисточника в процессе подготовки аудиокomentarия?

В ходе исследования был проведен анализ языковых средств, используемых Урсулой Крехель (Ursula Krechel), автором немецкоязычного романа «Окружной суд» (“Landgericht”, <https://www.zdf.de/filme/landgericht>) для создания эмоционально-психологического портрета действующих персонажей и тифлокомментария к одноименной экранизации. В оригинальном тексте романа и в текстах аудиокomentarиев к экранизации романа была выделена лексика, которая участвует в создании эмоционально-психологического образа персонажей: описание внешности каждого из главных героев, особенности характера и поведения, эмоции и чувства, которые переживают главные герои.

Трансляция эмотивных смыслов в фильме с тифлокомментарием – это процесс взаимодействия элементов фильма-оригинала и тифлокомментария; при этом вербальные и визуальные компоненты фильма-оригинала, формирующие основной

канал передачи эмотивных смыслов, дополняются аудиоканалом, обеспечивающим восприятие недоступной реципиенту с нарушениями зрения визуальной информации [Анищенко, Меликян 2024]. При этом тифлокомментарий можно рассматривать как дополнительный компенсаторный механизм, как результат когнитивной деятельности тифлокомментатора, предполагающей восприятие, селекцию, анализ визуальной информации для ее преобразования в зафиксированный в письменной или устной форме текст.

Понимая вслед за С.В. Черновой образ человека как совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроцессуальных (внешность, социальное происхождение, система ценностей и т.д.) и процессуальных (поведение, образ жизни, деятельность) характеристик литературного персонажа, сформированных в сознании другого человека (группы людей, поколения и т.д.), т.е. через восприятие, память и воображение и отражение в языковых формах [Чернова 2014], сконцентрируемся на эмоционально-психологических характеристиках персонажа, составляющих важную часть его художественного образа, зафиксированного в тифлокомментарии как результате когнитивной деятельности тифлокомментатора. Таким образом, эмоционально-психологический образ персонажа – это комплексное представление о его внутреннем мире, которое включает в себя эмоции, чувства, мотивации и психическое состояние.

В романе главный герой, еврей Рихард Корницер предстает перед читателем как преданный своей работе, ответственный юрист с обостренным чувством справедливости. После вынужденной эмиграции в период нацистского режима он возвращается в послевоенную Германию и пытается вернуться к прежней профессиональной жизни (*Er wollte Recht sprechen in der neu gegründeten Bundesrepublik, nicht ein Rechtswesen verwalten, er wollte selbst gestalten. Ja, er wollte endlich Richter sein, das wollte er unbedingt*), воссоздать некогда счастливые семейные отношения (*Er sprach mit Claire über die Wiederbegründung eines eigenen Hausstandes, über die Heimholung der Kinder, er sprach und sprach und ereiferte sich freudig*). В новом послевоенном мире Рихард живет со стойким ощущением нереальности происходящего (*Am Abend <...> kam ihm sein Leben wie ausgedacht vor. Als hätte er gar keinen Charakter und kein Leben, sondern wäre eine hin- und hergeschobene Figur, die sich zu dieser passiven Bewegtheit vorzüglich eignete*); он чувствует себя потерянным и чужим (*Er war bei sich und ganz weit weg, wie ein Beobachter, der ihm (also sich selbst) den Puls fühlte und ihm starr ins Gesicht sah*). Переживания и эмоции, как правило, остаются во внутреннем мире персонажа. Сдержанность в проявлении эмоций – важная черта эмоционально-психологического портрета Роберта (*Er hielt viel von der Regulierung der Gefühle, aber jetzt kamen ihm seine Gefühle unsicher vor, archaisch.*) (Krechel U. Landgericht).

Маркером эмоционального напряжения в романе выступает молчание как внутреннее переживание испытываемых эмоций, а также молчание в момент размышления (*Aber das war ein Schutzgedanke, ein andere Gedanken über deckender Gedanke,*

den Kornitzer eigentlich nicht denken wollte. Ein Gedanke, der eine Empfindung versteckte) (Krechel U. Landgericht). Именно большое количество силенциальных коммуникативных актов характеризует экранизацию романа, что требует особого подхода при разработке аудиокомментария, поскольку все паузы между репликами персонажей в фильме, адаптированном для зрителей с проблемами зрения, должны быть заполнены аудиальной информацией.

В экранизации главный герой так же, как и в романе, предстает как замкнутый и неуверенный в себе человек, выражающий свои эмоции и чувства очень сдержанно. В текстах тифлокомментариев такой образ конструируется, прежде всего, через описание зрительного поведения персонажей. На языковом уровне это реализуется при помощи комбинации глагола зрения и эмотива в функции обстоятельства образа действия: *Richard blickt verächtlich; unruhig blickt er zu Boden; verzweifelt blickt Richard vom Konsul auf das Blatt in seinen Händen; schmunzelnd blickt er ihr in die Augen; betrübt sieht Richard vor sich hin; unsicher schaut Richard umher; geschockt starrt er ins nichts u.ö.*

Формально большая часть описаний зрительной коммуникации укладываются в схему: Adv – Vf – N1 / Pron – N2... / Pron (где N1 – сущ. В им. п., N2 – сущ. В косвенных падежах, Pron – местоимение, Vf – изменяемая часть глагола, Adv – наречие). Альтернативой к использованию глаголов зрения *sehen, blicken, starren* является сочетание существительного *Blick* (взгляд) и глагола со значением направления движения: *nachdenklich senkt Richard den Blick zum Boden; Richard wirft Claire einen düsteren Blick zu.*

Через взгляд передаются беспокойство и неуверенность главного героя, которые он не показывает внешне и не выражает открыто. Эта характеристика подтверждается описанием в аудиокомментарии его улыбки: *er lächelt unsicher; für einen Moment verzerrt Richard den Mund in einen bitteren Grinsen; kurz schaut Richard auf den Brief und presst verlegen die Lippen aufeinander.*

Неуверенность Рихарда также находит отражение в его нервных и нерешительных жестах и движениях: *zögernd schiebt Richard seine Hand neben ihre; nervös reibt Richard seine Finger aneinander; verloren steht Richard an einem Bahnsteig.*

Таким образом, задача аудиодескриптора – произвести селекцию релевантной визуальной информации и через описание недоступных для зрительного восприятия объектов и действий воссоздать задуманный автором художественного произведения образ действующего персонажа. Аудиокомментарий, основанный на знании оригинального текста художественного произведения и интенции его автора, способствует более глубокому пониманию эмоционально-психологического мира персонажей зрителями с нарушением зрения.

Литература

Анищенко А.В., Меликян М.В. Трансляция эмоций в аудиодескрипции к немецкоязычным детским анимационным фильмам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. С. 1516-1521.

Анищенко А.В. Когнитивно-эмотивные аспекты немецкоязычного аудиокomentarия // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 614-618.

Покидышева С.Н. Киноадаптация литературного произведения как объект филологического исследования: на материале английского языка: автореф дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007.

Чернова С.В. Художественный образ: к определению понятия // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 6. С. 109-116.

A.V. Anishchenko (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

CONSTRUCTION OF THE EMOTIONAL-PSYCHOLOGICAL IMAGE OF CHARACTERS IN THE AUDIO COMMENTARY TO A FILM ADAPTATION IN GERMAN

The article analyzes the emotional and psychological characteristics of the main characters based on a German novel "Landgericht" and its film adaptation of the same name; the linguistic means and models of representation of emotive information are identified; the conclusion about the importance of knowledge of the literary source when preparing an audio commentary for a film adaptation is made.

Key words: audio description, film adaptation, emotional and psychological image, emotive information

М.В. Басинская (Москва, Россия)

*Дипломатическая академия МИД РФ
basinskaya.m@mail.ru*

ЖУРНАЛЬНАЯ ОБЛОЖКА КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В настоящей статье представлен пример анализа поликодового текста на материале обложки англоязычного журнала, посвященной экологической проблематике. В статье затрагиваются теоретические аспекты феномена полимодальности, а также рассматривается журнальная обложка как особый вид поликодового текста. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что обложка журнала представляет собой единый вербально-визуальный комплекс, при этом синхронизация двух семиотических систем достигается на основании общего когнитивного механизма концептуальной интеграции.

Ключевые слова: поликодовый текст, экологический дискурс, журнальная обложка, концептуальная интеграция

Для современных исследований дискурса, который понимается как социально обусловленная когнитивная структура [Омельяненко 2018], анализ только вербального аспекта коммуникации представляется недостаточно полным [Кожемякин 2018]. Данная тенденция обусловлена вниманием исследователей к такому аспекту современного дискурса, как мультимодальность. Мультимодальность, полимодальность, поликодовость, креолизованность – термины, указывающие на свойственную человеку тенденцию порождать значения, комбинируя разные семиотические

ресурсы и используя разные каналы. Если на протяжении многих десятилетий язык считался единственным центром в той системе координат, в которой устанавливали связь между лингвистическими и экстралингвистическими факторами – языком, познанием, социумом, культурой, – то теперь на первый план выходит многомерное описание коммуникации, в которой точкой отсчета становятся семиотически гетерогенные единства, соотносящиеся с когнитивными, социокультурными и иными параметрами общения [Ирисханова 2022: 15].

Следует отметить, что перечисленные выше термины не являются взаимоисключающими. В нашем анализе мы будем использовать термины полимодальность и поликодовость, которые указывают на способность сочетать в едином акте коммуникации несколько каналов передачи информации и разные знаковые системы [Ирисханова 2022: 19].

Будучи важной чертой современного дискурса, полимодальность также присуща такому виду дискурса, как экологический дискурс, в частности, англоязычному экологическому дискурсу, который на данном этапе под влиянием экстралингвистических факторов, а именно, нарастающих проблем экологии, продолжает активно развиваться и занимает особое место в глобальной коммуникации. Одним из примеров поликодового текста экологического дискурса может выступать журнальная обложка, посвященная актуальным экологическим проблемам.

Определение обложки журнала как поликодового текста основывается на том, что в ней задействованы ресурсы разных семиотических систем, т.к. обложка журнала чаще всего состоит из изображения и подписи. Традиционно функцией обложки журнала является привлечение внимания потенциального читателя и увеличение числа продаж. Изображение на обложке для того, чтобы достичь поставленной автором цели воздействия на реципиента, должно легко декодироваться. Процесс декодирования происходит за счет наличия у читательской аудитории фоновых знаний о происходящем в мире, которые активируются изображенными на иллюстрации знаками [Блинова 2019].

В парадигме когнитивной лингвистики подобные межсемиотические смешения, которым является журнальная обложка, изучаются с позиции того, какой вклад вносят вербальные и невербальные знаки и знаковые комплексы в построение образа объекта или события и какие когнитивные механизмы (метафоризация, фокусирование, концептуальная интеграция и др.) лежат в основе взаимной адаптации знаков в устной речи или письменном тексте и в образовании гибридных семиотических единств [Ирисханова 2022: 21].

Таким образом, проводя исследование визуальных и вербальных средств, задействованных в поликодовом тексте, в данном случае в журнальной обложке, затрагивающей экологические проблемы, представляется важным выявить общий когнитивный механизм, на основании которого возможна синхронизация ресурсов разных семиотических систем.

В качестве примера обратимся к анализу обложки выпуска популярного англоязычного журнала “The Economist” за ноябрь 2017 г., посвященного проблемам экологии (<https://www.economist.com/weeklyedition/2017-11-18>)

Рис. 1

Обложка выбранного нами номера (рис. 1) помимо названия самого журнала и списка основных тем выпуска содержит в центре изображение силуэта человека, прикладывающего палец в виде дымящейся трубы к губам, и название выпуска “What they don’t tell you about climate change”. Данное изображение активирует в сознании читателя сразу несколько структур знаний. Характерный жест приложенного к губам пальца транслирует идею тайны, одновременно с этим, дым, исходящий от него, активирует у читателя образ дымящегося после выстрела пистолета. Однако сам пистолет на данном изображении заменен на силуэт дымящейся заводской трубы, что отсылает читателя к проблеме загрязнения атмосферы выбросами парниковых газов промышленными предприятиями и, как следствие, проблеме изменения климата. Таким образом, можно говорить о том, что в формировании образа, представленного на анализируемой обложке, задействован процесс смешения нескольких ментальных пространств, т.е. механизм концептуальной интеграции.

Напомним, что концептуальная интеграция, будучи сложным когнитивным процессом, возможна благодаря способности человека мыслить образно. Данный когнитивный механизм основывается на «модели четырех пространств», которая представлена двумя исходными ментальными пространствами (input spaces), общим пространством (generic space) и интегрированным пространством (blended space or blend), т.е. новым значением, которое появляется в результате проекции одного исходного ментального пространства на другое исходное пространство или в результате слияния их значений [Синжапова 2019].

В описываемом примере исходными концептуальными пространствами выступают пространства ТАЙНА, ОПАСНОСТЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ, которые смешиваются на основе общего пространства ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Таким образом, в интегрированном ментальном пространстве сформировано значение «замалчивание проблемы опасного экологического загрязнения».

Визуальный образ также подкреплён содержанием вербальной составляющей обложки, а именно названием номера “What they don’t tell you about climate change”, которое помогает интерпретировать транслируемый изображением образ. Как и визуальная составляющая анализируемой обложки, вербальный компонент акценти-

рует внимание читателя на опасности загрязнения атмосферы парниковыми газами, которое осознано скрывается или, по крайней мере, преуменьшается.

Можно утверждать, что визуальный и вербальный компоненты анализируемой обложки журнала составляют единый комплекс, сконструированный на основе процесса концептуальной интеграции. Данный интегрированный образ транслирует идею намеренного замалчивания проблемы выбросов парниковых газов, приводящей к изменению климата на планете. При этом выполнена главная цель обложки как поликодового текста особого жанра: она привлекает внимание благодаря своей лаконичности и понятности представленного образа, а также эмоционального отклика у читателя, который достигается благодаря нетривиальности образа, построенного на основе проекции нескольких ментальных пространств, как в визуальной, так и вербальной составляющей.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что единый семиотический комплекс, который представляет собой журнальная обложка, формируется за счет объединения визуальной и вербальной составляющих на основе общего когнитивного механизма, в данном случае механизма концептуальной интеграции. При этом вербальные знаки выполняет уточняющую функцию по отношению к визуальному образу, ограничивая круг возможных интерпретаций. Интегрированный образ привлекает внимание читателя к обсуждаемой в журнале проблеме за счет смысловой нагруженности, оригинальности и эмоциональности, что позволяет успешно выполнить главную задачу, стоящую перед обложкой журнала – повысить интерес читательской аудитории к содержанию выпуска.

Литература

- Блинова О.А. Обложка журнала как мультимодальный текст // Научный диалог. 2019. № 5. С. 9-24.
- Ирисханова О.К. Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса. М.: ЯСК, 2022. С. 15-33.
- Кожемякин Е.А. Визуальное и социальное: перспективы критического дискурс-анализа и социальной семиотики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1 (27). С. 86-92.
- Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 66-78.
- Синжапова Р.Р. Теория концептуальной интеграции и лингвистические средства ее выражения // Молодой ученый. 2019. № 2 (240). С. 393-395.
- The Economist. URL: <https://www.economist.com/>

M.V. Basinskaya (Moscow, Russia)

Diplomatic Academy MFA RF

MAGAZINE COVER AS A POLYCODE TEXT OF ENGLISH ECOLOGICAL DISCOURSE

The article provides an attempt to analyse a polycode text by the example of an English magazine cover devoted to ecological problems. The article touches upon theoretical aspects of discourse polymodality, as well as considers a magazine cover as a special type of polycode text. As a result of the conducted research it is concluded that a magazine cover is a single verbal-visual

complex in which symbols of the two semiotic systems are synchronised on the basis of a common cognitive mechanism of conceptual integration.

Key words: polycode text, ecological discourse, magazine cover, conceptual integration

Г.В. Беликова (Москва, Россия)

Московский педагогический государственный университет
g.v.belikova@mpgu.su

«ДЕРЗКАЯ» НОМИНАЦИЯ ИЛИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СМЕШАННОЙ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается явление смешанной метафоры, когнитивные механизмы ее продуцирования и языковые способы объективации. На примере избранных французских смешанных метафор проиллюстрированы механизмы взаимодействия фреймовых структур, фундирующих значения рассматриваемых гибридных метафор. Показано, что адекватное понимание смешанной метафоры и целостного смысла предикации определяется, как минимум, параметрами узуальности и когерентности образов компонентов смешанной метафоры.

Ключевые слова: смешанная метафора, фрейм интерпретации, иконический образ, предикативное значение, метафорическая атрибуция

Эффектное имя «дерзкая» метафора, что, заметим, также метафора, обозначает в некоторых исследовательских работах не просто непредсказуемую, «расщепленную» [Рикер 1990: 425] референцию, характерную для ассоциативно-образной предикации, но такой способ концептуализации факта опыта, при котором метафора ассимилирует чрезмерно отдаленные вещи, устанавливая таким образом новый и более радикальный взгляд на феномен данного опыта. К подобным экзотическим выражениям традиционно относят синестетические метафоры (ср., «слова из влажных Л» (А. Тарковский), «холод осени синий» (С. Есенин), «Кому зима – арак и пунш голубоглазый [...], жестоких звезд соленые приказы» (А. Мандельштам), «Вы были как бархат, я говорю о голосе – и как сталь – говорю о словах...» (М. Цветаева). К этим почти «запредельным» семантическим инновациям, в плане нашего понимания «дерзкой» метафоры, мы отнесли бы смешанные метафоры (СМ), образующиеся в результате сопряжения когнитивных метафор, принадлежащих различным фреймам-источникам (ФИ) метафорического проецирования.

В канонической строке В. Маяковского *Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего* синестетическая метафора «бархат голоса» представляет схематизацию понятия «голос» (сфера-цель метафорического ассоциирования, далее – СЦ) в призме «вспомогательного субъекта» [Блэк 1990: 153-173] – мягкой и плотной, насыщенной по цвету, блестящей с переливами и, как правило, дорогой ткани (сфера-источник, далее – СИ). При таком способе концептуализации профилируются основные семантические признаки в значении данной межсенсорной метафоры, а именно определенные слоты («мягкость», «плотность», «шелковистость», «блеск», «цвет», «качество») терминала «бархат» в структуре макрофрейма «ткань». Вторая

метафора «сшить штаны из голоса» совмещается с первой «бархат голоса» и обе метафоры сливаются в целостный образ «сшить одежду из ткани», который легко «читается», поскольку гибридизация метафор происходит при интеграции концептуальных доменов двух фреймовых структур знаний – ФИ «ткань» (терминал «бархат» и его слоты) и ФИ «шитье», – которые обнаруживают общую терминальную вершину «бархат». Иными словами, при условии прозрения сенситивной метафоры «бархат голоса» понимание целостной смешанной метафоры «сошью черные штаны из бархата голоса моего» не требует когнитивной идентификации референта и происходит на поверхностном языковом уровне.

Подобная когнитивная «легкость» не отвечает, однако, основному назначению «дерзкой» метафоры – быть автореферентной, объектом самой себя, «тем, на что смотрят (looked at)», а не «тем, сквозь что смотрят (looked through)» [Рикер 1990: 446]. Такая иносказательная номинация бросает вызов системе знаний человека, его интеллекту и воображению, создает то чувственное напряжение, преодоление которого и сообщает, по-видимому, метафоре ее преобразующую энергию. Так, один из программных бретоновских лозунгов *Beau comme la rencontre fortuite sur une table de dissection d'une machine à coudre et d'un parapluie* (букв. Прекрасно, как случайная встреча швейной машинки и зонтика на столе для препарирования) – цитата из «Песни Мальдорора» (1869) Исидора Дюкасса, (графа Лотреамона) – представляет смешанную метафору, интегрирующую три языковые метафоры *rencontre sur une table de dissection* (1), *rencontre d'une machine à coudre* (2), *rencontre d'un parapluie* (3), которые принадлежат разнородным концептуальным доменам: первая заимствована из фрейма, так скажем, «патанатомия», вторая – «швейная машинка», третья соотносится с фреймом «зонтик от дождя». Очевидно, что данный сюрреалистичный слоган есть производное от этих трех достаточно понятных метафор, однако, объяснить его значение, т.е. понять смысл смешанной метафоры весьма непросто. Стихийный синкретизм трудно (невозможно) сопоставимых образов, которые формируют когнитивный базис, вернее, одновременно несколько когнитивных оснований данной СМ, обуславливает, по-видимому, то, что подобная номинация практически не позволяет себя осмыслить, т.е. обнаружить полагаемую метафорой связь вещей и собрать установленные смыслы в единое предикативное значение. Хотя этого, очевидно, и не требовалось: данная СМ впечатляет именно мозаичностью образов, не складывающихся в единый иконический знак (для образно-смысловой идентификации понятия *Beau*), скорее наоборот: сопологаемые вербальные иконические элементы (*table de dissection, machine à coudre, parapluie*) генерируют такие смысловые представления, которые настолько различны в своей обособленности, что их совмещение противоречило бы естественному положению вещей, законам миропорядка. Однако, не в этом ли смысл сюрреализма? Тем не менее, вот уже практически век как пытливый человеческий ум пытается объяснить загадку этой метафоры (см., например, [Négrier 2024]), что само по себе показательно, ведь метафора не только о «возможных мирах», но и об этом тоже.

Вместе с этим не все «дерзкие» метафоры автореферентны и не все «сопротивляются» новой интерпретации. В отличие от развернутой стилистической, пусть и «осложненной» разнородными (принадлежащими различным ФИ), но синтаксически-последовательно соположенными метафорическими единицами (ср., *la France tout entière: celle de son enfance, accueillante et gueularde, crasseuse et distinguée, fille aînée de l'Église le dimanche, et bouffeuse de curés le lundi. Laïque au lit et religieuse dans ses pâtisseries*; букв. «вся Франция: Франция его детства, гостеприимная и вульгарная, грязная и знатная, старшая дочь церкви по воскресеньям и ярая антиклерикалка (пожирательница приходских священников) по понедельникам. Светская в постели и религиозная в своих кондитерских»), смешанная метафора, своего рода семантический парадокс в квадрате, может стать задачей для ума, но, как показывает П. Рикер, ее метафорический смысл это «не сама загадка, а ее решение» [Рикер 1990: 451]. Например, в реплике блогера *Cette réunion est vraiment la crème d'andouille, il n'y a pas un seul membre qui ait du talent...* «Это собрание – сборище полных идиотов, нет ни одного талантливого участника» разговорно-обиходная идиома *la crème d'andouille* «отборный болван» является смешанной метафорой, сформировавшейся в результате слияния двух хорошо известных фразеологизмов *la crème de la crème* (букв. «сливки сливок»; в знач. «самое лучшее», «элита») и *faire l'andouille/ quelle andouille* (букв. «колбаса андуй»; в знач. «валить дурака» / «быть болваном»). Первый фразеологизм представляет языковую «монограмму» когнитивной ориентационной метафоры «хорошее/ лучшее/ позитивное – ориентировано – наверх», тогда как второй формируется в результате семантико-синтаксической компрессии метафтонимического проецирования «производитель высокого роста – изготовление колбасы андуй» в контексте культурологически обусловленного представления о том, что единственное требуемое качество для *dépendeur d'andouilles* «снимателя колбасы андуй, подвешенной на высоких жердях в процессе производства» – это высокий рост, т.е. особенного интеллекта данное занятие не требовало. Заметим, что данный фрейм интерпретации [Филлмор 1988: 53] проясняет логику метафорических инференций при переосмыслении свободносинтаксического словосочетания *dépendeur d'andouilles* и «траекторию» его фразеологизации в значении «верзила, дылда; дубина стоеросовая»; этот метафтонимический фразеологизм не так популярен сегодня, как его производный *faire l'andouille/quelle andouille*, однако тесная деривационная связь последнего с мотивирующим инвариантом обуславливает фразеологическое значение узуального и частотного сегодня *faire l'andouille/ quelle andouille*.

Таким образом, конвенциональность и частотность метафор *la crème de la crème* (1) и *faire l'andouille/quelle andouille* (2) позволяет без труда прочитать образ производной от них СМ *la crème d'andouille*, а значит понять ее смысл: опорный компонент *crème* фразеологизма (1) выступает в составе рассматриваемой СМ в роли интенсификатора ее опорного компонента *andouille*, заимствованного из фразеологизма (2), что и определяет его профилирование в значении данной смешанной

метафоры «отборный болван/болван из болванов». Несмотря на свою гибридную структуру СМ *la crème d'andouille*, не создает конфликта генерируемых образов и, как следствие, семантической бессмыслицы, поскольку, в силу своей узуальности и популярности, не требует когнитивной активации производящих фреймов-источников: метафорическая атрибуция не столько устанавливается, сколько опознается на языковом уровне в коммуникативном контексте.

Итак, будучи языковым отражением и изображением парадоксального и, на первый взгляд, абсурдного представления явления действительности «искусная» смешанная метафора вряд ли проясняет предмет мысли, но, скорее, чувственно воздействует на его восприятие реципиентом. Понимание такой метафоры – это скорее ощущение смысла, улавливаемого в ее концентрированной образной «оболочке» [Ричардс 1990: 44-67] и постигаемого чувственным мышлением.

Литература

Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153-173.

Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / пер. с английского М.М. Бурас и М.А. Кронгауза // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 416-435.

Рикёр П. Живая метафора / пер. с фр. А.А. Зализняк // Теория метафоры: сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 435-456.

Ричардс А.А. Философия риторики / пер. с английского Р.И. Розиной // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 44-67.

Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52-92.

Négrier P. Le «beau comme» de Lautréamont compris par Patrick Négrier. URL: <https://blog.maldoror.org/2024/01/le-beau-comme-de-lautreamont-compris.html>

G.V. Belikova (Moscow, Russia)

Moscow State Pedagogical University

‘DARING’ NOMINATION OR THE EPISTEMOLOGICAL PHENOMENON OF MIXED METAPHOR (ON THE EXAMPLE OF FRENCH)

The article discusses the phenomenon of mixed metaphor, cognitive mechanisms of its production and linguistic ways of its objectification. On the example of actual French mixed metaphors, the mechanisms of interaction of frame structures that fund the meanings of the considered hybrid metaphors are illustrated. It is shown that an adequate understanding of the mixed metaphor and the holistic meaning of predication is determined, at least, by the parameters of usuality and coherence of the images of the constituent components of the mixed metaphor.

Key words: mixed metaphor, interpretation frame, iconic image, predicative meaning, metaphorical attribution

О.А. Блинова (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений

МИД России (университет)

o.blinova@my.mgimo.ru

МАРКЕРЫ ИДЕНТИТАРНОГО ДИСКУРСА В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНДИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ)

Статья посвящена анализу идентитарного дискурса в контексте англоязычной индийской политической карикатуры — мультимодального медиатекста, включающего в себя вербальный и иконический элементы, взаимодействующие в том числе для дискурсивного конструирования идентичности. Выделяются такие маркеры идентитарного дискурса, как кодовые переключения, культурные символы, образы и интертекстуальные отсылки.

Ключевые слова: идентичность, идентитарный дискурс, Индия, медиадискурс, мультимодальный текст, политическая карикатура

Политическая карикатура — вторичный дискурс, появляющийся в ответ на события, в том числе речевые. Это неотъемлемый элемент современного медиадискурса, обладающий потенциалом формирования общественно-политической коммуникации. Карикатура способствует повышению у аудитории понимания информационной повестки, ее реконцептуализированию и превращения в оружие политической борьбы [Mateus 2016]. Мультимодальные жанры (карикатуры, мемы, обложки) печатных и онлайн СМИ сочетают в себе различные модальности, такие как текст, изображения, звук и т.д., которые совместно создают смысловую целостность. В контексте политических карикатур эти модальности используются для комментирования и критики общественно-политической жизни страны.

С ростом глобализации все большую роль в информационном пространстве играет стремление наций заявить о своей идентичности, четко определяя свое отличие от «других», а идентичность, по замечанию Н.В. Трубниковой, является «необратимым феноменом реальности», используемым как «объект политической пропаганды» [Трубникова 2010: 19]. В этой связи исследования идентитарного дискурса обретают особую актуальность. В фокусе настоящей статьи — маркеры идентитарного дискурса в англоязычных карикатурах, публикуемых в СМИ Индии.

В литературе отмечается сосуществование целого ряда определений понятия «идентичность» и отсутствие единого подхода. Термин «идентичность» может относиться к субъективному ощущению себя индивидом, к маркерам персональной классификации, которые представляются особенно важными конкретному индивиду или обществу, а также к маркерам, разграничивающим группы [Groebner 2004]. Именно из третьего понимания идентичности мы исходим в рамках данного исследования и определяем *идентичность как представление о себе конкретного национально- или регионально-культурного сообщества.*

Идентитарный дискурс (иначе — дискурс идентичности) в СМИ способствует формированию национальной идентичности, объединяя конкретную языковую

общность и маркируя ее как отличную от «других». Именно подобное «конструирование идентичности посредством дискурсивного взаимодействия лежит в основе понятия дискурсивной идентичности» [Чернобровкина 2018: 16-17]. Идентичность «не просто манифестируется, но и конструируется в дискурсе, в ходе разнообразных социальных практик» [Мельникова, Кутковая 2014]. Авторы медиаконтента и их адресаты сигнализируют, что они «принадлежат определенной культуре», причем «наиболее очевидным индикатором становится выбор определенного речевого репертуара. Таким образом, язык свидетельствует о принадлежности индивида к определенной социальной группе, а культурный компонент, который привносят участники общения в процесс интеракции, позволяет распознать жанры дискурса и вместе с ним идентичности участников» [Чернобровкина 2018: 16-17]. Отметим, что в мультимодальных медиажанрах не менее значимым становится не только вербальный, но и иконический элемент.

Рис. 1.

Обращаясь к анализу общественно-политической карикатуры (рис. 1), опубликованной в англоязычном индийском издании Indian Express, отметим необходимость маркировать индийскую идентичность. В настоящее время английский язык в Индии имеет статус государственного наряду с хинди и имеет черты, резко отличающие его от британского варианта. Однако, в приводимом медиатексте «индийскость» выражена не диалектными особенностями как таковыми, а культурными маркерами.

В качестве примера рассмотрим политическую карикатуру Indian Express, изображающую выступление политика перед недовольной публикой, которая требует от него исполнить предвыборные обещания; политик же в ответ обвиняет недовольных граждан в политическом радикализме.

Маркеры идентитарного дискурса, позволяющими однозначно атрибутировать анализируемую карикатуру индийскому медиадискурсу, представлены на вербальном и иконическом уровнях.

На иконическом уровне индийская идентичность маркирована узнаваемым традиционным одеянием изображенного персонажа (выступающего на трибуне политика). На вербальном же уровне наряду с англоязычными репликами (jobs, petrol prices) обнаруживаются кодовые переключения, позволяющие внедрить в текст интертекстуальные отсылки к речам политиков. Так, приводимая в латинской транскрипции усеченная фраза *achhe din [aane waale hain]* (хин. अच्छे दिन आने वाले हैं!), т.е. «грядут хорошие времена» – лозунг Индийской народной партии (БДП, англ. Bharatiya Janata Party), который возмущенная толпа напоминает выступающему политику. Сумма 15 lakhs отсылает к традиционному индийскому именованию степеней десяти (один лакх равен 10^5 , т.е. 100 000) и также обозначает предвыборное обещание премьера Нарендры Моди «зачислить каждому на счет 15 лакхов» (в 2023 г., говоря об огромных суммах, хранимых индийцами в зарубежных банках, Н. Моди заметил, что этих денег хватило бы, чтобы каждому гражданину внести на счет 15 лакхов рупий; фраза была воспринята некоторыми индийцами буквально, а не как фигура речи). Отметим графические маркеры эмфазы в репликах народа, позволяющие передать на письме экспрессивные интонации (двойное подчеркивание и двойные вопросительные знаки).

Речь политика, в отличие от реплик аудитории, маркирована сильнее: графически она выведена на более светлом фоне; синтаксически это единственное полное предложение с глаголом в императиве. Изначально *пахалс* – наксалиты, члены радикальных коммунистических группировок в Индии, в то время как *urban пахалс* – уничтожительный термин, относительно недавно введенный в оборот правящей партией для обозначения оппозиционно настроенных элементов. Таким образом, изображенный политик с трибуны манипулирует общественным мнением, по сути, называя граждан радикалами за то, что они требуют выполнения предвыборных обещаний.

Таким образом, анализ маркеров показывает, что идентитарный дискурс насквозь пронизывает мультимодальные жанры медиадискурса, и адекватное декодирование смысла возможно лишь благодаря опоре на экстралингвистическое фоновые знания. Маркерами идентитарного дискурса в политической карикатуре могут выступать кодовые переключения, аллюзии и интертекстуальные отсылки, а также иконический компонент мультимодального текста.

Литература

- Мельникова О.Т., Кутковая Е.С. Дискурсивный подход к исследованию идентичности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 1. С. 59-71.
- Чернобровкина Е.П. Дискурс и идентичность // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2. Т. 2. С. 14-18.
- Трубникова Н.В. Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»? // Политики культурной идентичности. 2010. № 1 (1). С. 18-22.
- Groebeiner V. Der Schein der Person: Steckbrief, Ausweis und Kontrolle im Europa des Mittelalters. Munich: Beck, 2004.
- Mateus S. Political cartoons as communicative weapons: the hypothesis of the “Double Standard Thesis” in three Portuguese cartoons // Estudos em Comunicação. 2016. № 23. Pp. 195-221.

O.A. Blinova (Moscow, Russia)

MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations)

MARKERS OF IDENTITY DISCOURSE IN MULTIMODAL MEDIA TEXTS (THE CASE OF INDIAN POLITICAL CARTOONS)

The article analyses the identity discourse in English-language political cartoons in Indian media. Cartoons are defined as multimodal media texts, which include verbal and iconic elements that interact and eventually enable the discursive construction of identity. We highlight such markers of identity discourse as code-switching, cultural symbols, and intertextual references.

Key words: identity, identity discourse, India, media discourse, multimodal text, political cartoons

Е.А. Вишнякова (Тула, Россия)

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
vishnyalis@yandex.ru*

ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Языковая экономия рассматривается как способ решения коммуникативно-прагматических и эвристических задач, в ряде случаев наиболее эффективно реализуемый в мультимодальном контексте, на основе сенсорно-перцептивных и лингвокогнитивных процессов, принимающих участие в оптимизации и адекватной интерпретации сообщений.

Ключевые слова: языковая экономия, мультимодальность, адекватная интерпретация, оптимизация сообщений

Проблема языковой экономии, традиционно рассматриваемая в терминах экономии речевых усилий [Мартине 2009: 188-189] и получившая освещение в ряде работ с точки зрения реализации лингвокреативного потенциала языка с позиций антропоцентризма [Вишнякова, Липгарт 2023], находится в русле современных исследований в области взаимодействия языковых и когнитивных процессов, сопряженных с различными областями научного анализа. По мнению Л.П. Якубинского, «язык есть разновидность человеческого поведения. Человеческое поведение есть факт психологический (биологический), как проявление человеческого организма, и факт социологический, как такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия» [Якубинский 1986: 17]. Человек как существо социальное и биологическое в процессе общения и познания мира способен осуществлять различные виды деятельности, основанные на участии в этой деятельности всех функциональных возможностей своих органов и систем, – что обуславливает актуальность рассмотрения лингвокогнитивных процессов в аспекте мультимодального подхода [Ellström 2010; Kress, Van Leeuwen 2001].

В.И. Заботкина указывает на необходимость изучения языковых явлений с точки зрения новой, мультидисциплинарной модели порождения знания, отмечая ее гетерархическую структуру, обладающую динамическим характером [Заботкина

2012: 250]. Данная модель, будучи гетерогенной, опирающейся на различные источники знания (тактильные, визуальные, аудитивные и др.) и объединяющей целый ряд человеческих умений и навыков в широком смысле, может рассматриваться как мультитопосная, или мультимодальная, находящаяся на пересечении различных ментальных пространств [Там же]. Данная модель, порождаемая и получающая дальнейшее развитие в прикладном контексте, в значительной степени социально ориентирована. Таким образом, изучение языка в социально-когнитивной перспективе непосредственно коррелирует с антропоцентрическим подходом к рассмотрению лингвокогнитивных феноменов различного порядка. В этом плане вопрос о природе и статусе явления, известного как «языковая экономия», имеющего действительный биосоциальный характер, заслуживает пристального внимания исследователей.

Одним из классических примеров языковой экономии справедливо считается аббревиация, отвечающая потребностям современной коммуникационной среды – как в лингвокогнитивном, так и эвристическом отношениях. Значимым аспектом изучения данного феномена является рассмотрение аббревиатур различного характера с точки зрения теории интерпретации [Демьянков 1994, 2001; Вишнякова 2018; Болдырев 2019], с учетом таких факторов, как интерпретационная адекватность, согласование концептуальных систем коммуникантов, общность фоновых знаний адресата и адресанта, эвристическая целесообразность. Важной лингвокогнитивной характеристикой аббревиации как явления в целом может считаться ее системность, проявляющаяся в достаточно регулярной типологической специализации моделей существующих сокращений. С приходом и развитием новых коммуникационных технологий аббревиация приобрела устойчивый конвенциональный характер и воспринимается в обществе как естественное, используемое для экономии речевых усилий явление, обусловленное фактором реализации социально-когнитивных способностей человека, среди которых особое место занимают конвенция, координация и совместное действие, связанное с процессами кодирования (или воспроизведения готовых результатов кодирования) и дешифровки сокращенных форм. Как указывают компетентные исследователи, «акт коммуникации представляет собой совместное действие, которое требует определенного координирующего приема, и таким приемом для коммуникации является конвенция, особенно лингвистическая» [Заботкина 2012: 251].

Вместе с тем с точки зрения адекватности интерпретации при расшифровке целого ряда аббревиатур возникают сложности определенного порядка, особенно в тех случаях, когда имеет место явление омонимии (например, такие англоязычные аббревиатуры, как BP, MLE и другие при отсутствии мотивирующего контекстуального окружения характеризуются множественной интерпретацией [Вишнякова 2019]). Подобные ситуации требуют четкого согласования уровней фоновых знаний коммуникантов, обращения к когнитивному контексту, охватывающему специфику концептуально-тематических областей, которые формируются в процессе позна-

ния мира человеком и приобретения им соответствующего опыта [Болдырев 2014]. Н.Н. Болдырев подчеркивает созидательную роль языка в ходе создания новых концептуальных сущностей «на основе вторичного осмысления и интерпретации полученных знаний о мире, их систематизации и обобщения. В этом своем качестве концептуально-тематические области выполняют определенную интерпретирующую функцию в процессах формирования новых смыслов, выступая как области их определения, т.е. как когнитивный контекст» [Болдырев 2014: 119]. Данные положения являются важными и в плане адекватной дешифровки аббревиатур – в первую очередь в области институциональных дискурсов [Vishnyakova 2019].

Процесс выявления принадлежности сокращений к той или другой концептуально-тематической области может быть достаточно сложным, требующим обращения не только к ситуативному речевому контексту, но и к другим, отличным от непосредственно знаковой системы языка семиотическим областям. Данная ситуация наиболее показательна для коммуникативных взаимодействий в обиходно-бытовой сфере, где являются размытыми или практически отсутствуют четкие институциональные границы. В подобных случаях речь идет о тех мультимодальных опорах, которые облегчают и оптимизируют процесс коммуникации [Forceville 2011; Mayer, Moreno 2003]. Значимыми в этом плане как для устной, так и для письменной речи являются визуальные и аудитивные средства, направленные на активизацию внимания адресата путем использования языкового образа самой аббревиатуры, на обращение к ресурсам памяти и возможностям ассоциативной сферы, с одной стороны, а с другой – включающие дополнительные знаковые образования, которые выполняют роль сигналов, индексов, символов, вызывающих определенные ассоциации, обеспечивающие возможность адекватной интерпретации сокращения на основе создания особого мультимодального контекста, который в ряде случаев выполняет функцию замещения громоздкой языковой формы (так, эмодзи служат не только для выражения эмоционально-оценочного отношения, но и направляют инференционный вектор). Данные процессы осуществляются с учетом фактора тесного взаимодействия сенсорно-перцептивных, образно-представленческих и речемыслительных аспектов формирования образа реального мира в сознании человека [Залевская 2000], что определяет взаимопересечение ментальных пространств, в том числе сопряженных с возможностью порождения новых смысловых структур на уровне реализации поликодовых и мультимодальных образований комплексного характера.

Проблема «языковой экономии» в современной ее трактовке, как в теоретическом, так и в прикладном отношении, связана с вопросами оптимизации информационного потока, где имеются в виду не только краткость и удобство языковой формы, но и в первую очередь – валидность, надежность передачи заложенной в данной форме информации, ее коммуникативно-прагматическая значимость, а также целесообразность использования для оптимального решения поставленных эвристических задач. Наибольшая эффективность и успешность передачи и усвоения

информации в оптимизированном виде, с учетом принципа «языковой экономии», в целом ряде случаев может быть достигнута в ходе осуществления мультимодального подхода к процессу коммуникации, который позволяет интегрировать все возможные способы и приемы общения на основе активизации различных каналов порождения информации и ее восприятия в целях оптимальной передачи и адекватной интерпретации сообщений.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43-52.
- Болдырев Н.Н.* Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире. Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118-122.
- Вишнякова Е.А.* Аббревиация как лингвокреативная деятельность // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 2. С. 11-22.
- Вишнякова Е.А.* Аббревиация как способ знакообразования: взаимодействие когнитивного и лингвосемиотического аспектов // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 419-423.
- Вишнякова О.Д.* Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 17-27.
- Вишнякова О.Д., Липгарт А.А.* Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 74-77.
- Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.
- Демьянков В.З.* Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиотнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309-323.
- Заботкина В.И.* Слово и смысл. М.: РГГУ, 2012.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000.
- Мартине А.* Основы общей лингвистики. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Якубинский Л.П.* Язык и его функционирование: Избранные работы. М.: Наука, 1986.
- Ellström L.* The modalities of media: a model for understanding intermedial relations // Ellström L. (Ed.) Media Borders, Multimodality and Intermediality. Palgrave MacMillan, Basingstoke, 2010. Pp. 11-48.
- Forceville C.* Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. Fuel and Energy Abstracts. 2011. № 43. Pp. 3624-3626.
- Kress G., Van Leeuwen T.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold, 2001.
- Mayer R., Moreno R.* Nine ways to reduce cognitive load in multimedia learning // Web-Based Learning: What Do We Know? Where Do We Go? / Eds R. Bruning, C. Horn & L. Pytlík Zillig. Information Age Publishing. Greenwich: CT, 2003. Pp. 23-44.
- Vishnyakova O.D.* Discursive and Heuristic Approaches to LSP // Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication. The Fifth and Sixth International Scientific Seminars Proceedings. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2019. Pp. 20-24.

E.A. Vishnyakova (Tula, Russia)

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

LINGUISTIC ECONOMY IN MULTIMODAL PERSPECTIVE

Linguistic economy is considered as the means of solving communicative-pragmatic and heuristic problems, in some cases implemented most effectively in multimodal context, based on sensory-perceptual and linguocognitive processes that refer to optimization and adequate interpretation of messages.

Key words: linguistic economy, multimodality, adequate interpretation, optimization of messages

Н.В. Воробьева (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
nadko86@mail.ru*

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОРТРЕТНОМ ИНТЕРВЬЮ

Статья посвящена исследованию мультимодальной коммуникации в жанре портретного интервью в англоязычном цифровом медиапространстве. Выявляется роль стилистических средств в оказании рекламного воздействия на аудиторию на вербальном и визуальном уровнях дискурсивного взаимодействия интервьюера и интервьюируемой знаменитости.

Ключевые слова: мультимодальная стилистика, медиадискурс, рекламный дискурс, интервью, селебрити

Портретное интервью как жанровая разновидность журналистского интервью появилось в американском медиа пространстве в начале XX в. Возникновение нового субжанра связывают с формированием в США феномена знаменитостей [Usher 2021].

Англоязычное портретное интервью представляет собой коммуникативное взаимодействие журналиста и интервьюируемой знаменитости, предназначенное для распространения в англоязычных средствах массовой информации, сфокусированное не на профессиональных достижениях селебрити, а на раскрытии личности интервьюируемого, демонстрации системы взглядов и ценностей, которыми он руководствуется, создания его образа/ портрета.

Коммуникация в жанре англоязычного портретного интервью со знаменитостями имеет интердискурсивный характер, поскольку в процессе дискурсивного взаимодействия интервьюера, интервьюируемой знаменитости и читательской аудитории сочетаются элементы различных дискурсов: дискурса селебрити, медиадискурса и рекламного дискурса, который и представляет наш исследовательский интерес. Под рекламным дискурсом в данной работе понимается коммуникация, нацеленная на привлечение внимания аудитории с целью продвижения товаров, услуг или идей.

Рекламное воздействие в жанре англоязычного портретного интервью реализуется с использованием стилистически маркированных средств. Под термином

стилистический в своей работе мы понимаем не соотносительность средств с определенной сферой или функциональным стилем, а их выразительность и оригинальность в акте речи. Стилистическая маркированность соотносится с выделенностью, необычностью, отклонением от нормы как стандарта или конвенционального употребления [Wales 2001: 244] и детерминирована творческим мышлением коммуникантов, т.е. когнитивным фактором.

Стилистически маркированные средства как инструмент оказания рекламного воздействия на читательскую аудиторию используются участниками портретного интервью на вербальном и визуальном уровнях дискурсивного взаимодействия, т.е. мультимодальны. Следуя подходу О.К. Ирисхановой, мы рассматриваем явление мультимодальности/ полимодальности в широком смысле как способность «сочетать в едином акте коммуникации несколько модальностей (т.е. знаковых систем и каналов коммуникации)» [Ирисханова 2022: 19].

Рассмотрим в качестве примера употребления мультимодальных стилистически маркированных средств интервью-портреты с дизайнером Верой Вонг, певицей Гвен Стефани и моделью Меланией Трамп, опубликованные на официальном сайте американского журнала о моде и стиле *Harper's Bazaar*. Анализ коммуникации в интервью осуществляется в русле прагматистического подхода, позволяющего исследовать коммуникативные намерения участников интервью, определяющие выбор стилистических средств на всех уровнях дискурса.

Интервью с американским дизайнером Верой Эллен Вонг сопровождается фотопортретом знаменитости (рис. 1), на который наложен текст *Made of Honor* (дословный перевод: «сделанный из чести»), характеризующий Веру Вонг как человека, имеющего высокие моральные качества. В вербальной части интервью Вера повествует о многолетней преданности миру моды. Данное словосочетание можно рассматривать как стилистически маркированное средство – игру слов. Этот прием основан на использовании лексической единицы *made*, сходной по звучанию слову *maid*, которое является элементом словосочетания *maid of honor*, обозначающего подружку невесты в западных странах, помогающую ей в организации свадебной церемонии. На фотопортрете, как элементе визуальной коммуникации, Вера Вонг позирует в платье в стиле подружки невесты в лимузине, представляющим собой также атрибут свадебного торжества. Использование стилистически маркированного средства на вербальном и визуальном уровне отсылает читателя к профессиональной деятельности самой Веры (она является модельером свадебных платьев) и представляет коммерческую рекламу, побуждая читательниц приобрести платья из ее свадебной коллекции.

Еще одним примером сочетания вербальных и визуальных стилистически маркированных средств, реализующих рекламное воздействие на читательскую аудиторию, выступает интервью-портрет с американской певицей Гвен Рене Стефани. Интервью сопровождается фотопортретом певицы (рис. 2), позирующей в платье дома высокой моды *Alexander McQueen*, что является коммерческой рекламой. На

фэшн-фотографии, сделанной в музее искусств округа Лос-Анджелес, создается впечатление, что Гвен держит над головой гигантский экспонат – 340-тонный валун. Инсталляцию под названием *Levitated Mass* посетители часто именуют *The Rock* (рус. Скала). Визуальная коммуникация сочетается с заголовком интервью с помощью стилистического каламбура, основанного на намеренной актуализации нескольких значений полисемантической единицы *rock*. Заголовок портретного интервью *Gwen Stefani Rocks* можно перевести на русский язык как *Гвен Стефани зажигает*. В вербальной части интервью Гвен сообщает читателям, что смогла пережить трудный и болезненный период в жизни, связанный с изменой супруга и последующим разводом, без перерыва в карьере, что позволяет визуальному компоненту коммуникации актуализировать фразеологизм *solid as a rock*, характеризующий героиню интервью, как женщину, обладающую стойкостью и силой духа. Стилистически маркированные элементы вербальной и визуальной модальностей побуждают читательниц следовать примеру певицы и не впадать в депрессию, сохраняя ментальное здоровье, несмотря на неприятные жизненные обстоятельства, что является своего рода социальной рекламой, которая определяется в лингвистических исследованиях как «вид коммуникации, ориентированный на привлечения внимания к самым актуальным проблемам общества» [Черемисина 2016: 179].

Использование в портретном интервью мультимодальных стилистически маркированных средств могут также способствовать реализации рекламного воздействия политического характера. Рассмотрим в качестве примера интервью-портрет с Меланией Трамп, американской фотомоделью словенского происхождения, дизайнером наручных часов и ювелирных украшений. На момент выхода интервью ее супруг Дональд Трамп считался фаворитом от Республиканской партии США в рамках предвыборной кампании 2016 г. Анализируемое интервью не является политическим и не продвигает политические идеи. Оно нацелено на раскрытие личности интервьюируемой знаменитости. Мелания не участвует в предвыборной кампании своего супруга. В вербальной части интервью она заявляет о нежелании открыто обсуждать свои политические взгляды и мнения: *I'm choosing not to go political in public*. Мелания метафорически сравнивает себя с активным политическим деятелем в своей семье (*I am very political in private life*), имплицитно тот факт, что она умеет находить компромиссы, договариваться с другими членами семьи, разрешать конфликты, как это делают люди, занимающиеся политической деятельностью. Однако на иллюстрации (рис. 3), сопровождающей интервью, Мелания изображена в платье в цветах американского флага рядом с надувным слонем, отсылающим читателя к Республиканской партии, символом которой является данное животное. Поскольку фотография была сделана в гостиной апартаментов семьи Трампа, расположенных в небоскребе Трамп-тауэр, визуальный компонент коммуникации также актуализирует идиоматическое выражение *the elephant in the room*, обозначающее тему, на которую не хотят говорить, несмотря на ее очевидную значимость. Стилистически маркированные элементы позволяют Мелании имплицитно выра-

зять свою политическую позицию, побуждая читательскую аудиторию следовать ее примеру и поддержать кандидатуру ее супруга на предстоящих президентских выборах.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Таким образом, использование стилистических ресурсов различных модальностей (вербальной и визуальной) в процессе дискурсивного взаимодействия интервьюера и интервьюируемой знаменитости в жанре англоязычного портретного интервью способствует достижению прагматической цели – оказать на аудиторию рекламное воздействие коммерческого, социального и политического характера.

Литература

Ирисханова О.К. Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: ЯСК, 2022.

Черемисина Т.И. Лингвистические особенности англоязычной социальной рекламы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 13 (752). С. 178-189.

Brown L. Gwen Stefani Rocks. URL: <https://www.harpersbazaar.com/culture/features/a16416/gwen-stefani-interview/>

Kuczynski A. Melania Trump's American Dream. URL: <https://www.harpersbazaar.com/culture/features/a13529/melania-trump-interview-0216/>

Lipsky-Karasc E. The Vera Wang Interview: Made of Honor. URL: <https://www.harpersbazaar.com/fashion/designers/a694/vera-wang-interview/>

Usher B. Journalism and Celebrity. New York: Routledge, 2021.

Wales K. A dictionary of English Stylistics. 2nd ed. Harrow: Pearson Education Limited, 2001.

N.V. Vorobeva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

MULTIMODAL STYLISTIC MEANS OF IMPLEMENTING ADVERTISING IMPACT IN ENGLISH CELEBRITY INTERVIEW

The article studies digital multimodal communication in English profile celebrity interview genre. The function of multimodal stylistic means (verbal and visual) used by interviewers and interviewed celebrities in implementing advertising impact on target readers is outlined.

Key words: multimodal stylistics, media discourse, advertising discourse, interview, celebrity

К.В. Голубина (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

k.v.golubina@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ И КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТАКТИЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается одна из разновидностей сенсорной метафоры в русском жестовом языке – тактильная метафора. В фокусе внимания находятся особенности и критерии выделения тактильной метафоры с компонентом «Температурные изменения». Обзор литературы подкреплен концептуальным анализом наиболее распространенных тактильных метафор русского жестового языка. Для верификации данных были привлечены носители русского жестового языка.

Ключевые слова: русский жестовый язык, тактильная метафора, семантический принцип, концептуальный анализ, визуально-кинестическая модальность, температурные изменения

В настоящее время одним из наиболее продуктивных подходов в лингвокогнитивных исследованиях языка является теория воплощенного познания. В соответствии с этой теорией познавательная деятельность человека основана на опыте его взаимодействия с окружающим миром [Lakoff, Johnson 1999]. Вербализация чувственного опыта входит в поле изучения лингвосенсорики, исследующей лексикон различных модусов перцепции: слуха, зрения, обоняния, вкуса, осязания [Харченко 2012; Нагорная 2017]. В рамках лингвосенсорики изучаются процессы метафоризации различных видов чувственного восприятия: вкусового [Полякова, Юрина 2020], обонятельного [Брылева 2011], слухового [Жантурина 2010], визуального [Чалей 2018], тактильного [Брагина, Кузьмина 2019]. Однако, в поле зрения указанных лингвистов находятся в первую очередь метафорические процессы звучащих языков – естественных языков аудиальной модальности.

Изучение сенсорной метафоры в русском жестовом языке (далее – РЖЯ) имеет недолгую историю [Кумуржи 2022, Голубина, Кумуржи 2023]. Продолжая исследования сенсорной метафоры в РЖЯ, в настоящей статье автор обращается к теме тактильной метафоры в русском жестовом языке, не получившей до настоящего момента должного освещения. Вместе с тем, было принято во внимание исследование концептуальных метафор событийности (Event Conceptual Metaphors) Рэуш [Roush 2016], постулирующее распространенность концептуальной метафоры в человеческом языке независимо от его модальности.

Соответственно, в ходе исследования автор предпринял попытку ответить на следующие исследовательские вопросы:

- 1) насколько визуально-кинестическая модальность русского жестового языка влияет на процессы метафоризации;
- 2) каковы критерии выделения тактильной метафоры в русском жестовом языке.

Тактильная метафора достаточно подробно исследована на материале русского языка. По мнению Брагиной [Брагина, Кузьмина 2019], под тактильной метафорой понимается признаковая метафора. Она возникла как результат метафорического

переноса свойств объектов, воспринимаемых с помощью органов чувств, на характер и эмоции человека. Как считают авторы, тактильная лексика звучащего языка базируется на ощущении контакта субъекта с объектом. К числу базовых тактильных характеристик можно отнести такие, как «мягкость», «гладкость», «легкость», «тонкость», «прозрачность» и другие.

Нам показалось логичным, вслед за Брагиной и Кузьминой, применить семантический принцип выделения тактильных метафор в русском жестовом языке. Данное предположение было подтверждено опросом информантов – носителей русского жестового языка, в результате которого методом сплошной выборки были отобраны 25 тактильных метафор. В соответствии с семантическим принципом и по аналогии с русским языком было выделено три группы тактильных метафор в русском жестовом языке. Предметом нашего интереса является первая группа – так называемые метафоры температур, которые используются преимущественно для интерпретации явлений, входящих в концептуальную сферу «Чувства и эмоции» (горячее сердце, жгучий стыд, сердечное тепло и другие) или выражается преобладание рационального начала над чувственным (холодный расчет, холодный рассудок и др.).

При анализе учитывался ряд факторов, характерных для исследования жестовых языков, а именно:

- 1) визуально-кинестическая модальность, иконичность, нелинейность и использование пространства;
- 2) ограниченное число исследований метафор, включая сенсорные, в жестовых языках, включая русский жестовый язык, и сложность выделения сенсорных метафор в жестовых языках.

В ходе анализа были уточнены критерии выделения тактильных метафор в РЖЯ и их классификации. Помимо ведущего сематического критерия, при выделении тактильных метафор играют роль характер области источника на область цели и особенности метафорической проекции, затрагивающие различные компоненты жеста. Для иллюстрации этих особенностей далее приводятся примеры двух температурных метафор РЖЯ. При анализе примеров в целях визуализации указывается естественный порядок жестов, особенности исполнения и концептуальные области источника и цели, задействованные в метафорическом расширении.

Пример 1

СЕРДЦЕ + ХОЛОДНЫЙ (ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ – рус.)

Жест «СЕРДЦЕ» исполняется двукратным прикосновением согнутого среднего пальца рабочей руки в области сердца. Жест «ХОЛОДНЫЙ» исполняется двумя руками в конфигурации А круговым движением в жестовом пространстве. Наблюдается метафорическая проекция с сенсорной области источника (ТЕМПЕРАТУРА) на область цели – описание характера человека (бесчувственность). При этом наблюдается частичная потеря иконичности жеста ХОЛОДНЫЙ, который в прямом значении имитирует дрожание от холода.

Пример 2

ВСТРЕЧА+ТЕПЛЫЙ (ТЕПЛАЯ ВСТРЕЧА – рус.)

Жест ВСТРЕЧА выполняется двумя руками в конфигурации 1 встречным движением кистей рук в жестовом пространстве. Жест ТЕПЛЫЙ выполняется одной рукой в конфигурации 5 с согнутыми пальцами рабочей руки движением от нейтрального пространства в область подбородка, двукратным касанием. Наблюдается метафорическая проекция с сенсорной области источника (ТЕМПЕРАТУРА) на область цели – эмоциональная оценка события.

На основе проведенного анализа тактильных метафор русского жестового языка было предварительно установлено, что:

1) процессы метафоризации в русском жестовом языке, с одной стороны, схожи с метафорическими проекциями, наблюдаемыми в звучащих языках, что указывает на универсальность концептуальной метафоры для естественных языков разной модальности. С другой стороны, на метафорические процессы в РЖЯ влияет визуально-кинестическая модальность русского жестового языка, например, широко представленная иконичность и синкретичность жестов.

2) Ведущим критерием выделения тактильной метафоры в рамках данного исследования остается семантика жеста.

3) Особенности тактильной метафоры в русском жестовом языке включают в себя наличие модификаций компонентов жеста при метафорической проекции области источника (температурные изменения) на область цели (характер человека, эмоциональная оценка).

Литература

Брагина Н.Г., Кузьмина А.Н. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке // Русская речь. № 5. 2019.

Брылева Р.Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестетических переносов // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1307-1310.

Голубина К.В., Кумуржи Э.В. Иконичность и метафоризация в естественных языках визуально-пространственной модальности: проблемы и перспективы для русского жестового языка // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 605-609.

Жантурина Б.Н. Перцептивные метафоры звука // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17 (198). Филология и искусствоведение. Вып. 44. С. 12-16.

Кумуржи Э.В. Звуковые метафоры в русском жестовом языке // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции, Москва, 16–17 декабря 2021 года / отв. ред. К.В. Голубина. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 119-126.

Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. М.: ИНИОН РАН, 2017.

Онлайн видеословарь русского жестового языка Spreadthesign. URL: <https://spreadthesign.ru>

Полякова А.А., Юрина Е.А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208). С. 76-84.

Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012.

Чалей О.В. Метафорические модели зрения - вкус // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам межвузовской студенческой научно-практической конференции, Москва, 5–6 февраля 2018 г. М.: б. и., 2018. С. 24-28.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy In The Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. С. 7-21.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980 (2008).

Meir I., Cohen A. Metaphor in Sign Languages // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 1025.

Roush D. The expression of the location event-structure metaphor in American sign language // Sign Language Studies. 2016. Vol. 16. No. 3. Pp 389-432.

Taub S. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.

Wilcox P. Metaphor in American Sign Language. Gallaudet: Gallaudet University Press, 2000.

Zeshan U., Palfreyman. N. Sensory perception metaphors in sign languages // Perception Metaphors / ed. by L.J. Speed, C. O'Meara, L.S. Roque, A. Majid. 2019. Pp. 275-302.

K.V. Golubina (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

TACTILE METAPHOR IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE: ITS SPECIFIC FEATURES AND IDENTIFICATION CRITERIA

The article looks at tactile metaphor, one of the varieties of sensory metaphor in Russian Sign Language. The focus is on the specific features of tactile metaphors of Russian Sign Language with the semantic component "temperature changes" and their identification criteria. A brief literature review is supported by a conceptual analysis of the most common tactile metaphors of Russian Sign Language To verify the data, native signers were surveyed.

Key words: Russian Sign Language, tactile metaphor, semantic principle, conceptual analysis, visual-kinetic modality, temperature changes

Е.В. Голубкова (Москва, Россия)

МГИМО (Университет) МИД России

elenavg07@gmail.com

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ

Целью статьи является описание процесса когнитивного моделирования как метода обучения английскому языку. Такой подход помогает учащимся концентрировать свое внимание на содержании текстов и его анализе, структурировать свое восприятие изучаемого явления.

Ключевые слова: концепт, когнитивное моделирование, дискурс, фрейм, гештальт, методы обучения

В статье поднимаются вопросы, возникающие в рамках рубрики, которую можно обозначить как «Изменения в методах преподавания английского языка в связи со сменой лингвистической парадигмы», произошедшей за последние несколько десятилетий. Если раньше объектом изучения языкознания бесспорно являлся язык,

то в настоящее время им признается *дискурс* как еще более сложное явление, носящее смешанный объективно-субъективный характер. С одной стороны, мы имеем дело с реальными языковыми фактами, соотносимыми с реальной жизнью, с другой, рассматриваем их как производные от когнитивных структур, т.е. структур человеческого сознания, мышления, познания. «К числу важнейших когнитивных структур, детерминирующих языковую форму, относятся структуры представления знаний, естественная категоризация, долговременная память, внимание, активация» [Кибрик 1994: 126]. Со сменой лингвистической парадигмы пришли и изменения в методах преподавания языка. В данной статье мы затронем только маленький сегмент таких изменений прикладного характера.

Целью статьи является показать, в чем может заключаться новый подход в работе над текстом на завершающих этапах обучения в рамках программ бакалавриата и магистратуры языкового или международного вуза. Материалом для дискурсивного анализа послужили публикации в английских медиа ресурсах, посвященных королеве Елизавете II в связи с ее кончиной. Для нас они имеют ярко выраженный страноведческий характер, так как в них представлен концепт «Королева Великобритании», воплощенный в образе одной из самых значимых фигур данной страны, “The Queen”, как ее называли англичане. Была поставлена цель выявить, из каких смысловых компонентов, найденных в указанном дискурсе, складывается этот концепт, что представляет собой то общее, которое является самым важным для ее подданных независимо от их социального положения. Поэтому мы взяли статьи, имеющие разную целевую аудиторию: Factinate.com электронный ресурс с максимально широкой аудиторией [Factinate]; журнал The Economist, который придерживается позиций классического либерализма и чьи статьи обращены к образованным, интеллектуальным читателям по всему миру, включая представителей правящего класса [The Economist 1, 2]; газета The Guardian [The Guardian], считающаяся леволиберальной, чьи статьи обращены к более демократической аудитории.

Методом исследования является когнитивное моделирование при помощи таких инструментов, как концепт и фрейм; оно же является и методом преподавания.

Основным результатом исследования является построение модели когнитивной единицы, которая предстает в виде иерархии концептов и фреймов (субконцептов и субфреймов). Существует множество определений концепта и фрейма, их широкий обзор приводится, например. О.А. Жариной [Жарина 2017: 43-46]. В данной статье концепты и фреймы не противопоставляются как гиперонимы или гипонимы друг друга, а рассматриваются как разновидности «когнитивных единиц», являющихся их общим родовым термином. Будучи когнитивными единицами, они имеют ментальную природу, но репрезентируют разные по архитектонике сущности. Структура концепта имеет вид полевой модели с ядром внутри и периферией, в то время как фрейм выстроен иерархически вглубь, с узлами признаков на разных уровнях [Соколова 2007: 237].

Ядром концепта является понятие со всеми сопутствующими ему коннотациями, а ядром фрейма является типичная ситуация, которая может быть статична,

но также может иметь свою динамику. Исследователь может свободно выбирать, какой вид когнитивной единицы взять за основу моделирования, а какую сделать вспомогательным средством.

Важной операцией при моделировании концепта на основе журналистского дискурса является выявление общих для всех исследуемых статей содержания, наиболее ярких и емких языковых средств, способствующих концептуализации смысла. Выведенный нами (преподавателем и студентами) из статей концепт состоял из ряда субконцептов, которые эксплицировались фреймами и более мелкими составляющими концепта – слотами.

Субконцепт 1: ВЛАСТЬ И ЕЕ ИСТОЧНИК. Который формируется фреймами: *...she was third in line for the throne—and unlikely to ever come close to it. Well, **fate** had something different in mind [Factinate]; her election came not just from good Hanoverian blood, but from **God** [The Economist 1].*

Субконцепт 2: КОРОЛЕВА – ПОЛИТИЧЕСКИ НЕЙТРАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ МОНАРХ. – ядро: *As best befits a constitutional monarchy, Elizabeth II appeared largely to be **a passive queen**, proving to be a more than **competent mouthpiece** for her governments in delivering the often stilted words of politicians [The Guardian].*

Субконцепт 3: (а) НЕПРЕКЛОННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЕЮ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ МОНАРХА, ГЛАВНАЯ ИЗ КОТОРЫХ – УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНСТВА НАЦИИ И ИМПЕРИИ/СОДРУЖЕСТВА. (Б) КАЧЕСТВА, КОТОРЫЕ ОНА ДЛЯ ЭТОГО ПРОЯВЛЯЛА. (а) *Elizabeth will be remembered as **a force for national cohesion**'. [Her death] 'deprives Britain of **a thread that wove the nation together** and linked it to the past [The Economist 2]. (б) *Elizabeth's values—of **stoicism and duty**, of **keeping calm and carrying on**, and above all of **shutting up** – were those of another era [The Economist 2]. she buttoned her lip and stepped on planes and trains and boats. She criss-crossed the country and the Commonwealth, listening, waving, weaving her lands [The Economist 2]. Instead of deploying any actual power, her role was increasingly to hearten her people [The Economist 1].**

Субконцепт 4: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОРОЛЕВОЙ И ЕЕ ПОДДАННЫМИ: А) ГРОМАДНОЕ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ КОРОЛЕВОЙ И ПОДДАННЫМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА КОРОЛЕВЫ ПОДДАННЫМИ ДЛЯ САМЫХ ТРИВИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ; Б) РЕЗКИЙ ПЕРЕХОД ОТ СОЧУВСТВИЯ К КОРОЛЕВЕ К ЯРОСТИ. Раскрывается в фреймах: *The relationship between commoner and queen is **one of great distance and odd intimacies**. You **bow** before your monarch, and yet you **hold their head in your hand**, and use it to **pay for potatoes** [The Economist 2]. When part of Windsor Castle then burned down and a disconsolate Queen stood watching in a drab raincoat, a rare tear glistening, there was an **outpouring of sympathy**. It was swiftly surpassed by **outrage** when the government suggested taxpayers pick up the repair bill [The Guardian].*

Субконцепт 5: СУЩЕСТВОВАНИЕ СЛОЖНЫХ, ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ И ОБСУЖДЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ИНТИМНЫХ ПРОБЛЕМ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. Описывается фреймами: *So long*

as royal lives were irreproachable, some argument for privacy could be made. Once this ceased to be the case, the rules changed. *Unwelcome publicity was something she would have to endure* [The Guardian]. *her family were the cause of some of the more turbulent times of her reign* [The Guardian].

Субконцепт 6. „THE QUEEN“ – ПРОСТО ЧЕЛОВЕК, ОБЛАДАВШИЙ ЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ, КОТОРЫЕ СДЕЛАЛИ ЕЕ КОРОЛЕВОЙ, И КАЧЕСТВАМИ, КОТОРЫЕ ПРОЯВЛЯЛИСЬ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ. Эти качества представлены сложным взаимодействием фреймов и концептуальных слотов. *Even as a child she had a dutiful look, the responsible elder daughter tending her garden or keeping her fun-loving sister in check. In the war, as a very young woman, she served in the women's ATS and drove trucks* [The Economist 1]. *She was a different queen at her Scottish estate, with friends describing her "rushing around in tatty clothes, laughing, joking, joining in, singing dirty songs* [The Guardian].

Продемонстрированный подход к освоению содержания целого ряда статей на одну и ту же тему позволяет студентам не просто пересказать или обсудить заданные тексты, а выстроить целостный концепт, состоящий из субконцептов, т.е., концептов более мелкого объема, раскрывающихся в фреймах (типичных ситуациях) и концептуальных слотах (признаках).

Помимо двух основных, при когнитивном анализе можно задействовать и еще одну ментальную единицу – гештальт, который, являясь схемой организации разнообразного опыта человека (мыслей, чувств, любой деятельности), представляет собой нечто единое и целостное, обладающее различными признаками, но не распадающееся в восприятии на отдельные детали. Гештальт предстает как целостный образ чего-то [Чжицян 2022: 33]. Гештальт полезен и на начальном этапе моделирования, и при формулировании выводов. На основе заголовков статей мы создаем Гештальт 1: «Елизавета II (заметим, используется имя человека, а не статус) + вечное правление + эпоха + безупречность + единство нации)». Делая выводы из проведенного анализа, мы создаем Гештальт 2: «Елизавета II – это монарх, объединяющий английскую нацию и Содружество наций, мать и бабушка детей и внуков, создававших для нее много больших проблем, которые она решала, хотя и не без потерь. Она – монарх, чье правление было самым долгим в истории, безупречно исполнивший свой долг. Несмотря на пропасть, отделявшую ее от обычных подданных, она умела налаживать отношения с ними, и как результат всего этого она представляет собой целую эпоху в истории Англии».

Проведение такого анализа на актуальном материале силами студентов и является новым элементом в методике преподавания языка. Данная методика развивает критическое мышление студентов и помогает им выработать профессионально значимые качества, прежде всего, компетенцию «способность понимать, извлекать и профессионально анализировать фактическую информацию на иностранном языке из различных источников». И, что важно для международного, помогает получить структурированные знания страноведческого характера. При этом студенты усваи-

вают ключевую для соответствующего содержания лексику. Но этот аспект требует особого внимания в отдельной статье.

Литература

Жарина О.А. «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике // Балтийский гуманитарный журнал. Филологические науки. Т. 6. № 3 (20.) 2017. С. 43-46.

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.

Соколова О.В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2007. № 1 (36). С. 236-239.

Чжэцзян Ван, Дашининаева П.П. Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 20. № 2. 2022. С. 29-40.

Factinate – Long-Lived Facts About Elizabeth II, The Eternal Queen // Factinate.com. URL: <https://www.factinate.com/people/42-royal-facts-queen-elizabeth-ii/>

The Economist 1 – Elizabeth II never laid down the heavy weight of the crown / The Economist. URL: <https://www.economist.com/obituary/2022/09/08/elizabeth-ii-never-laid-down-the-heavy-weight-of-the-crown/>

The Economist 2 –The death of Elizabeth II marks the end of an era // The Economist. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/09/08/the-death-of-elizabeth-ii-marks-the-end-of-an-era>

The Guardian – Elizabeth II: a constant queen whose failings were rare // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/sep/08/queen-elizabeth-ii-a-constant-queen-whose-failings-were-rare/>

E.V. Golubkova (Moscow, Russia)

MGIMO (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia

COGNITIVE MODELLING AS A TEACHING METHOD

The article aims to highlight the process of cognitive modeling as a method of teaching English. This approach helps students focus their attention on the content of texts and its analysis, to structure their perception of the phenomenon under study.

Key words: concept, concept modeling, discourse, frame, gestalt, teaching methods

И.А. Гречкин (Пятигорск, Россия)

*Пятигорский государственный университет
grechkin.i30@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ МЕДИКОВ)

В статье анализируется дискурсивная специфика и когнитивные особенности формирования и восприятия интернет-мемов, сочетающих вербальные и визуальные элементы для создания комического эффекта, отражающих профессиональные реалии и культурные нормы. Поликодовые тексты обогащают коммуникацию в медицинском сообществе и способствуют пониманию коллективного опыта в условиях цифровизации.

Ключевые слова: интернет-мем, когнитивные особенности, медицинский дискурс, полидискурсивность, лингвокультура

Интернет-мемы являются распространенным феноменом современной цифровой коммуникации. Они выступают средством выражения общественного мнения, активно используются представителями различных профессиональных сообществ, отражают социокультурные тренды. В настоящее время внимание ученых-лингвистов привлекают структурные и семиотические особенности мемов, их аксиологическая составляющая, лингвопрагматический потенциал.

Целью данной работы является изучение дискурсивной специфики и когнитивных особенностей формирования и восприятия юмористической составляющей поликодовых мемов в сфере медицины. Материалом исследования послужили мемы из открытых источников сети Интернет и социальных сетей, объединенные общей медицинской тематикой.

Согласно Р. Докинзу, мем выступает мультимодальной единицей культурной информации. Когнитивистское определение мема, предложенное Д. Деннеттом, трактует мем как сложную идею, которая принимает конкретные и запоминающиеся формы. Мем распространяется через средства, представляющие собой физические проявления данной идеи [Броуди 2007: 32].

С.В. Канашина отмечает не только поликодовую, но и полидискурсивную природу мема. По ее мнению, о полидискурсивности свидетельствует сама полимодальная структура данных единиц и их жанровое своеобразие [Канашина 2018: 316]. О.Ю. Никифоров объясняет полидискурсивность мема особенностями базового пространства его функционирования – виртуального дискурса, который ассимилирует все виртуальные коммуникативные практики в сети Интернет [Никифоров 2012].

В ходе построения и интерпретации мемов запускаются когнитивные процессы «ухватывания» и установления смысла. Комический эффект мемов основывается на сочетании несочетаемых дискурсов, эффекте обманутого ожидания, алогизме, абсурде.

В основе когнитивного механизма порождения юмора в интернет-мемах, помимо упомянутых приемов, следует отметить интертекстуальность, наличие аллюзии и прецедентных феноменов. Прецедентность мемов и их культурная коннотация требуют от адресата применения экстралингвистических знаний в процессе декодирования данных единиц [Ширяева, Авакова 2019: 139]. Таким образом в мемах реализуются юмористические паттерны той или иной социокультурной или профессиональной группы, а участникам коммуникации необходимо актуализировать релевантные для понимания юмора мемического сигнала скрипты, установить интертекстуальные связи с предыдущими (кон)текстами [Tsakona 2020: 42].

Мемы, функционирующие в различных профессиональных дискурсах, отражают не только коммуникативные особенности определенного типа дискурса, но и социальные проблемы, распространенные в той или иной лингвокультурной общности. В данной работе обратимся к медицинским мемам.

В рамках медицинского дискурса используются знаки, характерные для соответствующей ситуации общения [Карасик 2024: 198]. Формирование семантического пространства этого дискурса обусловлено особенностями организационной структуры медицины и фиксированными стереотипами поведения участников коммуникации. Анализ коммуникативных единиц медицинского дискурса является оправданным, поскольку здоровье представляет собой высшую ценность человеческого существования.

Комичность интернет-мемов медицинской тематики часто достигается из-за несоответствия между должным и данным. Юмористической критике подвергается функционирование системы здравоохранения в целом.

Рассмотрим интернет-мем на рисунке 1. Данный мем основан на принципе дихотомии и является примером полной креолизации: оба изображения идентичны, отличаются только текстовые комментарии, которые несут основную коммуникативную нагрузку данного мема. Визуальный элемент указывает тематически на участников дискурса. Интернет-мем дает отсылку к качеству оказания услуг в платном и бесплатном секторе медицины. В верхней части рисунка дается отсылка к особенностям платной медицины: при обращении у пациента всегда найдется проблема со здоровьем. В то время, как нижняя картинка с соответствующей надписью дает понять, что, прибегая к бесплатным услугам, даже в тяжелом случае квалифицированная помощь пациенту оказана не будет.

Рис. 1.

Рис. 2.

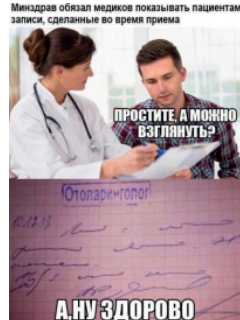

Рис. 3.

В медицинских мемах отражается комическое осмысление новых модусов и технологических явлений современного общества. Рассмотрим интернет-мем на рисунке 2. Данная иллюстрация показывает, насколько сильно влияет Интернет на человека, его интерес к состоянию собственного здоровья. Результаты поиска самых безобидных заболеваний могут ввести в заблуждение. Информация, которую предлагают поисковые системы, может быть не только бесполезной, но и опасной, а именно способствовать развитию киберхондрии - повышенного уровня тревожности, возникшего из-за результатов поиска информации о болезни в Интернете.

В меме, представленном на рисунке 3, актуализируется аллюзивный опыт, соотносящийся с прецедентными культурно-специфическими ситуациями. Комический эффект достигается при помощи текстовой составляющей, представляющей собой реплики с обеих сторон в форме диалога врача и пациента. Кроме этого, изображение дает отсылку к известному культурно-специфическому явлению – неразборчивому почерку врачей, который часто становится поводом для шуток.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рассмотрим интернет-мем на рисунке 4. Данный мем также иллюстрирует диалог между основными участниками медицинского дискурса, врачом и пациентом. Изображение в данном случае само по себе комичного эффекта не несет. Оно указывает на тематическую соотнесенность мема и демонстрирует основных действующих лиц диалога. Юмористический эффект достигается исключительно при наличии текстовой составляющей, в основе которой лежит игра слов.

Интернет-мем на рисунке 5 выстроен в форме диалога между равноправными субъектами коммуникации и демонстрирует неправильное трактование способа применения лекарства. Комический эффект достигается путем языковой игры, а именно обыгрыванием омонимов: существительного в родительном падеже «пици» и глагола в повелительном наклонении «пищи». Языковая игра в данном случае является сознательной и считываемой, узнаваемой носителем языка.

Таким образом когнитивно-дискурсивный анализ поликодовых текстов в контексте интернет-мемов профессиональных сообществ медиков демонстрирует, как сложные культурные и профессиональные коды могут быть эффективно объединены для создания сообщений, носящих не только информационный, но и комический характер, а также подчеркивает важность дальнейших исследований в этой области.

Литература

- Броди Р. Психические вирусы. Как программируют Ваше сознание. М.: Поколение, 2007.
 Канашина С.В. Когнитивные основания полидискурсивности в интернет-мемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 313-317.
 Карасик В.И. Языковые камертоны смысла: монография. М: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024.

Нукифоров О.Ю. Виртуальный дискурс: интеграция и дифференциация // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 11. URL: <http://www.human.snauka.ru/2012/11/1930>

Ширяева Т.А., Авакова М.Л. Лексические особенности антиязыка в англоязычном альтернативном речевом поведении (на материале интернет-мемов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 137-143.

Tsakona V. Scrutinising intertextuality in humour: Moving beyond cultural literacy and towards critical literacy // The European Journal of Humour Research. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 40-59.

I.A. Grechkin (Pyatigorsk, Russia)

Pyatigorsk State University

COGNITIVE-DISCURSIVE SPECIFICITY OF POLYCODE TEXTS (BASED ON INTERNET MEMES OF PROFESSIONAL MEDICAL COMMUNITIES)

The article analyses the discursive specificity and cognitive features of the formation and perception of Internet memes that combine verbal and visual elements to create a comic effect, reflecting professional realities and cultural norms. Polycode texts enrich communication in the medical community and contribute to the understanding of collective experience in digitalization.

Key words: Internet meme, cognitive features, medical discourse, polydiscursiveness, linguistic culture

Л.И. Гришаева (Воронеж, Россия)

*Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru*

СОЦИОКОГНИТИВНЫЙ ОПЫТ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ «ИНВАРИАНТ ⇔ ВАРИАНТ»

Анализ социокогнитивного опыта креативного использования языка как средства решения некоторой традиционной в медиасреде коммуникативной задачи позволяет убедиться в значимости знания, разделяемого всеми носителями языка и культуры, присутствующего в ядерной части ментальной структуры коллективной идентичности каждого единичного субъекта, в т.ч. и знания о текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организации текста того или иного типа, т.е. текстограмматического и текстотипологического знания. Поэтому умение кодировать и декодировать, т.е. интерпретировать сведения о воспринимаемой действительности, структурировать информационный поток и декодировать транслируемые сведения, правомерно трактовать как значимую часть коммуникативных умений, гарантирующих субъекту коммуникации продуктивность и эффективность взаимодействия в различных типах интеракций.

Ключевые слова: тип текста как инвариант; коммуникативные, номинативные, когнитивные стратегии; конвенциональное и креативное при решении коммуникативной и когнитивной задачи; соотношение личностной и коллективной идентичности единичного субъекта

Вариантно-инвариантная природа языка как средства познания и коммуникации имеет множество преимуществ, одно из которых – возможность сочетать нередко несочетаемое при трансляции сведений о реальной, фикциональной и виртуальной действительности средствами одних и тех же культурных кодов – языка и

невербальных кодов, порождая в т.ч. и креативные решения традиционных в языковой культуре коммуникативных и когнитивных задач.

Так, стремление заручиться оптимальным числом абонентов журнала, обеспечивающим последнему более или менее надежное благополучие на медийном рынке, побуждает продуцентов рекламного текста находить весьма нестандартные решения традиционной для медиапространства коммуникативной задачи. Результат соответствующего текстопорождения должен быть по определению привлекательными для потенциального реципиента текста как в интеллектуальном смысле, так и в эмоциональном отношении, не переступая однако грань пошлости и/или банальности, шаблонности и/или претенциозности (см. ниже пример).

Анализируемый вариант реализации социокультурно специфического инварианта коммуникативной и когнитивной задачи «абонирование журнала» характеризуется высокой степенью креативности выбора продуцентом текста средств и способов реализации коммуникативной стратегии, в процессе чего был порожден текст определенного типа. Креативность решения названной выше коммуникативной и когнитивной задачи не может не быть очевидной реципиенту как носителю языка и культуры. Причина заключается в том, что он, будучи в силу своей социализации в конкретное культурное пространство носителем не только личностной, но и коллективной идентичности, владеет сложно структурированной совокупностью гетерогенного, гетерохронного, гетеросубстратного знания [Кубрякова 1988], т.е. картиной мира или тезаурусом, а также, согласно устоявшимся в лингвистической среде консенсусу, языковыми и интеракциональными знаниями. Этот комплекс сведений о мире, расчленяемый исследователями на перечисленные выше три сегмента, У. Фикс считает целесообразным дополнить сложно структурированным знанием об организации текстов разного типа (Textsortenwissen) [Fix 2008: 115], закономерно погружая это знание в соответствующее культурное пространство.

Поэтому реципиент, располагая знанием о том, какое содержание и каким образом (какими средствами и каким способом) должно быть объективировано в процессе решения соответствующей коммуникативной и когнитивной задачи, а также каким сугубо формально должен быть порождаемый текст, в состоянии определить степень соответствия инварианту (представлениям о способах текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной организации с помощью средств культурных кодов текстовой ткани) конкретного варианта реализации известного ему типа текста. По актуальной текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организации текстовой ткани, а также по формальному структурированию сведений в соответствующем текстовом пространстве, сообщаемых потенциальному реципиенту (расположение в синтаксических (коммуникативных единицах=текстах), в т.ч. размер и характер шрифта), реципиент осознает, насколько креативным является порожденный текст (см. ниже пример).

Jetzt schnell noch zum alten Preis von 25,50 Euro abonnieren, statt 33,60 Euro am Kiosk zu bezahlen. Das Angebot gilt bis 31.07.2009.

Eulenspiegel

Das Satiremagazin

wird dem Ernst des Lebens in keiner Weise gerecht,
unterstützt Politiker und andere geeignete Personen in ihrem Bemühen,
sich lächerlich zu machen,
verzerrt die Wirklichkeit bis zur Kenntlichkeit.

Weitere Bestellmöglichkeiten:

Tel.: xxxxx | Fax: xxxxx | www.eulenspiegel-zeitschrift.de

Интересно обратить внимание на порядок объективации сведений, значимых для осуществления названной интеракции: финансовые преимущества абонирования издания (*zum alten Preis von 25,50 Euro abonnieren*) по сравнению с иными возможностями приобрести журнал (*statt 33,60 Euro am Kiosk zu bezahlen*) – период, когда действуют благоприятные для реципиентов условия (*Das Angebot gilt bis 31.07.2009.*) – название журнала (*Eulenspiegel*) – характер журнала (*Das Satiremagazin*) – предмет обсуждения в журнале (*Politiker*) – способ подачи сведений в журнале (*wird dem Ernst des Lebens in keiner Weise gerecht – verzerrt die Wirklichkeit bis zur Kenntlichkeit – unterstützt Politiker und andere geeignete Personen in ihrem Bemühen, sich lächerlich zu machen*) – разнообразные возможности заказать журнал (*Weitere Bestellmöglichkeiten*).

Целесообразно подчеркнуть, что непривычным и весьма оригинальным в анализируемом тексте являются также способы реализации номинативных и когнитивных стратегий. Так, потенциальный реципиент материалов, публикуемых в журнале, получает весьма дифференцированный профиль о соответствующем субъекте. Это образованный человек (имеет точное знание о культурном герое/прецедентном феномене «Ойленшпигель»), который ценит юмор (Ойленшпигель известен всем в немецкой культуре как шутник, балагур, остролов, хулиган и защитник обижаемых), знает толк в иронии и сарказме (*unterstützt Politiker und andere geeignete Personen in ihrem Bemühen, sich lächerlich zu machen – поддерживает политиков и других подходящих лиц в их стремлении показать себя смешным*), умеет разглядеть суть за проявлением (*verzerrt die Wirklichkeit bis zur Kenntlichkeit – искажает действительность вплоть до ее узнавания*), не идеализирует политиков и стремится разобраться в их деятельности и в действительности, не драматизируя ее излишне (*wird dem Ernst des Lebens in keiner Weise gerecht – ни в малейшей мере не соответствует серьезности жизни*). Вместе с тем это человек, знающий истинную цену вещам и не бросающий свои деньги на ветер (*zum alten Preis von 25,50 Euro abonnieren, statt 33,60 Euro am Kiosk zu bezahlen – купить абонемент за 25,50 евро, чтобы не платить в киоске 33,60 евро*). Кроме того, это человек, предпочитающий самостоятельно принимать ре-

шения, взвешивая все обстоятельства, ценящий саму возможность выбора (*Weitere Bestellmöglichkeiten – иначе приобрести журнал можно <...>*).

Таким образом, очевидно, что сведения о различных объектах (в широком смысле) категоризируются и концептуализируются непривычным для носителей языка образом – по признакам, которые либо весьма редко, либо только в определенных ситуациях становятся салиентными. Выражаясь иначе, это стратегии **косвенной** идентификации, причем это **аксиологическая** идентификация субъектов. При этом текст погружает сведения о воспринимаемых объектах в **ценностный** когнитивный фон и апеллирует к положительным в конкретной культуре ценностям ориентациям **от противного**, оставляя реципиенту простор для собственного умозаключения и собственной оценки. Это ясно из стилистических особенностей текста, т.е. из выбора продуцентом текста средств и способов объективации воспринимаемых и подлежащих объективации сведений из комплекса изофункциональных средств овнешнения – вербальных и невербальных, специализирующихся на реализации определенной коммуникативной стратегии.

Характерно, что при всей оригинальности макро- и микротекстовой организации анализируемый текст не вступает ни в малейшее противоречие с представлениями носителей культуры, описываемыми как коллективная идентичность. Последнюю Я. Ассманн, например, определяет как представление, складывающееся у членов некоторой группы относительно самой себя и с которым все члены этой группы идентифицируют себя [Assmann 2000: 132]. Общее знание и коллективная память, возникающая через пользование общей семиотической системой членами соответствующей группы становятся основой для формирования коллективной идентичности [Assmann 2000: 139]. Содержание анализируемого текста вполне соответствует, согласно демоскопическому исследованию [Noelle-Neumann, Köcher 2002: 84], содержанию позитивных и негативных, т.е. аксиологических, немецких автостереотипов (табл. 1).

Таблица 1. Немецкие аксиологические автостереотипы

Негативные качества немцев (выборочно)	Лучшие качества немцев (выборочно)
Всего называются 26 качеств	Всего называются 24 качества
Три первых: Нечестность – 74% Беспардонность – 59% Заносчивость – 57%	Три первых: Прилежание – 76% Аккуратность, любовь к порядку – 74% Пунктуальность – 62%
Три последних: Льстивость – 16% Медлительность – 15% Тщеславие – 13%	Три последних: Скромность – 14% Добродушие – 14% Набожность – 9%

Таким образом, очевидно, что текстограмматическое и текстотипологическое знание как знание о текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной

организации текстов того или иного типа, вне всякого сомнения, входит в ядерную часть ментальной структуры коллективной, а также личностной идентичности каждого субъекта как носителя языка и культуры. Каждый тип текста складывается в языковой культуре как способ решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи с помощью разнообразных языковых средств. Поэтому текстограмматическое знание имеет, бесспорно, **социокогнитивную** природу. Это знание подпадает под закономерное **варьирование** по разным основаниям, причем вариантов инварианта в языковой культуре столько, сколько раз носители языка и культуры решают соответствующую задачу.

Поэтому умение интерпретировать сведения о воспринимаемой действительности, как это принято в культуре, также подвержено варьированию; оно однако осуществляется в известных в культуре пределах. Умение кодировать и декодировать сведения о мире, т.е. В конечном итоге структурировать информационный поток и декодировать транслируемые сведения, правомерно трактовать как значимую часть коммуникативных умений, гарантирующих субъекту коммуникации продуктивность и эффективность взаимодействия в различных типах интеракций.

Литература

- Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141-172.
- Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Verlag Beck, 2000.
- Fix U.* Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme, 2008.
- Noelleman E., Köcher R.* Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1998-2002. München: K.G. Saur, 2002. Band 11.

L.I. Grishaeva (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

SOCIOCOGNITIVE EXPERIENCE OF NATIVE LANGUAGE SPEAKERS WITHIN A SHARED CULTURE IN THE CONTEXT OF THE “INVARIANT / VARIANT”

The analysis of sociocognitive experience of creative use of language as a means of solving a specific traditional communicative task in the media environment makes it possible to confirm the importance of knowledge shared by all native speakers of language within their common culture, present in the core part of the mental structure of the collective identity of each individual subject, including knowledge about the semantic, syntactic and functional organization of a text of a certain type, i.e. textual and textotypological knowledge. Therefore, it is possible to interpret the ability to encode and decode, i.e. interpret information about perceived reality, structure the information flow and decode the transmitted information as an important part of communicative skills that guarantee the interlocutors' productivity and effectiveness of interaction in various types of interactions.

Key words: text type as an invariant; communicative, nominative, cognitive strategies; the conventional and the creative in solving communicative and cognitive tasks; correlation of personal and collective identity of a single subject

*А.Г. Гурочкина (Санкт-Петербург, Россия)**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
i.arkhipov@yandex.ru*

ПОРОЖДЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ИХ ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье представлены результаты проведенного исследования, посвященного изучению речевого поведения индивидов, англоязычных пользователей социальных сетей в формате Интернет. Установлены и описаны ориентирующие реципиента сигналы и когнитивно-прагматические механизмы, которые оказываются вовлеченными в процесс коммуникации, той ее разновидности, которая опосредует и осложняет коммуникативную среду дополнительными системами.

Ключевые слова: коммуникация, восприятие, понимание, значение, языковая форма, Сеть, пользователи

Исходя из основного постулата современной когнитивной лингвистики, что основная функция общения это не обмен закодированной информацией, трактующей по сути информацию как некий «внешний предмет», которым можно манипулировать [Кравченко 2008], в когнитивной науке ученые, относящиеся еще к первому ее поколению, стали трактовать информацию не как предмет, а как деятельность, в процессе которой взаимодействующие субъекты посредством вербальных/невербальных средств (сигналов), воздействуют друг на друга, ориентируя друг друга на создание нового знания, направленного на изменение их отношения к различным явлениям и объектам окружающей их картины мира и, как результат, модификацию их речевого/неречевого поведения в среде их обитания [Матурана 1970]. При этом, исходя из концепции аутопоэза, в качестве ориентирующих сигналов чаще всего, по мнению когнитологов, используются языковые знаки в виде материальных форм, которые сами по себе не несут никакого значения, а приобретают его, лишь попадая в фокус активного сознания взаимодействующих субъектов [Hoffmeyer 2008].

На основании представленного взгляда на коммуникацию, межличностное взаимодействие пользователей в Сети определяется также как деятельность ориентирующего характера, в рамках которой пользователи ориентируют и вовлекают друг друга в пространство своих взаимодействий с окружающей их действительностью, используя в качестве ориентирующих сигналов создаваемые ими посредством клавиатуры письменные сообщения (тексты), широко используя также в качестве сигналов другие технические средства, предоставляемые в Сети. Иными словами, в процессе когнитивно-дискурсивного взаимодействия в виртуальном пространстве вовлекаются внешние по отношению к живым организмам объекты материального мира, которые также влияют на ментальное состояние коммуникантов. Данный фактор отмечается многими исследователями, подчеркивающими важную роль технологических средств как компонентов искусственной среды, влияющих как на представление текстов, так и на саму ситуацию коммуникации и поведение коммуникантов, создающих тексты [Goddard 2016].

В этой связи социальные сети трактуются в статье как единая с человеком (пользователями) искусственная среда взаимодействия.

Анализ вербального взаимодействия пользователей в социальных сетях позволил выявить особенности такого типа общения в отличие от традиционных естественно-языкового и письменного взаимодействий. В актуальной ситуации их взаимодействия. К главным из них прежде всего относятся особенности порождения, восприятия и понимания текстов в условиях традиционных устной и письменной коммуникации вне виртуального пространства и в условиях общения в Сети.

Порождение текстов в сети неразрывно связано с необходимостью печатать его, что, с одной стороны, отличает его от традиционного устного общения, а, с другой стороны, сближает с традиционным письменным общением. В процессе традиционного письменного общения субъекты, генерирующие свои сообщения (тексты), имеют возможность и время продумать их содержание и форму изложения с опорой на свои структуральные знания и коммуникативный опыт, которые могут не совпадать с опытом и знаниями адресата и, как результат, приводить к возникновению непонимания, т.е. к коммуникативной неудаче, поскольку возможность перестроить, исправить свой текст у автора отсутствует. В отличие от данного типа общения, в условиях естественно-языкового взаимодействия, коммуниканты могут оперативно перестраивать свое вербальное/невербальное поведение, что-то добавлять, что-то изменять или удалять, идя навстречу друг другу, с целью избежать коммуникативную неудачу. Кроме того, в ходе устного естественно-языкового взаимодействия адресант, как правило, видит, слышит и наблюдает своего партнера, непосредственная реакция которого на его сообщения влияет на ход коммуникации.

Создавая свое сообщение в Сети, адресант в преобладающем большинстве случаев лишь мысленно представляет себе того, к кому обращается, и его реакцию на свое сообщение. Данный фактор, по мнению ученых-когнитологов, существенно влияет на восприятие и понимание адресатом передаваемых ему сообщений.

В процессе устного общения адресат получает большой объем вербальных/невербальных сигналов как от адресанта, так и от актуальной ситуации общения. и его реакции при этом основываются преимущественно на том, что произносится, что ощущается телом, активностью в мозге (функционирования «в динамике») и тем, что он наблюдает в конкретной ситуации общения [Cowley 2009; Гурочкина 2022].

При традиционном письменном общении, как и при общении в Сети, адресат во многих случаях дистанцирован от многих значащих аффордансов ситуации, в рамках которой генерируется или сгенерирован воспринимаемый им текст. В этих условиях адресат получает и может опираться лишь на зрительные сигналы в виде графических форм слов, словосочетаний, предложений. Реконструкция содержания, значения воспринимаемых зрительно языковых форм (текста) осуществляется адресатом, главным образом, на основе хранимых в его сознании грамматических

правил, норм сочетания слов в более объемные языковые единицы и воспоминания ситуаций, свидетелем которых он возможно когда-либо был.

В течение всего XX и начала XXI в. «значение» языковой формы трактовались не только как «содержание», но и как «содержимое» формы (т.е. физически связанное с ней), которая переносит его от говорящего к слушающему.

Такое понимание было отвергнуто во второй половине XX в. представителями когнитивно-коммуникативной парадигмы на основе достижений отечественных и зарубежных философов, как противоречащее реальным отношениям идеального и материального, которые не «смешиваются», они разделены и не вступают в механические отношения друг с другом. В этой связи языковой знак является не механическим соединением материального и идеального, но единством ментальных образов содержания и его формы. То есть знак является актом и единицей сознания и не покидает его ни при каких обстоятельствах. Поэтому для осуществления акта коммуникации тело говорящего покидает не знак, а его представитель – материальная форма.

Отсюда у говорящего нет физических возможностей с помощью языковых средств передать связываемое с ними содержание, т.е. тот смысл, который он в своем сознании связывает с данной формой. При этом на уровне обыденного сознания, также как у ряда лингвистов, существует убеждение, что именно то значение слова, которое он в конкретном высказывании задумал, и перемещается вместе с формой слова посредством ткани текста, а затем каким-то образом проникает в сознание собеседника.

Однако, согласно когнитологам, работающим в рамках современной биокогнитивной лингвистики, содержание знака остается в сознании говорящего, а форма (звук, текст) достигает рецепторы слушающего. Тот воспринимает ее и соответствующие нейронные сигналы поступают в его сознание. На их основе, в его сознание создается образ полученной языковой формы связанный с ранее задуманным для этой формы содержанием. Слившиеся в сознании реципиента образы формы и содержания образуют языковой знак как диалектическое единство формы и содержания, в его сознании и только в сознании в виде определенных когнитивных структур (долговременной памяти), к которым он обращается в процессе межличностного взаимодействия при генерировании своего сообщения или восприятии сообщения партнера по общению. Так происходит «обмен» информацией.

В ситуации, когда слушающий «не понимает», это означает не то, что он не в состоянии воспринять что-то и встроить в свою систему знаний, но то, что он не имеет необходимых знаний для того, чтобы на основе сигналов, не несущих сами по себе никакой информации, создать соответствующие структуры знания. Он обращается к своей базе данных о языке и мире и может дать лишь ограниченные или неверные сведения. И у него нет иного источника нового знания, кроме создания его самостоятельно на основе имеющегося старого знания. Иными словами, получаемые им сигналы извне лишь стимулируют способность создания нового знания

на основе старого. Если говорящий заинтересован в общении он может помочь слушающему посредством построения правильного языкового контекста (=окружение слова), подсказывающего задуманное им значение, а также включить в него указания (намёки, аффордансы) на речевой контекст (= описываемую ситуацию). Вывод актуального значения или его оттенка на основе системного значения формы остаётся всецело задачей принимающего сообщения.

Включение в схему семиозиса языковых личностей-коммуникантов позволяет увидеть реальную природу языкового значения. Репрезентации знака, это – прежде всего – состояние сознания конкретного человека. Любая языковая единица не живет и не изменяется сама по себе или согласно таким абстракциям, как законы языка, помимо и вне сознания человека. Реально языком «владеет» и определяет его функцию носитель языка, который «все знает» о своем языке (лексикон), а также, что есть в объективном мире и чего нет (тезаурус). Он знает цель планируемого высказывания и какие значения должны быть у выбранных им в связи с этим слов (прагматикон) [Караулов 1987]. И что самое главное при объяснениях механизма коммуникации – это то, что он имеет волю, чтобы дать всему этому импульс.

Литература

- Гурочкина А.Г.* Когнитивная и языковая специфика устной и письменной форм речи // Университетский научный журнал. 2022. № 68. С. 19-22.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 1987.
- Кравченко А.В.* Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП, 2008.
- Cowley S.J.* Language Flow: Opening the subject // Cognitive Semiotics. 2009. Iss. 4. Pp. 63-91.
- Goddard A.* Creativity and Internet communication // The Routledge Handbook of Language and Creativity / ed. by R.H. Jones. London and New York: Routledge, 2016. Pp. 367-381.
- Hoffmeyer J.* A biosemiotic approach to a theory of meaning. Zygon, 2010. Vol. 45 (2). Pp. 367-390. URL: <https://scispace.com/papers/a-biosemiotic-approach-to-the-question-of-meaning-4hu5fe433w>
- Maturana H.R.* Biology of Cognition. BCL Report 9.0. Urbana II. University of Illinois. 1970. P. 127.

A.G. Gurochkina (St. Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

GENERATION OF UTTERANCES, THEIR PERCEPTION AND UNDERSTANDING IN VIRTUAL SPACE

The article presents the results of a study conducted on speech behavior of individuals, English-speaking users of social networks on the Internet. The recipient's orienting signals as well as cognitive-pragmatic mechanisms that are involved in the communication process, of the kind, the variety of which mediates and complicates the communication environment with additional systems, are identified and described.

Key words: communication, perception, understanding, meaning, language form, Network, users

Н.В. Дрожащих (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет
n.v.drozhashhikh@utmn.ru

Е.А. Энгель (Тюмень, Россия)

Тюменский индустриальный университет
engelea@tyuiu.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ ТЕКСТА

В статье рассматривается специфика когнитивных оснований креативного текста на материале комиксов. Результаты исследования показывают, что дивергентные мыслительные структуры, которые сопровождаются аугментацией/смещением смысла и ведут к созданию новых текстов, вплетены в когнитивные процессы *концептуализации, категоризации и интеграции*, связывающие культурные жанры/направления. Механизмы *бриколажа, гибридизации, абдукции, инверсии* и другие превращают ментальные/языковые аномалии в конструктивный принцип новой трансжанровой системности.

Ключевые слова: креативность, креатема, концептуализация, категоризация, интеграция, аугментация, абдукция, аномалия, жанр

Настоящая статья посвящена изучению когнитивных процессов, лежащих в основе создания и функционирования креативного текста. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом современных гуманитарных дисциплин к аномалиям, креатемам и креаторике – науке о создании новых идей и направлений. Их изучением занимались многие видные ученые, которые обосновали статус аномалий в креативном тексте [Ратбиль 2006]; выделили языковые средства выражения креативности [Лингвистика креатива-3 2014]; проанализировали основные когнитивные механизмы креативности текста (*девиация, аналогия, инференция*) [Заботкина 2019]; определили *креатему* как конструктивную аномалию, «которая вводит в действие цепь аналогий» [Эпштейн 2017]; разработали метод параметрического анализа лингвокреативности [Лингвокреативность 2021]. Несмотря на значимые достижения в анализируемой области, некоторые вопросы остаются изученными не в полной мере. К ним относится вопрос о специфике когнитивных особенностей креативного текста в его связи с текстами смежных семиотических систем (литература, кинематограф, массовая культура, искусство, живопись, философия и т.д.). В центре внимания авторов статьи – постановка вопроса о *транстекстуальности* комикса – выходе за пределы литературного жанра. В качестве материала исследования выступают комиксы о супергероях Marvel/DC Comics (*Капитан Америка, Железный человек, Удивительный Человек-паук, Супермен, Бэтмен* и другие).

Под когнитивными основаниями креативного текста будем понимать ментальные процессы и механизмы, которые участвуют в создании, восприятии и интерпретации текста. К ментальным процессам относятся процессы *концептуализации* (познавательная деятельность, приводящая к формированию концептуальных структур), *категоризации* (классификация форм материи в рубрики), *интеграции* (объединение ментальных пространств). Процессы, приводящие к созданию креатемы,

включают *транстекстуальность*, *поливариантность*, *инноватизацию*, *аугментацию*, *субъектность* слова, ментальную *гибкость*. К механизмам создания креатемы относятся *сингулярность*, *бриколаж*, *гибридизация*, *блендинг*, *неогенез*, *абдукция*, *инверсия*. Под креативным текстом мы понимаем конструктивно аномальный текст; под лингвистической креативностью – способность человека к порождению нового знака. Креатема базируется на хаосе/крахе системы и посредством дальнейших аналогий превращается в «конструктивный принцип новой системы» [Эпштейн 2017].

Креативный потенциал комикса о супергероях достаточно велик. Этот литературный жанр возникает на рубеже 1930–1940 гг. В этот и более поздний период в нем находят отражение предпосылки формирования новаторских философских/технологических инсайтов в биологии/генетике/физике, которые впоследствии приведут к прорывам в геной инженерии, нанотехнологиях, квантовых теориях сознания, цифровой сфере, искусственном интеллекте. Передовые идеи (сыворотка суперсолдата (Капитан Америка, Черная вдова, Халк); броня Bleeding Edge (Железный человек); телепортатор/компьютерная сеть (Фантастическая четверка); радиомаячок (Человек-паук) и другие.), подхваченные и интерпретированные создателями комиксов о супергероях, преломлялись в своеобразной логике и миропонимании авторов. Комикс вышел из горнила культурных революций, поиска формы в искусстве, эксперимента в изобразительных жанрах постмодернистской эпохи. Принципы постмодернизма провозгласили примат открытости формы, игры вместо цели, случая вместо плана, анархии вместо иерархии, хэппенинг, соучастие читателя, деконструкцию смысла, интертекст, контринтерпретацию, неопределенность и полиморфизм (И. Хассан). Формировались сквозные – сингулярные концепты, так как схожие идеи реализовались практически во всех смежных областях человеческой мысли. В процессе *транстекстуальности* (Ж. Женетт) посредством механизма *сингулярности* происходило вовлечение комикса в кинематограф, массовую культуру, искусство, живопись, философию. Это состояние, в котором различные виды искусства начинают взаимодействовать и взаимопроникать друг в друга, создавая новое и уникальное целое. Идея сингулярности может служить описанием выхода креативных идей за границы жанра. Соответственно комикс о новом герое вобрал в себя передовые идеи и сформировал креатемы *трансгуманизма*, *трансчеловека*, *биоэтики*, *множественных миров*, *поливариантности формы* и т.д.

Важнейшее свойство дивергентного мышления – создание элементов фантастического многомирия. В процессе категоризации – *поливариантного* формирования семиотических пространств на базе *бриколажа* (механизм создания «чего-то из ничего», нового единства на основе прототипического опыта (К. Леви-Стросс)) создаются креатемы – вымышленные Вселенные *Earth-616* (Marvel Comics) и *Earth-0* (DC Comics – данные вселенные придумали и воплотили в жизнь С. Ли, Дж. Кирби, С. Дитко, Дж. Сигел, Дж. Шустер, Б. Кейн, Б. Фингер, М. Ноделл и многие другие.), в которые вовлекаются герои, хронотопы, события. Посредством *неогенеза* (механизм создания несуществующей ранее реалии) в процессе *инноватизации* зарождается креатема *супермена* (1938 г.) – культурного супергероя, который со-

вмещает жизнь/чувства обычного человека и наделяется смыслами «сверхспособность», «симбиоз человека/могучего сверхсущества». Как обычные жители города, супергерои ходят на работу, учатся, слушают музыку, влюбляются, заводят друзей, теряют близких. Как могучие сверхсущества они совершают подвиги и спасают мир. У каждого героя продумываются история создания, суперспособности (нечеловеческая сила Халка, выносливость Капитана Америки, паутина Человека-Паука и др.), развитие супергероя. В ходе *концептуальной интеграции* посредством механизмов *блендинга* (слияния) и *метафоризации* (смещения смысла) появляются креатемы – имена супергероев *Человек-паук*, *Человек-муравей*, *Человек-Ястреб*, *Женщина-кошка*, *Бэтмен*, *Железный человек*, *Зеленый Фонарь*. Это новые имена – неологизмы, семантика которых отражает слияние ментальных пространств. Соединение не соединенных ранее ментальных репрезентаций Человека/существа и/или наделение человека сверхмощными свойствами нарушает привычные биологические/физические законы реального мира и открывает перспективы технологического прорыва будущего. Креатемы-хронотопы включают креатемы альтернативной – психоделической реальности, петли времени и наномиры (*Доктор Стрэндж*, *Человек-муравей*), которые коррелировали с картинами-коллажами (механизм ассоциативного соединения элементов как преодоление ограниченности и изолированности) сюрреалистов и представителей абстрактного экспрессионизма, открывающими иную реальность, вхождение в слои иных пространств. Креатемы-события разворачиваются в параллельных плоскостях.

Текст комикса выдвигает на первый план мультимодальную *интеграцию* и *аугментацию* (приращение) смысла. Дублирование картинки и текста, где визуальная часть усиливает и обогащает текст, а метафора выражается и словом, и линией, означает не только *коллажирование*, но и *абдукцию* – выход за границы языкового, речевого и текстового мышления, выдвижение «правдоподобных» индивидуальных гипотез-креатем и личностных смыслов в процессе интерпретации текста. Коллаж картинки и слова представляется как результат *гибридизации* аудиальной, зрительной, кинестетической и дигитальной сенсорных модальностей (скрещение звука/кинестемы/вербального знака; изображения/мысли и т.д.). Консолидация мультимодальных данных работает на создание нового текстового пространства, в котором осуществляется гибридизация пространства, апеллирующего к логической обработке информации, и пространства, напрямую отсылающего к непосредственным интуитивно схваченным источникам информации. При прочтении комикса осуществляется интерпретация когнитивно сложного ребуса взаимодействия героев, ожидания событий и развязки, растущего эмоционального напряжения. Экспрессивизация достигается при помощи вербальной аллитерации (*wizard's wiles; man or monster; fantastic four*), визуальной энергии, динамической композиции, эмоционально насыщенных изображений (схожие средства характерны для работ представителей абстрактного экспрессионизма).

Выдвижение – помещение слова в фокус графической панели – приводят к *референциальной инверсии*, при которой слово превращается в субъект произведения

и приобретает перлокутивную силу. Ср., примеры креатива – междометий как активных действий в пространстве филактеров: *Arghh! Bong!; Clank!; RrrrooMM; Rak Tac Tac Tac; Thoood! При этом формируется гибкая семантическая сеть ментальных репрезентаций, нейтрализующая границы автора/читателя и активирующая процессы (со)творчества с автором текста. Писателям-фантастам, графическим художникам мир открывается с неожиданных сторон – они наблюдают множественные миры, чувствуют неограниченность мира. Но и для читателя открываются новые грани возможного – в личностной интерпретации креативного текста.*

Результаты исследования показывают, что порождение и восприятие креативного текста осуществляется в результате оригинальной концептуализации мира, дивергентной категоризации смыслов, концептуальной интеграции, новаторской образной метафоризации и смещения устоявшихся смыслов. Авторы креативного текста концептуализируют мир по-новому, создавая концепты или изменяя существующие ментальные структуры. Дивергентные мыслительные структуры наряду с механизмами креативности превращают ментальные/языковые аномалии в креативные – конструктивный принцип новой транжанровой системности.

Литература

Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 208-216.

Лингвистика креатива-3: коллективная монография / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2014.

Лингвокреативность // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021.

Ратбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. URL: <https://terme.ru/slovary/proektivnyi-slovar-gumanitarnyh-nauk-novoe-literaturnoe-obozrenie-2017-g.html>

*N.V. Drozhashchikh (Tyumen, Russia)
University of Tyumen*

*E.A. Engel (Tyumen, Russia)
Industrial University of Tyumen*

COGNITIVE FOUNDATIONS OF TEXT CREATIVITY

The article examines the specifics of cognitive foundations of a creative text based on comic books. The results show that divergent mental structures, which are accompanied by augmentation/displacement of meaning and lead to the creation of new texts, are intertwined in the cognitive processes of conceptualization, categorization and integration linking cultural genres. The mechanisms of *bricolage*, *hybridization*, *abduction*, *inversion*, etc. transform mental/linguistic anomalies into a constructive principle of a new transgenre system.

Key words: creativity, createme, conceptualization, categorization, integration, augmentation, abduction, anomaly, genre

Р.И. Зарипов (Москва, Россия)

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
lieutenant-en-chef@ya.ru

СУГГЕСТИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ. ФАСЦИНАЦИЯ, ФАСЦИНАТИВНОСТЬ, ЭМОТИВНОСТЬ

Статья посвящена краткому описанию суггестивной основы современного медиапространства в свете теории Ю.В. Кнорозова о двойственной природе коммуникации как процессе взаимодополняющего распространения информации и фасцинации. Выявляются соотношение и причинно-следственная связь между фасцинативностью и эмотивностью, в том числе с учетом поликодового характера медиадискурса.

Ключевые слова: массовая коммуникация, суггестия, информация, фасцинация, эмотивность, сообщение, информационно-психологическое воздействие

На пленарном заседании III международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения 2024» МГИМО МИД России 31 октября 2024 г. генеральный директор АНО «Институт развития Интернета» А.С. Гореславский сформулировал суть проблемы современного информационного пространства следующим образом: «Все думают, что смартфоны и другие мультимедийные устройства посылают нам информацию. Но это не совсем так. Дело в том, что то, что мы получаем от них, – это информация плюс эмоции. И если информация со временем забывается, то эмоции и образы остаются». Это высказывание в общем виде раскрывает фундаментальный механизм функционирования массовой коммуникации, который реализуется в форме и рамках информационно-психологического воздействия. В процессе формирования личности человека информацией первичным и доминирующим выступает суггестивный компонент – адресата «затягивают» в фасцинативную «воронку» впечатлений, создают эмоциональные «качели» и затем (либо одновременно с этим) продвигают в его сознание-подсознание определенные смыслы. Траектория «работы» коммуникатора строится, как правило, от сенсорно-перцептивного и эмоционально-экспрессивного уровней психики реципиента [Винник 2022: 141] к его сознательно-волевому уровню, через «расшатывание» текущего состояния последнего и обеспечение условий для как можно менее критического восприятия и понимания им информации. Этому благоприятствует имманентная суггестивность опосредованного коммуникативного пространства (а также условий непосредственного контакта, если речь идет о театральном представлении, концерте, публичном выступлении и т. д.), в котором создается соответствующий эмоциональный фон (подтекст), предшествующий и сопутствующий получению сообщения. Эксплицитно и имплицитно выражаемые концептуальные установки передаются на фоне перманентного действия гетерогенных семиотических знаков удовольствия и неудовольствия, «очарования» и фрустрации. Именно через эту бинарную оппозицию происходит взаимодействие человека с окружающим миром [Соковнин 2005: 26].

Люди считают себя рациональными существами, принимающими решения и инициирующими какую-либо деятельность самостоятельно, на основе взвешенного анализа всей информации «как из внешних, так и внутренних (человеческое «Я») источников, которая и определяет необходимость, целесообразность и само желание действовать» [Гаврилов, Зарипов 2023: 186]. Безусловно, доля правды в этом есть, однако иррациональное мышление адресата (его воображение, эмпатия, ассоциативные и стереотипные установки) часто в этом процессе превалирует или, по крайней мере, оказывает на него значительное влияние. На самом деле, человек – существо *иррациональное*, поддающееся эмоциональному, суггестивному воздействию, в том числе при принятии решений. Вопрос заключается лишь в степени индивидуальной подверженности адресата психологическому заражению транслируемыми состояниями и уязвимости его сознательно-волевой сферы перед неявными импульсами его подсознания, которое подвергается воздействию фасцинативных знаков-сигналов в большей степени и на более восприимчивом эмоционально-экспрессивном уровне. Это зависит далеко не только от темперамента, характера, пола и других объективных характеристик реципиента, но главным образом от уровня развития критического мышления и соблюдения принципов информационной гигиены.

Термин «фасцинация», хотя и был выдвинут относительно давно (Ю.В. Кнорозовым в 1961 г.), всё еще недостаточно известен в широких кругах современной науки. Вместе с тем его содержание непосредственно относится к эмоциональной стороне коммуникации, которая «сопровождает», обогащает и нередко заменяет собой ее рациональную, информативную часть. Под фасцинацией нами понимается такое воздействие сигнала как языковой, так и неязыковой природы, при котором адресат испытывает какую-либо эмоциональную реакцию определенной степени заряженности, длительности и интенсивности (любопытство, удивление, радость, волнение, тревогу, страх и т.д.), что кратковременно или на более длительный период переводит восприятие им информации в иррациональную, чувственно-эмоциональную плоскость. Подачей таких сигналов происходит привлечение, суживание, удержание и отвлечение внимания реципиента, а также закрепление информации в его сознании-подсознании через механизмы внушения. В широком смысле фасцинацией следует считать эффект «зависания» адресата в информационном пространстве, основанный на его развлечении и манипулировании его эмоциями.

Фасцинация и информация вступают в сложное диалектическое взаимодействие как на уровне отдельной коммуникативной единицы, так и на контекстуальном, идейно-тематическом (надтекстуальном) и верхнем, гипертекстовом уровне всего медиапотока, синергически образуя коммуникативную матрицу информационно-психологического воздействия. При этом фасцинация занимает в ней лидирующее положение с той точки зрения, что отвечает за план *выражения* сообщения и обеспечивает эффективную трансляцию его содержания. Этот суггестивный информационный фон образуется вербальными и невербальными средствами, обеспе-

чивающими отправку индивидуальному и коллективному адресату эмоциогенных сигналов, порождаемых на разных уровнях коммуникации и запускающих психологические механизмы внушения. Относительно речевого знака и вербального текста в этом случае может употребляться понятие «эмотивность» («коррелят» психологического понятия «эмоциональность»), содержание которого составляет эмоция или чувство говорящего [Матвеева 2010: 539, 541]: как писал В.И. Шаховский, эмотивность – это «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [Шаховский 2008: 5]. Однако фундаментальной характеристикой коммуникации вслед за Ю.В. Кнорозовым мы считаем фасциативность (как следствие фасциации, выступающей фундаментальным явлением живого мира), которая теоретически и фактически шире эмотивности (эмоциональности), предвзята ее темпорально и логически. Вторая есть результат действия первой; без получения потенциально выделительного сигнала адресат не в состоянии испытать эмоцию, которая, будучи заложенной отправителем в сообщение (словоформу, изображение, контекст и т. п.), должна сначала в нем «родиться» через восприятие и понимание. Фасциативность включает эмотивность в свой инструментарий, но ориентирована не только и не столько на изучение специфики речевых средств в процессе вербализации эмоций адресантом, сколько на *впечатление* адресата и провоцирование его эмоциональной реакции с целью достижения перлокутивного эффекта. Последняя при этом достигается не только с помощью информации, выражающей психическое состояние коммуникатора (и собственно составляющей сферу интересов эмотивности), но и других ее видов: субъективно-оценочной, обобщенной, фактологической и т. д. Наконец, помимо речевого поведения адресанта фасциативность проявляется и в невербальных средствах, составляющих современный медиатекст (изображение и звук). Коммуникация как «современная человеческая сигнализация» представляет собой процесс одновременного распространения и сопряжения информации и фасциации [Кнорозов 1973: 324-334], который в полной мере отвечает характеристикам современного медиадискурса и специфике информационно-психологического воздействия.

Утверждение о том, что комплексное информационно-психологическое воздействие, т.е. воздействие, которое ведется одновременно вербальными и невербальными средствами, ведет к наибольшей эффективности сообщения, представляется дискуссионным. С одной стороны, избыточное когнитивное давление, которое возникает из-за восприятия сразу по нескольким перцептивным каналам, действительно обеспечивает большее «просачивание» информации в подсознание реципиента, чем в условиях линейного вербального текста, и ее закрепление в памяти за счет визуального компонента, часто сопряженного с эмоциональным впечатлением. С другой стороны, иногда «комплекс» мешает проникнуть в смысл сообщения и негативно влияет на однозначное понимание установок автора, способствуя их искажению и поляризации оценок. Однако, с третьей стороны, коммуникатор может быть и не заинтересован в том, чтобы реципиент полностью и осознанно понимал

содержание медиатекста, которое в связи с этим не всегда выражено эксплицитно и буквально. В своем инструментарии информационно-психологическое воздействие опирается главным образом на внушение, и с этой точки зрения комплексное применение в медиатексте вербальных и невербальных средств себя оправдывает.

Литература

Винник Д.В. О некоторых вопросах архитектуры искусственной личности // Философия науки и техники. Т. 27. № 2. С. 136-149.

Гаврилов Л.А., Зарипов Р.И. Язык массовой коммуникации и информационная война: монография. М.: Ленанд, 2023.

Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 324-334.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

Соковнин В.М. Фасцинология: Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.

R.I. Zaripov (Moscow, Russia)

*Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

SUGGESTION AS A DOMINANT COMPONENT OF MASS COMMUNICATION. FASCINATION, FASCINATIVITY, EMOTIONALITY

The article is devoted to a brief description of the modern media space suggestive basis in the light of Knorozov's theory of the dual nature of communication as a process of complementary dissemination of information and fascination. The correlation and cause-and-effect relationship between fascinateness and emotionality are revealed including considering a multicode nature of the media discourse.

Key words: mass communication, suggestion, information, fascination, emotionality, message, informational and psychological impact

A.B. Игнатенко (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
ignatenko-av@rudn.ru*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЗМОВ И АРХАИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МО ЯНЯ «СМЕРТЬ ПАХНЕТ САНДАЛОМ», 2001)

Данное исследование посвящено особенностям употребления историзмов и архаизмов, которые являются рафинированным источником знаний об этнокультурных особенностях, как дискурсивных маркеров в идиостиле Мо Яня на примере романа «Смерть пахнет сандалом» (莫言《檀香刑》, 2001). Доказывается, что писатель активно прибегает к практике использования архаичных языковых форм для создания исторической образности.

Ключевые слова: историзмы, архаизмы, Мо Янь, *Смерть пахнет сандалом*, художественный дискурс, китайская Литература

Данная работа посвящена историзмам и архаизмам как дискурсивным маркерам художественного текста и их функциональным особенностям в создании исторической образности на примере романа Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» (莫言《檀香刑》, 2001). В связи с этим цель работы – уточнить параметры функциональных особенностей дискурсивных маркеров, выраженных историзмами и архаизмами на примере конкретного художественного дискурса. Дискурсивные линии устаревшей лексики как особых культуронимов обладают экстралингвистическим и этнокультурным творческим потенциалом, желанием самовыражения через языковую игру и лингвокреативные возможности через диахроническую призму. Эти и другие факторы помогают понять особую роль историзмов и архаизмов как лексических консерваторов этнокультурных реалий конкретного общества.

Архаизмы и историзмы сохраняют культурную память и расширяют языковую картину мира современных носителей в синхронном срезе, выступая этнонациональными и социокультурными дискурсивными маркерами пассивизированных явлений. Наибольшее количество архаизмов составляют существительные, а историзмами активно становятся также существительные и глаголы [Сутормина, Наумов 2022: 26]. В художественном дискурсе историзмы и архаизмы выполняют функцию стилизации фикционального универсума под описываемые обстоятельства и определенную эпоху, которая создает необходимую перцепцию и обладает лингвоэстетическим потенциалом [Игнатенко 2023, 2024]. Историческая динамика лексических систем консолидирует богатство конкретной культуры и способов мышления, включает различные формы исторической информации и представления об окружающем мире носителей языка. Перераспределению активного и пассивного лексического фонда способствуют различные социокультурные условия [Аркадьева, Васильева и др. 2016: 29]. Дискурсивные маркеры могут представлять случаи грамматикализации и выполнять различные, в том числе эмотивные, функции в художественном дискурсе [Rhee, Zhang 2024: 818]. Выступая в качестве особых элементов структурного напряжения художественного текста, они материализуются как эмотивные аттракторы различного уровня и могут быть использованы как инструмент «создания определенного эффекта в художественном дискурсе» [Игнатенко 2023].

Нами было отобрано порядка двухсот историзмов и сотни архаизмов методом сплошной выборки. Во многих случаях стилистической функцией использования рассматриваемых лексем выступало создание через лингвоэстетические механизмы образной или иронической экспрессии.

В романе Мо Яня «Смерть пахнет сандалом», действие которого происходит на рубеже XIX–XX столетий, такого рода культурно окрашенными и репрезентативными дискурсивными маркерами могут быть историзмы: *кан* (炕) – подогреваемая, кирпичная или глиняная лежанка в Северном Китае, на которой сидят, едят и спят; *шичэнь* (时辰), или стражи – двухчасовые отрезки времени, на которые делились сутки в старом Китае, смена стражи происходила по бою гонга, по звукам которого отмерялось течение времени; *цзиньши* (进士) – высшая ученая степень в системе

китайских государственных экзаменов для занятия официальных постов; *цзюй-жэнь* (举人) – вторая по значимости ученая степень, которую можно было получить на государственных экзаменах, *цзиньши* присуждалась по результатам экзамена в столице, а *цзюйжэнь* присуждалась по результатам экзаменов на провинциальном уровне, возможно было получить обе степени; *чжуаньюань* (状元) – *цзиньши*-победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на занятие высоких должностей; *сюцай* (秀才) – обладатель диплома первой из трех степеней на государственных экзаменах; Академия «Ханьлин» (翰林院, 738–1911 гг.) – учреждение, выступавшее канцелярией при китайских правителях; *ихэтуани* (义和团, букв. «отряды справедливости и согласия») – формирования, боровшиеся против вмешательства иностранных держав в дела Китая на рубеже XIX–XX вв.; *Цзяоао* (胶澳) – прежнее названия г. Циндао; «*Сяньфэн*» (咸丰, букв. «Всеобщее изобилие») – девиз правления императора Айсиньгоро Ичжу (1831–1861); *хутун* (胡同) – отдельный вид средневековой застройки в китайских городах, переулки, которые обычно состояли из невысоких жилых домов с внутренними дворами; *Цайшикоу* (菜市口) – район в Пекине, который во времена маньчжурской династии Цин (清朝, 1644–1911) был местом публичных казней и др.

Архаическими дискурсивными маркерами могут выступать фразовые единицы фразеологизированной формы: *кожа земли* (地皮) – образ угнетаемого чиновниками народа; «*тигры*» (大老虎) – прозвище ученых, аттестованных академией «Ханьлин» на должность начальников уезда и получивших все очереди назначение в провинции; «*зеленая шапка*» (绿帽子) – рога или атрибут рогоносца; «*небесный хлеб*» (天牢) – тюрьма, которую называли так в старые времена из-за ее мрачности и произвола, например:

(1) 天牢大狱里，一个女人在嚎啕大哭。

Из тюрьмы, нашего «небесного хлеба», доносились безудержные женские рыдания (Мо Янь: 61).

В примере (1) использование архаизма фиксирует совокупность экстралингвистических знаний, сохранившихся в ментально-языковой картине мира носителей китайского языка. Номинация архаизма сделана по метафорическому принципу и оказывает дискурсивное воздействие [Сунь, Калинин, Игнатенко 2021]. В другом примере (2) используется историзм – *тайпины* (太平), крестьянское движение 1840–1865 гг., который также позволяет реконструировать этнокультурную специфику в семантике вербальной формы.

(2) “你面临的处境，难道比我外祖父在靖港一役失败后的处境还要艰难吗？”夫人目光炯炯地盯着知县说。

– Неужели твое сегодняшнее положение сложнее, чем у деда, когда он потерпел поражение от *тайпинов* в Цзингане? – сказала жена, пронизательно глядя на него (Мо Янь: 356).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что историзмы и архаизмы имеют высокую лингвокультурную ценность и расширяют научные пред-

ставления об особенностях языкового сознания носителей китайского языка рубежа XIX–XX вв. Хронологически маркированная лексика, выступая элементом стилизации текста, стимулирует эмоциональный режим коммуникации с художественным дискурсом. Используемый до начала XX в. В Китае письменный язык *вэньянь* в современном художественном дискурсе через архаизмы воспринимается как отголосок высокого стиля, удерживает празднично-карнавальную расцветку и создает с помощью языковой игры и привлечения фольклорных фигур комический эффект. Тексты, изобилующие историзмами и архаизмами, имеют сильно выраженный этнонациональный колорит. В романе Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» основной стилистической функцией использования историзмов и архаизмов является создание через лингвоэстетические механизмы образной или иронической экспрессии.

Литература

Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Владимирова С.С., Шарри Т.Г., Федотова Н.С. Семантическая эволюция архаизмов и историзмов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. Т. 70. № 1. С. 29–33.

Игнатенко А.В. Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» (2005) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2023. Т. 22. № 4. С. 115–126.

Игнатенко А.В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньлянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. № 3. С. 507–523.

Игнатенко А.В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // Oriental studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 1004–1014.

Мо Янь. Смерть пахнет сандалом. М.: Эксмо, 2024.

Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277.

Сутормина Е.В., Наумов А.В. Способы перевода историзмов и архаизмов в англоязычной литературе на русский язык // Вестник Крайне. Гуманитарные науки. 2022. Т. 40. № 2. С. 24–29.

Rhee S., Zhang L. The way of truth: The case of the Korean discourse marker *cincca* in comparison with Chinese *zhenshi* and *zhende* // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28. № 4. Pp. 818–842.

A.V. Ignatenko (Moscow, Russia),

RUDN University

FUNCTIONAL FEATURES OF HISTORICISMS AND ARCHAISMS IN ARTISTIC DISCOURSE (USING THE EXAMPLE OF MO YAN'S NOVEL “DEATH SMELLS LIKE SANDALWOOD”, 2001)

This study is devoted to the functional features of the use of historicisms and archaisms, which are a refined source of knowledge about ethnocultural features, in the idiodiscourse of Mo Yan on the example of the novel “Death smells like sandalwood” (莫言《檀香刑》, 2001). It is proved that the writer actively resorts to the practice of using archaic linguistic forms to create historical imagery.

Key words: historicisms, archaisms, Mo Yan, Death smells like sandalwood, artistic discourse, Chinese literature

М.А. Каркашова, Т.В. Хвесько (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
mariiap097@gmail.ru, t.v.khvesko@utmn.ru*

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБРАЗОВ В ВЕРБАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Мультимодальность может рассматриваться в когнитивном аспекте на уровне модальности декодирования смысла в вербальном тексте. Автором анализируемого вербального текста является архитектор Ле Корбюзье. С помощью методов структурно-семиотического анализа преобладающие в произведении культурные коды путем ретрансляции того или иного модуса проявляются на вербальном уровне.

Ключевые слова: мультимодальность, декодирование смысла, модальность, модус, культурный код, вербальный знак

Архитектура, определяющая образ города, может быть осознана как текст, развивающийся в пространстве и организующий это пространство согласно человеческим нуждам. Р. Барт писал, что «город – это дискурс, язык, на котором разговаривает город со своими обитателями» [Barthes 1967: 415]. Представим, что первичный архитектурный образ — мультимодальный текст, который реализуется посредством пространственно-визуального модуса, тогда вторичный архитектурный образ может быть также рассмотрен как мультимодальный текст, созданный посредством совокупности «текстуальных, звуковых, лингвистических, пространственных и визуальных средств или модусов с целью создания сообщения» [Байкова 2022: 230].

Мультимодальность мы понимаем как осознанно создаваемую для решения коммуникативных задач семиотическую гетерогенность текста, реализующую посредством организации концепций одного модуса средствами другого. Другими словами, если «модус» есть «ипостась», «существование единого самостоющего объекта в уникальной форме или образовании», то модальность – «явленность предмета», «фундаментальная дорефлексивная форма миропонимания» [Медова 2016]. Таким образом, модус и модальность соотносятся как формы существования материи и ее реализации.

Материя может быть реализована на уровне перцепции зрительного восприятия, слухового, тактильного, обонятельного, вкусового, висцерального, кинетического, в пост-обработке – на уровне ментального модуса. При этом такие модусы могут быть выявлены на уровне модальности декодирования смыслов, модальности функции предиката и, собственно, на уровне модальности перцептивной.

Материалом исследования послужил текст архитектора Ле Корбюзье «Vers une architecture». Текст представляет собой аргументированное обоснование необходимости перехода к новому для того периода стилю в архитектуре, в тексте озвучены правила, регулирующие стиль. Объект исследования – культурный код, описываемой Ле Корбюзье новой архитектуры, предмет исследования – модусы, реализующие архитектурный код. Под кодом понимается культурный код – «про-

цедурные условности, которые действуют в определенных областях; <...> коды организуют знаки в значимые системы, которые соотносят означаемое и означающее» [Chandler 2007].

Актуальность работы состоит в том, что в исследовании модальности декодирования применяется когнитивный компонент. Так, на когнитивном уровне вербальные знаки могут транслировать различные модусы. Например, в статье Н.Н. Белозеровой упоминается техника «показа», используемая в профессиональном письме, когда посредством вербальных знаков реализуется «визуальный, аудиальный, кинетический и висцеральный» модус [Белозёрова 2020: 254-255].

В данном исследовании рассмотрена реализация вторичных образов архитектуры в модальности декодирования смысла. Поскольку материалом исследования является текст об архитектуре, мы использовали модальности декодирования смысла применительно к модусам эргоники, принимаемых во внимание архитекторами и дизайнерами при создании антропоцентричной внешней и внутренней среды. Модусы подразделяют в зависимости от анализаторных систем на внешние (визуальные, слуховые, тактильные) и внутренние (висцеральные, кинетические и вестибулярные) [Березкина, Кляуззе 2013: 87]. Соответственно, рассматривая анализаторы с точки зрения модальностей декодирования, в вербальном произведении на когнитивном уровне мы можем обнаружить модусы: визуальный, слуховой, обонятельный, вкусовой, тактильный, висцеральный, кинетический.

В качестве ведущих культурных кодов, характеризующих архитектуру в материале исследования, в тексте были выявлены: социальный код, товарный субкод; социальный код, регулирующий субкод и интерпретационный код, идеологический субкод (классификация кодов и субкодов Д. Чэндлера).

За основу выявления модальностей декодирования смысла был взят структурно-семиотический подход. Семы, представляющие тот или иной субкод, обнаружены методом сплошной выборки. Используя семиотический квадрат А.Ж. Греймаса, вербальный знак был декодирован по следующей формуле: $S = A(s1) \text{ и } B(s2)$, где S – это металингвистическое содержание семиотической оси; $A(s1)$ – термин-объект A , принадлежащий позитивной семе $s1$; $B(s2)$ – термин-объект B , принадлежащий негативной семе $s2$; $г$ – отношения между терминами-объектами $A(s1)$ и $B(s2)$. Позитивные и негативные семы $s1$ и $s2$ – это структурные составляющие семиотического квадрата, находящиеся в отношении противоположности [Греймас 2004: 42].

Рассмотрим на примере товарного субкода, социального кода приведенный выше порядок анализа. Товарный субкод реализуется в предметах материального мира, позволяющих отнести явление или человека к той или иной социальной группе или историческому периоду. Товарный субкод может быть выражен, например, предметами моды, быта, или техники.

Пример анализа. Металингвистическое основание S – товарный субкод, реализуемый терминами-объектами $A(s1)$ и $B(s2)$. Термины-объекты A представлены:

l'avion / самолет, les glaces de Saint-Gobain (с. 73) / стекла Сен-Гобан, des volets roulantes (с. 92) / жалюзи, l'électricité (с. 20) / электричество, bains (с.21) / ванная, eau chaude et froide (с.21) / горячая и холодная вода, température à volonté (с.21) / регулировка температуры. Термины-объекты В представлены: les animaux (с. 87) / животными, les forces de la nature (с. 35) / силами природы. Если S1 – это механизмы, порожденные человеком, то S2 – противоположный механизм мир природы.

Отношения между терминами-объектами выражены в оппозиции МЕХАНИЗМ – ПРИРОДА. Общим признаком г, которым обладают контрастирующие семы, является порядок. В понимании Ле Корбюзье, произведенные человеком механизмы являются такими же живыми организмами, как и природные. И те и другие проходят естественный отбор (haute sélection (с. 11), создаются по законам экономики и расчетов (par la loi d'économie et conduit par le calcul (с. 7) и, таким образом, реализуется мировой порядок (réalise un ordre <...> en accord avec celui du monde (с. 7). Создающий механизмы человек является творцом комфортного и безопасного антропоцентричного мира.

Восприятие товарного субкода в текстовом произведении закодировано на уровне модусов: визуального, кинетического, осязательного. Обратимся к примерам: Ле Корбюзье пишет, что самолет – это не птица, а машина для полетов (machine à voler (с. 85). Самолет сравнивается с домом, на основании того, что самолет – машина, дом – машина, но для жилья (machine à habiter (с. 69). Соответственно, некоторые свойства самолета (в том числе метафорически) переносятся на дом. Самолет (дом) называется механическим продуктом высокой селекции (produit de haute sélection (с. 86), противопоставляется природе (pas une oiseau ou libellule (с. 88). Описание функции самолета происходит через кинетический модус: полет, летать, птица. Кинетический модус в товарном субкоде реализуется в описаниях функций терминов-объектов А (s1) товарного субкода, например, самолет – летать, дом – жить, укрываться от неблагоприятных условий, окна – проветривать, пропускать свет, электричество – освещать, мебель – организовывать порядок.

Визуальный модус реализуется в вербальной демонстрации модели-образа, например, современных Ле Корбюзье конструкций окон: окна Сен-Гобан, позволяющие регулировать уровень освещенности (à éclairer un peu, beaucoup (с.92), герметично закрывающиеся (ferment hermétiquement (с. 92), легко открывающиеся (s'ouvrent à volonté (с. 92), снабженные жалюзи (des volets roulantes (с. 92) и форточками (petites jalousies en glace pour aérer (с. 92). Подробное вербальное описание позволяет мысленно «увидеть» описываемый объект. Осязательный модус в вербальном тексте позволяет мысленно «потрогать» предмет: ощутить вес, фактуру, форму, размер. Например, старые стеклянные люстры весят 100 кг (de 100 kilogrammes (с. 92), а современные электрические лампы – 50 грамм (pèse 50 grammes (с. 92).

Структурно-семиотический анализ позволяет выявить типичные для данного культурного кода модусы в модальности декодирования. Например, товарный суб-код (социальный код), организующий границу смыслов свое-чужое, находит свое представление в модусах: визуальный, кинетический, осязательный. В некоторых случаях определение границ модусов может быть затруднено, например, «шкафчики на уровне человеческого роста» / *les casiers à l'hauteur humaine* (с. 94). С одной стороны, данный пример относится к визуальному модусу, т.к. описывается образ-модель «правильной» эргономичной мебели; с другой стороны – к кинетическому, так как в само слово «шкафчик» заложены функции «хранить», «открыть», «закрыть». Таким образом, реализуется переплетение модусов в тексте. Благодаря этому повествование становится мультимодальным, что позволяет на когнитивном уровне «почувствовать» закодированные в вербальном тексте образы на уровне различных перцепций.

Мультимодальность проявляется при реализации (ретрансляции) семио-когнитивного и вербального уровней. Модальность декодирования смысла позволяет выявить, посредством каких модусов организуется воздействие на картину мира адресата.

Литература

Байкова А.В. Мультимодальный дискурс-анализ как один из методов коммуникативно-прагматического подхода к пониманию языка и текста // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. № 2 (54). 2022. С 230-233.

Белозерова Н.Н. Послесловие переводчика: «деконструкция смысла» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 250-273.

Берёзкина Л.В., Кляуззе В.П. Эргономика: учебное пособие. Минск: Высшая школа, 2013.

Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический проект, 2004.

Медова А.А. Онтология модальности: дис. ... д-ра философ. наук. Красноярск, 2016.

Barthes R. Semiology and Urbanism, 1967. URL: https://ftp.columbia.edu/itc/architecture/ockman/pdfs/dossier_4/barthes_2.pdf

Chandler D. Semiotics. The basics. 2nd ed. London: Routledge, 2007.

Le Corbusier. Vers une architecture. Collection de «l'Esprit nouveau». Paris: Les éditions G. Crès et Cie, 1925.

M.A. Karkashova, T.V. Khvesko (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

MULTIMODALITY OF ARCHITECTURAL IMAGES IN VERBAL TEXT

The article examines multimodality as a cognitive phenomenon occurring in a verbal text at the level of meaning modality decoding. The verbal text under analysis belongs to the architect Le Corbusier. Using the methods of structuralist semiotics, the nuclear cultural codes in the text are studied with the aim to decode modes through a verbal sign.

Key words: multimodality, meaning decoding, modality, mode, cultural code, verbal sign

Э.В. Кумуржи (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
k-evi@mail.ru*

МОДИФИКАЦИЯ ЖЕСТОВ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ТАКТИЛЬНЫХ МЕТАФОР С КОМПОНЕНТАМИ «ГЛАДКИЙ/КОЛКИЙ» В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена модификациям жестов при образовании тактильных метафор с компонентом «гладкий/колкий» в русском жестовом языке. Автор анализирует материал на предмет наличия или отсутствия изменений компонентов жеста при метафорических проекциях и пытается дать теоретическое обоснование данному явлению. В целях обеспечения надежности результатов автор использовал данные видео словаря русского жестового языка и опросы носителей русского жестового языка.

Ключевые слова: русский жестовый язык (РЖЯ), тактильная метафора, семантика жеста, гладкий, колкий, модификация, структура жеста

В последнее время метафора в жестовых языках привлекает все большее внимание исследователей. Как исследования концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона стали основополагающими для лингвистики звучащих языков, так работы Ф. Уилкокс [Wilcox 2000] и С. Тауб [Taub 2001] являются классическими исследованиями метафоры в жестовых языках, в первую очередь, американского жестового языка.

На материале русского жестового языка были исследованы стратегии метафорических переносов в метафорах когниции и эмоций [Кюсева, Киммельман 2019]. В работе анализируются разные способы изменения формы жеста в метафорических употреблении. В результате исследования авторы выделили три класса изменений, которые «происходят с жестами выборки при семантическом расширении:

- 1) употребление жеста в составе компаунда;
- 2) фиксация локализации;
- 3) фиксация локализации и изменение формы руки» [Кюсева, Киммельман 2019: 218].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть модификации жестов при метафорических расширениях в тактильных метафорах русского жестового языка, не получившие до настоящего момента должного освещения.

Для более наглядного представления результатов мы считаем необходимым рассмотреть структуру жеста. В жесте выделяются структурные элементы, именуемые компонентами жеста. Традиционно к ним относят конфигурацию (кисти), ориентацию (кисти), локализацию (место исполнения жеста), направление и движение и немануальный компонент (движение губ / лица / тела).

Изучение сенсорной метафоры в русском жестовом языке (далее – РЖЯ) имеет недолгую историю [Кумуржи 2022; Голубина, Кумуржи 2023]. Продолжая исследования сенсорной метафоры в РЖЯ, в настоящей статье автор обращается к вопросу модификаций жеста при метафорических расширениях в тактильной метафоре русского жестового языка.

В ходе исследования автор сфокусировал свое внимание на следующих вопросах:

1) происходит ли модификация жеста при метафорической проекции области источника на область цели в тактильных метафорах РЖЯ с компонентами «гладкий» и «колкий»;

2) если происходит модификация жеста, какие компоненты жеста задействованы в метафорическом расширении.

Выделение тактильной метафоры в русском жестовом языке основано на семантической классификации тактильной метафоры в русском языке, разработанной Брагиной и Кузьминой [Брагина, Кузьмина 2019], в соответствии с которой в отдельную группу помещены признаковые метафоры гладкости и колкости, в которых один их компонентов представлен прилагательным, обозначающим указанные признаки – гладкий, ровный, тупой, шелковистый, шелковый, колкий, колющий, колющийся, колючий, режущий, острый, цепкий и др.

Объектом данного исследования являются концептуальные структуры тактильных метафор русского жестового языка как подвида сенсорных метафор. Предметом анализа послужили типы метафорических расширений при образовании тактильных метафор русского жестового языка с семантическим компонентом «гладкий» и «колкий» с учетом визуально-кинестической модальности русского жестового языка.

Теоретическую основу настоящего исследования составляют:

1) Работы по концептуальной метафоре Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980 и далее].

2) Исследования Ф. Уилкокса [Wilcox 2000] и С. Тауб [Taub 2001: 2004] о метафоре в жестовых языках, показавших, что метафорическое отображение играет центральную роль в создании жестов, особенно жестов для обозначения абстрактных понятий.

3) Сравнительно-типологическая работа У. Зешан и Н. Пальфримана «Метафоры чувственного восприятия в жестовых языках» [Zeshan, Palfreyman 2019].

4) Исследования тактильной метафоры в русском языке Брагиной и Кузьминой [Брагина, Кузьмина 2019].

5) Исследование метафор когниции и эмоций в русском жестовом языке М. Юсевой и В. Киммельмана [Юсева, Киммельман 2019].

Материалом для анализа послужили метафоры русского жестового языка с семантическими компонентами ГЛАДКИЙ и КОЛКИЙ.

Отбор примеров происходил в три этапа. Сначала методом сплошной выборки были отобраны 15 тактильных метафор РЖЯ с семантическим компонентом ГЛАДКИЙ И КОЛКИЙ. Затем была проведена верификация указанных метафор путем опроса информантов – носителей русского жестового языка. После этого данные метафоры были проанализированы в соответствии с методологией, предложенной американскими лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, и концепцией жестовой метафоры С. Тауб. Первая заключается в установлении взаимоотношений двух концептуальных структур – области источника и области цели в процессе ме-

тафоризации, вторая учитывает иконичность как ключевое свойство языков визуально-кинестической модальности при образовании метафор в русском жестовом языке. Далее приведены примеры метафорических переносов в тактильной метафоре РЖЯ, демонстрирующие промежуточные результаты исследования.

Пример-1 Метафорическое расширение 1 – без модификации жеста

Название жеста	СЛОВА ШЕЛКОВЫЕ
Исполнение жеста	Жесты СЛОВА+ШЕЛКОВЫЙ

СЛОВА: исполняется двукратно двойным ударом рабочей руки в конфигурации Э по вспомогательной руке в конфигурации 1.

ШЕЛКОВЫЙ исполняется двумя руками, в конфигурации Ж ладонями вверх, перебирающим/ шупающим движением пальцев ладонями вверх.

Область источника	Жест области источника: тактильное ощущение гладкой поверхности.

ШЕЛК: исполняется двумя руками, в конфигурации Ж ладонями вверх, перебирающим/ шупающим движением пальцев ладонями вверх.

Модификация	Модификация отсутствует. Иконичность не утрачена.
Метафорическая проекция на область цели	Метафорическая проекция с немодифицированной сенсорной области источника (тактильное ощущение гладкости и мягкости материала) на область цели – вербальную коммуникацию. Содержит положительную оценку

Пример-2 Метафорическое расширение 2 – с модификацией жеста

2.1. Простое по компоненту жеста – локализации

Название жеста	«ЗАДЕТЬ+РАНА» (ЗАДЕТЬ ЗА ЖИВОЕ [МЯСО]).
Исполнение жеста	Исполняется рабочей рукой в конфигурации Х в области сердца, резким движением сверху вниз. Жест контактный.
Область источника	Тактильное взаимодействие (ЦАРАПИНА) исполняется рабочей рукой в конфигурации Х на тыльной стороне кисти рабочей руки скользящим движением.
Модификация	Изменение локализации от области кисти к области сердца.

Иконичность не утрачена.

Метафорическая проекция на область цели	Метафорическая проекция с модифицированной сенсорной области источника (тактильное взаимодействие) на абстрактную область цели - сферу эмоций

2.2. Осложненное по компоненту жеста – локализация и изменение способа исполнения жеста

Название жеста	КОЛКОЕ (“КУСАЧЕЕ”) ВЫРАЖЕНИЕ
Исполнение жеста	Жест КОЛКИЙ (КУСАЧИЙ) КУСАЧИЙ: выполняется в конфигурации Э, встречным движением пальцев (жест иконичный, напоминает движение щипцов); жест “ВЫРАЖЕНИЕ” не показывается (жест синкретичный)
Область источника	Жест области источника тактильное ощущение: УКУСИТЬ (о насекомых): выполняется двумя руками, где вспомогательная рука указывает на локализацию укуса, а рабочая рука в конфигурации Э, встречным движением пальцев – на действие.
Модификация	Модификация жеста состоит в (1) изменении способа исполнения жеста: из двуручного жест становится одноручным и бесконтактным; (2) в изменении его локализации: вместо указания на место укуса жест исполняется в жестовом пространстве по направлению к себе или от себя в зависимости от объекта действия. Иконичность не утеряна.
Метафорическая проекция на область цели	Метафорическая проекция с модифицированной сенсорной области источника (тактильное ощущение) на область цели – жестовую коммуникацию. Содержит отрицательную оценку.

В результате проведенного комплексного анализа выборки было обнаружено, что:

- 1) в процессе метафоризации жест может быть изменен или может оставаться неизменным;
 - 2) модификации могут подвергаться различные компоненты жеста;
 - 3) на данный момент выявлено два типа модификации жеста при метафорическом расширении:
 - 3.1. по компоненту жеста – локализации и по траектории движения;
 - 3.2. по типу – простой и осложненный (локализация).
- Во всех приведенных случаях иконичность не утеряна.

Литература

- Брагина Н.Г., Кузьмина А.Н. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке // Русская речь. 2019. № 5. С. 7-21.
- Голубина К.В., Кумуржи Э.В. Иконичность и метафоризация в естественных языках визуально-пространственной модальности: проблемы и перспективы для русского жестового языка // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 605-609.

Кумуржи Э.В. Звуковые метафоры в русском жестовом языке // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции, Москва, 16–17 декабря 2021 года / отв. ред. К.В. Голубина. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 119-126.

Кюсева М.В., Киммельман В.И. Метафоры в жестовых языках: глаголы эмоций и ментальной сферы в русском жестовом языке // Вопросы языкознания. 2019. № 5. С. 120-134.

Онлайн видеословарь русского жестового языка. URL: <https://www.spreadthesign.ru>.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy In The Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New-York: Basic Books, 1999. С. 7-21.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980 (2008).

Taub S. *Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Wilcox P. *Metaphor in American Sign Language*. Gallaudet: Gallaudet University Press, 2000.

Zeshan U., Palfreyman. N. Sensory perception metaphors in sign languages // *Perception Metaphors* / ed. by L.J. Speed, C. O'Meara, L.S. Roque, A. Majid. 2019. Pp. 275-302.

E.V. Kumurzhi (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

SIGN MODIFICATIONS IN TACTILE METAPHORS OF RUSSIAN SIGN LANGUAGE WITH THE SEMANTIC COMPONENT OF SMOOTHNESS/PRICKLINESS

The paper looks into sign modifications involved in the construction/creation of tactile metaphors with the semantic component smooth/prickly in Russian Sign Language. The author analyses the data in terms of presence or absence of modifications in sign components involved in metaphoric projections and attempts to provide theoretical justification for the phenomena in question. To ensure the reliability of the results, the author used the RSL video dictionary and opinion polls of native signers.

Key words: Russian Sign Language (RSL), tactile metaphor, sign semantics, smooth, prickly, modification, sign structure

О.В. Магировская (Красноярск, Россия)

*Сибирский федеральный университет
magirovskayaov@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩИЙ И ФОРМАТООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Прецедентность интернет-мема рассматривается в статье как его облигаторная форматообразующая характеристика и необходимое условие концептуализации знаний. Выделяются 4 основные типа шаблонной прецедентности: изобразительная, динамическая, интегративная и ситуативная.

Ключевые слова: дискурс интернет-мема, прецедентность, изобразительная шаблонность, динамическая шаблонность, интегративная шаблонность, ситуативная шаблонность

В современной коммуникативной интернет-среде одним из наиболее значимых и быстро развивающихся типов дискурса стал интернет-мем. Его распространенность в социальных сетях и мессенджерах среди представителей различных социальных групп во многом обусловлена такой востребованной в процессе восприятия информации характеристикой, как максимальное сжатие актуальной информации за счет высокой степени ассоциативности и опоры на визуальную составляющую.

Данная характеристика обеспечивается прецедентностью интернет-мема. В отличие от других типов дискурса, в которых прецедентность выступает одним из содержательных признаков, только интернет-мем является прецедентным по своей сущности. В интернет-меме прецедентность выступает не только инструментом концептуализации репрезентируемого знания, но и, прежде всего, форматобразующей характеристикой данного типа дискурса независимо от тематики и степени содержательно-концептуальной емкости.

В аспекте своего концептуализирующего потенциала прецедентность интернет-мема лежит в основе осмысления событий как мирового, так и локального масштаба, она позволяет передавать актуальные настроения общественности, указывать на значимые социальные проблемы, но также раскрывает смешной, юмористический аспект жизни. Профилируя актуальное знание за счет ассоциативной отсылки к коллективному (прецедентному) знанию, именно данный тип дискурса наиболее быстро реагирует на текущие социальные, экономические, геополитические изменения, распространяется в социальных сетях и мессенджерах. Как следствие, за счет многократной повторяемости интернет-мема еще более усиливается степень его прецедентности.

Вследствие того, что интернет-мем всегда фиксирует и, как следствие, сохраняет в себе информацию об источнике своего появления (историческое или культурное событие, высказывание, информационный ресурс, культурно-значимый текст, произведение искусства и кино и т.п.), прецедентность выступает его основной форматобразующей характеристикой.

Активная динамика, характеризующая развитие интернет-мема, во многом обусловлена развитием шаблонной прецедентности.

На этапе формирования интернет-мемов основным признаком данного типа дискурса выступала шаблонность изобразительная. Именно она позволила интернет-мему сформироваться в качестве отдельного самостоятельного формата интернет-коммуникации. Первоначально это были особые шаблонные изображения, служившие опознавательным признаком интернет-мема как нового дискурсивного жанра. Единые фон и графический рисунок на нем служили основой концептуализации прецедентного знания, обеспечивая его узнаваемость и воспроизводимость. Описанная шаблонность была особо характерна для мемов-эдвайсов, специфичным свойством которых было использование изображения определенного персонажа на разноцветном фоне с текстовым элементом, эксплицирующим типичное поведение или мышление данного персонажа [Нежура 2012]. Например, одним из

первых шаблонных и, как следствие, прецедентных интернет-мемов (2007 г.) стал мем с изображением динозавра на зеленом фоне (рис. 1). Данный тип шаблонной прецедентности в силу своей полипрецедентности предполагал также шаблонность структуры текстовой части – текстовой частью мема служило парадоксальное и/или саркастическое высказывание изображенного динозавра, имеющее синтаксическую структуру вопросительных конструкций с сослагательным наклонением (*If two psychics are reading each other's minds are they reading their own minds? / What if birds aren't singing they're just screaming because they are afraid of heights*).

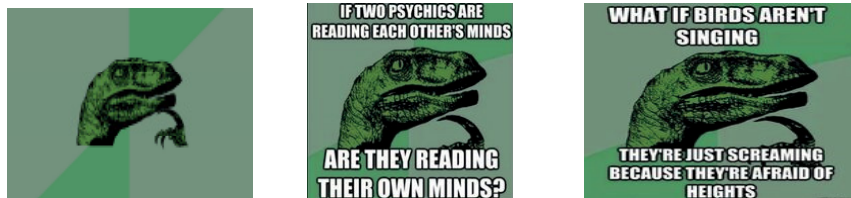

Рис. 1. Изобразительный шаблон мема-эдвайса «Philosoraptor» и мемы-эдвайсы с данным шаблонным изображением

На следующем этапе существования интернет-мемов изобразительная шаблонность концептуально трансформировалась в шаблонность динамическую, позволяющую концептуализировать знание об определенном жизненном сюжете как развивающемся по определенному двух-, четырех- или шестиступенчатому сценарию. Данный способ концептуализации был обусловлен появлением нового типа шаблонных интернет-мемов – интернет-комиксов и репрезентирован в шаблонах с нарисованными элементами (фейсами), выражающими определенную значимую эмоцию (персонаж *Like a sir* носит шляпу, монокль и усы и символизирует элегантность и финансовую состоятельность; *poker face* – персонаж с каменным, бесстрастным лицом; *forever alone* – персонаж с перекошенным лицом и текущими из глаз слезами, который одинок; *Dude Come On* – фейс для выражения состояния замешательства, конфуза или безразличия и др.). Например, интернет-комикс с персонажем *poker face* (рис. 2) фиксирует ситуацию, когда молодой человек подвозит девушку домой и выдает себя тем, что интересуется ей, т.к. своего адреса она ему не говорила. Данный фейс завершает интернет-комикс, передавая поведение и мимику этого молодого человека – бесстрастное лицо, указывающее на то, что ничего особенного не произошло.

Другой тип шаблонности интернет-мема – интегративный – основан на фотомонтаже и часто не предполагает наличие вербального компонента. Форматообразующей основой шаблонной прецедентности в данном случае выступает основной персонаж (например, популярный актер, персонаж мультфильма или видеоигры). Именно он указывает на главный концептуальный вектор осмысления интернет-мема.

Рис. 2. Динамические шаблоны с элементами-фейсами (poker face, Like a sir, Dude Come On)

Другие графические компоненты, как правило, тоже прецедентные. Тем не менее, их концептуализирующая роль заключается в придании определенной оригинальности и новизны уже устойчивому прецедентному смыслу. Например, интернет-мем *Sad Keanu* появился после того, как папарацци сделал фото актера Киану Ривза и выложил его в сеть. Данный мем, символизирующий глубокую печаль или тоску, стал прецедентным для фотоколлажей, передающих это состояние человека. Например, рис. 3 – фотоколлаж с изображением актера, соединенным с персонажами фильмов *Forrest Gump* и *Scarface* (рис. 3).

Рис. 3. Интегративный шаблонный мем-фотомонтаж *Sad Keanu*

В основе интернет-мемов современного периода лежит такой тип прецедентной шаблонности, как прецедентность ситуативная. Специфика данного типа шаблонности заключается в закреплении за целой группой интернет-мемов конкретной прецедентной ситуации, которая претерпевает определенную трансформацию в зависимости от транслируемой идеи. Иллюстративным примером такого типа шаблонности может служить мем с кадром из научно-фантастического фильма Кристофера Нолана *Interstellar*, в котором главный герой говорит о том, что совсем небольшой планируемый маневр будет стоить 51 год жизни (*This little maneuver is gonna cost us 51 years*). Именно данные элементы шаблона (единая визуальная основа и сопровождающая ее прецедентная фраза) являются опорными для последу-

ющей вторичной концептуализации, когда необходимо указать, что на случайное и совершенно незначительное действие приходится тратить достаточно много времени. Новая ситуация, подлежащая концептуализации, получает свою репрезентацию в текстовой части, предшествующей визуально-текстовому шаблону, и осмысливается в нужном векторе, когда накладывается на данный прецедентный ситуативный шаблон (рис. 4).

Рис. 4. Ситуативный шаблонный интернет-мем
This little maneuver is gonna cost us 51 years

Таким образом, прецедентность выступает основной форматобразующей характеристикой такого типа дискурса, как интернет-мем. Данная характеристика облигаторна, полифункциональна, многоаспектна. Ее форматобразующий потенциал проявляется в заданной шаблонности, позволяющей фиксировать как формат, так и определенный вектор содержательной концептуализации. Развитие интернет-мема как значимого типа дискурса интернет-коммуникации во многом обусловлено развитием прецедентной шаблонности: от шаблонности изобразительной на этапе формирования, динамической на этапе популярности интернет-комиксов до шаблонности интегративной и ситуативной в современный период.

Литература

Нежура Е.А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (12). С. 47-52.

*O.V. Magirovskaya (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University*

CONCEPTUAL AND FORMATTING POTENTIAL OF INTERNET-MEME PRECEDENT NATURE

The article regards the precedent nature of Internet-meme as its obligatory formatting characteristic feature and required condition for knowledge conceptualization. 4 main types of precedent patterns of conceptualization are distinguished: visual, dynamic, integrative, and situational.

Key words: Internet-meme discourse, precedent conceptualization, visual pattern of conceptualization, dynamic pattern of conceptualization, integrative pattern of conceptualization, situational pattern of conceptualization

E. Y. Malneva (Khabarovsk, Russia)

Pacific National University
ekaterinamalneva@gmail.com

“NEVER OTHERWISE THAN ANALYTIC”: HOLISTIC COGNITIVE STYLE AND THE PHENOMENON OF EDGAR POE

The paper discusses aspects pertaining to the concept of cognitive styles and the ways the latter may find manifestation in fiction, specifically, in the works of Edgar Allan Poe, an American Romantic icon. It has been argued that people en masse tend to differ in terms of a number of fundamental dimensions of cognitive styles, among those the wholist (holist)-analytical dimension. The analysis of the corpus of work by Poe demonstrates that in order to ensure the unity of impression, which arguably stems from the author's holistic cognitive style, E. Poe resorts to certain linguistic techniques, which constitute his *modus operandi*.

Key words: cognitive science, cognitive style, holistic, analytic, Edgar Allan Poe

“It will be found, in fact, that the ingenious are always fanciful, and the truly imaginative *never otherwise than analytic*”

(Edgar Allan Poe, *The Murders in the Rue Morgue*)

The legacy of the legendary Romantic writer Edgar Allan Poe has been subject to various research procedures, primarily in the field of literary criticism [Blackmur 1960; Elder 2005; Johnson 2009; Quinn 1998], to name but a few. However, the cognitive vector in linguistics allows for the employment of certain cognitive tools when scrutinizing the texts of the Father of American short story.

Edgar Allan Poe is widely regarded as the architect, as it were, of a great segment of modern mythology, an inventor of several modern literary genres. His contribution to world culture – that of a poet, paragon short story writer, novelist, philosopher, and literary critic – is not to be taken lightly, for he was a true innovator, who crafted unique artistic concepts and, ostensibly, was in possession of a remarkably sophisticated brain.

It could be hypothesized that the complexity and intricateness of cognitive functions can be accounted for by the complicated architecture of the human mind per se and the constructs constituting the latter, namely, *cognitive styles*. It has been established that cognitive styles, defined as consistent individual differences in preferred ways of organising and processing information and experience [Messick 1993: 3], are a bridge of sorts between cognition and personality [Sternberg, Grigorenko 1997: 701].

It would seem that the category of the cognitive style reflects the fundamental make-up of a person [Riding, Glass, Douglas 1993: 268]. People, it has been validated, tend to differ mentally, cognitively, in terms of certain *dimensions* of cognitive style apropos information processing, perception, modes of thought expression; the scale of features affiliated with cognitive styles incorporates such parameters as rigidity vs. flexibility of psychical structures, tolerance vs. intolerance and others, among which, most significantly, is featured the wholist (holist)-analytical dimension [Riding, Cheema 1991].

Holistic is defined as “referring to something as a whole” [Oxford Concise Dictionary of Linguistics 2007: 177]. Scholars currently view and juxtapose analytic and holistic

thinking as two modes of thought that reflect perceptible variations in perceptual and cognitive processes [Koo et al. 2018]. Analytical thinking is believed to be characterised by a tendency to focus primarily on objects and segregate their attributes; analytic thinkers tend to ascribe causality to phenomena, employ formal logic, etc. [ibid]. Making a preliminary statement, I would argue that Edgar Allan Poe demonstrates these qualities in abundance (after all, it was he who introduced the renowned *method of deduction*, or deductive reasoning, having launched the genre of intellectual detective story in his logical novellas, the so-called *Tales of Ratiocination*). Conversely, holistic thinking is characterized by the tendency to pay attention to relations among objects and their contexts, rely on experience-based knowledge to explain objects and events [ibid]. Holistic thinkers tend to attend to a whole field, not its segments.

It would appear that endeavors to overcome fragmentation and embrace wholeness have always accompanied *Homo sapiens* on their way to knowledge and awareness for as long as we can remember: “From time immemorial, we, human beings, have sought to overcome the fragmentation in our lives and attain wholeness” [Rosen 1996]. This intellectual perspective was all the rage in the heyday of the Renaissance and, later, Romanticism resulting, among other things, in the conception of *Aesthetic Universality* by the German composer Richard Wagner and, not incidentally, E. A. Poe’s unique artistic theory of *Totality, or Unity of Effect* presented in his critical essays *The Poetic Principle* and *Philosophy of Composition*. This aesthetic credo is precisely the reason for the use of the holistic tactic that is being applied within the framework of this study.

To reiterate, Poe himself is believed to have been the embodiment of analytical thinking (having engendered the genres of intellectual detective story, intellectual science fiction, and having developed the foundations of modern cryptography in his analytical tale *The Gold Bug*). However, it may be hypothesized that, despite common preconceptions, it is possible, arguably, to override this cognitive dichotomy – analytical vs. holistic – and attain this elusive but much desired and sought-after wholeness – in thinking, perception, awareness, information processing – not sacrificing the fruit of logical contemplation in stride. The work of a renowned philosopher and thinker Edgar Allan Poe – not to mention, poet and writer par excellence – demonstrates just that.

Consequently, the research itself employs *holistic* methodology [Josephson, Blair 1996], the outcome of a specific approach to linguistic studies, “one which attempts to deal with the subject matter on a holistic basis, that is to say, we require that our ideas be applicable to the phenomenon of language as a whole, and not to deal with, say, just the linguistic aspects or just the psychological aspects” [ibid: 1]. The tactic in question suggests we look for certain *patterns* when scrutinizing a linguistic (or cognitive) phenomenon, that, the author claims, “convey more information as a group than is conveyed altogether by the elements of the pattern taken separately.”

The specified approach holds singular relevance, resulting, first and foremost, from the challenging strategy, undertaken by Edgar Allan Poe himself in the course of his literary career, the strategy that advocates *holism* as a defining principle, which must underlie the process of creation of any work of art:

*I need only here say, upon this topic, that, in almost all classes of composition, **the unity of effect or impression** is a point of great importance... Without unity of impression, the deepest effects cannot be brought about* [Poe 1899b: 215] (emphasis mine).

*the immense force derivable from **totality*** [ibid] (emphasis mine).

The “total effect” viewed this way is the total (no pun intended) of multiple components incorporated, among those – *corresponding phonetic and lexical units, the plot and composition synchronized, the stylistic coherence* – what has been described in Stylistics as *stylistic convergence*.

The analysis of the corpus of work by Poe, comprising both his fiction and non-fiction, reveals that in order to ensure the required and anticipated *Unity of Impression*, E.A. Poe resorts to certain techniques (both linguistic and, presumably, psychological / cognitive), which constitute his *modus operandi*:

1) Almost mathematical calculation of the anticipated emotional psychological effect a piece of writing should provoke:

*It is my design to render it manifest that not one point in its composition is referable either to accident or intuition – that the work proceeded, step by step, to its completion with the **precision and rigid consequence** of a **mathematical problem*** [Poe 2003: 432] (emphasis mine).

Allegedly, the mathematical design, analytical by nature, helps achieve the *holistic* agenda, paradoxical though it would seem: through formal logic and attention to causality, through detail and thorough analysis, a piece of writing attains totality and precision, evoking a psychological response completely in accordance with the author’s intent.

2) Thorough precision of diction: there must not be a single word in a story or a poem, claims the author, that does not complement the *whole* and fails to contribute to creating the desired effect:

What is worth thinking is distinctly thought; what is distinctly thought can and should be distinctly expressed, **or should not be expressed at all** [Poe 1899a: 66] (emphasis mine).

Poe considers it imperative for works of art to be “consistent art-products” [ibid: 70]. Again, object relationship and logic are cognitive features that are typical of the analytic cognitive style; however, the effect attained via the employment of this precise perspective is nearing holism, where every attribute is inextricably linked with one another. It is no mere coincidence that, many a time, the admirable stylistic unity of E. Poe’s prose and poetry has been commented upon by academics, who emphasize that “the rich communication between formal technique and thematic substance is a quality that Poe’s fiction demonstrates in abundance” [Elder 2005: 16]; that thorough scrutiny reveals a highly consistent, well-organized pattern of theme and form in his works. When examining his method, one becomes convinced that “all of its elements are entirely consistent with one another” [ibid: 83] (emphasis mine).

3) The so-called textual Verisimilitude, or Fictional Truth: E. Poe is credited by a scholar Richard Gerber with inventing what is called “fantastic realism” – the verisimilar

providing a logical, rational underpinning for the fantastic content of his pieces, which results in the paradoxical blend of fiction and truth [Elder 2005: 26]. Thus, the cognitive fusion, the so-called conceptual blending, is attained. This results in the emergence of novel concepts, which never existed prior. Literary creativity is basically creating the reality of the unreal and unfathomable. For something novel, unorthodox to emerge, conventional, normal, regular concepts should be rearranged in a striking arresting fashion, hence new cognitive attributes manifest, contributing to the overall totality and wholeness of the *outré* universe.

Therefore, it stands to reason that from deduction, calculation, and analysis synthesis is born. In Edgar Poe's artistic universe, the analytic serves as but a preliminary step, a precursory stage before the holistic overwhelming arc of thought and expression, of cognition and verbalization may manifest itself in its full potential.

Style – as a literary phenomenon – stems from the cognitive style exhibited by an author, and Edgar Poe, who is renowned for his exceptional intellectual might, both as a writer and a human being, is a perfect template for studying the concept of cognitive styles.

Ultimately, it could be stipulated that all the analytical rational mechanisms, which are symptomatic of an analytical mind and an analytical cognitive style, in Poe's works serve a higher, more sublime function – that of synthesis, amalgamation of assorted separated literary techniques, which are meant to surpass isolation and attain wholeness, indicative of a holistic cognitive style.

References

Blackmur R.P. Afterword // *The Fall of the House of Usher and other Tales: with an afterword by R.P. Blackmur / E.A. Poe.* New York: New American Library, 1960.

Elder M.S. "Never otherwise than Analytic": Poe's Science of the Divine. Raleigh: The North Carolina State University, 2005.

Johnson D. Dreams of E.A. Poe // *America — Engaging the World.* 2009. URL: <http://www.america.gov/publications/books/poe.html>

Josephson B.D., Blair D.G. A Holistic Approach to Language. Cambridge: Cavendish Laboratory, 1996.

Koo M., Choi J. A., Choi I. Analytic versus Holistic Cognition: Constructs and Measurement // *The Psychological and Cultural Foundations of East Asian Cognition: Contradiction, Change, and Holism / J. Spencer-Rodgers, K. Peng (Eds.).* Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 105-134.

Messick S. The Matter of Style: Manifestations of Personality in Cognition, Learning, and Teaching. Princeton, New Jersey: Educational Testing Service, 1993.

Oxford Concise Dictionary of Linguistics / ed. by P. H. Matthews; 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Riding R.J., Cheema I. Cognitive Styles: An Overview and Integration // *Educational Psychology.* 1991. Vol. 11. Pp. 193-215.

Riding R.J., Glass A., Douglas G. Individual differences in thinking: Cognitive and neurophysiological perspectives // *Educational Psychology.* 1993. Vol. 13. No. 3-4 (Special issues: Thinking). Pp. 267-279.

Poe E.A. Criticisms // *The Works of Edgar Allan Poe in Four Volumes / E. A. Poe; edited by John H. Ingram.* London: A. & C. Black, Soho Square, 1899a. Vol. 4. Autobiography, Criticisms, and Index.

Poe E.A. Nathaniel Hawthorne // The Works of Edgar Allan Poe in Four Volumes / edited by John H. Ingram. London: A. & C. Black, Soho Square, 1899b. Vol. 4. Autobiography, Criticisms, and Index.

Poe E.A. The Philosophy of Composition // The Fall of the House of Usher and Other Writings. London: Penguin Books Ltd., 2003.

Quinn A.H. Edgar Allan Poe: A Critical Biography. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1998.

Rosen S. Wholeness as the Body of Paradox // The International Focusing Institute. 1996. URL: http://www.focusing.org/apm_papers/rosen.html

Sternberg R.J., Grigorenko E.L. Are Cognitive Styles Still in Style? // American Psychologist. 1997. Vol. 52. No. 7. Pp. 700-712.

Е.Ю. Мальнева (Хабаровск, Россия)

*Тихоокеанский государственный университет
ekaterinamalneva@gmail.com*

«ВСЕГДА В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ АНАЛИТИЧЕН»: ХОЛИСТИЧЕСКИЙ КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ И ФЕНОМЕН ЭДГАРА ПО

В статье обсуждаются вопросы, сопряженные с категорией когнитивных стилей, а также исследуются возможные механизмы манифестации этих конструктов в художественной литературе, в частности в произведениях Эдгара Аллана По, легендарного американского поэта-романтика. Было установлено, что люди в большинстве своем различаются по определенным параметрам когнитивных стилей, им присущих, среди них – по шкале «холистическое-аналитическое измерение». Анализ текстов По демонстрирует, что для того, чтобы обеспечить требуемую стилистическую цельность и когерентность произведений, что, предположительно, является следствием холистического когнитивного стиля, свойственного автору, Э. По использует определенные лингвистические средства, которые и формируют авторский *modus operandi*.

Ключевые слова: когнитивная наука, когнитивный стиль, холистический, аналитический, Эдгар Аллан По

О.В. Палехова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
palekhova@mail.ru*

АЛЛЮЗИИ В НЕМЕЦКИХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПЛАКАТАХ

Данная статья посвящена аллюзивным отсылкам в современных немецкоязычных предвыборных плакатах, выступающих в качестве политической рекламы, направленной на привлечение к себе внимания массового адресата и, как следствие, воздействия на его политические предпочтения через эмоциональную и когнитивную сферы.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный плакат, аллюзия, поликодовый текст, массовый адресат

Современный политический дискурс, как и любой дискурс, направлен на взаимодействие его участников, а также на опосредование тех или иных установок и формировании мнений, т.е. является как минимум коммуникативно-прагматически

обусловленным. Особой разновидностью политического дискурса является предвыборный дискурс, выступающий прямо или косвенно политической рекламой, реализуемой посредством как вербальных и невербальных (аудиовизуальных), так и поликодовых текстов. Постоянно совершенствующиеся способы воздействия на массового адресата с целью изменений его представлений о политической реальности подразумевают осознанный выбор тех или иных языковых средств, в частности – включение в текст прецедентных феноменов и аллюзий, «позволяющих вовлечь адресата в активный интерпретационный процесс, побудить его «распознавать» отсылки к тем или иным событиям или ситуациям и, как следствие, получить эмоциональное удовлетворение от декодирования полуимплицитных смыслов» [Палехова 2024: 94].

Следует отметить, что в предвыборных кампаниях визуальная составляющая всё чаще выходит на первый план, что, по мнению исследователей, обусловлено более простым и быстрым способом восприятия информации современного адресата, перегруженного информацией и отдающего предпочтение «картинкам» [Kießling, Zollies 2005: 50], вызывающим больший эмоциональный отклик, чем вербальные тексты. Как следствие, одним из распространенных способов политического дискурса выступает такой поликодовый политический текст, как предвыборный плакат, в котором тесно взаимодействуют вербальные и невербальные компоненты, так называемая многослойность которых обеспечивается интертекстуальностью. Аллюзии предполагают актуализацию в сознании потенциального адресата нужных фреймов и образов [Бабаева 2018: 11].

В данном исследовании были отобраны и проанализированы актуальные политические плакаты партий АдГ, ССВ, ХДС перед выборами в земельные парламенты Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга в 2024 г., преследующие цель внушения потенциальным избирателям «правильного» выбора посредством эмоционально-оценочных ассоциаций. Оценка имплицитруется отсылками к национально-значимой информации, к известным фразеологическим единицам, к ставшим уже стереотипными высказываниям известных политиков и другим прецедентным феноменам, легко декодируемых массовым адресатом. Примером аллюзии может служить предвыборный плакат СДПГ (SPD), отсылающий, с одной стороны, к прецедентному высказыванию «время правосудия» (“Zeit für Gerechtigkeit”), несколько трансформированному во «время для большей справедливости», в котором актуализируется второе значение ключевого существительного “Gerechtigkeit” (“Zeit für mehr Gerechtigkeit”), с другой стороны, к широко известному в Германии факту, что женщины получают минимум на двадцать процентов меньше своих коллег мужчин. Плакат (см. рис. 1) имплицитует справедливую оплату труда и адресован женщинам как потенциальным избирательницам:

Примером аллюзивной отсылки к крылатому выражению и прецедентной ситуации может служить предвыборный плакат Союза Сары Вагенкнехт (BSW), на котором Krieg oder Frieden? («Война или мир?») отсылает, во-первых, к известному

произведению русского автора Льва Толстого (Война и мир), во-вторых, к прецедентной ситуации – специальной военной операции России, обозначаемой в немецких массмедиа войной. Таким образом, рекламный плакат с лозунгом «у вас есть СЕЙЧАС выбор!» (Sie haben JETZT die Wahl!) имплицитно, что, выбирая ССВ выбираешь мир (рис. 2). На наш взгляд, посредством выделенного капслоком «сейчас» актуализируется общепринятый в вербальном тексте способ кодирования эмоционально значимой информации, т.е. «выбирай сейчас!».

Рис. 1. Кто делает работу на 100%, не должен зарабатывать на 21% меньше

Рис 2. «Война или мир?»

Предвыборные плакаты партии АдГ часто содержат аллюзивные отсылки к таким актуальным для общества темам, как мигранты и связанные с ними проблемы. Так, например, следующий предвыборный плакат (рис. 3) содержит отсылку к высказываниям правящей коалиции о том, что дети мигрантов – это «новые немцы». Политическая цитата трансформирована в уточняющий вопрос *Neue Deutsche?* («Новые немцы?»), который в опоре на предлагаемый далее ответ *Machen wir selber* («Сделаем сами») и визуальный компонент привносит в аллюзивный текст дополнительный смысл, скрытую оценку как партии оппонентов, так и своей партии.

Каждый предвыборный плакат содержит в своей структуре лозунг, который нередко отсылает к определенной прецедентной ситуации. Так, например, лозунг «Германия, верь в себя!» отсылает, с одной стороны, к прецедентным текстам (*Traudich*: в названиях передач и песен), с другой, имплицитно призывает голосовать за партию, против которой открыто выступает правящая коалиция, обвиняя в националистических идеях.

На предвыборных плакатах в земельный парламент Бранденбурга (рис. 4) также содержится несколько аллюзивных отсылок к политической ситуации. Во-первых, затрагивается тема исламизации, к которой отсылает вошедший уже в активный словарь европейцев авторский окказионализм *Eurabien* (Еврабия: контаминация Европа и Арабия). Во-вторых, отсылка к устоявшемуся представлению о том, что в мусульманских странах у женщин нет прав. Отсылкой служит визуальный

компонент предвыборного плаката, имплицитно потенциальное отношение к женщине как к товару, если Европа превратится в Евробию.

Рис. 3. «Новые немцы?» Сделаем сами.

Рис. 4. «Чтобы Европа не стала Евранией»

Следует также отметить, что лозунг «Европейцы выбирают АдГ!» (Europäer wählen AfD!) также отсылает к уже прошедшим выборам в земельные парламенты Саксонии и Тюрингии, на которых партия получила рекордное количество голосов, став первой в Тюрингии и второй с полуторапроцентным отставанием в Саксонии.

Таким образом, в немецкоязычных предвыборных плакатах с целью наибольшего воздействия на эмоционально-когнитивную сферу потенциальных избирателей нередко содержатся аллюзивные отсылки к крылатым выражениям или другим фразеологическим единицам, иногда несколько трансформированным для порождения новых смысловых связей.

Литература

Бабаева Р.И. Предвыборный политический плакат как средство убеждения (на материале немецких и российских плакатов) // Политическая лингвистика. 2018. С. 10-15.

Денисова Е.П. Языковая игра как средство воздействия на избирателей (на материале предвыборных плакатов на немецком языке) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. № 4 (67). 2020. С. 116-121.

Палехова О.В. Прецедентные феномены в немецких массмедиа // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных статей. СПб.: СПбГЭУ, 2024. С. 94-97

Kießling D., Zollies U. Politische Werbung in modernen Wahlkampagnen. 2005. S. 47-55.

O.V. Palekhova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics

ALLUSIONS IN GERMAN ELECTION POSTERS

This article is devoted to allusive references in modern German-language election posters, which act as political advertising aimed at attracting the attention of the mass addressee and, as a result, influencing his political preferences through the emotional and cognitive spheres.

Key words: political discourse, election poster, allusion, polycode text, mass addressee

Л.В. Пахомов (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Пермский государственный институт культуры
pahomov_l@mail.ru*

Д.С. Павлова (Пермь, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет;
Пермский государственный национальный исследовательский университет
pavlovads@mail.ru*

КАК ПАХНЕТ «ИСКУССТВО»? СЕНСОРНЫЕ ПРИЗНАКИ АБСТРАКТНОГО КОНЦЕПТА¹

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, в котором информантам предлагалось описать абстрактный концепт ИСКУССТВО через восприятие разными органами чувств. Полученные реакции распределены на тематические группы для каждой сенсорной системы. Кроме того, представлена визуализация концепта ИСКУССТВО, построенная на основе наиболее частотных реакций.

Ключевые слова: концепт, восприятие, искусство, сенсорные признаки, ассоциативный эксперимент

Существуют исследования абстрактных концептов, построенные на анализе фразеологических единиц (см., например, [Попова 2003; Райымова 2023] и др.), словарных дефиниций (см., например: [Ерофеева, Жданова 2022; Радби́ль, Сайгин 2019] и др.). В настоящей работе нами был проведен ассоциативный эксперимент, в рамках которого информантам необходимо было ответить на следующие вопросы: *Если бы искусство можно было потрогать, каким бы оно было на ощупь? Как звучит искусство? Если бы искусство имело запах, то какой? Если бы искусство можно было попробовать на вкус, каким бы он был? Какой формы искусство?* Каждый вопрос связан с определенной сенсорной системой: осязательной, аудиальной, обонятельной, вкусовой и визуальной.

В эксперименте приняли участие 104 информанта – подростки в возрасте 14–17 лет, обучающиеся в образовательном центре «Сириус». Всего было получено 520 реакций (по 104 реакции на каждую сенсорную систему). Реакции распределялись по тематическим группам внутри каждой сенсорной системы. При распределении реакций по тематическим группам одна и та же реакция могла быть отнесена как к одной, так и к нескольким тематическим группам одновременно. Например, реакция на вопрос «Если бы искусство можно было попробовать на вкус, каким бы он был?» *Как желтые аскорбинки – притягательно кислым* была отнесена в тема-

¹ Исследование выполнено при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, проект ID 94034584 «Механизмы чтения и интерпретации текста на родном и неродном языках: междисциплинарное экспериментальное исследование с использованием методов регистрации движения глаз, визуальной аналитики и технологий виртуальной реальности»

тические группы объект (аскорбинка как объект), качество (кислым как качество вкуса) и оценка (прятательно как оценка вкуса говорящим).

На рис. 1–5 представлены относительные объемы распределения реакций по тематическим группам внутри каждой сенсорной системы.

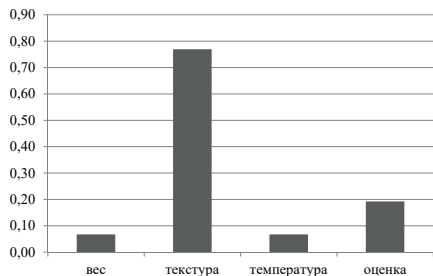

Рис. 1. Распределение реакций по тематическим группам тактильного восприятия

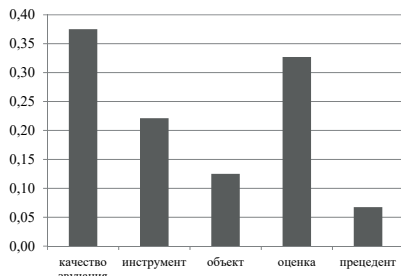

Рис. 2. Распределение реакций по тематическим группам аудиального восприятия

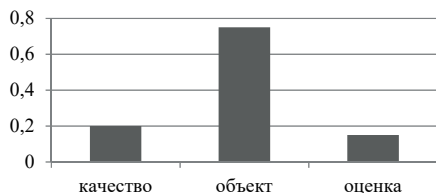

Рис. 3. Распределение реакций по тематическим группам обонятельного восприятия

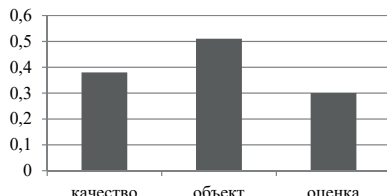

Рис. 4. Распределение реакций по тематическим группам вкусового восприятия

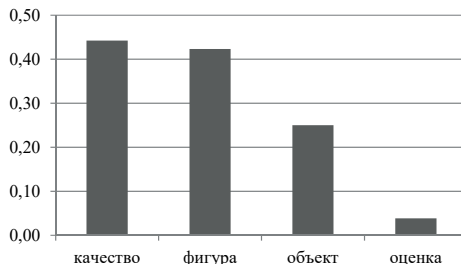

Рис. 5. Распределение реакций по тематическим группам зрительного восприятия

Рис. 6. Представление об искусстве на основе реакций, созданное нейросетью Midjourney

Осязательная сенсорная система. Из рисунка 1 видно, что концепт ИСКУССТВО чаще всего воспринимается информантами через текстуру. Они называли искусство *мягким, гладким, вязким, пупырчатым, шершавым, колючим, хрупким* и др., сравнивали с *бархатной бумагой, велюровой тканью, мрамором, пуховым одеялом* и т.п.

Аудиальная сенсорная система. Рисунок 2 демонстрирует разнообразие распределения реакций по тематическим полям. Так, самым объемным стало поле «качество звучания», в которое вошли реакции *мелодично, звенит, гармонично, во всех регистрах* и др. Следующим по объему стало поле «оценка», в него вошли такие реакции, как *таинственно, красиво, успокаивающе, печально, как голос любимого человека* и др. Далее идет поле «инструмент» с вошедшими реакциями *скрипка, пианино, терменвокс, редкие звуки челесты с интервалами* и др.

Обонятельная сенсорная система. На рисунке 3 показано, что запах «искусства» воспринимается информантами через конкретные объекты, например, запах *листьев, книг, моря, кофе, роз, корицы, персиков* и др.

Вкусовая сенсорная система. Рисунок 4 иллюстрирует довольно равномерное распределение реакций по тематическим полям «объект», «качество» и «оценка». Так, реакция *вкус сладкого горячего черного чая с имбирем* вошла в поля «объект» и «качество», *вкус любимого блюда* – в поля «объект» и «оценка» и т.п.

Визуальная сенсорная система. Из рисунка 5 ясно, что зрительное восприятие концепта ИСКУССТВО включает качественную характеристику (*бесформенное, хаотичное, меняющееся, кружевное, расплывчатое* и др.), а также искусство соотносится с определенной геометрической фигурой (*ромбосуженный тришестиугольник, фуллерен, эллипсоид, шар* и др.).

Далее на основании самых частотных реакций с помощью нейросети Midjourney была получена визуализация концепта ИСКУССТВО (см. рис. 6). Так, искусство представляется информантам как что-то круглое, плавное, волнообразное, благоухающее цветочными ароматами, молочно-оранжевого цвета, движущееся в ритме вальса.

В дальнейшем планируется исследование представлений об абстрактном концепте через персонификацию искусства.

Литература

- Ерофеева Т.И., Жданова Ю.В. Лексема «политика»: семантический анализ словарных дефиниций в русском языке // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 109-114.
- Попова З.Д. Концептуальная природа абстрактных понятий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 132-142.
- Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 36-59.
- Райимова Г.С. Связь концепта «душа» с соматическими концептами «сердце», «кровь», «печень», «легкие» на основе фразеологических единиц // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2023. № 9. С. 374-377.

L.V. Pakhomov (Perm, Russia)

Perm State University,
Perm State Institute of Culture

D.S. Pavlova (Perm, Russia)

St. Petersburg State University,
Perm State University

WHAT DOES “ART” SMELL LIKE? SENSORY CLAIM OF AN ABSTRACT CONCEPT

The article presents the results of an associative experiment in which informants were asked to describe the abstract concept ART through perception by different senses. The responses obtained are divided into thematic groups for each sensory system. In addition, a visualization of the concept ART is presented, based on the most frequent responses.

Key words: concept, perception, art, sensory features, associative experiment

Т.Ю. Передриенко (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
peredrienkoti@susu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОПЫТА ВКУСОВЫХ ОЩУЩЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Целью написания статьи является изучение способов репрезентации отрицательного опыта вкусовых ощущений. На материале отзывов ресторанных критиков определяются признаки отрицательного вкусового опыта, которые концептуализируются русской лингвокультурой, а также анализируются и описываются способы языковой вербализации данных признаков в русском языке.

Ключевые слова: вкусовое восприятие, перцептивная лексика, ресторанный критик, концептуализация, лингвокогнитивный подход

Вопросы понимания природы вкусовых ощущений и способов их языкового описания, несмотря на долгую историю изучения, остаются актуальными для современных ученых. А.В. Нагорная отмечает, что научное переосмысление роли вкусового восприятия началось в начале XXI в., когда значение вкуса для человека было переведено с бытового уровня на уровень культуры [Нагорная 2023: 80]. В настоящее время вкусовая модальность представляет интерес для лингвистов тем, что позволяет получать информацию о процессах концептуализации чувственного опыта человека в изучаемых лингвокультурах. Вкусовое восприятие, с одной стороны, универсально для человечества, но с другой стороны, представители разных культур имеют индивидуальные предпочтения, которые формируются под влиянием принадлежности к различным культурным обществам.

Восприятие вкуса состоит из нескольких этапов, включающих возникновение ощущений во время принятия пищи, дифференциацию, интерпретацию и оценку полученных ощущений [Сакаева и др. 2023]. Дальнейшая языковая вербализация

вкусовых ощущений является интересным и непростым процессом, поскольку возникает проблема поиска «лингвистических эквивалентов для разных значений вкусовой шкалы». О.В. Чалей объясняет это тем, что «семантический словарь индивидуума для описания вкуса более ограничен, чем способность чувствовать» [Чалей 2017: 26]. Целью написания данной статьи является изучение репрезентации отрицательного опыта вкусовых ощущений. Выбор в качестве предмета исследования перцептивной лексики, номинирующей отрицательные ощущения, обусловлен недостаточной изученностью лексических единиц этой тематической группы, а также важностью определения признаков отрицательного вкусового опыта, которые концептуализируются в русской лингвокультуре.

В качестве материала исследования использовались отзывы ресторанных критиков, из которых методом сплошной выборки были отобраны отрицательные репрезентации вкусовых ощущений. Корпус выборки составил 150 отзывов, а количество примеров, номинирующих отрицательные вкусовые ощущения – 278. Материал исследования был получен с сайтов: <https://www.restoran.ru/>; <https://allcafe.ru/reviews/kolonka-restorannogo-kritika/>; <https://www.restorating.ru/spb/>; <https://resto74.ru/critic-gloriankinski>. В работе применялся лингвокогнитивный подход, предусматривающий изучение взаимодействие языка, сознания и социокультурного опыта людей.

Ресторанная критика представляет собой совокупность медиатекстов, в которых предлагается анализ и оценка места общественного питания и еды, которая там подается. Отзывы ресторанных критиков ориентированы на массовую аудиторию, они создают тренды, влияя на выбор потребителей и формируют культуру питания в обществе [Тепляшина 2015]. Е.К. Рева и Т.Д. Михайлова утверждают, что «с теоретической точки зрения критика рассматривается как самопознание культуры, которое дополняется изучением отношений культуры с социумом» [Рева, Михайлова 2017: 156]. Всё это позволяет рассматривать ресторанный критику как валидный материал для изучения фрагментов гастрономического кода культуры.

Рецензия блюд является ключевой составляющей ресторанный критики, еда оценивается по ряду критериев и на основании соответствия или несоответствия им могут быть выделены признаки отрицательного вкусового опыта. Анализ материала показал, что самым частотным является признак «несоответствие норме / рецепту». Данный признак определяется по таким критериям как состав, а именно количество ингредиентов и их сочетаемость (*чересчур насыщенный вкус из за избытка ингредиентов; скверно сочетающиеся ингредиенты*), жирность (*картофель фри, как губка, пропитан жиром; рыба плавала в масляной луже*), текстура продуктов (*бургер «радует» ватной булкой, которая быстро промокает и становится похожа на кашу; десерт имеет текстуру не крема, а омлета*), количество соли, сахара и специй (*баланс сахара неоптимален; соли просит каждый кусочек; суп нещадно переперчен*), сочность (*сочность у мяса отсутствует; тунец сухой на вкус*) и готовность (*тесто пиццы сырое внутри и неравномерно пропеченное; корочка крема-брюле подгорела*).

Нарушение технологии готовки блюда приводит к «отсутствию / потере вкусовых качеств» (*трюфель теряется в натертой стружке и совсем не чувствуется; тирамису без привкуса маскарпоне; соус забивает вкус мяса*). При неопределенности критериев или их совокупности блюдо может получить общую отрицательную оценку (*вкус скучный, погибший; абсолютно не вкусно; кухня невнятная*).

Следующий признак «вредность для здоровья» характеризуется критериями несвежести и плохого качества продуктов, входящих в состав блюда (*разваливающийся заветренный оливье; котлеты не первой свежести; лежалая буженина*), которые приводят к неблагоприятному воздействию на организм человека (*не самый легкий для переваривания продукт; все нездоровое и ненатуральное*).

Неудачная подача блюда также формирует отрицательный вкусовой опыт. Признак «качество подачи» определяется критерием связи с другими перцептивными модальностями. Интуитивно перед принятием пищи субъект восприятия оценивает внешний вид блюда, его запах, чтобы понять съедобное оно или нет. Некрасивый зрительный образ блюда, резкий, неприятный запах или его отсутствие, неподходящий температурный режим равным образом становятся основаниями для критического отзыва (*тонкая колбаска от стыда за бледную кожу укрылась безжизненным лавашом; уже внешне десерт не безупречен; абсолютно нулевая ароматика; бекон с душиком; не суп, а отвратительная холодная субстанция*).

Способы языковой вербализации отрицательного вкусового опыта достаточно разнообразны. Для характеристики признака «несоответствие норме / рецепту» применяются прилагательные с отрицательной коннотацией (*жирный, пересоленный, разваренный, пригорелый, подгорелый, водянистый, полусырой, приторный*), на признак «отсутствие / потеря вкусовых качеств» указывают лексические единицы (*безвкусный, невкусный, малосъедобный, пресный, невнятный*), признак «вредность для здоровья» вербализуется прилагательными (*прокисший, испорченный, ненатуральный, несвежий, нездоровый, лежалый*), а признак «качество подачи» актуализируется лексическими единицами (*неаппетитный, неприятный*). Критики также активно прибегают к использованию эпитетов, выражающих негативную оценку характеристик еды (*вкус – скучный, унылый, газетный, погибший; еда – фоновая, постсоветская, непристойная; картофель фри – нежизнерадостный, уставший*).

Общая отрицательная оценка вкусового опыта вербализуется наречиями (*невкусно, безвкусно, неинтересно, посредственно, вяло, неумело, беспомощно*), а степень выраженности признаков номинируется наречиями-интенсификаторами (*абсолютно, слишком, чересчур, очень, более, менее*). Для выражения общего отрицательного вкусового опыта также используются существительные, когда критики выставляют оценку за блюдо (*кофе, мягко говоря, на троечку; по кулинарии твердая двойка*). Негативное отношение может демонстрироваться при помощи словообразования, когда к названию блюда добавляют приставку *недо-*, имеющую

значение «недостаточности или неполноты в сравнении с какой-либо нормой» (*недоцеzarь*).

Общий негативный вкусовой опыт выражается глаголами с отрицательной коннотацией (*вкус отсутствует, теряется, задавлен, забит*), глаголами с частицей *не* (*не почувствовать вкус; не получить удовольствие от еды; не нравится еда*). Глаголы также вербализуют процессы или проявления признаков, приводящие к отрицательному вкусовому опыту (*сочность отсутствует; стейк не дожарен; корочка подгорела; панировка не вышла; лук горчит*). Негативные впечатления репрезентируются через отрицание положительных эмоций во время принятия пищи (*радости не пришло; удовольствие не появилось; соус эмоций не вызвал; все прошло без восторга*). Кроме того, графические средства помогают критикам демонстрировать свою оценку, например, использование кавычек для актуализации иронического смысла (*бургер «радует» ватной булкой; булочки собственной выпечки особенно «впечатлили»*).

Для яркой образности отрицательного опыта вкусового восприятия в отзывах используются метафоры (*холестериновая бомба, куриные останки, какофония, дисгармония; удар под дых*), сравнения (*стейк резиновый, как подошва; бежевое, как письмо бухгалтера*) и олицетворения (*ягоды в соус не добрались; соль просит каждый кусочек*). Использование ярких стилистических средств объясняется желанием по-новому убедительно представить тот опыт, который запомнился отрицательными впечатлениями.

В заключении можно сделать вывод, что в русской лингвокультуре при концептуализации отрицательного вкусового опыта актуализируются признаки «несоответствие норме / рецепту», «отсутствие / потеря вкусовых качеств», «вредность для здоровья», «качество подачи», а также при неопределенности критериев или их совокупности еда получает общую отрицательную оценку. С лингвистической точки зрения репрезентация отрицательного вкусового опыта интересна тем, что задействуется арсенал средств, чтобы представить ощущения, заставить читателей пережить их и сделать их запоминающимися.

Литература

Нагорная А.В. Метафорические средства описания вкусового ощущения в современной англоязычной культуре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 79-97.

Рева Е.К., Михайлова Т.Д. Теоретическое осмысление ресторанной критики в журнальной периодике // Коммуникология. 2017. № 5 (6). С. 156-169.

Сакаева Л.Р., Мефодьева М.А., Гутман Е.В. Характеристика категории вкуса в логико-пояснительном пространстве языка // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 560-562.

Тепляшина А.Н. Профессиональная критика ресторанов в деловой прессе как фактор жанровой модификации рецензии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 195-204.

Чалей О.В. Концептуализация вкусовых ощущений в естественном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

T.Yu. Peredrienko (*Chelyabinsk, Russia*)

South Ural State University (national research university)

REPRESENTATION OF NEGATIVE TASTE EXPERIENCE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article aims to study the representation of negative taste experience in the Russian language. Based on the reviews of restaurant critics the features of negative taste experience conceptualized by Russian linguistic culture are identified. The author analyses and exemplifies language representation of the studied features.

Key words: taste perception, perceptual vocabulary, restaurant review, conceptualization, linguo-cognitive approach

T.A. Рохлина (*Рязань, Россия*)

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
t_rokhlina@mail.ru*

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА РОДИТЕЛЯ И РЕБЕНКА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМОВ ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ «НЕТ, ЭТО НОРМАЛЬНО»)

В работе представлены результаты исследования 192 мемов электронного издания для родителей, приводятся характеристики, формирующие образ родителя и ребенка в исследуемом жанре интернет-дискурса, объясняется механизм формирования образа родителя и ребенка посредством полимодальной метафоры в рассматриваемых мемах.

Ключевые слова: медиадискурс, интернет-дискурс, мем, ментальное пространство, полимодальная метафора, комический эффект

Медиадискурс играет значительную роль в формировании картины мира современного человека. Существуют разные жанры медиадискурса, предназначенные для разных групп адресатов и имеющие вследствие этого набор различных средств коммуникации, на которые необходимо обратить внимание при лингвокогнитивном анализе. Как справедливо отмечает Н.Н. Оломская, адресат медиадискурса непосредственно вовлечен в ситуацию общения, «интенции адресанта воспринимаются адресатом как свои собственные», а сообщение отправляется именно той группе адресатов, на которую оно ориентировано, тем самым влияя как на массовое сознание, так и на сознание отдельного индивидуума [Оломская 2013: 252].

Одной из основных характеристик современного медиадискурса является полимодальность, которая позволяет автору сообщения задействовать разные средства, механизмы и каналы восприятия для достижения коммуникативной цели. Поэтому важно установить, какими средствами разные жанры медиадискурса формируют образы в сознании групп людей – адресатов данного дискурса.

В работе Н.А. Ахреновой употребляется термин «интернет-дискурс», который, на наш взгляд, является наиболее удачным при описании и классифицировании отобранных для анализа полимодальных произведений. «Интернет-дискурс» – открыва

совокупность текстов разнообразной интегрированной тематики – от бытовой до научной – как форма вербализации ментальности пользователей в широком смысле [Ахренова 2018: 24]. Исследователь предлагает выделять в интернет-дискурсе ряд дискурсивных жанров: блог-дискурс, чат-дискурс, форум-дискурс и т.п. [Там же].

Для анализа был выбран дискурс сообщества ВК электронного издания «Нет, это нормально (НЭН)». Как пишет само издание – «это медиа, оказывающее все-стороннюю поддержку родителям на каждом этапе этого удивительного пути... Мы пишем о здоровье, деньгах, кризисах детских и взрослых, о школе, работе и о том, как это все сочетать, о подростках и младенцах, о радостях и гадостях родительства, о всех аспектах детской и взрослой жизни» [НЭН]. В целом, издание позиционирует себя как поддерживающее в родительстве.

Для отбора материала были рассмотрены полимодальные произведения за период с июня по декабрь 2024 г., сгруппированные под хештегом #мемы_нэн, которые в емкой и лаконичной форме транслируют определенные образы, связанные с родительством. В России, прежде всего, участником-адресатом такого дискурса является мать, ведь, несмотря на то что в последнее время отец становится активно вовлеченным в процесс ухода за детьми, и зачастую оба родителя делят эти обязанности, вплоть до разделения отпуска по уходу за ребенком, все же традиционное распределение ролей в семье преобладает.

Полимодальные сообщения были разделены на следующие группы по композиционному признаку:

1) собственно **мемы**, в которых присутствует пространство-бленд [Рохлина 2024: 65], формируемое исходным пространством 1 (вербальным представлением актуальной ситуации) и исходным пространством 2, которое в свою очередь формируется: а) отсылкой к прецедентному феномену посредством картинки или видео; б) отсылкой к некоторому образу посредством картинки или видео, без наличия прецедентного феномена.

2) **анекдоты**, представленные вербально и оформленные в едином стиле с полимодальными произведениями группы 1).

Были исследованы собственно мемы (произведения из 1-й группы) в количестве 192, в которых присутствуют различные характеристики родителя (чаще матери) и ребенка. Из общего числа мемов 122 составили мемы, характеризующие родителя, и 70 – мемы, характеризующие ребенка. Необходимо отметить, что характеристики как родителя, так и ребенка даются с точки зрения родителя, поскольку именно он, а не ребенок является адресатом дискурса данного издания.

В сообщениях-мемах для воплощения разных сторон образов родителя и ребенка автор прибегает к использованию полимодальной метафоры, невербальный компонент которой является экспрессивным, и за счет этого оказывает сильное воздействие на адресата. Вербальный и визуальный компоненты функционируют только во взаимодействии, «запуская» метафорический перенос свойств одного ментального пространства на другое, в соответствии с теорией концептуальной ин-

теграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier, Turner 2003]. На рис. 1 представлен мем, в котором пространство-бленд формируется в результате наложения ситуации, описанной вербально, на образ, представленный на фотографии: возникает образ уставшей, не выпавшейся матери. Комический эффект сообщению придает сравнение матери с птицей и внешнего сходства изображенной птицы с представлением о том, как выглядит крайне уставший человек.

Основными характеристиками, представленными в мемах и формирующими образ родителя (матери), являются следующие:

1) уставшая, не высыпается – 14%; 2) устала находиться с ребенком – 5%; 3) не любит советы от посторонних людей – 5%; 4) выглядит некрасиво, неухоженно – 4%; 5) не имеет помощи – 3,3%.

Среди прочих характеристик отмечаются следующие: не хочет выходить из дома на встречу с подругами; «сидит в телефоне» перед сном; любит спать; уставший организм после родов; нет времени на самореализацию; не любит музыкальные игрушки; всеильная; хочет побыть в одиночестве; умиляется спящему ребенку; постоянно наводит порядок; нуждается в психиатре или психологе; устала от кризисов ребенка; не соблюдает правила; не может заставить детей наводить порядок; ругается из-за беспорядка в доме; сложно уложить ребенка в кровать; сложно собрать ребенка на прогулку; испытывает репродуктивное давление; добрая в кадре на фото – злая за кадром; делает вид, что интересуется бессвязным рассказом ребенка; удивляется, когда ребенок навел порядок в комнате; не любит общаться на детской площадке; избегает споров в родительских чатах; тратит деньги на маркетплейсах; боится детских болезней, вирусов; нет времени на прием пищи; нет времени на уход за собой; сложно собрать семью за стол; пьет остывший чай-кофе; делает уроки с ребенком; нужно брать с собой много вещей для ребенка (на прогулку, в поездку); читает детские книги вместо книг для взрослых; удивляется дорогим запросам ребенка; «затрогана» детьми; имеет много фотографий ребенка в телефоне.

Рис. 1. Образ матери в интернет-дискурсе

Основными характеристиками ребенка являются следующие:

1) устраивает истерики – 10%; 2) никак не уснет – 7%; 3) собирает палки, камни – 5,7%; 4) ест несъедобное – 4,3%.

Среди прочих характеристик отмечаются следующие: идет против правил; кушается; теряет одежду; любит «низкий» юмор; неаккуратно моется; неаккуратный; неуважителен к родителям; не любит стричь ногти; любит спать в родительской кровати; устраивает беспорядок во время игры; плохо ведет себя в очереди в поликлинике; устраивает беспорядок в доме; жаждет внимания; подробно обо всем рассказывает; гордится бесполезными умениями; общительный; долго собирается с мыслями прежде чем что-то сказать; мешает заниматься делами; предпочитает играть с бытовыми вещами, а не с игрушками; делает селфи в телефоне родителя; хранит старые безделушки; ярко одевается; в садике ведет себя хорошо, дома – нет; непредсказуем в предпочтениях в еде; не дает надеть на себя колготки; надкусывает печенья; не любит вставать рано в детский сад, но встает рано в выходные; любит сладкое и играть в планшет; показывает детские трюки; не слушается; одевается не по случаю; долго одевается и обувается; быстро устает от пеших прогулок.

Как следует из представленных характеристик, абсолютное большинство из них создают тот образ родителя и ребенка, который не является желаемым и не соответствует идеальному представлению о родительстве. Тем не менее, призма комизма, сквозь которую пропускается смысл сообщения, и комический эффект, возникающий при наложении одного исходного ментального пространства на другое, снимают серьезность с тона сообщения и превращают сообщение в шутку, благодаря чему отрицательные или нежелательные характеристики сглаживаются при восприятии адресатом.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что мемы на тему родительства являются сообщениями, содержащими определенные характеристики родителя и ребенка, позволяющие с помощью полимодальной метафоры сформировать их образ в жанре данного интернет-дискурса: родитель испытывает неудобства и переживает негативные чувства, а ребенок доставляет родителю неудобства, однако, нежелательные характеристики сглаживаются комическим эффектом. Образы, создаваемые произведениями жанров интернет-дискурса, являются значимыми для определенных социальных групп, по ним можно судить о тенденциях и преобладающих характеристиках материнства, родительства и детства в определенный период времени.

Литература

- Ахренова Н.А.* Доминанты современной интернет-лингвистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи, 2018.
- НЭН – Нет, это нормально. URL: <https://n-e-n.ru>
- Оломская Н.Н.* К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 250-259.
- Рохлина Т.А.* Интеграция ментальных пространств в интернет-мемах // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 4 (71). С. 61-68.
- Fauconnier G., Turner M.* Conceptual Blending, Form and Meaning // *Recherches en Communication*. 2023. Vol. 19. Pp. 57-86.

T.A. Rokhlina (Ryazan, Russia)

Ryazan State University named for S.A. Yesenin

THE METAPHORICAL MECHANISM OF EMBODYING THE IMAGE OF A PARENT AND A CHILD IN INTERNET DISCOURSE (THE CASE OF MEMES IN THE E-PUBLICATION “NET, ETO NORMAL’NO”)

This paper presents the results of a study of 192 memes in an electronic publication for parents, provides characteristics that form the image of a parent and a child in the genre of Internet discourse under study, explains the mechanism of forming the image of a parent and a child by means of a polymodal metaphor in the memes under consideration.

Key words: media discourse, Internet discourse, meme, mental space, polymodal metaphor, comic effect

Ф. Руджеро (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

federica.ruggeri@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МОДУСА ОЦЕНКИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЭМОТИВОВ НА ВЫБОР ЖЕСТИКУЛЯЦИОННОЙ РУКИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В статье освещаются результаты анализа глагольных эмотивов и сопровождающих их одnorучных и двуручных жестов в теледискурсе. Полученные результаты доказывают, что в российском и итальянском теледискурсах выражение положительного и нейтрального оценочного модуса отличается жестикуляционной рукой, в то время как выражение отрицательной оценки характеризуется двуручными жестами в обеих лингвокультурах.

Ключевые слова: глагольные эмотивы, жестовые сопроводители, эмоции, модус оценки, теледискурс

Цель нашего исследования – выявление устойчивых зависимостей между оценочным модусом глагольных эмотивов (далее – ГЭ) и использованием одной или двух рук для исполнения жестов, которые сопровождают ГЭ в теледискурсе на русском и итальянском языках. Для достижения этой цели нам потребовалось реализовать следующие задачи: (i) проанализировать современные концепции российских и зарубежных ученых об изучении такого параметра жеста, как «handedness» («рукость»), и его взаимодействие с речью; (ii) провести анализ выявленных ГЭ по их оценочному модусу (положительному, отрицательному, нейтральному) в российской и итальянской телепередачах; (iii) установить зависимость выбора одной или двух рук для жестов-сопроводителей от модуса оценки ГЭ, о которой свидетельствует (iv) наличие семантических корреляций между ГЭ и жестами.

В современной жестикуляционной лингвистике особую роль занимает изучение структуры жеста, одной из составляющих которой является так называемая «handedness», т.е. количество рук, участвующих в жесте при произнесении определенного ГЭ. Жесты могут быть одnorучными (производятся левой или правой рукой)

или двуручными (производятся двумя руками) [Литвиниенко, Николаева, Кибрик, Федорова 2018: 16]. В своем исследовании А.А. Кибрик и его соавторы установили, что частотность производства того или иного жеста одной рукой или обеими руками в определенных коммуникативных контекстах может способствовать созданию корреляций между одноручными или двуручными жестами и определенными речевыми контекстами, в которых они повторяются [Там же]. Итальянский исследователь Д. Казасанто в своей работе утверждает, что выбор жестикуляционной руки зависит от эмотивной нагрузки высказывания, сделанного коммуникантом. Согласно ученому, положительные эмоции актуализируются праворучными жестами, в то время как отрицательные эмоции леворучными жестами [Casasanto 2009: 353].

В своем исследовании мы опираемся на подходы к пониманию эмотивов таких российских ученых, как В.Г. Гак, И.В. Зыкова, С.В. Ионова, В.Н. Телия, В.И. Шаховский, а также на научные труды итальянских ученых, в частности, И. Поджи и Е. Маньо-Кальдоньетто, которые занимаются изучением жестов и их взаимодействием с речью с точки зрения передачи эмоций говорящего [Poggi, Magno-Caldognetto 2004]. По мнению итальянских исследователей, проявление определенной эмоции с помощью различных коммуникативных каналов зависит от разных факторов, к которым относится также ее оценка (положительная, отрицательная, нейтральная) [Там же].

В данной статье в качестве источника исследовательского материала выступают российское ток-шоу «Жизнь и Судьба» и итальянское ток-шоу *Che tempo che fa* (Rus. *Какая погода сегодня*). Для проведения нашего исследования были отобраны 5 телеинтервью из российской передачи, выпущенные за период январь-декабрь 2023 г., и 5 телеинтервью из итальянской передачи, вышедшие за период январь-декабрь 2021 г. Общая продолжительность телематериала составила 3 часа.

Методика анализа и аннотирования ГЭ и жестового параметра «handedness», использованная в нашем исследовании, состоит из нескольких этапов: 1) кодовая разметка ГЭ, их семантический анализ и выявление соотношения ГЭ с положительной, нейтральной и отрицательной оценкой в российской и итальянской телепередачах; 2) прагматический анализ одноручных и двуручных жестов-сопроводителей ГЭ, направленный на раскрытие определенного эмоционального состояния коммуникантов по отношению к событию, собеседнику, прошлому опыту, о котором говорится; 3) установление семантических корреляций глагольных эмотивов и сопровождающих их мануальных жестов в российской и итальянской передачах.

В ходе нашего анализа было обнаружено 100 ГЭ в российской передаче и 144 ГЭ в итальянской передаче. ГЭ, обнаруженные в нашем материале, соответствуют классификации, предложенной И.В. Зыковой [Зыкова 2024], в которой выделяются три основных типа ГЭ: прямые номинации, эмотивные речевые акты, образные номинации.

Согласно анализу, в российской телепередаче ведущий использует 14 ГЭ (25 случаев), а гости – 20 ГЭ (75 случаев), в то время как в итальянской телепередаче ведущий использует 16 ГЭ (56 случаев), а гости – 30 ГЭ (88 случаев). Из общего количества обнаруженных ГЭ в российской передаче 26 являются ГЭ с положи-

тельной оценкой (напр., *любить, благодарить, нравиться*), 44 ГЭ с нейтральной оценкой (напр., *хотеть, воспринимать, чувствовать*), 30 с отрицательной оценкой (напр., *ненавидеть, переживать, беспокоиться*). В итальянской передаче было обнаружено 62 ГЭ с положительной оценкой (напр., *sperare, caldeggiare, innamorarsi*), 44 ГЭ с нейтральной оценкой (напр., *sentirsi, volere, percepire*), 38 ГЭ с отрицательной оценкой (напр., *soffrire, invidiare, odiare*).

В результате анализа ГЭ с положительной оценкой в российской и итальянской передачах были установлены следующие корреляции: 70% ГЭ с положительной оценкой сопровождаются праворучными жестами в российской передаче (пример 1), в то время как в итальянской передаче было обнаружено 45% ГЭ с положительной оценкой, которые сопровождались двуручными жестами (пример 2).

(1) *Я вот помню, я собираюсь в Россию, вот в эту Россию, неудобную, неустроенную, я радуюсь, я живу в России, я рад.* (Интервью-1, Е. Кончаловский, 16.01.23).

В примере (1) гость сопровождает ГЭ с положительной оценкой *радуюсь* жестом правой руки. Жест актуализирует положительный оценочный модус глагола, выражая его позитивное расположение по отношению к своему высказыванию.

(2) *Intanto devo ringraziare Coletta, Rai Uno e la Ballandi che mi hanno dato la possibilità di tornare a fare il varietà in Rai* – Тем временем я должен поблагодарить господина Колетта, первый канал Rai и компании продюсера Балланди за то, что мне дали возможность снова заняться постановкой эстрадных номеров в стиле варьете на Rai (Интервью-2, Кристиан де Сика, 28.03.21) [пер. с ит. здесь и далее наш – Ф.Р.].

В примере (2) актер К. Де Сика выражает свою благодарность сопровождая глагол *ringraziare* («поблагодарить») двуручным жестом, который интенсифицирует эмотивную нагрузку ГЭ, актуализируя его.

Что касается ГЭ с нейтральной оценкой, в ходе анализа было выявлено, что в российской передаче нейтральные ГЭ обычно сопровождаются праворучными жестами (56%), в то время как в итальянской передаче ГЭ с нейтральной оценкой сопровождаются в 62% случаев леворучными жестами. Далее представим примеры выявленных семантических корреляций с нейтральным эмоциональным зарядом в российской и итальянской передачах (примеры 3 и 4).

(3) *Так вот, Боря, я остался один в номере и думаю: «Ну как я буду реагировать эту ночь на вот эти, на эти ракеты?»* (Интервью-3, Николай Бурляев, 17.07.23).

В примере (3) гость сопровождает ГЭ с нейтральной оценкой *реагировать* праворучным жестом, подчеркивающим значение ГЭ.

(4) *<...> In qualche modo sente un richiamo alle proprie origini, no? Quindi questo questa dualità che in maniera originale il film racconta <...> – <...>* Каким-то образом, он чувствует зов своей малой родины, т.е. такая двойственность, которую повествует фильм в своеобразном стиле <...> (Интервью-4, Р. Скамарчо, 31.01.21).

В примере (4) итальянский актер Р. Скамарчо сопровождает ГЭ с нейтральной оценкой *sentire* («чувствовать») жестом левой руки, который интенсифицирует нейтральный глагол и актуализирует его значение.

Анализ ГЭ с отрицательной оценкой установил, что как в российской, так и в итальянской телепередаче глаголы с отрицательной эмотивной нагрузкой сопровождаются двуручными жестами (56% в российской передаче, 64% в итальянской передаче). Эти результаты демонстрируют примеры выявленных семантических корреляций с отрицательной оценкой (примеры 5 и 6).

(5) <...> *Деревню сожгли, братья погибли. Тебя поймут, если ты потеряешь часть человечности, потому что ты иной ты пережил страшные вещи* (Интервью-5, Е. Поддубный, 06.07.23).

В примере (5) гость сопровождает ГЭ с отрицательной оценкой *пережил* двуручным жестом, который усиливает значение ГЭ.

(6) <...> *No, no, mia figlia, anzi si è preoccupata perché quando abbiamo fatto la prima che è stato un bellissimo tripudio al Festival di Roma ha detto: “Ma come ci hai dipinto a me e a Paolo?!”* – Нет, нет, моя дочь, она беспокоилась, потому что когда была премьера, было прекрасное празднование на Фестивале в Риме, она сказала: «Как же нас с Паоло представил в фильме?!» (Интервью-6, К. Вердонэ, 31.10.21).

В примере (6) гость подчеркивает значение ГЭ с отрицательной оценкой *preoccuparsi* («беспокоиться») двуручным жестом.

Обобщая полученные результаты, мы делаем следующие выводы: 1) итальянский теледискурс характеризуется более частотным употреблением ГЭ всех трех оценочных модусов, чем российский теледискурс (144 ГЭ в итальянской передаче, 100 ГЭ в российской); 2) одноручная и двуручная жестикуляция при ГЭ в интервью российской передачи составила 43% при ГЭ всех трех модусов (46% при ГЭ с положительной оценкой, 39% ГЭ с нейтральной оценкой, 47% ГЭ с отрицательной оценкой), в то время как в итальянской передаче она составила 48% при ГЭ всех трех модусов (44% при ГЭ с положительной оценкой, 32% при ГЭ с нейтральной оценкой, 71% при ГЭ с отрицательной оценкой); 3) в теледискурсе семантический параметр “handedness” подвержен влиянию оценочного модуса ГЭ; 4) в российском и итальянском теледискурсах выражение положительного и нейтрального оценочного модуса ГЭ отличается жестикуляционной рукой: русскоговорящие сопровождают ГЭ с положительной оценкой праворучными жестами, в то время как итаоговорящие – двуручными жестами; нейтральность ГЭ в российской передаче обычно актуализируется жестами правой рукой, а итаоговорящие – жестами левой рукой; 5) выражение отрицательных эмоций как в российском, так и в итальянском теледискурсах актуализируются двуручными жестами (47% в российской передаче, 71% в итальянской передаче).

Литература

Зыкова И.В. Эмотивы и мануальные жесты в передаче эмоционально-чувственной информации в дискурсе: методологический аспект // Круглый стол «Перцепция, эмоция, метафоризация в свете лингвокреативности-2: возможные пути изучения». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lbFGesJkeh0>

Литвиненко А.О., Кибрик А.А., Федорова О.В., Николаева Ю.В. Аннотирование движений рук в мультимедийном дискурсе: жесты, адапторы и мануальные позы // Российский журнал когнитивной науки. Серия: методы. 2018. Т. 5. Вып. 2. С. 4-14.

Casasanto D. Embodiment of Abstract Concepts: Good and Bad in Right- and Left-Handers // Journal of Experimental Psychology: General. 2009. Vol. 138. No. 3. Pp. 351-367.

F. Ruggeri (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

TO THE QUESTION OF EMOTIONAL VALENCE'S INFLUENCE OF EMOTIVE VERBS ON THE CHOICE OF GESTURAL HAND: INTERCULTURAL DIFFERENCES

The paper highlights the results of the analysis of emotive verbs and their accompanying one-handed and two-handed gestures in television discourse. The results show that in Russian and Italian television discourses the expression of positive and neutral emotional valences differs by gestural hand, while the expression of negative emotional valence is characterized by the use of two-handed gestures in both linguistic cultures.

Key words: emotive verbs, accompanying gestures, emotions, emotional valence, television discourse

П.В. Савко (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет
psvko@bk.ru

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА¹

Рассматривается специфика мультимодальных сообщений в аспекте смыслопроизводства в дискурсе. Обсуждается роль разных модальностей в контексте продвижения рекламного продукта в социальной сети Telegram. Устанавливается, что воздействующий потенциал мультимодального текста реализуется за счет модусной конвергенции знаков разной семиотической природы.

Ключевые слова: рекламный дискурс, рекламный текст, мультимодальность, мультимодальный текст, восприятие мультимодального текста

В цифровую эпоху проблемы мультимодальности все больше привлекают внимание современных ученых и активно разрабатываются в разных дискурсах: телеграм-дискурсе [Кушнерук 2024, Манерова, Манеров 2022], интернет-дискурсе [Канашина 2017, Финогеева 2021], рекламном дискурсе [Омельяненко 2019, Бронникова, Головки 2024]. Целью данной работы является анализ специфики кодирования информации в мультимодальном тексте и особенностей его воздействия на адресата медийной рекламы.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134>

Рекламный дискурс обладает высокой социальной значимостью. Так, дискурс представляет собой «завершенное в смысловом и композиционном плане сообщение со строго ориентированной прагматической установкой, сочетающее в себе признаки устной и письменной коммуникации с комплексом лингвистических и экстралингвистических средств» [Савко 2023: 94]. Эти средства призваны воздействовать на восприятие реципиентом информации о рекламируемом товаре или услуге.

В классической науке различают пять систем восприятия: зрительную, слуховую, кожно-мышечную, обонятельно-вкусовую и вестибулярную. В рекламной коммуникации главными источниками информации являются зрительная и слуховая системы восприятия [Уварова 2018: 54]. Поэтому в этой работе мы рассматриваем только взаимодействие средств, которые влияют на аудиовизуальный канал получения информации из рекламного видеоролика. Наиболее эффективно такое взаимодействие реализуется за счет мультимодальности сообщения.

Интеграция мультимодальных элементов влияет на восприятие реципиентом информации, передаваемой посредством рекламы. Понятие модальности, связанное с термином «мультимодальный текст», исследуется в психологии и социальной семиотике. Модальность определяется сенсорной системой, отвечающей за восприятие информации через органы чувств. Главными в этом процессе являются зрение и слух [Кушнерук 2024: 310]. Модальность определяет способы восприятия информации и предполагает взаимодействие между знаками разных типов – вербальными и невербальными. К вербальным относятся языковые средства устной и письменной коммуникации, а к невербальным статические и динамические изображения (фото, графика и видео соответственно), аудиальные знаки (музыка, звуки) и визуальные знаки (жесты) [Уварова 2018].

Исследования мультимодальности также развиваются в рамках социальной семиотики. Она утверждает, что в мультимодальных текстах для передачи значений используется более одного семиотического кода: вербальный, визуальный и звуковой. Понятие «код» часто приравнивают к понятию «модус». Согласно определению Г. Кресса, модусы (от англ. *mode* — «тип, средство, способ, метод») — это технологии представления, которые используются при создании значимых материалов. Приставка «мульти» указывает на наличие нескольких модусов, доступных для воспроизведения всеми членами общества. В мультимодальном произведении особенно важна селективная комбинация модусов. Они создают интегрированный ресурс для формирования семиотического мира, где каждый модус реализует специфические значимые характеристики своих аффордансов (качеств объекта, показывающих способы его использования) [Кушнерук 2024: 310].

Рекламные ролики можно рассматривать как «мультимодальные ансамбли», где разные модусы объединяются, чтобы передать единое сообщение. Специфику коммуникации в избранном сегменте видеороликов в социальной сети Telegram отражает модусная конвергенция, при которой разные семиотические коды взаимно обуславливают (поддерживают) друг друга, обеспечивая наилучшее восприятие текста [Кушнерук 2024: 310].

В своих трудах А.А. Леонтьев предлагает последовательность восприятия текста, которая идет от частного к целому: от образов отдельных языковых единиц к образу текста, что помогает понять смысл рекламного сообщения [Уварова 2018: 65].

Например, продвижение в социальной сети Telegram нового способа оплаты с помощью банковского продукта «ВТБ РАУ», сопровождается вербальным упоминанием нового продукта у меня *ВТБ РАУ* [ВТБ] и демонстрацией смартфона с запущенным приложением. Дополнительно звучит звук гоночного болида, указывая на высокую скорость осуществления оплаты с помощью этого продукта. Также для создания устойчивой взаимосвязи между рекламируемым продуктом, его свойствами и банком используются «фирменные» цвета ВТБ – синий и белый. Так, этот рекламный ролик воспроизводит образ банка-поставщика современных технологий оплаты покупок и подкрепляет его звуковыми эффектами, создавая неразрывную связь между вербальными и невербальными компонентами (цветообозначение-изображение-вербальное сообщение-звуковой эффект).

Также банковская реклама может транслировать более комплексные образы с помощью концептов. Так, в рекламе Альфа Банка профилируется концепт ВЫГОДА. Используя в ролике фразы *Дарим пять тысяч рублей. Откройте бесплатный счет для инвестиций и получите подарок* [Альфа Банк], отправитель сообщения указывает на выгодные условия инвестирования с помощью приложения банка. Этот вербальный ряд сопровождается красным цветом в предметах интерьера и одежды, а также красным фоном письменной части сообщения, подчеркивая взаимосвязь между рекламируемым продуктом и банком. Ролик также сопровождается мелодией, моделирующей состояние бодрости и побуждения к действию. Вместе эти компоненты позволяют создать образ Альфа-Банка как поставщика выгодных банковских услуг, которыми хочется воспользоваться.

Другим примером продвижения своих товаров и услуг среди определенной целевой аудитории может служить рекламный ролик Сбера, где предлагается оформить *молодежную кредитную карту* [Сбер]. Указателем на целевую аудиторию служат молодые люди в эксцентричной одежде. Дополняет образ аудитории звуковое сопровождение – динамичная меняющаяся музыка, создающая побуждение к действию. Заметим, что использование «фирменных» цветов Сбера сведено к минимуму, однако они компенсируются вербальным сопровождением, помогающим установить взаимосвязь между рекламируемым продуктом и банком: «Если хочешь больше, выбирай оверсайз кредитку от Сбера...» [Сбер]. Исходя из сочетания вербального, визуального и аудиального кодов передачи информации, данный рекламный ролик позволяет показать образ динамичного и привлекательного банка для молодых людей, которые и являются целевой аудиторией.

Целевая аудитория банка так же может представлять собой бизнес. Так в Точка банке образ предпринимателя передается за счет людей в разных локациях – швейной мастерской, ресторане, складе и офисе [Точка]. Также в данном рекламном ролике транслируется образ спокойствия и стабильности за счет использования спокойной инструментальной музыки и лексемой «нормальный», звучащей на

протяжении всей рекламы. Для создания более четкой ассоциации с банком-отправителем сообщения в рекламе используется фиолетовый цвет, который является «фирменным» цветом банка. Так, Точка банк с помощью мультимодального кода моделирует образ стабильного банка для предпринимателей.

Продолжая тематику продвижения банковских продуктов и услуг для бизнеса в социальной сети Telegram, Уралсиб банк предлагает выгодные условия открытия счета для бизнеса: *Дарим бесплатное обслуживание на 3 месяца при открытии счета для бизнеса* [Уралсиб]. Эту вербальную составляющую, как и в предыдущих примерах, сопровождает фиолетовый цвет, дополнительно указывающий на отправителя сообщения. Дополнительно воплощение целевой аудитории помогает реализовать строгая деловая музыка, указывая на погруженность предпринимателей в свое дело. Тем самым Уралсиб с помощью вербального и аудиального кодов обеспечивает наиболее подходящее сочетание для моделирования образа бизнесмена, пользующегося услугами этого банка.

Таким образом, воздействующий потенциал мультимодального текста в социальной сети Telegram реализуется за счет модусной конвергенции вербального, аудиального и визуального кодов, которая создает модель смыслогенерации и обеспечивает целостное восприятие передаваемого сообщения.

Литература

- Альфа Банк.* URL: <https://t.me/AlfaBank>.
- Бронникова О.В., Головки А.С.* Мультимодальные средства репрезентации прагматического потенциала в рекламном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 1. С. 132-144.
- ВТБ.* URL: <https://t.me/bankvtb>.
- Канашина С.В.* Проблема понимания англоязычного интернет-мема в контексте виртуальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). Ч. 4. С. 112-114.
- Кушнерук С.Л.* Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации // Медиалингвистика. 2024. № 11 (3). С. 300-324.
- Манерова К.В., Манеров, Р.В.* Мультимодальный тип текста «сообщение» в мессенджере «Telegram» (на материале немецкоязычного канала партии «Альтернатива для Германии») // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. № 12. С. 273-287.
- Омельяненко В.А.* Мультимодальные способы репрезентации имиджа России в текстах национально-ориентированной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019.
- Савко П.В.* О понятии мультимодального кода миромоделирования в контексте дискурса коммерческой рекламы // Ученые записки НТГСПИ. 2023. №4 С. 86-104.
- Сбер.* URL: <https://t.me/sberbank>.
- Точка.* URL: <https://t.me/tochka>.
- Уварова Е.А.* Типологические характеристики новостного вебсайта как поликодового текста (на примере информационного портала "The Onion"): дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
- Уралсиб.* URL: <https://t.me/bankuralsibnews>.
- Финогеева А.А.* Мультимодальность в современном университетском интернет-дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 162-165.

*P.V. Savko (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

THE IMPACT POTENTIAL OF A MULTIMODAL TEXT

The article considers the specifics of multimodal messages in the aspect of semantic production in discourse. The role of different modalities in the context of promoting an advertising product is discussed. It is established that the influencing potential of a multimodal text is realized due to the modal convergence of signs of different semiotic nature.

Key words: advertising discourse, advertising text, multimodality, multimodal text, perception of multimodal text

*Надия Ибрахим Мохамед Абделкадер Сауд (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
nadiaibrahim15194@gmail.com*

КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОММУНИКАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются различия в общении между носителями русского и арабского языков. Особое внимание уделяется различным представлениям о выражении эмоциональности или сдержанности в коммуникации, представлению о времени в коммуникативном пространстве и социальной дистанции участников коммуникативного процесса.

Ключевые слова: русская культура, арабская культура, коммуникация, вербальное общение, невербальное общение

Культурные различия играют весьма важную роль в общении между людьми. При сравнении коммуникативного поведения носителей арабской и русской культур обнаруживается ряд различий, которые во многом обусловлены особенностями концептуальных картин мира. При анализе коммуникации необходимо учитывать и то, что «разные языки могут использовать разные... механизмы формирования и передачи аналогичных смыслов» [Болдырев 2018: 425].

Рассмотрим культурно обусловленные различия по таким параметрам, как эмоциональная составляющая коммуникации, пространственно-временные характеристики коммуникации, выбор социальной дистанции, паралингвистические средства и тематика коммуникации.

Во многих исследованиях, посвященных особенностям русского языка и культуры, подчеркивается, что их носители ценят откровенность в общении [Вежбицка 2002; Голованова 2017; Голованова 2018]. Так, например, если человеку нужна помощь, он просит о ней открыто: «Мне нужна помощь». В арабской культуре, напротив, коммуниканты ориентированы на использование косвенных намеков или обходных путей с тем, чтобы избежать конфронтации или не вызвать смущение собеседника. Иначе говоря, человек рассказывает о проблеме или ситуации и ждет помощи от другой стороны. Г. Магомедов объясняет это тем, что правила национального этикета запрещают в ходе коммуникации прибегать к прямолинейным формам ответа [Магомедов 2012].

В то же время арабы, как правило, открыто выражают свои эмоции и стремятся к их проявлению в общении. Эмоции любого рода – от радости до волнения – можно выражать в данном культурном сообществе публично. У русских же открытое проявление чувств, особенно в условиях публичной коммуникации, считается менее приемлемым. В целом, сдержанность редко встречается среди арабов и может проявляться лишь у людей старшего возраста. В отличие от арабов, русские умеют скрывать свои чувства в социальном взаимодействии, особенно находясь в публичном пространстве.

Таким образом, можно сказать, что арабская культура более открыта в выражении эмоций, в отличие от русской, где сдержанность и самоконтроль являются выражением внутренней силы и уважения к собеседнику.

Пространственно-временные характеристики коммуникации связаны с отношением к времени и проявлением социальной дистанции в коммуникативном процессе. Арабская культура считается более гибкой в отношении ко времени по сравнению с русской культурой. Для арабов опаздывать на встречу представляет собой, скорее, норму, чем проявление неуважения. Исследователи отмечают, что арабским бизнесменам не присуща особая пунктуальность, они не обидятся, если партнер не придет на встречу вовремя [Каюмова, Пепельницына 2017]. Возможно, это связано с религиозной традицией, поскольку договоренность о времени встречи зависит от времени молитвы. Например, если встреча назначена после второй молитвы, которая начинается примерно в 13 часов, арабы могут встретиться между 13:20 и 13:30, т.е. время точно не устанавливается.

Напротив, русская культура поощряет пунктуальность, и это является важной чертой деловой коммуникации, для россиян пунктуальность является признаком уважения к партнеру.

В целом, отношение ко времени в арабских культурах более гибкое и связано с религиозными традициями. В русской культуре приверженность к точному времени считается важным и необходимым качеством в деловой коммуникации, хотя в повседневном общении этот критерий может быть более размытым.

Что касается использования жестов в ходе общения, то в арабской культуре жесты играют очень важную роль. Арабы предпочитают физический контакт, что подчеркивает дружелюбие участников коммуникации, их заботу по отношению к собеседнику. Вероятно, это исторически обусловлено (еще в египетских папирусах, датированных около 1550 г. до н.э., упоминаются глухие, для которых основным средством взаимодействия было жестовое общение) [Комарова 2022: 118].

Русская культура более вербальна. Русские, разумеется, используют жесты в коммуникации, но более сдержанно, в отличие от арабов, которые их используют чаще и экспрессивнее. «При встрече в арабских странах мужчины обнимаются, слегка прикасаются друг к другу щекой, похлопывают по спине и плечам, но такие знаки внимания возможны только между «своими» и не распространяются на иностранцев» [Магомедов 2012: 188]. Русские предпочитают сохранять некоторую дистанцию и использовать зрительный контакт.

Отдельный аспект в процессе коммуникации – использование обращений. Как правило, в России статусные обращения к человеку, т.е. обращение к нему по званию, должности (*профессор, начальник, директор* и т.д.), не приняты. В ситуации деловой коммуникации чаще обращаются друг к другу по имени и отчеству, а не по статусу, и это является традиционным способом проявления уважения. В арабской традиции коммуниканты также обращаются иногда друг к другу по имени, при этом используют полное имя (включая имя отца, деда и фамилию в конце обращения), однако в целом арабы предпочитают обращаться к собеседнику по должности или по профессии, что в их представлении более престижно и традиционно.

Если охарактеризовать темы для обсуждения в ходе коммуникации, то представители арабской культуры не склонны вести диалог на социально значимые темы, далеко не все темы для них являются дискуссионными и приемлемыми для разговора (например, религия или политика). Русская же культура является одной из самых открытых: в ходе общения поднимаются самые разные темы и считается вполне нормальным обсуждать их.

В целом, арабская культура не допускает высокой степени открытости в обсуждении тем из-за сохранения личных границ. В русской культуре может обсуждаться более широкий круг тем, возможны дискуссии и более свободное принятие различных точек зрения.

Таким образом, носители русского и арабского языков в коммуникативном пространстве демонстрируют различные инструменты вербального и невербального общения. Арабская культура исторически склонна к большей невербальности – жесты больше говорят об эмоциональном состоянии человека, чем слова. Русская культура в большей мере вербальна: в коммуникации ценятся разные точки зрения, приветствуется выражение личных предпочтений участников коммуникации, широта возможных тем обсуждения. Разница в коммуникации обусловлена традициями, религиозными предпочтениями и характерными социокультурными особенностями русского и арабского мира.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом Языки славянской культуры, 2018.
- Вежицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6-34.
- Голованова Е.И.* Искренность как культурная универсалия в коммуникативном пространстве России // Единая российская нация: проблемы формирования и идентичности: сб. ст. Арзамас, 2017. С. 205-207.
- Голованова Е.И.* Искренность как национальное кредо (на материале устойчивых единиц русского языка) // VIII Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: ренессанс базовых ценностей»: сб. материалов междунар. науч. конф.: в 2 ч. Челябинск, 2018. Ч. 1. С. 138-141.
- Каюмова А.Х., Пенельницына П.А.* Сравнение систем деловых коммуникаций России и Объединенных Арабских Эмиратов // Наука через призму времени. 2017. № 3 (3). С. 168-173.

Комарова А.А. Русский жестовый язык: основные проблемы изучения лексики // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. Кн. 1-2. С. 116-134.

Магомедов Г. Этикет в арабо-исламской культуре // Россия и мусульманский мир. 2012. № 12 (246). С. 186-189.

Nadia Ibrahim Mohamed Abdelkader Said (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

CULTURALLY CONDITIONED DIFFERENCES IN COMMUNICATION BETWEEN RUSSIAN AND ARABIC NATIVE

Abstract: The article examines the differences in communication between native speakers of Russian and Arabic. Particular attention is paid to different ideas about expressing emotionality/restraint in communication, the idea of time in the communicative space and the social distance of participants in the communicative process.

Key words: Russian culture, arabic culture, communication, verbal communication, nonverbal communication

М.Г. Саккини, П.М. Карандина (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
m.g.sakkini@utmn.ru, p.m.karandina@utmn.ru*

ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СЛЭМ-ПОЭЗИИ GRAND CORPS MALADE (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОКЛИПОВ)

В статье на материале видеоклипов французского слэм-исполнителя Grand Corps Malade показано, как метафора ЖИЗНЬ – это ТЕАТР реализуется на вербальном, визуальном и музыкальном уровнях, становясь таким образом полимодальной. Сочетание разных уровней создаст целостный метафорический образ, усиливая эмоциональную насыщенность текста.

Ключевые слова: метафора, полимодальная метафора, музыкальный видеоклип, слэм-поэзия, Grand Corps Malade

В современной Франции слэм-поэзия является одним из популярных музыкальных жанров, сочетая в себе мелодичность и высокую образность классической поэзии с ритмичностью и демократичностью рэпа. Своей славой слэм во многом обязан автору-исполнителю с псевдонимом Grand Corps Malade («Высокое Больное Тело») [Bomans, Dionne 2019: 41]. Слэм-поэзия отличается поиском новых форм выражения и высокой степенью креативности, что проявляется в игре со словами и смыслами, интертекстуальностью и метафоричностью [Marié Liger 2012], что делает ее интересным материалом исследования для когнитивной науки.

Изначально в рамках когнитивной лингвистики большинство исследований было посвящено словесной / вербальной метафоре, однако имеются исследования метафоры, реализованной иными средствами, например, визуальной метафоре посвящены работы Ч. Боя и П.А. Катышева (2023), Ch. Forceville (1994), M. Gal (2019), M.J. Ortiz (2011), лингговизуальной метафоре – диссертация Л.С. Большаковой (2008), аудиовизуальной метафоре – исследование К. Fahlenbrach (2008).

В более поздних своих исследованиях Ч. Форсвилл приходит к выводу о существовании полимодальной метафоры, которую он определяет как метафору, сфера цели и источника которой представлены исключительно или преимущественно разными модусами. Исследователь выделяет следующие модусы, в интерпретации которых задействованы разные механизмы восприятия: изображения, письменные знаки, устные знаки, жесты, звуки, музыка, запахи, вкусы, прикосновения [Forceville 2006].

Данный термин часто используется в современных лингвистических исследованиях метафоры на гетерогенном текстовом материале, например, поли- / мультимодальной метафоре посвящены работы С.В. Канашиной (2019), О.В. Рыковой и А.А. Ивановой (2019), М.П. Таймур (2023); D. Jamet, G. Schmale (2018); I. Sahakyan (2020); монография под редакцией Ch. Forceville, E. Urios-Aparisi (2009).

Видеоклип трактуется лингвистами как поликодовый / видео-вербальный / вербально-иконический / креолизованный текст. Несмотря на отсутствие единого термина, в большинстве работ отмечается триединство видео- и музыкального рядов и вербального компонента.

С.Б. Шариффулин указывает на «матрешечный» тип синкретизма: музыкальный текст (мелодия и т. п.) + слова песен (lyrics) + видеотекст (изобразительный ряд). Автор отмечает, что роль музыкального видеоклипа не только в «иллюстрировании» текста песни, но и в смысловом и эмоциональном акцентировании основных идей вербального текста, в том числе при помощи различных невербальных кинесических знаков, таких как движение тела, взгляд и т.п. [Шариффулин 2010: 10].

Н.В. Александрова, Е.Г. Григорьева представляют музыкальный видеоклип в качестве средства «перевода» вербального и музыкального смысла на «визуальный язык», отмечая его способность визуализировать эмоциональное и психическое состояния, эмоции и т.п. [Александрова 2018], [Григорьева 2005].

Таким образом, принимая во внимание роль видеоклипа в создании и усилении образа и аналогичную роль метафоры, интересным видится исследование полимодальной метафоры на материале музыкальных видеоклипов.

Материалом нашего исследования послужили официальные видеоклипы французского слэм-исполнителя Grand Corps Malade [Clips officiels...]. Красной линией через его творчество проходит метафора ЖИЗНЬ – это ТЕАТР.

В видеоклипе на песню “Pas essentiel” («Несущественно»), написанную в период самоизоляции во время пандемии, вербально театральная метафора выражена следующим образом: автор перечисляет обыденные действия, которые каждый из нас, как по сценарию, совершает в своей жизни, не придавая им значения: «обнимать/целовать кого-н. / ходить на концерты / гулять по лесу / встречаться с людьми» (*Embrasser quelqu'un / Aller aux concerts / Se promener en forêt / Retrouver les gens : pas essentiel*), называя их «спектаклем наяву» (*spectacle vivant*), «наполненным радужными красками» (*arc-en-ciel*) и противопоставляя их «черно-белой самоизоляции» (*confinement noir et blanc*). Противопоставление акцентируется визуальным рядом и сюжетной ли-

нией всего клипа: клип снят преимущественно в черно-белых тонах, главный герой носит медицинскую маску, показаны закрытые двери культурных заведений, куда он пытается попасть. И лишь в конце клипа он прорывается на сцену закрытого концертного зала, снимает с себя маску, начинает выступление – и в клипе вдруг появляется цвет. Следует отметить, что в этой кульминационной части клипа нет слов, звучит лишь радостная мелодия, подчеркивающая ликование героя и самой жизни.

В видеоклипе на песню “Au théâtre” («В театре») жизнь представлена как *пьеса длиною в жизнь* (“la pièce durera toute ta vie”). На протяжении всего клипа мы видим взросление человека, начиная с раннего детства. Человек является главным актером (*c’est toi qui tiens le premier rôle*), а роль режиссера сначала выполняют родители (*tes parents ont écrit le début; tes parents gèrent la mise en scène*), а затем он сам берет на себя эту ответственность (*pour la suite... tu vas devoir improviser*), начиная режиссировать свою жизнь: встречает любовь, заводит детей (*Si tout va bien l’amour donnera de nouveaux petits acteurs*), попадает в жизненные перипетии (*dramas contagieux... tous ces imprévus ... ces dérapages ... les coups de tonnerre*).

К герою приходит осознание того, что театр, как и жизнь – это «коллективное искусство» (*N’oublie jamais cet adjectif, l’théâtre est un art collectif*), поэтому важно не забывать о близких людях, которые всегда рядом и готовы помочь (*appuie-toi sur tes partenaires. Ils te seront indispensables pour atteindre tes objectifs*) – *тогда у пьесы будет счастливый конец* (*Ta pièce aura une plus belle fin*).

Действие клипа полностью происходит на сцене театра, сначала главного героя держат на руках родители, затем он постепенно взрослеет, играет различные роли, переживает сцены ревности и одиночества – все это происходит перед зрительным залом, где сидит только один зритель – сам певец. Образ жизненных трудностей и душевных переживаний героя усиливается музыкальным рядом: мы слышим звуки одинокой скрипки, похожие на плач. В момент осознания того, что театр / жизнь – это коллективное искусство, появляются зрители, в игру вступает оркестр и актер срывает овации под звуки торжественной музыки.

Название песни “Funambule” («Канатоходец») сразу отсылает к образу актера цирка, тем самым театральная метафора раскрывается как метафора ЖИЗНЬ – это ИСПОЛНЕНИЕ ТРЮКОВ, где цирковой канат символизирует линию жизни, идя по которой, человек должен сохранять равновесие (*tout est une question d’équilibre*), и любой неосторожный шаг может привести к падению как в прямом, так и в переносном смысле. Сохранение равновесия в прямом / физическом смысле транслируется видеорядом клипа, где мы видим танцующую балерину, велосипедиста, выполняющего трюки на одном колесе, тренирующегося футболиста. Что касается важности сохранять равновесие в переносном смысле, то заброшенное здание, в котором тренируются эти люди, может символизировать жизненные трудности, несмотря на которые они продолжают тренироваться и идти к своей цели.

В переносном значении сохранение равновесия эксплицируется также вербальным рядом: важно находить баланс между *жизнью простого человека* (*la vie*

d'humain) и жизнью артиста (*la vie d'artiste*), не быть падким на «стразы» шоу-бизнеса (*j'ai croisé le show-biz ... Je prends du recul ... quand j'vois le strass et les paillettes*) и не забывать, откуда ты родом (*Mais pour garder mon équilibre je n'oublierai pas d'où je viens*).

Песню можно считать глубоко личной, ведь сам исполнитель получил в молодости серьезную травму позвоночника, из-за которой он до сих пор ходит с тростью. Он называет себя канатоходцем на костылях (*je suis un funambule à béquilles*), для которого сохранение равновесия стало образом жизни (*L'équilibre est une attitude*).

Наконец, в видеоклипе на песню “Comme une évidence” («Само собой разумеющееся») театральная метафора представлена на музыкально-визуальном уровне и получает иное толкование: ТЕАТР – это ОТКРОВЕНИЕ, как и сама жизнь. Театральная сцена визуализирована как пространство, где главный герой проживает свою любовь перед публикой, читая слэм с целью быть услышанным той-единственной. Зрители постепенно исчезают, и в зале остается только возлюбленная героя, которой и посвящено откровение. Музыкальный ряд клипа представлен медитативной, лирической мелодией, которая настраивает на размышления, проявление искренних чувств.

Проведенный анализ показал, что полимодальная театральная метафора занимает важное место в рассмотренных видеоклипах Grand Corps Malade и имеет разнообразное языковое, визуальное и музыкальное наполнение.

Стоит отметить, что для слэм-исполнителей важно живое («наполненное красками») взаимодействие со зрителем, характерное для театрального искусства [Bomans, Dionne 2019: 44]. Следовательно, театральная метафора может также толковаться как СЛЭМ – это ТЕАТР, и, возможно, сама ЖИЗНЬ.

Литература

Александрова Н.В. Музыкальный видеоклип в массовой культуре XX века: к проблеме структуры и механизма функционирования // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 2 (28). С. 148-152.

Григорьева Е.Г. Эмблема: Очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. М.: Водолей Publishers, 2005.

Шарифуллин С.Б. Вербально-иконические тексты в современной музыкальной коммуникации (на материале видеоклипов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.

Bomans D., Dionne A. Au-delà de la culture juvénile : le slam, catalyseur de la parole des jeunes // Le français aujourd'hui. 2019. N° 207 (4). Pp. 39-52.

Clips officiels – Grand Corps Malade / Grand Corps Malade Officiel // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL2VqBEZCcVWCnHE9HDSGmTksNSDBTF6o1>

Forceville Ch. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research // Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives / ed. by G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. Ruiz de Mendoza Ibáñez. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 379-402.

Marié Liger F. Grand Corps Malade, le slam : la naissance d'un poète et la question d'une filiation // Chanson et intertextualité / édité par C. Cecchetto. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2012.

M.G. Sakkini, P.M. Karandina (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

THEATRE METAPHOR IN GRAND CORPS MALADE'S SLAM POETRY VIDEOS

The article shows that in video clips of the French slam performer Grand Corps Malade the metaphor LIFE is THEATER is realized on the verbal, visual and musical levels, thus becoming polymodal. The combination of different levels creates a complex metaphor rich in emotions and feelings.

Key words: metaphor, polymodal metaphor, music video, slam poetry, Grand Corps Malade

А.М. Тюленёва (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

tuleneva.aleksa@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ НОСИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

В работе проанализированы сформированные представления коми-пермяков о коми-пермяцком и русском языках. Актуальность работы обусловлена происходящими демографическими изменениями среди носителей коми-пермяцкого языка. Материалом исследования выступили результаты анкетирования носителей коми-пермяцкого языка в 2023–2024 гг.

Ключевые слова: языковые установки, коми-пермяцкий язык, русский язык, Пермский край, восприятие языка

Согласно когнитивному подходу языковые установки представляют собой ментальные конструкции [Sihua 2015: 38]. Они могут изменяться и искажаться под влиянием социальных и контекстуальных факторов. Представители дискурсивного подхода рассматривают языковые установки, как продукт, сконструированный в результате взаимодействия межличностных, контекстуальных, идеологических и социальных факторов [Sihua 2015: 38–39]. В этом случае языковые установки можно сравнить с неким объектом, который конструируется или деконструируется в зависимости от ситуации, т.е. подчеркивается их нестабильность и изменчивость [Garret 2010].

Выявление и анализ языковых установок носителей титульного языка позволяет установить и охарактеризовать идиомы, используемые ими в разнообразных ситуациях. Мы можем предположить, что носители титульного языка используют родной язык только с людьми, понимающими и говорящими на этом языке, поскольку они чувствуют себя более комфортно при разговоре. В случае обращения в органы власти выбор языка может быть обусловлен внешними, т.е. институциональными нормами или уровнем языковой лояльности носителя. Это подчеркивает важность выявления языковых установок носителей титульного языка и их последующей интерпретации. Анализ сформированных языковых установок носителей титульного языка может также позволить объяснить их языковое поведение: чем обусловлен выбор языка в конкретной ситуации, как носители оценивают и воспринимают свой родной язык в сравнении с другим языком.

В качестве неклассического примера хотелось бы остановиться на языковой ситуации, разворачивающейся на территории Пермского края. Пермский край представляет собой уникальный регион, на территории которого проживают представители доминирующей этнолингвистической группы (русские) и представители миноритарных этнолингвистических групп. Согласно данным переписи населения 2010 г. на территории Пермского края помимо русских проживали татары (4,6%), коми-пермяки (3,2%), башкиры (1,3%), удмурты (0,8%) и др. [Всероссийская перепись населения 2010]. Необходимо отметить, что именно коми-пермяки являются коренным населением Пермского края [Чагин 2013: 6]. Несмотря на долгую историю, сейчас носители коми-пермяцкого языка территориально локализованы по территории всего Пермского края. Происходящие демографические изменения, в частности сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка с 81 084 тыс. чел. до 50 163 тыс. чел. В период с 2010 г. по 2020 г. вызывают опасения [Всероссийская перепись населения 2010; Всероссийская перепись населения 2020]. Сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка может быть объяснено несколькими факторами: естественным переселением коми-пермяков из населенных пунктов Коми-пермяцкого округа в г. Пермь или другие регионы, сознательным отказом от использования коми-пермяцкого языка в пользу государственного языка и восприятия себя как русского (потеря идентичности). Проведенные исследователями опросы носителей коми-пермяцкого языка показали, что респонденты коми-пермяки говорят о желании носителей коми-пермяцкого языка ассимилироваться, слиться с русским этносом [Шляхова 2014]. Несмотря на это, для коми-пермяков язык, культурные традиции, территория, общее историческое прошлое выступают в качестве основных маркеров этничности [Михалева 2016: 29]. Подобная двойственность в ответах носителей коми-пермяцкого языка в разные временные отрезки может быть обусловлена взаимодействием различных внешних и внутренних факторов, например, позиционирование важности государственного языка в противовес титульному. В связи с данными обстоятельствами актуальным оказывается выявление и изучение представлений носителей коми-пермяцкого языка о родном и государственном языках. Предметом настоящей работы выступают сформированные представления коми-пермяков о коми-пермяцком и русском языках.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили ответы информантов, собранные в рамках анкетирования. Было опрошено 74 информанта коми-пермяка в период с августа 2023 г. по сентябрь 2024 г.

Для настоящей работы использовались ответы информантов на вопросы о родном языке и характеристиках коми-пермяцкого и русского языков.

Фактор «Владение языками»

Ключевым вопросом анкетирования являлся вопрос о родном языке. В анкетировании 2023–2024 гг. 66,6% информантов указали коми-пермяцкий язык в качестве родного языка. Также 24,2% информантов выбрали русский язык в качестве родного

языка, а 8,1% указали сразу оба языка в качестве родных. Полученные данные могут являться подтверждением широко распространенного явления коми-пермяцко-русского и русско-коми-пермяцкого билингвизма среди коми-пермяков. Распространение билингвизма среди носителей коми-пермяцкого языка может быть связано с повсеместным использованием государственного языка, смешанными браками и использованием русского и коми-пермяцкого языков в межличностных сферах.

Характеристика информантами коми-пермяцкого и русского языков

В рамках анкетирования информантам было предложено ответить на следующие вопросы: «Какими словами Вы бы описали коми-пермяцкий / русский язык?». На рисунке 1 представлены наиболее часто встречающиеся ответы информантов о характеристике коми-пермяцкого языка.

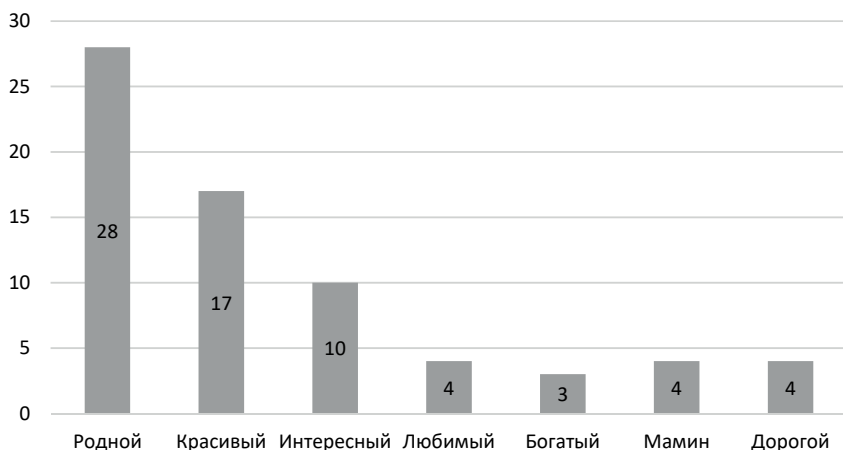

Рис. 1. Характеристика информантами коми-пермяцкого языка по данным анкетирования 2023–2024 гг., абс.

Как мы можем увидеть, наибольшее количество информантов отметили, что коми-пермяцкий язык является для них родным языком. Он ассоциируется у информантов с детством, с самым родным человеком – мамой. Родной язык характеризуется информантами как «красивый», «любимый», звучит мягко. Отдельно хотелось бы отметить, что 10 информантов использовали коми-пермяцкий язык при ответе на данный вопрос. Они охарактеризовали коми-пермяцкий как «родной», «красивый», «интересный» и «дорогой» язык.

Наиболее частотными при описании русского языка выступили слова «великий», «могучий», «красивый», «богатый», «государственный» и «родной». Примечательно, что при описании русского языка информанты отмечали его функциональную сторону, подчеркивали силу и важность для страны.

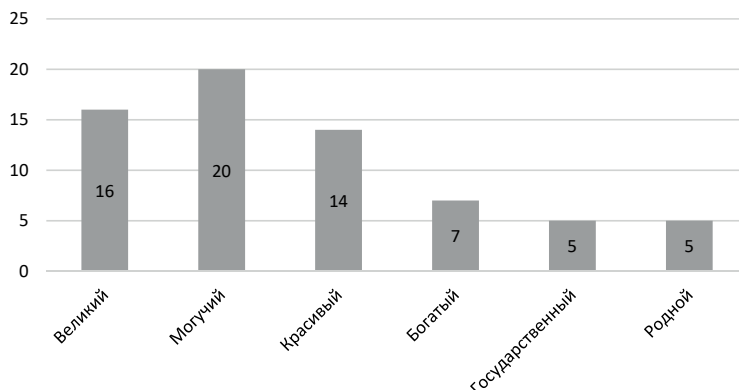

Рис. 2. Характеристика информантами русского языка по данным анкетирования 2023–2024 гг., абс.

Полученные данные демонстрируют нам, что носители коми-пермяцкого языка чтят свой язык и для большинства именно он является первым и родным языком. Это может быть связано с тем, что коми-пермяцкий язык преимущественно используется в сфере межличностного общения для общения в семье, с родственниками и друзьями. В случае с русским языком носителями коми-пермяцкого языка подчеркивается его статус (государственный язык). Это позволяет говорить о восприятии информантами более высокого уровня престижности русского языка по сравнению с коми-пермяцким. Информантами подчеркивается функциональная мощь русского языка, но при этом не фиксируется их эмоциональное отношение к языку.

Мы можем прийти к заключению, что коми-пермяцкий язык позиционируется носителями как ценный и важный грааль их сущности и идентичности. Однако для функционального использования предпочтение отдается государственному языку.

Литература

- Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami
- Михалева А.В. Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. № 5. С. 26-37.
- Чажин Г.Н. Очерки по истории и этнографии коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2013.
- Шляхова С.С. «Какие-то не такие...»: Изменяя этнические стереотипы восприятия. Статья первая: Про красоту // Филолог. 2014. № 26. С. 13-16.
- Garrett P. Attitudes to language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Sihua L. Language Attitudes and Identities in Multilingual China. A Linguistic Ethnography. Luxemburg: Springer, 2015.

A.M. Tiuleneva (Perm, Russia)

Perm State National Research University

LANGUAGE ATTITUDES OF SPEAKERS OF THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE

The paper analyzes the formed ideas of Komi-Permyaks about Komi-Permian and Russian languages. The relevance of the work is due to the ongoing demographic changes among speakers of the Komi-Permian language. The research material is the results of a survey of Komi-Permyak speakers in 2023–2024.

Key words: language attitudes, Komi-Permian language, Russian language, Perm Krai, understanding of language

М.С. Фокина (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
aivengomag@gmail.com*

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРОНОГРАММ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье рассматриваются способы конструирования и интерпретации хронограмм с позиций поликодовости и многоканальности восприятия. Выделяются гомогенные и гетерогенные способы взаимодействия знаковых систем в хронограммах. Определяются когнитивные механизмы фреймового переключения, актуализируемые в процессе решения лингвистических головоломок.

Ключевые слова: лингвистическая игра, хронограмма, мультимодальность, поликодовость, фреймовое переключение

Лингвистические игры представляют собой форму интеллектуального досуга, уходящую корнями во времена античности. Одной из древних криптографических практик является составление хронограмм (от греч. *chronos* – «время» и *gramma* – «письмо») – поликодовых текстов, в которых при помощи римских цифр зашифрована определенная памятная дата. Со временем декоративно-символическое назначение хронограммы меняется на рекреационное. Составление тайных посланий превращается в развлечение, прочно закрепившееся в игровой культуре Великобритании. До настоящего времени хронограммы подвергались анализу в литературоведении (Н.Р. Абдульвапов), историографии (М.С. Пелевин), лингвокультурологии (М.Е. Федотова). В то же время хронограммы представляют интерес для семиотики как продукт взаимодействия двух знаковых систем – языковой и числовой, а также для когнитивной лингвистики как средство повышения метаязыковой рефлексии наивного лингвиста (среднестатистического носителя языка) над закономерностями функционирования языка и речи. Цель статьи заключается в установлении способов конструирования хронограмм и приемов их интерпретации с точки зрения семиотической теории, а также с позиции многоканальности сообщения. Материалом анализа выступили хронограммы, представленные в спра-

вочниках лингвистических игр К. Рассела [Russel 1995], Т. Аугарда [Augarde 2003], Д. Мориса [Morice 2007] и Ч. Тиммермана [Timmerman 2009].

Сочетание знаковых систем составляет семиотический принцип конструирования лингвистических игр. В их основе лежит универсальное коммуникативное свойство мультимодальности – взаимодействия различных каналов восприятия [Кибрик 2010: 135]. С мультимодальностью нередко отождествляется поликодовость, узкое понимание которой сводится к факту взаимодействия различных кодов как систем условных обозначений, а широкое – к тенденции усиленной визуализации коммуникативного сообщения [Чернявская 2014: 90]. В классической английской хронограмме раскрываются оба аспекта поликодовости. Так, в эпитафии *My Day Closed Is In Immortality* («Мой день окончен в бессмертии») при помощи римских цифр, выступающих в качестве визуально выделяющихся заглавных букв, зашифрован год кончины Елизаветы I (MDCIII – 1603).

С точки зрения письменности система исчисления понимается как приложение к письму [Christomalis 2021: 128] или же как неалфавитное письмо [Human 2006: 240], т.е. между языковой системой и системой исчисления возникают гомогенные и гетерогенные связи.

В хронограммах, построенных по гомогенному типу, знаки двух семиотических систем находятся в интегративных отношениях: они имеют общие алфавитные корни и образуют недискретную последовательность. Самой распространенной моделью построения гомогенной хронограммы в английском языке является «слово + римская цифра». В римской системе исчисления используются эписемоны (от греч. *epi* – «над» и *sema* – «знак») – знаки, соответствующие буквам латинского алфавита и выражающие как фонетическое, так и числовое значение [Гамкрелидзе 1988: 7]. Субституция букв английского алфавита эписемонами ограничена восемью символами: I, V, X, L, C, D, M, которые в сочетании образуют разряды единиц, десятков, сотен и тысяч. Эписемоны могут располагаться в любой части слова и, как правило, выделяются заглавным буквами: *the Last night of DeCeMber he resteD froM aLL his Labors* («В последнюю ночь декабря он закончил все свои дела»). В сообщении дважды зашифровано число 1651, первое из которых составлено в виде даты (MDCLI = 1651), а второе – как сумма слагаемых (MDLLI = 1000 + 500 + 50 + 50 + 50 + 1).

К гомогенному типу относятся и т.н. «квазихронограммы», построенные по модели «английское существительное + английское числительное». В отличие от традиционных хронограмм квазихронограммы оперируют знаками одной семиотической системы и эксплуатируют словесное выражение числовых обозначений. Так, в определенном контексте квазихронограммами выступают слова *prisONer*, *fooTWO*rk, *hEIGHT*, *caNINE*, *kitTEN*, в которых последовательность букв составляет количественные численные *one*, *two*, *eight*, *nine*, *ten*.

В свою очередь, в хронограммах, составленных по гетерогенному типу, знаки двух семиотических систем находятся в дезинтегративных отношениях: в то время как одни знаки принадлежат алфавитному письму, другие относятся к математической системе записи чисел. В совокупности знаки образуют дискретную

последовательность, которая вне хронограммы не имеет смыслового наполнения. Типичной моделью гетерогенной хронограммы представляется «английское слово + арабская цифра», например, 50YN10 или 5050A1000A. Для составления подобных хронограмм применяется метод двойного шифрования: исходные буквы алфавита трансформируются сначала в эписемоны, а затем заменяются на числовые обозначения. Так, в слове LYNX эписемоны L и X соответствуют числам 50 и 10, а в слове LLAMA знаки L и M преобразованы в 50 и 1000.

В рекреационной лингвистике конструированием игр в хронограммы занимаются как любители, так и профессиональные лингвисты. В отличие от традиционных хронограмм, увековечивающих в поэзии и предметах искусства сакральные даты и числа для посвященного круга лиц, рекреационные хронограммы ориентированы на широкую разновозрастную общественность. Игра в хронограммы составлена в виде задачи, для решения которой не требуется специальной подготовки, достаточно знания языка и базовых навыков счета римскими цифрами. Решение головоломки задействует когнитивные механизмы фреймового переключения: кодовое – переключение с одной семиотической системы на другую, а также модусное – переключение с одной формы существования языка на другую, а именно:

1) Переключение с числового значения символа на фонетическое, применяемое при интерпретации поликодовых сообщений с эписемонами. Так, в игре *Roman Numeral Chronograms* участникам предлагается подобрать хронограмму к определению по типу «51 rooms with books», где число указывает на римские цифры, которые содержатся в искомом слове. Решение головоломки состоит в переводе числа на римскую систему исчисления (51 – LI) и поиску слова, которое буквально или в переносном смысле (метафорически, метонимически) соответствует оставшейся части дефиниции (ответ: LLibrary).

2) Переключение с устной речи на письменную, применяемое при толковании квазихронограмм. Например, в игре *Number Name Chronogram* необходимо заполнить пропуски в тексте при помощи слов, которые не только подходят по смыслу, но и содержат определенную последовательность букв, образующую количественное числительное: As we (10) to the lecture, the professor classified the dog as a (9) and the (10) as a feline (ответ: lisTEN, caNINE, kitTEN). Сложность решения головоломки состоит в том, что звуковая оболочка числительного зачастую подвергается изменениям в новом фонетическом окружении. Если в слове canine ['kɛnaɪn] слог *-nine* наиболее соответствует числительному nine с учетом смещения ударения, то в слове listen ['lɪsn] числительное ten фонетически неразличимо вследствие тесной коартикуляции альвеолярных звуков, а в слове kitten ['kɪtn] часть звуков поглощается явлением носового взрыва.

Анализ лингвистических игр, сконструированных по принципу смешения знаковых систем, позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, сочетание алфавитных и неалфавитных знаков в словах и выражениях становится возможным благодаря свойствам открытости и избыточности языковой системы. Игра в хронограммы вскрывает противоречия между динамическим развитием языка, его непрерывным обогащением новыми элементами и стремлением к равновесию.

Во-вторых, для решения головоломок с хронограммами не требуется специальных лингвистических знаний. Наивный лингвист как бы интуитивно воспроизводит архаичные техники кодирования и интерпретации сообщения, что соответствует постулату современной лингвистики Ю.С. Степанова о единстве синхронии и диахронии [Степанов 2020: 260], а также подтверждает гипотезу В.А. Успенского о том, лингвистические игры основаны на эксплуатации человеческого подсознания, в котором содержатся некоторые представления о том, как может быть устроен человеческий язык [Успенский 2018: 4]. В-третьих, мультимодальное и поликодовое использование языка в письменных лингвистических головоломках указывает на сформированность представлений о языке как о материи, передающей множество смыслов ограниченному набором элементов. Таким образом составление и расшифровка хронограмм повышают метаязыковую рефлексию над семиотическими закономерностями функционирования языковой системы (асимметрическим дуализмом языкового знака, полисемантизмом, омонимией).

Литература

Гамкрелидзе Т.В. Происхождение и типология алфавитной системы письма (Письменные системы раннехристианской эпохи) // Вопросы языкознания. 1988. № 6. С. 5-33.

Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. 4. С. 135-152.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: URSS, 2020.

Успенский В.А. Предисловие к «Лингвистическим задачам» // Лингвистические задачи. М.: МЦНМО, 2018. С. 3-7.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Директ-Медиа, 2014.

Augarde T. The Oxford Guide to Word Games. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003.

Christomalis S. Numerals as Letters: Ludic Language in Chronographic Writing // The Hidden Language of Graphic Signs. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021. Pp. 126-158.

Hyman M. Of Glyphs and Glottography // Language and Communication. 2006. Vol. 26. Pp. 231-249.

Morice D. The Dictionary of Wordplay. New York: Teachers & Writers Collaborative, 2007.

Russel K., Carter Ph. The Complete Guide to Word Games and Word Play. London: Foulsham, 1995.

Timmerman Ch. Mind Ticklerz Word Games: 700+ Scramblers, Anagrams, Acrostics, and more – for hours of entertainment. Avon: Adams Media, 2009.

M.S. Fokina (St. Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

CONSTRUCTION AND INTERPRETATION OF CHRONOGRAMS IN MULTIMODAL PERSPECTIVE

The article deals with the means of construction and interpretation of chronograms from the polycode and multimodality viewpoint. Homogeneous and heterogeneous ways of sign systems' interaction are revealed. Cognitive mechanisms of frame switching actualized on the process of solving language puzzles are determined.

Key words: language game, chronogram, multimodality, polycode, frame switching

*Ю.С. Холманских (Екатеринбург, Россия)**Уральский государственный университет путей сообщения
lacraucity@yandex.ru*

О ВИЗУАЛЬНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ КОНЦЕПТА ЯЗЫК

В статье в рамках полимодального подхода исследуются когнитивно-семиотические особенности визуального моделирования концепта ЯЗЫК. Демонстрируется взаимосвязь вербального и невербального компонентов концептуализации. Делается вывод об использовании когнитивной метафоры как способа конструирования образа референта при помощи знаков различных семиотических систем.

Ключевые слова: язык, концептуализация, полимодальный подход, когнитивные схемы

В эпоху глобальных цифровых коммуникаций доминирующим способом передачи информации является визуальная репрезентация: изображения становятся более естественной формой человеческого общения, чем текст. Начиная с конца 20 в., ученые говорят о визуальном повороте (visual turn) и императиве (visual imperative), которые явились следствием лингвистического поворота. Визуальный поворот характеризуется смещением акцента в гуманитарных и социальных науках с повествовательного компонента на видимый [Chandler 2011: 199]. Это порождает изменение когнитивных стратегий и усиление роли иконических знаков в моделировании смыслов. Концепция «мир как язык» сменилась представлением о реальности как образе, порождающем чувственные и эмоциональные переживания, вследствие чего меняются проблемно-тематическое поле, способы представления научных результатов, исследовательская лексика, в частности, в языкознании все большее внимание получают «образ языка», «языковая картина», «языковой ландшафт» и т.д. «Лингвистический поворот в общефилософском смысле – это утверждение обоснованного языка философии и науки, как одного из важнейших условий отражения истины. Современный визуальный поворот – это теоретическое представление и реальность того, что проблемы истины и мировоззрения начинают определяться не языком науки и рациональной философии, а визуальной культурой» [Маслов 2019: 49-50].

В свете вышеупомянутых процессов на передний план выступает полимодальный (мультимодальный) подход, как мост между вербальным и визуальным. Он позволяет реконструировать алгоритмы концептуализации и создания многомерных смысловых структур, поскольку рассматривает «язык, традиционно понимаемый как письмо и/или речь, как акт создания смысла, включающий нелингвистические семиотические ресурсы, например, цвет, звук, жест» [Poulsen 2015]. Статья представляет собой когнитивно-семиотическое исследование о визуальном моделировании смыслового пространства знаков, отображающих лингвистический концепт ЯЗЫК. Основное внимание сфокусировано на анализе передачи многомерного концепта через призму полимодального метода, в рамках которого коммуникация и когниция воспринимаются как процессы, выходящие за рамки вербальности.

По мнению Р. Якобсона, лингвистический знак может быть интерпретирован при помощи знаков другой системы, в связи с чем, как известно, исследователь ввел понятие межсемиотического перевода или трансмутации как «интерпретации вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» [Якобсон 1978: 17]. Это может быть семиотический код, присущий кино, музыке, живописи, архитектуре и т.д. Цель данной работы – проанализировать примеры перевода вербальных знаков, в частности, лингвистических концептов, на визуальный код в рамках семиотического пространства живописи. Материалом для исследования послужили более 35 работ современных художников, в которых предприняты попытки визуального моделирования сложных языковых понятий. В рамках статьи подробнее остановимся на визуальной интерпретации базового концепта «язык» на примере картин «Язык» (Language) эстонского автора Э. Зеньчика, «Человеческий язык» (Human Language) индийской художницы А. Тандон, «Родной язык» (Mother Tongue) немецкой абстракционистки Дж. Суптел.

Лингвистические концепты, как любые научные конструкты, являются продуктом рационального познания, актуализированным языковыми средствами. Сама суть научной абстракции лежит в умозрительном обобщении, при «отчуждении» существенных черт рассматриваемого объекта от всего комплекса присущих ему характеристик, максимально отвлеченно от физической реальности. В силу диалектичности человеческого мышления сознание ученого воплощает идею, отталкиваясь от конкретно-образных форм. Художник же делает попытку «вернуться» от номинации к изображению, иконико-символическому знаку, и будучи существом физического мира, создает наглядный образ языка, наделяя его такими атрибутами, как размер, форма, цвет, фактура, вписывает его в пространственные координаты. В выборе средств визуализации абстрактного концепта ЯЗЫК проявляется связь значений и смыслов лексической единицы с концептуальной системой личности в целом, привычкой мыслить это явление в определенной парадигме.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, «когнитивный подход к исследованию языка предполагает не столько изучение объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в языковой семантике... человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев 2016: 10]. Конструирование образа референта при помощи знаков различных семиотических систем дает возможность посмотреть на него с нескольких точек зрения, выявить то, что ускользнуло. И здесь перед исследователями встает принципиальный вопрос переводимости: насколько различные семиотические системы, способные, сохраняя собственные границы, адекватно отображать один и тот же референт. В некоторых случаях возникает так называемое «репрезентационное трение» (representational friction), когда специфические средства репрезентации не способны преодолеть свои внутренние ограничения [Hulea 2015: 944]. Следовательно, невозможно обеспечить абсолютное когнитивное узнавание, что особенно актуально для абстрактных референтов, являющихся мен-

тальными представлениями. Один из способов преодолеть эту проблему – опора на существующие в сознании стереотипные иконические связи слова и формы, обеспечивающие индексально-метонимическую связь в рамках схематических образных моделей. Так на картине Э. Зеньчика «Язык» (“Language”) автор изображает человеческое лицо с открытым ртом, в котором виден язык как орган артикуляции. Также изображены руки, удерживающие искаженный кроваво-красный рот открытым. Выстраивается когнитивная метафора, отражающую манифестируемость языка в речи и его способность выступать инструментом коммуникативного насилия. Эта идея перекликается с мнением социолингвиста Дж. Батлер о том, что «насилие языка заключается в его попытке схватить невыразимое и, следовательно, разрушить его, задержать то, что должно оставаться неуловимым, чтобы язык функционировал как живое существо» [Butler 2021: 9].

Подобная когнитивная модель лежит и в основе картины «Родной язык» Дж. Суптел. Художница изображает абстрактную человеческую фигуру с открытым ртом, из которого исходит «речевой пузырь» (графическое средство, в котором визуально представлены слова или мысли субъекта). «Речевой пузырь», как и сама фигура, заполнен переплетениями цветущих растений, через человеческое тело пустивших корни в землю. Репрезентация, по-видимому, связана с представлением о языке как носителе духовной культуры: наречие, на котором субъект учится говорить, кодирует весь его образ мышления и даже, метафорически, формирует структуру тела. Посредством природоморфной метафоры работа визуализирует такой дефиниционный признак (сему) концепта ЯЗЫК как этничность – двустороннюю связь языка с национальным сознанием. Здесь мы наблюдаем переход от образно-схематической модели к метафорической: от сферы-источника – к сфере-цели. Например, работа «Человеческий язык» А. Тандон содержит изображение безмолвной женской фигуры на фоне других схематично представленных женских силуэтов и красной реки. По словам самой художницы, в ее работах женщина – воплощение бесконечной природной энергии, способной порождать, поддерживать и преумножать базовые ценности, каковой и является язык. По всей видимости, здесь отображены биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации.

Таким образом, можно прийти к выводу о характере репрезентации концепта ЯЗЫК в живописи: она осуществляется методом произвольного соотношения абстракции с качествами другого, наглядного и известного объекта, в результате чего создается иконический знак – метафора (классификация Ч. Пирса). Выбор конкретных объектов реальности не случаен: выбираются те из них, которые способны нести смысловую нагрузку, вызывать мысль о предмете отображения, в нашем случае, языке. Поэтому здесь, уместно скорее говорить о сложно фиксируемом переходе иконы-метафоры в икону-символ, связанном со специфическим мыслительным модусом «переключения» знаков, позволяющим видеть за изображением пучок дополнительных смыслов. Как указывает М.С. Кухта, «иконический символ ... обращает сознание с помощью специфической организации пространства (режим деформации

и организация визуального пространства по принципу семантического трансфера) к трансцендентальным основаниям бытия, не явленным в эмпирическом опыте (относящихся к неперцептивным основаниям внутреннего опыта)» [Кухта 2004: 168]. Все это позволяет сделать вывод, что когнитивный образ концепта ЯЗЫК носит рекурсивный характер, процесс его отображения замкнут в семиозисе вербальных и невербальных символических знаков, функционирующих по принципу дополнительности.

Таким образом, можно говорить о включенности языкового сознания в целостную когнитивную систему личности. Художник создает мост из мира ментального в мир зримый, демонстрируя взаимосвязь вербального и невербального. Как отмечает Е.Е. Бразговская, «семиотическое пространство человека принципиально полилингвально... человек существует в «мантии языков», и образ мира имеет множество входов, не являясь исключительно зрительным, слуховым или вербальным» [Бразговская 2018: 61]. Усиление роли визуального в эпоху глобальных цифровых коммуникаций приводит к полимодальности коммуникативного акта.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
- Бразговская Е.Е. В лабиринтах семиотики: Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018.
- Маслов В.М. Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. № 12. С. 39-56.
- Кухта М.С. Специфика репрезентации смысла в иконических символах: постнеклассическая интерпретация теории Ч.С. Пирса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 2 (39). С. 167-171.
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978.
- Butler J. Excitable Speech: A Politics of the Performative. Taylor & Francis, 2021.
- Chandler D., Munday R. A Dictionary of Media and Communication (Oxford Quick Reference). 1st Edition. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Hulea L. Ekphrasis and Reversed Ekphrasis as Adaptation Processes // Journal of Romanian Literary Studies. 2015. Iss. 6. Pp. 939-944
- Poulsen S.V. Multimodality / ed. by N. Nørgaard // Key Terms in Multimodality: Definitions, Issues, Discussions, 2015. URL: <https://multimodalkeyterms.wordpress.com/>

Yu.S. Kholmanskikh (Ekaterinburg, Russia)

Ural State University of Railway Transport

ON VISUAL MODELING OF THE CONCEPT LANGUAGE

The article examines cognitive-semiotic features of visual modeling of the concept «language» within the framework of the polymodal approach. The study demonstrates the interconnection between verbal and non-verbal components of conceptualization. A conclusion is made about the cognitive metaphor as a means of constructing the image of a referent with the help of the signs of various semiotic systems.

Key words: language, conceptualization, multimodal approach, cognitive schemes

О.А. Хрущева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
hrox@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ ЗАИМСТВОВАННОГО СЛОВА В СТРУКТУРЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА

Статья освещает проблему распространения заимствований в современном русском языке. Автор анализирует заимствованную единицу «вайб», признанную словом 2024 года. На примере мультимодальных текстов демонстрируются особенности процесса восприятия и интерпретации значения заимствований в принимающем языке.

Ключевые слова: заимствование, слово года, русский язык, мультимодальный текст

В январе 2025 г. спикер Государственной Думы Российской Федерации Вячеслав Володин сделал заявление о приоритетном порядке рассмотрения законопроекта о защите русского языка в аспекте ограничений в использовании иностранных слов в публичном пространстве, а именно в вывесках и надписях [ТАСС]. Данная мера имеет непосредственное отношение к Федеральному закону № 52-ФЗ о защите русского языка от чрезмерных заимствований [ФЗ], принятому в феврале 2023 года.

На фоне предпринимаемых мер в области языковой политики складывается парадоксальная ситуация, когда словом 2024 г. В русском языке признается лексема *вайб*, которая на данный момент не имеет фиксации в академических русскоязычных словарях и национальном корпусе русского языка, но обладает широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью.

Названная единица имеет англоязычное происхождение и определяется в толковом лексикографическом издании Oxford Learner's Dictionary следующим образом: «vibes (also formal vibrations) (also vibe [singular]) is a mood or an atmosphere produced by a particular person, thing or place» [OLD]. Данная лексема в системе английского языка относится к разряду исчисляемых имен существительных, но используется преимущественно в форме множественного числа и сопровождается пометой о принадлежности к разговорному стилю.

В русском языке заимствование *вайб* также относится к неофициальному регистру, употребляется преимущественно как существительное единственного числа, мужского рода (однако в ряде контекстов встречается форма женского рода *вайба*), имеет ряд производных единиц (*вайбовый*, *вайбить*, *вайбовать* и другие), используется в речи для обозначения множества разрозненных понятий: атмосферы (вайб как ощущение, создаваемое окружающей средой или событием); настроения (вайб как эмоциональное состояние человека); обстановки (вайб как фон и условия для определенного события); энергии (вайб как стимул или мотивационный поток); ауры и флюидов (вайб как впечатление о конкретном человеке); духа (вайб как характер конкретной ситуации или периода времени) и так далее. Контекстуальный анализ использования заимствованной единицы *вайб* в русском языке доказывает частотность ее употребления и демонстрирует ее присутствие на концептуальном уровне. По мнению носителей русского языка, преимущественно из категории мо-

лодежи до 35 лет, данная единица обоснованно названа словом года в связи с тем, что она описывает стиль жизни современного человека, живущего в России XXI в., объективно и емко отражает его мировосприятие как индивидуума, стремящегося к постижению мира в текущем моменте, делающего это не через анализ фактов, а путем чувственного восприятия.

Однако представители старшего поколения, как показал психолингвистический эксперимент, не способны адекватно воспринимать и воспроизводить в речи анализируемое нами заимствование, несмотря на высокую степень ассимиляции данной лексемы, ее словообразовательный потенциал в принимающем языке и широкое распространение в средствах массовой информации.

На более ранних этапах исследования мы доказали, что правильная расшифровка заимствования, его интерпретация и последующее систематическое воспроизведение в речи могут успешно обеспечиваться за счет использования в составе мультимодальных текстов [Хрущева 2024: 507]. Согласно определению О.Ф. Кривенко, мультимодальный текст – это «текст, который передает информацию с помощью нескольких модальностей (письменный текст, изображение, звук, анимированные элементы) и понимание которого зависит от умения извлекать смысл из каждой модальности и от распознавания взаимосвязей между ними» [Кривенко 2023: 4].

Рассмотрим, каким образом мультимодальный текст влияет на восприятие анализируемого нами заимствования *вайб*. Контекстуальный анализ показал, что в русском языке данная лексема чаще используется в атрибутивных сочетаниях с прилагательными, обладающими нейтральной или положительной коннотациями (например, *новогодний вайб*; *летний вайб*; *горный вайб*; *московский вайб*; *приятный вайб* и прочие). В то время как словосочетания с отрицательной коннотацией, такие как *грязный вайб*, *ужасный вайб*, присутствуют в языке, но не являются частотными, хотя в исходном языке в англоязычной среде число подобных контекстов существенно выше. Важно отметить, что широкое распространение в современном русском языке получили варианты употребления заимствования *вайб*, причем исполненные в двух вариантах графического оформления – как на кириллице, так и на латинице, в структуре мультимодальных текстов надписей на товарах массового потребления: одежде, канцелярских товарах и т.п. (рис. 1–4).

Рис. 1–4. Надписи, содержащие заимствование *вайб/vibe*

Надписи, изображенные на рисунках выше, помимо заимствования содержат предваряющие их графические элементы – математические знаки, что продуцирует фразы «*плюс вайб\минус вайб*», которые используются в речи молодежи-носителей русского языка для обозначения какого-либо явления или события, способствующего повышению/понижению их настроения. Например, «пейзаж за окном – *плюс вайб*»; «завтра экзамен...*минус вайб*». Усиление отрицания наблюдается на примере мультимодального текста, размещенного ниже (см. Рисунок 5), где присутствует пиктограмма перечеркнутого круга, что имитирует знак дорожного движения, означающий запрет и предупреждающий об опасности, в искаженном варианте.

Рис. 5. Мультимодальный текст с заимствованием *vibe*.

Необходимо осветить результаты психолингвистического эксперимента, который показал, что заимствование *вайб*, получившее массовое распространение в современном русском языке и статус ключевого слова эпохи, остается неизвестным для большого числа носителей русского языка из категории взрослого населения (старше 35 лет). Более того, старшее поколение испытывают сложности с восприятием и дешифровкой данного заимствования в структуре мультимодального текста, несмотря на достаточный уровень цифровой грамотности, который отмечается у 45% респондентов. Следовательно, слово года *вайб* остается ограниченным в своем употреблении с преимущественной концентрацией в речи молодежи.

Инновации в языке требуют внимания исследователей-лингвистов, контроля со стороны специалистов в области языковой политики, а также повышенного уровня адаптивности у носителей языка, которые вынуждены приспосабливаться к изменению в лексике и словоупотреблении, чтобы сохранить способность к эффективному речевому взаимодействию в профессиональном и бытовом общении, в частности, для обеспечения взаимопонимания между поколениями.

Литература

Кривенко О.Ф. Методический потенциал цифровых мультимодальных текстов в обучении РКИ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2023.

ТАСС – Володин: ГД в приоритетном порядке рассмотрит законопроект о защите русского языка / А. Казаков // ТАСС, 2 января 2025 г. URL: <https://tass.ru/politika/22814681>

ФЗ – Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028>

Хрущева О.А. Роль мультимодальности при восприятии заимствований // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта: Сборник научных статей по итогам международной научной конференции, Минск, 23–24 октября 2024 года. Минск: Минский государственный лингвистический университет. 2024. С. 505-510.

OLD – Oxford Learner’s Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

О.А. Hrushcheva (Orenburg, Russia)

Orenburg State University

PERCEPTION OF THE FOREIGN WORD WITHIN MULTIMODAL TEXTS

The article deals with the issue of borrowed words spreading in the present-day Russian language. The study is based on the analysis of the Word of the Year, i.e. vibe. The article focuses on multimodal texts and highlights the peculiarities of foreign words perception in the target language.

Key words: a foreign word, Word of the Year, the Russian language, multimodal text

А.В. Чайкусова (Иркутск, Россия)

*Иркутский государственный университет
anncher@rambler.ru*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Автором рассматриваются когнитивные факторы, обуславливающие восприятие и понимание интернет-мемов как полимодальных текстов, включающих вербальную и невербальную составляющие. Анализ реакций интернет-пользователей на определенные мемы позволил выявить сложности, возникающие при «распаковке» смысла интернет-мема, описать обуславливающие их механизмы, а также эмоциональные и ментальные состояния, сопровождающие этот процесс.

Ключевые слова: интернет-мемы, когнитивные механизмы, концептуальная интеграция, ментальное пространство, когнитивные схемы, ментальные состояния

В современной цифровой среде интернет-мемы являются практически самыми частотными с точки зрения создания, тиражируемости и потребления единицами медийного контента. Их значимость как способа выражения эмоций и мнений, средства отражения культурных ценностей, социальных и политических настроений, а также инструмента формирования и манипуляции общественным мнением уже давно признана как в научной среде, так и среди широкой общественности. В этой связи интернет-мемы продолжают привлекать внимание лингвистов, психологов, социологов, политологов. Рассматривая Интернет-мемы как «тексты, состоящие из (относительно строго упорядоченных) вербальной и изобразительной частей, которые раскрывают свой смысл в процессе коллективного семантизма [Osterroth 2018: 448], представляется крайне важным предпринять попытку их когнитивного анализа, т.е. выявить и описать те когнитивные структуры и механизмы, которые задействуются и в процессе создания, и в процессе интерпретации интернет-мема. Особое значение здесь имеет поликодовый (полимодальный) характер интер-

нет-мема, т.е. наличие в нем вербальной и невербальной составляющей. Согласно С.С. Шимберг и А.М. Рахманиной, «восприятие полимодальных интернет-мемов требует больших когнитивных усилий, включающих задействование таких когнитивных моделей, как наложение фреймов друг на друга, наложение фреймов на топики, а также подмену компонентов фреймов» [Шимберг, Рахманина 2023: 326]. Следует отметить, что уже предпринимались попытки рассмотрения интернет-мемов с позиций когнитивного подхода: в рамках теории концептуальной интеграции [Канашина 2015; Majdzińska-Koczorowicz, Ostanina-Olszewska 2024], теории фрейминга [Dancygier, Vandelanotte 2017; Голубкова, Канашина 2022], когнитивной прагматики [Шимберг, Рахманина 2023] и др. В данном исследовании особое внимание отводится анализу ситуаций, когда не все пользователи одинаково воспринимают определенные интернет-мемы, а также выявлению когнитивных факторов, которые могут препятствовать пониманию смысла мема.

Для такого рода анализа мы обратились к телеграм-каналу «Иркутские мемы», на котором публикуются мемы, отражающие насущные проблемы города Иркутска, а также поднимающие другие животрепещущие для жителей города темы. На данный момент на канал подписано около 3,5 тысяч людей, и это число постоянно растет. Выбор данного канала для исследования обусловлен в первую очередь тем, что подписчики могут оставлять реакцию на опубликованные мемы в виде эмодзи, комментировать их, а также делиться ими, что дает возможность проанализировать, какие мемы вызывают наибольший положительный отклик, а какие остаются непонятыми и непопулярными. Был проведен анализ 2206 мемов, опубликованных в период с мая 2022 г. по декабрь 2024 г.

Большая часть интернет-мемов на данном канале связана с текущими событиями в мире/стране/городе, поэтому реципиенты в определенной степени способны предвосхитить смысл этих единиц. Рассмотрим следующий пример (Рис.1), опубликованный зимой 2024 г. Заданный контекст (зимний период времени, частые осадки в виде снега, люди, уставшие от трудностей передвижения как пешком, так и на автомобилях) создает благоприятные условия для восприятия и понимания смысла мема, резонирующего в смысловом отношении и с текущими событиями, и с ментальными и эмоциональными состояниями реципиентов. Опыт реципиентов не противоречит ситуации, отраженной в меме, поэтому он вызывает положительный эмоциональный отклик, о чем свидетельствует большое количество реакций в виде одобряющих смайликов, а также комментарии: *Реально на Декабрьских событий лет десять назад наблюдал именно такую картину неоднократно; Это называется само растает* 🤔; *Пару недель назад на Лермонтова сам такое видел*). Визуальная часть мема, которая представляет собой графический шаблон «Легендарное рукопожатие» А. Шварценеггера и К. Узерса из фильма «Хищник» 1987 г., в данном случае служит лишь графической поддержкой текстовой части мема, иронизирующей над абсурдностью «борьбы» двух, по сути связанных и служащих одной цели служб, которые в реальности работают друг против друга, и положительного результата их деятельности не наблюдается.

Рис. 1.

Рис. 2.

В следующем примере (рис. 2), напротив, визуальная часть мема играет более значимую роль для понимания его смысла, поскольку задействует более сложные когнитивные механизмы. Для их описания можно обратиться к теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, которая подчеркивает динамический характер смыслообразования, «когда разнородные дискурсы генерируют автономные ментальные пространства, проецирующиеся друг на друга и порождающие бленд, концептуальную единицу, которая выражает смысл мема» [Канашина 2018: 317]. Итак, визуальную часть мема – графический шаблон «А Боромир бы...» следует рассматривать как «вводное пространство» для понимания смысла всех мемов, базой для которых он является. Данное ментальное пространство основано на когнитивной схеме (сценарии), которая формируется у тех, кто знаком с кинотрилогией «Властелин колец», а именно: Денетор скептически относится к достижениям своего младшего сына Фарамира, поскольку сравнивает его с более успешным старшим сыном, Боромиром. Соответственно, реципиент, у которого отсутствуют знания об этом, не может актуализировать данное ментальное пространство в качестве исходного и связать его с пространством, репрезентированным текстовой частью мема. Это подтверждается тем, что данный мем вызвал совершенно противоречивую реакцию у подписчиков канала, от «Это гениально», до «Разъяснения нужны нам».

Проведенный анализ также показал, что значимым компонентом при восприятии интернет-мема является эмоциональный отклик. Наибольшее количество положительных реакций и комментариев получают мемы, которые соответствуют эмоциональным и ментальным состояниям реципиентов (они не хотят идти на работу после выходных, устали от пробок, беспокоятся о невыплаченной ипотеке и т.д.), см., например, рис. 3. Есть данные о том, что люди, страдающие от клинической депрессии, склонны к восприятию негативных мемов [Akram, Drabble, Cau 2020], с другой стороны, потребление мемов способно улучшить самочувствие и снизить уровень тревожности [Myrick, Nabi, Eng 2022].

Незадолго до новогодних праздников в телеграм-канале появился мем «Шрамы украшают мужчину» (рис. 4), заимствованный автором канала из другого интер-

нет-ресурса. В комментариях сразу появился вопрос «Почему львы украшают?». Данная реакция свидетельствует о том, что при отсутствии знаний о том, что Шрам – это прозвище льва из мультфильма «Король Лев», имеет место нарушение в распаковке смысла интернет-мема, и графическая его часть кажется абсурдной, хотя данная шутка основана на переосмыслении устойчивой фразы «Шрамы украшают мужчину» и ее буквальном изображении при замене одного значения слова «шрам» на другое.

Рис. 3.

Рис. 4.

Таким образом, проведенный анализ показал, что восприятие и понимание смысла мема обусловлены множеством факторов: наличия у реципиента определенных когнитивных схем, общего опыта, совпадения эмоциональных и ментальных состояний. Все это связано со сложной смысловой структурой интернет-мема, что подтверждается и тем, что ИИ пока не обладает способностью ее правильной интерпретации [Priyadarshini, Cotton 2022]. Исследование особенностей интернет-мемов на стыке когниции и коммуникации представляет особый интерес еще и в связи с тем, что разные виды мемов (например, локальные мемы, демотиваторы, постироничные мемы) задействуют различные когнитивные механизмы, анализ которых может способствовать пониманию особенностей креативного мышления, смыслового потенциала сочетания языковых и визуальных средств.

Литература

Голубкова Е.Е., Канашина С.В. Когнитивный фрейминг и рефрейминг в англоязычных интернет-мемах // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка: материалы международной научной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 65-68.

Канашина С.В. Концептуальная интеграция как технология когнитивного исследования значения англоязычных интернет-мемов // Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. С. 476-483.

Канашина С.В. Когнитивные основания полидискурсивности в интернет-мемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). Ч. 2. С. 313-317.

Шимберг С.С., Рахманина А.М. Когнитивно-прагматические аспекты реализации комического в интернет-мемах // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 322-326.

Akram U., Drabble J., Cau G., Hershaw F., Rajenthiran A., Lowe M., Trommelen C., Ellis J.G. Exploratory study on the role of emotion regulation in perceived valence, humour, and beneficial use of depressive internet memes in depression // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. No. 1. Article 899.

Dancygier B., Vandelanotte L. Internet memes as multimodal constructions // Cognitive Linguistics. 2017. Vol. 28. № 3. Pp. 565-598.

Majdzińska-Koczorowicz A., Ostanina-Olszewska J. Image-Based Internet Memes as Conceptual Blends // Forum Philosophicum. 2024. Vol. 29. No. 2. Pp. 335-350.

Myrick J.G., Nabi R.L., Eng N.J. Consuming memes during the COVID pandemic: Effects of memes and meme type on COVID-related stress and coping efficacy // Psychology of Popular Media. 2022. Vol. 11. No. 3. Pp. 316-323.

Osterroth A. Semiotics of Internet Memes. 2018.

Priyadarshini I., Cotton C. AI Cannot Understand Memes: Experiments with OCR and Facial Emotions // CMC-COMPUTERS MATERIALS & CONTINUA. 2022. № 70 (1). Pp. 781-800.

A.V. Chaykisova (Irkutsk, Russia)

Irkutsk State University

COGNITIVE ASPECTS OF THE PERCEPTION AND INTERPRETATION OF INTERNET MEMES

The author discusses cognitive factors that determine the perception and understanding of Internet memes as polymodal texts that include verbal and non-verbal components. The analysis of the reactions left by Internet users as a respond to certain Internet memes makes it possible to identify the difficulties that arise when “unpacking” the meaning of an Internet meme, to describe the mechanisms that determine them, as well as the emotional and mental states that accompany this process.

Key words: Internet memes, cognitive mechanisms, conceptual integration, mental space, cognitive schemes, mental states

Ян Чжибин (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

yangzhibing@mail.ru

РЕФРЕЙМИНГ СОЦИАЛЬНЫХ ПЛАКАТОВ КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ КАК ПРОЦЕДУРА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО¹

Цель данного исследования – анализ рефрейминга социального плаката периода пандемии коронавируса, переводящего информационно-директивную тональность мотивационного фрейма в тональность комического плана. Доказано, что поликодовость организации социального плаката усиливает эффект концептуального сдвига. В статье также рассматривается рефрейминг шоковой рекламы как проявление одной из форм черного юмора.

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по стипендиям Китайской Народной Республики (грант № 202410100003) и в рамках Программы стипендий Правительства Российской Федерации для иностранных аспирантов.

Ключевые слова: фрейм, рефрейминг, социальный плакат, пандемия коронавируса, директивная тональность, комическое, черный юмор

Период пандемии коронавируса, продолжавшийся три года (11.03.2020–05.05.2023), требует исследовательского осмысления во всех научных сферах, связанных с инфекционной болезнью. В рамках ковидной гуманитаристики особого внимания заслуживает социальный плакат как форма мотивационного фреймирования, моделирующего речевые призывы к действию и сплочению вокруг общей идеи борьбы с COVID-19. Фрейм социального коронавирусного плаката апеллирует к общим ценностным установкам целевой аудитории. Выявленная в качестве базовой информационно-директивная модальность мотивационного фрейма [Ян Чжибин 2024] обусловлена необходимостью в условиях быстрого и невидимого распространения опасной инфекции жестко и прямо (с преобладанием речевых актов призыва-приказа и запрета) побуждать граждан к выполнению профилактических правил. Введенные на уровне государственной власти запреты, а также страх перед пандемией вызвали «языковое сопротивление» [Купина 1999] населения в виде смехового протеста на просторах Интернета.

Материалом для исследования послужили более 1500 официальных рекламных плакатов и 500 смеховых рекламных текстов (демотиваторов), размещенных в период с 11 марта 2020 г. по 05 мая 2023 г. на официальных веб-сайтах, таких как *Стопкоронавирус.рф* (раздел портала *Объясняем.ру*) и *#МЫВМЕСТЕ*, а также на других интернет-платформах, включая федеральные СМИ, социальные сети *ВКонтакте* и *Telegram*, порталы *Яндекс* и *Google*.

В рамках лингвокогнитивного подхода к объекту исследования онлайн-юмор, опирающийся на транспозицию темы из одной тональности (директивной) в другую (оппозитивную, комическую), мы рассматриваем как рефрейминг, как трансформацию имеющегося фрейма, в который заключена ситуация. «Изменение рамок способствует тому, что человек начинает видеть ту же ситуацию в другом ракурсе, новая интерпретация ситуации приводит к новым выводам, чувствам и оценкам» [Одинцова 2012: 78], «к новым решениям, влияющим на переживания ... ситуации» [Молчанова 2017: 12]. При перемещении объекта в новый контекст происходит оценочно-концептуальный сдвиг фокуса с положительных характеристик на иронично-негативные либо смягченно смеховые. Этапы фреймового искажения соответствуют связям, формируемым фреймами-паразитами / вирусными фреймами, цель которых «прикрепиться к другим фреймам и тем самым изменить эффект от их применения» [Минский 1979].

Специфика поликодовой (вербальной и невербальной) организации социального плаката усиливает эффект концептуального сдвига, обусловленный взаимодействием зрительного восприятия с ментальными процессами понимания вербальной части текста.

Успех когнитивной операции рефрейминга определяется несколькими факторами. Важным критерием удачности используемой техники является наличие в «светлом поле» сознания адресата исходного рекламного плаката-донора, который

входит в коллективное сознание в виде прецедентного феномена, известного большинству членов лингвокультурного сообщества.

Кроме того, эвристическим моментом операции является не опора на полную информационную базу исходного фрейма, а актуализация отдельного компонента, который приводит к «оживлению накопленного опыта по одной детали» [Костомаров, Бурвикова 1996: 297]. Узнавание трансформированного текста по одной измененной детали является причиной получения «когнитивного удовольствия» и смеховой реакции адресата.

Проиллюстрируем изложенный выше механизм рефрейминга на примере юмористического обыгрывания одного официального социального плаката.

Пожалуй, самым жестким социальным правилом пандемийной эпохи было требование соблюдения социальной дистанции не менее 1,5 м. Официальная параметризация новой социальной дистанции разрушила границы традиционного общения, выводя за пределы социальных норм зоны личной близости, выделенные Э. Холлом, что не могло не вызвать у населения неприятия «новой нормальности». Директивность предписаний официальной власти смягчила реклама Министерства природных ресурсов РФ, выпустившего серию плакатов, где дистанция, выраженная количественно-именной синтаксемой 1,5 метра, была визуализирована с помощью животных, живущих на территории России. В серию входило несколько плакатов, измеряющих новую социальную дистанцию белым медведем, северным оленем, гренландским тюленем, карельскими лайками и другими животными.

Актуализация отдельного слота мотивационного фрейма, введение нового визуального ориентира послужили триггером для массового рефрейминга. Выбор единицы измерения социальной дистанции стал определяться специализацией предполагаемого адресата: для болельщиков социальная дистанция стала равняться семи футбольным мячам или хоккейной клюшке с шайбой, для людей, увлекающихся музыкой, – различными музыкальными инструментами, для рыбаков – рыболовными ловушками, веслами и т.д. Совсем комическим выглядит пародийный плакат с изображением гигантского треугольного расстега (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Социальный плакат, 2020 г.

Рис. 2. Рефрейминг социального плаката «Соблюдайте дистанцию»

Рефрейминг мотивационного фрейма, передающего информацию о необходимости социальной дистанции, получил реализацию и в рамках пародийной шоковой рекламы.

Показателем коронавирусной шоковой рекламы является запугивающая модальность рекламного текста, выражаемая в открытой манифестации темы смерти, табуированной в цивилизованном обществе. В октябре 2020 г. В Благовещенске городские власти инициировали выпуск нескольких шоковых антиковидных плакатов, где вербализуется и визуализируется тема смерти. Так, слоган «*Социальная дистанция 1 метр. Выбор за тобой*» сопровождается фотографией кладбища, визуальным репрезентантом возможной смерти. Рефрейминг представленной ниже пародийной рекламы, являющейся одной из форм черного юмора, структурным ядром фрейма оставляет ситуацию смерти, сдвигает ее в профессиональную сферу, переосмысляя работу палача с точки зрения сдвига новых норм коронавирусного времени (рис. 3).

Рис. 3. Рефрейминг шоковой рекламы

Близкое взаимодействие вербального и невербального компонентов фрейма порождает интегративный когнитивный эффект. Информационная «емкость» невербальных средств в структуре креолизованного текста, на наш взгляд, выше, чем у вербальных. Визуальный ряд служит важным условием дополнительного существования юмористического языкового ряда с примесью цинизма: внизу плаката мелким шрифтом написано: *Протирай антисептиком приклад и цевье* и указаны хештеги #covid19 и #техникабезопасности как обязательные атрибуты периода пандемии.

Подведем итоги. Рефрейминг социального плаката, являясь когнитивным механизмом создания комического, позволил носителям языка приобрести когнитивно-эмоциональный опыт преодоления страха перед пандемией. Создаваемая в результате рефрейминга оппозиция между законностью официального плаката и антинормативностью плаката комического выполняет функцию «предохранительного клапана» [Santa Ana 2009], снимающего социальное напряжение с помощью смеха.

Литература

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. К 70-летию В. П. Григорьева: сборник научных трудов. М.: ИРЯ, 1996. С. 297-302.

Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир 1979. URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=134682>

Молчанова Г.Г. Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7-15.

Одинцова И.В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 73-80.

Ян Чжибин. Модальность волеизъявления в сверхтексте русского коронавирусного социального плаката // Мир русского слова. 2024. № 1. С. 36-45.

Santa Ana O. Did you call in Mexican? The racial politics of Jay Leno immigrant jokes // Language in Society. 2009. Vol. 38. No. 1. Pp. 23-45.

Yang Zhibing (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University

REFRAMING SOCIAL POSTERS OF THE CORONAVIRUS ERA AS A PROCEDURE FOR CREATING A COMIC

The purpose of this study is to analyze reframing of the social poster during the coronavirus pandemic, which translates the informative-directive tone of the motivational frame into the comic one. It is proved that the polycode organization of the social poster enhances the effect of a conceptual shift. The article examines the reframing of shock advertising as a form of black humor.

Key words: frame, reframing, social poster, coronavirus pandemic, directive tone, comic, black humor

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 1 (62)

**КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
5–7 ИЮНЯ 2025 ГОДА**

Главный редактор

Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска

Бронникова Ольга Васильевна

Компьютерная верстка *С. Ф. Обрядова*

Подписано в печать 05.05.2025 г. Дата выхода в свет 02.06.2025 г.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 53,71. Уч.-изд. л. 42,97.

Тираж 500 экз. Заказ 88.

Цена свободная

Учредитель:

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в ТюмГУ-Press

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

Тел.: (3452) 59-75-34, 59-74-81

E-mail: izdatelstvo@utmn.ru